

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

ТОМ I

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Эпоха феодализма

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

IX-XVIII вв.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА - КОРР. АН СССР

А. И. Пашкова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1955

АВТОРСКИЙ СОСТАВ

Авторами первой части I тома «Истории русской экономической мысли» являются: **ПАШКОВ А. И.** — член-корреспондент Академии наук СССР, **БАК И. С.** — доктор экономических наук, **ПРИКАЗЧИКОВА Е. В.**, **ЯРАНЦЕВА Е. С.** — кандидаты экономических наук.

Главы книги писали:

Введение — **А. И. ПАШКОВ**

Главы 1—7 (Экономическая мысль в IX—XVI вв.: в Киевской Руси; в период феодальной раздробленности; в период создания централизованного государства) — **А. И. ПАШКОВ**

Главы 8—9 (Экономическая мысль в XVII в. А. Л. Ордын-Нащокин) — **Е. С. ЯРАНЦЕВА**

Главы 10—12 (Основные черты экономической мысли в первой половине XVIII в. Экономические воззрения и принципы экономической политики Петра I. И. Т. Посошков) — **А. И. ПАШКОВ**

Глава 13 (Ф. С. Салтыков; А. П. Вольнский) — **А. И. ПАШКОВ** (В. Н. Татищев) — **И. С. БАК**

Главы 14—15 (М. В. Ломоносов. Основные проблемы и течения экономической мысли в 60—90-х годах XVIII в.) — **И. С. БАК**

Глава 16 («Наказ» Екатерины II; А. П. Сумароков) — **И. С. БАК** (М. М. Щербатов) — **Е. В. ПРИКАЗЧИКОВА**

Глава 17 (П. И. Рычков) — **И. С. БАК**

Глава 18 (М. Д. Чулков) — **Е. В. ПРИКАЗЧИКОВА**

Главы 19—20 (Начало критики крепостного строя. Экономические требования народных масс в крестьянской войне 1773—1774 гг.) — **И. С. БАК**

Глава 21 (А. Н. Радищев) — **Е. В. ПРИКАЗЧИКОВА**

В редактировании книги принимала участие **Е. В. ПРИКАЗЧИКОВА**

В научно-вспомогательной работе по подготовке книги к печати принимали участие **В. С. ВИЛЕНСКАЯ**, **С. М. КОЦ**, **Е. Ф. КОШЕЛЕВА**

Редактор издательства — доктор экономических наук **Н. А. ЦАГОЛОВ**.

ВВЕДЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человеческого общества. Уничтожение эксплуатации человека человеком, победа социализма в нашей стране, решающая роль советского народа в разгроме германского фашизма и японского милитаризма, великие успехи СССР во всех областях жизни после войны наглядно показали миру могучую силу советского строя, созданного Октябрьской революцией, величие советского народа.

В процессе социалистической революции и в результате победы социализма в нашей стране создана советская культура, социалистическая по содержанию, национальная по форме, представляющая собой принципиально новую, высшую ступень в развитии мировой культуры.

Среди всех народов Советского государства ведущим является великий русский народ. Русский народ заслуженно гордится своим громадным вкладом в дело борьбы за свободу и счастливую жизнь трудящихся масс, неоценимым вкладом в мировую культуру. На протяжении своей многовековой истории русский народ выдвинул немало ярких и славных представителей передовой мысли, деятелей передовой науки в самых различных областях знания. Огромен вклад русских людей и в экономическую науку.

Уже в первые периоды истории русского народа передовая русская экономическая мысль играла огромную положительную роль в развитии нашей страны. В XV и XVI вв. такие крупнейшие государственные деятели России, как Иван III и Иван Грозный, были, вместе с тем, и носителями передовой экономической мысли. К этому же времени относится деятельность Афанасия Никитина, Ивана Пересветова, Ермолая-Еразма, сыгравших положительную роль в развитии русской экономической мысли.

Позднее, ещё в условиях феодально-крепостнического строя, русский народ выдвинул ряд крупных и оригинальных мыслителей и деятелей, отличавшихся глубоким пониманием экономической жизни и стоявших в передовых рядах представителей современной им мировой экономической мысли; таковы Ордын-Нащокин (XVII в.), Пётр I, Посошков, первый русский революционер Радищев (XVIII в.), декабристы Тургенев, Пестель, революционные демократы Герцен, Чернышевский (XIX в.). Пламенный борец против крепостного строя и самодержавия Радищев был вместе с тем и крупным экономистом. Выдающийся революционер Пестель разработал оригинальный проект решения аграрного вопроса в России.

Экономические работы великих русских революционных демократов явились важным этапом в развитии передовой экономической мысли не только России, но и всего мира. В лице Чернышевского, беззаветного защитника интересов угнетённого крестьянства, глубокого и блестящего критика крепостничества, капитализма и буржуазной политической экономии, русская экономическая наука занимала высшую ступень политической экономии домарковского периода. Экономические учения революционных демократов подготавливали идейную почву для восприятия и усвоения марксизма передовыми представителями русской общественной мысли.

Плеханов положил начало *марксистскому* этапу в развитии русской экономической мысли.

Русский народ дал человечеству *ленинизм* — высшее достижение современной науки, вершину мировой культуры. Советские люди законно гордятся тем, что именно наша страна явилась родиной ленинизма. Ленинизм есть новый, высший этап марксизма. Он является вместе с тем высшим достижением русской культуры.

Основатель Коммунистической партии и Советского государства, гениальный продолжатель дела Маркса и Энгельса, В. И. Ленин отстоял революционную науку от атак идеологов буржуазии и всякого рода ревизионистов, оппортунистов и всесторонне развил марксизм применительно к новым условиям борьбы классов — к условиям эпохи империализма и пролетарских революций. Ленин создал новый раздел марксистской политической экономии — учение о современном капитализме — империализме, разработал основы теории общего кризиса капитализма, создал новую теорию социалистической революции, заложил основы политической экономии социализма; в трудах Ленина научно разработаны основные проблемы строительства социализма и коммунизма. Марксистско-ленинское экономическое учение развито далее и обогащено в трудах великого соратника и ученика Ленина И. В. Сталина.

Оно творчески развивается в решениях Коммунистической партии Советского Союза и в работах её руководителей, в работах руководителей коммунистических, рабочих партий других стран.

В научной разработке проблем политической экономии активно участвуют советские экономисты, экономисты-марксисты стран народной демократии и капиталистических стран. Марксистско-ленинская экономическая теория служит путеводной звездой, знаменем трудящихся масс в борьбе за своё освобождение, могучим орудием революционной борьбы рабочего класса и всех трудящихся за низвержение капиталистического строя, за победу нового строя — коммунизма.

* *
*

Ключ к правильному пониманию истории общественной мысли, в том числе экономической мысли, к уяснению её происхождения и значения даёт теория исторического материализма, особенно марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке. Источник формирования духовной жизни общества, происхождения общественных идей, теорий, взглядов нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого они являются. Базис общества, т. е. экономический строй общества на данном этапе его развития, определяет собой надстройку, т. е. политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения. Базис всякого общества имеет свою, соответствующую ему надстройку.

Вслед за изменением и ликвидацией базиса изменяется и ликвидируется его надстройка; вслед за рождением нового базиса рождается соответствующая ему надстройка. «Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает экономический строй общества»¹, — писал В. И. Ленин.

Различие экономических идей, теорий в разные эпохи истории общества обусловлено и может быть объяснено, следовательно, различием условий материальной жизни общества в эти эпохи. При изучении истории экономической мысли перво-степенное значение имеет поэтому правильное понимание базиса. В природе экономического строя, господствующего

¹ В. И. Ленин, Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. 19, стр. 5.

в данной стране в данное время, нужно искать корни изучаемых экономических воззрений, идей, теорий.

Существенно отметить также, что из всех различных областей общественной идеологии экономические взгляды, идеи, теории определяются базисом наиболее непосредственно. Это не значит, конечно, что экономические воззрения того или иного народа всегда отражают собой только базис общества и ничего другого. Маркс предупреждал против такого ошибочного понимания вопроса. «...Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹.

Историк экономической мысли обязан, следовательно, конкретно показать действие этих различных эмпирических обстоятельств, различных условий, влияний и т. д., конкретно определить характер и степень воздействия их на изучаемые экономические взгляды, идеи, теории.

При изучении истории экономической мысли первостепенное значение имеет и другое положение исторического материализма: надстройка, будучи рождена, обусловлена базисом общества, в свою очередь влияет на него, оказывает на базис определённое воздействие. Экономические, как и всякие иные, идеи, теории, взгляды не просто пассивно отражают базис общества, а так или иначе воздействуют на него. Характер этого воздействия экономических идей, теорий, взглядов на базис общества и степень их влияния бывают различны в зависимости от многих причин, но прежде всего от того, как эти идеи, теории, взгляды относятся к господствующему строю производства, к базису общества, в каком отношении находятся они к требованиям экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил общества.

Классики марксизма-ленинизма подчёркивают необходимость различать старые теории, отжившие свой век, служащие интересам отживающих сил общества, и новые, передовые идеи и теории, которые служат интересам передовых сил общества, облегчают его развитие и продвижение вперёд, способствуют разрешению назревших задач развития материальной жизни общества. Новые идеи, теории, взгляды, возникающие на базе новых задач, поставленных развитием материальной жизни

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1953, стр. 804.

общества, имеют важнейшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение. Надстройка порождается базисом, но «...появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»¹.

Для правильного понимания *происхождения* экономических идей, теорий, взглядов и их общественного значения важно, поэтому, изучение конкретных условий действия экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил общества на том этапе исторического развития, к которому относятся изучаемые нами идеи, теории, взгляды.

Общественное значение изучаемых экономических идей, теорий, взглядов, характер и степень воздействия их на базис общества будут различными в зависимости от того, способствуют ли эти идеи, теории и взгляды созданию условий, при которых закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил получает простор, или, наоборот, способствуют сохранению условий, препятствующих действию этого закона.

В классовом обществе экономические идеи неизбежно имеют классовый характер. Они наиболее непосредственно отражают самые насущные интересы людей, их материальные интересы. Поэтому на экономических теориях, взглядах наиболее наглядно виден классовый характер общественных идей, теорий.

Как и в других странах, в России экономическая мысль развивалась вместе с реальным развитием общественных противоречий и классовой борьбы. Ленин писал, что «...история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»².

Русская экономическая мысль прошлого представляет собой сложный результат развития противоречий и борьбы разных классов общества на различных этапах развития этого общества. Её нельзя, поэтому, рассматривать как нечто однородное. Ленин учил, что в классовом обществе есть две нации в каждой нации, две национальные культуры в каждой национальной культуре, что в России была великорусская культура эксплуататоров и великорусская культура класса угнетённых, эксплуатируемых³.

¹ И. В. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1952, стр. 7.

² В. И. Ленин, Рецензия на книгу, Соч., т. 20, стр. 237.

³ См. В. И. Ленин, *Критические заметки по национальному вопросу*, Соч., т. 20, стр. 16.

Идеологи господствовавших в России классов — феодалов (бояр, помещиков), буржуазии — своими идеями, теориями укрепляли положение представляемого ими экономического строя общества и эксплуататорских классов. Наоборот, идеологи угнетённых, эксплуатируемых классов России — крестьянства, рабочего класса (пролетариата) — своими экономическими идеями, теориями выражали в той или иной форме протест эксплуатируемых против угнетателей и их государства, звали угнетённых на борьбу с эксплуататорами.

В своём историческом развитии русская экономическая мысль отражала не только противоречия, классовую борьбу между эксплуатируемыми и эксплуататорами, но в той или иной форме также и противоречия и борьбу между различными классами и группами среди самих эксплуататоров — между помещиками и буржуазией, между промышленной и торговой буржуазией и т. д.

Экономическая мысль являлась не простым отражением взглядов идеологов различных общественных классов и групп, а могучим орудием классовой борьбы. Поэтому одним из коренных условий научного изучения истории русской экономической мысли является учёт классовой структуры общества, различных противоречий, свойственных ему, состояния классовой борьбы, форм политических учреждений, государственной власти.

С победой социализма в СССР впервые в истории создано морально-политическое единство общества. В СССР безраздельно господствует и развивается марксистско-ленинская экономическая наука, выражающая интересы трудящихся, руководимых Коммунистической партией.

При изучении истории русской экономической мысли ставится задача раскрыть выдающееся значение *передовых* экономических идей, служивших интересам передовых сил общества в его историческом развитии, показать роль экономических идей в борьбе *прогрессивных* сил общественного развития с силами консервативными, реакционными. Особенно важно показать великую роль *революционных* экономических идей в освободительном движении трудящихся России на разных его этапах; выявить внутреннюю историческую связь и преемственность, поступательное движение вперёд русской *революционной* экономической мысли: от Радищева к декабристам, от них — к революционным демократам во главе с великим русским экономистом домарковского периода Чернышевским и далее — к русским марксистам — социал-демократам, предшественниками которых, как это показал Ленин, были революционные демократы Белинский, Герцен, Чернышевский,

Добролюбов. Эти важнейшие этапы в развитии русской революционной экономической науки знаменовали собой *качественные* изменения русской экономической мысли в соответствии с изменениями условий материальной жизни общества и классовой борьбы.

Исключительно важное, всемирно-историческое значение имело появление и развитие в России марксистской экономической науки. Это знаменовало собой создание принципиально *нового* этапа в развитии русской экономической науки как продукта новой стадии революционной борьбы — борьбы наёмного труда с капиталом. Этот новый этап неразрывно связан с развёртыванием в России революционного рабочего движения, с подготовкой и проведением революций в нашей стране. Коммунистическая партия, возглавившая борьбу рабочего класса и крестьянства России за освобождение от гнёта и эксплуатации, была вооружена передовой, революционной наукой — марксизмом-ленинизмом.

Экономическое учение В. И. Ленина, продолженное И. В. Сталиным, творчески развиваемое в решениях Коммунистической партии Советского Союза и её руководителями, представляет собой дальнейшее развитие экономической науки Маркса — Энгельса и вместе с тем продолжение и развитие лучших достижений русской революционной экономической науки.

Важнейшая задача научного изучения истории русской экономической мысли заключается в том, чтобы раскрыть условия зарождения, показать процесс развития в нашей стране и великое всемирно-историческое значение этого нового, высшего этапа марксистской политической экономии.

* *
*

Экономическая мысль служит одним из важных орудий не только классовой борьбы внутри страны, но также и борьбы за независимость и самостоятельность государства.

История русской общественной мысли показывает, что национальные задачи России — развитие производительных сил, обеспечение независимости и мощи страны — уже давно ставились в тех или иных формах передовыми представителями русского народа. Нельзя, однако, забывать, что понимание идеологами, деятелями России задач экономического развития страны, обеспечения её самостоятельности и независимости всегда проходило через призму их *классового* сознания. Говоря о понимании тем или иным экономистом национальных задач России, говоря о патриотизме передовых русских экономистов, следует всегда иметь в виду, о *какой* России заботились

эти экономисты, *какой* класс представляли они во главе движения России по пути прогресса.

Технико-экономическая отсталость России в прошлом чувствовалась как зло уже давно. Различные русские экономисты, передовые деятели намечали те или иные мероприятия, направленные на борьбу с отсталостью страны. Но постановка этого вопроса идеологами дворянства и буржуазии неизбежно имела ограниченный характер. Ни один из старых классов не мог разрешить задачу ликвидации отсталости России. Вековая отсталость нашей страны была уничтожена лишь на базе социалистического строительства, в результате ликвидации эксплуататорских классов и победы социализма в нашей стране.

При прогрессивности для своего времени программ экономического развития России таких передовых людей, как Ордын-Нащокин, Пётр I, Посошков, понимание ими путей ликвидации экономической отсталости феодальной России было исторически ограничено: борьбу с отсталостью России, за её независимость от других стран, которые развивались уже на более высокой основе — на основе капиталистических производственных отношений, эти деятели вели в рамках господствовавшего тогда в нашей стране феодально-крепостнического строя, существование которого они не подвергали сомнению.

Иная постановка вопроса о путях ликвидации отсталости России наблюдается у Радищева и декабристов. Они считали, что ликвидировать отсталость России, обеспечить её могущество и славу можно только устранив основную причину этого отставания — господство крепостнического строя.

Революционные демократы — Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов — считали необходимым освобождение русского народа не только от феодально-крепостнической, но и от капиталистической эксплуатации, видя в этом освобождении основное условие развития экономической мощи своей родины. Но их представление о путях освобождения от капиталистической эксплуатации было ещё утопическим.

Вождь пролетарской революции Ленин, вскрыв причины вековой отсталости нашей родины в прошлом, показал, что только *социалистическая революция* может обеспечить ликвидацию этой отсталости, создать условия для независимости и самостоятельности, для процветания и могущества страны. Догнать и перегнать в экономическом отношении передовые капиталистические страны, погибнуть или на всех парах устремиться вперёд, так поставлен вопрос историей, — говорил

В. И. Ленин о России накануне Октября¹. Но идти вперёд Россия могла только идя к социализму.

Под руководством Коммунистической партии трудящиеся нашей страны свергли вековой гнёт помещиков и буржуазии, создали Советское государство и, проведя социалистическую индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, превратили прежде отсталую Россию в могучую, независимую социалистическую державу.

* *
*

Важнейшим условием научного изучения развития экономической мысли является строго исторический подход к изучаемым идеям, теориям, полный учёт конкретных исторических условий, в которых эти идеи, теории формировались. Только таким путём можно раскрыть как экономические, классовые, политические корни этих идей, теорий, так и подлинное значение их для общества. Ясно, например, что одинаково положительное отношение различных идеологов, деятелей к крепостному праву в России имеет совершенно разное общественное значение и должно получить различную оценку историка в зависимости от того, к какой ступени развития феодально-крепостнического строя относится их деятельность: к тому ли времени, когда феодальные производственные отношения ещё соответствовали производительным силам общества, или же к периоду, когда такого соответствия уже не было.

Забвение этого элементарного требования исторического изучения ведёт к тому, что определённые экономические положения, для своего времени прогрессивные, передовые, механически продолжают считаться таковыми и для другой эпохи, более поздней, с совершенно иными общественными условиями и общественными задачами. А между тем положения экономической теории, являвшиеся в одних условиях, на одном этапе общественного развития передовыми, прогрессивными, в других общественных условиях могут выступать как отсталые, реакционные.

С другой стороны было бы совершенно неправильно и антиисторично, если бы к мыслителям и деятелям прошлого мы стали подходить с критерием оценок, выдвигаемых более поздним или тем более нынешним временем, оценивать их значение меркой современных требований.

¹ См. В. И. Ленин, Грозная катастрофа и как с ней бороться, Соч., т. 25, стр. 338.

Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»¹.

При изучении истории русской экономической мысли очень важно установить правильную периодизацию её. В буржуазной литературе периодизация русской экономической мысли обычно велась по «источникам влияния» на русскую мысль. Устанавливались периоды «английского влияния», «французского влияния», «немецкого влияния» или такие «эпохи», как «меркантилизм в России», «физиократизм в России», «смитианство в России» и т. д. (см., например, работы Святловского).

Такого рода «периодизация» совершенно несостоятельна: она является неразрывной частью ложных и вредных утверждений о якобы несамостоятельном характере развития русской экономической науки; в ней игнорируются экономические условия, условия классовой борьбы, определяющие появление и развитие той или иной идеологии; процесс развития экономической мысли произвольно, идеалистически сводится к смене источников «заимствования». В иностранной буржуазной литературе эта порочная «периодизация» истории русской экономической мысли имеет место и поныне.

Поскольку корни всякой экономической идеологии лежат в реальных экономических отношениях и в развивающихся на их основе классовых противоречиях, научная, марксистская периодизация истории русской экономической мысли должна исходить прежде всего из периодизации истории экономического развития нашей страны.

Развитие экономической мысли следует изучать прежде всего по отдельным, исторически сменявшим одна другую общественно-экономическим формациям. Применительно к истории русской экономической мысли речь идёт о необходимости строгого разграничения развития этой мысли в эпоху феодализма, во-первых, в эпоху капитализма, во-вторых, в эпоху социализма, в-третьих.

Однако характер классовой борьбы, историческая роль отдельных классов и их идеологии на разных стадиях развития одной и той же общественно-экономической формации существенно изменялись. Поэтому при периодизации истории экономической мысли нельзя ограничиться лишь крупными эпохами, определяемыми общественно-экономическими формациями. Необходимо учитывать также и наиболее существенные периоды, этапы в развитии каждой формации. Различие этих отдельных

¹ В. И. Ленин, К характеристике экономического романтизма, Соч., т. 2, стр. 166.

периодов, фаз в пределах каждой общественно-экономической формации в свою очередь обусловлено разной степенью зрелости общественно-производственных, т. е. экономических, отношений, определяющих данную формацию, разной степенью развития классовых противоречий и классовой борьбы в обществе, изменениями в политическом строе, характере государства, государственной власти (феодалная раздробленность, централизованное государство, абсолютизм) и другими условиями, определяющими развитие экономической мысли.

Периодизация истории экономического развития нашей страны даёт, конечно, лишь *основу* периодизации истории русской экономической мысли. Необходимо учитывать закономерности развития самой экономической мысли как определённой формы общественного сознания; корни её следует искать в экономике и в борьбе классов, а её идейный материал в той или иной степени связан также с предшествующим развитием общественного сознания. Периодизация должна отражать *преемственность* русской экономической мысли, основные вехи её поступательного движения, и вместе с тем раскрыть особенности, которые характеризуют её на каждом этапе развития, показать глубокие, качественные изменения русской экономической мысли. Периодизация истории экономической мысли должна помочь выявить и показать смену различных этапов, различных направлений в экономической мысли каждого из борющихся классов русского общества.

* *
*

Предметом нашего изучения является русская экономическая мысль в её историческом развитии. Экономическая мысль представляет собой то или иное отражение в сознании человека общественно-производственных, т. е. экономических, отношений людей, иначе говоря, тех отношений, которые складываются между людьми в процессе производства материальных благ. Но экономическая мысль народа за длительный период его жизни весьма многообразна, и историк экономической мысли должен, естественно, производить определённый отбор материала для своего исследования. В качестве критерия такого отбора следует взять, очевидно, типичность экономической мысли, характерность её для определённых классов определённого периода истории общества. Из всего обилия дошедших до нас памятников экономической мысли дооктябрьской России следует брать то, что в наибольшей мере характеризует содержание экономических воззрений, направление экономической мысли идеологов различных классов феодальной и буржуазной России.

С развитием экономических воззрений изменялись, развивались не только содержание, но и форма их выражения.

Экономическую мысль в России первых веков её истории с трудом можно отделить от иных форм идеологии, с которыми она тогда была неразрывно связана. Как и в других странах, экономические идеи долгое время оставались отрывочными, разрозненными, тесно связанными с юридическими памятниками, церковной литературой и др. Одной из наиболее ранних форм проявления экономической мысли является проявление её в мероприятиях экономической политики государства. Так, например, экономическая политика киевских князей, по своему содержанию определявшаяся экономическим строем и классовой структурой Киевской Руси, предполагала определённое понимание князьями вопросов хозяйства страны, экономической стороны отношений князя к населению, прежде всего — способов получения доходов казны и т. д.

С дальнейшим развитием экономики страны, русского государства появляются попытки обоснования как самих принципов экономической политики, так и методов, форм её осуществления.

В связи с обоснованием мероприятий экономической политики возникает необходимость в анализе экономических отношений и в формулировке законов их развития. В этом процессе рождается и развивается *экономическая наука*. Начало экономической науки, первые попытки раскрыть сущность явлений экономической жизни, её закономерности имеют место в России уже в XVIII в., например в выдающемся произведении общественной мысли России первой четверти XVIII в. — в «Книге о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова — и особенно в работах Радищева, в последней трети XVIII в.

При изучении истории русской экономической мысли особенно важно показать процесс возникновения и развития *экономической науки* в нашей стране, выявить *закономерности* развития *научной* экономической мысли, движущие силы её развития, показать практическую (в широком смысле слова) значимость экономической науки в нашей стране на разных этапах её развития.

Русские мыслители постепенно всё больше интересовались экономикой и экономической политикой не только своей, но и других стран. Развивалось экономико-географическое изучение России, возрастало применение статистического метода изучения экономической жизни.

В конце XVIII и особенно в XIX в. русская экономическая наука не только росла вширь и вглубь, но и заметно дифференцировалась, распадалась на ряд более или менее самостоятельных, обособленных научных дисциплин. Наряду с политико-

экономическими работами всё чаще появляются специальные работы по истории народного хозяйства, по экономической статистике; в особые отрасли выделяются финансовая наука, экономика сельского хозяйства; появляются работы по экономике транспорта, по торговле и др.

Изучение истории русской экономической мысли требует от исследователя, чтобы он не ограничивался рамками только экономических произведений (в узком смысле слова) мыслителей, а исследовал весь круг документов и различных произведений, которые характеризуют экономические воззрения их авторов.

С другой стороны, и собственно экономические произведения имеют различный характер — описание и анализ экономики страны, её прошлого, настоящего и перспектив развития, обоснование конкретных мероприятий экономической политики государства, выявление закономерностей экономического развития общества и т. д. При характеристике экономической мысли необходимы изучение и анализ всех этих видов источников.

По своему содержанию история экономической мысли шире, чем история политической экономии. Политическая экономия представляет собой наиболее высокую ступень теоретического познания экономической жизни. Но как бы высока ни была эта ступень познания, политическая экономия, неразрывно связанная с ходом классовой борьбы, использует для обобщения материал произведений, которые обосновывают задачи, методы и принципы экономической политики, анализируют экономику той или иной страны, описывают историю экономического развития и выявляют его перспективы.

Изучение реального процесса развития русской экономической мысли, как и экономической мысли любой другой страны, нельзя, поэтому, ограничить изучением истории лишь политической экономии — ошибка, в которую впадают нередко историки экономической науки. Игнорирование, например, специфических русских проблем, исследовавшихся русскими экономистами прошлых времён, приводило к умалению значения русской экономической мысли в развитии мировой экономической науки. Обогащение русскими экономистами политической экономии было неразрывно связано с анализом экономического состояния России, с их стремлением определить перспективы развития своей родины. Часто именно в связи с этим выдвигался и научно обосновывался русскими передовыми экономистами ряд новых теоретических положений и закономерностей, не только имевших первостепенное значение для судеб развития нашей страны, но являвшихся вместе с тем ценным вкладом в политическую экономию и обогащавших её новыми важными разделами.

Научное изучение истории экономической мысли неизбежно предполагает, таким образом, исследование всей суммы основных идей, возникавших и развивавшихся в связи с обоснованием принципов экономической политики, в связи с анализом прошлого, настоящего и перспектив развития экономики страны. Поэтому не только для периода до возникновения политической экономии в собственном смысле слова, но и после её возникновения изучение экономической мысли может быть плодотворным лишь в том случае, если исследуются все, указанные выше, формы экономической мысли.

Только одновременное изучение русской экономической мысли прошлого во внутренней и неразрывной связи всех её основных форм — собственно политической экономии, конкретного анализа экономики страны и перспектив её развития, теоретического обоснования принципов экономической политики государства — позволяет раскрыть реальное значение экономических идей, экономических учений в общественной жизни нашей родины, конкретно понять их экономические, классовые корни, понять не только определяющую роль экономики по отношению к экономическим идеям, но и активную роль идей, обратное воздействие их на экономику.

* *
*

Русская экономическая мысль развивалась не изолированно, а в тесной связи с экономической мыслью других стран, с которыми Россия находилась в экономических, политических и культурных отношениях. Подобно тому, как гражданскую историю нашей страны нельзя отрывать от европейской и всей мировой истории, историю русской экономической мысли было бы неправильно рассматривать в отрыве, в изоляции от истории развития всей мировой экономической науки.

Вскрывая экономические основы развития русской экономической мысли, её классовые корни, национальные особенности, неразрывность её со всей духовной культурой русского народа, необходимо вместе с тем конкретно показать и реально существовавшую связь между русской экономической мыслью и экономической мыслью других стран, влияние экономических идей других стран на развитие русской экономической мысли и её воздействие на экономическую мысль других стран. Чрезвычайно важно выявить и оценить вклад передовых русских экономистов в мировую экономическую науку.

Большая или меньшая связь русской экономической мысли с экономической мыслью других стран — на разных этапах исторического развития России она была разной — отнюдь

не означает, вопреки утверждениям буржуазных космополитов, что русская экономическая мысль прошлого зависела от экономической мысли других стран, не была самостоятельной.

Одна из важнейших задач научного изучения истории русской экономической мысли — до конца разоблачить и разбить клеветнические измышления о якобы несамостоятельном характере русской экономической мысли вообще, «импортном» характере русской экономической науки.

Корни этих клеветнических измышлений нужно искать, с одной стороны, в корыстных интересах реакционных националистов других стран и, с другой стороны, в низкопоклонстве и раболепии перед буржуазной культурой Запада реакционных идеологов господствовавших классов царской России — помещиков и капиталистов.

В царской России антинародные, клеветнические измышления о «зависимости» русской культуры, русской науки от культуры, науки других стран усердно пропагандировались консервативными и реакционными идеологами дворянства и буржуазии. Это являлось одной из форм выражения низкопоклонства и раболепия этих идеологов перед дворянской и буржуазной культурой Запада и в то же время служило одним из средств идеологической борьбы против прогрессивных, передовых общественных сил страны, борьбы за сохранение в стране господствующего положения дворянства и буржуазии.

В области экономической науки раболепия перед буржуазным Западом и принижение русской экономической мысли мы видим, например, в относящихся к XIX в. работах В. П. Безобразова¹ и Н. Х. Бунге² — ревностных охранителей самодержавия и классовых привилегий дворянства.

В кривом зеркале буржуазного космополитизма отражал историю русской экономической мысли В. В. Святловский — автор ряда специальных работ по истории экономической мысли, изданных в XX в. — до и после Октябрьской революции. Этот буржуазный историк экономической мысли, в первые годы Советской власти выступавший под маской «марксиста», приносил русскую экономическую мысль прошлого, рассматривал её как простое подражание экономическим воззрениям в Западной Европе³.

¹ См. В. П. Безобразов, О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе, «Русский вестник», январь 1867 г., стр. 139.

² См. Н. Х. Бунге, Очерки политико-экономической литературы, Спб. 1895, стр. 199—200.

³ См. В. В. Святловский, История экономических идей в России, т. 1, Петроград 1923, и другие его работы.

Непонимание громадного значения русской экономической мысли, принижение её было свойственно меньшевикам.

Неправильная оценка русской экономической науки была дана Г. В. Плехановым в работах, написанных им в период меньшевизма, особенно в исследовании по истории русской общественной мысли.

Плеханов ошибочно характеризовал экономику России как якобы разновидность «восточного рабства». В плехановском толковании экономики и классовой структуры феодальной России отношения основных классов — помещиков и крестьян — не получили поэтому первостепенного места и значения, которое в действительности им принадлежало. Плеханов исходил из неправильной предпосылки, что в стране с отсталой экономикой неизбежна и отсталая экономическая мысль.

Анализ русской общественной мысли вёлся Плехановым преимущественно в аспекте отношений «Востока» и «Запада», России и Европы. Источник идейных движений в России он видел в идеологии Запада, влиянием которой, по его мнению, и определялось всё развитие русской общественной мысли. В трактовке Плеханова передовые русские идеологи представляются не оригинальными мыслителями, а лишь популяризаторами и пропагандистами лучших идей Запада.

Хотя Плеханов и ставил задачу раскрыть классовый характер общественной, в том числе и экономической, мысли России, но по существу в его работе преобладает чисто формальный анализ экономических учений, логическое сравнение одних учений с другими. Следствием этого является неверная оценка Плехановым содержания экономических учений в России и их общественного значения.

Он не понял, например, характера и значения взглядов Чернышевского и других русских революционных демократов, их роли в развитии русской общественной, в том числе и экономической, мысли. Плеханов отождествлял взгляды Чернышевского и других русских революционных демократов с идеями западноевропейского утопического социализма, не видел в идеях русских революционных демократов главного — их революционного демократизма, порождённого специфическими русскими условиями классовой борьбы крестьянства и поставившего этих передовых русских мыслителей намного выше социалистов-утопистов Западной Европы.

Развернув блестящую критику народничества, Плеханов не выявил, однако (как и все меньшевики), двойственности, противоречивости программы народников и связи этой двойственности, противоречивости с социально-экономической природой крестьянства, с положением его в стране развивающегося капитализма при наличии больших остатков крепостничества.

Правильно вскрывая реакционную сторону народнической программы, Плеханов проглядел другую сторону этой программы, в которой находили отражение революционно-демократические устремления крестьянства.

После Великой Октябрьской социалистической революции космополитические извращения истории русской науки, русской культуры пытались протаскивать буржуазные учёные, меньшевики, троцкисты, меньшевистствующие идеалисты, историки «школы Покровского» и др. В переизданной в 1923 г. работе по истории русской экономической мысли В. В. Святловский полностью воспроизвёл всю свою буржуазно-космополитическую концепцию истории русской экономической мысли.

Неправильное, искажённое толкование характера и значения русской экономической мысли прошлого проникло и в работы некоторых советских экономистов. Так, например, И. Г. Блюмин в своей книге «Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века», вышедшей в 1940 г., не сумел преодолеть измышления о якобы несамостоятельности экономической науки России. Вопреки действительности, он утверждал, будто в первой половине XIX в. экономическая мысль в России представляла собою не что иное, как простое заимствование, «импорт» готовых экономических идей Запада. Заняв такую неправильную позицию, автор книги не раскрыл выдающегося научного значения работ оригинальных русских экономистов первой половины XIX в. — Мордвинова, декабристов Пестеля и Тургенева и др.

Выдающееся значение русской экономической мысли прошлого не показано и в работах Д. И. Розенберга по истории политической экономии.

На современном этапе исторического развития человечества — в период постепенного перехода СССР к коммунизму, успешного строительства социализма в странах народной демократии, с одной стороны, и глубокого *общего кризиса* всей капиталистической системы, с другой — буржуазная политическая экономия усердно служит обречённым на провал стремлениям буржуазии сохранить капиталистический строй. Она является идеологическим оружием борьбы империалистов против СССР и стран народной демократии, против трудящихся масс и прогрессивных сил в самих капиталистических странах.

Реакционные буржуазные экономисты США выступают ныне усердными трубадурами агрессивной, захватнической политики американских империалистов, возглавляющих антидемократический, империалистический лагерь и готовящихся вовлечь человечество в новую мировую войну.

В агрессивной борьбе реакционных сил империализма США за мировое господство проповедь идей буржуазного космополитизма является идеологическим оружием. Одним из приёмов реакционных буржуазных экономистов США и их подручных в Западной Европе является стремление принизить культурные достижения советского народа. Наёмные защитники растленной «культуры» империалистических мракобесов не останавливаются и перед прямой идеологической диверсией в область истории культуры русского народа.

Так, в 1945 г. в Нью-Йорке была выпущена работа под названием «Дух русской экономии»¹. Автор этой книжонки Нормано усердно клеветает, будто бы русская экономическая мысль прошлого не представляла собой продукта самостоятельного творчества русского народа, а являлась всего лишь усвоением и обработкой экономической мысли «передовых» народов Запада. Принося русскую экономическую мысль прошлого, этот проповедник буржуазного космополитизма в другой своей книге — «Дух американской экономии» — превозносит американскую экономическую «науку», силится доказать её большое значение, хотя известно, что в области развития экономической науки буржуазные экономисты США не дали ничего значительного; они лишь подхватывали «последнее слово» вульгарной экономии Западной Европы и приспособляли её ко вкусу и потребностям американского буржуа².

В своём служении американским агрессорам, стремящимся лишить другие народы суверенитета, подчинить себе весь мир, некоторые экономисты не останавливаются и перед попыткой доказать зависимость русской экономической мысли прошлого от ... Америки. Так, например, Давид Гехт, автор вышедшей в 1947 г. в США книги «Русские радикалы взирают на Америку»³, грубо извращая факты, хочет доказать, будто революционные демократы России — Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский — считали Америку идеалом

¹ J. Normano, The spirit of Russian economics, N.-Y. 1945.

² Маркс отметил заслугу известного американского учёного и политического деятеля В. Франклина (XVIII в.) в обосновании трудовой теории стоимости на самой начальной стадии её разработки. Вместе с тем Маркс писал, что анализ меновой стоимости, данный Франклином, не оказал непосредственного влияния на общее движение науки. Франклин рассматривал только отдельные вопросы политической экономии в связи с определёнными практическими поводами (см. К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 46). Уничтожающая критика представителей вульгарной политической экономии XIX в., в том числе пошлого апологета капитализма американца Кэри, дана в работах Маркса и великого русского экономиста Чернышевского.

³ D. Hecht, Russian radicals look to Amerika, Harvard Univ. press, 1947.

общественного строя и высоко ценили общественную мысль США.

Между тем хорошо известно, что представители русской революционной демократии относились весьма критически к американской буржуазной демократии и разоблачали американскую вульгарную экономию. Они бичевали не только крепостничество в России, но и широко развитое тогда в Америке рабство. Разоблачая миф о буржуазной демократии, они показывали, что капиталистический строй есть строй эксплуатации наёмного труда, строй, при котором неизбежны вопиющая нищета большинства населения и роскошь меньшинства.

Задача настоящей работы — разоблачить клеветнические измышления буржуазных космополитов, касающиеся прошлого русской экономической мысли, и раскрыть её действительное, выдающееся значение.

Передовые идеологи нашей страны показывали величие русского народа, его могучие творческие силы; они предвидели великое будущее русского народа и боролись за достижение этого будущего. К опыту, к идеям других народов русские передовые экономисты подходили не как ученики, а как мыслители и деятели, самостоятельно и творчески развивающие науку применительно к насущным задачам своей родины.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила все виды зависимости нашей страны от буржуазных государств. Коммунистическая партия разгромила враждебные делу трудящихся буржуазные и мелкобуржуазные теории, а вместе с ними и антинародную «теорию» несамостоятельности русской культуры, русской общественной мысли.

* *
*

Интерес к *истории* политической экономии вообще и к истории отечественной экономической науки в частности становится заметным в России лишь в XIX в. Он проявляется прежде всего в фактах публикации работ русских мыслителей и деятелей прошлого, занимавшихся экономическими вопросами. Так, в 1842 г. выходит впервые «Книга о скудости и богатстве» Посошкова; в 1854 г. была напечатана в «Москвитянине» «Инструкция» А. Волынского и т. д. Тогда же впервые появляется в России и специальная литература, в которой делаются попытки показать значение этих работ и место их авторов в развитии русской экономической науки, а также даётся сравнение их с экономистами других стран.

Из русских экономистов прошлых веков особенно большой интерес вызвал Посошков. Уже в XIX в. в России о нём была создана сравнительно большая литература. Имя Посошкова как оригинального русского экономиста XVIII в. появляется и в ряде работ иностранных авторов по истории политической экономии (Рошера, Дж. Ингрэма, Л. Коссе и др.). Но упорно замалчивались русские экономисты революционного направления, особенно Радищев.

Известное внимание к экономической мысли своей страны проявлялось и в том, что в создававшихся русскими экономистами XIX в. курсах политической экономии и общей истории политической экономии, а также в переводах на русский язык иностранных книг по истории политической экономии списки известных имён западноевропейских экономистов и их работ обычно дополнялись отдельными именами и работами наиболее выдающихся русских экономистов¹.

Как одну из наиболее ранних попыток привлечь внимание к русской экономической мысли прошлого следует отметить статью в «Современнике» за 1851 г., посвящённую характеристике содержания первого русского журнала «Ежемесячные сочинения», издававшегося в 1755—1764 гг. Здесь дана краткая характеристика также и статей «Ежемесячных сочинений», посвящённых вопросам политической экономии². В качестве заслуживающей «особенного внимания» отмечена и кратко изложена работа Рычкова «Переписка между двумя приятелями о коммерции».

Тогда же появились и первые попытки общего анализа истории русской экономической мысли. В статье профессора Московского университета В. Лешкова «Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии», опубликованной в 1855 г. в юбилейном сборнике университета³, даётся сравнительный анализ трёх произведений русской мысли прошлых веков — «Домостроя», «Книги о скудости и богатстве» Посошкова и «Инструкции» А. Волинского. В этой статье делается попытка взглянуть на русскую экономическую мысль в её внутренней связи, раскрыть черты сходства и различия трёх названных выше работ, показать характерные особенности каждой из

¹ См. Т. Степанов, Записки о политической экономии, ч. 1, Спб. 1844; ч. 2, Харьков 1848; И. Вернадский, Очерк истории политической экономии, Спб. 1858; Ад. Бланки, История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени, перев. с франц., т. II, Спб. 1869.

² См. «Очерки русской журналистики, преимущественно старой», «Современник» № 3, 1851 г., отдел II, стр. 15—20.

³ См. «В воспоминание 12 января 1855 г. Учёно-литературные статьи профессоров и преподавателей императорского Московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея», М. 1855.

них. Однако научного значения статья не имеет. Лешков принадлежал к кругу ярко выраженных консерваторов. Его рассуждения о русской экономической мысли полны преклонения перед стариной, царём и православной церковью. Содержащаяся в названных произведениях экономическую мысль он объявляет «истинной христианской философией».

Дворянская и буржуазная историография России не только не смогла создать научную историю русской экономической мысли за весь длительный период её развития, но не сумела дать и сколько-нибудь ценных исследований об отдельных этапах развития русской экономической мысли и отдельных экономистах. Этот факт стоит, несомненно, в непосредственной связи с раблепием господствующих кругов царской России перед буржуазной культурой Запада и принижением ими значения отечественной науки.

За всю вторую половину XIX в. в русской литературе можно найти лишь несколько статей, в которых речь идёт об историческом процессе развития русской экономической мысли и делаются попытки дать анализ некоторых отдельных этапов её развития.

К такого рода работам относится статья В. А. Гольцева «Движение русской экономической науки», напечатанная в 3-й книге журнала «Русская мысль» за 1885 г. Автор статьи, позже известный буржуазный деятель и публицист либерального направления, даёт беглую характеристику состояния русской экономической науки за последние 20 лет. Гольцев констатирует быстрый рост в России самостоятельных экономических исследований. Эпоха освобождения крестьян, отмечает он, вызвала усиленное внимание к экономическим вопросам и выдвинула писателей, которые могли бы занять почётное место и среди политико-экономов Запада, — Чернышевского, Зибера, Ковалевского, Чупрова.

К такого же рода работам относится и серия статей под общим заголовком «Современные русские экономисты»¹, опубликованных в «Научном обозрении» за 1899 и 1900 гг. редактором этого журнала М. Филипповым. Автор рассматривает экономические работы Зибера, критику Жуковским Маркса, экономические воззрения Николая — она (Н. Даниельсона), Михайловского, В. В. (Воронцова) и других народников, работы Чупрова. Филиппов констатирует наличие в русской экономической литературе определённой научной традиции, преемственности идей. Одной из характерных черт развития русской экономической науки последней трети XIX в. Филиппов считает то, что «все сколько-нибудь выдающиеся писатели

¹ См. «Научное обозрение» №№ 7—12, 1899 г. и № 3, 1900 г.

по экономическим вопросам, выступившие у нас с начала семидесятых годов, так или иначе должны были считаться с учением Маркса...»¹.

Он отмечает «параллели между развитием политической экономии у нас и на Западе, — параллели, не исключающие, разумеется, и индивидуальных черт русской науки, находящихся в связи с особенностями нашего экономического быта и с особыми условиями развития у нас общественной мысли»².

Рассматривая соотношение между теориями тогдашних русских экономистов и учениями экономистов классической буржуазной политической экономии, автор пишет: «Правда, и в русской экономической литературе мы найдём обильные примеры «вульгаризации» политической экономии; но в лице своих лучших представителей русская наука всегда примыкала к традициям Адама Смита и Рикардо и тем самым уже была подготовлена к восприятию учения Маркса, — по крайней мере, в основных положениях»³.

В статьях Филиппова был отмечен ряд действительно характерных черт русской экономической мысли рассматриваемого им периода, дана критика народнических воззрений; но весь анализ ведётся им с буржуазно-объективистских позиций «легального марксизма», одним из представителей которого Филиппов и являлся. Подобно Струве, Туган-Барановскому и другим «критикам» Маркса, Филиппов открыто выступал против «догматизма ортодоксальных марксистов». Подлинно научного анализа развития русской экономической мысли в статьях Филиппова нельзя найти.

В духе буржуазного объективизма излагается история русской экономической мысли и Туган-Барановским в небольшой статье в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1899 г., т. 55 — «Россия»). Изложение истории экономической науки в России начинается здесь с указания на перевод в начале XIX в. на русский язык работы А. Смита «О богатстве народов». Вся долгая история развития русской экономической мысли до XIX в. остаётся, таким образом, вне поля зрения автора, игнорируется им. В статье восхваляются работы мнимых авторитетов экономической науки — Шторха, Гакстгаузена и др., отсутствует классовая характеристика представителей русской науки.

Высказывания Туган-Барановского по вопросам истории русской экономической мысли в книге «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898 г.) также обнаруживают буржуазно-апологетическую позицию автора.

¹ «Научное обозрение» № 7, 1899 г., стр. 1346.

² Там же, стр. 1346—1347.

³ Там же, стр. 1348.

В XX в. продолжались публикация и комментирование отдельных произведений старой русской экономической мысли. Общий анализ развития русской экономической мысли с древних времён был дан в статьях В. Святловского, изданных затем в виде сборника под заглавием «К истории политической экономики и статистики в России» (1906 г.).

Работа Святловского представляет собой первую попытку систематического обзора всей истории русской экономической науки. Читатели имели возможность узнать из работ Святловского имена многих старых русских экономистов, названия их произведений. Но анализ истории русской экономической науки дан автором совершенно неправильно, оторванно от реальных условий экономики, классовой борьбы в России.

Святловский рассматривает русскую экономическую науку преимущественно в свете «влияния» на неё западноевропейской науки и пытается русскую экономическую науку искусственно вогнать в схему развития западноевропейской науки. Классовый и национальный характер русской экономической науки, глубокие корни её в русской действительности, многообразное значение её в историческом развитии России, мировое значение русской экономической науки этим буржуазным историком не раскрыты.

Некоторое, впрочем весьма слабое, внимание к истории отечественной науки находило своё выражение и в том, что в издававшихся в России курсах политической экономики и истории политической экономики иногда небольшие разделы отводились истории русской экономической мысли¹.

Попытка в годы первой мировой войны группы буржуазных экономистов (Железнов, Мануилов, Булгаков и др.), объединившихся в «Московском научном институте в память 19 февраля 1861 г.», подготовить к изданию отдельный том по истории русской экономической мысли² потерпела неудачу.

Западноевропейские и американские буржуазные историки политической экономики игнорируют, как правило, русскую экономическую науку. Так, в «Истории политической экономики» Дж. Ингрэма русская политическая экономия представлена всего лишь одним Посошковым, а в «Истории экономических учений» Ш. Жида и Ш. Риста — тремя деятелями: Бакуниным, Кропоткиным и Нечаевым. В работе Л. Коссе по истории экономических учений мира русская мысль дана жалким

¹ См. *И. Иванюков*, Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений, М. 1891; *А. А. Мануилов*, Политическая экономия, вып. 1, М. 1914.

² См. предисловие к книге «История экономической мысли» под ред. В. Я. Железнова и А. А. Мануилова, т. 1, вып. I, М. 1916.

привеском к экономической мысли скандинавских и венгерского народов, а самое изложение носит характер библиографической справки¹.

В ложном свете представлена история русской экономической мысли XIX и XX вв. в изданной в Вене под руководством Ганса Майера работе «Современная хозяйственная теория». Две статьи этой коллективной многотомной работы буржуазных экономистов отведены русской экономической мысли: одна из них (профессора Железнова) даёт весьма беглый и поверхностный обзор русской экономической мысли с начала XIX в.²; другая (профессора Иванцова) посвящена состоянию экономической теории в СССР после Октября³.

В немногочисленной современной иностранной литературе, рассматривающей историю русской экономической мысли, последняя подаётся обычно в сугубо искажённом виде.

* *
*

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции изучение истории русской экономической мысли не получило у нас широкого развития. В 1923 г. была издана переработанная книга В. Святловского «История экономических идей в России». В этой книге воспроизведены все коренные пороки прежних работ автора.

В 30-х годах в СССР были переизданы работы Посошкова, Н. И. Тургенева, Флеровского, Зибера, Чернышевского и других русских экономистов прошлого; появляются исследования об этих и о других русских экономистах. Делаются попытки марксистского освещения развития русской экономической мысли за отдельные периоды русской истории и включения русской экономической мысли в общий курс истории политической экономии. Но, как было сказано выше, в понимании характера и значения русской экономической науки прошлого те советские экономисты, которые специально занимались её изучением, длительное время оставались на вредных, антинародных позициях раболепия, низкопоклонства перед буржуазной экономической наукой Запада и принижения, недооценки значения русской экономической науки.

Разоблачение и разгром Коммунистической партией вредной идеологии буржуазного космополитизма, фальшивых теорий «импорта» в Россию западноевропейских учений поставили изу-

¹ См. Л. Коссе, История экономических учений, 1900, стр. 385—386, 392—397.

² См. «Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart», B. I, Wien 1927.

³ См. «Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart», B. IV, Wien 1928.

чение истории русской экономической мысли на теоретически и политически правильные рельсы.

За последние годы советскими экономистами опубликован ряд работ об отдельных выдающихся русских экономистах прошлого. В этих работах на конкретных материалах показывается выдающееся значение русской экономической науки, роль её как в жизни русского народа, так и в мировой экономической науке.

Настоятельно назрела потребность в создании такой работы, которая давала бы марксистско-ленинский анализ развития русской экономической мысли в целом, за весь долгий период её истории.

Настоящая работа посвящена изучению истории экономической мысли русского народа. Русская экономическая мысль развивалась в тесной связи с экономической мыслью других народов СССР. Необходимо изучать историю экономической мысли украинского, белорусского, грузинского, армянского и других народов, показать взаимную связь экономической мысли народов нашей страны и влияние передовой русской революционной мысли на развитие экономической мысли других народов Советского Союза. Это позволит создать научную историю экономической мысли всего великого советского народа.

РАЗДЕЛ I

ПЕРИОД РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Глава первая

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ И ЕЁ КЛАССОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Экономика Киевской Руси. Классовая структура общества

Образованию Киевского государства предшествовала долгая история жизни славянских народов на восточных пространствах Европы. Восточные славяне жили в условиях первобытно-общинного строя, который постепенно разлагался. Процесс разложения этого строя у восточных славян начался задолго до IX века. Ещё до создания Киевского государства существовали государственные объединения отдельных восточно-славянских племён, образовавшиеся в результате разложения первобытно-общинного строя и раскола населения на классы. К IX в. здесь уже сложился феодальный способ производства. В этом же веке образовалось феодальное Киевское государство. Основным занятием населения Киевской Руси было земледелие. Ведущую роль играло пашенное земледелие, в особенности в южных и средних районах страны, где возделывались пшеница, рожь, просо, ячмень, овёс, конопля и лён. Население занималось также скотоводством, бортничеством, охотой и рыболовством. Охота более широко была распространена в лесистых районах севера¹.

Довольно широко по масштабам того времени было развито мелкое производство промышленных продуктов². Руда добы-

¹ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, АН СССР, М. 1953; «История культуры древней Руси», т. I, АН СССР, М.—Л. 1948; Б. Д. Греков, Киевская Русь, Учпедгиз, М. 1949; П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, Госполитиздат, 1952; Н. Аристов, Промышленность древней Руси, Спб. 1866.

² См. Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, АН СССР, 1948.

валась из болот, «варка железа» производилась ремесленниками в специальных плавильных печах — «домницах», с дутьём посредством ручных мехов (кричное железо), а домашнее производство железа — в обычных варистых печах. Кузнецы производили сельскохозяйственные орудия, инструменты для ремесленников, бытовые предметы, оружие. Высокого мастерства достигло в Киевской Руси ювелирное ремесло; широко развито было гончарное дело. В Киевской Руси умели производить стекло и стеклянные изделия; были развиты кожевенное дело, ткачество, обработка дерева и камня.

Переход восточных славян от первобытно-общинного строя к феодальному был обусловлен развитием производительных сил. Древнее подсечное земледелие вытеснялось пашенным земледелием. В качестве тягловой силы начинают (с VII—VIII вв.) использовать лошадь. На базе новых производительных сил происходил процесс разложения родового строя, возникла и развилась частная собственность, общество разделилось на классы. В это время уровень развития производительных сил у восточноевропейских славян был более высоким, чем в рабовладельческих обществах. Восточные славяне от первобытно-общинного строя перешли к феодальному, минуя рабовладельческую стадию развития. Они принимали активное участие в борьбе с рабовладельческим миром.

Применение труда рабов было широко распространено в Киевской Руси, но рабовладельческие отношения не являлись здесь господствующими.

— Производственные отношения, господствовавшие в Киевской Руси, были более прогрессивными не только по сравнению с первобытно-общинным, но и с рабовладельческим строем. Они соответствовали характеру и уровню развития производительных сил, способствовали их дальнейшему развитию, давали известный простор их росту.

Основную массу сельского населения Киевской Руси составляли смерды. Это были мелкие земледельцы. Смерды делились на две группы: одни из них были независимы, имели свои орудия труда, владели участками земли, вели собственное хозяйство. Другие смерды потеряли свою независимость и попали под власть крупных землевладельцев.

Первоначально все смерды являлись свободными земледельцами и были организованы в общины. С течением времени общинная земля, которой пользовались смерды, была объявлена собственностью великого князя, считалась «окняженной», а смерды стали выполнять различные повинности в пользу феодального государства. Постепенно смерды теряли свою хозяйственную самостоятельность и становились в имущественную зависимость от крупных землевладельцев, которые их кабелили.

К XI в. значительная часть смердов уже потеряла свою независимость¹.

Формы и степень феодального закабаления людей в Киевской Руси были различными.

Феодально-зависимыми людьми здесь являлись, например, так называемые «рядовичи», «закупы», «изгой», холопы (не «обельные», т. е. полные: «обельные холопы» являлись рабами) и др. Рядовичами назывались кабальные люди, работавшие на хозяина по юридически оформленному договору — «ряду». Разновидностью рядовичей были так называемые «закупы». Это были недавние смерды, лишившиеся средств производства и вынужденные искать заработка у крупного землевладельца. «Купою» называлась сумма денег, которую закуп получал от господина при заключении с ним договора. Закуп выполнял различную работу на господина. Если он хотел уйти от своего хозяина, то деньги подлежали возврату². Закуп, пытавшийся убежать от своего господина, превращался в холопа.

Изгоями назывались бывшие холопы — рабы, после отпуска — выкупа ставшие феодально-зависимыми людьми. Они были прикреплены к владельцу и к земле³.

Киевское государство являлось государством феодальным, соответствовавшим ранней ступени развития феодального общества. Будучи надстройкой, оно способствовало укреплению своего базиса — феодальных производственных отношений.

Основу производственных отношений феодализма составляет собственность феодала на землю, которая при феодализме является важнейшим средством производства. При развитом феодализме существует также неполная собственность феодала на работника — крепостного крестьянина, которого феодал может продать, купить.

Наряду с феодальной собственностью имеется единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на своё частное хозяйство, основанное на личном труде.

При феодальной системе хозяйства непосредственный производитель — крестьянин — наделён средствами производства, в том числе землёю. Более того, он прикреплен к земле. Наделённый землёй крестьянин должен быть лично зависим от помещика. Система феодального хозяйства порождает «вне-

¹ См. *Б. Д. Греков*, Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века, кн. I, изд. 2, АН СССР, М. 1952; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, АН СССР, М. 1953.

² См. *Б. Д. Греков*, Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века, кн. I, изд. 2, АН СССР, М. 1952, стр. 179.

³ См. там же, стр. 220—221.

экономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д.¹

Как и во всех других странах, где господствовал феодальный строй, особенно на ранней ступени его развития, в Киевской Руси хозяйство было в своей основе натуральным, продукты, производимые в сельском хозяйстве, шли главным образом на непосредственное потребление самих крестьян и эксплуатировавших их феодалов.

Феодальная эксплуатация крестьянства осуществлялась главным образом в форме примитивной отработочной ренты. Как писал Маркс, отработочная рента имеет место, «...когда непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении землевладельца, работает на землевладельца...»² Продукт прибавочного труда зависимого крестьянина поступал в своей натуральной форме земельному собственнику — феодалу — и шёл на удовлетворение нужд господского двора.

Хотя и земледелие, и сельские промыслы в своей основе носили натуральный характер, в Киевской Руси имела место уже и значительно развитая торговля, как внутренняя, так и внешняя, имелся торговый и ростовщический капитал. В Византию и другие страны русские купцы вывозили мёд, воск, меха, а закупали в них золото, дорогие ковры, вино, пряности, оружие. Товары покупались русскими купцами на Западе также и для продажи их в восточных странах. Через реки, пересекающие Восточно-Европейскую равнину, проходили важные магистрали международной торговли того времени, сначала арабской, затем византийской.

В период с VIII по X в. восточные славяне вели большую торговлю с арабами, главным образом по Волге и её притокам, а начиная с IX в. большое значение получил новый торговый путь — «из варяг в греки» — из Балтийского моря в Чёрное море. Внутренняя торговля существовала главным образом в виде небольших и раздробленных местных рынков.

Города начали возникать у восточных славян ещё до образования Киевского государства, главным образом по водному пути из Прибалтики в Чёрное море. К их числу относятся Новгород, Белоозеро, Смоленск, Киев, Любеч, Переяславль, Чернигов и др. Киевские князья построили много новых городов-крепостей: Ладогу, Изяславль, Белгород, Суздаль, Муром, Ярославль, Владимир-на-Клязьме и др. Города заселялись

¹ См. В. И. Ленин, Аграрный вопрос в России к концу XIX века, Соч., т. 15, стр. 66.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 802.

военными людьми, ремесленниками, торговцами. Особенно важное значение имели Киев — столица государства и торговый центр страны — и Новгород — богатый торговый город с развитым ремеслом.

После принятия христианства в Киевской Руси стало складываться крупное церковное и монастырское землевладение, образовавшееся путём княжеских пожалований земли церкви и монастырям и другими способами.

Наряду с феодалами эксплуатация населения, особенно городского, осуществлялась также купцами и ростовщиками.

Рост феодальной эксплуатации неизбежно вызывал классовую борьбу, нередко принимавшую форму восстаний. Известны восстания древлян в 945 г., народные движения 996 г., восстание в Суздальской земле в 1024 г., в Киеве — в 1068 г., в Ростовской земле — в 1071 г., в Киеве и его окрестностях — в 1113 г. Борьба народных масс против феодальной эксплуатации переплеталась с борьбой против ростовщиков, купцов и против княжеской власти.

Киевское государство в период своего расцвета (X—XI вв.) было одной из двух могучих держав раннего средневековья (вторая — империя Карла Великого), а по размерам — самым обширным государством в Европе.

Киевское государство имело громадное историческое значение. «Как империя Карла Великого предшествует образованию Франции, Германии и Италии, так империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, балтийских поселений, Турции и самого Московского государства»¹, — писал Маркс.

Эпоха Киевской Руси была эпохой большого подъёма русской культуры. Объединённый в Киевском государстве русский народ выступил как великий народ, равноправный участник общеевропейской экономической и политической жизни, активный участник создания мировой культуры.

Экономические представления восточных славян

В России, как и во всех других странах, экономическая мысль развивалась вместе с развитием производственных отношений, общественных противоречий и классовой борьбы.

Экономическая мысль долгое время существовала не как особая, чётко отграниченная область идеологии, а в неразрывной связи с религиозными воззрениями людей, их правовыми понятиями и т. п. Поэтому экономическую мысль древней Руси

¹ *Karl Marx, Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London 1899, p. 75.*

приходится изучать по общеисторическим памятникам — летописям, договорам, грамотам князей, «Правде Русской», церковной литературе, разнообразным формам устного, словесного творчества народа.

С самого возникновения человеческого общества сознание людей определяется их общественным бытием, в котором решающую роль играют условия материальной жизни, прежде всего способ производства материальных благ. Сами мышление и язык возникли в связи с коллективным трудом людей, на основе труда. Поэтому экономические представления людей, то или иное восприятие ими условий их хозяйственной деятельности относятся уже к самым ранним ступеням развития общества.

Как и другие формы идеологии, экономические представления, идеи, теории связаны с производством, с производственной деятельностью человека не непосредственно, а через посредство базиса, т. е. экономического строя, совокупности производственных отношений данного общества. Экономические представления, идеи, теории формируются под непосредственным воздействием производственных отношений, классовой борьбы, действий государственной власти.

При неразвитости материального производства и экономических отношений людей в первобытном обществе представления людей об их взаимных отношениях в процессе производства материальных благ, равно как и все другие их представления и идеи, определялись условиями материальной жизни, способом производства материальных благ более непосредственно, чем на последующих, более высоких ступенях общественного развития.

Маркс и Энгельс указывали, что «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вытекает в материальную деятельность и в материальное общение людей — язык реальной жизни. Представление, мышление, духовное общение людей еще являются здесь непосредственно вытекающими из материального соотношения людей»¹.

Экономические представления людей были неразрывно переплетены с общим осознанием людьми ближайшей им чувственной среды, с осознанием ими их ограниченной связи с другими людьми и вещами и осознанием природы как чуждой, всемогущей и неприступной силы.

Первой формой представления людей о внешнем мире, а в известной мере и об обществе, был анимизм. Человек, беспомощный перед силами природы, не отделял себя от неё. Он одухотворял силы природы, отождествлял себя с ними,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Партиздат, 1934, стр. 16.

считал, что окружающий его мир населён сверхъестественными существами. Позже, с возникновением родового строя, складывается первобытная религия в форме тотемизма, магии, культа природы, культа предков и в других формах.

«...Всякая религия, — писал Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы... Но вскоре, наряду с силами природы, выступают также и общественные силы...»¹

Первобытная религия была, вместе с тем, и формой экономических представлений людей. В этих представлениях получили своё отражение крайняя слабость людей перед силами природы и обусловленная этим первобытная форма коллективного производства материальных благ.

Киевская Русь представляла собой феодальное общество; это общество возникло в результате разложения первобытно-общинного строя, поэтому в экономических представлениях восточных славян не только веков, непосредственно предшествовавших образованию Киевского государства, но и в период самого Киевского государства было ещё сильно влияние религии первобытного общества.

Тесная связь представлений людей с их производственной деятельностью наглядно выступает в языческих воззрениях восточных славян, а также в памятниках русского фольклора периода Киевской Руси.

Для языческой религии восточных славян, как и для религии других народов на ранних ступенях их развития, было характерно обожествление сил природы. Слабое развитие производительных сил, низкий уровень производительности труда, громадная зависимость от слепых сил природы — всё это приводило к обожествлению природы и преклонению перед ней.

В основе дохристианской религии славян лежал культ земледелия. Главными богами являлись солнце и земля. С принятием христианства культ земледелия сохранился, но выступил в другой форме: например, весна изображалась в виде богородицы, приезжающей на сохе на праздник благовещения; «святые» Илья, Егорий и Микола заменили прежних языческих богов — покровителей сельскохозяйственных работ, помощников земледельца².

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 299.

² См. Н. М. Никольский, История русской церкви, изд. 2, М.—Л. 1931, стр. 50—51 и др.; Е. В. Аничков, Язычество и древняя Русь, гл. XII, Спб. 1914; «История культуры древней Руси», т. II, АН СССР, М.—Л. 1951, гл. III.

Обряды, песни и праздники древних славян-язычников в значительной мере были связаны с земледелием.

Зависимость людей от слепых сил природы вызывала у них стремление дополнить свою трудовую деятельность воздействием на природу путём разного рода обрядов, заклинаний и песен. Такой характер носили, например, обряды напевания магических пожеланий зимой (колядование), «волочобные» песни или «виноградья» — весной, песни напевания удач — летом, «обжиночные» песни — осенью, «хороводы», «коло», «метища». Многие русские игры получили названия, связанные с различными трудовыми процессами — «сеять просо», «навивать», «ткать» и т. д. ¹

Религиозные представления славян были связаны также с домашними промыслами, с ремеслом. Некоторые исследователи полагают, что установленная Владимиром в Киеве богиня Мокошь считалась покровительницей прядения и ткачества ². Много поверий и обрядов было связано с кузнечным ремеслом. Кузнецов считали людьми необычными, чародеями. Покровителем кузнечного дела считался языческий бог Сварог (позже Сварог превратился в христианских «святых» Кузьму и Демьяна) ³. Языческий бог Волос (Велес) был «скотским богом», покровителем скота. С распространением христианства на Руси Волос превратился во Власия. На основании того, что в начальной летописи, где упоминается Волос, слово «скот» употребляется ещё и в значении денег, В. Ключевский высказал предположение, что Волос мог быть и богом богатства ⁴.

Такое предположение кажется правдоподобным. Именно потому, что Волос был богом богатства, торговли, его изображение стояло в Киеве на рынке, на Подоле. Возможно, что именно этому богу молились славянские торговые люди — «гости», описанные арабскими писателями Ибн-Руста (Ибн-Даста), Ибн-Фадланом и др. ⁵

¹ См. «История русской литературы», т. I, АН СССР, М.—Л. 1941, стр. 224—225; «История культуры древней Руси», т. II, гл. V.

² См. А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. II, М. 1868, стр. 266—267; «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. III, Спб. 1897, стр. 195—199, 316—320; Е. В. Аничков, Язычество и древняя Русь, стр. 313—315, 327; «История культуры древней Руси», т. II, стр. 69.

³ См. Е. В. Аничков, Язычество и древняя Русь, стр. 291—292; «История культуры древней Руси», т. II, стр. 70, 98.

⁴ См. В. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 114.

⁵ См. Д. А. Хвольсон, Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Ибн-Даста, Спб. 1869, стр. 31; «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», АН СССР, М.—Л. 1939, стр. 79—80. См. также «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, АН СССР, М. 1953, стр. 104.

В глубокой древности были созданы и волшебные сказки, смысл которых, по мнению М. Горького, «сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приёмом «заговоров», «заклинаний» повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы»¹. В дошедших до нас сказках и песнях «мы слышим отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий труда»².

Мечты людей облегчить свой труд вызвали образы «ковра-самолёта», «сапогов-скороходов». Сказка о Василисе Премудрой, о возможности соткать в одну ночь огромное количество полотна связана с изобретением прялки и примитивного ручного станка для тканья³.

Обожествление стихийных сил природы, религиозный культ земледелия и ремёсел были неразрывно связаны с трудовой, хозяйственной деятельностью людей и являлись самой ранней формой экономических представлений восточных славян. Эти представления были ещё примитивны; они соответствовали низкому уровню развития производительных сил общества, неразвитости общественных отношений.

Принципы экономической политики киевских князей

Для изучения общественной мысли древней Руси большое значение имеют летописи. Летописи являются богатейшим источником знаний не только о событиях жизни древней Руси, но и о политических представлениях и понятиях, об идеологии русских людей. Воззрения составителей летописей служат одним из важнейших источников для изучения истории развития идеологии русского общества. Летописи проникнуты духом горячего патриотизма; в них возвеличивается русский народ, неуклонно проводится мысль о необходимости его сплочения для совместной борьбы с внешними врагами.

Летописи имеют значение и для исследования русской экономической мысли. Правда, события экономической жизни занимают в записях летописей скромное место; они теряются в обильном материале о политической жизни страны, военных событиях, семейной хронике русских князей, истории русской церкви и т. д. В летописях сообщается о заключении князьями

¹ М. Горький, О литературе. Литературно-критические статьи, «Советский писатель», М. 1953, стр. 693—694.

² Там же, стр. 693.

³ См. там же.

договоров, установлении дани с населения и т. д. Встречаются записи об экономическом положении страны, например, о постигших народ бедствиях — голоде и др. В Новгородской летописи имеются многочисленные сообщения о неурожаях, острой нехватке хлеба и в связи с этим резком повышении хлебных цен¹. Записи в летописях об экономических мероприятиях русских князей дают некоторый материал для суждения и об экономических идеях того времени.

Раскол общества на классы, возникновение и развитие государства обусловили классовые различия и в экономических воззрениях русских людей. С возникновением и развитием Киевского государства появляется и развивается область экономической мысли, непосредственно связанная с экономической политикой государства.

Ранее других вопросов экономической политики перед князьями встала проблема изыскания средств на содержание двора и дружины, на ведение войны. Эти средства собирались в форме дани и оброков с населения. Летописи пестрят сообщениями об установлении дани в пользу киевского князя с покорённых им различных славянских племён. Очень скоро киевским князьям пришлось убедиться, что собирание дани не может идти по произволу, что необходимо установить определённые организационные формы обложения населения. Князь Игорь, только что собравший дань с древлян и решивший тут же получить её с них вторично, был убит возмущёнными древлянами. Княгиня Ольга была вынуждена упорядочить дело взимания дани. Как сообщает летописец, Ольга после усмирения древлян объехала свои земли и установила «уставы и уроки», «оброки и дани»², т. е. определила размер налогов, сроки их уплаты и места, где они должны были собираться с населения. Судя по летописям, дань уплачивалась с плуга (рала), со двора (дыма).

Ограничение, а затем и полную отмену унаследованного от первобытного строя права кровной мести киевские князья использовали для пополнения своей казны; в пользу князя поступали «вира», т. е. штраф за убийство человека, и так называемая «продажа» — штраф за другие преступления.

В XI в. князья взимали уже и торговые пошлины. Они облагали население также различными натуральными повинностями, обязывали его работать по строительству укреплений и пр. Своё право сбора дани с населения определённых земель киевские князья в IX—X вв. передавали иногда вассальным князьям и дружинникам. Маркс характеризовал эту систему отношений

¹ См. «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», АН СССР, М.—Л. 1950.

² См. «Повесть временных лет», ч. I, АН СССР, М.—Л. 1950, стр. 43.

в Киевской Руси как вассальную зависимость без ленов, или лены, заключавшиеся только в уплате дани ¹.

Вопросы налоговой политики занимали важнейшее место в экономической деятельности киевских князей. В область их экономической политики входила также и организация денежной системы, денежного обращения. В Киевской Руси проводилась чеканка монеты — серебряной и золотой. Начало чеканки золотых монет на Руси связывается с именем киевского князя Владимира (первого). Укрупнённая серебряная монета чеканилась в Киевской Руси на сотни лет раньше, чем в Западной Европе, а чеканка золота началась много раньше, чем в Англии и Германии ². Попытка киевских князей чеканить собственную монету и осуществить единую денежную систему была направлена вместе с их другими мероприятиями на упрочение Киевского государства, на поддержание его единства ³. Об активной политике киевских князей в области денежного хозяйства свидетельствует также запрещение сыном Владимира Мономаха, князем Мстиславом Великим, вывоза золота и серебра из страны ⁴.

Экономическая политика киевских князей охватывала также и область торговли. Вопросы внешней торговли интересовали киевских князей прежде всего с точки зрения обеспечения их собственных интересов и интересов их дружин. Часть продуктов, получаемых князьями в порядке обложения населения, выменивалась и продавалась в других странах. В договорах, заключённых киевскими князьями с греками (договоры Олега — в 907 и 911 гг., Игоря — в 944 г., Святослава — в 971 г.), вопросы торговли занимают первое место. Эти договоры свидетельствуют о том, что киевские князья стремились установить прочные и урегулированные отношения на основе полного равноправия с наиболее влиятельным государством того времени — Византией. Военные походы на Царьград диктовались в значительной мере желанием добиться лучших условий для торговли Руси с Византией и другими странами. Князь Святослав хотел обосноваться на Дунае в городе Переяславце, считая, что это место очень удобно для торговли: «Яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, поволоки, вина и оwoщеве раз-

¹ См. *Karl Marx*, *Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century*, London 1899, p. 76.

² См. *Ф. И. Михалевский*, *Очерки истории денег и денежного обращения*, т. 1, Госфиниздат, 1948, стр. 239—240; *А. В. Орешников*, *Денежные знаки домонгольской Руси*, Труды Государственного исторического музея, вып. 6, М. 1936.

³ См. «История культуры древней Руси», т. I, АН СССР, М.—Л. 1948, стр. 387.

⁴ См. «Исторический архив», VII, АН СССР, М. 1951, стр. 412.

ноличных, из Чех же, из Угорь серебро и комони, из Руси же скура и воск, мед и челядь»¹.

В договорах киевских князей с Византией строго определялся порядок торговых взаимоотношений, закреплялись привилегии русских князей в этой торговле, предусматривались хозяйственные интересы сторон — участников торговли, а также мероприятия, предотвращающие столкновения русских людей с греками при осуществлении торговых операций. Договоры предусматривали порядок хранения товаров, спасённых при кораблекрушениях, обязательное возвращение бежавших и похищенных невольников их владельцам, порядок охраны наследства умерших на чужбине и другие вопросы, связанные с внешнеторговыми отношениями. В договоре 907 г. оговорено право русских торговать с греками без уплаты пошлины: «не платяче мыта ни в чем же»².

Интересы казны заставляли киевских князей поощрять торговлю Руси и с другими народами, причём торговля эта регламентировалась. Так, киевский князь Владимир в 1006 г. заключил торговый договор с волжскими болгарами. По этому договору болгарским купцам разрешалось по особым «печатям» князя торговать во всех городах на Оке и Волге, а русским купцам — «с печатями от наместников» свободно ездить к болгарам для продажи и покупки товаров. Болгарским купцам было разрешено торговать с русскими купцами только в городах, ездить же по сёлам и торговать с тиунами, вирниками, огнищанами и смердами было запрещено³. Князь Мстислав Великий не только запретил вывоз золота и серебра из государства, но и установил пошлину на ввоз оружия, а также издал для новгородцев закон о купечестве⁴.

Как свидетельствуют литературные памятники эпохи, некоторые киевские князья весьма активно вмешивались в торговые дела в своих корыстных интересах. Особенно отличался в этом отношении Святополк (1093—1113 гг.). Так, например, он не пустил купцов с солью из Галича и Перемышля, чем вызвал недостаток соли в стране и резкое повышение цен на соль. Затем Святополк присвоил себе монопольное право на торговлю солью в целях наживы⁵. Он торговал и хлебом.

Особенно важное значение имела политика киевских князей в области землевладения и отношений между господствующими

¹ «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л. 1950, стр. 48.

² Там же, стр. 25.

³ См. В. Н. Татищев, История Российская, книга вторая, М. 1773, стр. 88—89.

⁴ См. «Исторический архив», VII, стр. 412.

⁵ См. «Патерик Киевского Печерского монастыря», Памятники славяно-русской письменности, II, Спб. 1911, стр. 108, 207—208.

классами общества и эксплуатируемыми классами. Процесс развития феодальных отношений в Киевской Руси совершался, конечно, в силу экономических законов развития общества. Но в этом процессе значительную роль играла и экономическая политика киевских князей, ускорявшая этот процесс, дававшая ему юридическую санкцию и оформление. Присваивая себе земли, князья ведут на них хозяйство; они раздают земли вместе с живущими на них смердами своим дружинникам-боярам. Князь и бояре ведут хозяйство трудом «челяди», холопов (рабов), зависимых смердов, изгоев и других зависимых людей. Всё больше земель сосредоточивается в руках монастырей, церкви.

Зависимость эксплуатируемых от феодалов, основанная на феодальной собственности на землю, укреплялась силой государственной власти, представлявшей интересы крупных землевладельцев — князей и бояр. Внеэкономическое принуждение к труду — использование принудительного труда холопов, зависимых смердов и др. — требовало вмешательства государства в отношения феодала и эксплуатируемого им работника. Государство подавляло попытки эксплуатируемых к сопротивлению, издавало законы, обеспечивавшие возможность повседневной эксплуатации труда феодалами. Содействие крупному феодальному землевладению, как светскому, так и духовному, занимало важное место в экономической политике киевских князей.

Не сохранились исторические документы, которые дали бы возможность составить более или менее полное представление об экономических воззрениях, о принципах экономической политики отдельных киевских князей; то, что дают нам летописи, носит отрывочный характер.

О киевском князе Владимире (первом) летописец сообщает, что он любил свою дружину, советовался с нею «о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем»¹. При Ярославе (сыне Владимира) появляется первый русский писанный гражданский устав — «Правда Русская» (краткая редакция). С именем Владимира Мономаха связано появление ряда новых важных статей «Правды Русской» — о закупках, о процентах. Важнейшее из оставленных Владимиром Мономахом после себя литературных произведений — «Поучение» — содержит в себе некоторые интересные экономические идеи.

В «Поучении» Владимира Мономаха рисуется образ идеального правителя, даётся наставление, как нужно управлять подданными. Автор призывает своих детей к трудолюбию; нужно самим смотреть за всем, не полагаясь на других, учиться тому, чего не знаешь. Дружина князя должна хорошо

¹ «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л. 1950, стр. 86.

обращаться с населением своей страны, не разорять его. «Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не позволяйте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни в селах, ни в нивах, чтобы не стали проклинать вас»¹. Особое внимание следует уделять «гостям». «Куда вы пойдете и где станете (станом), напоите и покормите нищего и странника, и наиболее почтите гостя, откуда бы к вам ни пришел: простой ли, именитый ли, или посол; если не можете подарком, то пищей и питьем: ибо они, путешествуя, прославят человека по всем странам — или добрым, или злым»². В «Поучении» даются советы широкого социального значения — не забывать убогих, сирот и вдов: «не позволяйте сильным погубить человека»³. Этот же мотив повторяется и в более определённой форме, причём автор ставит в пример себя: «...простого смерда и убогой вдовицы не давал я обидеть сильным и за церковным нарядом и службой наблюдал я сам»⁴. Выставляя себя в роли охранителя смердов, Владимир Мономах имел в виду, очевидно, свою законодательную деятельность, выразившуюся в дополнении «Правды Русской» новыми статьями о займах и процентах. Ниже будет показан подлинный смысл этой «заботливости» киевского князя о смердах.

Экономические идеи в «Правде Русской»

«Правда Русская» является выдающимся памятником русской общественной мысли периода Киевской Руси. Она имеет большое значение и для изучения экономической мысли. Дошедшие до нас многочисленные списки текста «Правды Русской» делятся на две группы, различные по объёму и содержанию. Одна из этих групп получила у исследователей название «Краткой Правды», другая — «Пространной Правды»⁵.

«Правда Русская» сложилась не сразу: она развивалась на протяжении веков. Частично «Правда Русская» отражает обычное право восточных славян, а отчасти является плодом княжеского законодательства. Последнее прямо отмечается

¹ «Поучение» — см. академик А. С. Орлов, Владимир Мономах, АН СССР, М.—Л. 1946, стр. 139.

² Там же.

³ Там же, стр. 137.

⁴ Там же, стр. 149.

⁵ Сохранилась ещё третья редакция текста, названная «Сокращённой Правдой». Большинство исследователей рассматривает её лишь как поддержку из «Пространной Правды», некоторые же выделяют как особую, самостоятельную редакцию «Правды Русской» наряду с «Краткой Правдой» и «Пространной Правдой» (см. М. Н. Тихомиров, Исследование о Русской Правде, АН СССР, М.—Л. 1941, стр. 183—197).

в летописях, где был записан текст этого кодекса древних законов¹. Одна из частей «Правды Русской», так называемая «Правда Ярослава», появилась в 30-х годах XI в. Возникновение другой части — «Правды Ярославичей» — относят к 70-м годам того же века. Появление статьи «Устав Володимерь Всеволодича» относится ко времени около 1113 г.

Маркс подчёркивал, что «как политическое, так и гражданское законодательство всегда лишь выражало, заносило в протокол требования экономических отношений»². Это целиком относится и к «Правде Русской», которая была сводным гражданским законом Киевского государства. Этот ценнейший исторический документ не только знакомит с правовыми представлениями, юридическими нормами и организацией суда в Киевской Руси, но и даёт современному исследователю богатый материал об экономическом и политическом строе жизни, а также о существовавших в тот период на Руси экономических идеях, понятиях. В «Правде Русской» получили наиболее полное отражение экономические воззрения господствовавшего в Киевской Руси общественного класса, выразившего в законодательстве своё понимание экономических и социальных вопросов и обеспечивавшего с его помощью защиту своих классовых интересов.

Центральное место в «Правде Русской» занимают вопросы экономических, имущественных отношений: определение ответственности за различные преступления в этой области — воровство, нарушение пашенных меж и т. д., а также нормирование разного рода имущественных отношений — займа, наследования имущества и т. д.

Если отдельные статьи «Правды Русской» сгруппировать по их содержанию, то окажется, что почти в половине статей «Краткой Правды» — в 20 из 43 — речь идёт об ответственности за нарушение права собственности и о других вопросах экономического характера; из 121 статьи «Пространной Правды» 87 статей посвящены экономическим вопросам. Это свидетельствует об усиленном внимании законодательства Киевской Руси к вопросам экономического характера. В статьях «Правды Русской» говорится об охране, обеспечении права собственности на имущество, на рабов и лиц полурабского состояния, прежде всего и главным образом об охране собственности князя, феодальной знати, об обеспечении их права на эксплуатацию чужого труда.

¹ См. «Правда Русская» под ред. акад. Б. Д. Грекова, т. I, Тексты, АН СССР, М.—Л. 1940, стр. 402, 403, 424 и др.

² К. Маркс, Ницета философии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 342.

Бросается в глаза резко выраженная фискальная роль княжеского суда в Киевской Руси. «Виру» и «продажу» — денежный штраф за преступления против личности и против собственности, установленный после запрещения кровной мести, — виновный должен был платить князю. Значительно реже виновный обязан был платить за «обиду» в пользу потерпевшего¹.

Государственная власть в лице киевских князей зорко стояла на страже частной собственности господствующих классов. «Правда Русская» служила орудием защиты интересов эксплуататоров. «Челядин» рассматривался в «Правде Русской» как собственность господина наравне со скотом и вещами, и за кражу челядина или за укрывательство сбежавшего челядина был установлен определённый штраф². Ряд статей «Пространной Правды» посвящён охране земельной собственности, землевладения; в этих статьях определена ответственность за нарушение полевых меж и бортовых знаков. Большое внимание уделяет «Пространная Правда» порядку наследования.

В восьми статьях «Правды Русской» речь идёт о займах и проценте, об охране и порядке обеспечения имущественных интересов кредитора, об условиях, при которых требование о возврате займа имеет юридическую силу, о порядке взыскания долгов и т. п. Ростовничество было, как видно, довольно широко распространено в Киевской Руси. Кредитные отношения здесь называются «долгом», а денежный процент — «резом». Предоставление денежного займа обозначается как дача «кун в рез» (ст. 50). Деньги, отданные в рост за проценты, в «Правде Русской» носят название «исто» (по тексту другой редакции — «истое», ст. 53). Кроме денежного займа, в «Правде Русской» упоминается о долговых обязательствах в натуральной форме: «настав в мед», «жито в присоп» (по другой редакции — «во просоп») — ссуда продуктами с условием возвращения их с надбавкой (ст. 50)³.

Интересно отметить, что «Правда Русская» определяет и размер «реза», т. е. процента по денежному займу (ст. 51

¹ «Забота о князе и его доходах проходит красной нитью через весь текст «Пространной Правды»... Такой памятник, как «Пространная Правда», был предназначен не только для регламентации юридической практики древней Руси, но, в первую очередь, для обеспечения интересов князя. Интересы древнего общества, знавшего, главным образом, платежи за «обиду», нашедшие своё отражение в «Древнейшей Правде», отступают в «Пространной Правде» на второй план перед интересами князя и княжеской администрации. Усиленное внимание к высоким «вирам» и «продажам» крайне характерно для «Пространной Правды», — справедливо пишет М. Н. Тихомиров в «Исследовании о Русской Правде» (АН СССР, М.—Л. 1941, стр. 219).

² См. «Правда Русская», т. I, стр. 125—126.

³ Термин «во просоп» — от глагола «присыпать», т. е. давать зерно займы с условием возврата его с прибавкой.

и 53). В статье 53, носящей название «Устав Володимерь Всеволодича», говорится о том, что князь Владимир (Владимир Мономах) созвал свою дружину в Берестове и на этом съезде было установлено, что заимодавец, ссудивший свои деньги за проценты «в треть куны», имеет право взимать эти проценты лишь два раза, после чего он может получить только свой капитал — ссуженные деньги. Если же заимодавец такой процент получит три раза, то он теряет право и на получение своего капитала от должника. Брать проценты в размере 10 кун с гривны в год не воспрещается¹.

Следовательно, законом был определён максимальный размер процента. Конкретная величина этого максимума ссудного процента остаётся, однако, неясной². Но совершенно очевидно, что ссудный процент в Киевской Руси был очень высок, и княжеская власть была вынуждена в законодательном порядке регламентировать уровень процента в сторону некоторого его снижения.

Историки с полным основанием считают, что только борьба трудящихся масс против ростовщиков заставила Владимира Мономаха пойти на такой важный, не связанный непосредственно с фискальными интересами князя шаг в области экономической политики, как законодательное регулирование высоты ссудного процента. Законодательство Владимира Мономаха о процентах, закупах, холопах «должно быть названо актом самозащиты социальных верхов перед напором раздражения чёрного люда»³.

О социальной политике киевских князей можно судить по их законодательству о закупах и о холопах. Как было сказано выше, закуп представлял собой одну из разновидностей зависимых людей в древней Руси; закуп — это смерд, вынужденный прибегнуть к ссуде (денежной или в виде сельскохозяйственного инвентаря) и отработывающий свой долг в хозяйстве заимодавца, который становился, таким образом, господином закупа. В результате разорения смердов закупничество всё более распространялось. Разновидностью закупа был ролейный закуп, т. е. закуп, работавший на господской пашне, тогда как обычный закуп работал, очевидно, в доме господина.

Статьи «Пространной Правды» о закупах можно рассматривать как своего рода *Устав о закупах*. Они направлены на охрану интересов господина, но вместе с тем строго определяют и степень его власти над закупом, устанавливая объём

¹ См. «Правда Русская», т. I, стр. 424.

² См. «Правда Русская», т. II, Комментарии, АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 426—428; С. Г. Струмилин, Договор займа в древнерусском праве, М. 1929, стр. 3.

³ А. Пресняков, Княжое право в древней Руси, Спб. 1909, стр. 248.

прав господина в отношении закупа, а тем самым и положение закупа.

В «Пространной Правде» точно определены условия, при которых закуп превращается в полного раба (обельного холопа): в случае бегства закупа от своего господина или же в случае, если закуп украдет что-либо на стороне, а господин уплатит за украденное. За закупом признано право отлучаться от своего господина для того, чтобы «искать кун», и право обращаться к князю или к судьям с жалобой на своего господина. В этом заключалось существенное различие в положении закупа и холопа.

В «Пространной Правде» строго определяется ответственность ролейного закупа за имущество своего господина: закуп обязан был возмещать господину только те убытки, которые причинены его небрежной, нерадивой работой. «Пространная Правда» конкретно устанавливает ответственность господина за превышение власти над закупом: за отнятие у закупа выданной ему ссуды или его собственного имущества, за продажу закупа как своего раба, за незаслуженное избиеие закупа.

Статьи «Правды Русской», направленные на ограничение произвола господина по отношению к закупу, равно как и статьи о резах, устанавливавшие уровень ссудного процента, историки связывают с восстанием 1113 г. в Киеве. «Следы революционного происхождения законодательства о закупках очень заметны. Закупу гарантировано право судиться со своим господином и право уходить от господина «искать кун»; довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза рассчитанная на политический эффект декларативность некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только «про дело», но отнюдь не «без вины», «не смысля» или под пьяную руку. Во всех этих гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу»¹, — пишет академик Б. Д. Греков.

Большой раздел «Пространной Правды» (16 статей) посвящён вопросу о холопах — самой бесправной группе населения Киевской Руси. Комментаторы называют эту часть «Пространной Правды» *Уставом о холопах*. В «Пространной Правде» определяются условия, при которых свободный человек превращается в раба. Согласно статье 110 основанием для обельного (полного) холопства могут служить три факта: 1) купля человека при свидетелях, хотя бы и за полгривны, и отдача денег

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, Учпедгиз, М. 1949, стр. 197.

при самом холопе; 2) женитьба на рабе без всякого условия; если же кто-либо женится с условием, то остаётся на тех правах, как было условлено; 3) поступление в тиуны или ключники без условия; если же было заключено условие, то остаётся на тех правах, как было условлено. Следующей (111-й) статьёй установлено, что срочный работник не является холопом. Нельзя обращать человека в холопство ни за прокорм, ни за снабжение предметами домашнего обихода. Если работник, не дослужив до срока, захочет уйти, не ставить ему это в вину; в этом случае он должен возратить господину полученные деньги.

Статьи 112—115 «Пространной Правды» определяют уголовную ответственность за оказание помощи беглому холопу и вознаграждение за поимку беглеца. Статья 118 защищает интересы господина, холоп которого продал себя другому господину, скрыв при этом своё первое холопство. Статьи 116, 117 и 119 определяют ответственность господина за деньги, взятые у кого-либо обманным путём в долг его холопом, выдававшим себя за свободного человека; ответственность господина за кредит, полученный холопом, которому господин разрешил торговать; право господина на «товар», добытый его беглым холопом. В других статьях установлена ответственность господина за кражу, совершённую его холопом, ответственность холопа, ударившего свободного человека, и ответственность господина, не выдающего своего холопа, ударившего свободного человека.

Таково содержание «Правды Русской» в той части, которая представляет интерес для изучения истории русской экономической мысли. Мы видим, что «Правда Русская», в особенности «Пространная Правда», выражала интересы эксплуататорских классов, защищала частную собственность вообще, собственность торговцев, ростовщиков, в особенности же собственность феодалов. Она защищала интересы имущих, господствующих классов, т. е. интересы эксплуататоров, и была направлена против социальных низов, неимущих и малоимущих слоёв общества — холопов, закупов, смердов.

Особое внимание уделяла «Правда Русская» защите собственности «господ», прежде всего князей и бояр. За нарушение собственности князя, например за кражу княжеского коня, «Правда Русская» устанавливала штраф в полтора раза больший, чем за кражу коня у простого человека — смерда (ст. 45). За убийство княжеского тиуна была установлена весьма высокая «вира» — 80 гривен (ст. 12). За убийство «княжа мужа» в драке, если убийца не сыскан, община («вервь») обязана была платить «виру» в размере 80 гривен, в то время как за убийство «людина», т. е. простого свободного человека, — 40 гривен

(ст. 3). За убийство смерда и холопа «вира» была определена в 5 гривен (ст. 16). Такая же сумма была установлена и за убийство «рядовича», т. е. простого служителя, слуги по договору (ст. 14), а за убийство княжего служителя, конюха или повара — 40 гривен (ст. 11). Классовая природа законодательства древней Руси совершенно очевидна.

В. О. Ключевский считал, что «Правда Русская» есть по преимуществу «уложение о капитале». «Капитал, — писал он, — служит предметом особенно напряжённого внимания для законодателя; самый труд, т. е. личность человека, рассматривается как орудие капитала: можно сказать, что капитал — это самая привилегированная особа в «Русской Правде»¹. Мнение Ключевского о «Правде Русской» как «уложении о капитале» разделялось и многими другими историками. В. В. Святловский, например, писал, что вообще «Правда Русская» есть «кодекс охраны раннего русского капитализма». «Основная социально-экономическая задача и, так сказать, внутренний смысл этих памятников (торговые договоры Киева с Византией и «Правда Русская». — А. П.) — защита интересов нарождающегося торгового капитала, его посредников и товаров»².

Такое толкование классовой природы «Правды Русской» является неправильным. Оно основано, во-первых, на неверном понимании характера экономики Киевской Руси — на преувеличении степени развития торговли и торгового капитала в древней Руси; во-вторых, на непонимании сущности самой категории «капитал». Ключевский понятие «капитал» просто отождествляет с частной собственностью, называет «капиталом» вообще всякую частную собственность.

Охрана имущественных и политических интересов господствующих классов, обуздание эксплуатируемых масс, подавление их сопротивления являются главными функциями всякого государства в обществе, где существуют антагонистические классы, где одни классы угнетают и эксплуатируют другие. Принцип защиты частной собственности, прежде всего феодальной, проходит красной нитью через всё законодательство княжеской и царской России, начиная с периода Киевской Руси и вплоть до революционного свержения власти помещиков и буржуазии в 1917 г.

«Правда Русская» была первым в истории кодексом законов Русского государства. Содержание её не только отражало существовавшие в Киевской Руси феодальные производственные отношения, но и служило орудием их формирования, орудием

¹ В. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, Сопэкгиз, М. 1937, стр. 253.

² В. В. Святловский, История экономических идей в России, т. 1, Петроград 1923, стр. 9, 11.

укрепления господствующего положения и привилегий феодальной знати. Зафиксированные в «Правде Русской» юридические нормы выражали собой *экономическую политику* Киевского государства — политику возвышения феодальной знати, защиты и укрепления *феодальной собственности*. Фиксированное в «Правде Русской» феодальное право было одним из важнейших элементов надстройки феодального общества; оно служило оформлению его базиса, способствовало укреплению и развитию этого базиса.

«Правда Русская» является ярким памятником существовавших в Киевской Руси экономических понятий, экономических представлений, идей. Здесь мы встречаем понятия ростовщического капитала («истое»), процента («рез»), «товара»¹, сельской общины («вервь»), понятия «рядовича», «закупа», «холопа» и др. Экономический лексикон «Правды Русской» очень богат (разумеется, для той эпохи), что свидетельствует о сложности и многообразии существовавших в Киевской Руси экономических отношений.

Экономические термины «Правды Русской» выражают ряд таких экономических отношений, которые позже, по мере дальнейшего развития страны, совсем исчезли («рядович», «закуп», «ролейный закуп», «челядь», «обельный холоп» и т. д.). Многие экономические отношения, которые сохранились, конечно, в видоизменённой форме, и на последующих стадиях развития нашей родины, получили впоследствии другие названия: например, «истое» и «рез» стали называться «капитал» и «процент».

«Истое», «рез», «товар», «рядович», «наймит», «обельный холоп» и другие экономические термины, встречающиеся в «Правде Русской», ещё нельзя рассматривать как *экономические категории*, т. е. как *теоретическое* выражение производственных отношений. Лишь спустя несколько столетий русская экономическая мысль стала не только *фиксировать* существовавшие производственные отношения общества, но и анализировать, теоретически осмысливать эти отношения.

Кодексы законов, соответствующие «Правде Русской», имелись в своё время и в других славянских странах, как, например, «Закон Судный людем», «Польская правда», древнейшие чешские уставы и т. д. Они имелись и у многих других народов Западной Европы, например, у германских племён — «Вестготская Правда», «Бургундская Правда», «Салическая Правда» и т. д. При изучении всеобщей истории экономической мысли представляет интерес сравнительный анализ экономических

¹ Слово «товар» употреблялось в древней Руси в разных значениях: 1) стан, обоз; 2) имущество; 3) продукт, продаваемый на рынке.

идей, содержащихся в этих юридических памятниках различных стран. Такой анализ вскрыл бы сходство одних и отличие других экономических идей в кодексах разных стран. То и другое объяснимо сходством и различием реальных условий жизни феодальных стран, кодексы законов которых мы стали бы сравнивать.

«Правда Русская» явилась итогом внутреннего социально-экономического развития восточных славян и древнерусского народа. Рассуждения некоторых дворянско-буржуазных космополитов о якобы «заимствовании» содержания «Правды Русской» у других народов являются вымыслом и клеветой¹.

Церковь на службе феодального строя

С принятием христианства важное значение в общественной жизни Руси приобрела церковь. Она выступала как большая идеологическая сила, используемая князьями для упрочения своей власти, для укрепления феодальных отношений. Новая религия призывала людей повиноваться княжеской власти, освящала эту власть авторитетом бога. Она проповедовала: «несть бо власти, аще не от бога».

Христианство было прогрессом по сравнению с язычеством. Славяне получили вместе с христианством некоторые элементы более высокой византийской культуры. Церковь, монастыри сыграли большую роль в развитии грамотности и просвещения в Киевской Руси.

Сделав христианство господствующей религией, киевские князья вместе с тем дали решительный отпор настойчивым попыткам Византии использовать эту религию для политического и идеологического подчинения себе Киевского государства. В этой борьбе за самостоятельность молодого Русского государства большую положительную роль сыграла и русская церковь. В выдающемся литературном памятнике той эпохи — «Слове о законе и благодати», написанном пресвитером загородной дворцовой церкви Ярослава *Иларионом* (позже первым русским митрополитом), обосновывается идея равноправия народов. В противоположность византийским теориям, трактующим о богоизбранстве лишь одного греческого народа, Иларион прославлял русский народ, доказывал несостоятельность учения об исключительном праве Нового Рима на вселенское господство. Иларион рассматривал всемирную историю как

¹ См. об этом *Б. Д. Греков*, «Русская Правда» и её славянское окружение, «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. IX, № 2, 1952 г., стр. 105—114.

постепенное приобщение всех народов к культуре христианства и доказывал равноправие Киева и Константинополя¹.

Христианская религия представляла собой идеологию, соответствовавшую сложившемуся в Киевской Руси экономическому и политическому строю феодализма. Энгельс характеризовал христианскую церковь как наиболее общий синтез и наиболее общую санкцию существующего феодального строя². Маркс указывал, что социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество, защищают угнетение пролетариата. Эти принципы проповедают необходимость существования классов — господствующего и поработаемого, переносят на небо обещанное вознаграждение за все перенесённые на земле мерзости и тем самым оправдывают продолжение этих мерзостей на земле, провозглашают все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за грехи, либо испытанием, которое господь ниспосылает людям. Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение³.

Эта служебная роль христианства как идеологического оружия в руках эксплуататорских классов наглядно проявляется и в истории Киевской Руси. Из сохранившейся церковной литературы рассматриваемого периода видно, что церковь своим авторитетом санкционировала и оправдывала сложившееся деление общества на богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Церковь не только способствовала своей идеологией укреплению феодальных производственных отношений, но и сама была непосредственным эксплуататором трудящихся масс. Получая от князя земли с живущими на них смердами, церковь становилась крупным землевладельцем.

Церковники призывали верующих к повиновению богу и князьям, внушали им, что они должны безропотно подчиняться своим господам, что покорность своему земному господину является одной из добродетелей истинного христианина.

В условиях нараставших противоречий и классовой борьбы церковники настойчиво проповедовали выгодную для господствующего класса идею социального мира между богатыми и бедными, между эксплуататором и эксплуатируемым. Бедных, эксплуатируемых людей они призывали безропотно мириться

¹ См. Д. С. Лихачёв, Национальное самосознание древней Руси, АН СССР, М.—Л. 1945, стр. 30.

² См. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М. 1953, стр. 34.

³ См. К. Маркс, Коммунизм «Рейнского обозревателя», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 173.

со своей участью, а богатых, эксплуататоров увещевали не злоупотреблять своей властью над бедными людьми и уделять им крохи от своих богатств. Эта идея классового мира отчётливо выражена, например, в выдающемся памятнике церковной литературы эпохи Киевской Руси — «Изборнике» Святослава 1076 г.¹ «Князя бойся всею силою своею». «Всякому человеку (богату) главу свою покланяй, смирения ради», — говорится в Стословце, помещённом в «Изборнике»².

Бедным людям внушается покорность, терпение, смирение, трудолюбие, за что им обещается царство небесное. Нищие не должны завидовать богатым. Настойчиво повторяются наставления трудиться, леность осуждается как порок, недостойный христианина. «Тружайся всегда, да видит бог труд твой и пошлет тебе помощь свою; если это делаете, то водворитесь в царствии божиим»³, — читаем в «Поучении Св. Феодоры детям ее».

В условиях, когда общество раскалывалось на классы и развивались феодальные и рабовладельческие формы эксплуатации, настойчивые увещевания церкви трудиться, не лениться имели определённый классовый смысл: они означали религиозную санкцию присвоения господствующими классами труда и продуктов труда неимущих людей, призыв трудиться на эксплуататоров.

С другой стороны, богатым церковники советуют не озлоблять зависимых и нищих людей, не доводить их до «гнева». Рабов нужно кормить и одевать. Ослушавшегося раба рекомендуется наказывать, но не забывать при этом, что раб тоже человек, только данный богом в услужение своему господину. Убийство раба господином церковники осуждали, за убийство раба господин несёт ответственность перед богом. Богатые обязаны давать нищим милостыню. За всё это им обещается благополучие на небе.

В статье «Социализм и религия» В. И. Ленин писал: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря

¹ См. В. Шимановский, Сборник Святослава 1076 г., Варшава 1894. Интересный анализ социального смысла содержания этого памятника дан в статье И. У. Будовнича ««Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли», «Труды отдела древнерусской литературы», X, АН СССР, М.—Л. 1954, стр. 44—75.

² См. «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. III, Спб. 1897, стр. 4.

³ Там же, стр. 38.

в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие»¹.

Увещевая знатных и богатых людей не доводить до крайности угнетение трудящихся, церковники дают иногда яркую картину чрезмерной эксплуатации труда. Например, игумен Феодосий говорит киевскому князю Изяславу: «Твои же раби... работают сварящаяся и шegaющая и кленуще друг друга, многожда же и биими суть от приставник, и тако вся служба их с грехом свершается»². В «Поучении» епископа Туровского Кирилла говорится, что господа своей жестокостью в отношении рабов доводят их до самоубийства: «Не подающе им довольню пищи и одежда, и делом насилующе или инеми бедами и биими напрасно и в воду вмещающихся и от своих рук истравившихся от насилия»³.

Христианство насаждалось князьями насильственно. Сопротивление трудящихся масс растущей феодальной эксплуатации, борьба против ростовщиков переплетались с борьбой против новой религии. Почти одновременно с принятием христианства на Руси появились и «ереси». Во главе восставшего народа часто стояли волхвы — ревностные поборники вытеснявшегося язычества. Народные восстания заставляли киевских князей становиться на путь некоторой регламентации границ эксплуатации трудящихся, что, как мы видели, получило отражение в отдельных разделах княжеского законодательства — «Правды Русской».

Об экономических воззрениях церковников периода Киевской Руси можно судить и по их отношению к ростовщическому капиталу и проценту. В странах Западной Европы католическая церковь, как известно, относилась к взиманию процента резко отрицательно: она запрещала взимать проценты не только служителям церкви, но и всем верующим. В церковной литературе Киевской Руси осуждалось взимание процента вообще, а служителям церкви запрещалось заниматься ростовщичеством. Служители церкви, ссужавшие деньги под большие проценты, лишались сана. Взимание высоких процентов объявля-

¹ В. И. Ленин, Социализм и религия, Соч., т. 10, стр. 65—66.

² «Патерик Киевского Печерского монастыря», Спб. 1911, стр. 40.

³ См. М. Н. Тихомиров, Источниковедение истории СССР с древнейших времён до конца XVIII в., Соцэкгиз, 1940, стр. 91.

лось греховным делом наравне с грабительством; рекомендовалось брать умеренные проценты¹.

Некоторые историки преувеличивали роль церкви в вопросах взаимоотношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми. А. Щапов, например, характеризовал церковь в России эпохи первоначального развития рабства как якобы единственную силу, которая «могущественно сдерживала стремление материальной силы к порабощению и этому стремлению противопоставляла стремление к улучшению участи порабощённых»².

В действительности ни о каком серьёзном «сдерживающем начале» древней русской церкви в отношении эксплуатации одних людей другими говорить не приходится. Развитие феодальной формы эксплуатации в Киевской Руси, как и в последующие периоды истории России, было обусловлено объективными законами развития общества. История Киевской Руси показывает, что единственной реальной силой, действительно сдерживавшей «стремление материальной силы к порабощению», являлись сами народные массы, их восстания, их упорное сопротивление своим эксплуататорам. Церковь же, будучи уже тогда могучей идеологической силой, верно служила классу эксплуататоров и сама существовала за счёт народного труда.

Приняв христианство и превратив его в государственную религию, Владимир возложил на народ расходы по содержанию служителей этой религии. На содержание построенной в Киеве церкви он установил «десятину по всей земли Русей и с княжения... от всякого княжа суда десятую векшу, а от торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето десятое от всякого стада и от всякого жита...»³.

Был установлен особый церковный суд, доход от которого шёл на содержание церкви.

Интересно отметить, что уже Владимиром (первым) на церковь была возложена обязанность наблюдать за точностью торговых мер и весов. «Градская и торговая и всякаа мерила, спуды, извесы, ставила от бога исконе како установленно святителю блюсти бес пакости, не умалити, ни умножити»⁴. Образцы меры и веса хранились в церкви.

¹ См. «Памятники древнерусского канонического права», ч. 1, «Русская историческая библиотека», изд. 2, т. VI, Спб. 1908, стр. 24—25; «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. II, ч. 1, Спб. 1896, стр. 91—92.

² А. Щапов, *Голос древней Русской церкви об улучшении быта несвободных людей*, Казань 1859, стр. 12.

³ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», АН СССР, М.—Л. 1950, стр. 480.

⁴ Там же, стр. 479. «Мерила» — мера длины (аршины, сажени), «спуды» — мера объёма (четверики), «извесы» — весы, «ставила» — гири.

Экономические идеи в былинном творчестве народа

Взгляды самого народа на важнейшие явления общественной жизни нашли отражение в его былинном творчестве. Возникновение русских былин исследователи относят к IX—X вв. Былины отражают общественно-политические настроения русских людей, отношение широких масс трудящихся к происходящим событиям, к различным сторонам общественной жизни. В былинах получила яркое выражение патриотическая идея борьбы за государственное единство и за независимость русского народа. Вместе с тем содержание былин позволяет судить и об отношении народных масс к представителям господствующего класса. Они показывают высокую оценку народом своей роли в судьбах страны.

Описываемые в былинах конфликты богатырей с князем Владимиром и его боярами представляют собой художественное изображение антагонистических противоречий между эксплуататорскими классами и народом¹. В былинах нередко подчёркивается превосходство народных героев над князьями и «боярами толстобрюхими». Главный герой русского эпоса — «крестьянский сын» Илья Муромец воспевается в былинах не только как защитник родины, хранитель единства и мощи Русской земли, но и как защитник «вдов и сирот», трудового народа.

В былинах воспеваются не только военные доблести, но и мирный труд русского народа. В этом отношении особенно интересна известная былина о Микуле Селяниновиче. Событие, описываемое в ней, судя по тексту, относится ко времени княжения в Киеве Владимира (первого или Мономаха — определённо установить нельзя). Былина изображает встречу работающего в поле ратая (земледельца) Микулы Селяниновича с представителями других общественных слоёв Киевской Руси — княжеским сыном Вольгой и его дружиной, столкновение Микулы Селяниновича с городскими «мужиками-разбойниками».

Микула Селянинович — богатырь-земледелец. В ярких поэтических образах в былине рассказывается об огромном значении для всего общества труда земледельца. Тяжёлый земледельческий труд изображён здесь в самых привлекательных красках. В былине описываются необыкновенная сила и героизм земледельца Микулы Селяниновича, его превосходство над княжескими дружинниками и над городскими «мужиками-разбойниками». Микула обращается с князем непринуждённо, а дружинников насмешливо называет хлебоястцами, т. е. тунеядцами.

Былина о Микуле Селяниновиче свидетельствует также о существовании уже в тот ранний период истории нашей страны

¹ См. «История русской литературы», т. I, АН СССР, М.—Л. 1941, стр. 247.

противоречий между городом и деревней. Отправившись в город за солью, Микула Селянинович вынужден был вступить в жестокий бой с городскими «мужиками-разбойниками», требовавшими с него «грошев подорожных», т. е., как можно полагать, разного рода торговых сборов, пошлин.

Обращая внимание на то, что «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа», М. Горький подчёркивает «совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор... Василиса Премудрая...»¹. В создании этих образов, говорит Горький, гармонически сочетались мысль и чувство.

Отражение взглядов трудового народа на господствовавшие в то время общественные отношения мы находим и в других былинах. В знаменитой былине о Садко, созданной в Новгороде и относящейся, вероятно, к более позднему времени, к XII в., показан конфликт простого человека, смелого и талантливого представителя вольнолюбивого новгородского люда с богатым купечеством. Народный герой противостоит здесь «Великому Новгороду», со всеми его богатствами. Он вызывает на состязание всех купцов Новгорода и побеждает их².

* *
*

Среди литературных памятников Киевской Руси, принадлежавших перу церковников, значительный интерес представляет «Житие и хоженье Даниила» в Палестину³. Автор этого произведения был игуменом монастыря. Игумен Даниил вместе с группой других русских людей пробыл в Иерусалиме с 1106 по 1108 г. Подобные путешествия представляли распространённое тогда паломничество верующих в «святую землю». Не исключена, однако, возможность того, что великий князь Святополк Изяславич использовал паломничество Даниила в дипломатических целях⁴.

Даниил посетил Иерусалим вскоре после окончания первого крестового похода, в период королевства Балдуина I, когда значительная часть Палестины была ещё занята крестоносцами. В «Житие и хоженье Даниила» подробно описано то, что

¹ М. Горький, О литературе. Литературно-критические статьи, «Советский писатель», М. 1953, стр. 698.

² См. «Русское народное поэтическое творчество», т. I, АН СССР, М.—Л. 1953, стр. 230—234.

³ См. «Житие и хоженье Даниила Русьския земли игумена 1106—1108 г.», Спб. 1896.

⁴ См. В. В. Данилов, К характеристике «Хождения игумена Даниила», «Труды отдела древнерусской литературы», X, АН СССР, М.—Л. 1954, стр. 92—105.

Даниилу удалось увидеть в Палестине. Милостивый приём королём и знакомство со «старейшиной Срациньским» дали Даниилу возможность побывать в местах, недоступных для других путешественников.

Наряду с основным содержанием «Житья и хоженья Даниила» — подробным описанием виденных им христианских святынь — имеется в этом памятнике также богатая характеристика природы и хозяйства Палестины. Даниил описывает сельское хозяйство (выращивание различных зерновых культур и овощей, садоводство) и другие отрасли хозяйства Палестины. Он говорит о плодородии земель в окрестностях Иерусалима, описывает искусственное орошение около Иерихона, показывает состояние хозяйства и богатство различных городов Палестины. Обилие экономико-географических сведений выгодно отличает «Житье и хоженье Даниила» от современных ему и более поздних описаний Палестины другими путешественниками. «Житье и хоженье Даниила» следует рассматривать как первое литературное произведение, в котором отражено знание русскими людьми экономической географии других стран.

Благодаря точности описания Палестины «Житье и хоженье Даниила» в течение ряда веков пользовалось в России большой популярностью и служило своего рода путеводителем; эта работа была известна также в ряде других стран Европы.

* *
*

Мы кратко охарактеризовали здесь основные черты русской экономической мысли в самый ранний период исторической жизни великого русского народа — в период Киевской Руси. Как и у всех других народов на заре их исторического развития, у восточных славян в процессе их хозяйственной деятельности неизбежно создавались определённые представления о своих производственных отношениях, об общественных формах хозяйствования.

Беспомощность людей перед силами природы заставляла их обожествлять эти силы, преклоняться перед ними. В языческой вере восточных славян отражались их представления об экономической стороне их жизни. Зародыши определённой экономической мысли видны также и в народных сказках, обрядах. Теснейшая и непосредственная связь религиозных воззрений восточных славян с характером их сельскохозяйственной и промысловой деятельности сохраняется позже в несколько усложнённом виде и в христианской религии русского народа.

С экономическим, политическим и культурным ростом восточных славян развивается, становится богаче также их экономи-

ческая мысль. Рост производства и торговли, раскол общества на антагонистические классы, образование Киевского государства, принятие христианства объединёнными в этом государстве восточными славянами, распространение грамотности и просвещения обусловили значительный рост и экономической мысли.

Экономические представления господствующих классов древней Руси получили своё выражение в экономической политике киевских князей, в своде законов киевских князей — «Правде Русской», в настойчивых проповедях служителей церкви, обращённых к трудящимся, беспрекословно повиноваться своим господам.

Вместе с тем в богатом и ярком устном поэтическом творчестве русского народа — в народном эпосе — получило своё выражение осознание трудящимися массами важности сельскохозяйственного труда, труда крестьянства, для всей жизни общества. Многочисленные восстания народных масс ярко показывают их отношение к эксплуататорскому классу, к эксплуатации.

Таким образом, уже в этот период исторической жизни русского народа проявляется классовая дифференциация экономической мысли, выражавшей и защищавшей экономические интересы различных классов общества. Русская экономическая мысль периода Киевской Руси была важным элементом всей идеологии общества.

Отражая экономические и политические процессы, совершавшиеся в жизни русского народа, экономические воззрения представителей господствующего класса, как один из элементов надстройки общества, вместе с тем играли большую роль в образовании и укреплении феодального строя. Своим социальным содержанием русская экономическая мысль рассматриваемой эпохи отражала раскол общества на классы, противоположность классовых интересов и борьбу классов в Киевской Руси.

* *
*

Население Киевской Руси — это древнерусская народность, сложившаяся из отдельных славянских племён. Впоследствии из неё выросли великорусская, украинская и белорусская народности. Таким образом, экономическая мысль в Киевской Руси явилась общей основой, исходным пунктом экономической мысли в России, на Украине и в Белоруссии.

РАЗДЕЛ II

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ СТРАНЫ

Глава вторая

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Характеристика экономики. Классы и классовая борьба

Рассвет Киевского государства приходится на X и XI вв. Со второй половины XI в. начинается политический упадок Киева, а во второй половине XII в. он уже перестал быть стольным городом и потерял прежнее значение политического, экономического, культурного центра Руси.

Киевское государство не представляло собой прочного целого. Господство натурального хозяйства означало, что для политического единства различных частей огромного государства ещё не было прочной экономической основы — широкого развития общественного разделения труда, обмена.

На месте единой прежде Киевской Руси существовали теперь феодальные самостоятельные полугосударства — Ростово-Суздальское княжество, Муромо-Рязанское, Смоленское, Киевское, Черниговское, Северское, Переяславское, Волынское, Галицкое, Полоцкое, Турово-Пинское. Они состояли, в свою очередь, из ряда более мелких — удельных княжеств. Новгород стал автономной феодальной республикой, власть в которой принадлежала боярам. Наступила новая эпоха в жизни русского народа — эпоха феодальной раздробленности.

В эту эпоху происходила непрестанная борьба русских князей между собою за власть, территорию. Русскому народу приходилось бороться с многочисленными врагами, стремившимися использовать политическое раздробление Руси, — с половцами, монголами, немцами, шведами.

Политическая раздробленность страны была результатом дальнейшего развития феодального способа производства, закономерным этапом исторического развития. Она возникла на базе совершившихся процессов в экономическом строе общества,

в производственных отношениях феодализма. Политическая раздробленность явилась результатом экономической раздробленности страны, была обусловлена экономическим обособлением соседних княжеств, развитием классовой борьбы. В стране происходил быстрый рост крупного феодального землевладения — княжеского, боярского, монастырского, росло закабаление смердов. Рост феодального землевладения осуществлялся главным образом путём захвата князьями, боярами, монастырями общинных земель прежде свободных мелких производителей.

Хозяйственные интересы феодалов требовали усиления их непосредственной и прямой власти над зависимым населением, всемерного приближения государственного аппарата к феодальному хозяйству, превращения его в силу, оказывающую повсеместное и каждодневное давление на закабалённое крестьянство.

В числе факторов, приведших к феодальной раздробленности страны, большую роль сыграл также рост экономической и политической силы городов. Среди городов особенно выделялся Великий Новгород, обширные земли которого простирались от Прибалтики до Урала.

Феодально-зависимые мелкие земледельцы рассматриваемой эпохи — это «сироты», «изорники» и вообще «христиане», или «крестьяне». С начала XV в. различаются новые группы крестьян, так называемые «старожильцы» и «новоприходцы», с разной степенью зависимости от землевладельца. Широко распространилось «серебреничество» — получение крестьянами денег в ссуду при условии выполнения ими различных работ в хозяйстве феодала вместо процентов (серебреники-«издельники»). Зависимость крестьянина от землевладельца устанавливалась также путём «ростового» серебра — ссуды денег крестьянину за проценты.

В рассматриваемую эпоху преобладающей формой феодальной ренты являлась рента продуктами — натуральный оброк. Собственная запашка князей, бояр, монастырей была незначительна и велась главным образом трудом холопов и других людей рабского состояния, отчасти и трудом зависимого крестьянства.

К концу рассматриваемой эпохи получила распространение и денежная рента. Натуральные повинности крестьян в пользу государства и землевладельцев начинают заменяться денежными.

Эксплуатация крестьян возрастала. Внеэкономическое принуждение начинает принимать форму прямых ограничений государственной властью перехода зависимых крестьян от одного феодала к другому.

Феодальное землевладение существовало в двух основных формах: в форме «вотчины», характеризовавшейся

собственностью боярина или монастыря на землю, и в форме «жалования», представлявшего собою условное землевладение, связанное с несением определённой службы феодала в пользу вышестоящего феодала. «Жалование» не могло быть его владельцем продано, подарено или передано по наследству.

В вотчинах феодалы сами судили население, собирали доходы в казну князя и в свою пользу. В городах же и в «чёрных» волостях управляли наместники и волостели; они получали с населения корм натурой («кормленщики»).

Феодальная раздробленность ослабляла страну, уменьшала её сопротивляемость натиску внешних врагов. С XII в. участились разорительные набеги половцев на русскую землю. В XIII в. русский народ подвергся тягчайшему испытанию — порабощению со стороны татаро-монгольских завоевателей.

Продолжавшееся почти два с половиной столетия татаро-монгольское иго принесло русскому народу неслыханные тяготы. Завоеватели истребляли население, грабили и разрушали города и сёла, облагали население тяжёлой данью, поголовной податью и разными пошлинами. Крестьянство, и без того страдавшее от феодальной эксплуатации, должно было теперь нести ещё тяжёлое бремя татаро-монгольского ига. Это иго «не только давило, оно — оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»¹, писал Маркс.

Вся тяжесть татаро-монгольского гнёта ложилась на трудящиеся массы, которые в ответ на это нередко восставали. Так, в 1259 г. был «мятеж велик» в Новгороде и по волости, в 1262 г. — в Ростове, Суздале, Ярославле, в 1327 г. вспыхнуло восстание в Твери, и др.

В результате татаро-монгольского ига производительные силы страны потерпели огромный урон. Сельскому хозяйству, промышленности, торговле был нанесён тяжёлый удар. Особенно пострадало городское ремесло. Развитие русской промышленности, находившейся на высокой стадии, было прервано татаро-монгольским нашествием.

Русский народ принял на себя главный удар со стороны татаро-монгольских орд и тем спас Западную Европу от разорения и угнетения.

Агрессивную политику в отношении России вели и её западные соседи — немецкие рыцари Ливонского и Тевтонского орденов и шведы. Но свободолюбивый русский народ дал решительный отпор шведским и немецким агрессорам. В 1240 г. русские воины под руководством Александра Невского полностью разгромили на Неве шведских захватчиков, а в 1242 г. на Чудском озере — немецких рыцарей. Александр Невский, писал

¹ *Karl Marx, Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London 1899, p. 78.*

Маркс, разбивает немецких рыцарей на льду Чудского озера, «...так что прохвосты... были окончательно отброшены от русской границы»¹.

Усиление феодального гнёта, феодальные войны русских князей, нашествие половцев и монголов привели к хозяйственному запустению Поднепровья. Крестьяне уходили в более северные, лесистые районы.

На экономическом положении южных русских городов отрицательно отразилось и перемещение торговых путей, происшедшее после овладения крестоносцами Константинополем в 1204 г. Основная магистраль торговли Европы с восточными странами переместилась теперь на Средиземное море, а прежний путь «из варяг в греки» потерял своё значение. Но торговля, внутренняя и внешняя, продолжала развиваться. Купцы Новгорода, Пскова, Москвы вели широкую торговлю со странами Западной Европы и Азии.

Центром внешней торговли русских княжеств стал Новгород. Крупные купцы были организованы в «сотни», имевшие некоторое сходство с купеческими гильдиями в Западной Европе.

Рост и углубление феодальной эксплуатации, рост торгового капитала и ростовщичества вели к обострению классовых противоречий, часто приводивших к народным восстаниям. Классовые противоречия особенно остро проявлялись в Новгороде, где нередко имели место народные движения против боярской знати и крупного купечества. Так, по сообщению летописи, в 1209 г. «створиша Новгородци вече на посадника Дмитра», выдвинули против него обвинение в том, что он повелел «на Новгородцех серебро поимати, а по волости куры брати и повозы возити, и иное все зло». Двор и сёла посадника подверглись разграблению, а долговые записи, составлявшие «богатства без числа», были переданы на рассмотрение князя².

Вместе с ростом городов, промышленности и торговли в недрах феодального общества усиливалась также и экономическая связь между различными частями русской земли. Потребности объединения сил для борьбы с внешним врагом, а также усиление сопротивления трудящихся масс эксплуататорам-феодалам всё больше толкали князей на путь политической централизации страны. Нарастание элементов экономической связи между различными княжествами служило материальной основой развёртывавшейся борьбы за централизацию государственной власти, а необходимость обороны от поработителей-татар и от других врагов ускоряла этот процесс.

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. V, 1938, стр. 344.

² См. «Полное собрание русских летописей», т. I, Троицкая летопись, Спб. 1846, стр. 210.

В XIV и XV вв. происходит усиление власти великих князей за счёт князей удельных, т. е. централизация политической власти в пределах каждого отдельного великого княжества. Вместе с тем шла ожесточённая борьба между великими князьями за соединение под своей властью возможно большей части территории русской земли и населения. Таким образом, уже в XIV—XV вв. начинается процесс преодоления экономической и политической раздробленности страны.

В борьбе за политическую централизацию страны ведущая роль принадлежала Московскому княжеству; уже при Иване Калите «была заложена основа могущества Москвы»¹.

Как указывал И. В. Сталин, «заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством»².

Рост политической централизации усиливал русский народ в его борьбе с захватчиками. В 1380 г. на Куликовом поле под руководством Дмитрия Донского татаро-монгольским поработителям был нанесён сокрушительный удар. Но только через столетие русский народ полностью сбросил с себя татаро-монгольское иго.

Принципы экономической политики князей

Развитие феодальных производственных отношений в рассматриваемую эпоху, связанное с этим обострение классовых противоречий и классовой борьбы определили собою и дальнейшее развитие русской экономической мысли, усиление классовой дифференциации её.

На содержание русской экономической мысли рассматриваемой эпохи и на формы её проявления большое влияние оказала политическая раздробленность страны и ожесточённая феодальная борьба между князьями, а также освободительная борьба русского народа против татаро-монгольских поработителей и других захватчиков. Русская экономическая мысль выступила в эту эпоху в качестве одного из важных идеологических орудий борьбы за ликвидацию феодальной раздробленности страны и за освобождение народа от иностранных захватчиков.

Передовая русская общественная мысль всей эпохи феодальной раздробленности характеризуется прогрессивной идеей необходимости единства русского народа, патриотической идеей освобождения русского народа от иноземных поработителей.

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, 1946, стр. 149.

² И. В. Сталин, Приветствие Москве в день её 800-летия, «Правда», 7 сентября 1947 г.

Источниками, по которым можно изучать русскую экономическую мысль эпохи феодальной раздробленности, являются различные юридические, литературные и другие памятники. Характеристику русской экономической мысли этой эпохи следует начать с выявления основных черт экономической политики русских князей.

Экономическая политика русских князей рассматриваемой эпохи получила своё выражение, помимо летописей, в разнообразных юридических документах, таких, как жалованные грамоты, договорные и духовные грамоты великих и удельных князей, судные грамоты, уставные грамоты, договорные грамоты Великого Новгорода и Пскова.

Наибольший интерес представляет политика князей по вопросу об отношениях между основными классами феодального общества — феодалами и эксплуатируемыми трудящимися массами.

Социально-экономическая политика князей отражала собой происходивший процесс роста закрепощения трудящихся масс крупными феодалами и вместе с тем весьма активно способствовала данному процессу. Такое значение политики князей особенно наглядно выступает в жалованных грамотах князей и в междукняжеских договорах.

Для характеристики социально-экономической политики князей большое значение имеют жалованные грамоты. Жалованными грамотами князья предоставляли светским феодалам, монастырям и церкви различного рода льготы и привилегии, ограничивавшие права местной княжеской власти на земле данных феодалов и предоставлявшие им право осуществлять суд в отношении населения и собирать с него различные налоги и сборы. Наибольшее количество сохранившихся жалованных грамот относится к XIV—XV вв.¹

Жалованные грамоты русских князей XIII—XVI столетий, обеспечивавшие вотчинникам обширные судебные и податные привилегии, выражали собой и оформляли институт, по существу тождественный западноевропейским иммунитетам².

¹ О жалованных грамотах см. *А. Н. Горбунов*, Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII, XIV и XV вв., «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым», Спб. 1860 г., кн. 1, 1863 г., кн. 5, 1869 г., кн. 6; *Д. М. Мейчик*, Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции, М. 1883; *Н. П. Павлов-Сильванский*, Иммунитет в удельной Руси, Спб. 1900.

Список изданий, в которых имеется публикация различных жалованных грамот, см. в предисловии к книге «Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных» под ред. С. В. Бахрушина, М. 1909, стр. VII—VIII.

² См. *Н. П. Павлов-Сильванский*, Иммунитет в удельной Руси, Спб. 1900, стр. 3 и др.

Жалованными грамотами определялось отношение феодала к князю и отношение населения, находившегося на территории данного феодала — светского или духовного, к княжеской власти и к феодалу. Феодал, пользовавшийся иммунитетом, находился в непосредственной зависимости от верховной власти, от князя, минуя местную власть, представляющую князя, а всё население на территории данного землевладения было подвластно только феодалу, своему господину.

К России рассматриваемой эпохи вполне применимы слова Маркса о том, что «...в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»¹.

Судебный и податной иммунитет был неразрывно связан с крупным феодальным землевладением. Историки — К. А. Неволин², Н. П. Павлов-Сильванский³, А. Е. Пресняков⁴ показали, что иммунитет был исконным обычным правом крупных землевладельцев, существовавшим независимо от пожалования князя. Крупные феодалы издавна пользовались правом суда и управления населением своего владения. Но укрепление княжеской власти было несовместимо с иммунитетом крупных феодалов. Поэтому князья стремились поставить привилегии феодалов под свой контроль. Они объявляли действительными лишь те привилегии, которые подтверждались их жалованными грамотами: «то, что прежде принадлежало вотчиннику в силу вотчинного права, то было теперь знатнейшим вотчинникам обеспечиваемо жалованными грамотами, как особенное преимущество»⁵.

Иную, неправильную точку зрения в вопросе о происхождении иммунитета развивал С. Б. Веселовский. Он пытался доказать, что судебные и податные привилегии землевладельцев основывались только на жалованных грамотах князей и не были связаны с землевладением частных лиц по обычному праву⁶.

В действительности же жалованные грамоты князей в большинстве случаев лишь санкционировали привилегии феодалов, издавна присвоенные ими как феодалами-землевладельцами. В других случаях посредством жалованных грамот князья давали привилегии землевладельцам, ранее ими не пользова-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1953, стр. 339.

² См. К. А. Неволин, История российских гражданских законов, Соч., т. IV, Спб. 1857, стр. 150—151.

³ См. Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, Соч., т. III, Спб. 1910, стр. 293 и др.

⁴ См. А. Е. Пресняков, Московское царство, Пгр. 1918, стр. 39 и др.

⁵ К. А. Неволин, История российских гражданских законов, Соч., т. IV, Спб. 1857, стр. 151.

⁶ См. С. Б. Веселовский, К вопросу о происхождении вотчинного режима, М. 1926, стр. 27.

шимися¹. Во всех случаях жалованные грамоты играли большую роль в укреплении феодального строя, в усилении эксплуатации крестьянства.

Согласно жалованным грамотам, выдававшимся князьями феодалам, за последними признавалось право суда на всей территории данного землевладения и право сбора налогов и пошлин, а представителям местных властей въезд во владения феодала воспрещался. «А волостели мои в околицу его (игумена) не въезжают... наместници наши и волостели, данници, пошлинники... ат не въездыт, не всылают к монастырским людям ни по что»² — эти или подобные им слова имеют место во всех жалованных грамотах.

Степень полноты судебных прав землевладельца, предусматриваемых жалованными грамотами, была различной в разных княжествах, а также изменялась со временем. Тверские князья, например, предоставляли монастырям право суда по всем делам без изъятия, как по гражданским, так и по уголовным. Павлов-Сильванский полагал, что такой порядок действовал в древнейшие времена и в Московском и в других княжествах Ростово-Суздальской земли³.

Точно так же различным был и объём податных привилегий, предоставлявшихся княжескими жалованными грамотами. В сравнительно редких случаях население владения, имевшего жалованную грамоту, освобождалось полностью от уплаты всех налогов. Обычно же податные льготы касались только некоторых отдельных видов обложения и имели временный характер, на срок от 2 до 10 лет, реже — на 15—20 лет⁴.

Одной из целей, преследовавшихся временным освобождением населения вотчины от обложения, являлось стимулирование притока крестьян на запустевшие земли. В таких случаях льготы предоставлялись только новым поселенцам на определённый срок, старожилы же ими не пользовались. Иногда князья, отменяя общие налоги с монастырей, облагали их определённым оброком в свою пользу.

¹ См. *И. И. Смирнов*, Судебник 1550 года, «Исторические записки» № 24, АН СССР, 1947, стр. 296—312.

² См. *Н. П. Павлов-Сильванский*, Иммуниет в удельной Руси, Спб. 1900, стр. 5; *В. Милютин*, О недвижимых имуществах духовенства в России, гл. 5, М. 1862; *А. Н. Горбунов*, Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV вв., «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», Спб. 1860 г., кн. 1, 1863 г., кн. 5, 1869 г., кн. 6; *М. Горчаков*, О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988—1738 гг.), Спб. 1871.

³ См. *Н. П. Павлов-Сильванский*, Иммуниет в удельной Руси, стр. 13.

⁴ См. *А. Н. Горбунов*, Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV вв., «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», 1863 г., кн. 5, стр. 38—39.

Освобождение населения вотчины от налогов в пользу князя не означало освобождения от налогов и сборов вообще. Во многих случаях, как, например, судебные пошлины и др., они шли землевладельцу. Но и в том случае, когда налоги продолжали поступать в пользу князя, жалованные грамоты означали весьма существенный факт: сбор этих налогов с населения осуществлялся не представителями княжеской власти, а феодалом, который затем вносил их в княжескую казну.

Обладание судебным и податным иммунитетом обеспечивало огромную власть феодала над населением. Экономическая сила феодала как землевладельца дополнялась публичной властью его, служащей в руках феодала важным рычагом внеэкономического принуждения. Крупный феодал являлся не только землевладельцем, но и как бы князем, государем в своей вотчине, держателем политической власти. Выдавая жалованные грамоты, князья тем самым усиливали внеэкономическую зависимость крестьян от феодалов.

Признавая определяющее значение феодальной собственности на землю как основы феодальной эксплуатации, было бы неправильно недооценивать огромное значение и социально-экономической политики князей, возглавлявших феодальные полугосударства, — политики, направленной на дальнейшее возвышение класса феодалов и ещё большее подчинение феодалам трудящихся, эксплуатируемых масс. А именно эта политика ярко выступает в жалованных грамотах великих и удельных князей.

Там, где жалованной грамотой устанавливался впервые иммунитет, т. е. судебная власть и право сбора податей переходили в руки феодала, огромная роль княжеской политики в росте зависимости крестьян от феодала очевидна. Но и там, где жалованная грамота лишь фиксировала ранее существовавшее положение, княжеская власть посредством жалованной грамоты придавала этим фактическим отношениям юридическую силу, законодательно оформляла их и тем самым ещё более укрепляла зависимость крестьян от монастырей, церкви и светских феодалов.

* *
*

Важным источником для изучения экономической политики князей являются договорные грамоты великих и удельных князей, заключающиеся ими в целях установления общей внешней политики и регулирования взаимных отношений между собой¹.

¹ См. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», АН СССР, М.—Л. 1950; Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV вв., АН СССР, ч. 1, М.—Л. 1948, ч. 2, М. 1951.

Междукняжеских договоров сохранилось много. Самым ранним из юридических актов этого рода является договорная грамота великого князя московского Семёна Ивановича с братьями его родными, князем Иваном и князем Андреем, написанная около 1350—1351 гг.¹

В междукняжеских договорах находит своё яркое выражение политическая раздробленность страны, которая в свою очередь являлась следствием, результатом её экономической раздробленности.

Договоры заключались между князьями как равноправными сторонами. В них подчёркивается независимость договаривающихся сторон, суверенность прав княжеств, вступивших в соглашение, подчёркивается принцип невмешательства одного князя в дела другого. «Тебе знати своя отчина, а мне знати своя отчина», — говорится обыкновенно в договорах.

Вступая в договорные отношения между собой, подчёркивая свою независимость по отношению друг к другу, князья вместе с тем предусматривали в договорах такие экономические мероприятия, которые могли бы и в дальнейшем сохранить, обеспечить их самостоятельность, независимость по отношению друг к другу.

Текст договоров показывает, что князья хорошо понимали прямую и тесную связь политической независимости своих княжеств с экономической самостоятельностью их и стремились всеми мерами охранять и укреплять экономическую независимость своего княжества. Об этом наглядно свидетельствуют настойчивые взаимные требования князей и взаимные обязательства их, включаемые в договоры, не допускать *экономического вторжения* в феодальные владения своего княжества со стороны другого договаривающегося княжества.

Князья взаимно обязывались ни им самим, ни их боярам в другом, договорном княжестве сёл не покупать, закладников и оброчников не держать. «А тебе, брату моему молодшему, в моем уделе сел ти не купити, ни твоим бояром, ни закладнев ти, ни оброчников не держати. Тако же и мне в твоём уделе сел не купити, ни моим бояром, ни закладнев ми, ни оброчников не держати»², — говорится в договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича (Донского) с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем, составленной около 1367 г.

Смысл этой договорённости о непокупке сёл в другом княжестве ясен: князья хотят иметь для себя в своём княжестве крепкую экономическую опору и предупреждают всякую

¹ См. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», стр. 11—13.

² Там же, стр. 20.

возможность ослабления этой опоры таким мирным экономическим путём, как скупка другим князем или его боярами сёл, вотчин в чужом княжестве.

Такое же значение имеет и упоминание в договоре о закладниках. Экономическая сущность закладничества и подлинное значение его в древней Руси до сих пор ещё не выяснены. Несомненно только одно: закладником являлось лицо, ставшее в зависимое положение по отношению к другому¹. Включая в договор взаимное обязательство не принимать «закладней» из населения другого договаривающегося княжества, князья тем самым предупреждают возможность установления зависимости населения своего княжества от князя и бояр другого княжества.

Там, где имеется возможность, князья стараются не только впредь не допускать продажи сёл князьям и боярам других княжеств, но и ликвидировать все подобные сделки, совершённые раньше. Это имеет место, например, в другом договоре тех же князей — великого князя Дмитрия Ивановича (Донского) и князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича, — заключённом в 1389 г. Великий князь предложил старым владельцам вотчин его княжества, ранее проданных князю Владимиру Андреевичу и его боярам, выкупить их обратно. Если старые владельцы не смогут этого сделать, то новым собственникам вменялось в обязанность взять на себя тягло в отношении Московского княжества; в противном же случае, говорится в договоре, земля должна быть отобрана у новых собственников и даром передана крестьянам².

Забота о сохранении экономической самостоятельности ярко выступает в договорах Новгорода с князьями. Являясь боярской республикой, Новгород вместе с тем имел князя, в обязанности которого входило осуществление судебно-административных функций и защита новгородских владений от врага. Новгородским князем обычно был великий князь владимирский. Отношения с князем определялись договором.

Новгородцы зорко охраняли целостность своей территории, свою независимость. «А в Бежицах, княже, тебе, ни твоеи княгыни, ни твоим бояром, ни твоим дворяном сел не държати, ни купити, ни даром приимати, и по всеи волости Новгородьскои»³, — говорится в договорной грамоте Новгорода с тверским великим

¹ См. *Б. Д. Греков*, *Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века*, кн. I, изд. 2, АН СССР, М. 1952, стр. 404—412.

² См. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», стр. 32.

³ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», АН СССР, М.—Л. 1949, стр. 11.

князем Ярославом Ярославичем (1266 г.). В грамоте следует, далее, запрещение князю выводить в свою землю людей из Новгородской земли: «А из Бежиць, княже, людии не выводити в свою землю, ни из иной волости новгородьской, ни грамот им даяти, ни закладников приимати ни княгыни твоеи, ни бояром твоим, ни дворяном твоим: ни смерда, ни купчины»¹.

Эти пункты повторяются затем и в последующих договорах Новгорода с князьями². Новгород требует возврата себе закладников Новгородской земли, заложившихся за князем, за княгиней и за его слугами. В договорной грамоте с тверским великим князем Михаилом Александровичем от 1371 г. речь идёт не только о том, чтобы князь, его бояре и слуги впредь не приобретали сёл в Новгородской земле, но и чтобы земли, ранее приобретённые ими, были возвращены Новгороду³.

Междукняжеские договоры показывают стремление князей закрепить, упрочить политическую раздробленность страны путём сохранения экономической самостоятельности своих княжеств. Но политическая раздробленность ослабляла русский народ перед лицом внешней опасности. Вступая в политические соглашения между собой, заключая договоры, князья ставили задачу по возможности ослабить отрицательные действия этой раздробленности, объединить усилия в борьбе с татарами и другими внешними врагами. «А быти нам с тобою заодин». «А кто будет тебе, князю великому, друг, то и мне друг. А кто тебе недруг, то и мне недруг. А не канчивати ми без вас ни с кем... А вам так же без моего веданья не канчивати ни с кем»⁴. Эта формула общей политики является типичной для междукняжеских договоров. Во многих грамотах, кроме того, прямо говорится об общей политике договаривающихся князей по отношению к татарским ханам.

Две основные функции характеризуют деятельность государства при эксплуататорском общественном строе, говорил И. В. Сталин: «...внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств»⁵.

Политические соглашения были необходимы князьям не только для установления общей политики, для объединения

¹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 11.

² См. там же, стр. 12, 15, 21—22, 27—28, 29, 35.

³ См. там же, стр. 29.

⁴ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», стр. 75—76, 81.

⁵ И. В. Сталин, Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), «Вопросы Ленинизма», 1952, стр. 644.

сил против внешнего врага. Они диктовались также и общей потребностью феодалов в объединении сил для подавления сопротивления эксплуатируемых масс. Посредством договоров князья стремились установить общую линию, единство не только в вопросах внешней политики — отношение к татарским захватчикам и другим внешним агрессорам, но и в важнейших вопросах внутренней, социальной политики княжеств.

Одними из наиболее важных пунктов и притом повторяющимися во всех междукняжеских договорах были пункты, предусматривавшие взаимную охрану сословных прав и привилегий феодалов в договаривающихся княжествах. Политическая раздробленность страны, взаимная борьба князей за землю и власть не мешали им устанавливать общую линию в вопросе о крестьянстве, совместными усилиями пресекать попытки трудящихся масс выйти из феодальной кабалы.

Служба феодалов князю была добровольной. Бояре, «дети боярские» и «вольные слуги» могли в любое время оставить своего князя и перейти на службу к другому. В договорах между собою князья строго охраняют право бояр и вольных слуг на отъезд. В междукняжеских договорах обычным был пункт: «А бояром и слугам вольным воля: кто поедет от нас к тебе, к великому князю, или от тебе к нам, нелюбья ны не держати»¹.

В договорах, относящихся к более позднему времени, взаимные обязательства князей не препятствовать переходу бояр на службу от одного князя к другому стали дополняться обязательством всемерной охраны интересов бояр, перешедших на службу из одного княжества в другое. «А кто имет жити ваших бояр и слуг в моей отчине, и тех ми блюсти, как и своих. А кто имет жити моих бояр и слуг в ваших отчинах и в великом княженьи, и вам их блюсти, как и своих»², — говорится в договорной грамоте князя Юрия Дмитриевича Галицкого с великим князем Василием Васильевичем (1433 г.).

Вотчина бояр, перешедших в другое княжество, оставалась за ними же, но налоги и сборы с таких вотчин продолжали поступать в пользу того князя, на территории которого эти вотчины находились. Последнее обозначалось пунктом договоров: «А еудом и данью потянути по земле и по воде».

В договоры включались важные пункты, касающиеся крестьян: князья взаимно обязывались не принимать к себе из другого договаривающегося княжества «письменных», т. е. записанных в списки плательщиков, и «тяглых» людей, т. е.

¹ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», стр. 13, 20, 27 и др.

² Там же, стр. 77.

несущих «тягло» — определённые натуральные и денежные повинности.

Это соглашение князей весьма существенно затрагивало интересы крестьян. Последние лишались тем самым возможности улучшить своё положение путём перехода из одного княжества в другое. Соглашение князей о том, чтобы не принимать друг от друга «письменных» и «тяглых» людей, фактически являлось первым юридическим ограничением права крестьянского перехода, прикреплением их к тому княжеству, в пределах которого они находились. Меры эти диктовались заботой князей об интересах как своих феодалов-землевладельцев, так и княжеской казны: уход «письменных» и «тяглых» людей из пределов княжества означал уход плательщиков налогов.

В договорах получила своё отражение и политика в отношении холопов. Новгородцы зорко оберегают своё право владеть рабами, систематически оговаривая в договорах с князьями, чтобы последние не принимали от холопов жалоб на своих господ и не давали им веры. «А холоп или роба почнет вадити на господу, тому ти веры не яти»¹, — говорится обычно в договорах Новгорода с князьями.

* *
*

В междукняжеских договорах получила своё отражение также и *торговая* политика князей. Пункты о торговле являются непременными в договорах. Здесь предусматриваются мероприятия, способствующие развитию торговли между населением договаривающихся княжеств, провозглашается свобода приезда купцов одного княжества на территорию другого, устанавливается одинаковый для обоих договаривающихся княжеств размер обложения торгующих, запрещаются всякие дополнительные обложения их.

Стандартной формулой договоров является пункт: «А межи нас людем нашим и гостем путь чист без рубежа», т. е. предусматривается свобода передвижения торговых людей на территории договаривающихся княжеств. «А мыта ти держати и пошлыны имати по старои пошлыне у наших гостей и у торговцев. А путь им дати чист, как то было при нашем деде, при великом князи при Иване, и при нашем дяди, при великом князи при Семене, и при моем отци, при великом князи при Иване. А мытов ти новых и пошлын не замышляти»², — говорится

¹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 13, 16, 36.

² «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», стр. 28.

в договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем тверским Михаилом Александровичем (1375 г.).

Во многих договорах точно оговаривается порядок взимания и размер обложения торговли пошлиной и сборами, с конкретным указанием размера мыта (проездной и рыночный сбор), тамги (обложение товара в определённом проценте к его цене), костки (сбор с человека, сопровождавшего товар)¹.

В том, чтобы иметь для своих купцов «путь чист без рубежа» в других княжествах, особенно заинтересован был Новгород, как богатейший торговый город Руси. Пункт о «пути чистом без рубежа» имеется поэтому во всех договорах Новгорода с князьями. С помощью этих договоров Новгород обеспечивал за своим купечеством не только право свободной торговли в русских княжествах, но и другие интересы новгородского купечества.

Новгород усердно оберегал своё положение торгового посредника между русскими княжествами и западными странами. Во всех договорах имеется пункт о том, что князь непосредственно торговать с немцами не должен, а может торговать с немцами только через новгородских купцов. «А в Немецком дворе тебе, княже, торговати нашею братьею; а двора ти не затваряти; а приставов не приставляти»². Специально оговаривается, что князь не может ставить свои мыта на Новгородской земле. Дань, собранную на Новгородской земле, князь мог продавать только новгородцам и не имел права вывозить её за Волок. Дворянам князя запрещалось брать у купцов повоз, за исключением «ратной вести»³.

Политика покровительства торговле, как она получила своё выражение в договорах, диктовалась прежде всего, конечно, фискальными интересами князей. Рост торговли означал рост княжеских доходов. Эта политика отражала вместе с тем процесс нарастания экономических, торговых связей отдельных русских княжеств, несмотря на политическую раздробленность страны. Экономические интересы князей заставляли их осуществлять мероприятия, которые уменьшали бы препятствия торговле между разными княжествами, неизбежно существовавшие при политической раздробленности страны. Формула «путь чист без рубежа» отражала собой прогрессивную тенденцию нарастания экономического единства страны, в своём дальнейшем развитии послужившего основой преодоления политической раздробленности и создания централизованного

¹ См. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», стр. 188.

² «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 28; см. также стр. 13, 16, 22 и др.

³ Там же, стр. 16, 22, 28 и пр.

Русского государства. Эта формула отражала противоречие между растущим рынком и политическим дроблением страны и, вместе с тем, служила задаче разрешения указанного противоречия на определённом этапе его развития.

Московские князья рано стали ценить значение роста торговли как фактора, способствующего политическому объединению страны. Они старались обеспечить нормальную торговлю с другими княжествами не только указанными выше мероприятиями при посредстве договоров, но и в необходимых случаях не останавливались даже перед такой мерой, как полное освобождение определённой категории купцов от всяких видов обложения торговли. В Уставной грамоте Двинской земле, выданной великим князем московским Василием Дмитриевичем в 1397 г., записано: «А куды поедут двиняне торговати, ино им не надобе во всеи моеи отчине в великом княжении тамга, ни мыт, ни кости, ни гостиное, ни явка, ни иные никоторые пошлыны»¹.

Из договорной грамоты великого князя московского Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (1389 г.) видно, что московские князья считали необходимым «блюсти» гостей (купцов) и «суконьников» и не принимали их в этих целях на княжескую службу².

Как было сказано, Новгород занимал важнейшее место в торговле Руси с западноевропейскими странами. Внешнеторговая политика Новгорода видна из его договоров с Западом³. В этих договорах провозглашается взаимное право сторон свободно посещать их территории и вести торговлю без обиды; предусматриваются мероприятия, обеспечивающие личные права и сохранность имущества торгующих, порядок и размеры обложения торговли и т. д. «Ходити новгородцю послу и всякому новгородцю в мир в Немечьску землю и на Гъцк берег; такоже ходити немъчьмь и гтяном в Новъгород без пакости, не обидим никымже»⁴, — говорится в договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (1189—1199 гг.).

В договорах Новгорода с немецкими городами содержится пункт о запрещении ареста немецких купцов в Новгороде, а новгородских — в немецких землях; устанавливается порядок задержания имущества купца в качестве санкции за неуплату им долга; провозглашается индивидуальная ответственность

¹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 145—146.

² См. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», стр. 32.

³ См. «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», раздел «Грамоты отношений Великого Новгорода с Западом», стр. 55—136.

⁴ Там же, стр. 55.

купца за долги или за преступления и недопустимость захвата имущества других лиц, непричастных к делу; признаётся первоочерёдность права иноземного купца на получение денег у новгородца, купившего товар у иноземца, но оказавшегося несостоятельным; определяется ответственность за преступления против личности новгородца в немецких землях и немецкого купца в Новгороде и состав особого, смешанного суда в Новгороде для иноземных купцов, а также другие моменты, касающиеся торговых отношений Новгорода с иноземцами¹.

Хотя иноземные купцы могли свободно приезжать в Новгород, могли ездить и за пределы города, всё же Новгород ставил их торговлю в узкие рамки. Как и во всех других странах в то время, торговая деятельность иностранцев в Новгороде и на его земле была строго регламентированной. Иностранные купцы могли жить только в особых «дворах» — готском и немецком; место и время торговли были строго определены.

Как можно судить по материалам, Новгород твёрдо держался принципа запрещения торговли иностранных купцов между собой на Новгородской земле; роль посредника в этой торговле прочно оставалась за новгородским купечеством, в отличие от других стран, где ганзейцам удалось добиться права непосредственной торговли с иностранцами². Повидимому, Новгород не предоставлял ганзейцам и права розничной торговли, в отличие от ряда других стран, где ганзейцы располагали этим правом.

* *
*

Важной областью экономической политики князей являлась их *финансовая политика* — налоги, монетная система и т. д.

Финансовая политика осуществлялась великими князьями самостоятельно в пределах каждого княжества. С XIV в. возобновилась на Руси чеканка мелкой серебряной монеты. В Московском княжестве инициатива этого принадлежала великому князю Дмитрию Ивановичу (Донскому), который стал перечеканивать татарскую серебряную монету — деньгу. Во второй половине XIV в. собственные деньги чеканились в Московском княжестве, Суздальско-Нижегородском, Рязанском; в начале XV в. — в Твери; в конце XIV или в начале XV в. — в Ростовском княжестве. Необходимость собственной чеканки монет диктовалась ростом торговли.

Позже других (в XV в.) серебряные деньги стали чеканиться в Новгороде, где до этого широко обращались иностранные

¹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 60—61 и др.

² См. И. М. Кулишер, История русского народного хозяйства, т. I, М. 1925, стр. 169.

монеты. Выпуск неполноценных монет фальшивомонетчиками, порча серебряных монет путём обрезания их, перечеканка старых, испорченных монет в новые — всё это сильно затрагивало интересы населения, вызывало волнения. В Новгородской летописи от 1446 г. записано: «Того же лета начаша людие денге хулити серебряныя, даже и все новгородци друг на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и нелюбовь; и посадник и тысячкыи и весь Новъгород уставиша 5 денежников, начаша переливати старыи денги, а новыи ковати в ту же меру, на 4 почки таковых же, а от дела от гривны по полуденги; и бысть христьяном скорбь велика и убыток в городе и по волостем; да и сие не забвено будеть в последних родех»¹.

Основной формой эксплуатации татаро-монгольскими завоевателями русского народа являлось обложение его тяжёлой данью, постоянными и чрезвычайными налогами и сборами. Порядок и величина обложения населения этими налогами, сбор их и передача в Золотую орду принадлежали к числу наиболее жгучих и острых социально-экономических вопросов на Руси периода татаро-монгольского ига.

Сначала дань собиралась откупщиками, главным образом из мусульманских купцов, которые беспощадно грабили население и издевались над ним. Людей, не имевших возможности внести дань, откупщики закабалили, а затем продавали в рабство. Народные восстания в Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле и в других городах в 1262 г. заставили Орду отменить эту систему сбора дани, перейти к сбору её посредством присылаемых для этой цели данщиков, а затем сбор ордынской дани был передан в руки русских князей.

С тех пор сбор татарской дани стал одним из важных рычагов политики князей как в отношении князей к Золотой орде, так и в отношениях их между собой.

Связь с Золотой ордой, ответственность перед нею за уплату «татарского выхода» (дани) усиливали позиции великого князя и в отношении удельных князей, которые от непосредственной связи с Ордой были устранены. Сбор татарской дани служил для великих князей и одним из важных источников пополнения их собственной казны, так как собирали князья значительно больше, чем вносили в Орду.

Собирание татарской дани русскими князьями освободило население от грабежа и произвола откупщиков, но в то же время способствовало усилению феодального угнетения трудящихся масс на Руси.

¹ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 426—427.

Возвышение московских князей осуществлялось на основе сосредоточения в их руках значительной экономической силы. Московский князь Иван Данилович, заложивший основу могущества Москвы, отличался и большой хозяйственной способностью; он ревностно приобретал «промыслами» и «прикупками» доходные земли, за что и получил от народа прозвище «Калиты», т. е. «денежного мешка».

* *
*

Некоторые материалы для характеристики экономической политики русских князей и городов-республик, а тем самым и русской экономической мысли в рассматриваемую эпоху дают нам Двинская уставная грамота и Псковская судная грамота.

Двинская уставная грамота была выдана великим князем московским Василием Дмитриевичем жителям Двинской земли в 1397 г., после завоевания этой земли у Новгорода. Грамота дана в связи с назначением великокняжеского наместника, для установления основ нового управления. Действовала она всего лишь в течение нескольких месяцев, так как Двинская земля вскоре же была отвоёвана новгородской ратью¹.

Выше мы уже приводили один из пунктов Двинской уставной грамоты, проливающий свет на торговую политику московских князей. Показателен и пункт этой грамоты, касающийся холопов. «А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, а случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют»², т. е. за неумышленное убийство своего холопа господин не несёт никакой ответственности. Это говорит о полной бесправности холопов в Двинской земле в XIV столетии, так как всякое убийство своего холопа господин мог представить как неумышленное.

Судные грамоты имелись тогда в каждом княжестве. Они определяли правила суда по делам уголовным и гражданским, организацию судебного процесса.

Особенно интересна Псковская судная грамота, отличающаяся от других документов этого рода обилием статей, подробностью, тщательностью разработки юридических норм и в известной мере своим содержанием. Она представляет собой свод юридических норм, правил, применявшихся в суде Псков-

¹ Текст Двинской уставной грамоты см. в книге «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 144—146. О княжеских уставных грамотах, значительная часть которых, впрочем, относится к следующей эпохе русской истории — эпохе создания централизованного государства, см. *Н. Загоскин*, Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, Казань, ч. I, 1875, ч. II, 1876.

² «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 145.

ской земли, и по своему назначению соответствует более раннему общерусскому документу — «Правде Русской»¹.

Время составления Псковской судной грамоты точно не установлено. Полагают, что оно охватывает большой период, 1397—1467 гг., на протяжении которого и составлялись отдельные части грамоты². Как и «Правда Русская», Псковская судная грамота включает в себя и статьи, регулирующие экономические отношения людей.

Псковская судная грамота выражает собой в юридических нормах экономические отношения иной ступени развития, чем «Правда Русская». В ней получили своё отражение и особенности Псковского княжества. Псковская область была одной из наиболее передовых русских областей того времени. Крайнее положение Пскова обусловило ту важную особенность Псковской судной грамоты, что в ней вовсе не упоминается о холопах, в отличие не только от «Правды Русской», но и от одновременных с Псковской судных грамот других княжеств. Псковская земля служила для холопов убежищем при их бегстве из других районов³.

В отличие от «Правды Русской» Псковская судная грамота содержит в себе и пункты, регулирующие куплю-продажу земли, залог её, передачу по завещанию. Впервые в ней появляется статья о давности как основании приобретения права собственности на недвижимое имущество (ст. 9).

Псковская судная грамота уже проводит различие между владением землёй и собственностью на землю. Лицо, пользующееся чужой землёй, лишается этого права, если пытается поступить с ней, как с собственной — продать или заложить эту землю. Право собственности на землю обозначается описательно, как «земля или вода чиста»; собственность, полученная по наследству, как «чисто отморшина» и т. д.

Псковская судная грамота регламентирует взаимные отношения феодалов и зависимых от них людей, пользующихся землёй или водоёмом, — изорника, огородника, рыболова. Здесь впервые имеет место прямое законодательное ограничение права ухода от феодала зависимых от него мелких земледельцев. Согласно статье 42 грамоты, изорник, огородник,

¹ Текст грамоты опубликован в изданной Московским Государственным педагогическим институтом имени В. И. Ленина книге «Учёные записки», т. LXV, кафедра истории СССР, вып. 3. Учпедгиз, М. 1952, а также в книге *И. Д. Мартысевича* «Псковская судная грамота», изд. Московского университета, 1951. Перевод текста на современный русский язык и комментарии к нему Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева опубликованы в «Исторических записках» № 6, 1940 г.

² См. «Исторические записки» № 6, 1940 г., стр. 255 и др.

³ Там же, стр. 259.

рыбак может уйти от своего хозяина только в один, строго определённый срок в году — в «Филиппово заговенье» (14 ноября). Это ограничение является двусторонним: и феодал может отказать изорнику, огороднику, рыбаку в земле, воде, работе только в тот же указанный выше срок. Нарушение этого срока влечёт ответственность виновного; хозяин, отказавший не в указанный срок, теряет право на получение причитающейся ему части продукта.

В отличие от «Правды Русской» в Псковской судной грамоте значительное внимание уделено договору личного найма, который фигурирует здесь в форме найма дворового работника, плотника и найма мастера для обучения ученика ремеслу. Грамота устанавливает ответственность участников договора за несоблюдение условленного срока найма.

Большое место отведено в Псковской судной грамоте вопросам кредитных отношений. В частности, в отличие от «Правды Русской», по которой для оформления ссуд, превышающих определённый минимум, необходимо было наличие 12 свидетелей, Псковская судная грамота требует уже составления формальной записи. Ряд статей направлен на обеспечение интересов кредитора. Проценты в Псковской судной грамоте называются «гостинцем» (ст. 73). Размер процента не регламентируется.

* *
*

Как и в Киевском государстве, экономическая мысль Руси в эпоху феодальной раздробленности определялась непосредственно экономическими, политическими и культурными условиями жизни русского народа.

Ни в содержании, ни в формах проявления русской экономической мысли этих эпох не видно каких-либо признаков иностранного влияния. Исключение приходится сделать в отношении экономических воззрений русских церковников. В их проповедях, поучениях заметно прямое и сильное влияние греческой церкви, но и здесь, как мы видели, конкретное выражение общих догматов христианской религии в значительной степени определялось экономическими и политическими условиями жизни древней Руси.

Отсутствие влияния других стран на экономическую политику русских князей объясняется отнюдь не оторванностью Руси от других стран. Многие киевские князья были образованными людьми, а некоторые из них отличались исключительно широкими знаниями, как, например, князья Ярослав Мудрый и Владимир Мономах. Киевские князья находились в оживлённых сношениях с рядом наиболее влиятельных королевских дворов Европы, а некоторые из них — и в родственных

связях с ними. На русский язык переводилось немало иностранных рукописей, относящихся к различным областям знания.

Переводы работ экономического или преимущественно экономического содержания, относящиеся к периоду Киевской Руси, неизвестны. Их почти не было и в эпоху феодальной раздробленности. Да и нечего было переводить. В странах Западной Европы экономическая мысль стояла тогда на ступени не более высокой, чем на Руси. Специально экономические произведения представляли тогда крайнюю редкость, и посвящались они прежде всего острому вопросу о деньгах. Широкая практика выпуска королями неполноценных монет и порчи денег подвергалась критике, и в этих целях писались специальные трактаты о деньгах. В своих сочинениях, первое из которых относится к 1300 г., а второе — к 1306 г., француз Филипп Дюбуа упрекал короля Филиппа Красивого за порчу монеты и указывал на связанные с этим опасности. В том же XIV в. (как полагают, в 1373 г.) французский епископ Николай Орезмиус, учитель Карла V, написал выдающееся для своего времени сочинение, в котором были рассмотрены вопросы денежного обращения. Автор доказывал, что король не имеет права извлекать прибыль из чеканки монеты. Трактат Орезмиуса распространялся в рукописных копиях. Напечатан он был впервые в начале XVI в. в Париже.

Изучая историю русской экономической мысли эпохи феодальной раздробленности, нельзя пройти мимо одного переводного литературного памятника, содержание которого в значительной мере имеет экономический характер. Речь идёт о «Законах земледельческих», или, как их называют иначе, «Земледельческом уставе», «Крестьянском законе»¹.

«Земледельческий устав» представляет собой перевод с греческого языка. Исследователь этого памятника В. Васильевский полагал, что русский перевод «Земледельческого устава» может быть отнесён к XI или XII в.² Более правдоподобным представляется предположение А. Павлова, что перевод относится к концу XII или началу XIII в.³

¹ См. «Книги законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные», издал А. Павлов, Спб. 1885.

² См. В. Г. Васильевский, Законодательство иконоборцев, «Журнал Министерства народного просвещения», октябрь 1878 г., стр. 258—309, ноябрь 1878 г., стр. 95—129; см. его же статью по поводу издания А. Павловым «Книг законных», «Журнал Министерства народного просвещения», февраль 1886 г., стр. 317—351.

³ См. «Книги законные», Историко-юридическое введение А. Павлова, Спб. 1885 г.; А. Павлов, По вопросу о времени, месте и характере первоначального перевода византийского Земледельческого устава на славянский язык, «Журнал Министерства народного просвещения», сентябрь 1886 г., стр. 98—125.

«Книги законные», в составе которых содержится «Земледельческий устав», включают несколько частей: 1. «Предисловие книг законных, ими ж годится всякое дело исправляти всем православнымъ княземъ»; 2. «Законы земледелии от Оустяиновых книг. О земледелцах»; 3. «Закон о казнях»; 4. «Закон о разделении браком»; 5. «Главы о послусах» (т. е. о свидетелях).

По своему содержанию «Законы земледелии» представляют подробную регламентацию хозяйственных отношений между земледельцами, предусматривающую разнообразные случаи столкновений между ними. Здесь определены условия и характер ответственности лица, виновного в нарушении хозяйственных интересов другого, например, в случае нарушения соседом межи пахотного участка, самовольного засева чужой земли, в случае спора двух сёл о меже и т. д.; определяется порядок обмена пахотными участками на время или же полного обмена; устанавливаются условия пользования чужим участком пахотной земли — за десятый сноп и исполу; указывается ответственность виновников за кражу плуга, лемеха, а также жита и других продуктов, за порчу или гибель чужого скота, за умышленный и за случайный поджог чужой нивы, сада и т. д.

Во всём документе речь идёт только о земледельцах, об их взаимных отношениях. Нет ничего, что говорило бы об отношениях, характерных для колоната или для крепостного права. Здесь фигурируют земледельцы-собственники земли и земледельцы, арендующие землю у других земледельцев. Ряд статей говорит об ответственности господина за действия холопа, причинившего ущерб третьему лицу. В немногих статьях устава речь идёт об отношениях земледельца и общины.

Исследователи полагают, что «Земледельческий устав» был создан в Византии в связи со славянской колонизацией Балканского полуострова, распространением в VI—VII вв. славянских поселений на территории империи.

Большинство прежних исследователей (из русских авторов — В. Васильевский, А. Павлов и др.) считали «Земледельческий устав» актом государственного законодательства Византии VIII в., относя его ко времени византийских императоров-иконоборцев — Льва и Константина. Иной взгляд на происхождение и практическое значение греческого оригинала «Земледельческого устава» был обоснован Б. А. Панченко¹. Последний рассматривал «Земледельческий устав» как *дополнение* к общегражданскому законодательству Юстиниана или иконоборцев, как дополнительную запись обычного права из

¹ См. Б. А. Панченко, Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы, «Известия Русского археологического института в Константинополе», IX, вып. 1—2, София 1904, стр. 1—234.

области крестьянской практики, посвящённую тому нужному для крестьян праву, которое не нашло себе выражения в законодательстве. «Крестьянский закон» был записью сложившегося обычного права для практического руководства, официальной записью народных крестьянских обычаев¹.

Содержание устава ясно показывает, что отображённые в нём аграрные отношения, экономический строй отнюдь не совпадали с отношениями на Руси в XII—XIII вв. и позже, ибо здесь господствовали уже феодальные отношения, были крупные землевладельцы и зависимые от них крестьяне, тогда как «Земледельческий устав» таких отношений совсем не выражает.

Этим определяется и ответ на вопрос о роли «Земледельческого устава» в древней Руси. Утверждение некоторых исследователей о возможном практическом применении «Земледельческого устава» на Руси является всего лишь предположением, не имеющим за собою фактического основания. К такого рода предположениям относится и рассуждение А. Павлова о том, что московский великий князь Иван Калита, возможно, формально признал византийский «Земледельческий устав» и действительно приложил его на практике в Московском княжестве².

Отсутствие прямых и серьёзных косвенных свидетельств, сравнительная незначительность числа сохранившихся списков этого устава и тот факт, что в Уложении 1649 г., где имеются ссылки на прежние законы, о «Земледельческом уставе» совсем ничего не сказано, убедительно говорят о том, что никакого практического значения на Руси этот памятник вообще не имел, хотя переводчик «Книг законных» определяет и рекомендует их как книги, которыми «годится всякое дело исправляти всемь православнымъ княземъ» (из заголовка предисловия к «Книгам законным» в древнерусском переводе).

Имеет известное реальное значение и представляет определённый интерес показанное А. Павловым стремление переводчика «Земледельческого устава» по возможности обрусить византийские законы, приспособить их к русскому быту и понятиям. «Переводчик, — пишет А. Павлов, — не только перелагает на русский лад или «толк» отдельные византийские термины, имевшие техническое значение, но и делает в тексте иноземных законов разные перемены, сокращения и дополнения». Так, слово *царь* постоянно сопровождается прибавкою: *или князь*;

¹ См. Б. А. Панченко, Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы, стр. 4, 27, 86. По мнению современного исследователя вопроса, «Земледельческий устав» явился своеобразной кодификацией славянского обычного права, хотя и сплывленного с византийским (См. Е. Э. Липшиц, Византийское крестьянство и славянская колонизация, «Византийский сборник», АН СССР, М.—Л. 1945, стр. 141—143).

² См. «Книги законные», Введение А. Павлова, Спб. 1885, стр. 35—39.

греческое слово, обозначающее казну, переводится: «казна опчая», или «господская казна», «казна господская опчая», с пояснением в одном случае фразы: «к опчей казне» словами «еже есть ко князю»; греческое слово, означающее государственное жалование чиновникам, передаётся перифразом: «честь и власти (волости), яже от князя», что, очевидно, указывает на систему русских «кормлений»¹.

Экономические вопросы в литературе церковников. Ересь «стригольников»

В предыдущей главе была показана социальная роль церкви в Киевской Руси, выяснено классовое содержание высказываний церковников по социально-экономическим вопросам. Христианская религия является одной из форм идеологической надстройки, укрепляющей базис феодального общества. Полностью поддерживая феодальную форму эксплуатации труда и рабовладение, освящая догмами христианской религии деление общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, церковники вместе с тем выступали против крайностей этой эксплуатации, видя в этом путь к укреплению феодального строя, а вместе с тем — и авторитета церкви. Они хотели представить трудящимся массам церковь как якобы защитницу интересов эксплуатируемых.

То же самое приходится сказать и о литературе церковников, относящейся к эпохе феодальной раздробленности. Как и раньше, церковь не только освящала своим авторитетом феодальную эксплуатацию трудящихся масс, но и принимала самое деятельное участие в этой эксплуатации в качестве крупного феодального землевладельца. Служители церкви попрежнему призывали бедных людей беспрекословно повиноваться своим господам, а господ увещевали не проявлять крайней жестокости по отношению к своим рабам. Нет нужды особо останавливаться здесь на относящихся к данной эпохе высказываниях церковников по этим вопросам, поскольку смысл и реальное значение их были теми же, что и в рассмотренную нами выше эпоху Киевской Руси. Важно, однако, отметить, что высказывания церковников по социально-экономическим вопросам иногда довольно выпукло отражают собой дальнейшее резкое обострение классовых противоречий на Руси.

Как и ранее, в эпоху Киевской Руси, церковники осуждали обогащение посредством ростовщичества и обманной торговли. Резкое осуждение «резоимства» (ростовщичества) видно, например, в выступлениях владимирского епископа Серапиона,

¹ См. «Книги законные», Введение А. Павлова, Спб. 1885, стр. 20.

выдающегося проповедника XIII в.¹ «Кровь братскую едят резоимцы», — говорил митрополит Никифор в своём поучении. Однако он требовал не отмены процента, а лишь его понижения до 20 — «на пять шестоя».

С XIV в. в России стал распространяться сборник переводных и русских поучений под названием «Измарагд». Среди многих других наставлений и предписаний здесь имеются и такие, которые относятся непосредственно к экономической области жизни.

Так, например, автор «Слова о богатых и немилостивых» осуждает богатство, которое нажито путём грабежа или же находится в руках скупца, противопоставляя его богатству, нажитому праведным путём и находящемуся в руках доброго человека. В «Слове о мятежи жизни человеческия» золото, спрятанное у богача, жалуется на свою судьбу и настойчиво просит отпустить его к бедным людям: «О богатии златолюбцы, что ми пакости деете? что яко честна друга приемлете мя, бесчестуете же мя яко злодея и твердо вяжете и в земли погребаете и акы от тьмы во тьму в ваша руки посылаете мя? Но аще хотите поне к свету възрети ми, пустите мя миновати в нищих руки, молю вы»².

Отрицательное отношение церкви к ростовщичеству получило своё выражение и в повести о новгородском посаднике Щиле, который отдавал деньги в рост за проценты и был наказан за это богом³.

Как и раньше, особенно резко осуждению подвергались церковнослужители и монастыри, занимавшиеся торговлей и ростовщичеством. «А которые игумены, или попы, или черньцы торговали прежь сего, или серебро давали в резы, — писал митрополит Фотий новгородцам (1410 г.), — а того бы от сех мест не было, лишайтеся того: занеже не предали того святии апостоли, а святии отци не благословляют, и яз по тому»⁴.

От развития торговой деятельности в стране церковь получала определённые выгоды. Как сказано в предыдущей главе, на содержание церкви было установлено отчисление десятой доли от торговых сборов. В Киеве, Новгороде и в других городах на церковь была возложена важная функция надзора

¹ См. *Е. Петухов*, Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века, Спб. 1888, Прибавление к исследованию, стр. 2, 4.

² См. «История русской литературы», т. II, ч. 1, АН СССР, М.—Л. 1946, стр. 160.

³ См. «Сказание о Щилове монастыре, иже в Великом Новгороде», «Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков», сост. Н. Гудзий, Учпедгиз, М. 1947, стр. 195—196.

⁴ «Памятники древнерусского канонического права», ч. 1, «Русская историческая библиотека», изд. 2, т. VI, Спб. 1908, стр. 275.

над торговыми мерами и весами, обязанность следить за их точностью¹. Сами монастыри вели торговлю, а некоторые из них — довольно крупную. Настойчивые увещевания церковно-служителей, обращённые к игуменам, попам, монахам, не заниматься торговлей и ростовщичеством свидетельствуют, что последние довольно широко занимались этим и в своих личных интересах.

В XIV в. замечаются новые черты в отношении имущих классов к рабам, рабскому труду. По духовной грамоте (завещанию) Ивана Калиты (около 1339 г.) рабы вместе со всем имуществом князя передаются наследникам. По духовной же грамоте великого князя Семёна Ивановича (1353 г.) они со смертью князя должны быть отпущены на волю. «А что моих людий деловых, или кого буде прикупил, или хто ми ся будеть в вине достал, тако же мои тивуни, и посельские, и ключники, и старосты, или хто ся будеть у тых людий женил, всем тем людем дал есмь волю, куды им любо. А братье моеи, ни моеи княгине, те люди не надобны»². Аналогичный пункт об освобождении рабов после смерти князя повторяется в завещаниях и последующих князей³.

Вопреки утверждениям апологетов церкви менее всего в этих действиях можно усматривать результат идеологического воздействия церкви. Как было сказано, церковь принимала рабовладельческую форму эксплуатации и осуждала лишь жестокость господ в отношении рабов, чрезмерную эксплуатацию их.

Начавшийся в XIV в. отпуск князьями рабов на волю имел свою экономическую основу: всё больше обнаруживалась малая производительность труда холопов, невыгодность его по сравнению с другой, основной формой принудительного труда — труда феодально зависимых крестьян.

В рассматриваемый нами здесь тяжёлый период истории русского народа церковь своим авторитетом освящала не только феодальную и рабовладельческую эксплуатацию трудящихся масс. Она возносила молитвы за ханский род, призывала население к смирению и покорности татаро-монгольским поработителям. Взамен этого церковь получила от Золотой орды полное освобождение от дани и от всех других сборов и повинностей. Ханские ярлыки оберегали церковников не только от татар,

¹ См. «Устав великого князя Всеволода о церковных судах и о людех и мирилех торговых» (1125—1136 гг.) и «Уставная грамота Новгородского князя Всеволода Мстиславича церкви Иоанна Предтечи на Опоках» (около 1135 г.), «Христоматия по истории русского права», сост. М. Ф. Владимирский-Буданов, вып. 1, изд. 4, 1889, стр. 226—237.

² «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», АН СССР, М.—Л. 1950, стр. 14.

³ См. там же, стр. 17, 25, 57, 198 и др.

но и от русских князей, которые не могли вступать на церковные земли. Церковь получила, таким образом, независимость от княжеской власти.

* * *

В задачи данной работы не входит сколько-нибудь подробное и систематическое сопоставление исторического процесса развития русской экономической мысли и экономической мысли народов других стран. Для развёрнутого сравнительного анализа истории развития экономической мысли в России и в других странах, западноевропейских и восточных, требуется огромная предварительная работа. В «Теориях прибавочной стоимости», в «Капитале» Маркса и в других произведениях основоположников научного социализма блестяще показана история развития *буржуазной* политической экономии. Маркс критически анализирует важнейшие этапы развития буржуазной политической экономии в главных капиталистических странах, начиная с её возникновения. Аналогичной работы в отношении экономической мысли феодального общества не имеется. А между тем для сравнительного анализа исторического процесса развития экономической мысли в разных странах в период феодализма требуется дифференцированное изучение этого процесса на отдельных этапах развития феодализма, выявление экономической мысли идеологов различных классов и социальных групп феодального общества. То, что имеется в этой области теперь, принадлежит главным образом перу буржуазных экономистов и касается лишь отдельных периодов и отдельных участков, сторон экономической мысли. Так, например, ещё в работе известного французского историка XIX века Ад. Бланки «История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени» делается попытка осветить и такие вопросы, как «политическая экономия Карла Великого», экономическая сторона его «Капитуляриев». Здесь же говорится «о перевороте, произведённом в развитии политической экономии Карлом Пятым»¹ и т. д. Но работы буржуазных экономистов искажают действительную историю экономической мысли и ничего не дают для сравнительного анализа. Сопоставление развития русской экономической мысли с экономической мыслью других стран поэтому неизбежно носит в нашей книге отрывочный характер.

Возвращаясь к рассматриваемому здесь вопросу об экономических воззрениях русских церковников, можно, как нам

¹ См. Ад. Бланки, История политической экономии в Европе, т. 1, русский перевод, Спб. 1869, стр. 130—141, 245—255 и др., а также т. 2 этой работы.

представляется, отметить ещё одну важную черту этих воззрений. Как ни велика была идеологическая роль экономической мысли русских церковников в укреплении базиса общества — феодально-крепостнических производственных отношений, всё же в феодальной России она не оказала такого прямого воздействия на общественную жизнь страны, как это имело место в странах Западной Европы в эпоху средневековья. Мы имеем здесь в виду прежде всего влияние экономических воззрений церковников на гражданское законодательство по таким важным вопросам экономической жизни общества, как вопрос о цене, торговой прибыли, проценте на капитал и др.

Известно, что эти вопросы занимают большое место в работах средневековых писателей — богословов и канонистов Западной Европы.

Экономические вопросы, как и философские, правовые и другие вопросы общественной жизни рассматривались в средние века схоластами под углом зрения соответствия их догматам «священного писания». Хозяйственные вопросы трактовались как религиозно-этические нормы хозяйственной деятельности, определяемые церковными авторитетами.

Канонисты создали теорию так называемой «справедливой цены». Эта теория не раскрывала объективного закона, лежащего в основе цены товара, а устанавливала норму поведения людей на рынке: товары *должны* продаваться только по «справедливой цене». Под «справедливой ценой» средневековые схоласты понимали такую цену, которая отражала бы количество труда, затраченного на производство товара, сословное положение производителя товаров, давала бы продавцу возможность жить соответственно своему положению в сословном феодальном обществе. Теория «справедливой цены» имела в странах Западной Европы широкое практическое значение. Соответствующие органы устанавливали твёрдые таксы цен на различные товары, и эти таксы должны были строго соблюдаться продавцами и потребителями.

Практическое применение имели и взгляды писателей — богословов и канонистов на ростовщичество. Первое время церковь запрещала заниматься ростовщичеством лишь духовенству. Начиная с IX века это запрещение стало распространяться и на мирян. В конце XII века папа Александр III угрожал ростовщикам отлучением от церкви и лишением христианского погребения. Григорий X предписал изгонять ростовщиков из общин, корпораций и городов, отнял у них право делать завещания. Собор 1311 г. распространил запрещение ростовщичества и на светское законодательство. Светские законы, противоречащие постановлениям церкви о процентах, были объявлены недей-

ствительными. И светское законодательство стало на путь запрещения ростовщичества. Запрещение взимания процента являлось церковным догматом, сомнение в котором было объявлено «ересью» и преследовалось как «ересь». Отдачу денег под проценты католическая церковь считала таким же тяжёлым и наказуемым преступлением, как и воровство, грабёж, убийство. Католическая церковь строго контролировала гражданский торговый оборот и кредитные сделки, тормозя их развитие.

Противоречие догматов католической церкви объективным закономерностям экономического развития общества, выразившимся в росте товарного производства и рынка, торгового и ростовщического капитала, приводило к тому, что в жизни законы о запрещении ростовщичества и торговой прибыли всячески обходились, в том числе и самими церковниками, а с другой стороны сами богословы и канонисты всё больше становились на путь теоретического оправдания этих явлений хозяйственной жизни, делая поправки к своим категорическим требованиям и допуская отступления от них.

В этом отношении особенно характерен Фома Аквинский (XIII век), который пытался в какой-то мере приспособить учение канонистов к требованиям жизни. Он осуждал уже не всякую торговлю, а только спекулятивную, отвергал только высокую прибыль, допуская умеренную. Стремясь оправдать умеренное ростовщичество, он отождествлял процент с земельной рентой, которая всегда допускалась. Взимание процента объявлялось вознаграждением за убыток или за неполученную прибыль и т. д. Как бы то ни было, но запрещение процента в гражданском законодательстве стран Западной Европы продолжалось до XVI века, когда оно было отменено реформацией. В XVI веке появляются работы, уже оправдывающие взимание процента (Кальвин, Дюмулен)¹.

В России теории «справедливой цены» вообще не существовало, запрещение же взимания процента не получило отражения в гражданском законодательстве. Запрещение процента церковью распространялось только на духовенство, занятие же ростовщичеством светскими людьми осуждалось лишь нравственно.

Корни этой важной особенности экономических воззрений русских церковников на ростовщичество лежат, повидимому, в отличии отношений между церковью и государственною

¹ См. У. Дж. Элли, Экономическая история Англии в связи с экономической теорией, М. 1897, ч. 1 п 2; А. И. Чупров, История политической экономии, М. 1918; В. В. Святловский, Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России, ч. 1, Спб. 1913.

властью в России и странах Западной Европы: католическая церковь проповедовала и стремилась воплотить в жизнь теократическую идею верховенства церкви, духовной власти над светской властью, тогда как греческая православная церковь, догматы которой были восприняты и русским духовенством, стояла на позиции подчинения церкви государственной власти. К тому же отрицательное отношение к ростовщичеству у служителей православной церкви не имело такого крайне резкого характера, каким оно было у служителей католической церкви.

* * *

К XIV в. относится возникновение сектантского движения «стригольников», имевшего значительное распространение в Новгороде и Пскове в последней четверти XIV — первой четверти XV в. Сведения об этом движении дошли до нас главным образом из направлявшихся в Новгород и Псков грамот церковных властей и из записей летописи. Стригольники отвергали установленные церковные обряды, решительно выступали против всяких поборов за церковную службу и за посвящение в сан. Они отвергали посвящение в духовный сан, считая, что церковную службу могут совершать простые миряне.

Стригольник Карп, говорится в обличительном послании пермского епископа Стефана против стригольников, «почал людем глаголати: не достоит де над мертвыми пети, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносить к церкви, ни пиров творити, ни милостыни давати за душу умершаго»¹. Характер движения стригольников виден и из следующих слов того же поучения епископа Стефана: «О стригольницех же неции безумнии глаголють: сии не грабятъ и имения ни збирають»².

Нападая на господствующую церковь и её обряды, стригольники тем самым критиковали феодальные порядки. Если брать непосредственно экономическую сторону воззрений стригольников, то они по сути дела протестовали против той дополнительной эксплуатации трудящихся масс, которую осуществляла церковь в форме разнообразных поборов с верующих. К этому движению приложимы слова Энгельса о «бюргерских ересях» средних веков на Западе: «...бюргерская оппозиция очень серьезно боролась против попов, праздная, привольная жизнь и развращенные нравы которых вызывали в ней величайшее

¹ «Памятники древнерусского канонического права», ч. 1, «Русская историческая библиотека», изд. 2, т. VI, Спб. 1908, стр. 224.

² Там же, стр. 226.

негодование»¹. «Ересь городов — а она собственно является официальной ересью средневековья — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала... средневековые бюргеры требовали прежде всего дешевой церкви... Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только извращение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя ранне-христианской церкви и упразднения особого сословия священников»².

Против стригольников, посягнувших на имущественное благополучие церкви, последняя направила всю свою идеологическую и административную силу. В многочисленных посланиях к духовенству и жителям Новгорода и Пскова церковные верхи старались идейно дискредитировать движение стригольников, ссылаясь на священное писание доказывали правомерность получения церковью её доходов³.

Но дело не ограничивалось только идейной борьбой. Стригольников отлучали от церкви, проклинали, изгоняли из города и просто убивали. Как записано в летописи, в Новгороде «побиша стригольников еретиков, диакона Никиту и Карпа протста и третияго человека с ними, свергоша их с мосту».

Маркс писал в предисловии к первому тому «Капитала», что «...высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 членов ее символа веры, чем нападки на 1/39 ее денежного дохода». Русской церкви уже в XIV—XV вв. пришлось выдержать первые нападки на её доходы. Пока что это имело место только в одной части России, в богатых и развитых феодальных городах-республиках.

Помимо посланий, направленных непосредственно против ереси стригольников, от конца XIV и от XV в. сохранились обращения руководителей русской церкви к новгородцам и псковичанам с настойчивым увещанием и требованием оставить церковное и монастырское имущество неприкосновенным, в полной собственности церковей и монастырей. Это свидетельствует о том, что уже тогда в Новгороде и Пскове со стороны «паствы» были настойчивые покушения не только на текущие доходы церкви, но и на церковные владения вообще. В борьбе с этими нападками на её богатства русская церковь уже с конца XIV в. усердно отстаивает теорию неприкосновенности церковных имуществ, неотчуждаемости их.

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М. 1953, стр. 28.

² Там же, стр. 35.

³ См. «Памятники древнерусского канонического права», ч. 1, Спб. 1908, стр. 191—198, 211—228 и др.

Неприкосновенность церковных имуществ доказывается в грамоте митрополита Киприана новгородскому архиепископу Иоанну (1392 г.), специально посвящённой именно этому вопросу: «А что погосты и села и земли и воды и пошлины, что потягло, к церкви божьи, или купли, или кто дал по души памяти деля, а в то пиедин христианин не вступается; а кто вступится, того не благословляют божественая правила»¹. «А никто бы не смел вступатися в церковныи пошлины, ни в земли, ни в воды, блюлся бы казни святых правил; а кто будеть вступился, и тот бы престал от сего часа»².

В 1395 г. подобные наставления повторяются в послании митрополита Киприана в Псков³. О неприкосновенности церковных имуществ говорится в поучениях митрополита Фотия великому князю Василию Дмитриевичу (около 1410 г.)⁴. Новгородский архиепископ Симеон поучает в 1419 г. псковичан: «...церковь божию не обидите... в земли, в воды, в суды, в печать и во все пошлины церковныя не вступайтесь»⁵. То же повторяется в послании митрополита Феодосия Новгороду в 1463 г.⁶, в его послании псковичанам в 1463—1465 гг.

Позже, в XVI в. вопрос о церковном землевладении превратился уже в один из самых острых вопросов, вокруг которого шла длительная и упорная борьба.

Экономические вопросы в светской литературе. Афанасий Никитин и его «Хождение за три моря»

В памятниках светской литературы рассматриваемой эпохи получили своё отражение важнейшие события жизни русского народа.

Величайшее произведение древней русской литературы «Слово о полку Игореве», относящееся к концу XII в., повествует о неудачном походе русских против половцев в 1185 г. «Смысл поэмы, — писал Маркс о «Слове», — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»⁷. «Слово» призывает к защите всей русской земли.

«Слово о полку Игореве» имеет некоторое значение и для изучения истории русской экономической мысли. Отдельные

¹ «Памятники древнерусского канонического права», ч. 1, Спб. 1908, стр. 229—230.

² Там же, стр. 230—231.

³ См. там же, стр. 231—232.

⁴ См. там же, стр. 289—304.

⁵ Там же, стр. 402.

⁶ См. там же, стр. 695—698.

⁷ К. Маркс, Письмо Ф. Энгельсу 5 марта 1856 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 122.

поэтические образы поэмы связаны с сельскохозяйственной работой, как видно хорошо знакомой автору. «На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела»¹ — говорится в «Слове».

Вспоминая времена Олега Святославича, деда князя Игоря, автор упрекает Олега в сеянии междуусобицы, которая вела к гибели людей и добра; «тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы себе деля...»².

В «Слове» получило отражение отношение автора к рабскому труду. Обращаясь к великому князю Всеволоду и приглашая его на борьбу с половцами, автор говорит: «Ты, ведь, можешь Волгу веслами расплескать, а Дон племами вычерпать. Если бы ты был (здесь), то была бы невольница по ногате, а раб — по резани»³.

Существование рабов представляется автору вполне нормальным явлением. Его воображение пленяется перспективой обилия рабов из пленных и их дешевизной. Такое отношение автора поэмы к рабам вполне соответствует воззрениям представителей господствующего класса Киевской Руси и начала эпохи феодальной раздробленности. Позже, как мы уже говорили, это отношение стало изменяться.

Ряд выдающихся литературных произведений того времени освещает татаро-монгольское иго и героическую борьбу русского народа за своё освобождение: «Слово о погибели русской земли», «Задонщина» и др. В «Песне о Щелкане Дюдентьевиче» яркими красками рисуется жестокость поработителей, страдания русских людей от татаро-монгольского ига⁴.

Из памятников светской литературы, в которых получили отражение социально-экономические воззрения эпохи, некоторое значение при изучении истории русской экономической мысли имеет также «Моление Даниила Заточника». Это произведение сохранилось в двух редакциях, одну из которых историки литературы относят к XII в., а другую — к XIII в.

Кто был автором произведения, по какому поводу оно было написано, — неизвестно. Одни полагают, что «Моление» написано книжником, прежде находившимся при князе, а затем сосланным или заточённым; другие считают, что автор «Моления» был дворянином, княжеским дружинником⁵; третьи видят

¹ «Слово о полку Игореве», «Библиотека поэта», Малая серия, изд. 2, Л. 1949, стр. 105.

² Там же, стр. 97.

³ Там же, стр. 102.

⁴ См. «Исторические песни», «Библиотека поэта», Малая серия, изд. 2, Л. 1951, стр. 66—70.

⁵ См. В. М. Гуссов, Историческая основа «Моления Даниила Заточника», «Труды отдела древнерусской литературы», VII, АН СССР, М.—Л. 1949, стр. 410—418.

в авторе боярского холопа, что вообще мало правдоподобно, если принять во внимание большую начитанность автора и его литературные навыки. Наконец, академик М. Н. Тихомиров, недавно обнаруживший новый список произведения Даниила Заточника, названный в рукописи «Написанием», делает предположение, что Даниил Заточник был ремесленником-серебряником, попавшим в беду, наказанным за кражу¹. Бесспорно только одно, что «Моление» было написано зависимым человеком, который недоволен своим положением и обращается к князю с просьбой о помощи.

В «Молении» резко выступает антагонизм между бедными и богатыми, оппозиционное отношение автора к боярству и монашеству. Этот антагонизм звучит, например, в словах: «Не имей себе двора близ царева двора, и не дрѣжи села близ княжа села: тивун бо его аки огонь трепетицею накладен, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеши устеречися и сождения порт». «Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогии возглаголеть — вси нань кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна»².

Свою бедную жизнь Даниил Заточник противопоставляет богатой жизни князя: «Насыщаяся многоразличными брашны, помяни мя, сух хлеб ядущаго; веселяся сладким питием, облачаяся в красоту риз твоих, помяни мя, в неизпранном врептици лежаща; на мягкой постели помяни мя, под единым рубом лежащаго, зимою умирающаго, каплями дождевыми, яко стрелами, пронизаема»³.

«Моление» характерно резко отрицательным отношением автора к монахам и монашеской жизни. Даниил отвергает возможность выйти из своего бедственного положения путём поступления в монахи. Он предпочитает в бедности закончить свою жизнь, чем солгать богу, принявши монашество. Многие ушедшие в иноки, пишет он, вновь возвращаются к своей мирской жизни, обходят сѣла и дома славных мира сего, «яко псы ласкосердии». Где свадьбы и пиры, там монахи и монахини с беззаконием; образ имеют ангельский, а нрав — блудный, «святительский имея на себе сан, а обычаем похабен».

Автор «Моления» настойчиво просит князя взять его к себе на службу, в роли советника.

¹ См. М. Н. Тихомиров, «Написание» Даниила Заточника, «Труды отдела древнерусской литературы», X, АН СССР, М.—Л. 1954, стр. 278.

² «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам», «Памятники древнерусской литературы», вып. 3, АН СССР, Л. 1932, стр. 21, 11.

³ Там же, стр. 66.

Высказанное в литературе мнение, будто Даниил Заточник оказался выразителем холопских позиций, впервые заявленных в литературе и нашедших в «Молении» очень яркое отражение, справедливо опровергается как несостоятельное¹; текст памятника показывает, что автор его относится к холопам с крайним презрением.

* * *

В заключение рассмотрим замечательный литературный памятник, созданный одним из русских торговых людей, Афанасием Никитиным — «Хождение за три моря»².

Тверской купец Афанасий Никитин вместе с другими русскими купцами, тверскими и московскими, и возвращавшимися из Руси бухарскими купцами, отправился в 1466 г. с товарами вниз по Волге к морю, как можно судить — в Ширванское независимое ханство, находившееся в Прикаспийском Закавказье, в северо-восточной части Азербайджана. Русские купцы вели тогда оживлённую торговлю с восточными странами, в том числе с Ширваном. Особенно большую торговлю вели тверские купцы, чему благоприятствовало выгодное географическое положение Твери на Волжском торговом пути.

Под Астраханью небольшой караван судов, с которым плыл Афанасий Никитин, был разграблен татарами. Никитин вместе с другими купцами добрался до Дербента, одного из городов Ширванского ханства. Попытки ограбленных русских купцов получить от Ширван-шаха материальную помощь, чтобы возвратиться на Русь, успеха не имели. «И мы, заплавав, разошлись кто-куда: у кого было что на Руси, и тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе (город в Ширване, одна из резиденций Ширван-шахов. — А. П.), а иные пошли работать в Баку»³.

С последними был и Никитин. Зимой 1467 г. он направился из Баку через Каспийское море в Персию. С Персией русские купцы вели торговлю уже давно. Они вывозили из Персии главным образом шёлк, туда же возили меха и другие товары.

¹ См. М. Н. Тихомиров, Источниковедение истории СССР с древнейших времён до конца XVIII века, т. 1, 1940, стр. 86—87.

² Текст «Хождения за три моря» в двух списках: Троицкий список XVI в. и список Ундольского XVII в., перевод «Хождения» на современный русский язык, научный анализ этого произведения и комментарии к нему см. в книге, изданной Академией наук СССР в серии «Литературные памятники», «Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472)», под ред. академика Б. Д. Грекова и члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л. 1948.

³ «Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472)», АН СССР, М.—Л. 1948, стр. 55; здесь и далее цитируется по переводу на современный язык.

В Персии Никитин пробыл около полутора лет, посещая различные районы страны, очевидно, в связи со своими торговыми делами.

В апреле 1469 г. он отправляется из Ормуза, последней персидской гавани на пути в Индию, за «Индийское море» (так тогда называли Индийский океан). В Индии Никитин пробыл почти три года. Тоска по родине не оставляла его во время долгого путешествия. В начале 1472 г. Никитин покинул Индию и отправился на родину. «Морем Индийским» он попал в Персию, переплыв Чёрное море, прибыл в Балаклаву, а затем — в Кафу (нынешнюю Феодосию), являвшуюся тогда крымской колонией Генуэзской республики. В Кафе были тогда и русские купцы, здесь имелось русское подворье.

«Три моря», путешествие за которые описывает Никитин, были, таким образом, моря: Каспийское, Индийское, Чёрное. Из Кафы Никитин отправился в Тверь через Литовское княжество, как тогда обычно ездили русские купцы, торговавшие с Крымом. Не доехав до Смоленска, Никитин умер. В 1475 г. русские купцы, прибывшие из Литвы в Москву, привезли тетрадь записок Афанасия Никитина, передали её дьяку великого князя, а от последнего записки попали к летописцу, который и занёс их в летопись под тем же годом.

Никитин подробно описывает маршрут своего путешествия, тщательно заносит в тетрадь впечатления от посещённых им мест, рассказывает о событиях, свидетелем которых он был лично или о которых слышал от других. Он описывает природу, население Индии, его хозяйственную деятельность, обычаи, религию, военное дело.

Из русских людей Никитин первый дал описание Индии, которая до того была известна русским людям по рассказам главным образом фантастического характера. Вместе с тем его описание Индии было вообще одним из первых описаний этой страны европейскими людьми, сделанных очевидцами. Никитин уехал из Индии за 25 лет до того, как португальский путешественник Васко да Гама совершил туда своё путешествие морем (1497—1499 гг.). Васко да Гама дал описание морского пути в Индию, а не самой Индии. По богатству материала, точности освещения различных сторон жизни страны описание Никитина занимает первое место в ряду относящихся к тому времени немногочисленных описаний Индии. Оно имеет, таким образом, мировое значение.

В рассказе о своём путешествии Афанасий Никитин выступает как человек широкого кругозора и тонкой наблюдательности, весьма любознательный и умеющий видеть не только то, что непосредственно бросается в глаза, но и существенные черты событий, фактов.

Записки Никитина проникнуты чувством патриотизма, горячей любви к русской земле. Тверское княжество было ещё в то время самостоятельным великим княжеством. Но Никитин чувствует себя в Индии представителем всей Руси.

В то же время в его записках видна неудовлетворённость порядками в России, несправедливостью бояр. «А русскую землю бог да сохранит, — пишет он. — На этом свете нет страны подобной ей, хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы (не добры). Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость»¹.

При изучении русской экономической мысли рассматриваемого периода особенно важное значение имеет то, что в описании Никитиным «Хождения за три моря» большое место занимают вопросы хозяйства Индии, прежде всего, её торговля.

Никитина поразило обилие городов в Индии. Он сообщает расстояние между различными городами, характер сообщения между ними, «по суху» или же «морем». Он описывает посещённые им города, пристани в разных частях Индии, тщательно фиксирует, какие и где имеются товары, каковы цены на них, с кем ведётся торговля, каков порядок торговли, размер торговых пошлин и т. д.

Всё это Никитин рассматривает в свете возможности торговли Руси с Индией. Он чувствует себя здесь как бы торговым представителем Руси, выявляет экономические возможности, условия русско-индийской торговли. «Меня обманули псыбусурмане, — записывает Никитин свои первые впечатления по прибытии в Индию, — они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много»².

Посетив большой город Индии Бидар, Никитин записывает: «В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки, на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индо-станский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет»³.

Никитин описывает, далее, находящееся на расстоянии 120 вёрст от Бидара «место, где однажды в году устраивается базар, куда съезжается вся Индийская страна торговать и

¹ «Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472)», стр. 68.

² Там же, стр. 58.

³ Там же.

торгуют там 10 дней». «В Индостанской земле это лучший торг»¹.

Большое впечатление произвёл на Никитина Ормуз, в котором велась обширная торговля с участием купцов самых различных стран. «Ормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина же велика, со всего берут десятину»².

Никитин описывает порт Каликут — «пристань для всего Индийского моря». Он пишет, какие имеются там продукты: перец, имбирь, мускатный орех, цинамон, корица, гвоздика, пряное коренье и др. «И все в нем дешево»³. Он указывает, что Цейлон «есть немалая пристань Индийского моря», и подробно перечисляет, какие производятся здесь продукты. По некоторым из товаров Никитин сообщает также и способ измерения их: «на локоть» и «на вес». Также описывает он Шабатскую пристань, пристань Пегу и другие⁴.

Вопросы сельского хозяйства Индии не привлекли значительного внимания Никитина. О нём в записках говорится совсем мало. В течение четырёх месяцев, пишет он, и днём и ночью всюду была вода и грязь. «Тогда же у них пахут и сеют пшеницу, тутурган, горох и все съестное»⁵.

Мимо наблюдательного глаза Никитина не прошло и имущественное положение жителей Индии. Он отмечает большую разницу в положении групп, классов общества. «Земля весьма многолюдна: сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны»⁶.

«Хождение за три моря», записанное, как было сказано, в летопись, обогатило русских людей знанием почти совсем неизвестной им до того большой страны.

* * *

Экономическая мысль рассматриваемой эпохи отражает собой процесс развития феодальных производственных отношений, усиления феодальной эксплуатации, обострения классовых противоречий. Вместе с тем она выражает экономическую и политическую раздробленность страны и происходившую уже в эту эпоху борьбу за преодоление феодальной раздробленности страны, за создание единого Русского государства.

¹ «Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472)», стр. 59.

² Там же, стр. 63—64.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 64—65.

⁵ Там же, стр. 56—57.

⁶ Там же, стр. 59—60.

Экономическая мысль эпохи феодальной раздробленности отразила борьбу русского народа против татаро-монгольских поработителей и других захватчиков. Церковная литература, продолжая играть ту же социальную роль, что и в предыдущую эпоху, — идейная санкция и освящение феодальной эксплуатации, — в отдельных своих произведениях объективно отразила дальнейшее и притом резкое обострение классовых противоречий и классовой борьбы.

В рассматриваемую эпоху впервые появляется явно выраженная оппозиция против эксплуатации народных масс церковью. Появились требования лишить церковников их нетрудовых доходов, отнять у церкви недвижимое имущество.

В конце рассматриваемой эпохи в литературе выступает на сцену представитель нового, растущего класса — купечества.

РАЗДЕЛ III

ПЕРИОД ЛИКВИДАЦИИ РАЗДРОБЛЕННОСТИ СТРАНЫ

Глава третья

ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИВАНА III

Изменения в экономике и образование Русского централизованного государства

Последние десятилетия XV века и XVI век представляют собой весьма знаменательный, по своему содержанию поворотный период в истории Руси. В этот период заканчивается начатый ещё при Иване Калите длительный и сложный процесс собирания земли русской вокруг Москвы, ликвидации феодальной раздробленности страны, образования централизованного Русского государства. Этот период является одним из важнейших этапов в истории общественной жизни русского народа.

Создание централизованного государства означало изменение соотношения сил различных групп внутри господствующего класса феодалов, ослабление роли боярства, родовой феодальной знати, с одной стороны, и возвышение дворянства — с другой. Образование централизованного государства осуществлялось путём усиления самодержавной власти государя, опиравшегося на дворянство.

Собирание русских земель вокруг Москвы, усиление власти московских князей вели к ослаблению зависимости русского народа от татаро-монгольских поработителей. В России, писал Энгельс, «...покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III»¹. В 1480 г. Россия полностью освободилась от татаро-монгольского ига, душившего русский народ в течение почти двух с половиной веков.

Начиная примерно с середины XV в. в северо-восточных районах страны наметился новый подъём производительных сил.

¹ Ф. Энгельс, [О разложении феодализма и развитии буржуазии], К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 450.

Подъём земледелия осуществлялся на основе широкого применения трёхпольной системы, которая в рассматриваемое время господствовала уже на большей части территории страны. Установление трёхпольной системы, рост применения удобрений значительно повысили производительность труда в сельском хозяйстве.

Важные изменения происходили в формах феодальной эксплуатации. До XVI в. собственная запашка феодалов-землевладельцев была сравнительно небольшой, причём обработка земли в их хозяйствах производилась главным образом трудом холопов. В XVI в. барская запашка сильно расширяется, обработка барской земли осуществляется теперь трудом феодально зависимых крестьян. Хлеб производился в феодальном хозяйстве уже не только для непосредственного потребления, но и на продажу. Эксплуатация крестьян усиливается.

В хозяйствах, применявших оброчную систему, с конца XV в. учащаются случаи замены натурального оброка денежным, т. е. появляется денежная рента, что опять-таки было связано с ростом рынка, товарно-денежных отношений. Для уплаты оброка крестьяне сбывали на рынке часть своей продукции. В денежной форме уплачивались также налоги государству. Труд холопов всё более замещался трудом зависимых крестьян. В конце XV в. появилась новая форма зависимого труда — по «служилой кабале».

С образованием централизованного государства внутри класса феодалов сложилась особая группа служилых землевладельцев — дворян. Широкое распространение получило поместье — землевладение, связанное с несением военной службы московскому князю, царю.

В XV и XVI вв. весьма сильно возросло монастырское землевладение. Огромные массы земли, по показаниям современника — около трети всей освоенной территории, принадлежали духовенству, главным образом монастырям, также эксплуатировавшим крестьянство.

Промышленность, как и в предшествующий период, продолжала носить по преимуществу домашний характер, оставаясь неразрывно связанной с земледелием. Промышленность существовала главным образом в виде домашней переработки продуктов земледелия. Постепенно возрастала роль ремесленников, работающих на заказ и на местный рынок. Ремесло, чрезвычайно пострадавшее от татаро-монгольского нашествия, теперь вновь ожило и получило дальнейшее развитие.

Ожили старые города, возникли новые поселения городского типа. В русских городах XVI в. насчитывалось более двухсот различных ремесленных специальностей. Рост производительности труда в земледелии, связанный с распространением

трёхпольной системы, усиливал отделение промышленности от сельского хозяйства. Мелкое ремесленное производство концентрировалось не только в городах (посадах), но и в сельских местностях. Продукты ремесленного производства продавались не только на местном рынке, но и на рынках более отдалённых.

В России XV—XVI вв. уже имело место и крупное промышленное производство продуктов на рынок, солеварение, железорудное, поташное дело и др. Оно осуществлялось в вотчинах, крупных монастырях. На государственных предприятиях производились пушки и другие виды оружия.

Увеличивалось количество городов, в которых сосредоточивалась торгово-промышленная деятельность, множились местные рынки — различные торжки при монастырях, в сельских пунктах. Внутренняя торговля росла не только количественно, в ней наметились и важные качественные изменения. Уже с начала XVI в. нарастают предпосылки образования всероссийского рынка — в широком масштабе устанавливаются более или менее постоянные торговые связи между различными городами и областями¹. Соль, добывавшаяся главным образом на севере, расходилась по всей России. На большие расстояния перевозился хлеб и другие товары.

В XVI в. устанавливаются непосредственные торговые отношения России с западноевропейским рынком через Белое море. Усиливается торговля с восточными странами.

На западе Европы образование централизованных государств совпало с разложением феодального способа производства и капиталистическим развитием стран. В России политическое объединение страны под властью московских князей осуществлялось также на экономической основе — в результате роста общественного разделения труда, товарно-денежных отношений, роста городов, усиления связи разных областей и княжеств. Но в отличие от западноевропейских стран Русское централизованное государство было создано до разложения феодального способа производства, до начала капиталистического развития страны. В России, как и в других странах востока Европы, процесс образования централизованного государства был ускорен борьбой против внешней опасности, необходимостью обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока.

Русское централизованное государство было политической надстройкой над упрочившимися в стране феодальными производственными отношениями, составлявшими базис общества.

Русское централизованное государство с самого начала явилось государством многонациональным, смешанным государ-

¹ См. С. В. Бахрушин, Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI в., «Учёные записки Московского государственного университета», вып. 87, М. 1946, стр. 38—65.

ством, объединявшим несколько народов, ещё не сложившихся в нации¹. Это многонациональное государство было *русским* государством, потому что «в России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»².

Классовая борьба в рассматриваемый период продолжала обостряться в связи с ростом феодальной эксплуатации крестьянства, усилением торговой и ростовщической эксплуатации.

В конце XV и в начале XVI в. на Руси вновь развернулось движение «еретиков». В конце XV в. — во время борьбы московского великого князя за присоединение Новгорода к Москве — имело место движение городских низов в Новгороде и Пскове, в 1483—1485 гг. — волнения крестьян-смердов в Псковской земле. Классовая борьба резко обострилась в середине XVI в., произошли восстания в Москве, Пскове и других местах.

Рост сопротивления трудящихся масс феодальной эксплуатации явился одним из важных факторов, толкавших господствовавший класс на создание централизованного государства. Централизация политической власти в руках самодержавного монарха усиливала класс феодалов в его борьбе против эксплуатируемых масс, обеспечивала подавление феодалами возросшего сопротивления крестьянства. Создание централизованного государства осуществлялось в борьбе нового слоя феодалов — дворянства — против боярства с его реакционными сепаратистскими устремлениями. Иван IV, завершивший дело создания Русского централизованного государства, в своей борьбе против боярства опирался на прогрессивную для того времени часть феодального класса — дворянство, а также на города. Возвышение дворянства происходило в условиях ожесточённой борьбы его за землю, за рабочие руки, т. е. за крестьянство.

В результате тяжёлой и продолжительной войны с Ливонией и массового разорения крестьянских хозяйств во время опричнины народное хозяйство России в 70—80-х годах XVI в. переживало глубокий упадок: резко сократились посевы, старые области страны сильно запустели; население, придавленное налогами и повинностями в пользу помещиков и на

¹ См. *И. В. Сталин*, Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б), Соч., т. 5, стр. 34; см. *В. Пашуто* и *Л. Черепнин*, О периодизации истории России эпохи феодализма, «Вопросы истории» № 2, 1951 г., стр. 66—67; Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР, «Вопросы истории» № 3, 1951 г., стр. 57.

² *И. В. Сталин*, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 304.

военные нужды государства, передвигалось в новые места — на юго-восток страны.

В интересах дворянства, являвшегося опорой самодержавной власти, в XVI в., при Иване IV и его преемниках, было юридически оформлено прикрепление крестьян к земле, знаменовавшее собой весьма важный этап в развитии феодальной эксплуатации.

Ответом на это явился рост классовой борьбы крестьянства. В последнем десятилетии XVI в. вспыхнуло восстание в Угличе, в котором принимали участие и окрестные крестьяне; имел место ряд других крестьянских и городских восстаний; происходили антифеодальные движения крестьян нерусских народностей в Поволжье и Прикамье. Зрели предпосылки крестьянской войны, широко развернувшейся в начале следующего, XVII столетия под руководством Болотникова.

Образование централизованного государства имело огромное прогрессивное значение для судеб России. Оно усилило русский народ в борьбе за самостоятельность страны, за обеспечение его национальных интересов, открыло путь для дальнейшего роста производительных сил страны, для развития культуры русского народа. «Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»¹, — писал И. В. Сталин.

С ликвидацией феодальной раздробленности Русское государство выступает на международной арене как крупнейшая держава. «Изумленная Европа, которая в начале княжения Ивана III едва подозревала о существовании Московии, зажатой между литовцами и татарами, была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах»², — писал Маркс.

Образование централизованного государства знаменовало вместе с тем новое и притом весьма значительное усиление господства феодалов над трудящимися массами страны. Закрепление крестьянства в последние десятилетия XVI в. было осуществлено централизованным феодальным государством.

* * *

Период образования централизованного Русского государства был вместе с тем периодом большого подъема русской общественной мысли, в том числе экономической. Расширился круг

¹ И. В. Сталин, Приветствие Москве в день её 800-летия, «Правда», 7 сентября 1947 г.

² Karl Marx, Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London 1899, p. 81.

людей, активно реагировавших в той или иной форме на жгучие вопросы общественной жизни, выросла численность дошедших до нас памятников общественной мысли, а состав памятников этого периода значительно богаче, разнообразнее, чем в предшествующие периоды.

Расширился круг вопросов общественной жизни, являвшихся предметом внимания передовых людей. В публицистических произведениях конца XV в. и в XVI в. рассматриваются коренные вопросы общественно-политической жизни России: политическое объединение феодальных княжеств в одно централизованное государство; обоснование власти царя, права и обязанности государя всей русской земли, права и обязанности русских князей, бояр; место русского государства в ряду других государств; взаимоотношение разных классов (сословий) России и отношение государства к каждому из них; отношения государства и церкви, монастырское землевладение и другие вопросы первостепенной важности.

В процессе борьбы с феодальной раздробленностью и создания централизованного государства яркое выражение получает идея единства русской земли. Растёт национальное самосознание, стремление теоретически осмыслить, обосновать ответы на коренные, волнующие вопросы политической, экономической, духовной жизни страны и т. д. В этом подъёме русской общественной мысли большое и важное место занимала экономическая мысль.

Борьба за ликвидацию феодальной раздробленности и создание централизованного государства обусловила собой переход русской экономической мысли на новую, значительно более высокую по сравнению с предыдущими периодами ступень развития.

Экономическая мысль выступает теперь в качестве серьёзного идеологического оружия в решении коренных политических задач русского народа. Качественное изменение экономической мысли в рассматриваемый период и повышение её практического значения видны прежде всего на экономической политике московских князей.

Вместе с созданием централизованного государства складывается и определённая экономическая политика государства, отличающаяся не только высокой активностью, но и большой сложностью, многосторонностью своего содержания.

Иван III — энергичный собиратель русской земли — активно проводил экономическую политику, направленную на ликвидацию остатков феодальной раздробленности. Иван IV, при котором было завершено создание Русского централизованного государства, настойчиво осуществлял в области аграрных отношений, финансов, торговли последовательную систему

мероприятий, направленную на решение основной политической задачи той эпохи.

В различных слоях общества появляется ряд активных деятелей, оригинальных мыслителей, которые ставят большие и сложные вопросы экономической жизни, подходят к этим вопросам широко, в свете интересов отдельных классов общества и задач всего государства. Такие лица, как, например, Иван Пересветов, Ермолай-Еразм, делают попытки обосновать стройную систему предложений в области политики и экономики, дать определённую программу мероприятий в этих важнейших областях общественной жизни.

В борьбе «нестяжателей» и «иосифлян» широкой дискуссии был подвергнут один из наиболее жгучих вопросов современности — вопрос о монастырском землевладении; резкому осуждению со стороны представителей различных социальных групп подверглось применение рабского труда, и впервые было выдвинуто требование отмены этой формы труда. Из среды церковников (Ермолай-Еразм) вышел оригинальный проект решения ряда отдельных вопросов экономической политики государства. В лице Пересветова выступил идеолог новой группы класса феодалов — служилого дворянства, с его определёнными политическими и экономическими претензиями. В переписке Ивана IV с князем Курбским получила яркое выражение борьба нового, прогрессивного и старого, реакционного направлений общественного развития, общественной мысли. В публицистике XVI в. впервые был поставлен вопрос о крестьянстве, о его экономическом положении, о роли крестьянского труда для общества (Ермолай-Еразм, «нестяжатели»). В «ересях» XVI в. получило своё выражение враждебное отношение угнетённых, эксплуатируемых масс к феодальному строю (Феодосий Косой).

Составленный в этот период «Домострой» в той его части, которая посвящена вопросам хозяйственной жизни, отразил представления некоторых кругов русского общества о задачах и правилах домашнего хозяйствования.

Принципы экономической политики Ивана III

Русская экономическая мысль рассматриваемого периода находит своё выражение прежде всего в определённых принципах *экономической политики*, проводившейся великими московскими князьями — Иваном III (княжение — 1462—1505 гг.) и Василием III (княжение — 1505—1533 гг.).

При великом князе Иване III — «государе всея Руси» — было не только в основном завершено собирание земель вокруг Москвы, но и заложен фундамент Русского централизованного государства в форме феодальной монархии. При этом князе

было положено начало образованию централизованного государственного аппарата в виде «приказов»; создавалась военная сила, находящаяся в непосредственном подчинении московского князя, положено начало единому общегосударственному законодательству (Судебник 1497 г.). При нём кончилась зависимость России от татарских ханств.

Иван III вёл самостоятельную, активную и искусную внешнюю политику.

Борьба с Литвой и Польшей за воссоединение исконных русских, белорусских, украинских земель диктовалась насущными потребностями экономического и культурного развития государства, интересами его обороны.

Ливонский орден, Литва, Швеция, стремясь остановить рост могущества молодого Русского государства, хотели отрезать Московскому государству доступ к Балтийскому морю, закрыть прямой путь между Московским государством и западноевропейскими странами. Иван III боролся за освобождение русских земель от литовско-польского владычества. Он вёл войну с Ливонским орденом, с прибалтийскими странами за свободный выход к Балтийскому морю. На юге и юго-востоке борьба велась за освобождение от татаро-монгольского ига, за расширение границ государства, за развитие торговых связей.

Иван III заложил основы и экономической политики Русского централизованного государства. Его экономическая политика была широкой по своему содержанию и весьма целеустремлённой. Она служила делу ликвидации остатков феодальной раздробленности, созданию и упрочению централизованного государства, решению внешнеполитических и внутренних задач молодого русского государства. Этой основной задаче была подчинена политика Ивана III в области землевладения, финансов, торговли, политика в вопросе об отношениях между феодалами и крестьянством.

Как было показано в предыдущей главе, экономической основой феодальной раздробленности страны являлось господство крупной феодальной собственности, сосредоточение огромных масс земли и крестьянства в руках феодальной аристократии, светской и духовной, — князей, бояр, а также церкви, монастырей. Ликвидация феодальной раздробленности страны, подавление сепаратистских устремлений князей и бояр, создание единого, централизованного государства, возглавляемого самодержавным монархом, осуществлялись путём подрыва экономического могущества князей и бояр, путём изменения форм землевладения и создания соответствующей социальной, классовой основы самодержавия — служилого дворянства.

При Иване III было положено начало *поместной системе* землевладения, игравшей затем в течение столетий огромную

роль в развитии феодальной эксплуатации, в укреплении самодержавия и в развитии всей общественной жизни страны. Создание поместной системы землевладения было неразрывно связано с образованием Русского централизованного государства. В отличие от вотчины, представлявшей собой полную феодальную собственность на землю, поместье составляло условную собственность, связанную с военной или государственной службой феодала великому князю, позже — царю Московского государства. Поместье давалось только за службу и на время службы. К сыну оно переходило лишь при условии его поступления на службу к князю. Верховным собственником земли считалось феодальное государство в лице великого князя — царя.

Условное землевладение существовало уже и в период феодальной раздробленности. Феодал договаривался с более крупным феодалом о службе ему на началах вассалитета, получая от последнего землю и крестьян. Но при Иване III поместье получает иное значение. Теперь оно стало средством материального обеспечения людей, находящихся на военной и иной службе у московского князя, только от него зависимых и только ему служащих. Эти служилые люди, дворяне, являлись военной силой и социальной опорой московского князя в борьбе его против других князей, против бояр, против внешних врагов, а также для подавления сопротивления эксплуатируемых масс.

Иван III почти прекратил раздачу земель в вотчины и широко раздавал поместья служилым людям из среды мелких землевладельцев, вольных людей и бывших боярских холопов — на дворцовых землях московского князя, на конфискованных землях бояр в присоединяемых районах и в «чёрных волостях», т. е. на землях до этого свободных крестьян.

В целях ликвидации сепаратистских тенденций боярства в присоединённых к Московскому княжеству землях Иван III применял «вывод» оттуда местных, особенно крупных, землевладельцев и части купцов, с конфискацией земель этих землевладельцев. Особенно широко был проведён «вывод» из Новгородской земли, после того как Новгородская республика была присоединена к Московскому государству. Здесь конфискации было подвергнуто более половины феодальных владений, в том числе и значительная часть церковных и монастырских земель. Старое крупное и среднее новгородское землевладение было уничтожено, а феодалы переселены на основную территорию Московского княжества. На конфискованных новгородских землях Иван III поселил около 2 тыс. помещиков, присланных из Московского княжества. Таким образом, место крупных и средних феодальных землевладельцев Новгородской республики заняли служилые люди, составлявшие прочную опору московского князя.

Такая же операция «вывода» бояр и испомещения на их место верных московскому князю служилых людей была проведена и на Вятской земле, после присоединения её к Московскому государству, а преемник Ивана III — великий князь Василий III осуществил эту меру и по отношению к Пскову. Во второй половине XVI в. московский царь Иван IV проделал подобную операцию в огромном масштабе, по отношению уже ко всему боярству (опричнина).

Поместная система землевладения стала экономической основой русского феодального государства и его военной организации.

Нанося сокрушительный удар экономическому могуществу боярства на присоединённых к Московскому государству землях, Иван III вместе с тем ослаблял экономические позиции и политическое влияние крупных феодалов во всём Московском великом княжестве. Это ослабление проводилось путём ограничения иммунитетных прав крупных феодалов, путём всё большего изъятия судебной власти, финансовых и других функций из рук крупных феодалов и сосредоточения их в руках централизованного феодального государства, путём ограничения власти наместников и волостелей.

С одной стороны, Иван III суживал круг прав феодала, фиксируя их в жалованных грамотах, а с другой — расширял круг лиц, пользовавшихся правом иммунитета, путём предоставления этого права также и вновь создаваемому слою феодалов — служилым дворянам, помещикам. От землевладельцев — и крупных и мелких — Иван III требовал несения военной службы. Они были теперь уже не вассалами, как в эпоху феодальной раздробленности, а подданными великого московского князя, обязанными ему служить.

Финансовая политика Ивана III также служила целям создания централизованного государства. Вместе с собиранием земли русской осуществлялась и централизация финансов.

Сбор податей в княжескую казну осуществлялся раньше наместниками, фактически самостоятельно управлявшими городами. В начале XVI в. эта функция была передана «городовым приказчикам», что означало централизацию финансового дела и начало общегосударственной финансовой системы. В духовной грамоте своему старшему сыну Василию, объявленному наследником великого князя, Иван III оставил за ним не только подавляющую часть городов, в том числе крупнейшие города, но и подавляющую часть (72%) доходов казны (остальная часть была распределена между другими четырьмя сыновьями).

В XV столетии произошла важная перемена в области прямого обложения — переход от поголовного и подворного обложения к посощному, при котором единицей обложения являлась «соха».

Известия о «сохе» как податной единице встречаются уже в XIII в. Татищев писал о том, что великий князь Василий Ярославич в 1275 г. возил в Орду дань по полугривне с «сохи», «а в сохе числиша два мужи работники». На этом основании некоторые историки считают, что «соха» в составе двух работников была единицей обложения уже при первой татарской переписи¹. Большинство же исследователей полагает, что установленная татаро-монголами дань была поголовной.

В XV в. «соха» как податная единица, повидимому, представляла собой определённое количество труда: под «сохою» имелись в виду 2 или 3 работника².

Переход на посочное обложение, как можно судить, ранее других был осуществлён в великом Московском княжестве и отсюда распространён на присоединённые к нему земли. Летописец отмечает за 1492 г., что великий князь Иван III послал в разные земли—Тверскую, Новгородскую и другие — «писати по Московски в сохи»³. Эта мера являлась составной частью политики централизации финансовой системы, проводившейся Иваном III.

В период феодальной раздробленности монету чеканили во многих великих княжествах-полугосударствах, и чеканка своей монеты служила одним из атрибутов суверенитета этих княжеств. Иван III в завещании право чеканить монету оставил только за старшим сыном — престолонаследником.

Иван III способствовал развитию внутренней торговли в стране. Огромное значение в этом отношении имела прежде всего ликвидация феодальной раздробленности, которая снимала прежние преграды для торговых связей между различными русскими городами и областями в виде политических границ между отдельными княжествами.

В области внешней торговли Иван III стремился наладить прямые торговые отношения с Западом; он проводил мероприятия, направленные на оборону принадлежавшей России юго-восточной части Финского залива и прилегавшей территории, которая служила выходом к Балтийскому морю. Ганзейский союз хотел сохранить в своих руках всю внешнюю торговлю России с Западом. Ливонские рыцари и купцы старались сорвать попытки русских купцов установить прямую торговую связь с Западом. В ответ на убийство новгородских купцов в Ревеле, организованное Ганзой, Иван III закрыл немецкий

¹ См. П. Милюков, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, Спб. 1892, стр. 18.

² См. там же.

³ «Полное собрание русских летописей», т. XXII, ч. 1, Спб. 1911, стр. 507—508.

торговый двор в Новгороде. Через своего посла Иван III выхлопотал у турецкого султана преимущества для русских торговых людей в Константинополе. Он поддерживал торговые отношения с Азовом и Кафой.

Во второй половине XV и в XVI вв. значительное развитие получило ремесло. Русские мастера этой эпохи оставили после себя немало ярких образцов высокого искусства в самых различных областях — зодчестве, живописи и др. Иван III выписывал из других стран горных мастеров, золотых и серебряных дел мастеров, пушечных литейщиков, зодчих, артиллеристов и других специалистов. При нём в Москве было организовано производство пушек.

В 90-х годах XV в. Иван III посылал людей на Печору искать серебряную руду¹.

Борьба Ивана III за создание централизованного государства получила своё яркое выражение и в создании Судебника 1497 г. Это был Судебник всего Русского государства, сменивший прежние судебные грамоты отдельных княжеств. Судебник 1497 г. устанавливал порядок судопроизводства, правовые нормы, одинаково обязательные для всех частей единого Московского государства, что способствовало усилению центральной власти.

Источниками при составлении Судебника 1497 г. были «Правда Русская», «Псковская судная грамота», княжеские грамоты, которыми определялся порядок местного управления и суда, а также обычное право. Значительная часть Судебника 1497 г. посвящена процессуальной стороне суда — порядку судопроизводства. Рядом статей определяются имущественные, хозяйственные отношения людей — о займах, о крестьянском отказе, об источниках холопства, о наймитах и др.²

Статья Судебника о холопах отражала тенденцию московских князей к ограничению источников полного холопства. В «Пространной Правде» одним из источников полного холопства (рабства) признавалось поступление на службу тиуном или ключником. По Судебнику же Ивана III служба тиуном и ключником влекла за собой холопство только в деревне (ст. 66). Включение в Судебник 1497 г. статьи о «наймитах» отражало рост применения наёмного труда как светскими землевладельцами, так и монастырями. Наёмный труд применялся в различных формах: труд так называемых страдных наймитов, наймитов для пашни, работных наймитов, наёмных ярыжек

¹ См. «Полное собрание русских летописей», т. XXII, ч. 1, Спб. 1911, стр. 508.

² См. «Судебник 1497 г.» в кн. «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 19—29.

и др. Судебник 1497 г. охранял интересы нанимателя, он устанавливал, что наёмный работник («наймит»), ушедший от нанимателя раньше договорного срока, лишался права на получение платы (ст. 54).

Как было сказано выше (см. предыдущую главу), в период феодальной раздробленности князья в договорах брали взаимные обязательства не принимать в свои владения крестьян из другого княжества, что означало фактически прикрепление крестьян к феодалу в пределах княжества. С ликвидацией феодальной раздробленности эти ограничения крестьянского перехода из одного княжества в другое потеряли свой смысл и значение, но процесс закрепощения крестьян развивался дальше.

Судебник Ивана III устанавливает ограничение крестьянского отказа, т. е. права крестьян на переход от одного владельца к другому, одним сроком в году — Юрьевым днём.

Ограничения срока отказа крестьян от землевладельцев Юрьевым днём имели место в отдельных районах Северо-восточной Руси и до Судебника 1497 г. В 50—70-х годах XV в. московский князь выдавал отдельным монастырям (Троице-Сергиевскому, Кирилло-Белозерскому) и светским феодалам грамоты, ограничивающие право ухода от них крестьян только определённым сроком в году — в Юрьев день осенний (26 ноября).

Судебником 1497 г. это ограничение крестьянского отказа возводилось в общегосударственную норму, превращалось в закон. Статья 57 Судебника «О христианском отказе» гласит: «А христианом отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего».

Кроме того, Судебник 1497 г. устанавливал обязанность уходящего крестьянина уплатить феодалу «пожилое»: за пользование двором — один рубль со двора в местностях без леса и полтину — в лесистых местностях; указывалось, что крестьянин, проживший за феодалом один год, при отказе уплачивает четвёртую часть «пожилого», проживший два года — половину, три года — платит три четверти, а проживший четыре года — уплачивает «пожилое» полностью¹.

Содержащееся в Судебнике 1497 г. законодательное ограничение срока выхода крестьян для всей страны и установление уплаты «пожилого» при отказе означало дальнейшее и притом весьма существенное расширение прав феодала и сужение прав крестьянина. Оно явилось важным шагом на пути юридического

¹ См. «Судебники XV—XVI веков», стр. 27; О значении 57 статьи Судебника 1497 г. см. там же, стр. 91—97.

ИВАН III

оформления крепостнических отношений в России. Это мероприятие отвечало интересам помещиков. Силы сложившегося централизованного государства были направлены на защиту интересов феодалов, на подавление сопротивления эксплуатируемых крестьянских масс.

Положения Судебника использовались помещиками для усиления эксплуатации крестьян. Судебник 1497 г., явившийся первым кодексом феодального права Русского централизованного государства, служил мощным орудием охраны и укрепления феодальной собственности на землю, присвоения феодалами прибавочного труда крестьян. Политическая надстройка — централизованное государство, — став великой силой, активно служила своему базису — феодальным производственным отношениям, содействовала его оформлению и дальнейшему укреплению.

Таковы основные моменты экономической политики Ивана III. Его преемник великий князь Василий III, по характеристике летописца — «последний собиратель» земли русской, продолжал проводить экономическую политику своего отца. Наиболее же яркое выражение и завершение эта политика получила в кипучей государственной деятельности Ивана Грозного.

Глава четвёртая

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА ПО ВОПРОСУ О МОНАСТЫРСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ЕРЕСЕЙ» XVI в.

Борьба вокруг вопроса о монастырском землевладении

рассматриваемую эпоху, как и в предшествовавшие периоды русской истории, экономическая мысль получила своё выражение также и в литературе церковников. В этой литературе выделялись экономические вопросы, вокруг которых велись оживлённые споры. Наибольшую остроту приобрёл вопрос о монастырском землевладении.

В 70-х годах XV в. в Новгороде возникла новая «ересь», получившая название «ереси жидовствующих». Позже она получила значительное распространение не только в Новгороде, но и в Москве. «Мнози научишася от них писания божественнаа укаряти, и на торжищих и в домех о вере любопрение творяху, и съмнение имяху»¹, — писал Иосиф Волоцкий, возглавивший борьбу против «еретиков».

«Еретики» отвергали церковные обряды, не признавали икон и святых, критически относились к церковному писанию. Они выступили против тунеядства монахов, против монастырского землевладения. Классовая основа движения «ереси жидовствующих» была неоднородной; в этом движении было два направления. Одно из них опиралось на массы городского населения, в том числе на купеческие слои Новгорода, а также на крестьянство новгородских сёл. Оно возглавлялось представителями белого духовенства, — новгородскими попами, дьяками, клирошанами. Поскольку это направление отражало борьбу социальных низов против феодальной эксплуатации, выраженную в форме религиозной борьбы, оно являлось прогрессивным течением русской общественной мысли. Второе направление движения «еретиков» выражали отдельные представители при-

¹ «Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого», Казань 1855, стр. 59—60.

дворной знати, высшего духовенства. Оно имело реакционный характер, поскольку критика церковных догматов и монастырского землевладения использовалась представителями боярской реакции в её борьбе против централизации государственной власти, за сохранение феодальной раздробленности¹.

Церковными соборами 1490 и 1504 гг. «ересь жидовствующих» была осуждена. «Еретиков» жгли на кострах, заточали в монастыри.

Своим отрицанием монастырского землевладения «еретики» примыкали к движению так называемых «нестяжателей», охватившему часть русских церковников.

Весьма активное проявление экономической мысли мы видим в развернувшейся тогда идейно-политической борьбе вокруг вопроса о монастырском землевладении. В предыдущей главе говорилось, что в Новгороде и Пскове вопрос о церковных имуществах уже давно приобрёл большую остроту. Руководителям церкви не раз приходилось настойчиво убеждать новгородцев и псковичан в том, что имущество и доходы церкви и монастырей должны быть неприкосновенными, что покушение на них со стороны мирян есть страшный грех, за которым последует суровое наказание.

В конце XV и в XVI вв. борьба вокруг монастырского землевладения приняла огромный размах. Вопрос о монастырском землевладении стал одним из актуальнейших вопросов государственной политики. В. Ключевский писал, что в этот период вопрос о монастырском землевладении обсуждался с такой же остротой, как и вопрос об освобождении крестьян в XIX в., накануне реформы 1861 г.

Речь шла о том, имеют ли право монастыри владеть сёлами и деревнями, пользоваться принудительным трудом крестьян или же это должно составлять привилегию светских феодалов? Оставлять ли монастырям их сёла, деревни или отбирать их?

В этом вопросе остро сталкивались экономические и политические интересы различных слоёв, групп господствовавшего класса феодалов — церковников, боярства, помещиков и опиравшейся на них великокняжеской власти.

Крупные и крупнейшие монастыри владели десятками и даже сотнями тысяч десятин земли, десятками и сотнями поселений, нередко разбросанных в различных местах.

Монастырское землевладение образовалось и росло за счёт княжеских пожалований, вкладов феодалов и других богатых людей «на поминовение души», вкладов при пострижении в монахи князей, бояр, дворян и купцов, отчасти за счёт покупки

¹ См. А. А. Зимин, О политической доктрине Иосифа Волоцкого, «Труды отдела древнерусской литературы», IX, АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 164—165.

земли монастырями, на севере и в некоторых других местах — за счёт освоения новых земель, а часто и грубого захвата монастырями уже освоенных земель окрестных крестьян¹.

Хозяйство монастырей держалось на принудительном труде крестьян. Монастыри проявляли большое стяжательство, отдавали деньги крестьянам в рост за огромные проценты, разоряли крестьян при неуплате ими ссуды. Между монастырями и «чёрными» крестьянами, крестьянскими общинами происходили постоянные земельные споры, тяжбы, особенно из-за угодьев, находившихся в общем владении монастырей и крестьянских общин.

В самих монастырях положение разных групп монашества было различным: с одной стороны, имелась привилегированная верхушка — игумены, монастырские старцы и монахи, постригшиеся из среды бояр и других верхов общества; с другой — основная масса рядового монашества, по своему положению резко отличавшаяся от привилегированной верхушки.

В рассматриваемое нами время вопрос о монастырском землевладении получил чрезвычайную остроту в связи с образованием централизованного государства. Он теснейшим образом переплетался с политическим вопросом об отношении между русской церковью и московским князем, с вопросом об отношении между различными слоями внутри класса феодалов — феодальной знатью, боярством, с одной стороны, и служилым дворянством — с другой, с вопросом о судьбах власти московского великого князя и создававшегося централизованного государства вообще.

В условиях роста служилого дворянства и необходимости обеспечения его землёй большое значение приобрёл вопрос о том, откуда брать земли для помещения на них служилых людей московского князя.

Иван III конфисковал для раздачи московским служилым людям земли не только светских феодалов Новгорода, но и духовных. В 1478 г. он отобрал у новгородского архиепископа 10 волостей и все его новоторжские земли, а также половину вотчин новгородских монастырей. В 1500 г. он повторил конфискацию земель новгородского духовенства. Это было сделано в ответ на измену новгородского архиепископа московскому князю. В других вновь присоединённых землях Иван III провёл некоторое ограничение роста монастырского землевладения: служилым людям бывших удельных князей суздальских, ярославских, стародубских было запрещено отдавать свои земли в монастыри.

¹ См. В. Ключевский, Курс русской истории, ч. II, Сопэкгиз, М. 1937, гл. XXXIV—XXXVI; И. У. Бударниц, Русская публицистика XVI века, АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 9—14.

В предыдущих главах мы говорили о важной функции христианской религии в феодальном обществе как идеологической санкции и идейной защиты феодальной эксплуатации масс. Церковь верно служила эксплуататорам — феодалам и феодальному государству в эпоху Киевской Руси, в эпоху феодальной раздробленности. Поддержка верхами русской церкви политики московского князя, направленной на собирание земли русской вокруг Москвы и на ликвидацию феодальной раздробленности, сыграла положительную роль в успехах московских князей. И теперь, когда собирание русских земель вокруг Москвы в основном было закончено, и на очереди стояла задача возвышения и укрепления власти московского князя во всём государстве за счёт власти крупных феодалов — бояр, вопрос о том, какую позицию будет занимать русская церковь, будет ли она поддерживать московского князя в его стремлении установить самодержавную власть, имел громадное значение.

Феодальная верхушка, бояре боролись против самодержавия московского князя, за сохранение политической власти в своих руках. Они, естественно, хотели полного сохранения своих земель, а потребность московского князя в земельном фонде для испомещения служилых людей считали целесообразным удовлетворять за счёт «чёрного» крестьянства и монастырей. Поэтому вышедшая из монастырских кругов идея «нестяжательства» была подхвачена реакционным боярством и использована им как орудие борьбы за свои экономические и политические интересы.

«Нестяжатели» были не только противниками монастырского землевладения. Они защищали идею независимости церкви от княжеской власти, были противниками утверждения самодержавной власти. «Стяжатели» же своё отношение к великокняжеской власти поставили в зависимость от той позиции, которую великий князь московский займёт в вопросе о землевладении монастырей и в борьбе с «еретиками».

Отношение великого князя к вопросу о монастырском землевладении было противоречивым: церковные, монастырские земли были ему весьма нужны для испомещения служилых дворян, но отбирать эти земли у церкви и монастырей значило бы лишиться сильного союзника и увеличить ряды своих противников. Великий князь московский нуждался в поддержке его церковью, церковь нуждалась в защите от притязаний на её богатства. Общность этих интересов и явилась основой союза московского князя с церковью в рассматриваемое время. Вожди «стяжателей», убедившись в том, что московский князь оставит монастырское землевладение неприкосновенным, активно стали на сторону московского князя, стали доказывать необходимость самодержавия и подчинения церкви княжеской

власти. По имени наиболее активного защитника монастырского землевладения—Иосифа Волоцкого, игумена Волоколамского монастыря — партия «стяжателей» получила название «иосифлян».

Критикуя монастырское землевладение, «нестяжатели» яркими красками рисовали картину эксплуатации крестьян монастырями. Но их критика была ограниченной; они не затрагивали всей феодальной системы хозяйства, господствовавшей в стране. Вместе с тем, в основном политическом вопросе этой эпохи — о создании централизованного государства, утверждении самодержавной власти — монархии — «нестяжатели» стояли на реакционных позициях, выражали интересы боярства. «Стяжатели», защищая монастырское землевладение, оберегали свои корыстные сословные интересы. В то же время в вопросе об укреплении централизованного государства они занимали прогрессивную позицию, отвечавшую национальным интересам развития русского народа. Это и определило исход борьбы между «нестяжателями» и «иосифлянами». Победили «иосифляне».

Но прогрессивность политической позиции «стяжателей» была относительной и ограниченной: защищавшееся ими сохранение церковного и монастырского землевладения тормозило процесс укрепления централизованного государства, поскольку огромные пространства земли, сосредоточенные в хозяйствах монастырей и церковей, оставались вне распоряжения московского великого князя, возглавлявшего борьбу за создание и укрепление централизованного государства¹. Консервативной была и яростная борьба «стяжателей» с «еретиками», выразившими в религиозной оболочке протест трудящихся против феодальной эксплуатации и защищавшей её господствующей феодальной церкви. Вопрос об отношении к «еретикам» занимал значительное место в борьбе между «стяжателями» и «нестяжателями». «Иосифляне» ревниво оберегали господствующее положение православной церкви от всяких атак на неё со стороны «еретиков». Они требовали и добились суровой расправы над «жидовствующими» и другими представителями церковной оппозиции.

Выдающимися идеологами «нестяжателей» были Нил Сорский и Вассиан Косой.

Нил Сорский (1433—1508 гг.) являлся идейным вождем «нестяжателей». Предполагают, что он происходил из боярского рода. Нил постригся в монахи Кирилло-Белозерского монастыря, посетил Константинополь и гору Афон. По возвращении в Кирилло-Белозерский монастырь он удалился на реку Сору,

¹ См. А. А. Зимин, О политической доктрине Иосифа Волоцкого, «Труды отдела древнерусской литературы», IX, АН СССР, М.—Л. 1953 г.

где основал скит. Здесь он написал для своих учеников ряд сочинений. Нил Сорский доказывал необходимость нравственного совершенствования, удаления от мира, невмешательства в мирские дела. Он осуждал пороки людей, в том числе сребролюбие. Главным же пороком Нил Сорский считал присвоение себе плодов чужого труда — стяжание. Он доказывал, что иноки должны жить своим трудом, следуя словам апостола Павла: «Не делаяй, да не ясть».

Этот принцип Нил строго осуществлял в своём ските, обязывая всех монахов заниматься физическим трудом. Он проповедовал необходимость для монаха аскетической жизни, осуждал подачу милостыни: человек, не имеющий лишнего, не может давать милостыню, а милостыня, даваемая стяжателем, не идёт на пользу. Убеждая монахов в греховности стяжания, Нил Сорский доказывал недопустимость для монастырей владеть землёй, присваивать чужой крестьянский труд. «Стяжания... иже по насилию от чужих трудов събираема, вносити отнюд несть нам на пользу»¹.

На церковном соборе 1503 г. в Москве, когда работа собора была уже закончена и часть участников разъехалась, выступил Нил Сорский с горячей речью против монастырского землевладения²: «...И нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием: а с ним пустытники белозерские»³.

По приказу Ивана III собор продолжал свою работу. Несмотря на сочувствие великого князя предложению Нила Сорского и настойчивое стремление обеспечить ему победу на соборе, собор осудил «нестяжателей» и подтвердил право монастырей владеть землёй.

Как и другие «нестяжатели», Нил Сорский не был ни реформатором, ни тем более противником феодального строя; он отнюдь не покушался на устои современного ему общества, не ставил вопроса об отмене феодального землевладения вообще, о недопустимости всякой феодальной эксплуатации труда. Руководствуясь мотивами нравственного совершенствования человека, рисуя идеал монашеской жизни, он ставил вопрос узко, только о монастырском землевладении, о труде крестьян в монастырских вотчинах.

После смерти Нила Сорского борьбу «нестяжателей» возглавил его ученик *Вассиан Патрикеев* (по прозвищу —

¹ «Нила Сорского предание и устав», «Памятники древней письменности и искусства», вып. 179, Спб. 1912, стр. 6.

² Это выступление Нила Сорского было сделано, пишет Виппер, с позволения, а вернее, по поручению Ивана III (*Р. Ю. Виппер*, Иван Грозный, АН СССР, М.—Л. 1944, стр. 28).

³ «Прибавления к изданию творений св. отцов», ч. 10, М. 1851, стр. 505.

Косой). Последний был сыном влиятельного боярина, близким родственником великого князя. Он выполнял важные поручения великого князя в дипломатической и военной областях. В 1499 г. в связи с дворцовой борьбой вокруг престолонаследия князья Патрикеевы попали в немилость и князь Василий был насильственно пострижен в монахи под именем Вассиана.

Князь-инок Вассиан попал в скит к Нилу Сорскому. Восприняв здесь учение о нестяжателстве, он превратил его в орудие политической борьбы боярства за свои классовые интересы.

В своих полемических произведениях, направленных против «иосифлян», Вассиан настойчиво обличал «стяжателей», отвергая попытки последних сослаться на священное писание для подкрепления своей позиции. «...Где в евангельских и апостольских и отечских преданиях велено есть иноческому житию преизобиле стяжаний, сиречь — села многонародна стяжавати и поработчати христиан, братию свою, и от сих неправедне сребро и золото събирати, подобне в мире еще обращающихся»¹.

Вассиан обвинял монахов в сребролюбии, славолубии. Иноческому житию, пишет он, должны быть присущи нищета, милостыня, братолюбие и страдание. Бог заповедал продать имения, а мы, даже вступая в монастырь, приобретаем себе сёла и имения, выпрашивая их у вельмож или покупая. Вместо того, чтобы жить своим трудом, мы «градов безпрестани объеждаем и в руки богатых взираем, разным образом ласкающе их и раболепне угаждающе им, даже възможем прияти у них ли село или деревнишко или сребро, или некое что от животных»². Ростовщичеством монастыри забирают себе имущества нищих, судятся с бедняками о многолихвенных займах, либо с соседями о границах своих сёл³. Князья отдают в монастыри свои имения для спасения души, монахи же пускают избытки в рост, либо прячут их, чтобы продать их в голодные годы по высоким ценам⁴.

В древности, пишет он, монахи жили в монастырях своим трудом, а не глядели в чужие руки, не утучняли себя христианской кровью, не занимались ростовщичеством⁵.

Суровыми словами бичует Вассиан жестокое обращение монастырей с крестьянами, немилосердное ограбление последних.

¹ «Слово ответно противу клеветующих истину евангельскую и о иноческом житии и устроении церковнем», «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 105.

² Там же, стр. 109.

³ См. там же, стр. 110.

⁴ См. «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого от правил святых Никанских от многих глав», «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 187.

⁵ См. там же, стр. 190.

Господь велел раздать имение нищим, «мы же единаче сребролюбием и несытостью побеждени, живущая братиа наша убогия в селех наших различными образы оскрѣбляем их, и леть на леть и лихву на лихву на их налагающе, милость же нигде же к ним показующе, ихже егда не възмогут отдати лихвы (проценты. — А. П.), от имений их обнажахом без милости, коровку их и лошадку отъемше, самех же с женами и детми далече от своих предел, аки скверных, отгнахом». «Мы... — пишет далее Вассиан, — обидим и грабим, продаваем христиан, братий наших, и бичем их истязуем без милости, аки звери дивии на телеса их наскакающе»¹.

Вассиан выступил против монастырского владения землёю и крестьянами, против ростовщичества монастырей, но отнюдь не против существования монастырей вообще. В многословных и резких рассуждениях Вассиана о положении крестьянских масс в монастырских владениях, об угнетении и разорении их монастырями всего менее было действительной заботы об угнетённом крестьянстве.

Этот защитник боярства хорошо понимал роль духовенства, церкви как орудия идеологического порабощения трудящихся масс. Ратуя за отобрание земли и крестьян у монастырей, Вассиан хотел таким путём, с одной стороны, уберечь боярские владения от посягательств великого князя московского, а с другой — устранить опасность потери церковью своего престижа в глазах трудящихся масс. Как можно полагать, лишение монастырей права пользоваться чужим трудом, заниматься ростовщическими операциями должно было, по мысли Вассиана, положить конец начавшимся религиозным «шатаниям» в народе, укрепить доверие народа к церкви, укрепить тем самым господствовавший тогда феодальный способ производства.

Следует отметить при этом, что Вассиан, как и другие «нестяжатели», выступая противником монастырского землевладения, в то же время считал, что соборные и мирские церкви попрежнему должны владеть землёю, с тем, однако, чтобы всем церковным богатством ведали не епископы и попы, а особые «икономы» (т. е. «экономы») и чтобы доходы церквей от их владений расходовались не только на содержание церковников, но и на помощь нищим и выкуп пленных².

Вассиан переработал «Кормчую», исправил её и в интересах борьбы с «иосифлянами» снабдил комментариями в духе «нестяжателей». Митрополит Даниил добился соборного суда

¹ «Слово ответно...», «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 109—110.

² См. «Того же инока пустытника Васьяна на Иосифа, игумена Волоцкого, собрание...», «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 207.

над Вассианом (в 1531 г.), обвинив его прежде всего в исправлении «Кормчей». Вассиан был заточён в Волоколамский монастырь, где вскоре умер.

Критика монастырского землевладения, яркая картина жестокой эксплуатации крестьян в монастырских вотчинах, показ разорения крестьян ростовщическими операциями монахов содержатся и в сочинениях *Максима Грека*, который прибыл в Москву с горы Афон в 1518 г., в связи с просьбой великого князя Василия Ивановича прислать ему учёного переводчика книг¹.

Критика стяжательства монастырей в работах Максима Грека идёт в том же направлении, что и у его единомышленника и сотрудника по борьбе с «иосифлянами» — Вассиана Патрикеева, который в этом вопросе оказал на него значительное влияние².

* * *

В рассматриваемое время критика монастырского землевладения шла не только из среды церковников, монашества. Резкое осуждение монастырского землевладения и пространное обоснование необходимости его ликвидации содержатся в специально посвящённом этой теме литературном произведении XVI в. под названием «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев»³. Ни автор этого произведения, ни время его написания неизвестны. Бесспорно одно — произведение относится к XVI в., когда вопрос о монастырском землевладении приобрёл исключительную остроту. Неясным остаётся и вопрос о том, к какой социальной группе мог принадлежать его автор.

¹ См. «Сочинения Максима Грека в русском переводе», изд. Троице-Сергиевой Лавры, 1910, части 1 и 2; В. С. Иконников, Максим Грек и его время, изд. 2, Киев 1915; В. Ф. Ржигза, Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист, «Труды отдела древнерусской литературы», I, АН СССР, Л. 1934, стр. 5—110.

² Роль произведений Максима Грека в развитии общественной мысли России XVI в. многими историками явно переоценивается. Так, например, В. С. Иконников в своём капитальном исследовании «Максим Грек и его время» считает даже, что «...Литературное движение XVI в. по важнейшим церковно-общественным вопросам непосредственно примыкает к произведениям Максима Грека и исходит из них» (стр. 559). В действительности же высказывания Максима Грека по вопросу о монастырском землевладении, равно и по другим вопросам общественной жизни, именно потому встречали значительный интерес к себе со стороны русских людей, что их автор касался вопросов, стоявших тогда остро и занимавших русских людей ещё задолго до прибытия Максима Грека в Россию.

³ «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев», «Летопись занятий Археографической комиссии», 1885—1887, вып. X, отд. II, Спб. 1895, стр. 1—32.

Рассуждения автора построены в плане противопоставления интересов монастырей и «мира», под которым он понимает волости «со крестьяни». Монастыри рассматриваются как сила, чуждая и враждебная крестьянам.

Идея недопустимости монастырского землевладения доказывается в «Беседе» весьма настойчиво. В отличие от Нила Сорского и Вассиана Патрикеева, в своих произведениях апеллировавших к монахам и увещевавших их для спасения своих душ отказаться от пользования плодами труда зависимых крестьян, автор «Беседы» обращается к царю, убеждая его, что давать землю монастырям не следует. «А царем иноков селы и волости со христианы жаловати не достоин, и не похвально есть царем таковое дело»¹. Он резко осуждает царей за то, что они раздают монастырям волости с крестьянами.

Отрицание монастырского землевладения тесно связано у автора «Беседы» с мыслью, что духовные лица, священники, иноки вообще не должны принимать участия в мирских делах, тем более в управлении государственными делами². Царь должен управлять вместе с князьями, боярами и прочими мирянами, а не с «непогребенными мертвецами», чем, по мысли автора, являются монахи.

Питаться инокам следует «от своих праведных трудов и своею потною прямою силою, а не царским жалованием и не христианскими слезами». Те иноки, которые не будут так поступать, есть «не богомольцы, но иконоборцы», их следует посылать «царю в подначалие»³. Автор считает монахов тунеядцами, живущими за счёт трудящихся; возмущается тем, что в монастырях строятся инокам палаты «и позлащенные узоры, с травами многоцветными», келии украшаются как царские чертоги и монахи имеют лучшую пищу и питье, отнимая их у тех, кто действительно трудится, создаёт эти блага и должен был бы пользоваться ими: «...а по достоянию подобает пища и питье, лучшее все, миряном и тружачущимся на нас, а не нам иноком, не нам, и паки речем, не нам»⁴.

Трудно допустить, что автор этой резкой критики монашества сам принадлежал к монашескому кругу. Скорее это был мирянин, спрятавший своё подлинное имя под вымышленным авторством «преподобных Сергия и Германа».

Существенно отметить, что он не ограничивается только вопросом о монастырском землевладении, а ставит также и

¹ «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев», «Летопись занятий Археологической комиссии», 1885—1887, вып. X, отд. II, Спб. 1895, стр. 4.

² См. там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 15—16.

вопрос об отношении царя (государства) к трудящимся массам. Осуждая получение монахами нетрудового дохода, автор «Беседы» не преминул дважды указать царю и на необходимость ему самому соблюдать меру в обложении своих подданных: «Подобает и царем из миру с пощадою собирати всякие доходы и дела делати милосердно, а не гневно, ни по наносу»¹.

Историки, занимавшиеся изучением «Беседы», считают обычно, что её автор принадлежал к кругу бояр-нестяжателей. Они ссылаются при этом на слова в «Беседе», что царь должен править, советуясь со своими князьями и боярами, и с прочими мирянами, а не с иноками. Иное понимание вопроса высказано было историком И. И. Смирновым.

Анализируя содержание «Беседы», И. И. Смирнов пришёл к выводу, что эта рукопись представляет собою памятник публицистики, вышедший из среды чёрного волостного населения русского Севера². В XVI веке на Севере основной социальной силой было чёрное волостное крестьянство, а основной формой крупного феодального землевладения являлось монастырское землевладение. Между монастырями и чёрным крестьянским населением были глубокие противоречия и велась острая борьба, которая охватывала и область идеологии. «Одним из идеологических отражений этой борьбы и является «Беседа» — первый в древнерусской публицистике литературный памятник, выражавший интересы северного чёрного крестьянства»³. Такое толкование вопроса является, однако, спорным⁴.

* * *

Выше отмечалось, что ярким защитником монастырского землевладения был *Иосиф Волоцкий*, по рождению Санин, игумен монастыря вблизи Волоколамска.

Под его руководством монастырь быстро обрстал сёлами и деревнями, получаемыми от волоцкого князя, от новгородского архиепископа, от богатых окрестных землевладельцев. Знатные пострижники вносили в монастырь деньги, скот, ценные вещи. Иосиф Волоцкий был, таким образом, на практике выдаю-

¹ «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев», «Летопись занятий Археологической комиссии», 1885—1887, вып. X, отд. II, Спб. 1895, стр. 21, см. также стр. 3.

² См. И. И. Смирнов, «Беседа Валаамских чудотворцев» и её место в русской публицистике XVI века, «Исторические записки» № 15, АН СССР, 1945, стр. 247—261.

³ Там же, стр. 258.

⁴ См. «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. III, № 4, 1946 г., стр. 387—388.

щимся стяжателем. Не случайно именно он оказался во главе лагеря «стяжателей», ревностно защищавших экономические привилегии монастырей.

Иосиф Волоцкий вёл яростную борьбу против «еретиков», занимая крайне непримиримую позицию. Он добивался применения к ним самых суровых мер, вплоть до их физического уничтожения. Он писал сочинения, направленные на опровержение утверждений новгородских «еретиков» и защиту догматов православной церкви.

Как уже было сказано, церковный собор 1503 г. отверг и осудил предложение Нила Сорского; в своём докладе великому князю собор провозгласил принцип неприкосновенности и неотчуждаемости монастырских владений: «...стяжания церковная — божия суть стяжания, возложена и нареченна и данна богу, и не продаема, ни отдаема, ни емлема никим никогда ж в веки века, и нерушима быти и соблюдатися, яко освященна господеву, и благоприятна, и похвальна. И мы, смиренни, сия ублажаем, и похваляем и съдержим»¹.

Перед лицом опасности разрыва с церковью Иван III вынужден был уступить и оставить положение дела без изменения. Борьба «нестяжателей» и «иосифлян», однако, продолжалась.

Около 1507 г. Иосиф Волоцкий написал в защиту монастырского землевладения специальный трактат². Ссылаясь на тексты священного писания, он настойчиво убеждал читателя, что монастырское владение должно быть неприкосновенным. Он не жалеет слов на то, чтобы возвеличить церковное богатство, приписывая ему большую общественную роль. Церковное богатство, уверяет Иосиф Волоцкий, есть богатство нищих, сирот и стариков³. Божественное писание не позволяет обижать и простых людей, тем более — церковь. Иосиф Волоцкий хочет убедить, что никакое покушение на владения церкви и монастырей не остаётся безнаказанным. Всякий, кто покушается на это имущество, подлежит проклятию, его неминуемо ждёт самое жестокое наказание от бога, причём не только в загробном мире, но обязательно и здесь, на земле. Из церковных книг Иосиф Волоцкий извлекает страшные «примеры» таких наказаний. Как можно больше напугать, внушить людям смертельный страх, убедить их в неизбежной ответственности за посягание на имущество церкви и монастырей — таков основной замысел этого сочинения.

¹ См. А. Павлов, Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса 1871, стр. 47.

² Он напечатан в «Приложениях» к книге В. Малинина «Старец Елеаварова монастыря Филофей и его послания», Киев 1901, стр. 128—144.

³ См. там же, стр. 144.

Любопытен самый подбор автором взятых им из церковной литературы «случаев» преступлений против церковно-монастырского имущества и следовавших за ними наказаний. Все эти «случаи», взятые вместе, составляют определённую и притом довольно полную систему различных видов посягательств на экономические интересы церкви и монастырей, как видно, хорошо известных игумену-стяжателю. Здесь фигурируют самые разнообразные категории обидчиков монастырей, начиная от князя и кончая обычными разбойниками; предусмотрены самые различные виды нарушения хозяйственных интересов церкви и монастырей.

Описание всевозможных «случаев» преступления против имущественных интересов церкви и наказания за них Иосиф Волоцкий не случайно начинает с князя. Он хочет убедить, что за преступления против церковного имущества несут жестокую кару все, в том числе и прежде всего князь. Свои примеры Иосиф начинает с описания того, как князь Антиохии, по имени Марапа, являвшийся над всеми князьями князь, человек православный и благочестивый, «некогда же начат взимати стяжания от монастырей, сущих под рукою его, бесовским наветом, паче же неведением божественных писаний». Святой Никон, узнав об этом, написал князю обличительное послание, в котором показывал, что князь не должен посягать на церковное и монастырское имущество, иначе его осудит бог как святотатца и его самого, весь его род постигнет жестокая божия кара. Князь Марапа покаялся в своём грехе, и так как он «вмале согрешивши и неведением божественных писаний», то и был прощён богом. Другие же князья, совершившие подобные грехи, получили великое наказание — мучиться в неугасимом огне.

Трактат Иосифа Волоцкого о монастырском землевладении был вызван непосредственно посягательствами волоцкого удельного князя на богатство монастыря. Но этот трактат имел и более широкое значение. Корыстную защиту имущественных интересов своего монастыря Иосиф Волоцкий подал здесь как принципиальное обоснование неприкосновенности права монастырей на владение землёй и даровым трудом обрабатывающих её крестьян. «Пример» с князем, обидевшим монастырь и затем раскаявшимся, мог быть адресован не только удельному князю, под властью которого находился в то время Волоколамский монастырь, но и великим князьям московским, которые тоже немало «грешили» в этом деле.

Учитывая, что изъятие князем монастырской земли или имущества может происходить и в форме внешне добровольного действия игумена, Иосиф настойчиво подчёркивал мысль, что игумен не имеет права распоряжаться монастырским имуществом в ущерб монастырю. Игумен, расточающий церковное имение,

пишет Иосиф Волоцкий, есть святотатец и подлежит изгнанию из монастыря. Епископ может продать село, не дающее дохода, или продать что-либо другое для уплаты церковного долга только с разрешения митрополита.

Так идеолог православия защищал церковное, монастырское землевладение, объявив его священным и неприкосновенным¹.

В своих сочинениях Иосиф Волоцкий ставил и другие острые вопросы современности: о власти московского князя, о взаимоотношении церкви и светской власти.

Иосиф Волоцкий был идеологом сильной воинствующей церкви. Долгое время, когда возглавлявшийся им монастырь находился под властью волоцкого удельного князя, Иосиф в своих произведениях отстаивал и развивал реакционную теорию превосходства духовной власти над светской. После же того, как Волоколамский монастырь перешёл (в 1507 г.) под патронат великого князя московского, Иосиф Волоцкий стал возвеличивать княжескую власть и развивать мысль о теократическом характере власти великого князя. Он писал, что царь своей властью подобен богу и потому власть князя выше церковной власти, следовательно, необходимо подчиняться князю как высшему представителю бога на земле. Но московский князь должен активно бороться с врагами церкви, строго блюсти православие, искоренять «ереси», охранять богатства церкви и монастырей². Таким образом, сильная власть московского царя нужна была церковникам для охраны их собственнических интересов, для защиты русской церкви от посягательств «еретиков».

После смерти Иосифа Волоцкого (1515 г.) во главе партии «стяжателей» стал Даниил, который сменил Иосифа в роли игумена Волоколамского монастыря, а с 1522 по 1539 гг. был митрополитом всей Руси.

Защита монастырского землевладения, обоснование неприкосновенности имущества церкви и монастырей и обязанности игуменов, епископов строго блюсти церковную собственность имели место и в ряде других произведений рассматриваемой эпохи, например, в сочинении неизвестного автора, называемомся: «Слово кратко противу тех, еже в вещи священные

¹ В Новгороде в «Синодик», ежегодно возглашаемый на первой неделе великого поста, были включены следующие слова: «вси начальствующие и обидящие святяя божия церкви и монастыреве, отнимающе у них данныя тем села и винограды, аще не престанут от такового начинания, да будут прокляти». Примеру Новгорода последовали и другие епархии. См. А. Павлов, Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса 1871, стр. 50—51.

² См. А. А. Зимин, О политической доктрине Иосифа Волоцкого, «Труды отдела древнерусской литературы», IX, АН СССР, М. — Л., 1953, стр. 159—177.

подвижные и неподвижные съборные церкви вступаются»¹ (конец XV в. или начало XVI в.), в сочинении неизвестного автора «О святых божественных церквах и о возложенных божиих стяжаниях церковных и о восхищающих таковая и насилствующих»².

«Нестяжатели» — и Нил Сорский, и Вассиан, и Максим Грек — критиковали только монастырское землевладение, оставляя в стороне крупное светское феодальное землевладение. Критиковать крупное светское землевладение — это означало бы критиковать, отвергать весь существовавший тогда социально-экономический строй общества, на что церковники, обслуживавшие господствующий феодальный строй идеологически, были неспособны.

Ограниченность критики «нестяжателями» крупного землевладения и эксплуатации крестьянства пределами монастырской вотчины была подмечена некоторыми их противниками из лагеря «стяжателей» и использована ими в качестве одного из существенных доводов против «нестяжателей». В произведении, написанном в 60-х годах XVI в., Зиновий Отенский, критикуя «нестяжателей», писал, что заповеди бога, на которые они ссылаются, обязательны для всех христиан, относятся не только к монастырям, но и к сёлам и городам, т. е. к светским землевладельцам. «Почесому же убо и чесо ради Васияном и Максимом монастыри осужаеми, аки преступницы евангельским заповедем, грады же и села разньствоваша от евангельских заповедей, и ниединого им зазора положиша в таковых»³.

Борьба по вопросу о монастырском землевладении, с такой силой развернувшаяся в России в XVI в., не представляла особенности общественной жизни нашей страны. В средние века в странах Западной Европы церковь и монастыри владели громадными земельными пространствами (третьей частью национальной территории, а иногда и больше) и получали огромные доходы⁴. Монашество вело паразитический образ жизни. Это вызывало со стороны самых различных кругов общества протесты и требования лишить церковь и монастыри их привилегий. В разное время в западноевропейских странах выступали против церковной собственности и отдельные деятели и целые

¹ «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 2, отд. 2, М. 1902, стр. 1—60.

² В. Дружинин, Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в., «Летопись занятий Археографической комиссии за 1908 г.», вып. 24, Спб. 1909, стр. 36—38.

³ «Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия», Казань 1863, стр. 890.

⁴ См. В. С. Иконников, Максим Грек и его время, изд. 2, Киев 1915, стр. 372.

общественные группы. В Англии в XIV в. к конфискации у монастырей их богатых владений призывал Джон Виклеф. В Италии конца XV в. с горячим обличением церковно-монастырского владения имуществом выступал Савонарола.

Экономическое содержание «ересей» XVI в. Матвей Башкин, Феодосий Косой

В 50-х годах XVI в. в России с новой силой вспыхнули «ереси». Церковь и государственная власть вели против них ожесточённую борьбу; был создан ряд церковных соборов, на которых разбирались дела «еретиков»; многие еретики были сосланы по монастырям в заточение. «Еретики» вновь и вновь поднимали жгучие социально-экономические вопросы современности: о стяжании монастырей, о холопах и др.

По своему социально-экономическому смыслу русские «ереси» эпохи феодализма представляли собой то же самое, что и «еретические» движения в странах Западной Европы в средние века — облечённый в формы религиозной борьбы протест против феодального угнетения и освящавшей феодальную эксплуатацию господствующей церкви.

В своей работе «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельс исчерпывающе показал социальное значение богословских «ересей» как неизбежной для средневековья формы борьбы против феодализма и защищающей его церкви. Монополию на интеллектуальное образование получили попы, и само образование приняло преимущественно богословский характер. Во всех областях умственной деятельности господствовало богословие; догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами; это являлось «...следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости.

Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооружённого восстания»¹.

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М. 1953, стр. 34.

Энгельс указывает далее, что содержание «ересей» и их общественное значение были различными. Так, например, «ересь» вальденсов представляла собой выражение реакции патриархальных альпийских пастухов против проникающего к ним феодализма, реакционную попытку отгородить себя от исторического развития, «ересь» альбигойцев — оппозицию феодализму со стороны переросших его рамки городов, «ересь» Джона Болла — открытое восстание крестьян. В «ересях», выражавших оппозицию городов феодализму и открытые восстания крестьян, имелись противоречия между бюргерской и крестьянской оппозицией. «Ересь» городов была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала; средневековые бюргеры требовали прежде всего дешёвой церкви. Оппозиция против феодального строя выступает здесь лишь в виде оппозиции против *церковного* феодализма; со светским феодализмом города могли бороться с помощью своих привилегий, оружия или сословных собраний. Совсем иной характер носила «ересь», представлявшая собой открытые восстания крестьян. Она шла неизмеримо дальше всех требований бюргерской «ереси» по отношению к попам, папству и восстановлению ранне-христианского церковного строя. «Она требовала восстановления ранне-христианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для светского мира. Из «равенства сынов божьих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства»¹.

Эти положения Энгельса дают возможность правильно понять социальный смысл «ересей» и в России. Следует отметить прежде всего, что вследствие особенностей исторического развития феодальной России «ереси» не играли здесь такой большой роли в классовой борьбе против феодализма, как в странах Западной Европы.

В феодальной России классовая борьба закрепощённого крестьянства и городских низов проходила обычно под лозунгом вполне светских, материальных требований, а религиозные мотивы или совсем отсутствовали, или же имели подчинённое значение. Там же, где «ереси» имели место, они, несомненно, служили формой протеста против феодального строя

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М. 1953, стр. 36.

(«ересь» стригольников, «жидовствующих», «раскольники» в XVII в.).

Социальное содержание и значение различных «ересей» в России, как мы уже говорили, было неодинаковым. За одними и теми же или сходными требованиями в отношении церковных догматов, обрядов и пр. у разных «еретиков» скрывались нередко далеко не одинаковые требования в вопросах, касающихся общественного устройства жизни.

Среди «еретиков» в России середины XVI в. были люди, которые дальше протеста против церковного феодализма не шли. Но были и «еретики», для которых критика догматов господствовавшей церкви являлась лишь подходом к критике, прикрытием критики отдельных сторон феодального строя или даже всей феодальной системы в целом. Для характеристики этого последнего направления движения «еретиков» наибольший интерес представляют Матвей Башкин и Феодосий Косой.

Матвей Башкин был, как можно судить по весьма скудным данным о нём, человеком состоятельным. Башкин много читал. В числе других вопросов его весьма волновал вопрос о том, «как нам самим жити и людей у себя держати не томительно». Его мучило несоответствие между тем, чему учат заповеди, священные книги, и тем, что есть в жизни, на практике.

Размышляя, Башкин пришёл к полному отрицанию применения труда холопов и к необходимости замены труда рабов (холопов) трудом вольнонаёмным. Как показал благовещенский поп Семён, к которому Матвей Башкин обратился со своими сомнениями, Башкин говорил ему, что закон божий учит «возлюбить ближнего, как самого себя, мы же у себя христиан держим рабами. Христос называл всех братией, а у нас, де, на иных и кабалы, на иных беглые, а на иных нарядные, а на иных полные; а я, де, благодарю бога моего, у меня, де, что было кабал и полных, то, де, есми все изодрал, да держу, де, государь, своих добровольно; добро, де, ему, и он живет, а не добро, и он куды хочет; а вам, отцем, пригоже посещати нас почасту и о всем наказывати, как нам самим жити и людей у себя держати не томительно; а видел есми и в правилех то написано, и мне то показалось добро»¹.

Собором 1553 г. Башкин был осуждён и заключён в Волоколамский монастырь.

Мы видели, что церковники, принимая рабство как форму труда, иногда выступали против крайностей эксплуатации холопов, призывали феодалов к милосердному отношению

¹ «Московские Соборы на еретиков XVI века. Жалобница благовещенского попа Симеона», «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3, отд. 2, 1847, стр. 22.

к своим рабам. Это отношение к труду рабов оставалось характерным для церковников и в XVI в. Лидер лагеря «стяжателей» Иосиф Волоцкий в послании к одному вельможе укоряет его за немилосердное отношение к своим «рабам и сиротам домашним», которые весьма страдали от крайней скудости в пище и одежде, от паготы и голода. Иосиф Волоцкий указывал, что такое отношение господина к своим рабам противоречит божественному писанию¹.

Матвей Башкин не относился к кругу церковников. У него мы видим принципиально иную постановку вопроса. Башкин требует не смягчения эксплуатации труда рабов, а полной отмены этой формы подневольного труда, хотя и аргументирует ещё положениями священного писания. Но сообщение Башкина о том, что сам он своих холопов отпустил и применяет только наёмный труд, показывает, что его постановка вопроса о рабском труде является и сугубо практической и действенной, несмотря на апелляцию к священному писанию.

Полное отрицание Башкиным холопства и предпочтение им труда вольнонаёмного — знаменательный факт в истории развития русской экономической мысли. Он находится в прямой связи с падением экономического значения труда рабов (холопов), особенно резко проявившимся в XVI в.

В этом вопросе Башкин не был исключением: мысль о необходимости ликвидировать холопство развивал немного раньше Иван Пересветов, исходя из совсем других соображений. Поп Сильвестр отпустил всех своих холопов и заменил их наёмными работниками, ставя это в пример другим.

Башкин был осуждён, конечно, не за то, что он отпустил своих холопов. Ему был предъявлен ряд обвинений как «еретику». Но в условиях, когда труд холопов имел ещё широкое применение, проповедь мысли, что институт рабства (холопство) находится в противоречии со священным писанием, была расценена церковью и царём, участвовавшим в суде над «еретиками», как один из элементов «ереси».

Насколько можно судить по сохранившимся скудным свидетельствам, исходившим из лагеря господствовавшей церкви, отдельные «еретики» шли далеко в своём отрицательном отношении к господствовавшему тогда в стране общественно-экономическому и политическому строю.

Феодосий Косой был холопом, бежал от своего господина и постригся в заволжском скиту. В связи с судом над Матвеем Башкиным Феодосий был доставлен вместе с другими «заволжскими старцами» в Москву. Однако он вскоре бежал в Литву.

¹ См. «Дополнения к актам историческим», т. I, Спб. 1846, стр. 360—361; Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в., кн. II, изд. 2, АН СССР, М. 1954, стр. 223.

Ни одно произведение Феодосия Косого до нас не дошло. Сведения о нём, его жизни и учении сохранились главным образом в произведениях инока Зиновия Отенского, посвящённых критике Феодосия Косого. Зиновий резко враждебно относился к учению Косого, и его освещение этого учения является, конечно, тенденциозным.

Как видно из изложения учения Феодосия Косого в книге Зиновия Отенского, Феодосий отвергал все внешние атрибуты православной церкви — храмы, иконы, молитвы — и все её основные догматы и обряды.

Отношение Феодосия Косого к религии носило рационалистический характер. Христианскую веру он считал «неправой верой». Иконы бесполезны, никаких чудес от них не бывает; почитая иконы, люди поклоняются дереву вместо бога; не нужны молитвы, покаяния, посты, причащения, всё это не заповедано богом. Святые есть обыкновенные мертвецы, нельзя подменять ими настоящего бога. Христос был обыкновенным человеком.

Феодосий Косой отвергал монашество, монастыри и церкви. Ссылаясь на священное писание, он выступал против церковного и монастырского землевладения. «Несть писано во Евангелии и во Апостоле приимати села в монастыри или церквам, и се человеческое предание есть»¹. Он ссылается также на князя-инока Вассиана и на Максима Грека, осуждавших монастырское владение сёлами. Однако он шёл много дальше этих проповедников нестяжания. В отличие от них Феодосий Косой отвергал не только монастырское, но и церковное землевладение, а главное — он считал ненужным не только церковное и монастырское землевладение, но и само существование церкви и монастырей. Феодосий Косой резко нападал на служителей церкви. Попы, епископы есть обманщики, лицемеры, говорил Феодосий Косой; они измыслили идолопоклонство вместо истинной веры, в своих корыстных интересах умышленно скрывают настоящего бога. Феодосий призывал не повиноваться церковникам, не читать их книг, не слушать их проповедей.

Таким образом, нападая на православную церковь, Феодосий Косой смело срывал покров святости со всех её догматов, обрядов, внешних атрибутов, обнажал перед людьми лживость, лицемерие, корыстолюбие служителей церкви. Он наносил идейный удар огромной силы по феодальной церкви, развенчивая её в глазах верующих людей. Нападение на феодальную церковь, занимавшую господствующее положение в стране, уже само по себе являлось нападением и на общественный строй, защитницей которого эта церковь являлась.

¹ «Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия», Казань 1863, стр. 923.

Но и сам Феодосий не ограничивался критикой только церкви, а шёл много дальше, нападая на весь строй общественной жизни России того времени. Как видно из сочинений Зиновия, критика господствующей церкви неразрывно и тесно переплеталась у Феодосия с критикой экономического и политического строя, всех современных ему общественных порядков. Призыв к неповиновению церковным властям переходил у него в пропаганду отказа повиноваться всяким властям вообще, а разоблачение тунеядства монахов и церковно-монастырского землевладения — в критику всего экономического строя России. Он учил, что поклоняться не следует не только иконам, святым, попам, но и властям вообще. «Чесо убо ради православнии поклоняются мощем праведных и иконам их? Глаголет бо Косой, яко не подобает поклонятися не токмо умершим, но ниже живым»¹. «Не подобает же повиноватися властем и попом»². «В церквах же попы учат по книгам и по уставам их человеческая предания, и повелевают себе послушати, и земских властей боятися и дани даяти им. Не подобает же в христианах властем быти и воевати»³.

Таким образом, в критике социального строя современной ему России Феодосий берёт не одну сторону этого строя, а всю систему в целом. Он отрицает не только рабство, как это имело место у его современника Башкина, а вообще всякое господство, всякое угнетение одних людей другими, т. е. всю существовавшую тогда феодальную систему хозяйства и политического строя.

Сам Феодосий был, как мы уже говорили, холопом, рабом. В его лице мы видим, следовательно, первое по времени известное нам идейно обоснованное и решительное выступление представителя угнетённых, эксплуатируемых масс против феодального строя в целом, хотя и прикрытое ещё формой богословской «ереси».

Положительная программа Феодосия Косого, как о ней можно судить по произведению Зиновия Отенского, неясна. О ней можно скорее лишь догадываться. Свой идеал общественной жизни Феодосий Косой искал, как видно, в книгах раннего христианства. Единственной властью для людей является, в его представлении, бог, никакой людской власти не должно быть. В обществе не должно быть богатых и бедных, богатые должны приносить свои «имения» и отдавать их «апостолам», т. е., как можно думать, последователям нового учения. «И аще

¹ «Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия», Казань 1863, стр. 501.

² «Послание многословное. Сочинение инока Зиновия», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 2, М. 1880, стр. XVII.

³ Там же, стр. XVI.

кто наш разум имеет, то брат духовный и чадо есть, и к нам подобает приносить имениа, яко же пишет в Деяниях: «Яко приношаху имениа и полагаху пред ногама апостол»¹.

Отсюда можно сделать вывод, что Феодосий стремился к имущественному равенству людей. По учению Феодосия, все люди равны, и равны потому, что они равны перед богом. Причём равенство должно быть не только между христианами, но и между людьми разных языков и вероисповеданий: «Вси людие едино суть у бога, и татарове, и немцы и прочии языцы; глаголет бо апостол Петр: «в всяком языке бойся бога и делай правду прият ему есть»².

Анализируя средневековые «ереси» в Западной Европе, Энгельс показал, что мечтания о будущем коммунистическом обществе впервые становятся выражением потребностей реальной общественной группы только у Томаса Мюнцера и его партии в Германии XVI в. благодаря участию в этом движении плебеев. Плебеи были классом, стоявшим вне официального общества. «Они не обладали ни привилегиями, ни собственностью; у них не было даже обремененного тяжелыми повинностями владения, которое имелось у крестьян и мелких бюргеров. Они были во всех отношениях неимущи и бесправны». Поэтому «...плебейская часть общества уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан», а, «...по крайней мере в мечтах, должна была выйти даже за пределы едва только нарождавшегося тогда современного буржуазного общества». Но «...стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилием над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускали тогдашние условия. Нападки на частную собственность, требование общности имущества неизбежно должны были выродиться в примитивную организацию благотворительности; неопределенное христианское равенство могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»; упразднение всяких властей превращалось, в конце концов, в учреждение республиканских правительств, избираемых народом. Предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений.

Это резко противоречащее действительности, но вполне объясняющееся условиями жизни плебеев предвосхищение последующей истории мы впервые встречаем в *Германии*

¹ «Послание многословное. Сочинение инока Зиновия», стр. XVII.

² Там же, стр. XV.

у *Томаса Мюнцера* и его партии ... У Мюнцера эти проблески коммунистических идей впервые становятся выражением стремлений реальной общественной группы, только у него впервые они формулируются с известной определенностью, и, начиная с него, мы встречаем их снова в каждом великом народном потрясении, пока они постепенно не сливаются с современным пролетарским движением...»¹.

Хотя социально-экономические условия в России XVI в. и отличались от тех условий, при которых в Германии происходила борьба *Томаса Мюнцера* и его партии, тем не менее характеристика *Энгельсом* реального содержания требований плебса помогает понять и значение воззрений *Косого*.

Представление *Феодосия Косого* о будущем являлось весьма смутным и опиралось на толкование *Евангелия* и *Библии*. Однако оно отражало потребности реальной общественной группы России того времени — холопов (рабов), их мечту об обществе, где не будет бесправных, неимущих людей, а все будут равны между собой.

Вместе с тем в мечтаниях *Феодосия Косого* о полном равенстве людей, о будущем обществе отразился протест угнетённого крестьянства против вопиющего неравенства в положении людей в феодальном обществе, деления их на угнетённых и угнетателей, бедных и богатых.

Своей критикой феодального строя *Феодосий Косой* выражал интересы угнетённых масс России того времени: холопов (рабов) и крестьянства².

Из книги *Зиновия* видно, что «еретическое» учение *Феодосия Косого* находило широкий отклик и сочувствие в определённых кругах. *Зиновий* приводит слова иконника *Феодора* о том, что учение *Косого* «мнозема похваляемо и приемлемо, и любимо от многих, и познаваемо, яко истинно есть новое учение...»³.

Учение *Феодосия* затрагивало самые основы господствовавшего тогда в России общественного строя и представляло большую опасность для феодалов. Вот почему против этого учения была предпринята такая мера, как развёрнутая критика его в специальных работах *Зиновия Отенского*.

Зиновий — ревностный апологет православной религии. Раньше он был учеником *Максима Грека*. После того как последний был заточён в монастырь, *Зиновия* сослали в новгородский

¹ *Ф. Энгельс*, *Крестьянская война в Германии*, М. 1953, стр. 37—38.

² См. *Р. Г. Лапшина*, *Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI века*, «Труды отдела древнерусской литературы», IX, АН СССР, М. — Л. 1953 г., стр. 235—250.

³ «Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инок *Зиновия*», Казань 1863, стр. 15.

Отенский монастырь, где он и оставался до своей смерти (1568 г.). Основные произведения Зиновия посвящены «разоблачению» и «ниспровержению» учения Косого¹. Он критикует в них также нестяжательское учение Максима Грека и Вассиана Патрикеева.

В своей критике «нестяжательства» и защите монастырского землевладения Зиновий проявляет мало оригинальности, повторяя уже известные нам доводы «стяжателей».

Интересно, однако, отметить, что он уличает Вассиана и Максима Грека в непоследовательности: священное писание, пишет Зиновий, в вопросе о землевладении не отличает светских и духовных лиц, а Максим Грек и Вассиан отрицают только монастырское стяжание, умалчивая о светских людях. Зиновий красочно рисует тяжёлую работу и скудное питание рядовых монахов в монастырях, противопоставляя этому роскошную жизнь «нестяжателя» Вассиана, широко пользовавшегося щедрыми благами от царского двора.

Критикуя учение Феодосия Косого, Зиновий изображает его в самом отрицательном виде. Учение Косого, пишет Зиновий, не может быть правильным уже потому, что сам Феодосий является холопом, рабы же и по закону не могут быть свидетелями.

Тот факт, что Феодосий Косой был прежде холопом и, бежав от своего господина в заволжский скит, забрал с собой лично принадлежавшее ему имущество, Зиновий использовал для развенчания Феодосия в глазах его единомышленников. В этой связи Зиновий так рисует коренное отличие раба от наёмного работника: «Несть же убо едино работа свободного и работа рабья. Ино раб и ино наемник. Наемник свободен есть и, ему же хочет, работает по найму, и иже кто хочет, наимает его; раб же не может работати, ему же хочет, ниже кто хочет, поемлет его работати себе, понеже раб имать господина и раб есть своему господину, а не всем есть раб; и елико аще поработает господину своему, мзды не имать и найма не возьмет. Егда бо не восхощет творити работы господина своего, томление и раны приемлет раб. И посему раб не имать свое ничтоже, но вся, яже имать у себе, господина его суть... яже раб притяжет,¹ отъюдуже аще будет, господину своему, а не себе притяжает»².

Эту характеристику различия раба и наёмного работника Зиновий даёт для того, чтобы квалифицировать бегство Феодосия

¹ См. «Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия», Казань 1863; «Послание многословное. Сочинение инока Зиновия», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 2, М. 1880.

² «Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия», Казань 1863, стр. 30.

от своего господина как преступление, а захват им своего имущества — как воровство.

Зиновий Отенский выступает ярким апологетом эксплуатации труда рабов. В противоположность Башкину для Зиновия существование рабства является вполне нормальным явлением¹. Вместе с тем этот защитник эксплуататоров проявляет великий страх перед рабами: «Писание показывает величество злобы рабья, от нея же земля трясется, внегда рабу воцариться»².

¹ См. *Ф. Калугин*, Зиновий, инок Отенский и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения, Спб. 1894, стр. 126.

² «Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инок Зиновия», Казань 1863, стр. 25.

Глава пятая

ИДЕОЛОГИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА

И. С. Пересветов

Выдающимся представителем русской общественной мысли XVI в. был Иван Семёнович Пересветов. В своих произведениях он дал развёрнутое идейное обоснование основных политических задач Русского государства и выдвинул перед Иваном IV программу реформ в различных областях общественной жизни России, в том числе и в экономической.

Скудные сведения о личности Пересветова черпаются из его же сочинений. Свой род он возводил к иноку Пересвету, павшему в битве на Куликовом поле. И. Пересветов, будучи подданным польского короля, с разрешения последнего и вместе с другими польскими дворянами находился в течение трёх лет на «дворянской службе» у угорского (венгерского) короля, а потом столько же времени — у короля чешского. Пять месяцев между этими службами он пробыл у волошского воеводы (молдавского господаря) Петра.

В конце 30-х годов XVI в. «Ивашко Семенов сын Пересветова», как он именуется в написанной позже челобитной к царю, прибыл из Литвы в Москву, желая служить московскому государю. Пересветов был принят на службу и получил от царя поместье. Но поместье это оказалось «пусто». Средства, привезённые Пересветовым из других стран, были истрачены; «от обид и от волокиты» сильных людей он очутился в большой нужде — «наг и бос, и пеш». Не раз пытался он обратиться к царю с просьбой оказать ему помощь и защиту «от насилства сильных людей»¹. Дальнейшая судьба И. Пересветова неизвестна.

И. Пересветов написал ряд небольших произведений, предназначенных для Ивана IV: «Сказание о царе Константине»,

¹ И. Пересветов, Вторая челобитная, Приложение к книге В. Ф. Ржиги «И. С. Пересветов, публицист XVI века», М. 1908, стр. 79—81. Комментарий к ней см. гл. 2 указанной книги.

«Сказание о книгах», «Сказание о Магмете-салтане», «Предсказания философов и докторов», «Первая челобитная», «Вторая челобитная» и др.¹ Время написания этих произведений неизвестно. Учитывая некоторые моменты, содержащиеся в этих произведениях, В. Ф. Ржига определил, что они могли быть написаны в период примерно 1546—1549 гг.²

В своих произведениях Пересветов подвергает острой критике различные стороны общественной, прежде всего политической, жизни России того времени и рекомендует царю Ивану IV определённую программу действий.

Сочинения Пересветова имеют оригинальную форму: критика существующих порядков в России и предложение необходимых реформ ведутся в них не от имени автора, а иносказательно, в форме «речей» и «писаний» мудрых правителей и учёных людей — турецкого султана Магмета, волошского воеводы Петра, «мудрых философов и докторов», находившихся на службе у Петра. Для доказательства своих идей И. Пересветов широко пользуется примерами из истории Византии и Турции. Положение дел в России, политику Ивана IV Пересветов критикует обычно не прямо, а в форме критики порядков Византии и политики византийского царя Константина, при котором Константинополь был завоёван турками. Необходимые, разумные с точки зрения Пересветова мероприятия рекомендуются им в форме положительной оценки политики турецкого султана Мухаммеда II, завоевателя Константинополя, и «мудрых речей» этого султана, воеводы Петра, «философов и докторов».

* * *

В своих сочинениях Пересветов ярко выразил идеологию и интересы дворянства, его политические и экономические требования в эпоху образования централизованного государства.

Пересветов доказывает царю, что он должен во всей своей деятельности по управлению страной опираться не на крупных феодалов — знатных вельмож, а на мелких и средних служилых людей — дворян, «воинников». Эта идея является центральной во всех сочинениях Пересветова.

Он резко обличает «вельмож», т. е. бояр, крупных феодалов, считая, что господство их не может обеспечить единства страны и её политической, военной, экономической мощи, а неизбежно приведёт страну к гибели. Причина, корень всех недостатков

¹ Произведения И. Пересветова помещены в приложении к указанной выше книге В. Ф. Ржи́ги.

² См. В. Ф. Ржи́га, И. С. Пересветов, публицист XVI века, М. 1908, гл. 2.

и бед в стране, по мнению И. Пересветова, кроется именно в господствующем положении вельмож. Вельможи, эти «ленивые богатины»¹, не служат верно своему государю, а изменяют ему, «оскужают» всё государство, стремятся ограничить своего государя, «укротить» его. «Вельможи русского царя сами богатеют и ленивеют, а царство его оскужают, и тем они слуги ему называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко за веру христианскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тем богу лгут и государю»².

Правление вельмож, их произвол, обогащение, подрыв ими самодержавия царя, отвлечение царя от военного дела Пересветов считает главной причиной гибели Византии.

Пересветов доказывает царю необходимость иметь большое и сильное войско, опираться на «воинников», т. е. служилых дворян. «Воинниками царь силен и славен»³, — пишет он. Пересветов подчёркивает особо важное значение воинников для государства и обязанность всемерно заботиться о них. Нужно, советует Пересветов, «воина держати, как сокола чередити (лелеять. — В. Р.), и всегда ему сердце веселити, а ни в чем на него кручины не допустить»⁴. Он советует царю приближать к себе преданных, храбрых и умелых «воинников», возвышать их, увеличивать им жалованье, любить их и доверять им, быть щедрым к ним. Царь, пишет Пересветов, должен приближать к себе и возвышать людей не по их родовитости, а по их личным достоинствам, по их заслугам, хотя бы эти люди и были незнатного происхождения.

Идеальным политическим строем для России того времени Пересветов считал неограниченное самодержавие царя. Царь, по его мнению, не должен давать воли вельможам; ему следует быть грозным, потому что без грозы нельзя держать царство. Эта гроза должна быть направлена прежде всего против крупных феодалов. Вельмож, которые приблизились к царю не воинскою выслугой, не мудростью своей, а добиваются влияния на царя чародейством и отвлекают его от воинского дела, «подобает огнем жежи и иные лютые смерти им давати, чтобы зла не множилос»⁵.

Такое понимание Пересветовым роли бояр и дворян в государстве, его призыв опираться на дворян при беспощадной борьбе с крупными феодалами и идея неограниченной и грозной власти царя полностью совпадают со взглядами Ивана IV по

¹ «Сказание о царе Константине», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 71.

² «Первая челобитная», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 62.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 62.

⁵ Там же, стр. 65.

этим же вопросам, оформившимися у Ивана Грозного уже после того времени, к какому относятся работы И. Пересветова.

Политический идеал Пересветова противоположен представлениям о политическом устройстве страны реакционного боярства, противившегося усилению власти государя, стремившегося сохранить в своих руках политическую и экономическую силу.

Пересветов много рассуждает об обязанности царя обеспечить правду в стране, подчёркивая, что правда выше веры («не веру бог любит, но правду»). Правда, пишет Пересветов, даёт царям великую силу и мудрость. Под «правдой» он понимает отсутствие засилья и произвола вельмож, честный суд и т. д. Он предлагает заменить неправедный, продажный суд наместников честными царскими судьями, которые должны быть обеспечены казённым жалованьем, а если будут судить не по правде, то должны нести за это тяжёлую кару — смерть.

Настойчиво доказывая царю необходимость уничтожения господствующего положения крупных феодалов — вельмож — в стране и всемерного возвышения «воинников», незнатных родов, дворян, И. Пересветов обходит полным молчанием вопрос о трудящихся массах, об основном классе феодального общества — крестьянстве. Феодальная эксплуатация крестьянства ему представлялась, очевидно, вполне нормальным и естественным явлением¹. Выступая решительно и резко против одной, господствовавшей части класса феодалов-эксплуататоров — против бояр, крупных феодалов, И. Пересветов добивается возвышения другой части того же класса феодалов-эксплуататоров — служилого дворянства. Идеолог дворянства хочет отеснить крупных феодалов с господствующих экономических и политических позиций, очистить эти позиции для другой части того же класса.

Обходя вопрос о взаимоотношении феодалов и крестьян, И. Пересветов занял вместе с тем весьма радикальную позицию в отношении труда холопов-рабов. Он выступил с решительным требованием полного уничтожения рабства (холопства) в России.

Любопытны доводы Пересветова, приводимые им для обоснования своего требования об отмене рабства в стране. Мы видели выше, что «еретик» Башкин, доказывая недопустимость рабства (холопства), пытался апеллировать к «священному писанию»: владение холопами, считал Башкин, совершенно про-

¹ Для правильного понимания взглядов Пересветова на крестьянство следует иметь в виду также, что его произведения были написаны в период, когда уже существовало ограничение перехода крестьянина от помещика одним сроком в году («Юрьев день»), но полное закрепощение крестьянина ещё не было осуществлено.

тиворечит евангельскому учению о равенстве людей. Обращение к «священному писанию» имеет место и у Пересветова: «...бог сотворил человека самовластна и самому о себе повелел быть владыкой, а не рабом»¹, — писал он. «Един бог над всею все-ленной, и то есть, которые записывают людей в работу вовеки, прелщают, дьяволу угрожают»².

Но, как и в других вопросах, довод от «священного писания» не играл у Пересветова сколько-нибудь существенной роли. Необходимость полной отмены холопства в России он доказывал, исходя из основной своей политической идеи — уничтожения силы и своевластия крупных феодалов в стране, возвышения дворян, «воинников», установления неограниченной и грозной власти царя, опирающегося на служилое дворянство. Само существование рабства Пересветов связывал непосредственно с наличием «велмож» в стране. Вельможи поработщают всю страну. В греческом царстве, писал он, вельможи «поработили род христианский». У византийского царя Константина «все царство заложилось за велмож его... Которая земля поработчена, в той земле все зло сотворяется: и татба, и разбой, и обида, и всему царству оскужение великое...»³. Греция, пишет Пересветов, погибла из-за гордости вельмож и поработчения ими людей⁴. По мысли Пересветова, уничтожение рабства необходимо для того, чтобы царь имел в своём распоряжении сильное и храброе войско. Холопы служат вельможам. Царь должен иметь войско, непосредственно и только ему подчинённое. Холоп не может быть храбрым воином. «В котором царстве люди поработченны, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы: поработченный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есмь холоп, иного мне имени не прибудет»⁵. Пересветов советует сжечь кабальные книги.

Резко отрицательное отношение Пересветова к существованию холопства в России понятно, если принять во внимание, что к середине XVI в. довольно широко распространился переход мелких землевладельцев в холопы к крупным феодалам. Хозяйственное значение труда холопов в рассматриваемое время сильно упало. Пересветов считал, как видно, что хозяйственные интересы дворян-помещиков вполне могут быть удовлетворены путём эксплуатации крестьянства, а уничтожение

¹ См. В. Ф. Ржиги, И. С. Пересветов, публицист XVI века, М. 1908, стр. 34.

² См. там же.

³ «Первая челобитная», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 67.

⁴ См. там же.

⁵ «Сказание о Магмете-салтане», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 75.

холопства подорвёт силу крупных феодалов и будет способствовать усилению дворянства и самодержавной власти царя. Таким образом, вопрос о холопах И. Пересветов решал в свете своего понимания основных политических задач того времени.

Хотя в целом холопство продолжало ещё долго существовать в России и после того, как Пересветов направлял Ивану IV свои советы, важно отметить, что царским Судебником 1550 г. было запрещено превращать дворян в холопов.

Важное звено программы И. С. Пересветова составляет требование уничтожения управления через наместников и реформы финансовой системы Московского государства.

Управление страной через наместников и существование системы кормлений Пересветов считает вредным и для царской власти и для всей страны. Система наместников и кормления используется вельможами для закрепления и усиления своего всевластия и ослабления власти государя, для своего обогащения ценою «оскудения» страны. Она таит в себе угрозу феодальной войны. Пересветов осуждает порядок, когда царь «дает города и волости держати велможам, и велможи от слез и от крови роду христианского богатеют нечистым собранием, и как съедут с кормленей з городов и с волостей, и во обидах присужают поля, и в том на обе стороны много греха сотворяют...»¹

Пересветов советует отменить наместничество и кормления; доходы со всей страны должны поступать в казну, а все должностные лица, судьи, воинники будут получать жалованье из казны, в соответствии со своей службой. Это устранил возможность злоупотреблений со стороны вельмож, судей, будет способствовать укоренению правды в стране. Вельможи не смогут тогда богатеть и «оскужать» царскую казну. Большая часть доходов государства должна идти на содержание войска.

Пересветов ставит в пример политику Магмет-салтана, который, по словам Пересветова, «велел со всего царства все доходы себе в казну имати, а никому ни в котором граде наместничества не дал велможам своим для того, чтобы не прелщалися неправдою судити, и оброчил велмож своих ис казны своей, кто чего достоин, и дал суд во все царство, и велел присуд имати к себе в казну для того, чтобы судьи не искушались и неправды бы не судили»².

Предложение Пересветова ликвидировать систему наместничества и кормлений отвечало назревшим потребностям русского феодального централизованного государства. Всего лишь через несколько лет после того, как Пересветов писал об этом

¹ «Первая челобитная», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 61.

² «Сказание о Магмете-салтане», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 72.

царю, кормления были в России отменены. Иван IV последовательно осуществлял централизацию финансовой системы государства.

Ставит И. Пересветов в своих сочинениях и вопрос о купечестве, торговле, причём постановка этого вопроса у Пересветова носит узко дворянский характер. Он хочет оградить интересы воинов, т. е. дворянства, от алчности купцов, установить государственную регламентацию цен на товары, продаваемые купцами воиновкам. Именно таков смысл рассуждений Пересветова о том, что в Царьграде «...воиновки оскудели и обнищали, а мытари богатели»¹. «Суд был греческий неправеден, а купля их была нечиста: купец не умел товару своему цены уставити, нечисто собрание их было»². Этой отрицательной картине Пересветов противопоставляет другую, положительную: Магмет-салтан, пишет он, «великую правду в царство свое ввел, и купцем куплю уставил, и купити и продати единым словом, хотя на тысящу рублей»³.

Конкретное содержание этих рассуждений Пересветова о купцах и торговле неясно. Несомненно одно, что он хотел государственной регламентации торговли в интересах воиновков. Об этом свидетельствуют также и советы царю строго регламентировать продажу купцами товаров воиновкам во время походов. Здесь он определённо рекомендует осуществлять продажу товаров так, чтобы была «всему цена уставлена», «по цареву указу»⁴. За продажу товара воиновку по цене «болши устава царева» и за обвешивание купцу полагается смертная казнь, как и воиновку, который возьмёт товар даром, не уплатив за него указной цены⁵.

Таким образом, в сочинениях Пересветова получили своё отражение противоречия не только между дворянством и крупными феодалами, но и между дворянством и торговым капиталом, хотя и менее ярко. Пересветов защищает интересы дворянства и от бояр и от купцов.

Он считает необходимым вести активную внешнюю политику. Пересветов советует царю покорить Казанское царство. Его как представителя дворянства здесь интересует прежде всего «землица велми угодная», подобная «подрайской земле угодием великим»⁶. Эта часть программы Пересветова вскоре получила своё осуществление: после завоевания Казанского

¹ «Первая челобитная», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 65.

² Там же, стр. 65—66.

³ Там же, стр. 66.

⁴ «Сказание о Магмете-салтане», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 75.

⁵ См. там же, стр. 75—76.

⁶ «Первая челобитная», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 68.

царства его земли были розданы русским помещикам. В отношении Крыма Пересветов советовал вести оборонительную политику.

Важным моментом понимания И. Пересветовым задач внешней политики являлась мысль о том, что русский царь должен помочь народам Балканского полуострова — грекам и сербам — освободиться от турецкой неволи¹.

Таковы политические и экономические воззрения И. Пересветова, ярко выразившего идеологию, интересы русского дворянства эпохи создания централизованного государства.

Программа И. Пересветова имела особенно важное значение потому, что она была разработана совсем незадолго до того, как Иван IV начал осуществлять реформы в разных областях жизни, и до введения им опричнины. Произведения Пересветова были, как можно судить по его челобитным, известны царю и, надо думать, оказали влияние на политику Ивана IV. Не следует, конечно, преувеличивать возможную роль сочинений Пересветова в политике Ивана IV. Но произведения Пересветова остро ставили такие актуальные вопросы политики и освещали эти вопросы в таком направлении, что не могли не привлечь к себе внимания Ивана IV. В своих сочинениях Иван Пересветов дал широкое теоретическое обоснование именно той политике, которую проводил затем Иван Грозный, — политике в отношении бояр и дворянства, в области финансов и т. д.

Ермолай-Еразм

В ряду русских церковников XVI в., усердно размышлявших над актуальными проблемами социально-экономической жизни России и выступавших со своими ответами на них, особое и притом выдающееся место занимает *Ермолай-Еразм*.

Биографические сведения о Ермолае-Еразме крайне скудны. Известно только, что Ермолай был священником московской дворцовой церкви Спаса на Бору. Потом он постригся в монахи под именем Еразма. Ермолай-Еразм ревностно защищал догматы православия и боролся против ересей.

В бытность свою священником Ермолай, как видно, подвергался обидам и преследованиям со стороны знатных лиц. Он пишет царю Ивану IV послание, в котором просит защитить его от происков врагов, от возводимой на него клеветы. Предлагая царю свои литературные услуги и посылая ему в качестве образца произведения религиозно-нравственного содержания, Ермолай изъявляет готовность написать для царя сочинение, в котором были бы освещены вопросы общественной жизни

¹ См. «Первая челобитная», Приложение к книге В. Ф. Ржиги, стр. 63.

и государственного управления: «Аще же и о мирьских вещей повелит твоя дръжава написати ми к благоугодию земли и ко умалению насильства, имам скрoven глагол удобен явити твоей царской дръжаве»¹. Повидимому, ответом на согласие царя и явилось значительное для своего времени политико-экономическое произведение Ермолая-Еразма под названием «Благохотящим дарем правителница и землемерие».

Ермолай был образованным человеком, с широким кругом интересов. Он примыкал к кружку учёных церковников, группировавшихся вокруг митрополита Макария и занимавшихся писанием оригинальных богословских сочинений и переводами литературы с греческого языка. Им написан ряд богословских и нравоучительных сочинений: «Слово о разсуждении любви и правде и о побеждении вражде и лже», «Книга о св. Троице», религиозно-историческая «Повесть о Петре и Февронии муромских», «Зрячая Пасхалия» и др. Большая часть произведений Ермолая-Еразма посвящена богословской и нравоучительной тематике, но и в них он ставил и освещал актуальные вопросы социального характера.

По своим политическим воззрениям Ермолай был противником боярского своевластия. В произведениях Ермолая ярко выступает его антибоярская настроенность. Вместе с тем в другом политическом вопросе, имевшем тогда огромное значение для укрепления централизованного государства в форме самодержавной монархии — об отношении светской власти и духовной — Ермолай стоял на позиции независимости церкви от царской власти и превосходства духовной власти над царской. В то время как власть царя над человеком, писал Ермолай, является временной, пока человек жив, и распространяется только на тело, духовная власть имеет силу и над душой человека, и не только в этом мире, но и после смерти человека.

Эта теория не способствовала укреплению самодержавия как единственно возможной в тех исторических условиях формы централизованного государства. Однако эта сторона в воззрениях Ермолая не была ярко выражена в отличие от другой черты — антибоярской направленности.

В своих произведениях Ермолай ставил вопрос о богатстве, рассматривая его, однако, не в экономической, а в религиозно-этической плоскости. В работе «Слово о разсуждении любви и правде...» Ермолай выступал против гордости знатных людей, вельмож и их богатства. Он считал, что высшей добродетелью людей является любовь к богу и ближним, но эта добродетель

¹ В. Ф. Ржигга, Литературная деятельность Ермолая-Еразма, «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, АН СССР, Л. 1926, стр. 157—158.

несовместима с накоплением богатства. Нищета выше богатства, так как богатство достигается не своим трудом, а коварством и насилием. Богатому человеку, ссылается он на священное писание, трудно войти в царство божие: «Понеже бо всяко богатство от властвующих коварств насилием или некими ухищренми много збираемо, от своего же труда много богатства никому же мощно собрати»¹. Вельможи не имеют ничего от своего труда, кормятся же и одеваются благодаря чужому труду: «яко убо велможа ничто же имеюще от своего труда, но изъядающе и одеяния носяще людская труды»².

Он изобличает богатство, считая, что оно всегда связано с обидой других. Истинная любовь, пишет Ермолай, несовместима с присвоением чужого прирбытка: «Аще кто совершает любы, сий в чюжем прирбытка не желает ни в чем же: не разбивает, не крадет, не бьет, не насилствует, не резоимствует»³.

Он осуждает обогащение торговца путём получения чрезмерной прибыли, а также путём ростовщичества. Любопытна при этом его аргументация против ростовщичества: расти, пишет он, может только животное и растение, а не серебро. «Аще ли же купец еси и малом что искупив, временем же не сем много чрез естество взимаеши, и се убо расторже любов... или же паки аще серебро твое даси в лихву, и се убо расторже любов, яко бо всякое животное божиим повелением растет, садовное же божию повелению от солнечнаго огревания растет, твоему же серебру не положи бог растения. Ты же противишия богу, яко не расленному повелеваеши расти»⁴.

Произведение Ермолая «Благохотящим царем правителница и землемерие» представляет собой первый в России специальный экономико-политический трактат⁵.

Слово «правителница» употреблено здесь в смысле «руководства». Работа представляет собою, таким образом, руководство для царей, как править государством и как измерять землю. Сопоставление предложений, содержащихся в «Правителнице» Ермолая, с событиями, происходившими в XVI в., даёт основание предполагать, что это произведение было написано в 40-х или в начале 50-х годов XVI в.

В своём произведении Ермолай советует царю осуществить систему важных мероприятий, направленных на решение ак-

¹ В. Ф. Ржиги, Литературная деятельность Ермолая-Еразма, «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, АН СССР, Л. 1926, стр. 181.

² Там же.

³ Там же, стр. 161.

⁴ Там же, стр. 162.

⁵ Опубликовано в виде приложения к работе В. Ф. Ржиги «Литературная деятельность Ермолая-Еразма», «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, 1926, стр. 193—199.

туальных задач того времени. Эта система включает в себя следующие меропрятия: 1) уменьшение и законодательное установление размера обязательств крестьян землевладельцам; 2) изменение порядка обеспечения потребностей царя в денежных средствах; 3) изменение в области ямских повинностей; 4) реформа измерения земли; 5) отмена системы кормлений; 6) урегулирование воинской повинности.

Центральное место в произведении занимает вопрос о положении крестьянских масс. Ермолай пишет здесь, что русский царь обязан заботиться не только о вельможах, но и о всех своих подданных, даже о самых последних людях.

Вельможи, пишет он, конечно, нужны, но они довольствуются не своим трудом. Больше всего необходимы крестьяне, так как они своим трудом добывают хлеб, являющийся главным предметом потребления всех людей: «Вельможа бо суг потребни, но ни от коих же своих трудов доволствующесе. В начале же всего потребни суг ратаеве; от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна: богови в службу бескровная жертва хлеб приносится и в тело Христово претворяется, потом же и вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема»¹.

Провозгласив первостепенное значение крестьянства для жизни общества, Ермолай тут же указывает на тяжёлое, бедственное положение крестьянства, обременённого не одним ярмом: «Сии же всегда в волнениях скорбных пребывающа, еже не единого ярма тяготу всегда носяще»². Достаточно бы им каждый год одно ярмо носить — ведь и птицы и звери линяют только один раз в году, летом. Крестьяне же постоянно несут разные повинности, денежный оброк, ямскую повинность и др.

Люди, пишет Ермолай, посылаемые к крестьянам для получения царских сборов, питаются за счёт крестьян, собирают много лишнего для себя; много денег берётся с крестьян на ямские расходы. Много обиды приносят ратаям и царские землемеры, работающие медленно и поедающие много хлеба у ратаев. Такое отношение к крестьянству Ермолай считает совершенно ненормальным: «И многа убо царства прочтохом, и сего обычая не видехом»³, — замечает он.

В своих рассуждениях, касающихся взаимоотношений крестьян и землевладельцев, Ермолай исходит из существовавших тогда в стране феодальных отношений, деления людей на землевладельцев, имеющих право на присвоение продукта труда других людей, и крестьян, обязанных выполнять определённые

¹ «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л. 1926, стр. 193.

² Там же.

³ Там же, стр. 194.

повинности в пользу землевладельцев. Но он предлагает важную реформу в этой области: установить определённый размер обязательств крестьянина по отношению к землевладельцу. Крестьянин должен отдавать землевладельцу только пятую часть добываемого им продукта, например, зерна, сена, дров и ничего больше.

Почему именно пятую часть? Ермолай ссылается на библейский пример: Иосиф установил в Египте взимать пятую часть урожая в пользу фараона; Ермолай призывает Ивана IV последовать этому примеру.

Ермолай считает необходимым освободить крестьян от всяких денежных уплат землевладельцу. Свои повинности землевладельцам крестьяне должны выполнять только в форме натурального оброка в указанном размере. Россия, пишет Ермолай, — страна земледельческая; крестьяне здесь производят хлеб и хлебом же должны выполнять свои повинности. Необходимость добывать деньги ставит крестьянина в весьма трудное положение. «...Во всех языцех кийждо человек своему цареву или властели воздаёт урок от приплод своая земля: иде же бо ражается злато и сребро, ту и воздают злато и сребро, а идеже плодятся множество великих скот, ту и воздают скоти, а идеже плодятся зверие, ту и воздают зверие. Зде же в русийстей земли ни злато, ни сребро не ражается, ни велицый скоти, но благоволением божним всего дражайши ражаются жита на прекормление человеком. Достоит убо и дань у ратаев царем и велможам всем имати от жит притяжания их пятую часть, яко же Иосиф в Египте учреди»¹.

Нельзя, пишет он, требовать от крестьян серебра и тем самым томить их муками: «Сии бо сребра неззидают, но хлеб назидают. Сего ради у них хлеб достоин и приимати, по Иосифа Прекраснаго уставу пятую часть, тако же и сена и дров пятую часть достоин приимати»².

Ермолай знает, конечно, что кроме продуктов феодалу нужны и деньги — золото и серебро. Эти деньги, считает он, землевладелец может получить путём беспощинной продажи части своих продуктов на рынке городским жителям, которые нуждаются в хлебе.

Следует иметь в виду, что предложенная Ермолаем мера повинностей крестьян — пятая часть производимого ими продукта — много меньше той доли, какую в половине XVI в. крестьянин вынужден был отдавать землевладельцу в форме оброка.

¹ «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л. 1926, стр. 194.

² Там же, стр. 197.

Ермолай пишет только об оброке, совершенно обходя вопрос о барщине. Академик Б. Д. Греков объясняет это тем, что во времена Ермолая барщина ещё не успела стать распространённым явлением¹.

Ермолай предложил царю коренным образом изменить также и порядок образования средств, необходимых для покрытия общегосударственных расходов. И здесь он предложил по существу тот же самый принцип, какой кладётся им в основу взаимоотношений феодала и крестьянина.

Он высказывается за отмену каких бы то ни было денежных налогов и сборов в царскую казну с крестьянства, так как требование с крестьян денег тягостно для них. Для создания средств, необходимых государю, в разных частях страны должно быть отведено определённое количество земли; обрабатывающие эту землю крестьяне должны отдавать царю пятую часть урожая хлеба. С лесных земель должны вноситься звери и мёд, с рек — рыба и бобры.

Таким образом, царь будет получать продукты в натуре, часть собираемого хлеба может быть продана, и у царя будут необходимые ему деньги, «а ни один ратай не будет слезен и мучен в недостатках...»²

Стремясь облегчить положение крестьянства, Ермолай предложил освободить крестьян и от выполнения ими ямской повинности. Ямская служба, пишет он, должна связывать города между собою. Расходы же по этой службе следует возложить на городских торговых людей, так как они богатеют на купле-продаже товаров. Зато торговые люди городов должны быть освобождены от пошлин и других платежей³.

В целях облегчения крестьянской тяготы и упорядочения дела наделения служилых людей землёй Ермолай предложил реформу единицы измерения земли. Он считает, что существующая единица измерения земли — «четверть» (полдесятины) — обременительна для крестьян; эта мелкая единица вызывает длительную работу царских землемеров — писарей, которые при этом «изъядачу многа брашна у ратаев» и «ратаем многу скорбь от объядания приносяще».

Ермолай предложил применять значительно более крупную единицу — «четверогранное поприще» — площадь земли в одну тысячу сажен длиной и столько же шириной. Четверогранное поприще должно быть равно $833 \frac{1}{3}$ четвертям, по 250 четвертей в каждом из трёх полей и 83 четверти на сенокосы и лес.

¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века, кн. II, изд. 2, М. 1954, стр. 217—218.

² «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л. 1926, стр. 196.

³ См. там же, стр. 194.

Переход на эту крупную единицу измерения, считает Ермолай, в 10 раз ускорит работу землемеров; уменьшатся и поводы к земельным тяжбам¹.

По мысли Ермолая, четверогранное поприще должно представлять собою нормальный поместный оклад, и эта площадь должна составить 20 полных крестьянских наделов². Четверогранным поприщем он рекомендует отмерять землю и для царя — на общегосударственные расходы, и для служилых людей — бояр, воевод, воинов.

Если, считает Ермолай, кто достоинством своим выше других, то ему должно быть дано больше и земли с крестьянами, тому — вдвое больше, другому — втрое, а иным — и в 7—8 раз больше. Это даст возможность достойным людям и воеводствовать и боярствовать. Но неудобно им быть по отношению к другим воинам как бы государем. «Се ест излишнее и богатство и гордост, еже у своих ратаев удобная доволствия взимая, к сему же и с чюжих сребро взимаяти»³. Если же кому нужны деньги, то их можно получить продажей излишков своего жита.

В этих рассуждениях Ермолая исследователи видят предложение отменить существовавшую тогда в стране систему кормлений⁴.

В понимании Ермолая «боярин», «воевода», «воин» — служилые люди, и землю и крестьян они могут и должны получать от царя только как материальное обеспечение своей службы государству. «Нужда бо ради кийждо от велмож своя ратая имут и сими доволни будут, пятую часть у коегождо ратая приемлюще и цареви от сего служаще...»⁵. Размер обеспечения разных лиц может быть различным, смотря по служебным достоинствам каждого. Однако Ермолай ограничивал размеры оклада. По его мнению, наивысший оклад должен составлять четыре поприща, наименьший — полпоприща, т. е. наибольшее обеспечение не должно превышать наименьшее более чем в 8 раз. Размер этого обеспечения должен быть достаточным для выполнения службы, но отнюдь не для того, чтобы иметь излишнее богатство. Нетрудовое богатство вельмож Ермолай отвергал как несправедливое.

¹ См. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л. 1926, стр. 195—196.

² См. там же, стр. 197.

³ Там же.

⁴ См. В. Ф. Ржигза, Литературная деятельность Ермолая-Еразма, «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л. 1926, стр. 153—154.

⁵ «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л. 1926, стр. 194.

Ермолай предлагал, далее, установить прямую связь между военной службой феодала и его материальным обеспечением. Кто получает от царя землю в размере одного четвероугольного поприща, тот должен быть на службе сам с одним слугою в бронях. Если же кому дано земли больше, то с каждых десяти полных крестьянских наделов выставляется один воин¹. Он считал, что для того чтобы царь имел возможность быстро собрать войско и чтобы люди не имели возможности уклоняться от службы, следовало запретить воинам жить в сёлах и деревнях, а селиться в городах, куда крестьяне и должны привозить им хлеб, сено и дрова².

В целях повышения нравственности в стране Ермолай советует царю осуществить мероприятия, направленные против пьянства и разбоя. Он рекомендует закрыть повсюду корчмы, так как они являются рассадником пьянства и других пороков, запретить разведение хмеля, а также запретить кузнецам ковать ножи с острыми концами³.

Таково содержание экономико-политического трактата Ермолая-Еразма. Трактат является интересным памятником истории русской экономической мысли.

Ермолай пытается здесь решить вопрос о создании экономической основы централизованного Русского государства. Эту основу он видит в поместном служилом землевладении. «Бояре», «воеводы», «воины» служат Русскому государству и за это получают от царя землю с обрабатывающими её крестьянами.

В своём понимании основного социального отношения рассматриваемой эпохи — отношения феодалов и крестьян — Ермолай твёрдо стоит на позиции признания существовавшего тогда феодального строя общественной жизни. Во всех своих рассуждениях он отнюдь не выходит за рамки этого строя, основанного на эксплуатации землевладельцами труда зависимых от них крестьян.

Для понимания Ермолаем прав землевладельцев на труд крестьян и обязанностей крестьян в отношении землевладельцев характерно, однако, то, что это право одних и обязанности других Ермолай непосредственно связывает с несением землевладельцами военной и государственной службы. В понимании феодальных прав служителей царя и феодальных повинностей крестьян Ермолай стоит на той же позиции, которая была характерна для Ивана III, положившего начало поместной

¹ См. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л. 1926, стр. 197.

² См. там же.

³ См. там же, стр. 198—199.

системе землевладения, и Ивана IV, полностью развернувшего создание этой системы.

Ермолай рассматривает право феодалов на владение землёй и крестьянским трудом только как оборотную сторону обязанности их служить царю. Ясно видна, таким образом, непосредственная обусловленность воззрений Ермолая на основу взаимоотношений класса феодалов и крестьян экономическим положением России в XVI в. и политическим процессом создания и укрепления централизованного государства.

В отношении «вельмож» Ермолай был настроен критически. Хотя его позиция в этом вопросе была далеко не такой чёткой и последовательной, как Пересветова, всё же своим проектом реформы крупного феодального землевладения Ермолай отражал прежде всего интересы новой, прогрессивной части класса феодалов — служилого дворянства. Предложенная им царю реформа в области землевладения — раздача земли и крестьян служилым людям, диктовавшаяся задачами создания и укрепления централизованного государства, непосредственно отвечала интересам дворянства и шла вразрез с интересами родового боярства.

Следует отметить, что, подробно обосновывая предложенную им реформу, Ермолай вместе с тем ни слова не говорил о монастырском землевладении как одном из возможных источников земельного фонда для служилых людей. В его проекте фигурируют просто «ратаи», без указания того, на чьих именно землях должны размещаться служилые люди царя. Молчание Ермолая по этому вопросу можно истолковать скорее всего как согласие его с тем положением дела, которое тогда существовало, т. е. с неприкосновенностью монастырского землевладения.

Предложенный Ермолаем проект материального обеспечения служилых людей путём размещения их на земле был направлен на укрепление феодального централизованного государства и в этом смысле имел прогрессивное значение. Иван IV в широких масштабах осуществлял именно такую политику. Ермолай выступал идеологом, выразителем непосредственных интересов служилого дворянства.

Но эта характеристика классовой позиции Ермолая-Еразма является неполной. От Ивана IV и других идеологов дворянства, таких, как Пересветов, Ермолай выгодно отличался большим вниманием к нуждам угнетённого крестьянства. Интерес к положению крестьянства, желание облегчить его участь красной нитью проходят через весь трактат Ермолая.

Он подчёркивает огромное значение крестьянского труда для страны, рисует тяжёлое положение крестьянства и предлагает систему мероприятий, направленных на улучшение положения крестьянской массы. Но при всём его стремлении улуч-

шить положение крестьянства Ермолай-Еразм неизменно остаётся идеологом именно служилого дворянства, а не выразителем и представителем интересов крестьянства, как утверждают некоторые исследователи¹. Неправильно определять воззрения Ермолая как демократические, народнические. «Демократизм», «народничество» — эти понятия никак не подходят к мыслителям и деятелям России XVI в., способствовавшим укреплению неограниченной монархии и её экономической основы — феодального поместного землевладения. Точно так же нельзя, как это делает Р. Ю. Виппер, рассматривать стремление Ермолая помочь крестьянским массам просто как результат его знакомства с законодательством византийских императоров².

В своём проекте реформ Ермолай пытался согласовать интересы различных классов феодального общества — задача явно невыполнимая. Он хотел обеспечить материальные потребности централизованного государства так, чтобы при этом были соблюдены реальные интересы всех классов общества — служилого дворянства, крестьянства, купечества, и потерпели бы ущерб интересы только знатного боярства. Он надеялся примирить интересы дворянства и крестьянства, что указывает на утопизм его проекта в этом центральном пункте его предложений.

В то время как предложение Ермолая обеспечить служилое дворянство даровым продуктом, получаемым от феодально зависимых крестьян, вскоре получило в политике Ивана IV широкую реализацию, забота Ермолая об улучшении положения крестьян осталась не более как его благим пожеланием. Действительность развивалась в сторону не облегчения, а, наоборот, всё большего угнетения крестьянских масс феодалами и феодальным государством. В вопросе об обеспечении интересов служилого дворянства Ермолай оказался реальным политиком, в вопросе же об интересах крестьянства — не более как утопистом. Он хотел примирить непримиримое — интересы эксплуатируемого крестьянства, с одной стороны, эксплуататоров-дворян и феодального государства — с другой.

Ермолай хотел значительно сократить долю продукта труда крестьянина, идущую феодалу. Между тем с развитием товарного производства феодалы повышали свои притязания на даровой крестьянский труд. Рост барщины означал дальнейший

¹ См. Р. Ю. Виппер, Иван Грозный, М. 1922, стр. 38; В. Ф. Ржигза, Литературная деятельность Ермолая-Еразма, «Летопись занятий Археологической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л. 1926, стр. 188; И. У. Будовниц, Русская публицистика XVI века, АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 221.

² См. Р. Ю. Виппер, Иван Грозный, АН СССР, М.—Л. 1944, стр. 39.

рост эксплуатации крестьян. Столь же утопическим оказалось и требование Ермолая отменить все денежные платежи крестьянства феодалам и государству. В условиях роста рынка требование Ермолая вернуться целиком к натуральному обложению крестьян являлось не только утопическим, но и по существу реакционным, поскольку оно шло вразрез с экономически прогрессивным процессом роста товарно-денежных отношений в стране. Неосуществлённым осталось и его предложение освободить крестьян от ямской повинности.

Иное значение имели предложения Ермолая об укрупнении единицы измерения земли и об отмене системы кормлений. Историки отмечали связь между этими предложениями Ермолая и реформами Ивана IV в 50-х годах XVI в. Проект Ермолая — заменить мелкую единицу измерения земли — «четверть» более крупной единицей — «четверогранным поприщем», возможно, оказал некоторое влияние на Ивана IV: в начатой с середины XVI в. переписи земель применялась уже так называемая «большая соха» — новая, более крупная единица податного обложения. Эта мера близка к той, которую предлагал Ермолай¹. Несомненно одно: в предлагавшемся Ермолаем проекте реформы единицы измерения земли речь шла о практически назревшем вопросе, и Ермолай наметил реальный путь решения этого вопроса.

Практически назревшим был и вопрос об отмене системы кормлений. Она была отменена Иваном IV в 1555 г.

Таковы экономические воззрения Ермолая-Еразма. Как мы показали, в своём оригинальном трактате Ермолай развил интересные, широкие взгляды на острые вопросы современности. Его проект материального обеспечения служилых людей диктовался прогрессивными задачами создания и укрепления централизованного Русского государства. Прогрессивными были и его предложения отменить систему кормлений, укрупнить единицу измерения земли.

Предлагавшиеся же Ермолаем-Еразмом меры по улучшению положения крестьянства носили утопический характер, ибо он считал возможным улучшить положение крестьянства в условиях сохранения основ феодальной эксплуатации.

¹ См. П. Н. Миллюков, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, Сиб. 1892, стр. 76.

Глава шестая

ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Политика в области землевладения. Усиление крепостного права

истории развития Русского государства Ивану Грозному принадлежит выдающееся место. Он настойчиво боролся с остатками феодальной раздробленности в стране, боролся за единство Русского государства, его мощь.

Большое значение для завершения образования централизованного государства имели проведённые в 50-х годах XVI в. реформы. В целях усиления государственного аппарата были созданы новые приказы, осуществлена реформа местного управления в сторону усиления роли центральных органов, отменено ставшее тормозом на пути централизации государства управление на местах посредством наместников и волостелей. Проведена была судебная реформа. Созданием нового Судебника (1550 г.) было введено единое для всей страны судопроизводство. Осуществлена реформа в области финансов, отменена система кормлений.

Покорением Казанского и Астраханского ханств была устранена угроза татарских набегов и обеспечена безопасность восточной и юго-восточной границ Русского государства.

Учредив опричнину (1565—1572 гг.), Иван Грозный нанёс сокрушительный удар реакционной феодальной аристократии — княжеской и боярской знати с её сепаратистскими устремлениями. Вместе с тем была возвышена другая, новая группа класса феодалов — служилое дворянство. Опричное войско сыграло исторически прогрессивную роль.

Иван IV проводил активную и смелую внешнюю политику. Он упорно боролся за ликвидацию барьера на Западе, созданного Польшей, Ливонией и Швецией, за установление для России прямого пути в Западную Европу. «Он, — писал Маркс об Иване Грозном, — был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к

*Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой. Вот причина, почему Петр I так им восхищался!»*¹.

Иван IV был широко образованным человеком, одним из наиболее образованных русских людей того времени.

В знаменитых посланиях изменнику князю А. Курбскому Иван IV дал развёрнутое принципиальное обоснование своей борьбы за установление неограниченной, самодержавной власти, борьбы против реакционного боярства. Мотивировалась эта борьба интересами Русского государства.

Многогранная экономическая политика Ивана Грозного была подчинена основной цели: упрочению единства Русского государства, укреплению самодержавной власти царя.

Политические воззрения Ивана IV и его экономическая политика получили своё выражение в царском Судебнике 1550 г.², в «царских вопросах» на Стоглавом соборе (1551 г.)³, в различных указах Ивана IV, определивших реформы 50-х годов и последующего времени⁴, в уставных и таможенных грамотах Ивана IV⁵, в учреждении опричнины.

Из литературных произведений Грозного наибольшее значение для истории русской экономической мысли имеют первое послание его князю Курбскому (1564 г.), послание английской королеве Елизавете (1570 г.), послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.)⁶.

* * *

В системе тесно связанных между собою различных экономических мероприятий, проводившихся Иваном IV, наиболее важным являются его мероприятия в области крупного феодального землевладения. Земельная политика Ивана IV была направлена на укрепление служилого дворянства, составлявшего социальную опору самодержавия. Он продолжал осуществлять ту линию, которая была намечена ещё Иваном III в этой

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, 1946, стр. 165.

² См. «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 135—177.

³ См. «Стоглав», Казань 1862, и другие издания; И. Н. Жданов, Материалы для истории Стоглавого собора, Соч., т. 1, Спб. 1904, стр. 171—272.

⁴ См. «Указная книга ведомства казначеев», «Христоматия по истории русского права», сост. М. Ф. Владимирский-Буданов, вып. 3, изд. 3, Спб. 1889, стр. 1—42; М. Дьяконов, Очерки общественного и государственного строя древней Руси, т. 1, Юрьев 1907, стр. 222—224.

⁵ См. Н. Загоскин, «Уставные грамоты XIV—XVI веков, определяющие порядок местного правительственного управления», вып. 1, Казань 1875; вып. 2, Казань 1876.

⁶ См. «Послания Ивана Грозного», АН СССР, М.—Л. 1951.

области экономической политики. Основным в земельной политике Ивана IV являлось усиленное насаждение поместного землевладения. Одним из первых больших мероприятий в этом отношении явилось испомещение в 1550 г. 1 070 «лучших слуг» вокруг Москвы. Эта так называемая «избранная тысяча» была составлена главным образом из городских служилых людей, провинциальных «детей боярских». Были в ней также бояре и окольниковичие. Из фонда царского двора им были предоставлены поместья. Размер поместий был неодинаковым: боярам и окольниковичим, не имевшим своих вотчин под Москвой, предоставлялись поместья размером по 200 четвертей пашни в поле, т. е. 300 десятин в трёх полях; дворянам и детям боярским давалось по 200, 150 и 100 четвертей в каждом поле, в зависимости от чина. «Тысячники» были влиты в состав государева двора; они занимали командные посты в армии и высшие должности в государственном аппарате¹.

Наделение служилых людей землёй под Москвой было одним из звеньев реформы, осуществлённой в 50-х годах. Смысл этой реформы заключался в законодательном установлении прямой связи крупного землевладения с военной службой государству и зависимости объёма этой службы от размеров землевладения.

Решающее значение наличия земельного фонда и обрабатывающего землю крестьянского труда для материального обеспечения служилых людей, при господстве натурального хозяйства, делает понятным огромное внимание Ивана IV к вопросам землевладения.

Иван IV завершил создание поместной системы землевладения.

Важным условием успешности проведения реформы феодального землевладения было, естественно, выявление размеров земельного фонда, которым царь мог распоряжаться для испомещения служилых людей. О необходимости измерения всех земель в государстве, кому бы они ни принадлежали, Иван IV говорил на Стоглавом соборе в 1551 г. Он хотел точно знать, кто владеет землёю, какими именно землями и в каком размере, с какой земли выполняется служба, с какой нет.

«Да приговорил есми писцов послати во всю свою землю писать и сметити и мои, царя, великаго князя, и митрополичи, и владычни, и монастырские, и церковные земли, княжеские, и боярские, и вотчинные, и поместные, и черные, и оброчные, и починки, и пустоши, и селища, и земецкие земли всякие, чье

¹ См. «Тысячная книга 1550 года и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века», АН СССР, М.—Л. 1950. Самый указ об испомещении см. в книге «Указатель Российских законов», изд. Л. Максимовичем, ч. 1, М. 1803, стр. 106.

ни буди, а мерити пашенная земля и не пашенная, и луги, и лес, и всякие угодыя смечати и писати, — реки, и озера, и пруды, и оброчные ловли, и колы, и сежи, и борти, и перевесы, и мыта, и мосты, и перевозы, и рядки, и торговища, и погостыцкая земля и церковная, и дворы, и огороды, и в книгах то все поставити. И кого чем пожалую, и по книгам жаловалные грамоты давати слово в слово для того, чтобы вперед тяжа не была о водах и о землях, — что кому дано, тот тем и владей, а утяжют кого черес письмо лишьком, и то имати на меня, царя и великаго князя, да и того ради, кто чего попросит, и яз ведаю, чем кого пожаловати, и хто чем нужен, и хто с чего служит, и то мне будет ведомо же, и жилое, и пустое»¹. Такое подробное описание земельного фонда всей страны было впервые предложено Иваном IV.

Для учёта вотчин царь предлагал завести особые — вотчинные книги, в которых должны точно записываться купля и продажа земли, обмен, передача в монастырь². Поместья также должны были записываться в книгу.

Таким образом, широкая программа измерения и учёта всех земель в стране была намечена в целях упорядочения землевладения, приведения его в соответствие с задачами централизованного феодального государства. Предусматривалось и перераспределение земель между феодальными владельцами: отобрание излишков земли у одних и предоставление земли другим служилым людям.

Эта программа осуществлялась в 50-е годы. В 1551 г. было предпринято измерение и описание земель. Правила измерения были определены в специальном царском наказе, служившем руководством для писцов³.

Измерение земель диктовалось и финансовыми потребностями государства. В стране была введена единообразная и более крупная единица обложения, так называемая «большая московская соха».

В 1555 г. (или 1556 г.) было издано Уложение о службе с вотчин и поместий. Вотчинники обязаны были нести военную или другую государственную службу, так же как помещики. Величина земельного оклада была установлена разная, в зависимости от родовитости служилого лица и от чина его по службе. Для дворян низших разрядов оклад был установлен в размере 300 четвертей (150 десятин) в трёх полях; максимальный оклад определён в 6 тыс. четвертей (для некоторых

¹ См. *И. Н. Жданов*, *Материалы для истории Стоглавого собора*, Соч., т. 1, Спб. 1904, стр. 186.

² См. там же, стр. 182—183.

³ См. там же, стр. 186—187 (сноска).

ИВАН IV

бояр). Кроме земельных окладов было установлено и денежное жалование.

Размером земельного оклада определялся объём военных обязанностей. С каждых 100 четвертей земли в одном поле должен был являться один человек на коне и в доспехах, а в дальний поход — с двумя конями.

Было проведено перераспределение земли между помещиками. Во Львовской летописи эта реформа описана так: «По сем же государь и сея размотри: которые вельможи и всякие воины и ини многими землями завладели, службою оскудеша, не против государева жалования и своих вотчинь служба их, государь же им ровнение творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша, преизлишки же разделиша неимущим, а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угоже земли человек на коне и в доспесе в полном, а в далной поход о дву конь»¹.

После смерти служилого человека поместье переходило к его сыну вместе с обязанностью службы.

Предоставляя служилым лицам поместья и привлекая вотчинников к несению службы, Иван IV вместе с тем добивался того, чтобы земля «из службы не выходила», не попадала бы в руки тех, кто неспособен нести военную или иную государственную службу.

* * *

В земельной политике Ивана IV важное место занимала политика в отношении вотчинного землевладения. Он осуществлял мероприятия, направленные на ограничение владельческих прав вотчинника. Это ограничение проводилось путём сужения круга лиц, имевших право приобретения вотчин, с одной стороны, и известного сужения права вотчинника распоряжаться своей вотчиной — с другой.

Некоторые ограничения права распоряжения родовыми вотчинами были осуществлены ещё Иваном III и Василием III. Иван IV пошёл значительно дальше по этому пути. Сложным и спорным среди историков является вопрос о том, какова социальная направленность Судебника Ивана IV в той его части, где речь идёт о вотчине.

В Судебнике 1550 г. имеется специальная статья о вотчинах, определяющая условия продажи и купли, обмена, заклада и выкупа родовой вотчины (ст. 85). Аналогичной статьи в старом Судебнике (1497 г.) не было. О вотчинном выкупе были указы Ивана III и Василия III. Издание этих указов и появление в

¹ «Полное собрание русских летописей», т. XX, вторая половина, Спб. 1914, стр. 571.

Судебнике 1550 г. статьи, нормирующей продажу и куплю, обмен, заклад и выкуп родовой вотчины, говорит прежде всего о том, что эти хозяйственные операции в рассматриваемую эпоху имели уже довольно значительное распространение. Оно свидетельствует вместе с тем о стремлении московских государей и в особенности Ивана IV воздействовать на эти операции в определенном направлении.

Пространная статья Судебника о вотчинах направлена на обеспечение интересов различных участников хозяйственных сделок с вотчиной. Более же конкретное определение её смысла, а главное — выявление её политической направленности в свете противоположных интересов различных частей феодального класса — князей и бояр, дворян, высшего духовенства — весьма затруднено ввиду слишком общего характера положений, сформулированных в этой статье.

Попытка конкретно определить политическое значение статьи 85 Судебника Ивана IV сделана И. И. Смирновым¹.

Право родового выкупа, пишет И. И. Смирнов, было одним из важнейших прав землевладельцев-вотчинников и являлось одним из устоев их могущества, так как давало им возможность противостоять угрозе перехода вотчинных имений через куплю-продажу в чужие руки. Статья 85 Судебника, по мнению И. И. Смирнова, весьма существенно ограничивает право родового выкупа.

Ударяя по интересам вотчинников, ослабляя родовые связи боярских и княжеских фамилий, она облегчает мобилизацию вотчинных земель, стимулирует переход их в новые руки. Статью Судебника 1550 г. о вотчинах И. И. Смирнов квалифицирует как мероприятие, направленное против княжат и бояр, как выражение антибоярской земельной политики правительства Ивана IV².

Такое толкование политического смысла рассматриваемой статьи Судебника о вотчинах встретило возражение со стороны Б. А. Романова³.

По мнению последнего, статья Судебника о вотчинах не может рассматриваться как орудие защиты интересов помещиков против князей и бояр. Включая статью 85 в Судебник, правительство царя Ивана в 1550 г. стояло на страже интересов светских вотчинников вообще, а не интересов помещиков про-

¹ См. И. И. Смирнов, Судебник 1550 года, «Исторические записки» № 24, АН СССР, 1947 г., стр. 318—322.

² Там же, стр. 322.

³ См. Б. А. Романов, К вопросу о земельной политике Избранной рады, «Исторические записки» № 38, АН СССР, 1951 г. То же — в комментариях к ст. 85 Судебника 1550 года, см. «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, 1952, стр. 297—319.

тив бояр и князей, как утверждает И. И. Смирнов, несколько упреждая ход событий¹.

Мнение Б. А. Романова кажется убедительным. Вместе с тем, рассматривая вопрос о праве родового выкупа исторически, было бы неправильно, как нам представляется, игнорировать постепенное изменение значения самого этого права.

В XVI в., в условиях развивавшегося рынка и денежного хозяйства, право родового выкупа было стеснением, а не привилегией владельца вотчины в распоряжении ею, поскольку это право фактически предполагало наличие согласия родичей на продажу вотчины. Продать вотчину её владелец мог только тогда, когда покупатель был уверен, что родичи продавца не выкупят её обратно, что она останется прочно в его руках.

Статья 85 Судебника не только фиксирует право родового выкупа, т. е. фактически стеснение права вотчинника в распоряжении своей вотчиной, но и строго определяет круг лиц, пользующихся правом родового выкупа, т. е. иначе говоря, само это ограничение прав вотчинника в распоряжении своей вотчиной ставит в известные, довольно узкие рамки: старое, издавна существовавшее право родового выкупа признаётся теперь только за определённым, узким кругом родичей, не бывших «послухами» (свидетелями) при продаже вотчины.

Статья 85 ничего не говорит о социальном лице покупателя вотчины, о его положении в феодальном централизованном государстве. А между тем основное направление земельной политики московских государей шло не по линии вообще сужения или расширения права родового выкупа вотчины, а по линии всё большего *прямого запрещения продажи вотчин* и приближения их к условному землевладению — поместью. Именно в этой области законодательства Ивана IV проявляется дворянская и антибоярская направленность его политики в вопросе о вотчинном землевладении.

Как об этом говорилось выше, русские князья периода феодальной раздробленности включали в договоры и пункт о непокупке вотчины в другом договариваемом княжестве. Это значило, что крупный феодал не мог продать свою землю лицу, находившемуся в другом княжестве. Такое ограничение владельческих прав феодала диктовалось, как было сказано, стремлением князей охранять свою самостоятельность, независимость от других князей.

Иной характер и значение получили ограничения права вотчинника в период создания и укрепления Русского централизованного государства — при Иване III, Василии III,

¹ См. Б. А. Романов, К вопросу о земельной политике Избранной рады, «Исторические записки» № 38, АН СССР, 1951 г., стр. 269.

Иване Грозном. Теперь всякие ограничения владельческих прав вотчинника были направлены на усиление, укрепление власти главы централизованного государства и уменьшение власти феодала-вотчинника. Не сохранение существующего положения, не взаимная гарантия прав разных договаривающихся сторон, как это имело место в эпоху феодальной раздробленности, а усиление политического могущества московского князя-даря путём ослабления силы и значения крупного феодала-вотчинника — таков смысл политики московских государей в вопросе о вотчине. Основная идея политики московских государей по отношению к вотчине заключалась в том, что вотчинная земля должна была служить московскому государю, а не являться основой сепаратистских устремлений крупных феодалов — князей и бояр.

Ограничения вотчинного права московскими государями коснулись поэтому в первую очередь тех крупных феодалов, со стороны которых более всего нужно было ожидать этого сепаратизма: потомков прежних удельных князей, служивших теперь московскому государю, и служилых людей в областях, вновь присоединённых к Москве. Тем и другим ещё при Иване III было запрещено отчуждать свои вотчины в неслужилые руки¹. Это запрещение было повторено Василием III. Последний запретил всем владельцам вотчин в некоторых районах — Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, на Белоозере, в Рязани — продавать вотчины людям других районов и давать вотчины «на помин души» в монастыри без доклада великому князю. А князьям Суздальским, Ярославским и Стародубским вообще было запрещено продавать без ведома великого князя вотчины кому бы то ни было, кроме своих вотчичей, и отдавать в монастыри.

Соборным приговором от 11 мая 1551 г. вотчинникам перечисленных выше районов была вновь запрещена продажа своих вотчин иногородним людям, а князьям Суздальским, Ярославским и Стародубским — всякая продажа своих вотчин без ведома царя. Было установлено, что вотчина, проданная в нарушение этого указа, отбирается у вотчинника, а деньги покупателя пропадали. Всем вотчинникам вообще (а не только указанных районов) было запрещено отдавать без ведома царя свои вотчины в монастыри «на помин души» под угрозой конфискации переданных вотчин².

Указом царя от 15 января 1562 г. запрещалось продавать, менять, отдавать в приданое родовые вотчины князей. Прода-

¹ См. А. Павлов, Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса 1871, стр. 122.

² См. «Стоглав», Казань 1862, стр. 430—434.

вать вотчину князя могли только в пределах ближайшего родства — братьям и племянникам. Вотчина умершего князя, а также боярина или сына боярского, у которых не было детей и близких родственников, поступала царю. Князь, не имеющий сына, может завещать свою вотчину брату, племяннику или кому другому из близких родственников, но только в том круге родства, в котором не разрешается брак. Однако это завещание вступает в исполнение лишь по указу государя. За вотчинником признано право отказать вотчину или часть её своей жене, но только в пожизненное владение¹.

Указ 1562 г., значительно ограничивший права князей в распоряжении своей вотчиной, особенно интересен тем, что он был издан в год, уже близкий ко времени создания Иваном IV опричнины.

Ограничения права распоряжения вотчинами были вновь подтверждены и ещё более усилены законом от 9 октября 1572 г. В этом законе говорилось не только о княжеских вотчинах, но и о боярских. В нём проводилось также различие вотчин старинных, родовых, и вотчин, жалованных государем.

Условия, указанные законом 1562 г., относились только к родовым вотчинам. В законе 1572 г. указано, что вотчина, полученная по царской грамоте, по смерти её владельца переходит к его жене, детям, роду только в том случае, если это было предусмотрено жалованной грамотой; в противном же случае она переходит к государю, хотя бы у владельца вотчины и оставались дети.

Право наследования родовой вотчины законом 1572 г. было ограничено и в том отношении, что могло простираться не далее третьего колена («а дале внучат вотчин не отдавати роду»).

Запрещено было давать вотчины «на помин души» в большие монастыри, имевшие много вотчин².

Все эти ограничения прав владельца по распоряжению своей вотчиной означали вместе с тем усиление права царя в отношении вотчин и вели ко всё большему сближению между вотчиной и поместьем, как двумя формами феодального землевладения.

Законодательство Ивана IV было направлено на то, чтобы и вотчинная земля использовалась для службы государству. Иван IV насаждал поместную систему землевладения, а вотчинное землевладение ограничивал. Насаждение поместной

¹ См. «Христоматия по истории русского права», сост. М. Ф. Владимирский-Буданов, вып. 3, изд. 3, Сиб. 1889, стр. 28—32.

² См. там же, стр. 32—34.

системы землевладения и сближение вотчины с поместьем были продиктованы задачами укрепления единства государства и самодержавной власти царя. Вотчинное землевладение, в эпоху феодальной раздробленности служившее экономической основой политической силы удельных князей и бояр, теперь было уже весьма ограничено, и не только в количественном отношении к поместью, но и в смысле объёма прав вотчинника.

Вотчинное землевладение всё более становилось условным, связанным со службою вотчинника. Это получило своё выражение и в эволюции жалованных грамот. Практиковавшаяся московскими князьями выдача жалованных грамот уже сама по себе, как сказано выше, была связана с ограничением не только круга феодалов, пользовавшихся правом иммунитета, но и объёма привилегий феодалов, получавших эти грамоты. Иммунитет вотчинников несовместим с полным политическим единством феодального государства и с самодержавием государя. Иммунитет означает известное ограничение прав князя-государя в отношении населения вотчины, имеющей иммунитет. Укрепление политического единства страны, централизация политической власти в форме самодержавной монархии требуют уничтожения иммунитетных прав феодала-вотчинника. Борясь за ликвидацию остатков феодальной раздробленности, за усиление своей самодержавной власти, Иван IV последовательно проводил политику ликвидации иммунитета. Эта политика получила резкое выражение уже в Судебнике 1550 г. Статья 43 царского Судебника гласила: «Тарханных вперед не давати никому; а старые тарханные грамоты поимати у всех»¹. Согласно той же статье Судебника, впредь выдавать можно по повелению царя только «льготные» грамоты, «уставные» и «полетные».

П. П. Смирнов полагал, что содержанием тарханных грамот было освобождение от уплаты проезжих и торговых пошлин, от тягла и служб, тогда как по грамотам льготным, уставным и полетным грамотчики получали лишь льготу, определённый размер платежей или рассрочку в платежах².

Собором 1584 г., уже при царе Фёдоре Ивановиче, были отменены тарханы для церковных учреждений, освобождавшие их от царских податей и земских разметов.

Ликвидация тарханов наносила сильный удар по крупному феодальному привилегированному землевладению³.

¹ «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 153.

² См. П. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1, АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 113.

³ Об иммунитете см. также И. И. Смирнов, Судебник 1550 года, «Исторические записки» № 24, 1947 г.; В. А. Романов, Судебник Ивана Грозного, «Исторические записки» № 29, 1949 г.

Кульминационным пунктом внутренней, в том числе земельной, политики Ивана IV было создание опричнины (1565—1572 гг.). Опричнина означала особый, новый этап политики Ивана IV в отношении вотчин.

В советской исторической литературе раскрыт политический смысл учреждения опричнины и её экономическая сторона¹.

Исторически прогрессивное значение опричнины заключалось в разгроме княжеско-боярской аристократии, сокрушении власти боярства, ликвидации остатков феодальной раздробленности и укреплении единого централизованного Русского государства.

Разгром Иваном IV княжеско-боярской знати сопровождался ростом и усилением дворянства.

Опричнина представляет, несомненно, большой интерес и при изучении истории русской экономической мысли, так как опричнина связана с определённой экономической политикой Ивана IV.

Наследственная вотчина являлась экономической базой политической силы князей и бояр, их стремления сохранять независимость по отношению к царской власти, участвовать в управлении страной. Стремясь разбить политическую власть феодальной аристократии и утвердить своё самодержавие, Иван IV посредством опричнины нанёс удар по экономической основе могущества князей и бояр — их крупному наследственному землевладению, вотчине. Во время опричнины осуществлялась массовая конфискация княжеско-боярских вотчин.

Опричниной была охвачена огромная территория — около половины всего государства, в том числе центр и важные районы, где было особенно много старинных княжеских и боярских вотчин².

Князья и бояре, ревниво оберегавшие свою власть от притязаний царской власти, были изгнаны из своих родовых гнёзд — вотчин, отчасти физически уничтожены, отчасти переведены в новые районы страны, где они уже не могли представлять реальной опасности для государства. Княжеско-боярская земля конфисковывалась и раздавалась в поместья мелким служилым людям, преданным царю. В результате опричнины произошла большая передвижка в феодальном землевладении. Опричнина была политикой уничтожения экономической базы власти князей и бояр.

¹ См. *Р. Ю. Виппер*, Иван Грозный, АН СССР, М.—Л. 1944 (первое изд. в 1922 г.); *С. Ф. Платонов*, Иван Грозный, Петроград 1923; *С. Бахрушин*, Иван Грозный, «Большевик» № 13, 1943 г.; *П. А. Садилов*, Очерки по истории опричнины, АН СССР, М.—Л. 1950 и др.

² См. *П. А. Садилов*, Очерки по истории опричнины, АН СССР, М.—Л. 1950, стр. 21 и др.

Изменение в надстройке — создание централизованного Русского государства вместо существовавших ранее многих раздробленных «полугосударств» было обусловлено изменениями, совершившимися в базисе общества — феодальных производственных отношениях. В свою очередь надстройка — централизованное феодальное государство — было использовано для дальнейшего укрепления базиса общества — феодального экономического строя путём насаждения поместного землевладения и расширения крепостнической эксплуатации крестьянства.

Решительно подрывая самую основу политической силы князей и бояр, Иван IV показал себя как крупнейший политический деятель, ясно видевший задачу своего времени и непреклонно боровшийся за решение этой задачи. Но разгром крупной феодальной княжеско-боярской вотчины вёл не к уничтожению феодального землевладения вообще, а к росту другой его формы — служилого, дворянского землевладения и дальнейшему закабалению крестьянства.

* * *

Гораздо менее решительной и значимой была политика Ивана IV по отношению к землевладению духовных феодалов: митрополитов, епископов, монастырей. В отношении этой части феодального землевладения политика Ивана IV, как и его деда и отца, отличалась двойственностью. Церковь была серьёзным союзником самодержавной власти в борьбе за укрепление централизованного государства. Поэтому Иван IV не решился отнять у церкви, монастырей огромные земельные фонды для государственных целей.

Однако он усилил государственный контроль над монастырским хозяйством и стремился положить конец дальнейшему росту монастырского землевладения.

Ещё великий князь Василий III активно вмешивался во внутренние дела монастырей, в управление монастырским хозяйством. Он назначал игуменов монастырей, давал им наказания, «как беречь казну и доволить братию», требовал от них строгой отчётности в расходовании денег, для чего завёл порядок приёма и сдачи монастырских имуществ настоятелями по описям, составляемым великокняжескими писцами. «...При Василии Ивановиче монастыри в первый раз подчинены были *правильному* государственному контролю, который, в конце концов, вёл к полной экономической зависимости их от правительства»¹. Этот контроль государства почти прекратился в годы малолетства Ивана IV.

¹ А. Павлов, Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса 1871, стр. 100—101.

На Стоглавом соборе в 1551 г. Иван IV выступил с яркой обличительной речью в форме «вопросов» по адресу монастырских верхов, обвиняя их, в духе «нестяжателей», в неправильном расходовании монастырских средств, в грубом нарушении монастырского устава жизни, в стремлении монастырей жить за счёт государства.

В монастыри, говорил Иван IV, иные чернецы и попы постригаются для телесного покоя, чтобы всегда бражничать, и разъезжают по монастырским сёлам в своё удовольствие. Некоторые архимандриты и игумены «докупаются» своих мест, не знают ни службы церковной, ни братства, ни общей трапезы, а покоят себя в келье с гостями, да родственников своих помещают в монастыри и по сёлам на всём монастырском содержании; а старых слуг и вкладчиков выживают вон, чем опустошают монастыри. Монастыри получают вотчины на помин души, покупают себе вотчины и сёла, припрашивают угодыя у царя, имеют тарханные, льготные и несудимые грамоты. Между тем пища и питьё монахов стали хуже, строенья никакого вновь не прибавилось, а старое опустело. Где те прибыли и кто ими корыстуется? ¹.

Собор принял наказ монастырям, по которому контроль над монастырской казной и правильностью её расходования был возложен на царских чиновников, дворецких и дьяков.

Иван IV выступил на Соборе против ростовщичества церкви и монастырей. Церковную и монастырскую казну, говорил он, дают в рост, а божественное писание и мирянам возбраняет ростовщичество, тем более — церкви ². В ответ на это выступление Собор предложил архиереям и монастырям давать своим крестьянам хлеб и деньги взаймы без процентов — «того для, чтобы за ними христиане жили и села бы их были не пусты» ³, иными словами, чтобы крестьяне не разбегались с монастырской земли.

Но основным на Соборе был вопрос о монастырском землевладении. Учитывая настоятельную потребность государства в наличии свободного земельного фонда для испомещения служилых людей, Иван IV стремился положить конец росту монастырского землевладения в стране. Вместе с тем он не затрагивал сколько-нибудь серьёзно существующего церковно-монастырского землевладения, не делал серьёзных покушений на наличное богатство церкви и монастырей. Соборным приговором в мае 1551 г. было запрещено архиереям и монастырям как покупать чьи бы то ни было вотчины, так и принимать их

¹ См. «Стоглав», Казань 1862, стр. 54—56, 60.

² См. там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 345.

по духовным завещаниям без разрешения царя. Вотчины, которые впредь будут в нарушение этого постановления куплены или получены по духовным завещаниям архиереями и монастырями, должны поступать безденежно на государя, т. е. конфисковываться.

Вотчины, переданные в монастыри по духовным завещаниям ранее, до Соборного приговора 1551 г., в нарушение прежнего указа Ивана III, подлежали отобранию на государя с уплатой монастырям их стоимости, а вотчины, ранее, до 1551 г., переданные в монастыри по душам, но не входившие в круг вотчин, предусмотренных указом Василия III, оставлены и впредь за монастырями.

Собор постановил возвратить, по розыску, прежним владельцам те поместные и «чёрные земли», которые были отняты архиереями и монастырями у детей боярских и крестьян за долги или которые были неправильно записаны за ними писцами. Было постановлено также, что сёла, волости, рыбные ловли и оброчные деревни, розданные архиереям и монастырям боярами в малолетство Ивана IV, должны быть отобраны и закреплены за теми, кому они принадлежали при Василии III¹.

Тот факт, что в дальнейшем потребовался ещё не один царский указ по вопросу о монастырском землевладении, говорит о том, что Соборное постановление 1551 г., запрещавшее прирост монастырских земель путём покупки их и получения по духовным завещаниям, далеко не твёрдо проводилось в жизнь. Это запрещение было повторено в 1562 г., в 1572 г. и, наконец, в 1580 г.

9 октября 1572 г. Собор духовенства и бояр вынес решение: «В большие монастыри, где вотчины много, вперед вотчин не давати; а которая будет вотчина и написана, ино ее в поместной избе не записывати, а отдавати се роду и племяни служилым людем, чтоб в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила»².

Запрещение давать вотчины монастырям касалось только больших монастырей. Небольшим монастырям, у которых было мало земли, разрешалось давать вотчины и впредь, но только по докладу государю и боярскому приговору.

Но и этот закон плохо проводился в жизнь. Монастыри продолжали приобретать себе земли путём покупок, принятием «на помин души» и в заклад. Опальные бояре, постригаясь в монахи, должны были по обычаю внести туда часть своих вотчин. Вотчинники, опасаясь опалы и возможности вовсе лишиться

¹ См. «Стоглав», Казань 1862, стр. 430—434.

² «Указная книга ведомства казначеев», «Христоматия по истории русского права», сост. М. Ф. Владимирский-Буданов, вып. 3, изд. 3, Спб. 1889, стр. 34. (Курсив мой. — А. П.)

своего владения, вступали в тайные сделки с монастырями, чтобы сохранить что-либо себе и семейству. Под видом отказа по душам, займа под залог вотчин, предварительного вклада на пострижение совершалась фактическая купля-продажа земли¹. И сам царь нередко отдавал монастырям вотчинные земли.

Постригаясь в монахи, бояре и в монастырях стремились занять особое, привилегированное положение. В 1573 г. Иван IV написал одно из наиболее выдающихся своих литературных произведений — «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь»². Гневными словами он бичевал вопиющие нарушения устава монастырской жизни, обвиняя в этом прежде всего знатных пострижников — бояр. В монастырях, писал он, между людьми должно быть равенство и братство, здесь нет места различию между свободным и рабом, боярином и холопом. На деле же бояре и в монастырях пользуются всякими привилегиями. «А ныне то и слово: тот знатен, а тот еще выше, — так тут и братства нет. Ведь когда люди равны, тут и братство, а коли не равны, какому тут быть братству? А так и иноческая жизнь невозможна. Теперь же бояре своими пороками разрушили порядок во всех монастырях»³. Он осуждает монастыри за то, что они гонятся за боярами и оправдывают это «постыдными словами», что если монастырям не знать с боярами, то монастыри будто бы оскудеют без даяний. Постриженные бояре, пишет Иван IV, должны выполнять устав иноческой жизни наравне с другими, а не выступать в роли влиятельных покровителей монастыря.

Послание Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь «в значительной степени направлено против превращения монастырей в боярских вассалов или в замаскированные боярские вотчины»⁴, — справедливо пишет Я. С. Лурье в комментариях к «Посланиям».

На Соборе 1580 г. Иван IV вновь выступил с требованием прекратить рост монастырских земель, мотивируя это бедственным состоянием страны, изнурённой войнами. В то время, говорил царь, как все сословия, кроме духовенства, несут жертвы, духовенство использует своё влияние и богатство, чтобы увеличить свои владения. Соборным приговором 15 января 1580 г. была провозглашена неприкосновенность наличных

¹ См. А. Павлов, Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса 1871, стр. 149—150.

² См. «Послания Ивана Грозного», АН СССР, М.—Л. 1951, стр. 351—369.

³ Там же, стр. 365.

⁴ См. «Послания Ивана Грозного», АН СССР, М.—Л. 1951. Приложение, стр. 480.

владений церкви и монастырей, полученных по завещаниям «на помин души», а вместе с тем категорически запрещено архиереям и монастырям увеличивать свои земельные владения каким бы то ни было способом — покупкой, приёмом в заклад и «по душам». Все такие приобретения церкви и монастырей впредь должны были отбираться безденежно на государя. Но за бедными монастырями и впредь было оставлено право просить царя о предоставлении им земли. Вотчинникам предоставлено право завещать в монастыри вместо вотчины соответствующую её цене денежную сумму, которую должны выплачивать монастырю наследники завещателя. Все вотчины, купленные или взятые в заклад архиереями и монастырями у служилых людей до 15 января 1580 г., подлежали отобранию на государя¹.

Подводя итоги этому вопросу, можно сказать, что политика Ивана IV в вопросе о монастырском землевладении была мало эффективной. А. Павлов, ещё в прошлом веке исследовавший вопрос об отношении общественной мысли и государства XVI в. к поземельным владениям русской церкви, подчёркивал необходимость «вообще не преувеличивать действительного значения законодательных мер Ивана IV по вопросу о монастырских и церковных вотчинах. Он не только не спас России от обращения в монастырскую собственность, как утверждают некоторые, но едва ли не более всех своих предшественников содействовал чрезвычайному обогащению монастырей землями»².

* * *

Образование и укрепление централизованного государства имело огромное значение для судеб русского народа: централизованное государство обеспечило сохранение независимости страны, рост её производительных сил, дальнейший рост русской культуры. Вместе с тем оно было связано с политическим и экономическим возвышением нового слоя класса феодалов — дворянства и с закрепощением широких масс трудящихся — крестьян.

Укрепление позиций служилого дворянства, разгром княжеско-боярской аристократии шли вместе с резким ухудшением экономического и политического положения крестьянства.

¹ См. «Собрание государственных грамот и договоров», ч. 1, № 200, М. 1813, стр. 583—585; А. Павлов, Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса 1871, стр. 144—145.

² А. Павлов, Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса 1871, стр. 151. Имеется в виду усиленная передача вотчинниками своих земель монастырям, а также раздача монастырям вотчин самим Иваном IV.

Централизованное государство весьма усиливало класс феодалов в его отношении к крестьянству. Оно служило средством удержания в узде непосредственных производителей. Крестьянство должно было теперь ещё больше прежнего нести тяготы в пользу феодалов и феодального государства.

Повествуя о важнейших событиях 1547 г., великом пожаре в Москве и последовавшем за ним московском антибоярском восстании, летописец сообщает и о том, что «тое же зимы царь и великий князь велел дань имати с сохи по 12 рублей, и оттого *крестьяном тегота была великая*»¹.

В 1549 г., выступая перед боярами, окольниковыми, дворецкими и казначеями на так называемом «Соборе примирения», Иван IV упрекал их за то, что «до ево царскаго возрасту от них и от их людей детем боярским и *крестьянам* чинилися силы и продажи и обиды великия в землях и в холопех и вы иных обидных делех»². Царь призвал бояр в дальнейшем не причинять детям боярским и *крестьянам* никаких обид, угрожая обидчикам опалой и казнию.

Иначе говоря, под свою защиту от насилия, произвола бояр, окольниковых, дворецких и казначеев он обещает взять не только «детей боярских», т. е. низший слой феодалов, но и «крестьян». Но эта часть декларативного заявления осталась лишь словами, на деле же только дети боярские и дворяне действительно стали предметом внимания и забот Ивана IV.

Политика Ивана IV в крестьянском вопросе шла по линии всё большего подчинения крестьян помещикам. Эта политика определялась и направлялась главным образом интересами дворянства.

Важнейшими мероприятиями Ивана IV в отношении крестьянства и вместе с тем определёнными этапами его политики в этой области явились: 1) Судебник 1550 г., 2) раздача «чёрных» земель помещикам, 3) опричнина и 4) отмена Юрьева дня.

Судебник 1550 г. (ст. 88) полностью воспроизводил положение Судебника 1497 г. о крестьянском отказе.

Вместе с тем он вносил некоторые поправки и дополнения в соответствующую статью прежнего Судебника: был увеличен размер и уточнён порядок взимания «пожилого», добавлено о «земленом хлебе», т. е. озимом поле, засеянном уходящим крестьянином. За ушедшим крестьянином сохранялось право на снятие урожая с поля, которое он засеял, но с обязательством платить с этой земли подать. Добавлено, что уходящий крестьянин обязан уплатить землевладельцу «за повоз», т. е.

¹ «Полное собрание русских летописей», т. XXII, ч. 1, Спб. 1911, стр. 527. (Курсив мой. — А. П.)

² Там же, стр. 528—529. (Курсив мой. — А. П.)

компенсировать ему повозную повинность, которая выполнялась крестьянами зимой¹.

Таким образом, Судебник 1550 г. не только подтвердил уже существовавшее ограничение права крестьянского отказа одним сроком в год, но и усилил экономическую трудность для крестьянина ухода от землевладельца в этот срок, поскольку крестьянин должен был выплачивать больше, чем прежде.

Иван IV насаждал в России дворянские поместья не только за счёт дворцовых земель, боярских вотчин, но и за счёт черносошного крестьянства. Служилые люди получали поместья от царя также и на землях свободных крестьянских общин. Чёрные крестьянские волости сохранялись лишь в северных районах. В 1582 г. в других районах было предписано присоединить чёрные земли к дворцовому ведомству или отдать в поместье, или раздавать стрельцам, пушкарям и другим служилым людям низших разрядов².

Введение опричнины сильно отразилось на положении крестьянства. Опричники разоряли не только вотчины князей и бояр, но и хозяйства их крестьян. С дроблением крупных вотчин на мелкие поместья дробились и разбивались и крестьянские «миры», работавшие на этих землях. В погоне за рабочими руками опричники-землевладельцы часто насильственно увозили с собою крестьян от соседей — земских.

Помещики-опричники резко усиливали нажим на крестьянство путём захвата крестьянской земли и расширения помещичьей запашки за счёт крестьянской земли в пределах поместья, путём увеличения помещичьих сборов. Нередко они просто грабили крестьян, не заботясь о будущем³. По свидетельству современников, крестьянин за один год уплачивал опричнику-помещику столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет. Опричина принесла, таким образом, дальнейшее усиление феодальной эксплуатации крестьянства, явилась новым этапом в развитии крепостничества⁴.

Перестройка феодального землевладения, осуществлённая в короткий срок, — ломка княжеско-боярского землевладения и массовое насаждение помещичьих хозяйств вызвали резкое ухудшение положения крестьянства.

¹ См. «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 172—173; И. И. Смирнов, Судебник 1550 года, «Исторические записки» № 24, 1947 г., стр. 330—333.

² См. Д. Самоковасов, История русского права, М. 1906, стр. 517—518.

³ См. П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, АН СССР, М.—Л. 1950, стр. 54—56.

⁴ См. И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, 1606—1607, Госполитиздат, 1951, стр. 44 и др.

На плечи крестьянства пала и вся тяжесть долгой Ливонской войны.

В 70—80-х годах XVI в. разразился глубокий хозяйственный кризис, охвативший всю страну. Кризис выражался в огромном упадке хозяйства центральных, северо-западных и западных районов Русского государства. Крестьянское хозяйство было разорено помещиками, царскими податями. Крестьяне уходили на восточные и южные окраины страны. Резко сократились запашки, сёла и деревни пустели. Упала торговля, государственные финансы были расстроены.

В этих условиях развернулась острейшая борьба феодалов за рабочие руки, за даровой крестьянский труд. Экономические преимущества были на стороне богатых, сильных и знатных феодалов — светских и монастырских хозяйств, а мелкие помещичьи хозяйства не могли успешно конкурировать с ними. Крестьяне предпочитали жить за богатыми и знатными землевладельцами, за монастырями, пользуясь различными привилегиями. Знатные феодалы часто насильно вывозили крестьян от помещиков.

Иван IV провёл ряд мероприятий, направленных на укрепление экономических позиций дворянства. Важнейшим из них явилась отмена Юрьева дня.

В 1580 г. был издан закон о «заповедных годах», т. е. годах, в течение которых крестьянские выходы были запрещены. Первым «заповедным годом» явился 1581 год. Отмена права крестьянского выхода была объявлена временным явлением. Возможно, что это было, как полагают некоторые историки, лишь тактическим приёмом, чтобы избежать взрыва борьбы крестьянства против закона.

Закон 1580 г. явился юридическим актом огромного исторического значения: он означал официальное утверждение крепостного права в России. Крепостничество, существовавшее фактически давно, подготовленное всем ходом экономического и политического развития страны, теперь получило полную юридическую санкцию. Феодалное государство установило в отношении крестьян наиболее сильную форму внеэкономического принуждения. Надстройка — государственная власть — была использована господствующим классом — дворянством для укрепления базиса общества — феодальных производственных отношений.

В законе 1580 г. получила своё наиболее яркое выражение классовая природа политики Ивана IV как политики возвышения дворянства. Было узаконено прикрепление крестьян к земле, что давало дворянам возможность ещё более увеличить эксплуатацию крестьянского труда.

Тогда же — в 1581 г. была начата новая общая перепись земель в стране, продолжавшаяся до 1592 г. Крестьяне были

занесены в писцовые книги на тех землях, где их застали «заповедные годы». Запись в писцовые книги служила свидетельством права землевладельца на крестьян, живших на его земле. А в 1597 г. был издан закон о сыске беглых крестьян. По этому закону крестьяне, бежавшие от владельца земли в период после 1592 г., возвращались их прежнему владельцу.

Так было окончательно оформлено крепостное право в России. Закрепощение крестьянства и рост его эксплуатации в конце XVI в. подготовили грандиозную антифеодальную войну, развернувшуюся в начале XVII в. под руководством Ивана Болотникова¹.

Одним из вопросов, к которому в рассматриваемый период привлекалось большое внимание общественной мысли, являлся вопрос о холопстве. Всё чаще раздавались голоса о необходимости полной отмены этой формы принудительного труда. Выше говорилось об экономической основе такого направления общественной мысли. Какова же была политика государства в этом вопросе?

Иван IV проводил политику постепенного ограничения источников холопства. В холопы к крупным феодалам часто поступали и мелкие землевладельцы. Судебником 1550 г. (ст. 81) было запрещено принимать в холопы детей боярских служилых и их детей, кроме тех, которых государь оставит от службы². Как это видно из текста статьи, данной мерой пресекался уход дворян со службы путём поступления в холопы. Вместе с тем статья охраняла мелких служилых людей от потери личной свободы и таким образом непосредственно отвечала классовым интересам дворянства.

Выше было сказано, что уже Судебником 1497 г. суживались источники полного холопства. Служба тиуном и по ключу влекла за собою холопство только в деревне. По Судебнику 1550 г. и в деревне служба тиуном и по ключу уже не являлась источником холопства — за исключением холопства с доклада. Кроме того, было определено, что холоп не может продать своего сына, рождённого до холопства; не имели права продавать своих детей также родители, постригавшиеся в монахи и монахини (ст. 76)³.

Ряд статей Судебника 1550 г. отражал собою рост применения наёмного труда в народном хозяйстве России. В этих статьях видна тенденция государственной власти юридически

¹ См. *В. Д. Греков*, *Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века*, кн. II, изд. 2, М. 1954, стр. 231—333; *И. И. Смирнов*, *Восстание Болотникова, 1606—1607*, Госполитиздат, 1951, гл. 1.

² См. «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 170.

³ См. там же, стр. 168.

фиксировать отличие наёмного труда свободных людей от всех форм зависимого труда, предотвратить превращение свободных лиц, работающих в порядке личного найма, в холопов.

В этом отношении большой интерес представляет статья 78 царского Судебника, посвящённая вопросу о кабальных людях, служилой кабале.

В отличие от полных холопов, являвшихся рабами, кабальные люди представляли собой формально свободных людей, взявших на себя обязательство — служилую кабалу — работать на хозяина определённый договором срок вместо уплаты процента по займу¹.

В связи с ростом товарного производства и рынка, усилением роли денег служилая кабала получила в XVI в. широкое распространение, всё более вытесняя собою старые виды холопства — полного и докладного.

В Судебнике 1497 г. о кабальных людях ничего не говорилось, очевидно, ввиду незначительной распространённости тогда этой формы зависимого труда. Судебник же 1550 г. содержал в себе уже определённое государственное регламентирование кабальной зависимости: заключение кабальных сделок ставилось под контроль государства. Во-первых, была установлена максимальная сумма, на которую могла быть взята кабала, — 15 рублей; во-вторых, сделано обязательным официальное оформление служилой кабалы боярином и дьяком; в-третьих, было установлено, что принимать кабалу можно только на вольных людей, а на беглых холопов, на докладных и старинных холопов кабала не принималась (ст. 78)².

Судебник 1550 г. не называл кабальных людей холопами. Фактически кабальный человек, работая за проценты на хозяина, жил у него. Он обычно получал от него питание и одежду, не имея возможности погасить свой долг, и его работа на хозяина продолжалась всю жизнь. На практике положение кабального человека приближалось к положению холопа, хотя его зависимость формально была временной и условной. Определение максимума суммы денег, предоставленных в долг по кабальной записи, было направлено, очевидно, на то, чтобы обеспечить сохранение кабальной службы как особой формы труда, предотвратить слияние этой формы принудительного труда, вызванной потребностями хозяйственного развития страны, с холопством³.

¹ См. *Б. Д. Греков*, Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в., кн. II, изд. 2, АН СССР, М. 1954, стр. 114 и др.

² См. «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 169.

³ См. *Б. Д. Греков*, Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в., кн. II, изд. 2, стр. 113—132, 310—314; *И. И. Смирнов*, Судебник 1550 года, «Исторические записки» № 24, 1947 г., стр. 333—336.

Тенденция законодательства Ивана IV юридически санкционировать существование на отдельных участках хозяйства добровольного наёмного труда и предотвратить превращение последнего в принудительный труд холопа видна и на других законодательных документах. Указом 1555 г. запрещено превращать наёмных слуг в холопов. Добровольный слуга мог уйти от своего хозяина, когда хотел. Практика была, как видно, богата случаями, когда хозяин, не желая отпустить от себя слугу, работающего у него добровольно, без крепости, пытался обвинить уходящего слугу в краже. Учитывая эту практику, указ 1555 г. предписывал впредь таких исков о «сносе» в суды не принимать, «потому что у него служил добровольно»¹.

Были приняты и другие меры против принудительного превращения свободного человека в холопа. В 1558 г. установлена смертная казнь господину и чиновнику, которые составят подложную крепость на вольного человека². В 1560 г. впервые было отменено рабство за долги: установлено, что несостоятельные должники не могут поступать в полное холопство к кредиторам, даже при согласии самих должников³. Но холопство как особая форма принудительного труда ещё долгое время продолжало существовать в России.

К концу XVI в. резко ухудшилось правовое положение кабальных людей. Указом 1597 г. у кабальных людей было отнято право ухода от господина даже после уплаты своего долга. Кабальные холопы были обязаны жить у своих господ до смерти последних, после чего выходили на волю с жёнами и детьми безденежно. Этот процесс был тесно связан с общей линией феодального государства на закрепощение крестьянства.

Рост применения наёмного труда в XVI в. обусловил необходимость определённой регламентации государством и этой формы хозяйственных отношений.

Судебник 1497 г. установил (ст. 54), что «наймит» (наёмный работник), уходящий от своего «государя» (т. е. нанимателя) ранее договорённого срока, теряет право на получение «найма», т. е. платы. Сохраняя эту норму, Судебник 1550 г. (ст. 83) вместе с тем дополняет её и ответственностью нанимателя: если последний не захочет работнику «дати найму» и работник уличит его в этом, то с нанимателя взыскивается удвоенный «наем»⁴.

¹ См. «Указная книга ведомства казначесв», «Хрестоматия по истории русского права», сост. М. Ф. Владимирский-Буданов, вып. 3, изд. 3, Спб. 1889, стр. 4—5.

² См. там же, стр. 24—25.

³ См. там же, стр. 26—27.

⁴ См. «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 170.

Принципы торговой и финансовой политики

Торговая политика Ивана IV ставила широкие экономические и общеполитические цели.

Долгая и тяжёлая Ливонская война велась Россией за возможность установления прямой связи со странами Западной Европы наиболее простым и удобным путём — через Балтийское море. Острейшая потребность России в этом пути диктовалась прежде всего экономическим развитием страны. Россия нуждалась в свободном привозе с Запада необходимых ей промышленных товаров, в том числе оружия, в свободном вывозе на Запад сельскохозяйственных продуктов.

В XVI в. в России были уже зародыши крупной промышленности. Кроме частных лиц, вроде солепромышленников Строгановых, и отдельных монастырей, занимавшихся промышленной добычей соли, поташа и других продуктов, промышленные предприятия создавались также и по инициативе государственной власти. Это было организованное казной производство оружия, в том числе и пушек, а также других предметов, необходимых для военного дела, например селитры. Принимались меры к организации добычи руды и выплавки железа. В этих целях Иван IV считал возможным допущение иностранного капитала. Английским купцам было разрешено искать руду и построить завод на Вычегде, с правом вывоза железа в Англию, с уплатой пошлины. Английские мастера обязаны были за это обучать русских людей металлургическому делу, а купцы английские — продавать казне железо по установленной цене.

До тех пор пока ввоз в Россию и вывоз товаров, а также приглашение специалистов находились под контролем Ливонии, Швеции, Польши, фактически блокировавших Россию, Русское государство находилось в экономической зависимости от своих западных соседей. Россия вела упорную борьбу за выход к Балтийскому морю. Однако эта задача при Иване IV не была решена.

В 1558 г. — в самом начале Ливонской войны русские овладели Нарвой, которая и находилась в руках России по 1581 г. Иван IV старался использовать Нарву для широкой торговли России с западными странами, превратить её в главный торговый порт Прибалтики в противовес Ревелю, купцы которого входили в немецкий Ганзейский союз, стремившийся монополизировать торговлю Запада с Россией. Нарвским купцам было предоставлено право беспошлинной торговли во всём Русском государстве и право беспрепятственных торговых сношений с Германией. В результате этой политики Нарва стала богатеть, а торговля Ревеля почти совсем прекратилась.

В интересах широкого развёртывания внешней торговли России на основе равенства сторон и недопущения монопольного положения купечества какой-либо одной страны в этой торговле Иван IV допускал в Нарву купцов различных стран, конкурировавших между собой.

Для торговых сношений с Западом он стремился использовать и морской путь через Белое море. Английским купцам были предоставлены большие льготы. В 1555 г. им было дано право свободного въезда в Русское государство и выезда из него и право беспошлинной торговли в порубежных городах. Такие же права Англия формально предоставляла и русским купцам у себя. Но русские купцы фактически не могли тогда пользоваться этими правами, так как Россия не имела торгового флота. В 1567 г. компании английских купцов было предоставлено право монопольной торговли в устье Северной Двины и беспошлинной торговли в Казани и Астрахани, Нарве и Дерпте, а также дозволен свободный транзит товаров в Бухару и Китай. Позже английской компании была разрешена беспошлинная торговля на всей территории России, а право транзита распространено и на Персию. Английские купцы получили и другие привилегии.

Предоставляя большие привилегии английским купцам, Иван IV имел в виду политические цели. Он добивался от английского правительства военно-политического союза для борьбы с враждебной России коалицией прибалтийских государств. Торговая политика Ивана IV по отношению к Англии была, таким образом, строго подчинена общей внешнеполитической задаче России. Когда же Иван IV увидел, что английское правительство вовсе не склонно к такому союзу и преследует лишь корыстные коммерческие интересы своих купцов, он ликвидировал привилегии английских купцов.

В послании к английской королеве Елизавете (1570 г.) Иван IV указывал, что большие привилегии английским купцам были даны именно в расчёте на дружеское отношение Англии к России и помощь ей, она же, Елизавета, думает только об интересах своих купцов. Государь, писал Иван IV, должен заботиться о нуждах и пользе всего государства, а не о привилегиях купцов. «Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства, — поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица»¹.

¹ «Послания Ивана Грозного», АН СССР, М.—Л. 1951, стр. 332—333.

Послание, написанное в тяжёлый период жизни государства, проникнуто сознанием величия России. «Пусть те мужики, которые пренебрегли нашими государскими головами и государственной честью и выгодами для страны, а заботятся о торговых делах, посмотрят, как они будут торговать! А Московское государство пока и без английских товаров не бедно было»¹. Все свои грамоты по торговым делам, выданные англичанам, царь объявил недействительными.

Позже торговые привилегии англичанам были восстановлены, но в урезанном виде (они должны были теперь платить пошлину в половинном размере и за реальную помощь — доставку оружия). Расчёты Англии сделать Россию своей колонией были разгаданы Иваном IV. После того как Нарва была утрачена Россией, Иван IV уже не допустил монопольного положения английских купцов на Белом море. Сюда приезжали торговые люди и других стран, в том числе и голландцы.

О стремлении Ивана IV завязать деятельные торговые отношения с западными странами на основе равноправия сторон свидетельствуют и договоры со Швецией и Данией. При заключении мира со Швецией шведским купцам было предоставлено право ездить в Москву, Казань и Астрахань, а также через Россию — в Индию и Китай. В свою очередь русские купцы могли ездить из Швеции в Любек, Антверпен и Испанию. По договору с датским королём русским купцам была обеспечена свободная торговля во всех городах датской земли. Русские купцы должны были беспрепятственно пропускаться с товаром из Копенгагена в заморские государства, а заморские купцы свободно пропускались мимо датского королевства по Зундскому проливу.

Для развития торговли России с Кавказом и Средней Азией большое значение имело покорение Казанского и Астраханского ханств, обеспечившее свободное плавание по Волге.

Важным моментом торговой политики Ивана IV является установление им государственной монополии на торговлю хлебом, пенькой, ревенем, поташом, смольчугом, икрой и т. п. Этими «заповедными» товарами могли торговать только царь и казна. В 1555 г. был запрещён вывоз воска и соли в Ливонию. Воск, сало, лён и посконь запрещено было вывозить в Швецию. Некоторые товары — меха, воск, мёд, сало и др. — нередко скупались для царской торговли по ценам, назначенным казной, и продавались затем по более высоким ценам за границей или внутри страны. Иногда населению запрещали продавать свои продукты до тех пор, пока не будут распроданы такие же товары с царских складов.

¹ «Послания Ивана Грозного», АН СССР, М.—Л. 1951, стр. 333.

Монопольный характер торговли выражался также в праве царя на первую покупку товаров, привозимых иностранцами в Россию. Купцы, привозившие товары в страну, не имели права продавать их никому до тех пор, пока они не будут осмотрены чиновниками царя и последние не отберут из них товары для царя. Повидимому, речь шла не о всех товарах вообще, а главным образом о предметах роскоши. Эта практика имела и юридическое оформление. В Таможенной грамоте 1571 г. записано: «А что царь государь князь великий велел у гостей и у иноземцов у всяких, и у всех людей, которые привозят бархаты, и камки, и всякое узорочье, и лошади, смотрети на себя государя, что ему государю пригодится; и какой гость какой товар привезет и таможником тому выпиши приносить к дьяком, а доколе о том к дьяком выпиши принесут и доколе осмотрят, что государю пригодится, того товару таможником не отдавати и продавати не велети»¹. Купленные для царя товары поступали не только для его обихода, но и перепродавались².

В числе мероприятий, проводившихся Иваном IV в области внешней торговли, следует отметить и запрещение вывоза из страны денег, а также золотых и серебряных изделий. В той же таможенной грамоте сказано: «Да таможником же беречи накрепко, что Московские гости и торговые люди всех городов Московского государства с Москвы, и из Новагорода, и из Московския земли, всякие торговые люди и иноземцы денег, и серебра, и золотых, и судов, и пуговиц серебряных и золотых, в сундуке, и в коробьях и в ящиках из Новагорода в Литву, и в Немцы, и в иные города не возили однолично никуда»³.

Эта мера диктовалась растущей потребностью народного хозяйства в деньгах. Она совпадала по своей цели с политикой западноевропейских государств средних веков, получившей название монетарной системы и являвшейся первой стадией политики меркантилизма. Забота об увеличении количества денег в стране проявляется здесь в форме административного запрещения государственной властью вывоза денег и вообще драгоценных металлов из страны.

Иван IV впервые (если не считать аналогичной меры киевского князя Мстислава Великого в XII в.) осуществил в этой области мероприятие, которое стало затем систематически повторяться государственной властью России в XVII, XVIII и даже

¹ «Таможенная уставная грамота, данная, по наказу государя царя Иоанна Васильевича... о взимании в Великом Новгороде на Торговой стороне, в Государевой опришнине, всяких пошлин», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. 2, М. 1819, стр. 57—58.

² См. Флетчер, О государстве русском, Спб. 1905, стр. 51.

³ «Таможенная уставная грамота...», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. 2, М. 1819, стр. 58.

в XIX вв., но уже не как изолированное мероприятие, а вместе с другими мерами, содействовавшими увеличению количества денег и благородных металлов в стране.

* * *

Для развития торговли и городского ремесла большое значение имела политика государства в отношении городов.

Борьба московских князей за ликвидацию феодальной раздробленности и за создание централизованного государства вела к переходу подчинённых отдельным феодалам городов под власть московского князя. Иван III и Василий III настойчиво проводили политику собирания городов под своей властью, «разбояривания» их. Города отбирались у феодальных землевладельцев и ставились в непосредственное подчинение великому князю московскому. Города, присоединённые к Московскому государству, уже не отдавались феодалам и становились, таким образом, независимыми от отдельных местных феодалов.

Это имело не только большое политическое значение — увеличивалось население, находившееся в зависимости у московского князя, — но и большое финансовое значение; население посадов, состоявшее главным образом из ремесленников и купцов, облагалось посадским тяглом в казну великого московского князя. Посадские люди в государевых городах пользовались личной свободой.

К началу XVI в. во владении церковных и светских феодалов оставалось небольшое количество мелких городов.

С конца XV в. издаются отдельные указы, запрещавшие торговлю в уездах и тем самым устанавливавшие монопольное право городов-посадов на рынок. Но это запрещение диктовалось, как можно думать, прежде всего удобством сбора таможенных доходов. Оно не привело к установлению настоящей монополии городов на рынки¹.

Царь Иван IV в отношении городов проводил политику, направленную на укрепление централизованного государства. Он ограничивал закладничество и укреплял позиции посада.

Монастыри пользовались большой привилегией — правом принимать закладников. Закладники — это главным образом торговые люди и ремесленники посадов, заложившиеся монастырю, чтобы освободиться от посадского тягла. Закладники были подсудны монастырскому суду и подати платили монастырю. Они жили в монастырских слободах. В XVI в. закладничество было широко распространено, что ещё более ухудшало положение остававшихся за посадом людей, так как прежнее посадское тягло ложилось на меньшее количество плательщиков.

¹ См. П. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1, АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 99.

Судебник 1550 г. запрещал закладничество посадских людей за монастырями. Запрещая городским торговым людям жить в монастырях, т. е. на монастырской «белой» земле, Судебник предписывал им жить в городских дворах ¹.

Как видно из текста «Стоглава», ещё до Стоглавого собора Иваном IV был издан важный приговор о церковных (митрополичьих, архиепископских, епископских) и монастырских слободах. У новых церковных и монастырских слобод были отняты их привилегии, финансовый и судебный иммунитет: «слободам всем новым тянути зграцкими людьми во всякое тягло и зсудом» ². Они должны были нести посадское тягло и становились подсудными наместническому суду, а не монастырскому. Это укрепляло финансовое и политическое положение посада ³.

На Стоглавом соборе Иван IV ставил в вину монастырям, князьям и боярам, владевшим слободами, что рост новых привилегированных слобод и закладников в старых слободах ведёт к уничтожению государевых податей и земельного тягла. В ответ на это Собором был принят новый приговор о слободах. По этому приговору, те посадские люди, которые вышли в новые слободы после «описи», должны быть вывезены из новых слобод опять в город на посад. Старые же слободы церковным и монастырским властям разрешено было держать за собой и впредь, «по прежним грамотам». Ставить новые слободы было запрещено, равно и увеличивать число дворов в старых слободах, за исключением случаев семейного раздела слобожан. Владельцам старых слобод разрешалось «называть» в опустевшие дворы сельских людей — пашенных и непашенных — с соблюдением правил о Юрьеве дне; принимать же в слободы городских людей с посада запрещалось, за исключением нетяглых «казаков».

Вместе с тем за населением церковных и монастырских слобод было сохранено право свободно уходить в город на посады или в сёла, с соблюдением правил Судебника о крестьянском отказе ⁴.

По своей социально-экономической природе население посадов в середине XVI в. было неоднородным. В законодательстве Ивана IV явно видна линия не только на поддержку посадских людей в их противоречиях, столкновениях с церковным и мона-

¹ См. «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 174; *И. И. Смирнов*, Судебник 1550 года, «Исторические записки» № 24, 1947 г., стр. 323.

² «Стоглав», Казань 1862, стр. 412.

³ См. *И. И. Смирнов*, Судебник 1550 года, «Исторические записки» № 24, 1947 г., стр. 323.

⁴ См. «Стоглав», Казань 1862, стр. 413—414; *П. П. Смирнов*, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1, АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 112—121; *И. И. Смирнов*, Судебник 1550 года, «Исторические записки» № 24, 1947 г., стр. 323—330.

стырским землевладением, но и на возвышение имущей части посадского населения по отношению к другой, неимущей его части. Последнее резко выражено в Судебнике 1550 г., статья 26 которого определяет размер платы «за бесчестье».

По этой таксе «честь» торговых и «средних» посадских людей была оценена значительно выше, чем «честь» крестьянина и «молодчего чёрного» городского человека. Большим гостям «бесчестье» определено Судебником в размере 50 рублей, торговым людям и посадским людям «средним» — 5 рублей, крестьянину, пашенному и непашенному, — 1 рубль; столько же и «чёрному городскому человеку молодчому»¹. Таким образом, по своей «чести» средний посадский человек был поставлен наряду и даже выше дворян и детей боярских городовых, которые, согласно той же статье Судебника, получали за бесчестье по своим окладам, т. е. по 3—4—5 рублей².

Социальной опорой Ивана Грозного было дворянство, которое он возвышал экономически и политически. Вместе с тем в своей борьбе против княжеско-боярской знати Иван Грозный стремился получить поддержку и со стороны посадских людей. Это особенно видно на событиях периода опричнины. Уйдя из Москвы в Александровскую слободу и объявив в грамоте опалу на бояр, приказных людей и духовенство, Иван IV шлёт из слободы, в январе 1565 г., особую грамоту гостям, купцам и «ко всему православному христианству града Москвы», т. е. к посаду, в которой заявляет, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет»³.

Московский посад поддержал создание опричнины. Укрепление централизованного государства отвечало интересам городского населения, способствовало росту торговли и ремесла.

Иван IV повышал политическое значение купечества. Представители высшего купечества были привлечены на Земский сбор 1566 г. вместе с дворянами, духовенством, боярами и приказными людьми. Купцы привлекались царём к выполнению различной государственной службы, сбору таможенных пошлин и др.

* * *

Финансовая политика Ивана Грозного также была подчинена основной идее его государственной деятельности — ликвидации остатков феодальной раздробленности, укреплению централизованного феодального государства. Централизация

¹ См. «Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 148.

² См. П. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1, АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 109—110.

³ «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею», т. III, Спб. 1876, стр. 249.

политической власти требовала централизации финансов, и Иван IV последовательно продолжал финансовую политику своих предшественников. Как говорилось выше, проблема получения средств на содержание служилого дворянства была решена путём широкого насаждения поместной системы землевладения. Но московские князья сильно нуждались в деньгах, которые были необходимы для содержания двора, государственного аппарата, на ведение войн.

Иван IV осуществил важные изменения в налоговой системе, ввёл новые налоги.

Как выше уже говорилось, для периода феодальной раздробленности была характерна система кормлений. «Корм» представлял собой вид налога, который поступал наместникам, управлявшим местами. Иван III ограничивал кормления: он уменьшал сроки кормлений, отдавал отдельные доходные статьи, например таможенные пошлины, разным кормленщикам или великокняжеским сборщикам.

Указом 1555 г. Иван IV полностью отменил систему кормлений. Наместники и волостели были отставлены, а сбор налогов и суд переданы в руки «излюбленных голов» или «земских судей» с «целовальниками», выбиравшихся посадскими людьми и черносошными крестьянами.

Система кормлений означала распыление доходов государства, децентрализацию их. Вместо доходов, которые раньше получались кормленщиками, теперь был установлен определённый оброк — «кормленный окуп», непосредственно передаваемый местными властями в казну. Это обеспечивало увеличение доходов царской казны, их централизацию. Для сбора «кормленного окупа» были созданы специальные финансовые учреждения — так называемые «чети», или «четверти», каждая из которых осуществляла эту функцию на определённой части территории Русского государства.

В связи с организацией стрелецких полков, снабжённых огнестрельным оружием, были введены новые налоги, так называемые «пищальные деньги» и «емчужные» (на изготовление селитры для пороха). Взимались также налоги на «городовое и засечное дело», связанные с укреплением границ Русского государства.

Была осуществлена важная перемена в податном обложении — изменена податная единица. Вместо разнообразных единиц податного обложения, применявшихся ранее, в 50-х годах XVI в. стала вводиться общая для всей страны и притом значительно более крупная единица, так называемая «большая московская соха», выражавшая теперь определённый размер земельной площади.

Размер земельного участка, принимаемый в качестве «большой сохи», был установлен неодинаковым и различался в зави-

симости от качества земли и от того, в чьём владении находилась земля. Чем выше было качество земли, тем меньше её входило в «соху» и тем больше, следовательно, она облагалась. Монастырские земли облагались больше, чем поместные. В отношении поместной земли «большая московская соха» равнялась 800 четвертям (400 десятинам) доброй (т. е. лучшей) земли в одном поле, 1 000 четвертям средней и 1 200 четвертям худой земли. Для монастырских же земель соответственно — 600 четвертей, 700 и 800¹. Эта реформа проводилась, повидимому, в исполнение проекта генерального описания земель, предложенного Иваном IV на Стоглавом соборе (1551 г.).

Введение «большой московской сохи» соответствовало рассмотренному нами выше предложению Ермолая-Еразма об укрупнении единицы измерения земли. Однако эта мера, как она была проведена правительством Ивана IV, имела более широкое значение, чем то, что предлагал Ермолай. Ермолай, как было сказано, считал необходимым совершенно отменить всякие денежные налоги с крестьян, а укрупнение единицы измерения земли связывал лишь с наделением землёю служилых людей.

Царём же эта новая единица измерения земли была введена прежде всего в фискальных целях как податная единица.

Расширению источников доходов государственной казны и усилению централизации финансов способствовала также политика ограничения и ликвидации тарханов, проводившаяся Иваном IV.

Представляют интерес мероприятия Ивана IV, относящиеся к области частного кредита. Здесь прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что законодательство Ивана IV имело в виду утвердить существование в стране чисто кредитных отношений, обусловленных займом денег, и предотвратить превращение этих отношений в другого рода отношения — отношения кабальной зависимости должника от кредитора.

Статья 82 царского Судебника гласит: «А кто займет сколке денег в рост, и тем людем у них не служити ни у кого, жити им собе, а на денги рост давати им. А кто даст денег в заем, да того человека станет дрѣжати у себя и збежит у него тот человек покрадчи, и что снесет, то у него пропало, и по кабале денег лишен»².

В числе экономических мероприятий, осуществлявшихся Иваном IV в интересах служилого дворянства, необходимо отметить и меры его по охране интересов дворян-должников.

¹ См. П. Миллюков, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, Спб. 1892, стр. 47 и др.; С. Веселовский, Сошное письмо, т. II, гл. XIV, М. 1916.

² См. «Судебники XV — XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 170.

Указом 25 декабря 1557 г. было установлено, что служилые люди, у которых к этому времени имелись долги денежные и хлебные, по кабалам, по памятям и по духовным грамотам, уплачивают их с рассрочкой в течение пятилетнего срока, по одной пятой части в каждый год, а «рост», т. е. процент по денежным займам, и «наспы» на занятый хлеб по сделкам, совершённым до этого указа, вовсе отменялись. По новым же займам, которые будут заключены служилыми людьми в течение пятилетнего льготного срока (1558—1562 гг.) и в этом пятилетии не будут погашены, долги уплачиваются сполна, но «рост» (процент) и «наспы» на хлеб уменьшаются вдвое против обычного (обычный уровень процента был до этого «на пять шестой», т. е. 20%)¹.

Ещё в начале княжения Ивана IV было завершено создание в России единой государственной *денежной системы*, соответствующей задачам централизованного государства².

До начала княжения Ивана IV в Московском государстве обращались так называемые «новгородки», составлявшие основную денежную единицу, и «московки», по своему номиналу равные половине «новгородки». За время великого княжения Ивана III и Василия III вес монет снизился на 15%, прежде всего в результате фискальной политики московских князей, получавших посредством выпуска неполноценных денег добавочные доходы в казну.

Указом 1535 г. во время регентства матери Ивана IV — Елены Глинской была проведена реформа монетной системы. Для всего Московского государства устанавливалась единая монетная система. При Иване III и Василии III из гривенки (сорок восемь золотников серебра) чеканилось 260 монет — «новгородок». Теперь из гривны стали чеканить 300 монет, иначе говоря, монетная стопа была понижена.

Установленный указом 1535 г. вес новой монеты (0,68 г) в основном соответствовал фактическому весу «новгородки». Старое название денежной единицы — «новгородка», не соответствовавшее её общерусскому значению, было заменено новым — «копейкой», в соответствии с имевшимся на новой монете изображением всадника с копьём.

При Иване IV продолжалась чеканка и «московки», по весу равной половине копейки; чеканилась и монета, равная четверти копейки (полушка). Эти реальные денежные единицы были

¹ См. «Указная книга ведомства казначеев», «Христоматия по истории русского права», сост. М. Ф. Владимирский-Буданов, вып. 3, изд. 3, 1889, стр. 12—15.

² См. Г. Б. Фёдоров, Унификация русской монетной системы и указ 1535 года, «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. VII, № 6, М. 1950, стр. 547—558.

объединены в счётные единицы — рубль, полтина, гривна, алтын.

Реформа монетной системы была мотивирована правительством заботой об упорядочении денежного обращения в стране, необходимостью освободить его от поддельных и неполноценных монет¹. Переход к новой монетной системе был связан с большими жертвами со стороны населения, поскольку держатели старых, неполновесных монет при перечековке их на новые терпели убыток: «...и начаша торговати денгами новыми, копейками, нетокмо во Пскове, но и везде; и бысть людем велми убыток велик в старых денгах»², — говорится в Псковской летописи.

* *
*

Изложенная выше характеристика принципов экономической политики Ивана Грозного показывает, что в его лице феодальная Россия имела не только выдающегося политика, но и одного из крупнейших представителей передовой экономической мысли. Экономическая мысль Ивана Грозного была неразрывно связана с его политической деятельностью по укреплению русского феодального централизованного государства. Как и политические взгляды, экономические воззрения Ивана Грозного были обусловлены глубокими процессами, совершавшимися в экономическом строе России того времени. Вместе с тем экономическая политика Ивана IV сыграла большую роль в укреплении базиса и политической надстройки феодальной России.

¹ «Тоя же зимы (1535 г.) князь великий и мати его великаа княгини, видев неправду в людех, денег умножися поддельных и резаных, и восхоте то лукавство из своего государства вывести. И посоветовав о том з бояры, и повеле государь и его мати делати денги новые из гривенки по три рубли, а старые денги и подделные и резаные переделывати, а поддельным и резаным не ходити; а в старых денгах в добрых в новгородках и в московках в гривенке полтретья рубля з гривною, и великая княгини велела прибавити в гривенку новых денег, чтоб было людем не великой убыток от лихих денег от поддельных и от обрезанных, и вперед не велели лихим денгам ходити, а поддельщиков и обрезчиков велела обыскивати и казнити», «Полное собрание русских летописей», т. XX, вторая половина, «Львовская летопись», часть вторая, Спб. 1914, стр. 429.

² «Полное собрание русских летописей», т. IV, Спб. 1848, стр. 302.

Глава седьмая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ В «ДОМОСТРОЕ»

От XVI в. до нас дошёл литературный памятник «Домострой», по своему содержанию резко отличающийся от всех других, рассмотренных выше произведений¹. Его создание относится, повидимому, ещё к XV в., но окончательно «Домострой» сложился в середине XVI в.

В отличие от всех других литературных памятников этого столетия в «Домострое» речь идёт не о больших вопросах государственной политики, не о взаимоотношениях отдельных общественных классов и групп, а о правилах семейной жизни и домашнего хозяйства.

«Домострой» написан в форме подробнейших наставлений главе дома о том, как он должен вести себя в отношении к членам своей семьи: к жене, детям, а также к слугам, в отношении к другим людям вне дома. В «Домострое» рисуется идеал благопристойного отца семейства и домохозяина, чтущего государственную власть, в своём отношении к людям строго соблюдающего нравственные требования церкви и умеющего обеспечить свои хозяйственные интересы.

Основное содержание «Домостроя» сводится к наставлениям на тему о том, как глава семьи должен вести своё домашнее хозяйство. В этих наставлениях, однако, вполне определённо звучит и основная идейно-политическая направленность эпохи — утверждение идеи самодержавной власти, а также разработанного церковью нравственного идеала жизни человека.

В своих политических наставлениях «Домострой» укреплял идею беспрекословного повиновения царской власти и служил одним из идеологических орудий централизованного государ-

¹ См. «Домострой», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1881, кн. 2, стр. 1—202.

ства. Как в государстве все должны беспрекословно подчиняться царской власти, так и семья должна строиться на строгом повиновении главе семьи. Отец должен твёрдо и неуклонно осуществлять свою власть в семье. Он — господин в семье, отвечающий за неё перед царём и богом.

Отношения домохозяина к людям за пределами своей семьи рисуются в полном соответствии с нравственными поучениями церкви, содержание которых было изложено нами в первых главах, и с нормами права, получившими своё отображение в юридических документах древней Руси — «Правде Русской» и «Судебниках».

Наряду со многими другими примерами «неправедного жития», которых домохозяин-христианин должен избегать, как зла, указывается насилие и обида по отношению к другим, насильственное отобрание чего-либо у другого человека, невозвращение взятого и т. д. Греховным делом считается обложение своих крестьян в селе тяжёлыми и незаконными оброками, захват чужой нивы, леса, луга, рыбной ловли, бортей. Осуждается обращение человека в холопа обманным и насильственным путём, а также обогащение посредством обмана, взимание процента по денежным займам и «наспа» при займе хлеба ¹.

Этим порокам людей в «Домострое» противопоставляются черты христианского отношения к людям. Властелин, говорится здесь, должен судить праведно и нелицемерно, одинаково всех — богатого и убогого, ближнего и дальнего, «знаемого» и «незнаемого». «Добрый человек в селе или в городе со своих крестьян или на власти, или на приказе берет праведные уроки, и не силою, не грабежом, не мученьем». Если у соседа или у своего крестьянина недостаёт семян, нет лошади и коровы или нечем заплатить царскую подать, надо ему помочь и дать ссуду, хотя бы у самого было мало и пришлось занять у других. «А торговые люди и мастеровые, и земледельцы також прямым и благословенным торгуют и рукоделничают, и пашут не украдчи, ни разбоем, ни граблением, ни поклепом, ни вылгав, ни выбожив, ни которым злохитрством, ни резоиством, но прямою своею силою и благословенными приплоды и праведными труды торгуют, и рукоделничают или пашут хлеб» ².

В этих вопросах «Домострой» не даёт чего-либо нового по сравнению с тем, что ранее уже было сказано церковниками или записано в законодательных документах.

В «Домострое» подробнейшим образом излагаются правила «домовного строения», т. е. ведения домашнего хозяйства.

¹ См. «Домострой», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1881, кн. 2, стр. 78—80.

² См. там же, стр. 82.

Содержание этой книги позволяет определить её как своего рода *энциклопедию домашнего хозяйства*.

В ней даются подробнейшие советы о том, как снабжать домашнее хозяйство всеми необходимыми ему продуктами, как их хранить, как изготовлять в самом хозяйстве предметы питания и другие необходимые продукты, как их потреблять.

Речь идёт здесь не о хозяйстве производственного типа, не о вотчине или поместье, не о хозяйстве крупного промышленного предпринимателя, а о *домашнем хозяйстве*, хозяйстве потребительского типа.

Производство, о котором идёт речь в «Домострое», подчинено непосредственному потреблению семьи; это — огород и сад, а также домашнее изготовление предметов потребления, главным образом продовольствия для семьи, причём имеется в виду домашнее городское хозяйство.

В своих хозяйственных рассуждениях составитель «Домостроя» иногда несколько конкретизирует ту среду, на которую рассчитано это произведение. Ряд наставлений «Домостроя» адресован вообще ко всем людям. Например, наставление о том, что всякий должен жить в соответствии со своим доходом: «Всякому человеку, богату и убогу, велику и малу, разсудити себя и сметити по промыслу, и по добытку, и по своему имению»¹. Приказный человек, — говорится далее, — должен жить «сметя себя по государьскому жалованью, и по доходу, и по поместью и по вотчине» и в соответствии с этим держать свой двор.

В другом месте составитель обращается с советом ко «всякому человеку домовитому доброму, у кого бог послал свое подворьецо, или деревеньку, или лавку в торгу, или амбар, или дома каменные, или варници, или мелници»². Он наставляет и одинокого человека — «не богатого, а запасистого»³.

В основном же автор «Домостроя» рисует картину домашнего хозяйства вообще богатого человека, как можно судить — боярина, проживающего в городе, крупного купца и т. д. В доме, о котором говорится в книге, имеются дворецкий, ключники, много холопов; приобретаются дорогие предметы роскоши, заморские товары. Хозяин дома — богатый человек, живущий за счёт чужого труда. Он тесно связан с рынком; хозяину рекомендуется закупать самые разнообразные товары, сельскохозяйственные продукты и различные предметы домаш-

¹ «Домострой», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1881 г., кн. 2, стр. 83.

² Там же, стр. 136.

³ Там же, стр. 122.

него обихода. Даже простое перечисление товаров, рекомендуемых к покупке, занимает много места в книге.

Составитель «Домостроя» настойчиво рекомендует закупать товары во-время, чтобы не переплачивать, закупать тогда, когда завоз товаров большой и они дешёвы. В книге усиленно доказывается необходимость обязательно делать большие запасы продуктов — на год и больше. Внушается мысль, что запастись продукты следует не только для будущего потребления их в своём хозяйстве, а и для прибыли: повысятся цены на рынке, лишние товары из запаса можно и продать¹. Покупать и запастись рекомендуется и «заморский товар», привозимый из других стран.

Многоречивые наставления автора книги о закупке товаров для хозяйства, его рассуждения о необходимости перепродажи части товаров в целях получения прибыли отражают собою уже значительное развитие рынка, торговли в городах Московского государства в XVI в. Вместе с тем в «Домострое» получил своё отражение и тот факт, что в городах хозяйство являлось ещё натуральным. Настойчиво рекомендуется иметь при дворе своего плотника, портного, сапожника и других ремесленников, чтобы всё необходимое делать у себя дома и не обращаться в чужой двор². Служанки должны уметь шить, рукодельничать, ткать, вышивать. Жена сама должна знать все домашние работы, чтобы научить прислугу и уметь контролировать её. В доме должно приготавливаться вино, пиво и всевозможные другие предметы потребления из закупленных на рынке сельскохозяйственных продуктов.

Здесь даются разные другие наставления: тщательно записывать все поступления и выдачи продуктов в хозяйстве и регулярно проверять их; покупать за наличные деньги, а не в кредит; во-время, даже до срока, уплачивать дани, пошлины и всякие оброки; проценты по займу уплачивать вперёд, а заём погашать до срока; тщательно собирать все отходы в хозяйстве и использовать их и т. д. Даются наставления, как обходиться со слугами, с наймитами («найпаче наймита наймом не избидети»).

Любопытен совет, как поступить с холопами, если их будет не под силу держать. Рекомендуется «их в работу не продавати, но доброволно отпушати».

Последняя тема подробно развита в отдельном приложении к «Домострою» — «Послание и наказание от отца к сыну» попа благовещенского собора Сильвестра сыну своему Анфиму,

¹ См. «Домострой», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1881 г., кн. 2, стр. 109—112, 119.

² См. там же, стр. 91.

относящееся к последнему периоду жизни Сильвестра. Поп Сильвестр — наставник и советник Ивана Грозного в первый период его царствования — был вместе с тем и энергичным предпринимателем. Он вёл обширные торговые дела по сбыту изделий кустарной промышленности. В «Послании и наказании» Сильвестра есть и некоторые новые моменты по сравнению с основным текстом «Домостроя».

Сильвестр подчёркивает необходимость честности в торговле. Он отдаёт предпочтение свободному труду. Сам Сильвестр отпустил на волю холопов и пользовался только наёмным трудом: «работных своих всех свободих и наделих; и ины окупих из работы и на свободу попуцах. И все те работные наши свободны, и добрыми домами живут... А ныне домочадцы наши все свободны, живут у нас по своей воли»¹. Об экономической основе этого хозяйственного явления XVI в. мы уже говорили выше.

Большое внимание уделяет Сильвестр обучению людей ремеслу, торговому делу и грамоте. Сильвестр ставит себе в заслугу то, что он не прибегает к кредиту; но сам он широко раздавал деньги в кредит ремесленникам. Поп Сильвестр не говорит ни слова о «греховности» отдачи денег в рост, считая, повидимому, ростовщичество вполне закономерным явлением.

Составитель «Домостроя» не проявляет интереса к общественному хозяйству. Он занят исключительно частным хозяйством, интересом отдельного лица. Своим экономическим содержанием «Домострой» отражает лишь одну часть, одну область сложной и многообразной экономической идеологии русских людей XV и XVI вв., притом же одного круга этих людей — богатых горожан.

Совершенно несостоятельным является поэтому стремление некоторых историков толковать изложенные в «Домострое» экономические взгляды расширительно, как якобы яркое выражение вообще экономических воззрений русского народа в XV—XVI вв. Экономические воззрения «Домостроя» рассматриваются этими историками как особая *ступень, этап* в развитии всей русской экономической мысли вообще, которая тогда, в эпоху «Домостроя», была будто бы крайне бедна, убога и ещё не поднялась до интереса к общественным задачам и до понимания задач всего народного хозяйства.

¹ «Домострой Сильвестровского извода», Русская классная библиотека под ред. А. Н. Чудинова, Спб. 1902, стр. 67.

Ярким примером такого искажённого понимания характера русской экономической мысли прошлого является оценка значения «Домостроя» В. В. Святловским. Узость кругозора «Домостроя» Святловский пытался представить как якобы свидетельство узости, бедности экономической мысли допетровской России вообще. «Узость общественного кругозора и интеллектуальная приниженность допетровской Руси вполне отразились во взглядах на народное хозяйство и благосостояние, содержащихся в «Домострое», во всём его направлении и сентенциях. Он — типичный образчик московского самодержавия и всех тенденций допетровской Руси, принципиально чуждавшихся стремлений к политической свободе и всякой гражданственности»¹. И далее: «...Гордость века, знаменитый «Домострой» — удивительная смесь наивного и невежественного варварства с коварным смирением и самоуверенностью. Читая этот памятник, не знаешь, чему больше удивляться: дикой ли грубости наших предков или печальной скудости их общественной мысли. Жестокость и приниженность даже у домашнего очага. И никакого противовеса, ничего, что могло бы оправдать этот беспросветный эгоизм, это животное себялюбие»².

Мрачную картину состояния экономической мысли допетровской Руси Святловский противопоставил размалёванной им картине экономической мысли Западной Европы в средние века, где всё было будто бы несравненно лучше, ярче, чем в нашей стране. Он писал об идейной «скудости» допетровской Руси в области социального творчества, о том, что до Петра I русская мысль вообще якобы не возвышалась ещё до оформления своих социально-экономических желаний, не заостряла своих хозяйственных устремлений³.

Эти клеветнические измышления буржуазного космополита, усердно принижавшего прошлое великого русского народа, рассыпаются в прах перед лицом изложенных нами выше фактов развития русской экономической мысли прошлых веков.

Свои «Домострои», т. е. своды правил домашнего хозяйствования, были и в других странах периода средних веков, например «Парижский хозяин» (XV в.), Сочинение «Заточника в Бари» (XIII в.), «Рассуждение об управлении семьёю» А. Пандольфини (XV в.) и др.⁴

¹ В. В. Святловский, История экономических идей в России, т. 1, Петроград 1923, стр. 28.

² Там же, стр. 29.

³ См. там же, стр. 12.

⁴ См. И. Некрасов, Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя, М. 1873.

Как и своды правил домашнего хозяйствования в других странах, так и «Домострой» в России не был ступенью, этапом развития экономической мысли, а отражал всего лишь одну сторону экономической идеологии. «Домострой» находился отнюдь не на столбовой дорожке развития русской мысли, которая в центре своего внимания имела всегда основные социальные вопросы жизни России.

Мы видели, что уже в Киевской Руси экономическая мысль вышла далеко за пределы интересов отдельного, частного хозяйства и достигла высокой степени развития. И в Киевской Руси и на последующих ступенях развития Русского государства экономическая мысль русского народа являлась важным орудием поступательного движения нашей родины вперед; уже в ранний период своей истории русский народ выделил ряд ярких носителей передовой, прогрессивной мысли.

И в Киевской Руси, и в эпоху феодальной раздробленности, и в эпоху создания централизованного государства русская экономическая мысль выполняла большую и важную общественную роль в решении национальных задач русского народа, в борьбе прогрессивных сил общества, против сил консервативных и реакционных.

Факты показывают, что за весь рассмотренный нами исторический период русская экономическая мысль стояла на высоте национальных задач русского народа и вместе с тем на высоте передовой экономической мысли всего мира.

В XV—XVI вв. русская экономическая мысль сыграла огромную роль в деле создания и укрепления централизованного государства. В XVII—XVIII вв. она поднялась на следующую, ещё более высокую ступень развития, отражая собой поступательное экономическое и политическое движение нашей родины и являясь одним из мощных идеологических орудий борьбы классов в России.

РАЗДЕЛ IV

ПЕРИОД ПОЛНОГО ЗАКРЕПОЩЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА, ОБРАЗОВАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА И ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАНУФАКТУРЫ

Глава восьмая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XVII в. ТРЕБОВАНИЯ МАСС В ПЕРИОД ПЕРВЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН

Экономика России. Экономическая политика

XVII в. Россия вступила в новый период своего развития. Остатки прежней феодальной обособленности были ликвидированы, централизованное Русское государство укреплялось.

Раньше, писал Ленин, Русское государство распадалось на отдельные «земли», области, княжества. «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое»¹.

Коренные причины этого процесса крылись в экономике страны. Он был вызван ростом общественного разделения труда и торговых связей между областями. Именно на это важное обстоятельство и обращал внимание Ленин: «Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»².

Характерным для данного периода являлось зарождение внутри феодального общества новых, буржуазных связей, выделение и рост в среде городского населения новой социальной силы — класса купцов, т. е. торговой буржуазии. Вскрывая классовую сущность происходивших процессов, В. И. Ленин писал: «Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»³.

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 137.

² Там же.

³ Там же, стр. 137—138.

В отличие от таких западноевропейских стран, как Англия, Франция и другие, в России в XVII в. зарождение и развитие новых, буржуазных связей происходило в обстановке дальнейшего усиления феодально-крепостнического строя. Это обстоятельство наложило своеобразный отпечаток на экономическую политику русского правительства и определило характер и направление экономической мысли в России того времени.

* * *

Экономические процессы, происходившие в России, были использованы господствовавшим классом феодалов. В XVII в. крепостное хозяйство всё более втягивалось в рыночные связи и заметно расширялось территориально. Происходили изменения и в формах феодальной собственности. Различия между поместьями и вотчинами постепенно стирались.

В начале XVII в. Россия подверглась нападению со стороны польско-шведских захватчиков. Иностранная интервенция нанесла тяжёлый ущерб народному хозяйству и вызвала разруху в стране. Более сильные в экономическом отношении хозяйства вотчинников пострадали в значительно меньшей степени, чем хозяйства поместные. Стремясь укрепить экономическое положение дворянства, правительство на протяжении всего XVII в. усиленно раздавало дворянам дворцовые и свободные крестьянские, так называемые «чёрные» земли в вотчинное и поместье владение. Поместья начинают рассматриваться как собственность владельцев и постепенно превращаются в вотчины. Уложение 1649 г. санкционировало право наследования поместий при условии наследования службы. Влиятельные бояре нередко захватывали самочинно свободные земли. В результате количество вотчин и их размеры значительно возросли. В вотчинах Морозова, Шереметева, Салтыкова, Черкасского и других насчитывались десятки тысяч десятин земли.

В погоне за прибавочным продуктом вотчинники и помещики усиливали эксплуатацию крестьянства. Барская запашка значительно увеличилась. Возрос и оброк, особенно в центральных районах. В большинстве случаев крестьяне несли не только барщину, но и облагались многочисленными натуральными и денежными поборами. Бегство крестьян приняло массовые размеры. В связи с этим исключительную остроту приобрёл вопрос о рабочей силе. Идя навстречу требованиям дворянства, правительство определило срок для отыскания беглых крестьян в десять лет. Уложением 1649 г. крестьянство было окончательно закрепощено. «Урочные лета» были отменены. Вследствие возросшей эксплуатации и бесправия положение крестьянства ещё более ухудшилось.

В России XVII в. промышленность не была ещё резко отделена от земледелия. Хозяйство феодалов, так же как и мелкое крестьянское хозяйство, продолжало в основном оставаться натуральным. Но вместе с тем заметно увеличивается и производство на рынок. Крупные вотчины и поместья всё больше начинают производить сельскохозяйственные продукты для сбыта, а наряду с этим организуют и различные виды промышленного производства. Так, например, в хозяйстве Морозова имелись крупное поташное и винокуренное производство, железодельный завод, кожевенное и полотняное производство и др. Поташное производство было широко распространено и встречалось не только в боярских и монастырских вотчинах, но и у отдельных купцов. Заметно развивались и крупные соляные промыслы — на Устюге, по Каме, на Урале, а также пушные, лесные и рыбные промыслы.

Всё более втягивались в рыночные отношения и крестьянские хозяйства.

Развивалось мелкое производство — кустарное и ремесленное. Промышленное население городов значительно увеличилось. В Ярославском посаде промышленное население составляло свыше двух тысяч дворов, в Нижнем Новгороде, Вятке, Костроме, Вологде — свыше тысячи (на основании переписи 1678 г.)¹. Причём специализация ремесла была уже довольно значительной. В селе Павлове большое развитие получил железодельный промысел, в селе Мурашкине — производство тулупов и рукавиц и т. д. Складывалась более или менее явно выраженная специализация районов по различным отраслям производства.

Но ремесленное производство уже не могло обеспечить запросы растущего рынка и потребности государства. В XVII в. в России появляются крупные предприятия — мануфактуры. В первой половине XVII в. были построены металлургические и железодельные заводы в Туле и Кашире. Строились также стекольные, кожевенные заводы, предприятия по производству бумаги.

В связи с ростом общественного разделения труда и обмена возникли крупные торговые центры. Были учреждены Макарьевская и Ирбитская ярмарки, имевшие большое значение для торговых связей с Сибирью, а также Свинская ярмарка (в районе Брянска), игравшая важную роль в торговле с Западом, и другие.

Быстро развивалась внешняя торговля России с Востоком и Западом. Торговые связи с азиатскими странами шли через

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Дела разрядные, № 210, кн. 1, лл. 550—568.

Астрахань, а с Западной Европой — через сухопутную западную границу. Всё более важное значение для торговли с Западом приобретало Белое море с Архангельским портом. Однако внешняя торговля находилась почти исключительно в руках иностранцев. Россия не имела своего торгового флота, была оторвана от берегов Балтийского и Чёрного морей.

В XVII в. крупные русские торговые предприятия вели оптовую торговлю в различных городах России и развивали активную деятельность в области внешней и транзитной торговли.

Торговый капитал начинал расширять сферу своего действия. Купец становился не только скупщиком и ростовщиком, но в отдельных случаях и промышленником, и землевладельцем. Например, купцы Василий Шорин, Светешников, Босов и другие наряду с торговлей занимались промыслами и скупали крупные участки земли.

Но в России XVII в. ещё не было условий, необходимых для массового превращения товарного производства в капиталистическое. «Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, *если* существует частная собственность на средства производства, *если* рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, *если*, следовательно, существует в стране система эксплуатации наёмных рабочих капиталистами»¹, — писал И. В. Сталин.

В рассматриваемый период системы свободного найма рабочей силы в России ещё не было. Существовавшие промыслы и мануфактуры базировались главным образом на труде крепостных крестьян. Правда, наёмный труд применялся иногда и в промыслах, мануфактуре, ремесле, крестьянских хозяйствах, а также в хозяйствах феодалов, но этот наём (главным образом обедневших или непашенных крестьян, «маломочных» посадских людей и «голытьбы») принимал в большинстве случаев характер кабальных сделок. Вольный — в полном смысле этого слова — наём рабочей силы представлял случайное или временное явление.

Не подлежит сомнению, однако, что рост общественного разделения труда и образование внутреннего, национального рынка неизбежно вызвали дальнейшее развитие товарного производства. Наряду с крупным торговцем-предпринимателем появилась новая фигура — скупщик, который являлся, как правило, выходцем из среды крестьян и ремесленников. Если раньше мелкие производители сами сбывали на местных

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 14—15.

рынках изготовляемую ими продукцию, то в новых условиях они теряли непосредственную связь с рынком и попадали в зависимость от скупщика и крупного торговца.

Закон стоимости, присущий товарному производству, получал сравнительно больший простор для своего действия и был использован нарождающимся классом торговой буржуазии.

Купцы не только скупали по низким ценам товары у мелких производителей, но и давали им в долг деньги, тем самым ставя их в ещё большую зависимость от себя.

Однако эти процессы в условиях крепостнического строя протекали крайне медленно. Результаты их более или менее заметно обнаруживаются лишь в следующем, XVIII веке.

В связи с социально-экономическим развитием страны произошли серьёзные изменения в положении различных классов, сопровождавшиеся упорной классовой борьбой. Полная победа феодально-крепостнического строя и втягивание хозяйств феодалов в товарно-денежные отношения резко усилили гнёт и эксплуатацию крестьян. Последние подвергались всё возрастающей эксплуатации со стороны феодалов и со стороны торговцев, скупщиков, ростовщиков.

Не в лучшем положении находилось и население посада, немало страдавшее от засилья и произвола его богатой верхушки. Широкие слои посадского населения по своему положению были не далеки от крепостных, а это сближало их интересы с интересами крестьянства.

Движение крестьян и городской бедноты вылилось в многочисленные восстания, которые имели место на протяжении всего XVII в.

В 1606 г. началось восстание крестьян и казаков во главе с *Иваном Болотниковым*, принявшее характер крестьянской войны и охватившее обширный район. Это стихийное восстание крестьянства было направлено против феодального гнёта. К восстанию примкнули служилые и посадские люди, а также те дворяне, которые были недовольны царём Василием Шуйским, ставленником крупного боярства. Но дворяне не могли поддерживать антифеодальную направленность восстания Болотникова, проявляли неустойчивость и тем самым ослабили силы восставших. В 1607 г. восстание с чрезвычайной жестокостью было подавлено.

В конце первой половины XVII в. прокатилась волна городских восстаний. Эти восстания явились стихийным взрывом протеста трудящихся масс против жестокой эксплуатации и закабаления их со стороны феодалов, верхов посада и против непосильного налогового обложения.

Налоговая политика правительства тяжело отзывалась на массе посадского населения. Прямые налоги были весьма

неравномерны. Жители довольно многочисленных «обеленных» дворов и целых «белых слобод», заложившихся за боярами и монастырями, равно как и служилые люди и духовенство, были свободны от налога и могли беспрепятственно заниматься торговлей и промыслами. Вся тяжесть налогового обложения ложилась на наименее обеспеченную часть плательщиков.

Особенно тяжёлыми для населения были всевозможные сборы, носившие характер косвенных налогов; к их числу относился и соляной налог, послуживший непосредственным поводом к восстанию 1648 г.

Начавшись в Москве, восстание («соляной бунт») охватило ряд городов на севере, на юге, в Сибири и, наконец, в 1650 г. перекинулось в Новгород и Псков.

Своего рода продолжением этих волнений было вспыхнувшее в 1662 г. в Москве городское восстание («медный бунт»).

В 1666 г. произошло восстание казачества и крестьян под руководством Василия Уса. Вслед за тем (с 1667 г.) началось казацко-крестьянское движение под предводительством *Степана Разина*. В 1670—1671 гг. движение приняло огромные размеры, охватив всё Поволжье и многие другие районы Русского государства. Это наиболее мощное после восстания Болотникова народное движение носило также характер крестьянской войны, направленной против феодально-крепостнического гнёта в стране. Восставшие сжигали усадьбы и расправлялись с помещиками. Основной движущей силой восстания со времени вторичного прихода Разина с Дона на Волгу являлось крепостное крестьянство. Вокруг Разина объединились крестьяне, беднейшее казачество и посадская беднота; к восставшим примкнули чуваша, татары, мордва и марийцы. Восстание Разина было жестоко подавлено. Однако оно нанесло сильный удар по господствовавшему классу.

Шла борьба и внутри господствовавшего класса феодалов. В период иностранной интервенции бояре, воспользовавшись тяжёлым положением страны, провозгласили царём своего ставленника Василия Шуйского. В 1610 г. образовалось временное правительство семи бояр из старых княжеских родов, которое признало царём польского королевича Владислава с тем условием, что он будет править совместно с боярами. После изгнания интервентов народным ополчением дворяне вновь захватили власть и избрали царём Михаила Романова.

При Романове выдвигается новая боярская аристократия из числа близких к царю лиц, которая пользуется царскими милостями и привилегиями.

Основная группа господствующего класса — дворянство принимает всё более активное участие в государственном управ-

лении и ведёт борьбу против боярской аристократии и против местничества.

В 1682 г. местничество было окончательно уничтожено.

Верхи духовенства в свою очередь стремились к политической независимости от царской власти и вели борьбу за эту независимость, что нашло особенно яркое проявление в деле патриарха Никона. В борьбе против притязаний церковных феодалов правительство встретило поддержку поместного дворянства, интересы которого сталкивались с устремлениями церковных верхов.

С делом Никона тесно связано возникновение и распространение раскола. Раскол представлял собой своеобразную форму борьбы народных масс против феодально-крепостнического гнёта, поскольку господствующая церковь поддерживала их угнетателей. Нельзя, однако, забывать и того, что раскол притягивал к себе наиболее реакционные элементы, противившиеся всему новому.

На государственные дела начинало оказывать известное влияние и купечество. Однако оно было ещё экономически слабо и оттиралось на задний план представителями знати.

В XVII в. государственный строй России всё более приближался к абсолютной монархии, что было вызвано экономическим развитием страны и обострившейся классовой борьбой. Возрастало значение бюрократического государственного аппарата с его системой многочисленных приказов, была создана постоянная армия (стрельцы, рейтары и т. д.).

Рост расходов на содержание государственного аппарата и армии вызывал острую потребность в денежных средствах. Многочисленные прямые и косвенные налоги и сборы в пользу государства, широкое применение системы откупов разоряли народные массы.

В 50-х годах XVII в., во время войны с Польшей и Швецией, финансовое положение России стало особенно напряжённым. Денежное обращение в стране пришло в расстройство. Пытаясь найти выход из затруднительного положения, правительство прибегло в 1654 г. к выпуску медных денег с высокой нарицательной стоимостью и принудительным курсом. Неизбежным следствием этого мероприятия явилось быстрое обесценение денег, повышение цен на товары и образование лажа на серебряный рубль. Резкий протест со стороны народных масс («медный бунт» 1662 г.) принудил правительство изъять обесцененные медные деньги из обращения.

Правительство в целях увеличения денежных средств прибегало к поискам золотых и серебряных руд, к получению займа за границей и пр. Но эти попытки были неудачными. Рост потребности государства в деньгах и расширение торговых

связей вызвали к жизни систему правительственных мероприятий, направленных на привлечение в страну возможно большего количества благородных металлов в монетах, слитках и на удержание денег в стране. С половины XVII в. правительство всё более решительно стремилось к достижению активного торгового баланса. Политика государства в области торговли была связана с образованием и развитием всероссийского рынка и в значительной степени отражала требования купечества.

Основной линией экономической политики правительства в области торговли являлось уничтожение привилегий, «тарханов», которыми пользовались иностранные купцы, некоторые группы «гостей» и посадских людей. В 1646 г. беспошлинная торговля англичан, голландцев и других иностранцев была отменена, а после челобитной, поданной русскими купцами в 1649 г., иностранным купцам было запрещено вести торговлю внутри страны и отказано в транзитной торговле с восточными странами.

Новые принципы экономической политики правительства получили наиболее отчётливое выражение в Торговой уставной грамоте 1654 г. и Новоторговом уставе 1667 г. Торговой уставной грамотой вводилась покровительственная система таможенных пошлин, устанавливалась единая пошлина и определялся ряд других мероприятий, упорядочивавших внешнюю торговлю. В Новоторговом уставе была разработана подробная регламентация торговли иностранцев в целях укрепления русской внешней торговли, привлечения и удержания золота и серебра в стране.

Правительством проводилась широкая система мероприятий, направленных на развитие внешней и транзитной торговли, на изыскание новых путей сообщения и новых рынков. Стремясь расширить торговые связи с западноевропейскими и азиатскими странами, правительство направляло за границу своих послов для выяснения условий торговли с отдельными странами, заключало торговые договоры, продолжало добиваться выхода к Балтийскому морю. В 60-х годах был разработан проект канала, который должен был соединить Белое море с Москвой через Волгу.

Россия устанавливала тесные связи с восточными странами, и всё более овладевала транзитной торговлей Запада с Востоком. Делались попытки завязать торговые отношения с Индией, Китаем и отыскать ближайшие удобные пути в эти страны. В течение XVII в. русские проникали всё дальше на восток и присоединили к России всю Сибирь до Охотского моря.

Проводя сложную и развитую систему мероприятий в области внешней торговли, царское правительство осуществляло и ряд отдельных мероприятий, направленных на развитие отечественного производства. В России строились государственные металлургические, военные и другие предприятия —

мануфактуры. К строительству мануфактур привлекались иностранные предприниматели и русские купцы, которым предоставлялись различные льготы: монопольное право производства товаров, право беспошлинной продажи произведённого товара, временное освобождение от налогов и т. д. В отдельных случаях предпринимателям выдавались и правительственные субсидии. Но эти мероприятия являлись ещё разрозненными и развитой системы покровительственной экономической политики не составляли.

Необходимость этой, в основном прогрессивной для того времени, политики настоятельно вызывалась не только внутренними социально-экономическими причинами, но и внешнеполитической обстановкой Русского государства. На протяжении XVII в. Россия была вынуждена вести тяжёлую и напряжённую борьбу за свою национальную независимость против польских, шведских и турецких захватчиков.

Оплот феодальной реакции — Ватикан, стремившийся повсеместно распространить католицизм, уже давно подготавливал и в начале XVII в. организовал агрессию феодалов католической Польши против России. Римский папа через своих представителей в Польше субсидировал и поддерживал Лжедмитрия.

Благодаря героическому усилию, самоотверженности и патриотизму русского народа польские интервенты, вторгшиеся в Россию в начале XVII в., были изгнаны из страны.

В последующих напряжённых войнах с шляхетской Польшей, Швецией и Турцией русский народ отразил все попытки иностранных агрессоров захватить исконные русские земли и поработить Россию.

В XVII в. произошло знаменательное историческое событие — воссоединение Украины с Россией.

Украинский народ, связанный с русским народом единством происхождения, близостью и общностью всего исторического развития, постоянно стремился к объединению с братским русским народом.

Длительное время Украина страдала от притеснений жадных и властолюбивых польских панов, от турецких султанов и татарских ханов, неоднократно грабивших и разорявших эту страну.

В освободительной войне 1648—1654 гг., которая велась под руководством выдающегося государственного деятеля и полководца Богдана Хмельницкого, украинский народ героически боролся за освобождение Украины от гнёта польской шляхты, за воссоединение Украины с Россией. Главной и решающей силой в освободительной войне было угнетённое крестьянство, которое боролось за освобождение Украины от иноземного порабощения.

8 (18) января 1654 г. Переяславской Радой было принято решение о воссоединении Украины с Россией.

Это знаменательное событие имело огромное прогрессивное значение для экономического, политического и культурного развития украинского и русского народов. Воссоединение Украины с Россией способствовало расширению экономических и культурных связей, росту промышленности, торговли и распространению просвещения. Украинский и русский народы получили возможность объединёнными силами обороняться от иностранных интервентов, вести совместную борьбу против помещиков-крепостников, а впоследствии и против капиталистического рабства.

Переходя к характеристике русской экономической мысли рассматриваемого периода, необходимо отметить, что в ней отчётливо выявились различные направления, которые отражали противоречия того времени, борьбу новых, прогрессивных сил против отживших порядков.

Экономические требования восставшего крестьянства

Классовая борьба крестьянства против феодалов шла по двум основным направлениям. Черносошное крестьянство боролось против расширения феодальной собственности на землю, против захвата крестьянских земель и закрепощения крестьян. Крепостное крестьянство боролось против увеличения эксплуатации, которое помещики осуществляли путём сокращения наделных земель и увеличения барской запашки. Оно было кровно заинтересовано в ликвидации власти феодалов над личностью крестьянина и феодальной земельной собственности. Борьба крестьянства против феодалов, естественно, должна была перерасти в борьбу против основ феодального строя.

Требования крестьянства получили наиболее яркое выражение в крестьянских войнах 1606—1607 гг. и 1670—1671 гг., носивших антифеодальный, антикрепостнический характер.

О целях и задачах этих восстаний можно судить на основании сохранившихся правительственных актов, писем и донесений из районов восстаний, сообщений о «Листах» с призывами Болотникова, «Прелестных письмах» и «Грамотах» Степана Разина. Эти документы являются главными источниками для изучения крестьянских восстаний под руководством Болотникова и Разина. Ценный материал для исследования представляют также народные песни и предания, которые правдиво раскрывают подлинные стремления и чаяния трудящихся масс.

Экономические и политические требования крестьян не были ещё достаточно отчётливо сформулированы. Однако те

лозунги, под которыми проходили восстания, формы и методы борьбы восставших масс показывают, что объективным содержанием требований крестьян являлась ликвидация феодально-крепостнических отношений. Крестьянство боролось против крепостного гнёта и эксплуатации.

Главной движущей силой первого крестьянского восстания — под руководством Болотникова — являлись крестьяне и холопы. Это уже определяло социальную направленность, а в известной мере и требования восставших.

Восставших крестьян поддерживали служилые и посадские люди, низшие слои казачества и стрельцы. На сторону восставших переходили и отдельные дворяне со своими отрядами, но они составляли лишь незначительную часть войска Болотникова и отнюдь не определяли цели восстания, которое на всех этапах движения носило ярко выраженный антифеодальный характер. Цели присоединившихся к восстанию дворян были прямо противоположны целям восставших крестьян и холопов. Этим и объясняется измена дворян и переход их в лагерь врага в самый напряжённый и решающий момент восстания.

Представление о целях восстания дают призывы, содержащиеся в воззваниях или так называемых «Листах» Болотникова, обращённых к населению.

В «Листах» Болотникова содержится призыв к холопам «побивать своих бояр... гостей и всех торговых людей» и «животы их грабити»¹. Это показывает, что восстание прежде всего было направлено против господствовавшего класса феодалов. Крестьянство боролось также и против купцов, разорявших и грабивших население. Восставшие расправлялись с ненавистными им воеводами. Болотников «нача по градам воеводы имати и сажати по темницам». Одновременно происходило уничтожение крепостной зависимости. В одной из челобитных того времени сообщается, что в восставшей Астрахани «людишек кобальных ропускали и крепости им выдавали»².

Исторические документы свидетельствуют, что в районах восстания крестьяне и холопы разоряли и сжигали имения феодалов, захватывали их имущество и скот. Насколько решительны были действия восставших масс, можно судить на основании челобитных дворян, поступавших на имя царя Василия Шуйского. В своих челобитных дворяне жалуются, что их имения «от государевых изменников розорены без остатка»³.

¹ См. И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, 1606—1607, Госполитиздат, 1951, стр. 495.

² А. М. Гневушев, Акты времени правления царя Василия Шуйского, М. 1914, стр. 206.

³ См. там же, стр. 255, 256, 257.

Историко-политические сочинения идеологов боярства первой половины XVII в. дают достаточно яркое представление о расправах восставших с феодалами и о стремлении крестьян и холопов захватывать феодальные имения. Весьма показательным в этом отношении высказывание дьяка Ивана Тимофеева, который в своём «Временнике» пишет, что крестьяне и холопы, или, как он их называет, «чернь», «утвердила в своем уме весьма безрассудное решение и даже склонилась на то, чтобы погубить начальников и избранных лучших мужей, а особо знаменитых (по сравнению) с собой, после мучений предать всех смерти, а их имения захватить себе»¹.

Реакция идеологов боярства на борьбу восставших масс против господствующего класса свидетельствует о том, что восставшие крестьяне и холопы своими действиями наносили сильный удар по классу феодалов.

Исторические памятники указывают на насильственный захват крестьянами земель монастырей. Так, например, в «Актах времени правления царя Василия Шуйского» содержится документальный материал по спорному делу об угодьях между крестьянами и Троице-Сергиевским монастырём, в котором говорится, что в 1607 г. крестьяне чёрной Вотцкой волости хотели насильно завладеть угодьями и санными покосами, отнятыми у них монастырём².

Материалы, приведённые И. И. Смирновым в книге «Восстание Болотникова», говорят о том, что крестьяне, захватившие землю монастырей, уничтожали все прежние знаки монастырской собственности на землю. Они перепахивали межи, выкапывали межевые столбы, выжигали «границы» на деревьях и т. д.³

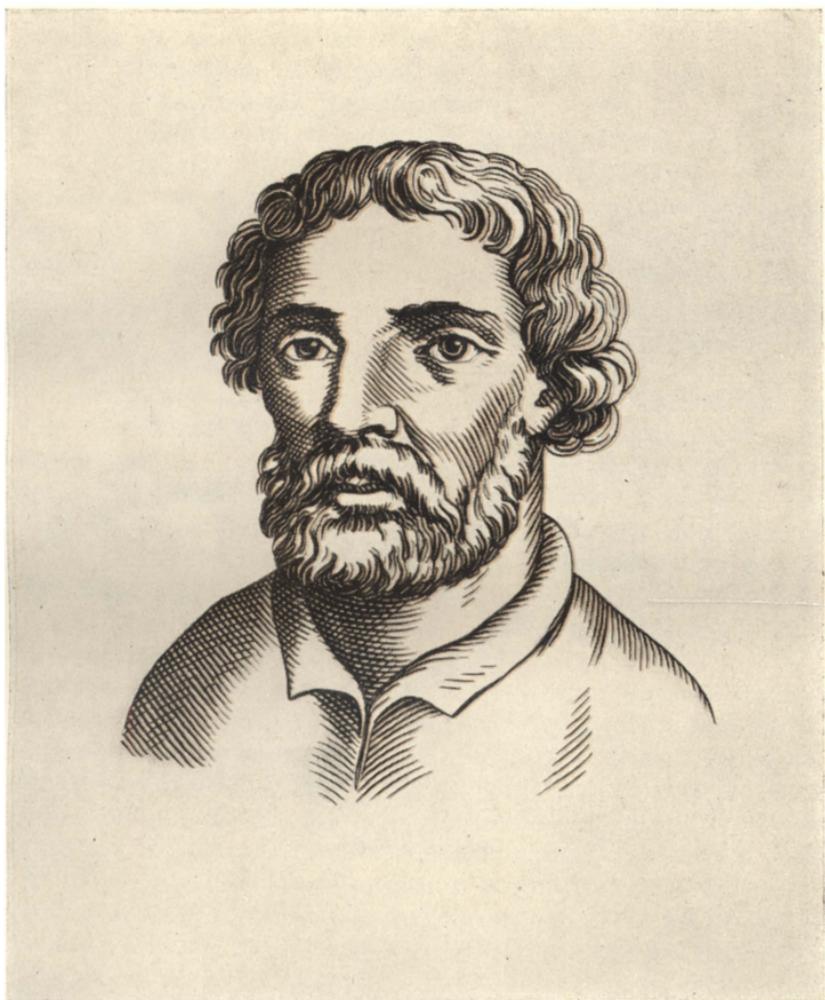
Движение крестьян под руководством Разина шло так же, как и в первую крестьянскую войну, под лозунгом: «Выводить мирских кровопивцев, изменников-бояр»⁴. Этот лозунг достаточно ясно характеризует классовую направленность восстания. Опорой Разина были «кабальные и опальные» крестьяне и беднейшее казачество, низшие слои городского населения — «чернь».

¹ «Временник Ивана Тимофеева», АН СССР, М. — Л. 1951, стр. 303. (Курсив мой. — Е. Я.)

² См. А. М. Гневушев, Акты времени правления царя Василия Шуйского, стр. 15.

³ См. И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, 1606—1607, Госполитиздат, М. 1951, стр. 497, 500.

⁴ См. «Акты исторические», т. IV, Спб. 1842, стр. 433.

СТЕПАН РАЗИН

В одной из народных песен, сложенных донскими казаками, говорится:

Братцы, вы мои казачешки,
Ай, ну и голь жа, голь бедняцкая,
Собирайси ты со всех, ну, со всех сторон!
Товарищи вы, други любезнай,
Собирайтесь, братцы, вот вы сылетайтесь,
Братцы, на волюшку — волю вольнаю! ¹

Классовая дифференциация сил в движении под предводительством Разина определялась более чётко, чем в предыдущем восстании под предводительством Болотникова. Лагерю феодалов противостоял многочисленный лагерь угнетённых народных масс, объединённых одной целью — освободиться от непосильного гнёта и крепостной зависимости.

Большой интерес представляют описания исторических событий, показывающие отношение восставших к разным классам общества. «А езда они, воровские казаки, по уездам, рубять помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а черных де людей — крестьян, и боярских людей, и казаков, и иных чинов служилых людей никою не рубять и не грабять» ². Это опять-таки свидетельствует о том, что главный удар восстания был направлен против господствующего класса феодалов — бояр и помещиков, против феодальной эксплуатации.

Казаки и крестьяне, собравшиеся вокруг Разина, заявляли: «И ныне де пойдем на бояр и воевод на Волгу за то, что де бояря и воеводы нас голодом морят...». «Они де, бояря и воеводы, нас имали и вешали и головы нам секли и в воду сажали» ³.

Нищенское существование, тяжёлый гнёт крепостничества вызывали справедливый гнев и ненависть народных масс, побуждали их к расправе с феодалами и царскими чиновниками.

В Астрахани, Царицыне и других захваченных городах восставшие убивали всеиельных воевод и близких к ним высших чинов служилых людей, которые занимались самоуправством на местах и притесняли население. В следственных материалах по делу о бунте Степана Разина говорится: «...и взяв Астрахань, боярина и воеводу князя Ивана Семеновича Прозоровского с товарищи, и всяких людей, которые к воровству не пристали, побили и животы пограбили» ⁴.

Отношение восставших масс к различным классам, к различным слоям общества наглядно отражено и в народном песенном творчестве.

¹ А. М. Листопадов, Донские исторические песни, Ростов-на-Дону 1946, стр. 21.

² ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказной стол, столбец № 417, л. 223.

³ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», Сборник документов, т. I, АН СССР, М. 1954, стр. 253.

⁴ «Акты исторические», т. IV, Спб. 1842, стр. 402.

В одной из наиболее популярных народных песен — «Что пониже было города Саратова» описывается расправа восставших с астраханским губернатором.

Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили головку в Волгу матушку¹.

Расправа с губернатором была вызвана его жестоким обращением с населением:

Ты добре, ведь, губернатор, к нам строгонек был,
Ты, ведь, бил нас, ты губил нас, в ссылку ссылавал,
На воротах жен, детей наших разстреливал!²

Восставшие массы выступали и против богатых купцов, в лице которых они видели союзников господствующего класса — феодалов. В западносибирской народной песне говорится, что восставший народ грабил купцов-молодцов, потому что они скрыли у себя губернатора:

Потаили купцы губернатора,
У себя оне спрятовали под товары под свои³.

Классовая природа и цели восстания наиболее ярко выражены в заявлении самого Степана Разина, обращённом к народу. Он говорил, что идёт «...всех князей и бояр и знатных людей и все шляхетство российское побить, искоренить всякое чиновачалие и власть, и учинить то, чтоб всяк всякому был равен»⁴.

Эти слова убедительно показывают, что во вторую крестьянскую войну под руководством Степана Разина восставшее крестьянство боролось за ликвидацию феодально-крепостнического строя в целом.

К. Маркс интересовался восстанием Степана Разина. Об этом свидетельствует составленный им конспект книги Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Излагая содержание работы, Маркс подчёркивает мысль Костомарова о том, что одной из главных причин восстания народных масс под водительством Разина являлись «...отношения между землевладельцами и работниками»⁵ и что восстанию предшествовало строжайшее прикрепление крестьян к земле⁶. Сама система государственного управления России, сложившаяся в XVII в.,

¹ В. Ф. Миллер, Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. 93, Пгр. 1915, стр. 775.

² Там же.

³ Там же, стр. 716.

⁴ «Исторические материалы о Стеньке Разине». Отрывок из Хронографа, сообщённый К. И. Аверипым, «Москвитянин», ч. IV, № 7, М. 1841, стр. 169.

⁵ К. Маркс, Стенька Разин, Журнал «Молодая гвардия» № 1, 1926 г., стр. 109.

⁶ См. там же, стр. 107.

после прихода к власти Романовых, вызывала недовольство народа и подготавливала почву для восстания. «Весь порядок тогдашней Руси, — *отношение сословий* (классов, — добавляет Маркс к тексту Костомарова), права их, финансовый быт, управление, — все давало казачеству пищу в движении народного недовольства, и *вся половина XVII века* была подготовлением эпохи Стеньки Разина»¹.

Болотников и Разин ставили целью полное освобождение крестьян и холопов от крепостной зависимости. В районах восстания они отпускали на свободу всех крепостных крестьян и уничтожали кабальные грамоты.

Крестьяне освобождались не только от крепостной зависимости, но и от всех повинностей и налогов. В городах, освобождённых Болотниковым, «...дворянские и детей боярских крестьяне во все в те во смутные годы с нами з городцкими людьми городовых и острожных поделак не дельвали, и рвов не копали, и башень не делали, и в государеву казну никаких податей не довали... и повозак никаких не возили, и запасов не довали, и не дельвали»².

В поместьях и монастырских вотчинах крестьяне отказывались выполнять феодальные повинности, барщину и оброк, и платить налоги. Так, например, по свидетельству челобитной игумена Антониева-Сийского монастыря «...монастырские крестьяне ему, игумену, учинились сильны, наших грамот не слушают, дани и оброку и третного хлеба им в монастырь не платят, как иные монастырские крестьяне платят, и монастырсково изделья не делают, и ни в чем де его, игумена з братьею, не слушают и в том ему, игумену, чинят убытки великие»³.

Налоги отменялись и в городах, занятых Степаном Разиным, писцовые же книги сжигались.

В городах и селениях власть передавалась казацкому «кругу». Высшая администрация, дворяне и купцы предавались казни или бросались в тюрьму, их имущество делилось между восставшими и наиболее бедными слоями населения.

Вместе с тем у вождей крестьянского движения — Болотникова и Разина — не было чётких представлений о будущем экономическом и политическом устройстве общества. Вожди крестьянства не могли создать какой-либо определённой социально-экономической программы. Их желания не шли дальше казацкой власти «круга» и установления государственного порядка во главе с «хорошим царём», но без бояр и помещиков.

¹ К. Маркс, Стенька Разин, Журнал «Молодая гвардия» № 1, 1926 г., стр. 109.

² «Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг.», Собрал и редактировал С. Б. Веселовский, М. 1911, стр. 16.

³ «Исторический архив», I, АН СССР, М. — Л. 1936, стр. 35.

Болотников, например, в своих «Листах» призывал «целовать крест царю Дмитрию». И. В. Сталин, характеризуя вождей крестьянских восстаний, указывал: «...говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг»¹.

Неспособность вождей крестьянского движения сформулировать экономическую и политическую программу была обусловлена положением крепостных крестьян. Крестьянство было задавлено темнотой, разобщено и бесправно.

В. И. Ленин и И. В. Сталин с исчерпывающей полнотой показали причину слабости и недостатков крестьянских восстаний в условиях феодально-крепостнического строя.

Стихийные крестьянские восстания не могли иметь успеха, так как в России в то время не было ещё рабочего класса, который мог бы руководить борьбой восставших масс. «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими «разбойными» и неорганизованными, как у Степана Разина, ни к чему серьёзному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»², — говорил И. В. Сталин.

Несмотря на то, что первые стихийные восстания крестьян были жестоко подавлены, они имели огромное историческое значение, так как наносили сильный удар господствующему классу. Восстания крестьянства под руководством Болотникова и Разина являлись первым историческим опытом борьбы угнетённых крестьянских масс против феодального гнёта и эксплуатации. Мысли и дела Болотникова и Разина, как и всего восставшего крестьянства, продолжали жить в сознании масс и оказали несомненное влияние на дальнейшее развитие русской общественной мысли.

Экономические требования купечества

Посадские торговые люди, развивавшийся класс купцов предъявляли свои требования и выдвигали новые задачи экономической политики Русского государства.

Общее направление экономической мысли этих слоёв населения было отчётливо выражено в челобитных посадских торговых людей, в правительственных актах и постановлениях.

¹ И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом, Соч., т. 13, стр. 113.

² Там же, стр. 112—113.

Посадские торговые люди в своих «сказках» на Земских соборах жаловались на притеснения со стороны крупных феодалов и на своё положение: «...а мы, холопы твои, гостишка и гостинья и суконья сотни торговые людишка городовые и питаемся на городех от своих промыслишков, а поместий и вотчин за нами нет никаких...»¹.

Торговля и промыслы, являвшиеся главным занятием посадского населения, встречали препятствия для своего развития в условиях феодального города. Посадские торговые люди требовали ликвидации «белых слобод» и добивались монопольного права на занятие торговлей и промыслами.

Вместе с тем ими настойчиво ставился вопрос об отмене монополий и привилегий — «тарханов», которые предоставлялись правительством крупным монастырям, отдельным, наиболее богатым вотчинникам, группам «гостей» и иностранным купцам.

Ещё более отрицательно сказывались на состоянии торговли и промыслов посадского населения конкуренция и засилье иностранных купцов на русском рынке. Действуя организованно, иностранные купцы нередко выступали в роли скупщиков и захватывали в свои руки внутренний рынок и транзитную торговлю.

Жалобы на засилье иноземных купцов, требования ограничить их права и привилегии содержались едва ли не во всех «сказках» и челобитных торговых людей того времени. «...А торжишка, государь, у нас холопей твоих, при прежних годех стали гораздо худы, потому что всякие наши торжишка на Москве и во всех городех отняли многие иноземцы, немцы и кизылбашцы, которые приезжают к Москве и в иные города со всякими своими большими торгами и торгуют всякими товарами...»², — говорили, например, торговые люди на Земском соборе 1642 г.

В челобитной 1646 г. купцы и средние торговые люди вновь поставили вопрос об ограничении права торговли иностранцев.

Ещё более решительные требования об ограничении прав иностранных купцов содержались в челобитной 1649 г.³

Однако борьба посадских торговых людей за создание благоприятных условий для своей торгово-промышленной деятельности не затрагивала основ феодализма. Она проходила в рамках и на основе обслуживания феодализма товарным производством.

Основные требования купечества поддерживало и дворянство, поскольку оно было заинтересовано в развитии товарно-

¹ «Акты, относящиеся к истории Земских соборов», М. 1909, стр. 55.

² Там же.

³ См. «Сборник князя Хилкова», Спб. 1879, стр. 238—240.

денежных отношений и упрочении централизованного феодального государства.

Наиболее полную характеристику экономических требований нового, складывающегося класса — купечества — даёт Соборное уложение 1649 г., в частности, статьи о ликвидации «белых слобод» и института закладничества, в основу которых были положены челобитные посадских торговых людей.

Соборное уложение 1649 г. выделяло посадских людей в особое городское податное, или «тяглое», сословие.

Городские слободы, принадлежавшие ранее белопоместным монастырям и боярам-вотчинникам, «отписывались на государя», т. е. конфисковывались, и передавались городам. Жители «белых слобод»: крестьяне, бобыли, ремесленники и торговцы облагались «тяглом» наравне со всеми горожанами. Посадские люди получали монопольное право на торговлю и занятие промыслами.

На этой основе признания взаимных интересов верхов городского населения и царской власти в середине XVII в. образовался, как отмечает П. П. Смирнов, союз между царской властью и классом русских средневековых бюргеров¹.

Постановление Земского собора о ликвидации «белых слобод» и закладничества приняло характер реформы городского строения, которая создавала необходимые условия для торговой и промышленной деятельности посадских торговых людей и усиливала купечество. В результате этой реформы количество горожан, занимавшихся торговлей и промышленностью, заметно возросло. Реформа провела резкую грань между городским и окончательно закрепощённым крестьянским населением и тем самым ускорила рост общественного разделения труда между городом и деревней. Всё это создавало предпосылки для дальнейшего развития товарного производства и способствовало расширению рыночных связей внутри страны.

Несомненно в интересах торговой буржуазии и дворянства в Уложении 1649 г. были детально разработаны условия пользования трудом наймитов и предусмотрена возможность вольного найма. «А будет чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоватися в работу: и тем крестьяном и бобылем у всяких чинов людей наймоватися в работу по записям и без записей повольно. А тем людем, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не имать и ни чем их себе не крепить, и как от них те наймиты отработаются, и им отпуцать их от себя безо всякого задержания»².

¹ См. П. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. II, АН СССР, М. — Л. 1948, стр. 240.

² «Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича» (1649), гл. XI, ст. 32, Спб. 1913, стр. 137.

Что касается требований посадских торговых людей и «гостей» об ограничении прав иностранного купечества, то они нашли своё частичное отражение в отдельных правительственных постановлениях, в Торговой уставной грамоте 1654 г. и особенно в Новоторговом уставе 1667 г., который значительно усилил ограничения торговой деятельности иностранцев в России и свёл их в единую систему.

Экономические взгляды идеологов боярства первой половины XVII в.

Уже первая крестьянская война должна была поколебать веру угнетённых народных масс в прочность и незыблемость существующих устоев общественной жизни.

Идеологи господствовавшего класса, напуганные невиданным ранее размахом крестьянского движения, выступают с защитой феодальной собственности, феодальной эксплуатации, резко порицая антифеодальные выступления крестьянства.

Апологетика феодального строя ярко выражена в историко-политических трактатах первой половины XVII в.: «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева¹, «Сказании» Авраамия Палицына², «Повести» князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского³ и в ряде других.

Указанные произведения, в которых даётся описание исторических событий, развернувшихся в России начала XVII в., содержат в основном одни и те же социальные идеи и выражают одинаковую классовую направленность их авторов. Исходным положением, от которого отправляются их авторы, является мысль о вечности и незыблемости существующих на земле порядков.

Дьяк Иван Тимофеев писал в своём «Временнике», что деление на господ и рабов существовало извечно и является естественным порядком, установленным свыше. При этом он не делал различия между рабами и крепостными крестьянами.

Рабы, к которым он относит, следуя церковному канону, всех, кто находится в подчинении у властителей, должны безропотно повиноваться своим господам и в первую очередь самодержавному царю.

Так это и было, по его мнению, до тех пор, пока сами русские цари придерживались установленных естественных

¹ «Временник Ивана Тимофеева», Серия «Литературные памятники», под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, АН СССР, М. — Л. 1951.

² См. «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени», «Русская историческая библиотека», изд. 2, т. XIII, Спб. 1909.

³ См. там же.

порядков. «Мы им в течение многих веков и доселе не прекословили, — как по писанию следует рабам быть послушными своим господам»¹.

Тимофеев резко критиковал Ивана Грозного и Бориса Годунова за то, что они, нарушив старые обычаи, призвали к управлению дворян, вследствие чего единый ранее класс феодалов был раздроблен и ослаблен.

Проявляя свои антидворянские настроения, он обрушивается на дворян за то, что они, будучи неопытными в делах государственного управления, «недостойными» людьми, сеяли раздоры, заботились о собственном благополучии и обогащении и вызвали тем самым недовольство и возмущение народных масс. Однако Тимофеев выступал и против тех бояр — «столпов» феодального общества, которые не проявили, по его мнению, необходимого мужества и стойкости и, пребывая в «бессловесном молчании», не оказали активного сопротивления политике Грозного и Годунова.

В нарушении старых порядков и ослаблении силы и влияния боярства Тимофеев видел главную причину народных восстаний, происходивших в начале XVII в. Когда властители стали изменять древние законы и обычаи, пишет он, тогда «и в повинующихся рабах естественный страх повиновения владыкам начал оскудевать»².

Он резко порицал восставший народ — крестьян и холопов — за то, что они не хотели «повиноваться и покоряться находящимся (в городах), поставленным от бога царем властям»³.

Крестьянское восстание во главе с Болотниковым Тимофеев называет «неослушным самовластием рабов». Это восстание, пишет Тимофеев, опрокинуло все установленные ранее законы и обычаи; «малые стали одолевать великих, юные — старых, бесчестные — честных и рабы — своих владык»⁴.

Важнейшую задачу Тимофеев видел в укреплении государственной власти во главе с «истинным царем», который мог бы вернуть былую мощь и влияние боярства и восстановить старые законы и обычаи.

Основной смысл его рассуждений сводится к тому, чтобы доказать необходимость объединения и сплочения сил господствующего класса феодалов для защиты феодальной собственности, для борьбы против эксплуатируемых крестьянских масс и против внешних врагов.

¹ «Временник Ивана Тимофеева», Серия «Литературные памятники», под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, АН СССР, М. — Л. 1951, стр. 282.

² Там же, стр. 283.

³ Там же, стр. 302—303.

⁴ Там же, стр. 285.

Горячими защитниками интересов боярства были также Авраамий Палицын и Катырев-Ростовский.

Вместе с тем в условиях обострившейся классовой борьбы эти идеологи господствовавшего класса начинали всё более понимать, что чрезмерное обременение феодальными повинностями и налогами приводило к разорению и обнищанию крестьянства и вызывало острое недовольство и возмущение народных масс. В указанных выше произведениях осуждается стремление феодалов к чрезмерному обогащению. «Это зло и донныне у нас совершается у всех на глазах — хотят как можно скорее славы и богатства и обогащаются с помощью всякой неправды без рассуждения. Если что получают через слезы и кровь, не раскаиваются и не смотрят на это. Только на то смотрят в божьем (мире), как бы им получить желаемое. Зная, что это грешно, они совсем не чувствуют от этого страха или ужаса, и никто не стыдится больше своих седи́н, а к одному стремится — как бы все свои сокровищницы изобильно наполнить похищенным»¹, — писал Иван Тимофеев.

Эти мотивы выступают и в «Сказании» Авраамия Палицына. Последний не только порицал тех, кто стремился «много богатства притяжать», но и высказывался против увеличения налогов. Одну из причин «ненависти всего мира» к Борису Годуну Палицын видел в том, что народ был недоволен нововведениями Годунова, повышением налогов, многочисленной раздачей откупов и т. д.

Польско-шведская интервенция в начале XVII века остро поставила задачу защиты национальной независимости Русского государства.

В противоположность той части реакционного боярства, которая ставила свои узкоклассовые интересы выше интересов нации и пошла на соглашение с иностранными интервентами, наиболее вдумчивые идеологи боярства поднялись до понимания общенациональных интересов и выступили на защиту Отечества.

Авторы историко-политических сочинений первой половины XVII века — Тимофеев, Палицын и Катырев-Ростовский призывали к мобилизации всех сил народа для борьбы с иностранными захватчиками и высказывали мысль об ответственности народа за судьбы Отечества. Они пытались указать пути к укреплению политического и экономического положения государства и его обороноспособности.

Однако в силу классовой ограниченности эти идеологи боярства не могли дать сколько-нибудь цельной и положительной политико-экономической программы.

¹ «Временник Ивана Тимофеева», АН СССР, М. — Л. 1951, стр. 297.

Стремясь сгладить остроту классовой борьбы в стране, они убеждали феодалов отказаться от чрезмерного обогащения, вернуться к более патриархальным феодальным отношениям и выдвигали требование о снижении налогов.

В области политической Тимофеев, Палицын и Катырев-Ростовский предлагали установить феодальную монархию, опирающуюся на боярство, которое должно было, по их мнению, играть руководящую роль в управлении государством.

В условиях, когда в России быстро развивались товарно-денежные отношения и укреплялось многонациональное централизованное государство, подобные требования являлись реакционными и свидетельствовали о неспособности их авторов понять новые, прогрессивные тенденции в историческом развитии России.

Экономические взгляды идеологов дворянства

После изгнания интервентов в центре внимания экономической мысли широких слоёв дворянства стали вопросы, связанные с улучшением его экономического и политического положения.

Новая боярская аристократия — крупные вотчинники, получившие большие привилегии и влияние — захватывала не только свободные земли, но нередко и земли, принадлежавшие дворянам. Пользуясь «урочными летами», они переманивали крестьян и укрывали беглецов.

Это вызывало недовольство поместного дворянства и ещё более обостряло отношения между двумя группами господствовавшего класса. Между ними велась борьба за землю и за рабочую силу — крепостных крестьян. Дворянство добивалось упрочения своего господствующего положения в стране.

Взгляды дворянства нашли своё выражение в многочисленных челобитных дворян — «сказках» и в постановлениях Земских соборов.

В челобитных дворяне жаловались прежде всего на «сильных людей», которые, получив поместья и вотчины, притесняли местных мелкопоместных и беспоместных дворян.

Дворяне добивались возвращения захваченных богатыми вотчинниками земель или получения новых земель взамен прежних: «...а бедных, государь, нас, холопей своих, и разоренных и беспомощных и беспоместных и пустопоместных и малопоместных вели, государь, взыскать своею государскою милостию, поместным и денежным жалованьем»¹.

¹ «Акты, относящиеся к истории Земских соборов», М. 1909, стр. 52.

Одновременно они требовали, чтобы правительство приняло меры против укрывательства «сильными людьми» беглых крестьян, отменило «урочные лета», и настойчиво ставили вопрос о повсеместном учёте и прикреплении крестьян к помещикам и вотчинникам в законодательном порядке.

Вместе с тем дворянство стремилось закрепить за собой поместные земли и добивалось права наследования земли и превращения поместий в вотчины.

В «сказках» дворяне жалуются и на отсутствие управы в судебных делах: «...а разорены мы, холопы твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов. То наша, холопей твоих, разных городов дворян и детей боярских мысль и сказка!»¹. Они ставят вопрос о проведении судебной реформы и требуют судить их по «государеву указу».

Требования дворянства получили наиболее отчётливое оформление в Соборном уложении 1649 г.

Этот исторический документ даёт яркое представление о тех вопросах, которые ставились и разрешались дворянской экономической мыслью XVII в.

Соборным уложением 1649 г. выдвигался на первый план вопрос о дворянском землевладении. Согласно Уложению раздача земельных участков за службу проводилась в соответствии с заслугами и чинами дворянства, причём увеличивались и размеры участков. Вместе с тем фиксировалось право владельца наследовать поместья при условии наследования службы, а также право менять поместья на вотчины.

В интересах дворянства был решён и другой, имевший огромное значение, вопрос — о рабочей силе, иными словами, вопрос о крепостной зависимости крестьян. Отменив «урочные лета» и установив большой штраф за укрывательство беглых крестьян, Соборное уложение наряду с этим признало наследственность крепостного состояния и право собственности помещика на личность крестьянина, узаконив тем самым полное закрепощение крестьянства.

Уложение содействовало упрочению абсолютистской монархии, которая являлась наиболее приемлемой формой власти для дворянства. Этим юридическим документом упорядочилась система государственного управления, уточнялось и изменялось судебное законодательство соответственно требованиям дворян.

Уложение 1649 г. явилось юридической надстройкой над базисом феодального общества. Эта надстройка помогала

¹ «Акты, относящиеся к истории Земских соборов», М. 1909, стр. 54.

держат в узде угнетённые массы и способствовала укреплению господствующего экономического и политического положения дворянства в стране, феодального права дворян на землю, на труд и личность самого крестьянина.

В середине XVII в. ряд передовых государственных деятелей ставит насущные вопросы развития России в более широком плане, выдвигает в качестве основных исторических задач укрепление экономического положения и независимости России.

К их числу можно отнести видного государственного деятеля *Б. И. Морозова* (1590—1661 гг.). Крупный землевладелец-вотчинник, предприимчивый делец и политик, Морозов известен как ревностный сторонник развития торговли и промышленности, знаток финансовых вопросов.

Начав свою службу при дворе в должности стольника и спальника, он был затем воспитателем царевича Алексея, а после смерти первого Романова занял пост начальника Стрелецкого приказа, Большой казны и ряда других учреждений и фактически руководил всей внутренней и внешней политикой Русского государства. С приходом Морозова к власти создано боярско-дворянское правительство, в котором довольно большую роль играли выходцы из посадских торговых людей. Ряд знатных родовитых боярских фамилий был отеснен на задний план и отстранён от управления страной.

Новый состав правительства уже в известной степени определял направление экономической политики, проводимой Морозовым. Будучи сам крупным торговцем-оптовиком, Морозов защищал интересы дворянства и вместе с тем энергично содействовал развитию купечества.

Стремясь удовлетворить экономические требования дворян, он обещал последним принять меры против побегов крестьян и закрепить «крестьян и бобылей» со всеми их родичами. Ещё до принятия Соборного уложения 1649 г. был издан указ переписать всё «тяглое население, крестьян и бобылей, за кем они сидели»¹.

Вместе с тем Морозов приложил немало усилий для развития торгово-промышленной деятельности посадских людей и энергично содействовал оформлению посадского населения в городское «тяглое», т. е. податное сословие. В ответ на челобитные посадских людей, которые жаловались на притеснение «белопоместцев» и беспошлинную торговлю посадских людей, состоящих в закладе, Морозов провёл в ряде городов

¹ *П. П. Смирнов*, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. II, АН СССР, М. — Л. 1948, стр. 13.

«разбояривание»¹. Он разработал план конфискации вотчинных прав на городские земли — «белые слободы» — и ликвидации института закладников. Составленные им приказы и грамоты, выданные городам, были положены в основу XIX главы Уложения 1649 г. об изъятии «белых слобод» и уничтожении закладничества².

Морозов поддерживал требования посадского населения о предоставлении права пользования городской землёй и монопольного права заниматься торговлей и промыслами. Он внимательно прислушивался к жалобам торговых людей на засилье иностранных купцов и провёл ряд мероприятий по ограничению права торговли иностранцев в России. В ответ на челобитную торговых людей 1646 г. правительство, в котором главную роль играл Морозов, отменило жалованные грамоты и привилегии английских, голландских и гамбургских купцов.

Не менее энергично боролся Морозов и против привилегий, которыми пользовались отдельные группы русских «гостей» и монастыри.

Из всего сказанного явствует, что Морозов активно содействовал развитию торговли, в которой он видел один из немаловажных источников доходов казны.

Этому соответствовал и его взгляд на деньги. Рассматривая последние как «силу всех сил»³, Морозов считал, что деньги должны быть пущены в оборот и приносить доход своему владельцу. Из колоссального состояния Морозова в кабальных долгах находилось 80 000 руб. (что в переводе на золотые деньги 1913 г. составляло 1 400 000 рублей). Это приносило ему огромные прибыли⁴.

Являясь начальником Большой казны, Морозов уделял много внимания укреплению государственных финансов и упорядочению денежного обращения в стране. Этот весьма важный и актуальный вопрос он пытался разрешить путём увеличения налогового обложения и жёсткой экономии государственных денежных средств. Он резко сократил расходы на содержание штатов царского двора и управленческого аппарата, главным образом за счёт служилых людей.

В то время, когда Морозов руководил финансами государства, произошли весьма серьёзные изменения в области налогового обложения. Существовавшая ранее податная единица — «посошная подать» — была заменена «живой четвертью», при

¹ См. П. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. II, АН СССР, М. — Л. 1948, стр. 124.

² См. там же, стр. 273—304.

³ См. «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. I, АН СССР, Л. 1933, стр. LXXII.

⁴ См. там же, стр. LXXIII.

которой учитывалась не только земля, но и рабочие руки. Вместе с тем Морозов усилил контроль за взиманием налогов, применяя чрезвычайно жестокие меры по отношению к неплательщикам.

Увеличение налогов осуществлялось за счёт изъятия привилегий — «тарханов», которыми пользовались монастыри, «гости» и иностранные купцы, а также за счёт обложения налогами населения ликвидируемых «белых слобод».

В 1646 г. правительство Морозова прибегло к высокому обложению налогами предметов первой необходимости, установив налог на соль, который прежде всего затронул наименее обеспеченное население городов и деревень.

Деятельность Морозова в области городского устройства восстановила против него крупных вотчинников и духовенство, а его финансовая политика, в особенности же установление высокого налога на соль, вызвала резкий протест широких слоёв посадского населения, вылившийся в острый взрыв классовой борьбы в стране («соляной бунт» 1648 г.). В результате Морозов был в 1648 г. отстранён от государственных дел и временно выслан из Москвы. По возвращении из ссылки он продолжал ещё некоторое время негласно осуществлять руководство внутренней и внешней политикой государства и принимал активное участие в составлении Соборного уложения 1649 г.

Несмотря на несостоятельность некоторых финансовых мероприятий, его политика стимулировала развитие торговли и промышленности и была для того времени в основном прогрессивной.

Ближайшим помощником Морозова, одним из авторов программы косвенных налогов и других правительственных постановлений был ярославский купец *Назарий Чистой*, думный дьяк посольского приказа. Другой крупный купец — *Василий Шорин*, также принимал участие в разработке и проведении важных правительственных мероприятий в хозяйственной жизни страны.

Одним из видных государственных деятелей этого периода являлся *А. С. Матвеев* (1625—1682 гг.). Происходя из семьи дьяка, он получил хорошее образование, занимал ряд ответственных постов, возглавлял руководство Малороссийским и Посольским приказами.

Матвеев обнаруживал понимание перемен, происходивших в экономике России, понимание роли и значения товарно-денежных отношений. Обращают на себя внимание в связи с этим его практические мероприятия, и, в частности, замена существовавшего ранее порядка поставки московскому войску продовольствия натурой более дешёвым и выгодным для государства способом снабжения — закупкой продовольствия на деньги.

Матвеев много сделал для упорядочения работы монетного двора. Он расширял торговые связи с заграницей, заключал торговые договоры с иностранными купцами. Известен, например, заключённый им на выгодных условиях для русской казны и купечества договор с армянской компанией о поставке персидского шёлка. Матвеев являлся одним из инициаторов и организаторов русской экспедиции в Китай.

Наиболее ярким выразителем нового направления русской экономпческой мысли XVII в. являлся выдающийся государственный деятель, политик и дипломат, инициатор важных государственных постановлений *А. Л. Ордын-Нащокин*. Глубоко понимая основные задачи, стоящие перед Россией того времени, *Ордын-Нащокин* осуществил ряд важных мероприятий в экономической и политической области¹.

Для характеристики экономики и экономической мысли рассматриваемого времени известный интерес представляют работы хорвата Юрия Крижанича (1617—1683 гг.), написанные им во время длительного пребывания в России. В своём основном сочинении — «Думы политичны» («Политика») — Крижанич разрабатывал вопрос о способах увеличения богатства в стране. Говоря о необходимости развития производительных сил страны, Крижанич намечал широкие планы мероприятий в области торговли, финансов, промышленности, сельского хозяйства и государственного устройства. Работа Крижанича «Политика» не получила огласки. Она была сдана в царскую библиотеку и опубликована лишь в середине XIX в.

Интересно отметить то критическое отношение, которое встречали в России некоторые экономические проекты, предлагаемые иностранцами. Известен, например, проект увеличения доходов Русского государства, предложенный в 1651 г. французом Жаном де Гроном². Жан де Грон пытался увлечь русское правительство планом быстрого обогащения казны путём широкого строительства кораблей в России и продажи их за границей. По его подсчётам, Россия могла бы получать от продажи кораблей огромный доход — 60 бочек золота в год. Этот явно прожектёрский план остался без последствий.

Крупный датский купец и промышленник Пётр Марселис, живший в России и имевший здесь предприятия, добивался менее стеснительной и фактически беспошлинной торговли для иностранцев, в частности, отмены статей Новоторгового устава 1667 г. об обязательной сдаче золота и ефимков, привозимых иностранными купцами в Россию в обмен на русскую и иностран-

¹ См. главу девятую.

² ЦГАДА, Дела о выездах иностранцев в Россию, 1651 г., фонд 150, д. 12.

ную монету по принудительному курсу. В докладной записке, поданной им в Посольский приказ в 1669 г., Марселис настаивал на свободном привозе золота и ефимков в Россию и пытался доказать, что взимание таможенных пошлин золотом якобы невыгодно для русских. Записка Марселиса была поставлена на обсуждение совещания торговых людей Москвы.

Обсудив предложения Марселиса, совещание выразило своё мнение в следующих словах: «А он Петр тое малую прибыль у ефимков объявил с вымыслом, хотя вместо той малой прибыли всеми торгами на Москве и по городам завладеть тою причиною. И написал в той же статье, чтоб иноземцам привозить к Москве и в города золотые и ефимки и продавать бы всяким людям и на товары менять беспошлинно, и на те б деньги им на Москве и по городам покупать всякие товары. И тем он своим умыслом хочет с иноземцы у всех русских людей торгами завладеть»¹.

Предложения Марселиса не были поддержаны и в Посольском приказе, которым руководил в то время Ордын-Нащокин.

Отношение Ордын-Нащокина и московских торговых людей к предложениям Марселиса свидетельствует о понимании прогрессивными слоями общества насущных задач экономического развития России, необходимости отстаивать её экономическую независимость от настойчивых происков иностранцев, стремившихся овладеть русским рынком и лишить Россию экономической и политической независимости.

Новые мысли, высказывавшиеся передовыми людьми России, встречали сопротивление со стороны реакционных кругов боярства и духовенства, отстаивавших свои привилегии и выступавших против каких-либо изменений в экономической и политической жизни страны, против распространения культуры и просвещения.

В этой борьбе разных направлений русской общественной, в том числе экономической, мысли неизбежно побеждало новое, прогрессивное течение. Идея борьбы за экономическую независимость и самостоятельность России, мысль о необходимости развития её производительных сил получала всё более широкое распространение и признание. Она была положена в дальнейшем в основу политики, проводимой Петром I.

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1668 г., д. 434, л. 37—40.

Глава девятая

ИДЕОЛОГ БОРЬБЫ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ РОССИИ А. Л. ОРДЫН-НАЩОКИН

Общая характеристика политико-экономических взглядов А. Л. Ордын-Нащокина

В XVII веке начинается новая ступень в развитии русской экономической мысли. Новым, что отличает мыслителей и экономистов этой ступени от большинства рассмотренных выше представителей русской экономической мысли, является прежде всего ясное понимание и развёрнутое обоснование ими необходимости ликвидировать экономическое отставание России от других, более развитых европейских стран и таким путём сохранить и укрепить независимость России и её самостоятельность. Их отличает большая широта кругозора, народнохозяйственный и общегосударственный подход к экономическим вопросам. Предметом внимания всё более становятся не только отдельные области или участки народного хозяйства, но и всё народное хозяйство России в целом. Экономисты видят взаимную связь отдельных частей, сфер народного хозяйства: сельского хозяйства, промышленности, торговли, финансов, путей и средств сообщения, и в своих суждениях о задачах страны исходят из неразрывной связи и единства этих отдельных отраслей, сфер народного хозяйства.

Мыслителей и деятелей этой эпохи объединяло не только признание необходимости крупных экономических реформ в стране, но и одинаковое понимание основного направления назревших экономических преобразований. Путь к ликвидации экономического отставания страны, к обеспечению её независимости и самостоятельности они видели в таких экономических реформах, как создание отечественной крупной промышленности, развитие внутренней и внешней торговли, создание в стране собственного торгового флота, системы каналов и других путей сообщения, развитие сельскохозяйственного производства, реорганизация финансовой системы страны, и в других мероприятиях. Разрабатывается развёрнутая программа экономического преобразования России, в основу

которой положена определённая и стройная система передовых воззрений. Эти экономические преобразования, несомненно, имели прогрессивный характер и отвечали назревшим потребностям общественной жизни России.

Экономисты этого этапа стояли на позиции господствовавшего в стране феодально-крепостнического строя, принимая его как естественную и неизбежную основу общественной жизни. Экономические преобразования мыслились ими при сохранении принудительного труда крепостных крестьян. В их сознание начинает постепенно проникать понимание преимуществ вольнонаёмного труда перед принудительным трудом крепостных людей. И всё же проблема рабочей силы для крупной промышленности решается в основном феодально-крепостническими методами. Это накладывает на экономические воззрения и программы мыслителей и деятелей рассматриваемого периода печать исторической ограниченности.

Русских экономистов второй половины XVII — первой половины XVIII в. объединяет и одинаковое понимание роли феодально-абсолютистского государства в осуществлении экономических преобразований страны. Они отводят государству громадное, решающее значение в этих преобразованиях; за феодальным государством они признают право и обязанность активно вмешиваться в хозяйственную жизнь страны, осуществлять опеку, надзор, регламентирование хозяйственной деятельности подданных. Огромное значение придаётся покровительству торговому монополиям, предоставлению привилегий и другим мерам поощрения предпринимательской деятельности.

Такое понимание роли государства и метода хозяйствования отличает русских экономистов рассматриваемого периода как от мыслителей и деятелей предшествующих периодов русской истории, когда вопрос о роли государства в хозяйственной жизни страны в общем, теоретическом плане ещё не ставился, так и от экономистов последующих периодов феодальной России, когда господствующим стало уже иное отношение к роли государства в хозяйственной жизни и широкое распространение получили принципы конкуренции, частной инициативы.

А. Л. Ордын-Нащокин занимает выдающееся место среди передовых представителей русской экономической мысли XVII в.

Ордын-Нащокин не оставил после себя специальных экономических работ, но его высказывания по разнообразным политическим и экономическим вопросам в письмах и донесениях к царю, составленные им проекты законов и, наконец, вся его государственная деятельность позволяет говорить о нём, как о выдающемся политике и экономисте второй половины XVII в.

*
*
*

Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин происходил из семьи небогатого псковского помещика (год рождения его неизвестен). Он получил хорошее образование, знал латинский, немецкий, польский языки, изучал математику.

Успешно выполняя с молодых лет отдельные ответственные дипломатические поручения, Ордын-Нащокин быстро выдвинулся. В 1656 г. он уже состоял воеводою в городе Друе. Во время начавшейся в том же году русско-шведской войны Ордын-Нащокин принимал активное участие в военных операциях и был назначен главным распорядителем в Ливонии. За свою успешную дипломатическую деятельность по заключению Валиесарского перемирия со шведами в 1658 г. Ордын-Нащокин был произведён в думные дворяне¹. Его осторожная политика в Ливонии и быстрое возвышение вызвали недовольство со стороны боярской знати и поборников старины.

Обнаружились и серьёзные разногласия Ордын-Нащокина с царским правительством по вопросу о взаимоотношениях России с Польшей и Швецией. Вопреки стремлениям Ордын-Нащокина, направленным на продолжение войны со Швецией за берега Балтийского моря, царское правительство пошло на уступки Швеции и по Кардисскому мирному договору 1661 г. отказалось от всех приобретённых в Ливонии городов.

В последующие годы Ордын-Нащокин был воеводою города Пскова. Здесь он провёл смелую реформу по устройству городского самоуправления. Вскоре Ордын-Нащокин был отозван из Пскова для ведения переговоров с Польшей. В 1667 г. после длительных и трудных переговоров с Польшей он заключил Андрусовское перемирие на выгодных для России условиях. За свои дипломатические заслуги Ордын-Нащокин получил щедрую награду от правительства. Он был возведён в боярское звание, назначен главным управителем Посольского приказа и руководителем нескольких других учреждений.

В этот период своей деятельности Ордын-Нащокин провёл ряд важных мероприятий в области торговли, промышленности, устройства государственного управления и пр. Обращает на себя внимание издание им Новоторгового устава 1667 г., который определял дальнейшее направление внешнеторговой политики русского правительства и являлся крупным вкладом в торговое законодательство России XVII в.

Как можно думать, в связи с обострившимися разногласиями с царским правительством по вопросам внешней политики России Ордын-Нащокин подал в отставку и в 1671 г. ушёл от государственных дел. Умер Ордын-Нащокин в 1680 году.

¹ Думный дворянин — младший чин Боярской думы.

* * *

*

Ордын-Нащокин являлся ревностным сторонником абсолютистской монархии. Эта форма государственной власти наиболее соответствовала экономическим и политическим условиям России XVII в. Дворянство и купечество были заинтересованы в существовании экономически сильного централизованного государства и поддерживали складывавшуюся в России абсолютистскую систему.

Борьба за создание сильного абсолютистского феодального государства была главной целью и делом всей жизни Ордын-Нащокина. Опытный полководец и знаток военного дела, Ордын-Нащокин во многом содействовал укреплению военной мощи Русского государства.

Ордын-Нащокин уделял большое внимание укреплению централизованного аппарата государственного управления. Он энергично боролся против боярского местничества, искоренял недостатки приказной системы, объединял приказы, уточнял их функции.

Придавая важное значение организации управления на местах, Ордын-Нащокин сделал попытку ввести городское самоуправление в западных пограничных городах России. В реформе, которая была проведена им в городе Пскове, Ордын-Нащокин поставил задачу оградить купечество от произвола местных властей и укрепить его экономические позиции в борьбе с иностранным торговым капиталом. Псковская реформа значительно ограничивала функции воевод и передавала эти функции «земской избе», с её постоянно действующим руководящим органом, избираемым из числа «лучших» торговых людей. Предусматривалось также создание выборного суда по всем торговым и «обидным» делам. В руках воеводы оставались лишь дела об измене, разбое и убийствах. Тяжбы между дворянами и посадскими людьми должен был разбирать смешанный суд.

Вместе с тем Ордын-Нащокиным намечалась система мероприятий, направленных на защиту русского купечества от засилья иностранных торговцев.

Псковские мероприятия Ордын-Нащокина были частью задуманной им широкой программы. Для процветания государства необходимо было, по его убеждению, создать прочную опору монархии не только в лице дворянства, но и купечества, улучшив положение последнего. В лице этого нового прогрессивного класса он правильно видел союзника дворян в их борьбе против реакционно настроенного боярства, защищавшего старые, отжившие порядки.

На практике переустройство городского управления в Пскове пошло значительно дальше, чем было предусмотрено в проекте

Ордын-Нащокина. Псковское торгово-промышленное население, враждебно настроенное против воевод и приказных чиновников, широко использовало эту реформу и фактически взяло всю власть в Пскове в свои руки. Выборный орган местной власти, выполняя функции городского управления, распоряжался всеми торговыми делами, в том числе и пограничной торговлей, идущей через Псков. Это вызвало сильное недовольство не только псковской боярской знати, но и дворянства. Резкий протест был заявлен и со стороны правительства Швеции, которое было недовольно запрещением беспошлинной торговли шведских купцов и возражало против самовольных действий псковских торговых людей по отношению к шведским купцам.

Не в меньшей степени задевало интересы дворянства и устройство совместного суда посадских торговых людей и дворян. Дворяне, хотя и выступали единым фронтом с купечеством против реакционных сил и поддерживали его основные требования, в то же время опасались растущего влияния торговых людей в Пскове. Псковская реформа была вскоре отменена.

После неудачи с делом организации городского самоуправления Ордын-Нащокин встал на путь частичного ограничения административных и судебных функций воевод. Систему мероприятий по улучшению положения купечества он последовательно проводил и в Новоторговом уставе 1667 г.

Не меньший интерес представляют взгляды Ордын-Нащокина в области внешней политики. Основным содержанием его внешнеполитической программы была идея борьбы за независимость и самостоятельность Русского государства.

Наиболее опасным врагом Русского государства являлась, по мнению Ордын-Нащокина, Швеция, которая проводила явно захватническую политику по отношению к России и всячески препятствовала её выходу к берегам Балтийского моря. Борьбу со Швецией он считал одной из важнейших внешнеполитических задач Русского государства.

Ордын-Нащокин придавал большое значение установлению дружеских взаимоотношений со славянскими странами, объединению их для совместной борьбы с иноземными захватчиками. Мысль о содружестве славянских народов не являлась какой-то отдалённой целью, «политической идиллией» Ордын-Нащокина, как это утверждал Ключевский¹. Вопрос этот был выдвинут в связи с внешнеполитической обстановкой, сложившейся во второй половине XVII в. Напряжённые отношения со Швецией и Турцией, которые открыто готовились к большой

¹ См. В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. III, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 370.

войне против Русского государства¹, поставили Россию в тяжёлое положение. Русское правительство делало неоднократные попытки найти среди западноевропейских государств и в частности — в лице Австрии, союзников в борьбе против Турции, но эти попытки не увенчались успехом. Хорошо понимая, что борьба России и других славянских народов против захватнических устремлений Турции и Швеции может быть успешной только при условии взаимной поддержки славянских народов, Ордын-Нащокин стремился установить мирные отношения со славянскими государствами и в первую очередь с Польшей. Эту мысль он подробно развивал в записке на имя царя², посланной, повидимому, ещё до 1665 г., в которой он настаивал на союзе России с Польшей, против Швеции. По словам Ордын-Нащокина, союз с Польшей позволял России установить единство славянских народов. Молдаване и валахи, отделяемые от России в результате вражды с Польшей, должны были примкнуть к России и Польше и совместными усилиями освободиться от власти турок.

Позднее в речи, обращённой к польским послам после соглашения условий Андрусовского перемирия (1667 г.), Ордын-Нащокин вновь ставил этот вопрос и развивал мысль о единстве всех славянских народов.

* *
*

В своей государственной деятельности Ордын-Нащокин исходил из того, что народное хозяйство страны представляет собой единое целое и его отдельные отрасли находятся в тесной взаимосвязи. Это представление о целостности народного хозяйства отличает Ордын-Нащокина от многих предшествовавших ему русских экономистов, которые фиксировали своё внимание главным образом на отдельных вопросах, отдельных областях народного хозяйства.

Несравненно более широкими являются и представления Ордын-Нащокина о народнохозяйственных задачах и экономической роли государства.

В XVII в. царское правительство рассматривало народное хозяйство прежде всего как источник пополнения государственной казны и подчиняло свою экономическую политику фискальным интересам. Ордын-Нащокин возражал против такого узкого понимания экономической роли государства. Первостепенным

¹ См. Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1, Учёные записки МГУ, вып. 94, М. 1946.

² См. В. С. Иконников, Ближний боярин А. Л. Ордын-Нащокин, «Русская старина» № 10, 1883 г., стр. 44—45.

государственным делом он считал заботу об экономическом процветании Русского государства.

Он хорошо понимал, что для успешной борьбы с враждебными России странами и со стремлением западноевропейского торгового капитала захватить внутренний русский рынок необходимы решительные меры к преодолению экономической отсталости России.

В качестве основной народнохозяйственной задачи Ордын-Нащокин выдвигал развитие производительных сил страны. Он намечал целую систему конкретных мероприятий, которые охватывали все важнейшие области экономики России.

Высказываясь за активное государственное вмешательство в экономическую жизнь страны, Ордын-Нащокин в то же время резко выступал против стеснения личной инициативы. Он первым из русских экономистов поставил вопрос о развитии частной инициативы и предпринимательства.

Ставя в центре внимания своей экономической программы борьбу за преодоление экономической отсталости России, Ордын-Нащокин придавал большое значение использованию положительного опыта передовых западноевропейских стран. «Не стыдно навязать доброму со стороны», — говорил он. Буржуазные историки, и в частности Ключевский, рассматривали Ордын-Нащокина как русского западника¹. Такая оценка одного из виднейших русских государственных деятелей и экономистов XVII в. не соответствует действительности. Государственная деятельность Ордын-Нащокина и его программа экономических мероприятий свидетельствуют о глубоком понимании им экономических и политических условий России того времени и коренных интересов Русского государства.

Ордын-Нащокин был противником слепого подражания и раболепия перед заграничными обычаями и порядками. Опыт Запада он воспринимал критически и часто повторял: «да что нам за дело до иноземных обычаев: их платье не по нас, а наше не по них»².

Экономические взгляды Ордын-Нащокина наиболее отчетливо выражены в составленных им в 1665 г. указных «памятях» земским старостам Пскова, которые были обсуждены псковскими горожанами и положены в основу докладных «статей» о градском устройении и торговле в Пскове³, а также в Торговом

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. III, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 364.

² С. С. Коллинс, Нынешнее состояние России, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 1, М. 1846 г., стр. 34.

³ См. «Дополнения к актам историческим», т. V, Слб. 1853, стр. 1—8.

уставе 1667 г.¹, или, как его принято называть, Новоторговом уставе.

Основными источниками при составлении Новоторгового устава 1667 г. послужили те же «памяти» 1665 г., требования посадских торговых людей, изложенные в челобитных, и предложения датского купца Марселиса, который был привлечён к составлению Новоторгового устава. Главным автором и редактором Новоторгового устава являлся начальник Посольского приказа А. Л. Ордын-Нащокин². Большое значение для правильного понимания его экономической программы имеют также его письма к царю и высказывания по отдельным экономическим вопросам.

Принципы торговой политики

Ордын-Нащокин рассматривал торговлю как один из важнейших источников доходов государства и как один из способов увеличения народного благосостояния. Его взгляды на этот вопрос ясно выражены в вводной части Новоторгового устава. В уставе говорится: «...во всех Государствах окрестных в первых Государственных делах свободные и прибыльные торги, для сбора пошлин и для всенародных пожитков мирских, со всяким береженьем остерегают и в вольности держат...»³.

«Свободная» торговля в понимании Ордын-Нащокина не означала невмешательства государства в экономическую деятельность частных лиц и отказа от покровительственных пошлин и принудительной регламентации торговли. В России XVII в. требование свободной торговли выражало протест купечества против привилегий, предоставляемых иностранным купцам, а также откупщикам, «гостям», монастырям и пр. Привилегии и откупу, которые за деньги продолжало раздавать царское правительство в целях пополнения государственной казны, стесняли торговую деятельность широких слоёв русского купечества и мешали его конкурентной борьбе с иностранными купцами.

¹ «Торговый Устав Государя царя Алексея Михайловича... Писан 1667, мая 7», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 55, М. 1828, стр. 189—204.

² См. *К. В. Базилиевич*, Новоторговый устав 1667 г., «Известия Академии наук СССР», Отделение общественных наук, VII серия, № 7, 1932 г., стр. 589—622.

³ «Торговый устав ... 1667 года», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 55, М. 1828, стр. 190.

Борьба с привилегиями иностранных купцов и отдельных групп русского купечества энергично велась ещё Б. И. Морозовым, который стремился установить единую торговую пошлину и провёл с этой целью ряд правительственных постановлений. Ту же цель преследовала и Торговая уставная грамота 1654 г. Однако эти правительственные постановления мало изменили положение.

Ордын-Нащокин считал необходимым проведение решительного ограничения прав иностранного купечества и отмены привилегий отдельных групп русских купцов и монастырей.

Уже в псковских указных «памятях» и «статьях» о градском устройении 1665 г. имеется определённая система регламентации внешней торговли в пограничных городах.

Настоятельная необходимость регламентации внешней торговли в пограничных городах диктовалась самими экономическими условиями. Большая часть внешней торговли России с западными странами шла через сухопутную границу. Русские купцы пограничных городов ввиду недостатка крупных капиталов не могли оказывать сопротивления проискам иностранного торгового капитала. Контроль за взиманием таможенных пошлин был поставлен слабо. Иностранцы купцы беспрепятственно скупали русские товары и беспошлинно сбывали свои товары на русском рынке.

В Пскове иностранцы в целях захвата рынка входили в сношения с «маломожными» купцами и снабжали их деньгами для закупки товаров. Последние, не имея своих капиталов, превращались в фактических агентов иностранных купцов и скупали для них товары по чрезвычайно низким ценам. Это ещё более усиливало позиции иностранного торгового капитала в России.

В псковской реформе Ордын-Нащокина мероприятия, направленные на ограждение русских купцов от стремлений иностранцев подчинить русский рынок, занимают центральное место.

До реформы иностранные купцы, особенно шведские, свободно переезжали границу и торговали в России в течение всего года, скупая русские товары в наиболее выгодное время года. Ордын-Нащокин ограничил покупку иностранцами русских товаров определёнными сроками. Иностранцам купцам разрешалось свободно покупать товары только на ярмарках, устраиваемых два раза в году. В «статьях» о градском устройении говорится: «... а за рубеж чужеземцом товаров до указных сроков не продавать, и самим Псковичем и Псковских пригородов посадцким людем не отвозить...»¹. За тайную торговлю

¹ «Дополнения к актам историческим», т. V, Спб. 1853, стр. 6.

с иностранцами предписывалось «чинить наказание без пощады»¹.

Иностранным купцам запрещалось также давать деньги на покупку товаров русским торговым людям. Они лишались права жить в своих торговых домах в сроки между ярмарками. И во время ярмарочной торговли вводились известные ограничения: иностранным купцам запрещалось торговать с приезжими купцами; торговля могла производиться только с посадскими людьми Пскова.

Ордын-Нащокин считал, что причина слабости русской торговли кроется в недостатке капитала, в наличии нездоровой конкуренции между самими русскими купцами и в их неумении организовать для совместной борьбы против более сильного иностранного капитала. Он предполагал объединить торговых людей и устранить между ними борьбу путём создания торговых компаний на комиссионных началах. По его проекту «маломожные» торговые люди, т. е. мелкие и средние торговцы, прикреплялись к крупным купцам. Становясь по существу торговыми агентами последних, они должны были получать часть прибыли.

Против засилья иностранных купцов, скупавших русские товары по низким ценам, направлено и требование Ордын-Нащокина ввести единую цену на товары — «уставную цену». «Уставная цена», по его мнению, должна заранее определяться выборными земскими людьми: «...с ведома выборных земских людей Псковичь, чюжеземцам отдавать товары Русские по уставной цене, по чему товар закупят, и по счету товару...»². При последовательном проведении это лишало бы иностранцев возможности произвольно снижать цены к невыгоде русских людей.

Было бы, однако, неправильно рассматривать меры, предусматривавшиеся Ордын-Нащокиным против засилья иностранных торговцев, как проявление стремления к национальной замкнутости.

Решительно выступая против попыток иностранного торгового капитала подчинить себе русский рынок, Ордын-Нащокин в то же время считал необходимым привлечение иностранного торгового капитала, но лишь на условиях, приемлемых и выгодных для России. В частности, для того чтобы оживить торговлю в Пскове, Ордын-Нащокин предлагал проводить беспощинный торг между посадскими людьми и иностранцами два раза в год на ярмарках, устраиваемых в Пскове. Это мероприятие Ордын-Нащокин мотивировал тем, что «... во всех государствах славно

¹ «Дополнения к актам историческим», т. V, Спб. 1853, стр. 6.

² Там же, стр. 5—6.

те торги, где без пошлин учинены»¹. В остальное время года иностранцы должны платить пошлины.

Мысль о защите интересов русского купечества и усилении его позиций в борьбе с иностранным торговым капиталом ещё более отчётливо выражена в Новоторговом уставе 1667 года.

Новоторговый устав ограничивал права иностранных купцов в значительно большей степени, чем это предусматривалось в псковской реформе. Устанавливалось, прежде всего, более строгое территориальное ограничение торговли иностранцев. Иностранные купцы могли свободно торговать только в пограничных городах; исключение допускалось лишь в отношении тех иностранцев, у которых имелись в руках жалованные грамоты о торгах. Запрещалась также и торговля с купцами, приезжавшими из других городов. За нарушение этого постановления устав карал конфискацией товаров: «А будет иноземцы товары свои заморские, мимо тех граждан, приедем людям инаго города учнут продавать или у них какие покупать, хотя и свалом, и те товары иматъ на великаго государя»².

Наряду с этим, уставом предусматривалось и другое ограничение прав иностранных купцов: запрещение беспошлинной торговли их между собой. Беспшлинные взаимные торговые сделки иностранных купцов наносили большой ущерб и казне, и русским купцам. Имея в наличии крупные капиталы, иностранные купцы скупали по дешёвой цене русские товары и перепродавали их друг другу. Русские купцы в своих челобитных жаловались, что иностранцы, скупая русские товары, нагружали ими свои корабли якобы для отправки за границу, на самом же деле «теми товары межъ себя в ярманку на кораблях торгуют беспошлинно». Новоторговый устав мотивирует запрещение торговли иностранных купцов между собой тем, что «...великому государю в таможенных в сборах его великого государя казне чинятся большие недоборы, а русским людям в торгах их помешка и изнищание чинится»³. В случае нарушения этого постановления товары иностранных купцов конфисковались. Однако Новоторговый устав всё же допускал торговлю иностранцев между собой в пограничных городах при условии уплаты установленных пошлин.

И, наконец, Новоторговый устав запрещал иностранным купцам розничную торговлю. Иностранцы, несмотря на существовавшее ранее запрещение, фактически вели розничную торговлю во внутренних городах России. Русские купцы в своих

¹ «Дополнения к актам историческим», т. V, Спб. 1853, стр. 5.

² «Торговый устав ... 1667 года», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 55, М. 1828, стр. 199.

³ Там же, стр. 200.

челобитных писали, что иностранцы, проживая свободно в России, хорошо ориентируются в условиях русского рынка и рыночных ценах и благодаря этому, а также хорошей связи с заграницей, умело маневрируют, снижают цены на русские товары и повышают на иностранные. Новоторговый устав вновь подтверждал запрещение вести розничную торговлю с иностранными купцами. «На Москве и в городах всех земель иноземцам никаких заморских товаров врознь не продавать, и по ярманкам им ни в которые города с товары своими и с деньгами не ездить и прикащиков не посылать»¹. За ведение розничной торговли товары и деньги иностранных купцов должны были подвергаться конфискации.

В борьбе против хозяйничанья иностранных купцов на русском внутреннем рынке Ордын-Нащокин использовал и такое действенное средство, как повышение таможенных пошлин. Это достигалось прежде всего путём введения обязательной оплаты пошлин золотом и ефимками по низкому принудительному курсу. Вместе с тем увеличивался и размер пошлин, взимаемых с иностранцев при продаже и перевозе товаров. Так, например, размер проезжих пошлин увеличился до 10%, а размер пошлин, взимаемых при продаже товаров, составлял 6% с рубля.

В условиях образования всероссийского рынка, роста товарно-денежных отношений прогрессивность политики Ордын-Нащокина в области внешней торговли бесспорна. Она способствовала накоплению национального капитала.

Рассматривая внешнюю торговлю как один из важных источников национального дохода, Ордын-Нащокин намечал в Новоторговом уставе и другие конкретные мероприятия, которые должны были способствовать развитию прибыльной торговли России с заграницей. Этой цели служила, в частности, дифференциация таможенных пошлин. Наиболее высокие пошлины устанавливались на вино, сахар и предметы роскоши. «С вин и с иных розных питей с иноземцев взять больше пошлин, как с иных товаров у Архангельскаго города...»², — говорится в 51-й статье Новоторгового устава.

При помощи этих мер ограничивался ввоз иностранных товаров. В то же время устав поощрял вывоз русских товаров за границу. Русским купцам разрешалось во всех пограничных городах и на ярмарках «торговать с иноземцы всякими товары вольно». Русские купцы могли на деньги, вырученные от продажи своих товаров иностранцам, покупать беспошлинно ино-

¹ «Торговый устав ... 1667 года», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 55, М. 1828, стр. 202.

² Там же, стр. 198.

странные товары. В других случаях покупка иностранных товаров облагалась пошлиной. В то время как иностранцы должны были платить пошлины золотыми или ефимками, русским купцам разрешалось «у города Архангельскаго и во всех порубежных городех...» платить пошлины мелкими русскими серебряными монетами.

Меры Ордын-Нащокина по регулированию вывоза и ввоза товаров и развитию выгодной внешней торговли России не оставляют сомнения в том, что он проводил явно выраженную политику меркантилизма.

Придавая большое значение развитию частной инициативы, Ордын-Нащокин разработал ряд мероприятий, которые должны были улучшить положение и стимулировать торговую деятельность русских купцов.

Новоторговый устав подтверждал положение Торговой уставной грамоты 1654 г. о замене мелких налогов: подушного, житного, сотого, тридцатого, десятого, свального, статейного, мостового, гостиного и других единой пошлиной в размере 10 денег с рубля. Проезжие пошлины для русских купцов отменялись вовсе. Русские купцы, покупавшие товары в том городе, где они живут, также освобождались от уплаты пошлины из соображений, что «...торговые люди с тех торгов великому государю в тех городех служат и всякия подати платят»¹. И, наконец, устав разрешал «гостям» и торговым людям гостиной и суконной сотен беспошлинно покупать продукты и вещи для собственного потребления.

Значительная часть статей Новоторгового устава, касающихся внутренней торговли, была направлена на борьбу с злоупотреблениями таможенного чиновничества и местных властей. Упорядочение системы обложения уже само по себе до известной степени устраняло возможность злоупотреблений со стороны таможенной администрации и воевод. Кроме того, в уставе давалось прямое указание на то, что воеводы и таможенные головы не должны препятствовать свободному проезду торговых людей: «... воеводам по городам и таможенным головам всяких купецких людей с товаром в проездах не задерживать, пропускать везде без задержанья...»². Купцам разрешалось также свободно нанимать рабочих, не испрашивая согласия воевод.

В уставе проектировалась организация «Приказа купецких дел». Цели и задачи этого Приказа были чётко определены Ордын-Нащокиным: «Для многих волокит во всех приказах, купецких людей пристойно ведать в одном пристойном приказе,

¹ «Торговый устав ... 1667 года», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 55, стр. 194.

² Там же, стр. 193.

где великий государь укажет своему государеву боярину, который бы приказ был купецким людям во всех порубежных городех и в иных государствах о проездах обороною, и во всех городех от воеводских налог купецким людям был защитою и управою»¹. Предполагалось в том же Приказе давать суд и управу и в тех случаях, если купецкие люди будут «бить челом на людей других чинов». «Приказ купецких дел», призванный ограждать интересы купечества, должен был явиться прообразом учреждённой впоследствии Петром I Бурмистерской палаты.

Забота Ордын-Нащокина о развитии торговли проявлялась и в других сторонах его деятельности. Ещё будучи воеводой в ливонских городах, а затем в Пскове и особенно во время своей последующей дипломатической деятельности, Ордын-Нащокин стремился к расширению торговли с границей, завязывал торговые связи с иностранными государствами, заключал торговые договоры и пр.

Подписывая Андрусовское перемирие с Польшей в 1667 г., Ордын-Нащокин одновременно договорился, чтобы в том же году был созван съезд уполномоченных от Русского, Польского и Шведского государств для заключения торгового договора между этими странами, «чтоб торговые люди по всем государствам общим выбираньем пошлин изобижены не были; понеже все народы пожитками торговыми казну полнить извыкли»².

В 1667 г. из России были направлены послы в Испанию и Францию с предложением завязать торговые отношения. В Испании послы договорились с Карлом II о том, что русские купцы будут вести свободно торговлю во всех испанских портах.

Что касается переговоров с Францией, то они не дали каких-либо реальных результатов. В 1668 г. русские послы предложили установить регулярную торговлю между Россией и Францией. Французы со своей стороны предлагали заключить вечный мирный договор и разрешали русским купцам торговать совершенно свободно во Франции с условием уплаты установленных пошлин за продажу и вывоз товаров. Однако взамен этого они требовали, чтобы французским купцам в России было дано право свободного вывоза и свободного транзита товаров через Россию в восточные страны, в том числе и в Персию, и предоставлен ряд других привилегий. На эти требования Ордын-Нащокин не согласился, не без основания усмотрев в них противоречие тем основным принципам, которыми он

¹ «Торговый устав ... 1667 года», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 55, стр. 203.

² См. С. М. Соловьёв, История России с древнейших времён, кн. III, т. XI, изд. «Общественная польза», Спб., стр. 183.

руководствовался во внешнеторговой политике. Регулярная торговля с Францией не была налажена.

Немало усилий положил Ордын-Нащокин для развития торговли с восточными странами. Англичане и голландцы стремились захватить в свои руки транзитную торговлю с Востоком, которая велась через Архангельск и Каспийское море. Московское же правительство хотело само пользоваться выгодами транзитной торговли и удержать всю торговлю с восточными странами в своих руках. Ордын-Нащокин поставил целью добиться, чтобы вся торговля Европы с Азией шла через Россию. В 1667 г. он заключил с персидской компанией договор о том, чтобы весь шёлк-сырец, продаваемый Персией за границу, переправлялся в западные страны через Россию, а не через Турцию, как это было раньше.

Монопольная торговля с Персией была возможна только при условии предоставления известных льгот персидским купцам. Последним было разрешено свободно торговать в Астрахани, Москве, Архангельске и других городах России с условием уплаты определённой пошлины. Кроме того, им разрешалось весь непроданный в России товар вывозить за границу и провозить золото и ефимки в Персию.

Перспектива овладения восточной торговлей была настолько заманчива, что Ордын-Нащокин готов был пойти и на эти уступки, вопреки только что изданному Новоторговому уставу. Однако русское купечество, которое немало наживалось от торговли с Персией, было недовольно привилегией, данной персидским купцам. После ухода Ордын-Нащокина от государственных дел, когда Посольским приказом стал ведать Матвеев, договор с персидской компанией был изменён.

Умело пользуясь обострившейся борьбой между иностранными купцами за русский рынок, Ордын-Нащокин стремился не допускать привилегий и особенно торговой монополии иностранцев. На обращение Англии в 1667 г. с просьбой о предоставлении английским купцам былых прав и привилегий Ордын-Нащокин ответил: «Ныне в Московском государстве торговля происходит без ссор и без обиды; прежним компаниям быть не годится, потому что от тех больше ссоры, чем дружбы; открылось, что иноземцы торгуют подкрадными обидными товарами, тайные подряды делают и многими долгами Русских людей обременяют»¹.

Деятельность Ордын-Нащокина, направленная на развитие русской торговли, содействовала упрочению положения

¹ См. С. М. Соловьёв, История России с древнейших времён, кн. III, т. XII, изд. «Общественная польза», стр. 534.

нарождавшегося в России нового класса — купечества, в лице которого Ордын-Нащокин видел силу, способствующую укреплению экономической мощи Русского централизованного государства.

Принципы финансовой политики

А. Л. Ордын-Нащокин уделял большое внимание укреплению финансового положения страны и сделал первую в России попытку организации кредита.

Недостаток в деньгах и отсутствие правильно организованного кредита тормозили развитие товарооборота, затрудняли рост торговли и торговых связей с границей. Государственная казна также испытывала постоянную нужду в деньгах.

Вопрос об увеличении количества благородных металлов в стране и денег в обращении приобретал важное значение. Учитывая это обстоятельство, Ордын-Нащокин признавал необходимым установление строгой регламентации торговли и контроля над ввозом и вывозом золота и серебра; он принимал различные меры к обеспечению активного денежного баланса.

Как в Псковских указных «памятях» и «статьях» о градском устроении 1665 г., так и в Новоторговом уставе 1667 г. имелась целая система государственной регламентации денежного обращения, упорядочения взимания таможенных сборов.

Привлечение благородных металлов в страну предусматривалось в Псковских «статьях» путём введения обязательного для русских купцов правила продавать товары иностранным купцам только при условии оплаты одной трети стоимости их ефимками (иоахимсталерами).

«... По объявному уставу, — говорится в Псковских «статьях», — две доли товару Русского иноземцу променить на их иноземские товары, а за треть взять ефимки против тое цены, как уставлена будет с иноземцы цена»¹. Это мероприятие не только известным образом ограничивало торговлю иностранных купцов в России, но и, что самое важное, создавало постоянный приток серебра в страну. Здесь имелись в виду главным образом интересы казны, которая получала большие доходы от перечековки немецких иоахимсталеров.

По проекту Ордын-Нащокина, все вырученные от продажи товаров иностранцам иоахимсталеры должны были обмениваться в «таможенной избе» на русские неполноценные металлические деньги. Для перечековки немецких иоахимсталеров на русскую монету предлагалось устроить монетный двор в Пскове. «И для беспомешные торговли и скорые розделки в товарах меж Рускими

¹ «Дополнения к актам историческим», т. V, Сиб. 1853, стр. 6.

А. Л. ОРДЫН-НАЩОКИН

людми и к великому сбору денежные казны быть во Пскове денежному двору; а что покажетца за фунт с денежного двора по семи рублей давать много: и сего ради приезжие Руские люди отвозить ефимков не учнут в розные порубежные города, а для добрые цены у кого сколко будет ефимков, и сверх трети указные учнут отдавать ефимки во Пскове на денежной двор, и прибыль учинитца из фунтов великого государя казне болшая»¹.

Стремление разрешить проблему увеличения количества благородных металлов в стране посредством введения государственной регламентации денежного обращения ещё более полно отражено в Новоторговом уставе 1667 г.

В статье 73 Новоторгового устава говорится: «А золотые все и ефимки, которые привезут из-за моря, у города Архангельскаго и в Новгороде и во Пскове и во всех порубежных городех отдавать их в казну великого государя, приняв у иноземцев; а имать за них деньги Руския мелкия золотой по рублю, а за ефимки Любские по полтине»². За нарушение этого постановления взималась пеня в размере 10% «от всякого ста золотых и ефимков». За тайный провоз в Москву золотых монет и ефимков все деньги подлежали конфискации.

Обмен золота и ефимков на русские деньги должен был приносить государству весьма значительный доход.

В целях поощрения ввоза благородных металлов в страну иностранным купцам, привозившим в Россию золото и ефимки, предоставлялось право беспошлинно покупать и вывозить русские товары за границу. Наряду с этим в уставе предусматривались и меры, препятствовавшие вывозу золота и серебра из России. Это касалось главным образом восточных стран и, в частности, персидских купцов, которые в большом количестве вывозили золото и серебро из России. В статье 79 Новоторгового устава предписывалось: «А золотых и ефимков им не покупать и Руским людям под заповедью Кизылбашам не продавать; а буде у них сыщут золотые и ефимки, имать на великого государя, потому что они многое золото и серебро из Московского Государства вывозят»³.

Бесспорно с этой же целью не допустить вывоза благородных металлов за границу Новоторговым уставом был предусмотрен ряд мер против покупки предметов роскоши, хотя формально эти меры мотивировались опасением, что излишние покупки будут для русских людей разорительны. Однако истинный мотив сквозит в ссылке на то, что серебро берегут и в других государствах. В уставе написано: «В порубежных

¹ «Дополнения к актам историческим», т. V, Спб. 1853, стр. 7.

² «Торговый устав ... 1667 года», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 55, стр. 201.

³ Там же, стр. 202.

же городех... головам и целовальникам... у иноземцев спрашивать и пересматривать в сундуках и в ларцах и в ящиках жемчугу и камня неоплошно, чтоб... узорочных вещей в утайке не было, и таковых от покупки и от мены на Руские товары беречись, так как и в иных Государствах берегут серебро, а излишняя такая вещи покупать забороняют и у простых нечиновных людей в ношении под заповедью отнимают, чтоб в убожество от того не приходили; также и дорогия от шелку и от сукон поставов простые и низких чинов люди не носили, и о том держать по указу великого государя от покупки простых людей накладною пошлиною большою и заповедью без пощады...»¹.

В уставе были обобщены существовавшие ранее правила осмотра и учёта товаров, идущих из Архангельска через Вологду во внутренние города России, а также товаров, которые шли из различных русских городов в Архангельск для отправки за границу; указывался порядок контроля за иностранными кораблями, привозившими товары.

Контролировалось не только количество, но и качество товаров. Иностранные купцы обычно стремились сбыть в Россию товары более низкого сорта, на что русские купцы неоднократно жаловались в своих челобитных. Поэтому в Новоторговом уставе предлагалось ставить на товарах клеймо, удостоверяющее качество товара. В случае если товар оказывался плохим, то по уставу полагалось, «...во весь свет огласив, отослать с безчестьем с ярманки, чтоб впредь таких худых не возили и добрым товарам цены не портили»².

Торговые сделки, заключаемые на ярмарках русскими купцами как друг с другом, так и с иностранными купцами, должны были подвергаться точному учёту.

Строгая регламентация торговли, установленная Ордын-Нащокиным в целях обеспечения активного денежного баланса, указывает на сходство этой политики с политикой западноевропейских государств, характерной для раннего периода меркантилизма, так называемой монетарной системы.

В России XVII в. эта политика диктовалась усилившимся в связи с ростом товарного обращения недостатком денег и растущей потребностью государства в денежных средствах. Вместе с тем она вызывалась необходимостью защищаться от хозяйничанья иностранных торговцев на русском рынке.

Государственную регламентацию торговли и строгий контроль над ввозом и вывозом золота и серебра вынужден был осуществлять позже и Пётр I.

¹ «Торговый устав ... 1667 года», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 55, стр. 204.

² Там же, стр. 197.

Недостаток денежных средств в стране создавал дороговизну кредита. Существовавшая в России архаическая форма кредита — ростовщический кредит — не могла удовлетворять потребность в оборотных средствах. В проекте создания торговых компаний в Пскове имелась попытка организации кредита. Прикрепляя «маломожных» торговых людей к крупным купцам, Ордын-Нащокин учитывал вместе с тем, что русские «лучшие люди» (т. е. крупные купцы) не имеют свободных капиталов для кредитования «маломожных» людей. Чтобы освободить «маломожных» купцов от подчинения иностранцам, которые, снабжая деньгами, обращали их в своих агентов, Ордын-Нащокин предлагал использовать для их кредитования средства, имевшиеся в «Земской избе». «Земская изба» должна была, по замыслу Ордын-Нащокина, выполнять функции своеобразного банка.

Эта попытка не увенчалась успехом. На практике она не встретила поддержки со стороны крупных купцов, которые считали более выгодным для себя держать «маломожных» торговых людей в кабальной зависимости¹. Однако и после этого Ордын-Нащокин не отказался от своей идеи. В Новоторговом уставе 1667 г. он вновь делает попытку наделить «Земские избы» теми функциями, которые по существу превращали их в разновидность купеческого банка. В вводных статьях Новоторгового устава говорится: «... а домовные недостатки наполнять по достоинству из Московския таможни и из городских земских изб мирскою подмогою»². Несмотря на то, что это положение было оформлено в законодательном порядке, оно не проводилось в жизнь: в России XVII в. ещё не было экономических предпосылок для широкого развития кредита. Идея Ордын-Нащокина об организации кредита была претворена в жизнь только в середине XVIII столетия.

Принципы политики в области промышленности, путей сообщения и связи

А. Л. Ордын-Нащокин неоднократно высказывал мысль, что Россия должна в промышленном и культурном отношении догнать западноевропейские страны.

Он отстаивал необходимость развития не только тех отраслей промышленности, которые производили товары для продажи за границу, но и отраслей, удовлетворяющих внутренние нужды страны, в частности, металлургической и железоделательной промышленности. Это отличает

¹ См. «Дополнения к актам историческим», т. V, Спб. 1853, № 1, XV—XVI.

² «Торговый устав ... 1667 года», «Собрание государственных грамот и договоров», ч. IV, № 55, стр. 190.

Ордын-Нащокина от западных меркантилистов, которые фиксировали внимание главным образом на развитии отраслей обрабатывающей промышленности, производящих на экспорт.

Взгляды Ордын-Нащокина на роль и значение промышленности отчётливо выражены в одном из составленных им распоряжений по поводу возвращения металлургических и железодельных заводов их прежнему владельцу Марселису. Русские железодельные заводы, писал Ордын-Нащокин, должны «...всякими железными запасы казну и Московское государство полнити; а что надобно с тех заводов всякого мастерства, и тому учинити уговор с прибылью великого государя казне, по весу железа и по мастерству...»¹.

Главную причину задержки развития русской промышленности он видел в недостатках системы государственного управления, чрезмерном стеснении предпринимательской деятельности в России и в отсутствии заботы правительства о народном хозяйстве. Ордын-Нащокин считал необходимым оказывать государственную помощь и содействие предпринимателям, а вместе с тем предоставлять им большую свободу инициативы. За создание этих предпосылок для развития промышленных предприятий и вёл борьбу Ордын-Нащокин.

Созданные в XVII в. в России крупные по тому времени металлургические и металлообрабатывающие предприятия (мануфактуры) находились главным образом в руках иностранцев, получивших право разработки недр на основе особых договоров, заключаемых с правительством; за невыполнение условий этих договоров правительство могло конфисковать предприятия.

В 1662 г. наиболее крупные металлургические и железодельные заводы, принадлежавшие датскому промышленнику Петру Марселису, были взяты в казну. Находясь в ведении казны, заводы пришли в упадок. Рассчитывая на предприимчивость Марселиса, Ордын-Нащокин добился того, чтобы они были возвращены их прежнему владельцу. Заводы Марселиса, имевшие в то время огромное значение для страны, находились под неослабным наблюдением Ордын-Нащокина. Он всемерно содействовал их укреплению, отпускал ссуды из Новгородской чети, добивался отмены предполагаемого московским правительством снижения цен на железные изделия, выпускаемые заводами.

Он принимал также активное участие в организации в России бумажного производства, стекольного, кожевенного заводов.

Упорно отстаивая необходимость борьбы за выход к берегам Балтийского моря, Ордын-Нащокин в то же время проявлял

¹ «Дополнения к актам историческим», т. V, Спб. 1853, стр. 390.

большую заботу об отыскании новых путей сообщения с восточными странами. Торговля с Хивой и Бухарой немало страдала от плохих путей сообщения и грабежей. Ордын-Нащокин старался устранить эти помехи. Он снаряжал русских послов в Индию и другие восточные страны для отыскания лучших путей сообщения.

А. Л. Ордын-Нащокину принадлежит заслуга организации первых почт в России. При этом он руководствовался прежде всего экономическими соображениями. Упорядочение почтового дела было направлено против тайной пересылки золота и драгоценностей. По этому поводу Ордын-Нащокин писал царю: «А беречь... чтоб торговые люди тайно с грамотками никого не наймовали и не посылали, что в прежних годах, прокрадывая твою... пошлину, с такими посылками драгие вещи, камение и жемчуг и золотые в сумах и в свясках... грамотками провозили...»¹.

Ордын-Нащокин хорошо понимал значение для России постройки собственного флота. Он считал необходимым создать русский флот на Западной Двине и на Волге и делал некоторые попытки в этом направлении.

Заботясь о распространении науки и технических знаний в России, Ордын-Нащокин приглашал из-за границы специалистов, преподавателей школ для обучения русских людей ремёслам, технике военного дела. Он был инициатором и ряда других культурных начинаний.

* *
*

Выдающийся государственный деятель России, дипломат и экономист А. Л. Ордын-Нащокин хорошо понимал ту сложную и напряжённую обстановку, которая создалась в середине XVII в. внутри страны, а также и во взаимоотношениях России с другими странами.

Он лучше, чем кто-либо из его современников, видел опасность, угрожавшую России со стороны более сильного западноевропейского торгового капитала, который настойчиво проникал на русский рынок и стремился подчинить своему влиянию экономику России.

Идея борьбы за независимость России и преодоление её экономической отсталости составляла основное содержание всей экономической программы Ордын-Нащокина и определяла основную линию его внешней политики.

Важным моментом внешней политики Ордын-Нащокина являлось его стремление установить дружественные взаимо-

¹ См. И. П. Козловский, Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве, т. II, Варшава 1913, Приложения, стр. 8.

отношения с славянскими странами и объединить все славянские народы для борьбы с иностранными захватчиками.

Ордын-Нащокин не был поклонником и подражателем Запада, как это утверждают буржуазные историки. К опыту других стран он относился критически и подходил к нему с точки зрения интересов своей страны, своего класса.

Его экономическая программа целиком исходила из специфических русских экономических и политических условий, из современной ему действительности.

Она ярко отражала классовую сущность экономических взглядов Ордын-Нащокина как идеолога дворянства, который в своей деятельности исходил из интересов своего класса и с позиций этого класса выступал на защиту купечества и оказывал ему всяческое содействие.

В высказываниях Ордын-Нащокина по отдельным экономическим вопросам, равно как и в развёрнутой им программе экономических мероприятий, вполне отчётливо прослеживаются идеи меркантилизма.

Было бы, однако, неправильным переоценивать значение этого факта и рассматривать Ордын-Нащокина как узкого меркантилиста. Идеи меркантилизма не занимали центрального места в его экономической программе, его экономической политике.

Политика меркантилизма, проводимая Ордын-Нащокиным, была вызвана настоятельной необходимостью разрешить денежную проблему, которая имела огромное значение для России того времени. Однако решение этой проблемы являлось лишь частью его программы экономического развития страны.

Определяющим в экономической политике Ордын-Нащокина было стремление к ликвидации экономической и культурной отсталости России, борьба против засилья иностранного торгового капитала, борьба за укрепление русского торгового капитала и создание отечественной промышленности.

Эта программа, соответствовавшая основным интересам возвышавшегося класса дворян и требованиям нового класса — купечества, не выходила за рамки феодально-крепостнического строя и содействовала укреплению феодально-абсолютистского централизованного государства дворян и торговцев.

Систематически и последовательно борясь за эту программу, Ордын-Нащокин выступал как прямой и непосредственный предшественник Петра I.

Глава десятая

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. ТРЕБОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС В ВОССТАНИИ 1707—1708 гг.

Состояние России к началу XVIII в. и реформы Петра I.
Экономическая политика во второй четверти XVIII в.

В XVII в. в экономике России явно определились важные изменения. Рост общественного разделения труда и рыночных связей между отдельными областями, районами России, между отраслями народного хозяйства, слияние разрозненных местных рынков в национальный всероссийский рынок, возникновение мануфактуры — всё это знаменовало собою наступление нового периода в истории нашей родины. Эти новые процессы в экономической жизни страны дальнейшее и притом значительное развитие получили в следующем — XVIII веке. Экономические преобразования, осуществлённые в России первой четверти XVIII века и связанные с деятельностью Петра I, были подготовлены всем предшествующим развитием страны. Тенденции, наметившиеся в экономическом развитии страны в XVII в., получили при Петре I наиболее отчётливое и яркое выражение. В первой четверти XVIII в. в развитии производительных сил России был осуществлён значительный скачок. На основе роста экономического объединения страны продолжался, в свою очередь ускоряя его, процесс политической централизации, процесс расширения и укрепления многонационального Российского государства.

Феодално-крепостническим производственным отношениям была подчинена подавляющая часть населения страны. По данным переписных книг 1678 г., в Московском государстве крестьянские дворы боярского и дворянского землевладения составляли 67% всего количества тягловых дворов, церковного — 13,3, дворцового — 9,3 и крестьянского черносошного и посадского землевладения — 10,4%; таким образом, 90% всех крестьянских дворов были в крепостном состоянии¹.

¹ См. В. Ключевский, Курс русской истории, ч. III, Соцэкиз, М. 1937, стр. 250.

Преобладающей формой эксплуатации подневольного крестьянского труда являлась барщина. К концу века значительно выросла барская запашка за счёт крестьянской. Усилилась эксплуатация крестьян помещиками, выросли крестьянские повинности феодальному государству.

Сельское хозяйство продолжало оставаться в основе своей натуральным, но всё более втягивалось в товарооборот — в связи с ростом промыслов в стране, усилением торгового характера помещичьего и монастырского хозяйства, в связи с ростом денежных повинностей крестьян государству и вытекавшей отсюда необходимостью для них реализовать часть продукции на рынке.

Развивались торговля и промышленность. В деревне промышленное производство существовало в разных формах; преобладала домашняя переработка сельскохозяйственных продуктов на собственные нужды семьи. Значительное место имела также связанная с земледелием или уже отделившаяся от него ремесленная деятельность — производство продуктов по заказу потребителя и на рынок. Возрастала специализация районов.

В вотчинном хозяйстве также осуществлялась переработка продуктов — на нужды владельца и на продажу. Многие вотчины и монастыри имели крупные промыслы — лесные, солеваренные и др., продукция которых шла на внутренний рынок и даже за границу.

Разнообразные ремёсла сосредоточивались также в городах и посадах. Торговый капитал в стране вырос уже в значительную экономическую силу и начал глубоко проникать в деревню. Купец всё чаще выступал и в роли предпринимателя-мануфактуриста.

Россия вела большую торговлю со странами Западной Европы и с восточными странами. Эта связь с мировым рынком также способствовала росту товарно-денежных отношений в самой России. В недрах феодального общества всё более росли новые, буржуазные связи и отношения.

Несмотря на эти большие хозяйственные сдвиги, Россия являлась страной отсталой в сравнении с рядом европейских стран. Англия, Франция, Голландия, Швеция в экономическом отношении стояли значительно впереди неё. Сельское хозяйство России характеризовалось низкой техникой и низкими урожаями; животноводство и производство технических культур были слабы, а многих отраслей развитого сельского хозяйства в стране не было совсем.

Отечественная промышленность была совершенно недостаточна, не могла удовлетворять военных нужд государства и растущих потребностей населения в промышленных продуктах.

К началу XVIII в. в России производилось не более 150 тыс. пудов чугуна в год — раз в пять меньше, чем в то же время в Англии. Необходимые стране лучшие сорта железа ввозились из Швеции. По многим промышленным продуктам страна находилась в зависимости от других государств.

Россия была окружена враждебно настроенными к ней Швецией, Польшей, Турцией и другими агрессивными странами, в любой момент готовыми воспользоваться отсталостью своего соседа. Частые и длительные войны России с этими странами в XVII в. показали её военную слабость, отсталость русской армии по вооружению и организации от армий западноевропейских стран.

Обладая громадными земельными пространствами, многочисленным и трудолюбивым населением, богатейшими естественными ресурсами, Россия в то же время была отрезана от моря враждебными ей соседями. Только Белое море, замерзающее на значительную часть года и потому неудобное для связи с Западной Европой, принадлежало России. Балтийским морем и его юго-восточным побережьем, ранее принадлежавшим России, теперь распорядилась Швеция, Чёрным, Азовским и Каспийским морями — Турция и Персия. Крымские татары своими набегами опустошали окраины России. Заднепровье находилось под владычеством Турции. Отсталость России создавала прямую и непосредственную угрозу её политической и экономической самостоятельности, ставила её перед реальной опасностью попасть в зависимость от более развитых европейских стран.

Как было показано выше, наиболее дальновидные государственные и общественные деятели XVII в. видели эту опасность. Положение России и вытекающие отсюда задачи ясно понимал Пётр I, который с исключительной энергией взялся за разрешение этих задач.

Развив многостороннюю и бурную деятельность, Пётр I стремился уменьшить отставание России от других стран, поставить её в благоприятные условия существования и развития, обеспечить независимость, могущество страны. Чернышевский подчёркивал в Петре «высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека»¹.

Основной и непосредственной целью военных действий Петра явилась борьба за море. «Россия нужна вода», эти слова,

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки гоголевского периода русской литературы, Полное собрание сочинений, т. III, Государственное издательство художественной литературы, М. 1947, стр. 136.

с которыми он обратился к князю Кантемиру, явились девизом всей его жизни», — писал Маркс о Петре I¹.

«Ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого; ни одна великая нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны. Никто не мог себе представить великой нации, оторванной от морского побережья. Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы, которое являлось естественным выходом для сбыта продукции Северной России, так же как устьев Дона, Днепра и Буга и Керченского пролива в руках кочующих грабителей-татар»².

При Петре I Россия вела войны с Турцией — за Азовское и Чёрное моря, с Швецией — за Балтийское море. Война за Балтийское море была длительной, тяжёлой. Она наложила глубокий отпечаток на всю жизнь страны и в значительной мере определила ход преобразовательной деятельности Петра.

Война потребовала коренной реорганизации русской армии. При Петре армия получила первоклассное по тому времени вооружение — ружья со штыками, артиллерию, была обучена военному строю. Был создан военный флот. Кто имеет сухопутную армию и не имеет флота, тот имеет только одну руку, — говорил Пётр I.

Война настойчиво диктовала необходимость строительства крупных металлургических и других промышленных предприятий, необходимость собственного производства предметов снабжения и вооружения армии и флота. Пётр лихорадочно развивал в России крупную промышленность, в первую очередь военную. Он последовательно проводил систему важных экономических мероприятий в разных отраслях народного хозяйства.

Сложные задачи в сфере военного дела, в хозяйственной, административной, культурной и других областях жизни потребовали коренного преобразования центрального государственного аппарата и местного управления в стране. Русское государство стало «регулярным», полицейско-бюрократическим государством, подобно передовым западноевропейским государствам того времени.

Был подвергнут реформе суд; делалась попытка отделить судебные органы от государственной администрации.

Много внимания уделялось насаждению культуры, развитию наук и просвещения в России. По инициативе и под руковод-

¹ *Karl Marx*, *Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century*, London 1899, p. 87.

² Там же.

ством Петра I в России стала выходить первая газета («Ведомости»). Введён был новый шрифт вместо неудобного церковно-славянского. Издавалось много книг по разным областям знания. Учреждались школы, специальные и общеобразовательные. «Академия, школы дело есть зело нужное для обучения народного», — говорил Пётр. Созданы были Морская академия и школы: навигации, инженерная, артиллерийская, медицинская, цифирная, ремесленные школы при крупных предприятиях и др.

Много молодёжи отправлялось для учёбы за границу. Пётр издал указ об открытии Академии наук в России, с университетом и гимназией. Была создана большая библиотека, положено начало собиранию научных коллекций.

Экономические и другие преобразования, длительные и тяжёлые войны велись за счёт крестьянства, положение которого всё более ухудшалось. В XVIII в. резко обострилась классовая борьба между феодалами и закрепощёнными крестьянами, переходя в форму открытой крестьянской войны. Борьба крестьян против эксплуататоров-феодалов дополнялась борьбой городских низов против боярской знати и ростовщиков, а также борьбой угнетённых народностей. В 1705 г. вспыхнуло восстание в Астрахани в ответ на произвол властей и усиление феодально-крепостнического гнёта. В 1707—1708 гг. поднялось крестьянско-казацкое восстание на Дону, Слободской Украине и в Поволжье под руководством Булавина. Происходили восстания башкир, татар, удмуртов в ответ на гнёт колониальной политики царизма, на произвол, насилие «прибыльщиков» и других чиновников. Волнения охватили широкие башкирские и татарские массы; борьба продолжалась до 1711 г. Все эти восстания были подавлены, а над повстанцами учинена жестокая расправа.

Огромный рост классовых противоречий в стране, укрепление господства дворянства и рост новой экономической силы — купечества послужили основой дальнейших изменений в характере Русского феодального государства — абсолютная монархия укрепилась, феодальное государство приобрело все типичные черты полицейско-бюрократического государства.

* *
*

Во второй четверти XVIII в. народное хозяйство России развивалось в условиях экономической политики, в общем продолжавшей линию Петра I, но с нарушениями и отступлениями от неё, диктовавшимися главным образом групповыми интересами верхушки дворянства, сажавшей на престол своих ставленников.

Помещичье землевладение и численность крепостных возрастали за счёт раздачи помещикам казённых земель с крестьянами. Увеличивались барщинные повинности и размер оброка. Крестьян всё больше заставляли работать в устраиваемых помещиками промышленных заведениях, в порядке барщины. «Фабричная барщина» ещё более разоряла крестьянское хозяйство. Крестьяне протестовали против усилившегося феодального гнёта. Этот протест выражался в форме побегов и волнений.

В промышленности всё больше распространялась эксплуатация принудительного труда. По настоянию заводчиков в 1736 г. законодательно оформляется прикрепление к предприятиям работающих на них людей, обучившихся какому-либо мастерству, и их детей, также обученных мастерству¹. В 1744 г. всем предпринимателям разрешается покупать деревни². Началась массовая приписка крестьян к заводам.

Распространение крепостнических отношений в промышленности сочеталось с ростом капиталистических форм эксплуатации. Материальное и правовое положение рабочих ухудшалось при передаче казённых заводов частным предпринимателям (дворянам и купцам) и их компаниям. Протест против такой передачи был преобладающим мотивом ряда волнений на заводах в различных районах страны и особенно на Урале. Развитие горнозаводской промышленности на Урале сопровождалось отобранием лесов у башкир, которые сгонялись с их земель. Ответом на это были восстания башкирского народа в 1735—1741 гг.

Промышленные предприниматели стремились обеспечить себе монопольное положение. Частные заводчики старались подорвать казённую промышленность, захватить в свои руки её предприятия, не допускать вмешательства государственных органов в деятельность частных предприятий. Получившие всё более широкое распространение монополии и откупа в промышленности и торговле тяжело отражались на положении народных масс.

В рассматриваемое время капиталистические элементы в промышленности России значительно возросли, но феодально-крепостническая система хозяйства продолжала безраздельно господствовать в стране. Товарное производство, развиваясь, обслуживало феодализм. Промышленность опиралась в основном на принудительный труд.

Ко второй четверти XVIII в. относятся великие географические открытия и крупные исследования, совершённые

¹ «Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.» (ПСЗ), 1830, т. IX, № 6858, стр. 707.

² Там же, т. XII, № 9004, стр. 181.

русскими людьми: первая Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга и А. И. Чирикова (1725—1729 гг.), Оренбургская экспедиция под начальством И. К. Кирилова (1734—1737 гг.), Великая Северная экспедиция (1733—1743 гг.) и связанная с ней вторая Камчатская экспедиция.

В 1725 г. учреждается Академия наук в Петербурге, а скоро — уже в 40-е годы — русская наука в лице М. В. Ломоносова добивается огромных успехов, имеющих не только национальное, но и мировое значение.

* *

*

Происшедшие к XVIII веку в экономике России изменения обусловили собою изменения и в экономической мысли. Как было сказано выше, экономические воззрения и программа Ордын-Нащокина знаменовали собой новую ступень в развитии русской экономической мысли, когда предметом внимания экономистов стало народное хозяйство в целом, когда экономисты стали заострять внимание на проблеме ликвидации экономического, военного и культурного отставания России. Наступление этого нового этапа получило наиболее яркое выражение в начале XVIII в. — при Петре Великом.

Эпоха петровских преобразований, затронувших самые различные стороны жизни народа, явилась вместе с тем и эпохой значительного продвижения вперёд русской экономической мысли. Резко возрос круг лиц, активно размышлявших над проблемой экономического развития России; значительно расширился круг экономических вопросов, занимавших мыслителей и деятелей.

Из всех русских людей рассматриваемого времени, так или иначе участвовавших в развитии экономической мысли, первое место занимает, несомненно, Пётр I. Его кипучая государственная деятельность в различных областях народного хозяйства предполагала определённое понимание им экономических задач, стоящих перед страной, и методов решения этих задач. Как будет показано дальше, Пётр I являлся выразителем передовых, прогрессивных для того времени экономических идей.

Было бы, конечно, неправильно все экономические преобразования первой четверти XVIII в. относить целиком на счёт самого Петра. Большую роль играли его ближайшие соратники, осуществлявшие непосредственное руководство преобразовательной деятельностью в хозяйственной области жизни, а также известные и неизвестные авторы различных экономических записок и проектов, которые тогда обильно посылались царю.

Разумеется, экономические воззрения Петра I и его экономическая программа определялись реальными условиями жизни России того времени, потребностями прогрессивного развития страны.

В ту эпоху, как и во всякое другое время, подлинным творцом истории являлся народ, трудящиеся массы. Вместе с тем было бы неправильным не видеть и огромной роли деятельности самого Петра I в этих преобразованиях. В реформах Петра, в том числе экономических, ему самому принадлежала руководящая роль. Реформы осуществлялись в упорной и острой борьбе со всеми консервативными и реакционными силами общества, твёрдо державшимися за старые устои жизни, старые порядки и обычаи.

Реформы получали законодательное выражение и оформление в обильно издававшихся тогда указах, регламентах. Многие указы, определявшие важные экономические преобразования, были написаны Петром собственноручно. Так, например, большой и очень важный указ от 16 января 1712 г. почти целиком написан самим Петром. «Завод суконной размножать не в одном месте так, чтоб в 5 лет не покупать мундиру заморскаго», — гласит один из пунктов этого указа; «завести конские заводы», «учинить коллегіум для торговаго дела и правления, чтоб оную в лучшее состояние привести...»¹ и др. Очень важный указ от 5 ноября 1723 г. — «О заведении в России фабрик» был целиком написан рукою Петра. В этом указе были формулированы основные принципы проводившейся Петром I политики развития крупной промышленности в России. Во многих указах, регламентах и других законодательных актах Пётр собственноручно делал важные, принципиального значения вставки. Ему принадлежит идея многих других указов, инструкций, регламентов.

Отличительной чертой экономических воззрений Петра была их действительность, огромное практическое значение. Они получали своё реальное воплощение в экономической политике феодального государства. Своей активной экономической деятельностью, обусловленной объективными условиями жизни страны, Пётр I оказывал большое влияние на современников. Вокруг Петра было немало инициативных, преданных ему соратников. К нему поступали многочисленные предложения от лиц, желавших вложить свою лепту в дело экономического развития родины: от Фёдора Салтыкова, Курбатова, Нестерова, И. Т. Посошкова, Конона Зотова, Лодыгина, Филиппова и др.² Авторы записок касались самых акту-

¹ См. ПСЗ, т. IV, № 2467, стр. 776—779.

² Часть этих предложений опубликована в книге Н. Павлова-Сильванского «Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты», Спб. 1897.

альных экономических вопросов: об отношениях между помещиками и крепостными крестьянами, о развитии торговли, отечественной промышленности, сельского хозяйства; о монете, налогах и т. д. Часть предложений авторов этих записок получила свою реализацию в последующем законодательстве Петра.

Из всех составителей экономических записок и проектов представляет наибольший интерес и имеет наибольшее историческое значение современник Петра I — И. Т. Посошков, автор замечательной «Книги о скудости и богатстве». И. Т. Посошков является весьма колоритной и интересной фигурой. Он был крупным и оригинальным экономистом-мыслителем, пытавшимся разобраться во всей совокупности острых вопросов современной ему жизни и дать на них глубоко продуманные ответы.

А. Л. Ордын-Нащокин, Пётр I, Ф. Салтыков, В. Н. Татищев являлись выразителями интересов прежде всего дворянства.

В лице И. Т. Посошкова выступают на сцену со своими настойчивыми требованиями представители новой общественной силы — купечества. Правда, Посошков ещё крепко держался феодально-крепостнических устоев общественной жизни страны; он не посягал на эти устои и сам торопился включиться в ряды землевладельцев, но в его произведении уже явственно проступает недовольство купечества всесилием дворянства, стремление несколько потеснить феодалов с их позиции правящего класса и дать хотя бы самое скромное место представителям других классов (сословий) общества. Не посягая на крепостное право, Посошков предложил систему мероприятий, имеющих характер государственного регулирования экономических взаимоотношений между помещиками и крепостными крестьянами. Он считал необходимым некоторое ограничение произвола помещика в отношении труда и продукта труда крепостных крестьян.

К первой четверти XVIII в. относятся и интересные проекты Фёдора Салтыкова, посвящённые главным образом экономическим вопросам.

Экономическими вопросами интересовались также А. П. Волинский и В. Н. Татищев, деятельность которых относится и к первой и ко второй четверти XVIII века. В 40-х годах XVIII в. началась деятельность великого учёного М. В. Ломоносова, в богатейшем наследии которого имеются важные мысли о развитии производительных сил родной страны.

* *
*

К рассматриваемому нами здесь периоду относится также зарождение собственно политической экономии в России, постепенный переход к раскрытию внутренних связей и

зависимостей экономических явлений, т. е. экономических законов.

Как это показал Маркс, наука политическая экономия зародилась с того времени, когда мыслители от исследования процесса обращения, чем занимались меркантилисты, перешли к теоретическому исследованию процесса производства и начали становиться на путь понимания того, что стоимость товара определяется трудом. Начало этого понимания связано с именами английского экономиста Вильяма Петти (1623—1687 гг.) и французского экономиста П. Буагильбера (1646—1714 гг.). У них ещё не было понимания того, какой именно труд создаёт стоимость. В решении этого вопроса большой шаг вперёд был сделан много позже — А. Смитом и Д. Рикардо, полностью же и до конца трудовая теория стоимости была разработана только Марксом.

Маркс высоко ценил первые шаги на пути научного открытия экономического закона стоимости¹.

Интересно отметить, что и в России конца XVII в. уже встречаются отдельные теоретические положения, которые нельзя расценить иначе, как зародыш трудовой теории стоимости.

Мы имеем здесь в виду опубликованные несколько лет назад в нашей печати «Тетради» старца Авраамия, монаха, игумена Андреевского монастыря под Москвой². «Тетради» представляют собою записку, составленную автором в конце 1696 г. для вручения Петру I. В записке автор критикует беспорядки в различных областях общественной жизни России того времени, вскрывает злоупотребления судей, высказывает свои мысли об обязанностях царя по управлению государством, даёт советы по вопросам, относящимся к церковным делам, суду, финансам и к другим областям жизни. Небезинтересно отметить, что в числе многих посетителей Авраамия, беседовавших с ним по вопросам современности, был и И. Т. Посошков. Касаясь финансов, Авраамий советует царю экономить государственные средства, для чего призывает точно определить сумму расходов на содержание царского двора. «Самодержцем дому своему, что разходится в год, число положить и во всем крепится и воздержание иметь, чтоб, положе закон или правило о чем, самому разорителем не быть»³. Авраамий решительно

¹ См. К. Маркс, К критике политической экономии; Ф. Энгельс, Анти-Дюринг и др.

² См. «Исторический архив», VI, АН СССР, М.—Л. 1951, стр. 143—155. Здесь же вводная статья Н. А. Баклановой об этих «Тетрадах», стр. 131—143. Об Авраамии см. также в книге Б. Б. Кафенгауза «И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность», АН СССР, М. 1951.

³ «Тетради» старца Авраамия, «Исторический архив», VI, АН СССР, М.—Л. 1951, стр. 153.

возражает против обложения товаров, предметов потребления внутренними пошлинами, которые ведут к удорожанию товаров. В этой связи он рассуждает о том, от чего зависит цена товаров. На производство одних вещей затрачивается много труда, другие вещи требуют среднего количества труда, а иные — небольшой траты его. Противопоставляя вещам, на которые затрачено много труда, вещи, которые требуют меньшего количества труда, Авраамий пишет:

*«А иные вещи строятся средние, и тем вещем и цена средняя, а иные вещи строятся легкими трудами и скоро, и для того и цена им мала. Мню, и сего ради писах аз, многогрешный чернец имрек, тако надобно по силе с разумом строить и творить кийждому самодержцу подданным своим, без которых вещей невозможно на сем свете жити всякому человеку, и таких вещей ненадобно дорожити своими указными пошлинами»*¹.

В этих словах выражена мысль, что цена товара определяется трудом, а величина цены зависит от количества труда, затрачиваемого на товар. Это было по существу зародышем трудовой теории стоимости, начальным шагом русской экономической мысли по пути экономической науки.

* *
*

Экономические воззрения трудящихся масс получили яркое выражение в крестьянских восстаниях начала XVIII в. Требования восставших наиболее отчётливо вырисовываются в воззваниях, «прелестных письмах» К. Булавина и его ближайших соратников.

Требования восставшего крестьянства

Первая четверть XVIII века явилась периодом резкого усиления феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства. Увеличилась эксплуатация крестьян помещиками. В громадной степени возросли налоги и всякие другие платежи и повинности крестьян в пользу государства. Огромные массы крестьян отвлекались на изнурительные работы по строительству Петербурга, Азова и других городов и крепостей, на строительство каналов, дорог, на верфи и т. д. Крестьяне несли на своих плечах всю тяжесть долгих и тяжёлых войн.

О том, как много крестьян и другого населения государство привлекало на эти работы и в армию, можно судить, например,

¹ «Тетради» старца Авраамия, «Исторический архив», VI, М.—Л., 1951, стр. 155. (Курсив мой. — А. П.)

по таким красноречивым цифрам: с вотчин Макариева-Унженского монастыря, в начале века имевшего 500 дворов, к 1704 г. только для одних земляных работ по постройке Петербурга, для работ в Азове и других местах было взято 67 человек. С посада Соликамска, где в 1678 г. насчитывалось всего 465 дворов, за 5 лет — с 1703 по 1707 г. — в рекруты и на работы было взято не менее 200 человек¹.

Денежные налоги при Петре I резко возросли. Они были многочисленны и обременительны. Обычных налогов, взимавшихся из года в год, было около 30, а в Поволжье и Приуралье — ещё больше. О характере этих налогов и сборов говорят следующие факты: в 1710 г. был издан указ о сборе денег с крестьянских дворов и купецких людей на наём подвод под артиллерийские и иные припасы; в том же году — о сборе в Московской губернии со всех доходов по деньге с рубля; в 1712 г. — о ежегодном сборе с губерний 20 тысяч рублей на заготовление и обжигание в Петербурге извести; в 1713 г. — «О приуготовлении на полки, которые при фельдмаршале Шереметеве, вина, уксусу и пива, и о сборе для сего денег со всех губерний с дворового числа»; в том же 1713 г. — о сборе денег с каждого двора на фураж для армейских полков в С.-Петербургской губернии; в 1714 г. — о денежном сборе «на строение домов на Котлине острове»; в 1717 г. — о сборе денег для поставки провианта в С.-Петербургский «магазин»; в 1721 г. — о сборе денег на провиант и всякие морские припасы к предстоящей в 1721 г. морской кампании; в том же году — о сборе денег на построение Ладожского канала, и т. д.

Главная тяжесть налогов падала на крестьянство. Для изыскания новых доходов была учреждена особая должность — «прибыльщики», или «вымышленники», прямую обязанность которых составляло «сидеть и чинить государю прибыль» и которые, по образному выражению Ключевского, «устроили генеральную облаву на обывателя». Особый сбор за бороды платили крестьяне при въезде в город; раскольники уплачивали все налоги в двойном размере. Усердные «прибыльщики» ухитрялись облагать население Поволжья и Приуралья налогом на глаза, с разной ставкой на чёрные глаза и серые. «Прибыльщики» заслужили глубокую ненависть со стороны народа.

За первую четверть XVIII столетия общая сумма государственных денежных сборов (в переводе на золотые рубли) возросла примерно в 3 раза.

Ухудшилось положение и городских низов. Колониальная политика царизма тяжёлым бременем давила другие народы, объединённые в Русском государстве.

¹ См. П. Любомиров, Крепостная Россия, Энциклопедический словарь общества Гранат, т. 36, ч. III, стр. 536.

Крепостные крестьяне, городские низы, угнетённые народности оказывали упорное сопротивление своим эксплуататорам — боярам, помещикам, феодальному государству. Это сопротивление выражалось в разнообразных формах — в жалобах крестьян на своих господ и на царских чиновников, в резко участвовавших побегах крепостных крестьян от своих помещиков, в огромном росте разбойничества и, наконец, в открытой вооружённой борьбе, восстаниях трудящихся масс против всего феодально-крепостнического строя, господствовавшего в стране.

Одним из проявлений протеста крестьянства и городских низов против гнёта со стороны феодального государства являлся рост раскольников.

Отношение крепостных крестьян к своим эксплуататорам ярко видно по содержанию некоторых челобитных. Не понимая глубокой связи и единства интересов главы феодального государства, с одной стороны, и класса феодальных землевладельцев — бояр и помещиков — с другой, забытые, угнетённые крестьяне обращались иногда к царю в наивной надежде получить от него защиту от своих угнетателей. Некоторые из этих документов с исключительной непосредственностью рисуют глубокую ненависть крестьян к своим угнетателям, страстное желание освободиться от крепостнического ярма. В одной челобитной Петру крепостные люди писали: «Просим и молим и умильно вопием, да ты на милость приклони о свободе, дабы нам из Содому и Гомору отраднее было. На сем нашем приношении к тебе, великому государю сановии твои бояре и князи тебе великому государю станут возбранять, чтоб нам у них яко в Содоме и Гоморе мучиться, яко лви зубы челюсти своими пожирают и якоже змии ехидные разсвириепя напрасно попирают и якоже волцы свирепии бьют нас яко немилостивые пилаты: великий государь, смилуйся пожалуй!»¹

Осуществляя важные преобразования во всех областях народного хозяйства, Пётр I своей политикой привёл к ещё большему возвышению дворянства и закабалению крестьянских масс.

Бегство крепостных крестьян приняло огромные размеры. Крестьяне тайком убегали от своих помещиков, покидали принудительные работы на строительстве городов, крепостей, уходили на юг, на окраины страны, в поисках места, где нет помещичьей кабалы. Царское правительство принимало решительные меры к поимке беглецов и возвращению их владельцам-феодалам. Для розыска беглых направлялись сыщики, а для возвращения их — войсковые части.

¹ См. С. М. Соловьёв, *История России с древнейших времён*, т. XVIII, М. 1868, Приложение, стр. 356—357.

Против феодально-крепостнического строя восставали крестьяне, городские низы, нерусские народности.

В Астраханском восстании 1705—1706 гг. участвовали посадские люди, стрельцы, солдаты, судовые работные люди, «гулящие люди». Астрахань являлась тогда крупным рынком; на промыслах (рыбных и соляных), на погрузке и разгрузке судов здесь было занято много беглых крестьян и «гулящих людей».

Поводом к восстанию послужили произвол и насилия астраханского воеводы. Восставшие уничтожили представителей царской власти, а имущество их было распределено между восставшими. Было избрано своё правительство — старшина, из посадских людей. Восстание распространилось и на другие города, охватив почти весь юго-восток. Оно имело ярко выраженный антифеодальный характер; восстание ставило задачу — уничтожить бояр и прибыльщиков, направиться походом по Волге на Москву.

В процессе развития восстания обнаружились классовые противоречия между его участниками. Произошёл раскол. Народные массы — беглые, работные люди, «гулящие люди», солдаты угрожали захватить купеческие склады. Астраханские купцы, посадская верхушка, высшее духовенство быстро отошли от восстания и предали его.

Антифеодальным было и крупное крестьянско-казацкое восстание под руководством К. Булавина, охватившее в 1707—1708 гг. широкую территорию — Дон, Слободскую Украину и Поволжье, а также соседние с ними уезды. Резкое усиление крепостничества в России в конце XVII — начале XVIII в. вызвало массовое бегство крестьян на юг и юго-восток России, где крепостного права не было. В городках Верхнего Дона, Слободской Украины скопилось много беглых крестьян, составлявших здесь вместе с городскими низами голытьбу. Голытьба использовалась зажиточными казаками в качестве дешёвой рабочей силы. Царское правительство требовало возврата беглых, что противоречило экономическим интересам зажиточной части казачества. С другой стороны, донское казачество опасалось потерять свою известную независимость от Москвы.

Непосредственным поводом к восстанию послужила посылка Петром I в верховье Дона военного отряда под руководством Ю. Долгорукого для поимки и возврата бежавших крестьян. Долгорукий проявил по отношению к беглым исключительную жестокость.

Основную силу Булавинского восстания составляли беглые крестьяне, солдаты, стрельцы, мелкий посадский и служилый люд, раскольники, бурлаки и работные люди, собранные царским правительством на строительство судов, на сплав

леса. В восстании участвовало также и зажиточное казачество.

Цели восстания были провозглашены в «прелестных письмах», широко рассылавшихся Булавиным по городам и сёлам. В написанном в 1708 г. «прелестном письме» Булавина, рассылавшемся в разные города, сёла и деревни — «добрым начальным, торговым и черным людям», видно стремление Булавина объединить разнородные социальные элементы участников восстания: голытьбу и зажиточное казачество, сторонников господствовавшей православной церкви и раскольников под лозунгом борьбы против бояр и прибыльщиков и защиты независимости донского казачества. Эти основные лозунги подкреплялись призывом к борьбе «за истинную веру христианскую» и «за благочестиваго царя». «От Кандратя Афонасьевича Булавина и от всего съездного Войска Донского в русские города начальным добрым людям, также и в села и в деревни посацким торговым людям и всяким черным людям челобитье. Ведомо вам чиним, что мы всем Войском стали единодушно вкупе в том, что стоять нам со всяким родением за дом пресвятыя богородицы, за истинную веру христианскую, за благочестиваго царя нашего, и за свои души и головы, сын за отца и брат за брата, друг за друга стоять и умирать заодно. А вам бы всяким начальным людям добрым и всяким черным людям всем такоже с нами стоять вкупе заодно. За дом пресвятыя богородицы, за истинную веру христианскую, за благочестиваго нашего государя, царя и за все великое Войско Донское с нами стойте заодно. А от нас вы всякие посацкие и торговые люди и всякие черные люди обиды никакой ни в чем не опасайтесь и не сомневайтесь отнюдь. А которым худым человеком князем и бояром и прибыльщиком и немцом за их злое дело отнюдь бы вам не молчать и не пущать ради того, что они вводят нас и всех вас в елинскую веру, а от истинной веры христианской отворотили всякими своими знаменьями и чудесы прелесными. А между собою вам добрым начальным людям посацким и торговым и всяким черным людям отнюдь бы вам вражды никакой не чинить, напрасно не бить и не грабить и не разорять»¹.

В доношениях воевод царю и в других документах, исходящих из районов, охваченных восстанием, цель восставших формулируется обычно как борьба против бояр, прибыльщиков, царских управителей и чиновников, что и являлось действительно важнейшей задачей участвовавшей в восстании голытьбы. «Да они ж де воры говорили: дела де им ворами до бояр, да до него полковника князя Григорьева Ивановича, да

¹ См. «Булавинское восстание (1707—1708 гг.)», изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1935, стр. 450—451.

до прибольщиков, да до подьячих, чтоб перевесть»¹. «Да им же де вора́м дело до бояр, да до меня, униженного раба вашего, да до прибыльщиков, да до подьячих, чтоб их перевесть»².

Предполагалось, что после взятия центра богатого донского казачества — города Черкаска, потом — Азова и Таганрога восставшие двинутся на Москву, чтобы освободить от феодально-крепостнической эксплуатации всю Россию. «А взять де Черкасской итить им вора́м разорять в Озов, а потом до Москвы; а в Озове и на Москве и во всех городех вывести им бояр да прибыльщиков да немцов»³. Булави́нцы собирались «итить на Русь бить бояр»⁴.

После овладения восставшими Черкасском (в мае 1708 г.) резко проявилась социальная разнородность участников восстания и классовые противоречия между голытьбой и зажиточным казачеством⁵. Голытьба хотела расправляться не только с боярами и прибыльщиками, но и с местными эксплуататорами — зажиточным казачеством. Сразу же после занятия Черкаска голытьба потребовала от Булавина «черкасских природных казаков всех побить и пожитки их разграбить». Зажиточное же казачество хотело использовать антифеодальное движение голытьбы только в своих интересах, чтобы отстоять независимость Войска Донского от Москвы.

Булавин ввёл низкие цены на хлеб и соль. Конфискованное имущество казнённых старшин и церковная казна были распределены среди голытьбы. Зажиточные казаки быстро отошли от восстания, тем самым значительно ослабив его. С отходом зажиточного казачества вся тяжесть восстания легла на голытьбу.

Чаяния голытьбы видны из содержания «прелестного письма» атамана Н. Голого, который после гибели Булавина возглавлял борьбу. Если Булавин пытался консолидировать различные социальные группы участников, не противопоставляя зажиточных и голытьбу, то Н. Голый хотел опираться уже только на голытьбу. «В русские города стольником и воеводам и приказным людем, а в селех и в деревнях заказным головам и десятником и всей черни, Никита Голой со всем своим походным войском челом бьем... А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы голотьва и вся идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опа-

¹ См. «Булави́нское восстание (1707—1708 гг.)», изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1935, стр. 166.

² Там же, стр. 174.

³ Там же, стр. 187.

⁴ Там же, стр. 365.

⁵ См. Н. С. Чаев, Булави́нское восстание (1707—1708 гг.), изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1934.

сайтесь: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалование. А мы стали за старою веру и за дом пресвятыя богородицы и за вас за всю чернь, и чтобы нам не впасть в ельнинскую веру»¹.

Булавинское восстание было подавлено с исключительной жестокостью. Посылая на Украину армию под командованием В. В. Долгорукого, Пётр I приказал ему выполнить указ «не мешкав, чтобы сей огонь зарань утушить»². Глава феодального государства распорядился применять к восставшим самые жестокие меры. Он приказал «... ходить по тем городкам и деревням... которые пристають к воровству, и оныя жець без остатку, а людей рубить, а завогчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставаанию (о чем вели выписать из книг князь Юрья Алексеевича) воровства у людей, ибо сия сарынь кроме жесточи не может унята быть»³.

После подавления булавинского восстания крепостное право было введено и на Дону; Дон потерял свою независимость.

Булавинское восстание, как и другие восстания начала XVIII в., было направлено не против реформ Петра I, а против феодально-крепостнической эксплуатации, против феодалов и произвола царских чиновников. Это восстание расшатывало основы феодально-крепостнической системы и потому имело прогрессивный характер, как и все другие антифеодальные восстания и войны.

Жестоко подавлено было Петром I и восстание башкир, татар, удмуртов. Но и после этого крестьянские волнения продолжались. Так, например, в 1713 г. крестьяне некоторых помещиков Нижегородского, Ростовского и Вереяского уездов «учинились... владельцам своим ослушны, и от них отложились»⁴. Крестьяне не мирились со своим тяжёлым положением и, как могли, боролись против крепостнического гнёта.

¹ «Булавинское восстание (1707—1708 гг.)», изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1935, стр. 466.

² Там же, стр. 193.

³ Там же.

⁴ См. ПСЗ, т. V, № 2668, стр. 24.

Глава одиннадцатая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I

Взгляды Петра I на экономическую роль государства

Основным источником для изучения экономических взглядов и политики Петра является законодательство первой четверти XVIII в. Оно опубликовано в хронологическом порядке в III—VII томах «Полного собрания законов Российской империи», изданного в 1830 г. под руководством Сперанского.

Другим важным источником служат письма и бумаги Петра. В значительной мере они связаны с законодательной деятельностью и потому имеют большое значение для изучения законов той эпохи. В письмах, записках, заметках Петра можно часто видеть зарождение основной идеи проводившихся реформ и дальнейшее её развитие.

Русское государство рассматриваемой эпохи было *феодално-абсолютистским*, т. е. представляло собой определённый этап в развитии феодального, дворянского государства. Пётр I укрепил абсолютную монархию и завершил победу абсолютизма в России.

Феодалное государство являлось «...органом дворянства для подавления крепостных крестьян...»¹. В абсолютной монархии реальная власть остаётся, сохраняется в руках феодалов.

Классовая природа Русского государства эпохи Петра I и сущность петровских реформ глубоко определены И. В. Сталиным: «...Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев»².

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 178.

² И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Соч., т. 13, стр. 105.

Большая и сложная задача России — ликвидировать отсталость страны — неразрывно связанная с этим ближайшая важная задача — одержать военную победу в борьбе за необходимые стране моря заставляли Петра усиленно заниматься вопросами экономической жизни страны. Он осуществлял широкую программу экономических преобразований России, которая включала в себя: 1) насаждение крупной промышленности и содействие развитию ремесла; 2) содействие развитию внешней и внутренней торговли; 3) содействие развитию сельского хозяйства; 4) расширение водных путей сообщения; 5) укрепление финансов страны.

Экономические функции Русского феодального государства были узки и односторонни. Вопросы развития производительных сил страны оставались вне интересов государственной власти. Только во второй половине XVII в. государственная власть, кроме налогов и поборов с населения, начинает медленно включать в сферу своего внимания и другие экономические задачи, принимать меры к развитию в стране торговли и промышленности. Ордын-Нащокин ставил вопросы развития народного хозяйства как прямую государственную задачу. Экономические реформы первой четверти XVIII в. знаменуют собой дальнейшее движение политической мысли и государственной деятельности в этом направлении.

Понимание Петром I экономических задач и функций государства неразрывно связано с самой природой абсолютизма и полицейско-бюрократического государства. Последнее характеризуется тем, что государственная власть, опираясь на чиновничество, полицию, армию, совершенно подавляет личные права низших классов общества, осуществляет неограниченное вмешательство в жизнь подданных, проводит строгое регулирование, всестороннюю принудительную опеку. Это принуждение, опека, надзор феодально-дворянского государства широко охватывают также и экономическую область жизни.

Являясь главой феодально-абсолютистского, полицейско-бюрократического государства, Пётр I использовал государственную власть как орудие подавления сопротивления трудящихся своим эксплуататорам, как орудие внеэкономического принуждения. Он значительно расширил применение подневольного, крепостного труда в стране, а цепь, привязывавшая крестьянина к помещику, при нём стала крепче и тяжелее, чем раньше.

Пополнение казны и при Петре занимает центральное место в экономических мероприятиях государства. Но экономические интересы теперь уже не сводились только к пополнению казны. Постоянно заботясь о доходах казны, доведя при этом фискальную деятельность государства до небывалой раньше степени

активности и напряжения, Пётр I вместе с тем обратил серьёзное внимание на развитие производительных сил страны, рост техники, повышение производительности труда и впервые в России развил широкую государственную деятельность в этом направлении.

Политическая идеология Петра получила развёрнутое литературное выражение в выдающемся политическом трактате того времени — «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича.

Составным звеном этой идеологии была мысль, что государственная власть имеет в отношении своих подданных не только права, но и обязанности. Обязанности эти заключаются в заботе государства об «общем благе», «народной пользе». Пётр ввёл в русское законодательство широкое обоснование мероприятий государственной власти этими мотивами. «Объявляем чрез сие, что мы прилежное старание всегда имеем о распространении в государствах наших *к пользе общаго блага* и пожитку подданных наших купечества и всяких художеств и рукоделий, которыми все прочия благоучрежденныя государства процветают и богатятся»¹, — сказано в жалованной грамоте царя ландрату Савелову и купцам Томилиным на учреждение завода (1718 г.). О распространении в России мануфактур и фабрик «*к пользе общаго блага и пожитку подданных...*» записано и в «Регламенте Мануфактур-коллегии»². «Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем», — говорил Пётр I в своей исторической речи по случаю заключения мира с Швецией (22 октября 1721 г.).

Принцип «общего блага» является обычным в теориях абсолютизма и встречается у всех идеологов абсолютистского варианта теории «естественного права» как в России, так и в Западной Европе. Заботой об «общем благе» подданных носители абсолютизма и его теоретики повсюду оправдывали самодержавную власть. В России современник Петра I Феофан Прокопович обосновывал абсолютизм этой же идеей «общего блага».

Теоретики абсолютизма и его носители выставляют принцип «общего блага» как надклассовый, а государственная власть изображается ими как внеклассовая сила, в одинаковой мере заботящаяся о всём населении. В действительности же феодальное государство является политической организацией класса феодалов. В обществе, где одни классы эксплуатируются другими, государство защищает не только общие национальные интересы данной страны против других стран, но прежде всего и главным образом интересы господствующего класса

¹ ПСЗ, т. V, № 3180, стр. 552. (Курсив мой. — А. П.)

² ПСЗ, т. VII, № 4378, стр. 169. (Курсив мой. — А. П.)

против угнетённых классов своей страны. Подчинение эксплуатируемых, подавление их сопротивления являются важнейшей функцией феодально-абсолютистского государства. У теоретиков абсолютизма и его носителей рассуждения об «общем благе», «общественной пользе» как основной задаче неограниченного монарха маскируют сугубо классовую природу феодального государства. В феодальном обществе «общее благо» есть прежде всего и главным образом благополучие дворянского класса и купечества. Безопасность от внешнего врага, развитие культуры в стране, развитие производительных сил достигаются за счёт трудящихся, угнетённых масс, а благами культуры, развития техники, производительных сил пользуются прежде всего господствующие классы — дворянство и купечество.

На определённой исторической ступени развития общества абсолютизм являлся политической формой, соответствовавшей прогрессивным тенденциям развития этого общества, выражавшимся в борьбе за создание и утверждение национального государства, против феодальной раздробленности.

Пётр I придавал большое значение деятельности государства в экономической жизни страны. В его понимании государство является силой, направляющей развитие экономики страны, а государственное законодательство — могучим рычагом этого развития. Издание соответствующих законов — указов, регламентов, инструкций, касающихся экономической жизни, и борьба за их проведение составляли поэтому одну из важнейших форм государственной деятельности Петра.

В его понимании государство является органом, непосредственно осуществляющим широкую экономическую деятельность. Пётр энергично развивал хозяйственную деятельность государства, осуществляя в больших для того времени масштабах строительство казённых промышленных предприятий, каналов, овчарных и конских заводов, развёртывая казённую торговлю товарами на внутреннем и внешнем рынках и т. д.

Но экономические функции государства понимались Петром I много шире, чем непосредственная хозяйственная деятельность органов государства. Государство, по мысли Петра, должно всемерно вызывать и поощрять частную инициативу, частное предпринимательство, учить своих подданных правилам рационального хозяйствования, разумной экономии, показывать людям, как «добрым экономам» быть. Государство должно насаждать новые формы организации труда, новую технику.

Способы насаждения государством правил «доброй экономии» понимаются широко. Здесь и прямое принуждение и пропаганда, практическая инициатива государства, помощь людям,

поощрение частной предприимчивости и принуждение к ней. Пётр широко применял эти разнообразные методы насаждения новых форм хозяйствования, комбинируя их.

Пётр считал необходимым широко пропагандировать среди населения разумность проводимых государством экономических мероприятий. Указы не только доводились до сведения подданных как нормы, обязательные к исполнению, но и использовались в качестве средства пропаганды проводимых мероприятий. Так, например, в самом же указе, заставлявшем впредь делать юфть только с ворванным салом, а не дёгтем, раскрывается и смысл данного мероприятия: кожа, выделанная с дёгтем, пропускает влагу и быстро изнашивается. В указе, предписывающем широкое применение уборки хлеба косами и граблями вместо серпов, указываются на опыте других стран преимущества работы косами и граблями.

Пётр придавал большое значение широкому распространению указов и других законов в народе, заставлял печатать их и рассылать, а наиболее важные оглашать в церквях, а также на ярмарках и торгах («кликать бирючем»).

Опека, регламентация, принуждение к созданию новых форм хозяйственной деятельности рассматриваются им как неизбежные меры, вызванные отсталостью, косностью людей в вопросах хозяйственной жизни, их недоверием к новым формам. В одном из выдающихся законов — указе от 5 ноября 1723 г. о расширении в России фабрик, — отмечая, что мало охотников заводить фабрики, Пётр пишет: «...понеже наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел, не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел, и в мануфактурных делах не предложением одним... делат, но и принуждать и вспомогать наставлением, машинами и всякими способами, и яко добрым экономам быть»¹.

В том же духе составлен и указ об учреждении компании для торговли с Испанией: «...но понеже всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут: того ради Коммерц-коллегия для сей новости дирекцию над сим и управление должна иметь, как мать над дитятем во всем, пока в совершенство придет»².

В соответствии с этим широким пониманием экономических задач и функций государства был перестроен и государственный аппарат. Характерно, что в числе созданных при Петре

¹ ПСЗ, т. VII, № 4345, стр. 150.

² Там же, № 4540, стр. 332.

государственных коллегий (вместо устарелой системы приказов) почти половину составляли хозяйственные коллегии. Это — Берг-коллегия, ведавшая горной промышленностью, Мануфактур-коллегия — всей другой промышленностью, Коммерц-коллегия — внешней торговлей и торговым судостроением, Камер-коллегия, на которую возложена была обязанность собирания государственных доходов; Штатс-контор-коллегия ведала государственными расходами. Наблюдение за внутренней торговлей и ремеслом возложено было на Главный магистрат. Для руководства сельским хозяйством не было создано особой коллегии, но в круг обязанностей Камер-коллегии было включено и содействие развитию сельского хозяйства.

Принципы промышленной и торговой политики

Наиболее замечательной и плодотворной была деятельность Петра по развитию крупной промышленности в России. «Когда Пётр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»¹, — говорил И. В. Сталин.

В петровской политике развития отечественной крупной промышленности различаются два периода. Первый период — с начала войны России против Турции и Швеции до 1709—1710 гг. Это был труднейший период войны. Длительная, упорная борьба требовала много оружия, разного снаряжения для войска. Ввоз оружия в Россию из-за границы был прекращён иностранцами. Ранее железо высокого качества ввозилось из Швеции. Война с Швецией остро поставила вопрос о снабжении России железом.

Готовясь к войне за моря и начав её, Пётр форсировал строительство промышленных предприятий, непосредственно нужных для снабжения армии и флота, — металлургических, ружейных и пушечных, лесопильных заводов, фабрик парусного полотна и канатов и др. Была создана большая для того времени металлургическая промышленность, положено начало развитию Урала как крупнейшего района металлургии. Здесь был создан ряд крупных предприятий. На севере — в Олонецком крае, в Петербурге, а также в других районах строились железоделательные и оружейные заводы.

Второй период — после Полтавской победы — характеризуется усиленным вниманием Петра не только к военной, но и

¹ *И. В. Сталин*, Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б), Соч., т. 11, стр. 248—249.

к общегражданской промышленности. Много внимания уделялось созданию отечественной суконной промышленности с целью освобождения от ввоза заграничного сукна на обмундирование армии и на нужды населения. В этот же период строятся кожевенные и стекольные заводы, бумажные, шёлковые, табачные и другие промышленные предприятия.

За время царствования Петра I в России было создано около 200 промышленных предприятий, в том числе 52 предприятия чёрной и 17 — цветной металлургии, 15 — суконной промышленности, 8 — полотняно-парусной, 9 — шелкоткацкой, 6 — писчебумажной, 14 — кожевенной, 10 — стекольной, 17 — по производству пороха, 23 лесопильных и т. д.¹ Создание отечественной крупной промышленности — металлургии, производства оружия и др. сыграло громадную роль в усилении военной мощи России и было решающим фактором, обеспечившим победу России над Швецией. К концу первой четверти XVIII в. Россия не только освободилась от необходимости ввозить железо из-за границы, но и сама начала вывозить железо.

Большое внимание уделялось разведке и добыче руд, минералов и других полезных ископаемых. В 1700 г. был издан указ о розыске руд по всему пространству России. Розыск руд и других ископаемых Пётр хотел сделать общенародным делом, широко пропагандируя и материально поощряя его. В 1700 г. был создан особый Приказ рудокопных дел, а в 1719 г. — Берг-коллегия — особый орган, ведавший горной промышленностью. «Наше... Российское Государство, пред многими иными землями, преизобилует и потребными металлами и минералами благословенно есть»², — говорится в указе об учреждении Берг-коллегии. Указ представляет собой декларацию и развёрнутую программу развития горного дела в России.

Уделялось внимание добыче торфа. Пётр живо интересовался добычей каменного угля и нефти; производились поиски каменного угля на Дону, в районе Бахмута, в Воронежской губернии и на Днепре³. Обследовалось Ухтинское месторождение нефти (в Архангельской губернии) и др. Поощрялись поиски в стране различных красок, чтобы освободиться от ввоза их из-за границы.

Промышленные предприятия, созданные при Петре, были мануфактурами, но на них применялась и механическая двигательная сила водяных мельниц (например, для механиче-

¹ См. *Е. И. Заозерская*, Мануфактура при Петре I, АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 10.

² ПСЗ, т. V, № 3464, стр. 760.

³ См. ПСЗ, т. VI, № 4129, стр. 796; т. VII, № 4297, стр. 110; *Е. И. Заозерская*, Поиски каменного угля при Петре I, «Известия Всесоюзного географического общества», 1943, т. 75, вып. 2.

ского сверления пушек). Оснащению крупных предприятий водяной двигательной силой Пётр придавал большое значение. Он внимательно знакомился с устройством водяных мельниц на Западе, вызывал мастеров мельничного дела в Россию, заставлял русских людей учиться этому делу. При выборе места постройки новых заводов возможность использования водяной энергии имела решающее значение.

В крупной промышленности насаждалась передовая для того времени техника. На Мануфактур-коллегию возложена была обязанность «присматривать, нет ли каких нововымышленных машин и инструментов, и буде есть, такие выписывать же»¹. Сам Пётр с исключительным вниманием следил за новинками техники и был прекрасно осведомлён о технических достижениях на Западе. Находясь за границей, он бывал на заводах, посещал изобретателей, тщательно осматривал новые машины, стараясь перенести в Россию наиболее полезные. Посылая соответствующих лиц за границу с разными поручениями, он приказывал им узнавать о технических новинках.

По всей стране вводилась новая, более совершенная техника выделки кож — с ворванным салом, а не с дёгтем. Было организовано широкое обучение новой технике выделки кож, а за выделку кож по старому способу установлено суровое наказание. Вводился новый, более совершенный способ заготовки леса — пилами вместо рубки, и было организовано обучение людей этому делу. Был издан указ о способе соленья рыбы в Астрахани и др.

Огромное внимание Пётр уделял вопросам военной техники. В борьбе с таким сильным и опытным в военном деле врагом, как Швеция, военная техника играла громадную роль. Много забот было обращено на оснащение русского войска и флота первоклассным вооружением. Как в области организации армии, тактических приёмов боя и других вопросов военного искусства, так и в военной технике Пётр I не только использовал новейшие достижения западноевропейских стран, но и поощрял инициативу, самостоятельное творчество русских людей. Благодаря этому петровская Россия не только не отставала от передовых стран Западной Европы, но по некоторым видам вооружения стояла впереди них.

В стране имелось немало людей, творчески работавших над сложными техническими проблемами². Сам Пётр сделал некоторые изобретения в разных областях техники. В числе его ближайших сотрудников были и замечательные новаторы

¹ ПСЗ, т. VII, № 4381, стр. 182.

² Много конкретных примеров технического творчества русских людей рассматриваемой эпохи приведено в книге В. В. Данилевского «Русская техника», изд. 2, Л. 1948.

в области техники, например Нартов, соорудивший оригинальные виды станков и сделавший много других важных изобретений.

Большое значение придавал Пётр частному предпринимательству в промышленности. Достаточных капиталов для создания крупной промышленности в стране ещё не было, важное значение получили поэтому инициатива и денежные средства самого государства. Военно-промышленные предприятия строились на казённый счёт. Но уже в начальном периоде петровских реформ к созданию крупной промышленности привлекались и частные предприниматели, например Демидов, Строганов и др.

Во втором же десятилетии XVIII в., продолжая строительство предприятий на казённый счёт, Пётр вместе с тем взял решительный курс на широкое привлечение частного капитала. Он хорошо понимал, что для расцвета промышленности одних усилий государственной власти недостаточно, что хозяйственная заинтересованность владельцев капитала в этом новом для России деле будет иметь решающее значение. Для организации крупных промышленных предприятий создавались компании. Казённые заводы передавались частным компаниям. Приказывалось долго на казённых деньгах заводы не держать: «которые мануфактуры и фабрики заведены и впредь заведутся казною... такая приводя в доброе состояние, отдавать партикулярным людям, и в том Коллегии иметь прилежное старание»¹, — записано в «Регламенте Мануфактур-коллегии».

Пётр не останавливался перед принудительным объединением купцов в промышленные компании, хотя этот способ привлечения торговых капиталов в промышленность не имел тогда большого значения. По утверждению П. Любомирова, «случаев создания мануфактур под прямым давлением петровой воли известно сравнительно немного, и, наоборот, в ряде примеров не видно никакого специального участия понуждения»².

Совершенно неверно утверждение М. Н. Покровского, будто Пётр I дубинкой загонял купеческий капитал в промышленность. Купцы и сами проявляли инициативу, строили фабрики и заводы. Удельный вес казённого и частного предпринимательства виден из следующих цифр: из 52 предприятий чёрной металлургии, созданных в рассматриваемое время, было 22 казённых предприятия и 30 частных; из 17 заводов цветной металлургии — 13 казённых и 4 частных; из 8 суконных мануфактур

¹ ПСЗ, т. VII, № 4378, стр. 171.

² П. Г. Любомиров, Роль казённого, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII—XVIII веках, «Исторические записки» № 16, АН СССР, 1945 г., стр. 81; см. также Е. И. Заозерская, Мануфактура при Петре I, АН СССР, М. — Л. 1947, стр. 55, 59, 64.

ПЕТР I

казённых было 4 и столько же частных. В писчебумажной и кожевенной промышленности, в пороховом производстве казне принадлежала половина предприятий, а во всей крупной промышленности, созданной при Петре, 43% предприятий возникли на казённые средства и 57% — на частные¹.

Таким образом, частный капитал уже тогда преобладал в крупной промышленности.

Пётр, считая нужным обеспечить заинтересованность купечества в занятиях промышленными делами, предоставлял ему различные привилегии. Владельцы промышленных предприятий освобождались от всякой службы государству. Компаниям давалась из казны денежная ссуда без процента, часто им передавались и земля, казённые строения, оборудование. Предприятия передавались компаниям бессрочно, с обязательством содержать их «в добром порядке», реже — на определённый срок. За плохую постановку дела предприятия обратно отбирались в казну, а в некоторых случаях был установлен денежный штраф с каждого участника компании. Оплата стоимости передаваемых компаниям казённых предприятий производилась на льготных условиях. Предприятия на определённый срок освобождались от уплаты торговых пошлин. Было установлено, что во всех делах, кроме государственных и уголовных преступлений, промышленники подсудны только Мануфактур-коллегии².

В целях лучшего снабжения отечественных предприятий сырьём было предписано расширять в России производство льна и других видов сельскохозяйственных продуктов. В этих же целях разрешался беспошлинный ввоз некоторых видов сырья из-за границы и, наоборот, ограничивался или вовсе запрещался вывоз отдельных видов сырья за границу (например, овечьей шерсти). Государство обеспечивало промышленные предприятия рабочей силой из крепостных крестьян и других слоёв населения.

Большое значение имело предоставление государством отдельным компаниям монопольного права на производство данного вида товара.

Но этот род привилегий не был характерен для промышленной политики Петра. Пётр хорошо понимал значение конкуренции для развития промышленности и, как правило, не допускал полной монополии частных лиц или их компаний. «Регламент Мануфактур-коллегии» имел специальный пункт — «О неисключении других фабрик», где было написано: «Надлежит Коллегии

¹ См. *Е. И. Заозерская*, Мануфактура при Петре I, АН СССР, М. — Л. 1947, стр. 9—10.

² См. ПСЗ, т. VII, № 4378, стр. 170.

осторожность иметь, когда кому дастся привилегия для утверждения какой-либо фабрики, то других, которые такияж со временем учредить похотят, не надлежит выключать, чтоб их до того не допускать, ибо из ревности между заводчиками нетокмо размножение может происходить, но и достоинство оных, и деланные товары будут продаваться посредственною ценою, и сим образом подданным его величества не без пользы быти может»¹.

Конкуренция, впрочем, должна допускаться с осторожностью, в узких рамках: «Коллегии смотреть, ежели какия мануфактуры заведены так, что с них могут удовольствоваться, то в произведении других таких мануфактур не испорчена б была первозаведенная мануфактура, а особливо деланием худаго мастерства, хотя и дешево в продажу будет пускать»².

Пётр считал важным обеспечить доверие купцов к экономической политике государства. Указывалось, например, что плату с купцов за передаваемые им казённые предприятия нужно «брать погодно с легкостью, дабы ласково им в том деле промышленять было». Запрещалось требовать от купцов, вступавших в компанию, сразу же больших капиталов; рекомендовалось «по возможности их приводить в такую охоту со всякими легкими манерами...»³.

Большое значение для развития отечественной промышленности имела таможенная политика государства.

Основой этой политики являлась защита русской промышленности от иностранной конкуренции. Но Пётр I не считал целесообразным сразу же и полностью оградить русские промышленные предприятия от ввоза иностранных товаров. Промышленные компании, как правило, обращались с настойчивой просьбой немедленно запретить ввоз из-за границы таких товаров, которые производятся ими, и неизменно получали ответ, что ввоз будет запрещён только тогда, когда отечественное производство станет удовлетворять потребности страны. Исходя из этого принципа, был запрещён ввоз в Россию краски бакан и некоторых других товаров. Таким образом, конкуренция со стороны иностранного капитала не устранялась полностью, а только ограничивалась.

Таможенные пошлины считались Петром мерой, достаточной для охраны русской промышленности от иностранной конкуренции. Указом от 6 ноября 1723 г. ввозная пошлина устанавливалась тем выше, чем больше развито отечественное производство данного товара⁴.

¹ ПСЗ, т. VII, № 4378, стр. 169.

² Там же.

³ Там же, стр. 172.

⁴ См. ПСЗ, т. VII, № 4346, стр. 151.

На основе этого принципа был разработан новый таможенный тариф, имевший ярко выраженный протекционистский характер. Большинство ввозимых товаров было обложено пошлиной в 75, 50 и 25% к цене ввозимых товаров, выраженной в рублях¹.

Вывозные пошлины определялись также исходя из интересов развития отечественной промышленности. Резко были увеличены вывозные пошлины на некоторые виды невыделанных кож и на пряжу из льна и пеньки, так как эти виды сырья нужны были для отечественных мануфактур.

Сложным было и обеспечение организуемых предприятий рабочей силой вообще, особенно же квалифицированными кадрами. В отличие от многих стран Западной Европы (Англии, Голландии и др.) в России не было ни больших масс свободных от крепостной зависимости и оторванных от земли работников, ни высколенных в цехах квалифицированных кадров ремесленников.

Проблема обеспечения крупной промышленности рабочей силой решалась на основе господствовавшего в то время в России подневольного, крепостного труда. Создававшиеся мануфактуры, хотя и применяли в значительных размерах вольнонаёмный труд, в основном широко пользовались трудом крепостных крестьян и прикреплённых рабочих.

На казённых мануфактурах работали мастеровые люди (кузнецы, плотники и др.), принудительно собираемые для этой цели по указу царя и Сената из разных губерний²; простые и подсобные работы выполнялись приписанными к заводам крестьянами. Мануфактура рассматривалась и как место принудительного труда нищих, осуждённых и тех, за кем числились недоимки, причём женщины посылались нарядные фабрики.

На мануфактурах господствовала общая для всей страны атмосфера несвободного труда, крепостническая дисциплина палки. На казённых заводах полицейско-бюрократическое государство насаждало дисциплину труда крепостническими методами, а на частных предприятиях — отдавало рабочего на полный произвол предпринимателя.

Так, например, в наказе старосте тульских казённых кузнецов (1706 г.) было предложено пьянствующих и лениво работающих мастеровых людей наказывать не только штрафом, но и батогами, держать на цепи и в железе два-три дня. Батоги

¹ См. *К. Лодыженский*, История русского таможенного тарифа, Спб. 1886, стр. 61.

² См. ПСЗ, т. IV, №№ 2449, 2485, 2575; т. V, №№ 2736, 2806; т. VII, № 4421 и др.

были положены работникам и за слушание старосты ¹. В 1702 г. царской грамотой Демидову было предоставлено право наказывать ленивых, по вине смотря, батогами и плетьюми. И на казённых предприятиях и на частных палки, плети, батоги, заключение в «железо», тюрьма применялись широко.

Принимались решительные меры к тому, чтобы заставить нищих работать. Законодательство против нищих было обильным и суровым. Нищенство запрещалось, а нищих строго наказывали: при вторичном обнаружении здорового нищего его ссылали на каторжные работы. Здоровые нищие в принудительном порядке направлялись на фабрики.

И всё-таки проблема обеспечения крупных промышленных предприятий рабочей силой продолжала оставаться острой. Предприниматели постоянно жаловались на недостаток рабочих рук. Указом от 18 января 1721 г. Пётр I предоставил право шляхетству и купечеству «для размножения таких заводов» покупать к заводам деревни, «под такую кондицию, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно» ². Не разрешалось никому продавать или закладывать деревни отдельно от заводов.

Этот указ имел большое принципиальное и практическое значение. Раньше купцы не имели права покупки крепостных крестьян; право это было привилегией дворянства, хотя принудительный труд на частных предприятиях фактически применялся и до указа 1721 г. Указ привёл к значительному расширению сферы применения крепостного труда в промышленности России. Право покупки деревень к заводам означало большую привилегию, полученную купечеством.

Расширяя применение крепостного труда на промышленных предприятиях, Пётр I вместе с тем стремился внедрять вольнонаёмный труд в мануфактурах, поскольку это не противоречило господствовавшей в стране крепостнической системе хозяйства. В жалованных грамотах царя на открытие промышленных предприятий указывалось обычно, что разрешается свободно нанимать всяких людей (кроме беглых крепостных) «с платежем за труды их достойной платы». Иногда указывалось, что нанимать на фабрику позволено только свободных людей, а не крепостных ³.

Поощряя применение вольнонаёмного труда частными предпринимателями, Пётр в то же время в интересах помещиков решительно боролся против приёма мануфактуристами на

¹ См. К. А. Пажитнов, Положение рабочего класса в России, т. I, изд. 2, Л. 1925, стр. 194—195.

² ПСЗ, т. VI, № 3711, стр. 311—312.

³ См. ПСЗ, т. VI, № 3543, стр. 163—164.

работу беглых крепостных крестьян. Последние безоговорочно возвращались к их прежним владельцам — помещикам. К концу царствования Пётр вынужден был, однако, отступить в интересах промышленности от этого принципа: указом 18 июля 1722 г. рабочие и ученики — беглые крестьяне — оставлены были работать на заводах и фабриках, так как оказалось, что возврат их прежним владельцам грозит приостановкой работы предприятий¹. Эта мера представляла собой большую привилегию для предпринимателей.

При Петре много внимания уделялось подготовке квалифицированных кадров для промышленности: тщательно подбирались мастера за границей для обучения русских людей мастерству. Промышленные предприятия обязаны были иметь у себя учеников; широко практиковалась посылка молодёжи за границу учиться мастерству.

В эпоху Петра, когда крупная промышленность в России была слабо развита, она обычно ещё не конкурировала с мелкой крестьянской промышленностью. Крупная и крестьянская промышленность производили различные продукты и имели разные рынки сбыта. Там же, где интересы крупной государственной и мелкой крестьянской промышленности сталкивались, мелкая промышленность решительно приносилась в жертву первой.

Способствуя росту крупной промышленности, Пётр вместе с тем принимал некоторые меры к развитию и ремесленного производства в городах. 27 апреля 1722 г. был издан указ о создании цеховой организации в городах России. Заимствуя у Запада форму организации ремесла, Пётр не перенёс её механически, а существенно видоизменил в соответствии с конкретными условиями России. Для цехового строя стран Западной Европы характерно было монопольное положение цеха на городском рынке. Оно достигалось рядом мер, в том числе запрещением не членам цеха заниматься ремеслом в городе, стеснением возможности вступать в цех, ограничением числа подмастерьев и учеников у каждого мастера и т. д.

Этих ограничений в России не было. Право записи в цех предоставлялось всякому ремесленнику, в том числе и крепостному крестьянину при наличии у последнего отпускного письма от помещика или приказчика.

Последующими указами Сената (в 1722 г.) и инструкциями Главного магистрата отдельным цехам (в 1724 г.) ремесленникам, не вошедшим в цех, запрещено было заниматься ремеслом. Практически эта мера выражалась преимущественно в том, что не членам цеха строго запрещалось выставлять на улицах знаки

¹ См. ПСЗ, т. VI, № 4055, стр. 746.

своего мастерства, т. е. иметь вывески. Число подмастерьев и учеников у мастера не ограничивалось. В других отношениях цеховая организация, введённая Петром, была сходна с цеховыми порядками Западной Европы: деление ремесленников на мастеров, подмастерьев, учеников, обязательное ученичество и срок ученичества, сдача экзамена на звание мастера, клеймение сделанных вещей мастером и старшиной цеха, различные наказания за низкое качество сделанного продукта и т. д.

Известно, что цеховая организация ремесла в России не прижилась. В литературе организация цехов Петром I оценивалась по-разному. Высказывались мнения, что Пётр заимствовал у Запада формы, к тому времени устарелые и там.

На Западе появление и развитие цехового строя шло иначе, чем в России. «Необходимость объединиться против объединённого разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города беглых крепостных, феодальный строй всей страны — все это породило *цехи*; благодаря постепенному накоплению путем сбережений небольших капиталов отдельными ремесленниками и неизменности числа последних при растущем населении развилась система подмастерьев и учеников, создавшая в городах иерархию, подобную иерархии сельского населения»¹.

Абсолютистская государственная власть в России пыталась насадить цеховой строй принудительным путём, в иных исторических условиях, чем на Западе в период возникновения там цехов. Но и в России начала XVIII в. цеховая организация ремесла далеко не во всех своих элементах была новостью. В России и до Петра встречались некоторые элементы цеховой организации ремесла; наиболее существенным из них было ученичество.

С другой стороны, в начале XVIII в. на Западе цеховая организация ремесла далеко ещё не была изжита, хотя условия и изменились. Средневековая монополия цехов на городском рынке была к этому времени значительно подорвана развитием мануфактуры и торгового капитала, но далеко ещё не уничтожена. Цеховой строй продолжал прочно существовать — теперь уже под опекой абсолютистского государства, проводившего политику меркантилизма. Во Франции привилегии цехов окончательно были отменены только к концу XVIII в. буржуазной революцией. В Германии цеховая организация ре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Партиздат, 1934, стр. 14—15.

месла дожила до XX в. В России и после Петра, на всём протяжении XVIII в., правительство принимало меры к насаждению цехового строя, впрочем, так же малоуспешно, как и при Петре I.

Для промышленной политики Петра характерна была регламентация производства. Она касалась всех форм промышленности — государственных, частных мануфактур, кустарно-ремесленного производства.

Степень опеки, вмешательства государства в промышленную деятельность была различной для разных социальных форм производства. На принадлежавших казне мануфактурах вся хозяйственная деятельность строго регламентировалась государством. Широкой регламентации подвергалась и деятельность предприятий, переданных государством на «содержание» частных лиц и компаний. Значительно меньше регламентация распространялась на частные предприятия. Но и по отношению к ним Мануфактур-коллегия имела широкие права надзора и контроля.

Пётр требовал от Мануфактур-коллегии точного знания того, как работают промышленные предприятия, и конкретного руководства их деятельностью. Для контроля за качеством выпускаемых промышленных продуктов все предприятия обязаны были присылать в Мануфактур-коллегию образцы своих изделий, «дабы могла Коллегия видеть, как в доброту оные производятся»¹. В 1722 г. издан был указ о введении пробы железа, клеймении его и непродаже без клейма².

Необходимо отметить вместе с тем, что установленная при Петре I регламентация промышленного производства не имела того мелочного характера, который был присущ, например, мероприятиям Кольбера и его преемников во Франции. В промышленном законодательстве Петра I мы не встречаем ничего похожего на опубликованный Кольбером «Ордонанс о выделке материи» или, например, на изданную им в 1671 г. «Общую инструкцию» (317 статей) об окраске шерстяных материй, в которой под страхом строжайшей ответственности предусматривались до мельчайших подробностей правила окраски материи. Нарушители предписанных Кольбером правил промышленного производства карались штрафом, конфискацией, привязыванием виновного железным ошейником к позорному столбу. Этого культа, мании регламентации, на деле означавшей суровый режим «промышленной солдатчины»³, в России не было.

¹ ПСЗ, т. VII, № 4378, стр. 171.

² См. ПСЗ, т. VI, № 3952, стр. 645.

³ См. *Пьер Бризон*, История труда и трудящихся, пер. с франц., Госиздат, Петроград 1921, стр. 128.

Проводившаяся Петром регламентация промышленного производства имела обычно рациональный характер, диктовалась соображениями технического и экономического порядка.

* *
*

Большое значение придавал Пётр развитию внешней и внутренней торговли России.

Им был осуществлён ряд мероприятий, направленных к созданию особого, привилегированного по сравнению с крестьянством и городскими низами класса (сословия) — русского купечества.

В целях создания для купечества более благоприятного положения в стране уже в 1699 г. городскому населению было предоставлено самоуправление. В городах созданы были выборные органы управления — ратуши; торговые и посадские люди были изъяты из ведения воевод и приказов. В 1718 г. в городах были созданы магистраты. Купечество вместе с промышленными людьми и некоторыми другими группами городского населения было выделено в особую, привилегированную группу — гильдию. Во всех своих судебных делах, кроме государственных, купечество подлежало ведению магистрата. Принимались меры к расширению круга торговых людей; издавались указы об обязательном возврате в города и посадки купцов, записанных здесь в тягло. Коммерц-коллегию Пётр обязывал заботиться о купечестве, «чтоб такое сокровище утрачено не было»¹.

Предоставив купечеству самоуправление, Пётр I одновременно возложил на него и выполнение ряда обязанностей в области государственных финансов: своевременное и полное получение казённых сборов — торговых пошлин, податей и других повинностей городского населения, а также выполнение и других подобного рода государственных обязанностей.

Соборным уложением 1649 г. было установлено, что заниматься торговлей могут только лица, приписанные к посадскому тяглу, крестьянам же заниматься торговлей в городах было запрещено, и записываться в посадское тягло им не разрешалось. В городах крестьяне могли продавать продукты своего хозяйства только торговым людям оптом в гостиных дворах, а не потребителям в рядах и лавках. Ограничение круга лиц, имеющих право вступать в купечество, означало предоставление купечеству монопольного положения.

Пётр I оставил в силе и подтвердил запрещение заниматься в городах торговлей без записи в посадское тягло. Крестьяне

¹ ПСЗ, т. VII, № 4453, стр. 247.

попрежнему могли продавать в городах свою продукцию только торговым людям в гостиных дворах. Этой мерой охранялись интересы казны и посадских торговых людей, так как с лиц, занимавшихся торговлей без записи в посад, был затруднён сбор торговых пошлин, а их торговля усиливала конкуренцию городским торговцам.

Но запрещение крестьянам заниматься торговлей в городах практически не выполнялось. Крестьяне широко торговали в городах не год своим именем, а от имени купцов, не платя при этом торговых сборов. Это запрещение препятствовало развитию торговли и наносило ущерб казне. Поэтому Пётр отменил прежнее запрещение крестьянам записываться в посад для занятия торговлей в городах. В 1699 г. разрешено было записываться в купечество казённым, монастырским и помещичьим крестьянам для занятия торговлей в Москве. В 1700 г. был издан указ о взятии в посады крестьян, которые живут в городах, торгуют и платят тягло. Указами 1711 г. было разрешено «всякаго чина людям торговать всеми товары везде невозбранно своими именами, и с платежем всех обыкновенных пошлин»¹.

Таким образом, сельским жителям была предоставлена возможность селиться в городах, записываться в купцы и заниматься торговлей. Переход в посад объявлен был свободным для всех крестьян — «вольно, чьи б они не были», на деле же — не для всех крестьян, а только для имевших значительный по тому времени капитал в торговле (при наличии оборота не менее чем на 500 руб. или, если они везут товары к Петербургскому порту, — не менее 300 руб.). Беглые крестьяне, пробывшие долго в посаде, не возвращались их прежним владельцам, а при наличии у них указанного выше торгового оборота записывались в посад. Этими указами был юридически оформлен экономический процесс возникновения и роста буржуазных элементов из среды крестьян, что способствовало дальнейшему росту купеческого сословия и его капитала.

Одним из важных вопросов торговой политики России рассматриваемого времени являлся вопрос о государственной монополии во внешней и внутренней торговле. На протяжении значительного периода своего царствования, примерно до 1714 г., Пётр I всё более и более расширял круг товаров, внешняя и внутренняя торговля которыми являлась монополией государства. Вызывалось это фискальными соображениями, острой нуждой государства в деньгах на военные и другие цели.

Монопольными товарами были юфть, пенька, поташ, дёготь, сало, рыбий клей, ремень, икра, смола, свиная щетина, мачты, собольи меха. В государственной монополии находилась и

¹ См. ПСЗ, т. IV, № 2327, стр. 642; № 2433, стр. 743.

торговля в стране вином, солью, табаком. Право торговли монопольными товарами или передавалось государством частным лицам на откуп, или реализовалось самим государством в виде казённой торговли.

Монополия торговли этими товарами давала, конечно, доход казне, но сильно тормозила развитие частнопредпринимательской торговли, тем самым в конечном счёте суживала и фискальные возможности государства.

В последние годы политика Петра I в этом вопросе резко изменилась. По большинству товаров государственная монополия на вывоз товаров за границу была отменена. В 1719 г. монополия на вывоз за границу была отменена по всем товарам, кроме двух — поташа и смольчуга, монополия на которые была сохранена «для бережения лесов». Одновременно были повышены пошлины на те товары, государственная монополия торговли которыми была отменена. Отмена государственной монополии на вывоз товаров способствовала развитию торговли.

Внешняя торговля интересовала Петра I прежде всего и главным образом как средство обогащения казны, увеличения государственных доходов. Вместе с тем Пётр хорошо понимал роль внешней торговли в развитии народного хозяйства. Внешняя торговля рассматривалась им также как один из рычагов внешней политики государства, искусное использование которого может создать широкие возможности для реализации дипломатических замыслов. Торговые соглашения России с другими странами нередко дополняли политические договоры с ними.

Во внешней торговле Пётр I твёрдо держался принципа: больше вывозить, меньше ввозить. В основе его внешнеторговой политики была, таким образом, идея активного торгового баланса. Довольно ясное принципиальное выражение идея эта нашла в указе Петра Коммерц-коллегии от 8 ноября 1723 г.: «Тщиться по всякой возможности, дабы более наши товары на деньги продаваны были, нежели на товары менены»¹. Торговый баланс России был тогда с резко выраженным положительным сальдо.

Недостаток крупных торговых капиталов, отсутствие у России того времени удобных морских путей для связи с внешним рынком, неопытность русских купцов вели к тому, что внешняя торговля в значительной мере находилась в руках иностранцев, главным образом голландцев и англичан, которые служили посредниками в торговле России с другими странами и получали от этой торговли огромные прибыли.

¹ ПСЗ, т. VII, № 4348, стр. 152.

В результате победы над Швецией Россия владела несколькими гаванями на Балтийском море. Тем самым созданы были необходимые условия для широкого развития внешней торговли. Пётр настойчиво проводил ряд мер, направленных к тому, чтобы превратить только что основанный город Петербург в центр внешней торговли России. Административными мероприятиями, поощрениями, льготами купцам внешняя торговля России перенесена была из Архангельска в Петербург.

Но для внешней торговли России нужно было не только море. Западноевропейские страны, крепко державшие в своих руках мировую торговлю, упорно не хотели давать России прямой путь на мировой рынок, всячески старались отеснить русских купцов. Пётр настойчиво стремился к тому, чтобы освободить внешнюю торговлю России от дорогого посредничества голландцев и англичан, установить прямую торговлю России с Францией, Испанией и другими странами Европы, а также с Америкой. С этой целью он посылал в Испанию, Францию и другие страны своих людей, поручая им тщательно ознакомиться с состоянием внешней торговли в этих странах, выяснить, какие товары и откуда они привозят и куда вывозят, каковы цены на товары и т. д. Посланным поручалось настойчиво склонять находившихся в Кадисе (Испания), в Бордо (Франция) и других крупных городах купцов к прямой торговле с Россией, доказывать им выгодность торговли без третьих рук. В целях развития торговли и защиты русских купцов в Кадисе, в Бордо и других городах Западной Европы были учреждены консульства¹.

Для ликвидации зависимости России во внешней торговле от Голландии и Англии Пётр стремился к созданию отечественного торгового флота. «Надлежит умножать свои коммерции... и чтоб возить на своих кораблях також в Гишпанию и Португалию, которая Коммерция великую прибыль принести может»², — сказано в указе от 8 ноября 1723 г. Для поощрения отечественного торгового судоходства был установлен льготный таможенный тариф (ниже на одну треть) на те товары, которые вывозились из России и ввозились на русских торговых кораблях.

Большое внимание обращалось на развитие торговли и со странами Востока — Персией, Китаем и др. Здесь также ставились задачи, направленные на то, чтобы освободиться от посредничества европейских стран, установить прямую торговлю и сделать Россию посредником в торговле Востока

¹ См. ПСЗ, т. VII, № 4286, стр. 102—104; № 4341, стр. 143—144.

² ПСЗ, т. VII, № 4348, стр. 152.

с Западной Европой, развить транзитную торговлю. С указанной целью посылались экспедиции в страны Востока с поручением отыскать удобные пути и собрать сведения о торговле в этих странах. В 1716 г., например, была послана экспедиция по Аму-Дарье и другим рекам, «дабы до Индии путь водяной сыскать»; ей было поручено «смотреть, какие товары, а особливо пряные зелья и прочее, что идет из Индии»¹.

Чтобы иметь необходимые для внешней торговли крупные капиталы и организовать русских купцов, Пётр I пытался создать в России торговые компании для внешней торговли по примеру Англии и Голландии. Как известно, ещё Ордын-Нащокин делал попытки в этом направлении. Пётр I в 1699 г. издал указ, предписывая «Московского государства и городо-вым всяких чинов купецким людям торговать также, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями...»².

Указ этот, впрочем, остался на бумаге, как и аналогичные указы, относившиеся к более позднему времени (1723 г.).

В области внутренней торговли политика Петра направлена была на всемерное развёртывание в России местных торгов и ярмарок, а также на повышение уровня самой торговли. Были изданы указы об учреждении в России товарных бирж, о соби-рании и публикации данных о ценах на товары в разных местах России и на иностранных рынках, — «дабы знали, где что дешево, или дорого»³.

Рост крупной промышленности в России уже тогда привёл к появлению определённых противоречий между промышленными предпринимателями и купцами. В тех случаях, когда их интересы сталкивались, Пётр становился на сторону промышленных предпринимателей⁴.

Петром проводились мероприятия, имевшие характер регламентации торговли, надзора за нею. Но эта регламентация не была мелочной и жёсткой. В частности, указная цена существовала только на товары, составлявшие объект государственной монополии, — вино, соль, табак, собольи меха и др.

Цены на товары, поставляемые государству частными пред-приятиями, устанавливались путём соглашения владельцев и казны, причём, как можно судить, например, по указу от 3 декабря 1713 г., казна стремилась использовать конкуренцию своих поставщиков для понижения цены⁵. Продукция впервые учреждённых русских мануфактур была очень дорога. В 1723 г. издан указ — продавать товары с русских фабрик «не высокою

¹ ПСЗ, т. V, № 2994, стр. 198.

² ПСЗ, т. III, № 1706, стр. 653.

³ ПСЗ, т. VII, № 4293, стр. 106.

⁴ См. ПСЗ, т. VI, № 4057, стр. 747—748.

⁵ См. ПСЗ, т. V, № 2746, стр. 73.

ценою», «дабы охотнее покупали, к тому ж бы те товары, лежа долгое время на фабриках не пропадали...»¹.

Широким замыслом отличались мероприятия Петра I в области строительства каналов. Имелось в виду создать систему каналов, которая соединяла бы между собой Каспийское, Азовское, Чёрное, Балтийское и Белое моря, соединяла бы внутренние районы Европейской России с этими морями.

Делались попытки соединить Волгу и Дон двумя каналами: одним — у истока Дона (Иван-озеро) и другим — на юге, между реками Камышинкой и Иловлей, притоками Волги и Дона. Работа по созданию Волго-Донского канала велась долгое время в обоих местах. Северная война, а затем потеря Азова (в 1711 г.) привели к тому, что работы были заброшены.

В 1708 г. закончено было строительство Вышневолоцкой судоходной системы, соединившей Волгу и Неву, Каспийское море с Балтийским. С 1718 г. начато создание обводного Ладожского канала во избежание судоходства по бурному Ладожскому озеру. Велись изыскания для соединения Белого моря с Балтийским. По приказанию Петра в 1722 г. был составлен проект канала, который соединил бы реку Москву с Волгой. Сенату было приказано озаботиться заготовкой строительного материала для этого канала. Но работа не была начата.

Намеченный Петром грандиозный план строительства каналов оказался не по силам дворянской и буржуазно-помещичьей России. Только при Советской власти были сооружены Беломорско-Балтийский канал, канал, соединивший Москву с Волгой, Волго-Донской канал.

Пётр интересовался вопросом о возможности открытия морского пути из России в Китай, Японию и Индию через Ледовитый океан. В 1719 г. он отправил экспедицию на Камчатку с поручением узнать, соединяется ли Америка с Азией.

Принципы финансовой политики

Из всех областей хозяйства область финансов привлекала наиболее пристальное и систематическое внимание Петра I. Это видно уже по чрезвычайному обилию изданных указов о налогах, сборах, о монетной системе и других мероприятиях финансового порядка. Огромное внимание Петра к финансам понятно. Содержание постоянной армии, длительные войны, строительство крупных промышленных предприятий, содержание государственного аппарата — всё это требовало огромного количества денег. Военные расходы были основной причиной

¹ ПСЗ, т. VII, № 4368, стр. 163.

постоянной и острой нужды в деньгах и вместе с тем движущей силой преобразований Петра в области финансов. «Деньги суть артерии войны», — неоднократно говорил он. Государственный бюджет России имел при Петре I резко выраженный военный характер. В 1701 г., например, военные расходы составляли 78,3% всех расходов бюджета, а в 1724 г.—63%. Ошибочно, однако, стремление ряда историков чуть ли не все реформы Петра объяснять прежде всего фискальными соображениями.

Идея составления государственного бюджета в России возникла ещё в XVII в.¹ Сохранился документ, относящийся к 1680—1681 гг., представляющий собой сводную по всем приказам ведомость доходов и расходов за истекший год и предположений на будущий год. Это не был ещё единый государственный бюджет с общим балансом государственных доходов и расходов, а простое сложение, механический свод бюджетов отдельных приказов. При Петре I бюджетное дело впервые становится на более прочную почву и приобретает более регулярный характер.

Ещё в конце XVII в. Пётр поручает особому учреждению, так называемой Ближней канцелярии, сводить ведомости о приходе и расходе по всем приказам. Указом от 14 марта 1701 г. на все приказы и ратуши была возложена обязанность доставлять в Ближнюю канцелярию отчёты о движении сумм, разные подробные сведения финансового характера — помесячные и за каждый год, «чтобы ему, великому государю, о тех делах известно было всегда». Ближняя канцелярия сводила данные о действительных доходах, расходах и остатках за истекший год (с 1701 по 1709 г.), представляла месячные отчёты о кассовой наличности приказов, составляла окладные книги, дающие сведения о доходах и расходах на предстоящий год. Но эти материалы всё ещё не представляли собой государственной росписи в полном смысле слова.

Большим шагом вперёд в осуществлении идеи государственного бюджета явилась разработка по указу Петра так называемой таблицы 1710 г. «Выправитца 1) Сколко со всего государства доходов порознь с каждова? 2) Сколко на армию и гарнизоны и со всех губерний во всем государстве, также и на флоты каждое порознь и вобче? 3) Что за тем иных расходов по губерниям и сколко всего?» — гласит указ от 8 декабря 1710 г.²

Составленные таблицы 1710 и 1711 гг. представляли собой уже подлинный государственный бюджет. Однако практическое значение их было незначительно.

¹ См. Л. Н. Яснопольский, Очерки русского бюджетного права, М. 1912, гл. I.

² См. там же, стр. 32.

Дальнейшее развитие идея государственного бюджета получила с учреждением системы центрального государственного управления в виде коллегий и с реформой прямого обложения. В регламентах Штатс-контор-коллегии и Камер-коллегии было предусмотрено правильное ежегодное составление общегосударственной росписи расходов и доходов. Таким образом, в эпоху Петра «теоретически оформливается идея ежегодного составления бюджета. Но эта идея на практике, видимо, не достигается»¹.

Пётр много заботился о притоке драгоценных металлов в страну, потребность в которых сильно возросла как в связи с войнами, так и в результате роста товарности народного хозяйства. Собственной добычи драгоценных металлов Россия тогда почти не имела. При Петре проводились усиленные поиски руд драгоценных металлов, но добыча их не получила серьёзного развития². Наличие золота и серебра в стране возрастало главным образом за счёт притока их из-за границы.

Забота о притоке денег в страну была непосредственной, важнейшей, но не всегда единственной целью форсирования вывоза товаров за границу.

Чтобы обеспечить усиленный приток денег в страну, предпринимались специальные меры, отчасти практиковавшиеся и раньше московскими царями. Неоднократными указами было строго подтверждено правило Новоторгового устава, по которому иностранным купцам разрешалось покупать в России товары, а русским купцам — продавать товар иностранцам только за ефимки и золото. Таможенные пошлины на ввозимые в Россию товары иностранные купцы также обязаны были уплачивать только ефимками и золотом, а не русскими монетами. Привлекаемые таким путём иностранные деньги употреблялись казной главным образом на выпуск отечественной монеты, что давало казне большой монетный доход, а народному хозяйству — дополнительные орудия обращения и платежа.

Как и раньше, в XVII в., казна была особенно заинтересована в притоке полноценной серебряной иностранной монеты — иоакимсталеров (ефимков), которые на монетном дворе переделывались на русские монеты, по номиналу значительно повышенные против действительной стоимости. Разница составляла монетный доход казны. Активная политика по привлечению драгоценных металлов дополнялась и переплеталась со столь же ярко

¹ См. Л. Н. Яснопольский, Очерки русского бюджетного права, стр. 57.

² Годовая внутренняя добыча серебра не превышала 15 пудов 14 фунтов в 1717 г., а в последующие годы была и того меньше.

выраженной политикой запрещения вывоза денежного металла и русских монет за границу ¹.

Подобные запрещения имели место в России и раньше. Новое, что в данном вопросе было при Петре, заключалось, во-первых, в настойчивости, с которой он добивался полного устранения вывоза денег за границу, и, во-вторых, в том, что эта политика несравненно более, чем у его предшественников, сочеталась с политикой активного торгового баланса и поощрения отечественной крупной промышленности. Запрещение вывоза денег из России нельзя механически отождествлять с «монетарной системой», политикой «денежного баланса», проводившейся в западноевропейских странах в XIV—XVII вв., и делать отсюда вывод (как это имеет место в литературе), будто бы данная политика Петра является свидетельством отсталости русской экономической мысли того времени. Запрещение вывоза денег из страны диктовалось прежде всего стремлением охранить казну от потери монетного дохода. Золото и серебро как денежный металл были изъяты из свободного оборота во внешней торговле. Русские купцы обязаны были сдавать казне в обмен на русскую монету по установленному курсу всё золото и серебро, вырученные ими от продажи товаров иностранным купцам. Государство производило усиленную закупку денежного металла у населения внутри страны, стягивало драгоценные металлы в казну для последующего превращения их в монеты и получения монетного дохода. Исходя из этих же соображений, а также в целях борьбы с ввозом в Россию фальшивых монет Пётр запрещал и ввоз русских монет из-за границы.

При Петре осуществлены были важные преобразования монетной системы. Никогда раньше, если не считать эксперимента Алексея Михайловича с медными рублями, выпуск монет не проводился в России с таким широким размахом и не осуществлялись такие смелые замыслы в монетном деле, как это имело место при Петре.

За период 1690—1724 гг. серебряных денег выпущено было на огромную для того времени сумму — 31,5 миллиона рублей (по номиналу), золотых — на 706 тысяч и медных — на 4 354 тысячи рублей ², тогда как, по приблизительному расчёту Патлаев-

¹ См. указы Петра I об этом: от 21 июня 1711 г. (ПСЗ, т. IV, № 2383, стр. 702), от 15 сентября 1713 г. (ПСЗ, т. V, № 2713, стр. 55), от 6 апреля 1714 г. (ПСЗ, т. V, № 2793, стр. 95), от 29 октября 1719 г. (ПСЗ, т. V, № 3441, стр. 744), от 28 февраля 1721 г. (ПСЗ, т. VI, № 3748, стр. 363—366) и др.

² См. И. И. Кауфман, Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века, «Записки нумизматического отделения русского археологического общества», т. II, вып. 1—2, Спб. 1910, стр. 150—151 (итог по графе «Нарицательная сумма чеканок»).

ского, общая сумма серебряной монеты, находившейся на рынке России к 1725 г., равнялась 40,2 миллиона рублей¹.

До Петра и в первые годы его царствования выделка монет производилась не только на казённом монетном дворе, но и частными ремесленниками, золотых и серебряных дел мастерами под надзором правительства и с уплатой пошлины. Пётр превратил монетное дело в монополию государства. Это обеспечило возможность более полного и прямого использования монетного дела в интересах казны и в целях упорядочения денежной системы России.

Пётр широко использовал монетное дело в качестве одного из важных источников финансирования войны. В период особенно острой нужды в деньгах он не останавливался даже перед такой крайней мерой, как использование медных церковных колоколов на чеканку денег, подобно тому как после поражения русской армии под Нарвой колокола переливались на пушки.

Наиболее распространёнными деньгами в России конца XVII в. были серебряные мелкие монеты. Самостоятельной чеканки крупной серебряной монеты практически не было. Серебряный рубль не являлся реальной монетой и масштабом цены, а лишь идеальной счётной единицей, суммой 100 серебряных копеек или 200 «денег» (полукопеек). Для растущего рынка не хватало средств обращения, в особенности мелких монет; из-за нехватки монет в некоторых местах попрежнему применялись даже кожаные деньги.

Пётр резко усилил выпуск серебряных монет, ввёл в оборот ряд серебряных монет новых номиналов, выпустил серебряные рубли и превратил рубль в реальную монетную единицу России. Технике чеканки монеты придавалось большое значение и она была значительно улучшена.

В интересах казны производилось понижение количества металла в монете, притом обоими возможными путями — изменением монетной стопы (уменьшение общего веса монеты) и понижением пробы благородного металла в монете. Изменение монетной стопы серебряных денег произведено было в 1698 г. (уменьшен вес на 30%), а понижение пробы серебряных денег — в 1718 г. (с 84 до 70 для крупной монеты и до 38 — для алтытников и копеек). Эти мероприятия имели большое влияние на денежную систему: в результате их покупательная сила рубля понизилась почти вдвое. Уменьшая в интересах казны количество благородного металла в монете, Пётр следовал практике, широко распространённой и в странах Западной Европы и в Московской Руси.

¹ См. *И. Патлаевский*, Денежный рынок в России от 1700 до 1762 г., стр. 249.

С 1700 г. стали чеканиться медные монеты мелкого достоинства. Цель этого — получение дохода казной и вместе с тем снабжение рынка удобными орудиями обращения. Выпуск серебряных и медных монет был тщательно подготовлен и осуществлялся осторожно. Чеканились и золотые монеты, которые в 1718 г. были включены в монетную систему России.

Указом от 7 апреля 1723 г. была установлена свободная чеканка монеты — серебряной и золотой, что было прямым следствием малой доходности для казны монетной регалии (на серебряные и золотые деньги) в этот период времени. В провозглашении свободной чеканки серебряных и золотых денег исследователи справедливо видели наметившийся переход Петра к другому, новому пониманию монетной регалии, ставшему в XIX в. аксиомой, — использованию этой регалии не для интересов казны, а для правильной организации денежной системы в стране ¹.

Монетные реформы Петра упорядочили денежную систему России, привели её в соответствие с потребностями растущей торговли и промышленности, всего народного и государственного хозяйства России.

Налоговая система России при Петре, как и его предшественниках, включала налоги прямые и косвенные, обыкновенные и чрезвычайные, вызванные экстренной нуждой. Потребности войны толкали на путь установления всё новых и новых налогов, которые тяжёлым бременем ложились на плечи трудящихся.

Преобладали так называемые окладные или раскладочные налоги: государство устанавливало общую сумму налога и сбора, долженствующую поступить в казну, а в тягловой общине эта сумма раскладывалась затем между плательщиками в соответствии с имущественным состоянием каждого и другими признаками. Меньшая часть государственного дохода получалась в виде неокладных доходов, т. е. доходов, общая сумма которых не могла быть заранее установлена казной.

До Петра в государственном бюджете России преобладали косвенные налоги. В 1680 г. прямые налоги составляли 33,7%, а косвенные — 44,4% всего государственного дохода ².

Рассматривая налоговую политику Петра на протяжении всего его царствования, нельзя сказать определённо, каким именно налогам отдавал он предпочтение — прямым или косвенным. При нём широко использовались обе эти формы обложения. В результате введения подушной подати и повышения размера этой подати в сравнении с суммой заменённых ею пря-

¹ См. *И. И. Кауфман*, Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века, стр. 146—147.

² См. *П. Миллюков*, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, изд. 2, Спб. 1905, стр. 490.

мых налогов, удельный вес прямых налогов в бюджете поднялся в 1724 г. до 55,5%. С тех пор в государственном бюджете России долгое время преобладали прямые налоги.

В указах Петра часто подчёркивалась необходимость обеспечить рост доходов государства «без тягости народа»¹.

Он считал, как видно, что тяжесть налогов обуславливается не столько размером их, сколько неправильностью распределения и методов сбора: «Понеже никакого государства в свете нет, которое б наложенную тягость снести не могло, ежели правда, равенство, и по достоинству в податях и расходах осмотрено будет»², — записано в «Регламенте государственной Камер-коллегии», где сформулированы основные принципы налоговой политики Петра. «Регламент» представляет собой очень интересный документ. В нём подчёркнута взаимная зависимость налоговой системы и всего хозяйства страны, необходимость соизмерения величины налогов с имущественным состоянием плательщика. Эти финансовые принципы находились на уровне передовой теории того времени. Подобные идеи развивались в экономической литературе Запада и наиболее выдающимися мыслителями России того времени, например, Посошковым.

Стремление увеличивать государственные доходы «без тягости народа» и правильно перераспределять их находилось в вопиющем противоречии с действительностью. Рост государственного дохода от торговли и промышленности далеко не покрывал всё более возрастающей потребности государства в деньгах, а потому основная тяжесть налогов, как и прежде, ложилась на крестьянство с его отсталым хозяйством. Налоги и сборы распределялись при Петре неравномерно. Он сохранил и сделал ещё более резким деление населения на податные сословия и сословия, свободные от податей. От личных прямых налогов освобождено было служилое дворянство и духовенство. Это подчёркивает дворянский характер налоговой политики Петра.

При Петре было осуществлено важное изменение податной единицы — подворное обложение было заменено подушным.

В древней Руси налоги и сборы взимались в порядке поголовного, подворного или поземельного сбора — по-разному в разное время и в отношении разных видов платежа. Поголовный принцип существовал в России уже во времена татаро-монгольского ига. Подворное обложение под названием «подымного», «поворотного» существовало в России также давно. С половины XV в.

¹ См. ПСЗ, т. III, № 1595, стр. 380; т. IV, № 2028, стр. 287; т. V, № 3080, стр. 492—493; т. VII, № 4348, стр. 152—153.

² ПСЗ, т. V, № 3466, стр. 765.

единицей податного обложения начинает служить так называемая «соха», под которой раньше разумелось определённое количество рабочей силы и орудий труда, а потом — определённое количество пашни. В начале XVII в. наряду с «сохой» стала применяться ещё и так называемая «живущая четверть» — определённое число крестьянских или бобыльских дворов¹.

Поземельное обложение по «сохам» и «живущим четвертям» вело к сокращению крестьянских посевов с целью уменьшения податей; оно было невыгодно и казне и плательщикам, так как последние обязаны были уплачивать налоги за пустые земли. Поэтому в XVII в. московское правительство от пососного обложения перешло к подворному, сначала только по некоторым сборам, а с 1680 г. — по всем прямым налогам и сборам. Ответом плательщиков на эту реформу явилось массовое объединение нескольких крестьянских семей в одном дворе, с одними воротами, на время проведения подворной переписи, а иногда и постоянно, чтобы тем самым снизить для себя налоговую тяжесть.

В 1718 г. был издан указ о переписи населения мужского пола, исчислении подушного оклада, исходя из стоимости содержания армии и числа душ мужского пола, о порядке взимания подушной подати и передачи её полкам. Податная реформа связана была с размещением армии непосредственно по губерниям среди крестьянского населения и в городах и имела определённое назначение — содержание армии. Перепись (ревизия) затянулась на ряд лет, и подушная подать впервые собрана была только в 1724 г. Она заменила собой все другие прямые налоги. Помещичьи крестьяне обложены были в размере 74 коп., городское население — по 1 р. 20 к. Крестьяне на казённых землях обложены были, кроме того, оброком в казну по 40 коп. с души, так как они были свободны от обязанностей помещикам.

Идея подушной подати заключалась в более полном охвате плательщиков и более равномерном обложении их. Плательщик был доступен теперь фиску независимо от связи с землёю и с определённым двором. Реформа устранила неравенства, связанные с подворным принципом обложения, но вызвала другие.

Основной недостаток подушной системы налогов — игнорирование имущественного положения плательщиков. Подать взималась с души мужского пола независимо от возраста, работоспособности, имущественного положения. Но большим преимуществом поголовной подати для казны была крайняя про-

¹ См. А. С. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения в Московском государстве со времён смуты до эпохи преобразований, Спб. 1890; П. Миллюков, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, Спб. 1892.

стота финансовой техники. Этим объясняется широкое распространение подушных, поголовных податей во всех странах древнего мира и средних веков и их живучесть в более поздние времена.

Ввести подушную подать вместо подворной советовали Петру некоторые составители доношений, например обер-фискал Нестеров (в 1714 г.) и неизвестный автор «Нового проекта расположения собрания казны денежной, ради умножения доходов государственных». Идея подушной подати была тогда распространена в России, хотя и не пользовалась общим признанием. Иван Филиппов и Посошков, критикуя подворную систему обложения, предлагали заменить её не подушной, а иной единицей обложения¹.

Введение подушной подати имело многостороннее влияние на положение трудящихся и на всё народное хозяйство России. Подушная подать резко усилила налоговый гнёт по отношению к крестьянству.

Пётр I и крепостное право. Политика в области сельского хозяйства

Вопрос о взглядах Петра I на крепостничество, о значении петровских реформ для эволюции крепостного права привлекал большое внимание исследователей.

В понимании сущности и значения социальной политики Петра I и роли его преобразовательной деятельности для процесса развития крепостного права в России имеет место крайний разнобой: от приписывания Петру I основной, решающей роли в деле установления крепостного права в России до полного отрицания всякого вообще значения деятельности Петра I в этом процессе.

Советская историческая наука сделала много для установления правильного понимания процесса возникновения и развития крепостного права в России, роли в этом процессе жизненной практики, обычая, с одной стороны, и государственной власти— с другой, что даёт возможность правильно оценить и роль Петра в развитии крепостного строя.

Но если общая оценка влияния государственной деятельности Петра на состояние крепостного права в России в нашей литературе теперь более или менее установилась, то этого далеко нельзя сказать об оценке значения отдельных мероприятий Петра.

¹ См. «Донешение Ивана Филиппова» в книге Н. П. Павлова-Сильвацкого «Проекты реформ в записках современников Петра Великого», Спб. 1897, стр. 61—67. О Посошкове речь будет ниже.

Совершенно несостоятельным является мнение, и до сих пор имеющее хождение в нашей литературе, будто Пётр I был вообще принципиальным противником крепостного права и только мирился с ним, как с неизбежным злом.

На самом же деле вопрос о крепостном праве у Петра I не вызывал сомнений и колебаний. Крепостное право существовало в стране задолго до него, Пётр принял его как факт и широко использовал при проведении своих реформ в разных областях жизни. Он рассматривал право дворян на владение землёй и крестьянами как условие обязательной службы дворян государству. У дворян, не являвшихся на службу, отбирались земля и крестьяне, такие дворяне подвергались гражданской казни и даже объявлялись вне закона¹. Такое понимание крепостного права отличалось от установленного позже — при Петре III и Екатерине II — и господствовавшего до крестьянской реформы понимания царями и дворянством крепостного права как исключительно сословной привилегии дворянства, совершенно независимой от обязанностей дворян по отношению к государству.

Реформы Петра повели к значительному усилению крепостного права в России; он много сделал для возвышения класса помещиков.

Большое значение в этом отношении имел указ от 23 марта 1714 г. о единонаследии. Этим указом был закончен ещё ранее происходивший процесс слияния двух форм землевладения, вотчинного и поместного, в одну форму — наследственного владения, хотя некоторая разница в распоряжении вотчиной и помещьем фактически сохранялась до конца XVIII в.

Уже в XVII в. поместное землевладение весьма приблизилось к вотчинному, поскольку, с одной стороны, по Уложению 1649 г. был установлен переход поместья к сыну вместе с обязательством службы государству, а с другой — и вотчинник, наследственно владеющий имением, наряду с помещиком был обязан служить государству.

В указе 1714 г. нет уже никакого различия между поместной и вотчинной формами владения. Существенное значение здесь придано другому делению имущества — недвижимого, с одной стороны, и движимого — с другой.

Указом 1714 г. был изменён существовавший до того порядок наследования дворянского владения, была юридически оформлена наследственность всякого дворянского имения и установлен различный порядок наследования для недвижимого имущества и для имущества движимого. Раздел недвижимого имущества между наследниками отменялся, и устанавливалось

¹ См. ПСЗ, т. VI, № 3874, стр. 478 и др.

единонаследие: недвижимое имущество переходило в руки только одного наследника, по указанию самого владельца, а при отсутствии указания — к старшему сыну умершего владельца. Движимое имущество делилось между всеми наследниками.

Мотивы реформы были изложены в самом указе. Это, во-первых, стремление сохранить дворянские фамилии сильными и знатными; во-вторых, — в фискальных интересах государства прекратить разорение крестьянства, происходящее в результате дробления дворянских владений, и, в-третьих, — создать у дворян, не получивших имущества, стимулы к занятию полезным для государства трудом.

В указе 1714 г. ясно выражена аристократическая тенденция Петра, его тревога за судьбы дворянства. Он боится распыления, измельчания дворянского сословия, происходящего в результате разделов имений. Раздел имений, говорится в указе, ведёт к обеднению дворянских фамилий, падению их славы. Если не прекратить раздела, знатные фамилии в конце концов станут однодворцами, поселянами, «как уже много тех экземпляров (образов) есть в Российском народе». В результате же установления единонаследия «фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы будут чрез славные и великие дома»¹.

Новый порядок наследования — единонаследие — противоречил установившимся традициям дворянства и в 1730 г. был отменён. Имения опять стали делиться. Но другая важная сторона реформы 1714 г. — *наследственность* помещичьего владения прочно сохранилась, а это имело огромное значение для дальнейшего усиления крепостного гнёта.

Уже практика XVII в. показала, что в вотчинных имениях, где владение переходило по наследству от отцов к детям, личная зависимость крестьянина от владельца, бесправие крепостного, произвол владельца были сильнее, чем в помещичьем имении, где само владение землёю и крестьянами было временным и условным. Происходивший в XVII в. процесс всё большего приближения помещичьего имения к вотчинному означал вместе с тем и усиление крепостного гнёта, фактический рост личной власти землевладельца. Владелец имения постепенно присваивал себе судебные и административные функции в отношении своих крепостных.

Указ 1714 г., сливший поместье с вотчиной и установивший наследственность всякого дворянского недвижимого имущества, явился, таким образом, большой вехой на пути усиления крепостного права, возвышения дворянства и принижения крестьянства. Наследственность дворянского владения означала

¹ ПСЗ, т. V, № 2789, стр. 91.

и наследственность права дворянина на личность и труд крепостного.

В России, как известно, крепостное право имело «...наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства»¹. Об этом ярко свидетельствует широкое распространение торговли крепостными людьми.

Торговля крепостными людьми, продажа их без земли имела место в России уже в XVII в. При Петре I торговля крепостными людьми отдельно от земли, семьями и поодиночке, резко выросла. Этому способствовал установленный порядок комплектования армии — поставка рекрутов с определённого числа дворов и разрешение, в 1717 и 1720 гг., принимать в рекруты для этой цели купленных людей.

На протяжении всего своего царствования Пётр вёл упорную борьбу с бегством крестьян, применяя суровые меры и против беглецов и против лиц, принимавших их к себе. Найденные беглецы подвергались тяжёлым наказаниям, а те, кто их принял, — высокому штрафу.

В деле усиления крепостного гнёта большую роль сыграла податная реформа Петра, замена им подворного обложения подушным. Подушной податью были обложены и все холопы, независимо от того, пашут ли они землю или находятся в личном услужении у господина².

Подушная система обложения ещё более усиливала личную зависимость крепостного от дворянина. Перенесение подати со «двора» на «душу» давало землевладельцам ещё большую возможность распоряжаться землёй по своему усмотрению.

Проведённое Петром обложение подушной податью холопов наравне с крепостными крестьянами означало ликвидацию в России холопства как отдельной от крепостничества формы подневольного труда. Процесс сближения этих двух форм несвободного труда происходил в России ещё задолго до Петра. Податная реформа Петра лишь завершала этот процесс. Указом Петра о ревизии холопы были сравнены с крепостными крестьянами, но это мало изменило их положение, так как всё предшествующее и последующее развитие крепостного строя в России имело тенденцию превращения крепостных крестьян в холопов, т. е. рабов. К тому же ранее холопство означало полную, но временную зависимость холопа от своего господина — до смерти последнего; теперь же, перейдя на положение крепостного крестьянина, холоп оставался уже в постоянной неволе.

Но податная реформа несла в себе и другой, весьма важный фактор усиления крепостнического гнёта. Она была соединена

¹ В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, стр. 439.

² См. ПСЗ, т. VII, № 4145, стр. 10.

с законодательным оформлением фискальной функции помещика — официальным возложением на помещика обязанности собирать с крестьян подушную подать и вносить её в казну. А это ещё более усиливало власть помещика над личностью, имуществом и трудом крепостных крестьян, ещё более расширяло возможности помещичьего произвола в отношении крепостных.

В том же направлении действовала и вся полицейская организация государственного аппарата. В 1724 г. была введена паспортная система как одно из средств борьбы с бегством крепостных, уклонением от военной службы и от тягла. Крестьянин мог теперь отлучаться из деревни лишь при наличии у него отпускного свидетельства за подписью не только местной администрации, но и помещика. Такой порядок способствовал опять-таки росту бесправия крестьян, усилению помещичьего гнёта над ними.

Нужно сказать, что при Петре был издан также и ряд указов, практическое осуществление которых могло бы способствовать некоторому облегчению положения крепостных людей. Так, например, в отмену соответствующего пункта Уложения 1649 г. Пётр запретил дворянам выставлять крестьян на суд ответчиками вместо себя и ставить их на «правеж» за помещичьи долги. Уничтожен был и самый «правеж».

В 1724 г. Пётр запретил помещикам женить и выдавать замуж своих крепостных и холопов без их согласия¹. В письме Сенату от 15 апреля 1721 г. Пётр выразил своё недовольство широко распространённым тогда обычаем продавать крепостных людей врозь, поодиночке, «как скотов, чего во всем свете не водится», разлучая при этом родителей и детей. Он предложил Сенату обсудить этот вопрос при пересмотре Уложения, с тем чтобы пресечь такую продажу людей, «а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то бы хотя по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь...»²

Тон этого письма очень характерен: там, где речь шла об улучшении положения крепостного, защите прав его перед помещиком, всесильный монарх, в других случаях обычно сыпавший грозные указы, становился неуверенным увещателем.

Осуществляя широкое и всестороннее, часто деспотическое вмешательство в самые различные стороны жизни своих подданных, контролируя и регламентируя её, Пётр I вместе с тем оставил крепостного крестьянина на полный произвол помещика. Идея Посошкова — определить и ограничить законом круг обязанностей крестьянина перед помещиком — была

¹ См. ПСЗ, т. VII, № 4406, стр. 197.

² ПСЗ, т. VI, № 3770, стр. 377.

чужда Петру. Он считал нужным реагировать лишь на крайние случаи произвола и хищнического отношения помещика к своим крепостным. В январе 1719 г. Пётр обязал воевод и земских комиссаров не допускать такого положения, когда, как он писал, «некоторые непотребные люди... ради пьянства, или инаго какого непостояннаго житя вотчины свои... разоряют, налагая на крестьян всякия несносныя тягости, и в том их бьют и мучат, и от того крестьяне, покинув тягла свои, бегают, и чинится от того пустота, а в государевых податях умножается доимка...». Согласно этому указу вотчина разорителя должна быть передана его родственникам¹. В данном случае, как и в других подобных указах, защита крестьянства от помещика-разорителя была продиктована и откровенно мотивируется Петром отнюдь не заботой о самих крестьянах, об их жизни, а интересами феодального государства, в том числе фискальными.

К тому же значительная часть подобных мероприятий не была проведена в жизнь. Не было осуществлено распоряжение Петра о непродаже людей в одиночку; попрежнему дворяне насильно женили и выдавали замуж своих крепостных. Не осуществлялся указ об отобрании имений и крестьян у дворян-разорителей и т. д.

При Петре значительно вырос круг крепостных людей в результате практиковавшейся раздачи дворянам казённых земель с находившимися на них крестьянами. В отличие от старой, поместной системы землевладения земли и крестьяне раздавались теперь уже не для обеспечения дворянину материальной возможности выполнять военную службу и поставлять военную силу, а в виде награды и поощрения отдельных дворян и приближённых лиц. Отдельные вельможи, особенно Меншиков, получили от царя огромные состояния.

После разгрома Булавинского восстания крепостное право распространилось и на верховье Дона.

Круг крепостного труда был значительно расширен и путём применения подневольного крестьянского труда на мануфактурах.

Перепись населения в связи с введением подушной подати была объединена со своего рода смотром населения государственной властью, разбивкой его по сословиям и общественным группам. Одна запись в тягло (подушная подать) для многих означала запись в крепостное состояние; правда, потерпевшему оставлено было право иска перед судом в неправильной записи, но указом о переписи «гулящие люди» ставились в необходимость приписываться к служилым и тем самым попадали в зависимое от них положение.

¹ ПСЗ, т. V, № 3294, стр. 628—629.

«...Возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»¹, — говорил И. В. Сталин.

* *
*

Относительная незначительность количества изданных указов по сельскому хозяйству показывает, что эта отрасль народного хозяйства в сравнении с другими пользовалась меньшим вниманием Петра I. Вместе с тем в экономической политике Петра нет той односторонности, которая была характерна, например, для Кольбера; политика Кольбера игнорировала нужды сельского хозяйства и полностью подчиняла его интересам насаждаемой крупной промышленности.

Пётр положил начало ряду новых отраслей в сельском хозяйстве России. Речь идёт главным образом о тех отраслях сельского хозяйства, которые в качестве сырьевой базы непосредственно связаны с развитием крупной промышленности.

Он уделял внимание созданию овцеводства для обеспечения отечественной суконной промышленности шерстью. За границей закупались овцы и бараны для разведения в России тех пород овец, шерсть которых пригодна для выработки тонких сукон, нанимались опытные овчары, которые должны были обучать русских людей правильному уходу за стадом и стрижке овец. С этой же целью русских посылали за границу. В России создавались овчарные заводы, при которых организовано было и обучение крестьян овчарному делу, «дабы в Российском государстве оной шерсти было умножение, и были в продаже також и в домашних расходах прежней лутче». Обученным на овчарных заводах крестьянам приказывалось «дабы они також обучали других, свою братию крестьян, как за оными ходить и шерсть снимать будут».

Большое внимание уделялось развитию коневодства.

Насаждалось льноводство и коноплеводство. В 1715 г. был издан указ «О размножении во всех губерниях льняного и пенькового промыслов», в котором предписывалось из года в год увеличивать посевы названных культур и обучать крестьян их разведению «для всенародной пользы и им поживления»². Большое внимание уделялось повышению качества пеньки. Было издано подробное руководство — инструкция, излагающая рациональные правила коноплеводства и получения пеньки.

¹ И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Соч., т. 13, стр. 105.

² ПСЗ, т. V, № 2966, стр. 185.

В целях обеспечения шёлковой промышленности отечественным сырьём принимались меры к размножению тутовых деревьев¹, приглашались из-за границы мастера, «которые около червей ходят и шелк строить по италиянски умеют»².

Из мероприятий, относящихся к полеводству, наибольший интерес представляет указ о замене уборки хлебов серпами уборкой косами и граблями. Ссылаясь на опыт других стран, Пётр указом от 11 мая 1721 г. предписал президенту Камер-коллегии князю Голицыну широко поставить в хлебных губерниях обучение крестьян уборке хлеба косами и граблями, а также организовать производство кос и граблей, «в будущее лето в тех хлебных местах, чтоб все так косили»³. Как и многие другие, эта мера проводилась Петром в принудительном порядке⁴.

Принимались меры к развитию в стране садоводства. Было создано несколько образцовых садов в разных местах России, расширено садоводство в Астрахани. Заводились специальные сады для разведения лекарственных растений.

Нужды кораблестроения заставляли Петра внимательно относиться к состоянию лесного хозяйства. При нём было положено начало правильному ведению лесного хозяйства, проводились меры по защите лесов от хищнического истребления.

Попытки распространения экономических знаний

Преобразования, осуществлявшиеся в разных отраслях хозяйства страны, выдвинули острую необходимость в подготовке квалифицированных кадров из среды русских людей. Делались попытки готовить и *экономические* кадры путём посылки молодых людей из дворян и купечества за границу и организации экономического образования в самой России. Пётр даже имел намерение создать в России специальную Академию, где молодёжь обучалась бы экономии и праву, а до учреждения Академии — открыть с той же целью «Краткую школу». Герольдмейстеру, на которого в числе других обязанностей возложена была и организация экономического образования дворянства, было указано:

¹ См. ПСЗ, т. IV, № 1792, стр. 42.

² ПСЗ, т. VII, № 4600, стр. 372.

³ ПСЗ, т. VI, № 3781, стр. 388.

⁴ «Ибо сами знаете, хотя что добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают» (в том же указе князю Голицыну). За пять лет после этого указа в Московской, Нижегородской и Киевской губерниях и в Переяславской провинции было обучено 13 тыс. человек и сделано 20 тыс. кос с граблями. (См. *Н. В. Пономарев*, Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России, Спб. 1888, стр. 239.)

«И понеже здесь еще учении не гораздо вкоренились, паче же в гражданских делах, а особливо в экономических делах почитай ничего нет: того ради пока Академии исправятся, учинить ему краткую школу; и ему от всякой знатных и средних дворянских фамилий обучать экономии и гражданству указную часть»¹.

План этот, впрочем, не был осуществлён. Одна из записок Петра гласит: «Давешнему, кому пункты даны, зело б изрядно, чтоб основал там место, куды б мочно послат молодых учитца тамошной экономии»². Речь, как видно, шла о посылке молодых людей за границу для экономического образования.

Как высоко ценил Пётр экономические знания, видно и из того, что в создаваемой Академии наук предполагалось учредить изучение и преподавание наряду с другими также и экономических наук. В утверждённом Петром проекте учреждения Академии сказано: «Аще же при том Экономия учена будет, то похвально и весьма полезно, ибо во общем жительстве учением ея великая прибыль и польза чинится»³. Помимо общей задачи — развития науки, на Академию возлагалась и прямая практическая обязанность — способствовать развитию в России производительных сил, техники: «При том же бы вольныя художества и мануфактуры, которая уже здесь заведены суть, или впредь еще заведены быть могут, от помянутаго заведения (Академии наук. — А. П.) пользу имели, когда им удобныя машины показаны и инструменты их исправлены будут»⁴.

Пётр придавал большое значение изданию литературы на русском языке. Экономическая литература также не осталась без его внимания. Как можно судить по имеющимся материалам, он имел намерение издать ряд экономических работ.

Будучи в Голландии (во время первой поездки за границу), Пётр принял на службу учёного поляка Копиевского для издания в Амстердаме книг на русском языке. В 1699 г. он поручил Копиевскому написать книгу, которая, судя по плану, должна была представлять собой что-то вроде энциклопедии политики, экономики и практических приёмов хозяйствования. В первой части книги наряду с чисто политическими вопросами предполагалось осветить и вопросы «экономии государственных во всех городах какову пользу приносят и каковым образом строити подобает». Вторая часть книги должна была осветить конкретные вопросы экономики отдельных отраслей применительно к определённым районам России: «1) домовые заключает промыслы; 2) полевые, яко Рязань, Север, Белая Русь требуют; 3) лесные,

¹ ПСЗ, т. VI, № 3896, стр. 499.

² Н. А. Воскресенский, Законодательные акты Петра I, т. 1, АН СССР, М.—Л. 1945, стр. 139.

³ ПСЗ, т. VII, № 4443, стр. 222.

⁴ Там же, стр. 221.

яко великий лес Осетр река, вяземский лес и пр.; 4) водяные, яко новгородская половина, Волга река, Дон; 5) луговые, яко Великия Луки и пр.; 6) градские; 7) торговые; 8) компании; 9) сплавы; 10) откровение сокровищ в деревенских промыслах»¹.

Заказанная книга, как видно, не была написана. Да и не мог Копиевский, не знавший Россию, в Амстердаме написать экономическую книгу, в которой были бы освещены конкретные вопросы экономики и техники хозяйства определённых районов России. Но самый заказ показывает внимание Петра к созданию экономической литературы и определённую, сугубо практическую направленность требований, предъявлявшихся им к экономической литературе.

Делались попытки найти в других странах экономическую литературу, которая могла бы быть полезной для России. Одна из записей Петра гласит: «О экономических книгах, а особливо ежели в Швеции есть»².

В 1723 г. Пётр приказал перевести на русский язык с немецкого издания 1716 г. трёхтомную работу Гохберга «Georgica curiosa», посвящённую вопросам сельского и домашнего хозяйства, на основе опыта европейских стран. Пётр живо интересовался ходом перевода, давал указания, как именно следует переводить книгу, а в качестве образца собственноручно отредактировал одну из глав, одновременно сократив её³. Любопытен написанный им по этому поводу «Указ труждающимся в переводе экономических книг»:

«Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнят, толко для того, чтоб велики казались, чего, кроме самого дела и краткого пред всякою вещию разговора, переводит не надлежит; но и вышереченной разговор, чтоб не праздною ради красоты, но для вразумления и наставления о том чтущему был, чего ради о хлебопашестве трактат выправил, (вычерня негодное), и для примеру посылаю, дабы по сему книги перевозены были без лишних разказоф, которые время толко тратят и у чтущих охоту отемлют. Петр.

В Питербурхе, в 16 д. сентебря 1724»⁴.

Перевод книги Гохберга закончен был только в 1730 г., т. е. уже после смерти Петра, и не был издан в России.

¹ П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, Спб. 1862, Приложения, стр. 526.

² Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. 1, АН СССР, М.—Л. 1945, стр. 120.

³ См. П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 214.

⁴ Н. А. Воскресенский, Законодательные акты Петра I, т. 1, стр. 148; см. также П. Пекарский, Наука и литература при Петре Великом, т. I, стр. 214.

Место Петра I в истории экономической мысли

Анализ экономических воззрений и принципов экономической политики Петра I позволяет сделать вывод, что в его лице русский народ имел выдающегося экономиста.

Деятельность Петра была направлена на преодоление экономической отсталости России, на создание отечественной крупной промышленности, развитие торговли, сельского хозяйства, водного транспорта, укрепление финансовой системы. Реформы Петра сыграли большую роль в историческом развитии нашей родины.

В своей деятельности Пётр опирался прежде всего на господствующий класс — помещиков. Его преобразовательная деятельность ещё более возвышала помещиков и привела к ещё большему закабалению крестьянства. В итоге политики Петра I крепостное право в России значительно усилилось, распространилось вширь и стало для крестьян ещё более тяжёлым. Реформы осуществлялись за счёт крестьянства, ценой его дальнейшего принижения и разорения. Попытки угнетённых классов подняться против своих эксплуататоров — помещиков и против феодального государства жестоко подавлялись.

Пётр I много содействовал нарождавшемуся в России классу торговцев, он оказывал покровительство купечеству и промышленным предпринимателям. В некоторых случаях его мероприятия, направленные на развитие отечественной промышленности, затрагивали интересы отдельных представителей и групп дворянства. Так, например, в целях поощрения частнохозяйственной инициативы в развитии горного дела и металлургической промышленности Пётр в 1719 г. предоставил «всем и каждому» право «искать, плавить, варить и чистить всякие металлы» не только на своих, но и на чужих землях. Помещик, писал Пётр, не желающий или не имеющий средств добывать металлы, «принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать и переделывать будут, дабы божие благословение под землею втуне не осталось»¹.

В интересах развития крупной промышленности Пётр широко отчуждал дворянские и монастырские водяные мельницы и берега рек, пригодные для устройства водяных мельниц как двигательной силы на предприятиях. В целях увеличения доходов казны Пётр изъям из частного владения водные недра для ловли рыбы, сдавая их на откуп или прежним владельцам за плату. Значительно были ограничены права помещиков в их владении лесами.

¹ ПСЗ, т. V, № 3464, стр. 761.

Указ 1721 г., по которому купцам было предоставлено право покупать деревни к заводам, означал некоторое ослабление монополии помещиков на владение крепостными крестьянами.

Но эти и подобные другие мероприятия не дают оснований характеризовать социальную политику Петра как антифеодальную, антидворянскую, буржуазную политику, направленную против классовых интересов помещиков. Такая ложная характеристика политики Петра давалась М. Н. Покровским и его последователями. Она была воспроизведена Б. И. Сыромятниковым в его книге «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология», ч. I (АН СССР, М. — Л. 1943), в корне искажающей характеристику Петра, и в редакторском введении Сыромятникова к сборнику Н. А. Воскресенского «Законодательные акты Петра Первого». Такая характеристика в корне противоречит действительности. Указанные выше мероприятия Петра, затрагивавшие интересы отдельных групп дворян, никак не подрывали и не могли подрывать господствующего экономического и политического положения дворянства в стране. Мы видели, что вся политика Петра вела к возвышению дворянства как класса. Проводившаяся Петром политика возвышения дворянства нашла своё выражение, в частности, и в том, что именно при Петре дворянство окончательно было оформлено в России под общим именем «шляхетства» в отдельное привилегированное сословие с особыми правами, как сословие «благородное», в отличие от «подлых» людей; были узаконены гербы и титулы¹.

В России, как и на Западе, абсолютистская власть при своём возникновении и в первый период своего существования содействовала развитию торговли, промышленности, а тем самым, конечно, и развитию нового, буржуазного класса. Торговцы и промышленники в свою очередь долгое время поддерживали абсолютную монархию в её стремлении к экономической и политической централизации, развитию производительных сил страны, усилению экономической и политической мощи национального государства, расширению государства. «...Раньше она (абсолютная монархия. — А. П.) покровительствовала торговле и промышленности и, следовательно, возникновению класса буржуазии, видя в них необходимые предпосылки как национального могущества, так и собственного блеска...»².

Конечно, рост торговли и промышленности в России создавал силы, дальнейшее развитие которых неизбежно вело к подрыву феодально-крепостнического строя и в конце концов его крушению. Но при Петре I, как и после него, абсолютизм верно служил

¹ См. А. Романович-Славянский, Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права, Киев 1912, гл. I.

² К. Маркс, Морализирующая критика и критицирующая мораль, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 214.

делу возвышения дворянства, укрепления феодальных отношений в стране, не только не расшатывая, а, наоборот, весьма усиливая крепостничество. Содействие купечеству осуществлялось отнюдь не за счёт дворянства. Тяжесть преобразований падала на крестьянские массы, на городские низы.

Феодально-крепостническая экономика России того времени представляла собою относительно узкую базу для попытки выскочить из рамок отсталости, догнать более развитые страны Западной Европы. В результате реформ Петра I Россия в промышленном отношении значительно приблизилась к передовым странам Европы того времени, но историческая задача ликвидации отсталости России всё же оставалась неразрешённой.

«...Ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить её, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства. А ликвидировать её может только пролетариат, построивший свою диктатуру и держащий в своих руках руководство страной»¹, — говорил И. В. Сталин в связи с вопросом о преобразовательной деятельности Петра I.

Оставаясь крепостнической, Россия не могла догнать страны, которые вступили на путь капиталистического развития.

Пётр проводил реформы крутыми, суровыми мерами, которые, впрочем, были в духе того времени. Указы Петра, писал Пушкин, «...нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом»². По всему характеру приёмов управления Пётр I был настоящим деспотом, но своими деспотическими действиями он стремился к высокой цели — цивилизовать Россию. «...Петр Великий варварством победил русское варварство...»³, — писал Маркс. И Ленин подчёркивал, что «...Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁴.

Отношение к Петру и его реформам со стороны русской общественной мысли на протяжении последующих веков было различным. Ярко определились два направления этой мысли:

¹ И. В. Сталин, Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б), Соч., т. 11, стр. 249.

² А. С. Пушкин, История Петра, Полное собрание сочинений, т. IX, АН СССР, М — Л. 1951, стр. 413

³ К. Маркс, О Прудоне, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 29.

⁴ В. И. Ленин, О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, Соч., т. 27, стр. 307.

передовое, высоко ценившее значение преобразовательной деятельности Петра, и реакционное, отсталое, видевшее в Петре грубого нарушителя вековых устоев старой России. Носители передовой общественной мысли России XVIII—XIX вв. — Ломоносов, Радищев, декабристы, Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов высоко ценили заслуги Петра перед родиной.

Маркс и Энгельс считали Петра I великим человеком. Ленин и Сталин неоднократно указывали на огромное значение деятельности Петра для жизни России, подчёркивая в то же время исторически обусловленную ограниченность этой деятельности и резкое ухудшение положения трудящихся масс при нём.

Экономические воззрения Петра I, принципы его экономической политики определялись конкретными экономическими и политическими условиями России того времени. Рассматривая эти воззрения и принципы политики, мы ясно видим прямую преемственность их с экономическими воззрениями передовых мыслителей и деятелей России второй половины XVII в., таких, как А. Л. Ордын-Нащокин.

Вместе с тем сравнение воззрений русских экономистов XVII и первой четверти XVIII в. свидетельствует о большом шаге вперёд передовой русской экономической мысли. Экономические воззрения Петра I, его программа преобразований и реформаторская деятельность представляют собою не только более яркое, законченное, но и более зрелое выражение и осуществление идей передовых людей XVII в.

Совершенно несостоятельны попытки объяснить реформаторскую деятельность Петра I не условиями России того времени, не потребностями материальной жизни нашей страны на пороге XVII и XVIII вв., а якобы прямым влиянием на Петра I господствовавших тогда в передовых странах Западной Европы экономических воззрений и экономической политики, «подражанием» Петра иноземным образцам.

Хотя в экономической политике Петра I имеется немало общего с проводившейся в то время в наиболее развитых странах Западной Европы политикой меркантилизма, однако политика Петра всего менее может быть названа подражанием западноевропейскому меркантилизму, импортом, «усвоением» идей кольбертизма.

Забота о притоке денег в страну, о развитии в России торговли и промышленности была вызвана не влиянием западноевропейских идей, а властно диктовалась резко заявлявшими о себе жизненными экономическими потребностями страны. К развитию торговли, промышленности в стране передовая русская мысль обращалась, как к совершенно очевидному средству обеспечить независимость России, сделать родину могучей, богатой, завоевать ей почётное место среди других стран мира.

«Движение это... так естественно и необходимо, — писал С. М. Соловьёв, — что тут не может быть и мысли о каком-нибудь заимствовании или подражании: Франция с Кольбером в челе и Россия с Петром Великим в челе действовали одинаково по тем же самым побуждениям, по каким два человека, один в Европе, а другой в Азии, чтоб погреться, выходят на солнце, а чтоб избежать солнечного жара, ищут тени. Иоанн IV, бившийся изо всех сил, чтоб утвердиться на морских берегах, не мог подражать Кольберу. Но когда Россия вошла в ближайшие сношения с Западною Европою, то было важно, что она нашла здесь то же самое движение, какое сама совершала, нашла ему оправдание»¹.

В своём историческом развитии различные народы Европы не только сами создавали технику, формы экономической организации, но и в той или иной степени заимствовали опыт других стран. Голландия на заре своего буржуазного развития широко использовала экономический опыт Испании и Италии, Англия — опыт Голландии², Франция — опыт Англии и Голландии. На рубеже XVII—XVIII вв. Россия в своём движении вперёд могла учитывать передовой опыт уже не одной-двух, а целого ряда экономически развитых стран Западной Европы — преимущество, которым Пётр не замедлил воспользоваться.

Но использование экономического опыта западноевропейских стран отнюдь не означало зависимости передовой русской экономической мысли рассматриваемого периода от экономической мысли Западной Европы, не означало «импорта» в Россию готовых идей. Как раньше, до Петра, так и при нём передовая русская экономическая мысль представляла собой самостоятельное идеологическое отображение условий и потребностей жизни страны.

Пётр I широко открыл двери России для иностранцев, но он умело использовал их, зорко оберегая интересы родины. Этого умения использовать опыт стран Запада не было у преемников Петра на российском троне и их приближённых.

Со времени Петра I началось то раболепие русского дворянства перед культурой Запада, которое стало затем характерной чертой этого класса. Низкопоклонство дворянства перед всем иностранным продолжалось на протяжении всего периода господства этого класса и нанесло огромный вред русскому народу в развитии его национальной культуры.

¹ С. М. Соловьёв, Публичные чтения о Петре Великом, М. 1872, стр. 22.

² В XVII в. английские меркантилисты с завистью смотрели на морскую мощь Голландии, её обогащение от торговли и призывали англичан учиться этому у голландцев.

Можно ли экономические взгляды и политику Петра Великого отнести к меркантилистическому направлению? Вопрос этот уже давно является предметом спора. Признание самостоятельности воззрений и политики Петра I само по себе отнюдь не равнозначно утверждению, что воззрения и политика Петра I были в корне отличными от господствовавших в то время меркантилистических представлений и меркантилистической политики на Западе.

Меркантилизм представляет собою систему воззрений и политики, важнейшей чертой которой является взгляд, что только золото и серебро, т. е. деньги, являются богатством, а главной задачей экономической политики государства признаётся обеспечение притока денег в страну через внешнюю торговлю. Неотъемлемым и весьма важным признаком этой системы воззрений является признание за феодально-абсолютистским государством права и обязанности вмешиваться в хозяйственную деятельность населения, регламентировать её, осуществлять над ней опеку и надзор. Меркантилизм предполагает отсутствие или сильное стеснение свободной конкуренции, господство привилегий, торговых и иных монополий.

В западноевропейских странах в развитии этой системы было два этапа, отличавшихся различным пониманием методов, способов обеспечения притока денег в страну. Сторонники ранней, так называемой монетарной системы считали необходимым и возможным обеспечить приток денег в свою страну путём увеличения вывоза из неё товаров, сокращением ввоза товаров из других стран и прямым административным запрещением вывоза денег и благородных металлов за границу.

Представители более поздней системы меркантилизма, получившей название системы торгового баланса, считали, что обильный приток денег в свою страну можно обеспечить всемерным развитием вывоза товаров, превышающим ввоз, и что вывоз денег из своей страны полезен, так как вывезенные деньги возвращаются обратно, и притом в большем количестве. В соответствии с таким пониманием способа обеспечения притока денег из-за границы идеологи системы торгового баланса считали необходимым всемерное развитие отраслей промышленности, производящих товары на экспорт, а также тех отраслей, которые могли бы освободить страну от импорта товаров.

Развитой меркантилизм, или система торгового баланса, предполагает, таким образом, поощрение роста мануфактуры, прямое её насаждение. Маркс назвал поэтому систему развитого

меркантилизма *мануфактурной* или коммерческой системой¹. Развитой меркантилизм предполагает политику поощрения не только торговли, но и промышленного производства. Маркс указывал: «Так называемая монетарная система есть просто выражение иррациональной формы $D-T-D'$, движения, протекающего исключительно в сфере обращения... Напротив, $D-T...P...T'-D'$, будучи фиксировано в качестве исключительной формы, лежит в основе развитой меркантильной системы, необходимым элементом которой является не только товарное обращение, но и товарное производство»².

Неправильно поэтому отождествлять меркантилизм с экономической политикой торгового капитала и рассматривать его как идеологию эпохи торгового капитала, что имеет место, например, в работе Д. Розенберга³. Во-первых, потому, что особой «эпохи торгового капитала» вообще не было, а во-вторых, развитой меркантилизм представлял собою экономическую политику, благоприятствовавшую не только торговому, но и промышленному капиталу в начальную пору его развития.

Покровительство мануфактурам, насаждение их абсолютистским государством является одной из наиболее характерных черт развитого меркантилизма. Как указывает Маркс, «мануфактура вообще не могла обходиться без охраны...»⁴

А. Смит, критикуя меркантилистическую политику, особенно подчёркивал, что эта политика выгодна только купцам и мануфактуристам: «В меркантилистических постановлениях... больше всего были приняты во внимание интересы наших мануфактуристов...»⁵

Подходя к вопросу исторически, Маркс раскрыл как сущность и значение практической политики меркантилизма, так и теоретический смысл высказываний меркантилистов о богатстве и путях его приумножения.

Идеологи меркантилизма всемерно подчёркивали национальный характер меркантильной системы, свою заботу об интересах государства; на самом же деле это была лицемерная форма защиты интересов класса капиталистов, стремление поставить феодально-абсолютистское государство на службу своим интересам. Маркс указывал, что «...национальный характер меркантильной системы в устах ее защитников — не просто фраза. Под предлогом, будто их занимает только богатство нации и

¹ См. К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 217.

² К. Маркс, Капитал, т. II, 1953, стр. 58.

³ См. Д. Розенберг, История политической экономии, ч. 1, М. 1934, стр. 24, 33.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Немская идеология, 1934, стр. 49.

⁵ А. Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, Соцэкгиз, М. — Л. 1935, стр. 209.

ресурсы государства, они в действительности объявляют интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью государства и прокламируют буржуазное общество в противоположность старому сверхземному государству. Но в то же время имелось и сознание того, что развитие интересов капитала и класса капиталистов, капиталистического производства, сделалось базисом национальной силы и национального преобладания в современном обществе»¹.

Анализируя теоретические высказывания меркантилистов и определяя их роль в развитии политической экономии, Маркс показал, что меркантильная система явилась первой теоретической разработкой капиталистического способа производства, соответствующей «детскому периоду» буржуазного общества, когда капиталистический способ производства только ещё складывался в недрах феодального общества. В понимании Маркса данная система представляет собою не наивное заблуждение человеческого ума, как это утверждали А. Смит и другие буржуазные экономисты — защитники свободной конкуренции, а первый теоретический анализ буржуазного производства; кажущиеся более поздним экономистам странности и наивность воззрений меркантилистов на самом деле были порождены особенностями капиталистической экономики на ранней её ступени.

Меркантилистам принадлежит исторически первая теоретическая концепция буржуазного богатства и труда, его создающего; меркантилисты «...выделяли мировую торговлю и отдельные отрасли национального труда, непосредственно связанные с мировой торговлею, в качестве единственных истинных источников богатства или денег...»². Такое понимание вопроса меркантилистами Маркс объяснял неразвитостью товарного производства, тем, что «собственно буржуазною экономической сферой была в то время сфера товарного обращения»³. отождествление меркантилистами богатства с деньгами, писал Маркс, есть не что иное, как выбалтывание ими тайны буржуазного производства — его полного подчинения меновой стоимости. Критикуя меркантильную систему, указывает Маркс, буржуазная «...политическая экономия ошибается, нападая на нее как на простую иллюзию и только ложную теорию и не узнавая в ней варварской формы своего собственного основного положения»⁴.

Маркс подчёркивает, что меркантильная система сохраняет не только историческое право, но и «полное право гражданства»

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 798.

² К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 158.

³ Там же, стр. 159.

⁴ Там же.

внутри определённых сфер даже самой развитой буржуазной экономики; при буржуазном способе производства меновая стоимость неизбежно принимает форму денег и богатство всегда снова возвращается на один момент в денежную форму; специфические функции золота и серебра как денег, в отличие от их функции средства обращения и в противоположность всем другим товарам, не упраздняются, а только ограничиваются¹.

Таким образом, для своего времени меркантильная система представляла собой наиболее передовую, прогрессивную систему. Политика меркантилизма сыграла огромную роль в создании капиталистического способа производства, а теоретические воззрения меркантилистов были первой ступенью теоретического анализа буржуазного производства.

Вместе с тем уже в пределах самой меркантильной системы имел место определённый прогресс в понимании богатства и его источников. Если монетарная система, указывает Маркс, определяла богатство ещё совершенно объективно, как вещь вне себя, в деньгах, то «...мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд, хотя сама эта деятельность все еще понимается в ограниченной форме, а именно как производящая деньги»². Дальнейший прогресс состоял в том, что физиократы под богатством понимали уже не деньги, а продукт вообще как всеобщий результат труда, хотя в качестве такого продукта они рассматривали только продукт земледелия. Огромным прогрессом явилось понимание А. Смита того, что труд, создающий богатство, это есть труд как таковой: не мануфактурный, не коммерческий, не сельскохозяйственный труд, а как тот, так и другой. Под богатством А. Смит понимал продукт труда вообще, прошлый, овеществлённый труд. «После того как особые формы реального труда: земледелие, мануфактура, мореплавание, торговля и т. д. поочередно объявлялись истинными источниками богатства, Адам Смит провозгласил труд вообще, и притом в его общественно-совокупном виде, в качестве *разделения труда*, единственным источником вещественного богатства, или потребительных стоимостей»³.

В области экономической политики прогресс заключался в том, что, исходя из действия объективных, «естественных» экономических законов общества, физиократы и А. Смит провозгласили ненужность и вредность вмешательства государства в хозяйственную деятельность, отводя государству всего лишь роль «ночного сторожа» буржуазной собственности. Буржуазия,

¹ См. К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 159.

² Там же, стр. 217.

³ Там же, стр. 48.

ранее использовавшая в своих интересах государство, действовавшее методами меркантилистической политики, теперь стала использовать государство для проведения другой политики, на новом этапе более выгодной ей, — политики фритредерства. Средневековым привилегиям, монополии была объявлена война; принцип мелочной опеки, регламентации хозяйственной деятельности со стороны государства уступил место новому принципу — свободной конкуренции.

Мы намеренно дали здесь общую характеристику основных черт меркантилизма, потому что при рассмотрении вопроса о том, можно ли русских экономистов XVII в. и первой половины XVIII в. считать меркантилистами, нередко самое понятие меркантилизма до крайности сужается, и последний трактуется как весьма отсталое направление экономической мысли. В действительности же меркантилизм для своего времени, XVI в. — первая половина XVIII в., был самым передовым направлением экономической теории и прогрессивной экономической политикой, сыгравшей на Западе огромную роль в создании и укреплении нового, капиталистического способа производства, в переходе от старого, феодального общества к новому обществу, буржуазному.

Следует иметь также в виду, что, хотя теоретические положения меркантилизма начали преодолеваться в некоторых произведениях западноевропейских экономистов уже в конце XVII—начале XVIII в. (В. Петти, Локк, Норс, Юм и др.), практика меркантилизма как определённая экономическая политика продолжала господствовать в западноевропейских странах во всей первой половине и даже во второй половине XVIII в. Физиократы, А. Смит вели борьбу с живым меркантилизмом.

В своём практическом проявлении меркантилизм представлял собою сложную и довольно многообразную политику, далеко не укладывающуюся в узкие формулы монетарной системы и системы торгового баланса. В Голландии, Англии, Франции поздний меркантилизм в действии означал заботу о притоке денег в страну, усиленное покровительство отечественной торговле, судоходству, мануфактурной промышленности, охрану её системой покровительственных тарифов (промышленный протекционизм), регулирование торговли, промышленности, мероприятия по развитию отраслей сельского хозяйства, дающих сырьё для отечественной промышленности, борьбу одних стран за господство на мировом рынке, борьбу других стран за сохранение своей экономической независимости.

Конкретные формы осуществления системы и политики меркантилизма были настолько шире и многограннее теоретически формулированного общего принципа меркантилизма, преследующего обеспечение притока денег в страну превышением

вывоза над ввозом товаров, что отдельные исследователи отказывались на этом основании видеть меркантилистов даже в лице Кромвеля и Кольбера, ссылаясь на то, что их государственная деятельность была много шире общей формулы меркантилистов. В действительности же названные деятели являлись, несомненно, типичными меркантилистами.

Меркантилизм не представлял собой особенности какой-либо отдельной страны, а был присущ всем европейским странам на определённой стадии их экономического развития. Представляя собой совокупность определённых, перечисленных выше основных черт и признаков, меркантилизм вместе с тем имел и большие различия в отдельных странах. Нельзя назвать и двух западноевропейских стран XVI—XVIII вв., где политика меркантилизма осуществлялась бы совершенно одинаково. Можно говорить о разных типах меркантилистической политики. В одних странах, как, например, в Англии, политика меркантилизма осуществлялась при отсутствии крепостного строя, в других, как Пруссия, Австрия, — ещё при наличии крепостного строя. Большую роль играло и то, вели страны большую транзитную торговлю или нет.

Возвращаясь к вопросу, можно ли экономические воззрения и политику Петра I причислить к меркантилистическому направлению экономической мысли и политики, следует прежде всего отметить недопустимость решения этого вопроса путём вырывания только отдельных черт, отдельных моментов политики и деятельности Петра, игнорируя всю его политику и деятельность в целом. А между тем этот вопрос решается нередко именно таким путём.

Следует прежде всего решительно отвергнуть попытки ряда исследователей всю многогранную экономическую деятельность Петра I свести к заботе о притоке денег в страну и эту заботу рассматривать как главную движущую пружину его реформ.

У Петра I мы не видим типичного для меркантилистов отождествления богатства с деньгами. Как было сказано выше, в некоторой степени Петру уже было присуще понимание положительной роли конкуренции; регламентацию, опеку государства над мануфактурной промышленностью, торговлей он рассматривал как временное явление, вызванное новизной этого дела в России. Можно сказать, таким образом, что, не разделяя основного принципа меркантилизма, будто богатством являются только деньги, а главной задачей экономической политики государства должно быть привлечение денег в страну, Пётр I вместе с тем и в понимании значения ряда конкретных путей, методов экономической политики государства сумел подняться выше господствовавших тогда на Западе представлений.

Вместе с тем было бы неправильно полностью отделять Петра I от меркантилистов Запада и рассматривать его экономические взгляды и политику как якобы следующий, более высокий по отношению к меркантилизму этап развития мировой экономической мысли вообще, т. е., говоря более конкретно, приближать воззрения Петра I к взглядам, которые в России имели место только во второй половине XVIII в., а на Западе развивались физиократами и А. Смитом. Такое понимание вопроса противоречит исторической действительности.

Хотя у Петра I забота о притоке денег в страну и не являлась главной движущей силой экономических преобразований, тем не менее эта забота, как уже говорилось выше, играла значительную роль в политике Петра, так как много денег требовалось на ведение войны и наличие их было одним из важнейших условий всех преобразований, осуществлявшихся Петром. Экономические преобразования Петра требовали много денег, но они служили и средством для удержания денег в стране и обеспечения притока их в страну. Широкие и всесторонние преобразования Петра в области военного дела, экономики, культуры и др. теснейшим и непосредственным образом переплетались поэтому с его постоянной и крайне напряжённой заботой о притоке денег в страну. Нельзя недооценивать огромного значения мероприятий Петра по привлечению денег в страну, ни тем более противопоставлять Петра в этом отношении Кромвелю, Кольберу и другим деятелям меркантилистического направления, для которых ведь, строго говоря, в отличие от Томаса Мена и других идеологов буржуазии, деньги тоже не являлись самоцелью, а лишь средством решения широких национальных задач политики.

Важно подчеркнуть при этом, что средства, которыми Пётр I пользовался для умножения денег в стране, являлись обычными для меркантилизма: запрещение вывоза денег и драгоценных металлов из страны, расширение вывоза товаров из страны и обеспечение активного торгового баланса, развитие отечественной крупной промышленности, создание собственного торгового флота и другие мероприятия. Эти мероприятия являлись, однако, не простым «подражанием» Западу, а результатом глубокого понимания Петром I задач родины и потребностей её развития. Вместе с тем осуществлявшаяся Петром политика приумножения денег в стране при значительном сходстве с политикой стран Западной Европы существенно отличалась от политики, проводившейся тогда, например, Англией.

Для Англии характерно было различие двух последовательных стадий — господствовавшая сначала монетарная система сменилась затем системой торгового баланса. Система торгового баланса означала здесь отмену запрещения вывоза денег из

страны. Томас Мен убедительно доказывал, что для такой страны, как Англия, которая вела большую транзитную торговлю, вывоз денег из страны являлся необходимым условием последующего обильного ввоза их в страну. Деньги, вывезенные английскими купцами из страны и затрачиваемые, например в Индии, для последующей перепродажи товаров не только в своей, но и в других странах, Т. Мен образно уподоблял семенам, высеваемым для получения урожая.

Политика Петра была иной. Развёртывание внешней торговли, обеспечение активного торгового баланса, развитие крупной промышленности сочетались в России с запрещением вывоза из страны денег и драгоценных металлов.

Вообще следует иметь в виду, что и в Западной Европе запрещение вывоза денег из страны диктовалось отнюдь не «заблуждением» правительства, не абстрактным отождествлением богатства с деньгами и стремлением королей накапливать деньги ради денег как форму богатства, а весьма конкретными и практическими соображениями. «Вначале ничтожное количество находившегося в обращении золота и серебра вызвало запрет вывозить эти металлы»¹, — пишут Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». «Появление на европейских рынках американского золота и серебра, постепенное развитие промышленности, быстрый подъем торговли и вызванный этим расцвет нецеховой буржуазии и денег — все это придало указанным мероприятиям другое значение. Государство, которое все менее и менее могло обходиться без денег, сохраняло теперь из фискальных соображений запрет вывоза золота и серебра; буржуа, для которых эти только что выброшенные на рынок денежные массы стали главным предметом вожделений, были вполне довольны этим; прежние привилегии стали источником дохода для правительства и продавались за деньги...»²

Отмена запрещений вывоза золота и серебра произошла позже, во второй период развития меркантилизма, который начался в середине XVII столетия и тянулся почти до конца XVIII в., когда быстро расширялись торговля и судоходство, росла мануфактура. «XVIII век был веком торговли»³. Необходимость отмены запрета вывоза золота и серебра диктовалась именно этим развитием торговли, в особенности — транзитной.

«Фискальные соображения», которыми диктовалось запрещение вывоза золота и серебра из страны, были связаны с монетной регалией; казна получала монетный доход в виде разницы между номинальной и реальной стоимостью выпускаемых в стране неполноценных монет. Порча монет вела к тому, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, 1934, стр. 47.

² Там же, стр. 48.

³ Там же, стр. 49.

хорошую монету стремились вывезти за границу, а плохая оставалась в стране, что не только уменьшало в стране количество металла, нужного для обращения, но и сокращало для правительства возможности получения монетного дохода от последующей переделки монет. Разрешение вывоза неполноценных монет влекло за собой необходимость обратного приёма их в страну, что опять-таки снижало возможности получения монетного дохода казной. Запрещение вывоза денег из страны обычно соединялось с запрещением ввоза всяких, в том числе и своих, неполноценных денег в страну. Одни правительства запрещали поэтому вывоз не только денежного металла, золота и серебра в слитках и полноценной монеты, но и монеты неполноценной; другие ограничивались запрещением вывоза только драгоценного металла в слитках и полноценной монеты, разрешая вместе с тем вывоз порченной монеты.

Бумажных денег тогда ещё не было. Доход правительства от порчи денег в средние века соответствовал доходу правительств от выпуска бумажных денег в более поздние времена. В тех странах, где порча монет производилась в незначительных размерах, как в Англии до XVI в., запрещение вывоза золота и серебра из страны имело целью не только сохранение денег в стране, но и получение казной дохода от разрешения на вывоз металла из страны.

И в ряде западноевропейских стран различие двух стадий развития — монетарной системы и собственно меркантильной, или мануфактурно-коммерческой, — как в теоретических построениях экономистов, так и в практике экономической политики далеко не всегда было таким резким и полным, как это имело место в Англии. Ещё в период господства монетарной системы громко раздавались голоса, настойчиво доказывавшие нецелесообразность запрещения вывоза золота и серебра из страны (Серра — в Италии, Боден — во Франции).

С другой стороны, в ряде стран Западной Европы и в период развитого меркантилизма имело место запрещение вывоза золота и серебра. Вывоз денег из страны запрещал, например, Кольбер. В XVIII в. вывоз денежного металла запрещался не только в России, но и во Франции, в германских государствах, в Австрии и других странах.

Экономическая политика Петра I была сходна с меркантилистической политикой западноевропейских государств. Как и последние, Пётр осуществлял в стране политику промышленного протекционизма.

Весьма важной и неотъемлемой чертой меркантилистической политики является осуществление феодально-абсолютистским государством надзора, опеки, регулирования хозяйственной деятельности населения полицейско-бюрократическими метода-

ми. Политика Петра I в этом отношении вполне сходна с меркантилистической политикой западноевропейских государств, хотя и здесь имелись известные особенности, о которых было сказано выше. Своей экономической политикой Пётр укрепил позиции дворянства, ещё более возвысил его положение в стране. Но Пётр много содействовал и развитию нового класса — купечества и промышленных предпринимателей. Он много сделал для развития капиталистических элементов в экономике страны.

Экономические воззрения и экономическая политика Петра I были значительно шире, чем теоретически сформулированные идеологами западноевропейского меркантилизма положения о сущности богатства и основном методе его умножения. Вместе с тем практическая экономическая политика Петра I в своих основных чертах сходна с экономической политикой наиболее развитых стран Западной Европы XVI—XVIII вв., получившей там название меркантилизма. Но в политике Петра I были и весьма важные отличия, обусловленные особенностями России.

Экономические взгляды и политика Петра I являлись для своего времени передовыми, прогрессивными; они способствовали развитию производительных сил России.

Глава двенадцатая

**ИДЕОЛОГ КУПЕЧЕСТВА И. Т. ПОСОШКОВ
И ЕГО «КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ»**

**Общая характеристика экономической
программы И. Т. Посошкова**

Основным источником сведений о жизни Ивана Тихоновича Посошкова (1652—1726 гг.) являются приводимые самим Посошковым в его работах факты биографического характера. Кроме того, в архивах найдены и некоторые официальные документы, относящиеся к его жизни и деятельности¹.

Родители Посошкова были оброчными крестьянами подмосковного дворцового села Покровского, позже вошедшего в состав города Москвы. Село Покровское находилось в ведении Оружейной палаты. Дед и отец Ивана Тихоновича работали в качестве ремесленников-серебряников, ювелиров. Таким образом, Посошков происходил из семьи ремесленников, числившихся непашенными оброчными крестьянами.

Посошков был весьма разносторонним мастером. Он знал денежное дело, оружейное, иконописное мастерство, гравирование, черчение, столярное ремесло, винокуренное дело и некоторые другие. В 1694 г. он по заказу Авраамия, игумена Андреевского монастыря в Москве, сделал модель денежного станка для поднесения царю. Он изобрёл особое приспособление — рогатки для ружейной стрельбы и в 1697 г. преподнёс его царю. В конце XVII и в первые годы XVIII в. Посошков работал денежным мастером при Оружейной палате. После этого он состоял на казённой службе водочным мастером до 1708 г. — в Москве, а с 1709 г. или 1710 г. — в Новгороде.

Вместе с тем Посошков развил большую частную предпринимательскую деятельность и стал купцом-мануфактуристом. Ещё раньше, как полагают — в конце 80-х годов XVII в., он вместе со своим братом владел винокуренным заводом в Лихвин-

¹ Обстоятельное описание жизни Посошкова дано в работе Б. Б. Кафенгауза «И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность», изд. 1, АН СССР, М. — Л. 1950, изд. 2, М. 1951 г.

ском уезде. В 1704 г. он с двумя компаньонами делает попытку открыть фабрику игральных карт. В Новгороде Посошков наряду с казённой службой занимался и своими торговыми делами. В 1719 г. он построил в Новгородском уезде свой винокуренный завод; здесь же он держал на откупе таможенный сбор, винную и пивную продажу. К концу жизни у Посошкова имелся один дом в Петербурге и два дома в Новгороде, 258 десятин земли и 81 человек крепостных крестьян. В официальных бумагах он именовал себя уже купцом.

Посошков известен не только как энергичный хозяйственный практик, но и как активный литературный деятель своего времени. Он был преисполнен, по его собственному выражению, «презельной горячностью», относился непримиримо ко всему, что казалось ему неправильным и вредным. Посошков усердно составлял докладные записки влиятельным лицам с указанием на разные «неисправы» и с проектами мер по устранению их, писал трактаты по вопросам религии, нравственности, экономики и др. В конце XVII в. он направил правительству своё «Письмо о денежном деле», в котором советовал выпустить деньги «мелкой дробью». «Письмо» это не сохранилось. В 1701 г., вскоре после поражения русской армии под Нарвой, Посошков подал боярину Головину доношение «О ратном поведении», в котором подвергал критике существовавшие порядки и предлагал конкретные меры по улучшению военного дела в России. В период 1703—1710 гг. Посошков направил митрополиту Стефану Яворскому три записки, в которых излагал свои соображения о мерах борьбы с раскольниками, об укреплении православия в русском народе и о подготовке духовенства. В 1708 г. Посошков закончил большую работу (в печатном виде — свыше 700 страниц) «Зеркало, сиречь изъявление очевидное и известное на суемудрия расколнича», направленную против раскольников и лютеран. В 1718 г. он пытался подать Петру I через кабинет-секретаря Макарова «Доношение о новоначинающихся деньгах».

В 1719 г. Посошковым была закончена большая работа «Завещание отеческое к сыну своему» (в печатном виде — 330 страниц). И, наконец, в 1724 г. Посошков заканчивает «Книгу о скудости и богатстве», сопроводив её особым «Доношением» Петру.

Остаётся неизвестным, успел ли Посошков представить свою «Книгу» Петру I. Впервые она опубликована была больше чем через сто лет после написания (в 1842 г.) собирателем старинных рукописей историком Погодиным, которому попала в руки случайно¹.

¹ «Книга о скудости и богатстве» второй раз была издана в 1911 г. В 1937 г. вышло советское издание «Книги о скудости и богатстве» (Соцэкгиз), а в 1951 г. новое издание её (изд. Академии наук СССР).

«Книга о скудости и богатстве» — последнее произведение Посошкова. Он писал её на восьмом десятке лет своей жизни. Летом 1725 г. Посошков приехал в Петербург, чтобы получить разрешение на открытие в Новгороде своей текстильной фабрики. Здесь он был арестован и заключён в Петропавловскую крепость. Это было спустя семь месяцев после смерти Петра I. Причина ареста Посошкова неизвестна. В составленном для императрицы Екатерины I «экстракте» по делу Посошкова было указано, что он «содержится по важному секретному государственному делу». Имеющиеся в архивах материалы дают основание предполагать, что арест Посошкова был связан с написанием им «Книги о скудости и богатстве»¹.

В Петропавловской крепости Посошков находился 5 месяцев. Здесь же он умер (1 февраля 1726 г.) и был похоронен на кладбище, где хоронили и других колодников Тайной канцелярии.

Посошков не получил систематического образования; он был самоучкой. В Посошкове поражает всесторонность знания жизни, своего рода энциклопедичность. С глубоким пониманием дела он рассуждает о военных делах и церковных, о судебных и экономических, об искусстве писания икон и о правилах землемерия, о школе, воспитании, о недостатках русской грамматики и т. д. Обладая большим умом, наблюдательностью, Посошков за долгие годы своей жизни накопил богатейший опыт. Он много разъезжал по России, сталкивался с разными людьми, пылливо вглядывался в окружающее, всё примечая, всё оценивая.

Мировоззрение Посошкова наиболее полно выражено в его работе религиозно-нравственного содержания: «Завещание отеческое к сыну своему, со нравоучением, за подтверждением божественных писаний». В этом произведении Посошков выступает как крайне отсталый, консервативный человек. Он был не только глубоко верующим человеком, но и строгим ревнителем старинного благочестия, ревностным защитником церкви, ярким представителем воинствующего православия. Посошков считал, что по отношению к упорным раскольникам можно применять такую варварскую меру, как сжигание. Он рьяно борется и против лютеранства, видя в нём прямой путь к атеизму. От Лютера, пишет Посошков, идёт и атеизм и система Коперника. Он всячески поносит «Коперника, богу суперника», своим учением опровергающего библейское сказание о сотворении мира².

¹ См. Б. Б. Кафенгауз, И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность, АН СССР, М. 1951, стр. 138—142.

² См. И. Т. Посошков, Завещание отеческое, Спб. 1893, стр. 129.

«Завещание отеческое» в основном не возвышается над «Домостроем». Идеал Посошкова — благочестивый христианин, высшей целью своей ставящий достижение царства небесного и этой цели подчиняющий свою земную жизнь. Он проповедует евангельские заповеди непротивления злу («... аще кто ударит тя по щеке, обрати ему и другую...»), терпение, смирение, требует аскетического образа жизни, резко осуждает музыку, танцы, веселье. Посошков считает необходимым воспитывать детей в постоянном страхе, с применением самых крутых мер наказания.

Но наряду с подобными воззрениями, которые в начале XVIII в. уже не разделялись передовыми людьми, у Посошкова мы видим и смелые прогрессивные мысли, намного опережавшие его время.

Посошков, например, с большим уважением относился к науке. Он горячо проповедовал пользу просвещения для народа, выставляя для того времени поразительно смелое требование всеобщего обучения детей, в том числе и крестьянских, в школах. Он считал необходимым обучать не только русских, но и детей других народностей России.

Посошков рекомендует сыну жениться по любви, с уважением относиться к жене, советоваться с нею.

По своим политическим взглядам Посошков был убеждённым и ревностным сторонником неограниченного самодержавия. Вместе с тем он не являлся безоговорочным сторонником и защитником всей системы и порядка управления в России. Посошков подвергал эту систему и порядки суровой и резкой критике, видя в них основное препятствие к устранению скудости и умножению богатства в стране. Он возмущался отсутствием элементарного правового порядка в России, безнаказанностью сильных людей, произволом их по отношению к слабым, неимущим. Он писал об устарелости системы управления, законов и суда в России: «И донележе прямое правосудие у нас в Руси не устроится и всесовершенно не укоренится оно, то никоими мерами от обит богатым нам быть, яко и в прочих землях, невозможно быть. Такожде и славы добрыя нам не нажить, понеже все пакости и непостоянство в нас чинится от неправого суда и от нездраваго разсуждения и от неразсмотрительнаго правления»¹. Неправда слишком крепко вкоренилась среди людей, сокрушается он; «кто с кого сможет, тот того и давит, а кои люди ядовитые, то маломочных и в конец разоряют, а судьи силняков и ябедников аще и видят, что напрасно нападают, а воспретить не смеют»².

¹ И. Т. Посошков, «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения, АН СССР, М. 1951, стр. 91—92.

² Там же, стр. 92.

Эту неправду — произвол, взяточничество, ябедничество и т. д. — Посошков связывал с господством дворян в управлении и суде, с круговой порукой дворян и их безнаказанностью. Он резко враждебно относился к высшему, родовитому и неприязненно к рядовому дворянству.

Посошков считал, что «древние уставы все обветшали и исказились», что нужно «изменить древние порядки», пересмотреть «судебную книгу». Под «древними уставами» он разумел Уложение 1649 г. Для пересмотра государственных законов и Судебника Посошков советовал царю создать комиссию, в которую войдут по 2—3 выборных представителя от каждого сословия и чинов, в том числе и от крестьянства. После того как комиссия сделает эту работу, проект нужно будет «...всем народом освидетельствовать самым вольным голосом, а не под принуждением, дабы в том изложении как высокородным, так и низкородным, и как богатым, так и убогим, и как высокочинцам, так и низкочинцам и самым земледельцам обиды бы и утеснения от незнания коегождо их бытия в том новоисправном изложении не было»¹.

«Освидетельствование самым вольным голосом» Посошков мыслил в форме широкого ознакомления всего населения с проектом и подачи письменных заявлений теми, кто будет с чем-либо не согласен. После проверки «многонародным советом» проект подлежал утверждению царём.

Предложение Посошкова о порядке пересмотра государственных законов является весьма смелым и оригинальным. У исследователей значение предложения Посошкова получило различную оценку. Плеханов, например, в этом предложении увидел реакционное стремление Посошкова возвратиться к изжитой практике Земских соборов². Другие, например Брикнер, толкуют предложение Посошкова как попытку «устроить что-то в роде законодательного собрания»³.

Ни то, ни другое толкование нельзя признать правильным. Проект Посошкова не имеет ничего общего ни с практикой Земских соборов XVI—XVII вв. в России, ни с парламентской практикой других стран. Предложение Посошкова о порядке пересмотра Уложения имеет, несомненно, демократические черты. Он выступает здесь как смелый, крупный и оригинальный политический мыслитель, далеко опередивший своё время взглядами на роль широких масс в разработке законов. В условиях абсолютистского государства предложение Посошкова было

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 82.

² См. Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 129—130.

³ А. Брикнер, Иван Посошков, ч. I, Спб. 1876, стр. 5.

утопическим. Он хотел соединить несоединимое: абсолютизм царя с участием широких масс в выработке государственных законов, хотя бы только в совещательной форме.

Вместе с тем Посошкова нельзя рассматривать как вообще выразителя и защитника демократических принципов, идей. Предложенная им радикальная мера, имевшая безусловно прогрессивное значение, уживалась у него рядом с такими взглядами на народные массы, которые имели уже совершенно иное, прямо противоположное демократизму значение.

Посошков был ярким идеологом и защитником полицейского государства. Он хотел каждый шаг жизни человека полностью подчинить надзору феодально-абсолютистского государства. Стремление Посошкова регламентировать всю жизнь человека, всё установить царским указом, нормой — поистине безгранично. Крестьяне, по мнению Посошкова, должны находиться под постоянным контролем, надзором помещика. Он требовал от царя издания указа, обязывавшего помещиков строго следить за тем, чтобы их крестьяне всегда работали, не были бы в праздности.

Из всех общественных классов наибольшими симпатиями Посошкова пользуется купечество. Выразителем и защитником интересов этого класса, его идеологом прежде всего и выступает Посошков. Эта роль вполне соответствует и фактическому положению его в реальных общественных условиях России первой четверти XVIII в., когда были написаны произведения Посошкова.

Существование в России начала XVIII в. народного хозяйства, связываемого в единое целое национальным рынком, ведущая роль купечества в создании этой связи отдельных районов, областей дали возможность Посошкову подняться до понимания широких государственных задач и интересов всего народного хозяйства в рамках крепостнической системы.

Непосредственно выражая и ревностно оберегая интересы купечества, Посошков в то же время считает себя вправе и обязанным сказать своё мнение о других классах, выступать в роли как бы общественного арбитра в отношениях других классов и общественных групп между собой, между дворянством и крестьянством, между каждым из этих классов и государством, между духовенством и государством и т. д. Положение купечества в русском обществе, в экономике, роль его в развитии новых, буржуазных отношений создали Посошкову возможность в целом ряде вопросов защищать не только интересы представляемого им класса, но и национальные интересы России, обусловили прогрессивность позиции Посошкова во многих пунктах его политической и экономической программы.

При чтении произведений Посошкова ярко бросается в глаза его глубокий и действенный патриотизм. Постоянная забота Посошкова о благополучии родины, крайняя нетерпимость к тому, что ему казалось неправильным, постоянные поиски «правды» диктовались его глубокой преданностью своему народу. Его глубоко возмущало высокомерное, пренебрежительное отношение иностранцев в России к русским; он хотел отдать свои силы укреплению военной, хозяйственной, культурной, моральной мощи своего народа. Большой любовью к своему народу и верой в его великое будущее проникнуты «доношения» Посошкова и его трактаты.

* * *

Начатая Посошковым в конце 90-х годов XVII в. или в первые годы XVIII в. рукопись «Доношение о исправлении всех неисправ» показывает, что мысль о создании большой работы, в которой были бы рассмотрены важнейшие вопросы жизни России того времени, занимала его не менее двух десятков лет. «Книга о скудости и богатстве» является, таким образом, итогом длительного размышления автора над освещёнными в ней проблемами.

Цель написания «Книги о скудости и богатстве» указана самим автором. «Си есть изъявление, отчесого приключается напрасная скудость и отчесо бо гобзовитое богатство умножается», — гласит подзаголовок «Книги». Устранение скудости и умножение богатства в России — центральная тема «Книги» и её содержание. Но и эта громадная и чрезвычайно сложная тема не исчерпывает всего содержания «Книги» и всей задачи, поставленной автором. Уже из «Доношения о «Книге о скудости и богатстве»» видно, что автор поставил перед собой задачу изложить своё мнение царю о том, как истребить в стране неправду и неисправности, как насадить прямую правду, как «вдрузити любовь и безпечное житие народное»¹.

Поражает грандиозность задачи, поставленной автором, исключительная смелость его замысла. Посошков намеревался дать царю развёрнутый и вместе с тем конкретный план обновления России, превращения её в богатую, культурную, могучую державу. Он уверяет царя, что если будет осуществлено то, что предлагается в «Книге», то «... вся наша великая Россия обновитца как в духовности, тако и во гражданстве и не токмо одна царская сокровища наполнитца, но и вси жителие российсти обоготятца и прославятца. А аще и военное дело возобитца, то не токмо единою славою прославитца, но и страшны всем

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 8.

окрестным государствам будут»¹. Посошков надеется, что вместе с этим внутри страны исчезнут вражда и обиды, а высокочерные дворяне превратятся в кротких овец, будут любить простой народ. Казна наполнится с избытком, а весь народ обогатится².

Нам виден теперь утопизм замысла Посошкова, несоответствие поставленных задач со средствами, которыми он надеялся разрешить эти задачи. Посошков крепко стоял на почве существовавших тогда социальных отношений; он оставляет их неизменными и в изложенных в «Книге» проектах; поставленной им великой цели он хочет добиться, оставаясь в рамках дворянской, крепостнической России.

Структура «Книги» своеобразна. В ней девять глав: «О духовности», «О воинских делах», «О правосудии», «О купечестве», «О художестве», «О разбойниках», «О крестьянстве», «О земельных делах», «О царском интересе». Название глав «Книги» и последовательность их становятся понятными, если мы примем во внимание задачу, которую поставил перед собой Посошков. «Книга» является не только экономической работой. Она представляет собой своего рода энциклопедию недостатков России и практических указаний, рецептов к их устранению.

Собственно экономические главы «Книги» следуют в такой последовательности: торговля («О купечестве»), промышленность («О художестве»), сельское хозяйство (две главы — «О крестьянстве» и «О земельных делах») и финансы («О царском интересе»).

В «Книге» дана развёрнутая критика положения дел в стране и обоснованные предложения, что и как нужно сделать для улучшения этого положения. Критическая часть «Книги» представляет собой ценнейший материал. Ярко, со свойственным ему мастерством и страстью обличителя, Посошков нарисовал картину «неисправностей» России того времени. Эта сторона работы Посошкова независимо от другой, позитивной, а также фиксация фактов имеют теперь большое значение для правильного понимания реальных условий жизни России начала XVIII в.

В экономической части «Книги» Посошков дал широкое обоснование практических мер экономической политики. Вместе с тем в «Книге» имеются и чисто теоретические рассуждения по экономическим вопросам.

Корни экономических взглядов Посошкова следует искать в окружающей его реальной действительности, которую он воспринимал и оценивал в соответствии с общей своей концепцией и идеалами. Понятно, что на формирование концепции Посошкова не могли не оказать влияния те идеи, которые нашли своё

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 243.

² См. там же, стр. 8, 20.

воплощение в трудах и деятельности выдающихся экономистов XVII в., с которыми очевидной преемственной нитью была связана и кипучая реформаторская деятельность Петра I. Посошков не знал экономической литературы Запада, мало знал хозяйственную практику других стран, что значительно сужало его кругозор и придавало некоторым суждениям отсталый характер. Тем более очевидна огромная сила его самобытного ума в тех вопросах, где он является и оригинальным мыслителем и смелым реформатором.

Для формирования экономических взглядов Посошкова большую роль играла, несомненно, преобразовательная деятельность Петра I. Она направляла его пытлившую мысль, ставила массу новых вопросов, требовала определённого ответа. В этом смысле и в отношении самого понимания основных экономических вопросов Посошков должен быть признан воспитанником Петра. Но Посошков обладал слишком большим и самостоятельным умом, и рассматривать его как простого пересказчика взглядов Петра I было бы неправильно. Взгляды Посошкова вполне оригинальны и нередко противоположны взглядам Петра.

При Петре было много составителей разных проектов, в том числе и по экономическим вопросам (Фёдор Салтыков, Иван Филиппов, Лодыгин и др.). В оценке положения страны и в проектах реформ этих составителей имеется много общего с тем, что пишет Посошков. Подобное совпадение само по себе не говорит, однако, ни о влиянии указанных и других «проектёров» на Посошкова, ни о влиянии Посошкова на них. У Посошкова мы видим много экономических предложений, не встречающихся ни у кого из других составителей проектов петровского времени. Совпадение ряда предложений Посошкова и других «доносителей» говорит о жизненности, глубоком практическом смысле предложений Посошкова. И по широте замысла и по глубине трактовки поставленных в ней вопросов «Книга о скудости и богатстве» не может идти ни в какое сравнение с отрывочными, посвящёнными обычно небольшому кругу вопросов, другими проектами того периода по экономическим вопросам.

Посошков различает богатство вещественное и невещественное, но определения того, что такое богатство, он не даёт. Деление богатства на вещественное и невещественное является результатом религиозности Посошкова, идеалистического характера его мировоззрения. Подобная классификация богатства свойственна была, как известно, мыслителям средних веков. Под вещественным богатством Посошков разумеет богатство государства (казны) и богатство народа. Он пишет, что богатство народа — это «...еже бы весь народ по мерностям

своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствами...»¹.

Под невещественным богатством он разумеет «правду», т. е. хорошее управление страной, хорошие законы, правильный суд. Мы не можем, конечно, непосредственно отнести эти факторы к богатству, но бесспорно, что и хорошее управление и правильный суд являются весьма важными условиями роста действительного, материального богатства. Так их собственно и понимает Посошков. Он пишет о «правде» как необходимой предпосылке возможности устранения скудости и умножения богатства в стране: «...без истребления обидников и воров и разбойников и всяких разных явных и потаенных грабителей никоими мерами народу всесовершенно обогатится невозможно»².

Хотя Посошков принадлежал к имущему классу, но и ему нередко приходилось испытывать на себе произвол сановных чиновников, бездушный формализм судей и т. д. Рассуждения Посошкова о невещественном богатстве конкретизировались им в требовании реформы суда и управления, в его проекте порядка выработки законов, поэтому объективно имели прогрессивный характер и были направлены против царивших в стране произвола, казнокрадства, взяточничества.

Большой интерес представляют рассуждения Посошкова о соотношении богатства государственного (казны) и богатства народного: «...в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве будут люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому»³, — пишет он.

Посошков отличает, таким образом, государство, с одной стороны, и народное хозяйство — с другой, видит противоположность, противоречие их материальных интересов в России того времени и старается устранить это противоречие перенесением центра внимания государственной власти на развитие народного хозяйства. В принципе, следовательно, Посошков исходит из возможности устранения противоречия интересов феодально-абсолютистского государства, с одной стороны, и хозяйственных интересов дворянства, купечества и предпринимателей, крестьянства, ремесленников — с другой. Существующее противоречие, как можно понять, он считает результатом лишь неправильной политики государственной власти, заботящейся только об интересах казны в ущерб народному хозяйству. Это свидетельствует об исторически ограниченном понимании Посошковым природы и роли современного ему

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 13—14.

² Там же, стр. 15.

³ Там же, стр. 77.

Русского государства как якобы надклассовой организации, в которой примиряются интересы всех классов и групп. Посошков наивно верит в возможность богатства народа в условиях феодально-крепостнического строя.

Иллюзия, будто в обществе, основанном на эксплуатации одних людей другими, народ может стать богатым, широко разделялась тогда и экономистами Западной Европы. «Для XVIII века не было еще в такой степени ясно, как для XIX, что национальное богатство тождественно с народной бедностью»¹, — писал К. Маркс. В другом месте Маркс отмечал, что «Само понятие народного богатства проскальзывает у экономистов XVII века лишь в том виде, — это представление отчасти сохраняется и у экономистов XVIII века, — что богатство создается только для государства, но что мощь последнего зависит от этого богатства. Это была еще та бессознательно-лицемерная форма, в которой само богатство и производство последнего возвещались как цель современных государств и последние еще рассматривались лишь как средство для производства богатств»².

Тезис Посошкова, что богатая казна может быть только в государстве, где народ богат, был направлен на охрану интересов народа против фискальных увлечений правительства. Рост народного богатства выгоден и народу и государству — такова основная мысль Посошкова по этому вопросу.

До Посошкова мысль о соотношении богатства казны и богатства народа, о необходимости обратить внимание на развитие народного богатства высказывалась различными мыслителями Западной Европы, например, Монкретьеном, Буагильбером и др. Посошков пришёл к этой идее независимо от названных мыслителей. Рассуждения Посошкова о соотношении народного богатства и доходов государства и практическая направленность этих рассуждений характеризуют его как крупного и оригинального экономиста. Его рассуждения не потеряли своей остроты и значения и на всём протяжении истории феодально-дворянской и буржуазно-дворянской России.

Посошков предлагал провести ряд мер для устранения скудости в стране и для приумножения её богатства. Рассмотрим сначала общие меры, касающиеся хозяйства в целом.

В понимании роли государства в хозяйственной жизни Посошков твёрдо стоял на позиции полицейского государства с его принципами вмешательства, опеки, регламентации. Эти принципы у Посошкова не вызывали никаких сомнений. Его

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 729—730.

² К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 222.

предложения обычно оканчивались советом царю издать соответствующий указ. Он считал указы мощным орудием осуществления различных реформ.

Из общих мероприятий, предложенных Посошковым для уничтожения скудости и достижения изобильного богатства, наибольшее значение имеют два следующих его наставления:

1) заставить всех людей работать, причём работать прилежно и производительно, уничтожить праздность во всех её видах; 2) решительно бороться с непроизводительными затратами, осуществлять строжайшую экономию во всём; бороться с роскошью, с излишествами в жизни людей.

Посошков резко отрицательно относился к праздности людей. Он стремился заставить всех трудиться, устранить всякую бездеятельность, вольную или вынужденную праздность людей. По мысли Посошкова никто не имеет права жить без работы и даром есть хлеб. Всякий человек должен трудом производить нужное для своего существования и давать кроме того «прибыток».

Хотя Посошков прямо и не пишет, но из его рассуждений вытекает, что источником богатства следует считать труд, безотносительно к его физическим и социальным особенностям. У Посошкова нет свойственного представителям «классического» меркантилизма Западной Европы отождествления богатства с деньгами. Под богатством он разумеет вещественные, материальные блага и деньги.

Посошков довольно ясно устанавливает связь между ростом богатства, с одной стороны, и уровнем производительности труда — с другой. В качестве обязательного принципа он выставляет требование не только трудиться всем, но трудиться с «прибытком» — с излишком против того, что нужно для существования работающего, т. е., — если применить терминологию марксистской политической экономии, — производить прибавочный продукт. Судьи и подьячие должны заботиться о том, «...чтоб дней своих никакия люди даром не теряли и хлеба бы даром не ели. Бог не на то хлеб нам дал, чтоб нам ево яко червию съев, да в тлю претворить».

Но надобно, хлеб ядши, делать *прибытак* богу и царя своему и своей братье и себе, дабы не уподобитися непотребному червию, иже токмо в тлю вся претворяют, а ползы ни малыя людем кроме пакости не содевают»¹.

Из рассуждений Посошкова видно, что ему присуща определённая концепция производительного труда как труда, создающего продукт с «прибытком» сверх необходимого для существования работающего.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 107. (Курсив мой. — А. П.)

Требование Посошкова заставить всех работать объективно вытекало из трудностей, создавшихся тогда с обеспечением крупной промышленности рабочей силой и отсутствием источников её пополнения вследствие господствовавшего в стране крепостного строя, привязывавшего работника к земле. Это, как было сказано выше, толкало и Петра I на борьбу с нищенством, на использование труда заключённых, обучение монахов и монахинь промышленному труду.

В том же направлении идёт и мысль Посошкова. Для развития промышленных предприятий он предлагает предоставить каждому право забирать здоровых нищих на улице и отдавать их учить мастерству — прядению, ткачеству, отделке. Он советует строить за счёт казны специальные «дома мастерские», где эти «гуляки-тунеядцы» обязаны будут работать.

По мнению Посошкова, помещики должны следить за тем, чтобы крестьяне не ленились, а были бы всегда — летом и зимой, кроме воскресных и праздничных дней, — заняты работой, в сельском ли хозяйстве или на стороне по найму. Крестьян, которые будут «лежебочить», он считает нужным подвергать жестокому наказанию¹.

Таким образом, внеэкономическое принуждение является для Посошкова нормальной формой дисциплины труда. Вместе с тем Посошков придавал большое значение материальной заинтересованности людей в труде. Это видно, например, из его рассуждений о необходимости давать рабочим государственных предприятий более высокую плату, из его доказательств преимущества сдельной оплаты наёмного труда перед повременной, из его предложения определить законом размер обязанностей крепостного по отношению к помещику и др.

Вторым важнейшим общим условием устранения скудости и умножения богатства является, по рассуждению Посошкова, решительное устранение ненужных затрат, излишеств, роскоши как из государственной, общественной жизни, так и из частной жизни населения России. Требования бережливости во всём, экономного отношения к расходованию материальных благ и денег красной нитью проходят через всю «Книгу» Посошкова.

Так, например, исходя из общегосударственных, народно-хозяйственных интересов, Посошков решительно восстаёт против неразумного, хищнического отношения населения к естественным богатствам, против истребления молодого леса, молодой рыбы, сбора злёных орехов и т. д. Он излагает наиболее целесообразные, с его точки зрения, принципы эксплуатации

¹ См. И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 106—107, 146—147, 166.

природных богатств, которые вели бы не к их истреблению, а к умножению.

Посошков требует от чиновников и судей честного подхода к своим обязанностям, действительного соблюдения ими народнохозяйственных и государственных интересов, а не крохоборчества, не формальной заботы об интересах государства, лишь прикрывающей собственное стяжательство. Так, он возмущается формализмом и крохоборчеством судей, которые часто из-за копеечного дела отрывают крестьян от их прямой работы и мнимой защитой государственных интересов наносят большой вред народному хозяйству.

Неправильным считает он и крохоборчество управителей в оплате рабочих на государственных предприятиях — чрезвычайно низкую оплату труда их (5 копеек в день). «Они мнят тем учинить великому государю прибыль, что мастеровых людей не кормят, а они тем великой убыток делают. А и во всяких делах правители наши за кроху умирают, а где тысячи рублей пропадают, то ни во что поставляют, и неданием полного кормления у русских людей охоту и к мастерству прилежание тем пресекают и размножиться доброму художеству не допускают»¹.

Разумную экономию во всём Посошков считает важнейшей задачей. Он настойчиво подчёркивает громадное значение экономии и в мелочах, считая, что экономия в мелочах даёт в масштабе всей страны большие результаты. «Пчела муха весьма не велика и собирает она мед не карчагами, но самыми малыми крупицами, обаче множеством их собирают многия тысячи пуд. Тако и собиране богатства царственнаго: аще вси люди будут жить бережно и ничего напрасно тратить не будут, но всякие вещи будут от погибели хранить, то тое царство может весьма обогатиться»².

Посошков доказывает необходимость ввозить из-за границы только добротные товары, хотя бы они и были дороже. Он считает нужным запретить ввоз целого ряда товаров из-за границы, чтобы не выбрасывать денег из страны. «Немцы никогда нас не поучат на то, чтоб мы бережно жили и ничего б напрасно не тратили, толко то выхваляют, от чего бы пожиток какой им припал, а не нам»³. Экономно потреблять нужно не только привозные, но и произведённые внутри страны продукты. Он требует умеренности в питании, одежде и других предметах потребления.

Приведя вопиющие факты порчи собранных для государства вещей (меха и др.) из-за нерадения чиновников, Посошков

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 144.

² Там же, стр. 89—90.

³ Там же, стр. 127.

подчёркивает большое значение заботливого и умелого хранения: «Охранения доброй товарищ собранию, аще бо охранения где не будет, трудно тут собирателю собирати»¹.

Таковы взгляды Посошкова на общие условия и факторы устранения скудости и умножения богатства в стране. Как и в Западной Европе, в России проповедь Посошковым принципов экономии и бережливости обусловлена была объективными потребностями накопления в тот исторический период. Эти практические принципы нарождающейся буржуазии Посошков возвёл на высоту общенародных, общегосударственных задач.

Рассмотрим теперь экономическую программу Посошкова более конкретно, в применении к отдельным отраслям и сферам народного хозяйства.

О торговле и промышленности

Из всех видов хозяйственной деятельности наибольшее значение Посошков придаёт торговле, а из общественных классов (сословий) — купечеству. «...Торг дело великое!.. купечеством всякое царство богатитца, а без купечества никакое и малое государство быть не может»², — пишет он. «Купечество и воинству товарищ, воинство воюет, а купечество помогает и всякия потребности им уготовляет... Яко бо душа без тела не может быти, тако и воинство без купечества пребыть не может... Царство воинством расширяется, а купечеством украшается... Нет на свете такова чина, коему бы купецкой человек не потребен был»³.

Посошков хотел окружить купечество и торговлю большой заботой со стороны царя, чиновников, судей. Он недоволен существующим положением торгового класса в России; в других странах, пишет он «...вельми людей берегут, а наипаче купецких, и того ради у них купецкие люди и богати зело»⁴.

Посошков считает, что русскому купечеству надо предоставить «торг свободной», который, однако, понимается им своеобразно: под свободным торгом Посошков разумеет свободу русских купцов от конкуренции со стороны иностранных купцов — «иноземцев», с одной стороны, и всех других сословий и чинов в России — с другой. Ныне, возмущается он, торговлей занимаются все — бояре, дворяне, офицеры, солдаты, приказные, крестьяне, причём торгуют они беспошлинно, отчего происходит убыток купечеству и казне. Такое положение непра-

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 200.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 113.

⁴ Там же, стр. 77.

вильно. Всякий «чин» должен заниматься своим делом, «а в другой предел не вступати». Он требует запретить торговлю всем, кто не принадлежит к купечеству.

Вместе с тем Посошков не считает нужным ограничивать право вступления в купечество лиц из других сословий; условием для зачисления в купеческое звание является обязательный выход из прежнего звания и, как можно понять Посошкова, наличие определённого минимума денежных средств. Лица, не принадлежащие к купечеству и занимающиеся торговлей, должны подвергаться большому штрафу.

Запрещением всем другим лицам, кроме купцов, заниматься торговлей Посошков хочет устранить конкуренцию, обеспечить высокую прибыль купцам. Стремление Посошкова сделать купечество монополистом в торговле продиктовано было прежде всего узкими интересами купечества. О необходимости запретить дворянам и крестьянам заниматься торговлей писали Петру и другие составители проектов, например, Филиппов.

Из других мер, предлагавшихся Посошковым в отношении внутренней торговли, интересно его предложение об установлении одинаковой цены на товары, «...чтоб она какова в первой лавке, такова была и в последней»¹. «Уставленная цена» должна обеспечиваться строгой системой надзора за торговцами. Предложения Посошкова о мерах надзора за ценами и качеством товаров носят ярко выраженный бюрократический характер. От них веет глубокой стариной. Преследуя хорошую цель — искоренить обман, неправду в торговле, Посошков предлагал, однако, для этого меры, которые в случае осуществления явились бы большим тормозом для развития торговли, бюрократическим обручем, связывающим её. То, что имело известный смысл и оправдание в средневековых городах Западной Европы, не могло быть применено в условиях растущего торгового капитала России XVIII в. Как и в ряде других вопросов, Посошков явно переусердствовал здесь в стремлении всё регламентировать, над всем надзирать.

Следует отметить предложение Посошкова упорядочить обложение товаров внутренней пошлиной. Он доказывает нецелесообразность многократного обложения товара разными мелкими пошлинами. Вместо установленной Новоторговым уставом пошлины и существующих многих мелких сборов с товаров Посошков предложил оставить всего лишь один сбор, притом пониженный против суммы существовавших тогда сборов². Если бы эта мера была проведена в жизнь, она действительно способствовала бы развёртыванию внутренней торговли.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 120.

² См. там же, стр. 210.

Посошков резко выступает против казённой монополии в торговле солью, так как монопольная продажа соли привела к высокой цене на неё, отчего многие люди в деревнях ели без соли, болели цынгой и умирали. Соль должна быть передана в свободную торговлю, что будет полезно и народу, и торговцам, и казне¹. В «Книге» имеется много рассуждений о казённой торговле вином.

Большое внимание уделяет Посошков внешней торговле.

Он предлагает такую систему организации внешней торговли, которая, по его мнению, могла бы обеспечить русским купцам господствующее положение. Посошков рекомендует создание купеческих компаний с предоставлением им монопольного права вести торговлю с другими странами. Как раз в годы, когда Посошков писал свою «Книгу», Петром I был издан указ об учреждении компаний для торговли с заграницей, правда, оставшийся на бумаге.

Посошков считает, что продажу товаров иностранным купцам нужно производить с разрешения купеческого «камандира» и по цене, установленной компанией. Члены торговой компании участвуют в продаже товаров иностранцам в соответствии с их капиталами, «...поверстався по количеству товаров своих, чтоб ни богату, ни убогу обиды не было». Этот же принцип должен применяться и при покупке товаров у иностранцев; купленное нужно распределять в соответствии с количеством проданных купцом товаров.

Посошков считает необходимым вовлекать в компании не только богатых купцов, но и средних и маломощных. Он хочет устранить вражду между ними, добиться того, чтобы купцы «все друг другу помогали и до нищеты никого не допускали». Царская казна и ратуша должны давать купцам на торговые дела денежные средства за процент.

Посошков предложил следующий принцип торговой политики компаний: пользуясь своим монопольным положением, диктовать иностранным купцам цены и другие условия продажи русских товаров и покупки у них товаров для России. Цену продаваемых русских товаров устанавливают компании по своему усмотрению: «И по чему какому товару цену с общаго совета наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возмут»². Если же иностранные купцы не захотят купить товар по этой цене, тогда не продавать им отечественные товары и не покупать товары, привезённые ими в Россию. Если иностранные купцы приедут в следующее лето, то за их упрямство нужно увеличить цену русских товаров, чтобы «купечеству слично было и денги бы в том товаре даром не прогуляли». Если они приедут за това-

¹ См. И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 212—213.

² Там же, стр. 121.

рами только через два года, надбавку к цене нужно удвоить, если через три года — утроить и т. д.

Посошков уверен, что как только иностранные купцы узнают о намерении русского купечества повышать цены, они оставят своё упрямство и будут покупать ежегодно, потому что Россия без их товаров может обойтись, они же без русских товаров «и десяти лет прожить не могут». «Нам о том велми крепко надобно стоять, чтобы прежнюю их пыху (гордость. — А. П.) в конец нам сломить и привести бы их во смирение и чтобы они за нами гонялись»¹.

Исследователи отмечают обычно лишь грубость предложенных Посошковым практических мер борьбы с иностранным купечеством. Однако следует иметь в виду, что самый принцип торговой войны с другими странами, лежавший в основе этих предложений, отнюдь не является свидетельством отсталости его взглядов. Принцип этот широко применялся тогда в практике торговых отношений и пропагандировался меркантилистами. Иные воззрения на торговлю, связанные с именами В. Петти, Норса и других провозвестников свободной торговли, оставались лишь добрыми пожеланиями, а практика международной торговли строилась на принципе монополии и эксплуатации слабых в экономическом отношении стран торговой буржуазией более развитых стран. Эта практика имела место и по отношению к России рассматриваемого времени. Только способы, которыми она проводилась, были тоньше и хитрее, чем те, которые придумал Посошков.

Посошков заботился о сохранении и приумножении денег в стране. Он считал необходимым ввозить из-за границы только то, что не производится в России и без чего обойтись совершенно невозможно. Он был решительно против ввоза из-за границы вин, стеклянной посуды, предметов роскоши, объявляя ввоз их ненужной затратой денег. Чтобы освободиться от ввоза этих предметов и тем сохранить деньги в стране, Посошков рекомендовал создавать соответствующую промышленность в России.

Хотя у Посошкова и нет прямых рассуждений о торговом балансе, но из всех его суждений о внешней торговле и промышленности следует, что фактически он исходил из концепции торгового баланса: меньше ввозить, больше вывозить. Вместе с тем он считал необходимым запретить вывоз серебряных и медных денег за границу. Он полагал, что можно разрешить вывоз только червонцев, поскольку последние не обращались в России как деньги. Высказываясь за запрещение вывоза серебряных и медных денег за границу, Посошков в данном вопросе шёл в одном направлении с политикой Петра I.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 137.

* * *

Посошков разделял мысль Петра I о необходимости развивать отечественную крупную промышленность.

Содействуя развитию крупной промышленности в России, Пётр руководствовался необходимостью создания отечественной военной промышленности, замены импорта промышленных товаров внутренним производством, удовлетворения спроса населения и вывоза промышленных товаров за границу. У Посошкова в этом вопросе наблюдается более резко выраженный меркантилистский подход. Насажение крупной промышленности он рассматривает главным образом как средство сохранения и приумножения денег в стране; он рекомендует развивать отечественную промышленность для того, чтобы избавиться от затрат денег на покупку иностранных товаров и чтобы вывозить товары за границу.

Посошков решительно высказывается за то, чтобы вывозить из России не сырьё, а готовый продукт. Он возмущается тем, что в Россию привозятся из других стран полотна, сделанные из купленного у нас же сырья: «...чем им лен да пенку продавать, лутче нам продавать им готовые полотна парусные и канаты и камордки и рубки и миткали, и брать у них за те полотна яфимки и иные потребные нам вещи»¹.

Этот принцип рекомендуется Посошковым как общий: «Сие бо велми нужно, еже кои материалы, где родятся, тамо бы они и в дело происходили»². От этого товары станут дешевле, а русские люди будут обогащаться. Он считает, что стеклянной посуды можно производить у себя так много, что не только будут удовлетворены потребности своей страны, но и покроется спрос всей Европы. Точно так же «...мочно нам на всю Еуропу полотен наготовить...». Табака можно производить у себя столько, чтобы можно было его вывозить. И вообще «...чем им от наших материалов богатитися, то лучши нам, россианом, от своих вещей питатися и богатитися»³.

Посошков советует не смущаться тем, что в первое время русские товары будут дороже заграничных и дело сразу не станет прибыльным; как только русские люди научатся этому делу, оно окупится вполне.

Посошков рекомендует Петру I «ради царственного обогащения» строить промышленные предприятия на средства казны «в тех городех, где хлеб и харчь дешевле» и отдавать их на оброк, «чтобы люди богатились, а и царская казна множилась»⁴.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 147.

² Там же, стр. 146.

³ Там же, стр. 148.

⁴ Там же.

Он советует оказывать купцам финансовую помощь для постройки заводов, предоставлять купцам из ратуши ссуды за невысокий процент.

Посошков ставил и вопрос об источнике рабочей силы для промышленных предприятий. Считая, что крепостные крестьяне должны зимой работать на предприятиях, он рекомендует обучать крестьянских детей ткацкому и другим видам ремесла. Как уже говорилось, он советовал задерживать здоровых нищих, обучать их мастерству и заставлять работать, отдав их в вечное владение хозяевам предприятий. Таким образом, его постановка вопроса о рабочей силе для промышленности имеет ярко выраженный крепостнический характер. Посошков обошёл вопрос о применении наёмного труда в промышленности, вопрос, который, как мы видели, интересовал Петра I.

Много внимания уделяет Посошков вопросу о подготовке обученных рабочих. Он рекомендует приглашать хороших мастеров из-за границы для того, чтобы они учили русских людей мастерству. Большое значение придаёт он хорошей оплате труда мастеровых. Посошков возмущён неправильным отношением «российских правителей» к трудящимся людям. Правители, пишет он, «рускаго человека ни во что ставят, и накормить его не хотят, чтобы он доволен был без нужды». Здесь имеется в виду тяжёлое положение рабочих казённых заводов.

Интересны рассуждения Посошкова о сдельной форме оплаты труда. Он отдаёт ей решительное предпочтение перед повременной оплатой. Посошков предлагает применявшуюся тогда обязательную трёхмесячную работу крестьян в Петербурге и в других местах перевести на урочную систему. Ныне, пишет он, «смотреть на ту их работу моркотно, потому что гонят день к вечеру, а не работу к отъделке»¹. После выполнения урока хотя бы в один месяц крестьяне должны считаться выполнившими свою повинность. Посошков советует применять урочную систему и на казённых предприятиях: «...надобно также учинить, чтобы всякая работа давать им уроками ж.

А месячное им жалованье надлежит отъставить и давать по заделию коегождо их, то всякия дела скорее будут делаться»².

В числе других мер, направленных к развитию промышленности, Посошков предлагал организовать поощрение и охрану изобретательства. Он рекомендует по примеру других стран «...гражданской устав учинить, чтобы за вымысл новаго какова мастерства или промысла отнюд иным не попускать вступать, дондеже жив тот вымысленик»³, т. е. издать закон о патентах.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 206.

² Там же, стр. 207.

³ Там же, стр. 140.

Из европейских стран к тому времени закон о патентах издан был только в Англии и Франции.

Большое внимание уделял Посошков вопросу об отыскании натуральных красок и других материалов, полезных для промышленности. Для обнаружения полезных вещей Посошков советует поощрять розыски хорошей платой и приглашать знающих это дело иностранцев. Сам Посошков во время поездок по России отыскал серу, нефть, охру.

В рассуждениях Посошкова о промышленности видное место занимает вопрос о ремесле. Он рекомендует создать в России цеховую организацию ремесла по примеру других стран. Все недостатки ремесла в России он объясняет именно отсутствием контроля, надзора правительства за этим делом и предлагает систему мер, направленных на улучшение ремесленного производства в стране.

Наибольшее значение Посошков придаёт упорядочению дела ученичества и организации строгого контроля за качеством продукции. Главную причину успехов ремесла на Западе Посошков видит в хорошей постановке ученичества. Он рекомендует установить твёрдый срок ученичества, до окончания которого категорически, под угрозой отдачи в солдаты, запретить ученикам уходить от мастера. Он предлагает над каждым мастером учредить надзирателей, а над всеми ими главного правителя, который и следил бы за всеми мастерами и надзирателями.

Для обеспечения высокого качества ремесленной продукции Посошков предлагает ввести обязательное клеймение продукции мастерами и надзирателями, а за продажу недоброкачественной вещи подвергать высокому штрафу мастера, надзирателя и купца, продавшего такой товар.

Созданием цеховой организации ремесла Посошков надеялся поднять качество ремесленной продукции, с одной стороны, и уменьшить конкуренцию между ремесленниками — с другой. Как можно понять из его рассуждений, он был сторонником запрещения ремесленникам, не входившим в организацию, заниматься ремеслом.

Организация цехового строя, по мысли Посошкова, даст возможность русским ремесленникам не только догнать, но и перегнать иностранных мастеров. «И аще мастеровым людям без свидетельства и без гражданского управления не повелено будет своевольно делать, то все художники добрые обогатятся и прославятся яко же иноземцы. Иноземцы такие же люди, что и мы, да они гражданским уставом тверды и в мастерстве добры, а егда и у нас гражданской устав будет тверд, то могут наши художники и превышшити их»¹.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 143.

Как раз в годы, когда Посошков писал свою «Книгу», Пётр I принимал меры к созданию цеховой организации ремесла. Рассуждения Посошкова показывают, что мысль о создании цехов, как средстве улучшения ремесленного производства в России, принадлежала не одному Петру.

Таковы взгляды Посошкова по вопросам торговли и промышленности. В основных чертах они идут в том же направлении, в каком шла политика Петра, в направлении насаждения крупной промышленности, развития ремесла и торговли. Но круг вопросов, интересовавших Петра, с одной стороны, и Посошкова — с другой, не совпадает. Пётр поставил ряд вопросов, которые остались вне интересов Посошкова, например соотношение монополии и конкуренции в промышленности, покупка крестьян купечеством как способ решения проблемы источника рабочей силы для промышленности и т. д. С другой стороны, Посошков поставил вопросы, которые у Петра вовсе отсутствовали, например о преимуществе сдельной оплаты труда перед повременной, об охране изобретательства и др.

Высказывания Посошкова о торговле и промышленности дают основание для того, чтобы отнести его к меркантилистическому направлению экономической мысли и политики. Он доказывает необходимость развития торговли и промышленности методами государственной опеки и государственного регулирования. Меркантилистический характер имеют его рассуждения о значении купечества и торговли, о создании компаний для внешней торговли, о сокращении ввоза товаров, о недопустимости вывоза сырого продукта из страны, о необходимости развития отечественной промышленности в России для вывоза товаров и т. д.

Подобные мысли высказывали меркантилисты Западной Европы раньше Посошкова: Стаффорд, Ралей — в Англии, Кольбер — во Франции, Питер де ла Кур — в Голландии и т. д. Но это обстоятельство ни в какой мере не умаляет оригинальности Посошкова и значения его программы. Дело не столько даже в том, что свои мысли он развивал без всякого влияния со стороны западноевропейских меркантилистов, а в том прежде всего, что он высказал определённые теоретические положения и развил определённую программу применительно к интересам своей родины. В этой конкретной постановке вопросов экономического развития России и заключается большая заслуга Посошкова.

Отношение Посошкова к крепостному праву

Мы видели, что Пётр I большое внимание обращал на создание и развитие новых отраслей сельского хозяйства, главным образом связанных с промышленностью. У Посошкова нет

конкретных предложений подобного рода, кроме разве совета разводить табак в России с целью освобождения от ввоза его и создания возможности вывоза табака за границу. Это предложение не было, однако, новостью для Петра, который размножению табаководства в России придавал большое значение. Говоря об огромных возможностях развития табаководства в России, Посошков конкретно наметил и географию будущего табаководства.

Посошков уделял значительное внимание вопросам рационального ведения лесного и рыбного хозяйства. Он даёт подробные наставления к охране существующих лесов и насаждению новых, к охране и приумножению рыбных богатств в России. В литературе отмечалось, что мысли Посошкова о лесном и рыбном хозяйстве во многом сходны с теми выводами, к которым пришли науки об этих областях народного хозяйства и которые были сделаны лишь много позже времени Посошкова ¹.

Но если вопросы развития производительных сил в области сельского хозяйства занимают в работе Посошкова сравнительно малое место, то вопросу о взаимоотношении помещиков и крестьян он уделяет огромное внимание.

От большинства предшествовавших и современных ему экономистов Западной Европы Посошков выгодно отличается большим вниманием к положению крестьянской массы.

Вопросы сельского хозяйства и отношения между помещиками и крестьянами рассматриваются в двух главах «Книги» — «О крестьянстве» и «О земельных делах». В первой из них речь идёт о крестьянском хозяйстве, во второй — о хозяйстве помещичьем, но строгого разграничения содержания между этими главами нет. Помещичье крепостническое хозяйство и хозяйство крестьянское были тесно связаны одно с другим. Поэтому и рассмотрение их у Посошкова тесно переплетается.

Посошкова больше интересует крестьянское хозяйство. Ему он уделяет главное внимание в своих рассуждениях о сельском хозяйстве. Об устранении «скудости» дворян, как и обогащении их, в «Книге» нет ни слова, хотя ряд предложенных Посошковым мер по борьбе с бегством крепостных крестьян, о межевании земли и др. имеет в виду защиту и дворянских интересов.

«Книга» Посошкова воссоздаёт яркую картину весьма тяжёлого положения крестьянства в эпоху Петра I. Она является ценнейшим историческим документом, написанным умным и настроенным в общем благожелательно к крестьянству живым свидетелем той эпохи. Посошков показывает нищету крестьян, часто не имеющих возможности купить себе даже соли и умирающих от цынги, крестьян, придавленных тяжёлым гнётом повин-

¹ См. А. Брикнер, Иван Посошков, ч. 1, Спб. 1876, стр. 131, 147—151.

ностей помещику и государству, тёмных крестьян, безграмотностью которых широко пользуются чиновники для личных выгод. В правдивом показе бедственного положения крестьян России у Посошкова есть некоторое сходство с такими же картинами «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, но классовые позиции и выводы авторов совершенно различны.

Посошков неоднократно характеризует состояние крестьянства в России как «скудостное». Он настойчиво стремится понять причины этой скудости, найти пути к их устранению. Как и в других областях экономики, его программа по крестьянскому вопросу отличается широтой замысла, смелостью и вместе с тем двойственностью: явно выраженные крепостнические взгляды переплетаются с рядом безусловно прогрессивных, передовых для того времени требований.

Крепостное право, как таковое, Посошков не подвергает ни оправданию, ни критике. Предложения автора «Книги» касаются лишь практики осуществления крепостного права, отношения дворян и крепостных. Его советы возложить на помещиков несусыпный надзор за крестьянами в целях борьбы с «леностью» последних, советы о мерах борьбы с бегством крестьян от помещиков и о введении паспортной системы надзора за крестьянами были направлены на ещё большее закабаление крестьянства. А его предложения определить законом размер крестьянских повинностей помещику, сделать эти повинности посильными для крестьян, установить обязательное обучение крестьянских детей грамоте были весьма радикальны и для того времени прогрессивны.

Это видно уже из понимания Посошковым причин скудости крестьянской жизни. «Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо от своая их лености, а потом от неразсмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их»¹, — так начинает Посошков главу «О кресьянстве».

Крестьянин никогда не оскудеет, если поборы царские собирать с него по количеству земли, которую крестьянин пашет на себя, если собирать эти поборы в удобное для крестьян время, если помещики работу и подать будут налагать на крестьян по наделу земли и излишней работы и податей с него не будут требовать, если помещики будут смотреть за своими крестьянами, чтобы они всегда были в работе и кроме недельных и праздничных дней не гуляли. Такова в самых общих чертах программа Посошкова в крестьянском вопросе.

Одной из коренных причин бедности крестьянства Посошков считает леность крестьян. Обвинение крестьян в «лености» являлось обычным у всех идеологов господствующего класса —

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 166.

дворянства, что оказывало влияние и на идеологию других сословий. Мысль о том, что подневольный труд не может интересовать работника, не может быть производительным, медленно проникала в сознание идеологов, пока, наконец, не получила своего ясного выражения.

Хотя у Посошкова нет ещё прямых рассуждений о связи «лености» с общественной формой крестьянского труда, всё же вопрос о «лености» крестьян ставится им иначе, чем дворянскими идеологами. Вопрос о «лености» крестьян рассматривается им в плоскости забот о самих крестьянах, их благосостоянии. Посошков одновременно предлагает радикальное средство защиты интересов крепостных крестьян: ограничение законом их повинностей по отношению к помещикам. В отличие от идеологов дворянства Посошков не считает «леность» крестьян ни единственной, ни главной причиной скудости крестьянской жизни.

В ряду причин скудости крестьянства огромное, пожалуй, самое важное значение Посошков придаёт произволу помещиков над крестьянами. Он рисует яркую картину безжалостной эксплуатации, полного разорения крестьян помещиками. «...Помещики, — пишет он, — на крестьян своих налагают бремена неудобноносимая, ибо есть такие безчеловечные дворяня, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что съработать. И тако пахатную и сенокосную пору всю и потеряют у них, или что наложено на коих крестьян оброку или столовых запасов и, то положение забрав, и еще требуют с них излишняго побору. И тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют, и которой крестьянин станет мало посытее быть, то на него и подати прибавит. И за токим их порядком никогда крестьянин у такова помещика обогатится не может, и многие дворяне говорят: «Крестьянину де не давай обърости, но стриги ево яко овцу до гола». И тако творя, царство пустошат, понеже так их обируют, что у иного и козы не оставляют, и от таковые нужды дома свои оставляют и бегут иные в понизовые места, иные ж во украинные, а иные и в зарубежные...»¹.

Посошков доказывает царю, что тот должен взять под свою защиту крестьянство, оградить его от произвола помещиков, причём даёт весьма любопытное объяснение жестокости помещиков: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержиц, они владеют временно.

И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 177.

были прямыми, а не нищими, понеже крестьяниньское богатство — богатство царственное»¹.

Мысль о временности прав помещиков на крестьян высказывается Посошковым не раз. В той же главе («О кресьянстве») он пишет: «По моему мнению, царю паче помещиков надлежит крестьянство беретчи, понеже помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые и крестьянское богатство — богатство царственное, а нищета крестьянская оскудение царственное. И того ради царю яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто во убожество не въходил, но вси бы по своей мерности изобилны были»².

Он ставит в один ряд купечество и крестьянство, противопоставляя их дворянству, и требует от царя такого же внимания к этим сословиям (классам) и заботы о них, какие царь оказывает «великородным» — дворянству.

В главе «О царском интересе» Посошков также пишет о временном характере помещичьего владения землёй. Считая, что винная торговля должна составлять монополию государства, Посошков возмущается тем, что дворяне часто нарушают эту монополию. Дворяне, пишет он, забыли, «...что самую истинную земля, коя и под ним самим, не ево, но великаго государя, а и сам он не свой, но его ж величества, а страха на себе ни малого не имеют. И такое препятие чинитца в мелких помещиках, а о сильных лицах и спрашивать нечего. Те и ногою ступить на ту землю, коя под его временным владением, с питьем государевым не пускают»³.

Посошков считает, что помещики за землю должны платить государству.

Рассуждения Посошкова о временности права помещика на крестьян вызвали, естественно, большой интерес у исследователей и вместе с тем большой разницей в понимании того, что собственно хотел этим сказать автор «Книги о скудости и богатстве». Некоторые понимают слова Посошкова как предвидение им освобождения крестьянства. Так, например, Романович-Славатинский писал, что Посошков как бы прозревал будущее освобождение крестьян⁴. Семевский считал, что Посошков предвидел возможность освобождения крестьянства в будущем, но для своего времени ограничивался требованием определить размер поборов и повинностей в пользу помещика⁵.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 178.

² Там же, стр. 182—183.

³ Там же, стр. 221—222.

⁴ См. А. Романович-Славатинский, Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права, Киев 1912, стр. 330. Первое издание этой книги вышло в 1870 г.

⁵ См. В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, Спб. 1888, стр. 5—7.

Павлов-Сильванский в словах Посошкова о временности прав помещика на крестьян видел «речь о возможности освобождения крестьян»¹. Так же трактует слова Посошкова и Ключевский².

Другие — Карнович³, Царевский⁴, Ключков⁵ — утверждали, наоборот, что Посошков не имел при этом в виду возможности освобождения крестьян в будущем. В советской литературе эту точку зрения защищает Б. Б. Кафенгауз⁶.

Правильной, на наш взгляд, является вторая точка зрения. Для утверждения, что Посошков предвидел возможность освобождения крестьян в будущем, в его работах нет никаких оснований.

Как и во всех других социально-политических вопросах, рассматриваемых Посошковым, позиция его в крестьянском вопросе противоречива. Но в этой противоречивости преобладают определённые мотивы; в постоянной борьбе помещика и крепостного крестьянина за раздел продукции, производимой крестьянством, симпатии Посошкова явно на стороне крестьянства. Он защищает интересы крестьянства против необузданного произвола помещиков.

Отношение Посошкова к крепостному праву может быть правильно понято и оценено не по тому, предвидел ли он или не предвидел освобождение крестьянства. Важнее практическая позиция Посошкова в современных ему жгучих вопросах крестьянской жизни.

Для понимания принципиального отношения Посошкова к крепостному праву существенно, что право помещика на крестьян и на землю он связывает с обязанностью помещика служить своему государству. В понимании Посошкова право это не есть священное, безусловное, неотъемлемое, а условное, временное, вытекающее из обязанностей помещиков службой государству. В этом заключается реальный смысл рассужде-

¹ Н. П. Павлов-Сильванский, Очерки по русской истории XVIII—XIX вв., Соч., т. II, Спб. 1910, стр. 69.

² См. В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. IV, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 106.

³ См. Е. Карнович, Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII века, «Современник» № 10, 1858 г., разд. 4, стр. 42.

⁴ См. А. Царевский, Посошков и его сочинения. Обзор сочинений Посошкова со стороны их религиозного характера и историко-литературного значения, М. 1883.

⁵ См. М. В. Ключков, Посошков о крестьянах, — в книге «Великая реформа 19 февраля 1861 г.», т. 1, изд. Сытина, М. 1911, стр. 72.

⁶ См. его вступительную статью к изданию «Книги» Посошкова (1937 г.) и статью в журнале «Проблемы экономики» № 2, 1936 г., стр. 155, а также его книгу «И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность», гл. VII, М. 1951.

ний Посошкова о временном характере прав помещика на крестьян и на землю.

За мало существенным спором о том, «предвидел» или «не предвидел» Посошков возможность освобождения крестьян в будущем, историки нередко упускают реальное значение мер, предлагавшихся Посошковым для улучшения положения крестьянства в то время и для перспектив его положения в будущем. Говоря о временности прав помещика на землю и на крестьян, Посошков добивался весьма реального и значительного: 1) чтобы дворяне честно служили государству; 2) чтобы они платили государству за земли, ими занимаемые; 3) чтобы эксплуатация ими крестьян была ограничена.

Он обличал тех дворян, которые разными уловками уклонялись от службы государству. У дворян, пишет Посошков, которые «...пролазом добьютца начальства...» или пожалованы будут «...в судьи иль в камисары или и во иное какое правление, или кто и без начальства в доме своем живет и крестьянами владеет, а великому государю никаковые службы не показал, то у таковых бы людей отнимать и отдавать тем, кои его царскому величеству служат»¹.

Посошков предложил ограничить право помещиков на труд и на продукт труда крепостных крестьян. Он советует царю «...помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать и по колику дней в неделе на помещика своего работать и иного какого изделья делать, чтобы им сносно было государеву подать и помещику заплатить и себя прокормить без нужды»².

Размер повинностей, по мысли Посошкова, должен быть установлен созванным специально для этой цели съездом дворян и утверждён царём. Участия крестьян в определении этих повинностей Посошков не предусматривал, но он подчёркивал, что размер повинностей нужно установить такой, «чтобы крестьянству было не тягостно». Следует строго запретить помещикам требовать от крестьян сверх того, что будет определено царским указом, а наблюдение за выполнением указа возложить на суды. Более того, Посошков предлагал давать волю и деньги (50 руб.) тому крестьянину, который донесёт суду, что помещик берёт с него излишнее, а если крестьянин не донесёт об этом суду, наказывать его кнутом. У помещика, требующего со своих крестьян больше, чем положено указом, отбирать и крестьян и землю. «...На то смотря, и самой ядовитой помещик сократит себя, и крестьян разорять не станет»³.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 98.

² Там же, стр. 178.

³ Там же, стр. 183.

Размер крестьянских повинностей помещику Посошков предложил установить в соответствии с количеством земли и посевов. Чем больше земли обрабатывает для себя крестьянин, тем больше должны быть и повинности крестьян. В качестве единицы для исчисления повинностей помещику он предлагает принять «целый двор» как определённое количество земли и посева, а именно: столько земли, чтобы крестьянин мог каждый год высеивать 4 четверти ржи, 8 четвертей ярового, т. е. всего 6 десятин пашни, покос сена в 20 копен и 600—720 квадратных сажен усадебной земли. Крестьянин может иметь целый двор, полдвора, четверть, восьмую долю двора и, наоборот, больше одного двора. В соответствии с количеством земли и посева он должен выполнять помещику соответствующий объём повинностей.

Посошков не предлагает обязательной нормы наделения крестьян землёй. Он настаивает лишь на том, чтобы повинности крестьян строго соответствовали размерам земли, обрабатываемой ими на себя. Размер надела должен устанавливаться по воле помещика и с согласия крестьянина. Этот же принцип — соответствие количеству земли и посева — Посошков считал необходимым применять и для определения размера повинностей крестьян государству.

Посошков советует значительно понизить размер податей, взимаемых с крестьян, и обложить податью дворянские земли. В связи с этим он рекомендует Петру весьма важную меру: крестьянскую землю вовсе отделить от помещичьей, с тем чтобы и не считать её за помещиками. «...С тоя земли, коя отделена будет к крестьянским дворам, с тое земли будет платить крестьяня по дворовому своему окладу... и того ради *та земля за помещиками и числить не надлежит*»¹.

Предложение отделить крестьянскую землю от помещичьей, с тем чтобы даже не «числить» её за помещиками, представляет собой практический вывод из признания того, что собственником земли является царь, т. е. государство, а не помещики. Проведение в жизнь этого предложения фактически означало бы превращение крестьян только в лично обязанных. Считая землю собственностью государства, Посошков признавал за крестьянами такое же право на владение государственной землёй, как и за помещиками, и даже большее, поскольку крестьянское землевладение он не рассматривает как временное. Он признавал право (временное) помещиков на землю, которая «под ними», и на крестьян, но совершенно отвергал право помещика на землю, обрабатываемую крестьянами для самих себя.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 193. (Курсив мой. — А. П.)

Знаменательно, что Посошков, считавший необходимым возложить на помещиков обязанность надзора за тем, чтобы крестьяне не «лежбочили», ни слова не говорит об ответственности помещиков за уплату податей их крепостными крестьянами. По его проекту выходит, что крестьяне должны непосредственно платить государству подати за свою землю, а помещики — за свою, «временно» предоставленную им царём под условием несения военной и государственной службы. Посошков предлагал по существу свести отношения крестьян и помещиков в России к такой неполной форме крепостной зависимости, которая существовала в некоторых странах Западной Европы. Осуществление требования Посошкова привело бы к тому, что крестьяне потом не были бы вынуждены выкупать у помещиков свою же землю.

Рассматривая вопрос в исторической перспективе, нельзя не признать смелости и оригинальности программы Посошкова в крестьянском вопросе. Из всех современников Петра I Посошков был единственным человеком, выступившим против неограниченного произвола помещиков.

К числу мер по улучшению положения крестьян относится и предложение Посошкова обучать крестьянских детей грамоте, не останавливаясь даже перед принудительными мерами (штраф с родителей, не посылающих детей учиться). Характерно, что необходимость обучения крестьянских детей грамоте Посошков обосновывает интересами крестьянства: имея дело с грамотными крестьянами, царские чиновники будут ограничены в возможности проявлять свой произвол в деревне¹.

Для характеристики взглядов Посошкова на крестьянский вопрос существенное значение имеет и отношение его к побегам крестьян. Посошков пространно рассуждает об этом.

Причину массового бегства крестьян от помещиков Посошков справедливо видел в безмерно тяжёлом положении крепостных крестьян, в беспощадном разорении их алчными помещиками. Иначе говоря, главную вину за побеги он возлагал на самих помещиков.

Следует отметить, что необходимость борьбы с бегством крестьян Посошков мотивирует не столько интересами помещичьего класса (о нём он почти не говорит), сколько интересами государства (устойчивость податного населения) и купеческого класса. Предлагая свой план борьбы с побегами, он считает, что с проведением его «...одним годом вся пустота во всех деревнях наполнитца, и чаю, что иные и порожкия пустоши будут населять. И егда пустота вся наполнитца людьми, то и интерес

¹ См. И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 171—172.

царского величества умножитца, и егда жилее будет земля, то и купеческие промыслы разширятца»¹.

В числе других мер, предлагавшихся Посошковым для устранения скудости крестьянства и умножения его богатства, большое место занимают его соображения о борьбе с пожарами в деревне, а также обоснование необходимости генерального межевания всех земель, чтобы устранить причину постоянных споров, смут, а часто и убийств из-за межи.

При межевании, по мысли Посошкова, должен быть фиксирован характер земли для различного обложения податью участков разного назначения — пашен, сенокосов, огородов, садов и т. д. Таким образом, он развивает идею земельного кадастра. Попытка общего межевания земель делалась ещё в 80-х годах XVII в., но безуспешно. При Петре I на необходимость общего межевания указывал Фёдор Салтыков (в 1713 г.), но генеральное межевание было проведено в России лишь к концу XVIII в. (по 23 губерниям) и в первой половине XIX в. (ещё по 12 губерниям).

В главе «О правосудии» Посошков предлагает ряд административных мероприятий, направленных на борьбу с бегством крестьян. Но, как мы видели, Посошков не ограничивается только административными мерами.

Посошков не выступал против основ крепостного права как системы. Он не был идеологом угнетённого крестьянства. Однако предлагаемые им меры значительно ослабили бы помещичий гнёт и налоговый пресс государства.

В эпоху Петра растущий класс купечества, требуя от царя заботы и внимания к себе, отнюдь не покушаясь на основы политического и экономического господства дворянства, вместе с тем хотел урезать права и силу этого класса, соответственно усилив себя.

Программа Посошкова в крестьянском вопросе для своего времени была прогрессивной.

В своей работе «История русской общественной мысли» Плеханов не дал правильной оценки прогрессивного требования Посошкова об ограничении размера крестьянских повинностей. Он ошибочно отождествляет это требование с «заботливостью» московских царей о крестьянах, выражавшейся в том, что в жалованных грамотах, выдававшихся боярам и дворянам, московские цари, руководствуясь интересами казны, указывали на то, чтобы бояре не разоряли своих крестьян².

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 103—104.

² См. Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 111—112.

О финансах

Финансовые мероприятия государства остро задевали интересы населения, особенно трудящихся масс. Естественно, что Посошков, живо реагиовавший на злободневные вопросы, уделяет вопросу о деньгах, финансах государства огромное внимание.

В «Книге» Посошкова имеются пространные рассуждения о ценности денег. Посошков считает, что в России царь может по своему усмотрению устанавливать покупательную силу монет, независимо от их металлического содержания. В западноевропейских же странах, где нет самодержавной власти, покупательная сила денег зависит от веса содержащегося в них металла. В России, — пишет он, — медные деньги нужно делать «...не по-иноземчески, по цене меди, но по изволению его императорского величества ...Мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, того ради, нам не медь дорога, но дорого его царское имянование, того ради мы не вес в них числим, но исчисляем начертание на ней»¹. И далее: «...у нас не вес имеет силу, но царская воля. У иноземцов короли власти таковыя не имеют, яко народ, и того ради короли их не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданыя их, а паче купецкие люди. И тии купцы по купечеству своему товар в денгах числят, а королевскую персону полагают на них вместо свидетеля, что та цата имеет в себе толико товару, за что она идет.

И по нашему простому разумению, то стало быть королю безчестие, а не честь, что не по имени его денги в себе силу имеют, но по купеческой цене»².

Не нужно слушать советов иностранцев — добавлять серебро в медные деньги для того, чтобы монета «стоила материалом своим того, за коликое ей ходить. И мне ся мнит, тот их совет вельми нам непристоен, понеже у нас самый властителный ...монарх, а не ористократ ниже димократ. И того ради мы не серебро почитаем, ниже медь ценим, но нам честно и сильно имянование его императорского величества.

У нас толь сильно его пресветлаго величества слово, аще б повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно»³.

Приведённые положения показывают, что понимание Посошковым вопроса об источнике ценности денег находится в прямой связи с его воззрениями на характер государственной власти и на экономическую роль государства.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 238.

² Там же, стр. 239.

³ Там же.

В стране, где имеет место самодержавие, ценность денег устанавливается государственной властью. В вопросе о ценности денег в России Посошков является ярко выраженным номиналистом. По отношению же к западноевропейским странам, где короли не имеют власти, он разделяет товарно-металлистический взгляд на ценность денег. Номиналистическую концепцию источника ценности денег в России, защищаемую Посошковым, нельзя считать результатом и признаком отсталости его взглядов, отражением отсталости России. Ошибочным является, например, следующее рассуждение Д. И. Розенберга: «Печать отсталости тогдашней России лежит и на теории денег Посошкова... В отсталой России преувеличенное представление о всемогуществе самодержавия и самодержца приняло поистине чудовищные размеры»¹.

В этом рассуждении недостаёт историзма. Номиналистическая концепция денег появилась задолго до Посошкова. Она служила оправданием широко применявшейся в средние века практики порчи монет государями. Ко времени Посошкова на Западе имелось уже иное понимание ценности денег, связанное с именами Стаффорда, Мена, Петти, Норса и др. Указанные экономисты подчёркивали определяющее значение металла для ценности денег. Однако и товарно-металлистическая теория денег не является научной.

Подчёркивая первостепенное значение металла для ценности денег, теория эта принимает во внимание не все, а только некоторые функции денег (мера стоимости, мировые деньги), игнорируя другие их функции (средство обращения). Критики же товарно-металлистической теории, подчёркивая несущественность металла для ценности денег, игнорируют функцию их как меры стоимости и как мировых денег, обобщая только практику службы денег как средства обращения. Именно односторонностью товарно-металлистической теории объясняется та реакция на неё, которая имела место в Западной Европе в конце XVII и в XVIII в.

Развитие промышленности вело к тому, что на внешнюю торговлю перестали смотреть как на главный источник богатства.

Критикуя меркантилизм, экономисты обращали внимание на функцию денег как средства обращения и делали вывод о несущественности для денег их внутренней ценности. Во Франции Вобан и Буагильбер уже в конце XVII в., отвергая утверждение меркантилистов, что богатство нации заключается в деньгах, направляли стрелы против золотого фетишизма. Буагильбер считал, что простой кусок бумаги может выполнять функции

¹ Д. И. Розенберг, История политической экономии, т. 1, Соцэкиз, М. 1940, стр. 60—61.

денег. Знаменитый эксперимент Джона Ло представлял отказ от металлической валюты. Физиократы в половине XVIII в. отрицали субстанциональную ценность денег, признавая деньги лишь счётными знаками, наименованиями. Кенэ считал, что деньги могут быть заменены бумагой.

В 1690 г. в Англии критик меркантилизма Николай Барбон утверждал, что «деньги есть ценность, созданная законом». Как позже Посошков, Барбон считал, что штемпель на монете представляет собой не удостоверение её веса и пробы, а правительственное предписание её ценности. Он отрицал значение ценности золота и серебра для монеты, считая деньги творением государства. Однако в своём номинализме Барбон шёл много дальше Посошкова: он полагал, что не ценность драгоценных металлов определяет собой ценность денег, а, наоборот, ценность самих драгоценных металлов определяется ценностью денег. Никто, однако, не объяснял номиналистическую теорию денег Барбона «отсталостью» Англии.

Как известно, государственная теория денег не сходит со сцены и в последующие века в странах разного уровня экономического развития и разного политического строя. В XX в. она возрождается в виде теории Кнаппа, Бендиксена и других номиналистов. Причины постоянных рецидивов номиналистической теории денег нужно искать не в «отсталости» той или иной страны, а в явлениях другого порядка.

В России номиналистические концепции денег разделялись рядом идеологов и после Посошкова. Номиналистами в XIX в. являлись Карамзин и Шарапов. Их номинализм имел ярко выраженный сословно-дворянский характер и был направлен против растущей русской буржуазии. Аргументация Карамзина, направленная против проекта Сперанского, и аргументация Шарапова против денежной реформы Витте имели общие с рассуждениями Посошкова черты. Отрицание значения металла для ценности денег у Карамзина, Шарапова и других номиналистов мотивируется могуществом русского государя. В лице этих номиналистов мы видим представителей реакционной оппозиции против растущего русского капитализма¹. Номинализм же Посошкова сочетался с меркантилистическим принципом развития торговли и промышленности.

Как же понимал Посошков природу денег в их функции мировых денег? Он считал, что установленная царём ценность денег имеет силу только внутри государства, за границей же русские деньги оцениваются тамошними купцами. Посошков был

¹ См. А. В. Эйдельмант, Новейший номинализм и его предшественники. Очерки из истории денежных теорий, изд. 2, Госфиниздат, М. 1948, гл. XI.

сторонником запрещения вывоза серебряных и медных денег. Но его нельзя относить к идеологам монетарной системы. Воззрения Посошкова относятся к более высокой ступени развития, связанной с ростом отечественной промышленности.

Рассуждения Посошкова о ценности денег имеют сугубо практическое значение. Своей номиналистической теорией денег Посошков по существу оправдывает финансовую политику Петра I, широко прибегавшего в целях финансирования войн к чеканке неполноценных монет.

В своих практических предложениях в отношении выпуска денег Посошков выдвигал два важных мероприятия: соблюдение чистоты металла во всех выпускаемых монетах и дальнейшее уменьшение веса медных монет. При Петре, как уже было сказано, производилось уменьшение чистого металла в монетах двумя путями — понижением пробы и изменением монетной стопы. Проведённое Петром I в 1718 г. понижение пробы серебряных денег вызвало резкую критику Посошкова. Он решительно выступил против понижения пробы серебряных и золотых денег.

Посошков убеждал царя чеканить золотые, серебряные и медные монеты только из чистого металла. Он предлагал употреблять на червонцы только чистое золото. Посошков возражал и против добавления серебра в медные деньги для придания последним серебряной внешности. Медные деньги должны делаться из чистой меди.

Своё требование чистоты металла в монетах Посошков обосновывал мотивами идейно-политического порядка и практическими соображениями. Чистота металла в монетах, по мнению Посошкова, диктуется чистотой веры христианской и тем, что на монетах стоит имя царское. Практические возражения Посошкова против «сумесных» денег, т. е. монет, сделанных из сплава разных металлов, — лёгкость подделки, массовое появление «воровских» денег. Критика Посошковым денежной операции 1718 г. направлена была главным образом против выпуска серебряных алтынов и копеек низкой пробы.

Предложение Посошкова чеканить деньги только из чистого металла на первый взгляд находится в противоречии с его номиналистической теорией. Раз ценность металла не имеет никакого значения для денег, то, спрашивается, какой смысл имеет требование чистоты металла?

По мнению Посошкова, чистота металла нужна для того, чтобы охранять интересы государства от фальшивомонетчиков. Добываясь чистоты денежного металла, Посошков отнюдь не боролся за полноценность денег. Ведь отношение номинальной ценности денег к реальной, т. е. к ценности денежного материала, зависит не только от степени чистоты, т. е. от пробы металла,

но и от общего веса монеты — от монетной стопы. Посошков, резко критикуя смешение разных металлов в монетах, совершенно спокойно проходит мимо широко практиковавшейся Петром I порчи монеты путём уменьшения её общего веса.

Больше того, категорически возражая против примешивания серебра к меди в «серебряных» копейках и алтынах, Посошков столь же решительно предлагал Петру уменьшать вес медных монет в целях пополнения царской казны. В его проекте выпуска медных монет номинальная ценность монеты резко оторвана от реальной. Выпуск алтынников и копеек 1718 г. давал казне 85 рублей прибыли на пуд, а выпущенные в 1723 г. медные пятикопеечники — 32 рубля. Проект Посошкова рассчитан на то, чтобы с пуда копеек прибыль равна была 140 рублям, с пуда алтынников — 220, с пуда гривенников — 370 рублям. Проект Посошкова предусматривал разрыв номинальной и реальной стоимости денег, приближавшийся к разрыву, какой был при Алексее Михайловиче. Посошков, как видно, не знал последствий опыта правительства Алексея Михайловича с выпуском медных рублей.

Если исходить из современной практики денежного обращения, то вообще непонятно старание Посошкова доказать царю его право на чеканку мелких серебряных и медных монет пониженной против номинала реальной ценности. Нужно, однако, иметь в виду, что в то время мелкие серебряные и медные деньги не были разменными монетами, чем они являются теперь. Не было ограничения в их приёме, они не имели прочного отношения к серебряному рублю.

* *
*

Много внимания уделено в «Книге» Посошкова налогам. Как было сказано, основная его мысль о богатстве состоит в том, чтобы правильно сочетать интересы государства с интересами народа: «...Сие дело невеликое и весьма не трудное, еже царская сокровища наполнить богатством, за еже царь, яко бог, еже возхощет, во области своей может сотворить. Но то великое и многотрудное есть дело, еже бы народ весь обогатить...»¹. Этот принцип Посошков и применяет последовательно в своих практических предложениях по вопросу о налогах.

Его предложения исходят из следующих основных мыслей: 1) платить налоги должны все классы общества, кроме духовенства; 2) налоги не должны вредить народному хозяйству, разорять народ; 3) за основу обложения следует взять землю; размеры налога должны соответствовать размерам земли.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 15.

Посошков считает несправедливым, что дворянство не участвует в платеже налогов государству, и предлагает обложить также и дворян. Он предвидит, что это предложение встретит резкий отпор со стороны дворян: «...чаю, сильные лица будут всячески сие дело препинать, понеже они обыкли по своей воле жить и не так они любят дать, как любят себе взять»¹.

Он рекомендует Петру I осторожность в политике обложения, бережное отношение к плательщикам. «А безвременные правежи яко на крестьян, тако и купечеству явное разорение и царству истощение, а не собрание.

Царския собрания не истощатся, аще и не круто будут собиратися, всячески свое место наполнят, а крутое собрание не собрание, но разорение»². Он с гневом говорит об обидчиках и грабителях-чиновниках, разоряющих народ для личного своего обогащения.

Посошков отвергает принцип подушного обложения, так же как и применявшийся до того времени принцип подворного обложения.

Он упрекает «господ дворян» за то, что они «крестьянами владеют, а что то имяновать крестьяна не знают и по чему числить двор крестьянской, ничего того не разумеют, но токмо ворота, да городбу числят, а иные дым изъбиной считают. И яко дым на воздухе исчезает, тако и исчисление их ни во чтожность обращается»³. Установленную Петром подушную подать Посошков подвергает решительной критике, давая при этом любопытную аргументацию: «А и во исчислении душевном не чаю ж проку быть, понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены неимущая, надлежит ценить вещи грунтовальные»⁴. Несостоятельность подушной системы Посошков видит в том, что она игнорирует различие в имущественном положении плательщиков подати.

Единственно правильной системой прямого обложения он объявляет поземельную подать — исчисление величины налога «...по владению земли и по засеву на том ево владенье»⁵. В противоположность неосязаемой «душе» и неопределённому понятию крестьянского «двора» земля является прочной, постоянной и неизменной основой обложения. «Земля самый гобзовитый данник ему, великому нашему монарху было бы и никогда измены бы ему не было»⁶. По мнению Посошкова, зе-

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 194. «...Любят они на чужой спине ехать», — пишет в другой связи Посошков о «сильных персонах» (там же, стр. 103).

² Там же, стр. 78.

³ Там же, стр. 179.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 180.

⁶ Там же, стр. 20.

мельный налог обязаны платить дворяне, крестьяне, купцы, всяких других чинов люди, городские жители, государственные служащие, судьи, «...дабы на земле его царского величества никто даром не жил»¹.

Для определения величины поземельного налога с крестьян Посошков предлагает положить в основу ту же тягловую единицу — «двор», что и для определения размера повинностей крестьян по отношению к помещику. С дворянских же земель подать должна уплачиваться в размере значительно меньшем, чем с крестьянских.

Посошков предусматривал различие ставок обложения дворянских земель в зависимости от их назначения, а также различное обложение земель городских и пригородных. Он указывает, например, на необходимость значительно более высоких ставок с пригородных и огородных земель, на которых разводятся стада и выращивают овощи.

Предлагая Петру I поземельную систему прямого обложения вместо проводившейся подушной, советуя царю заставить и дворян нести налоговую обязанность, Посошков и в данном случае проявил большую смелость и оригинальность мысли.

Предложенная Посошковым единица податного обложения представляет собой комбинацию применявшихся в России до податной реформы Петра двух методов обложения — поземельного и подворного. Проектируемая Посошковым единица обложения действительно обеспечила бы большую соразмерность тяжести податей с имущественным состоянием плательщиков, чем это было при посошном обложении (с его вспомогательными единицами — «вытью», «живущей четвертью») и при подворном, установившемся в России в конце XVII в.

Несмотря на очевидную простоту принципа предложенной Посошковым единицы обложения, в практическом проведении его проект представлял большие трудности. Для плательщика подушная подать была тяжела, неудобна, для казны же она имела наряду с другими одно важное преимущество — простоту податной техники, что и заставило Петра отдать предпочтение этой системе обложения перед другими.

Несостоятельность подушной системы обложения является одной из бесспорных истин финансовой науки. В Англии ещё Петти указывал на отрицательные свойства её. В России резкую критику подушной подати дал Радищев в конце XVIII в. и Н. Тургенев почти через сто лет после Посошкова. Как мы видим, в этом вопросе Посошков шёл далеко впереди своего времени.

Среди других предложений в области налогов Посошков настойчиво рекомендовал Петру I ввести в России десятину

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 196.

в пользу церкви — десятую долю от всех продуктов, для себя употребляемых. От этого предложения веет глубокой стариной.

Посошков рассматривал в «Книге» и вопрос о налогах на торговлю. Пошлина на торговый оборот внутри страны у Посошкова не встречает возражений. Он, как видно, находил её вполне целесообразной, но способ обложения торговли считал неправильным, а размер пошлины высоким. Посошков резко высказывается против обилия форм налогового обложения. Он указывает, что из положенных указных пошлин, в общей сумме составляющих 15% к цене обращающихся товаров, государству весьма часто ничего не попадает, так как многие покупают не на торгах, а дома или немного отъехав. Именно множественность налогов на торговый оборот, по мнению Посошкова, и порядок взимания их дают возможность ускользнуть от обложения: «...Покупаются с одного вола по две и по три кожи здирать, а по истинной правде не могут ни единые кожи целые содрати и елико ни нудятся, токмо лоскутье содирают. И в том царскаго величества интересу повреждение чинитца великое, понеже хочут избышнюю пошлину взять, да в том и истинну всю истеряли»¹.

Множественность сборов ведёт и к тому, что по каждому сбору есть особые бурмистры, целовальники и ходоки, которые кормятся на государственный счёт. «И того ради никакие сборы и не споры, а люди все тонеют».

Посошков предлагает вместо всех прежних и вновь установленных налогов на торговлю и сборов с неё установить единый сбор в размере 10% с цены; сбор должен взиматься только один раз, независимо от места продажи товара и его перепродажи.

Пошлины на внутреннюю торговлю, безусловно, были одним из тормозов развития торговли внутри страны. Предлагая упорядочить это дело, Посошков поднимал важный вопрос торговой политики. Примерно через три десятка лет после того как Посошков писал свои предложения царю внутренние пошлины были вовсе отменены в России.

Из других вопросов, относящихся к государственным доходам, большое внимание уделяет Посошков доходу от казённой винной торговли и торговли солью. Как уже было сказано, Посошков предлагал царю отменить государственную монополию на торговлю солью, отдать соль в свободную торговлю, обложив её однократным налогом «на кореню, отькуду она в розвоску пойдет». Мы говорили выше о мотивах этого предложения Посошкова (вздорожание соли вело к массовым заболе-

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 208.

ваниям крестьян). Он отмечает вместе с тем огромную затрату средств на содержание бурмистров, целовальников, управителей и других работников и надзирателей, занятых в казённой торговле солью: «...а все они, будто черви точат то же соль и пищу себе приобретают от той же соли»¹.

После смерти Петра правительство отменило (в 1727 г.) казённую торговлю солью, но в 1731 г. из фискальных соображений опять возвратилось к ней. Мысль Посошкова о свободной продаже соли была осуществлена только во второй половине XIX в.

Историческое место и роль И. Т. Посошкова в развитии экономической мысли

Оценки Посошкова и его роли в развитии русской общественной мысли весьма разноречивы. В значительной степени они определяются классовой позицией и общественными воззрениями самих исследователей. Сочетание в воззрениях Посошкова весьма противоречивых положений — прогрессивных и консервативных — даёт повод к различному толкованию его воззрений и программы. Так, например, историк Погдину Посошков представлялся «гениальным государственным, русским по преимуществу, умом, пронизательным, толковым, спокойным, преданным церкви, государю и отечеству»².

Высокая оценка значения Посошкова в развитии русской общественной мысли была дана боевым органом русской революционной демократии — «Современником». В октябрьском номере этого журнала за 1858 г. помещена статья Е. Карновича «Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII века». Статья отличается подлинно историческим подходом автора, следовательно, и редакции «Современника», к воззрениям Посошкова. Взгляды Посошкова по вопросу о крестьянах и помещиках рассматриваются и оцениваются в связи с реальными условиями России первой четверти XVIII в. Подробно отмечены отрицательные черты идеологии и программы Посошкова, но эти черты мировоззрения Посошкова не ставятся ему в вину, а объясняются духом времени. В целом же Посошков характеризуется здесь как передовой человек своего времени, во многих отношениях опередивший свой век, видевший дальше своих современников. «...Он при некоторых заблуждениях, впрочем весьма свойственных тому веку, в котором он жил, высказал однако много мыслей

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве, стр. 213.

² «Сочинения Ивана Посошкова», ч. II, М. 1863, стр. 11.

совершенно верных в своих основаниях, и притом легко применяемых, по их исполнению, к быту крестьян»¹.

Изучением произведений Посошкова много занимались буржуазные историки — А. Брикнер, Н. Павлов-Сильванский и др. Не будучи в состоянии дать вполне правильную общую оценку Посошкова, ни тем более определить его место в развитии экономической мысли, эти историки вместе с тем высоко оценивали произведения Посошкова.

«Посошков, — пишет А. Брикнер, — может считаться в некотором смысле представителем литературы просвещения XVIII в. Он заслуживает некоторым образом название энциклопедиста, потому что его сочинения затрагивают множество наук, местами заключают в себе столь же любопытные обобщения и тезисы, как сочинения знаменитых публицистов Запада»².

Н. Павлов-Сильванский, указывая на двойственность и противоречивость взглядов Посошкова, пишет, что «без малейшего влияния зарождавшейся в то время на Западе экономической науки он самостоятельно выясняет некоторые главные начала народного хозяйства»³.

Правильно считая, что произведения Посошкова по своему содержанию, по оригинальности должны быть поставлены в один ряд с наиболее значительными произведениями мировой мысли XVII—XVIII вв., указанные историки вместе с тем стоят на неверной методологической основе: главным и, более того, единственным критерием при оценке значения Посошкова они считают механическое сравнение его с мыслителями других стран, действовавшими в иной исторической обстановке.

Буржуазные историки вырывают Посошкова из реальных условий России начала XVIII в. и оказываются не в состоянии, поэтому, правильно определить подлинную роль Посошкова в развитии русской и всей мировой общественной мысли, особенно экономической. Не выявляя классовой позиции Посошкова, Брикнер обнаруживает в нём носителя таких общечеловеческих черт, как «человеколюбие», «правда», «нравственность», которые и берёт в качестве основы сравнения и сближения Посошкова с передовыми мыслителями мира XVIII в.

Такой метод оценки Посошкова является, конечно, порочным. Он и послужил основой для коренного извращения вопроса о месте Посошкова в развитии общественной мысли у ряда исследователей. Так, например, Безобразов, преклоняясь

¹ Е. Карнович, Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII века, «Современник» № 10, 1858 г., разд. 4, стр. 62.

² А. Брикнер, Иван Посошков, ч. 1, Спб. 1876, стр. 3.

³ Н. П. Павлов-Сильванский, Очерки по русской истории XVIII—XIX вв., Соч., т. II, Спб. 1910, стр. 67.

перед буржуазной экономической наукой Запада, вообще отрицал за трудами Посошкова какое бы то ни было значение в истории науки, не только всемирной, но и отечественной ¹.

В своей известной работе по истории русской общественной мысли Плеханов не дал правильного анализа воззрений Посошкова. Подчёркивая консервативные стороны в воззрениях Посошкова, Плеханов недооценивал прогрессивность ряда идей, выдвинутых Посошковым, недостаточно показывал те элементы в его воззрениях, которые выгодно отличали Посошкова от его предшественников и современников ².

Выше мы рассмотрели взгляды Посошкова по отдельным вопросам и показали значение этих взглядов. Мы видели сложность и во многих отношениях противоречивость позиций Посошкова. Предложения Посошкова не заключают в себе ничего революционного. Вместе с тем *основная линия* экономической программы Посошкова являлась для того времени, безусловно, передовой, прогрессивной. Линия эта — всемерное развитие производительных сил России, развитие отечественной торговли, промышленности, сельского хозяйства, укрепление экономической мощи родины, её независимости от других, более развитых стран.

В целом прогрессивная экономическая программа Посошкова носит на себе глубокую печать исторической ограниченности. Во всех рассуждениях Посошков твёрдо стоял на почве крепостного права. Как и Пётр I, в крепостном праве он видел важнейшее средство для осуществления поставленных им широких задач.

Однако заслуга Посошкова перед русским народом состоит в том, что он правильно, в пределах своей эпохи, понял основные задачи России и самоотверженно боролся всеми доступными ему средствами за осуществление этих задач.

Его экономическая программа была разработана самостоятельно, на основе глубокого понимания состояния России и преобразовательной деятельности Петра I.

Сами по себе верные указания Плеханова и некоторых других исследователей на то, что многие правильные мысли Посошкова высказывались меркантилистами других стран ещё до него, ни в какой мере не умаляют ни оригинальности взглядов Посошкова, ни его заслуг перед страной.

Дело даже не в том, что Посошков не знал экономистов Запада; эта ограниченность составляет не достоинство его,

¹ См. «Отчет о двадцатом присуждении наград графа Уварова», Приложение к XXXIII тому «Записок императорской Академии наук», Спб. 1879, стр. 763.

² См. Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 117, 135, 136 и др.

а обусловленный всей обстановкой его жизни недостаток. Простая истина, что нужно развивать отечественную промышленность, вывозить не сырьё, а готовый промышленный продукт, что нужна грамотность для народа, и т. д., провозглашалась и доказывалась Посошковым не «вообще», а конкретно, для своей страны. Оригинальность и заслуги Посошкова могут быть правильно оценены не столько сравнением взглядов Посошкова со взглядами Стаффорда, Монкретьена, Серра, Мена и других меркантилистов Запада, сколько сравнением экономической программы Посошкова со взглядами, развивавшимися в России до него и в его время.

Независимо от западноевропейских экономистов, исходя из своего понимания действительности, Посошков обосновал довольно стройную программу экономического развития России на основе передовых для всей мировой мысли и практики того времени экономических идей.

Посошков не заимствовал эти мысли из чужих стран, а самостоятельно обосновывал их, причём по многим вопросам делал это и полнее и глубже, чем предшествовавшие и современные ему экономисты-меркантилисты Запада. Это с полным правом можно сказать, например, о рассуждениях Посошкова по вопросу о соотношении богатства казны и народа. Самостоятельно обосновывая в значительной мере те же мысли, которые в других странах защищались представителями меркантилистического, для того времени самого передового направления экономической мысли, Посошков вместе с тем был чужд присущей большинству его современников на Западе односторонности концепции торгового баланса и по ряду вопросов первостепенной важности сумел подняться выше своих современников. Ему было чуждо, например, пренебрежение к сельскому хозяйству, характерное для большинства меркантилистов Запада.

Имя Посошкова в период революции 1905 г. пытались использовать реакционные элементы для привлечения на свою сторону крестьянства.

В 1905 г. в Петербурге было создано «Общество имени крестьянина И. Т. Посошкова»¹.

¹ В числе учредителей этого общества и членов его правления насчитывалось семь членов Государственной думы. Председателем общества был М. А. Караулов — депутат во II и IV Государственных думах от Терской области, землевладелец, подъесаул, автор работ по истории терского казачества. Политическое лицо Караулова известно. Во II Думе он выступал как правый казак, защищал Столыпина, в IV Думе примкнул к прогрессистам, а потом вступил в «независимую группу». В период Октябрьской социалистической революции Караулов являлся одним из вожakov контрреволюции в Терской области.

Создание «Общества имени крестьянина И. Т. Посошкова» являлось шагом к образованию новой партии под названием «Имперская народная партия», которая была задумана её организаторами как кулацкая партия на почве столыпинского земельного законодательства, с резко выраженным духом шовинизма, великодержавного национализма. Её программа в своих основных чертах не отличалась от программы прогрессистов, представлявших собою, по выражению Ленина, «...помесь октябристов с кадетами»¹. Программа русских «прогрессистов» XX в. не только не была прогрессивной, но и являлась по сути дела программой контрреволюционного либерализма, тогда как программа Посошкова была смелой и оригинальной для начала XVIII в. Она была действительно прогрессивной для своего времени.

* * *

*

Посошков является крупнейшим русским экономистом начала XVIII в.

Он может считаться одним из первых русских *писателей*-экономистов, давших развёрнутую и стройную систему экономических взглядов. Он является вместе с тем одним из наиболее выдающихся, ярких и оригинальных представителей направления мировой экономической мысли XVI—XVIII вв., известного под названием меркантилизма. Работы Посошкова показывают, что в его лице русская экономическая мысль конца XVII — начала XVIII в. прочно стояла на уровне самой передовой для того времени экономической мысли.

¹ В. И. Ленин, Итоги выборов, Соч., т. 18, стр. 469.

Глава тринадцатая

ДВОРЯНСКИЕ ИДЕОЛОГИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. — Ф. С. САЛТЫКОВ, А. П. ВОЛЫНСКИЙ, В. Н. ТАТИЩЕВ

В этой главе рассматриваются экономические воззрения отдельных видных дворянских идеологов, которые принимали активное участие в проведении петровских реформ и экономической политики Петра I.

Несмотря на различие конкретных экономических вопросов, интересовавших этих деятелей и разработавшихся ими, всех их объединяло стремление упрочить господствующее положение дворянства в стране, одинаковое отношение к крепостному праву. Вместе с тем все они заботились о развитии производительных сил России.

Проекты экономических реформ в записках Ф. С. Салтыкова

Фёдор Степанович Салтыков происходил из старого боярского рода ¹. Его отец некоторое время был воеводой Великого Устюга, с 1690 по 1696 г. — воеводой города Тобольска, а в 1698—1700 гг. — воеводой новозавоёванного Азова.

В 1697 г. Ф. Салтыков вместе с другими молодыми людьми был отправлен за границу для обучения мореходству и кораблестроению. По возвращении на родину он был определён в гвардию; в 1700 г. участвовал в сражении под Нарвой в чине капитана. В начале 1703 г. Ф. С. Салтыков оставил военную службу и получил почётную должность корабельного мастера. Он

¹ Биографические сведения о Ф. С. Салтыкове даны в предисловии П. Н. Тиханова к книге «Пропозиции Федора Салтыкова», «Памятники древней письменности», Спб. 1892, стр. 1—XXVII; см. также Н. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, Спб. 1897, разд. 1, стр. 11—20.

работал на Олонецкой, а затем на Петербургской и Новоладужской верфях, где строились корабли для Балтийского флота.

В июне 1711 г. Ф. Салтыков был отправлен Петром I за границу со специальным поручением: закупать готовые суда для усиления Балтийского флота. Выполняя это задание, Ф. Салтыков посетил Копенгаген, Амстердам, Гамбург и другие города Западной Европы. С марта 1712 г. и до самой смерти (2 августа 1715 г.) он жил в Англии, время от времени посещая Амстердам и Гаагу.

Находясь за границей, Ф. Салтыков внимательно присматривался к жизни других народов, размышлял над тем, что из опыта других стран могло бы быть полезным для России. В первый же год своего пребывания за границей он занялся составлением проекта мероприятий, которые, по его мнению, следовало бы осуществить в России. Основная цель мероприятий, намечавшихся Ф. Салтыковым, мотивы, которыми он руководствовался при составлении своего проекта, видны из следующего обращения его к Петру I: «При сем же доношу вашему величеству между повелительными вашими указы, в свободныя времена будучи здесь, прилежно подцился выбрать из правления уставов здешняго Англинского государства и прочих Европейских, которое приличествует токмо самодержавствию, а не так как республикам или парламенту, покорному учинить в ваших государствованиях в прибылях, как внутренних, так и в нынешних, вновь доходы великие, которые еще у нас не ведомы, а людям ни малой тягости не будет; такожде и всенародное обучение во всяких свободных науках и во всяких художествах может исправиться и сравняться в краткое время со всеми лучшими Европейскими государствами по образу как и здесь сочиняется ныне...»¹.

Салтыков просил у царя разрешения послать ему свои предложения по этим вопросам. Письмо было написано 1 декабря 1712 г. Получив вскоре после этого согласие Петра I ознакомиться с его работой, Ф. Салтыков в апреле 1713 г. отправил царю свою записку. Эта записка была издана в 1892 г., под заглавием «Пропозиции Федора Салтыкова»². 1 августа 1714 г. Ф. Салтыков послал Петру I свою вторую, более

¹ См. *Берх*, Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя, ч. II, Спб. 1829, стр. 172—173.

² «Пропозиции Федора Салтыкова». Рукопись из собрания П. Н. Тиханова, «Памятники древней письменности», Спб. 1892. Название «Пропозиции» (т. е. предложения) дано издателем работы П. Н. Тихановым в соответствии с термином, которым сам автор записки обозначил ряд своих предложений («пропозиция 2», «пропозиция 5»).

обширную записку, а 5 ноября того же года — дубликат её с прибавлением ещё одной новой главы. Эта записка была опубликована в печати в 1897 г. под названием: «Изъявления прибыточные государству»¹.

Фёдор Салтыков был образованным человеком. Круг вопросов, которые он ставил перед царём, весьма обширен, предложенный им план преобразований отличался разносторонностью. Он, например, советовал царю организовать написание истории Российского государства, особенно историю царствования Петра I, перевести её на другие языки, послать в европейские государства, чтобы разоблачить неправду, распространяемую иностранными историками о Русском государстве, и поставить всех в известность о храбрости, мудрости царя и о «храбрости воинской российского народа»². Ф. Салтыков советует царю составить для сведения своего народа и других государств манифест с историческим обоснованием права России на некоторые части Лифляндии, на Ингрию и Карелию, отвоёванные при Петре I у шведов, как принадлежавшие в прошлом России. Он предложил обширный проект такого манифеста³.

Большое значение придавал Ф. Салтыков расширению образования в России. Он рекомендует царю учредить в каждой губернии по одной — две академии, в которые набирались бы дети дворян, купцов и разных других чинов для обучения их в течение 17 лет — от 6 лет до 23 лет. Академии предлагалось создать в монастырях, с удалением оттуда монахов, и содержать за счёт монастырских доходов. Студентов, по его мнению, следовало обучать иностранным языкам, грамматике, географии, философии, истории, математике, механике, навигации, артиллерии и другим наукам, а также искусствам. При академиях должны быть созданы типографии и библиотеки. «И так мы по сему образу сравняемся во всех свободных науках со всеми лучшими Европскими государствами, а без свободных наук и добрых рукоделей не может государство стежать себе умнаго имения и такожде будет всегда требовать во всех делах из других ученых государств людей на послуги свои и вспоможение»⁴. Он советовал также учредить по всем губерниям и

¹ В книге Н. Павлова-Сильванского «Проекты реформ в записках современников Петра Великого», разд. II, Спб. 1897, стр. 1—46. Такое название дано издателем записки, историком Н. Павловым-Сильванским. Сообщая в своём письме Петру I о второй записке и прося разрешения выслать её царю, Ф. Салтыков указывал, что он написал ещё несколько «изъявлений, которые могут быть потребны государству и вам прибыточные» (там же, разд. I, стр. 19).

² «Пропозиции Федора Салтыкова», стр. 24; «Изъявления прибыточные государству», стр. 14—16.

³ См. «Изъявления прибыточные государству», стр. 1—6.

⁴ «Пропозиции Федора Салтыкова», стр. 24.

женские школы для обучения «женским наукам», — «чтоб и женской наш народ уравнился с Европейскими государствами равно»¹.

Большая часть предложений Ф. Салтыкова относилась к экономической области жизни. Он рекомендовал Петру осуществить развёрнутую систему мероприятий в области промышленности, сельского хозяйства, торговли и финансов России.

Предложения Ф. Салтыкова имели строго практический характер. В них нет теоретических рассуждений на экономические темы, нет сколько-нибудь развёрнутого принципиального обоснования экономических предложений.

Общая и центральная идея предлагавшихся Ф. Салтыковым мероприятий сводится, как это видно из цитированного нами выше его письма Петру I, к тому, чтобы вывести Россию из экономической и культурной отсталости, в «краткое время» сравнять Россию «со всеми лучшими европейскими государствами». Именно эта задача красной нитью проходит через обе записки Ф. Салтыкова, связывая в единое целое все его многочисленные и нередко кажущиеся случайно подобранными отдельные предложения.

Другой важной задачей, но уже частной, вспомогательной по отношению к основной выступает практическая цель — увеличение доходов Русского государства, открытие новых источников доходов, «которые еще у нас не ведомы». Этот мотив — увеличение доходов казны — неизменно сопровождает большинство практических предложений Ф. Салтыкова.

Подчёркивая финансовое значение своих предложений — для непосредственного роста «прибылей» государства, — Ф. Салтыков, однако, подходит к делу несравнимо более широко, чем многочисленные «прибыльщики» того времени, которые специально занимались изысканием новых источников доходов казны, не задумываясь над задачами развития всего народного хозяйства страны. В этом отношении Ф. Салтыков сходен со своим современником И. Т. Посошковым, для которого был характерен широкий народнохозяйственный подход к поставленным им проблемам.

Ф. Салтыкова с Петром I, И. Т. Посошковым и другими русскими экономистами рассматриваемого времени сближает и понимание роли государства в экономических преобразованиях страны. Придавая государственной власти решающую роль в осуществлении экономических мероприятий, Ф. Салтыков советует Петру I установить особый чин «референдаря государственного». В обязанности последнего должно входить, по мысли автора записки, рассмотрение и рекомендация Сенату мероприятий, обеспечивающих рост государственных доходов,

¹ «Пропозиции Федора Салтыкова», стр. 25.

умножение мануфактур, рудоплавильных и минеральных заводов и улучшение их работы, организация купеческих компаний¹.

Пётр I внимательно отнёсся к предложениям Ф. Салтыкова, о чём свидетельствуют его многочисленные пометки на полях записок. Большая часть предложений Ф. Салтыкова была передана царём Сенату, а некоторые — на специальное заключение². Предложение Ф. Салтыкова об учреждении чина государственного референдаря не было реализовано. Как было сказано, значительно позже Пётр I создал ряд специально экономических коллегий, функции которых в основном хотя и совпадали с теми, какие Ф. Салтыков хотел возложить на государственного референдаря, но были вместе с тем определены Петром I шире и конкретнее, чем это имело место в предложении Салтыкова.

В записках Ф. Салтыкова явственно выступает классовое лицо их автора как выразителя и защитника интересов дворянства, феодально-абсолютистского государства.

Ф. Салтыков совершенно обошёл вопрос о положении основной массы населения феодальной России — крепостного крестьянства. В этом отношении предложения Ф. Салтыкова резко отличаются от проекта реформ, разработанного И. Посошковым.

Мероприятия, которые выдвинул перед царём Ф. Салтыков, направлены на дальнейшее возвышение дворянства; например, он предлагал установить в России для дворян по примеру европейских государств особые титулы — чины: ландграфов, маркизов, графов, баронов и др., в зависимости от количества крестьянских дворов, имеющих у дворянина, и присваивать им соответствующие гербы.

Салтыков советует также и русские города превратить в княжества, маркизанства, графства, с тем, чтобы по примеру Англии название города, но без владения и правления им, было присвоено дворянским титулам³. В «чины» должны быть обращены и вотчины монастырей, церквей с установлением для них особых гербов⁴. Любопытно, что это мероприятие, имеющее целью возвысить феодальную аристократию, Ф. Салтыков мотивировал интересами казны, предлагая установить плату за регистрацию гербов тем более высокую, чем выше дворянский титул.

¹ См. «Изъявления прибыточные государству», стр. 36—37.

² См. П. Милоков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, изд. 2, Спб. 1905, стр. 399; Н. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, Спб. 1897, разд. I, стр. 35.

³ См. «Пропозиция Федора Салтыкова», стр. 11—12.

⁴ См. там же, стр. 2—4.

Ф. Салтыков считал, что дворянство должно оставаться привилегированным сословием, которому принадлежит и монополия землевладения. Он высказывался против занятий дворянства торговлей и промышленностью и против предоставления дворянского звания выходцам из других сословий. «Благородным не довлеет иметь купеческих стежателей, сиречь лавок, торгов и промыслов, кроме имянных ваших указов, понеже то есть властвует мещанству»¹. Дворян, занимающихся торговлей или промыслом, он советует облагать пошлиной в полуторном размере, или же такой дворянин должен отказаться от дворянства и записаться в мещане. «А ежели кто будучи ис простых чинов во всяких чинах градских и служилых придет в богатство, и тем не покупать дворянских стежателей, сиречь вотчин, понеже оное надлежит дворяном»².

Автор «Пропозиций» советует Петру I установить в России майорат. Он считает, что недвижимое владение «господ и дворян» после их смерти следует передавать старшему сыну, а младшие сыновья должны довольствоваться своей долей в движимом имуществе³. Это предложение Ф. Салтыков мотивирует тем, что при майорате старшие сыновья, имея больше крестьянских дворов, будут лучше платить государству подати, будут богаче путём приобретения «великих стежателей», младшие же сыновья, лишённые недвижимого владения, будут более прилежны в государственной службе и в науках⁴.

Мотивировка Ф. Салтыковым необходимости установления майората в России отчасти совпадает с тем обоснованием, которое дал Пётр I своему указу 1714 г. о единонаследии. Нет, однако, оснований усматривать большое влияние этого предложения на законодательство Петра. Мысль о введении в России единонаследия возникла у Петра задолго до записки Салтыкова. Да и сам указ Петра I в ряде важных моментов отличался от предложений Ф. Салтыкова. Последний предлагал майорат в полном смысле слова, т. е. обеспечение интересов старшего сына. Указом же Петра I был установлен переход недвижимого владения одному из сыновей, независимо от старшинства. Предложения Салтыкова имели в виду владение только «господ и дворян», а указом 1714 г. новый порядок наследования был установлен для владельцев всех сословий. Возможно, однако, что предложение Ф. Салтыкова о майорате ускорило издание Петром I указа о единонаследии.

Стремление Ф. Салтыкова сохранить землевладение в качестве сословной привилегии дворян, а вместе с тем фактически

¹ «Пропозиции Федора Салтыкова», стр. 6.

² Там же.

³ См. там же, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 4—5.

лишить дворян возможности заниматься купеческим делом и промыслами не совпадало с политикой Петра I в этих вопросах.

Извращая классовую природу феодального Русского государства и классовый характер политики Петра I, буржуазный историк Н. Павлов-Сильванский противопоставляет Ф. Салтыкова с аристократической тенденцией его предложений Петру I как якобы представителю демократической социальной политики ¹.

Несостоятельность такого противопоставления двух идеологов одного и того же класса феодалов и феодального абсолютистского государства очевидна. И Пётр I и Ф. Салтыков служили интересам Русского национального государства помещиков и купцов, возвышали господствующий класс — дворянство — и способствовали развитию купечества. Ф. Салтыков, предлагая Петру I мероприятия, направленные на дальнейшее возвышение «господ и дворян», вместе с тем, как и Пётр I, отводил купечеству большую роль в преодолении экономической отсталости страны. «...Купечество, — писал Ф. Салтыков, — есть твердое основание богатства всех государств, как ныне цветет в Англии и в Голландии» ².

Ф. Салтыков считал целесообразным отменить существовавшие тогда в России «старые чины купеческие» — гости гостинной сотни и суконной — и по примеру других стран установить для купечества особые титулы — баронетов, патрициев, бурграфов — с правом иметь соответствующие гербы ³.

* *
*

Программа Ф. Салтыкова в области промышленности шла в одном направлении с экономической политикой Петра I. Ф. Салтыков считал необходимым строить в России предприятия по производству шёлковых парчей, суконные, бумажные, стекольные, игральные и булавочные, заводы белого железа, сыроварные заводы, маслозаводы и др. ⁴

Он был твёрдо уверен в том, что русский народ вполне способен создать свою, отечественную промышленность: «российской народ такие ж чувства имеет, как и протчие народы, и разсуждение, только их довлеет к таким делам управить» ⁵.

¹ См. Н. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, Спб. 1897, разд. I, стр. 26.

² «Пропозиции Федора Салтыкова», стр. 16.

³ См. там же, стр. 17—18.

⁴ См. «Изъявления прибыточные государству», стр. 23—41.

⁵ Там же, стр. 24.

Ф. Салтыков высказывал свои соображения о том, где следует размещать промышленные предприятия. Важное значение он придавал, как видно, близости промышленного предприятия к источнику сырья. Так, заводы шёлковых парчей он рекомендовал строить в Астрахани и в Сибири, т. е. в местах, близких к Персии и Китаю, где следует покупать шёлк. Суконные же заводы он советовал строить на Украине и в Астрахани — для переработки шерсти тамошних пород овец. Водяные и ветряные мельницы для распилки леса, смоляной завод следует строить в Архангельской губернии, на реке Печоре и её притоках. Заводы же по производству стекла, белого железа, иголок, бумаги он считал нужным иметь в каждой губернии.

По мнению Салтыкова, заводы должны множиться в России для того, чтобы иметь возможность отечественными товарами удовлетворять потребности страны, чтобы освободить государство от затраты денег на покунку товаров за границей, чтобы возрастали доходы государства от обложения налогами промыслов. «А ежели такие заводы заведутся, не малое число будет соблюдаться денег в Росийском государстве... и от того будет свой росийской народ богатиться из своего государства, а не чужие»¹.

Вместе с тем задачи отечественной промышленности Салтыков не ограничивал удовлетворением потребностей внутреннего рынка. Он считал, что промышленные товары нужно производить в таком количестве, чтобы не только прекратить ввоз из-за границы, но и вывозить их за границу. «И когда те вышеписанныя мануфактуры безмерно размножатся в Росийском государстве и будут оне в совершенстве и в то время мочно их разсылать в продажу в протчия государства, в чем будет прибыль государственная, например, как в Англии размножились рукодельныя дела и привелися в совершенство и ныне оне разсылаются в разныя государства, отчего англинскому государству приходят великия прибыли, как народу их, так и в таможенных сборах»².

Мануфактуры, заводы должны строиться, по мысли Салтыкова, как за счёт казны, так и на средства купцов. Некоторые же заводы — шёлковых парчей, бумажные, стекольные, игольные — он считал нужным строить исключительно на средства купцов. Последних необходимо для этой цели объединять в компании, «понеже от того им будет прибыль, а от тех их промыслов в продаже в пошлинах будут доходы»³. Купцы должны вносить в компанию пай в соответствии со своими средствами, а прибыль

¹ См. «Изъявления прибыточные государству», стр. 27.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 24.

получать пропорционально величине вложенного пая, «понеже купцы лутче станут иметь прилежность и надзирательство для своих прибылей»¹.

Ф. Салтыков советовал Петру I организовать по всей стране поиски различных минералов, установив для стимулирования этого дела денежное вознаграждение².

Из других предложений Ф. Салтыкова, относящихся к развитию отечественной промышленности, следует отметить его план подготовки обученных рабочих. Он считал, что все занимающиеся ремеслом и промыслами в городах России, а также лица, желающие овладеть ремеслом через ученичество, должны записываться в ратушах. Срок ученичества должен быть установлен семилетний, по окончании этого срока ученик обязан держать экзамен на мастера. Лицам, не записанным в ратуше и не имеющим свидетельства об овладении мастерством, занятие ремеслом не должно разрешаться.

Установлению такого порядка подготовки ремесленников Ф. Салтыков придавал большое значение, видя в нём путь к совершенствованию ремёсел и промыслов. Он ссылался на пример Англии, где ремёсла и промыслы в «самую изящность пришли».

Хотя Ф. Салтыков и не говорил прямо о цехах, но речь шла у него, по существу, о необходимости введения в России цеховой организации ремесла или, во всяком случае, отдельных важных элементов этой организации.

Салтыков предложил ряд мероприятий по борьбе с нищенством в стране. В частности он рекомендовал организовать принудительное обучение сирот и нищих «мануфактурным или рукодельным делам». По мнению Салтыкова, сирот и нищих обоого пола до 20-летнего возраста нужно отдавать в церковные приходы, где их следует обучать чтению и письму, а затем отсылать в «главные госпитали» при монастырях для обучения ремёслам и промыслам, полезным для общества. Тех, кто научится мануфактурному делу, он советует отпускать на свободу. «И после обучения в таких мануфактурах соблюдаться будет не малое число денег в Российском государстве, которые ныне мануфактуры требуются из других государств в Россию и такая мануфактурная дела произойдут в совершенство»³. Содержание и обучение сирот и нищих в церковных приходах должны осуществляться за счёт последних, а обучение ремёслам в госпиталиях — за счёт монастырей. Больных и престарелых нищих следует содержать за счёт церковных приходов, а здоровых

¹ «Изъявления прибыточные государству», стр. 27.

² См. там же, стр. 29.

³ Там же, стр. 11.

сирот и нищих старше 20 лет направлять в матросы, солдаты и «во всякие работные дела»¹.

О социальном смысле этих мероприятий, обусловленности их растущей потребностью мануфактуры в кадрах было сказано выше, в главах о Петре I и о Посошкове.

Предложения Ф. Салтыкова, относящиеся к *области сельского хозяйства*, немногочисленны.

Он рекомендовал организовать межевание земель для устранения ссор из-за межей.

Считая, что пенька и лён являются важными продуктами, а продажа их прибыльна и для населения, и для купцов, и для государства, Ф. Салтыков настойчиво предлагал расширять посевы конопли и льна в стране.

Он советовал строго запретить вывоз семян конопли и льна из России в Англию и Голландию, чтобы тем самым предотвратить размножение этих культур в других странах и падение цены на материалы из льна и конопли. Советовал Салтыков разводить в России также тутовые деревья для шелководства, виноградники, расширять посевы табака. Он подчёркивал необходимость организации в стране конских заводов для нужд кавалерии.

Торговле и купечеству Ф. Салтыков, как было сказано, отводил большую роль в преодолении экономической отсталости России. Он писал о необходимости развивать торговлю России с Голландией, Англией, Персией, Китаем, Бухарой и другими странами. По его мнению, во всех губерниях следует учредить компании торговых людей, которые должны вести торговлю с теми государствами, к которым эти губернии ближе расположены. Прибыли и убытки в компаниях должны распределяться между участниками пропорционально размеру пая каждого, а для помощи компаниям четвертую часть их капитала должна давать казна. В государствах, с которыми русские компании будут торговать, нужно учредить консульства из купеческих людей для обеспечения интересов русских купцов и Русского государства. Салтыков предлагал также посылать в Голландию и Англию купеческих детей для обучения торговому делу, бухгалтерии, торговой корреспонденции.

В интересах развития внутренней торговли Ф. Салтыков советовал учредить по всей стране — в городах, монастырях, в больших сёлах — ярмарки и торги.

Заботой о развитии торговли России было продиктовано и интересное предложение Салтыкова об организации Северного морского пути в Китай и Индию. В первой своей записке Петру I он советовал строить корабли в устьях Енисея и

¹ «Изъявления прибыточные государству», стр. 8.

других сибирских рек и послать экспедицию на этих кораблях вокруг сибирского берега с целью проверить, нет ли там островов, которыми Россия могла бы овладеть. «А ежели таких островов и не сыщется, мочно на таких кораблях там купечествовать в Китай и в другие острова, такожде и в Европу мочно отпускать оттуды леса, машты и доски, смолу и тар, понеже там изобилство великое лесов, а здесь в Европе зело в том великая нужда и дороговизна, и в том будет в государстве прибыль великая: а лесов там в Сибири великое множество»¹.

К этой теме Салтыков возвращается и во второй своей записке, где имеется специальная глава под названием: «О взыскании свободного пути морского от Двины реки, даже до Омурского устья и до Китай»².

Экспедиция, которую Салтыков советовал снарядить, должна тщательно обследовать и описать берега моря, устья рек, заливы, острова, природу, климат, население этих мест.

Северному морскому пути Ф. Салтыков придавал большое экономическое значение. Он, как видно, полагал, что между Азией и Америкой есть проход. «И ежели оный проход до китайских и до японского берегов сыщется свободный, в том будет вашему государству великое богатство и прибыль, потому изо всех государств, как из Англии, Голландии и из иных посылают во Ост-Индию корабли, которые переходят линею дважды, как они ходят вперед и назад обращаются; в которых местах от жаров множество у них людей помирает и от скудости провиантов, ежели они продолжают долго в пути; и по обретении оного станут желать ходить тем проходом»³.

«Мочно тогда из вашего государства посылать для купечества Ост-Индийского корабли, в чем будет прибыль и богатство государству великое и из вашего государства ближе будет купечествовать туды, нежели из прочих государств»⁴. Он рекомендовал построить крепости в определённых местах Северного морского пути.

Хотя мысль о водном пути из России в Китай через Ледовитый океан была у Петра I ещё до записок Ф. Салтыкова, нужно отметить, что предложения Салтыкова предшествовали практической попытке Петра установить посылкой специальной экспедиции на Камчатку, есть ли пролив между Америкой и Азией. Фактически вопрос этот был решён ещё в XVII в., когда в 1648 г. Федот Алексеев (Попов) и Семён Дежнев прошли проливом, названным позже Беринговым, но в начале XVIII в. об этом мало кто знал и требовалось специальное выяснение вопроса.

¹ «Пропозиции Федора Салтыкова», стр. 28—29.

² «Изъявления прибыточные государству», стр. 32—34.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же.

В области *финансов* записки Фёдора Салтыкова характерны, как было сказано, большой заботой автора об увеличении доходов государства. Выдвигая свои предложения, относящиеся к самым различным областям жизни, Салтыков обычно подчёркивал, что осуществление их приведёт к росту государственных доходов. Из многих конкретных предложений Салтыкова, относящихся к финансам, отметим здесь лишь некоторые, имеющие более или менее принципиальное значение.

Не ставя общего вопроса о налогах с «господ и дворян», Фёдор Салтыков подчёркивал нецелесообразность существовавшего тогда порядка, при котором многопоместные и малопоместные вотчинники платили государству со своих вотчин поровну, и предлагал установить различный размер обложения их в соответствии с титулами, которые должны быть присвоены «господам и дворянам»¹.

В записках видно стремление Салтыкова усилить обложение церкви и монастырей. Он рекомендовал обложить все церкви дополнительным налогом «на жалованье солдатам», «понеже церкви и вера защищается от неприятелей ими, а те священники довольно имеют свои доходы от детей своих духовных и от приходов...»². Как было сказано, на церковь он хотел возложить также расходы по содержанию и обучению грамоте сирот и нищих до двадцатилетнего возраста, содержанию неработоспособных нищих, а на монастыри — расходы по содержанию академий и библиотек, женских школ, расходы по обучению сирот и нищих «мануфактурным и рукодельным делам». Вотчины «духовных чинов» должны, по проекту Салтыкова, облагаться налогами в полтора раза большими, чем налоги на дворян.

В записке Ф. Салтыкова имеется мысль о введении подушной подати в России, правда, в отношении лишь одной части населения — посадских людей. Одно из его предложений гласит: «Посадским всем поголовную дань платить по $\frac{1}{2}$ рубля»³.

Он советовал установить особый чин «регента государственного», в обязанность которого входила бы забота об экономии государственных расходов, наблюдение за тем, чтобы оклады жалованья воинским и гражданским чинам не превышали того, что полагается по их «достоинству», «состоянию дела», а число гражданских чиновников по губерниям не было бы выше необходимого. Государственный регент должен ежегодно получать от всех губерний ведомости приходов и расходов, заботиться об увеличении доходов по губерниям.

¹ См. «Пропозиции Федора Салтыкова», стр. 9 и сл.

² Там же, стр. 3—4.

³ Там же, стр. 18.

Салтыков считал целесообразным изучать опыт других государств в области финансового дела, для чего послать в Англию, Голландию, Францию по 3—4 человека «из господ», людей бывалых, знающих состояние Русского государства, «...и им велеть смотреть, какие у них земляные всякие окладные доходы и какое у них обхождение деньгам, такожде и всяких прочих промыслов доходы, и таможенных сборов, и кабацких доходов и всяких прочих дел...»¹.

Из других предложений Ф. Салтыкова следует отметить его оригинальный, разработанный с особенной подробностью и старанием проект строения каменных зданий в России².

Он предложил осуществить грандиозное по своим масштабам государственное мероприятие — во всей стране, и в городе и в деревне, переделать деревянные жилые дома, со всеми хозяйственными строениями, в каменные. По мысли Салтыкова, эта мера должна охватить как господские, дворянские, помещичьи, купеческие дома, так и дома мастеровых людей и крестьян.

Для проведения данного мероприятия Салтыков считал необходимым создать во всех губерниях Каменные приказы. Необходимые на строительство каменных зданий деньги следует собирать в виде ежегодного подворного обложения в соответствии с чином и «пожитками» людей: «с господ и гостей по два рубли, с дворян и гостиной сотни по рублю, с помещиков и посадских людей по полтине, с мастеровых людей и крестьян по осьми копеек с двора в год»³. Указом царя должны быть собраны архитекторы, каменщики, кирпичники, черепичники, столяры, кузнецы и другие мастера для изготовления строительного материала и строительства зданий. Архитекторы должны разработать чертежи, проекты зданий разных образцов — дворянских, помещичьих, купеческих домов, а также дома мастеровых людей и крестьян, «со всякими потребностями».

Производство материалов и строительство зданий в городах Салтыков предлагал осуществлять не в индивидуальном порядке, а организовано, на средства и силами Каменного приказа. При индивидуальной закупке материалов и строительстве зданий, пишет Салтыков, господа и богатые будут поднимать плату работным людям до уровня, недоступного бедным людям. При организации же строительного дела Каменным приказом «работные люди станут питаться от того наймом, и во всем будет исправно и постепенно, и не так убыточно и со всякою легостию построится в малые годы по сему образу»⁴.

¹ «Изъявления прибыточные государству», стр. 38—39.

² См. там же, стр. 42—46.

³ Там же, стр. 46.

⁴ Там же, стр. 43.

Указом царя должны быть созданы в соответственных местах заводы для ломки белого камня на здания и на известь, а также кирпичные и черепичные заводы; на них будут работать мастеровые люди и работники за определённое жалованье под наблюдением надзирателей из Каменного приказа.

В деревне же крестьяне сами должны делать кирпичи и черепицу в зимние месяцы; в тех местах, где нет глины и мало лесов, Салтыков рекомендовал строить дома из дикого камня. Крестьянские дома должны строиться в два этажа, причём второй этаж — только для летнего жилья. Строить крестьянские дома, по мысли Салтыкова, следовало при больших дорогах, в линию, а улицы и дворы мостить диким камнем. Каменное строительство, писал Салтыков, избавит крестьян от разорения пожарами, а страну — от истребления лесов; «а строить бы те крестьянские дворы не на старых их местах жилищ, но на иных удобных местах, при реках или на горах, при прудах или при озерах, которые места к тем же помещикам надлежат»¹. Улицы городов должны быть замощены камнем, а возле домов сделаны тротуары. И в городах, и в деревнях мостов деревянных не строить, а делать только каменные, что обеспечит удобства для проезжих и красоту.

В письме Петру I от 22 июня 1713 г. Ф. Салтыков определил и примерный срок осуществления своего плана — около 15 лет. Каменное строение, писал он, «может управиться меньше пятнадцати лет, без всяких убытков, с великою легкостью применяясь, как правилось оное дело в Англии, как и ныне правится»².

Этот проект Ф. Салтыкова был утопическим. В условиях господства феодально-крепостнического строя в стране и крайнего напряжения сил народа, направленных на ведение долгой и тяжёлой войны за выход к Балтийскому морю, предложенный Салтыковым план домостроительства не мог быть осуществлён; он требовал огромной дополнительной затраты труда и средств от народа, и без того переобременённого гнётом феодальной эксплуатации. Фантастический проект Салтыкова остался без внимания со стороны Петра I.

Отрыв от реальной действительности виден и на некоторых других предложениях Ф. Салтыкова, когда он, выдвигая практически вообще осуществимые меры, вместе с тем стремился проводить их в масштабах, явно превышавших возможности России того времени. Например, как было сказано, академии, купеческие компании для внешней торговли, шёлковые, игольные заводы он считал необходимым завести обязательно во всех губерниях России, что было явно неосуществимо.

¹ «Изъявления прибыточные государству», стр. 45.

² Н. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, Спб. 1897, Приложения, стр. 73.

В целом же предложенная Ф. Салтыковым программа преобразований носила, несомненно, прогрессивный характер. Она была направлена на преодоление экономической и культурной отсталости России. Как и программа Петра I, программа Ф. Салтыкова страдала исторической ограниченностью, поскольку намеченные им преобразования он предлагал проводить в рамках феодально-крепостнического строя.

Экономические воззрения Ф. Салтыкова и его экономическая программа в основном тождественны с воззрениями и программой преобразований Петра I. Практическое же значение разных предложений Ф. Салтыкова в смысле прямого влияния их на государственную деятельность Петра I было неодинаковым. Многие предложения Салтыкова явились запоздалыми, поскольку рекомендованные им мероприятия в той или иной степени уже осуществлялись в России, например производство шёлковых тканей, стекла, писчей бумаги, разведение винограда, табака и др. Салтыков, как видно, не знал об этом. Ряд его предложений вовсе не получил реализации в политике Петра I ввиду неприменимости их к условиям России того времени. Некоторые предложения Салтыкова, например о расширении производства льна и конопли в стране, о запрещении вывоза семян этих культур за границу, о посылке русских людей за границу для обучения торговому делу и т. д., были, судя по законодательству Петра I, сразу же реализованы Петром I. И, наконец, многие предложения Салтыкова в той или иной степени совпадают с мероприятиями, которые Пётр I осуществил или пытался осуществить спустя много лет после того, как он получил записки Ф. Салтыкова. На проведение этих мероприятий Петром I возможно оказали большее или меньшее, но отнюдь не решающее влияние записки Салтыкова.

Подводя итог изложенному выше, можно сказать, что в экономических воззрениях Ф. Салтыкова мы видим, с одной стороны, черты, типичные для всей передовой русской экономической мысли первой четверти XVIII в., а с другой — некоторую вариацию её, обусловленную принадлежностью автора записок к феодальной аристократии и длительным пребыванием его за границей, в отрыве от своей родины. Для Ф. Салтыкова характерно, в частности, преклонение перед Западом, стремление механически перенести из Англии в Россию некоторые порядки, не считаясь с реальными условиями России.

Экономические воззрения Ф. Салтыкова, не представляя собой какого-либо особого течения, направления общественной мысли, всё же заслуживают серьёзного внимания, так как дополняют общую картину состояния русской экономической мысли в первой четверти XVIII в.

«Инструкция» А. П. Волынского как памятник идеологии эпохи

Одним из интересных памятников, характеризующих идеологию дворянства рассматриваемого периода, являются «Инструкции», практические руководства по управлению имениями, составлявшиеся помещиками для своих приказчиков. Сохранились краткие «Памяти» и «Наказы» владельцев вотчин своим приказчикам, например А. И. Безобразова¹, Б. И. Морозова² и др., относящиеся к XVII в. В XVIII в. эти «Наказы» принимают форму развёрнутых инструкций, в которых феодал даёт подробное предписание правил управления имением. В инструкциях содержалась детальная регламентация жизни вотчин. Современный читатель черпает из этих документов точные и обширные сведения об уровне развития сельского хозяйства России в XVIII в., о технике сельскохозяйственного производства, уровне сельскохозяйственных знаний того времени, об экономике помещичьего и крестьянского хозяйств, о крестьянских повинностях и т. д. Для историка же экономической мысли особенно важно то, что инструкции ярко отражают феодальную, крепостническую идеологию владельцев вотчин, их взгляды на свои феодальные права и на обязанности крестьян.

Для первой четверти XVIII в. в этом отношении характерна «Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень»³, написанная в 1724 г. А. П. Волынским, одним из видных деятелей петровской эпохи и периода царствования Анны Ивановны.

А. П. Волынский (1689—1740 гг.) происходил из старинного дворянского рода. С 1704 г. находился на военной службе. В 1715 г. он был направлен посланником в Персию, а в 1719 г. — губернатором во вновь образованную тогда Астраханскую губернию. Екатериной I Волынский был назначен губернатором в Казань, где и находился с небольшим перерывом до конца 1730 г. С воцарением Анны он был назначен воинским инспектором под начальством Миниха, а в 1736 г. — обер-егермейстером. В 1738 г. Волынский был назначен кабинет-

¹ Опубликовано в приложении к работе А. А. Новосельского «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.», М.—Л. 1929, стр. 184—189.

² См. *И. Е. Забелин*, Большой боярин в своём вотчинном хозяйстве (XVII век), «Вестник Европы», т. 1, 1871 г., стр. 16—22.

³ Впервые опубликована Погодиным в журнале «Москвитянин», 1854 г., т. 1—2, отд. IV, стр. 11—32 и т. 3—4, отд. IV, стр. 33—42. Публикация Погодина была неполной: не была напечатана часть «Инструкции» под названием «Регула об лошадях». Позже, в 1881 г., вышло полное издание под названием «Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях, как содержать и притом прилежно смотреть надлежит, чтоб в добром здоровьи были», «Памятники древней письменности», Спб. 1881,

министром. На этом высоком посту он развернул большую государственную деятельность, но скоро пришёл в столкновение с окружавшими Анну немецкими проходимцами во главе с Бироном, которые стремились оттеснить русских людей от управления государственными делами. Волынский возглавил оппозицию против немецкой партии при дворе. По проискам Бирона в 1740 г. он был арестован. Его обвинили во взяточничестве, утайке казённых денег и подготовке государственного переворота в пользу Елизаветы. В том же году Волынский был казнён.

Волынский был деятельным защитником интересов дворянства и сторонником дальнейшего расширения прав господствовавшего класса в стране. В царствование Анны он составил обширный проект под названием «Генеральное рассуждение о поправлении внутренних государственных дел», в котором наметил широкие мероприятия, касающиеся различных сторон жизни, в том числе экономической, вопросов торговли и финансов. Проект был уничтожен им перед арестом, и его содержание известно только по показаниям на следствии других лиц, обвинённых вместе с Волынским.

«Инструкция» А. П. Волынского представляет собой документ, весьма показательный для характеристики взглядов дворян того времени на свои права в отношении крестьян и на вопросы организации помещичьего хозяйства. В «Инструкции» показаны экономика помещичьего хозяйства России первой четверти XVIII в. и организация дворянского хозяйства. Теоретических рассуждений в ней нет. Цель её сугубо практическая — дать дворецкому наставление, руководство к ведению помещичьего хозяйства, управлению крепостными крестьянами. Это своего рода помещичий «домострой».

«Инструкция» Волынского тем более интересна, что она составлена не рядовым, а выдающимся помещиком петровского времени с большим кругозором и опытом административной деятельности. В авторе «Инструкции» виден вместе с тем знаток сельского хозяйства.

В «Инструкции» Волынского в значительной мере нашло своё отражение и конкретизацию законодательство Петра I о крестьянстве и о сельском хозяйстве. Экономическая сторона содержания «Инструкции» вращается вокруг основного общественно-экономического отношения того времени — отношения помещика к крепостным крестьянам.

Для истории русской экономической мысли наибольшее значение представляют пункты «Инструкции», непосредственно определяющие обязанности, труд, быт крепостных крестьян. В этой части «Инструкция» производит на современного читателя жуткое впечатление открытым разгулом дворянского всевла-

ствия по отношению к крепостным, бесцеремонным попранием их прав, их личной свободы. «Инструкция» показывает, как уже к тому времени глубоко вкоренилась в сознание дворян мысль о всевластии по отношению к крестьянам, о праве вмешиваться и контролировать каждый шаг крестьянина.

Красной нитью проходит через «Инструкцию» дух грубого полицейского надзора помещика над крестьянином. Чтобы держать крепостных крестьян под постоянным надзором, Волынский приказывает дворецкому выбирать по деревням «десятских», которые обязаны постоянно, повседневно, повсечасно зорко смотреть за крестьянами своего десятка. Дворецкий, приказчик, староста и десятские должны следить за тем, чтобы крестьяне находились всегда в работе, без особой нужды не отлучались на торжок и т. д.

Какой суровой казармой приказывал Волынский сделать свои деревни, видно, например, из таких его предписаний: крестьянин, имеющий нужду ехать куда-либо далее пятидесяти вёрст от своей деревни или в другой уезд, обязан получить на это разрешение от приказчика, взять паспорт за подписью приказчика и священника с указанием в паспорте, куда и по какому делу он едет, через какие места ему проезжать и каков срок поездки. На расстояние от 10 до 30 вёрст крестьянин может ехать для торгу или какой иной нужды только с разрешения приказчика и притом обязательно в сопровождении старосты и выборных. Крестьянин, желающий идти или ехать на торжок не далее 10 вёрст от своего дома, должен за день заявить об этом своему десятскому, указать, что именно он хочет продавать. Десятский об этом должен объявить приказчику. На самом торжке крестьяне должны находиться не иначе, как под неусыпным наблюдением кого-либо из десятских своей деревни, «дабы они ничего без ведома десятских не покупали и не продавали; и притом же и того б смотрели, чтоб не лакомились по лабазам и не пили б по кабакам». По возвращении с торжка крестьянин был обязан представиться своему десятскому, рассказать, что продал и купил, показать деньги. Но и это ещё не всё: «...всякой десятской в своей деревне каждой вечер и каждое утро должен десяток свой обойти по всем дворам, — все ли ночевали в домах своих, и нет ли кого прибылых посторонних...»¹.

Как раз в эти годы Петром была введена паспортная система для всей России в целях борьбы с бегством крестьян от помещиков, борьбы с уклонением от военной службы и с разбойничеством. Распоряжаясь не отпускать крестьян без паспорта

¹ «Москвитянин», т. 1, отд. IV, 1854 г., стр. 16.

Такой пункт имелся и в «Наказе» Д. А. Шелелева приказчику Ивану Балашеву», см. «Исторический архив», VIII, АН СССР, М. 1953, стр. 237.

дальше 50 вёрст, Волынский повторил соответствующий указ Петра, объявленный плакатом в 1724 г. Но в своей грубой полицейской слежке за крестьянином Волынский идёт значительно дальше указа Петра, проявляя в этом деле свою инициативу и особое рвение.

Таким образом, «Инструкция» раскрывает тип помещика, осуществлявшего по отношению к своим крепостным всю ту полноту власти, которая самодержавным монархом осуществлялась по отношению ко всей массе трудящихся страны. «Инструкция» ярко отобразила всевластие помещика и бесправие крестьянства в петровской России.

«Инструкция» предусматривает конкретные меры идеологического воздействия на крестьян посредством религии, официальной церкви, предписывает содержать крестьян в «законе и должности христианской». С этой целью приказывается раздать «новоизданную печатную книжицу о десяти заповедях божиих, о символе веры и о девяти блаженствах»; приказчикам предписывается крепко следить за тем, чтобы крестьяне ходили в церковь и ежегодно исповедовались. Нарушители этого порядка подлежат наказанию. Эти меры церковного воспитания были предписаны Петром I для всей России, и Волынский здесь только повторил соответствующие указы Петра.

Волынский приказывает дворецкому заботиться о том, чтобы в каждой деревне было по несколько грамотных человек. И эти меры имели в виду отнюдь не интересы крестьян. Обучать грамоте, объясняет он тут же, нужно для того, чтобы иметь писцов для приказчиков.

Как можно судить по рассматриваемому документу, эксплуатация крепостного труда в имениях Волынского осуществлялась исключительно в форме барщины. Об оброчной системе здесь не упоминается.

В «Инструкции» предлагается устранить существующее в деревнях различие в понимании «тягла» и устанавливается одинаковое для всех деревень значение «тягла». Волынский приказывал считать целым тяглом двух мужчин в возрасте от двадцати лет и двух женщин по выходе замуж. Устанавливается, сколько земли должно быть обработано для помещика с каждого тягла: «И повинен всякой, имея целое тягло, вспахать моей земли две десятины в поле, а в дву потому ж мерные, а именно: всякая десятина восемьдесят сажен длиною, а сорок сажен поперечнику. А которая земля учреждается под мелкой хлеб: под пшеницу, под горох, под конопли, под мак, просу, репу и лен, — оную пахать и собирать всем поголовно, кроме положенной на них десятинной пашни»¹.

¹ «Москвитянин», т. 1, отд. IV, 1854 г., стр. 23.

В «Инструкции» говорится также, сколько земли предоставляется каждому тяглу в обработку для нужд самих крестьян: «...когда тягло вспашет на меня две десятины в поле, то надобно, чтоб собственной ему земли было на всякое тягло против того вдвое, которую не запуская конечно, повинен всякой крестьянин сам для себя вспахать и всю землю посеять...»¹.

Обработка определённого количества земли для себя также объявляется повинностью крестьян. Дворецкому и приказчикам предписывается строго следить и за тем, чтобы земля у крестьян «пуста не лежала». Каждому тяглу предписывается иметь не менее двух лошадей.

Кроме обработки земли на помещика, Волынский приказывал «...брать с кажнаго тягла в год в декабре месяце по пуду свинаго мяса, по три фунта масла коровья, да по одному молодому барану. В июне месяце с них же с кажнаго тягла по три фунта шерсти овечьей и по пяти аршин посконнаго холста. И притом еще с васильевских и с николевских крестьян сморчков сухих по одному фунту, малины сухой по одному фунту, а с батыевских, вместо сморчков и малины, брать по два фунта грибов сухих. Да когда мне случится быть в Москве или в Петербурге, тогда с кажнаго тягла брать по одному гусю, по одной утке, по одной русской курице, по одному поросенку и по двадцати яиц»². Таким образом, барщина совмещалась с рентой продуктами.

Следует отметить, что в «Инструкции» ничего не говорится о продаже принадлежавшего помещику хлеба и скота. Хозяйство Волынского носило, как видно, в значительной мере натуральный характер. В «Инструкции» говорится о необходимости собственного производства ряда продуктов, чтобы не было нужды покупать их. Приказывается покупать только некоторые промышленные продукты: мыло, свечи и др.

Волынский предписывает суровые, чисто крепостнические меры утверждения дисциплины труда. В документе крестьяне огульно рисуются как люди ленивые и нерадивые, склонные к пьянству, воровству и другим порокам. Слова «лень», «ленивцы» встречаются то и дело. Волынский приказывал дворецкому и старостам неуклонно следить за тем, чтобы крестьяне работали постоянно и прилежно, а к ленивым и нерадивым применять строгие меры наказания.

В «Инструкции» подробно излагается порядок сбора подати с крестьян. Волынский распорядился раскладывать подати не по душам, а по тяглам, подушный же расчёт оставался только

¹ «Москвитяниц», т. 1, отд. IV, 1854 г., стр. 23.

² «Москвитяниц», т. 3—4, отд. IV, 1854 г., стр. 35.

для определения общей суммы подати, приходящейся с деревни. Обосновывал своё приказание Волынский теми соображениями, что раскладка подати по душам приведёт к быстрому и полному разорению бедных семей с большим числом мужских душ¹. Волынский, как, впрочем, и все помещики, не стал проводить царский указ точно, а внёс в него существенную поправку, отвергнув принцип подушной раскладки.

Дворецкому предписывалось строго следить за тем, чтобы престарелые и сироты по миру не скитались, приказывалось всех их переписать, отобрать способных к труду и отдать на работу к своим же крестьянам за питание и одежду. Крестьянам строго запрещалось нанимать посторонних работников, а предлагалось брать своих же однодеревенцев. Здоровых людей, которые бродят по миру как нищие, «насильно к работе принуждать и наказывать». Это соответствовало указам Петра. Запрещая нищенство в России, Пётр I возлагал на помещиков обязанность следить за тем, чтобы их крестьяне не ходили по миру. За нищенствующими крестьян с помещика взимался штраф.

Волынский выступал как инициативный хозяин, желающий повысить агрикультуру, создавать новые отрасли сельского хозяйства. Так, он предписывает дворецкому чистить, чинить пруды и заводить в них рыбу, устроить во всех имениях сады, пасеки, приказывает также завести во всех имениях птицу и скот: лошадей, коров, овец, свиней.

Любопытен способ, каким Волынский намеревался поднять животноводство в своих имениях. Он предлагает купить телят, ягнят, поросят, вывести цыплят и всё это раздать «деловым бабам» для выращивания. Чтобы заинтересовать людей материально в хорошем уходе за скотом, Волынский приказывает установить такой порядок: указать, сколько должно быть приплода скота и птицы, если же кто старанием своим выкормит больше положенного числа, тому отдавать излишек приплода. А кто небрежностью своей поморит скот и птицу, тот должен заплатить помещику.

Выше мы говорили, что Пётр возложил на помещиков функцию принуждения крестьян к расширению посевов и к более рациональным приёмам обработки земли. Эта политика Петра нашла своё отражение и в «Инструкции» Волынского. Дворецкому предписывается прилежно смотреть за тем, чтобы умножить производство хлеба, для чего расширять пашню, покупать хорошие семена для замены плохих, смотреть за крестьянами, чтобы они во-время производили сев и уборку, не пропуская удобного времени.

¹ См. «Москвитянин», т. 1, отд. IV, 1854 г., стр. 29.

Одну из причин низких урожаев Волинский видел в установившейся в деревнях практике редкого посева зерновых культур. Он предлагает провести опыт: по примеру других мест посеять на одной десятине семян вдвое и на другой в полтора раза больше, чем обычно высевается в его деревнях. Волинский обращает внимание на необходимость лучше удобрять поля. Обычное удобрение — навоз, пишет он, уже недостаточно помогает. Вместе с тем он указывает, что «некоторые домостроители сыскали способ, отчего земля так родит хлеб, как бы новая», и предписывает дворецкому провести на трёх десятинах опыт: осенью заготавливать хворост, мелко рубить его, отвозить в поле и раскладывать равномерно кучами по истощённой земле; собирать также листья деревьев, хвою и класть их в навоз, а весной, когда сойдёт снег, кучи с хворостом на полях сжигать. Дворецкому предлагается крепко смотреть за тем, чтобы земля была пахана глубже, после чего мелко перепахана и пророборонена ¹.

Волинский обязывает дворецкого в январе каждого года переписывать всех крестьян по дворам с указанием состава семьи, имеющегося в хозяйстве скота, размера уплаченной хозяйством подати, величины тягла, обработанной земли для помещика и для себя, занятий ремеслом, извозом или по найму.

Систематическая и полная отчётность о хозяйственном положении крепостных крестьян в руках помещика и его управителя должна была служить всё той же цели всемерного контроля, регулирования помещиком и управителем крестьянского хозяйства для наиболее рациональной, с помещичьей точки зрения, организации эксплуатации крестьян. Вместе с тем переписи должны были служить, очевидно, и целям контроля помещика над деятельностью самого управляющего и приказчиков.

Особые пункты посвящены практическим мерам борьбы против разбойников и воров, а также борьбе с пожарами. В приложении к «Инструкции» — «Регула об лошадях» — подробно излагаются правила ухода за лошадьми.

Сравнивая «Инструкцию» Волинского с «Домостроем» и с «Книгой о скудости и богатстве» Посошкова, профессор Лешков увидел в «Инструкции» своего рода руководство к благосостоянию сельского общества в отличие от «Домостроя»,

¹ В наказе А. А. Вишиуса приказчикам и старостам его подмосковных вотчин (1709 г.) рекомендуется, между прочим, такой способ подготовки семян к посеву: «Будет прибыточно с бережением семени в чан и павозную густую воду мочить в мешках сутки. А мешки завязывать нехудо, чтоб семя промокло, а не больше, чтоб не испортить, и, выняв, просуша, мало оборачивая, чтоб высох, во имя божие сесть» («Исторический архив», VIII, АН СССР, М. 1953, стр. 274).

имевшего в виду благосостояние только одной семьи, и от Посошкова, размышлявшего о благосостоянии всего народа, страны в целом. По утверждению Лешкова, «Волынский написал правила для благоустройства сельского общества, в справедливом убеждении, что он соблюдал общественную пользу, разумно и законно устроая собственное благо»¹. В действительности же об «общественной пользе» говорить здесь не приходится.

Прямой и основной целью «Инструкции» Волынского является «устроение» блага помещика за счёт зверской эксплуатации крепостных крестьян.

Понимание хозяйственных вопросов у автора «Инструкции» иное, чем в «Домострое» XVI в. Но с «Домостроем» XVI в. помещичий «домострой» XVIII в. сходен в том отношении, что там и здесь речь идёт о выгоде, о пользе отдельного хозяйства, а не о народном хозяйстве в целом, не об интересах государства.

Особенность эксплуатации труда в феодальном обществе, неразрывная связь помещичьего хозяйства с хозяйством крепостных крестьян заставляют Волынского интересоваться состоянием и крестьянских хозяйств. Но крестьянское хозяйство его занимает лишь постольку, поскольку от состояния крестьянского хозяйства зависит его, помещика, благополучие. Вместе с тем «Инструкция» показывает, как крепостники-помещики понимали петровские указы и проводили их практически в жизнь: они ещё более усиливали эксплуатацию крепостных крестьян, своё всевластие и бесправие народа.

Инструкции управителям имений писались и во второй половине XVIII в., некоторые из них были напечатаны («Наказ управителю или прикащику» Рычкова, «Наказ для деревенского управителя» Болотова, «Экономические записки» Чулкова).

Опыты Волынского по увеличению густоты посева зерновых, сжиганию хвороста на полях для повышения урожайности показывают поступательное движение русской агротехнической мысли. Последующие авторы вопросы агрикультуры ставят значительно глубже, чем это делал Волынский. Они более широко используют и обобщают передовой опыт агротехники помещичьих имений России и опыт других стран.

«Инструкция» Волынского характерна ярко выраженной классовой позицией автора как помещика, эксплуатирующего труд крепостных крестьян. То обстоятельство, что «Инструкция» писалась не как литературное произведение, предназна-

¹ В. Лешков, Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии, «В воспоминание 12 января 1855 г. Учёно-литературные статьи профессоров и преподавателей императорского Московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея», М. 1855, стр. 5.

ченное для публикации, а как сугубо практическое указание, организующее деятельность управляющего именем, придало материалу характер полной документальности и вместе с тем большой непосредственности. «Инструкция» представляет собой как бы откровенный, без посторонних, деловой разговор помещика с управителем своих имений. Подобная откровенность классовой позиции не всегда могла быть у последующих авторов, писавших «Наказы» уже для более широкого круга читателей. Эта особенность «Инструкции» Волынского делает её особенно ценным источником, хорошо отразившим идеологию помещика-крепостника петровской эпохи. В этом и состоит историческое значение «Инструкции» Волынского.

Выражая некоторые черты, характеризующие индивидуальные особенности её составителя, «Инструкция» Волынского в то же время в своих основных положениях является типичной для идеологии феодалов рассматриваемой эпохи. В «Инструкции» Строганова, например, крестьянам под угрозой жестокого наказания запрещено обращаться непосредственно к нему с жалобой на приказчика¹, а «Инструкцией управителям дворцовых волостей» (1731 г.), данной крупнейшей помещицей — императрицей всероссийской, предписывалось крестьян, которые плохо работают на государевой пашне, «наказывать баготи нещадно»².

Крепостническая идеология ярко выступает и в других документах этого рода.

Экономические воззрения В. Н. Татищева

Василий Никитич Татищев (1686—1750 гг.) происходил из некогда знатного, но потом захудалого дворянского рода. Образование он получил, как полагают, в Московской артиллерийской и инженерной школе, много читал и был одним из образованнейших людей своего времени. Восемнадцатилетним юношей Татищев поступил на военную службу и участвовал в походах Петра I. Пётр обратил внимание на образованного офицера и несколько раз (с 1713 по 1719 гг.) направлял его за границу с дипломатическими и другими поручениями.

В 1719 г. Татищев по поручению Петра начал работу по географическому описанию России и почти одновременно — по русской истории. В то время не было ещё отечественной географии и истории, написанных русскими людьми; сочинения

¹ См. «Исторический архив», IV, М.—Л. 1949, стр. 165.

² См. «Исторический архив», VI, М.—Л. 1951, стр. 175.

же иностранцев, как верно отмечал Татищев, содержали множество фактических ошибок, вымыслов и клеветы¹.

В 1720 г. Татищев был направлен на Урал, где он руководил действовавшими заводами и постройкой новых, организовывал разведку полезных ископаемых, устраивал школы для подготовки мастеров горнозаводского дела. Под руководством Татищева было начато строительство города Екатеринбург (ныне город Свердловск), ставшего центром горнозаводского Урала.

Отозванный вскоре с Урала, Татищев в 1734 г. вновь был послан на Урал в качестве главного правителя горных заводов в Сибирской и Казанской губерниях. Деятельность Татищева вызвала резкое недовольство горнопромышленных тузов — Демидовых и Строгановых. Дальнейшее руководство Татищева горнозаводским делом было нежелательно также Бирону, Шембергу и другим иностранным проходимцам, добивавшимся передачи в частные руки казённых заводов Урала. Поэтому в 1737 г. Татищев был отозван из Екатеринбурга и направлен в Оренбургский край в качестве начальника Оренбургской экспедиции.

В 1741 г. Татищев был назначен губернатором Астраханской губернии. Он составлял проекты заселения астраханской степи и строительства городов, поощрял развитие рыболовства по Нижней Волге, содействовал росту внутренней и внешней торговли, ведя одновременно борьбу с английской торговой компанией (во главе с авантюристом Эльтоном), деятельность которой затрагивала интересы России. Астраханское губернаторство Татищева закончилось в 1745 г. новой опалой и отдачей под суд. Последние годы жизни Татищев провёл в своём подмосковном имении Болдино, всецело отдавшись научным занятиям. Здесь он завершил первый в России большой труд по отечественной истории — «Историю Российскую» — и дал обобщение своих работ и размышлений по экономическим вопросам в записке «Например представление о купечестве и ремеслах» (1748 г.)².

Идеолог дворянства, сторонник феодального абсолютизма, Татищев пытался обосновать необходимость общественного неравенства, которое он выводил из существующего, по его мнению, естественного неравенства людей. Из «естественного закона», по Татищеву, вытекала необходимость и разумность

¹ См. А. И. Андреев, Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг., «Исторический архив», VI, М. — Л. 1951, стр. 252.

² См. «Исторический архив», VII, М. — Л. 1951, стр. 410—426; см. также П. К. Алевиренко, Экономические взгляды В. Н. Татищева, «Вопросы истории» № 12, 1948 г., стр. 89—97. Некоторые из указанных в этой статье документов использованы в главе тринадцатой; см. ссылки вверху на стр. 389 и первые на стр. 391 и 393.

сословного деления общества: дворянство призвано управлять государством и руководить его защитой, получая за это монопольное право владения землёй с крестьянами; купечеству следует заниматься торговлей и промышленностью, а крестьяне должны усердно трудиться, иначе говоря, быть объектом эксплуатации.

В своих произведениях Татищев защищал крепостное право. Для оправдания его существования он использовал так называемую теорию общественного договора. В сочинении «Разговор о пользе наук и училищ» (1733 г.) он утверждал, будто крепостное право возникло в силу договора, по которому помещики должны были кормить крестьян, за что последние отказались от своей свободы.

В другом месте — в своих примечаниях к «Правде русской и судебнику царя и великого князя Ивана Васильевича» (1738 г.) Татищев, признавая вообще полезной вольность крестьян, считает её неподходящей для России. По мнению Татищева, вольность крестьян «с нашею формою правления монаршеского не согласует, и вкоренившейся обычай неволи переменить небезопасно»¹.

Татищев осуждал мероприятия преемников Петра, противоречившие принципам его экономической политики. С «великою досадою» говорил он о том, что происходило в хозяйстве страны при ближайших преемниках Петра (в особенности при малолетнем Петре II), когда «Магистрат был разорен, Берх- и Манифактур-коллегия засунуты были в угол Комерц-коллегии, заводы овчарные и другие совсем разорены, училища не токмо вновь не устроены, но и устроенные оставлены и многие полезные его вел[ичества] уставы и учреждения отринуты или переменены»². Татищев одобрял политику Елизаветы Петровны, которая вновь ввела петровские уставы и восстановила органы управления торговлей и промышленностью, учреждённые Петром I и уничтоженные его ближайшими преемниками.

Вместе с тем Татищев считал, что экономическая политика государства должна совершенствоваться и несколько изменяться в соответствии с изменениями в экономической обстановке. Он советовал Елизавете придерживаться основ экономической политики Петра I и в то же время в ней «нечто исправить, дополнить или пременить...»³. Намечавшиеся Татищевым исправле-

¹ «Продолжение Древней российской ви́блиофики. Часть 1. Содержащая Правду русскую и судебник царя и великого князя Ивана Васильевича с примечаниями г. тайного советника Василья Никитича Татищева», Спб. 1786, стр. 175.

² В. Н. Татищев, Например представление о купечестве и ремеслах [в дальнейшем: «О купечестве и ремеслах»], «Исторический архив», VII, 1951, стр. 415.

³ Там же, стр. 415—416.

ния, дополнения и изменения экономической политики были направлены на усиление сословно-классовых позиций дворянства в условиях развития в недрах феодального хозяйства буржуазных связей и возрастания роли купечества в экономике страны.

* *
*

Главным источником богатства и его роста, по мнению Татищева, является торговля (которую он согласно русской терминологии того времени называл «купечество») и прежде всего внешняя торговля. Татищев считал, что торговля для хозяйства страны имеет такое же значение, как сердце для организма человека. Роль промышленности в создании богатства страны состоит в том, что она, обрабатывая сырьё, даёт свои изделия для реализации купцам, «а купцы, всюду развозя, требующим продают и, на избытки оных меняя, всех доводят»¹. Источником всех государственных доходов является, по Татищеву, торговля: она «есть корень и основание всех богатств и доходов... государственных»². Отсюда вывод Татищева, что «все доходы государственные, какого б оные звания ни были, единственно от купечества происходят»³.

Особо важную роль в образовании и увеличении богатства страны, государства Татищев отводил внешней торговле: «Внешней за границы торг наибольшее богатство и ползу приносит»⁴.

Для доказательства этой мысли Татищев обращался к истории. Англия и Голландия, не имея на своей территории золотых и серебряных руд, «единственно ремеслами и торгами великие богатства и силу приобрели...»; между тем, Испания, имевшая много золота и серебра, вынуждена была вследствие слабого развития промышленности и торговли, особенно внешней, «своими богатствами других снабждать»⁵.

Важно отметить, что необходимость развития торговли, особенно внешней, Татищев обосновывал не только ссылками на западноевропейский опыт. Значительно подробнее говорил он об отечественном опыте. Татищев утверждал, что ещё в X в. русские государи, начиная с Олега, всячески содей-

¹ В. Н. Татищев, О купечестве и ремеслах, «Исторический архив», VII, стр. 410.

² В. Н. Татищев, Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной. В книге Н. Попова «В. Н. Татищев и его время», М. 1861, Приложение XVI, стр. 719.

³ В. Н. Татищев, О купечестве и ремеслах, «Исторический архив», VII, стр. 411.

⁴ Там же, стр. 418.

⁵ Там же, стр. 411.

ствовали развитию торговли. Он писал о большой роли в развитии торговли России с Англией и Голландией Ивана Грозного и Алексея Михайловича, при котором был издан Новоторговый устав 1667 г. и были созданы различные мануфактуры. Таким образом, впервые Татищев установил преемственность между экономическими мероприятиями Алексея Михайловича, который, по его мнению, был «великий эконо́м»¹, и реформами Петра I. Особенно подчёркивал Татищев роль Петра в развитии русской торговли и в создании органов управления ею.

Настаивая на всемерном развитии экспорта и сокращении импорта, Татищев выступал защитником политики активного торгового баланса. Он подчёркивал преимущественное значение вывоза продуктов отечественной обрабатывающей промышленности: их экспорт больше, чем экспорт сырья, активизирует торговый баланс страны.

Татищев предлагал развивать торговлю не только со странами Западной Европы, но также и с Китаем, Персией, Бухарой, Турцией. Стремясь активизировать торговый баланс России, Татищев считал нужным изменить таможенный тариф и ввести специальные тарифы для отдельных портов и городов. Так (повидимому, в 1744 г.), он разработал и направил в Коммерц-коллегию проект тарифа на товары, провозимые через Астраханский порт, под названием «Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта». В этом «Рассуждении» Татищев предлагал облагать «все российские рукоделия» при экспорте «легкою пошлиною», имеющееся же в избытке промышленное сырьё и продовольственные культуры (в урожайные годы) — «посредственную пошлиною», а всё сырьё и (в неурожайные годы) продовольственные культуры — «пошлиною отяготить, чтобы вывоз... удержать». В результате вместо вывоза сырья, поступающего в обработку, должен увеличиться вывоз фабрикатов.

Что касается благородных металлов, то Татищев советовал не допускать к вывозу за границу золото и серебро в слитках, монете и посуде, а вывозить лишь такие изделия из золота и серебра, в цене которых стоимость обработки составляет не меньше половины: «таковые пропускать не вредно»².

Импорт же золота и серебра в слитках, монетах и изделиях Татищев предлагал освободить от пошлин; такая мера должна была содействовать увеличению массы благородных металлов в стране. По мнению Татищева, необходимо было снять пошлины

¹ В. Н. Татищев, Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, ч. III, Спб. 1793, стр. 4.

² Архив АН СССР, фонд 95, опись 5, № 30. «Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта со мнением тайного советника и астраханского губернатора Татищева», л. 10-об., 11, 12, 17.

с импорта не производящихся или производящихся в недостаточном количестве в России сырья и вспомогательных материалов, «дабы чрез оное фабрики русские размножатся».

Татищев считал далее, что «надлежит облегчение учинить» транзитной торговле русских купцов. Он предлагал взимать пошлины на «всякие чрез Россию привозимые товары» с русских купцов в меньшем размере, чем с иностранных.

Малой и средней пошлиной должен, по мнению Татищева, облагаться импорт товаров, которые «не весьма нужные, но полезные и в России не делаются», и высокой пошлиной — импорт товаров, которые «в России лучше можно делать». Этот ввоз нанесёт ущерб отечественной промышленности: такие иностранные товары «фабрикам русским помешательны»¹.

Выступая за ограничение импорта промышленных изделий и считая вредным ввоз тех изделий, которые производятся в России, Татищев особенно возражал против ввоза предметов роскоши.

В своём донесении в Коммерц-коллегию он, будучи астраханским губернатором, настаивал на запрещении продавать в России и на Украине парчу и кушаки тканые с золотом и серебром, привезённые в Астрахань из Персии. Татищев считал, что привезшие эти товары русские купцы должны сбыть их за границу, а персидские купцы — отвезти обратно в Персию².

Стремясь охранить русское купечество от иностранной конкуренции, Татищев предлагал в развитие Новоторгового устава 1667 г. запретить персидским купцам розничную торговлю («в розницу ни в котором городе не торговать») и разрешить им только крупнооптовую продажу («оптом кипами и стаями не меньше трехсот рублёв») товаров, привезённых из Персии и стран Западной Европы³.

Система торгового баланса, являвшаяся характерной для развитого меркантилизма, определяет в основном экономические рассуждения Татищева. У Татищева, как и у Петра I, нет обычного для большинства западноевропейских меркантилистов утверждения, что богатство заключается только в деньгах, денежном материале — золоте и серебре. Вместе с тем в увеличении богатства страны Татищев придавал огромное значение приливу денег и благородных металлов из-за границы.

Как уже говорилось, Пётр I в интересах фиска уменьшил вес наиболее распространённой тогда в России серебряной монеты, понизив одновременно пробу серебра⁴. Вследствие этого, по мнению Татищева, усилился вывоз золотой монеты из страны

¹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 30, л. 6-об., 7, 9.

² Там же, лл. 1—2.

³ Там же, л. 5.

⁴ См. главу одиннадцатую.

и был нанесён ущерб торговле. «Понеже серебрянная до днесь деланная российская монета для низкости пробы и многого числа прилагаемой меди, тако же для беспорядочного смешения и низкости в пропорции с золотою монетою наносит государству напрасный не малый убыток, в вычетах великие затруднения и причина крайняя вывозу из государства золотой монеты, мною же и в купечестве не без вреда»¹.

Сенат обратил внимание на усилившийся отлив благородных металлов из страны и заинтересовался причинами этого процесса. Отвечая на запрос Сената, Татищев подчёркивал, что причины этого процесса заключены не только в понижении стоимости серебряного рубля, но ещё больше в торговле — «более от некоторого повреждения в купечестве», т. е. в ухудшении торгового баланса страны.

В интересах развития народного хозяйства и роста богатства страны Татищев предлагал повысить стоимость серебряного рубля путём увеличения монетной стопы (общего веса монеты) и улучшения пробы серебра.

Такой «передел серебряной монеты» будет иметь, по мнению Татищева, благодетельные последствия для торговли и казны: «казна от удобрения монеты нетокмо убытка не понесет, но еще и прибыль получит, а народу как выше показано никакого убытка быть не можно ж, да хотя б казне и той прибыли небыло, то довольно что лучшую и весьма порядочную монету в государстве иметь будем, чрез что кроме пользы в купечестве слава государственная более прибыли почитаться может»².

Татищев отрицательно относился к бумажно-денежному обращению. Зная печальный опыт Франции, где в 1716—1720 гг. была впервые в истории проведена банком Джона Ло эмиссия бумажных денег, Татищев был противником их выпуска и вообще бумажные деньги не признавал деньгами: «бумаги вместо денег дают»³.

Препятствием развитию торговли Татищев верно считал также недостатки и злоупотребления в вексельном обращении. Отмечая, что во внешней торговле уже установилось нормальное вексельное обращение, Татищев указывал на неналаженность обращения векселей во внутренней торговле и настаивал на издании вексельного устава. Особое значение в развитии «исправного и порядочного торгу»⁴ Татищев придавал организации кредита для купечества. Он говорил, что у купца не может быть постоянно свободных денежных средств, так как его

¹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 5, № 51, л. 1.

² Там же, л. 2-об.

³ В. Н. Татищев, О купечестве и ремеслах, «Исторический архив», VII, стр. 411.

⁴ Там же, стр. 422.

капитал находится в товарах; между тем у дворянства и духовенства имеются обычно свободные денежные средства, которые они опасаются давать займы непосредственно купцам. Задача привлечения свободных денежных средств и их предоставления в кредит купцам и ремесленникам может и должна быть разрешена в России, по мнению Татищева, так, как она была разрешена в других европейских государствах, — путём учреждения банков. Важно отметить, что Татищев настаивал на учреждении банков не для дворян-помещиков, а для кредитования промышленности и главным образом торговли, развитие которой (при существовавших тогда внутренних таможах) значительно увеличивало доходы государства.

Задуманные Татищевым банки носили феодальный отпечаток, так как должны были основывать свои пассивы не на купеческих капиталах (как то было в коммерческих банках стран Западной Европы), а на средствах помещиков и духовенства.

В области внутренней торговли Татищев считал необходимым рост ярмарочного торга. Ярмарки были торговым институтом, соответствовавшим уровню развития хозяйства России того времени. Резкое преобладание в России сельского населения, рассеянного по деревням и жившего главным образом в условиях натурального хозяйства, исключало возможность сколько-нибудь широкого развития постоянной торговли и придавало особое значение форме временной торговли — ярмарке.

В связи с задачами внутренней торговли Татищев ставил и другие назревшие вопросы: сооружение каналов, необходимых для перевозки товаров, и развитие почты, как важнейшего средства связи и информации купцов. Он подчёркивал при этом огромное значение почты не только для торговли, внутренней и внешней, но также для всего народа и государства.

Как сторонник системы торгового баланса, Татищев тем самым был представителем «системы мануфактуры» (по терминологии Маркса). Решающее значение для активизации торгового баланса страны Татищев придавал организации предприятий, производящих товары для экспорта и для замещения импортируемых товаров. Так, будучи губернатором в Астрахани, он писал: «О шелковом и бумажном размножении здесь и при Кизляре, тако ж о умножении здесь фабрик шелковых и бумажных парчей, о пресечении вывоза ис Персии непотребных товаров я весьма прилежать охоту имею, и если б то в моей полной власти состояло, то б я, конечно, не меньше труд мой здесь, как в Сибири при заводах, показать мог»¹.

¹ В. Н. Татищев, На память о делах астраханских, «Исторический архив», VII, стр. 403.

Настаивая на росте мануфактур, дающих товары для экспорта и сокращающих потребность в импорте, Татищев вместе с тем энергично боролся за развитие рудодобывающей промышленности, металлургической и металлообрабатывающей мануфактур. Эти производства удовлетворяли прежде всего и главным образом военные и другие потребности феодально-абсолютистского государства, связанные с обеспечением экономической независимости России.

В центре внимания и деятельности Татищева было развитие русской горнозаводской промышленности и особенно в главном её районе — на Урале. Татищев поставил задачу довести продукцию казённых и частных заводов Урала до такого уровня, при котором не только покрывались бы потребности государства и внутреннего рынка в металле, но имелись бы также излишки для вывоза в другие страны.

Стремясь повысить производительность заводов, рудников, шахт, Татищев ратовал за внедрение в мануфактуру машин. В своём доношении Екатерине I из Швеции (1726 г.) он писал, что там, несмотря на бóльшую, чем в России, глубину рудников, вдвое бóльшую оплату рабочего и удвоенную цену топлива, металлы, выплавляемые из руды примерно того же качества, обходятся «не дороже нашего, или еще некоторых близ Москвы лежащих и дешевле ставятся». Причиной этого являются «многообразные машины действующие водою, в которых за несколько сот человек одно колесо исправляет». Татищев подчёркивал значение машин не только в металлургии, но и во всех отраслях промышленного производства: «При протчих заводах везде различные машины подают великую в работах помощь»¹.

Взгляды Татищева по вопросам развития рудодобывающей промышленности и металлургии, его идеи в области промышленной политики получили выражение в разработанных им трёх проектах — Горном уставе, Заводском уставе² и Наказе шихтмейстеру³.

Татищев выступал как горячий защитник развития казённой горнозаводской промышленности и сторонник жёсткой регламентации и вмешательства абсолютистского государства в деятельность частных горнопромышленников. По его мысли, государство должно содействовать частным горнопромышленникам, обеспечивать их рабочей силой, технической помощью,

¹ ЦГАДА, фонд бывшего Государственного архива Российской империи (ф. Госархива), разряд IX, кн. 81, л. 35.

² Опубликовано в «Горном журнале» за 1831 г., кн. 1—3 и 5—10.

³ См. *Н. И. Павленко*, «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева, «Исторический архив», VI, М. — Л. 1951, стр. 199—209. Текст «Наказа» см. там же, стр. 210—228.

финансовой поддержкой. Агенты государства, в особенности специальные чиновники на предприятиях — шихтмейстеры, должны тщательно следить за деятельностью частных предприятий, начиная с технического контроля над производством и качеством продукции и кончая наблюдением за тем, чтобы продукция продавалась по установленным государством ценам.

Предприниматели охотно принимали помощь государства, особенно финансовую, различные льготы и привилегии, но яростно возражали против правительственного надзора и вмешательства в их деятельность. Они протестовали против имевшихся в проектах Татищева требований строгой отчётности, регулирования оплаты рабочих, устройства школ, регламентации сбыта и т. д. Протестуя против лишения их «всяя тоя свободности», горнозаводчики Урала во главе с Демидовыми требовали, чтобы «всяк в своем промыслу властен капитал свой содержать так, как кому за полезное разсудитца»¹. Укрепившись на своих хозяйственных позициях, горнопромышленники не хотели мириться с опекой государства, и вследствие их протеста, поддержанного Коммерц-коллегией², проекты Татищева не были утверждены. По фактически уставы и наказ, разработанные Татищевым, применялись в некоторой мере в отношении частных заводов и в значительной степени в казённой промышленности Урала.

Татищев считал необходимым развивать не только крупное промышленное производство — «великие заводы», которые, по его определению, «во множественном числе людей и работ состоят», но и мелкое производство ремесленников, которые «токмо в своих домах и единственно своими руками работают»³. Мелкое производство, как и крупное, не может, по мнению Татищева, развиваться без помощи государства и без его руководства. Полагая, что развитие ремёсел нуждается в специальном внимании и заботе, Татищев высказывался за изъятие ремесленников из ведения Мануфактур-коллегии, организацию их в цехи и передачу в ведение местных городских магистратов. Вместе с тем Татищев считал совершенно необходимым установить тщательный контроль за качеством товаров как на месте их производства мануфактурами и ремесленниками, так и при вывозе за границу.

¹ «Прошение уральских промышленников императрице Анне Ивановне по поводу введения Татищевым института шихтмейстеров», «Исторический архив», VI, стр. 230.

² «Рассуждение» Коммерц-коллегии кабинету министров «О наказе шихтмейстеру», «Исторический архив», VI, стр. 235—240.

³ В. Н. Татищев, Предложение о размножении фабрик, «Исторический архив», VII, стр. 408.

Понимая, что ремесло и особенно развивающаяся мануфактура нуждаются в квалифицированных рабочих, Татищев говорил о необходимости устройства школ для рабочих, и сам был организатором первых горнозаводских школ на Урале¹. Он предлагал также организовать подготовку ремесленников и техников в городах путём создания ремесленных школ (на средства магистратов) и технических училищ. Татищев настойчиво ставил вопрос об открытии в России Академии ремёсел. Обучение в Академии должно было служить «для пользы мануфактур и всяких ремесел»².

Этот замысел был осуществлён уже после смерти Татищева и притом в несколько ином виде. В 1757 г. в Петербурге была открыта «Академия трех знатнейших художеств», преобразованная в 1764 г. в Российскую императорскую Академию художеств.

Как и Пётр I, Татищев считал необходимым покровительство отечественной торговле, промышленности, сельскому хозяйству. Государство должно предоставлять различные льготы и поощрения хозяйствующим субъектам, но вместе с тем жёстко регулировать их деятельность; государственные органы должны не только наблюдать за хозяйственной деятельностью подданных, но и вмешиваться в неё.

Как будто в противоречии с этим, характерным для экономических взглядов меркантилиста протекционизмом, находится утверждение Татищева, что главнейшим условием развития внутренней и внешней торговли является «вольность купечества»³. Следует, однако, иметь в виду, что «вольность купечества» понималась Татищевым своеобразно и весьма ограниченно, в сочетании её с государственным вмешательством и регулированием; он считал, что государство должно давать «побуждение и способы к трудолюбию, ремеслам, промыслам, торгам и земским работам»⁴. Более того, по мнению Татищева, именно государство может и должно обеспечить вольность купцам; основным путём к этому является «охранение их от отягощений»⁵.

Татищев предлагал освободить купцов от военных постоев и прекратить произвол местных властей, притесняющих купцов.

¹ См. «Инструкция В. Н. Татищева о преподавании в школах при уральских заводах, 1736 г. ноября 9». С введением и примечаниями Н. Ф. Демидовой, «Исторический архив», V, М. — Л. 1950, стр. 166—178.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разряд XVII, № 54, «Записка В. Н. Татищева об учащихся и расходах на просвещение в России...», л. 1.

³ В. Н. Татищев, Рассуждение о ревизии поголовной... В книге Н. Попова «В. Н. Татищев и его время», Приложение XVI, стр. 719.

⁴ В. Н. Татищев, Напомнение на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств, в сборнике работ Татищева «Избранные труды по географии России», М. 1950, стр. 202.

⁵ В. Н. Татищев, Рассуждение о ревизии поголовной... В книге Н. Попова «В. Н. Татищев и его время», Приложение XVI, стр. 729.

Он считал необходимым обеспечить также вольность среднего и мелкого купечества путём его ограждения от притеснений со стороны крупных купцов. В этом отношении характерно мнение Татищева о составе городских магистратов. В соответствии с петровским Уставом Главного магистрата 1721 г. президенты городских магистратов были из местного купечества¹. Татищев возражал против такого положения, при котором, как он считал, открываются возможности притеснения этими президентами, обычно крупными купцами, своих конкурентов — других купцов города. Он настаивал, чтобы президентами городских магистратов были не купцы, а дворяне. Объективно это означало усиление влияния дворянства на местах в решении вопросов, связанных с развитием торговли и промышленности.

С большой настойчивостью выступал Татищев против отдачи на откуп казённых доходов и против подрядов на поставки казне. Он считал, что откупщики и подрядчики не только стесняют торг других купцов, но и наносят значительный материальный ущерб государству; подрядная система поставки провианта для армии и флота отрицательно отражается на их снабжении. Выдвинутое Татищевым предложение отменить откупа и подряды соответствовало интересам развития торговли, интересам средних и мелких купцов. Оно было вскоре повторено купеческими депутатами в Уложенной комиссии созыва 1754 г. Купеческие депутаты просили запретить всякие монополии, «дабы никому в одни руки или в компанию того не отдавать, от которого многие получают пользу»². Требование отмены монополий нашло осуществление, хотя и неполное, в экономической политике, начиная с шестидесятых годов XVIII в.

Высказываясь за развитие хозяйственной деятельности купечества, Татищев вместе с тем ревностно охранял монополию дворянства на эксплуатацию принудительного труда. Ссылаясь на Францию, Англию и Голландию (где крупная промышленность развивалась на наёмном труде и купцы не имели права эксплуатации принудительного труда), Татищев предлагал отменить предоставленное купцам при Петре I право покупать к своим предприятиям деревни.

Борясь за развитие торговли и промышленности, Татищев вместе с тем придавал большое значение подъёму сельского хозяйства, поставляющего сырьё, продовольствие, фураж на внутренний и внешний рынок.

¹ См. ПСЗ, т. VI, № 3708.

² См. Н. Л. Рубинштейн, Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и её проект нового уложения «О состоянии подданных вообще», «Исторические записки» № 38, 1951, стр. 248.

Развитие промышленности и торговли содействовало росту рынка для продуктов сельского хозяйства, способствовало росту его товарности. Татищев считал, что дворяне-помещики должны использовать этот процесс в своих интересах — для повышения вотчинных доходов. О том, как помещики должны управлять своими вотчинами для повышения их доходности, Татищев говорит в своём сочинении «Краткие экономические до деревни следующие записки» (1742 г.)¹.

Сочинение Татищева разделено на 22 главы. В них говорится о системах земледелия, о животноводстве и птицеводстве в их сочетании с земледелием, о садоводстве и пчеловодстве, об искусственном орошении и прудовом хозяйстве, о домашних промыслах крестьян, об организации магазинов и цейхгаузов для хранения запаса сельскохозяйственных продуктов и сельскохозяйственного инвентаря.

Отрицательно относясь к управлению помещичьей вотчиной через приказчика или другое доверенное лицо, Татищев рекомендовал применять барщинную систему лишь при условии сосредоточения деревень около места жительства помещика, «для того, чтоб сам всю экономию мог видеть»; отдалённые же от места его жительства деревни должны быть на оброке.

В тех случаях, когда помещик живёт в городе, Татищев советовал применять оброчную систему с раздачей всей земли для обработки в надел крестьянам, ибо это «полезнее, нежели заочно содержать приказчика или старосту»². Если же после выделения земли для барщинной обработки не удастся обеспечить каждому крестьянину с женой по крайней мере одну десятину в поле, т. е. в условиях земледелия того времени не менее трёх десятин в оброчный надел, то и в этом случае Татищев рекомендовал воздержаться от применения барщинной системы и ввести оброк. Наконец, если даже и существуют все необходимые, по Татищеву, условия для ведения барщинного хозяйства, то и тогда крестьяне должны кроме несения барщинной повинности уплачивать ещё и оброк, для чего нужно наделить их землёй. Отсюда внимание Татищева не только к помещичьей экономии, но и к крестьянскому хозяйству, как источнику оброка для помещика.

¹ «Краткие экономические до деревни следующие записки. Сочинения господина губернатора в Астрахане *Василья Никитича Татищева*. 1742 года», «Временник императорского Московского общества истории и древностей российских», кн. XII, 1852, отд. «Смесь», стр. 12—32.

² Там же, стр. 29.

Исходя из интересов помещика, он считал выгодным высокую норму крестьянского землепользования, обеспечение крестьян скотом и птицей, улучшение породности скота в крестьянском хозяйстве, разведение садов, распространение пчеловодства и т. д. Татищев ратовал за широкое развитие домашних промыслов среди крестьян, «дабы ни один без рукоделия небыл, а особливо зимою...». Считая, что для подъёма крестьянского хозяйства необходима некоторая подготовка крестьян, он предлагал крестьянских детей от 5 до 10 лет учить грамоте. Важно отметить, что это предложение Татищев распространял на «мужеск и женск пол». Дети с 10 до 15 лет должны обучаться «разным художествам», т. е. ремёслам.

Будучи убеждённым крепостником, Татищев разделял распространённое тогда среди помещиков мнение, что крестьяне по своей природе ленивы. Он не полагался на самостоятельность крестьян в деле подъёма их же хозяйства, не считал возможным давать «им то на волю» и возлагал на приказчиков и старост надзор за трудом крестьян не только в помещичьей экономии, но и в самом крестьянском хозяйстве. Татищев рекомендовал применять к «ленивым» крестьянам суровые меры принуждения, вплоть до тюрьмы.

Следует особо отметить его предложение в отношении крестьян, хозяйство которых не может обеспечить помещику получение высокого оброка. Он рекомендовал такого крестьянина «отдавать другому в батраки без заплаты (т. е. оплаты. — И. Б.), которой будет за него платить всякую подать и землю его владеть, а его ленивца будет иметь работником, пока он заслужит хорошую похвалу»¹.

Предусматривая мероприятия по подъёму крестьянского хозяйства, Татищев в то же время хотел оторвать это хозяйство от рынка, с тем чтобы ещё крепче привязать его к помещику. «Крестьянин не должен продавать хлеб, скот и птиц лишних кроме своей деревни, а когда купца нет, то должен купить помещик повольною ценою; а когда помещик купить не захочет, тогда вольно продать постороннему»². Цель Татищева ясна — обеспечить помещику добавочный доход при реализации продукции крестьянского хозяйства за счёт разницы между рыночной и «повольною», т. е. по существу произвольной, ценой, устанавливаемой помещиком.

В неурожайные годы Татищев предлагал запретить крестьянам продажу хлеба. Всем крестьянским хлебом должен рас-

¹ «Краткие экономические до деревни следующие записки. Сочинения господина губернатора в Астрахане *Василья Никитича Татищева*, 1742 года», «Временник императорского Московского общества истории и древностей российских», кн. XII, 1852, отд. «Смесь», стр. 28.

² Там же, стр. 21.

поряжаться приказчик, изыскивающий «разные способы к продовольствию» деревенского населения. На случай «нечаянных приключений», главным образом стихийных бедствий, Татищев рекомендовал каждому крестьянину создавать запас путём отчисления не менее одной пятой урожая ежегодно. Для хранения запаса хлеба и фуража помещик должен содержать «запасный магазейн». В магазине должен находиться также сельскохозяйственный инвентарь, «для того, когда в рабочую пору потребует крестьянин, чтоб неездил для покупки и не пропускать время в работе ему»¹.

Понимая, что для развития сельского хозяйства (как и промышленности в ту эпоху) нужно было много рабочих рук, Татищев был очень обеспокоен побегам крестьян, принимавшими угрожающие размеры. Важно отметить, что Татищев в отличие от современных ему государственных деятелей считал главным средством борьбы с побегам не репрессии, а уничтожение причин, вызывающих побег крестьян. В этой связи Татищев вновь говорил о желательности увеличить крестьянские наделы, численность скота у крестьян и о других мерах, могущих улучшить положение крестьянства в рамках крепостного строя, для того чтобы упрочить этот строй.

В заботливости Татищева о крестьянском хозяйстве виден помещик, дворянин, знающий, по меткому замечанию Плеханова, «цену «крещёной собственности» и умеющий пользоваться её трудом»².

* *
*

Для Татищева характерно стремление научно обосновывать свои экономические рассуждения, проекты, практические предложения. Так, проектируя размещение заводов на Урале и пути перевозки сырья, вспомогательных материалов, топлива и готовых изделий, Татищев собирал различные сведения о природе края и статистические данные о его хозяйстве.

Будучи первым, кто взялся за написание географии России³, Татищев интересовался общественной жизнью и особенно хозяйством людей. Поэтому Татищев выделял в географии специальную часть — политическую географию, тесно связанную

¹ «Краткие экономические до деревни следующие записки. Сочинения господина губернатора в Астрахане *Василья Никитича Татищева*. 1742 года», «Временник императорского Московского общества истории и древностей российских», кн. XII, 1852, отд. «Смесь», стр. 20.

² *Г. В. Плеханов*, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 73.

³ *В. Н. Татищев*, Общее географическое описание всея Сибири (1736); Руссия или, как ныне зовут, Россия (1739); Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи (1744), в сборнике работ Татищева «Избранные труды по географии России», М. 1950.

с историей. Политическая география, по определению Татищева, должна подробно описывать «селения великие и малые, яко грады, пристани и пр., правительства гражданские и духовные, способности, прилежности и искусства, в чем либо того предела (местности. — *И. Б.*) обыватели упражняются и преимуществуют, яко же их нравы и состояния и как сии обстоятельства по временам прменяются»¹. Таким образом, политическая география, по мнению Татищева, включает в себе и элементы экономической географии. В этом смысле Татищев должен рассматриваться как предшественник основоположника русской экономической географии — М. В. Ломоносова².

Теоретические представления Татищева о политической географии, её задачах и методе наталкивались на скудный фактический материал, почти полное отсутствие статистических данных³. Для получения таких данных Татищев прибегал к анкетам.

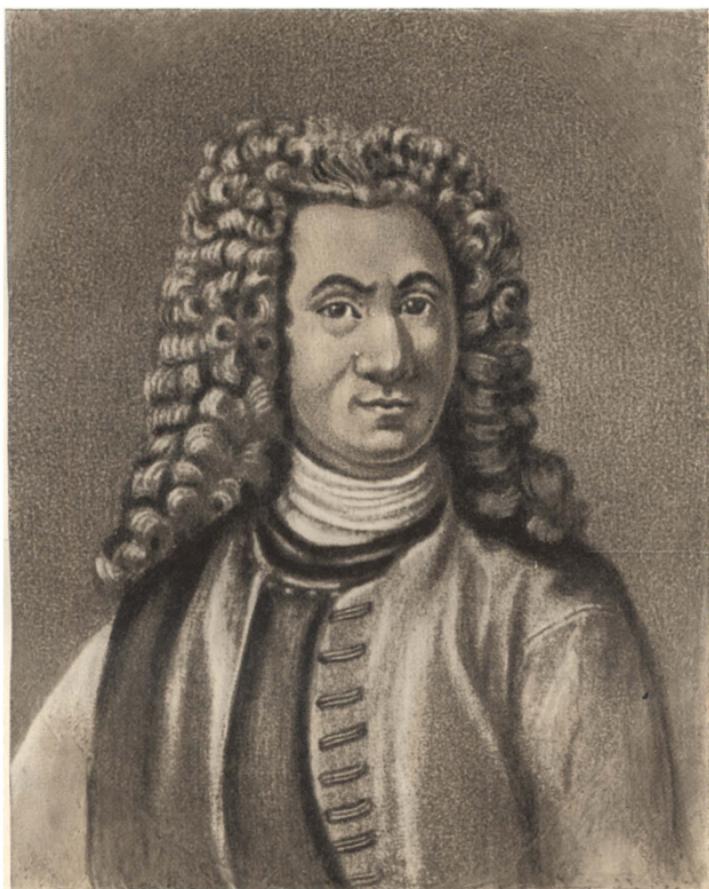
В 1734 г. он составил статистико-географическую анкету, содержащую 92 вопроса. Анкета была разослана по сибирским и Казанской губернии провинциальным канцеляриям, но на неё не поступило сколько-нибудь удовлетворительных ответов. В 1737 г. Татищев представил в Академию наук «Предложение о сочинении истории и географии Российской»⁴, являвшееся новой анкетой, содержащей уже 198 вопросов, в том числе ряд экономических вопросов — о торговле, промышленности, путях сообщения и др. В новой анкете было не только больше вопросов, — они были разработаны подробнее, чем в предшествовавшей анкете. Новый вопросник был разослан по городам Сибири во второй половине 1737 г. Татищев был, таким образом, автором первой в России научно разработанной статистической анкеты, послужившей прообразом последующих анкет XVIII в. и в том числе известной анкеты М. В. Ломоносова. В этом отношении Татищева следует считать предшественником Ломоносова, положившего основание русской статистической науке.

¹ *В. Н. Татищев*, О географии вообще и о Русской, в сборнике работ Татищева «Избранные труды по географии России», М. 1950, стр. 211.

² О Татищеве как об экономгеографе см. *Н. П. Никитин*, Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов XVIII в., «Вопросы географии», сб. 17, Географгиз, М. 1950, стр. 49—52.

³ О Татищеве как географе и статистике см. *Л. Е. Иофа*, Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в., Географгиз, М. 1949, стр. 38—87; *А. И. Андреев*, Труды В. Н. Татищева по географии России, вступительная статья в книге: *В. Н. Татищев*, Избранные труды по географии России, М. 1950, стр. 3—35; *М. Птуха*, Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, Госполитиздат, 1945, стр. 278—280.

⁴ Опубликовано в книге Н. Попова «В. Н. Татищев и его время», Приложение XIII, стр. 663—696.

В. Н. ТАТИЩЕВ

Будучи идеологом дворянства, защитником феодального базиса, Татищев отстаивал развитие производительных сил и рынка в условиях феодального строя.

Экономические работы Татищева относятся ко второй четверти XVIII в., когда производительные силы России ещё имели некоторый простор для своего развития в рамках феодального хозяйства.

Поэтому объективно экономическая программа Татищева была в целом для того времени передовой, несмотря на крепостнические взгляды её автора.

Практические экономико-политические предложения, проекты Татищева и его исходные теоретические, политико-экономические позиции имели в основном меркантилистический характер. Экономические сочинения Татищева, особенно такие, как «Например представление о купечестве и ремеслах» и «Рассуждение о товарах привозных и отвозных Астраханского порта», написаны с позиций системы торгового баланса, системы мануфактуры. Татищев был выдающимся представителем экономической идеологии, имевшей для того времени в России прогрессивный характер. •

Глава четырнадцатая

М. В. ЛОМОНОСОВ В БОРЬБЕ ЗА РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ

Михаил Васильевич Ломоносов родился в 1711 г. в деревне Мишанинской, Куростровской волости (находящейся на одном из островов Северной Двины, расположенном против Холмогор), Двинского уезда, Архангельской губернии, в семье государственного крестьянина, занимавшегося сельским хозяйством, рыбным промыслом, охотой на морского зверя. С десятилетнего возраста он сопровождал отца в плаваниях по Северной Двине, по Белому и Баренцову морям. Десятидцати лет Ломоносов ушёл пешком в Москву и в январе 1731 г. поступил в Славяно-греко-латинскую академию. В декабре 1735 г. он был направлен для продолжения образования в Петербургскую Академию наук, откуда в сентябре 1736 г. послан за границу для изучения горного дела.

В июне 1741 г. М. В. Ломоносов возвратился в Петербургскую Академию наук. В трудах, относящихся к первой половине 40-х годов XVIII столетия, Ломоносов разрабатывал атомно-молекулярное учение, механическую теорию теплоты, учение о действии химических растворителей. В 1745 г. он был назначен профессором (академиком) химии. В 1748 г. Ломоносов (в письме к математику Л. Эйлеру) формулировал открытый им «всеобщий закон природы» — сохранение материи (вещества) и движения (энергии); он развил кинетическую теорию газов, организовал первую в России научную химическую лабораторию, закончил разработку «Риторики». В 1749 г. Ломоносов выступил против «норманской теории» происхождения Руси.

В первой половине 50-х годов М. В. Ломоносов читал своё «Слово о пользе химии» (1751 г.), составил «Курс истинной физической химии» (1752—1754 гг.), заложил «фабрику делаania разноцветных стекол и бисера» в Усть-Рудицах (1752 г.).

Ломоносов не только подал мысль об основании, но и разработал проект Московского университета, открытого в 1755 г.

и носящего ныне его имя. В том же году он закончил составление «Российской грамматики».

В 1758 г. Ломоносов возглавил Географический департамент Академии наук. К 1759 г. относятся ломоносовские изобретения и технические конструкции приборов для морских кораблей и «Рассуждение о большей точности морского пути». В 1760 г. было издано «Рассуждение о твердости и жидкости тел» Ломоносова, где он впервые печатно изложил открытый им закон сохранения вещества и энергии.

К 1761 г. относится письмо «О сохранении и размножении российского народа». В 1763 г. появляется книга Ломоносова «Первые основания металлургии, или рудных дел». В том же году он представил «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

Великий русский учёный скончался 4 (15) апреля 1765 г.¹

Гениальные труды Михаила Васильевича Ломоносова представляют собою вершину не только русской, но и всей мировой науки его времени. Основой блестящих научных достижений Ломоносова являлся его материализм.

Опираясь на идею развития, изменения природы, Ломоносов подошёл к объяснению геологических и биологических явлений: возникновения гор, минералов, происхождения растений, животных организмов и т. д. Будучи одним из основоположников русского естествознания, Ломоносов имеет мировое значение как классик естественных наук.

Ломоносов — родоначальник русской материалистической философии, основоположник материалистической традиции русской философии. Он является одним из величайших философов-материалистов домарковского периода. Материализм Ломоносова имел в основном, как вообще материализм XVIII в., механистический характер, метафизические черты. Однако Ломоносов своими обобщениями и открытиями, защитой идеи развития, изменяемости природы выходил за пределы метафизического материализма.

Научная деятельность Ломоносова вызывала негодование и нападки духовенства, влияние которого с воцарением Елизаветы Петровны значительно усилилось.

В своём творчестве Ломоносов был исключительно многообразен; его научные интересы поразительно разносторонни. По меткому слову Пушкина, Ломоносов не только «создал

¹ Наиболее полная биография Ломоносова дана в книге А. Морозова «Михаил Васильевич Ломоносов. 1711—1765», Л. 1952; см. также *Б. Н. Меншуткин*, Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова, изд. 3, с дополнениями П. Н. Беркова, С. И. Вавилова и Л. Б. Модзалевского, АН СССР, М.—Л. 1947.

первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»¹. Наряду с бессмертными заслугами Ломоносова в области естественных наук, значительны заслуги его также в русской литературе, в развитии русского литературного языка, в русской исторической науке, в статистике, в развитии русской экономической мысли. Роль Ломоносова в развитии экономической мысли явно недооценивалась. Иностранцы историки политической экономии (Ингрэм, Коссе, Жид и Рист, Онкен и др.) вовсе не упоминают Ломоносова. В русской дореволюционной литературе господствовала мысль, что единственным экономическим вопросом, разрабатывавшимся Ломоносовым, был вопрос о народонаселении (И. К. Сухоплюев, И. А. Тихомиров).

Подобный взгляд нашёл место даже в литературе советской эпохи. Так, Святловский в работе, специально посвящённой истории русской экономической мысли, заявлял, что, помимо письма к Шувалову от 1 ноября 1761 г. о сохранении и размножении российского народа, «других экономических сочинений Ломоносова не сохранилось», и его взгляды по остальным (кроме вопроса о народонаселении) «хозяйственным вопросам нам неизвестны»².

Такие утверждения в корне неверны. Экономические воззрения Ломоносова могут быть определены на основе ряда его произведений и высказываний и имеют большое значение для истории русской экономической мысли.

Ломоносов считал экономические вопросы и предложения по ним весьма важными, требующими «глубокого рассуждения, долговременного в государственных делах искусства к изъяснению и предосторожной силы к произведению в действо»³. Он проявлял интерес к русской экономической мысли. По его поручению была снята копия с рукописи Посошкова «Книга о скудости и богатстве». Об этом свидетельствует заметка на списке этого сочинения, ныне находящемся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР: «Списана 1752 году, а для списания получена от господина советника Михаила Васильевича Ломоносова».

Творчество Ломоносова отвечало назревшим задачам развития России. Свои научные труды (в области естествознания, техники, географии и т. д.) он сам рассматривал прежде всего с точки

¹ А. С. Пушкин, Путешествие из Москвы в Петербург, Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, М. — Л. 1951, стр. 277.

² В. В. Святловский, История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923, стр. 74.

³ М. В. Ломоносов, [О сохранении и размножении российского народа], Полное собрание сочинений, т. 6, Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747—1765 гг., АН СССР, М. — Л. 1952, стр. 383—384.

зрения их практического применения. «Ломоносов страстно любил науку, — писал Чернышевский, — но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству»¹. Ломоносов призывал науку пройти «до самых дальних мест», исследовать «землю и пучину и степи и глубокий лес»². Наука для Ломоносова была непосредственно связана с опытом, практикой, с развитием производительных сил и культуры родной страны, в феодальной экономике которой уже пробивали себе путь буржуазные отношения.

Основной целью государственной политики должно быть, по Ломоносову, «благополучие, слава и цветущее состояние» горячо любимой им родины; он понимал под этим прежде всего политическую и экономическую независимость России, развитие её производительных сил, улучшение материального положения народа и подъём культуры страны.

Рассматривая Петра I как основоположника и руководителя такой политики, Ломоносов считал целью своей жизни, основой своей деятельности «защитить труд Петра Великого». Ломоносов идеализировал Петра, в действительности осуществлявшего реформы за счёт крепостного крестьянства, и призывал преемников Петра следовать его политике.

Деятельность Ломоносова проходила в острой и напряжённой борьбе.

Он вёл непримиримую борьбу против тех иностранцев, чаще всего лжеучёных, которые, находясь в России, вредили ей, препятствовали развитию русской экономики, науки, культуры. «Они, — говорит об этих лжеучёных Плеханов, — смотрели на русских людей сверху вниз и старались подчинить их себе, сделать образование своей монополией. Ломоносов видел, как видел Посошков, эти эксплуататорские поползновения иностранных торговцев, и опять, подобно Посошкову, стремился избавить русских от подчинения иностранцам»³. Ломоносов резко выступал против таких иностранцев — «здесьних недоброхотов российским учоным»⁴. Он требовал отстранения имевшего тогда большое влияние в управлении русской Академией наук немца Шумахера и его клики. Ломоносов боролся против попыток иностранцев исказить и унижить историю великого русского народа.

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки гоголевского периода русской литературы, Полное собрание сочинений, т. III, М. 1947, стр. 137.

² М. В. Ломоносов, Соч., т. I, изд. Академии наук, Спб. 1891, стр. 218.

³ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 153.

⁴ См. Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, Спб. 1865, стр. 99.

Поддерживая тех иностранцев, подлинных учёных, которые честно работали на пользу России, Ломоносов видел будущее русской науки в выращивании русских научных деятелей, «которых ожидает отечество из недр своих». Сам Ломоносов вырастил плеяду русских учёных.

Вместе с тем он решительно выступал против тех русских людей, которые тянули страну назад. В этом отношении примечательна его резкая полемика с дворянским идеологом А. П. Сумароковым¹. Острую вражду между Ломоносовым и Сумароковым дворянские и буржуазные историки литературы сводили к личным распрям. На самом же деле это была борьба мнений, имевших определённые политические и экономические корни.

Ломоносов страстно боролся против Сумарокова и других реакционных и консервативных идеологов, стремившихся воспрепятствовать промышленному развитию страны.

О промышленном развитии России

Руководящей экономической идеей Ломоносова было обеспечение независимости и самостоятельности России, основой чего являлось разностороннее развитие её производительных сил. Великий русский учёный представлял себе рост производительных сил прежде всего как промышленное развитие страны. В развитии же промышленности главным и первоочередным было, по его глубокому убеждению, производство металла.

Ломоносов считал, что в общественном производстве металлы имеют решающее значение. «...Металлы, — писал Ломоносов, — подают укрепление и красоту важнейшим вещам, в обществе потребным. ...Ими защищаемся от нападения неприятельского, ими утверждаются корабли и, силою их связаны, между бурными вихрями в морской пучине безопасно плавают. Металлы отверзают недра земные к плодородию; металлы служат нам в ловлении земных и морских животных для пропитания нашего». Металлы, указывает Ломоносов, создают возможность торговли при посредстве денег вместо непосредственного обмена товаров, связанного с рядом неудобств. Все отрасли общественного производства, заключает Ломоносов, требуют применения металлов: «И кратко сказать, ни едино художество², ни едино ремесло простое употребления металлов миновать не может»³.

¹ См. главу шестнадцатую.

² Художествами назывались тогда различные отрасли промышленного производства.

³ М. В. Ломоносов, Слово о пользе химии, Полное собрание сочинений, т. 2, АН СССР, М. — Л. 1951, стр. 359—360.

Ломоносов подчёркивал решающую роль производства металла для обеспечения экономической независимости России, для развития её военной промышленности, для роста военной мощи страны: «Военное дело, купечество, мореплавание и другие государственные нужные учреждения неотменно требуют металлов, которые до просвещения, от трудов Петровых просиявшего, почти все получаемы были от окрестных народов, так что и военное оружие иногда у самих неприятелей нужда заставляла перекупать через другие руки, дорогою ценою»¹.

Ломоносов рассматривал металлургию, под которой он понимал всё горнозаводское производство, включая добычу руды, как основу роста народного богатства. Металлургия, по определению Ломоносова, есть «предводительница к сему внутреннему богатству»². Русская горнозаводская промышленность, занявшая в то время первое место в мире не только по объёму производства и вывозу чёрного металла, но и по его качеству, всегда стояла в центре внимания Ломоносова.

Резко протестуя против распространявшегося иностранцами нелепого мнения о бедности России полезными ископаемыми, Ломоносов утверждал, что недра России необычайно богаты, но мало исследованы. Причины недостаточной исследованности недр России Ломоносов сводил к двум группам. К первой группе он относил причины «натуральные», ко второй «политические». «Натуральные» причины заключались, по мнению Ломоносова, в глубоком залегании минералов, покрытых толстым слоем земли либо песка. «Политические», т. е. общественные, условия, являвшиеся, по мнению Ломоносова, основной и главной причиной недостаточной исследованности недр России, он сводил, во-первых, к тому, что минералогия и геология как науки были в то время мало развиты и геолого-минералогические знания получили слабое распространение. Другим общественным условием, препятствовавшим исследованию недр, поискам минералов, Ломоносов считал «малолюдство», незначительную населённость Сибири, Урала и других районов, богатых ископаемыми.

Ломоносов правильно полагал, что богатейшие минеральные богатства России требовали научно-технического исследования для их разработки и приложения труда горняка. Будучи глубоко убеждён в том, что лишь «рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия»³, Ломоносов призывал широко развернуть геологоразведочные

¹ М. В. Ломоносов, Первые основания металлургии, или рудных дел, Соч., т. VII, Л. 1934, стр. 15.

² Там же, стр. 17.

³ М. В. Ломоносов, Слово о пользе химии, Полное собрание сочинений, т. 2, М. — Л. 1951, стр. 361—362.

работы, поиски минералов. Он звал «любителей рудных дел» искать везде «минералы, в обществе потребные, которых промыслы могут принести не последнюю прибыль»¹.

Исследования Ломоносова привели его к выводу, что север России богат полезными ископаемыми. «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура», но «искать оных сокровищ некому...»—писал Ломоносов и сокрушённо добавил: «А металлы и минералы сами на двор не придут; они требуют глаз и рук к своему прииску»².

Помещики и капиталисты оставили почти нетронутыми богатства недр на севере России. Их промышленная разработка осуществлена в советскую эпоху. Ссылаясь на приведённые слова Ломоносова о необходимости промышленной разработки недр русского Севера, Сергей Миронович Киров говорил ленинградским большевикам: «Еще Ломоносов в свое время звал на Север посмотреть, что там делается... Я думаю, что все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, и все практические работники должны последовать совету Ломоносова и действительно глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае»³.

Ломоносов предвидел широкое применение торфа и каменного угля взамен древесного топлива, получение которого связано с истреблением лесов. Подчёркивая крупнейшее для народного хозяйства значение заменителей древесного топлива, Ломоносов доказывал наличие в России огромных неразведанных запасов каменного угля и торфа; он называл торф подземным экономическим сокровищем⁴.

Открытия и изобретения Ломоносова имели широкую практическую, хозяйственную направленность. Он неизменно и настойчиво стремился к внедрению в производство, к широкому промышленному применению результатов своих теоретических изысканий, лабораторных трудов. При изложении своих проектов и открытий Ломоносов давал им экономическое обоснование.

Он оценивал технические изобретения с точки зрения сокращения не только времени производства, но и уменьшения издержек. Так, объявленный Академией наук по предложению Ломоносова в 1763 г. конкурс имел целью сократить время и издержки производства в металлургии: «Нет ли способов от-

¹ М. В. Ломоносов, Первые основания металлургии..., Соч., т. VII, Л. 1934, стр. 261.

² Там же.

³ С. М. Киров, Избранные статьи и речи, 1912—1934, Госполитиздат, М. 1939, стр. 475.

⁴ См. М. В. Ломоносов, Первые основания металлургии..., Соч., т. VII, Л. 1934, стр. 245.

делять всякой металл от свой руды, которыми бы не только скорее обыкновенного, но и с меньшим иждивением то учинить можно было...»¹.

Ломоносов интересовался не только рентабельностью технических конструкций, но и заменой машинами людей на тяжёлых и вредных работах. Особенно он был озабочен охраной здоровья детей, труд которых безжалостно эксплуатировался в то время на мануфактурах. Вспоминая свои посещения рудников в Саксонии, Ломоносов возмущался зверской эксплуатацией труда детей, которых заставляли разбивать, толочь и растирать руду, т. е. применяли, «несмотря на нынешнее просвещение... вместо толчейных мельниц». Устранить это возмутительное явление можно было, по мнению Ломоносова, путём сооружения мельниц «для лутчего ускорения работы и для збережения малолетних детей, которые в нежном своем возрасте тяжкою работою и ядовитою пылью здоровье тратят и на всю жизнь себя увечат»².

В мануфактурный период, когда вообще не заботились об охране труда рабочих, Ломоносов предлагал плавильные печи ставить на известном расстоянии, «чтобы плавильщиков жаром от работы не отбивало», надевать рабочим специальную обувь («толстые кожаные или и берестяные штифлеты») для защиты ног и другие меры³. Он предлагал меры, улучшающие условия производства.

Ломоносов развивал идеи экономической политики Петра I, широко покровительствовавшей промышленному предпринимательству, в том числе купеческому. Такая экономическая политика должна была в условиях России того времени способствовать промышленному развитию страны.

О сельском хозяйстве

Защищая промышленный путь развития страны, Ломоносов заботился и о развитии сельского хозяйства.

Велики заслуги Ломоносова в создании русской сельскохозяйственной науки. Его естественно-научные труды заложили основу материалистической биологии в России. Развивая ломоносовские идеи, академик И. И. Лепёхин выдвинул положение об изменчивости растений и животных под воздействием окружающей среды. Своим трудом «О слоях земных» и др.

¹ См. *П. Пекарский*, История императорской Академии наук в Петербурге, т. II, Спб. 1873, стр. 751.

² *М. В. Ломоносов*, Первые основания металлургии..., Соч., т. VII, Л. 1934, стр. 21.

³ См. там же, стр. 119.

Ломоносов положил начало русскому почвоведению, игравшему впоследствии ведущую роль в науке о почве.

Ломоносов призывал продолжать линию Петра I, стремившегося насаждать в России новые земледельческие культуры (табак, виноград, лекарственные травы и т. д.) и улучшать породность скота.

В 1747 г. Ломоносов перевёл с немецкого языка книгу Губертуса «Stratagema Oeconomicum, oder Akker-Student», вышедшую в Риге в 1688 г. третьим изданием¹. Книга Губертуса представляла собою руководство по организации крупной помещичьей экономики. Эта книга в различных рукописных переводах имела распространение в дворянско-помещичьей среде. В переводе Ломоносова она получила название «Лифляндской экономики»².

Автор «Лифляндской экономики» отстаивает «по крайней мере» трёхпольную систему земледелия, которая предоставляет место «где скоту пастись»³, т. е. делает возможным сочетание животноводства с земледелием. Интересна рекомендация способов расширения посевных площадей за счёт осушения болот: «Ежели токмо воду отвести или попережными каналами... пособить... на оных можно пашню иметь. Из болот голандцы и фрисланцы сделали плодородные пашни»⁴. Руководство подчёркивает значение и необходимость регулирования и своевременного производства сельскохозяйственных работ: «Искусной земледелец должен по обстоятельствам своего домостроительства свою работу помесечно расположить... В том очень много состоит, чтобы все в пристойное время делать...»⁵.

Ломоносову принадлежит проект создания центрального научного учреждения, которое изучало бы сельское хозяйство России и разрабатывало предложения по улучшению сельскохозяйственного производства. Свой проект (относящийся, по видимому, к 1763 г.) он назвал: «Мнение о учреждении Государственной коллегии земского домостроительства».

Задачи Коллегии, по мнению Ломоносова, не должны ограничиваться лишь земледелием. Она должна заботиться

¹ См. П. Н. Берков, Ломоносов и «Лифляндская экономика», «Ломоносов. Сборник статей и материалов», II, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, АН СССР, М. — Л. 1946, стр. 271—276.

² «Лифляндская экономика. Переведена с немецкого на русский язык химии профессором Михайлом Ломоносовым, в Санктпетербурге 1747 года. С подлинной списана в 1760 году. Из дому господ баронов Черкасовых».

Эта копия объёмом в 117 листов (234 стр.) хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Музейное собрание, № 2649. Подлинник 1747 г. не сохранился.

³ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Музейное собрание, № 2649, л. 19.

⁴ Там же, л. 28.

⁵ Там же, л. 4.

также о лесах, дорогах и каналах, изучать и развивать «деревенские ремесленные дела». В круг её задач должно входить выявление экспортных ресурсов страны.

По мысли Ломоносова, для решения своих задач Коллегия должна широко привлекать лиц, занимающихся сельским хозяйством, собирать от них предложения, объявлять конкурсные «задачи с награждениями».

Ломоносов представлял себе Коллегию как научное учреждение, имеющее солидную опытную базу. Для проверки различных предложений и проектов и для самостоятельных опытов Коллегии Ломоносов предлагал отвести ей участок с различными почвами, «где б разные ж места были, гористые и сухие, болотистые и глинистые и луговые»¹.

Придавая огромное значение «Коллегии земского домостроительства», Ломоносов считал, что она должна быть государственным научным учреждением, независимым от Академии наук. Проект Ломоносова отражал назревшую потребность в создании такой организации, которая изучала бы сельское хозяйство России и содействовала его развитию.

В 1763 г. при Академии наук учреждается «класс агрикультуры, то есть земледельства». Новое научное учреждение, представлявшее собой, вопреки предложению Ломоносова, часть Академии наук, не сыграло сколько-нибудь существенной роли.

В 1765 г., в год смерти Ломоносова, Екатерина II утвердила план и устав «Вольного экономического общества кощрению в России земледелия и домостроительства». Будучи самостоятельным, независимым от Академии наук, Общество представляло собою на деле организацию, защищавшую узко классовые интересы дворян-помещиков. Это было осуществлением в ограниченном и искажённом виде идеи Ломоносова.

О торговле

Уделяя наибольшее внимание производству, Ломоносов вместе с тем постоянно подчёркивал крупнейшее экономическое значение торговли, необходимость её развития.

Говоря о «купечестве» (под чем Ломоносов, как и его современники, понимал торговлю), он придавал особое значение внешней торговле. Среди тем, намеченных Ломоносовым для своих работ, он называет тему «О купечестве, особливо со внешними народами»².

¹ М. В. Ломоносов, Мнение о учреждении Государственной коллегии земского домостроительства, Полное собрание сочинений, т. 6, М. — Л. 1952, стр. 412.

² М. В. Ломоносов, [Темы статей], Полное собрание сочинений, т. 6, М. — Л. 1952, стр. 379.

Внешняя торговля рассматривалась Ломоносовым как один из важнейших факторов богатства и процветания страны. «Благополучие, слава и цветущее состояние государств от трех источников происходит», — писал Ломоносов, отмечая прежде всего значение «внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных»; под удовольствием подданных он понимал удовлетворение потребностей и благосостояние населения. Ломоносов указывал в данной связи и на роль «победоносных действий против неприятеля, с заключением прибыточного и славного мира». Он подчёркивал также значение «взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами чрез купечество»¹, т. е. внешней торговли, как одного из главных источников богатства и процветания всего государства.

Основой торговли Ломоносов считал отечественное производство, рост которого ведёт к развитию не только внутренней, но и внешней торговли. Избыток продуктов отечественного производства над внутренними потребностями страны обуславливает возникновение и развитие вывозной торговли: «Коль многие нужные вещи, которые прежде из дальних земель с трудом и за великую цену в Россию приходили, ныне внутри государства производятся, и не токмо нас доводят, но избытком своим и другие земли снабдевают»².

Изыскивая такие избытки — экспортные ресурсы, Ломоносов говорил о развитии не только тех отраслей производства, которые имеют решающее значение для промышленного роста страны. Он призывал развивать также отрасли промышленности, второстепенные для народного хозяйства, но имеющие экспортное значение, способствующие активизации торгового баланса страны. В этом отношении показательна переписка Ломоносова по вопросам производства цветных стёкол. В сенатском указе 1752 г. «О позволении профессору Ломоносову завести фабрику для делания разноцветных стекол, бисеру, стеклярусу и других галантерейных вещей» в Усть-Рудицах (составленном на основании прошения Ломоносова) указывается, что благодаря организации фабрики удастся уберечь значительную массу денег от вывоза за границу: «тако та сумма, которая ныне за такие ж вывозные вещи у российских подданных в расходе бывает, и из государства вон выходит, впредь имеет оставаться здесь в России». Дальнейшее развитие производства цветных стёкол после удовлетворения внутреннего

¹ М. В. Ломоносов, Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию, Полное собрание сочинений, т. 6, М. — Л. 1952, стр. 421.

² М. В. Ломоносов, Слово похвальное... Петру Великому, Соч., т. IV, Спб. 1898, стр. 368—369.

спроса создаст возможность их вывоза. Ломоносов считал, что он «может на своей фабрике, когда она учредится, делать упомянутых товаров, не токмо требуемое здесь количество, но и со временем так размножить, что и за море отпускать оные можно будет»¹. Через несколько лет (в 1763 г.), развив производство цветных стёкол, Ломоносов писал, что он вскоре будет «просить о запрещении вывозу из-за моря»².

Касаясь условий развития внутренней и внешней торговли, Ломоносов считал, что первая должна быть свободной. «Свобода внутри торгам» (слова Ломоносова), данная при Елизавете Петровне путём отмены внутренних таможен, рассматривалась им как одно из великих дел её царствования³.

Для развития же внешней торговли Ломоносов считал необходимым поощрение государством экспорта, ограничения и запреты — в отношении импорта. Говоря о заслугах Петра I в деле развития внешней торговли, Ломоносов наряду с такими мерами, как соединение рек каналами, устройство новых портов и заключение торговых договоров с иностранными государствами, называл «пошлинные уставы»⁴; введённый при Петре таможенный тариф имел резко выраженный протекционистский характер.

Характеризуя внешнюю торговлю России, Ломоносов прежде всего отмечал, что «Российская империя внутренним изобильным состоянием и громкими победами с лучшими европейскими статами (т. е. государствами. — И. Б.) равняется, многие превосходит»; между тем русские, хотя и достигли с начала XVIII в. значительных успехов в развитии внешней торговли, всё же ещё оставались позади передовых государств Европы. Ломоносов даёт историческое объяснение этого отставания. Экономически развитые западноевропейские страны, издавна имея удобные морские границы, создали свой флот и развили внешнюю торговлю на основе морского судоходства. Россия же, лишённая до Петра Великого удобных морских выходов, вынуждена была ограничиваться преимущественно «внутренним плаванием» — внутренней торговлей на основе речного судоходства. Между тем, говорит Ломоносов, «по открытии Петровою рукою во многие моря пристаней, по введении знания в мореплавании и строении корабельном, бывшие неудобности исчезли, и ход российских военных и купеческих судов знатно

¹ ПСЗ, т. XIII, № 10057.

² См. «Материалы о фабрике Ломоносова в Усть-Рудицах», «Ломоносов. Сборник статей и материалов», АН СССР, М. — Л. 1940, стр. 162.

³ См. М. В. Ломоносов, Слово благодарственное... императрице Елизавете Петровне (черновой набросок), Соч., т. V, Спб. 1902, стр. 90.

⁴ М. В. Ломоносов, Слово похвальное... Петру Великому, Соч., т. IV, Спб. 1898, стр. 381.

прирастает». Созданы необходимые условия для того, чтобы Россия заняла выдающееся место среди торговых держав мира. Россия в состоянии «как в европейских купеческих пристанях утвердиться, так и в Японию, в Китай, в Индию и к западным берегам американским достигнуть»¹.

Идея удобного морского сообщения с главными странами Азии и с Америкой пропагандировалась с 40-х годов в торжественных речах и одах Ломоносова. Собирательный образ «Колумба российского», спешащего меж льдами на Восток, отражал реальные фигуры славных русских мореплавателей вдоль северных и восточных берегов Азии и на Тихом океане— Малыгина, Челюскина, Лаптевых, Чирикова, Беринга, открывавших пути для внешней торговли России.

Проект Северного морского пути

В 1755 г. Ломоносов писал о необходимости установить торговое мореплавание из Архангельска в Восточную Индию через Северный Ледовитый и Тихий океаны («Письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном»). Эту мысль он впоследствии развивает и всесторонне обосновывает, особенно в своём «Кратком описании разных путешествий по северным морям и показании возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763 г.), являющемся ценнейшим вкладом в русскую и во всю мировую науку. Ломоносов исходил из глубокого понимания экономических потребностей и политических задач России того времени с учётом международной политической и экономической обстановки.

Ломоносов доказывал преимущества северо-восточного прохода (вдоль северных берегов Сибири) для сообщений со странами Востока сравнительно с северо-западным проходом (вдоль северных берегов Америки), который «хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и всегда опасен»². И в этом Ломоносов оказался прав. Несмотря на то, что Англия, Голландия, Дания, а позже и США стремились освоить северо-западный проход, последний и в наше время не имеет практического значения.

Отмечая огромное значение Северного морского пути для развития торговли с восточными народами³, Ломоносов пока-

¹ М. В. Ломоносов, Краткое описание разных путешествий по северным морям..., Полное собрание сочинений, т. 6, М.—Л. 1952, стр. 422.

² Там же, стр. 440.

³ О водном пути из России в Китай через Ледовитый океан писал ещё Фёдор Салтыков. См. главу тринадцатую.

звал, как благодаря «неутомимым трудам нашего народа» шло его движение на Восток морским северным путём.

Сочинение Ломоносова представляло собой первое в мире обобщение всего предшествующего опыта борьбы за продвижение на Восток Северным Ледовитым океаном. Ломоносов теоретически обосновал проходимость Северного Ледовитого океана в указанном направлении¹.

По мысли Ломоносова, открытие Северного морского пути должно завершить превращение России из страны континентальной в морскую. Движение по Северному морскому пути превратит Россию в державу, стоящую на путях мировой торговли; Россия «современем не токмо другим морским державам сравниться, но и превзойти может»².

Открытие Северного морского пути, по мнению Ломоносова, должно было иметь значение не только для внешней торговли России. Он считал, что с освоением Северного морского пути оживятся, заселятся смелыми и деятельными русскими людьми пустынные берега и острова Северного Ледовитого океана и северного бассейна Тихого океана. На побережье материка и островов, особенно в устьях рек, возникнут порты и новые торгово-промышленные поселения — города. Получат развитие земледелие, животноводство, различные обрабатывающие производства и добыча железной руды во внутренних, отдалённых от побережья районах, которые будут снабжать поселенцев побережья «хлебом, скотом и рыбою, корабельным строением, лесом, пенькою и смолою и, чаятельно, железом, ибо оногo руд редкие места не имеют»³. Ломоносов, таким образом, особо подчёркивал значение Северного морского пути для развития поисков и разработки полезных ископаемых в «северных земных недрах»⁴ и на Востоке, полном «неимоверных богатств и сил»⁵.

Великий учёный подчёркивал неотложность открытия движения русских судов по Северному морскому пути, «чтобы не дать предупредить себя от других успехами толь великого и преславного дела»⁶.

¹ См. В. А. Перевалов, Ломоносов и Арктика. Из истории географической науки и географических открытий, Изд-во Главсевморпути, М. — Л. 1949.

² М. В. Ломоносов, Краткое описание разных путешествий по северным морям..., Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 422.

³ Там же, стр. 494.

⁴ М. В. Ломоносов, Первые основания металлургии..., Соч., т. VII, Л. 1934, стр. 261.

⁵ М. В. Ломоносов, Слово благодарственное... императрице Елисавете Петровне (черновой набросок), Соч., т. V, Спб. 1902, стр. 90.

⁶ М. В. Ломоносов, Краткое описание разных путешествий по северным морям..., Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 425.

Ломоносов указывал на необходимость поощрения новосёлов на Севере и Востоке путём предоставления им различных привилегий и льгот, особенно во внутренней и внешней торговле: «Для населения тамошних мест... бесспорно пойдут многие охотники, ежели им обещаны будут отменные привилегии и вольности, а особливо в купечестве между собою и с соседними народами». Наряду с добровольным заселением северного и северо-восточного побережья Азии Ломоносов рекомендовал и принудительное переселение — «ежегодно отправлять туда людей обоего пола, которые здесь в России напрасно шатаются или за преступления сосланы быть должны». Переселённые принудительно бродяги и преступники станут заниматься на новых местах полезным трудом. «Новое место и новые обстоятельства обычай их переменят, и нужда хлеба искать научит беспорочными трудами»¹, — писал Ломоносов.

Северный морской путь, по мысли Ломоносова, должен был способствовать развитию не только экономических, но и культурных связей России с восточными странами, росту её оборонной мощи и политического могущества. «Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном...»².

Идея Северного морского пути и её обоснование Ломоносовым поражают грандиозностью своего замысла, гениальным предвидением автора. Правильность ломоносовского проекта в основном блестяще подтверждена последующим изучением Арктики и практикой полярного мореплавания.

Однако для царской России разрешение проблемы Северного морского пути оказалось не по силам. Более того, Аляску, присоединённую к России героическим трудом русских людей, царское правительство продало в 1867 г. США за ничтожную сумму — 7,2 миллиона долларов. В 1912 г. появился даже проект сдачи Северного морского пути в концессию английским и американским капиталистам³.

Проблема Северного морского пути была во всю ширь поставлена и разрешена лишь при Советской власти. Через несколько месяцев после установления Советской власти — 2 июля 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет об организации экспедиции по исследованию Северного морского пути. В 1932 г. ледокол «Сибиряков» впервые в истории человечества проплыл из

¹ М. В. Ломоносов, Краткое описание разных путешествий по северным морям..., Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 494—495.

² Там же, стр. 498.

³ См. В. А. Перевалов, Труды Ломоносова по географии северных полярных стран, «Ломоносов. Сборник статей и материалов», АН СССР, М. — Л. 1940, стр. 284—285.

М. В. ЛОМОНОСОВ

Архангельска в Тихий океан Северным морским путём в одну навигацию.

Северный морской путь благодаря великому труду и героизму советского народа стал нормально действующей магистралью, неразрывной частью советского социалистического хозяйства.

Осуществление в СССР идеи Северного морского пути в масштабах, неизмеримо более широких, чем это намечалось Ломоносовым, лишь подчёркивает гениальность ломоносовского замысла. Только в Советскую эпоху полностью раскрылось величие и крупнейшее экономическое, политическое и культурное значение Северного морского пути.

Экономико-географические и статистические труды

Для дальнейшего развития народного хозяйства России необходимо было её экономическое и географическое изучение.

Развитие основных в то время отраслей русской промышленности — горнорудной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной — требовало исследования их размещения, изучения сырьевой и топливной базы, знания путей доставки сырья, топлива, вспомогательных материалов и перевозки готовой продукции.

Сельское хозяйство, производившее продовольствие для населения, в том числе для возраставшей его неземледельческой части, и сырьё для промышленности, главным образом для текстильной и кожевенной, становилось всё более товарным. С ростом товарности сельского хозяйства развивалась потребность в изучении флоры и фауны страны, почвы, урожайности и урожаев, рынков сбыта и путей перевозки сельскохозяйственных продуктов.

Рост промышленности и товарности сельского хозяйства, развитие всероссийского и местных рынков, рост экспорта, сельскохозяйственная и промышленная колонизация окраин, поиски новых земель и морских путей выдвигали задачу экономического и географического познания страны — её районов и путей сообщения. Назрела потребность в экономическом и географическом изучении промышленности, сельского хозяйства, торговли.

Большая работа по составлению ряда географических карт, объединённых в атлас, была поручена Географическому департаменту Академии наук, который с марта 1758 г. возглавлял Ломоносов.

Великого учёного не удовлетворял «Атлас Российской», изданный Академией наук в 1745 г.¹

Составление атласа России Ломоносов рассматривал не только как географическую задачу. Он считал, что атлас должен показать и экономику страны, «с тем, чтобы и внутренняя государственная экономия имела пользу»². Ломоносов первый выдвинул идею и разработал план экономико-географического атласа России. Атлас, включавший картографический и текстуальный материал, должен был представлять собою по существу экономическую географию России.

Новый большой атлас должен был включать, по замыслу Ломоносова, не только обширный картографический материал, но также политическое и экономическое описание России, составленное с применением статистического метода. Подготовку атласа Ломоносов рассматривал прежде всего как большую планомерную работу по изучению народного хозяйства России.

Для получения необходимых сведений Ломоносов в 1759 г. разработал проект статистической анкеты («формы запросов», как он её назвал), содержащей ряд экономических вопросов: о торговле, ремёслах, «фабриках» и т. д. В составленном им первоначальном проекте было 13 пунктов, значительная часть которых имела экономический характер.

1. Город, чем огражден, каменною стеною или деревяною, или земляным валом и рвами.

2. Много ли приходов внутри и за городом и которые церкви каменные или деревянные и сколько верст в окружности имеет.

3. На какой реке или озере и на которой стороне по реке вниз или при озере по компасу.

4. По оным рекам какие суда ходят по весне и в межень.

5. Когда бывают ярманки и откуда больше и с какими товарами приезжают и которой день в неделе торговой.

6. Чего больше родится около того города и какие есть промыслы.

7. В каких ремеслах народ больше упражняется.

8. Какие где по городам и по селам заводы, яко то серебряные, медные, железные и рудные, также и фабрики.

9. В городах, буде есть летописцы, присылать с них верные копии для сочиняющейся истории российской.

10. Села и деревни. Сколько душ по ревизии.

11. Сколько дымов.

12. Есть ли ряды и ярманки.

¹ См. *Биллярский*, Материалы для биографии Ломоносова, Спб. 1865, стр. 396.

² Там же, стр. 604.

13. Где есть водяные мельницы пильные или хлебные»¹.

В окончательном тексте, разосланном на места, пункты 10 и 11 были опущены, повидимому, в связи с приближавшейся третьей ревизией (1764 г.), из материалов которой можно было получить более точные, свежие данные. Большинство пунктов развито и, кроме того, добавлены новые. Число «запросных пунктов» выросло до 30, главным образом за счёт расширения экономических вопросов: о посевах, урожае, скоте, торговых пристанях и т. д.

Анкета в печатном виде была разослана лишь в начале 1761 г., а в январе 1763 г. Ломоносов сообщал, что «четыре тома ответов собрано, и уже на половину государства имеем обстоятельную топографию»². Ответы на анкету поступали в течение почти целого десятилетия. Лишь через несколько лет после смерти Ломоносова они были обработаны и частично (дополненные материалами анкеты Сухопутного шляхетного корпуса) опубликованы под названием «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи». Вышедшие в 1771—1774 гг. четыре части первого тома описывают провинции огромной в то время Московской губернии и часть Новгородской.

Для получения материалов к составлению карт, цифровых таблиц и текста атласа России Ломоносов предлагал в 1764 г. использовать лиц, производящих ревизии (переписи населения, обложенного подушной податью). Неразрывная связь экономико-географических исследований Ломоносова с применением статистического метода нашла выражение также в его предложении переиздавать атлас с исправлениями через каждые двадцать лет, т. е. в соответствии со сроками производства ревизий. Особо важное значение в деле получения материалов для атласа Ломоносов придавал географическим экспедициям. Материалы экспедиций Академии наук 1768—1774 гг. показали, насколько он был прав в этом отношении.

Подготовлявшийся Ломоносовым атлас России, судя по плану и ходу работы над ним, должен был значительно превзойти атлас 1745 г. При гораздо большей точности и богатстве содержания основным преимуществом ломоносовского атласа должен был быть его экономико-географический характер. Препятствия, которые ставились врагами Ломоносова, мешали его работе, а вызванный их происками уход Ломоносова из Географического департамента вовсе прекратил его работу над новым, экономико-географическим атласом России.

¹ См. В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии наук XVIII века. Под ред. А. И. Андреева, АН СССР, М. — Л. 1946, стр. 73, а также сборник «Ломоносов», АН СССР, М. — Л. 1940, стр. 257—259.

² *Биллярский*, Материалы для биографии Ломоносова, стр. 582.

Для выполнения картографических работ Ломоносов считал необходимым прежде всего составить «российских продуктов... надлежащее описание». С этой целью он от имени императрицы затребовал у коллегий и контор ряд необходимых статистико-экономических данных. Эти требования представляли собою целую экономико-статистическую программу изучения страны. Она включала сведения об отечественных материалах для кораблестроения и оружейного производства. Программа предусматривала также получение сведений о снабжении армии. Ряд вопросов посвящён был внешней торговле, выяснению того, какие отпускаются «из российских портов и сухим путем за границы внутренние товары всякого звания». Наконец, в нескольких пунктах программы ставились вопросы о характере и размещении промышленных предприятий.

Результаты этой подготовительной для Российского атласа работы должны были быть, по мысли Ломоносова, представлены в виде «Экономического лексикона российских продуктов и показания внутреннего и внешнего оных сообщений с принадлежащими к тому ландкартами». Ломоносов стремился собрать «имена всех российских товаров», производимых в сельском хозяйстве («натурою») и в промышленности («искусством»). В отношении каждого продукта требовались данные о качестве, цене, месте и объёме производства, рынках сбыта и путях доставки¹. Работа была начата во второй половине 1763 г. Ломоносов лично осуществил первый этап работы: он составил «Реестр российским продуктам, натуральным и рукодельным... по алфавиту»². Смерть прервала работу Ломоносова над «Экономическим лексиконом».

Экономическая направленность географических работ Ломоносова подчёркивается терминами, которые он ввёл в научный оборот: «экономическая география», «экономическая ландкарта». По его мнению, география, как и картографические работы, должна быть «соединенной с знанием государственной экономии»³. В 1763 г. Ломоносов выступил с проектом издания политической и экономической географии России. Он с полным правом должен быть признан основоположником русской экономической географии.

Ломоносову принадлежала также идея издания русской специально экономической газеты: в 1759 г. он предложил

¹ См. *Вилярский*, Материалы для биографии Ломоносова, стр. 611—613.

² Приведено в приложении № 19 к сборнику материалов, составленному А. Будиловичем, «М. В. Ломоносов как натуралист и филолог», 1869, стр. 23—25.

³ *Вилярский*, Материалы для биографии Ломоносова, стр. 609.

печатать «Внутренние российские ведомости». Этот печатный орган должен был, по замыслу Ломоносова, удовлетворять потребность в экономической информации как всех государственных учреждений («во всех в государстве присутственных местах»), так и частных лиц («приватных людей»). Ломоносов подчёркивал особую необходимость такой информации для торговли («особливо в купечестве»). Газета должна была сообщать сведения об избытке и недостатке хлеба, об урожаях, о вывозе и привозе товаров и т. д. Для обеспечения «Ведомостей» текущей информацией Сенат должен был дать распоряжение «о присылке из губерний и городов потребных к тому известий» по плану, составленному Академией наук. Кроме экономической информации, Ломоносов предлагал печатать также различные известия, как в обычных газетах («припечатывать все, что к обыкновенным ведомостям припечатывается для известия»).

Издание «Внутренних российских ведомостей» на русском языке Ломоносов предлагал поручить Академии наук¹. Это соответствовало его убеждению в практическом назначении науки, в том, что Академия наук должна содействовать развитию хозяйства страны.

Проект русской экономической газеты не был реализован ни при жизни Ломоносова, ни в ближайшие годы после его смерти. Подписанный Екатериной II указ (1764 г.) — «для пользы купечества, Коммерц-коллегии ввезть здесь в употребление печатные листочки о ценах товаров, называемые прейскурант...»² — вряд ли был составлен под влиянием проекта Ломоносова; да и по своему содержанию екатерининский указ представлял собою осуществление лишь небольшой части ломоносовского проекта. Это лишний раз показывает непонимание правительством феодальной империи экономических замыслов Ломоносова, отражавших потребности развивавшейся торговли.

Ломоносову принадлежит также идея издания русского научного экономического журнала. Незадолго до своей смерти он предлагал Академии наук вместо её печатного органа «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» издавать специальный экономический и естественно-научный журнал — «Экономические и физические сочинения»³. В этом проекте Ломоносова, тоже неосуществлённом, снова проявилась высокая оценка им значения экономических знаний, вновь прозвучало его требование изучать экономику России.

¹ См. *Биллярский*, Материалы для биографии Ломоносова, стр. 392-393.

² ПСЗ, т. XVI, № 12009, стр. 491.

³ См. *Биллярский*, Материалы для биографии Ломоносова, стр. 737.

«О сохранении и размножении российского народа»

Ломоносов имел намерение изложить свои экономические взгляды в систематическом виде. В письме к И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. он сообщает, что «все оные по разным временам замеченные порозык мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы: 1) О размножении и сохранении российского народа. 2) О истреблении праздности. 3) О исправлении нравов и о большем народа просвещении. 4) О исправлении земледелия. 5) О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств. 6) О лучших пользах купечества. 7) О лучшей государственной экономии. 8) О сохранении военного искусства во время долговременного мира»¹.

Таким образом, план изложения своих экономических взглядов Ломоносов начинает с вопросов о политике народонаселения и производительном использовании его труда; затем переходит к тому, что должно быть сделано по отраслям народного хозяйства (сельское хозяйство, промышленность, торговля) и по народному хозяйству в целом («О лучшей государственной экономии»), и, наконец, подчёркивает необходимость постоянной заботы о вооружённых силах государства в мирное время.

План работ Ломоносова по общественно-политическим и экономическим вопросам приведён также в его собственноручной записке (без даты)². В ней перечислены те же восемь тем, названия которых уточнены и конкретизированы в письме Ломоносова 1 ноября 1761 г. Записка представляет собою, по всей вероятности, более ранний вариант плана его работ по общественно-политическим и экономическим вопросам. В этом плане (в записке), как и в письме, первой названа тема, которой и посвящено письмо 1 ноября 1761 г. Причём в записке Ломоносов называет эту тему «О сохранении и размножении народа», а в письме, уточняя и конкретизируя её, подчёркивает, что речь идёт не абстрактно, о народе вообще, а именно о «российском народе».

Записка содержит (на обороте) дополнительные темы, входящие в основные (основным темам записки соответствуют названия глав в письме). Для экономиста-историка особый интерес представляют: тема «Ориентальная академия» (относящаяся к главе пятой «О купечестве, особливо со внешними народами») и темы «Экономическая география», «Экономическая ландкарта»,

¹ М. В. Ломоносов, [О сохранении и размножении российского народа], Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 383.

² См. «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание». Сост. Л. Б. Модзалевский. М.—Л. 1937, стр. 13; М. В. Ломоносов, [Темы статей], Полное собрание сочинений, т. 6, М.—Л. 1952, стр. 379.

«О лесах» (относящиеся к главе седьмой «О государственной экономии»).

Кроме первой «главы», посвящённой политике народонаселения, до нас дошли также «Примечания» Ломоносова об обязанностях духовенства¹. По своему содержанию «Примечания» представляют собою часть намеченной главы «О исправлении нравов и большем народа просвещении»². В «Примечаниях» Ломоносов резко осуждает священников, их паразитическую жизнь и деятельность, и предлагает привлечь церковников к занятию народным просвещением.

В письме от 1 ноября 1761 г. Ломоносов дал полную разработку первой из намеченных им основных общественно-экономических тем, а в «Примечаниях» — частичную разработку третьей темы. В отношении же остальных глав нет данных для решения вопроса, были ли они написаны Ломоносовым, но пропали для потомства³, или же остались лишь названиями предполагавшихся работ. Упомянутое письмо к Шувалову содержит изложение лишь первой главы — «О сохранении и размножении российского народа»⁴. А именно это Ломоносов считал «самым главным делом», потому что

¹ См. *М. В. Ломоносов*, Примечания [об обязанностях духовенства]. Полное собрание сочинений, т. 6, 1952, стр. 405—408.

² См. там же, стр. 600.

³ Буквально на другой день после смерти Ломоносова по приказу Екатерины II граф Орлов печатал его кабинет. Сообщая об этом в письме Миллеру, Тауберт замечает: «без сомнения, в нем должны находиться бумаги, которые не желают выпустить в чужие руки» (см. *П. Пекарский*, Дополнительные известия для биографии Ломоносова, Спб. 1865, стр. 88—89).

⁴ Письмо Ломоносова к И. И. Шувалову оставалось более полувека неизвестным не только широким слоям общества, но даже учёным-специалистам. В 1819 г. это письмо со значительными пропусками опубликовал В. Олин в своём «Журнале древней и новой словесности» (ч. V, март, № 6) и одновременно выпустил отдельной брошюрой под названием «Письмо покойного Михаила Васильевича Ломоносова к Ивану Ивановичу Шувалову», Спб. 1819. Царское правительство отрицательно отнеслось к появлению письма в печати. Цензор Яценков, допустивший его опубликование, едва не поплатился должностью.

В 1842 г. письмо Ломоносова было напечатано М. П. Погодиным в «Москвитяине» (№ 1, «Материалы для истории русской истории вообще и русской словесности»), откуда перепечатано в сочинениях Ломоносова, изданных А. Смирдиным (т. I). В обоих изданиях допущены ещё большие пропуски, чем у Олина.

Впервые ломоносовское письмо полностью опубликовано в третьем выпуске «Бесед в обществе любителей российской словесности при императорском Московском университете» в 1871 г., т. е. через 110 лет после его написания, по списку Н. С. Тихонравова.

Через два года письмо вновь было полностью опубликовано в «Русской старине» (1873 г., октябрь) по списку, представленному в редакцию в 1871 г. академиком П. П. Пекарским.

Письмо Ломоносова к Шувалову, не имевшее, понятно, названия, при его опубликовании в различных изданиях озаглавливается обычно

в многочисленном трудоспособном населении заключено, по его мнению, «величество, могущество и богатство всего государства», а не в обширной, но малонаселённой территории.

Вопрос о народонаселении, поставленный Ломоносовым в этом письме, привлекал внимание государственных деятелей и писателей XVIII века не только в России, но и в Западной Европе. Развитие торгового земледелия и мануфактуры требовало большого числа рабочих рук. Потеря значительной части населения в результате войн, религиозных гонений, голода, эпидемий, болезней, высокой детской смертности придавала этой теме жгучий характер. В Западной Европе появились тогда учёные трактаты, предлагавшие различные меры для сохранения и размножения населения, вплоть до денежных наград за многодетность, разрешения внебрачных связей и даже многожёнства.

Политические деятели и писатели по вопросам народонаселения в Западной Европе разбивались в то время на две группы: сторонников роста населения и противников его, опасавшихся перенаселения. К последней группе примыкали физиократы, считавшие, что «прогрессивному увеличению населения должно предшествовать прогрессивное увеличение продуктов земледелия» (Мерсье де ла Ривьер).

Меркантилисты разделяли мнение первой группы. Они отстаивали необходимость роста народонаселения как резервуара военной мощи для завоевания новых рынков, как средства увеличения объёма производства и вывоза товаров, как источника фискальных доходов и т. д. Маршал Вобан в своём «Проекте королевской десятины» (1707 г.) указывал, что рост «той части населения, которая добывает средства существования трудом рук своих», является основой существования и развития государства. Мнение первой группы разделяли также Вольтер, Монтескьё, Руссо.

В России того времени проблема народонаселения имела черты, характерные для страны с феодальным хозяйством, в недрах которого уже началось развитие буржуазных, капиталистических отношений. Проблема народонаселения была свя-

названием первой главы (указанным в записке и письме) — «О сохранении и размножении российского народа».

В указанных полных публикациях письма имеются разночтения отдельных слов и выражений.

Публикации письма произведены по копиям, так как подлинник не сохранился. Доказательством принадлежности письма перу Ломоносова является его (упомянутая выше) собственноручная записка. Подлинник записки не сохранился. Её литографированное факсимиле хранится в Архиве Академии наук СССР, ф. 20, оп. 4, № 10, л. 3—3 об. В записке Ломоносов перечисляет темы своих работ, среди которых на первом месте стоит тема данного письма.

зана с вопросом об экономическом и правовом положении населения, большинство которого находилось в крепостной зависимости. Объективно проблема народонаселения в России была тогда неразрывно связана с вопросом о крепостном праве.

Подходя к проблеме народонаселения, Ломоносов считал, что хозяйственный и политический рост страны опирается на многочисленное трудоспособное население, возрастание которого является необходимым условием прогрессивного развития.

Излагая мероприятия, направленные на сохранение российского народа и увеличение его численности, Ломоносов обосновывал их принципом достижения общего счастья и естественным правом каждого человека на счастье. Он говорил о своих мыслях по этому вопросу, как о «простирающихся к приращению общей пользы»¹.

Ломоносов считал, что осуществить эти мысли должно государство при помощи правительственных мер, значение и действенность которых он преувеличивал. Ломоносов не ставил вопроса о крепостном праве как главном препятствии в осуществлении предлагаемых им мероприятий. Отсюда внутренняя противоречивость его рассуждения о сохранении и размножении российского народа.

Ломоносов восставал против всего того, что «приращению народа вредно» и ведёт к уменьшению народонаселения. Он требовал запрещения обычного тогда в деревне «неравного супружества», когда «малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых» или когда «мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке». Ломоносов требовал запрещения также насильственных браков, «ибо где любви нет, ненадежно и плодородие»².

Такие предложения в условиях крепостного строя были нереальными. Неравные и особенно насильственные браки неразрывно были связаны с крепостным строем, при котором помещик имел право распоряжаться браками крестьян. Необходимо, однако, подчеркнуть, что высказывания Ломоносова против неравных и насильственных браков имели место накануне предоставления дворянству новых привилегий, при Петре III и Екатерине II, и шли вразрез с интересами дворянства.

Ломоносов требовал также запрещения мужчинам до 50 лет, а женщинам до 45 постригаться в монашество. Предложение «запретить клобук» до достижения определённого возраста было смелым выступлением, особенно если принять во внимание

¹ М. В. Ломоносов, [О сохранении и размножении российского народа], Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 383.

² Там же, стр. 384—385.

отрицательное отношение к Ломоносову со стороны влиятельного тогда духовенства.

Рассмотрев то, что препятствует размножению населения, Ломоносов переходит к тому, что вредно с точки зрения сохранения российского народа. С этой целью он прежде всего рекомендовал меры, направленные к уменьшению смертности детей. В первую очередь Ломоносов останавливается на судьбе внебрачных детей. Он развивает идею, выраженную в указах Петра I об открытии «гошпиталей для подкидышей». Эти указы не были претворены в жизнь. Ломоносов пишет о необходимости «учредить нарочные богаделенные дома», где бы «засорных детей» обучали «ремесленным делам», «художествам». Таким образом, по мысли Ломоносова, в этих домах должны были воспитываться и обучаться внебрачные дети, для того чтобы стать квалифицированными наёмными рабочими, в которых нуждалась в то время русская промышленность. Воспитательные дома были вскоре учреждены в Москве (1764 г.) и в Петербурге (1765 г.).

С глубокой скорбью говорил Ломоносов об отсутствии в России врачебной помощи, построенной «по правилам, медицинскую науку составляющим». Отсутствие медицинской помощи приводит к тому, что «многие, коим бы ожить, умирают»¹. Ломоносов указывал на необходимость обеспечить население и армию врачами и сетью аптек. С этой целью он рекомендовал немедленно послать за границу значительное число русских людей для получения медицинского образования и использовать находящихся в России иностранных врачей и аптекарей для обучения русских людей. Предлагая эти меры, Ломоносов придавал решающее значение развитию отечественного медицинского образования, подготовке своих врачей, лекарских помощников, аптекарей. Учитывая почти полное отсутствие в России того времени лекарей, Ломоносов настаивал на распространении в народе медицинских знаний. Он предлагал издавать общедоступную медицинскую литературу, «чтобы священники и грамотные люди читая могли сами знать и других наставлением пользоваться». В 1763 г. открываются в нескольких городах аптеки, устанавливается звание доктора медицины, Медицинская канцелярия реорганизуется в Медицинскую коллегия.

Ломоносов останавливался также и на влиянии питания на размножение и здоровье людей. Он сравнивал лопарей, питающихся почти исключительно рыбой, с «самоядами» (т. е. самоедами. — *И. Б.*), потребляющими главным образом мясо. Ломоносов говорил, что лопари низкорослы и «из них весьма редко, чтобы кто и по малой мере в солдаты годился». Противопоста-

¹ *М. В. Ломоносов*, [О сохранении и размножении российского народа], Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 397.

вляя лопарям самоедов, он отмечает их высокий рост, коренастость. В то время как лопари крайне малочисленны, самоеды составляют количественно довольно значительную массу населения; они и расселены гораздо плотнее, чем лопари. Ломоносов приходит к выводу, что «те российские области многолюднее, где скотом изобильнее»¹.

Он восставал против самоистощения во время постов и обжорства на пасхе и масленой, говоря, что заповеди требуют любить «господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками)». Ломоносов рекомендовал поэтому в интересах охраны здоровья людей изменить календарь праздников и постов.

Он останавливается, далее, на том влиянии, которое оказывают на смертность населения «моровые язвы, пожары, потопления, морозы», но не упоминает о голоде, который являлся тогда одной из главных причин огромной смертности крестьянского населения. Высокую смертность крестьян Ломоносов не связывал с крепостным строем.

Поставив вопрос о драках и разбое, увеличивающих смертность населения, он видел основную причину драк в отсутствии отчётливого межевания земель. Действительно, убийства в драках из-за спорных земель были тогда настолько распространены, что в 1752 г. даже издаётся специальный указ «О нечинении на спорных землях ссор и драк»². Многие государственные деятели того времени, особенно Пётр Иванович Шувалов, настаивали на проведении «генерального межевания». Но попытка провести генеральное межевание, предпринятая в 1752 г.³, встретила ожесточённое сопротивление помещиков. Между помещиками возникли многочисленные тяжбы, и межевание было приостановлено. Предлагая вновь, в 1761 г., в качестве средства борьбы с драками и убийствами генеральное межевание, Ломоносов выдвигал паллиативное, но назревшее мероприятие. Екатерина II в 1765 г. издала указ об учреждении «к государственному и народному спокойствию» Комиссии о государственном межевании⁴. Но даже осуществление генерального межевания не могло, понятно, искоренить драк и убийств в земельных спорах. В условиях крепостного строя всякое межевание, проводимое всегда в ущерб интересам крестьянской массы, неизбежно порождало новые распри, сопровождавшиеся драками и убийствами.

Убыль населения происходила также и от побегов — исконной формы классовой борьбы крепостного крестьянства.

¹ М. В. Ломоносов, [О сохранении и размножении российского народа], Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 394.

² ПСЗ, т. XIII, № 9932.

³ См. ПСЗ, т. XIII, № 9948.

⁴ См. ПСЗ, т. XVII, № 12347; см. также № 12570.

Особенно распространены были побеги из Прибалтики, где господствовало немецкое дворянство и гнёт крепостничества был даже сильнее, чем в других местах Российской империи. «Не безызвестно нам... — писала Екатерина II, — что число беглецов из Лифляндии столь велико, что многие местности пришли в разорение»¹. Значительно усилились побеги и из других районов империи. Беглецы зачастую устремлялись в Польшу. Польские паны через своих агентов обещали всякие льготы беглецам для того, чтобы потом их закабалить и подвергнуть ещё более тяжкой эксплуатации, чем та, от которой они бежали. Ломоносов говорил об огромных размерах, которые приняли уже во второй трети XVIII в. эти побеги.

Правительство для борьбы с побегами крестьян принимало лишь репрессивные меры. Такой же преимущественно характер носили меры, предлагавшиеся тогда в различных проектах русских государственных деятелей (П. И. Шувалова, П. И. Панина, Я. И. Сиверса и др.). Ломоносов же, подходя к верному определению причин побегов, указывал, что они происходят «более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов», и потому считал неправильным бороться с побегами исключительно репрессивными мерами. Он полагал, что для борьбы с побегами «лучше поступить с кротостью». Вместо репрессивных мер Ломоносов рекомендовал «лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству»².

Ломоносов правильно искал причины крестьянских побегов в общественных явлениях, неразрывно связанных с крепостным правом; но меры, предлагаемые им для борьбы с побегами, не затрагивали основ крепостного строя. Необходимо при этом отметить, что Ломоносов считал основным средством борьбы с побегами не репрессии, а мероприятия экономического и политического характера, долженствовавшие, по его мнению, облегчить положение крестьян.

Предлагая меры борьбы с побегами, Ломоносов вместе с тем советовал для заселения пустующих земель допустить иммиграцию, ибо огромная Россия «в состоянии вместить в свое безопасное недра целые народы и довольствоваться всякими потребностями, кои единого только посильного труда от человеков ожидают к своему полезному произведению»³. Иммиграция в Россию в то время приняла довольно широкий характер. В 1760-е годы на Украине поселяются сербы, болгары, маке-

¹ «Осмнадцатый век», Исторический сборник, кн. III, М. 1869, стр. 188.

² М. В. Ломоносов, [О сохранении и размножении российского народа], Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 401—402.

³ Там же, стр. 402.

донцы и др. Правительство принимало меры к добровольному возвращению беглецов из Польши¹.

У нас нет данных для утверждения, что меры русского правительства к возвращению беглецов из Польши и к поощрению иммиграции были предприняты под непосредственным влиянием Ломоносова. Однако принятие этих мер вскоре после написания Ломоносовым его письма о сохранении и размножении российского народа подтверждает то, что Ломоносов затронул назревший вопрос и наметил практические пути для его разрешения. Ломоносов считал, что осуществление его предложений вызовет рост числа рождений и уменьшение смертности, прекращение побегов за границу, возвращение беглецов и иммиграцию в Россию. А всё это приведёт к значительному увеличению численности её населения.

В письме о сохранении и размножении российского народа помыслы Ломоносова направлены на улучшение положения крестьянства. Стремясь поднять благосостояние народных масс, Ломоносов, однако, не понимал, что эти предложения неосуществимы в условиях крепостного строя, и не поднял против него гневный голос протеста.

Рассуждение о сохранении и размножении российского народа является первым русским трактатом о политике народонаселения. В дореволюционной литературе о Ломоносове были попытки представить его безусловно оригинальное произведение как подражание западноевропейским образцам². Нельзя отрицать того, что Ломоносов был знаком с иностранной литературой по этому вопросу; в его личной библиотеке имелись сочинения германского популяциониста Белла³. Но не знакомство Ломоносова с западноевропейской литературой вызвало его интерес к этой проблеме.

Наблюдая русскую жизнь, размышляя о ней, обращаясь при этом к сочинениям русских (Посошков) и иностранных авторов, Ломоносов выработал свои оригинальные меры к «исправлению неисправ» русской действительности.

Предлагавшиеся им меры были направлены против отдельных явлений, связанных с крепостным строем. Ломоносов стремился устранить эти явления, не затрагивая основ крепостного строя — главного тогда препятствия к сохранению и размно-

¹ См. ПСЗ, т. XVI, № 11815.

² См. *И. К. Сухоплауев*, Взгляды Ломоносова на политику народонаселения, Ломоносовский сборник, изд. Академии наук, Спб. 1911; *И. А. Тихомиров*, О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии, «Журнал Министерства народного просвещения», Новая серия, ч. 49, февраль 1914 г.

³ См. список книг личной библиотеки Ломоносова, помещённый в сборнике, составленном А. Будиловичем, «Ломоносов как писатель», Сиб. 1871, стр. 268.

жению российского народа. Вследствие своей внутренней противоречивости такие меры не могли быть радикальными, действенными. Поэтому предлагавшиеся Ломоносовым меры к разрешению проблемы народонаселения в феодальной России имели паллиативный характер, хотя и были направлены в русло интересов прогрессивного экономического развития страны.

* * *

Великое творчество Ломоносова было направлено на разрешение задач, выдвинутых развитием родной страны. Для обеспечения её экономической независимости и политической самостоятельности необходимо было, по мнению Ломоносова, прежде всего развитие отечественного производства, главным образом — промышленности.

Ратуя за развитие промышленности, он придавал первенствующее значение тем её отраслям, которые были связаны с производством и обработкой чёрных металлов: добыче руды, металлургии, металлообработке.

Защищая промышленный путь развития страны, Ломоносов заботился и о сельском хозяйстве.

Уделяя наибольшее внимание производству, Ломоносов вместе с тем постоянно подчёркивал крупнейшее экономическое значение торговли и необходимость её развития. Основой торговли он полагал отечественное производство, рост которого ведёт к развитию не только внутренней, но и внешней торговли. Считая внешнюю торговлю одним из важнейших факторов роста богатства страны и благосостояния народа, Ломоносов указывал на необходимость государственного содействия её развитию с целью активизации торгового баланса России. Ломоносов был глубоко убеждён в том, что Россия, располагая огромными экспортными возможностями и имея морские выходы на международные торговые пути, может и должна стать первой в мире торговой державой.

Ломоносов считал государство руководящей силой экономического развития. Как и предшествовавшие ему русские мыслители и государственные деятели (Посошков, Фёдор Салтыков, Татищев и др.), Ломоносов — сторонник активного вмешательства государства в экономическую жизнь.

Он наметил широкую программу развития производительных сил и рынка России, не ставя при этом вопроса о крепостном праве, которое тогда уже начало превращаться в тормоз для такого развития. В этом заключалась противоречивость экономических воззрений Ломоносова, стремившегося содействовать прогрессивному экономическому развитию своей родины.

В экономических взглядах Ломоносова были некоторые меркантилистические элементы: преувеличенное представле-

ние о роли феодально-абсолютистского государства в развитии производства и рынка, о роли внешней торговли, о значении активной внешнеторговой политики и др. Но в целом экономические взгляды Ломоносова не были меркантилистическими.

Богатство страны, по мнению меркантилистов, заключается в благородных металлах, для Ломоносова — в изобилии «нужных вещей». Целью экономической политики меркантилисты считали накопление в стране благородных металлов, денег, а Ломоносов — «удовольствие подданных», т. е. прежде всего удовлетворение материальных потребностей населения.

Меркантилисты отстаивали развитие главным образом экспортных отраслей обрабатывающей промышленности; в этом отношении характерно покровительство Кольбера развитию текстильных мануфактур. Для Ломоносова же главное значение имело развитие добывающей промышленности и металлургии. Чёрный металл играл в то время крупную роль в русском экспорте. Однако Ломоносов призывал к развитию производства металла в основном не ради его вывоза. Целью увеличения производства металла является, по Ломоносову, прежде всего удовлетворение внутренних потребностей страны в металле.

Наконец, по мнению меркантилистов, источником прибыли и богатства страны является внешняя торговля, и поэтому нужно вывозить возможно больше продуктов отечественного производства, главным образом обрабатывающей промышленности. А по мнению Ломоносова — экспорт должен развиваться лишь при наличии «внутренних избытков», т. е. когда удовлетворены личные потребности населения и производственные потребности хозяйства страны.

В отношении основной производительной силы хозяйства России того времени — крестьянства — Ломоносов предлагал меры, направленные к улучшению его положения в рамках крепостного строя, который сам по себе был решающей причиной ужасающего положения крестьянства.

В этом сказалась исторически обусловленная ограниченность общественно-политических воззрений великого русского учёного, мыслителя, деятеля, видевшего во всех других направлениях неизмеримо дальше своих современников ¹.

¹ Исторически обусловленная ограниченность была присуща всем великим мыслителям XVIII столетия. «Великие мыслители XVIII века — как и мыслители всех предыдущих веков — не могли выйти из тех границ, которые им поставила их эпоха». (Ф. Энгельс, Вариант введения к «Анти-Дюрингу», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 358).

РАЗДЕЛ V

ПЕРИОД НАЧАЛА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА

Глава пятнадцатая

ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В 60—90-х ГОДАХ XVIII в.

Экономика России во второй половине XVIII в.; классовая борьба

Развитие производительных сил феодально-крепостнической России во второй половине XVIII в. выражалось в возраставшем общественном разделении труда не только между городом и деревней, но и в значительной мере между районами огромной страны. Рост общественного разделения труда являлся основой повышения товарности хозяйства, основой дальнейшего развития внутреннего рынка.

Возрастала продукция главной сферы феодальной экономики — сельского хозяйства; абсолютно и относительно увеличивалась товарная масса сельскохозяйственной продукции.

Рост сельскохозяйственного производства происходил путём расширения посевной площади в старых земледельческих районах и за счёт колонизации окраин, особенно юга и юго-востока Европейской части России.

В старых сельскохозяйственных районах, среди которых преобладали нечернозёмные губернии (Московская, Владимирская, Смоленская, Тверская, Ярославская), господствовала паровая система земледелия в форме трёхполья.

Урожайность оставалась низкой вследствие господства крепостнической системы хозяйства.

Для развития земледельческого производства не только при оброчной, но и при барщинной системе крепостнической эксплуатации, решающее значение имело крестьянское хозяйство. Барское поле, как и крестьянский надел, обрабатывалось крестьянами, которые в условиях крепостного строя,

задавленные нуждой и приниженные личной зависимостью, вели производство при крайне низком и рутинном состоянии техники.

Низкая урожайность становилась нетерпимой в условиях роста рынка для продуктов сельского хозяйства. Помещики заговорили об «оскудении земледелия» и усиливали эксплуатацию крепостных путём повышения ставок оброка, увеличения числа барщинных дней и перевода крестьян на месячину.

Чернозёмные районы, имевшие излишки зерна, но лишённые сносных путей сообщения, вынуждены были довольствоваться местным, ограниченным спросом. Огромное значение приобретала поэтому промышленная переработка зерна (главным образом винокурение) на месте его производства. Переработка зерна получила распространение не только в чернозёмных районах, но и в нечернозёмной полосе.

В нечернозёмных районах одно лишь земледелие не могло дать крестьянину в сколько-нибудь достаточной мере средства существования, не говоря уже о средствах для уплаты феодальной ренты помещику и податей государству. Значительную роль в крестьянском хозяйстве этих районов играли стихийно развивавшиеся неземледельческие занятия и отход крестьян. Основная масса мелких промышленных производителей страны находилась в деревне. Промысел составлял для них побочное (дополнительное к земледелию) либо основное занятие.

Мелкое товарное производство необходимо предполагает функционирование торгового капитала, деятельность скупщика. В качестве такового выступали предприниматели из кустарей и зажиточной деревенской верхушки. Мелкие производители, находившиеся в личной зависимости от помещика либо от феодально-абсолютистского государства, экономически закабалялись и торговым капиталом.

Торговый капиталист, постепенно превращая мелких производителей в наёмных рабочих на дому либо в мастерской хозяина, становился промышленным капиталистом, мануфактуристом. Мануфактура содействовала производственной специализации целых районов.

Из отраслей промышленности наибольшее развитие получили металлургия, обработка металлов и текстильные производства. Уже в середине XVIII в. Средний и Южный Урал представлял «грандиозный по тогдашним, уже не русским только, а и мировым, масштабам промышленный район»¹. С начала второй четверти XVIII столетия и до его конца Россия занимала

¹ П. Г. Любомиров, Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века, Госполитиздат, 1947, стр. 382.

первое место в мире по производству чёрных металлов. Это было не только количественное превосходство. Русское железо превосходило по качеству английское. Во всё возроставших количествах железо вывозилось за границу, преимущественно в Англию. «В 18 веке, — отмечает Ленин, — железо было одной из главных статей отпуска России...»¹. Ставившееся тогда на уральском железе клеймо «Старый соболь» хорошо знали в Западной Европе и особенно в Англии.

Казённые и некоторые частные заводы Урала обслуживали главным образом потребности государства, особенно в оружии и боеприпасах. Большинство же частных заводов Урала работало преимущественно на экспорт и лишь немногие — на внутренний рынок. Внеуральские металлургические и металлообрабатывающие заводы, продолжая производство для государственных нужд, всё более переходили к обслуживанию внутреннего рынка, выпуская железо, чугунную посуду, железные орудия и прочие товары.

Лёгкая, главным образом текстильная, промышленность развивалась в различных районах. Крупнейшим её центром была Москва с прилежавшим обширным районом крестьянских промыслов. Росло значение петербургской промышленности. Развивались такие крупные районы текстильных производств, как Иваново-Вознесенский (полотняный и к концу XVIII в. хлопчатобумажный), Кинешмо-Костромской и Ярославский районы полотняного производства; множились суконные заводы в казанских, воронежских, тамбовских местах. Многочисленные кожевенные, салотопенные и свечные заводы работали в Среднем Поволжье.

Развитие промышленности происходило в борьбе крупного производства с мелким, в борьбе между капиталистической и крепостнической формами промышленности.

Крепостническая промышленность была представлена преимущественно вотчинными предприятиями — «дворянскими фабриками»; они основывались на эксплуатации труда крепостных крестьян вотчины и потребляли сырьё, производимое в самой вотчине. На принудительном труде основывалась и посессионная мануфактура. Владельцами посессионных мануфактур были по преимуществу купцы (а не дворяне, обладавшие личным правом собственности на крепостных)².

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 424.

² Под давлением дворянства изданы были указ 12 марта 1752 г. (ПСЗ, т. XIII, № 9954), ограничивавший приобретение людей к заводам, указы 29 марта 1762 г. (ПСЗ, т. XV, № 11490) и 8 августа 1762 г. (ПСЗ, т. XVI, № 11638), отменявшие посессионное право. На посессионном праве оставались лишь те заводы, к которым были куплены люди до 1762 г.

Принадлежавшие купцам и крестьянам мануфактуры, основывавшиеся на наёмном труде, были капиталистическими. В. И. Ленин указывает, что основным в капиталистических отношениях является превращение рабочей силы в товар, эксплуатация наёмного труда: «В вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда»¹.

Условия крепостного строя накладывали глубокий отпечаток на развивавшиеся внутри него капиталистические отношения, облакали их в феодальную форму. Предприниматель, принадлежавший к крестьянскому сословию, не был юридически свободным собственником капитала. Будучи крепостным помещика, он не мог приобретать на своё имя предприятие, не был юридическим собственником последнего. Рабочий, нанимавшийся на мануфактуру, будучи большей частью оброчным крестьянином феодально-крепостнического государства либо помещика, не являлся собственником своей рабочей силы. Оброчник продавал свою рабочую силу с разрешения того, кому он принадлежал. Но в отношении к нанимателю, владельцу мануфактуры, оброчный крестьянин выступал как наёмный рабочий.

Между классами-сословиями феодального общества велась борьба за соответствующие их различным интересам формы промышленности.

Дворянство защищало развитие вотчинной промышленности и поддерживало развитие крестьянских промыслов и мануфактур, повышавших оброчный доход помещиков. Вместе с тем дворянство боролось против развития купеческой мануфактуры, как основанной на наёмном труде, т. е. капиталистической, так и посессионной, в основе своей крепостнической.

Купечество защищало развитие купеческой мануфактуры — и капиталистической и крепостнической (посессионной). Вместе с тем купечество противилось развитию вотчинной промышленности и крестьянских мануфактур, усматривая в них своего конкурента.

Значение крепостнической и капиталистической мануфактур и борьбы между ними было различным на разных этапах исторического развития.

В XVIII в. крепостное право помогло высокому подъёму Урала. «Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»².

В начале XVIII столетия, на первых этапах развития крупной промышленности в России, крепостническая ману-

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 509.

² Там же, стр. 424.

фактура ещё не имела консервативного значения. Позже, в борьбе с капиталистической мануфактурой, в условиях роста буржуазных отношений в недрах крепостного хозяйства и прогрессирующего разложения последнего, крепостническая мануфактура превращается в консервативную, а затем и в реакционную силу.

Прогрессивная роль капиталистической мануфактуры возростала с упадком крепостнических форм промышленности, с разложением крепостного строя.

Рост товарности сельского хозяйства, развитие промышленного производства, в особенности мануфактуры, углубляли общественное разделение труда между районами, между городом и деревней. Это вело к укреплению связей в сфере обращения. Развитие внутреннего рынка происходило в масштабе всей страны и отдельных её районов.

Выражением развития всероссийского рынка было прежде всего дальнейшее формирование и рост оборота торговых центров — Москвы, Петербурга, Нижнего-Новгорода, Тулы, Калуги, Ярославля, Казани, Астрахани, Архангельска и других крупных русских городов. Показателем роста внутреннего рынка было также увеличение оборотов Макарьевской, Троицкой, Ирбитской, Иркутской, Кяхтинской, Киевской, Архангельской и других больших ярмарок, втягивавших в ярмарочный оборот не только прилегавшие к ним, но и дальние районы.

Вместе с внутренним рынком росла внешняя торговля, значительно уступавшая внутренней по величине оборота.

Годовой вывоз России возрос с 4,2 миллиона рублей в 1726 г. до 12 миллионов в 1763—1765 гг. К концу века он достиг 67,7 миллиона рублей (1796 г.). Главную роль в растущем вывозе играли продукты сельского хозяйства (пенька, лён, льняное и конопляное семя и масло, сало, кожи сырые и др.) и охоты (пушнина). Вывоз зерна составлял ещё незначительную величину, главным образом вследствие отсутствия удобных путей сообщения хлебопроизводящих районов с портами. Из промышленных изделий значительную роль в вывозе играли железо и полотно, направлявшиеся преимущественно в Англию ¹.

¹ См. А. Семёнов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. III, Спб. 1859, Приложения № 1—4; «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России» под ред. В. И. Покровского, т. I, Спб. 1902, стр. XXI—XXVIII.

Возраставший внутренний спрос на железо (в связи с увеличением производства металлических изделий массового потребления, оружейного производства, судостроения и др.) ограничивал рост его вывоза. На рубеже XVIII и XIX вв. появляется ещё одна причина, сокращавшая вывоз железа из России, — новые методы выплавки чугуна (на каменноугольном топливе) в Англии, приведшие к увеличению объёма производства и значительному понижению цен на английское железо сравнительно с русским

Ввоз в Россию состоял по преимуществу из предметов личного потребления дворян-помещиков и верхов купечества (сахар, вина, кофе, сукно, шерстяные и шёлковые ткани и пр.). Из товаров производственного потребления большую роль в ввозе играли красители и шёлк-сырец для текстильной промышленности. Прочие товары производственного потребления занимали значительно меньшее место. Во второй половине XVIII в. развитие русской промышленности всё больше основывалось на отечественном сырье. Расширялся внутренний рынок для металла и технических культур сельского хозяйства.

Во внешней торговле России с Западной Европой вывоз (преимущественно сырья) превышал ввоз (преимущественно фабрикатов). Наоборот, в торговле со странами Востока Россия, вывозя фабрикаты и ввозя сырьё (главным образом для текстильной промышленности), имела пассивный торговый баланс. Активность торгового баланса в обороте с Западной Европой, составлявшем в то время до 85% внешнеторгового оборота страны, обусловила общую активность торгового баланса России. Главную роль в торговле России с Востоком играл среднеазиатский рынок. Роль последнего особенно усилилась в связи с потребностью в хлопке для возникавшей в конце XVIII в. русской хлопчатобумажной промышленности.

Развитию общественного разделения труда и рынка на протяжении второй половины XVIII в. содействовали расширение территории Русского государства и колонизация окраин, приобретение новых морских выходов, увеличение численности населения (с 15 миллионов в 40-е годы до 27—28 миллионов в 80-е годы).

В состав Российской империи были включены часть южной степи, часть Финляндии и затем, в последней трети XVIII в. (при Екатерине II) — Крым, Приазовье, Предкавказье, Правобережная Украина, Полесье, Белоруссия и Курляндия. Продолжалась колонизация Урала и Сибири. Приобретение Азова, Керчи и береговой полосы до устья Днестра давало выход в Азовское и Чёрное моря. Русский торговый флот получил не только право свободного плавания по Чёрному морю, но и прохода через Дарданеллы и Босфор. Для России открылись южные выходы на международные торговые пути. Страна возросла не только по размерам территории, но и по протяжённости своих морских границ. Русское государство, замечает Маркс, превращалось «из чисто континентальной страны в державу, окруженную морями»¹.

железом, производство которого основывалось попрежнему на древесном топливе.

¹ *Karl Marx, Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London 1899, p. 87.*

Географические экспедиции второй половины XVIII столетия, среди которых наибольшее значение имели академические экспедиции 1768—1774 гг., продолжали славное дело русских географов, путешественников, мореходов первой половины века. Эти экспедиции исследовали территорию и естественные богатства России, её дороги и водные — речные и морские — пути.

В конце XVIII в. развивается русская колонизация земель западных берегов Северной Америки под руководством купца Григория Ивановича Шелихова. Русский морской зверобойный промысел распространялся в северном бассейне Тихого океана. Русские колонии на Аляске и в Калифорнии налаживали торговые отношения с городами Сибири и Европейской части России, связывались со всероссийским рынком.

Рост товарного производства в сельском хозяйстве, развитие промышленности и торговли требовали организации кредита, прежде всего для купечества. Интересы купечества требовали развития вексельного обращения и учреждения коммерческих банков. Основной задачей коммерческих банков при феодализме было освобождение купечества от господства ростовщиков.

Однако феодально-абсолютистская монархия, стремясь освободить от засилья ростовщиков прежде всего дворянство, создавала дворянские сословные банки. Все русские кредитные учреждения второй половины XVIII в., кроме лишь недолго существовавшего Купеческого банка, ставились на службу интересам дворянства. К русским банкам второй половины XVIII в. применимо то, что Н. Г. Чернышевский говорил вообще о банках дореформенной России: ими «давались ссуды часто только на мотовство помещиков»¹. Промотав ссуды, помещики обычно не возвращали их: ссуды превращались в безвозвратные пособия.

Кредитование дворянства, отвлекая миллионы рублей при сохранении для торговли и промышленности монополии ростовничества, тормозило рост капиталистического уклада в крепостном хозяйстве.

Промышленное и городское строительство, сооружение дорог и каналов, кредитование дворянства, подготовка к войнам и войны, заполнявшие царствование Екатерины II, вызывали непрерывный рост расходной части государственного бюджета.

Стремясь использовать эмиссию в качестве дополнительного финансового ресурса, правительство приступило к выпуску бумажных денег — ассигнаций. В 1769 г. в Петербурге и

¹ Н. Г. Чернышевский, Кредитные дела, Избранные экономические произведения, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 530.

Москве были учреждены первые эмиссионные банки, «для вымена ассигнаций»¹, впоследствии, в 1786 г., объединённые в Государственный ассигнационный банк.

К концу века в обращении имелось ассигнаций более чем на 150 миллионов рублей. Эта сумма примерно вдвое превышала средний годовой государственный бюджет того времени. Вследствие прекращения обмена ассигнаций на металлические деньги (в 1786 г. — на серебро, а в середине 90-х годов и на медную монету) образовался излишек ассигнаций. Курс ассигнационного рубля стал падать, а товарные цены повышаться. Создался неблагоприятный для России вексельный курс на внешнем рынке.

Доходы государства не могли уже покрыть расходной части бюджета. Дефицитность государственного бюджета стала хроническим явлением. Впервые в истории России образовался государственный долг — внутренний и внешний. К концу XVIII века сумма государственного долга превысила 200 миллионов рублей².

Экономическое развитие России во второй половине XVIII столетия характеризовалось усилением несоответствия господствовавших феодальных производственных отношений характеру растущих производительных сил.

На основе роста производительных сил возникли и развивались новые, буржуазные производственные отношения. Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил прокладывал себе дорогу в борьбе новых, капиталистических производственных отношений с господствовавшей феодально-крепостнической системой. Капиталистические производственные отношения, всё более распространяясь, формировались в буржуазный уклад.

Развитие капиталистического уклада выражалось в переходе части купцов к промышленному предпринимательству³, в росте основанных на наёмном труде купеческих и крестьянских мануфактур, в возрастании числа наёмных «рабочих людей», в расширении рынка и появлении на нём нового товара — рабочей силы⁴.

¹ ПСЗ, т. XVIII, № 13219.

² См. *Н. Д. Чечулин*, Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, Спб. 1906, стр. 378; *А. С. Лаппо-Данилевский*, Очерки внутренней политики имп. Екатерины II, Спб. 1898, стр. 56—57; *А. Куломзин*, Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II, «Русский вестник», т. 84, 1869, стр. 108—151.

³ См. *В. Н. Яковлевский*, Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, АН СССР, М. 1953.

⁴ Новые данные о численности рабочих русской мануфактуры и формировании рынка рабочей силы в России второй половины XVIII в. при-

Рост капиталистического, буржуазного уклада обострял развивавшиеся в феодально-крепостническом хозяйстве противоречия. Усиливалось противоречие между господствующим феодальным строем и производительными силами, на основе роста которых развивались новые, капиталистические производственные отношения. Крепостной строй тормозил развитие производительных сил и рынка. Господство крепостнических отношений препятствовало промышленной разработке недр, объявленных монопольной собственностью дворян-помещиков либо их государства, и задерживало развитие обрабатывающей промышленности. Крепостнические отношения задерживали практическое применение гениальных научных открытий и изобретений М. В. Ломоносова, И. И. Ползунова, К. Д. Фролова, И. П. Кулибина и многих других талантливых русских людей; подавлялись творческие силы великого народа. Крепостная система душила русскую техническую мысль, тормозила внедрение машин в мануфактуру и её перерастание в фабрику.

Крепостной строй удерживал на низком техническом уровне сельское хозяйство, препятствовал развитию его товарности, тормозил рост рынка.

Рост капиталистического уклада, выражаясь прежде всего в расширении сферы эксплуатации наёмного труда, вызывал усиление также крепостнической эксплуатации. Приспосабливаясь к новым условиям, стремясь в условиях развития товарно-денежных отношений повысить доходность своих вотчин, помещики усиливали эксплуатацию труда в крепостном хозяйстве.

Дворяне-помещики повышали ставки оброка и усиливали барщину, переводили крестьян на месячину, при которой крепостной низводился до положения раба, фактически становился рабом. Распространялась фабричная барщина, повышалась эксплуатация приписанных к заводам крестьян. Усиливаясь под воздействием роста капиталистического уклада, крепостническая эксплуатация в таких формах разрушала крестьянское хозяйство, подрывала свою основу.

Ответом на рост эксплуатации, на усиление крепостнического гнёта были побеги и волнения крестьян. Обострялось положение с рабочей силой для земледелия и развивавшейся промышленности. Труд в промышленности был в то время ещё тяжелее, чем в земледелии. С 50-х годов XVIII в. не прекращались волнения помещичьих и заводских крестьян.

О силе и размахе этих волнений говорит то, что на их усмирение посылались войска с артиллерией, происходили воору-

ведены и освещены в статьях академика С. Г. Струмилина «Рабочие русской мануфактуры к концу XVIII в.», «Вопросы экономики» № 9, 1953 г. и Н. Л. Рубинштейна, «Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII века», «Вопросы истории» № 2, 1952 г.

жённые столкновения. В своих «Записках» Екатерина II отмечала, что при её вступлении на престол (1762 г.) происходили волнения не только помещичьих крестьян, но и заводских, которые «почти все были в явном непослушании властей...»¹.

Захват земель, ограбление и тяжёлая эксплуатация «иностранцев» на окраинах, особенно в Башкирии — новом районе горнозаводского строительства, также создавали предпосылки волнений. В 1735—1740 и 1755 гг. происходили восстания башкир.

В десятилетие (1762—1772 гг.), непосредственно предшествовавшее крестьянской войне, было до 40 крупных крестьянских волнений — в тверских, новгородских, вятских, казанских и смоленских местах, — подавленных воинской силой с применением жестоких репрессий. Восставали также «работные люди» и приписные крестьяне на Урале, в особенности на заводах крупнейших уральских горнопромышленников — Демидовых.

Рост буржуазного уклада усиливал не только главное классовое противоречие феодального общества — антагонистическое противоречие между крестьянством и дворянами-помещиками, но и классовые противоречия между дворянами-помещиками и купечеством, между купечеством и крестьянством.

Наряду с обострением противоречий между различными классами-сословиями феодального общества развивались противоречия и внутри каждого из них.

Внутри крестьянства на основе развития крестьянских промыслов, торговли, неравномерного землепользования возникали группы с различными интересами. Деревенские богатеи оказывали при уплате податей и оброков в условиях круговой поруки «подмогу» беднякам, малоземельным, давали им кабальные, ростовщические ссуды в денежной и натуральной форме. В уплату долга богатеи захватывали земли. А обезземеленный крестьянин был вынужден либо работать на богатея, часто на бывшем своём наделе, либо направиться с разрешения помещика в отход. Отходники нанимались на сельскохозяйственные работы, работали в качестве ремесленников, шли рабочими на мануфактуры, обслуживали транспорт.

Более неравномерным, чем среди помещичьих крестьян, было землепользование государственных крестьян, имевших некоторые легальные возможности отчуждать земли². Обороту земли среди государственных крестьян способствовало ростовщичество.

¹ «Записки императрицы Екатерины II», Спб. 1907, стр. 538.

² См. Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва, т. I, АН СССР, М. — Л. 1946, стр. 69—78.

Вследствие ростовщичества, по свидетельству современника, «остаются бедные вечными должниками богатых или их работниками и... принужденными уступать заимодавцам своих обработанных пахотных земель, лишаясь через то и последнего к пропитанию средства»¹. Однако в условиях крепостного строя, когда аренда крестьянами земель была стеснена, а продажа запрещалась, неравномерность землепользования не могла получить значительного развития. В большей мере, чем земледелие, основой складывания различных групп с противоречивыми интересами внутри крестьянства были крестьянские промыслы и торговля.

Развитие противоречий между различными группами внутри крестьянства (капиталистские, первостатейные, средней руки, малоземельные, бобыли и др.) было свидетельством начавшегося его расслоения. Господствовавшие крепостнические отношения сдерживали начинавшееся расслоение крестьянства, препятствовали развитию этого процесса, но не могли его остановить.

В феодально-крепостнических условиях все группы крестьянства были объединены общесословными интересами. «Когда было крепостное право, — говорит В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»².

В 1773—1774 гг. разразилась стихийная крестьянская война. Охватив огромную территорию, она поколебала государство «от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов»³.

Разгром крестьянской войны привёл к усилению дворянской диктатуры, что нашло отражение в правительственных актах. Таковы «Учреждение для управления губерний Российской империи» (1775 г.), передававшее власть на местах в руки местного дворянства, и «Жалованная грамота дворянству» (1785 г.), юридически оформившая и систематизировавшая ранее полученные дворянами права и привилегии.

Несмотря на поражение восставших, крестьянская война под руководством Пугачёва имела огромное значение: она подрывала устой крепостного строя в условиях начавшегося его разложения.

И после крестьянской войны 1773—1774 гг. крестьянские волнения продолжались в отдельных местах. В 1778 г. после

¹ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Музейное собрание, № 2930. «Исторические примечания о древностях Олонецкого края и о народах, там обитавших; топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества», л. 53—54. Написано после 1784 г.

² В. И. Ленин, К деревенской бедноте, Соч., т. 6, стр. 384.

³ А. С. Пушкин, История Пугачёва, Полное собрание сочинений, т. VIII, АН СССР, М. — Л. 1951, стр. 268.

подавления волнений крестьян графа Апраксина, новгородский наместник Сиверс писал Екатерине: «Если не водворить порядок как можно скорее, дело будет иметь пагубные последствия. В стране с деспотическим образом правления зародыш восстания готов разрастись при всяком удобном случае. В этом отношении нужно быть как можно бдительнее»¹. В конце века вспыхивают многочисленные волнения. Лишь за три года царствования Павла I было зарегистрировано 278 крестьянских волнений в 32 губерниях².

Борьба крестьянства была объективно направлена против начавшего уже разлагаться феодального строя, гнёт которого, с ростом в его недрах капиталистического уклада, ещё более усиливался.

Принципы экономической политики. Борьба направлений экономической мысли

Борьба классов-сословий и групп внутри них нашла отражение в законодательных комиссиях — созыва 1754 г. и особенно в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, созданной в 1767 г. Депутаты в последнюю были выбраны от центральных государственных учреждений (один от каждого учреждения), дворян (один от каждого уезда), городского населения (один от каждого города), черносошных крестьян, однодворцев, казаков, ясачных людей, оседлых народов, пахотных солдат и служилых людей старых служб (по одному от каждой провинции). Духовенство было представлено лишь одним депутатом от Синода. Помещичьи и «экономические» (т. е. бывшие монастырские), посессионные и приписные крестьяне представительства не имели.

Из съехавшихся в Москву в июле 1767 г. 564 депутатов 28 представляли правительственные учреждения, 161 — дворянство; 208 были выбраны от городов³; 54 — от казачества; от государственных крестьян было 79 и от оседлых народов — 34 депутата.

Комиссия располагала большим материалом, состоявшим из наследия законодательной комиссии созыва 1754 г. и главным образом из наказов, привезённых депутатами. Депутатские указы отражали положение, мнения, чаяния и требования различных групп населения.

¹ См. В. И. Семевский, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, Спб. 1881, стр. 388.

² См. П. И. Ляценок, История народного хозяйства СССР, т. I, 1952, стр. 425.

³ Среди депутатов от городов преобладали купцы, но было немало и дворян, так как в выборах участвовали все домовладельцы города.

Дворянство, монополизировавшее земельную собственность и эксплуатацию принудительного труда, требовало для себя монополии и на промышленную разработку недр, на обработку сельскохозяйственных продуктов, в особенности на винокурение¹. Дворянство домогалось также монополии торговли (оптовой и вывозной) продуктами сельского хозяйства, монополии откупов вина, пива, мёда и т. д.

Требование дворянством различных монополий было направлено на стеснение предпринимательства купцов и отчасти крестьянства.

Предприниматели из купцов и богатых крестьян в условиях дворянской монополии на эксплуатацию крепостного труда развивали производство главным образом на наёмном труде. Объективно содействуя таким путём росту капиталистического уклада и разложению крепостного строя, купечество в своих требованиях занимало двойственную, противоречивую позицию. С одной стороны, оно боролось против дворянских монополий и привилегий, против феодальных ограничений купеческого самоуправления и суда, против различных стеснений торговли и т. д. С другой стороны, купечество домогалось запрещения дворянам и особенно крестьянам заниматься промышленным предпринимательством и торговлей, добивалось монополии торгово-промышленной деятельности в целом или хотя бы в отдельных отраслях. Купечество ходатайствовало о восстановлении отменённого в 1762 г. права купцов на покупку крестьян к заводам. Будучи значительной экономической силой в области промышленности и торговли, купечество не имело, однако, сколько-нибудь серьёзного политического влияния для того, чтобы обеспечить себе желанные права.

Крестьяне, не закреплённые за помещиками, народности Поволжья, Урала, Сибири жаловались на несправие, говорили о тяжком бремени налогов и государственных повинностей, о произволе чиновников, о захватах помещиками и заводовладельцами земель и т. д.

Выступления представителей государственных крестьян и купечества и прогрессивных дворянских депутатов встретили резкий отпор дворянства, яростную защиту им своих монопольных политических и экономических позиций. Недовольная этими ожесточёнными спорами, Екатерина в декабре 1768 г. распустила «большое собрание» Комиссии, оставив работать лишь «частные комиссии».

¹ Вокруг дворянской монополии на винокурение, подтверждённой Уставом о винокурении 1765 г., вновь развернулась борьба между дворянством и купечеством в Комиссии об Уложении. Дворянство удержало за собой монополию винокурения.

Отношение помещичьих крепостных (их было свыше половины всех крестьян) к отсутствию представительства в Комиссии показывает произведение, названное «Плач холопов». В этом произведении, принадлежащем неизвестному поэту, по всей видимости крепостному, встречаются такие строки:

В свою ныне пользу законы переменяют:
Холопей в депутаты затем не выбирают,
Что могут-де холопы там говорить?
Отдали б им волю до смерти нас морить¹.

Стихийный протест крестьян против крепостного строя проявлялся в жалобах, самоубийствах, побегах, убийствах помещиков и их приказчиков, чиновников и офицеров. Требования крестьянства звучали в волнениях и восстаниях, в битвах крестьянской войны 1773—1774 гг.²

Крестьянство требовало воли и земли. Стихийно выступая против феодального строя, крестьянство объективно боролось за условия победы капитализма.

Экономическая политика феодально-абсолютистской империи исходила из интересов помещичье-дворянского класса-сословия.

В интересах дворянства феодально-абсолютистское государство расширяло сферу крепостнических отношений. Оно законодательно оформило крепостнические отношения, сложившиеся на Украине, осуществляло приписку по ревизиям и раздачу помещикам казённых вотчин с государственными крестьянами, превращая этих крестьян в помещичьих крепостных. Дворянское государство усиливало крепостное право: помещикам было предоставлено право ссылать своих крепостных в Сибирь на поселение и каторгу; крепостным было запрещено жаловаться на помещиков.

В своей экономической политике феодально-абсолютистское государство, политической опорой которого являлось дворянство, исходило из его интересов. Вместе с тем дворянская империя должна была считаться и с купечеством, игравшим главную роль в торговле и промышленности, без роста которого невозможно было дальнейшее развитие народного хозяйства и укрепление государственных финансов. Но когда купеческие интересы резко сталкивались с дворянскими, феодально-абсолютистское государство становилось на защиту дворянства в ущерб купечеству.

¹ «Почин», Сборник Общества любителей российской словесности, М. 1895, стр. 12.

² Об экономических требованиях крестьянства в этой войне см. главу двадцатую.

Развитие экономики страны вызывало некоторые изменения в торговой и промышленной политике абсолютистской монархии.

Стеснявшие развитие всероссийского рынка внутренние таможенные пошлины и дорожные сборы были отменены с 1754 г.¹ Интересно отметить, что внутренние таможи и дорожные сборы тогда ещё не были отменены во Франции, не говоря уже о феодально-раздробленной в то время Германии. Отмена в России внутренних пошлин и сборов являлась прогрессивным мероприятием.

Появился ряд проектов, выражавших отрицательное отношение широких слоёв дворянства и купечества к откупам и монополиям. В 1760 г. был составлен проект указа Сенату об уничтожении ряда откупов и монополий, «кои распространению торгов вредны»².

Из проектов 1760 г. наибольший интерес представляет письмо конференц-секретаря Д. В. Волкова к графу И. Г. Чернышёву. Волков предлагал «...все товары здешнего продукта, кои каким-либо образом были донныне запрещены, и так от времени из коммерции выбыли, что нескоро их и покупать станут, не токмо тотчас позволить, но и беспошлинно отпускать или с такою малою пошлиною, которая была бы совсем нечувствительна». В письме подчёркивалась выгодность активизации торгового баланса, хотя бы и за счёт сокращения таможенных поступлений: «Если б казна теряла, например, двести тысяч рублей, а государство приобретало тем миллион, мне кажется, сию потерю великою находкою почитать можно»³.

Здесь отчётливо подчёркнуто предпочтительное значение народнохозяйственных интересов сравнительно с фискальными интересами казны. Идеи Волкова совпадали с основными положениями известного указа Петра III от 28 марта 1762 г., в котором предписывалось «всякому торгу свободну быть»⁴.

Продолжая уже ранее намеченную линию торгово-промышленной политики, екатерининское правительство рядом законодательных актов уничтожило большинство откупов и монополий, а указом 17 марта 1775 г. дозволило «всем и каждому... добровольно заводить всякого рода станы и рукоделия производить, не требуя на то уже иного дозволения от высшего или нижнего места»⁵.

¹ ПСЗ, т. XIII, № 10164.

² См. «История Правительствующего Сената за двести лет, 1711—1911», т. II, Спб. 1911, стр. 303.

³ «Архив кн. Воронцова», кн. 24, М. 1880, стр. 123—124.

⁴ ПСЗ, т. XV, № 11489.

⁵ ПСЗ, т. XX, № 14275.

Постепенная ликвидация системы промышленных привилегий, осуществлявшаяся правительством Екатерины II, делала всё менее нужным органом Мануфактур-коллегию, учреждённую Петром I для проведения этой системы. В 1779 г. Мануфактур-коллегия была упразднена ¹.

Следует, однако, иметь в виду, что объявленная екатерининским правительством «беспредельная свобода» промышленной и торговой деятельности отнюдь не походила и не могла походить на свободу в том смысле, как её понимали английские фритредеры. Екатерининское законодательство отменяло лишь систему *исключительных* привилегий, сохраняя общие ограничения, запрещения и поощрения, в том числе покровительственные внешнеторговые тарифы. Умеренно протекционистские тарифы 1766 и 1782 гг. оказали положительное воздействие на развитие русской промышленности, *уже* не нуждавшейся в исключительных привилегиях, но *ещё* требовавшей общих покровительственных мероприятий.

Новые тарифы содействовали повышению активности торгового баланса страны и росту доходности государственного бюджета. Более или менее высокий таможенный тариф на ввоз оставался господствующей идеей в вопросах внешнеторговой политики для правительства и большинства русских политических деятелей и мыслителей XVIII в.

После отмены исключительных привилегий и детальной регламентации русская промышленность дала значительный количественный рост. По расчётам Бурнашева, из числа действовавших в 1796 г. мануфактур (без добывающей промышленности и металлургии) более двух третей было создано в царствование Екатерины II ², в условиях отмены ряда откупов и монополий.

Отход от полного протекционизма к частичному в экономической политике произошёл под влиянием заметных успехов в промышленном развитии России.

В русской дореволюционной науке господствовало мнение, что такое изменение в торговой и промышленной политике произошло при Екатерине II (Ключевский, Бильбасов и др.). Это мнение в наше время разделял покойный академик Ю. В. Готье, полагавший, что отмена промышленных монополий началась лишь в царствование Екатерины II. Многие буржуазные историки и экономисты (Корсаков, Лодыженский, Витчевский, Вернер и др.) добавляли, что этот поворот произошёл под влиянием

¹ См. ПСЗ, т. XX, № 14947.

² См. В. Бурнашев, Очерк истории мануфактур в России, Спб. 1833, стр. 16—18 и 26—29. Произведённый Бурнашевым расчёт числа мануфактур преувеличен, так как в их число он включил также ряд мелких предприятий, но это не меняет правильно отмеченной тенденции развития промышленности в России того времени.

увлечения Екатерины II западноевропейскими экономическими идеями.

В действительности же, как показано выше, такие изменения в торговой и промышленной политике начались ранее, в конце царствования Елизаветы и при Петре III. Таким образом, снимаются взаимно связанные вопросы о роли Екатерины II, якобы являвшейся творцом некоего нового курса в экономической политике России, и о сколько-нибудь решающем значении западноевропейских экономических идей в отказе русского правительства от политики исключительного протекционизма. Указанные изменения в экономической политике были вызваны внутренними причинами: развитием феодального хозяйства и ростом капиталистического уклада в нём, ходом классовой борьбы в России.

* *
*

Рост капиталистических отношений, обостривший развивавшиеся в крепостном строе противоречия, усиление борьбы классов по-новому ставили перед современниками старые экономические вопросы и выдвигали новые.

Появились проекты ограничения крепостного права, расширявшие возможности развития хозяйственной деятельности крестьян в земледелии, промышленности и торговле. Осуществление этих проектов означало бы содействие росту буржуазных отношений, формированию капиталистического уклада.

В конце XVIII в. процесс роста капиталистического уклада и обострения противоречий крепостного хозяйства достиг такой степени, что впервые был уже поставлен вопрос о революционной ликвидации крепостного строя и самодержавия. Такое требование было объективно направлено на победу капитализма, ибо «уничтожение феодализма, выраженное в положительной форме, означает установление буржуазного строя»¹.

Определяющим моментом размежевания течений русской экономической мысли во второй половине XVIII в. является отношение к тем элементам и формам хозяйства, развитие которых содействовало росту буржуазных отношений и потому было направлено против крепостного строя, вело к его разложению.

Во второй половине XVIII в. перед русской экономической мыслью всё острее вставали проблемы развития товарного производства в сельском хозяйстве и роста промышленности, в особенности крупной — мануфактуры, развития торговли — внутренней и внешней, активизации торгового и улучшения платёж-

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М. 1953, стр. 14.

ного баланса, изыскания источников государственных доходов и их увеличения. Возникли проблемы товарных цен, вексельного курса, бумажно-денежного обращения, организации кредита и другие экономические вопросы. Всё более актуальной становилась проблема народонаселения, связанная с развитием военной мощи страны, с обеспечением промышленности и сельского хозяйства рабочей силой, с увеличением государственных доходов, с необходимостью освоения огромных незаселённых пространств России и использования её природных богатств.

Комплекс этих вопросов по своему экономическому содержанию был значительно сложнее тех вопросов, которые выдвигались в предшествовавший период. Вольное экономическое общество назвало это время «экономическим веком»¹.

Борьба экономических идей шла по вопросу о направлении экономического развития России. Передовые мыслители и деятели, среди них ученики и последователи великого Ломоносова, боролись за превращение России в страну, имеющую не только развитое сельское хозяйство, но и мощную промышленность.

Этому прогрессивному течению противостояла апологетика одностороннего, аграрного характера экономики страны, борьба против происходившего уже развития крупной промышленности — мануфактуры (А. П. Сумароков и др.).

Дальнейший рост крупной промышленности и рынка выдвигал перед дворянством задачу использовать этот рост в своих интересах. Большое влияние среди дворянства, чем взгляды Сумарокова, приобрела поэтому с 60-х годов XVIII в. программа другого дворянского публициста и политического деятеля — депутата ярославского дворянства в Комиссии об Уложении 1767 г. М. М. Щербатова². Он призывал дворянство развивать не только сельское хозяйство, но и промышленность на основе эксплуатации принудительного труда, отстраняя купечество, стесняя капиталистическое предпринимательство.

В 1765 г. было учреждено «Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства». Общество представляло собой чисто дворянскую общественную организацию, ставившую своей целью обслуживание экономических интересов господствовавшего класса. Общество было названо «вольным» в знак того, что оно не подчинялось никакому ведомству, состоя «под покровительством императрицы». С самого начала своей деятельности общество вынуждено было заняться вопросом о положении главной производительной силы в сельском хозяйстве — крестьянства.

¹ «Груды Вольного экономического общества», ч. I, 1765, Предупомление, стр. 1.

² См. главу шестнадцатую.

В 1766 г. по инициативе Екатерины II был объявлен конкурс на решение задачи: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны?». Участникам конкурса был поставлен таким образом вопрос о целесообразности предоставить крестьянам в собственность только движимое имущество или также и землю, причём участники конкурса должны были определить и характер этой собственности.

В ответ поступило 160 сочинений, отечественных и из-за границы, дававших различные решения поставленной задачи. Из реакционных ответов надо отметить письмо А. П. Сумарокова¹. Из прогрессивных решений наиболее интересным было сочинение А. Я. Поленова². Однако сколько-нибудь заметного влияния на экономическую политику и положение крестьянства конкурс не оказал.

В центре внимания Общества стояли не вопросы о крестьянстве, не вопросы крепостного права, а помещичье сельское хозяйство, изучение условий его развития и повышения доходности помещичьей вотчины.

В 1765 г. была составлена сельскохозяйственная анкета, содержавшая 65 «экономических вопросов». Лучшие ответы на эти вопросы, напечатанные в «Трудах Вольного экономического общества», представляют и поныне незаменимый материал для истории сельского хозяйства и вообще для экономической истории России. Известный интерес представляет также анкета 1790 г.

Вскоре по открытии Вольного экономического общества оно обсуждало вопрос о том, разведение какой культуры наиболее выгодно. Такой культурой была признана пшеница. Общество призывало своих членов культивировать также картофель, расширять производство льна и конопли, развивать животноводство, беречь и насаждать леса. Оно интересовалось методами удобрения почвы, осушения болот, борьбы с сельскохозяйственными вредителями, развитием садоводства и огородничества. Внимание Общества привлекали также способы первичной обработки продуктов сельского хозяйства. Таким образом, Общество занималось и обрабатывающей промышленностью, но лишь той, которая, будучи непосредственно связанной с сельскохозяйственным производством, представляла собой часть вотчинного хозяйства; это была вотчинная промышленность.

Общество объявляло конкурсы и по вопросам управления вотчинным хозяйством. Характерна объявленная в 1768 г. конкурсная задача на составление «Наказа управителю в отсутствие господина».

¹ См. главу шестнадцатую.

² См. главу девятнадцатую.

Вся деятельность Вольного экономического общества в рассматриваемый здесь период была направлена на решение вопросов развития хозяйства вотчины, повышения его товарности и доходности в условиях незыблемости крепостного строя.

Видные члены Вольного экономического общества — А. Т. Болотов, П. И. Рычков, И. М. Комов и др. — пытались рационализировать крепостное сельское хозяйство путём агрономических и зоотехнических улучшений, путём лучшей, с помещичьей точки зрения, организации труда крепостных, усиливавшей их эксплуатацию, повышавшей доходность вотчины.

Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833 гг.), первый русский учёный-агроном, разработал конкретные, экономически обоснованные агрономические предложения для подъёма сельского хозяйства. Подчёркивая необходимость коренных улучшений в земледелии, Болотов настаивал на сочетании земледелия и животноводства в качестве необходимого условия успешного развития каждой из этих основных отраслей сельского хозяйства России. Среди многочисленных печатных работ Болотова, опубликованных им с 1766 по 1789 г., особо важное значение имеет его труд «О разделении полей»¹.

Первые русские агрономы основывали свои предложения на изучении конкретных условий отечественного сельского хозяйства и обобщении многовекового производственного опыта русского крестьянства. Они боролись против механического переноса в Россию иностранного опыта, считали необходимым критическое освоение этого опыта применительно к русским условиям.

Развитие русской сельскохозяйственной науки было заслугой Болотова, Рычкова, Комова² и их учеников. Однако, будучи убеждёнными крепостниками, они не понимали и не хотели понимать невозможности осуществления их научных выводов при крепостном строе, невозможности значительного подъёма и коренного улучшения сельского хозяйства в крепостнических условиях.

Многие дворяне, в том числе такие консерваторы и реакционеры, как М. М. Щербатов и ряд других членов Вольного экономического общества, отмечали отдельные отрицательные явления в крепостном строе и советовали их устранить. Так,

¹ См. «Труды Вольного экономического общества», ч. XVII и XVIII, 1771. См. также Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Музейное собрание, № 4314. «Экономический магазин, или собрание всяких записок, примечаний и ответов, касающихся земледелия и домостроительства и всей экономии. 1766 г.» [автограф А. Т. Болотова]. См. также А. Т. Болотов, Избранные сочинения по агрономии, плодководству, лесоводству, ботанике, М. 1952.

² См. В. П. Гурьянов, Иван Михайлович Комов, его жизнь и деятельность, М. 1953.

например, общим для всего этого направления была рекомендация запретить продажу крестьян поодиночке, в отрыве от семьи и без земли. Некоторые предлагали и другие меры, вплоть до издания правительством примерного положения о крестьянских повинностях (П. И. Панин и др.). Все эти предложения не затрагивали существа крепостного строя.

К консервативному течению относятся и те идеологи, которые, говоря о желательности отмены крепостного права, заявляли, что этому обязательно должно предшествовать длительное воспитание, просвещение крестьян (И. Н. Болтин, Е. Р. Дашкова и др.). Более или менее существенные ограничения крепостного права эти идеологи откладывали, таким образом, на неопределённо долгий срок. Они не понимали и не хотели понимать, что действительное просвещение крестьян возможно было лишь на основе уничтожения крепостного строя.

Консервативный характер взглядов ратовавшего за просвещение крестьян И. Н. Болтина подчёркивается также его ложным утверждением, будто русским крестьянам, имеющим при крепостном праве в пользовании землю, живётся лучше, чем свободным от крепостной зависимости крестьянам Западной Европы. В «вольных по воображению» западноевропейских государствах земледельцы, писал Болтин, «не меньше отягощены, как и наши, называющиеся рабами». Вместо единственно правильного вывода о необходимости предоставить крестьянам вместе с личной свободой и землю, крепостник Болтин делал вывод о ненужности крестьянам вообще личной свободы — «сей вольности пустой и мечтательной, толико проповедуемой и превозносимой»¹. Такая апологетика крепостного строя характерна для консервативных и реакционных дворянских идеологов, в том числе для Екатерины II. Политические и экономические взгляды Екатерины II выражены в её «Наказе», данном Комиссии об Уложении, созданной в 1767 г.²

«Наказ» по своим целям, задачам и содержанию представлял собою апологетику крепостничества и самодержавия. Этот «Наказ» Екатерина хотела сделать главной темой Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Однако прения в Комиссии развернулись вокруг вопросов, непосредственно затрагивавших классовые интересы, и она превратилась в арену ожесточённых споров. Это вызвало недовольство Екатерины, которая поспешила распустить «большое собрание» Комиссии.

В начале 1769 г. Екатерина при посредстве своего секретаря Г. В. Козицкого начинает издавать журнал «Всякая всячина», и сама, как автор, выступает на его страницах.

¹ И. Болтин, Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, т. II, 1788, стр. 234.

² См. главу шестнадцатую.

Екатерина хотела отвлечь общественное внимание от острых политических и экономических вопросов, от вскрытия пороков и противоречий крепостного строя. С этой целью она стремилась направить внимание общества на критику отдельных человеческих слабостей, которые-де не являются пороками и всегда были, есть и будут.

Журнал рекомендовал сочинителям выставлять не отрицательные, а положительные типы. Программа журнала была направлена, как и «Наказ», на апологетику крепостничества и самодержавия.

В том же 1769 г. начал выходить ряд сатирических журналов¹. Судя по направлению помещённых там статей, эти журналы в своём большинстве имели консервативный характер. Некоторые из них, как, например, совершенно бесцветный журнал «Ни то ни сию» В. Г. Рубана, нельзя даже считать сатирическими.

Иную позицию занял журнал «Трутень», издававшийся в 1769—1770 гг. Николаем Ивановичем Новиковым (1744—1818 гг.)². В своём журнале Новиков стремился не увести читателя от вопросов, по которым шли споры в Комиссии об Уложении 1767 г., а продолжать их общественное обсуждение. Оценка Новиковым общественной роли крестьянства и паразитизма дворян отражена была в самом названии этого журнала — «Трутень» — и в эпиграфе к нему: «Они работают, а вы их труд ядите». В своём журнале Новиков, не критикуя прямо крепостной строй, занимался «критикой на лица»: он бичевал помещиков, злоупотреблявших своей властью, и чиновников, берущих взятки. Новиков говорил о действительном общественном значении обездоленного, бесправного крестьянина, являющегося «питателем России».

В «Трутне» Новиков и его сотрудники выступали против журнала «Всякая всячина», называя его «Всякий вздор». Это привело к закрытию «Трутня», сообщившего своим читателям, что он умирает «против своего желания».

Линию закрытого «Трутня» продолжали многие из русских сатирических журналов, среди которых выделяются новиковские «Живописец» и «Кошелёк»³.

¹ См. П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII века, АН СССР, М.—Л. 1952.

² Литературная деятельность Новикова подробно освещена в книге Г. Макогоненко «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века», Государственное издательство художественной литературы, М.—Л. 1951.

³ В России второй половины XVIII в. издавалось много журналов, число которых всё возрастало: новых журналов появилось в 50-е годы — 5, в 60-е — 18, в 70-е — 22, в 80-е — 39, в 90-е — 32. Из 9,5 тысячи книг (не считая книг религиозного содержания), изданных в России в XVIII в., на вторую его половину приходится 90%.

На страницах новиковских и других журналов второй половины XVIII в. выступали передовые русские просветители, в числе которых были Денис Иванович Фонвизин, Иван Андреевич Крылов, основоположник русского правоведения Семён Ефимович Десницкий¹.

Новиков осуждал не только журнал Екатерины «Всякая всячина», но и другие журналы, в том числе «И то и сьо» М. Д. Чулкова.

В отличие от консервативных и реакционных идеологов дворянства купеческий идеолог Михаил Дмитриевич Чулков² в своих статьях и в многотомном труде «Историческое описание российской коммерции» не прибегал к апологетике крепостного строя, но и не выступал против него. В своих многочисленных сочинениях — в ряде книг и статей — Чулков стремился показать купечеству, как можно и должно извлекать наибольшие выгоды из своей деятельности в крепостнической обстановке. Идеология Чулкова отражала противоречивость, двойственность классовой позиции купечества в условиях крепостного хозяйства России второй половины XVIII в.

Чулков выдвигал требование — устранить феодальные ограничения купеческого предпринимательства и создать наиболее благоприятные предпосылки для развития крупной промышленности и торговли в условиях крепостного строя. Объективно осуществление этого требования должно было содействовать росту капиталистического уклада. Такое прогрессивное требование сочеталось у Чулкова с имевшим консервативный характер стремлением превратить часть купечества в субъект крепостнических отношений (путём присвоения отдельным крупным купцам дворянского звания).

Самым важным и значимым в развитии русской экономической мысли рассматриваемого периода было возникновение критики крепостничества. В этой критике, отражавшей объективный процесс развития противоречий крепостного строя, начало его разложения, обнаружили две тенденции.

Первая из них была представлена, начиная с 1760-х годов, Дмитрием Алексеевичем Голицыным³. Голицын предлагал такие реформы, которые, по его мнению, будут способствовать упрочению господства дворян-помещиков. Он предложил отменять личную зависимость крестьян за большую выкупную сумму, что могло быть доступно лишь немногим, богатым крестьянам. Голицын считал, что выкупившимся на волю крестьянам надо предоставить право собственности лишь на движимое имущество, превратив их таким путём в капиталистических аренда-

¹ См. главу девятнадцатую.

² См. главу восемнадцатую.

³ См. главу девятнадцатую.

торов земли, эксплуатирующих наёмный труд своих односельчан и других крестьян, находящихся в крепостной зависимости от помещиков. Земля, по мнению Голицына, должна остаться в собственности дворян-помещиков, обеспечивая им экономическое и политическое господство.

Голицын дал дворянско-помещичью критику крепостничества, вылившуюся в предложение некоторых реформ. Но и такая критика крепостничества имела в 60-е годы XVIII в. прогрессивное значение: предлагавшиеся Голицыным реформы, независимо от его желания и даже вопреки ему, вели бы при их осуществлении к росту буржуазных отношений в феодальном хозяйстве.

Однако эти реформы по существу распространялись бы лишь на кучку богатых крестьян при сохранении в течение неограниченно длительного срока крепостного состояния крестьянской массы.

Другая тенденция возникшей критики крепостничества была представлена Поленовым, философом Козельским и другим Козельским — депутатом Комиссии об Уложении; к ним примыкали Десницкий и Третьяков¹. Теоретически критикуя крепостничество, эти идеологи не делали, однако, соответствующих практических, политических выводов из такой критики.

Ограниченность политических программ этих идеологов определялась экономическими условиями, обстановкой классовой борьбы. Развитие капиталистического уклада и соответственно разложение крепостного строя находились в 60-е годы XVIII столетия в своей первоначальной стадии. Борьба идей шла ещё не вокруг отмены крепостного права и соответственно победы капитализма. Обсуждались проекты отдельных реформ, объективно означавших содействие росту буржуазных элементов и отношений в феодальном хозяйстве. Авторы этих проектов, критикуя феодализм, в своих практических предложениях не выходили, однако, за его пределы. Свои по существу антифеодальные требования они нередко облекали в феодальную форму, снижая таким путём прогрессивность их содержания.

Считая основой нормальной, соответствующей разуму экономической жизни собственность производителя на средства производства, эти идеологи в своих практических предложениях требовали предоставления крестьянам России не буржуазного права частной собственности, а характерных для феодализма прав: собственности на движимое имущество, отделения крестьянских земель от помещичьих и наследственной аренды этих земель. Обращаясь со своими предложениями к дворянам-

¹ См. главу девятнадцатую.

помещикам, названные выше мыслители пытались доказать, что их предложения выгодны не только крестьянам, но и дворянам-помещикам.

Эти идеологи всё же пошли дальше Д. А. Голицына не только в теоретической критике крепостничества, но и в своих практических предложениях. Их предложения означали такие реформы, которые изменили бы положение массы крестьянства, а не только его верхушки. В отличие от Голицына они стремились ослабить и ограничить зависимость крестьянского хозяйства от помещика. Сравнительно с программой Голицына их программы объективно открывали больший простор росту буржуазных отношений.

Обращаясь к господствующему классу, Поленов и Козельский призывали сделать всё возможное для того, чтобы избежать народного восстания. Козельский в сочинении «Философические предложения», считая народное восстание нежелательным, однако оправдывал восстание, вызванное жестокой эксплуатацией крестьян дворянами-помещиками и неуступчивостью дворянства.

С ростом капиталистического уклада в крепостном хозяйстве и начавшимся разложением последнего, с усилением классовой борьбы обострялись противоречия в развитии русской общественной мысли. Огромное влияние на усиление борьбы между основными течениями русской политической и экономической мысли оказала крестьянская война 1773—1774 гг. Обострению идейной борьбы в России последней четверти XVIII века содействовали также развивавшиеся тогда за границей экономические процессы, политические события и связанные с ними идеи.

В Англии на основе происшедшего в последней трети XVIII века промышленного переворота окончательно утвердилось господство буржуазии в экономике и упрочивалась её решающая роль в политической жизни страны. Идеологическим отражением этого процесса было развитие английской классической буржуазной политической экономии.

Быстрый рост капитализма в английских колониях в Северной Америке вызвал их борьбу за независимость. Принятая конгрессом представителей колоний во время национально-освободительной войны Декларация независимости США (1776 г.) провозглашала право народа на восстание против правительства, нарушающего его права.

Требования закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил привели Францию в конце XVIII века к буржуазной революции. Идеиная подготовка революции объективно была осуществлена философией французского Просвещения и экономическим

учением физиократов. Первая буржуазная революция во Франции представляла собою переворот в жизни общества, в его базе и надстройке. «... Победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной... просвещения над суеверием... буржуазного права над средневековыми привилегиями»¹.

Полная победа буржуазии в Англии, война за независимость в Северной Америке 1775—1783 гг. и в особенности французская буржуазная революция 1789—1794 гг. пугали русское дворянство и вместе с тем вдохновляли борцов против крепостничества и царизма.

Либеральные представители русского дворянства примкнули к его консервативно-реакционному ядру. Происходила консолидация различных дворянских идеологов перед лицом угрожавшей феодальному строю опасности.

С другой стороны, антикрепостническое течение русской общественно-экономической мысли, объективно защищавшее развитие буржуазных отношений, росло и усиливалось в борьбе с консервативным и реакционным течениями. Начавшись с критики крепостничества и робких, умеренных требований в 60-е годы, это течение к концу XVIII в. совершает качественный скачок. С Радищева начинается развитие русской революционной антикрепостнической общественно-экономической мысли.

В отличие от первых критиков крепостничества Радищев дал глубокую, всестороннюю критику не только крепостного строя, но и царизма; он призывал к замене монархии республикой. Развивая идею революционного уничтожения крепостного строя и царизма, Радищев стремился к тому, чтобы народные массы обрели не только политическую свободу, но и освобождение от стеснений в своей хозяйственной деятельности. Борьба Радищева за революционное уничтожение крепостного строя объективно вела к победе капитализма.

Александр Николаевич Радищев — автор исследований, в которых разработаны наиболее крупные и актуальные вопросы экономической теории и политики его времени. Дав оригинальное и передовое решение ряда экономических проблем, Радищев выступал как один из самых прогрессивных мыслителей в мировой экономической литературе XVIII в. и зачинатель революционного направления русской экономической мысли, имеющего всемирно-историческое значение.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Буржуазия и контрреволюция, Соч., т. VII, стр. 54—55.

Глава шестнадцатая

РЕАКЦИОННЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕОЛОГИ ДВОРЯНСТВА

Апология крепостного строя в «Наказе» Екатерины II

Характерной чертой политики и литературной деятельности Екатерины II (1729—1796) было стремление убедить всех, что для России наиболее подходящим и единственно целесообразным общественным строем является крепостничество, а политическим режимом — самодержавие. Используя теорию «просвещённого абсолютизма», Екатерина выставила себя как мудрого законодателя, ведущего Россию к «общему блаженству». Свои даже наиболее жестокие законы против крестьян Екатерина II — этот «Тартюф в юбке и короне», по выражению А. С. Пушкина, — снабжала напыщенными фразами о том, что она преисполнена «материнского попечения» о «блаженстве верноподданных», «обо всем народе».

Одним из главнейших литературных отражений «просвещённого абсолютизма» Екатерины II был её «Наказ» созданной в 1767 г. Комиссии об Уложении.

В «Наказе» дана прежде всего апология самодержавной власти в России. Необходимость самодержавия в России вытекает, по утверждению Екатерины, из больших пространств страны: «Никакая другая... власть не может действовать сходно со пространством толь великого государства»¹.

В первоначальном рукописном тексте своего «Наказа» Екатерина ставила вопрос о крепостном праве в декларативной форме: «Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества и привести их в такое состояние, чтоб они могли купить сами себе свободу». Екатерина желала, чтобы «законы гражданские положили точно, что рабы должны запла-

¹ «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», под ред. Н. Д. Чечулина, Спб. 1907, гл. II, § 9.

тить за освобождение своему господину»¹. Однако она тут же оговаривается. Оказывается, что «в некоторых державах» сделать земледельцев свободными нельзя, так как это вызовет их побег. В результате земли останутся «неоранными». Для таких государств «...можно сыскать средство, чтоб так сказать к земле привязать и утвердить на ней сих самых земледельцев». С этой целью нужно оставить «...им их землю, самим и детям их также, на так долгое время, как они ее обрабатывать будут по договору с ними учиненному, за цену или дань, сходственную с плодами той земли»².

Таким образом, ещё в рукописном тексте «Наказа» Екатерина свела вопрос о крепостном крестьянстве России с позиции освобождения (с выкупом) на позицию наделения землёй крепостных. Вопрос о крепостном крестьянстве был тогда для Екатерины по существу лишь вопросом об успокоении крестьян при сохранении крепостного права и о стимулировании их труда.

В дальнейшем Екатерина изъяла из первоначального рукописного текста «Наказа» всё то, что показалось либеральным её советчикам (П. И. и Н. И. Паниным, И. П. Елагину, Г. Г. Орлову, епископу Гавриилу, А. П. Сумарокову и др.). «Более половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено»³, — писала она д'Аламберу. Наибольшим сокращениям и изменениям подвергся текст главы XI, трактующей вопрос о взаимоотношениях помещиков и крестьян. Осталась ничего не говорящая общая декларация о том, что «законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества». Таким образом, в печатном тексте «Наказа» Екатерина уже ничего не говорит об освобождении крестьян даже в общей, декларативной форме. Вопрос о крепостном праве в печатном тексте «Наказа» свёлся к совету ограничить чрезмерные злоупотребления помещиков крепостным правом и к пожеланию стимулировать труд крестьян в условиях крепостного строя.

Для успешной хозяйственной деятельности, по мнению Екатерины, нужно, чтобы «всяк несомненно был уверен, что он ради собственных своей пользы стараться должен»⁴. Она считала, что «не может земледельство процветать тут, где

¹ «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», под ред. Н. Д. Чечулина, Спб. 1907 Первоначальный рукописный перевод с рукописи «Наказа» на французском языке, стр. XXXVIII.

² Там же, стр. XXXIX.

³ «Сборник Русского исторического общества», т. X, Спб. 1872, стр. 167.

⁴ «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», гл. VI, § 43.

никто не имеет ничего собственного»¹. В итоге эти рассуждения свелись к общему, расплывчатому, никого ни к чему не обязывающему пожеланию предоставить крестьянам ограниченное право собственности лишь на движимое имущество².

Придавая решающее значение земледелию как основе роста народонаселения и развития промышленности и городов³, Екатерина рассматривала «вольность коммерции»⁴ как верное средство, содействующее развитию промышленности и торговли; она высказывалась против откупов и монополий.

Однако эта «беспредельная свобода» совсем не походила на свободу, как её понимали физиократы и представители классической буржуазной политической экономии в Англии.

Екатерина полагала в своём «Наказе», что «общественная или государственная вольность не в том состоит, чтоб делать все, что кому угодно»⁵; вольность заключается лишь в праве «все то делать, что законы дозволяют»⁶.

Некоторые исследователи (В. Бурнашев, А. Лаппо-Данилевский, А. Корсак, К. Лодыженский и др.) рассматривали Екатерину как физиократа на русском престоле.

Это мнение совершенно неверно, ибо физиократизм по своему существу был антифеодальным. Этим в основном объяснялись резко отрицательные отзывы о «Наказе» и вообще о политике Екатерины II со стороны французских физиократов и сочувствовавших им философов (Мерсье де ла Ривьер, Дидро и др.).

Екатерину нельзя рассматривать как физиократа также и потому, что её понимание «вольности коммерции» было совсем иным, чем у физиократов. Екатерина — сторонница весьма умеренного экономического либерализма, прекрасно уживавшегося с рядом «общих запретов», ограничений и поощрений хозяйственной деятельности. Да и сама Екатерина никогда не считала себя физиократом. Наоборот, она резко отрицательно отзывалась о физиократах, называя их «сектой, вредной государству»⁷. Екатерина оставалась верна этому взгляду до конца жизни. Незадолго до своей смерти она называла физиократов «чертями» и «крикунами, желающими поучать» её⁸. И, наоборот, Екате-

¹ «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», гл. XIII, § 295.

² См. там же, гл. XI, § 261.

³ См. там же, гл. XXII, § 606, см. также гл. XIII, §§ 294, 297, 313.

⁴ Там же, гл. XIII, § 321.

⁵ Там же, гл. V, § 36.

⁶ Там же, гл. V, § 38.

⁷ «Сборник Русского исторического общества», т. XXIII, стр. 44. Письмо Екатерины II от 28 февраля 1776 г.

⁸ Там же, стр. 674. Письмо Екатерины II от 11 мая 1796 г.

рина положительно отзывалась о противниках физиократов. Она сочувственно цитировала Монтескьё, Вольтера, Галиани, Неккера, Беккера.

Екатерина использовала лишь отдельные идеи физиократов, которые ей были нужны. Впрочем, она пользовалась и отдельными высказываниями даже ненавистного ей Руссо, когда это было нужно для подтверждения и аргументации своих положений.

Борьба против развития мануфактуры в России — А. П. Сумароков

Александр Петрович Сумароков (1718—1777) происходил из знатного рода. Отец его был крупным чиновником. Сам же А. П. Сумароков предпочитал службе литературную профессию. Даже в те годы, когда он состоял на военной службе и на гражданской — директором театра — основной и главной его профессией была литературная деятельность. Сумароков — первый в России дворянин, ставший профессиональным писателем. Он был драматургом, поэтом, критиком, теоретиком литературы и историком.

Сумароков выступал в качестве публициста со статьями по различным общественно-политическим и экономическим вопросам, освещая их с позиций своего, дворянско-помещичьего класса-сословия.

К Сумарокову обращалась за советами Екатерина II, видя в нём популярного в дворянских кругах идеолога.

По вопросу о направлении экономического развития России Сумароков отстаивал сохранение аграрного характера хозяйства страны и выступал против уже происходившего развития крупной промышленности — мануфактуры. Считая, что «Россия паче всего на земледелие уповати должна»¹, Сумароков ставил вопрос: «В моде ныне суконные заводы; но полезны ли они земледелию?» — и давал резко отрицательный ответ. При этом Сумароков ссылался на мнение «отличных разсмотрителей Франции», как он называл французских экономистов — физиократов. Считая, что «все должности и науки земледелец питает», Сумароков говорил: «Не только суконные дворянские заводы, но и сами лионские шелковые ткани, по мнению отличных разсмотрителей Франции, меньше земледелия обогащения приносят». По его мнению, крупная промышленность должна развиваться лишь в условиях малоземелья: «Тамо полезны заводы, где мало земли и мною крестьян». Россия же, «имея пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян»,

¹ А. П. Сумароков, О домостроительстве, Полное собрание сочинений, ч. X, М. 1787, стр. 161.

не нуждается в крупной промышленности. Сумароков возражал против развития как купеческой мануфактуры, так и дворянской, вотчинной, которую он считал «вымыслом помещиков». Сумароков полагал, что в России крупная промышленность должна существовать лишь «в некоторых местах»¹.

Несмотря на одобрительный отзыв Сумарокова о физиократах, его самого нельзя причислить к физиократам. Ссылаясь на буржуазное по своей сущности экономическое учение физиократов, имеющее феодальный облик², он преследовал иные цели. В то время как физиократы объективно расчищали путь для развития капиталистического способа производства, Сумароков защищал неприкосновенность крепостного строя, укрепление феодально-абсолютистского государства, сохранение аграрного характера хозяйства, отказ от развития промышленности, устранение конкуренции. Он лишь использовал отдельные высказывания физиократов для обоснования своих консервативных и реакционных идей и предложений.

Сумароков выступал против конкуренции, добиваясь осуществления феодального принципа неизменных цен на внутреннем рынке³. Он хотел такой торговли, которая не нарушала бы феодального порядка, а, наоборот, укрепляла бы экономически феодальный строй.

В этом отношении характерен его совет развивать внешнюю торговлю с «дикарями» (а не со странами Западной Европы), т. е. грабительскую торговлю, основывающуюся на неэквивалентном обмене.

Сумароков пытался обосновать целесообразность сохранения крепостного права без всяких изменений (в письме Вольному экономическому обществу, в статье «О домостроительстве» и в «Мнении» об екатерининском «Наказе»).

В ответ на конкурсную задачу, объявленную Вольным экономическим обществом, он прислал раздражённое письмо⁴. Сумароков заявлял, что при решении вопроса, быть «свободному ли крестьянину, или крепостному», надó руководствоваться интересами всего общества: «Прежде надобно спросить: потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода?».

¹ А. П. Сумароков, О домостроительстве, Полное собрание сочинений, ч. X, М. 1787, стр. 161.

² См. К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, М. 1954, стр. 16—20.

³ См. А. П. Сумароков, О всегдашней равности в продаже товаров, журнал «И то и сьо», февраль 1769 г., шестая неделя.

⁴ Письмо Сумарокова, полученное Вольным экономическим обществом 28 ноября 1766 г., приведено в «Истории императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года, составленной по поручению Общества секретарём его А. И. Ходневым», Спб. 1865, стр. 24—25.

Он признаёт, что интересы крестьянства и дворянства различны. «На это я скажу, потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, — и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь. Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако, одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина». Поэтому решающее значение имеет то, «что потребнее ради общего блаженства»: «вольность» или «укрепление» крестьян?

Сумароков считает, что вольность крестьян есть «худо», ибо она противоречит интересам общества, которые Сумароков отождествляет с интересами дворянства. Но и «укрепление» крестьян — «худо», ибо оно нарушает интересы крестьянства.

Он убеждён, что «на сие все скажут общества сыны, да и рабы общества (т. е. крепостные. — *И. Б.*) сами, что из двух худ лутчее — не имети крестьянам земли собственной».

В дальнейшем изложении Сумароков силится доказать, что крестьяне не могут иметь собственной земли и должны быть крепостными помещиков, ибо «земли все собственные дворянские». Для него феодальная земельная собственность является нерушимым, безусловным и исключительным правом русского дворянства: «Должны ли дворяне крестьянам отдавать купленные, жалованные, наследственные и прочие земли, когда они не хотят, и могут ли в России землями владеть крестьяне; ибо то право дворян». Сумароков даже не может представить себе иного положения: «Чтож дворянин будет, когда мужики и земля будут не его: а ему что останется?».

Он приходит к решительному выводу, что Россия погибнет без крепостного права: «свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна». Он считает этот вывод совершенно бесспорным: «а почему пагубна, того и толковать не надлежит».

Таким образом, приняв в качестве руководящего критерия «общее благоденствие», Сумароков отождествляет интересы общества с интересами дворянства и становится на защиту нерушимых исключительных прав дворянства, на защиту дворянского общества от «вольности» крестьян.

Столь же категорически высказывается Сумароков против «вольности» и за «укрепление» крестьян и в своих замечаниях на екатерининский «Наказ»¹, приводя новые аргументы в защиту своего мнения.

«Наказ» показался ему либеральным. Он решительно заявляет, что «сделать русских крепостных людей вольными

¹ «Мнение о «Наказе», сочиненном Екатериною II, Александра Сумарокова, с собственноручными замечаниями государыни», Второй том бумаг имп. Екатерины II, «Сборник Русского исторического общества», т. X, Спб. 1872, стр. 82—87.

нельзя». Сумароков исходит при этом, с одной стороны, из того, что «наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет». С другой стороны, Сумароков исходит из интересов всего дворянского класса, включая даже «наиболее скудных людей» из дворян. Он напоминает, что если «сделать русских крепостных людей вольными», тогда «скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут, а будут ласкать слуг своих, пропуская им многие бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян...». И Сумароков спрашивает, где слуг брать, когда крестьяне будут вольны? Ведь тогда, как только крестьянин чему-нибудь научится, «так он и отойдет к знатному господину, ибо там ему будет больше жалованья... И так всяк будет тратить деньги на других, выучивая».

Стало быть, всем дворянам, даже «скудным», нужны «слуги» и «повинующиеся крестьяне». Но так как «низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет», то обеспечить его повиновение можно лишь в условиях крепостного строя. Иначе «будет ужасное несогласие между помещиками и крестьянами, ради усмирения которых потребны многие полки, и непрестанная будет в государстве междуусобная брань...». Для дворян «вотчины их превратятся в опаснейшие им жилища; ибо они будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них».

В защите дворянских интересов Сумароков доходит до противопоставления «ужасов» после освобождения крестьян той «любви» между помещиками и крестьянами, которая якобы господствует в крепостнических условиях. «Мне в деревнях во веки не жить; но все дворяне, а может быть и крестьяне сами такую вольностию довольны не будут, ибо с обеих сторон умалится усердие. А это примечено, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят...». Сумароков отмечает, что поэтому «ныне помещики живут покойно в вотчинах».

Он против какого бы то ни было вмешательства государства в отношения между помещиками и крестьянами (которые в «Наказе» называются «служащими»).

Соглашаясь с тем, что «служащие должны иметь пищу и одежду», как того требует «Наказ», Сумароков заявляет, что пищу и одежду крестьяне «все имеют, а предписать господам, какую пищу и какую одежду нельзя».

Он считает, что суд над крепостными надо предоставить «совести господ», которые должны быть «добрыми господами», а не «тиранами».

Отстаивая сохранение крепостного строя без каких бы то ни было изменений, Сумароков в то же время выступал против вопиющих злоупотреблений крепостным правом. Он возмущался тем, что продают «людей, как скотину». Повидимому,

Сумароков хотел, чтобы была прекращена продажа крестьян поодиночке и без земли. Это было таким ограничением власти крепостников, с которым соглашались даже наиболее ярые защитники крепостного строя. Сумароков осуждает жестоких помещиков, которым он отказывает в почётном звании «домостроителей» и называет «доморазорителями». «Доморазорители» не понимают, что они должны заботиться о своих крестьянах. Ибо если дворянин — «голова», а крестьянин — «мизинец», то надо помнить: «Тело без головы быть не может; однако и мизинец ноги есть член тела»¹.

Эти нападки не выходили за пределы обычных нападков дворянских идеологов того времени на пороки своего сословия.

Тому, что Сумароков являлся убеждённым сторонником крепостного строя, не противоречат его резкие выступления против злоупотребления крепостным правом и гуманное отношение к «низким людям» — крепостным крестьянам. «Честные идеологи всякого данного общественного порядка, основанного на подчинении одного класса (или сословия) другому, всегда восставали против злоупотребления теми исключительными правами, которыми пользовался господствующий класс. И чем искреннее было их убеждение в том, что существование таких прав необходимо для общей пользы, тем энергичнее восставали они против злоупотребления ими». Поэтому Сумароков «мог, нимало не противореча себе, отстаивать крепостное право и одновременно с этим жестоко порицать бесчеловечных помещиков»².

Выступая против уже происходившего в России развития крупной промышленности — мануфактуры, стремясь сохранить исключительно аграрный характер хозяйства страны и крепостной строй в полной его неприкосновенности, Сумароков находился на консервативно-реакционных экономических позициях.

Крайний крепостник М. М. Щербатов

Экономические взгляды Щербатова наиболее ярко выражают реакционную идеологию господствующего класса, против которой боролись лучшие люди того времени. В борьбе против реакционной идеологии развивалась прогрессивная и возникала революционная русская экономическая мысль.

А. Н. Радищев и М. М. Щербатов находятся на противоположных полюсах русской общественно-экономической мысли конца XVIII в. «Князь Щербатов и А. Радищев, — говорит

¹ А. П. Сумароков, О домостроительстве, Полное собрание сочинений, ч. X, М. 1787, стр. 160.

² Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 224.

Герцен, — представляют собой два крайних воззрения на Россию времен Екатерины. Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят в противоположные стороны»¹.

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790 гг.) выступал как откровенный защитник крепостничества и яростный противник не только освободительных чаяний крестьянства, но даже самых осторожных либеральных тенденций отдельных представителей дворянства.

Из экономических работ Щербатова наибольший интерес представляют «Статистика в разсуждении России», «Размышления о ущербе торговли, происходящем выхождением великаго числа купцов в дворяне и офицеры», «Состояние России в разсуждении денег и хлеба, в начале 1788 года, при начале Турецкой войны», «Оправдание умерения законами росту». Утопия Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... Швецкаго дворянина» также даёт материал для суждения о его экономических взглядах².

Характерное для идеолога господствующего класса феодального общества оправдание крепостнических производственных отношений Щербатов давал как в своих записках и выступлениях в качестве депутата от ярославского дворянства в екатерининской Комиссии и сочинении проекта нового Уложения созыва 1767 г., так и в специально написанной в 1785 г. работе — «Размышление о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или зделать собственность имений»³.

Щербатов — сторонник монархической власти, ограниченной советом «мудрейших» родовитых дворян. В этом вопросе он продолжал реакционную линию «верховников» 1730 г. В утопии «Путешествие в землю Офирскую» Щербатов нарисовал свой идеал полицейско-дворянского крепостнического государства, которое обрекало крестьян на вечную неволю и полное бесправие. Утопия пронизана мыслью о необходимости упрочить феодально-крепостнический строй. Человек рождён для общества, рассуждал Щербатов, но соединение людей в обществе невозможно без начальников, а поэтому всякую власть следует почитать как установленную от бога.

Щербатов был недоволен самодержавной политикой Екатерины II и критиковал её с позиций крупного реакционного дворянства, в целях ещё большего укрепления его господства в политической и экономической жизни России. Несмотря на то, что крепостнические права и привилегии помещиков во второй

¹ А. И. Герцен, Соч., т. IX, 1919, стр. 270.

² См. М. М. Щербатов, Соч., т. I, Спб. 1896; т. II, 1898; его же, «Неизданные сочинения», Соцэргиз, М. 1935.

³ Напечатано в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 98—134.

половине XVIII в. были расширены до предела и крепостничество мало чем отличалось от рабства, Щербатов требовал ещё большего расширения прав дворянской аристократии.

Он считал, что права и требования родовитого дворянства недостаточно удовлетворялись политикой Екатерины II, и рассматривал это как основную причину, тормозившую экономическое развитие страны. Критика Щербатовым самодержавия была *критикой справа*; она имела целью усилить власть реакционных аристократических кругов.

Щербатов был образованным человеком. В своих речах и литературных работах он демагогически использовал радикальную фразеологию, которая ввела в заблуждение некоторых исследователей, увидевших в Щербатове чуть ли не пропагандиста учения французских энциклопедистов. Некоторые современные авторы в числе проводников передовых идей в России ошибочно называют и М. М. Щербатова¹. Эта неверная оценка позиций Щербатова не нова. Ещё в XIX в. А. Брикнер утверждал, что Щербатов в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения «оказался сторонником некоторых либеральных начал, защитником гуманности, благородно мыслящим человеком, филантропом»². Брикнер сравнивает Щербатова с Мирабо, игнорируя ту историческую истину, что Мирабо защищал интересы третьего сословия против дворянства, тогда как Щербатов стремился ещё более укрепить и расширить права и привилегии дворянства. Плеханов также ошибочно рассматривал Щербатова как благородно мыслящего человека, *по-своему* желавшего добра народу³. Такая характеристика Щербатова не соответствует действительности.

На самом деле князь М. М. Щербатов был представителем реакционного аристократического направления в экономической мысли России периода высшего развития крепостничества и начала его разложения. Сохранение и упрочение крепостнического строя было главной задачей экономических работ Щербатова. Он вёл яростную борьбу с представителями прогрессивной экономической мысли России того времени.

М. М. Щербатов наиболее откровенно и резко формулировал экономические требования своего класса, направленные на борьбу с освободительным движением крестьянства, с притязаниями представителей купечества, а также с либеральными выступлениями отдельных представителей дворянства.

¹ См. Г. Васецкий и М. Иовчук, Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв., Госполитиздат, 1942, стр. 43—44.

² А. Брикнер, Князь М. М. Щербатов, как член Большой Комиссии 1767 г., «Исторический вестник», т. VI, октябрь 1881 г., стр. 245.

³ См. Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXII, стр. 217.

В своих работах Щербатов доказывал пользу разделения «...разных родов людей, живущих в государстве, дабы каждой, зная свои права и пределы оных, не вмешивался в должности других»¹. Эта мысль выражала стремление увековечить феодальный сословный строй, доказать «естественность» сословного деления общества, закономерность привилегий дворянства и полного бесправия крестьян.

Учение просветителей XVIII в. о естественном праве Щербатов истолковывал с самых реакционных позиций. Он говорил, что по природе своей все люди различны и сама природа предназначила одних людей быть господами, а других — рабами. По его мнению, не социальный строй, а вечная природа раз и навсегда якобы определила «единых быть правителями и начальниками, других добрыми исполнителями, а наконец третьих слепыми действующими лицами»².

Мысль о том, что «предназначение» крестьян быть слепыми действующими лицами, особенно ярко выражена Щербатовым в его реакционной утопии «Путешествие в землю Офирскую». В нарисованном Щербатовым утопическом государстве вся земля принадлежит помещикам, состоящим на государственной и военной службе. Солдаты живут в военных поселениях и так же, как крестьяне, имеют наделы земли и состоят на барщине. Земли, принадлежащие офицерам, «служащие солдаты и дети их должны обрабатывать». В военных поселениях господствует самая жестокая крепостническая эксплуатация. Щербатов считал, что такая система в войсках заинтересовывает офицеров в «размножении подчиненных своих». Пользу военных поселений Щербатов усматривал в том, что солдаты, поставляя своих сыновей в войска, тем самым освобождают помещичьи хозяйства от поставки рекрутов. Кроме того, военным поселениям предназначается роль военно-полицейских форпостов против крестьянских восстаний: «в случае какого внутреннего безпокойства государственный враг везде находит укрепленные места»³, — писал Щербатов в своей утопии.

Щербатов возлагал на государство заботу о полном обеспечении жизни чиновников и офицеров в соответствии с их положением в обществе, с тем, чтобы доходы от огромных поместий дворяне употребляли «для умножения своего домоводства и для строения в деревнях своих».

¹ М. М. Щербатов, Проекты и голоса, подаваемые от депутата Ярославского дворянства князя Михаила Щербатова в Комиссию о сочинении нового Уложения, Соч., т. I, стр. 114.

² М. М. Щербатов, Размышление о дворянстве, Соч., т. I, стр. 222.

³ М. М. Щербатов, Путешествие в землю Офирскую..., Соч., т. I, стр. 914.

В идеальном государстве, по мысли Щербатова, каждому сословию навсегда определено, как жить в соответствии со своими доходами, а желание жить лучше считается даже за бесчестье. Подобные мысли выражали стремление идеологов господствующего класса пресечь всякие попытки угнетённых масс трудящихся улучшить своё положение.

Щербатов весьма активно, настойчиво боролся против освободительного движения крестьянства. Выступая против стремления крестьян к равенству, он ставил перед собой задачу «показать химеру равенности состояний новых философов»¹, т. е. нереальность учения просветителей о природном равенстве людей и о необходимости их социального равенства.

Щербатов пытался доказать необоснованность всеобщего стремления к богатству. В статье «О выгодах недостатка» он проводил мысль об относительной ценности богатства и необходимости каждому сословию раз и навсегда довольствоваться своим местом и уровнем жизни, фарисейски превозносил спасительную силу «недостатка» и писал о гибельности богатства, развращающего людей.

Свои реакционные устремления Щербатов особенно отчётливо показал в рассуждениях *о праве собственности*. Он прекрасно понимал, что монополия земельной собственности дворянства составляет основу его экономического и политического господства.

Щербатов постоянно твердил, что только дворянство — «первый чин в государстве» и «знатнейший корпус благородных» — может иметь исключительное право владеть землёй, населёнными деревнями с крепостными людьми, всеми «земляными произраращениями» и недрами. Дворянам должно принадлежать право переработки сельскохозяйственного сырья и эксплуатации недр. Щербатов даже утверждал, что дворяне, будто бы «довольно умеренность свою и незахватчивость над правами других показывают»².

Против оскудения древних дворянских родов он рекомендовал чисто феодальное средство — сохранить разницу в праве распоряжения родовыми и благоприобретёнными имениями. Дворяне не только должны удержать все имеющиеся у них земли, но и получить в свою собственность государственные и бывшие церковно-монастырские земли с населяющими их крестьянами.

Для «поправления» земледелия он предлагал «продать все государственныя и экономическия деревни дворянам»³. Продажа

¹ М. М. Щербатов, Размышление о дворянстве, Соч., т. I, стр. 221.

² М. М. Щербатов, Проекты и голоса..., Соч., т. I, стр. 95.

³ М. М. Щербатов, Разсуждение о нынешнем в 1788 г. почти повсеместном голоде в России, Соч., т. I, стр. 667.

государственных земель и деревень дворянам должна быть произведена, по предложению Щербатова, по пониженным ценам и так, чтобы не брать с дворян наличных денег, а проданные деревни объявить заложенными бессрочно. Фактически это означало бесплатную раздачу помещикам всех государственных земель с крестьянами. Этот проект Щербатова ярко показывает его крепостнические устремления. Щербатов приветствовал закрепощение украинских крестьян и предлагал даром отдать русским дворянам свободные, незаселённые украинские земли.

Прогрессивные требования депутатов Коробьина и Козельского ограничить произвол помещиков в отношении распоряжения крестьянским имуществом вызвали бешеный отпор со стороны Щербатова. Он и слышать не хотел о предоставлении крестьянам права собственности не только на землю, но и на движимое имущество. Он утверждал, противореча действительности, будто крепостные крестьяне «имеют совершенную собственность... во всем своем движимом имении»¹, а помещики сужают их всем необходимым для ведения хозяйства.

Щербатов считал совершенно недопустимой даже самую мысль о предоставлении крестьянам собственности на землю. Он заявил, что его «в ужас приводит» одно только предположение о возможности отнять у помещиков хотя бы часть земли в пользу крестьян. Предоставление крестьянам права собственности на землю Щербатов объявлял вредным не только для помещиков, но даже и для самих крестьян. Оно вызовет, по утверждению Щербатова, усиленную мобилизацию всей земли, в том числе и помещичьей, обезземеление части крестьянства. Это рассуждение являлось типичным для феодальных идеологов. Подчёркивание противоречий буржуазного развития служило для них одним из средств защиты феодальной системы эксплуатации, оправдания её существования. Это было идеологическое сопротивление старого господствующего класса развитию новых форм собственности, новых производственных отношений.

Щербатов решительно выступал против освобождения крестьян. Пытаясь представить эксплуатацию дворянами крепостных крестьян как некий «союз» этих сословий, Щербатов подчёркивал, что «надлежало бы стеснить сей союз, их взаимно связующий, а не клониться его прервать»².

В своей корыстной защите сословных привилегий дворян-эксплуататоров Щербатов, не стесняясь, демагогически использовал даже высокие чувства патриотизма русских людей. Усердно жонглируя словами о патриотизме, он постоянно под-

¹ М. М. Щербатов, Проекты и голоса..., Соч., т. I, стр. 184.

² Там же, стр. 197.

чёркивал, что человек, любящий отечество, «не может иметь возмутительные мысли»¹, каковыми он считал не только мысли об освобождении крестьян, но даже и самые робкие требования частичного ослабления крепостнического гнёта и ограничения произвола помещиков.

В Комиссии о сочинении проекта нового Уложения Щербатов как лидер самого правого крыла депутатов-крепостников развернул реакционную агитацию против каких бы то ни было попыток улучшить положение крестьян. При обсуждении «проекта прав благородных» он со всей резкостью выступил против предоставления помещикам права по их желанию освобождать отдельные деревни от крепостной зависимости.

Крестьян Щербатов считал неспособными к самостоятельному ведению хозяйства. Без надзора помещиков крестьяне, по его словам, «предадутся лени», забросят сельское хозяйство и торговлю, не пойдут работать на фабрики и заводы, куда их в зимнее время посылали помещики «для умножения иль прибытку». Щербатов при этом стремился демагогически представить узкие корыстные интересы дворянства в качестве общенародных интересов. Он грозил государству всяческими бедами, если правительство согласится пойти на уступки требованиям некоторой части депутатов об облегчении участи крестьян.

Щербатова, как и всех крепостников, преследовал страх перед крестьянским восстанием. Крайняя классовая ограниченность этого дворянского идеолога получила своё яркое выражение в том, что предотвратить крестьянские восстания он надеялся путём дальнейшего усиления крепостного гнёта и эксплуатации крестьянства. Напуганный крестьянской войной под руководством Пугачёва, Щербатов ещё более рьяно стал требовать укрепления «древней власти помещичьей над крестьянами»; он всячески опорочивал трудовой народ, считая его недостойным вольности и собственности на землю.

Пытаясь затушевать глубокую материальную основу крестьянской войны, Щербатов сводил её причины к выступлениям депутатов, защищавших интересы крестьян в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения созыва 1767 г. В «Размышлении о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений» он утверждал, что «неосторожно предлагаемая мнения от господ депутатов, а паче от Коробьина, всеяли паче сию заразу в сердца низких людей, тут находящихся депутатами... и дух неподданства и разврата в грубые и несмысленные души вкоренился, зараждающийся от разных несправедливых слухов и от разглагольствий

¹ М. М. Щербатов, Оправдание моих мыслей..., Соч., т. II, стр. 268.

крестьянских, однодворческих, старых служб и других низких чинов депутатов, которые, по разъезде своем, семена сии злые и в отдаленнейшия области России разпростерли»¹. «...А по роспуске депутатов, — продолжает он, — и вящее зло произошло, присоединением почти всех крестьян, которым только малейший случай был, ко врагу Отечества...». Называя Емельяна Пугачёва «врагом отечества», Щербатов не мог не заметить, что «дух бунту» был не только у тех крестьян, которые непосредственно принимали участие в вооружённом восстании, «но и почти во всех других крестьянах, которые» только ожидали случая подобныя ж преступления чинить»².

Активность дворянско-крепостнических реакционных идеологов, напуганных крестьянской войной 1773—1774 г., ещё более усилилась в страхе перед возможностью распространения в России идей французской буржуазной революции 1789 г.

Всемерно защищая крепостнический строй, Щербатов угрожал возмущением дворян, в случае если правительство рискнёт пойти на освобождение крестьян. Приводя различные доводы против предоставления крестьянам вольности и собственности на землю, Щербатов заключал: «...Что бы ни говорил естественный закон, оставим лучше крестьян в России в том состоянии, в котором они пребывают в течение нескольких столетий»³. Он утверждал, что Франция не может служить образцом для России. Во Франции крестьяне были недовольны своим зависимым положением. В России же, уверял Щербатов, крестьянство довольно своими помещиками. Русские крестьяне, утверждал он, будто бы и не чувствуют, что земля не является их собственностью. Что же касается помещиков, то они не заинтересованы в освобождении крестьян потому, что «платеж, который можно будет получить с крестьян за те земли, которые будут им предоставлены, никогда не сравнится с тем доходом, который помещик получает со своих крестьян... То, что прекрасно удалось во Франции, в России оказывается неисполнимым»⁴.

Выступая против освобождения крестьян, Щербатов, таким образом, откровенно признавал, что помещики выколачивают с крепостных крестьян несравненно больше прибавочного продукта, чем можно получить с вольных арендаторов помещичьей земли. Он восхвалял прибалтийских помещиков, которые же-

¹ «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М. 1861, кн. 3, отд. V, стр. 98.

² Там же, стр. 99.

³ М. М. Щербатов, [Записка по крестьянскому вопросу], Неизданные сочинения, Соцэжгиз, М. 1935, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 12. «Записка по крестьянскому вопросу», написанная в 1768 г., является ответом Щербатова на опубликованное сочинение Беарде де л'Абея на конкурсный вопрос Екатерины в 1766 г.

сточайшей эксплуатацией крестьян превратили скудные земли в плодородные и доходные.

Упадок земледелия в России во второй половине XVIII в., по утверждению Щербатова, «происходит от нерачения крестьян и помещиков, и от неимения людей для употребления надзирать над сим нужным трудом государству»¹. Причины частых неурожаев и ужасного голода 1787—1788 гг. Щербатов видел в отвлечении населения из деревень на неземледельческие работы вследствие распространения оброчной системы, в запустении монастырских земель после их секуляризации, в вывозе хлеба за границу и в недостатке опытных управителей в помещичьих имениях. Одной из причин голода Щербатов считал быстрый рост населения. Таким образом, он старательно обходил главную причину крестьянской бедности и голода — беспощадную крепостническую эксплуатацию.

Щербатов признавал справедливым требование облегчить положение крестьян у «дурных» помещиков, но делать это следовало, по его мнению, «не касаясь к общим и древним государственным установлениям»², т. е. ни в коем случае не нарушать крепостнической системы. Он категорически высказывался против продажи крестьян без земли. Это требование Щербатова продиктовано не защитой интересов крестьянства, а стремлением сохранить даровую рабочую силу за помещиками и задержать «оскудение» дворянских имений. Этим же стремлением вызваны и проекты Щербатова «о поселенных войсках», направленные против рекрутских наборов в помещичьих имениях.

В работах Щербатова получил своё отражение и острый для того времени вопрос о конкуренции капиталистической и вотчинной — крепостнической — мануфактуры. Он настойчиво подчёркивал необходимость для дворянства овладеть промышленностью, что, по его мнению, являлось одним из средств укрепления экономического господства дворянства.

Переработку русского сырья на помещичьих фабриках Щербатов считал важнейшей задачей дворянства, его хозяйственной обязанностью. Щербатов полагал, что вотчинная фабрика имела большое значение для повышения доходов помещика. Главное преимущество вотчинной фабрики перед купеческой он видел в соединении промышленности с земледелием. Это стимулировало производство сельскохозяйственного сырья внутри поместья, поощряло крестьян «к трудолюбию», т. е. вынуждало их и летом и зимой с полной нагрузкой работать на помещика, ликвидировало сезонность использования крепостной рабочей силы в поместье. Рассуждения Щербатова об экономической

¹ М. М. Щербатов, Разсуждение... о голоде в России, Соч., т. I, стр. 635.

² М. М. Щербатов, Проекты и голоса ..., Соч., т. I, стр. 198.

роли вотчинной фабрики выражали по существу приспособление дворянства к условиям развития капиталистического уклада.

Право собственности на землю, утверждал Щербатов, влечёт за собой собственность на всё, что находится на земле и в земле. Он защищал исключительное право дворян иметь «фабрики, сочиняющиеся из льну и из пеньки, и из прочих земляных и экономических произращений»¹. Наравне с винокурными предприятиями фабрики по переработке сельскохозяйственного сырья должны, по мнению Щербатова, принадлежать только дворянам.

Щербатов яростно боролся против стремления представителей купечества к чинам и привилегиям. В Комиссии о сочинении проекта нового Уложения он резко возражал депутату города Серпейска Родиону Глинкову², защищавшему купцов от притеснений со стороны дворянства. Дворяне — владельцы земли, сырья и крепостных, говорил Щербатов, должны иметь преимущества перед купцами, лишёнными всего этого.

Щербатов отстаивал исключительное право дворян владеть землёй, деревнями и крепостными людьми, мотивируя это право государственной службой дворянства, хотя обязательная служба дворянства была отменена ещё Петром III. Щербатов настойчиво боролся против притязаний купечества на получение права владеть крепостными. Крестьяне и купцы, говорил этот ревностный защитник привилегий дворянства, имеют одинаково «подлое» происхождение, поэтому и не должно быть, «чтобы равной равного мог в неволе у себя иметь». Щербатов считал, что купцы на своих предприятиях должны применять только наёмный труд, а наёмные люди должны набираться из оброчных крепостных крестьян. Предлагая купцам довольствоваться наёмным трудом и отказаться от всяких домогательств на право покупать крепостных, Щербатов руководствовался отнюдь не стремлением облегчить участь крестьянства. Он преследовал исключительно корыстные цели: увеличить доходы помещиков от оброчных крестьян.

Для прикрытия истинной цели своей борьбы против купцов Щербатов прибегал и к другим доводам. Покупка крепостных, доказывал он, разорительна для самих купцов и вредна для государства, так как отвлечёт большое количество людей от земледелия. Каждый земледelec в России, говорил Щербатов, добывает хлеб на 5 человек (чиновников, дворян, купцов, рабо-

¹ М. М. Щербатов, Проекты и голоса..., Соч., т. I, стр. 17.

² Родион Глинков был передовым человеком, новатором в области техники. В 1760 г. Глинков создал механическую прядильню с водяным приводом. В Англии первая механическая фабрика Аркрайта появилась только в 1771 г. (см. В. В. Данилевский, Русская техника, изд. 2, Л. 1948, стр. 162).

чих, солдат), производя продукты для всех «истребителей съестных припасов». Покупка же людей купцами и фабрикантами отвлекает их от земледелия, что неминуемо вызовет голод в стране.

Запрещения купцам покупать крепостных Щербатов добивался не потому, что он отдавал предпочтение вольнонаёмному труду перед принудительным трудом крепостных людей; этой мерой он хотел удержать за дворянством исключительное право эксплуатации даровой рабочей силы. Щербатов подчёркивал, что покупка деревень к заводам была необходима только в петровскую эпоху, ибо тогда нельзя было нанять людей ни за какие деньги. Теперь же условия изменились, крестьяне охотно идут на фабрики работать по найму.

В числе доводов за запрещение покупки деревень к купеческим фабрикам Щербатов выставлял тяжёлое положение крепостных на этих фабриках, где крестьяне находятся «в весьма худом состоянии как в том, что касается до содержания их, так и для нравов», а искусные работники, «дабы мастерства своего посторонним не показали, почти невольниками содержатся»¹. Положению работников на купеческих фабриках Щербатов противопоставлял якобы «отеческое» отношение помещиков к крепостным работникам на вотчинных фабриках.

Щербатов доказывал необходимость и выгоду сохранения крепостного труда как основы не только сельского хозяйства, но и развивавшейся промышленности.

В работе «Статистика в разсуждении России» Щербатов описывал огромные природные богатства страны, особенно Оренбургской губернии, которые необходимо использовать. Для успешного развития промышленности нужно прежде всего иметь ясное представление о наличии полезных ископаемых, нужна хорошо разработанная статистика «о всех обретающихся минералах в Российской империи», о способах их добывания и обработки.

Отсутствие необходимых статистических сведений Щербатов объяснял как незначительностью чиновников, так и упрямством заводчиков, скрывающих свои богатства. Эти рассуждения были направлены к тому, чтобы побудить дворянство взять всю промышленность в свои руки и устранить конкуренцию со стороны купцов-фабрикантов. Вообще Щербатов подчёркивал, что в организации промышленности купцы преследуют только свои корыстные интересы, а дворяне якобы способны обеспечить в первую очередь интересы государства, а потом уже частные. Так Щербатов возвеличивал экономическую роль дворянства.

Щербатов признавал историческую необходимость экономической политики Петра I, направленной на преодоление

¹ М. М. Щербатов, Проекты и голоса..., Соч., т. I, стр. 98—99.

отсталости России. В своём «Исчислении», во сколько лет Россия без Петра I могла бы дойти до того уровня развития, какой она имела в конце XVIII в., Щербатов определяет, что на это потребовалось бы 210 лет. Пётр, писал Щербатов, своей настойчивой и властной политикой заставил изучить опыт передовых стран, без чего Россия должна была бы сама изобретать то, что уже в других странах давно известно, а на это потребовались бы «многие тысячи лет»¹. Правительство, по мнению Щербатова, не должно жалеть денег для изучения технических способов производства в наиболее развитых в промышленном отношении странах и перенесения их опыта в Россию; в частности, он рекомендовал изучить производство в Европе тонкого полотна из русского льна. Щербатов предлагал выдавать премии тем русским фабрикантам, которые первые научатся делать тонкие полотна.

Признавая правильность экономической политики Петра I для начала XVIII в., Щербатов, однако, был непримиримым противником тех мероприятий, которые возвышали купечество. Он был защитником экономической политики покровительства дворянскому предпринимательству, которая проводилась преемниками Петра I, — политики всевозможного стеснения и ограничения прав купечества. Конкуренция капиталистической мануфактуры в промышленности подрывала экономические позиции дворянства. Вот почему его идеолог Щербатов уделял так много внимания вопросам промышленности и торговли, защищая интересы дворянства против купечества, призывая и убеждая дворянство овладевать промышленностью, добываясь в то же время у правительства всяческих ограничений для купечества. Это была идеология приспособления старого господствующего класса — дворянства к новым тенденциям экономического развития общества.

С той же целью укрепления экономического господства дворянства и повышения его доходов, получаемых с оброчных крестьян, Щербатов настойчиво защищал свободу крестьянских промыслов и торговли от притязаний купечества на ограничение крестьянского предпринимательства.

Против цеховых ограничений и против требования об обязательной записи крестьян-ремесленников в цеховые организации, а крестьян-торговцев — в купеческое сословие Щербатов резко возражал. Эти требования купечества были невыгодны крепостникам-дворянам, у которых в домах были мастеровые, работавшие не только на помещика, но и на сторону, на рынок. Запись этих мастеровых в цех лишала помещика не только дарового труда домашнего мастера, но и источника значительных денежных доходов. Щербатов отстаивал свободу крестьянских про-

¹ См. М. М. Щербатов, Примерное времяисчислительное положение..., Соч., т. II, стр. 13—22.

мыслов, рассматривая в то же время отрыв крестьян от земледелия для работы в промышленности, в строительстве и в торговле как «коренное зло в России». Таким образом, возражения Щербатова против ограничения крестьянской торговли и ремесла диктовались исключительно корыстной заботой об увеличении доходов помещиков, получаемых от оброчных крестьян.

Борясь против постепенного отрыва ремесленников от земледелия, Щербатов пытался вскрыть экономические основы развития ремесла среди крестьян. Первой причиной этого процесса он считал обложение крестьян денежными податями и налогами сначала государством, а затем и помещиками. Это повело, по мнению Щербатова, к тому, что крестьяне стали оставлять земледелие, уходить на другие работы; земледелие начало приходить в упадок.

Выставляя обложение крестьян денежными податями как первую причину упадка земледелия, Щербатов предпочитал барщинную форму эксплуатации крепостных оброчной форме, натуральную ренту — денежной ренте, т. е. защищал более отсталые формы хозяйства.

Вторую причину упадка земледелия Щербатов видел в недостатке земли у многих крестьян. Например, в Московской губернии, по мнению Щербатова, земли у крестьян так мало, что они вынуждены заниматься ремеслом, чтобы заработать себе на хлеб. Обращая внимание на крестьянское малоземелье, Щербатов умалчивал об огромных помещичьих латифундиях, которые были действительной причиной малоземелья крестьян.

Третьей причиной развития промышленности, ремесла Щербатов считал стремление крестьян к более лёгким формам труда, чем в крепостном поместье, желание крестьян хоть на время избавиться от надзора помещика, стремление крестьян к лучшей жизни, что Щербатов выражал словами: «вкрадшееся сластолюбие во все чины государственные, даже и до крестьян»¹.

Щербатов заботился о развитии дворянской торговли продуктами сельскохозяйственного производства. Добиваясь запрещения купцам скупать хлеб у крестьян по деревням, Щербатов стремился монополизировать хлебную торговлю в руках помещиков. Торговля является, по его мнению, средством связи между земледельцами и ремесленниками. Через торговлю они исполняют «обязанности друг другу», работают друг на друга, хотя каждый трудится для своей пользы.

Россия особенно нуждалась в развитой внутренней торговле из-за редкой заселённости, малого количества городов и дальности расстояний провоза товаров. Щербатов предлагал учредить по всей России торжки в городах на 20 вёрст в окружности,

¹ М. М. Щербатов, Разсуждение... о голоде в России, Соч., т. I, стр. 631.

а в отдельных сёлах — на 12 вёрст, «дабы не могли один другому подрыв делать». На этих торжках крестьяне и ремесленники продавали бы свою продукцию местному населению или купцам, но не оптом и не по заранее установленным «умеренным ценам», как требовали купцы, а в розницу и по вольным рыночным ценам.

Предлагавшееся Щербатовым районирование торжков имело целью не свободу торговли, а удобство контроля со стороны уездных дворянских органов и местных помещиков над торговлей крестьян и обложение их повышенным оброком.

Рассуждения Щербатова о вольности торговли были направлены на защиту крепостнических интересов дворянства, против настойчивых требований купечества об обязательной записи в купеческое сословие всех торгующих дворян и крестьян.

Доказывая дворянству все выгоды овладения промышленностью и торговлей, добиваясь для него привилегий и исключительных прав, Щербатов резко возражал против распространения на торгующее дворянство различных повинностей и платежей, которыми облагалось купечество.

Щербатов был яростным противником стремления купцов сравняться с дворянами «роскошем и пышностью» и в то же время пытался оправдать паразитическое потребление дворянства, баснословную роскошь «благородных» вельмож.

В «Размышлении о дворянстве» Щербатов писал, что «благородный, имея излишний доход, иль должен его проживать, или отдавать в проценты, а не в погребах своих деньги хранить»¹.

Проживанием своих доходов дворянин «побуждает искусства, ремесла и торговлю», а ростовщичеством «с прибылью себе других нужды удовлетворяет». Паразитическое потребление дворянства Щербатов пытался выдать за своего рода фактор экономического развития страны.

Купцы же, наоборот, по утверждению Щербатова, должны соблюдать «умеренность во всем»², должны стремиться к умеренности в личном потреблении, отнюдь не гоняться за роскошью, а накопленные деньги вкладывать в торговлю и промышленность.

В статье «О повреждении нравов в России» Щербатов уверял, что когда купцы перестанут желать быть офицерами и дворянами, тогда будет процветать торговля и умножатся искусства и ремёсла, «дабы внутри России соделать нужное к пышности и великолепию некоего числа людей»³. Ту же идею оправдания роскоши дворянской жизни и опорочения стремления других

¹ М. М. Щербатов, Размышление о дворянстве, Соч., т. I, стр. 252.

² Там же, стр. 254.

³ М. М. Щербатов, О повреждении нравов в России, Соч., т. II, стр. 246.

сословий поднять уровень своего потребления Щербатов проводил и в работе «Статистика в разсуждении России». Выказываясь против народного просвещения, которое ведёт «к духу неподданства», Щербатов страшится того, что «ежели народ подлой просветится и будет сравнивать тягости своих налогов с пышностью государя и вельмож, не зная, впрочем, ни нужды государства, ни пользы самой пышности, тогда не будет ли он роптать за налоги, а наконец не произведет ли сие и бунта?»¹. Это была откровенная классовая постановка крепостником-реакционером вопроса о накоплении и потреблении.

Скупость, бережливость, характерные для буржуазии в эпоху первоначального накопления, были чужды Щербатову. Воздержание от расточительства и бережливость — удел купечества, а не дворянства, утверждал этот апологет феодального строя.

В защите паразитической роскоши дворянства русский князь Щербатов предвосхитил английского попа Мальтуса, который, как указывает Маркс, «...в начале двадцатых годов текущего (XIX. — *Ред.*) столетия защищал особый вид разделения труда, согласно которому дело накопления присваивается капиталисту, действительно занимающемуся производством, а дело расточения — другим участникам в дележе прибавочной стоимости: земельной аристократии, лицам, получающим содержание от государства и церкви и т. д.»².

Кичливые дворяне всё чаще оказывались в лапах купцов-ростовщиков. Роскошная жизнь в столице, в других городах и в поместьях требовала от дворянства огромных денежных расходов, значительно превышавших их доходы, несмотря на беспощадную эксплуатацию крепостных крестьян. Имения закладывались и перезаклачивались, но и этого было мало. Ростовщики ссужали деньги под огромные проценты. Щербатов резко возражал против предложения некоторых экономистов «цену устанавливать своим деньгам по своему изволению». Ростовщики высокими процентами разоряли дворянство; поэтому Щербатов считал правильным, что государство законом ограничивало уровень процента. За нарушение этого закона он рекомендовал наказывать ростовщика не тюрьмой, а «тем, что душу его, совесть и все бытие его составляет, то есть деньгами»³. В целом же доводы Щербатова против высокого ростовщического процента носили не экономический, а скорее этический характер.

¹ М. М. Щербатов, Статистика в разсуждении России, Соч., т. I, стр. 618.

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1953, стр. 600—601.

³ М. М. Щербатов, Оправдание умерения законами росту, Незданные сочинения, стр. 134.

Князь М. М. Щербатов был центральной фигурой реакционно-направленной экономической мысли второй половины XVIII в.

Его экономические работы представляют собой откровенную защиту существовавшего крепостнического строя. В дальнейшем укреплении дворянской диктатуры и крепостнического гнёта Щербатов видел единственное средство против поднимавшегося на борьбу за своё освобождение крестьянства.

Щербатов не мог не учитывать развития капиталистического уклада и его разрушительного влияния на крепостническую систему. Для сохранения экономического господства своего класса он настойчиво рекомендовал дворянству овладевать промышленностью и торговлей. С этой целью он всячески превозносил преимущества вотчинной мануфактуры перед капиталистической и даже защищал крестьянскую промышленность и торговлю против притязаний купечества, не понимая того, что развитие крестьянской промышленности и торговли являлось самой широкой базой роста нового, капиталистического строя, шедшего на смену крепостнической системе.

Заботой Щербатова о ещё большем укреплении господства родовитого дворянства проникнуты все его выступления по экономическим вопросам — о собственности на землю, о свободе внутренней торговли и крестьянских промыслов, о развитии промышленности и освоении природных богатств. Щербатов своей программой не звал Россию вперёд по пути экономического и политического прогресса, а тянул назад — к допетровской Руси.

Этот идеолог помещиков рассматривал крепостное сельское хозяйство как незыблемую экономическую основу существования Русского государства. В развитии торговли и промышленности он видел причину «оскудения» земледелия и упадка помещичьего хозяйства. Для «поправления» поместий он требовал остановить широкий отлив земледельцев в города. Развитие вотчинной мануфактуры, тесно связанной с земледелием, он рассматривал как важный, но всё же побочный источник помещичьих доходов, как средство приспособления дворянства к возникающим новым условиям рынка. Реакционный идеолог дворянства обрекал Россию на вечное прозябание в качестве аграрной страны.

Глава семнадцатая

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХОЗЯЙСТВА РОССИИ П. И. РЫЧКОВ; ЕГО ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Пётр Иванович Рычков (1712—1777 гг.) родился в семье купца-экспортёра. Начав ещё юношей службу в купеческой компании полотняных мануфактур, П. И. Рычков обучился «содержанию книг и счетов по европейской бухгалтерской регуле»¹. Он был одним из первых русских людей, овладевших теорией и практикой двойной записи и балансового учёта². Проработав затем некоторое время в управлении казённых заводов и в Петербургской портовой таможне, 22-летний Рычков был зачислен на должность «искусного бухгалтера» при Оренбургской экспедиции. Впоследствии П. И. Рычков стал главным помощником И. К. Кирилова, а затем В. Н. Татищева, последовательно занимавших пост начальника Оренбургского края. Кирилов и Татищев³ направили внимание Рычкова на изучение Башкирии, на исследование Южного Урала. Изучению этого края посвятил Рычков свою многообразную научную и практическую деятельность — экономиста, историка, географа, агронома.

Рычков связан был едва ли не со всеми видными представителями русской науки и культуры того времени.

Высоко оценивая Рычкова и его деятельность, М. В. Ломоносов добился учреждения в Академии наук звания члена-корреспондента и присвоения этого звания Рычкову⁴. Будучи первым членом-корреспондентом Петербургской Академии наук,

¹ См. «Записки П. И. Рычкова», «Русский архив», т. III, М. 1905, стр. 298—300.

² Общую характеристику развития учёта в России XVIII в. см. В. Ф. Широкий, Вопросы торгового учёта в законодательных актах и литературе России XVIII века, «Труды Ленинградского института советской торговли», вып. III, Л. 1940, стр. 51—87.

³ См. главу тринадцатую.

⁴ См. «Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг.», т. II, 1744—1770, Спб. 1899, стр. 420; «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание»,

он состоял также членом Вольного экономического общества¹ и Вольного русского собрания при Московском университете.

Самой крупной из работ Рычкова (в 40-е годы XVIII столетия) была «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии».

В 1755 г. Рычков закончил первую часть своего главного труда — «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии»², и направил её Ломоносову. Появление рукописи первой части «Топографии» было тогда событием в развитии русской науки и культуры, в борьбе с иностранным, особенно немецким, засильем.

В печатном органе Академии наук — «Ежемесячных сочинениях» — появилась редакционная статья с глубоко знаменательным заглавием — «Предложение как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве». Появление этой статьи говорило о том, что русские учёные осознали свою самостоятельность и силу. В ней указывалось, что «всякой читая со вниманием печатанные в чужестранных землях о Российской империи книги, и сам имея некоторое знание в российской истории и географии, не может спорить, что оные книги наполнены премногими погрешностями». Отсюда вывод, что русские учёные сами должны составить достоверную историю и географию Российского государства. Но такая задача не может быть разрешена, пока не познаны отдельные районы страны. А это возможно лишь, если «во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобной... Рычкову в Оренбургской губернии, которой в прошедшем году прислал в Академию наук описание помянутой губернии с преизрядными ландкартами»³.

Борьба за самостоятельное изучение отечественной истории, географии, экономики проходит через всю научную деятельность Рычкова.

Ко времени окончания первой части рукописи «Топография... Оренбургской губернии» в «Ежемесячных сочинениях» за 1755 г. была опубликована «Переписка между двумя приятелями

составил Л. Б. Модзалевский, АН СССР, М. — Л. 1937, стр. 327—331. Связи Рычкова с Академией наук освещены в специальной работе академика Пекарского «Сношения П. И. Рычкова с Академиею наук в XVIII столетии», Спб. 1866.

¹ ЦГАДА, ф. 199, № 385, ч. I, тетрадь 14, л. 16. Диплом Вольного экономического общества, данный П. И. Рычкову в Санкт-Петербурге в 1766 г. (копия).

² Опубликована впервые в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», январь — июнь 1762 г.

³ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», март 1757 г., стр. 224, 227—228.

о коммерции», состоящая из нескольких писем. В этом сочинении Рычков выразил сложившиеся у него к тому времени экономические воззрения.

Вторую часть «Топографии... Оренбургской губернии» Рычков закончил в 1760¹ и опубликовал обе части в 1762 г. Среди первых трудов по экономико-географическому познанию нашей родины «Топография... Оренбургской губернии» занимает видное место как подробное для того времени историческое, географическое и экономическое описание с привлечением статистических данных².

В последние годы своей жизни Рычков писал продолжение «Истории Оренбургской»³ и составлял «исторические экстракты» о башкирском⁴ и киргиз-кайсацком⁵ народе. За несколько месяцев до смерти Рычков закончил описание Оренбургской губернии, сделанное не в систематическом порядке (как в «Топографии»), а в алфавитном: он составил двухтомный «Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии»⁶.

Описывая в своих трудах природу и экономику Оренбургской губернии, Рычков показывал богатые возможности нового района горнозаводского строительства, перспективы дальнейшего развития земледелия, животноводства, охоты и рыболовства, настаивал на охране лесов. Он говорил о необходимости усиления торговых связей этого обширного края с центральными районами страны, указывал на крупнейшее значение юго-восточной окраины России для внешней торговли с ханствами Средней Азии, Индией, Китаем.

¹ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Музейное собрание (Муз.) № 6792, «Топография или описание Оренбургской губернии», часть вторая, 1760 г. Впервые опубликована в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», июль—ноябрь 1762 г.

² Капитальный труд Рычкова получил известность не только в России, но и за границей. Он был издан в немецком переводе Газе в 1771 г. в Галле и Родде в 1772 г. в Риге. Шлёцер поместил обзор этого труда в журнале «Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen» в 1766 г.

³ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Собрание архива Паниных (Пан.), VIII, 2, «Письма от статского советника Петра Рычкова, касающиеся Оренбургской губернии о ивоверческих и других орд происшествиях, также и по башкирским делам», 1774 и 1775 гг.

⁴ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Пан. XII, «Экстракт исторической о башкирском народе», л. 3—26.

⁵ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Пан. XI, «Экстракт исторической о киргиз-кайсацком народе», л. 10—139 и Пан. XII, то же, ч. 2, л. 83—94 и ч. 3, л. 105—139.

⁶ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Муз. 2931, «Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии...», т. I—II, 1776—1777 гг.

* * *

Основой экономического развития Рычков считал разделение труда, понимавшееся им как общественное разделение труда. Такое понимание сочеталось у него с неправильным объяснением причины общественного разделения труда (рост населения) и с наивностью исторических представлений. Так, он вёл начало общественного разделения труда буквально от библейских двух первых сынов Адама — земледельца Каина и скотовода Авеля. Рычков правильно рассматривал общественное разделение труда как причину возникновения и развития обмена. Но ложное представление о постоянном существовании общественного разделения труда породило представление, что и обмен якобы существовал всегда. В доказательство Рычков приводит праотца Ноя, который, снаряжая ковчег, будто прибегал к обмену: «Уже в самых первейших временах было купечество, а по меньшей мере взаимство или вид некоторой нынешней коммерции подобной»¹. Рассматривая развитие обмена, Рычков различал две его стадии: непосредственный обмен («взаимство») и обмен при посредстве купцов («купечество»), т. е. профессиональную торговлю.

Рычков был первым русским автором, давшим очерк «истории коммерции». Он показывает, как на основе роста общественного разделения труда развивался рынок. А это привело Рычкова к выводу, что дальнейшему развитию в этом направлении «и ныне никаких границ положить не возможно»².

Особый интерес в историческом очерке Рычкова имеет данное им впервые в литературе краткое описание развития «российской коммерции». Историческое описание послужило Рычкову материалом для заключения об огромных экономических возможностях России: на обширной её территории при разнообразии природных условий сосредоточены такие естественные ресурсы, которых не имеет ни одна страна. Поэтому Россия может развивать своё хозяйство, опираясь лишь на свои природные ресурсы, без помощи других стран. Между тем «самые славные нации», под которыми Рычков разумел Голландию и Англию, не могут обойтись без русских товаров, производство которых в России превышает потребление внутри страны. Россия занимает также лучшее в мире торгово-географическое положение: «Натуральное положение земель Российского государства для коммерции за наилучшее в свете почитается»³.

¹ П. И. Рычков, Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо I, «Ежемесячные сочинения...», февраль 1755 г., стр. 107.

² Там же, стр. 114.

³ П. И. Рычков, Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо III, «Ежемесячные сочинения...», декабрь 1755 г., стр. 494.

Задачей коммерции Рычков считал создание богатства. Защищая систему торгового баланса, он с этой позиции рассматривал происхождение богатства России. Россия, писал Рычков, приобретала благородные металлы подобно крупнейшим торговым державам того времени. Англия и Голландия никогда не имели на своей территории разработок драгоценных руд, а получили и сосредоточили у себя благодаря внешней торговле гораздо больше золота и серебра, чем испанцы и португальцы, добывавшие их в своих американских колониях. «Что касается до серебра и золота, — писал Рычков в 1755 г., — в чем полагают ныне не только богатство, но и вящую силу купечества... все сие пришло внутрь России, как я мню, большею частию чрез коммерцию, подобно тому, как и ныне в Европе англичане, голанцы, и другие купеческие народы, хотя сих заводов никогда у себя не имели, и ныне не имеют, но чрез коммерцию всего онаго получают великое множество, и не только пред другими, но и пред теми народами, кои сами те дорогие вещи добывают, оными немало избыточествуют»¹.

Рычков говорил, что Россия, получая с древнейших времён из-за границы в обмен на свои товары благородные металлы, удерживала их у себя, ибо население довольствовалось товарами, производимыми внутри страны; незначительный же ввоз иностранных товаров оплачивался не золотом и серебром, а товарами отечественного производства. Отсюда нападки Рычкова на «роскошь и великолепие», в которых утопало высшее дворянство при преемниках Петра. В отличие от М. М. Щербатова², считавшего, что расточительство дворянства содействует развитию рынка и промышленности, Рычков обрушивался на излишества в жизни дворянства. Вызывая спрос на иностранные товары и потому утечку денег за границу, дворянские излишества, по его мнению, кроме того расширяют внутреннее потребление и таким образом сокращают экспортные ресурсы страны. Рычков с негодованием говорил о дворянах, которые, окружив себя многочисленной дворней, отвлекают труд людей от его производительного приложения.

Деля товары на сырьевые («материальные», «суровые») и обработанные («манифактура»), Рычков указывал, что надо вывозить именно последние. В сыром же виде можно вывозить лишь те товары, которые не могут быть обработаны внутри страны вследствие их избытка либо за недостатком квалифицированных работников. «В рассуждении материальных и суровых товаров... те токмо в чужие края просто или суровыми

¹ П. И. Рычков, Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо II, «Ежемесячные сочинения...», апрель 1755 г., стр. 326 — 328.

² См. главу шестнадцатую.

(то есть не в деле) отпущать, которых им самим у себя за великим их множеством и избытком или за неимением довольного числа людей, или за недостатком искусных мастеров и за другими обстоятельствами, не можно переделать в ту мануфактуру, которая в других государствах на разных фабриках производится»¹.

Рычков считал, что в создании богатства страны огромную роль играет промышленность. «Умножением мануфактур и заводов всегда обогащаются государства, и в лучшем и сильнейшем состоянии находятся не те области, которые материальными товарами и растущими в них избыточествуют, но предпочитают от них паче те, где мануфактуры и полезные художества умножены и процветают»². Противопоставляя таким образом сельскохозяйственные области областям с развитой промышленностью, Рычков отдавал явное предпочтение последним. По его мысли руководящим принципом экономической жизни и политики должна быть «генеральная о коммерции идея». Под коммерцией Рычков понимал не только торговлю, внутреннюю и внешнюю, но и промышленность. Он полагал, что главная и основная задача экономической политики состоит в том, чтобы «размножить всякие заводы, мануфактуры и промыслы; сочинить компании и договоры»³.

Таким образом экономические взгляды Рычкова, представленные в его работах 50-х годов, шли в одном направлении с воззрениями Петра I, Посошкова, Татищева.

В конце 50-х и начале 60-х годов XVIII в. усиливается интерес помещичьих кругов и правительства к развитию товарного сельского хозяйства, учреждается «Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства». В это время Рычков написал две свои первые работы о сельском хозяйстве: «Письмо о упражнении в деревенском житии» (1757 г.) и «Письмо о земледелии в Казанской и Оренбургской губерниях» (1758 г.). В своих дальнейших работах он подчёркивает особое значение земледелия: «для всего общества ни какой промысел и ни какое ремесло столь полезно и прибыточно быть не может, как земледелие»⁴.

Придавая решающее значение в развитии земледелия численности земледельческого населения, Рычков считал, что развитие промышленности, происходившее за счёт отлива населения из деревни, было целесообразным, но дальнейший рост

¹ П. И. Рычков, Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо III, «Ежемесячные сочинения...», декабрь 1755 г., стр. 509.

² Там же.

³ П. И. Рычков, Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо I, «Ежемесячные сочинения...», февраль 1755 г., стр. 121.

⁴ П. И. Рычков, Наказ для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина, «Труды Вольного экономического общества», ч. XVI, 1770, стр. 35.

промышленности не должен идти за счёт сельского хозяйства. Так, ратуя за развитие мануфактур по переработке хлопчатой бумаги и верблюжьей шерсти, Рычков отмечал, что «польза государственная последует от них тем больше, ежели вышутся и употребятся на них мастера и работники из таких людей, которые прежде внутрь государства пахотными крестьянами не были; ибо по нынешнему состоянию нашего земледелия для таких и сему подобных новых дел отлучать от одного людей, считаю не только бесполезно, но и вредно»¹.

Рычков особенно возражал против отвлечения рабочих рук из сельского хозяйства и занятия их в городских ремёслах и в мелкой городской торговле. Он признавал, что зачастую такие «отлучки крестьян» выгодны как им самим, так и помещикам, но рассматривал это как глубоко отрицательное явление, ибо «для общества той пользы, которая происходит от земледелия, от них уже нет, да еще и сами они от других своей братьи сеянным хлебом питаются»².

Такие же мнения были высказаны год спустя в екатерининской Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Выделенная из её состава «Частная комиссия о размножении народа, земледелия, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах» отмечала вред занятий крестьян в «промыслах и самых торгах» и особенно в разносной торговле и извозном промысле, что «делает умаление и общему земледельству, ибо на всех сих людей другие нетокмо хлеб пахать, но и привести должны»³.

В трудах Рыčkова, относящихся к периоду 1765—1775 гг., проскальзывает мысль о невозможности дальнейшего развития хозяйства России вне прогресса земледелия. Дальнейший рост промышленности становился невозможным, по его мнению, без развития и укрепления сельского хозяйства. Считая земледелие основой хозяйства страны, Рычков отстаивал равномерность развития отраслей народного хозяйства.

Развитие сельского хозяйства Рычков мыслил лишь в форме крепостного, по преимуществу барщинного хозяйства. Отдавая предпочтение барщине перед оброком, Рычков допускал оброк лишь в таких местах, где мало пахотных земель.

В написанном в ответ на конкурсную задачу Вольного экономического общества «Наказе для управителя или прикащика»

¹ П. И. Рычков, О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти, «Труды Вольного экономического общества», ч. II, 1766, стр. 101.

² П. И. Рычков, О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии, «Труды Вольного экономического общества», ч. VII, 1767, стр. 20.

³ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Музейное собрание 2394/1 — «Дела по Комиссии сочинения проекта нового Уложения», т. II, л. 126.

(1770 г.) Рычков, изыскивая различные способы организации барщинного труда с целью усиления его эксплуатации, предлагал ограничить эксплуатацию «разумными» пределами, для того чтобы обеспечить прочное существование крепостного строя. Он считал наиболее целесообразным, если крестьяне еженедельно работают три дня на помещика и столько же дней на себя, а в воскресенье отдыхают¹. Рычков предлагал возложить на помещика заботу «о нарочитом хлебном запасе» для крестьян, создаваемом за счёт добавочной их работы по окончании сева и уборки хлеба на барской запашке.

Крестьяне, по мнению Рычкова, сами не сознают своих собственных интересов и потому «худо и весьма мало рачат о своем собственном домостроительстве». Поэтому он рекомендовал установить надзор за тем, как каждый крестьянин ведёт своё хозяйство. Рычков советует поощрять заведение крестьянами овощных огородов и плодовых садов. Но если все эти «увещания» не помогут, Рычков предлагал помещикам принимать репрессивные меры в отношении непокорных крестьян: ссылать на поселение, отдавать в рекруты и т. д.

Значение, которое Рычков придавал развитию торговли и промышленности, обуславливало высокую оценку им роли купцов². Носителями коммерции должно быть, по Рычкову, купечество, передовая часть которого одворянивается, и дворянство, передовая часть которого обуржуазивается, превращаясь в «торгующее дворянство». В этом, в частности, отличие взглядов Рычкова от взглядов Посошкова, полагававшего, что не следует допускать дворян к торговле; Посошков считал, что дворянин, желающий заняться торговлей, должен отказаться от дворянского звания и вступить в купеческое сословие. В этом также отличие Рычкова от тех идеологов дворянства, Щербатова прежде всего, которые, защищая узкоклассовые интересы, требовали монополии промышленной деятельности для дворян и отстранения от неё купечества.

¹ Любопытно отметить, что почти через 30 лет (в 1797 г.) Павел I, опасавшийся после нового подъёма крестьянского движения второй «пугачёвщины», издал манифест о непринуждении крестьян работать в воскресные дни. Манифест предписывал, «дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более что для сельских изделий остающиеся в неделе шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении, достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям» (ПСЗ, т. XXIV, № 17909). Ограничение барщины тремя днями не предписывается, а лишь рекомендуется помещикам. Таким образом, манифест рекомендовал то же ограничение барщины, которое намечал в своём «Наказе» Рычков.

² Говоря о купечестве, необходимо иметь в виду, что в России на протяжении XVIII и значительной части XIX в. купцами называли не только представителей торгового капитала, но и капитала промышленного.

П. И. РЫЧКОВ

Рычков ратовал за цивилизацию купечества. Купцы должны обладать товароведными знаниями, знать рынки, изучать право, владеть методом бухгалтерского учёта. Настаивая на внедрении итальянской бухгалтерии, он указывал, что её надо приспособить к русским условиям: «сократить по состояниям торговых наших обращений и по натуре наших купцов...». Он предлагал составить руководство, содержащее все эти сведения, — «лексикон купеческой», по образцу издававшихся тогда за границей, но превосходящий заграничные образцы.

Защищая развитие производительных сил и рынка, Рычков считал, что это развитие не должно быть стихийным. Он против конкуренции, называемой им коварством: конкурирующие купцы руководствуются своими личными интересами, нередко в ущерб интересам купеческой торговли и народного хозяйства в целом. Рычков решительно высказывался за уничтожение конкуренции.

Средством уничтожения конкуренции, по его мнению, служат ремесленные цехи и купеческие гильдии. Рычков — сторонник активного вмешательства в экономическую жизнь со стороны феодально-абсолютистского государства, которое должно при этом, по его мнению, опираться на различные организации, прежде всего на цехи и гильдии.

Рычков отстаивал исключительное политическое господство дворянства. После опубликования манифеста о вольности дворянства (1762 г.) он восторженно заявил, что Пётр III заслуживает не то что золотой, а бриллиантовой статуи на жемчужном пьедестале.

Подчёркивая руководящую роль дворянства в сельском хозяйстве и желательность вовлечения дворян в торговлю и промышленность, Рычков говорил и об огромном значении купечества в развитии рынка и промышленного производства.

Стремясь упрочить феодально-крепостнический строй и самодержавие, Рычков боролся за подъём сельского хозяйства и повышение его товарности, за рост промышленности и расширение рынка.

Работы Рыčkова, его экономико-географические труды прежде всего, были направлены на содействие развитию производительных сил и рынка страны. Поэтому при всём консерватизме политических убеждений Рыčkова его труды по конкретным экономическим вопросам в исторических условиях России того времени имели прогрессивное значение.

Глава восемнадцатая

ИДЕОЛОГ КУПЕЧЕСТВА М. Д. ЧУЛКОВ

Краткий обзор произведений

Михаил Дмитриевич Чулков (1743—1793 гг.) был виднейшим идеологом купечества периода возникновения капиталистического уклада.

Чулков происходил из разночинцев, учился в гимназии при Московском университете. В 1772 г. он был назначен секретарём Коммерц-коллегии, где с 1777 г. служил и А. Н. Радищев. Сохранились документы, свидетельствующие о совместной работе А. Н. Радищева и М. Д. Чулкова в Коммерц-коллегии. В последние годы жизни М. Д. Чулков был сенатским секретарём. В молодости Чулков был беден, жил на скудное жалованье и очень много трудился над повышением своего образования, читая книги по различным отраслям знания. Дослужившись до чина надворного советника и получив звание дворянина, Чулков купил в Дмитровском уезде Московской губернии небольшое имение¹.

Чулков известен как издатель сатирических журналов, первый видный собиратель русских сказок и песен.

В 1766 г. он издавал «Пересмешник или славенские сказки», в 1767 г. — «Краткий мифологический лексикон», в 1769—1770 гг. — «И то и сьо» и «Парнасский щепетильник».

В 1770—1774 гг. Чулков издал «Собрание разных песен», в 1781—1788 гг. — «Историческое описание российской коммерции», в 1788 г. — «Економическая записки», в 1789—1790 гг. — «Сельский лечебник», в 1792 г. — «Словарь юридический». Таким образом, круг вопросов, интересовавших его, был весьма широким. Большинство работ Чулкова издавалось Н. И. Новиковым в типографии Московского университета.

В своих сатирических журналах Чулков высмеивал пороки феодального общества, не подвергая, однако, сомнению его основ. Бичуя преклонение дворянства перед иностранщиной и пренебрежительное отношение к русской культуре, он

¹ См. В. Шкловский, Чулков и Левшин, Л. 1933.

стремился воспитывать у своих читателей чувство национального достоинства. Чулков высказывался против засорения русского языка иностранными словами: «... Зачем без нужды употреблять ненужное, и ежели сказать правду, то они служат больше нам вредом, нежели щеголеватым наречием»¹.

Следует отметить, что экономические взгляды М. Д. Чулкова в нашей литературе почти не исследованы.

Главный экономический труд М. Д. Чулкова — «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия». Этот капитальный труд, состоящий из 7 томов (21 книги), содержит в себе подлинные документы, рассуждения, описания, изложение указов, сведения о заводах, фабриках, мануфактурах, о водных и «земляных» путях, внешней и внутренней торговле, о монете и т. п. Труд Чулкова содержит также богатый фактический материал.

Свои взгляды автор высказывает в предисловиях и «предупреждениях» к каждой книге, при характеристике отдельных документов и часто посредством изложения мыслей различных писателей, соответствовавших взглядам самого Чулкова. Ссылки на литературные источники часто не точны или вовсе отсутствуют, подлинные слова излагаемых авторов оговариваются редко, поэтому иногда трудно отделить мысли самого Чулкова от использованных им высказываний других авторов. Эти приёмы были обычными в литературе XVIII в.

«Историческое описание российской коммерции» издавалось с 1781 по 1788 г. сначала в Академии наук в Петербурге, а потом в университетской типографии у Новикова в Москве.

Из этой своей большой работы Чулков сделал извлечения: «Краткая история российской торговли» (1788 г.); «Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле» (1788 г.), а также специальное руководство по бухгалтерии — «Наставление необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей, содержащее правила бухгалтерии» (1788 г.).

Работая в Коммерц-коллегии, Чулков поставил себе задачу восполнить пробел в русской экономической литературе и создать труд, вооружающий купечество специальными знаниями в области промышленности и торговли.

¹ М. Д. Чулков, Пересмешник или славенские сказки, «Русская проза XVIII века», т. I, Государственное издательство художественной литературы, М.—Л. 1950, стр. 90.

Чулков указывал, что многие иностранные и русские писатели занимались российской торговлей лишь попутно, в связи с решением других вопросов, «по частям», а не специально, и поэтому «до сего времени не видали мы о том полной системы и достаточной истории».

Чулков знал и использовал работу Рычкова «Переписка между двумя приятелями о коммерции», но он считал её недостаточно систематичной и полной. Труд Рычкова оказал заметное влияние на Чулкова. Он воспринял широкое толкование коммерции и продолжал разработку некоторых проблем, поставленных его предшественником.

Русское передовое купечество придавало большое значение труду Чулкова. Купцы Голиковы за свой счёт разослали первую книгу первого тома «в каждый магистрат и ратушу, сколько их в России находится, кроме столиц и тех городов, кои населены капитальным (крупным. — *Е. П.*) купечеством».

Фундаментальный труд Чулкова представляет собой исследование, в котором автор поставил своей задачей дать общую систематическую историю русской промышленности и торговли, осветить большой круг экономических проблем под определённым углом зрения, с точки зрения интересов купца, переходящего к предпринимательской деятельности. Это новая, более высокая ступень характеристики задач экономического познания, отличающая Чулкова от его предшественников — других идеологов купечества.

Чулков стремился обосновать значение развития промышленности и торговли для укрепления мощи государства, его экономической самостоятельности и независимости. Как бы полемизируя со Щербатовым, он доказывал, что в такой стране, как Россия, сельское хозяйство может быть поднято на более высокий уровень лишь при условии развития промышленности в форме мануфактуры, т. е. крупной промышленности.

В «предуведомлении» к первой книге первого тома «Исторического описания российской коммерции» изложен план всего труда. Работа Чулкова, как он подчёркивал и сам, представляет собой не просто историю торговли, а историю *коммерции*, под которой разумеется развитие промышленности, торговли, транспорта и связи, кредита и денежного обращения.

При таком широком понимании коммерции Чулков объявлял её «самым полезнейшим для рода человеческого упражнением». Коммерция открывает земные недра и «извлекает из них к нашему употреблению и такие сокровища, о пользе, приятности и красоте которых мы бы без нее и понятия не имели». Коммерция со всей вселенной собирает товары, благодаря чему человек,

живя в одном своём отечестве, может пользоваться произведениями самых различных природных зон и стран. Противопоставляя товарное производство и широкие рыночные связи натуральному хозяйству, Чулков даже преувеличивал роль коммерции, называя её «тем узлом, который один только силен содержать благосостояние человеческого общества»¹.

Чулков поставил своей задачей осветить следующие вопросы: показать, в чём состояло богатство России и откуда оно было получено; дать историю возникновения промыслов, крупной мануфактурной промышленности и исчислить объём продукции фабрик и заводов; показать социальный состав владельцев предприятий и формы применявшегося в промышленности труда — крепостного и наёмного; осветить внутреннюю и внешнюю торговлю, особо обращая внимание на характер ввозимых и вывозимых товаров; выявить экономические связи России с другими государствами, характер этих связей и определить возможности всестороннего, независимого экономического развития своей родины и, наконец, «припечатать при сей Истории» всякие регламенты, инструкции, указы. Освещение всех этих вопросов даётся автором на основе изучения и описания физической и экономической географии России «скольким возможно достоверным образом». Здесь описываются границы страны, озёра, реки, порты, сухопутные пути, описывается, «в каких частях, и чем она (Россия. — Е. П.) более избыточествует, и какие где роятся продукты, и каковы они бывают добротой».

Чулков был убеждён, что русское купечество, имея «о всей Великороссийской Коммерции сей план», сможет «располагать надежно употреблением своего капитала»².

Материал многотомного труда Чулкова расположен в следующем порядке:

т. I, книги 1—2. Географическое описание России, сведения о народах, её населяющих. О торговле через Чёрное, Каспийское, Белое и Балтийское моря. О торговле при Архангельском и Кольском портах и о морских промыслах;

т. II, книги 1—3. О торговле через Чёрное море с Константинополем, Венецией, Италией, Левантом, а также сухим путём с Турцией, Польшей, Данцигом, Пруссией, Бреславлем и Лейпцигом; о торговле через Астрахань с Персией, Бухарой, Хивой; о торговле через Оренбург с Бухарой, Индией и степными народами.

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. II, кн. 1, Спб. 1785, стр. 2.

² М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. I, кн. 1, Спб. 1781, Предуведомление, стр. 16—18.

т. III, книги 1—2. О сибирских торгах с китайцами, монголами и калмыками. О торговле между Камчаткою и восточным архипелагом;

т. IV, книги 1—6. О торговле при С.-Петербургском и Кронштадтском портах;

т. V, книги 1—2. О торговле при Рижском, Ревельском, Нарвском, Выборгском и других портах;

т. VI, книги 1—3. О внутренней российской торговле, транспорте, промышленности, городах российских, монете и о почте по всей империи;

т. VII, книги 1—3. Лексикон купеческий или генеральный штат всем товарам российской торговли; трактаты о торговле, различные инструкции управителям, консулам, маклерам, браковщикам, шкиперам, нотариусам, «авкционистам» и пр.

Уже из перечисленных выше основных разделов многоотного труда Чулкова видны богатство и разнообразие охваченных им экономических вопросов на основе использования огромного фактического материала.

При составлении «Исторического описания российской коммерции» Чулков широко использовал летописи, труды Татищева, Ломоносова, Рычкова, Щербатова, Палласа и других русских учёных — географов, естествоиспытателей, экономистов, историков, а также обширный архивный материал различных ведомств, царские и сенатские указы, челобитные и пр.

При изложении своих взглядов Чулков использовал также ряд работ иностранных экономистов, отмечая, что хотя эти сочинители пишут «о делах, до их отечества надлежащих», но в их мнениях «много изряднаго, что не токмо агличанам и французам, но и другим народам, купечество отправляющим, к пользе служить может»¹. Таким образом, за экономической литературой Чулков прежде всего признавал её национальные задачи, как это делали и другие русские экономисты. Используя работы иностранных экономистов, Чулков постоянно держал в центре своего внимания вопросы и нужды экономического развития России.

К используемым материалам Чулков относился критически, сопровождая их подчас остроумными замечаниями. Иностранные литературные сведения о России он критически проверял русскими данными.

Анализируя различные официальные документы, Чулков пытался вскрыть не только внутренние, но и внешнеполитические причины, вызывавшие те или иные мероприятия экономической политики царского правительства. Так, например, он

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 4, М. 1786, стр. 7.

отмечал бурную реакцию русских правящих кругов на английскую буржуазную революцию XVII в.

«Историческое описание российской коммерции» Чулкова представляет значительный шаг вперёд по сравнению с работой Рычкова по этому же вопросу. Оно охватывает важнейшие отрасли народного хозяйства — промышленность, торговлю, транспорт, кредит, денежное обращение — в их взаимной связи. Богатый материал, собранный и обработанный Чулковым, широко использовался последующими поколениями историков народного хозяйства России; он и до сих пор не утерял значения для характеристики отдельных сторон истории экономического развития феодальной России.

О значении и необходимости развития промышленности в России

Чулков не знал, что развитие крупной промышленности неминуемо приводит к возникновению нового общественного строя, идущего на смену крепостничеству. Он не видел, что крепостное право является основным тормозом развития промышленности в России. Однако при всей ограниченности взглядов Чулкова его мысли о необходимости всемерного развития мануфактур в России, об огромной преобразующей роли промышленности в системе народного хозяйства являются оригинальными и прогрессивными для своего времени. Работы Чулкова по сути дела разоблачали реакционную идеологию крепостников, стремившихся сохранить отсталый, аграрный характер экономики России и тем самым обрекавших её на вечную зависимость от промышленно развитых стран.

Основой экономического могущества государства и залогом подъёма сельского хозяйства Чулков считал развитие промышленности и широкого внутреннего товарного обращения. Высказывая свои прогрессивные взгляды на дальнейшее экономическое развитие России, идеолог купечества не мог не приходиться в столкновение с идеологами господствовавшего класса помещиков по важнейшим экономическим проблемам: о праве на землю и эксплуатацию недр, о происхождении общественного богатства, о роли и месте промышленности и торговли в системе всего хозяйства страны, о деньгах и денежном обращении, об источниках рабочей силы, о производстве и потреблении, о путях дальнейшего экономического развития России.

Чулков настойчиво проводил мысль, что промышленность играет решающую роль в обеспечении экономической независимости государства, его военного и политического могущества.

Он дал оригинальное экономическое обоснование необходимости тесной связи через торговлю промышленности и сельского хозяйства, принципов размещения промышленности, размеров промышленных предприятий и ускорения их строительства для быстреего получения продукции, необходимости подготовки квалифицированных рабочих и ряда других проблем.

Ставя вопрос об источниках общественного богатства, М. Д. Чулков высказывал интересную мысль о том, что богатство создаётся главным образом в «земледельстве» и «рукоделиях», всякое же другое богатство составляет вычет из продукта, созданного в производстве; этот вычет ограничивает возможности расширения производства. Рассматривая купцов как организаторов промышленности, Чулков писал: «...Безсильное государство ничем в силу так не приводится, как *земледельством и купечеством, к которому принадлежат и рукоделия*: то всякое богатство, не из *сих двух источников* истекающее... можно почитать за некоторой род подати, которая аки бы у коммерции и земледельства отнимается, и следовательно в оных прилежание и работу останавливает»¹. В другом месте Чулков говорит, что «мануфактуры и фабрики... дают пропитание гораздо большему числу людей, нежели коммерция»².

Высказывая мысль, что источником общественного богатства является материальное производство в промышленности и земледелии, Чулков, однако, не имел представления об эксплуататорском происхождении богатства промышленников, купцов и землевладельцев. Как и западноевропейские идеологи буржуазии периода становления капиталистического уклада, Чулков воспекает «трудолюбие», бережливость капиталиста и противопоставляет этим «добродетелям» буржуазии эпохи первоначального накопления капитала наглость и жестокосердие ростовщиков.

В противоположность меркантилистам Чулков утверждал, что государство, не имея никакой торговли с другими народами, «может процветать, быть сильно и богато, естли только собственные его мануфактуры и фабрики находятся в цветущем состоянии». Жители такого государства «могут довольствоваться собственными своими мануфактурами и фабриками, и внутренним отправлением торгов из одной провинции в другую»³.

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 4, М. 1786, стр. 18—19. (Курсив мой. — Е. П.)

² М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 39—40.

³ Там же, стр. 32—33.

М. Д. ЧУЛКОВ

Чулков теоретически разрабатывал проблему экономической независимости России. Он настойчиво пропагандировал необходимость всемерного усиления промышленного строительства в России и доказывал, что развитие промышленности повлечёт за собой подъём всех других отраслей производства и торговли, а также рост городов и народонаселения. Без развития промышленности, а вместе с тем и без торговли хозяйство останется натуральным, помещики «будут располагать земледелие, смотря по тому, сколько требуется на их содержание, а которые имеют великий достаток, то содержать будут много служителей бесполезных, для одного только великолепия»¹. В таких странах с преобладанием натурального хозяйства крестьянин всё для семьи необходимое вынужден делать сам: что «получит с своей пашни, тем и питается». Совершенно иной уровень потребления и экономического положения отдельных слоёв населения имеет место в стране с развитой промышленностью и торговлей.

Развитие промышленности Чулков связывает с необходимостью удовлетворять материальные потребности населения, в первую очередь «рабочих людей», которые производят продукты для рынка и покрывают все свои жизненные потребности продуктами труда других людей — товарами. Его рассуждения по этому вопросу носят материалистический характер и показывают высокий уровень понимания общественно-экономических явлений и связей. «Великое размножение жителей от мануфактур и фабрик понимать не трудно, — писал Чулков, — сверх того, что великое число рабочих людей получают от того свое пропитание: то сии рабочие люди имеют нужду в безчисленных вещах, к производству жизни потребных, от чего делается и размножение всяких ремесл и промыслов; и когда сии ремесленники вспомогать будут к употреблению мануфактурных товаров и всяких надобностей, то от того размножению жителей еще и больше прибавляться должно. Чрез сие и самое земледельство прирастает, и земля больше пахатных людей прокормить может. Несомненная надежда о прибыльной продаже земных продуктов побуждает поселян с большею ревностию стараться о земледелии»².

В этих взглядах Чулкова нашли своё отражение новые экономические условия развития России — формирование капиталистического уклада. Объективно в этих положениях Чулкова отражается противоречие между новыми производительными силами и господствующими старыми феодально-крепостными

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 35.

² Там же, стр. 37—38.

стническими производственными отношениями с их основой — феодальной земельной собственностью и земледелием как главной отраслью общественного производства.

Как бы возражая Щербатову, неоднократно указывавшему, что развитие фабрик и ремесла ухудшает состояние земледелия вследствие отвлечения земледельцев в промышленность, Чулков доказывает обратное; он подчёркивает взаимное влияние, прямую зависимость и связь между промышленностью и сельским хозяйством, между производством и потреблением.

Он отмечает, что сельское хозяйство поставляет для промышленности не только продукты питания рабочих, но и материалы для переработки. Чем больше будет развиваться промышленность, тем больше будет повышаться спрос на продукты сельского хозяйства, повысится заинтересованность земледельцев в увеличении своего производства, возрастет производительность труда. А это в свою очередь приведёт к удешевлению продуктов питания и сырья для промышленности, улучшит условия её развития, снизит цены на промышленные товары.

Весьма зрелые для уровня экономической мысли XVIII в. теоретические положения Чулкова о связи производства и потребления, промышленности и земледелия видны из следующего его рассуждения: «Самой большой союз имеют мануфактуры и фабрики с деревенскою экономией. Сия не только подает для содержания художников (работников промышленности. — *Е. П.*) съестные припасы, но и должна ставить нужные материалы к мануфактурам. Когда работников можно содержать малым иждивением, и материалы доставать дешевою ценою, то и будет успех в мануфактурах и фабриках; ибо от сего происходит дешевая цена мануфактурным товарам, которая способствует к большему вывозу оных в другая государства, а внутри отечества к собственному употреблению... Как деревенская экономия много способствует к приведению в цветущее состояние мануфактур и фабрик, так напротив того и сии приращению оной споспешествуют. Из умножения работников при мануфактурах и фабриках следует великой и скорой расход всех земных продуктов; следовательно и земледельцы с большим рачением будут стараться о одобрении земли и о умножении продуктов; а от умножения продуктов следует дешевая цена оных. Таким образом есть взаимное действие мануфактур на экономию и экономии на мануфактуры»¹.

Чулков осуждал щербатовское противопоставление земледелия промышленности и указывал на необходимость всесто-

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 63—65.

ронного развития хозяйства страны, для чего, писал он, Россия имеет все необходимые природные условия. Но обеспечить такое всестороннее экономическое развитие возможно только при условии всемерного поощрения промышленности со стороны правительства.

Развитие промышленности Чулков считает делом, поднимающим благосостояние всего народа, так как от мануфактур «воспоследует приращение к наисильнейшему споспешествованию не только купеческой и казенной, но и всенародной прибыли»¹.

Защитник промышленного развития России, Чулков устанавливает определённую зависимость между развитием промышленности, земледелия, торговли и ростом населения и его плотностью. Он доказывал, что разностороннее развитие хозяйства страны будет способствовать росту населения.

Всесторонне выясняя роль промышленности в развитии и укреплении экономической мощи и независимости государства, Чулков приходит к убеждению о необходимости покровительства промышленности со стороны государства. «Надлежит, — пишет Чулков, — мануфактуры и фабрики до тех пор подкреплять государственным коштом, пока товары будут равной доброты с иностранными, и продаваться могут с оными одинаковою ценою...»². Он считал, что для населения лучше и выгоднее согласиться временно платить дополнительные подати, идущие на помощь промышленности, чем всегда переплачивать на дорогих иностранных товарах и быть в экономической зависимости от других стран.

Развитие промышленности зависит, по мнению Чулкова, не только от покровительственной политики правительства. В этой связи он придавал большое значение состоянию наук в государстве и приложению науки к практике. Он отмечал, что если мануфактуры ещё не приносят той пользы, какой от них требовать надлежало, то в этом вина «...ученых, которые, не трудясь в том, что действительно полезно, упражнялись в одной только теории»³, мало внимания уделяли практике. Чулков требовал также свободы вероисповедания и других, по его мнению, необходимых условий для повышения уровня экономического развития. Хотя требование Чулковым заботы со стороны государства о развитии науки и об осуществлении ряда буржуазных свобод было для своего времени прогрессивным,

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. I, кн. 1, Предисловие, стр. 46—47.

² М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 75.

³ Там же, стр. 63.

однако он ошибочно полагал, что все условия, необходимые для успешного развития промышленности, способно обеспечить самодержавие. Он рассматривал самодержавие как форму власти, наиболее удобную для ускоренного развития промышленности, ссылаясь на положительные результаты государственной деятельности Петра I.

В постановке проблемы промышленного развития России Чулков не ограничивался узконациональными рамками. Он уделял большое внимание состоянию промышленности в других странах. Развитию промышленности во Франции, по его мнению, мешали две причины: первая — переобложение крестьянства «великими податями» и запрещение ему заниматься промыслами и ремёслами; вторая — цеховое устройство в городах и большие налоги на цеховых работников и их товары. Дореволюционной Франции XVIII в. Чулков противопоставлял Англию, где феодализм был уничтожен раньше и где «коммерции» помогала парламентарная монархия — буржуазная форма правления. В Англии, пишет он, «народ сам (или лучше сказать выборные от онаго в парламенте) о своей пользе печется»¹. Так Чулков, отдавая предпочтение буржуазной Англии перед феодальной Францией, косвенно объявлял себя сторонником буржуазного строя.

Он указывал, что страна, позднее других вступившая на путь промышленного развития, может быстрее добиться совершенства, так как народы заимствуют друг у друга способы производства. Конечно, писал Чулков, англичане, голландцы и французы в мануфактурном развитии так далеко продвинулись, что начинающему вновь народу трудно сразу не только обогнать их, но и сравняться с ними. «Однако оную трудность преодолеть можно». Франция, например, начала мануфактурное развитие позже Англии, но быстро добилась большого успеха.

Так Чулков доказывал необходимость и возможность быстрого промышленного развития России и использования опыта передовых в промышленном отношении стран.

Наличие огромных природных богатств в России, широко изучавшихся в XVIII в., открывало, по мнению Чулкова, возможность для быстрого самостоятельного развития отечественной промышленности. «Сия то пространная империя в пределах своих почти все те пользы имеет, которыя по целой Европе разделены, и она подлинно в состоянии сама собою довольствоваться и наслаждаться своим изобилием, весьма мало или совсем ничего не заимствуя от других народов»².

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 4, стр. 32.

² М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. I, кн. 1, стр. 9.

Молодому в промышленном отношении государству Чулков рекомендовал браться не за все отрасли мануфактурного производства сразу, а соблюдать известную постепенность. Начать с самых нужнейших, «от которых больше людей могут иметь пропитания» и которые освободят страну от необходимости ввоза иностранных товаров.

Чулков стремился анализировать различные условия, способствовавшие быстрому промышленному развитию России и обеспечению её экономической независимости. При этом анализе Чулков принимал во внимание не только технические, но и общественные условия, к которым он подходил с точки зрения интересов купечества, предпринимателей.

Одной из острых проблем промышленного развития России в XVIII в. был недостаток квалифицированных рабочих и мастеров, обусловленный господством крепостной системы. Чулков рекомендовал для новых отраслей вначале выписывать мастеров из-за границы, но подчёркивал при этом, что необходимо принимать решительные меры для подготовки и обучения русских мастеров и рабочих.

Хотя, как было сказано выше, Чулков не подвергал сомнению господство крепостного строя, в решении проблемы обеспечения промышленности рабочей силой он исходил из необходимости создавать мануфактуры не на крепостном, принудительном, а на наёмном труде, «сыскивать» рабочих в местах наличия свободной рабочей силы.

С целью пропаганды более совершенных методов промышленного производства Чулков рекомендовал учредить «Мануфактурный дом», в котором всякий желающий мог бы бесплатно изучить любую специальность в области промышленного труда. Это ценное предложение Чулкова создать нечто вроде политехнической школы фабрично-заводского обучения не было проведено в жизнь вследствие сопротивления дворянства всякому начинанию такого рода.

Чулков высказывал оригинальные соображения о размещении промышленности. В этих его высказываниях ярко проявляется идеология предпринимателей. Фабрики нужно строить, по его мнению, там, где можно рассчитывать получить «наибольшие прибыли» при наименьших затратах, т. е. в местах, близких к источникам сырья и дешёвой рабочей силы. Предприятия он рекомендовал строить там, «где большее число работников сыскать можно и содержать малым коштом».

Как одно из условий быстрого развития промышленности Чулков выдвигал экономию на заработной плате. В столичных городах, по его мнению, мануфактур заводить не следует, потому что «в них против всех прочих мест жить дороже как в разсуждении найму домов, так и съестных припасов. По сей

причине должно мастеровым людям давать больше жалованья; а от сего товары становятся дороже, что весьма препятствует приращению сих промыслов»¹. Зарботная плата рабочих, как видно из этих рассуждений Чулкова, должна обеспечить им пропитание, жилище и пр., т. е. необходимые средства существования, но не должна быть высокой, так как это повышает цену товаров, затрудняет их реализацию.

Важнейшим условием быстрого развития промышленности Чулков считал удешевление строительства и быстрый ввод в действие новых предприятий.

Уже в мануфактурный период развития капитализма Чулков проводил мысль об экономии не только на зарботной плате, но и на средствах производства. Он советовал предпринимателям не увлекаться строительством «великолепных» фабричных зданий. «Необходимо требуется, — писал он, — чтоб на строение сколько возможно употреблять меньше денег»². Так, в интересах предпринимателей оправдывалось практиковавшееся в то время строительство тесных, тёмных и душных производственных помещений.

Размер предприятий, по мнению Чулкова, не должен быть очень большим. Небольшие предприятия могут быть построены в сжатые сроки и быстро введены в строй действующих. Он — сторонник таких предприятий, которые большему количеству людей дают средства существования. «Для государства, — писал Чулков, — и для всех промыслов полезнее, когда сто семей живут благополучно и имеют достаток, нежели когда они живут в бедности и их трудами пользуется одна семья...»³. По существу здесь выражена идея бережливости, отрицания чрезмерной роскоши привилегированных групп аристократии, идея, свойственная идеологии купечества в период перехода его от чисто торговых операций к предпринимательской деятельности.

Чулков считал целесообразным строить преимущественно небольшие частные фабрики на средства одного предпринимателя, большие же заводы строить компаниями из небольшого числа участников. Казённые предприятия, по мнению Чулкова, нужны только для начального примера. В дальнейшем же все предприятия, за исключением военных, следует передавать частным собственникам. В этом вопросе Чулков придерживался политики Петра I.

Одним из важнейших условий успешного развития промышленности и обеспечения экономической независимости страны от

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 106.

² Там же, стр. 103.

³ Там же, стр. 122—123.

других государств Чулков считал строительство русских мануфактур на основе переработки сырья отечественного производства. Он настойчиво проводил мысль о необходимости организации промышленной переработки сырья на местах его добычи по всей стране, включая самые отдалённые провинции. Это был один из самых веских аргументов Чулкова в пользу протекционизма. «Словом сказать, сие правило есть неоспоримо, что такой народ всех сильнее, которой от других не требует помощи; чего ради каждому государю надлежит стараться о сыскании всяких способов, чтоб все нужное иметь в собственной своей земле, дабы сколько возможно от других народов не зависеть»¹. Надёжное средство для обеспечения экономической независимости России Чулков видел в развитии промышленности в форме мануфактуры. Это была передовая, прогрессивная позиция.

Таким образом, проблема экономической независимости России разрабатывалась Чулковым теоретически более полно и глубоко, чем его предшественниками. Рассуждения Чулкова о необходимости всемерного развития промышленности в России выражали назревшие материальные потребности страны.

О значении торговли и роли купечества

Большое значение в народном хозяйстве придавал Чулков торговле. Он представлял торговлю по существу как форму связи между отдельными производителями, между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством, между отдельными рынками внутри страны и между различными странами.

Все товары Чулков делил на два вида: «суровые», или сырьё, и мануфактурные. Ко вторым он относил всякий товар, «мастерским искусством к лучшей годности и в самое употребление приведенный». Он отмечал, что в России преобладают в торговле не промышленные товары, а сырьё сельскохозяйственного происхождения.

Чулков вполне оправдывал производство предметов роскоши. Такие товары сделались «необходимо нужны государству, хотя в самом деле без них весьма пробыть можно», — писал он. Если бы правительство вздумало запретить потребление предметов роскоши, то оно «истребило бы в своих подданных трудолюбие», потому что главным стимулом всего человеческого труда, по мнению Чулкова, является стремление к «приобретению богатства».

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 67.

В качестве стимула экономической деятельности Чулков на первое место ставил принцип конкуренции, т. е. принцип буржуазной экономии.

Подчёркивая связь производства и обращения, Чулков ставил с достаточной для своего времени ясностью вопрос о решающей роли производства в экономической жизни страны. Промышленность и торговля, писал он, взаимно влияют друг на друга и не могут рассматриваться совершенно изолированно. Правительство нанесло бы огромный ущерб хозяйству, если бы стало что-нибудь изменять в торговле или промышленности «без прилежного размотру, каким образом одно другому соответствовать будет»¹.

В этом единстве производства и обращения основным, определяющим, по мнению Чулкова, является производство. «Число и щастие купцов зависит от числа и щастия рукодельников»², — писал он. Торговля приносит огромную пользу государству, но прочная торговля может быть лишь там, где «цветущия мануфактуры и фабрики положат тому основание»³.

Таким образом, как идеолог купечества, Чулков поднялся на более высокую ступень понимания экономических связей по сравнению с идеологом купечества начала XVIII в. И. Т. Посошковым. Чулков уже рассматривал торговлю не с меркантилистических позиций, как Посошков, не только с точки зрения обслуживания феодального производства, но главным образом с точки зрения перспектив экономического развития России, обеспечения её экономической независимости, подчинения торговли интересам производства. Чулков в своих работах отражал новый этап экономического развития России, возникновение капиталистического уклада, переход купечества к предпринимательской деятельности, к овладению производством.

Торговля, по его мнению, есть важнейшее средство связи между промышленностью и сельским хозяйством. Чулков показывал, что торговля подрывает натуральный характер феодального хозяйства и способствует расширению производства за пределы потребления внутри данного хозяйства.

Торговля, по Чулкову, есть также средство экономической связи между различными народами.

Чулков был сторонником полной свободы внутренней торговли. Всякое стеснение торговли внутри страны, по его мнению, вредно отзываясь на мануфактурах, затрудняет их раз-

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 70.

² М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 4, стр. 12.

³ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 44.

вите. Он считал, что политика Екатерины II недостаточно обеспечивает свободу внутренней торговли.

Признавая преимущества свободной конкуренции внутри страны, Чулков опирался на мнение «лучших нынешних времён исчислителей в коммерции и политике», правда, не называя их имён и работ, что было общепринятым в литературе того времени. Он был убеждён в том, что лучше развиваются торговля и производство, когда «каждый своего собственного интереса более изыскивает, применяясь всегда к своему собственному положению, не давая в том никому отчота, и определяя все по своему изволу»¹.

Однако Чулков не был сторонником свободы внешней торговли для России. В отношении внешней торговли он в общем придерживался общепринятого в то время в России мнения о необходимости государственного вмешательства, надзора и регулирования, но без мелочных стеснений. Меркантилистический взгляд на внешнюю торговлю, как на единственный или главный источник обогащения страны, был чужд Чулкову. К этому периоду в России и на Западе меркантилизм уже изжил себя. «Сколь ни прибыльна иностранная коммерция для государства, однако она не совсем нужна»², — писал Чулков. Такой взгляд на внешнюю торговлю вполне гармонировал с его убеждением, что только всестороннее развитие отечественного производства даст возможность наиболее полно удовлетворить потребности населения и государства и обеспечит экономическую независимость России от других, более развитых стран.

Пошлина в казну от привозных товаров, указывал Чулков, составляет изрядный доход, но она не является главным источником доходов государства. Выгоднее запретить иностранные мануфактурные товары и этим «ободрить прилежание своих подданных», стимулировать отечественное производство. В этом состоит главный «способ к приобретению богатства», — утверждал Чулков. Он в противоположность меркантилистам считал, что общественное богатство составляют потребительные стоимости, а не деньги. «Не в золоте, ни в серебре состоит главнейшее богатство человеческого рода: ошибаются те народы, которые верьх своего благополучия полагают в одних сих металлах»³.

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. I, кн. 1, Предисловие, стр. 29.

² М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. I, кн. 3, стр. 32.

³ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 4, стр. 30—31. Для сравнения английской и французской торговли с российской Чулков использует две работы: *Иосиас Туккер*, Опыт о коммерции, Лондон 1753; *Иоани Никольс*, Примечания о прибытках и убытках Франции и Великой Британии... Лейден 1754.

В критике меркантилизма Чулков опирается не на общетеоретические положения знакомой ему новейшей экономической науки Запада, ратовавшей за свободу международной торговли, а на потребности своей страны, где к тому времени купцы, скупщики товаров интенсивно переходили к промышленной деятельности, особенно после известного указа Екатерины II, разрешавшего всем заводить всякие «станы» и различные «рукоделия».

Государство с развитой промышленностью и внутренней торговлей вполне может обойтись и без внешней торговли, считал Чулков. Конечно, не всё можно в своей стране производить так дешево, как в других странах, и приходится многое ввозить из-за границы. Очень выгоден и вывоз своих товаров. Но, учитывая всё это, прежде всего необходимо считаться с условиями развития отечественного производства.

Выражая прогрессивные тенденции промышленного развития России, Чулков высказывался против принципов буржуазных экономистов Запада о невмешательстве государства в экономическую деятельность. Наоборот, он настаивал на покровительственной политике в отношении промышленности и на регулировании внешней торговли в интересах стимулирования отечественного производства.

В работах Чулкова нашла отражение борьба купечества против крестьянской торговли. Он показывает, как крестьяне, не имевшие права производить внешнеторговые операции, обходили этот закон. Они складывали свои мелкие капиталы на основе артели, записывались на имя какого-нибудь крупного купца и вели не только мелочную и разносную, но и крупную торговлю с иностранными купцами, не неся в то же время никаких повинностей и платежей, которыми было обложено купеческое сословие. Крупные купцы использовали торгующих крестьян, как своих агентов в розничной торговле. Вместе с тем купцы требовали обязательной записи торгующих крестьян в купеческое сословие с более повышенными ставками объявленного капитала против указанных по гильдейскому положению для купцов.

Целью этого требования купечества было оградить купеческие капиталы от конкуренции со стороны торгующих крестьян и подчинить последних крупным купцам-капиталистам. Здесь нашли выражение те же требования, которые за двадцать лет до работы Чулкова высказывались купеческими депутатами в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Екатерина II не удовлетворила этих требований ни во время работы Комиссии, ни после.

Чулков высказывался против купеческих монопольных компаний, с одной стороны, потому что они стесняют свободу кон-

курении, а с другой, — потому что в компаниях «набогащается малое число участников на счет остальных»; купец, имеющий большой капитал, и в компании «не оставит насильствовать слабокапитальному». Чулков показывает, как на ярмарках «капитальные» купцы «убытчат» и вконец разоряют «посредственных и малокапитальных», как они обращают в постоянную кабалу крестьян путём ростовщических займов.

Нашли отражение у Чулкова и противоречия между купцами и дворянами. Во многих местах своего труда он показывает, что в русской крупной промышленности и торговле XVIII в. главные позиции занимало купечество, а не дворянство, однако господствовали в стране дворяне. «А купцы у дворянства в презрении, их дети в числе подлаго народа почитаются, и между прочими в солдаты набираются; и потому они стыдятся своего состояния, стараются о получении честнейшаго чина, хотя сие и обществу и им самим вредительно»¹.

Русская буржуазия в XVIII в. ещё вынуждена была упоривать своё экономическое положение старыми, феодальными методами, добиваясь чинов и дворянского звания, чтобы получить личное право покупать деревни, право эксплуатировать труд крепостных.

Требование о предоставлении купечеству исключительного права ведения промышленности и торговли было чуждо Чулкову. Он, наоборот, считал, что дворяне напрасно уклоняются от коммерции и считают это дело зазорным, неприличным для своего благородного сословия. Ссылаясь на западную просветительскую литературу, Чулков писал, что «и знатнейшие философы и законодатели оныя (торговли. — *Е. П.*) никогда не презирали».

Чулков считал полезным для поощрения коммерции «всёнародно публиковать, что, выключая одних упражняющихся в нижнем классе коммерции, и мелочною продажей торгующих, всем подданным... доступ ко всем чинам отворен быть имеет»².

Все эти рассуждения Чулкова ясно показывают, что нарождавшаяся русская буржуазия в конце XVIII в. ещё не противопоставляла себя дворянству как новая экономическая сила, как представитель нового уклада, а, наоборот, стремилась приспособиться к господствовавшему строю.

В работах Чулкова получила, таким образом, отражение борьба между новым и старым, борьба народившегося, но ещё далёкого от господства нового, капиталистического уклада со старым, господствующим, но уже начавшим разлагаться

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 4, стр. 13.

² Там же, стр. 373.

крепостным строем. В его работах отражена также борьба различных классов-сословий за соответствующие их интересам формы промышленности и торговли.

Вопросы развития внутренней и внешней торговли Чулков разрабатывал с позиции глубокого патриотизма, в плане борьбы передовых русских людей за экономическую независимость России. В сохранившейся во Владимирском областном архиве инструкции Коммерц-коллегии русскому консулу, подписанной совместно Радищевым и Чулковым в марте 1778 г., ярко выражено это патриотическое чувство и гордость за свою родину ¹.

О денежном обращении и кредите

В своих работах Чулков высказывает некоторые теоретические положения о сущности, роли и стоимости денег, о значении кредита и об уровне процента, о денежном обращении и условиях его укрепления. Его рассуждения о деньгах и кредите проникнуты стремлением показать, что твёрдая денежная система и надёжное денежное обращение являются необходимым условием развития в России товарного производства и особенно мануфактурного. «Всякое недоверие препятствует денежному обращению, так как от страху кровь останавливается в теле» ², — образно выражал Чулков необходимость твёрдой системы денежного обращения в России.

Происхождение денег Чулков идеалистически выводил из неудобства натурального обмена. Но он признавал, что «...деньги сами собою не что иное, как и прочий товар есть, о чем многие изрядные тракты изданы и напечатаны» ³. Следовательно, в характеристике сущности денег он стоял на материалистических позициях товарно-металлистической теории денег. В некоторых случаях у Чулкова ещё отождествляются монета и деньги: «Монета есть не что иное, как известная мера всем вещам, кои на обмен отданы, или проданы быть могут; а вымышлена для того, дабы определением цены отвратить ту трудность, когда товар на товар менять не возможно» ⁴. Таким образом, Чулков показывает, что деньги выполняют функции меры стоимости и средства обращения.

¹ См. А. Шамаков, Неизвестные служебные бумаги А. Н. Радищева, «Южный Урал», Литературно-художественный альманах № 11, Челябинск 1954, стр. 140—144.

² М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 89.

³ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. III, кн. 2, стр. 33.

⁴ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 4, стр. 334.

Монета имеет, по определению Чулкова, двоякую цену: «Первая касается до внутренней ея доброты, а имянно до самой материи, весу и количества; другая до наружности, то есть до штемпеля и до цены, которая по обыкновению определяется монете»¹. Здесь уже имеется попытка отделить деньги как носителя стоимости от монеты как масштаба цен. Хотя цена монеты устанавливается государством произвольно, но в мировой торговле деньги «не выше почитают, как сколь велико количество металла», т. е. по его весу. Стоимость денежного материала, по мнению Чулкова, зависит от «иждивения, потребнаго к доставанию онаго из земли». Тут ещё нет чёткого определения стоимости денег трудом, затраченным на добычу денежного металла, «иждивение» может выражать и издержки производства. Но в рассуждениях Чулкова ценна уже сама материалистическая постановка вопроса о стоимости денег. И в этом вопросе идеолог купечества последней трети XVIII в. Чулков стоит значительно выше идеолога купечества первой четверти того же века Посошкова, занимавшего идеалистическую позицию по вопросу об источнике ценности денег в России.

Чулков отмечал влияние изменения стоимости золота или серебра на денежное обращение. Если повысится цена на золото, то серебро будет приливать, а золото уходить из обращения, и наоборот.

Как и его современники, Чулков видел вред от ухудшения монеты, от обесценения денег. Отмечая огромное значение устойчивого денежного обращения для всего народного хозяйства, он ставил вопрос: «В каком союзе состоит денежное дело с манифактурами и фабриками»? Сравнивая деньги с кровью в живом организме, он дал образный и ясный ответ на поставленный вопрос: «Чтоб кровь порядочно ходила в жилах, надлежит ей быть здоровой; равным образом от худой монеты не можно надеяться ни приращения манифактур и фабрик, ни других промыслов. Живая циркуляция денег от того зависит, чтоб быть обнадеженным, что во всякое время деньги отдать можно по той же цене, по какой кто сам оныя принял. Однако с худую монетою сего не бывает»².

Вследствие обесценения денег от ухудшения монеты повышаются все цены, на данное количество денег покупается меньше товаров, товары, приобретаемые в других государствах, обходятся дороже. Вследствие этого цена иностранной монеты во внутренних деньгах соответственно повысится. Это рассуждение Чулкова отвечало действительному состоянию денежного

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 4, стр. 336.

² М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 88.

обращения в конце XVIII в. не только в России, но и в отдельных странах Западной Европы, в частности во Франции.

Таким образом, Чулков, как впоследствии и Радищев, видел главную причину падения вексельного курса в обесценении денег внутри страны. Но Радищев связал падение курса с ростом военных расходов и увеличенным выпуском ассигнаций. У Чулкова же вексельный курс прямо определяется как «цена деньгам иностранных государств»¹, которая зависит главным образом от состояния экспорта и импорта. Больше вывоз — выше курс, и наоборот. Вексельный курс объявляется барометром состояния внешней торговли.

Чулков доказывал необходимость развития товарного производства в противоположность натуральному хозяйству. По его мнению, политика правительства должна быть направлена к тому, чтобы «деньги сильнее обращались в народе». При этом он отмечал, что у более богатых людей всегда имеется значительная часть денег вне обращения в виде сокровища, а у «подлейшего состояния людей... деньги чрез непрестанное движение умножаться несказанную имеют силу»². Ратуя за развитие товарного производства, Чулков считал, что от ускорения обращения денег среди крестьян государство получает великую пользу. «Деньги уподобляются крови в государственном теле, а правительство сердцу онаго. Чрез подати собирается кровь к сердцу, а чрез благоустроенные государственные расходы сообщается всем жилам. Трудолюбие можно назвать теплотою, которая способствует циркуляции»³.

В вопросах налоговой политики Чулков придерживался мнения, что подати должны налагаться не на лица, а «по имению и прибытку каждого подданнаго». Постановку вопроса о замене феодальной формы налога в виде подушной подати более прогрессивной формой поземельного налога впервые в русской литературе выдвинул И. Т. Посошков. Дальнейшее развитие её мы находим у Радищева, позднее у М. М. Сперанского и декабристов. Чулков же предлагал не только поимущественный, но и подоходный налог. В этом вопросе Чулков отражал тенденцию буржуазного развития России и занимал прогрессивные позиции. Чулков полагал, что изменение налоговой политики укрепит денежное обращение и будет способствовать промышленному развитию России.

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 4, стр. 338.

² Там же, стр. 366.

³ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 87.

Введение бумажных денег Чулков признавал весьма полезным, по сущности бумажных денег, как знака золота, он, так же как и западные экономисты XVIII в., не вскрыл. Бумажные деньги он определял как «писанные обязательства, которые ту же силу в торгах имеют, как деньги»; введение их объяснял тем, что не все государства имели столько полноценных денег, сколько было необходимо для обращения. Он советовал правительству «содержать оныя обязательства в совершенном кредите, дабы такую вещь сделать для государства и для промыслов полезною, которая сама собою пользы не приносит»¹. Употреблять бумажные деньги с принудительным курсом следует, по его мнению, «с великою осторожностью; в противном случае могут от того произойти весьма вредныя следствия».

Чулков различал торговлю товарами от торговли деньгами, которая есть «отдача денег за узаконенные или обыкновенные проценты»². Торговля деньгами, т. е. ссуда капиталов, признавалась им нормальной и необходимой для купечества и фабрикантов, но он резко высказывался против ростовщичества.

Идеолог купечества не мог не обратить внимания на то, что высокие проценты удорожали товары, мешали развитию производства, но он не видел, что высота процента зависит от общего уровня экономического развития страны.

Он подчёркивал необходимость кредита для развития мануфактур и торговли. «Кредит в купечестве есть орудие, которого ежели не имеет в руках, не можно в случае весьма надобном и скором зделать отважного удара, которым иногда или часто возрастает купечество»³. Это образное определение соответствует действительности, но, конечно, не вскрывает теоретически сущности категории кредита. Условием надёжности кредита является, по мнению Чулкова, надёжность самих денег и денежного обращения. Хотя он прямо и не говорил об излишнем выпуске ассигнаций, но намекал на это довольно ясно.

В решении отдельных проблем теории денег Чулков был впереди некоторых его западных современников. Так, он признаёт деньги товаром, но таким, который является выразителем стоимости всех товаров; он проводит различие между функциями денег как меры стоимости и как средства обращения, тогда как классическая буржуазная школа в XVIII в. рассматривала деньги, как средство обращения и не проводила различия между деньгами и монетой.

¹ М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. VI, кн. 3, стр. 90—91.

² М. Д. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. I, кн. 1, Предисловие, стр. 24.

³ Там же, Предисловие, стр. 39.

О сельском хозяйстве. Проблема организации крепостного труда

Чулков был идеологом купечества, переходившего к промышленному предпринимательству в условиях господства феодально-крепостнического способа производства и преобладания сельского хозяйства во всём народном хозяйстве России. Своё понимание значения земледелия и взгляды на организацию помещичьего и крестьянского хозяйства Чулков изложил в специальной работе «Экономическая записка для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику и рачительному економу, которая ежели прилежно исполняема им будет, то без всякаго сомнения недостаточнаго помещика зделают обогащенным. Избранныя Михайлом Чулковым, из сочиняемаго им словаря земледелия, скотоводства и домостроительства». Первое издание этой работы вышло в свет в 1788 г., второе издание — в 1790 г. В этой работе Чулков даёт наставления управителю имения, как вести хозяйство в отсутствие помещика. Работа представляет собой руководство по организации крепостнической эксплуатации крестьян в мелких поместьях.

В «предуведомлении» к этой работе автор писал, что первоначально она предназначалась «для прикащика в собственных моих небольших деревнишках», а напечатать её он решил лишь по настойчивому совету многих дворян, в помощь «таким же как и я мелкоместным вотчинникам»¹, постоянно проживающим в городах по долгу службы и лишённым возможности лично управлять своими имениями.

«Экономическая записка» составлены в форме словаря, в котором в алфавитном порядке даны разнообразные указания и сведения по сельскому хозяйству и домоводству.

Алфавитному словарю предпосланы общие суждения Чулкова о значении сельского хозяйства. Отмечая, что земледелие и скотоводство есть «безпосредственный источник благоденствия всех народов», Чулков полагал, что они «долженствуют быть достойнейшим предметом разсуждения и внимания высоких людей и ученых умов». Он призывал «младенчествующую еще Экономию» уделять больше внимания сельскому хозяйству.

Роль и место сельского хозяйства во всём народном хозяйстве Чулков в разные периоды своей деятельности определял не одинаково. В 60-х годах, когда взгляды Чулкова как идеолога купечества ещё не сформировались, он ставил земледелие, сельское хозяйство на первое место в государстве. «Крестьянин, пахарь, земледелец, все сии три названия по преданию древних писателей, в чем и новейшие согласны, означают глав-

¹ М. Д. Чулков, Экономическая записка, М. 1788, стр. 3.

ного отечеству питателя во время мирное, а в военное крепкого защитника, и утверждают, что государство без земледельца обойтись, так, как человек без головы жить, не может...»¹. В работах 60-х гг. Чулков показывал бедственное положение, тяжкий труд, нищету и голод основной массы крестьянства. Не вскрывая главной причины разорения крестьян — помещичьей крепостнической эксплуатации, — Чулков объясняет их бедственное положение исключительно хищнической деятельностью отдельных ростовщиков из деревенской верхушки — богатеев.

В повести «Горькая участь», изданной в период деятельности екатерининской Комиссии о сочинении проекта нового Уложения (в сборнике «Пересмешник или славенские сказки»), Чулков, пожалуй, впервые в русской литературе, чётко нарисовал реалистический образ деревенского кулака, определив его очень выразительным термином «*сьедуга*». Чулков писал: «Такие сельские жители называются съедугами; имея жребий прочих крестьян в своих руках, богатеют на счет их, давая им займы деньги, а потому запрягают их в свои работы так, как волов в плуги; и где таковых два или один, то вся деревня составлена из бедняков, а он только один между ими богатый: для того что сев, жатва и сенокос должниками его убираются прежде, а те всегда севом своим опоздать должны. И когда опоздали сеять, то убирать уже будет нечего, а затем и остаются в вечном долгу у съедуги, который из того не убыток, но приращение имеет, ибо вся деревня к нему на работу, как на барщину, приходит»².

Правдиво показывая кулацко-ростовщическую кабалу, Чулков никогда не задумывался над тем, что в эту кабалу к ростовщику «главного отечеству питателя» загоняли крепостническая эксплуатация и непосильные феодальные налоги.

Признавая, что «все на свете непостоянно... и философы переменяют свои системы», Чулков изменил своё мнение о роли и месте земледелия в общественном производстве. В 80-х годах он ставил на первое место уже не земледелие, а промышленность, не земледельца, а купца-промышленника. Однако и тогда он призывал представителей науки уделять больше внимания сельскому хозяйству и защищал в то же время барщину как основной метод ведения хозяйства мелкого помещика, каковым к тому времени стал и сам.

¹ М. Д. Чулков, Пересмешник или славенские сказки, «Русская проза XVIII века», т. I, М. — Л. 1950, стр. 145.

² Там же, стр. 146. По своему экономическому содержанию «сьедуга» у Чулкова выражает то же, что и «живоглот» в литературе конца XIX века.

Идеальным помещиком, по Чулкову, является такой, «которой по пропорции своего состояния без долга весь свой век проводит; тем честь свою охраняет и судьбою своею доволен, роскошь презирает и скупости в дом не пускает»¹. Этот идеал отражал экономическое положение мелкого русского помещика, получившего дворянство и возможность купить «деревнишки» за выслугу чина. В «Наставлении малолетнему сыну моему, вступающему в службу», написанном в 1785 г., Чулков указывал, что самым главным пороком, который может нарушить душевное спокойствие даже добродетельного человека, являются долги. Поэтому он завещал сыну: «сколько возможности твоей будет уклоняйся от занимания денег, или вещей». Если же никак невозможно будет избежать займа, то занимай «соразмерно твоему состоянию, храни кредит свято»².

Чулков видел разлагающее влияние товарно-денежных отношений на натуральное в основе своей помещичье-крепостническое хозяйство, но не мог ничего противопоставить ему кроме благих правоучений помещикам жить «соразмерно состоянию». Он понимал значение кредита для развития промышленности и торговли, но в то же самое время видел, что помещики используют кредит для паразитического потребления. Поэтому он и писал о вреде займов, долгов для помещика.

Чулков пишет, что помещик, занимающийся сельским хозяйством, приносит пользу государству, а обрабатывающий помещичье и своё наделное поле крестьянин-земледелец, «трудящийся в пользу общественную, достоин истинного уважения и признания от всех тех особ, которых заслуги, наследство или счастье соделали выше и достаточнее его»³. Признавая труд земледельца достойным всяческого уважения, Чулков не ставил под сомнение и не разоблачал принудительный характер крестьянского труда в России.

Нормы работы крестьянина на помещика Чулков определял не числом барщинных дней, а количеством пашни на тягло: «Соха каждая должна обработать на помещика земли полторы десятины в каждом поле»⁴. Эта норма, повидимому, была обычной для средней полосы России (имение Чулкова было в Дмитровском уезде Московской губернии). В «Инструкции» Волынского указана норма: 2 десятины в поле. Радищев в «Описании моего владения» приводил почти ту же норму — $4\frac{2}{3}$ десятины

¹ М. Д. Чулков, Экономические записки, М. 1788, стр. 53.

² М. Д. Чулков, Наставление малолетнему сыну моему, в кн. «Экономические записки», М. 1788, стр. 85.

³ М. Д. Чулков, Экономические записки, М. 1788, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 68.

на лошадь, т. е. на одно тягло в трёх полях¹. Помимо этой высокой нормы барщинного труда крестьяне должны были выполнять для помещика ряд дополнительных работ, что видно из следующего «философического» рассуждения Чулкова: «Люди должны взять верх над землею, а не земля над людьми; почему (поэтому. — Е. П.) крестьяне должны обрабатывать земли на помещика столько, сколько силы и возможности им позволяют»². Здесь уже отменяется всякое нормирование крестьянских повинностей и даётся место неограниченному произволу помещика в эксплуатации своих крепостных.

Для крестьянской бедноты, которая не в состоянии уплачивать государственные подати и даже прокормить себя, Чулков предусматривал принудительное батрачество. Бедного крестьянина он рекомендовал «со всем домом и с землею отдавать другому крестьянину в батраки, который будет его кормить и с семьею и платить за него подать; а когда крестьяне на то не согласны будут, то брать в господской дом»³.

Подобная чисто крепостническая мера борьбы с нищенством и бедностью крестьян не является оригинальным предложением Чулкова. Эта жестокая мера была предусмотрена значительно раньше в «Инструкции» А. П. Волынского своему дворецкому, а также в «Кратких экономических до деревни следующих записках» В. Н. Татищева.

В работе Чулкова нашла выражение идея сочетания земледелия с домашней промышленностью при феодализме, стремление помещиков полнее использовать крепостную рабочую силу в течение всего года. Много статей в «Экономических записках» Чулкова посвящено крестьянским промыслам и обучению крестьян ремеслу, особенно тех, у которых земли мало. Он предлагал крестьянских детей от семи до десяти лет учить грамоте, а от десяти до двадцати — различным ремёслам.

Для более успешного развития ремесла Чулков советовал учредить в деревне «швальню», построить завод для выделки кож и овчин, открыть лавку для продажи крестьянских товаров. Но в то же время барщинные крестьяне не должны, по его мнению, иметь самостоятельности в распоряжении своими товарами. Чулков наказывал: «Продаж никаких крестьянам без ведома господскаго не производить у мелкопоместных».

¹ См. А. Н. Радищев, Описание моего владения, Соч., т. 2, АН СССР, М. — Л. 1941, стр. 179.

² М. Д. Чулков, Экономические записки, М. 1788, стр. 34.

³ Там же, стр. 52.

Понятно, что это запрещение крестьянам продавать излишки своих продуктов без разрешения помещика преследовало цель установить надзор помещика за всеми источниками крестьянских доходов, чтобы повысить помещичьи сборы и оброки. Вообще Чулков советует держать под контролем всякий шаг крепостного крестьянина, особенно в области труда, как на земле, так и в промыслах, как на помещика, так и для собственных нужд. Такой надзор был необходимым условием барщинной системы хозяйства. Приказчик должен смотреть за тем, чтобы каждый крестьянин «неотменно» имел огород, чтобы квас был во всяком доме, чтобы «гумны иметь всегда крытыя», построить вместо овинов риги, «которые весьма безопаснее от сторения», чтобы было «на каждую высеваемую десятину по две скотины больших рогатых», наконец, «согласие между крестьянами и взаимную помощь друг другу стараться всеми силами вкоренить»¹.

Причину бедности крестьян Чулков, как и все крепостники, видел только в их собственной лени, а не в отрицательном влиянии крепостного права. Следует отметить, однако, что его «Економическия записки» не содержали столь жестоких мер воздействия на крестьян, как то имело место в «Наказе управителю имения», составленном Рычковым, а тем более в «Инструкции» Волинского.

Чулков принимал крепостное право как нечто само собой разумеющееся, нигде специально не отстаивая его, но нигде и не опровергая. Чулков не поднялся до понимания отрицательного влияния крепостничества на состояние всего народного хозяйства, особенно на промышленность, за развитие которой так убедительно и красноречиво он ратовал. Его взгляды на крепостное право вполне отражали начальный этап развития капиталистического уклада и показывали ограниченность и политическую отсталость русского купечества и промышленной буржуазии во второй половине XVIII в. Чулков высказывался за необходимость всемерного развития промышленности и товарно-денежных отношений, которые объективно вели к разложению крепостнической системы и вызывали

¹ М. Д. Чулков, *Економическия записки*, стр. 60, 66, 67. Нужно сказать, что отношение Чулкова к крепостному крестьянству всё же выгодно отличается от отношения его современника, также идеолога купечества, И. И. Голикова.

Чулков считал необходимым обучать всех крестьян грамоте и ремеслам. Голиков же находил опасным просвещать крестьян, потому что, сделавшись грамотными, крестьяне перестанут быть «такис послушливые». Вредным считал Голиков и обсуждение в литературе вопроса о свободе крестьян. См. И. И. Голиков, *Деяния Петра Великого*, т. XIII, изд. 2, М. 1840, стр. 309.

к жизни новые силы, с неизбежностью ведущие к уничтожению крепостничества. Этого противоречия Чулков не понимал.

* *
*

Чулков был видным русским экономистом периода начала разложения крепостнической системы и возникновения капиталистического уклада в России. Противоречия экономического развития России обусловили противоречивость экономических взглядов Чулкова и их историческую ограниченность. Хотя он принимал крепостное право как нечто само собой разумеющееся, всё же его основные экономические интересы как идеолога купечества лежали уже в иной плоскости, чем интересы господствующего класса дворян-помещиков. Последние видели в развитии промышленности и торговли причину «оскудения» земледелия и обрекали Россию на вечное прозябание в качестве аграрной страны. Чулков же считал основой экономического могущества страны и залогом роста производительных сил широкое развитие мануфактурной промышленности и внутреннего товарного обращения.

По ряду вопросов Чулков поднялся до важных теоретических обобщений. Он доказывал ведущую роль промышленности в экономическом развитии страны, в обеспечении независимости от других стран и в укреплении военной мощи, пытался ставить вопрос о путях ликвидации экономической отсталости России. Чулков указывал, что богатая разнообразными природными ресурсами Россия имеет все данные для всестороннего и независимого экономического развития. Он поставил некоторые проблемы теории денег. В работах Чулкова мы видим, как экономическая мысль постепенно поднимается на уровень научных обобщений.

В своих трудах о промышленности, торговле, деньгах и кредите Чулков пропагандировал по существу буржуазный способ производства, хотя русская буржуазия тогда ещё не сложилась как класс и не могла противопоставить свои интересы интересам дворянства.

Чулков не только не восставал против крепостнической системы и самодержавия, но считал необходимым поддерживать стремление торговцев и промышленников к получению дворянского звания, что открывало им путь к овладению землёй и крепостной рабочей силой. В то же время Чулков признавал необходимость и прогрессивность организации мануфактур на основе применения исключительно наёмного труда. В области же сельского хозяйства Чулков целиком стоял на

крепостнических позициях, защищал барщинную систему, которой, как правило, придерживались мелкие помещики. Чулков не смог подняться до понимания необходимости и неизбежности ликвидации крепостнической системы для дальнейшего прогрессивного развития России. В этом сказалась большая историческая ограниченность его взглядов.

Противоречивость взглядов Чулкова, прогрессивных по вопросам развития промышленности и торговли, теории денег и денежного обращения, с одной стороны, и консервативных в отношении к крепостному праву и организации сельскохозяйственного производства — с другой, была отражением обострившихся противоречий феодальной экономики в условиях формировавшегося в её недрах капиталистического уклада.

Глава девятнадцатая

НАЧАЛО КРИТИКИ КРЕПОСТНОГО СТРОЯ

Наиболее значительным явлением в развитии русской экономической мысли, начиная с 60-х годов XVIII в., была возникшая в тот период критика крепостничества. Возникновение этой критики являлось идеологическим отражением начавшегося разложения крепостного строя, зарождения в его недрах буржуазного уклада.

Представляя собой материальную основу критики крепостничества, эти процессы в своём дальнейшем развитии обуславливали углубление и обострение такой критики.

Первые критики крепостного строя появились среди аристократии (Д. А. Голицын), в кругах среднего служилого дворянства, в военной среде (А. Я. Поленов, братья Козельские, И. А. Третьяков). Среди первых критиков крепостничества были также выходцы из городской мещанской среды (С. Е. Десницкий).

Различное социальное происхождение этих идеологов нашло своё отражение и в характере критики ими крепостничества.

Книга Д. А. Голицына «О духе экономистов» и его письма

Учёный и писатель, автор ряда книг и статей по естествознанию (об электричестве, по минералогии, физической географии и пр.), философии и политической экономии, князь Дмитрий Алексеевич Голицын (1734—1803 гг.) провёл всю свою сознательную жизнь за границей в качестве дипломата¹.

Двадцатилетним юношей он был направлен в российское посольство во Франции, а в 1762 г. назначен русским послом в Париже. Голицын выполнял не только обычные функции

¹ См. Н. Н. Голицын, Родословная роспись потомства Гедиминова, Спб. 1899, стр. 44.

посла. Почётный член Петербургской Академии наук, а также академий Брюсселя, Стокгольма, Берлина, член Вольного экономического общества в Петербурге, друг Вольтера, Дидро, Мерсье де ла Ривьера, посетитель парижских салонов, участник собраний физиократов у Мирабо — Голицын с первых же лет царствования Екатерины II был связующим звеном между нею и «князьями философии».

В 1768 г. Голицын был отозван из Парижа¹ и получил назначение в Нидерланды, в Гаагу, где представлял Российскую империю на протяжении тридцати лет.

В его письмах к вице-канцлеру А. М. Голицыну, посылавшихся 2—3 раза в неделю на протяжении почти четверти века (1760—1784 гг.)², развёртывается картина общественно-политической жизни Франции и Голландии, освещаются события интеллектуальной жизни Западной Европы. Уделяя в этих письмах значительное внимание вопросам экономической политики и теории, Голицын объявил себя сторонником господствовавшей тогда во Франции «школы экономистов» — физиократов. Он давал различные советы по вопросам русской экономической политики вице-канцлеру и императрице. Екатерина II читала его письма к вице-канцлеру и делала на полях свои замечания³.

В 1796 г. Голицын издал книгу «О духе экономистов, или экономисты, оправданные от обвинения в том, что их принципы легли в основу французской революции»⁴.

¹ Отозвание Д. А. Голицына из Парижа, судя по замечаниям на его письмах к вице-канцлеру А. М. Голицыну, сделанным Екатериной II, и её переписке с Фальконом («Сборник Русского исторического общества», т. XVII, Спб. 1876, стр. 21—23 и 26—30), было, повидимому, вызвано недовольством мнением и предложениями Д. А. Голицына по крестьянскому вопросу и его ролью в приглашении в Петербург физиократа Мерсье де ла Ривьера, не оправдавшего надежд императрицы (см. также В. А. Бильбасов, Никита Панин и Мерсье де ла Ривьер. Исторические монографии, т. IV, Спб. 1901, стр. 1—83).

² ЦГАДА, фонд Голицыных, дела 1111—1125.

³ Рачинский, публикуя в «Сборнике Московского главного архива Министерства иностранных дел» (выпуск II, М. 1881) пять писем князя Д. А. Голицына, высказал мнение, что заметки на полях его писем делались не только Екатериной II, но также А. М. Голицыным и Н. И. Паниным (стр. 104).

Напротив, В. И. Семевский полагает, что все заметки на полях писем Д. А. Голицына принадлежат Екатерине II (В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, Спб. 1888, стр. 23).

⁴ «De l'esprit des économistes ou les économistes justifiés d'avoir posé par leurs principes les bases de la Révolution Française, par le prince D... de G...», Brunsvick 1796.

В 1798 г. вышел немецкий перевод под названием «Vom Geiste der Oekonomisten».

Воззрения Д. А. Голицына по крестьянскому вопросу, высказанные в его письмах к вице-канцлеру А. М. Голицыну, были обстоятельно рассмотрены В. И. Семевским¹. Что же касается книги «О духе экономистов», то она лишь упоминается в литературе. Онкен ограничился указанием, что «это единственная книга с физиократическим содержанием, написанная русским»². Семевский ссылается на эту книгу³. Гиггс, перечисляя главных учеников физиократов в различных странах, объявляет таковым в России Голицына⁴, совершенно не останавливаясь на анализе его воззрений. В. В. Святловский не пошёл дальше Гиггса, сведя характеристику Голицына к утверждению, что он является единственным «отечественным теоретиком» физиократизма⁵.

* *
*

В своих экономических взглядах Голицын исходил из того, что труд — «мать благосостояния» — и земля являются главными источниками богатства страны, роста её экономики и культуры. Труд и земля с её неисчерпаемыми дарами всегда с избытком вознаграждают трудолюбивого человека. Поэтому земледельцы, составляющие наибольшую часть жителей государства, обеспечивают его существование и развитие. Отсюда вытекает, по Голицыну, решающее для развития хозяйства и культуры значение производительности труда в земледелии.

Условиями высокой производительности труда в народном хозяйстве и развития последнего являются, по Голицыну, личная свобода производителя и предоставление ему права собственности. Личная свобода и частная собственность обуславливают возможность обмена избытков, получающихся у производителей. А постоянная уверенность в возможности обмена избытков является фактором их создания. «Свобода распоряжения избытками или, иначе, богатством является действующей причиной плодородия полей, разработки недр, появления изобретений, открытий и всего того, что может сделать нацию цветущей»⁶.

¹ См. В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, стр. 23—37 и 160—168.

² А. Онкен, История политической экономии до Адама Смита. Пер. с нем., Спб. 1908, стр. 428.

³ См. В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, стр. 168—169.

⁴ См. Г. Гиггс (Henry Higgs), Физиократы. Французские экономисты XVIII века, Спб. 1899, стр. 72—73.

⁵ См. В. В. Святловский, История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923, стр. 94—95.

⁶ «De l'esprit des économistes...», ch. XXVII.

Поэтому Голицын считал, что крепостное право никогда не бывает выгодным для государства. Крепостное право может быть выгодным лишь помещикам; но в конечном счёте оно противоречит и их интересам. При крепостном праве уголья плохо обрабатываются или даже остаются невозделанными. Крестьяне беднеют, дворяне вследствие этого не обогащаются, государству наносится ущерб. Голицын заверял помещиков, что для них лучше сдавать землю в аренду богатым крестьянам. Тогда помещики будут получать доход от земли вчетверо больший, чем при её обработке трудом рабов, крепостных.

Как ни тяжело и вредно господство крепостного строя, однако решение об его уничтожении и о новых формах аграрных отношений должно приниматься, по мнению Голицына, с благоразумием и умеренностью.

Он ополчался против мнения о выгодности мелкой земельной собственности крестьян. Прежде всего следует учесть, говорил Голицын, имеют ли крестьяне средства на затраты, необходимые для правильного ведения хозяйства. Гораздо выгоднее для общества и даже для самих крестьян, чтобы господа сохранили за собой право собственности на землю. Крестьяне же, владея движимым имуществом и увеличивая его путём получения с него дохода, будут иметь средства для аренды земли. Зажиточные крестьяне превратятся в арендаторов, располагающих достаточными ресурсами для правильного ведения хозяйства. Нельзя посылать бедняков, лишённых средств, для колонизации пустыни. Так же и крестьянин, получивший свободу, но лишённый средств на необходимые затраты, замечает Голицын, очутится в печальном состоянии, поневоле пренебрежёт своей новой собственностью и сделается ещё несчастнее, чем прежде, когда он был рабом. Предоставление крестьянам прав личной свободы и покупки земли в собственность в некоторых государствах, в том числе в России, потребует, по мнению Голицына, длительного срока для реализации, так как понадобится ещё много времени, пока крестьяне смогут приобретать землю.

Высказываясь за отдачу земли в аренду богатым крестьянам, имеющим средства на необходимые затраты, в том числе и на наём рабочих, Голицын имел в виду фермерско-капиталистическую аренду земли, для чего в России того времени не было необходимых условий.

Защищая экономическую политику, покровительствующую земледелию, он вместе с тем осуждал законы, запрещающие переход из крестьянского в городские сословия. Голицын считал, что подобные запретительные меры не смогут приостановить отлива из деревни населения, находящегося там в печальном положении и ожидающего лучшей участи в городе. Рост

сельского населения может, по его мнению, происходить лишь на основе создания благоприятных условий для земледелия. Но если при наличии подобных условий всё же имеет место отлив населения в города, это говорит о появлении в деревне избыточного населения. При таком условии переход части деревенского населения в город явится, по Голицыну, положительным фактом.

Люди, обладающие лишь движимым имуществом, занятые в промышленности и торговле, составляют, пишет Голицын, класс, называемый третьим сословием. Люди третьего сословия могут с величайшей лёгкостью забросить родные места и отправиться туда, куда они пожелают. «Они менее граждане государства, чем члены вселенского общества»¹. Третьему сословию Голицын противопоставлял земельных собственников, тесно связанных со своим государством, в пределах которого находится их собственность. Они не имеют ни желания, ни возможности уехать, когда это им вздумается. Ещё важнее то, что они принимают непосредственное участие в счастье и несчастье государства, к которому они принадлежат. Одни лишь земельные собственники, продолжает Голицын, составляют по существу то, что называют нацией, которая процветает, когда эти собственники находятся в счастливом положении. Их преимущества, заключающиеся в непосредственном участии в управлении государством, не могут ни в малейшей мере нанести ущерб тем, кто не принимает участия в управлении, если последнее основывается на справедливых законах. «Напротив того, земельные собственники будут возбуждать в каждом желание приобрести земельную собственность, и большая часть владельцев движимого имущества сможет вложить свое состояние в землю»². Таким должно быть, по Голицыну, управление государством, основанное на понимании значения земледелия и желании его процветания. Голицын превозносит земельную собственность, защищает интересы дворянско-помещичьего класса-сословия.

Эти мысли, выраженные в переписке 60-х — 70-х годов XVIII в. и в книге «О духе экономистов» (1796 г.), Голицын хотел связать с физиократизмом, вывести из основных принципов этого учения. Голицын принадлежал к числу дворян, ставших приверженцами и распространителями физиократизма — системы, в которой превознесение земельной собственности превращалось на самом деле в её экономическое отрицание и в утверждение капиталистического производства.

¹ «De l'esprit des économistes...», ch. XXVII.

² Там же.

Физиократы рассматривали земельных собственников как класс, «выплачивающий содержание» (по выражению основоположника физиократизма Кенэ) классу, занятому во всех отраслях хозяйства, кроме земледелия — в промышленности, торговле и др. К последнему классу Кенэ относил и капиталистов и рабочих. Физиократы отпирывались от признания того, что чистый продукт создается лишь в земледелии, в условиях «крупной культуры» (Кенэ), и попадает к земельному собственнику, превращаясь в земельную ренту. Поэтому физиократы предлагали взамен различных налогов ввести единый налог — на земельную ренту. При таком исключительном обложении земельной собственности, — говорит Маркс, «...бремя налогов и тем самым всякое государственное вмешательство отстраняется от промышленности, и промышленность таким образом освобождается от какого бы то ни было вмешательства со стороны государства. Совершается это якобы для блага земельной собственности, не в интересах промышленности, а в интересах земельной собственности». Вследствие перенесения всего налогового бремени на земельную ренту «...земельная собственность подвергается частичной конфискации...»¹.

Голицына, так же как во Франции Мирабо (старшего) и многих других феодалов, привлекало мнимое превращение землевладения физиократами, феодальная внешность системы, бывшей по существу выражением «...нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодального общества»².

Голицын показывал, как резко отрицательно влияет на развитие экономики и культуры принудительный характер крестьянского труда в России: «Так как крестьянин принужден отдавать большую часть времени господам жестоким, несправедливым и всегда неблагодарным, то леность, небрежность и даже обман делаются естественными спутниками такого труда»³. Отсутствие же права собственности ослабляло у крестьян стимулы к труду: «Для чего крестьянину работать, если плоды труда достанутся другому? Если он разбогатеет, его будут только более мучить»⁴. Голицын отмечал, что в России земледелие даёт низкие урожаи, которые едва обеспечивают крестьянину необходимые средства существования и уплату податей. Условия, при которых у крестьян хлеб «редко остается для продажи», тормозят, по мнению Голицына, развитие внутренней торговли и денежного обращения, особенно при «недостатке больших

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, Госполитиздат, М. 1954, стр. 19.

² Там же, стр. 16.

³ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114, письмо от 16 марта 1766 г.

⁴ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1120, письмо от 19 июля 1771 г.

дорог и водных сообщений и воспрещении вывоза хлеба за границу...»¹.

Развитию промышленности и науки в России, по мнению Голицына, препятствует также и отсутствие среднего сословия. Образование же среднего сословия затрудняется тем, что крупное дворянство удовлетворяет свои потребности путём натурального производства на основе принудительного труда крепостных мастеров. «Такой обычай служит правилом и основой нашему хозяйству...», — свидетельствовал Голицын. Прямым следствием такого положения являлась, по его мнению, крайняя ограниченность покупательного спроса городов и даже столиц. «Исключив из общего числа жителей Москвы и даже Петербурга высшее дворянство, скажите, велико ли останется население, для которого придется работать свободным ремесленникам?»². По мнению Голицына, на пути к образованию среднего сословия стоят препятствия, заключённые в исторически сложившемся в условиях крепостного строя характере крестьян. Эти препятствия обусловлены тем, что «продолжительное рабство, в котором коснеют наши крестьяне, образовало их истинный характер, и в настоящее время очень немногие из них сознательно стремятся к тому роду труда или промышленности, который может их обогатить»³.

Голицын подчёркивал, что он требует отмены крепостного права в интересах своего класса — дворянства — и его государства: «Каждый из нас в частности очень выиграет от этого изменения, и... напротив, пока существует крепостное право, Российская империя и наше дворянство, предназначенные к тому, чтобы быть богатейшими в Европе, останутся бедными. К тому же, как мы иначе образуем третье сословие, без которого нельзя льстить себя надеждою создать искусства, науку, торговлю и проч.»⁴.

¹ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114, письмо от 16 марта 1766 г. Эти рассуждения Д. А. Голицына, правильно связывавшего низкие урожаи хлебов и недостаток у крестьян зерна для продажи с условиями крепостного строя, возмутили Екатерину. Она сделала на полях письма Голицына заметку относительно его утверждения о недостатке хлеба у крестьян: «Это неправда, так как они или, лучше сказать, их господа гонят водку, снабжают все магазины; они будут вывозить и хлеб, когда вывоз будет дозволен, а это должно сделаться постепенно, а не вдруг. Мы никогда не купили за границу ни одного четверика...». Говоря об изобилии зерна в России, Екатерина стремились показать, будто крепостной строй не оказывает отрицательного влияния на урожаи хлебов и на товарность сельского хозяйства.

² ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114, письмо от 26 мая 1766 г.; см. также «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. II, Госполитиздат, 1952, стр. 37.

³ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114, письмо от 12 января 1766 г.

⁴ Там же, письмо от 13 ноября 1770 г.

Усматривая в крепостном праве главное препятствие к развитию хозяйства и культуры России, Голицын с точки зрения интересов своего класса видел разрешение этого вопроса в предоставлении крестьянам права «собственности и соответственно свободы». Приводя примеры из истории Франции, Англии, Голландии, он говорил о вытекающем отсюда историческом уроке: «История дает примеры, а опыт подтверждает, что искусства, ремесла развивались и нравы улучшались лишь в стране, где крестьяне пользовались правом собственности и свободы». При этом он имел в виду прежде всего и главным образом право собственности на землю, на которое «должно смотреть как на истинное основание, как на прочный фундамент благополучия государства; без него никогда не будут процветать искусства и науки»¹.

Таким образом, Голицын в середине 60-х годов выступал за предоставление крестьянам полного права собственности, поскольку право собственности на землю немыслимо без права собственности на движимое имущество (но не наоборот).

Однако вскоре Голицын отступил от этого мнения. Получив ответное письмо вице-канцлера А. М. Голицына, Д. А. Голицын согласился с его замечаниями, сводившимися к тому, что «общее и повсеместное введение подобного устройства в государстве столь обширном, как Россия, могло бы встретить неудобства и что постепенная перемена была бы, может быть, приличнее». Эту постепенную перемену, добавляет Д. А. Голицын, для того, чтобы она прочно укоренилась, надо ввести не путём «приказаний», а так, чтобы её принял «сам народ»². Из дальнейшего явствует, что под «самим народом» Голицын понимал лишь свой класс-сословие — дворян-помещиков, в зависимости от согласия которых он ставил решение вопроса о положении крестьян.

Отсюда его совет Екатерине II подать пример такой перемены в отношении дворцовых крестьян, которому должны последовать помещики: одни — исходя из своих правильно ими понятых выгод, другие — из намерения угодить государыне, третьи — подражая остальным. Екатерина, вовсе не желавшая освободить своих, дворцовых крестьян и подавать пример помещикам, отрицательно отнеслась к совету Голицына вообще; вместе с тем она высмеяла его веру в силу примера, могущего увлечь помещиков вопреки их материальным интересам. На полях письма Голицына Екатерина II написала: «Еще сомнительно, чтобы пример вразумил наших соотечественников и увлек их

¹ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1113, письмо от 6 сентября 1765 г.

² ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1113, письмо от 30 октября 1765 г.; см. также «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. II, стр. 33.

за собою; это даже маловероятно. К тому же подобное распоряжение может нарушить безопасность помещиков и пр.» И далее Екатерина отметила, что «мало найдется охотников большими выгодами жертвовать прекрасным чувствованиям патриотического сердца»¹.

Основываясь на несколько лучшем положении крестьян в деревнях, находившихся на денежном оброке, Голицын предлагал заменить продуктовый оброк (и, само собой разумеется, барщину) денежным оброком. Впрочем, во всём этом построении остаётся непонятным, каковы были бы основания для платежа денежного оброка, если земля стала бы собственностью крестьян. Это противоречие Голицын, защищая интересы дворянства, впоследствии устранил, высказавшись против передачи земли в собственность крестьян.

Голицын отдавал себе отчёт в том, что «при отсутствии власти, которая защищала бы крестьянина от тирании русского помещика, собственность первого оставалась бы призрачною и невозможно было бы осуществление малейшей меры относительно земледелия, искусств, ремёсел, денежного обращения или внутренней торговли». Отсюда его предложение учредить должность «объездных судей» по дворцовым деревням (по двое судей в каждой провинции) и «в каждом из областных городов присутствии». В обязанности этих институтов должен был, по мысли Голицына, входить отвод земли, размежевание и обложение участков, решение всех споров, возникающих на почве землеустройства и земледелия. «Объездные судьи» и «присутствия», простирая свою власть на всё, что называется сельским хозяйством, должны «обеспечивать каждому свободное пользование поземельной собственностью».

Надо признать, что Екатерина оценивала дворянство гораздо реальнее, чем Голицын. В конце его письма она делает пометку: «Искренней любви к человечеству, усердия и благой воли недостаточно для осуществления великих предположений. Голицыну и ему подобным легко и дешево стоит великодушничать. Им ничего не стоит даровать своим крестьянам право собственности на земли, но богатые землесобственники, у которых крестьян многие тысячи, будут мыслить и заговорят иное»². Это было верно не только в отношении крупных земельных собственников, но и, как увидим дальше, в отношении самого Голицына, когда дело коснулось его интересов как земельного собственника.

В дальнейшем Голицын ещё более твёрдо говорил о необходимости *постепенной* отмены крепостного состояния, так

¹ См. «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», том II, стр. 33, 34.

² См. там же, стр. 36.

как «в деле управления нет ничего опаснее и даже гибельнее, как перейти от одной крайности в другую». Да и рабы, внезапно получив свободу, «не воспользуются ею для упрочения своего благосостояния, и большая часть из них предается праздности».

Вместе с тем Голицын отказывался от своей первоначальной постановки вопроса о собственности крестьян на землю. По новому проекту Голицына, крестьяне должны были наряду с отменой личной зависимости получить в собственность лишь движимое имущество, коим они владели. «Итак, право собственности на движимое имущество — вот что необходимо в настоящее время», а в дальнейшем императрица сама «хорошо поймет, когда настанет время для дарования им полной собственности». Да и эта мера должна была пока относиться «только к крестьянам в доменах (имениях. — *И. Б.*) императрицы»¹.

Прав В. И. Семевский, говоря, что дворцовые крестьяне, у которых уже тогда барщина повсеместно сменилась оброком в том же размере, как и у государственных крестьян, при значительных земельных наделах и возможности отчуждения и наследования движимого имущества, не нуждались в предложенной Голицыным реформе².

Голицын был убеждён, что помещики не замедлят последовать примеру Екатерины II, а «остальное устроится само собой под влиянием тех выгод и хороших результатов, которые каждый ощутит»³. После же того как вице-канцлер А. М. Голицын предложил Д. А. Голицыну уничтожить крепостнические отношения в его вотчине, Д. А. Голицын отрицал даже, что он когда-либо желал уступки крестьянам «тех земель, которые они ныне обрабатывают». Он заявлял, что ему «никогда не приходила в голову подобная нелепость», что «земли принадлежат нам» и потому было бы «вопиющей несправедливостью» отнять земли у помещиков. И далее Голицын разъясняет, что он разумел под дарованием крестьянам собственности: «1) освобождение, т. е. право собственности на свою личность, без которой немислимы все другие виды собственности, 2) право собственности на движимое имущество, т. е. пожитки и проч., 3) дозволение тем, кто имеет средства, покупать земли...»⁴.

Таким образом Голицын пришёл к окончательному выводу, которому оставался верен до конца своей жизни: крестьянам

¹ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114, письма от 12 января и 16 марта 1766 г.

² См. В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, 1888, стр. 28.

³ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1114, письмо от 16 марта 1766 г.

⁴ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1118, письмо от 30 сентября 1770 г.; см. также «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. II, стр. 42—45.

должны быть предоставлены личная свобода и право собственности на движимое имущество. Земля же должна остаться в дворянско-помещичьей собственности. Зажиточные крестьяне могут пользоваться ею в порядке аренды, а самые богатые — покупать.

При этом Голицын предусматривал наиболее выгодные для помещиков и наиболее тяжёлые для крестьянства формы перехода в такое состояние. Он, присоединяясь к мнению своего дяди князя Гагарина, предлагал личное освобождение крестьян на условиях высокого выкупа: за каждую душу 200 рублей помещику и 50 рублей казне и, вдобавок, без рассрочки.

Голицын прекрасно сознавал выгодность осуществления своего проекта для дворянства и для казны феодально-абсолютистского государства. «Теперь крестьяне платят помещикам средним числом по 2 руб. с души; между тем, получив 200 руб. выкупа, господин будет иметь, считая по 5%, 10 руб. дохода с души, а кроме того у него останется еще земля...». Такое освобождение «выгодно и для казны, которая будет получать 2½ руб. вместо 75 коп.»¹.

Итак, освобождение на началах исключительно высокого, непосильного по сумме и, вдобавок, без всякой рассрочки выкупа личности крестьянина, — вот что предлагал Голицын. У помещика окажется сумма, полученная за выкуп личности крестьянина, и земля. А крестьянин, оставшийся без земли да ещё после выкупа личности в долгах, вынужден будет арендовать помещичью землю. Таким образом помещику, получившему одновременно сумму за выкуп личности крестьянина, обеспечивался ещё текущий доход в виде арендной платы.

Вместе с тем Голицын предусматривал приобретение крестьянами земельной собственности путём покупки земель у помещиков. Он говорит о дозволении «тем, кто имеет средства, покупать земли на своё собственное имя и владеть ими так же, как владеют господа, что со временем и составило бы их поземельную собственность»².

Голицын намечал, таким образом, выделение из среды крестьянства, вернее, из той части крестьян, которые уже выкупались на волю, крестьян-арендаторов и крестьян-собственников земли. Он понимал, что богатые крестьяне, имевшие средства для выкупа на волю, на аренду и тем более на покупку земли, будут применять труд своих односельчан. И Голицын ставил даже вопрос: не будет ли положение последних хуже, чем

¹ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1120, письмо от 19 июля 1771 г.

² ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1118, письмо от 30 сентября 1770 г.; см. также «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. II, стр. 44. Та же мысль высказана и в письме от 19 июля 1771 г. (ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1120).

работающих в помещичьем хозяйстве. На этот вопрос он дал отрицательный ответ. Ибо, по его мнению, работа у богатых крестьян основывается на вольном найме ими «своих прежних братьев», которые «вольны работать или не работать у них; если они дурно обращаются со своими работниками, те могут пойти к другим»¹. Голицын понимал, что аренда и приобретение земли крестьянами неизбежно вызовут рост применения наёмного труда в деревне. А это объективно означает развитие расслоения крестьянства, рост капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Голицын, однако, не усматривал в аренде и приобретении земли небольшой частью крестьянства угрозы господству помещичьей собственности. Более того, Голицын считал, что распространение таких отношений будет содействовать укреплению экономического и политического господства дворянско-помещичьего класса.

Задачей сочинения Голицына «О духе экономистов» было доказать, что идеи физиократизма, сторонником которого он объявлял себя, не вдохновляли экономическую политику французской буржуазной революции, а, напротив, являются защитой и опорой феодального строя.

В своей книге Голицын призывал государей Европы бороться против «беспорядка и анархии», охвативших Францию, где «глупый народ... в опьянении и ярости» усвоил «наиболее отвратительный и варварский кодекс». Уничтожение этого кодекса означает, говорит Голицын, обращаясь к европейским государям, «сохранение корон на главах ваших». А эти короны, добавлял он, «уже шатаются, не забывают этого»².

Предотвратить революцию нельзя, полагал Голицын, без правильной экономической политики, опирающейся на верную экономическую теорию. Такая экономическая политика дана, по его мнению, в учении первых физиократов, к которым он относил Кенэ, Мирабо (отца), Мерсье де ла Ривьера и «возродившего физиократизм» Тюрго, а не тех их учеников, литературная и общественно-политическая деятельность которых протекала в эпоху революции 1789—1794 гг. Эти эпигоны, по мнению Голицына, «усвоили жаргон первых экономистов, но не их честность и поведение»³. Он обвинял физиократов периода революции за их утверждение, что принципы «системы экономистов» лежат в основе экономической политики буржуазной революции.

И Голицын ставил себе задачей показать, что, наоборот, экономическая теория и политика физиократизма — лучшая

¹ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1120, письмо от 19 июля 1771 г.

² «De l'esprit des économistes...», p. 21.

³ Ibid., p. 8.

опора существующего феодального порядка и надёжная защита против революции.

Объявив себя сторонником физиократизма, Голицын рассматривал эту систему как защиту устоев феодализма, под которыми он разумеет «алтарь, трон, собственность, одним словом, принципы наиболее осмысленные, идеи наиболее справедливые, наилучше всеми воспринимаемые». Эти идеи, говорил он, во время революции «были опрокинуты и заменены химерами и крайностями, из которых излюбленными были неограниченная свобода, а также совершенное и абсолютное равенство»¹. Но это случилось, по мнению Голицына, не по вине системы физиократов в лице её основоположников, а по вине учеников², которые сохранили «в действительности лишь название первоначального научного построения»³.

Писатели и деятели французской буржуазной революции, являвшиеся учениками основоположников физиократизма, и среди них особенно Дюпон де Немур, были физиократами не номинально, как утверждал Голицын. Они делали из этой системы революционные выводы, которых не сделали её основоположники, первые физиократы. Это понимали их реакционные и консервативные современники, в том числе Екатерина II, считавшая физиократов «сектой вредной государству», а после французской революции называвшая их чертями и крикунами.

Для Голицына — полномочного министра и посла Екатерины II, всю жизнь объявлявшего себя физиократом, — после буржуазной революции во Франции возникла необходимость оправдать физиократизм, а заодно и себя самого, от обвинения в том, что экономическая политика французской буржуазной революции была связана с идеями физиократов. Таков был смысл высказываний дворянского идеолога Голицына о французской буржуазной революции и её экономической идеологии.

* *
*

Экономические взгляды Голицына значительно отличались от взглядов представителей консервативного и реакционного течения русской экономической мысли второй половины XVIII в. — Сумарокова, Щербатова и др. В отличие от последних, Голицын

¹ «De l'esprit des économistes...», p. 20—21.

² Физиократами были такие писатели и деятели буржуазной революции во Франции в конце XVIII века, как Кондорсе, Мирабо (младший) и Дюпон де Немур. Их, повидимому, имел в виду Голицын, говоря об учениках и эпигонах «первых экономистов».

³ «De l'esprit des économistes...», p. 7.

выдвигал предложения, которые объективно должны были способствовать развитию буржуазного уклада. Голицын выступал за некоторые уступки крестьянству в интересах своего, дворянско-помещичьего класса-сословия, для сохранения его политического и экономического господства. Позиция Голицына была дворянско-либеральной.

Мысли Голицына об отмене крепостного права и предоставлении крестьянам права собственности, высказывавшиеся им в переписке 60-х годов, повидимому, оказали влияние на объявленный Екатериной II в 1766 г. через только что учреждённое Вольное экономическое общество в Петербурге конкурс на тему «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?».

Развивавшаяся Голицыным идея безземельного освобождения крестьян нашла место, — хотя остаётся неизвестным, было ли это под его непосредственным влиянием, — и в «проекте прав благородных», составленном одной из частных комиссий Комиссии об Уложении созыва 1767 г.

Система экономических воззрений Голицына содержала в себе ряд противоречий. Теоретическое обоснование главного, по его мнению, пути развития — аренды земли у помещиков богатыми крестьянами — он искал в физиократизме, отстаивавшем развитие аренды капиталистического типа. И в то же время, когда на конкурс Вольного экономического общества в 1767 г. поступило сочинение Беарде де л'Абея¹, получившее первую премию, Голицын обнаружил совпадение его взглядов со своими.

Между тем Беарде де л'Абей (1704—1771 гг.) — французский экономист и агроном — выступал против идей Кенэ и Тюрго. В противовес развитию фермерского, т. е. капиталистического, хозяйства, которое отстаивали физиократы, он превозносил выгоды предоставления земледельцам (за высокую выкупную плату) воли и «мелкой собственности». Последняя привязывает выкупившегося на волю крестьянина к клочку земли, недостаточному для прокормления его и семьи, и потому неизбежно ставит крестьянина в полную экономическую зависимость от помещика. Крестьяне в этих условиях вынуждены будут арендовать по кабально высоким ценам мелкие участки помещичьей земли. «Никогда не вздумают они бежать, сколь скоро прельщаемы будут хотя малою собственностью... — писал Беарде де л'Абей. — Богатые, не утруждая себя всегдашним надзирательством, получают исправно и порядочно свои доходы.

¹ Перевод его сочинения помещён в «Трудах Вольного экономического общества», ч. VIII, 1768, стр. 1—59.

Удовольствие видеть следующую везде за вами собачку... может ли сравняемо быть с тягостным трудом водить медведя?»¹

В такой откровенно циничной форме, весьма импонировавшей некоторым русским аристократам — заправилам Вольного экономического общества, пропагандировал Беарде де л'Абей свои давнишние экономико-политические идеи — мелкой крестьянской собственности на землю и кабальной крестьянской аренды; причём и то и другое он мыслил осуществить с величайшей постепенностью, в длинном ряду поколений. И об этом противнике физиократизма Голицын, объявлявший себя физиократом, писал, что «его идеи совершенно сходны с моими»².

Голицын, как мы видели, не понимал до конца смысла «единого налога», его роли в частичном изъятии земельной ренты, а потому и в частичной конфискации феодальной земельной собственности. Его стремление интерпретировать физиократизм как опору алтаря, трона, собственности и отрицать связь экономической и политической идеологии буржуазной революции с идеями физиократизма говорит о непоследовательности и внутренней противоречивости взглядов самого Голицына.

Непоследовательность и внутренняя противоречивость идеологии Голицына объяснялись тем, что он, отражая развитие буржуазных отношений в рамках феодально-крепостнического строя, стремился дать простор этому развитию и вместе с тем направить его в интересах своего помещичьего класса. Но и в таком непоследовательном и внутренне противоречивом виде физиократизм в России был представлен лишь в лице Д. А. Голицына.

В России физиократизма как течения экономической мысли не было, ибо отсутствовали предпосылки для его развития.

Во Франции XVIII в. физиократизм возник в обстановке начавшего формироваться в некоторых районах (Нормандия, Пикардия, Иль-де-Франс и др.) фермерства — капиталистической аренды.

В России не было даже ростков фермерства. Сельское хозяйство было феодально-крепостническим. Господство феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве устраняло возможность развития физиократизма как течения русской экономической мысли.

Экономические идеи, развивавшиеся Голицыным, объективно были направлены против крепостного строя, к содействию развитию, хотя и ограниченному, буржуазных отношений.

¹ «Труды Вольного экономического общества», ч. VIII, 1768, стр. 51—52.

² ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1116, письмо от 30 июля 1768 г.

Поэтому, хотя экономические проекты Голицына предлагались им в интересах дворян-помещиков, его экономические воззрения объективно, в условиях феодально-крепостнического хозяйства России того времени, были в значительной мере прогрессивными.

А. Я. Поленов о крепостном состоянии крестьян в России

Алексей Яковлевич Поленов (1738—1816 гг.) родился в Москве, в дворянской семье, был сыном военного¹. По окончании гимназии при Академии наук в Петербурге он поступил в Петербургский университет, находившийся в то время тоже при Академии наук. В 1762 г. Академия наук отправила Поленова за границу для обучения юриспруденции в Страсбургском университете.

По возвращении в 1767 г. в Петербург Поленов был зачислен в Академию наук в качестве переводчика. В том же году он в ответ на объявленную Вольным экономическим обществом конкурсную задачу подал сочинение о крепостном состоянии крестьян в России. Очевидно, результатом этого было то, что Поленов — образованный юрист — не был привлечён к работам Комиссии о сочинении проекта нового Уложения и оставался переводчиком.

В 1768 г. Поленов (вместе с Башиловым) издал вторую часть «Никоновской летописи». Работа переводчика тяготила Поленова, и он просил, чтобы ему «дозволено было искать места в такой команде, где отправляются собственно до юриспруденции касающиеся дела»². В 1771 г. Поленов перешёл на работу в Сенат, где он впоследствии получил должность обер-секретаря. В 1793 г. он покинул Сенат и стал советником Заёмного банка. С 1796 г. Поленов работал в Комиссии о составлении законов Российской империи. В 1800 г. он вышел в отставку.

* *

*

Крепостной строй, поддерживаемый царским законодательством, возмущал студента Поленова. Он начинал понимать, что действующие в России законы не только не способствуют экономическому, политическому и культурному прогрессу страны, а, наоборот, препятствуют прогрессивному её развитию. И у По-

¹ Наиболее полно биография А. Я. Поленова дана в работе его внука — известного историка и юриста Д. В. Поленова — «А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века», «Русский архив», 1865, стр. 445—470 и 704—736.

² Архив АН СССР, ф. 3, № 14, «В учрежденную при императорской Академии наук Комиссию покорнейшее прошение переводчика Алексея Поленова от 6 апреля 1771 г.».

лепова возникла мысль о необходимости изменения законов российских: «Разбираю я указы и уложения и кроме беспорядка, замешательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я заметил столь знатные в наших правах погрешности, что оные могут иногда нанести великий вред и государю и народу; однако, несмотря на все сие, труд и благообразие все преодолеть могут»¹.

Для решения мучивших его общественно-политических вопросов Поленов обращался к философии, юриспруденции, политической экономии².

Определяя основную задачу научного познания, Поленов, как все просветители XVIII в., подчёркивал значение науки для общественной практики, для благополучия людей: «Науки вообще упражняются в исследовании истины, дабы нам открыть прямой путь к приобретению постоянного благополучия»³.

Из-за границы Поленов возвратился не только с дипломом юриста, но и с обширными философскими, историческими и экономическими знаниями, которые складывались под влиянием материализма в философии, естественного права в юриспруденции, физиократической школы политической экономии.

Общественно-политические устремления Поленова отражали противоречия общественной жизни России и задачи их разрешения. Это сказалось в его ответе на объявленную в 1766 г. Вольным экономическим обществом конкурсную задачу: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?».

В то время как Екатерина II и Вольное экономическое общество ограничили постановкой вопроса об *имущественных правах* крестьян⁴, Поленов говорил о крепостном их состоянии вообще, о *крепостном строе*.

В своём ответе⁵ Поленов делил крестьян России на группы на основании того: «1) Кому они принадлежат, и от того называются государственными, дворцовыми, господскими». 2) Находятся ли они в личной, крепостной зависимости или нет. 3) Имеет ли кто землю или нет, чего для называются пахотными

¹ Письмо А. Поленова 13 сентября 1765 г., «Русский архив», 1865, стр. 467—468.

² См. Архив АН СССР, ф. 3, № 14, Письмо Алексея Поленова от 20 апреля 1764 г.

³ Из «Предуведомления» Поленова к его переводу сочинения «Разсуждение о причинах установления или уничтожения законов», Спб. 1769.

⁴ См. главы пятнадцатую и шестнадцатую.

⁵ Ответ Поленова опубликован впервые в «Русском архиве» за 1865 г. под названием «О крепостном состоянии крестьян в России» (стр. 287—316).

и бобылями». При этом Поленов отмечал, что состояние всех крестьян в России имеет одну общую характерную черту — неволю. «Состояние наших крестьян... равно, и они вообще, как сами в себе, так и в своем имении не вольны»¹. Поленов ставил вопрос о влиянии крепостного состояния на отношения собственности. Он пытался «рассмотреть, поскольку может быть вредительна или полезна неволя, которой подвержено наше крестьянство в рассуждении имения». Своё исследование он начал с установления естественных, по его мнению, «преимуществ собственности».

Такая постановка вопроса характерна для передового идеолога XVIII в. Развитие буржуазных отношений привело к тому, что в XVIII в. «...одним из самых существенных прав человека провозглашена была — буржуазная собственность»².

Предоставление крестьянину права собственности на «свое имение» должно привести, по мнению Поленова, к тому, что крестьянин будет «располагать и употреблять оное, смотря по своим выгодам». Крестьянин начнёт тогда заботиться о своём здоровье, о «приумножении семьи» и о «приличном воспитании» детей. В результате помещик будет исправно получать оброк. Население городов тоже выиграет, так как вследствие «крестьянского трудолюбия» возрастёт масса съестных припасов и сырья для промышленности и поэтому понизится цена на них. Всё это будет иметь следствием, полагал Поленов, рост народного благосостояния, а потому и государственных доходов. «От владеющего собственным имением крестьянства все государство будет чувствовать великое облегчение: доходы его несравненно возрастут»³.

Крестьянину, обладающему правом собственности, Поленов противопоставлял «печальный предмет» — крестьян, лишённых права собственности и потому не представляющих «ничего больше, кроме живых изображений лености, нерадения, недоверия, боязни...» Такое положение совершенно неизбежно, ибо лишённый собственности крестьянин «наперед знает, что от своих трудов никакой пользы, кроме опасности, истязания и насильствия, не получит»⁴.

Наконец, в защиту своего требования предоставить крестьянам право собственности Поленов приводил аргумент, взывав-

¹ А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. II, Госполитиздат, 1952, стр. 7—8.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 17.

³ А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. II, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 10.

ний к чувству самосохранения господствующих классов. Этот аргумент был выдвинут вновь почти через столетие в связи с проведением реформы 1861 г. Поленов указывал на политическую опасность, которую представляет для государства наличие в нём массы людей, не имеющих собственности: «человек, не имеющий никаких выгод, которые б могли его возбуждать к сохранению такого общества, где он ничего не составляет и всегда страдает, должен мало иметь к нему горячности; он знает, что какая б в нем перемена ни случилась, то ему потерять нечего»¹.

Поленов отмечал, что «такие люди, не видя конца своим бедствиям, приходят в отчаяние и приступают к опасной для каждого общества крайности». И Поленов рекомендовал во избежание «крайности», т. е. восстаний, революции, пойти на уступки крестьянству. Поленов советовал предоставить крестьянам право собственности.

Доказывая преимущества собственности, Поленов ставил вопрос, каким же образом большинство людей оказалось лишённым этих преимуществ.

Ответ на этот вопрос Поленов даёт в специальной главе — «О происхождении рабского состояния». Отвергая идеалистическую теорию «общественного договора» Ж. Ж. Руссо, Поленов солидаризировался с А. Р. Тюрго, считавшим появление рабовладельческих и вообще зависимых отношений результатом насилия, «продуктами войн»². Поленов пришёл к выводу, что происхождение крестьянства как зависимого, угнетённого класса «должно приписывать насильствию». Основное место в этом насилии он отводил войнам: «Война... причиною сего бедственного состояния, в котором такое множество нам подобных страдает»³.

Меньшую роль, чем насилию, отводил Поленов «добровольному» закабалению, отдаче себя в кабалу. При этом он, однако, не видел экономических причин закабаления.

Крепостное состояние крестьян, по мнению Поленова, противоречит естественному праву: «Естественное право... причины подобных установлений в себе не заключает; чтоб люди сами от себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жестокому жребию, также поверить не можно,

¹ А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. II, стр. 11.

² А. Р. Тюрго, Рассуждение о всеобщей истории, Избранные философские произведения, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 85.

³ А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. II, стр. 12.

рассуждая особенно по врожденной в человека к приобретению благополучия склонности и по непреодолеваемому стремлению к вольности»¹.

Намечая выход из создавшегося положения, Поленов говорил, что прежде всего необходимо исправить самих крестьян путём их воспитания и вообще соблюсти ряд предосторожностей.

В XVIII столетии мыслители различных направлений — Вольтер и Руссо, Монтескьё и Морелли, Гольбах и Гельвеций — придавали огромное значение воспитанию. Отсюда вывод философов XVIII в., что воспитание должно предшествовать реформе общественных отношений, воспитание должно быть необходимой предпосылкой такой реформы.

Материалистическое крыло французской философии XVIII в., рассматривая человека как «продукт среды», считало, что среда формирует человека. При этом материалисты в отличие от Монтескьё понимали под средой не только географическую, но в первую очередь общественную среду: «Не от природы, а от различия в государственном устройстве зависит любовь или же равнодушие различных народов к добродетели»². Поэтому Гельвеций под воспитанием понимал воздействие общественной среды на человека. Гельвеций, указывает Маркс, под воспитанием «...понимает не только воспитание в обычном смысле этого слова, но и совокупность всех условий жизни индивидуума...»³.

Поленов в этом важнейшем теоретическом вопросе разделял более правильную, приближающуюся к материалистическому пониманию позицию Гельвеция. В предисловии к своему переводу сочинения Монтескьё Поленов, отдавая должное Монтескьё, призывал критически относиться к нему. Он прямо присоединялся к взглядам Гельвеция, которые, по его мнению, заслуживают величайшей похвалы, «опровергая Монтескиево учение о различном положении стран и о происходящем от того различии в правлении, вере и нравах народов»⁴.

Таким образом, Поленов разделял учение Гельвеция о формировании человека под решающим влиянием общественной среды, а не географической, как учил Монтескьё.

¹ А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. II, стр. 11.

² К. А. Гельвеций, Об уме, Соцэкиз, М. 1938, стр. 215.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство, или критика «критической критики». Против Бруно Бауэра и К^о, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 162.

⁴ «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка, с французского переведенныя переводчиком Алексеем Поленовым в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук, 1769 года». Предисловие переводчика.

Французские материалисты считали, что если изменение законов имеет предпосылкой воспитание, то в свою очередь законы определяют нравы людей. «Если законы хороши, то и нравы хороши, если законы дурны, то и нравы дурны...»¹, — писал Дидро, не замечая сам порочного круга, в который он попал. Положение «человек — продукт среды» принимало такой вид: взгляды человека — продукт среды, которая сама — продукт взглядов человека². В конечном же итоге французская философская мысль XVIII в. пришла к выводу, что идеи управляют общественной жизнью³.

В тот же порочный круг попал и Поленов, развивая свои общественно-политические взгляды. Вместе с французскими материалистами того времени он отводил идеям в конечном итоге роль главенствующего фактора общественного развития.

Поленов придавал воспитанию решающее значение в «общенародном нравов исправлении», в «народном благополучии». «Почти невероятно кажется, — говорил он, — сколь много воспитание способствует к благополучию каждого общества, и для того оно первое место здесь занять должно»⁴.

Поленов считал, что «простой народ» обыкновенно бывает подвержен «великим порокам», среди которых он называет «невежество, суеверие, невоздержание, леность, легкомыслие». Однако Поленов верил в спасительную силу воспитания, при помощи которого «можно преобразить всякого человека, какого бы он состояния ни был». Поленов рекомендовал в каждой деревне учредить школу и завести в больших деревнях лекарей, которые бы держали и аптеку.

Однако он понимал, что в «исправлении крестьян» воспитание, просвещение не могут играть значительной роли, пока крестьяне остаются лишёнными «соединенных с человечеством прав». Поэтому решающее значение для «исправления крестьян» имеет предоставление им «прав человечества». Лишь тогда крестьянин, «возвратив свои силы, вскоре переродится»⁵.

Таким образом, Поленов впал в противоречие с тем девизом, под которым он прислал свой ответ. Девиз гласил, что «добрые нравы ценнее хороших законов». А в своём рассуждении Поленов пришёл к выводу, что «добрые нравы» невозможны без

¹ Д. Дидро, Добавление к «Путешествию» Бугенвилля, Собрание сочинений, т. II, Academia, М.—Л. 1935, стр. 74.

² См. «История философии», т. II, Госполитиздат, 1941, стр. 421.

³ Давая материалистическое объяснение явлениям природы, французские материалисты XVIII в. в объяснении общественной жизни были идеалистами.

⁴ А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. II, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 15.

хороших законов. Поэтому, несмотря на свой девиз и вопреки ему, главное внимание в своём ответе Поленов уделил рассмотрению вопроса о предоставлении крестьянам права собственности.

Вместе с французскими материалистами Поленов включал в право собственности все «естественные права» человека. Право собственности, по определению Гельвеция, охватывает всё: «мою личность, мои мысли, мою жизнь, мою свободу, мое имущество»¹.

Прежде всего Поленов говорит о необходимости самостоятельного решения этого вопроса для России, так как «примеры с других брать здесь не нужно, но единственно должно утверждаться на здравом рассуждении и на правилах человеколюбия...». Самостоятельное решение поставленного вопроса необходимо ввиду особых условий развития каждой страны: «всякое государство имеет свое особенное составление, погрешности и превосходства; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учреждения какого государства можно было с пользою приложить к другому»².

В главе «О собственности в недвижимом имении» Поленов отмечал, что надо думать не только о «собственной крестьянина пользе, но и всех тех, кои в сей перемене необходимо имеют принять участие», т. е. также и о выгоде помещиков. Крестьянин «будет свободно пользоваться дозволенными ему выгодами». Но и «дворянство, по ограничении самовольства, никакого вреда не претерпит»³. Правда, говорил Поленов, с первого взгляда может показаться, что такая уступка со стороны дворян подрывает правовые основы их господства. Но это, по мнению Поленова, является заблуждением, так как дворяне сохраняют ряд прав, в том числе права собственности на места охоты, рыбной ловли, на леса и др.

Для правильной оценки этого заявления нужно иметь в виду, что мыслители XVIII столетия говорили, и говорили искренне, что их «проекты» отвечают интересам всех классов общества, всего общества в целом. Да и обращались они со своими проектами к господствующим классам и потому должны были взывать к интересам этих классов. Поленов обращался к Вольному экономическому обществу, организации дворян-помещиков, стараясь их убедить в том, что его проект не нарушает интересов дворянства.

¹ К. А. Гельвеций, О человеке, его умственных способностях и его воспитании, Соцэкгиз, М. 1938, стр. 414.

² А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. II, стр. 22.

³ Там же, стр. 26.

Но побудительным мотивом поленовского проекта было улучшение положения крестьян, что и сказалось при решении такого важного вопроса, как вопрос о величине земельного надела. Отвечая на этот вопрос, Поленов писал, что «каждый крестьянин должен иметь довольно земли для сеяния хлеба и паствы скота и владеть оною наследственным образом так, чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом, или совсем оную отнимать...»¹. Поленов отстаивал условия, ослаблявшие экономическую зависимость крестьян от помещиков.

Однако над ним, защищавшим условия, объективно способствовавшие буржуазному развитию, всё же в значительной мере тяготели представления феодального права. Поленов облекал некоторые свои требования, содействовавшие развитию буржуазных отношений, в феодальную форму.

Поленов не дошёл до мысли о предоставлении крестьянам буржуазного права собственности на землю, а говорил лишь о «собственности в землях с надлежащим ограничением», т. е. о феодальном владении. Крестьянину не разрешается продавать, дарить, закладывать землю, но она остаётся в его владении с правом передачи по наследству, «пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности»; в противном случае помещик может в наказание забрать у провинившегося крестьянина надел и передать его другому.

Однако и здесь Поленов стремится оградить крестьянина от помещичьего произвола, требуя судебного разрешения вопроса. «Прежде нежели помещик может сие сделать, то дело должно быть рассмотрено в приличном суде»², — говорил Поленов, наивно полагавший, что «крестьянские суды» под руководством помещиков могут быть справедливыми. Он не понимал, что любая судебная организация в условиях феодализма не только не обеспечивает законность и защиту интересов крестьян, но будет направлена против них.

Если в отношении «недвижимого имущества» Поленов отстаивал для крестьян наследственное владение, то в отношении собственности на движимое имущество он высказывался за предоставление этого права крестьянам. Поленов, однако, считал, что за «уступление» крестьянам права собственности на движимое имущество придётся установить нечто вроде выкупных платежей, которые составят значительную сумму. При этом условия помещики бесспорно должны, по его мнению, пойти на

¹ А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. II, стр. 22.

² Там же.

уступку крестьянам права собственности на движимое имущество. «... Довольно, ежели крестьянин, — замечал Поленов, — в знак своей благодарности платит ежегодно своему господину уложенную долю, что, исчислив, бесконечно больше составит, нежели что ему дано...»¹. Таким образом, Поленов, отстаивавший право собственности крестьян на движимое имущество, всё же считал, что оно получено ими от помещика, которому крестьяне будут выжлачивать несоразмерно большую сравнительно со стоимостью этого имущества выкупную сумму.

Кроме того, Поленов предлагал сохранить нечто вроде отработок, правда, в очень ограниченном размере: «Требуемые от крестьян в пользу господина службы можно учредить таким образом, чтоб крестьянин один день работал на своего господина, а в протчие на себя»². Таким образом, по проекту Поленова крестьянин всё время, за исключением одного дня в неделю, будет работать в своём хозяйстве, что приведёт к развитию не только его главного, земледельческого производства, но и крестьянских промыслов.

Крестьянское хозяйство, по мнению Поленова, следует облагать лишь по его основной, земледельческой продукции. Проектируя подать в размере «десятой или другой какой части со всех от земледелия происходящих плодов»³, Поленов стремился облегчить податное бремя, лежавшее на крестьянстве. Вместе с тем обложение лишь земледельческого производства объективно содействовало бы развитию крестьянских промыслов, являвшихся тогда в большей мере, чем земледелие, основой для развития капиталистических отношений в деревне.

Поленов был очень обеспокоен тягой земледельческого населения в город, отливом рабочих рук из земледелия, которое он вместе с физиократами рассматривал как «самое нужное, самое прибыточное для всякого общества богатство». С другой стороны, он обращал внимание и на то, что «у нас нет среднего состояния (т. е. свободного городского населения, мещанства. — *И. Б.*), и по выслании из городов крестьян могут оказаться великие недостатки»⁴. Рецепт Поленова сводился к регулированию отлива сельского населения в город. Он рекомендовал «дозволить богатым крестьянам записываться в мещанство, не просто, но с некоторыми договорами, дабы воспрепятствовать конечное запустение деревень»⁵.

¹ А. Я. Поленов, О крепостном состоянии крестьян в России, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. II, стр. 25.

² Там же, стр. 26.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ Там же, стр. 29.

Содержание поленовского проекта достаточно скромное. Поленов, как и другие передовые мыслители его времени, боялся не только революции, но и вообще опасался крутых перемен. Он призывал поэтому к постепенному осуществлению своего проекта. Поленов подчёркивал, что его проект наилучшим образом обеспечивает интересы и крестьян и помещиков. Ставя осуществление своего проекта в зависимость от мнения дворян-помещиков, Поленов считал, что не следует принуждать их к проведению этой реформы. Он верил, что дворяне сами добровольно пойдут на проведение социальных реформ, если только доказать, что эти реформы не нанесут им ущерба и даже обещают некоторую выгоду.

Свою реформу Поленов предлагал осуществить сначала в отношении дворцовых и государственных крестьян, «из которых награждать сими выгодами только рачительных и добрых крестьян, а ленивых и злонаправных до сих преимуществ не допускать». Это будет иметь значение, по его мнению, как пример для дворянства. И тогда дворянство, убеждённое логическими доводами и практическим показом, добровольно пойдёт, по мнению Поленова, на осуществление его проекта.

* *
*

Во взглядах Поленова нужно различать две стороны: силу и страстность критики им господствовавших социально-экономических порядков, изобличения вредности, зла крепостничества и в то же время слабость практической стороны его сочинения, робость его проекта.

Но при всей умеренности этих предложений, при всём стремлении Поленова доказать выгодность их для помещиков, осуществление его предложений объективно должно было способствовать созданию условий для развития буржуазных отношений. Проект Поленова был направлен к облегчению правового и улучшению экономического положения крестьянства, составлявшего наиболее многочисленную часть населения России.

Это повидимому поняло дворянское Вольное экономическое общество. Премировав «пису» Поленова, Вольное экономическое общество решило, однако, её не печатать, ибо сочинение Поленова содержало «над меру сильные и по здешнему состоянию неприличные выражения»¹, т. е. критику крепостничества.

Плеханов отмечает, что «Поленов в значительной степени покинул дворянскую точку зрения». Развитие идей Поленова,

¹ «Русский архив», 1865, стр. 730.

говорит Плеханов, легко могло довести «до таких выводов, от которых затрепал бы весь наш тогдашний общественный порядок»¹. Очевидно, по этой причине сочинение Поленова не было напечатано Вольным экономическим обществом и увидело свет почти сто лет спустя.

Вскрывая сущность и значение идей Поленова, мы видим в его лице одного из первых представителей того направления русской экономической мысли, которое уже критически относилось к крепостному строю и отстаивало создание условий, объективно открывавших возможность для некоторого развития буржуазных отношений в феодальном хозяйстве. Однако предложенные Поленовым практические мероприятия оказались значительно более умеренными и робкими, чем развитая им критика крепостного строя.

Экономические воззрения философа-просветителя Я. П. Козельского

В научной литературе, дореволюционной и советской, господствовало мнение, что философ-просветитель Яков Павлович Козельский и депутат Комиссии об Уложении Яков Павлович Козельский — одно и то же лицо². Противоположное мнение, впервые высказанное в дореволюционной литературе, нашло недавно подтверждение³.

Сличение подписей Козельского-философа и Козельского-депутата (сделанное автором данной главы) явилось уже прямым доказательством того, что это разные лица⁴.

* *
*

Яков Павлович Козельский — замечательный мыслитель, философ-просветитель, учёный-энциклопедист и писатель —

¹ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 262.

² Автор данной главы ранее также придерживался этого мнения.

³ См. В. Л. Модзалевский, Малороссийский родословник, ч. II, Киев 1910, стр. 390—392; Ю. Я. Коган, Свободомыслие Я. П. Козельского, «Вопросы истории религии и атеизма», АН СССР, М. 1950, стр. 167—169.

⁴ См. подписи Я. П. Козельского-философа на листе «клятвенного обещания» чиновников Сената Екатерине II в 1770 г. (хранящемся в Центральном государственном архиве древних актов, ф. Сената 268, д. 3858, л. 263) и Я. П. Козельского-депутата под присягой депутатов Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, созданной в 1767 г. (в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, ф. 1258, д. 110, ч. 1, л. 161).

родился около 1728 г.¹ в семье украинского дворянина, наказного сотника Полтавского полка. Козельский обучался в гимназии и университете при Академии наук в Петербурге; преподавал в «Артиллерийском и Инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества». В 1764 г. он выпустил «Арифметические предложения» и «Механические предложения». Это были оригинальные научные исследования, предназначенные вместе с тем для учебных целей.

Однако в центре интересов Козельского были общественные вопросы. Он был возмущён политическим и экономическим гнётом, господствовавшим в феодально-абсолютистской России, тяжёлым материальным положением и бесправием масс народа, творческие силы которого сковывал и подавлял крепостной строй. Ища ответа на волновавшие его общественно-политические вопросы, Козельский обращался к литературе, истории, философии.

В 1764 г. он перевёл трагедию Отвэя «Возмущение против Венеции», изображавшую в сочувственных тонах восстание свободолюбивых венецианцев против сената.

В 1765 г. Козельский перевёл книгу Шофина «История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах». В предисловии к переводу он говорил, что далеко не всегда действительно велики те дела, которые «названы от историков великими». Козельский считал великими лишь те дела, которые ведут к общему благополучию. С этой точки зрения он противопоставлял Александра Македонского, «неправедно наименованного великим... который объявил себя неприятелем всего света», Петру I, который был действительно велик, ибо «не удовольствовался тем, чтоб укрепить свое государство наружною крепостию, то есть искусством военным, а постарался притом подать России внутреннюю крепость и силу...».

В 1765—1766 гг. Козельский издал сокращённый перевод «Истории Датской» Голберга в двух томах. Свой перевод Козельский сопровождал рядом примечаний. Эти примечания, представляющие собой политическую оценку исторических деятелей и событий, по своему характеру близки тем примечаниям, которые через 8 лет дал Радищев к переводу «Размышлений о греческой истории» Мабли. Козельский изобличал Голберга в искажении исторических фактов, в неправильной их трактовке. Козельский дал ряд уничтожающих характеристик тиранам,

¹ В литературе называлась и другая дата рождения Я. П. Козельского — 1735 год (В. Л. Модзалевский, Малороссийский родословник, т. II, Киев 1910, стр. 390; «Новый энциклопедический словарь», т. XXII, стр. 98). Между тем сам Козельский в «Философических предложениях», вышедших в 1768 г., пишет, что тогда ему было «близ сорока лет»; значит он родился около 1728 г.

монархам, не заботящимся о благе подданных, а помышляющим лишь о войнах.

В 1766 г. Козельский уволился с военной службы¹, покинул кадетский корпус и определился в Сенат секретарём 3-го департамента (в ведении которого были Академия наук и Московский университет).

В 1768 г. было издано главное сочинение Козельского — «Философические предложения»². В этой книге, написанной и изданной во время работы Комиссии об Уложении, отразилась напряжённая общественно-политическая обстановка того времени. Различные слои русского общества ожидали удовлетворения своих потребностей и желаний. Возросла активность передовых русских людей. К ним, «которых разум любит правду и сходствует с разумом автора», обращался Козельский в своём предисловии. Призывая «товарищей россиян» напрячь усилия «в искании прямой добродетели и прямого разума», Козельский говорил, что настала «теперь изобильная жатва важных для вас дел, теперь время благопоспешствующее вашему благополучию»³. Козельский указывал на огромное общественно-политическое значение философии, которая «... направляет в юношестве волнующиеся в них и кипящие страсти к общему добру, она утверждает мужество в постоянной добродетели...»⁴.

В 1770 г. вышел сборник избранных статей из знаменитой «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера в переводе Козельского. Первая часть сборника содержала философские статьи⁵, вторая — ряд юридических статей, статьи об этике и о политике⁶. Сборник переводов Козельского вышел после издания подготовленных по поручению Екатерины II Херасковым в 1767 г. «Переводов из Энциклопедии». Три тома переводов Хераскова содержали чисто справочные статьи по различным вопросам — медицинским, техническим, экономическим и др.; в сборнике не было философских и политических статей. Выпустив сборник

¹ В доношении (1766 г.) Военной коллегии Екатерине II об увольнении Козельского с военной службы указано, что он «крестьян не имеет» (ЦГАДА, ф. 262, д. 6007, л. 96).

² «Философические предложения, сочиненные надворным советником и Правительствующего Сената секретарем Яковом Козельским», Спб. 1768.

³ Там же, Обращение к «благосклонному читателю».

⁴ Я. Козельский, Философические предложения, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 426.

⁵ «Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии, переведенные надворным советником Яковом Козельским, часть I. При императорской Академии наук. 1770 года».

⁶ «Статьи о нравоучительной философии и частях ее из Энциклопедии, перевел коллежский советник Яков Козельский, ч. II. При императорской Академии наук. 1770 года».

своих переводов, повидимому в ответ на издание Хераскова, Козельский включил в него те статьи из «Энциклопедии» по вопросам философии, политики, которые были направлены против деспотизма; это были статьи, имевшие по существу антифеодальный характер¹.

Такое направление мыслей Козельского не могло нравиться сенатскому начальству. В 1770 г. решено было Козельского «определить к другим делам... куда он способнее найдется»², т. е. уволить из Сената. В том же году «находящегося ныне не у дел» Козельского назначили в Малороссийскую коллегию³, в г. Глухов. По возвращении в 1788 г. в Петербург Козельский поступил на службу в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения. К этому времени (1788 г.) относится издание первого тома задуманной им популярной энциклопедии наук, изложенной в форме диалога: «Разсуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании».

Последнее упоминание о служебной деятельности Козельского относится к 1793 г.⁴ Год его смерти неизвестен.

* *
*

Козельский был оригинальным русским философом. Он занимал самостоятельные позиции в философских вопросах, критически оценивая и перерабатывая воззрения крупнейших мыслителей своего времени. Разные теории и учения Козельский оценивал с точки зрения значимости их для практики, для достижения общего благополучия.

В своих «Философических предложениях» он делил философию на теоретическую и практическую.

Теоретическая часть, которую Козельский делил далее на логику и метафизику, представляла собой в основном философию природы. Защищая материализм, он в объяснении природы стоял на передовых для того времени позициях.

Главной в философии Козельский считал практическую её часть, нравоучительную философию, распадающуюся на юриспруденцию и политику. Практическая часть, говорил он, является главной потому, что она решает важнейший для всей философии вопрос — о благополучии народа. «Философия...

¹ Почти одновременно с выходом сборника Козельского переводчик Правительствующего Сената Иван Туманский выпустил сборник переводов тех политических статей из «Энциклопедии», в которых восхвалялся «просвещённый абсолютизм»; этот официальный сборник был издан в 1770 г. Академией наук под названием «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии».

² ЦГАДА, ф. Сената 268, д. 3858, л. 261 об.

³ ЦГАДА, ф. Сената 268, д. 6297, л. 36 и 50.

⁴ См. «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето... 1793, в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук», стр. 63, 110.

заслуживает особое уважение, не столько для содержания в ней оснований ко всем другим наукам, сколько для правил к исканию благополучия»¹.

В противовес официозному пониманию юриспруденции как знания законов Козельский определял её как знание прав. Задача практической философии — «переменять законы» в соответствии с естественными правами людей.

В своём «Наказе» Екатерина II использовала некоторые идеи Вольтера, считавшего общественное неравенство законом жизни, и Монтескьё, говорившего, что для государств с очень обширной территорией обычной формой правления является деспотия. Екатерина ненавидела Руссо, который был единственным среди вождей французского Просвещения, отказавшимся от всяких с нею отношений. А Козельский, перечисляя тех, которые «основательно писали» по вопросам практической философии, не назвал Вольтера. По мнению Козельского, вождь демократического крыла французского Просвещения Руссо, «как высокопарный орел, превзошел всех бывших до него философов»². Но и в отношении Руссо Козельский занимал особую, а в некоторых вопросах противоположную ему, самостоятельную позицию.

В «Философических предложениях» Козельский изложил свой идеал общественного устройства и пути его достижения. Козельский соглашался с Руссо в том, что человечество было счастливо лишь в «натуральном состоянии», когда люди жили обособленно, вне общества, когда не существовало частной собственности и не появились ещё «науки и искусства»³. Козельский разделял также данное Руссо историческое объяснение общественного неравенства. Причину последнего Козельский видел в частной собственности, возникшей на определённой ступени экономического развития.

Козельский, как и Руссо, развивал идею договорного происхождения государства. Эта теория, исторически неверная и насквозь идеалистическая, объективно служила основой для революционных выводов. Сам же Козельский, предвидевший возможность народного восстания, боялся его и, так же как Руссо, предпочитал мирный путь решения общественных вопросов.

Социальная философия Козельского отличается от воззрений Руссо в таких важнейших пунктах, как вопрос о роли науки и промышленности в общественном развитии и об их

¹ Я. Козельский, Философические предложения, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 412.

² Там же, стр. 418.

³ Под «искусствами» тогда понимали различные отрасли промышленного производства.

влиянии на положение людей. В то время как по Руссо наука и промышленное производство портят нравы, делают людей несчастными, Козельский признавал объективно прогрессивную роль науки и промышленности в процессе общественного развития. Он пришёл к решительному заключению, что польза или вред науки и искусства, т. е. промышленности, зависят от того, в чьих руках они находятся. «Худое употребление» науки и промышленности имеет место при общественном неравенстве, связанном с существованием частной собственности.

В поисках счастья народ уже не может, по мнению Козельского, вернуться «в натуральное состояние», отказаться от жизни в обществе и оставить науки. Это было бы возможно, если бы ещё «весь род человеческой был в натуральной простоте». Теперь же, если какой-либо народ вздумает вернуться вспять, то «другие ученые народы в краткое время и с великим аппетитом его скушают». И тогда этот народ «от сих просвещенных волков бессомненно убежден будет о вредности своей простоты»¹. Козельский, неправильно видя «золотой век» в прошлом, считал, однако, вредным, опасным движение назад, к чему звал по существу Руссо.

Развитая Руссо философия человека имела индивидуалистический характер. Эта философия противопоставляла несправедливости феодального строя «чувствительную личность», работа над усовершенствованием которой составляет задачу каждого человека. При всей своей антифеодальной направленности эта философия, звавшая от общественной борьбы к самоусовершенствованию личности, не побуждала к реформам общества. «Убеждение в том, что прогресс общественной нравственности, — говорит Г. В. Плеханов, — предполагает усовершенствование общественного строя, располагает людей к общественным реформам. Наоборот, вера в то, что добродетель состоит в чистоте сердца и зависит от «святости религии», делает их равнодушными к подобным реформам»².

Антифеодальная направленность философии Руссо предопределила её превращение в будущем в передовое идеологическое оружие: из философии Руссо были сделаны революционные выводы; она поступила на идеологическое вооружение первой французской буржуазной революции.

Вместе с тем, индивидуалистический дух философии Руссо дал ей возможность стать основой сентиментализма, противопоставлявшего «жизнь сердца» обществу, индивидуальную мораль — политике. Эта пассивная, консервативная сторона

¹ Я. Козельский, *Философические предложения, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*, т. I, стр. 414.

² Г. В. Плеханов, *История русской общественной мысли*, Соч., т. XXII, стр. 258.

учения Руссо была воспринята русским дворянством, использовавшим её, в особенности после крестьянской войны 1773—1774 гг., как идейное оружие борьбы за сохранение крепостного строя¹.

Дворянские идеологи вместе с Екатериной II (в «Наказе» и других её сочинениях) утверждали, что освобождению крестьян должно предшествовать их личное совершенствование путём воспитания: сначала воспитание, потом реформы. Болтин, повторяя слова Руссо, писал, что «прежде должно учинить свободными души рабов, а потом уже тела»². Беарде де л'Абей, сочинение которого было премировано на конкурсе Вольного экономического общества (1766 г.), советовал не делать крестьянина «господином самому себе, доколе он сам себя не учинит достойным быть таковым»³. Наконец, Екатерина в своём «Наказе» объявляла, что «не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных»⁴.

В противоположность этой консервативной идее Козельский защищал положение, что изменение общественных порядков должно предшествовать воспитанию крестьян, ибо само их воспитание невозможно без предшествующего изменения в обществе. Придавая огромное значение воспитанию как «средству ко введению добронравия»⁵, Козельский вместе с тем считал, что «выполировать народ иначе нельзя, как чрез облегчение его трудностей»⁶. Таким образом, Козельский пришёл к выводу, что улучшение экономического положения народных масс определяет возможность их воспитания. Этот тезис Козельского заключал в себе обоснование необходимости борьбы за изменение общественных условий.

Источник обогащения праздной части общества Козельский видел в труде другой части общества вне зависимости от области приложения труда, будь то «...земледелие, художества и другие полезные дела»⁷. По вопросу об источниках богатства взгляды Козельского отличались от взглядов меркантилистов, видевших непосредственный источник богатства во внешней торговле,

¹ См. Г. Макогоненко, Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века, М. — Л. 1951, стр. 290—295.

² И. Болтин, Примечания на историю древняя и ныншняя России г. Леклерка, т. II, 1788, стр. 236.

³ «Труды Вольного экономического общества», ч. VIII, 1768, стр. 42.

⁴ «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», гл. X, § 260.

⁵ Я. Козельский, Философические предложения, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 532.

⁶ Там же, стр. 536.

⁷ Я. П. Козельский, Предисловие к переводу книги Мозера «Государь и министр», Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 639.

т. е. в сфере обращения, и от физиократов, видевших лишь в земледелии действительный источник богатства. В отличие от меркантилистов и физиократов, усматривавших подлинный источник богатства в той или иной особой форме реального труда, он рассматривал труд вообще как источник богатства. Козельский, считавший, что «не золото и серебро, а трудолюбие составляет богатство народов»¹, приближался к идеям Адама Смита.

Критика Козельского была направлена против феодализма, против различных форм феодального гнёта и ограничений. Он отстаивал свободу слова и печати, ибо наука «умирает без вольности»². Козельский считал, что политические вопросы должны обсуждаться всеми гражданами. Он был против механического подражания другим народам, за самостоятельный путь развития каждого народа с освоением того лучшего, чего достигли другие народы.

Каков же социальный идеал Козельского? Он предлагал новый общественный договор. Человек должен отказаться от своего естественного права на «натуральную вольность» и на всё то, «что его искушает и что он постичь может». Взамен этого через общественный договор он «приобретает гражданскую вольность и собственность имения». Таким образом человек, «будучи натурально не равен силою или разумом, другому делается равным по договору и по праву»³.

Правильно усматривая в возникновении и развитии частной собственности источник общественного неравенства, Козельский вместе с тем считал основой идеального общественного строя частную собственность. В этом заключалось одно из главных противоречий его учения об обществе.

Благополучие идеального общества заключается, по Козельскому, «в добронравии его и трудолюбии». Законом общественной жизни должна быть умеренность: не должно быть ни нищеты, ни роскоши. Тогда, по мнению Козельского, не будет зависимости людей друг от друга. Он идеалистически полагал, что можно достичь такого состояния законодательным порядком — «не позволять никакого другого заимствования, кроме равноценного»⁴.

В этом идеальном обществе все должны трудиться. Труд является обязанностью каждого гражданина. Козельский считал

¹ Я. Козельский, *Философические предложения, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*, т. I, стр. 537.

² «Разсуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании, сочинены статским советником Яковом Козельским», т. I, Спб. 1788, стр. 37.

³ Я. Козельский, *Философические предложения, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*, т. I, стр. 525.

⁴ Там же, стр. 535.

возможным и полезным в случае надобности и принуждение к труду. Но труд не должен быть тяжёлым бременем, «которое может укоротить жизнь человеку». Тем более, что чрезмерный труд менее производителен, чем умеренный: от «неусыпных трудов... натурально приходит меньше плода, нежели от умеренных». По мнению Козельского, «для труда человеку довольно восьми часов в сутки, другие восемь часов может он употребить на одеянье, кушанье и забаву, а третий восемь часов на сон». Нападая на роскошь, с одной стороны, и на чрезмерный труд — с другой, Козельский не считал, что труд человека должен удовлетворять лишь текущие его потребности. Он полагал, что нужно создавать сверх того «запас для нужды в предбудущее время»¹.

Замечательны для своего времени суждения Козельского о том, что безопасность и сила страны определяются её внутренним благосостоянием. Внутреннее же благосостояние общества должно строиться на основе экономической и политической независимости, «так, чтоб как можно меньше зависеть ему от других обществ». Однако независимость Козельский не отождествлял с изолированностью, ибо «обществам быть без какой-либо зависимости почти не можно»².

Козельский наивно полагал, что человечество может осуществить его общественный идеал мирным путём, заключив общественный договор. Вместе с тем он оправдывал восстание угнетённых, «которые великими обидами утесняемы будучи от высших себя», становятся «при способном для них случае очень мстительны». Мечь их тем сильнее, чем больше они вынуждались «к долговременному терпению». Сравнивая гнев угнетённых с прорвавшейся рекой, которую долго сдерживала плотина, Козельский считал, что в случае восстания угнетённых «по справедливости почеть их можно почти за невинных»³. Эти строки писались Козельским во время работы екатерининской Комиссии об Уложении, в условиях нараставших волнений крестьян, за пять лет до крестьянской войны 1773—1774 гг.

Критикуя и отвергая феодальный строй, философ-просветитель Я. П. Козельский призывал к созданию идеального общества, которое было бы по существу обществом свободных товаропроизводителей — частных собственников. Такое общество объективно представляло бы собою широкую основу для развития капиталистических отношений.

¹ Я. Козельский, Философические предложения, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 536—537.

² Там же, стр. 540—541.

³ Там же, стр. 512.

Выступления депутата Комиссии об Уложении Я. П. Козельского

О депутате Комиссии об Уложении созыва 1767 г. Якове Павловиче Козельском известно лишь, что он происходил, по его собственному заявлению, «из помещиков в самых местах украинских»¹, был сыном наказного сотника Полтавского полка и братом-тёзкой философа-просветителя Якова Павловича Козельского², вступил на военную службу в 1735 г.³ В 1767 г. майор Козельский был выбран депутатом Комиссии об Уложении от «владельцев, шляхетства Екатеринбургской провинции, Днепровского пикинерного полка»⁴.

Он выступал в Комиссии против исключительных преимуществ родового дворянства, высказывался за предоставление дворянского звания за выслугу лицам низших сословий, требовал законодательного ограждения детей от родителей, злоупотребляющих своей властью. Никто из депутатов с такой решительностью, как Козельский, не высказался в пользу крестьянства: он требовал предоставления крестьянам не только права собственности на движимое имущество, но и права наследственного владения землёй.

Отсюда понятно, почему против Козельского выступил лидер крепостников князь М. М. Щербатов, почему против него были другие депутаты-дворяне, почему, наконец, он в 1768 г. оказался в числе депутатов, которые под предлогом «нынешнего военного времени»⁵ были освобождены от депутатских обязанностей и отправлены в армию.

При обсуждении в Комиссии законов о дворянстве Козельский выступил против М. М. Щербатова, заявлявшего, что Россия всем своим развитием обязана родовитому дворянству, которое поэтому должно обладать исключительными правами и не пополняться выходцами из других сословий. В противовес Щербатову Козельский утверждал, что все сословия имеют заслуги перед государством и главным образом крестьянство, питающее Россию и трудом своим создавшее её богатства. Он напоминал дворянам, что их предки «начало своего достоинства получили чрез награждение по своим заслугам за верность и добродетель,

¹ См. «В Комиссию о сочинении проекта нового Уложения от депутата Екатеринбургской провинции от шляхетства Якова Козельского примечание», «Сборник Русского исторического общества», т. XXXII, Спб. 1881, стр. 496.

² См. В. Л. Модзалевский, Малороссийский родословник, Киев 1910, т. II, стр. 390—392.

³ См. «Список воинскому департаменту... на 1771 год», стр. 119.

⁴ «Наказ шляхетства Днепровского пикинерного полка», «Сборник Русского исторического общества», т. XIII, 1894, стр. 22.

⁵ См. «Большого Собрания дневные записки 1768—1769 годов», «Сборник Русского исторического общества», т. XXXVI, 1882, стр. 148.

а не чрез знатность рода...». Козельский решительно возражал против употребления дворянами в применении к другим сословиям слова «подлый». Возражая против применения слова «подлый», Козельский указывал, что подлых в истинном, моральном смысле этого слова людей более всего можно встретить среди богатых, в том числе среди дворян. Он выступал против оценки людей по их кошельку, так как «убожество, при добродравии, не противно ни чести, ни достоинству».

Козельский объявлял антиобщественным, антигосударственным требование защитников «породы», особенно Щербатова, признавать заслуги перед Россией лишь за родовым дворянством. Если «в чести» окажется лишь старинное дворянство, то «служба, которую несло всё общество, была для прославления одних дворян, а не для пользы отечества и сохранения целостности государства». Затруднение доступа в дворянство Козельский рассматривал как вредное государству, идущее «в подрыв государственной службе, ибо прочие недворянские сословия, не видя себе равного с дворянами за службу возмездия, будут служить принужденно, без всякой ревности и любви к отечеству»¹.

Выступление Козельского было по существу направлено против феодального принципа исключительных прав дворянства.

Другое выступление Козельского, в связи с речью Коробьина, было наиболее интересным и значительным из всех выступлений по крестьянскому вопросу в Комиссии об Уложении.

Дворянский депутат Григорий Степанович Коробьин выступил с «примечанием» на «читанные о беглых людях и крестьянах законы». Коробьин находил, что «начало, от которого столь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над имениями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало». Поэтому Коробьин требовал законодательного регулирования отношений между крестьянами и помещиками, законодательного ограничения крестьянских повинностей.

Требования Коробьина имели довольно туманный и неясный характер. Коробьин, как и Поленов, не посягал на личную зависимость крестьян от помещиков. Он сам указывал, что власть помещиков над крестьянами, по его проекту, «остается полная, как и ныне». Коробьин говорил, что его проект совпадает с желаниями «добротного владельца» и ему «не препятствует к приведению своих крестьян в лучшее состояние своим благоразумием». Вместе с тем, заявлял Коробьин, благодаря его проекту «пре-

¹ См. «Депутата Днепровского пикинерного полка Якова Козельского... примечание», «Сборник Русского исторического общества», т. IV, Спб. 1869, стр. 187—189.

сечется токмо воля у худых помещиков разорять своих хлебопашцев»¹.

В проекте Коробьина требование ограждения имущественных прав крестьянина сочеталось с сохранением его личной зависимости от помещика. Эту вопиющую непоследовательность отметили защитники дворянства. Щербатов выражал удивление, что Коробьин позаботился об имуществе крестьян в условиях сохранения крепостной зависимости. Между тем, говорил Щербатов, раз сохранится власть над «телом» крестьянина, то и его «имение» фактически будет во власти собственника тела. «Это [замечание Щербатова. — И. Б.] было как нельзя более справедливо, — писал Плеханов. — Но тем более характерно, что даже непоследовательный проект Коробьина вызывал такое сильное волнение в среде дворянских депутатов: он коснулся того, чего, по их убеждению, никто не должен был касаться...»².

Выступивший после Коробьина Козельский подчеркнул, что не только крестьянское имущество, но и помещичье богатство создано трудом крестьян. Возражая против заявлений дворянских депутатов, что помещики-де благодетельствуют крестьянам, ссужая их в случае нужды хлебом, скотом и т. д., он указывал, что всё это помещики раньше получили от тех же крестьян. Эта мысль Козельского совпадала с идеями ряда статей новиковских журналов того времени³.

Крестьянин, указывал Козельский, тяжело реагирует на то, что даже его имущество находится в собственности помещика. «Крестьянин же чувственный человек, он понимает и вперед знает, что все, что бы ни было у него, то, говорят, что не его, а помещиково». Крестьяне, находящиеся в зависимости «от единственной, различной и неопределительной своих помещиков воли», по свидетельству Козельского, «сносят свое состояние с крайним их отягощением...». По мнению Козельского, крестьян, угнетаемых помещиком и обогащающих его, нельзя обвинять в лености, пьянстве и мотовстве, раз они лишены собственности и находятся в состоянии крепостной зависимости. «Лучше, кажется, по человеколюбию, стараться возбуждать народ к работе вольной и не томной, то он большой урок вырабатывать будет и не устанет, ежели одною неволею и удручением рабства...»⁴.

¹ См. «Депутата Козловского дворянства... примечание», «Сборник Русского исторического общества», т. XXXII, стр. 406—410.

² Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 269.

³ См. Г. Макогоненко, Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века, М.—Л. 1951.

⁴ «Депутата ...Якова Козельского примечание», «Сборник Русского исторического общества», т. XXXII, стр. 500.

Казалось бы, что Козельский должен был отсюда сделать решительный вывод о необходимости немедленной отмены крепостной зависимости крестьян от помещиков и о наделении крестьян землёй. Однако Козельский этого вывода не сделал. Весьма вероятно, что он просто не решился выступить с таким предложением в Комиссии. Может быть и то, что требование отмены крепостного права он считал тогда ещё неосуществимым, могущим вызвать лишь раздражение дворянства.

Козельский требовал вмешательства государства в отношения между помещиками и крестьянами, против чего упорно возражало дворянство. Дворяне обычно предлагали привлекать к ответственности и отдавать в опеку помещиков, разоряющих своих крестьян. Козельский же считал, что «лучше изыскивать способы к предупреждению разорений так, как и преступлений». Он правильно подчёркивал, что такие предупредительные мероприятия, имеющие большое значение для «вольных народов», особенно нужны России, где надлежит «многочисленный народ крестьянства... предохранить от дальнейшего их разорения и жалостное состояние бедных крестьян... облегчить»¹.

Козельский остроумно доказывал, что такое предварительное вмешательство должно удовлетворить всех помещиков — как «угнетателей», так и «человеколюбцев». Он при этом подчёркивал, что число помещиков, дурно обращающихся с крестьянами, велико и всё возрастает. Козельский отметал протесты помещиков против вмешательства государства, рассматривая это как прихоть «владеть подданными своими беспредельно», нарушающую права государственной власти. В то время как Поленов представлял свой проект на усмотрение и волю помещиков, Козельский настаивал на установлении законов, регулирующих отношения крестьян и помещиков независимо от воли последних. На этой же позиции стоял и Коробьин. Однако требования Козельского были гораздо более определёнными и решительными. Такие требования при всей их утопичности (ибо крепостническое государство всегда действует в интересах помещиков) всё же имели тогда прогрессивный характер.

Козельский предлагал, чтобы крестьяне два дня в неделю работали на уплату государственных податей, два дня на барщине, два дня на себя и один день — воскресенье — посвящали молитве. Распространение такого порядка должно было бы, по его мнению, значительно облегчить положение крестьян. Вместе с тем Козельский предлагал оброк, как и барщину, взимать по оценке двух дней крестьянского труда. Тогда, по его мнению, повинности барщинных и оброчных крестьян будут уровнены. Выбор между барщиной и оброком можно будет

¹ «Депутата ... Якова Козельского примечание», «Сборник Русского исторического общества», т. XXXII, стр. 499.

поэтому «за разностию климатов, за неспособностью к плодородию земли и по другим обстоятельствам» предоставить в каждом отдельном случае «на волю помещикам и крестьянам». В то время как государство взимает подати подушно, крестьяне, по предложению Козельского, «помещику оброк платить или урок работать должны уже не по душам, а от двора». Тогда выполняемые подворно повинности в пользу помещика, вообще более обременительные, чем государственные подати, не будут толкать крестьян к сокращению деторождения, а откроют возможность количественного роста крестьянства. В результате возросли бы, по мнению Козельского, и государственные доходы от подушного обложения.

Козельский несколько шире и конкретнее, чем Поленов и Коробьин, наметил систему государственных мер к ограничению помещичьего произвола, к регулированию отношений помещиков и крестьян, к ограничению крестьянских повинностей.

По вопросу о праве собственности крестьян позиция Козельского была также более решительной и последовательной. Козельский требовал не только предоставления крестьянам права собственности на движимое имущество, но, как и Поленов, права наследственного владения недвижимостью, землёй, «с тем только, чтобы они без дозволения помещика не властны были никому продать, ни заложить из недвижимых имений, а владели бы сами потомственно, без участия помещикова». Это не было ещё буржуазным правом собственности на землю, при котором крестьяне получают право свободного распоряжения землёй. Но всё же это было правом крестьян владеть землёй с передачей по наследству без вмешательства помещика.

Как раньше Посошков, Козельский настаивал на отделении крестьянских земель от помещичьих, «для того, чтобы мужики, почитая те земли за собственный свой удел, основательнее обзаводиться и постоянное жить могли»¹.

Козельский считал, что в результате осуществления его предложений крестьяне «прилежнее станут употреблять себя к хлебопашеству», увеличится деторождение, крестьяне перестанут нищенствовать; многие крестьяне, ушедшие на заработки в города, вернуться к земледелию, что приведёт к снижению цен на хлеб в городе и к росту населения деревни; возвратятся, наконец, беглецы из-за границы и вообще прекратятся в дальнейшем крестьянские побеги.

Предлагавшееся Козельским отделение крестьянских земель от помещичьих лишь в некоторой мере ограждало бы крестьянское хозяйство от помещичьего произвола, неизбежного в условиях сохранения личной зависимости крестьян от поме-

¹ «Депутата ...Якова Козельского примечание», «Сборник Русского исторического общества», т. XXXII, стр. 500.

щиков. «Личная зависимость крестьян от помещиков, — как правильно говорил Плеханов, — была тем порогом, о который споткнулась мысль даже самых передовых и наиболее расположенных к трудящейся массе дворянских депутатов»¹. Всё же предоставление крестьянам права наследственного владения землёй неизбежно расшатывало бы и личную их зависимость от помещика.

Но и в таком умеренном виде это предложение Козельского, как и другие его предложения в Комиссии, восстановило против него дворянских депутатов. Это сказалось на баллотировке Козельского после первого же его выступления по вопросу о дворянстве. Учитывая дружную позицию дворянских депутатов против Козельского при обсуждении вопроса о дворянстве и устойчивое число голосовавших против него на выборах в разные комиссии, можно с достаточным основанием полагать, что большинство голосовавших против Козельского составляли депутаты от дворянства. Результаты баллотировки не только подчёркивают изоляцию дворянством одного из наиболее передовых депутатов. Такие результаты показывают также, что Козельского поддерживала довольно устойчивая количественно группа депутатов. Это были главным образом недворянские элементы Комиссии — депутаты от государственных крестьян, городского населения, купечества.

В своих предложениях депутат Козельский требовал ограничений крепостного права, что объективно должно было содействовать развитию условий для роста буржуазных отношений.

И. А. Третьяков о причинах обогащения государств

Иван Андреевич Третьяков родился в Твери, в семье военного². Год его рождения неизвестен. Судя по косвенным данным (время поступления в Университет), он родился в конце 30-х — начале 40-х гг. XVIII века. По окончании Твер-

¹ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 269.

² В литературе, начиная с «Биографического словаря профессоров и преподавателей Московского университета» (ч. II, М. 1855, стр. 505), указывается, что И. А. Третьяков происходил «из духовного звания». Такое указание не опирается на документальный материал. Повидимому, поводом для него послужило то, что Третьяков учился в Тверской духовной семинарии. Однако в духовных семинариях обучались кроме сыновей церковников также и представители других сословий.

Иное, опирающееся на документальные данные, свидетельство о социальном происхождении Третьякова имеется в книге для записи принятых в Глазговский университет за 1761 г., где на основе заявления, анкеты самого И. А. Третьякова указано, что он был сыном офицера (*filius centurionis*) в г. Твери (См. «A Roll of the graduates of the University of Glasgow...», Glasgow 1898, p. 616).

ской духовной семинарии Третьяков поступил в 1761 г. в Московский университет. В том же году он был отправлен в Англию, в Глазговский университет. Это был один из лучших в то время университетов, среди профессоров которого были Адам Смит, Юм, Блэкстон.

В Глазговском университете, который окончил Третьяков, ему была присуждена учёная степень магистра свободных (т. е. гуманитарных) наук и затем, в 1767 г., после защиты диссертации, доктора гражданского и церковного прав.

По возвращении в 1767 г. в Россию Третьяков был направлен в Московский университет.

Преподавание Третьякова в Московском университете началось в условиях происходившей тогда острой борьбы за прогрессивное мировоззрение, за передовую науку, за преподавание на родном языке. Ученики и последователи Ломоносова — Н. Н. Поповский, Д. С. Личков, С. Г. Зыбелин и др., — творчески развивая и применяя идеи и положения своего гениального учителя в различных областях знания, двигали вперёд русскую науку с её материалистической традицией, берущей своё начало от Ломоносова.

Третьяков был в числе русских профессоров Московского университета, начавших в 1768 г. преподавание на родном языке (вместо латинского). Он принадлежал к той группе передовых русских учёных, которые разрабатывали и утверждали в исследовательской и учебной работе русскую научную терминологию; создавали первые монографии и учебники на русском языке в различных отраслях науки.

Прогрессивные устремления первых русских профессоров наталкивались на тупос и ожесточённое сопротивление консервативно-реакционного лагеря. К нему принадлежали не только почти все профессора-иностранцы, но — и это усиливало позиции реакционной профессуры — университетское начальство (Адодуров, Херасков и др.). Защитники реакционных взглядов, теорий, идей в науке, отстаивавшие незыблемость крепостного строя, вместе с тем выступали как низкопоклонники перед западноевропейской цивилизацией, высокомерно и скептически относясь к русской национальной культуре. Прогрессивная профессура подвергалась преследованиям и репрессиям.

Третьяков занял юридическую кафедру уже сложившимся учёным-материалистом, врагом идеализма. Он сразу же примкнул к группе прогрессивных русских учёных. В исследовании и преподавании Третьяков придерживался сравнительно-исторического метода — прогрессивного в то время метода изучения общественной жизни.

Третьяков был первым, преподававшим римское право сравнительно с российским правом; он разрабатывал русскую

научную терминологию, вводил в свои лекции анализ законов и юридической практики России.

Философские, общественно-политические, юридические и экономические воззрения Третьякова получили своё отражение в его «рассуждениях» и «словах» в торжественных собраниях Московского университета.

Для Третьякова сложилась, повидимому, настолько тяжёлая обстановка в университете, что в 1773 г. он подал прошение в Сенат «об награждении его чином и определении его в статскую службу»¹.

В 1776 г. Третьяков умер.

* * *

В своих трудах о человеческом обществе Третьяков исходил из экономических условий жизни человека и исторически сложившегося уровня удовлетворения его потребностей. Если животные удовлетворяются тем, что «натура производит», говорил Третьяков, то человек своим трудом улучшает продукты природы, приспособливает их к своим потребностям, создаёт новые. Третьяков понимал, таким образом, различие между миром природы и человеческим обществом, характернейшей чертой которого является производство, хозяйственная деятельность людей, экономическое развитие.

Одной из основ экономического развития Третьяков считал «разделение трудов в обществе»², т. е. общественное разделение труда.

Пониманием происхождения общественного разделения труда Третьяков отличался от своего русского предшественника по анализу этого вопроса П. И. Рычкова, который рассматривал разделение труда как извечно, постоянно существовавшее в обществе явление³.

В освещении вопроса о возникновении разделения труда Третьяков отличался и от своего учителя в Глазговском университете — Адама Смита. Считая естественной склонность людей к обмену, Смит выводил разделение труда из обмена⁴. Третьяков же, наоборот, верно выводил обмен из разделения труда и, в отличие от Рычкова, правильно понимал последнее как историческое явление, возникающее на определённой ступени общественного развития.

¹ ЦГАДА, ф. Сената 261, д. 5565, л. 347-а — 348.

² *И. Третьяков*, Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 337.

³ См. главу семнадцатую.

⁴ См. *Адам Смит*, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I, гл. II, М. — Л. 1935.

Исторически объясняя происхождение разделения труда, Третьяков говорил, что примитивные орудия труда и немногочисленные простые занятия людей на начальных ступенях развития общества были известны каждому из его членов: «Их изобретения и ремесленности были також чрезвычайно простые и немногие, и потому всему обществу безизвестными и невразумительными быть не могли»¹.

Отсутствие в то время разделения труда обуславливало, по мнению Третьякова, малую его производительность, незначительный объём производства, несовершенство продуктов труда. Отсюда Третьяков выводил крайне низкий уровень потребностей людей и их недостаточное удовлетворение в начальную пору общественного развития. В этом первоначальном состоянии общества люди «едва могли доставить себе пропитание». Потребовалось длительное время для того, чтобы труд человека создал в обществе «избыток вещей», являющийся, по мнению Третьякова, необходимой предпосылкой разделения труда: «Прежде нежели труд разделен быть мог, потребно было иметь избыток вещей»².

Учёный рассматривал, таким образом, «избыток вещей», образование запаса продуктов, как следствие и вместе с тем как предпосылку роста производительности общественного труда и в земледелии и в промышленности. Сравнивая человеческое общество на начальной его ступени с развитым обществом, находящимся «в возвышенном состоянии рода человеческого», Третьяков писал, что «несравненно с большим трудом и самая дневная пища снискиваема была при начинающемся обществе народов, которые, не имея заготовленного впредь, едва только в состоянии были плодами своих трудов из года в год пропитание иметь». Он рассматривал низкую производительность труда как причину бедности народа, закоснения его «в скудном состоянии»³.

С ростом числа и усложнением хозяйственных занятий общества оказывается, что для знания всех вещей «не всякий бывает в обществе способен и рожден»⁴. Кроме того, люди начали понимать, что меньшей затраты труда требуют, дешевле

¹ *И. Третьяков*, Слово о происшествии и учреждении университетов..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 336.

² *И. Третьяков*, Рассуждение о причинах изобилия и медлительно-го обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 357.

³ Там же, стр. 358.

⁴ *И. Третьяков*, Слово о происшествии и учреждении университетов..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 337.

им стоят и лучшими оказываются вещи, произведённые «нарочитыми людьми», «мастерами нарочитыми», т. е. специалистами. Их продукция обменивалась на продукты, которые в свою очередь производились людьми различных других специальностей.

Разделение труда в обществе обогащает ремесленника, специализирующегося на определённом производстве: «если б такого разделения не было в трудах человеческих, никакой бы ремесленник своим трудом не только не разбогател, но ниже бы и довольное пропитание себе мог снискать»¹.

Третьяков рассматривал разделение труда не только в качестве основы обогащения ремесленника-специалиста. Особо важно и интересно отметить, что он рассматривал разделение труда также как основу для разделения людей на социальные группы. «По разделении трудов, — писал Третьяков, — натурально происходит в обществе разделение и самих людей, как то: на хозяев и работников»².

Возникновение этих социальных групп, представлявших собой в зародышевой форме классы капиталистического общества, он связывал с развитием «художеств» (промышленных производств), с «художественным состоянием» людей. Под «художественным состоянием» Третьяков понимал промышленное развитие, по существу — развитие капиталистической мануфактуры при феодализме.

Вынужденные своим экономическим положением наниматься, рабочие добровольно, по мнению Третьякова, принимают на себя бремя труда, освобождают от него хозяев (т. е. капиталистов) и подчиняются их команде: «Работные люди в таком состоянии принуждены искать себе пропитания у своих хозяев, охотно принимают всю прежнюю сих тяготу на себя, оставляя хозяем одно присмотрение за собою и повеление»³.

Как и современные ему западноевропейские экономисты (Тюрго, А. Смит), Третьяков не видел противоречий между рабочими и капиталистами.

Разделение труда и развитие промышленности обогащают, по мнению Третьякова, не только ремесленников и промышленных предпринимателей («фабрикантов»), но и всё государство. Разделение труда («разделение трудов») и развитие промышлен-

¹ И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 354—355.

² И. Третьяков, Слово о происшествии и учреждении университетов..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 337.

³ Там же.

ности («изобилие художеств») суть «две настоящие государственного обогащения причины»¹.

В отличие от меркантилистов, считавших главным источником богатства внешнюю торговлю, и физиократов, считавших таковым земледелие, Третьяков, как и Адам Смит, считал источником богатства труд вообще, независимо от сферы его приложения. Как и Смит, Третьяков полагал единственным источником вещественного богатства труд в его общественно-совокупном виде, в качестве разделения труда².

Вместе с выводом материалистического характера, что общественное разделение труда, повышающее его производительность, порождает обмен и создаёт богатство, Третьяков делал и другой материалистический вывод — об обусловленности развития потребностей людей ростом производства.

На основе роста производства, всё лучше удовлетворяющего потребности людей, у них возникают новые, высшие потребности, побуждающие к дальнейшему развитию и совершенствованию производства. «Таким образом возвышаясь постепенно, смертные, увидев свою жизнь несравненно удобнейшею и приятнейшею паче прежней, употребляют еще большее старание, чтоб оную сделать еще способнейшею и соответствующею возвышающемуся своему состоянию»³.

Рассматривая общественное разделение труда и повышение его производительности как основу для изобилия товаров и обогащения государства, Третьяков самым названием одной из своих речей — «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств» (1772 г.) — подчёркивал постепенность, эволюционный характер этого процесса.

Необходимыми сторонами богатства народа являются, по Третьякову, «дешевизна и довольство»⁴ вещей.

Стремясь выяснить, почему тот или иной товар имеется в изобилии и дёшево достаётся обществу, Третьяков пришёл к выводу, что причиной этого является разделение труда: «чрез разделение трудов на разные руки премножество... вещей в один день совершается и достается дешевле обществу»⁵.

¹ И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 355.

² Ср. К. Маркс, К критике политической экономии, 1953, стр. 48.

³ И. Третьяков, Слово о происшествии и учреждении университетов..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 337.

⁴ И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 353.

⁵ Там же, стр. 355.

Выставив это положение, Третьяков, не развивая его, переходит к анализу явлений, связанных с проблемой цены.

Третьяков ставит цену в зависимость от количества труда, прилагаемого в сфере производства данного товара: чем больше прилагается труда в сфере производства данного товара и чем больше, поэтому, количество данного товара, тем дешевле каждая его единица.

Иной вопрос — о факторах, определяющих количество общественного труда, которое прилагается к каждой данной сфере. Третьяков ставит это количество в зависимость от количества труда, затрачиваемого на единицу продукта.

По существу Третьяков подходит таким образом к установлению зависимости стоимости от количества труда, затраченного на единицу продукта. Следует однако иметь в виду, что Третьяков был далёк от различения цены и стоимости. Объектом его непосредственного исследования была цена.

Рассматривая с указанных выше теоретических позиций ценообразование в двух различных по условиям производства сферах — сельском хозяйстве и добыче руды благородных металлов — учёный писал: «Хлеба и подобных сему припасов всегда в большем изобилии иметь можно, нежели достать золота, серебра, драгоценных камней и проч., ибо одно в ближайшем находится достижении для человеческого трудолюбия, нежели другое. Почти всякую часть земной поверхности можно привести к тому, чтоб производила хлеб, лен и проч., но золото лежит сокровенно в земных недрах, и к получению малого количества его требуется много времени, труда и иждивений»¹.

Отвечая на вопрос о «цене» денег (под которой он по существу понимал их стоимость), Третьяков считал, что «цена» денег тем меньше, чем больше труда прилагается к сфере производства денежного материала — золота и серебра. Большее же количество труда начинает прилагаться к производству того или иного товара, когда на единицу продукции уже тратится меньшее количество труда, т. е. возрастает его производительность.

Высокой производительностью труда в земледелии и промышленности объяснял Третьяков прилив к ним большого количества труда и потому получение огромного числа вещей в этих сферах материального производства. Низкая производительность труда при добыче руды благородных металлов обусловила незначительное его приложение в этой отрасли, а потому получение малого количества благородных металлов,

¹ И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1, стр. 356.

денежного материала. «Для сих причин, — писал Третьяков, — монета никогда не доходит до такого количества, до каких умножаются другие вещи»¹.

Незначительное количество денег является, по Третьякову, причиной их высокой стоимости, которую он называл ценой денег.

Однако с дальнейшим развитием народа, «когда какая земля приходит до некоторого степени знания в науках», возрастает приложение труда к добыче благородных металлов, «уже люди начинают проникать в земные недра, доставать руды и преобразовать из них некоторые в монету». Вследствие возрастания массы благородных металлов, денежного материала, увеличивается количество денег и понижается их стоимость: «цена монеты ниспадает»².

Рассматривая разделение труда между производственными отраслями в качестве общественного его разделения, Третьяков полагал, что на этой основе с ростом специализации работников производства возрастает производительность труда, уменьшается его затрата на единицу товара. Это вызывает увеличение количества труда, прилагаемого в каждой сфере производства, что ведёт к возрастанию количества товара и его удешевлению³. «Дешевизна и довольство» товаров рассматриваются Третьяковым как основные факторы народного богатства.

Третьяков доказывал несостоятельность мнения «многих писателей политических»⁴, под коими он разумел меркантилистов, что богатство государства состоит в изобилии благородных металлов. Отрицая тезис меркантилистов, что благородные металлы, золотые и серебряные деньги составляют богатство народа, Третьяков заявлял, что масса денег в стране не отражает её богатства, состоящего в вещах, товарах: «деньги к изобилию целого государства пропорции не имеют»⁵.

¹ *И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств...*, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 356.

² Там же.

³ Сочетание количественного объяснения цены товара с зачатками трудовой теории стоимости имело место у А. Смита в его лекциях в Глазговском университете, которые слушал Третьяков в 1763 г. («Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms, delivered in the University of Glasgow by Adam Smith in 1763», Oxford 1896). Трудовая теория стоимости лежит в основе главного труда Смита — «Исследование о природе и причинах богатства народов», изданного в 1776 г., т. е. через 13 лет после курса его университетских лекций.

⁴ *И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств...*, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 355.

⁵ Там же.

Третьяков рассматривал деньги лишь как орудие обращения. Деньги вне обращения — не богатство; это «мертвое сокровище, в земле сокровенное»¹.

Взгляд на деньги как лишь на орудие обращения, развитый в полемике с меркантилистами, получил тогда распространение в экономической литературе. Эта концепция нашла наиболее последовательное развитие у Смита в его главном труде — «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.).

Рассматривая деньги как орудие обращения, Третьяков считал целесообразным выпуск бумажных денег. Касаясь стоимости денег (которую он называл «ценой» денег), Третьяков писал, что стоимость бумажных денег — ассигнаций неизмеримо ниже стоимости металлических денег. А роль орудия обращения ассигнации могут выполнять не хуже звонкой монеты.

Из такой трактовки роли денег Третьяков делал вывод о нецелесообразности запрета их вывоза из страны. Более того, запрещение вывоза денег становится, по мнению Третьякова, причиной обнищания страны. Он ссылаясь при этом на опыт Испании, получившей после захвата Мексики с её рудными богатствами массу благородных металлов, которые испанское правительство запретило вывозить за границу. Тогда иностранцы (англичане и голландцы) принудили испанцев покупать товары, не производившиеся в их стране, по удвоенным и утроенным ценам. В итоге испанцы «мало-помалу начали приходить в чувствительный упадок», Испания беднела.

Третьяков протестовал против мнения, что внешняя торговля сама по себе может быть причиной обнищания государства: «Бедность страны никогда не произойдет от торгов с иностранными». Причиной обнищания страны, её бедности является не внешняя торговля как таковая, а превышение потребления над отечественным производством: в «стране, когда она больше издерживает, нежели производит трудами внутри, а купечеством извне, нищета следует неизбежно»². При избытке же отечественной продукции над потреблением населения и экспорте этого избытка внешняя торговля становится средством обогащения страны.

Из развитого Третьяковым учения о деньгах, главным образом о бумажных деньгах, и из оценки им значения торговли, особенно внешней, следовал вывод о целесообразности и необходимости развития кредита, учреждения банков для купечества. Подчеркнув, «сколь выгодно... учреждение банков для

¹ И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 357.

² Там же.

коммерции, которая также обогащает всякое государство несказанно»¹, Третьяков решительно возражал против монополии в банковом деле. Она вызывает «худые следствия» для денежного обращения, особенно для ассигнационного. Третьяков считал, что существует единственное средство для предотвращения такого положения — организация ряда банков, и советовал «ободрять умножение оных сколько возможно»².

Теоретически обоснованное требование организации кредита для купечества объективно было направлено на содействие развитию капиталистических отношений в недрах крепостного строя.

В политико-экономических воззрениях Третьякова много общего с А. Смитом — экономистом мануфактурного периода, кануна промышленного переворота в Англии.

Но по вопросам о роли государства в развитии народного хозяйства московский профессор занимал отличную от Смита, самостоятельную позицию. «Великий идеолог передовой буржуазии» (как называет Смита В. И. Ленин) выражал интересы английской буржуазии, окрепшей на своих экономических позициях, уже не нуждавшейся в поддержке государства и тяготившейся опекой государственной власти. Отсюда отрицательное отношение Смита к вмешательству государства в экономическую жизнь.

Иной была позиция Третьякова. Торговля и особенно промышленность в России тогда ещё нуждались в содействии государства, и купечество непрестанно искало поддержки государственной власти. Поэтому Третьяков признавал, что государство играет огромную положительную роль в росте народного хозяйства, и требовал проведения политики, в наибольшей мере содействующей экономическому развитию страны³.

Если богатство народа является опорой государства, то государство в свою очередь влияет на рост народного богатства. Отмечая «причины, препятствующие скорому обогащению государств»⁴, Третьяков прежде всего подчёркивал

¹ И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 355.

² Там же.

³ Отсюда становится ясным, насколько были неправы автор статьи о И. А. Третьякове в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета» (ч. II, М. 1855, стр. 507) и ещё более Н. М. Коркунов («История философии права», изд. 4, Спб. 1908, стр. 250) и другие авторы, считавшие, что Третьяков просто повторял мысли Адама Смита.

⁴ И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 360.

«различные обстоятельства политические»¹, к которым он относил взаимоотношения между отдельными государствами, между народом и государством, между отдельными сословиями. Неразвитые и слабые государства в древности не могли стимулировать развитие труда земледельцев и ремесленников, что и вызывало, как то было в Риме, «великое отвращение от трудолюбия»² и рост паразитизма в обществе. Отрицательное влияние на развитие народного труда оказывает и агрессивная внешняя политика, захватнические войны, разоряющие народ. Третьяков указывал на упадок земледелия и ремёсел у римлян, больше всего занимавшихся военным делом.

Но ещё больше, чем войны, приносят разорение «поднимающиеся часто от негодования на правление внутренние тревожные, от которых государства больше, нежели от неприятельских нападений разорялись»³. Он считал, что политика государства должна быть направлена на наибольшее стимулирование народного труда: на «защитение и ободрение» труда ремесленников и земледельцев, создающих богатство страны.

Третьяков подчёркивал, что не войны и грабежи, а лишь труд «простого народа» является средством, «богатство в государство приносящим»⁴. Отсюда вывод, что прочным может быть лишь то государство, которое опирается на развитие народного труда. Из стремления стимулировать труд народных масс должно было вытекать отрицательное отношение к крепостному праву. В речах в публичном собрании императорского Московского университета профессор Третьяков не высказывал прямо своего отношения к крепостному праву. Однако сохранился документ, с несомненностью свидетельствующий о позиции Третьякова по этому вопросу, важнейшему для русской общественно-политической мысли того времени.

В протоколе конференции Московского университета от 22 марта 1768 г. указано, что доктор Третьяков предложил на выбор для своего публичного выступления четыре темы. Одна из этих тем сформулирована в вопросительной форме: «Происходит ли наибольшая польза в государстве от рабов или от людей свободного состояния и от уничтожения рабства»⁵.

¹ *И. Третьяков*, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 357.

² Там же, стр. 359.

³ *И. Третьяков*, Слово о римском правлении и о разных оног переменах..., М. 1769, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 24.

⁵ «Протоколы Университетской конференции... 1768 года» (рукопись Научной библиотеки Московского государственного университета), т. 12, стр. 29.

Сама формулировка вопроса не оставляет никаких сомнений в характере ответа его автора ¹.

Третьяков решительно протестовал против мнения, защищавшегося тогда идеологами дворянства, особенно А. П. Сумароковым и М. М. Щербатовым ², о постоянной, неизменной принадлежности каждого человека и всего его потомства к своему сословию. Напротив того, Третьяков считал естественным переход из низшего общественного состояния в высшее, главным образом в результате полученного образования. И. А. Третьяков осуждал попытки господствовавшего класса и его государства законодательно ограничить такое «натуральное течение», т. е. естественное для общества развитие. Попытки этого рода, говорил Третьяков, не могут быть осуществлены в действительности, поскольку они совершенно противоречат человеческой природе.

Взгляды Третьякова на науку носили явно антиклерикальный характер. Он выступал против религиозного образования, осуждал вмешательство церковников в область науки и просвещения.

Подчёркивая общественную значимость науки, её роль в подъёме материального и морального состояния народа, в утверждении правопорядка, Третьяков отстаивал развитие опытной науки, связанной с практикой.

В отличие от господствовавших тогда, особенно в Германии, идеалистических взглядов на происхождение науки Третьяков отстаивал верное, по существу материалистическое положение, что развитие производства, промышленности, являясь основой для науки, предшествует её развитию: «художества издревле и поныне во всех государствах всегда предваряют науки» ³.

Выступая против метафизического идеализма в философии, в объяснении природы, Третьяков стремился к тому, чтобы изучение общественной жизни опиралось на исторический опыт.

Он отвергал метод обществоведов-идеалистов, которые «приготовляли только сердца человеческие к восприятию мечтаемого ими изрядного правления», и горячо защищал эмпирический, историко-сравнительный метод в юриспруденции и

¹ Понятно, что Университетская конференция, состоявшая в своём большинстве из консервативно-реакционных элементов, отвергла эту тему и рекомендовала Третьякову другую из предложенных им тем — о происхождении и развитии университетов в Европе. Речь на эту тему была им произнесена в публичном собрании Московского университета 22 апреля 1768 г. и впоследствии издана.

² См. главу шестнадцатую.

³ *И. Третьяков*, Слово о происшествии и учреждении университетов..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 339.

экономической мысли. Учёные, следовавшие этому методу, «взяв свои наблюдения из опытов, доказывали свету явные неудобности и выгоды, какие точно в разных правлениях и в течении оных на самом деле оказывались»¹. В этих словах звучало стремление русского учёного приблизить изучение общества к изучению природы, приблизить метод обществоведения к методу естествознания.

Передовой учёный, критически относившийся к крепостничеству, Иван Андреевич Третьяков рассматривал труд как единственный источник народного богатства. Он развил учение об общественном разделении труда и повышении его производительности как основе экономического развития и обогащения народа и государства.

Ставя цену товара в зависимость от его количества и связывая количество товара с разделением общественного труда между различными сферами производства, Третьяков считал важнейшим фактором этого разделения производительность труда в каждой сфере. Третьяков подходил таким путём к определению цены не только количественным фактором (количеством товара), но и затраченным на производство товара трудом.

На базе развитых им теоретических положений и критики меркантилизма Третьяков выдвинул и обосновал практические экономико-политические предложения (о банках, внешней торговле и др.), объективно направленные на развитие буржуазных элементов и отношений в экономике феодальной России.

Социологические взгляды и экономические предложения С. Е. Десницкого

С. Е. Десницкого объединяет с И. А. Третьяковым общность мировоззрения, критика отживающих общественных форм и отношений, борьба против поповщины, метафизики, идеализма, борьба за прогрессивные общественные отношения, за свободную науку, за материализм.

Семён Ефимович Десницкий происходил из мещан г. Нежина на Украине². Год его рождения неизвестен. Судя по косвенным данным (время поступления в университет), он родился в конце 30-х — начале 40-х годов XVIII столетия.

По окончании Троицко-Лаврской духовной семинарии Десницкий учился в гимназии при Московском университете и в 1759 г. был принят в число его студентов. В 1760 г. студент

¹ И. Третьяков, Слово о римском правлении и о разных оногo перемснах..., М. 1769, стр. 4.

² Об этом свидетельствует упомянутая выше книга для записи принятых в Глазговский университет за 1761 г. и «Сказка, какова подана в Герольдию о профессоре Десницком» (ЦГАДА, фонды бывш. Гос. архива Российской империи, разряд XVI, № 168, ч. 14, л. 540).

Десницкий был отправлен в Петербургскую Академию наук, где обучался физике, философии и элоквенции (красноречию). В 1761 г. он вместе с И. А. Третьяковым был направлен в Глазговский университет. После окончания университета он защитил диссертацию и получил в 1767 г. учёную степень доктора прав. По возвращении в том же году в Россию Десницкий стал преподавать в Московском университете, где он (вместе с Третьяковым) примкнул к группе передовых русских учёных и начал чтение лекций на русском языке.

Десницкий был первым профессором, который специально разрабатывал и читал русское право¹. Его лекции имели огромное влияние на слушателей. Десницкий является основоположником русской правовой науки, создавшим в юриспруденции свою школу, которая насчитывала много учеников и последователей.

Социологические, экономические и правовые воззрения Десницкого отражены не только в его публичных выступлениях, но и в проекте законодательства и устройства государственной власти в России, представленном им в екатерининскую Комиссию об Уложении вскоре по возвращении из-за границы, в феврале 1768 г., а также в предисловиях и примечаниях к переведённым им на русский язык книгам.

Превосходный стилист и оратор, Десницкий при открытии в 1783 г. Российской Академии (русского языка и словесности) был избран её членом.

Университетское начальство всячески препятствовало деятельности выдающегося русского учёного и распространению его трудов. Дирекция университета запретила перевод на латинский язык для рассылки за границу (в обмен на иностранные книги) публичных речей Десницкого², представлявших собой выдающийся вклад не только в русскую, но и в мировую науку. В 1787 г. С. Е. Десницкий оставил Московский университет. Умер он в 1789 г.

* *
*

Отрицая господствовавшие религиозно-идеалистические представления об общественной жизни, Десницкий рассматривал человеческое общество как находящееся в изменении, развитии.

Уничтожающе критиковал Десницкий преобладавшее в то время в университетах, особенно германских, учение Пуффендорфа об естественном праве, которое тогда называли

¹ ЦГАДА, ф. Сената 261, д. 5565, л. 418.

² «Протоколы Университетской конференции... 1768 г.» (рукопись Научной библиотеки Московского государственного университета), т. 14, стр. 123.

натуральной юриспруденцией. Пуффендорф писал не о существовавшем в действительности, а о так называемом «естественном состоянии» людей. «Пуффендорфов труд подлинно был излишний, ибо писать о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу». Считая, что «ныне везде почти нравоучительная философия не совсем к делу ведет», осуждая схоластическое «междоусобное словопрение», Десницкий высоко ставил Юма и Смита, которые свои труды «к великому удовольствию учебного света издали»¹.

В критике Пуффендорфа Десницким содержится позитивная программа изучения общества. Надо исследовать возникновение и развитие собственности, владения, наследства и других общественных институтов. Применяя историко-сравнительный метод, Десницкий исходил из того, что общность условий хозяйственной жизни неизбежно порождает у различных народов, в разных странах одинаковые общественные институты.

Главным из них Десницкий считал собственность и оценивал состояние общества на той или иной стадии степенью развития в нём собственности и понятия о собственности. Этот важнейший, по Десницкому, общественный институт, как и другие институты, он рассматривал не как постоянно, всегда существовавший, а как возникший на определённой ступени общественного развития и менявший свои формы в зависимости от хозяйственных условий жизни общества. Возникновение собственности и развитие её форм определяло, по мнению Десницкого, происхождение «и самых правлений государственных»².

Рассматривая общественное развитие как «степенно восходящее», т. е. эволюционное, Десницкий считал, что общество закономерно прошло четыре ступени, которые он называл состояниями. Из этих состояний «первобытным почитается состояние народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами, саморождающимися на земле; вторым — состояние народов, живущих скотоводством, или *пастушеское*; третьим — *хлебопашественное*; четвертым и последним — *коммерческое*»³.

¹ С. Е. Десницкий, Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 200, 202, 204.

² С. Е. Десницкий, Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности именяя в различных состояниях общежития, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 285.

³ Там же, стр. 270.

Утверждая, что в основе этих состояний лежат различные хозяйственные занятия людей, Десницкий не задавался вопросом о причинах перехода общества из одного состояния в другое. Он лишь констатировал смену состояний общества.

Главным и оригинальным в концепции общественного развития Десницкого, его крупнейшей научной заслугой является положение, гласящее, что «по оным четверояким народов состояниям мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспевания в науках и искусствах»¹.

В свете своего учения об определяющем для эволюции общества значении хозяйственных занятий населения, сферы приложения его труда Десницкий объяснял прежде всего возникновение и развитие владения и собственности и историческую смену их форм. Он доказывал, что труд людей лежит в основе возникновения и развития собственности. Живя в «первоначальном состоянии», люди получают пропитание от собирания плодов земли и охоты на диких зверей. Не зная, каким образом сохранить пищу, люди не накапливали получаемые ими продукты. По мнению Десницкого, человек в то время затрачивал «немного труда» на получение необходимых ему продуктов и потому слабо ощущал несправедливость похищения их у него, тем более, что потребление было совместным, общим. Общности потребления соответствовала общность владения. Если же у людей «не имеется в вещах раздельного владения, то им и различие того, что *твое* и *мое*, весьма мало вразумительно»².

В таких условиях право собственности на вещь существовало в неразрывной связи с владением: «*право собственности* примечается совсем нераздельное с владением...»³.

Кроме того, при недостаточном для потребления количестве средств существования, получаемых от собирательства и охоты, нет основы для обмена, развитие которого требует установления и признания собственности на обмениваемые предметы.

Таким образом, по мнению Десницкого, в первобытном, охотничье-собирательском обществе, где во владении людей находятся лишь движимые вещи, отсутствует база для развития права собственности.

Пастушеские народы, имеющие стада различных животных, владеют значительно бóльшим числом вещей по сравнению

¹ С. Е. Десницкий, Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях обществ, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 271.

² Там же, стр. 274—275.

³ Там же, стр. 275.

с охотничье-собираТЕЛЬскими обществами и гораздо лучше удовлетворяют свои потребности. Однако и в пастушеском обществе институт собственности не может получить развития. У людей пастушеского общества общее пастбище для скота; они, передвигаясь со своими стадами, не оседают на земле. Поэтому земля в таком обществе, находясь во временном владении, не может стать собственностью.

Объектом собственности у пастушеских народов является лишь движимость. А на основе собственности на движимость не может, по мнению Десницкого, развиваться прочное и полное право собственности. И в пастушеских обществах собственность ещё неразрывно связана с владением.

Десницкий связывал возникновение собственности (под которой он как буржуазный идеолог понимает именно частную собственность) с развитием земледелия.

Земледелие даёт больше продуктов, чем собирательство, охота и скотоводство. С переходом к земледелию люди приобретают оседлость. В условиях оседлого земледелия применение удобрений повышает плодородие земли и улучшается пастбище. Земледелие требует у человека гораздо большей затраты труда, чем скотоводство, не говоря уже об охоте и собирательстве. Большая затрата труда на обработку земли вызывает стремление земледельца закрепить за собой право на сбор урожая и постоянное полное владение обрабатываемым участком. «В таком хлебопашественном состоянии каждый человек обрабатывает землю, прикосновенную к своему жилищу, и натурально желает получить на владение оная исключительное и всегдашнее право собственности»¹.

Право частной собственности, развившееся на основе собственности на недвижимость, землю, распространяется и на движимость, хотя исторически собственность на движимость предшествовала собственности на недвижимость. В земледельческом обществе собственность на движимость и недвижимость отделяется от владения ими. На этой основе возникает и развивается право собственности, как частной собственности. «Такое совершенство права собственности происходит от введения хлебопашества, и в сем состоянии собственность понимается совсем отделенною и отличенною от владения»².

Однако «несравненно совершеннейшее... понятие о праве собственности»³ установилось в обществе тогда, когда оно

¹ С. Е. Десницкий, Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежития, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 282.

² Там же, стр. 284.

³ Там же.

достигло стадии «коммерческого состояния». На этой стадии наряду с земледелием развивалась промышленность, внутри которой впоследствии выделялись различные отрасли производства. Возраставшее разделение труда в обществе обуславливало развитие обмена. Обмен продуктами труда людей требовал развития частной собственности. Десницкий не только считал, что на четвёртой ступени развития люди обретают совершеннейшее право собственности. Он полагал, что общество, имеющее совершеннейшее право собственности, является идеальным и представляет собой последнюю ступень развития человечества. В этом выводе обнаруживается буржуазная природа социологической концепции Десницкого и вместе с тем его буржуазная ограниченность.

Учение о собственности занимает центральное место в системе социологических, экономических и юридических взглядов Десницкого. С развитием собственности и сменой её форм связывал Десницкий происхождение государства. Он считал, что государство возникло на основе развития собственности на землю. Феодалная собственность на землю вызвала возникновение феодальных государств, под которыми Десницкий понимал лишь феодально-раздробленные государства. «Начало и происхождение собственности в возвышенном состоянии народов соединено с непосредственным происхождением и самых правлений государственных, и от введения собственности в земле родились оныя древние европейские баронские и маркграфские чиновательства...», — писал Десницкий и заключал: «Словом, от сего начала происходило во всех первоначальных европейских государствах февдальное правление...»¹.

Следует особо подчеркнуть, что Десницкий рассматривал возникновение политической системы феодализма на основе феодалной собственности на землю как процесс общий всем народам, но имеющий вместе с тем особые черты развития у каждого народа: «Сие февдальное и происходящее от различного введения собственности в землях правление... всем первоначинающимся государствам сродно...»².

Десницкий подчёркивал общность русского исторического процесса с западноевропейской историей и указывал на его особенности. Он призывал к изучению как «собственности февдальной европейской», так и «собственности землевладельческой российской, каковая у нас в древние времена была»³.

¹ С. Е. Десницкий, Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежителства, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 285.

² Там же.

³ Там же, примечание на стр. 285.

Десницкий впервые заявил о существовании феодализма в России, связав политическую систему русского феодализма (которую он неверно ограничивал рамками периода феодальной раздробленности) с феодальной собственностью на землю, как её основой.

Десницкий резко отрицательно оценивал власть феодально-раздробленных государств, как «сущее правление аристократическое», основанное на прямом насилии. Делая общий вывод, что государство вообще не может держаться на одном насилии и неизбежно в таком случае гибнет (как то было с державами Аттилы, Чингис-хана, Тамерлана), Десницкий считал прочной основой государства развитие экономики — «великой взаимной коммерции»¹. Особое значение при этом он придавал развитию торговли — «купечества», по тогдашней терминологии. «Купечеством больше народы скрепляются и соединяются, нежели каким другим средством»².

Главным источником могущества России Десницкий считал развитие её хозяйства, увеличение богатства народа. Он возражал Вольтеру, который говорил, что причиной создания Российской империи была Полтавская битва. Критикуя Вольтера, Десницкий утверждал, что настоящей причиной создания могущественной петровской империи было развитие экономики страны, рост её богатства.

Касаясь науки, Десницкий показывал материальную основу её развития. Он говорил, что везде «художества издревле предшествовали и ныне предъидут наукам»³, т. е. развитие промышленности предшествовало развитию науки. При этом Десницкий подчёркивал, что как производству, так и науке нужны правовые условия для их развития, в основном и главным образом свобода граждан. Под свободой Десницкий понимал прежде всего отсутствие препятствий для деятельности хозяйствующих субъектов, т. е. для развития буржуазной экономики.

Такой правопорядок устанавливается, по мнению Десницкого, лишь в высшем, «коммерческом состоянии» общества, при котором наиболее полное и совершенное развитие получает институт частной собственности.

Для того чтобы оценить значение социологического учения Десницкого, нужно знать, как возникла и развивалась идея закономерности общественной жизни.

¹ С. Е. Десницкий, Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 191.

² Там же, примечание на стр. 191.

³ С. Е. Десницкий, Предисловие к переводу книги Боудена «Наставник земледельческий, или краткое аглицкого хлебопашества показание», М. 1780.

Эта идея была выдвинута итальянцем Вико. В своём трактате «Основания новой науки об общей природе наций» (1725 г., русск. пер. Л. 1940 г.) Вико говорил о едином для всех народов законе развития. При всей рациональности такой постановки вопроса социологическое учение Вико было в основе своей идеалистическим и сводилось к так называемой теории круговорота.

После Вико, но, повидимому, не зная его «Оснований новой науки...», выступил Монтескьё со своим главным трудом «О духе законов» (1748 г., русск. пер. Спб. 1900 г.). Связывая политический строй, законодательство, политические взгляды общества с географической средой через психику людей, Монтескьё тоже находился на идеалистических позициях.

Дидро также признавал в некоторой мере влияние географических условий на взгляды и стремления людей, но не прямо через их психику, а при посредстве общественной среды. Критикуя Монтескьё, Дидро подчёркивал, что влиять на изменение прав и взглядов людей может лишь изменяющийся фактор, каковым является общественная среда.

Гельвеций в трактате «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» решительно отвергал учение Монтескьё об определяющем влиянии географических условий на общественное развитие. Как и Дидро, Гельвеций считал, что изменять людей может лишь изменяющийся фактор. Отсюда его формула: человек — продукт среды. Выдвигая такой тезис, Дидро и Гельвеций понимали под «средой» политический строй, государство, его учреждения, законы, создаваемые людьми в соответствии с их взглядами. Таким образом Гельвеций и Дидро пришли к выводу, что развитие общества объясняется в конце концов взглядами людей, их идеями. Материалисты в понимании природы, Дидро и Гельвеций в конечном счёте идеалистически объясняли общество, его развитие.

Тюрго, исходя из закономерности развития общества и исследуя её, считал, что воздействие географической среды на общественную жизнь происходит не через психику человека (как утверждал Монтескьё) и не через государство с его законодательством (Дидро), а при посредстве хозяйственной деятельности людей, на основе смены форм хозяйства. Тюрго устанавливает зависимость прогресса науки и искусства от смены различных хозяйственных состояний людей (охотничьего, пастушеского, земледельческого).

В своей речи в Сорбонне 11 декабря 1750 г. на тему «Последовательные успехи человеческого разума» Тюрго выдвинул и обосновал идею закономерности общественного развития, но ещё не дошёл до догадки о земной, материальной её основе. Догадки материалистического характера были сделаны Тюрго

уже в другом его сочинении — «Рассуждение о всеобщей истории»¹. Это сочинение Тюрго написал, повидимому, в 1751 г., но оно осталось незаконченным и было впервые опубликовано уже после его смерти, в 1808 г., и потому не могло быть известным Десницкому.

Десницкий, ничего не говоря о воздействии географической среды на историю общества, на происходящие в нём изменения, считал определяющей основой общественного развития хозяйственное состояние людей. Воздействие сменяющихся форм хозяйства на общественное развитие (формы семьи, государства и т. д.) происходит, по Десницкому, при посредстве главного и основного общественного института — владения и собственности. Смена форм владения и собственности совершается на основе смены хозяйственных занятий людей. Таким образом, социологическое учение Десницкого в значительной мере преодолевало идеалистические концепции общественного развития. Больше всех предшествующих и современных ему мыслителей Десницкий стремился материалистически объяснить общественную жизнь. И в этом, при всех недостатках с нашей, современной точки зрения, его социологических схем, заключается ценнейший вклад Десницкого в развитие русской и мировой науки.

Считая высшей ступенью общественного развития, идеальным обществом «коммерческое состояние», т. е. буржуазный строй, Десницкий осуждал купеческие монополии, получившие значительное развитие в современной ему Англии, как институт очень вредный для хозяйства страны. Он высказывался против «весьма опасной коммерции, когда она вся перевалится в руки немногих богачей, которые своим безмерным достатком задавляют всех прочих и делают ... во всем монополию, или единопродавство...»². Десницкий считал, что распространение купеческих монополий в Англии «последовало от безмерной и худо предуправляемой коммерции»³. Таким образом, Десницкий, как и Третьяков, отстаивал вмешательство государства в хозяйственную деятельность граждан.

Он считал необходимым заблаговременно, предварительно пресекать развитие нежелательных явлений и процессов в хозяйстве страны и поощрять положительные явления, процессы. В этом отношении выводы Десницкого были противоположны мнению Адама Смита.

¹ См. А. Р. Тюрго, Избранные философские произведения, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 75—142.

² См. С. Е. Десницкий, Примечание к переводу труда У. Блэкстона «Истолкования английских законов», кн. II, изд. Н. Повикова, М. 1781, стр. 137—138.

³ Там же.

Смит резко выступал против государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Десницкий же считал задачей государственной политики «введение и ободрение мануфактур, покровительство коммерции, надежное учреждение банков и монеты для благопоспешности купечества...», а в отношении сельского хозяйства — определение того, «какие здесь наилучшие средства суть к приведению хлебопашества в совершенство»¹.

Таким образом, Десницкий (как и Третьяков) занимал отличную от Смита, самостоятельную позицию по одному из важнейших экономических вопросов — по вопросу о роли государства в экономическом развитии страны. Основанием для такой позиции Десницкого был отечественный опыт: экономическая политика государства при Петре I.

Десницкий выступил с рядом предложений, внесённых им в Комиссию об Уложении, созванную Екатериной II в 1767 г. Поданный Десницким в 1768 г. проект, который он озаглавил «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», выражал не только юридические, но и лежащие в их основе общественно-политические и экономические воззрения Десницкого.

Важнейшим моментом в общественно-политических и экономических воззрениях Десницкого было его отношение к феодально-крепостническому строю России и развитию в нём буржуазных отношений.

Позиция Десницкого была глубоко противоречивой. Противоречивость его идеологической позиции отражала реальные противоречия феодального общества, в недрах которого вызревали буржуазные отношения, формировавшиеся в уклад. На защитниках развивавшегося буржуазного, капиталистического уклада лежал феодальный отпечаток. Буржуазные по своей сути идеи и предложения зачастую имели феодальную оболочку, снижавшую их прогрессивность, умалявшую их передовое значение.

Десницкий отрицательно относился к рабовладельческому строю и феодализму. Он считал задачей науки показать «введение в государствах порабощения и закрепления народов, какое бывает порабощения действие в рассуждении целого отечества, каким образом и для каких причин в иных государствах оное уничтожено, а в других закоснело»². В этой формулировке ясно видно отношение автора к порабощению, закреплению. Он говорил об отрицательном влиянии порабощения

¹ С. Е. Десницкий, Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 206—207.

² Там же, стр. 205.

на всю жизнь страны и характеризовал его сохранение как законение. Десницкий возмущался рабством в Северной Америке, где европейцы, ведя торговлю, «барышничают людьми, точно как скотиной и вещьми»¹.

Обращаясь к условиям экономического прогресса, Десницкий указывал на то, что для развития сельского хозяйства, роста его продукции, так же как и для промышленности, торговли, науки, не должно быть «никаких препятствий политических»². Необходимы личная свобода граждан, полная частная собственность на все средства производства, включая землю. Нельзя отнимать собственность на землю у того, кто её обрабатывает. Лишение земледельца земли либо изъятие плодов его труда на земле «покажется всякому делом бесчеловечным и несносным»³.

Однако Десницкий выдвигает и другое, несовместимое с первым требование — свободы хозяйственного оборота земли: она должна быть «повсеместно отдана в торг так, что всякой желающий может иметь оную беспрепятственно»⁴.

Русский профессор рассматривал крепостническую систему как препятствие к росту всех производящих отраслей хозяйства и прежде всего земледелия — главной и основной отрасли, как препятствие к расширению рынка, торговли, к развитию науки. С возмущением говорил Десницкий о положении помещичьих, крепостных крестьян. Эта основная и большая часть крестьян «всех выгод лишена, и потому не имеет ни малейшей собственности»⁵. Продавая крестьян, помещики часто отрывают их от семей или же продают целыми семьями, но без земли. «Какое жалкое позорище, — пишет Десницкий, — видеть граждан, скитающихся в недрах своего отечества и повинных всегда в новых и неизвестных им обитать жилищах, наконец, зреть их разлученных с их семьями»⁶. Касаясь «удручения крестьянства и земледелия», происходящего вследствие набора

¹ С. Е. Десницкий, Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 229.

² С. Е. Десницкий, Предисловие к переводу книги Боудена «Наставник земледельческий...», М. 1780.

³ С. Е. Десницкий, Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения..., Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 282.

⁴ С. Е. Десницкий, Предисловие к переводу книги Боудена «Наставник земледельческий...», М. 1780.

⁵ С. Е. Десницкий, Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 318.

⁶ Там же, стр. 320—321.

дворовых из крестьян, Десницкий говорил, что «нет возможности исчислить здесь в подробности все такого рода огорчения и вредности»¹.

Десницкий показал, что крепостное крестьянство лишено каких бы то ни было прав в общественной жизни и необходимых условий для развития хозяйственной деятельности. Особенно подчёркивая отрицательное значение отсутствия у крепостного крестьянства собственности, Десницкий считал идеалом общества «коммерческое состояние», под которым он понимал буржуазный строй.

Кажется, что из критики Десницким крепостничества и признания ужасающим положения крепостного крестьянства должно было вытекать требование ликвидации крепостного права. Однако этого вывода Десницкий не сделал. Занимая как критик феодализма и сторонник буржуазного строя антикрепостническую позицию в теории, Десницкий явно опасался сопротивления экономически сильного и политически господствовавшего дворянства. Очевидно поэтому он считал, что нельзя сразу отменить крепостное право, нельзя «без нарушения спокойствия государства дать оным земледельцам права и преимущества»². Десницкий предлагал лишь некоторые меры для улучшения положения помещичьих крестьян и пресечения вопиющих злоупотреблений помещиков. Предлагая такие меры, Десницкий имел в виду, как он сам заявлял, не только помещичьих, но также крестьян дворцовых, принадлежавших царю, и экономических (бывших церковно-монастырских крестьян, превращённых в государственных и находившихся в ведении Коллегии экономии).

Немедленно и без согласия помещиков Десницкий требовал прекращения «некоторых злоупотреблений в рассуждении крестьянства»³. Он предлагал запретить продажу крестьян врозь, без семьи, или хотя и семьями, но без земли. Десницкий считал также, что при наборе крестьян в дворовые имеются «великие злоупотребления, кои нужно пресечь законами»⁴. Он предлагал, чтобы помещик набирал дворовых из крестьян сам, а не через своих приказчиков, требовал законодательно установить возраст и семейное положение, при которых можно превращать крестьян в дворовых, считал необходимым вознаграждать их семьи. Такой порядок набора крестьян в дворовые может

¹ С. Е. Десницкий, Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 321.

² Там же, стр. 319.

³ Там же, стр. 320.

⁴ Там же, стр. 321.

«удовольствовать помещиков без удручения крестьянства и земледелия»¹.

Эти меры, которые должны были быть проведены, по мнению Десницкого, в законодательном порядке, независимо от согласия помещиков, крайне ограничены, ничтожны по своему содержанию. Запретить продажу крепостных поодиночке и без земли требовали даже защитники и идеологи крепостного строя (Щербатов, Сумароков и др.).

Более существенным и передовым было предложенное Десницким законодательное запрещение вновь закрепощать крестьян, отпущенных помещиком на волю. Этим своим предложением Десницкий хотел закрыть один из путей пополнения крепостного крестьянства — за счёт закрепощения отпущенных на волю.

Десницкий предлагал также сделать, но уже с согласия помещиков, «распоряжение, в котором надлежит постановить выгоды и означить некоторый род собственности для крестьян, коими помещик для вящей своей пользы ради умножения их трудолюбия имеет власть их награждать»². Эта мера, по своему содержанию неопределённая и расплывчатая, касалась, по видимому, лишь установления собственности крестьян на движимость и вообще ни к чему не обязывала помещиков.

У Десницкого, как и у ряда других представителей русской общественно-политической и экономической мысли этого периода, теоретическая критика крепостного строя соединялась с весьма умеренными практическими предложениями, со стремлением не задеть интересов помещиков, иметь их согласие на проведение мер по улучшению положения крестьян. В этом сказывалась исторически обусловленная ограниченность первых критиков феодализма в России и в Западной Европе.

Достаточно вспомнить весьма умеренные практические предложения насчёт крепостного крестьянства, исходившие от Вольтера (в его ответе на объявленный Вольным экономическим обществом в 1766 г. конкурс по вопросу о собственности крестьян)³ и от вождя демократического крыла французского Просвещения Руссо (в его проекте польской конституции)⁴. Вольтер рекомендовал русским феодалам наделить крепостных крестьян небольшими участками земли с условием уплаты ими

¹ С. Е. Десницкий, Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 321—322.

² Там же, стр. 320.

³ См. В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, Спб. 1888, стр. 61—63.

⁴ См. Considérations sur le gouvernement de Pologne et sur sa réformation projetée, par J. J. Rousseau, A Londres, 1782.

оброка. Руссо призывал к постепенному освобождению от крепостной зависимости крестьян, причём лишь тех из них, кто отличался хорошим (очевидно, по мнению помещиков) поведением и старательно обрабатывал землю. При этом Вольтер и даже Руссо подчёркивали необходимость проведения предлагавшихся ими реформ с согласия помещиков и так, чтобы они были выгодны помещикам. Вольтер и Руссо, так же как и Десницкий, стремились убедить помещиков провести эти реформы.

Значительно более решительными, чем в отношении крестьянства, были предложения Десницкого обеспечить участие купцов и ремесленников в законодательстве и отвести им решающую роль в «гражданской власти», в управлении хозяйством каждого города. Десницкий стремился сочетать абсолютную монархию, «просвещённый абсолютизм», с представительством буржуазных интересов.

Стремлением содействовать развитию буржуазных элементов в феодальной экономике и облегчить материальное положение народных масс проникнут проект финансовой политики, финансового законодательства под названием «О узаконении финансовом», включённый Десницким в его «Представление о учреждении... власти в Российской империи».

Придавая огромное значение правильной финансовой политике, получающей своё выражение в финансовом законодательстве, Десницкий говорил, что «в финансовых обращениях малейшая иногда ошибка может великие приключить убытки государю и бедствия народу»¹.

В России 60-х годов XVIII в. в центральном административном управлении очень плохо была организована финансовая часть. Финансами ведало несколько центральных органов — коллегий. Зачастую финансовые мероприятия одной коллегии противоречили финансовой деятельности другой. Финансовый контроль фактически отсутствовал. Ревизии, осуществлявшиеся Ревизион-коллегией, проводились от случая к случаю, носили эпизодический характер.

Считая такое положение совершенно ненормальным, Десницкий предлагал создать единый центральный орган, ведающий финансами: «Надлежит все отрасли финансов подвергнуть единому начальству, которое бы кроме никакого не имело предмета». Настаивая, таким образом, на специализации финансового управления, на том, что центральный финансовый орган не должен весть ничем кроме финансов, Десницкий исходил

¹ С. Е. Десницкий, Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 332.

из чрезвычайной сложности этого важнейшего для государства дела. Центральное финансовое учреждение должно «видеть всегда финансы как вообще, так и в тончайших их подробностях, чтоб всегда могло оно соображать частный какой-либо труд и следствие с основаниями...»¹.

Единым центральным органом, ведающим финансами, должна быть, по мысли Десницкого, «комиссия о финансах или доходах государственных» с «подпорой» — Ревизион-коллегией, осуществляющей контроль и ревизию доходов и расходов в центре и на местах.

Идея необходимости сосредоточить управление финансами страны в едином центральном органе, высказанная Десницким ещё в 1768 г., была реализована много позже. В 1802 г. были учреждены в России министерства и среди них — министерство финансов², существовавшее и при феодально-крепостническом строе и на всём протяжении капиталистической эпохи в России.

Предложение централизовать управление финансовым контролем и ревизией в самостоятельном ведомстве, выдвинутое Десницким в том же 1768 г., было осуществлено ещё позже, в 1811 г., с учреждением Главного управления ревизии государственных счетов³.

В своей программе финансовой политики Десницкий исходил из того, что доходная часть государственного бюджета должна определяться его расходной частью. Значительные и всё увеличивавшиеся расходы, связанные с административной, хозяйственной и оборонной деятельностью государства и с содержанием царского двора, требовали для своего покрытия всё возрастающей суммы государственных доходов.

Основным источником государственных доходов Десницкий считал налоги, что соответствовало условиям феодальной экономики, отношениям между феодальным базисом и его политической надстройкой, государством.

Десницкий признавал необходимым временно сохранить подушную подать ввиду её крупного значения в доходной части государственного бюджета. Но вместе с тем он подчёркивал, что ставки подушного обложения должны быть умеренными. Подушная подать при умеренных ставках не будет, по мнению Десницкого, обременять крестьянство и наносить ущерб сельскому хозяйству.

¹ С. Е. Десницкий, Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 332.

² См. ПСЗ, т. XXVII, № 20406.

³ См. ПСЗ, т. XXXI, № 24502.

Однако в будущей росписи государственных доходов Десницкий предлагал перейти от подушной подати, налагавшейся на крестьян и посадских, к косвенным налогам, которые «более касаются для всех вообще государственных жителей»¹.

В отношении косвенных налогов Десницкий, заботясь об улучшении материального положения народных масс, настаивал на освобождении от налогов такого предмета первой необходимости, как хлеб, предлагал умеренно облагать соль, установить высокие налоговые ставки на предметы роскоши, к которым он относил табак и вино.

Горячо настаивал Десницкий на отмене монополий как частных лиц и компаний, так и государственных. Из государственных монополий Десницкий особенно осуждал винную монополию и предлагал «сие зло... всеконечно прекратить»².

Резко отрицательно, исходя из интересов народных масс, относился Десницкий к откупам, имевшим в то время большое распространение: «Глас народа во всех странах вопиет, что откупы для него отяготительны...»³. Десницкий указывал на огромные прибыли откупщиков. Эти суммы оставались бы у народа, если бы государство не прибегало при получении своих доходов к посредничеству откупщиков. Десницкий говорил и о неизбежно связанных с откупной системой злоупотреблениях, помехах развитию промышленности и торговли, ограничениях хозяйственной деятельности народных масс.

Одобрив отмену в России (с 1754 г.) внутренних таможенных сборов и пошлин, сохранявшихся за границей (во Франции, в Германии и других государствах), Десницкий положительно относился к таможенным пошлинам и сборам во внешней торговле. Он даже был за их увеличение, так как оно вело к повышению цен на импортируемые товары и соответствовало интересам конкурентной борьбы товаров отечественного производства с иностранными на отечественном рынке. При этом Десницкий наивно полагал, будто можно путём законодательного запрещения не допустить переложения этих пошлин купцом-импортёром на русского покупателя.

Самым замечательным в финансовой программе Десницкого было его предложение о прогрессивном обложении недвижимости. Он исходил из резкой дифференциации тогдашнего русского общества «в рассуждении имений», понимая под имением

¹ С. Е. Десницкий, Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 329—330.

² Там же, стр. 331.

³ Там же, стр. 330.

«единственно имение недвижимое»¹, т. е. прежде всего землю. «Итак, благоразумие и справедливость требуют, чтоб, елико возможно, накладки были учреждаемы согласно с сим неравенством состояния и, если так можно сказать, чтоб оные были установлены по геометрической прогрессии»². Требование Десницкого сводилось к всеобщему поимущественному обложению недвижимости по принципу прогрессии, резко возроставшей с увеличением массы недвижимого имущества.

Превращение феодальной собственности на землю в объект прогрессивного обложения имело антифеодальный характер. Маркс рассматривал предлагавшееся французскими экономистами — физиократами перенесение всех налогов на земельную ренту как частичную конфискацию земельной собственности³. К тому же сводилось в конечном счёте предлагавшееся Десницким в 1768 г. обложение недвижимости.

Это, несомненно антифеодальное, буржуазно-демократическое по существу требование Десницкого не было осуществлено в феодально-крепостнической России⁴. Оно не было осуществлено и в буржуазной России в условиях сохранения пережитков феодализма и сильнеешего влияния дворян-помещиков на экономическую политику царизма.

* *
*

Материалист в понимании природы, Десницкий стремился материалистически объяснить развитие общества. Разработанная им концепция общественного развития как закономерного процесса в значительной мере преодолевали господствовавшие в то время идеалистически-метафизические схемы. Он рассматривал преобладающий на каждом этапе развития общества род хозяйственных занятий людей как основу возникновения и смены форм собственности. Десницкий утверждал, что каждой форме собственности соответствуют формы

¹ С. Е. Десницкий, Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи, Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 328.

² Там же, стр. 330.

³ См. К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, М. 1954, стр. 18—19.

⁴ Спустя двадцать с лишним лет идея прогрессивного обложения земельной собственности была выдвинута во Франции. В 1789 г. Бернарден де Сен-Пьер предлагал ввести налог на земельную собственность, который при её увеличении в арифметической прогрессии (как 1, 2, 3, 4 и т. д.) должен был возрастать в геометрической прогрессии (как 1, 2, 4, 8 и т. д.). Французские феодалы, поняв антифеодальный характер обложения земельной собственности по принципу прогрессии, называли этот налог прогрессивным разбоем.

отношений между людьми — формы семьи, государства и т. д. Никто до Десницкого не высказал столько материалистических догадок в объяснении развития общества. В этом прежде всего заключается вклад Десницкого в русскую и мировую науку.

Однако в своей социологической концепции Десницкий лишь констатировал смену хозяйственных занятий людей, но не вскрывал её причин. «Коммерческое состояние» общества, понимая под ним буржуазный строй, Десницкий рассматривал как идеал, как совершеннейший период, завершающий развитие человечества, эволюцию общества.

Русский учёный подчёркивал, что развитие производства и науки в каждом государстве определяется в основном не географической средой (как утверждал Монтескьё). Прогрессу производства и науки решающим образом содействует передовой политический строй с соответствующими ему общественными отношениями.

Десницкий стоял на антифеодальной позиции. Он критиковал феодализм, показывая его отрицательную, тормозящую роль в развитии народного хозяйства и для роста богатства страны. Десницкий особо вскрыл тормозящую роль феодально-крепостнического строя в развитии сельского хозяйства. Он говорил о тяжёлом, бесправном положении крепостного крестьянства, сковывающем его хозяйственную деятельность.

Считая идеальным общественным строем буржуазное общество, Десницкий защищал интересы носителя буржуазных отношений — купечества. Он стремился усилить роль купечества в экономике, его влияние на экономическую политику феодально-абсолютистского государства и обеспечить купечеству решающее положение в управлении городским хозяйством.

В вопросе о крепостном праве в России позиция Десницкого была противоречивой. Критикуя крепостной строй, показав тяжёлое положение крепостного крестьянства, Десницкий не решился поставить вопрос об уничтожении крепостничества.

В его идеологии, как и в идеологии всех первых критиков крепостничества, было глубокое противоречие между теоретической критикой крепостного строя и ограниченностью предлагаемых мер экономической политики.

Глава двадцатая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ НАРОДНЫХ МАСС В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ 1773—1774 гг.

Предпосылки крестьянской войны; её участники

Крестьянской войне 1773—1774 гг. предшествовали волнения крестьян в различных местах страны. Они были вызваны усилением крепостнической эксплуатации, раздачей государственных крестьян дворянам, безграничным расширением власти помещика над крестьянами, ростом помещичьего произвола. Волнениями были охвачены и «работные люди» на мануфактурах и приписанные к заводам крестьяне. Волнения возникали и в городах. Причиной так называемого «чумного бунта» в Москве в 1771 г. была, понятно, не только эпидемия чумы; городские низы протестовали против тяжкой эксплуатации и бесправия. Эти грозные для феодализма волнения подавлялись феодально-абсолютистским государством при помощи воинских частей и с применением массовых жестоких репрессий.

Напряжённая борьба развернулась в восточных губерниях, где эксплуатация народных масс принимала формы, ужасающие даже в условиях крепостного строя. На Урале — крупнейшем тогда в мире районе рудно-металлургической промышленности — эксплуатация крепостных крестьян в сельском хозяйстве переплеталась с тягчайшей эксплуатацией «работных людей» и приписных крестьян на заводах.

Об ужасающих условиях, в которых находились приписанные к заводам крестьяне, говорят их наказы депутатам в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, созданной в 1767 г. Крестьяне, приписанные к Авзяно-Петровскому железоделательному заводу Демидова, писали в своём наказе, что они не могут себя прокормить хлебопашеством и огородничеством, «ибо в тех заводских работах всегда находимся безотлучно», в результате чего «пришли в самую бедность и нищету и одолжены неоплатными долгами»¹.

¹ «Наказ Уфимской провинции от приписных переселенных крестьян», «Сборник Русского исторического общества», т. СХV, Спб. 1903, стр. 303.

О том же заявляли в своём наказе крестьяне, приписанные к камским железоделательным заводам графа П. И. Шувалова. Приписной крестьянин, говорится в наказе, «не только чтоб... мог прокормить имеющуюся при себе лошадь, но и самому себя пропитать нечем... ибо за все те... работы происходит плата малая...». Приписные шуваловских заводов жаловались на то, что им «не дают... своей крестьянской земледельной работы исправлять» и потому они «пришли в крайнее разорение и нищету»¹.

И даже такой защитник интересов помещиков и заводо-владельцев, как Николай Рычков (сын известного экономиста П. И. Рычкова), касаясь положения приписных к заводам купца Походяшина, вынужден был признать, что они «не имеют довольно времени к распространению своего хлебопашества: ибо в тот час, когда руки земледельцев должны обрабатывать свои земли... принуждены они итти на заводы... лежащие в 500 верстах от тех селений, кои к ним [заводам. — *И. В.*] приписаны, и еще в таких местах, куда и пешком с великим трудом пройти возможно... И так большую часть времени должны приписные крестьяне употреблять отчасти в заводские работы, отчасти в дороги...»². О том же свидетельствовал член следственной комиссии по делу о восстании Пугачёва капитан-поручик С. Маврин.

Волнения, восстания приписных и «рабочих людей» Урала становились всё более частыми накануне крестьянской войны. Правительство, встревоженное силой и масштабом волнений на Урале, поручило их подавление генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому, который двинул в уральские места воинские отряды и даже артиллерию и жестоко расправился с восставшими.

Горнозаводчики захватывали земли и воды, лесные массивы для углежжения, лишая сельское население возможности обрабатывать землю, пасти скот, заниматься охотой и рыбной ловлей, пользоваться лесом. На это жаловались в Комиссии об Уложении депутаты государственных русских крестьян, а также башкир, татар и других народностей Урала и Поволжья.

Эти народности страдали от гнёта «своих» феодалов, к которому добавился ещё колониальный гнёт царизма. Захват у башкир земель, лесов, вод производился не только для строившихся и действовавших горных заводов, но и в связи с образованием Оренбургского казачьего войска, а также для раздачи русским

¹ См. «Наказ Казанского уезда... бывших ясажных крестьян», «Сборник Русского исторического общества», т. СХV, Спб. 1903, стр. 260—264.

² «Продолжение журнала или дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1770 году», Спб. 1772, стр. 103—104.

дворянам и чиновникам. Башкир принуждали отбывать службу в местных нерегулярных воинских отрядах, производить различные работы для заводов, перевозить людей и грузы; у башкир отбирали лошадей для кавалерии, забирали рогатый скот и т. д. Им была запрещена добыча соли, повышены налоги. Ответом башкирского народа на всё растущий гнёт были восстания 1735 — 1740 и 1755 гг. и непрерывавшиеся и после их разгрома волнения. При усмирении волнений башкирские деревни уничтожались, а земли раздавались помещикам, заводчикам, чиновникам, что вызывало новые волнения башкир¹.

Татары Кунгурского уезда жаловались в своём наказе на то, что для Ашинского медеплавильного завода графа И. Г. Чернышёва «лесов... знатное число вырублено и вырубается; також знатное число сенных покосов захвачено...»². О лишении народностей Урала и Поволжья принадлежавших им искони средств производства говорят и наказы мордвин³, удмуртов⁴, чувашей⁵, татар⁶, возмущение которых всё нарастало.

Волновалось и яицкое (после крестьянской войны переименованное в уральское) казачество. В Яицком казачьем войске старшина, состоявшая из зажиточных казаков, захватила в свои руки органы казачьего войскового самоуправления и всячески притесняла рядовое казачество. Глава казачьей старшины — атаман — назначал казаков на службу и распоряжался войсковою казною, собирал вместе с «войсковою избой» налоги с казаков и выдавал им жалованье. Войсковая старшина собирала с казаков откупные суммы, выплачиваемые правительству за доходы от рыбных промыслов, питейных и таможенных сборов и пр. Злоупотребляя своей властью, старшина всячески эксплуатировала массу казачества, грабила и разоряла рядовых казаков, захватывала их земли. В борьбу между старшиной и массой рядового казачества вмешалось правительство, стремившееся подчинить себе яицкое казачество. Поддерживая старшинскую партию, правительство оказывало ей военную помощь.

Вооружённые столкновения правительственных войск и казачьей старшины с массой рядового казачества, происходившие в условиях повсеместных волнений и восстаний кре-

¹ См. А. П. Чулошников, Восстание 1755 г. в Башкирии, АН СССР, М.—Л. 1940.

² «Сборник Русского исторического общества», т. СХV, стр. 363.

³ См. там же, стр. 421—424.

⁴ См. там же, стр. 368—371.

⁵ См. там же, стр. 379—381.

⁶ См. там же, стр. 393—403; см. также «История Татарии в материалах и документах», Соцэкгиз, М. 1937, стр. 242—246.

стьян, были началом крестьянской войны. Они переросли в крестьянскую войну.

Вспыхнув в сентябре 1773 г. среди яицкого казачества, восстание распространилось на Заволжье с его редким земледельческим населением и пастушескими народностями и племенами. Война охватила Южный Урал, где имелось большое количество приписных к заводам крестьян, была масса «рабочных людей», жило многочисленное башкирское население. В июле 1774 г. крестьянская война перекинулась на правый берег Волги — в места, заселённые помещичьими крестьянами. Здесь на протяжении всего лишь двух месяцев война подняла вдвое бóльшие массы населения, а дворянство и его государство понесли неизмеримо бóльший урон, чем за предшествовавшие десять месяцев войны.

Именно на правом берегу Волги в последние месяцы войны с наибольшей отчётливостью выявилась её социальная сущность, её классовый характер как *крестьянской* войны.

А. С. Пушкин, пользовавшийся рукописями, преданиями и свидетельством оставшихся в живых современников, верно заметил, что «весь чёрный народ был за Пугачёва»¹. Главным и основным участником этой войны было крестьянство. Помещичьи и государственные крестьяне шли за Пугачёвым. Документы того времени свидетельствуют, что «крестьяне всякого ведомства» были «весьма ревностны» Пугачёву². К восставшему крестьянству примыкали казаки, «рабочные люди» заводов Урала, низшие слои городского населения — ремесленники, чернорабочие, грузчики, мелкие торговцы и другие, — угнетённые массы народностей Поволжья и Урала (среди них в первую очередь башкиры).

Оттого, что в этой войне вместе с главной её силой — крестьянством — участвовали казаки и предводителем войны был донской казак Пугачёв, она не стала казачьей, как полагал Г. В. Плеханов³.

Ошибочно мнение, будто участие в войне 1773—1774 гг. «рабочных людей», ещё не являвшихся классом, делало её, как считал М. Н. Покровский, рабоче-крестьянской войной⁴.

Участие казаков, рабочих, угнетённых народностей в войне 1773—1774 гг. не меняло её характера как войны крестьянской,

¹ А. С. Пушкин, История Пугачёва, Полное собрание сочинений, т. VIII, М. — Л. 1951, стр. 357.

² См. «Исторический архив», VIII, АН СССР, М. 1953, стр. 293.

³ См. Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, М. — Л. 1925, стр. 284—285.

⁴ М. Н. Покровский, Предисловие к сборнику документов Центр-архива «Пугачёвщина», т. I, М. — Л. 1926, стр. 13.

но накладывало на неё определённый отпечаток. Между различными социальными и национальными элементами пугачёвского войска были противоречия и происходили столкновения. Рабочие вносили в стихию крестьянского движения некоторый элемент организованности. Участие в пугачёвских войсках наряду с крестьянством других общественных слоёв и групп вело к отражению и их интересов и чаяний в документах крестьянской войны.

Манифесты и указы Пугачёва

Экономические требования восставших провозглашены в манифестах и указах Емельяна Ивановича Пугачёва и его ближайших помощников.

Политические документы крестьянской войны составлялись не только Пугачёвым. Они были плодом коллективного творчества. Это сказалось уже на указе 17 сентября 1773 г., подписанном Пугачёвым именем государя императора Петра Фёдоровича. Как показал впоследствии сам Пугачёв на допросе в Тайной канцелярии, этот указ был написан во время его поездки на Толкачёвы хутора, где предполагалось объявить на станичном сходе о начале восстания. В составлении указа принимали участие кроме Пугачёва также Чика-Зарубин (один из первых и активнейших помощников Пугачёва)¹, Кожевниковы, Коновалов и другие яицкие казаки; а писал указ молодой казак Иван Яковлевич Почиталин, впоследствии первый секретарь Пугачёва, «думный дьяк» его Военной коллегии².

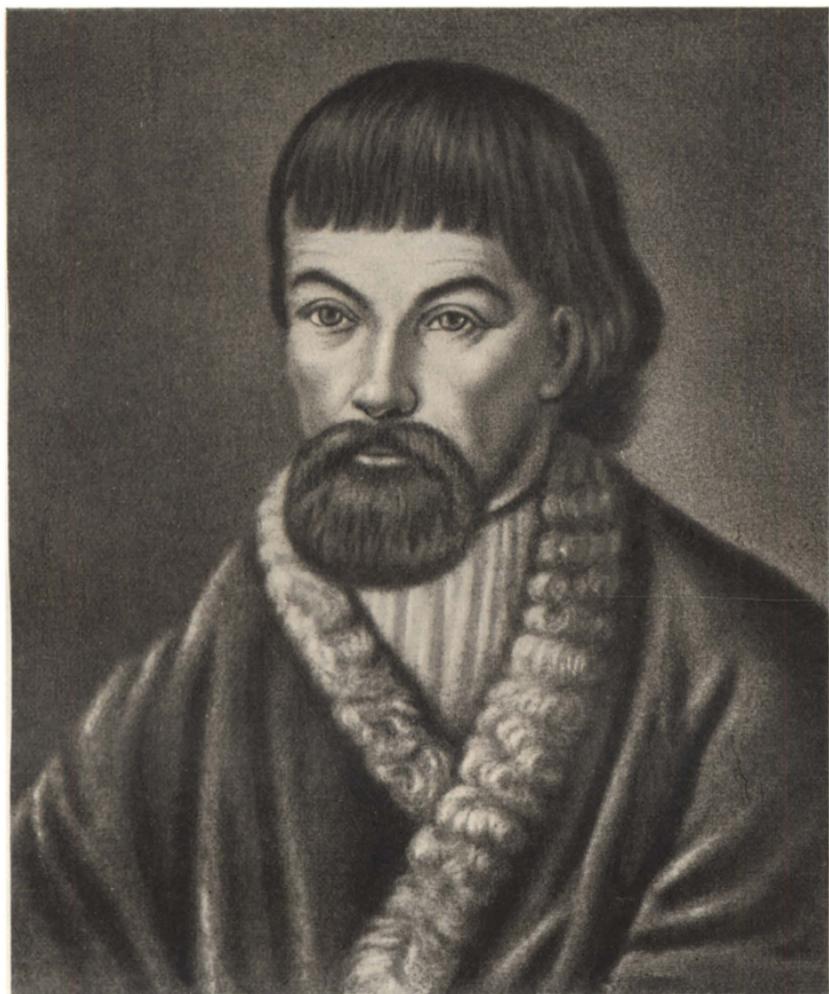
В своём первом манифесте Пугачёв, обращаясь к казакам и угнетённым народностям Приуралья, предоставлял им свободное пользование землями и водами. Пугачёв жаловал население, жившее по реке Яику (впоследствии переименованной в Урал), «рекою с вершин и до устья и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провантом»³.

Именно это «первое возмутительное [т. е. призывающее к восстанию. — *И. Б.*] воззвание Пугачёва к Яицким казакам» А. С. Пушкин охарактеризовал как «удивительный образец народного красноречия...» и противопоставил его объявлениям оренбургского губернатора немца И. А. Рейнсдорпа, которые

¹ См. Централархив, «Пугачёвщина», т. II. Из следственных материалов и официальной переписки, М. — Л. 1929, стр. 128—136.

² См. там же, стр. 107.

³ Централархив, «Пугачёвщина», т. I. Из архива Пугачёва (манифесты, указы и переписка), М. — Л. 1926, стр. 25.

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЁВ

«были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов»¹.

Данная Пушкиным литературная оценка первого указа Пугачёва применима также к последующим его указам и манифестам. Они были образцами народного красноречия, потому что, являясь плодом коллективного творчества, отражали думы и чаяния народных масс.

В составлении манифестов и указов Пугачёва участвовали его ближайшие помощники. Кроме уже названного Ивана Чики-Зарубина в составлении политических документов крестьянской войны принимал участие Афанасий Соколов, по прозвищу Хлопуша, бывший крепостной крестьянин тверского архиерея, потом рабочий горного завода Шувалова на Урале, неоднократно подвергавшийся наказаниям и истязаниям. Впоследствии Хлопуша стал одним из выдающихся помощников Пугачёва, главным образом по организации работы оружейных заводов Урала для крестьянского войска («над заводскими крестьянами командир») и его снабжению хлебом и другими продуктами².

В составлении указов и манифестов Пугачёва большую роль играл также Иван Наумович Белобородов — сын уральского заводского крестьянина, работавший на медеплавильном заводе, отбывавший военную службу в Выборгском артиллерийском гарнизоне и на Охтинском пороховом заводе. Проявив себя в качестве талантливого организатора заводского крестьянства, Белобородов стал одним из ближайших помощников Пугачёва, который назначил его «главным атаманом и походным полковником»³.

Особо следует назвать в данной связи Салавата Юлаева — одного из главных соратников Пугачёва и вождя башкирского народа в крестьянской войне 1773—1774 гг., талантливого организатора и агитатора, выдающегося башкирского поэта-импровизатора⁴.

Хлопуша, Белобородов и особенно Салават Юлаев не только участвовали в составлении манифестов и указов Пугачёва, но издавали указы и повеления также от своего имени.

¹ А. С. Пушкин, История Пугачёва. Полное собрание сочинений, т. VIII, 1951, стр. 351.

² Центрархив, «Пугачёвщина», т. II, стр. 111; «Красный архив», т. 68, М. 1935, стр. 162—171.

³ Центрархив, «Пугачёвщина», т. II, стр. 325—335. См. также М. Мартынов, Пугачёвский атаман Иван Белобородов на Урале, «Исторический журнал» № 5—6, 1943 г., стр. 33—40.

⁴ См. А. Николаенко, Вождь башкирского народа, пугачёвский бригадир Салават Юлаев, «Исторический журнал» № 11, 1940 г., стр. 77—88.

А. С. Пушкин, касаясь отношений Пугачёва с его ближайшими помощниками, отмечает, что «он ничего не предпринимал без их согласия...»¹.

До нас дошли имена нескольких лиц, которые не только участвовали в составлении манифестов, указов и повелений Пугачёва и его помощников, но и писали их. Это (кроме уже названного И. Я. Почиталина) секретари, писари, канцеляристы Пугачёва — сын мценского купца Алексей Дубровский (И. С. Трофимов), работавший на уральских заводах, илецкий казак Максим Горшков, Никита Зябликов, Пётр Гусев и др.

Среди писавших пугачёвские указы и манифесты выделялся Тимофей Иванович Падуров — сотник Оренбургского казачьего войска и депутат от него в Комиссии об Уложении созыва 1767 г., «полковник крестьянского войска», один из ближайших советников Пугачёва. По свидетельству А. С. Пушкина, Падуров «заведовал письменными делами» у Пугачёва².

В ставке Пугачёва были представители различных народностей, писавшие от его имени манифесты и указы башкирам, татарам, казахам и другим народам. Эти «писари» переводили с русского (на татарский преимущественно) политические документы крестьянской войны. До нас дошли имена некоторых из них: Иманов Исмаил, Искандеров Рахманкул, Апатов Абубакир, Алаев Ресю и др. Они были не только переводчиками пугачёвских указов, но и принимали активное участие в их составлении. Писарь-толмач стремился отразить в манифестах и указах надежды и чаяния угнетённой массы своего народа.

Многие указы Пугачёва переписывались на местах и получали дальнейшее распространение. При этом безымянный переписчик зачастую вносил некоторые изменения в текст в соответствии с местными условиями, с потребностями местного населения и вытекавшими из них требованиями.

Манифесты Пугачёва были адресованы к широким народным массам деревень и городов, «народу в городах и провинциях, також в степи и в полях...». Пугачёв обращался к «людям моим с женами, с детьми и с дочерьми...». Он приказывал распространять повсеместно свои манифесты: «Сии мои указы публиковать во всех сторонах живущим в деревнях, в пути проезжающим и в деревнях, по каждой улице распространяя, везде разглашать повелел...»³. В одном из своих указов Пугачёв писал, что он его «во всю Россию» публикует⁴.

¹ А. С. Пушкин, История Пугачёва, Полное собрание сочинений, т. VI II, 1951, стр. 180.

² См. там же, стр. 181.

³ Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 27.

⁴ См. там же, стр. 38.

Подчёркивая, что он выступает за массы простого народа, бедняков, за улучшение их положения, Пугачёв называл себя в одном из первых своих указов (1773 г.) «скудных обогатитель»¹. В другом указе (тоже 1773 г.), обращаясь к казакам, он торжественно заявлял: «И чего вы ни пожелаете, во всех выгодах и жалованьях отказано вам не будет...»².

Пугачёв обещал после победы восставших осуществить надежды народных масс. Он исходил из того, что у различных социальных и национальных групп были общие и свои, особые чаяния и надежды, вытекавшие из условий их жизни, связанные с избавлением от тяготевшего над ними гнёта.

Пугачёв обещал всем свободу, вольность. В одном из последних своих указов, написанном в августе 1774 г., оглядываясь на ход крестьянской войны, Пугачёв писал, что «злодеидворяне» обратили «всю Россию себе в подданство» и поэтому он решил народ «от их злодейского тиранства свободить и учинить во всей России вольность»³.

Важнейшей задачей крестьянской войны было освобождение крестьян от феодальной зависимости. Пугачёв жаловал свободой «всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков», и призывал к уничтожению последних. Освобождённые от податей и повинностей помещикам и государству крестьяне станут, как указывал Пугачёв, казаками и смогут «возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет»⁴. Заводские крестьяне и «работные люди» были жалованы «всякою вольностию»⁵. Казакам и «всякого звания людям» тоже жаловалась «вечная вольность»⁶.

Среди крестьян, рабочих и казаков Урала и Поволжья было много старообрядцев, раскольников, подвергавшихся преследованиям со стороны правительства. За ношение бороды и за старообрядческий крест следовали кары. Объявляя свободу вероисповедания, Пугачёв жаловал раскольников «крестом и бороною»⁷, «древним крестом и молитвою»⁸.

Манифесты крестьянской войны провозглашали волю всем угнетённым народностям Урала и Поволжья.

В указе, написанном на арабском, персидском, турецком и татарском языках, Пугачёв, обращаясь к народностям Приуралья, обещал им избавление не только от царской, но и от

¹ Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 26.

² Там же.

³ Там же, стр. 41—42.

⁴ Там же, стр. 41.

⁵ Там же, стр. 33.

⁶ Там же, стр. 32.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 40.

всякой вообще власти: «И пребывайте так, как степные звери... всех вас пребывающих на свете освобождаю и даю волю детям вашим и внукам вечно»¹.

В указе башкирам, калмыкам и другим народностям Пугачёв требовал освобождения людей из тюрем и от крепостной зависимости от местных феодалов. Он приказывал, чтобы «содержащихся в тюрьмах и у протчих хозяев имеющихся в неволности людей всех без остатку на нынешних месяцах и днях выпускали»².

Вождь крестьянской войны обращался к башкирам, татарам и другим народам, подвергавшимся религиозным преследованиям и насильственному крещению. Провозглашая полную веротерпимость, Пугачёв торжественно объявлял этим народностям, что жалует их «верою и законом вашим»³.

Манифесты крестьянской войны провозглашали не только свободу всем народам России, но и наделение трудящихся средствами производства. В указах Пугачёва объявлялось, что земли должны быть отняты у помещиков. Вся земля должна поступить в пользование земледельцев и скотоводов. Такое торжественное обещание было дано русским крестьянам, «работным людям», казакам, башкирам и всем другим народностям без указания того, как земля будет распределяться между ними.

Пугачёв обещал всем также свободу охоты и рубки леса, неограниченное пользование водами (реками, озёрами и морями) — свободу рыбной ловли и добычи соли. При этом, как и в отношении земли, не указывалось, на каких основаниях будет происходить это общее пользование, каким образом будет обеспечено распределение средств производства и продукции.

Казакам, заводским крестьянам, башкирам, татарам обещано было также постоянное получение пороха, свинца и всякого провианта, прежде всего хлеба. Казаки должны были получать ещё и денежное жалованье.

Оставалось совершенно неясным, откуда же будут получаться для этого средства, если после победы в данной войне отменены будут все повинности в пользу государства и налоги, составлявшие в то время основной источник государственных доходов.

Социальная, классовая природа восстания 1773—1774 гг. как *крестьянской* войны наиболее отчётливо выявлена в указах Пугачёва, изданных во второй половине июля 1774 г., после распространения восстания на правый берег Волги, в старые помещичьи районы, населённые крепостными крестьянами. Эти

¹ Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 30.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 28.

манифесты Пугачёва были обращены к крепостному крестьянству России. Они представляли собой, по существу, различные редакции указа, написанного, повидимому, секретарём Коллегии Пугачёва А. И. Дубровским (И. С. Трофимовым). Впервые изданный 18 июля 1774 г., на другой день после вступления крестьянского войска на правый берег Волги, этот указ неоднократно вновь выпускался с некоторыми изменениями и получил широкое распространение в Поволжье. Приводим полный текст этого замечательного указа (в редакции, данной 31 июля).

«Божиею милостию мы, Петр третий, император и самодержец всероссийский и протчая, и протчая, и протчая.

Обевляется во всенародное известие.

Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, волностию и свободою и вечно козаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без аброку и освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градцких мздоимцов-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалыя бедствия. А как ныне имя наше властию всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих помест [иях] и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может почувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет.

Дан июля 31 дня 1774 году. Петр»¹.

В этом указе наиболее полно выражены требования народных масс в крестьянской войне: уничтожение личной зависимости крестьян, ликвидация помещичьей собственности на землю, леса и воды; конфискация недвижимого и движимого имущества дворян-помещиков и борьба с ними вплоть до физического их уничтожения; освобождение крестьян от податей и повинностей, в том числе от наиболее тяжёлых — рекрутского набора и подушной подати; безвозмездное наделение крестьянства землёй.

¹ Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 40—41.

Экономические мероприятия Военной коллегии Пугачёва

Полная свобода, освобождение населения от налогов и всяких государственных повинностей, отдача земель, лесов, вод в общее пользование — таковы были представления руководителей крестьянской войны о будущем общественном устройстве. Всё это манифесты Пугачёва обещали после победы.

Иначе было во время войны. Большая напряжённая борьба против феодально-крепостнического строя с царскими войсками, с государственным аппаратом феодально-абсолютистской империи предъявляла свои требования. Нужно было внедрять дисциплину в крестьянском войске, обеспечивать его снабжение боеприпасами и провиантом, организовывать местную власть. Необходимы были различные формы принуждения не только в крестьянском войске, но и в отношении населения.

Участие в этой войне «работных людей» Урала вносило некоторые элементы организации в стихию крестьянского движения. Следует, однако, отметить, что сами «работные люди», так же как крестьяне и угнетённые нерусские народности Урала и Поволжья, были во власти местных тенденций. Они стремились обычно поднять движение лишь у себя на заводе или в его округе и не хотели выйти за эти пределы.

Пушкин, писавший, что среди пугачёвцев был введён «строгий порядок и повиновение»¹, несомненно, сильно преувеличивал. Но нельзя отрицать того, что некоторая организация, известная дисциплина, меры принуждения имели в данной войне место в большей степени, чем в предшествовавших крестьянских войнах. Крестьянская война 1773—1774 гг., нося, как и предшествовавшие ей крестьянские войны, стихийный характер, всё же отличалась от них некоторой организованностью.

Показателем этого является факт существования знаменитой «Военной коллегии» Пугачёва. Военная коллегия и создававшиеся ею органы военной и гражданской власти имели некоторые внешние черты, напоминавшие феодально-абсолютистскую власть. Если Пугачёв именовал себя Петром III, то Чика-Зарубин назывался графом Чернышёвым и этим именем подписывал свои указы и повеления. Для придания престижа своей власти пугачёвцы старались внешне подражать царским военачальникам и чиновникам. Но то были, повторяем, только внешние черты; это был лишь внешний отпечаток. По своему

¹ А. С. Пушкин, История Пугачёва, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1951, стр. 181.

содержанию, характеру и действиям органы, созданные крестьянской войной, были иными.

Военная коллегия была высшим органом власти. От Пугачёва и членов Военной коллегии шло стремление установить военную дисциплину в отрядах крестьянского войска. «Сим наставлением вам накрепко подтверждаю, — писал Белобородов русскому, башкирскому и черемисскому сотникам, — чтоб имевшую в ваших сотнях рускую и татарскую воинскую команду содержать во всякой строгости и вам послушании и крайне над оною наблюдать... А если кто из находящихся в ваших командах казаков оказываются будут в самоволствах, озорничествах и вам в непослушаниях, за то таковых упорственников и противников... наказывать вам без всякой пощады плетми... Если же и затем кто либо окажется в наивящем с вами упорстве, то уже для настоящего усмирения присылать ко мне»¹. В другом документе Белобородов приказывает казачьему есаулу Чигвинцову не допускать «жадных к богомерскому пьянству»².

Стремлением охранить интересы трудящегося населения, не допустить нанесения ему какого-либо ущерба проникнуто «увещевание», направленное правителям города Кунгура от другого сподвижника Пугачёва — «главного российского войска предводителя» Ивана Степановича Кузнецова. Он подтверждает требование Пугачёва, «дабы при взятые городов... никакого жителям притеснения, раззорения, обид, налог и безповинного кровопролития не чинили»³. И далее идёт предписание установить санкции за такие действия: «А естли кто в таковых обращениях и противных развратах сыщется, то не избегнет... смертной казни, что ныне мною по всей следующей армии з жесточайшим подтверждением и учреждено»⁴.

В этом «увещевании» подчёркнуто национальное равенство в ответственности за преступления: «И как россияны, так и иноверные приведены вравне: за учиненные преступления по изысканию вины поступаемо быть иметь по всей строгости»⁵. Всё это говорит о стремлении предводителей крестьянского войска установить порядок и дисциплину; но на деле эти попытки имели незначительный успех. Стихию крестьянской войны невозможно было сковать рамками порядка и дисциплины.

В местностях, куда приходило крестьянское войско, учреждались выборные органы власти — «земские избы», в которые

¹ Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 81—82.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Там же, стр. 76—77.

⁵ Там же, стр. 77.

местные жители выбирали людей «по мирскому общему согласию для того, чтоб иметь оным над нами команду, как прежде и бывшим командирам, и ни до каких нас своевольтв, грабительств и озорничеств не допускать, да и нам быть, чтоб оным во всем послушным...»¹. На «земские избы» пытались опереться пугачёвцы при наборе людей в крестьянское войско, для получения лошадей, продовольствия, фуража и денег.

Выражением стремления предводителей крестьянской войны соблюдать порядок среди населения было сохранение паспортной системы. Выдавались «билеты» об увольнении с военной службы², на жительство с ведением торговли³, на отъезд из деревни либо из города. Более того, пугачёвцы признавали старые паспорта и, в случае их утраты, выдавали взамен особые грамоты⁴. На территории, охваченной восстанием, существовала почта⁵.

Пугачёв и его Военная коллегия хорошо понимали огромное значение заводов Урала для снабжения оружием крестьянского войска. Однако большинство заводов, находившихся на охваченной восстанием территории, прекратило работу. В течение первых же месяцев войны (в конце 1773 г.) на юге Урала прекратилась работа горных заводов. В начале 1774 г. остановились работы на заводах Среднего Урала. В феврале 1774 г. бездействовало 92 металлургических завода, составлявших около трёх четвертей горнозаводской мощности Урала⁶.

Рабочие некоторых остановленных заводов пытались сами, с согласия и одобрения пугачёвцев, возобновить производство на готовых запасах руды и топлива. Так, на Воткинском заводе рабочие выбрали правление, которое получило «наставление» от пугачёвского атамана Андрея Носкова. Согласно этому «наставлению» в функции правления Воткинского завода входило разбирать ссоры между мастеровыми, «работными людьми» и крестьянами и решать споры «по самой справедливости», организовать оборону завода, если на него «последует нашествие... татар, башкирцов и вотяков с казаками», которых «ни до малейшаго грабительства и разорения не допускать».

В этом требовании нашло отражение одно из противоречий крестьянской войны. Часть восставших русских крестьян, казаков и людей из нерусских народов и отдельные группы «работных людей» стремились грабить, разорять и даже уничто-

¹ Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 184—185.

² См. там же, стр. 70.

³ См. там же, стр. 66.

⁴ См. там же, стр. 202.

⁵ См. там же, стр. 101.

⁶ См. Д. Кашинцев, История металлургии Урала, т. 1, М. — Л. 1939, стр. 149—150.

жать ненавистные им заводы. Большинство же рабочих и многие крестьяне и казаки стремились сохранить заводы. Происходившие на этой почве вооружённые столкновения ослабляли силу восставших.

Призывая выбранное рабочими завода правление «никому как вам, так и подчиненным обид и налог не чинить», атаман Носков устанавливал порядок выдачи мастеровым и «работным людям» провианта из казённых магазинов. Он предлагал выдавать провиант «смотря по семейству», т. е. по числу членов семьи, а женщинам с малолетними детьми (отцы которых ушли в крестьянскую армию) выдавать провиант на каждого человека ¹.

Рассматривая подобные попытки рабочих возобновить деятельность своих заводов, следует учитывать противоречивые стремления различных групп рабочих. Часть горнозаводского населения — «работных людей» и приписных к заводам — ненавидела заводы, считая их причиной своего тяжкого ярма. Эта часть горнозаводского населения стремилась возвратиться к занятию лишь сельским хозяйством.

Попытки рабочих самим наладить производство и превратить заводы в кузницу оружия для народного войска не давали результата. Показателен в этом отношении опыт передельного Рождественского завода в Прикамье, рабочие которого, не получая после возобновления производства сколько-нибудь достаточного количества продовольствия и денег, а также чугуна (с других заводов) дляковки железа, прекратили работу ². Пугачёв и его помощники пытались наладить работу некоторых заводов. Они стремились приспособить Ижевский завод для обслуживания конницы, Воскресенский завод Твердышева и Авзяно-Петровский — для артиллерии.

Пугачёв, Белобородов, Хлопуша требовали от заводов поставки боеприпасов и получали не только те виды продукции, которые поставлялись раньше феодально-абсолютистскому государству, но иногда и военно-технические новинки. Так, мастера Воскресенского завода послали Пугачёву «секретную голубицу» [т. е. гаубицу. — *И. Б.*] и «вновь еще объявленные две мортиры» ³, «изготовленную модель о вылитье другого секретного ж единорога» ⁴ и т. д.

Заводы, работавшие некоторое время для крестьянского войска, не были, однако, его производственной, технической базой (как полагал М. Н. Покровский). Их продукция была ничтожна сравнительно с количеством орудий, которые Пуга-

¹ См. Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 179.

² См. *Д. Кашинцев*, История металлургии Урала, т. 1, стр. 150.

³ Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 59.

⁴ Там же, стр. 61.

чѐв забирал с заводских арсеналов, в крепостях и отбивал у противника. При всѐм желании у Военной коллегии Пугачѐва не было возможности обеспечить хотя бы в небольшой мере сырьѐм, топливом, продовольствием упомянутые заводы. Но захват Пугачѐвым заводов не дал возможности скатерининскому правительству использовать их в качестве своей военно-технической базы. Именно в этом заключался смысл захвата Пугачѐвым заводов Урала, а не в неосуществлённом стремлении превратить их, хотя бы даже частично, в производственную базу для народного войска¹.

Перешедший к Пугачѐву дворянин подпоручик Михайло Шванович (послуживший, повидимому, реальным прообразом пушкинского Швабринна в «Капитанской дочке») на допросе в следственной комиссии показал, что Пугачѐв забирал пушки и боеприпасы, находившиеся в крепостях и на заводах при занятии их его войсками. По свидетельству Швановича, Пугачѐв «артиллерию ж получал с крепостей и с заводов, также порох и свинец; провиант и фураж с околных деревень привозили множество»². Всѐ это шло в стан Пугачѐва путѐм реквизиций и самотѐком. Вместе с тем Военная коллегия Пугачѐва стремилась провести и некоторые иного характера меры по снабжению крестьянского войска.

В данной связи надо привести «Указ... Государственной Военной Коллегии атаману Ильѐ Арапову» 16 декабря 1773 г., подписанный Иваном Твороговым, дьяком Иваном Почиталиным и секретарѐм Максимом Горшковым: «Чрез сие повелевается тебе имеющий в окрестных селениях барской всякого рода хлеб приказывать, кому способно: немолоченой — молотить, а намолоченой — молоть и, смоловши, присылать в здешнюю армию тех же или протчих жителей равенственно на подводах; а за провоз тем подвотчикам выданы денги из казны будут; и сколько ж будет от тебя отправлено, сюда репортовать. А как одному тебе порученное сие дело вскоре исполнить нельзя, то позволяетца тебе выбирать по себе поверенных и посылать в те жительства з данными от тебя наставлениями с принадлежащим числом конвоем для высылки сюда в армию всякого молотого хлеба; также и овса, сколько найдется, высылать же. Да и то наблюдаи, чтоб посланные от тебя поверенные не отваживались чинить крестьянам никаких обид...»³.

В этом документе обращают на себя внимание четыре пункта: использование зерна, собранного на барском поле, для нужд

¹ См. А. В. Пруссак, Заводы, работавшие на Пугачѐва, «Исторические записки» № 8, АН СССР, 1940, стр. 174—207.

² Центрархив, «Пугачѐвщина», т. III. Из архива Пугачѐва, М. — Л. 1931, стр. 214.

³ Центрархив, «Пугачѐвщина», т. I, стр. 43—44.

крестьянской войны, организация молотьбы этого зерна и его доставки, денежная оплата доставки и, наконец, требование не чинить при проведении этого дела никаких обид крестьянам. Последнее требование повторяется в ряде указов и повелений Пугачёва и Военной коллегии.

Военная коллегия предписывала (25 января 1774 г.) учить хлеб в помещичьих имениях и сообщать о количестве взятого на учёт хлеба в Военную коллегию. «А боярскую пажить, имания, хотя тот боярин и бежал, а сколько останется после ево пажить, отдав оную всю верхнейшему человеку со описанием, и сюда репортовать». И далее указ предупреждал, что если будут грабить этот хлеб, то «без наказания оставлены не будут»¹. Отсюда, понятно, не следует, что Военная коллегия взяла на учёт помещичий хлеб, сберегла его от разграбления, организовала обмолот и доставку зерна. Этого вообще не удавалось достичь. От недостатка продовольствия страдала иногда даже сама Военная коллегия. Здесь речь идёт лишь о некоторых организационных попытках.

Из экономических мероприятий Пугачёва и Военной коллегии в сфере распределения надо прежде всего назвать использование хлебных и провиантских «магазинов» при заводах для выдачи продуктов «работным людям», их семьям и семьям ушедших в крестьянское войско. Не получив сколько-нибудь значительного осуществления, это мероприятие характеризовало заботу пугачёвцев о соответствующем распределении продуктов.

Ряд указов и повелений Военной коллегии и органов крестьянской власти на местах содержит требование денежной оплаты получаемых у крестьян продуктов «по обыкновенной цене»².

Денежные расходы, связанные с покупкой у крестьян продуктов и на другие нужды, требовали получения доходов в натуральной и денежной форме. Доходы получались не только путём конфискации и реквизиции имущества дворян-помещиков и феодально-абсолютистского государства, но также отчасти посредством обложения имущей части населения. Наконец, особенно интересно получение казной Пугачёва доходов от продажи соли и хлебного вина. В «наставлении» сотников армии Пугачёва старосте Осинской дворцовой волости и земскому писарю 24 декабря 1773 г. поручалось «смотреть иметь, как над казенными напидками, так и над продажей соляною. А в продажу употреблять до указа по прежнему и денги принимать под свое охранение, записывая в приходную и расходную книги без всякой утайки...»³.

¹ См. Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 47.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 92.

За счёт этих доходов казна Пугачёва расплачивалась с крестьянами за поставленные ими продукты, а также с рабочими. Сохранился любопытный документ, который подписал Чика-Зарубин именем графа Ивана Чернышёва 14 февраля 1774 г. В этом документе, «ордере», говорится, что рабочие Рождественского завода заработали «у прежнего боярина» полторы тысячи рублей, но не получили их у него. Поэтому Чика-Зарубин предлагал «из вырученных за сол и ис продчих питейных доходов выдать им полторы тысящи рублей, дабы они не могли притти в крайнее раззорение»¹. Но казна Пугачёва наряду с продажей хлебного вина и соли раздавала соль безденежно; причём Пугачёв объявил вообще об отмене казённой соляной монополии. Взяв Пензу, Пугачёв сказал купцам: «Ну, господа купцы, теперь вы и все городские жители называйтесь моими казаками. Я ни подушных денег, ни рекрут с вас брать не буду, и соль казенную приказал я раздать безденежно, по три фунта на человека, а впредь торгуй ею, кто хочет и промышляй всякий про себя»².

«Нельзя сказать, что это была очень определённая «экономическая политика»»³, — верно замечает Плеханов. Но всё же это были такие меры, которые, как и другие экономические меры, Пугачёв стремился проводить в интересах трудящихся масс. Экономические меры пугачёвской Военной коллегии никак не походили на акты экономической политики феодально-абсолютистского правительства, защищавшего интересы дворянства.

То, что Пугачёв и его соратники намечали отдельные меры и даже частично в некоторых случаях их осуществляли, не меняло общего характера крестьянской войны, как стихийного и неорганизованного движения. Перечисленные выше отдельные экономические меры нельзя рассматривать как систему экономической политики, в качестве определённой революционной экономической программы, как то делал М. Н. Покровский⁴. Программа — это сознательно выработанный политический документ о целях, задачах и основных положениях какой-либо организации. Стихийное крестьянское движение не имело выработанной чёткой общественно-политической программы. Применительно к стихийному движению можно говорить лишь о более или менее полном отражении в его документах требова-

¹ Центрархив, «Пугачёвщина», т. I, стр. 187.

² См. *Н. Дубровин*, Пугачёв и его сообщники. По неизданным источникам, т. III, Спб. 1884, стр. 165—166.

³ *Г. В. Плеханов*, История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, стр. 290.

⁴ См. *М. Нечкина*, Крестьянские восстания Разина и Пугачёва в концепции М. Н. Покровского, «Против исторической концепции М. Н. Покровского», Сборник статей, часть 1, АН СССР, М. — Л. 1939.

ний народных масс. Крестьянская война 1773—1774 гг. была направлена против феодально-крепостнических отношений и таким образом расшатывала феодально-крепостнический строй в целом. Вместе с тем следует иметь в виду, что руководители крестьянской войны были царистами.

Пугачёв, как известно, пользовался для поднятия своего престижа именем царя Петра III, а его соратники называли себя именами видных сановников империи. Для массы участников войны — крестьян, приписных, «работных людей», казаков, угнетённых народностей — крестьянская война ограничивалась пределами своего округа. Стихийно подымаясь при приближении отрядов Пугачёва, они расправлялись со «своим» помещиком и его приказчиками, с заводовладельцем, с местными властями. Не только у масс, участвовавших в крестьянской войне, но и у её вождей отсутствовало понимание феодально-крепостнических отношений как системы, как строя, который не может быть уничтожен лишь в результате расправы с отдельными его представителями на местах без низвержения феодальной политической власти во всём государстве. В документах крестьянской войны нашли выражение требования, чаяния и надежды народных масс, вытекавшие из их стихийного протеста против господствовавших в стране феодально-крепостнических отношений.

Глава двадцать первая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ ЛИКВИДАЦИИ КРЕПОСТНИЧЕСТВА — А. Н. РАДИЩЕВ

Общая характеристика произведений А. Н. Радищева

Александр Николаевич Радищев положил начало новому, революционному антикрепостническому направлению русской общественно-экономической мысли.

Возникновение нового направления было вызвано к жизни условиями экономического и политического развития России, связанными с началом разложения феодально-крепостнической системы и резким обострением классовой борьбы, выразившимся в крестьянской войне 1773—1774 гг.

Радищев первый в истории русской экономической мысли дал обоснование закономерности борьбы за революционную ликвидацию крепостнической системы. Он обращался к трудовому народу и призывал его своими силами путём восстания освободиться от крепостничества и самодержавия. Революцию Радищев рассматривал как силу, способную уничтожить отживший крепостнический строй и создать общество свободных от принудительного труда самостоятельных производителей.

Во всей современной Радищеву мировой литературе не было автора, который дал бы такую же целеустремлённую и обширную программу революционных преобразований в области политической, экономической и культурной жизни общества, какую разработал Радищев. Социалисты-утописты — Томас Мор, Морелли, Мабли и другие — положили начало теориям, осуждающим эксплуататорский строй. Но они не были революционерами, они взывали только к разуму и состраданию, а не к революционному действию.

Великие французские просветители XVIII века — современники Радищева — Вольтер, Руссо и другие подвергли разносторонней критике феодальный строй, но они не призывали народные массы к его насильственному свержению. Они были

рационалистами и надеялись на мирную победу разума над «заблуждениями».

Имеющиеся в «Завещании» Жана Мелье революционные идеи не были обнаружены в XVIII веке и не могли оказать влияния на формирование революционных взглядов Радищева. «Завещание» Жана Мелье впервые полностью было опубликовано лишь в 1864 г. При жизни Мелье, как он сам писал, не решился публично выступить с призывом к свержению существовавшего строя революционным путём.

Радищев впервые открыто призывал народные массы к революционному свержению самодержавия и крепостничества, к захвату политической власти, к практическому осуществлению суверенитета народа, к тому, чтобы производство было в руках свободных производителей.

В. И. Ленин подчёркивал, что именно борьба русского народа против насилий эксплуататоров выдвинула Радищева как одного из первых борцов за освобождение трудящихся.

В статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин, показывая основные, исторически сменявшие друг друга направления освободительного движения, выделил Радищева как первого представителя революционной России, выступившего до декабристов и до революционеров-разночинцев, предшественника и тех и других. В. И. Ленин писал: «Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»¹.

И. В. Сталин, называя самых выдающихся деятелей революционной России домарксистского периода, поставил Радищева рядом с Чернышевским, подчёркивая тем самым огромное историческое значение революционного подвига Радищева.

В письме к Демьяну Бедному И. В. Сталин осудил клеветнические извращения прошлого России, забвение величайшего исторического значения деятельности русских революционеров. И. В. Сталин писал, что «...кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых»².

¹ В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов, Соч., т. 21, стр. 85.

² И. В. Сталин, Тов. Демьяну Бедному. (Выдержки из письма), Соч., т. 13, стр. 25.

Вождь русской пролетарской революции В. И. Ленин и его ученик и соратник И. В. Сталин не случайно поставили Радищева первым в ряду революционных деятелей, создавших замечательные революционные традиции русского рабочего класса, традиции, составляющие нашу революционную национальную гордость.

Творчество А. Н. Радищева оказало огромное плодотворное влияние на развитие освободительных идей в России.

К Радищеву восходят замечательные исторические традиции вековой борьбы за революционное освобождение трудящихся нашей страны от помещичьего и капиталистического гнёта.

Выступление Радищева было подготовлено противоречиями общественного развития России, теми изменениями в экономике, которые нашли отражение в идейной борьбе второй половины XVIII в. Идеи Радищева непосредственно выражали начало разложения базиса феодально-крепостнического общества, несоответствие между выросшими производительными силами и устаревшими крепостническими производственными отношениями, борьбу классов, борьбу крестьян против помещиков.

В идейном отношении решающую роль в подготовке выступления Радищева сыграли экономические требования крестьянства, нашедшие своё отражение в документах крестьянской войны 1773—1774 гг. Плодотворное влияние оказали на Радищева и выступления против феодализма в западной и русской просветительской литературе, а также критика отдельных сторон крепостничества в русских сатирических журналах того времени ¹.

Однако эта сатирическая литература и творчество А. Н. Радищева глубоко отличались друг от друга. Это различие принципиального характера подметил ещё в 1859 г. Н. А. Добролюбов в своей замечательной по глубине постановки вопроса критической статье «Русская сатира в век Екатерины», опубликованной в «Современнике». Добролюбов отметил, что в журналах второй половины XVIII в. остро был поставлен вопрос о взаимоотношениях крестьян и помещиков, показывались бесправие и нищета крестьянства, обличались жестокосердие помещиков, казнокрадство, взяточничество, мотовство, судебные и финансовые злоупотребления, отсталость и косность дворянства, низкопоклонство его перед всем заграничным и пренебрежение ко всему русскому. В сатирических журналах вскрывались многочисленные язвы тогдашнего общества, но всё же, писал Добролюбов, эта сатира «...не то и не так обли-

¹ См. Г. Макогоненко, Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века, Государственное издательство художественной литературы, М. — Л. 1951.

чае...»¹. Вместо того, чтобы все частные злоупотребления и недостатки рассматривать как неизбежные следствия всего крепостнического общественного устройства, вместо того, чтобы попытаться отыскать коренные причины зла, сатирики считали тёмные явления русской жизни только печальными исключениями. Несмотря на то, справедливо отмечал Н. А. Добролюбов, что сатира была подчас очень острой, «слабая её сторона заключалась в том, что она не хотела видеть коренной дрянности того механизма, который старалась исправить»².

В выступлении Радищева критик революционный демократ Н. А. Добролюбов подметил новую струю: «Книга Радищева, — указывал он, имея в виду «Путешествие из Петербурга в Москву», — составляла едва ли не единственное исключение в ряду литературных явлений того времени...»³, потому что она звала пойти за автором «до конечных его результатов», т. е. до революционной ликвидации крепостничества.

Радищев совершил гигантский скачок вперёд в развитии русской общественной мысли и в сравнении с теми передовыми писателями и деятелями второй половины XVIII в. (Поленов, Козельский и др.), которые уже пришли к пониманию отрицательного влияния крепостного права, но ещё были далеки от требования немедленной ликвидации его.

Радищев поставил на повестку дня общественной мысли революционную ликвидацию феодально-крепостнической системы в целом, во всех её областях — экономической, политической, идеологической. В этом и состоял диалектический скачок в развитии русской общественно-экономической мысли.

Революционные идеи Радищева сыграли огромную мобилизующую роль в борьбе последующих поколений против крепостничества и самодержавия. На Радищева опирались русские просветители Иван Пнин, Василий Попугаев и другие «радищевцы» последнего десятилетия XVIII века и начала XIX в.⁴ О благотворном влиянии идей Радищева писали и говорили декабристы; Пушкин вслед за Радищевым восславил свободу; революционные демократы XIX в. указывали на Радищева как на основоположника революционных освободительных идей в России.

¹ Н. А. Добролюбов, Русская сатира в век Екатерины, Избранные сочинения, Государственное издательство художественной литературы, М. — Л. 1947, стр. 171. В своём исследовании о Новикове Г. Макогоненко обходит данную Добролюбовым острую и справедливую оценку русской сатиры XVIII в.

² Н. А. Добролюбов, Русская сатира в век Екатерины, Избранные сочинения, стр. 190.

³ Там же, стр. 178.

⁴ См. Вл. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, изд. 2, Государственное издательство художественной литературы, М. 1953.

Великий русский поэт А. С. Пушкин, на себе испытывавший влияние Радищева, видел в нём человека «с духом необыкновенным... действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостию»¹.

Вождь русской революционной демократии Н. Г. Чернышевский с величайшим уважением относился к идеям Радищева, считая, что «Радищев, ещё, быть может, несколько человек, одни только имели тогда то, что называется ныне убеждением или образом мыслей»².

Книга Радищева оказала огромное влияние и на формирование мировоззрения представителей пролетарского движения. Её читал в тюрьме руководитель знаменитой морозовской стачки Пётр Анисимович Моисеенко³. «Путешествие из Петербурга в Москву» изучалось и в первых марксистских кружках. В листовке петербургского комитета РСДРП от 3 января 1903 г. было написано о книге Радищева, что это была «первая революционная попытка взять силою ту свободу слова, которую царское самодержавие отняло у русского народа»⁴.

Хотя выступление Радищева и было, как уже сказано выше, подготовлено предшествующим развитием общественно-политической жизни и социально-экономической мысли в России, однако необходимо подчеркнуть качественно иную ступень, принципиально новое направление, созданное Радищевым в борьбе против крепостного строя. Не на просвещение и реформы возлагал свои надежды Радищев. Он настойчиво проводил идею, что не критика отдельных сторон и неустройств, не выступления отдельных передовых людей, а сам трудящийся люд посредством революции освободит русский народ от рабства. И в этом его величайшая, бессмертная заслуга перед трудящимися нашей родины.

* *
*

Александр Николаевич Радищев родился 20 августа 1749 г., в семье довольно крупного помещика Саратовской губернии. Одной дворни в имении отца его, Верхнем Аблязове, в 3-ю ревизию насчитали 120 душ мужского пола и 109 женского

¹ А. С. Пушкин, Александр Радищев, Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, М. — Л. 1951, стр. 355.

² Н. Г. Чернышевский, [Рецензия на «Записки Л. Н. Энгельгардта»], Полное собрание сочинений, т. VI, 1906, стр. 353.

³ См. С. П. Шестернин, Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения 1880—1900 гг., Иваново 1940, стр. 215.

⁴ «Листовки петербургских большевиков, 1902—1917 гг.», т. I, Госполитиздат, 1939, стр. 16—17.

пола, всех же крепостных было около 3,5 тыс. душ обоего пола¹. Радищев сообщал о себе: «В службу вступил с молодых лет ко двору пажем», а в 1766 г. в числе 12 человек дворянской молодёжи был послан «на казенном коште» в Лейпцигский университет «...для обучения юриспруденции и другим к оной относящимся наукам»².

Радищев с нетерпением ожидал возвращения в Россию, полный желанием работать и твёрдой решимости, если нужно, «жертвовать и жизнью для пользы отечества».

Сразу же по возвращении из Лейпцигского университета, осенью 1771 г., он был определён протоколистом в Сенат, где через его руки проходила масса крестьянских дел. С 1773 по 1775 г. Радищев работал обер-аудитором в штабе 8-й Финляндской дивизии. Служба в качестве военного прокурора дала Радищеву возможность близко познакомиться с материалами крестьянской войны и её причинами. После подавления царским правительством крестьянского восстания под руководством Пугачёва Радищев в 1775 г. вышел в отставку, но в 1777 г. вновь вернулся на государственную службу, поступив в Коммерц-коллегию на должность ассессора под начальство графа А. Р. Воронцова, с которым у него установились вскоре дружеские отношения, продолжавшиеся до самой смерти Радищева³.

В 1780 г. Радищев был назначен в Петербургскую таможенную «в помощь статскому советнику Далю», а после смерти последнего, весной 1790 г., — «советником таможи», т. е. её управляющим⁴.

¹ См. П. Г. Любомиров, Род Радищева, «А. П. Радищев. Материалы и исследования», АН СССР, М. — Л. 1936.

² А. Н. Радищев, Жизнь Федора Васильевича Ушакова, Полное собрание сочинений, т. 1, АН СССР, М. — Л. 1938, стр. 157. Дальнейшие цитаты из 1 тома, где не оговорено особо, приводятся по этому изданию (Соч., т. 1).

³ А. Р. Воронцов писал своему отцу Р. Л. Воронцову в письме от 3 июля 1780 г.: «В проезд ваш по Пензенской губернии, буде там увидите соседа нашего Николая Афанасьевича Радищева, прошу его милостию своею не оставить. Я очень люблю сына его, который при мне два года был в Коммерц-Коллегии, а теперь помещен в таможенную, в помощники коллежскому советнику Далю. Я его государыне рекомендовал, так как наиболее прилежного человека и которой со временем может полезным быть в службе; сверх того самого скромного и честного поведения. Николай Афанасьевич может радоваться сему сыну».

Через 10 лет, 12 сентября 1790 г., тот же А. Р. Воронцов писал тверскому губернатору Г. М. Осипову: «Радищев до несчастья своего издавна мне не только был знаком, но и любил я его... Снабдите его всем нужным в пути, употребляя на то прилагаемые при сем деньги» (Архив кн. Воронцова, ч. 1, кн. 5, М. 1872, стр. 394, 397—398). До конца жизни Радищева Воронцов оказывал ему материальную помощь.

⁴ Д. С. Бабкин, Процесс Радищева, АН СССР, 1952, стр. 217: «Формулярный список о службе коллежского советника Александра Радищева».

30 июня 1790 г. Радищев был арестован и заключён в Петропавловскую крепость. Обвинение Радищева сформулировала сама Екатерина II, после того как закончила чтение его книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

В указе петербургскому главнокомандующему графу Брюсу о предании Радищева суду и рассмотрении его дела Палатой уголовного суда Екатерина писала, что его книга наполнена «самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, наконец оскорбительными изречениями противу сана и власти царской»¹.

В Петропавловской крепости Радищев подвергся унижительному следствию и допросам «с пристрастием» со стороны советника Тайной экспедиции Шешковского, который раньше, в 1775 г., допрашивал и пытал Емельяна Пугачёва. Допрос Радищева производился по «вопросным пунктам», подробно составленным Екатериной II. И в тяжёлых условиях одиночного заключения Радищев мужественно и смело отстаивал свои революционные взгляды; «...желание мое стремилось всех крестьян от помещиков отобрать и сделать их вольными...»², — писал Радищев в своих показаниях.

8 августа Сенат утвердил решение Палаты уголовного суда от 24 июля 1790 г.: за «столь вредное неистовое и оскорбительное сочинение... лишить его чинов, дворянского достоинства, исключить из кавалеров ордена святого Владимира и казнить смертию, а именно... отсечь голову». Лишь 4 сентября именным указом Екатерины смертная казнь была заменена десятилетней ссылкой в Сибирь, в Илимский острог.

Заключение в Петропавловской крепости, длительное, в продолжение шести недель, ожидание смертной казни и указ о десятилетней ссылке в глухой Илимск не сломили Радищева. Он мужественно перенёс все испытания. Жестокая расправа царизма с первым писателем-революционером не изменила его убеждений. Он сохранил веру в творческие силы народа. Вражда его к самодержавию и рабству не ослабевала, уверенность в неизбежности революции крепла. Радищев неоднократно писал, что его убеждения не изменились, что он «тот же, что и был». Уже по пути в Илимск он выразил свои чувства в стихотворении:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

¹ Д. С. Бабкин, Процесс Радищева, АН СССР, М. — Л. 1952, стр. 196.

² Там же, стр. 179—180.

Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду¹.

Не сломила Радищева и Сибирь. О своих убеждениях он писал в 1792 г. А. Р. Воронцову из Илимска: «Пускай глас мой не пременился, пускай вяя не стерта и носится гордо...»². По пути в Илимск, в самом Илимске, а также на обратном пути из Сибири Радищев близко соприкасался с простым народом и всеми доступными ему средствами старался служить народу, помогать ему. Он лечил больных, прививал оспу, обучал детей грамоте, пропагандировал новую агротехнику³. Радищев всё более убеждался в том, что его идеи прокладывали новый путь, новую «дорогу» развития для родины, для всех «смельчаков», вступающих на борьбу с рабством.

Радищев возвратился из Сибири по указу Павла от 23 ноября 1796 г. с предписанием проживать в своей деревне Немцово, Калужской губернии, под надзором полиции.

Волею самодержавия Радищев был отстранён от государственной службы и деятельной общественной жизни на целых 11 лет и лишь в 1801 г. был призван к работе в Комиссии о составлении законов. Член этой Комиссии М. М. Сперанский писал: «Радищев может с совершенным успехом составить историю законов; творение необходимое и в коем по дарованиям его и сведениям в отечественной истории он может много пролить свету на тьму, нас облегающую. В составлении сей истории не худо будет дать ему особенно заметить, чтоб углубился он разысканием каким образом обычай укреплять крестьян превратился в право, и в каком положении сей род людей был в России при различных ее превращениях»⁴.

В Комиссии Александра I о составлении законов Радищев снова открыто выступил с защитой человеческих прав крестьянства перед законом. В то время в Сенате обсуждался вопрос о внесении поправок в установленные законами ставки возмеще-

¹ А. Н. Радищев, [Мелкие стихотворения], Соч., т. 1, стр. 123.

² А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Полное собрание сочинений, т. 2, АН СССР, М. — Л. 1941, стр. 26 (В дальнейшем — Соч., т. 2). Там же Радищев писал, что он, может быть, признался бы в превратности своих суждений, если бы его убедили «...доводами, лучше тех, которые в сем случае употреблены были. А на таковые я в возражение, как автор, другого сказать не умел, как что сказал, помню, что Галлилей отрекся от доказательств своих о неподвижности солнца, и, следуя глаголу Инквизиции, воскликнул вопреки здравого рассудка: «солнце коло-вращается» (стр. 5).

³ См. А. Шмаков, Радищев в Сибири, Иркутск 1952.

⁴ Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей, Архив Н. Тургенева, д. 1006, л. 12.

ния убытка помещикам за крепостных людей, нечаянно убитых. Со времени Уложения 1649 г. эти ставки неоднократно повышались, но не удовлетворяли appetитов крепостников. Комиссия сделала для Сената «Заключение»: было предложено уплачивать помещику за неумышленно убитого крестьянина 360 руб., а за крестьянку — 100 руб. «Буде же таковое неумышленное убийство случится дворовому человеку или дворовой женке или девке, которые, по художествам, искусствам, ремеслам и трудам, более иногда стоят, нежели лучший крестьянин и крестьянка, то... оценивать таковых дворовых людей, женок и девок, по работе и по тому доходу, каковой каждый из них, чрез искусство, рукоделье и труды, доставлял своему владельцу»¹.

К этому «Заключению» Комиссии Радищев подал своё особое мнение — записку «О ценах за людей убиенных». В этой записке, так же как и в других своих работах, Радищев горячо восстаёт против превращения крепостных людей в товар, против распродажи их семьями и поодиночке, против капитализации дохода от них в случае их убийства. «Мы не войдем в исчисление таких цен, определяемых помещикам за убиенных и им принадлежащих людей: *цена крови человеческой не может определена быть деньгами*»², — подчёркивал Радищев. Всю свою жизнь он оставался врагом рабства и «самодержавства», убеждённым поборником вольности, которую, по его собственному выражению, он нам «первый прорицал».

И даже своей смертью он бросил дерзкий вызов самодержавию и крепостникам. «Что были для него убеждения, это он доказал, возвратясь из ссылки. Вызванный самим Александром I на работу, он надеялся провести несколько своих мыслей и пуще всего — мысль об освобождении крестьян, в законодательство, и когда, пятидесятилетний мечтатель, он убедился, что нечего думать об этом, тогда он принял яду и умер!»³. Это произошло в ночь на 12 сентября 1802 г.

А. Н. Радищев был одним из образованнейших людей своего времени не только в России, но и во всём мире. Екатерина II в своих замечаниях на книгу Радищева вынуждена была признать, что он «знание имеет довольно, и многих книг читал»⁴. Его библиотека представляла ценное собрание научных книг, часть которых была куплена после его смерти Комиссией

¹ М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. 1, Спб. 1889, стр. 626—627.

² А. Н. Радищев, О ценах за людей убиенных, Соч., т. 3, М.—Л. 1952, стр. 247.

³ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. IX, Пгр. 1919, стр. 271.

⁴ Архив кн. Воронцова, кн. 5, М. 1872, стр. 407; Д. С. Бабкин, Процесс Радищева, стр. 157.

о составлении законов¹. Из иностранных книг были сочинения Монтескьё, Юма, Руссо, Блэкстона, Мабли, Рейналя, Верри, Смита, книги по естественному и римскому праву, финансам, политической экономии, кодексы Англии, Франции, Германии, Австрии и пр.

Радищев глубоко изучал современную ему русскую и западную литературу по самым различным областям знания. В период обучения в Лейпцигском университете он внимательно знакомился с французским материализмом и прочей просветительской литературой, идейно подготовлявшей французскую буржуазную революцию. Эта литература, как и сама французская революция, оказала известное влияние на Радищева, но не они играли решающую роль в формировании его мировоззрения, его общественно-политических и экономических взглядов.

Для Радищева более чем для кого-либо, говоря словами Пушкина, «первым университетом» был великий русский учёный, основоположник материализма в России М. В. Ломоносов. Ещё при жизни Ломоносова Радищев получил систематическое образование в Москве, в семье Аргамаковых, тесно связанных с университетом, под руководством профессоров Московского университета. От Ломоносова шли материалистические идеи, лёгшие в основу мировоззрения Радищева. Педаром «Путешествие из Петербурга в Москву» заканчивается «Словом о Ломоносове», в котором Радищев показывает, как Ломоносов, «действуя на сограждан своих разнообразно, разнообразно отверзал общему уму стези на познании».

Обличение пороков крепостничества в сатирических журналах второй половины XVIII в., в устных и литературных выступлениях лучших людей того времени — Поленова, братьев Козельских, Новикова, Десницкого и других — не могло не оказать положительного влияния на Радищева. Особенно большое влияние на Радищева, повидимому, оказали «Философические предложения» Я. П. Козельского.

Радищев систематически и настойчиво занимался изучением истории России, её экономического состояния, уровня развития сельского хозяйства, промышленности, торговли, состояния денежного обращения, финансов, тяжести налогового обложения трудящихся, положения крестьянства и других сословий. Систематический анализ фактов экономического и социально-политического состояния России позволял Радищеву критически осмыслить идеи русской и западной просветительской литературы и делать широкие обобщения в области экономики, культуры и общественно-политической жизни России.

¹ См. [Я. Л. Барсков], Книжки из собрания А. Н. Радищева, журнал «Дела и дни», кн. 1, 1920, стр. 397—402.

Безусловно, непосредственно определяющее влияние на формирование революционных взглядов Радищева оказала крестьянская война 1773—1774 гг., отразившая возрастающее несоответствие производственных отношений характеру производительных сил, потрясшая всё самодержавно-крепостническое государство, выразившая нарастающую угрозу существованию феодально-крепостнического строя.

Система научных взглядов Радищева находит своё воплощение в его многочисленных литературных трудах, краткий обзор которых даётся ниже.

Знаменитое произведение Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»¹ рисует политический и экономический строй России конца XVIII в., а также освещает огромное количество вопросов общественной и культурной жизни. Эта книга Радищева является самым выдающимся революционным произведением мировой литературы XVIII в. Эпиграф на титульном листе под заглавием книги: «*Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй (Тилемахида)*» сразу настраивает читателя на критическое отношение к крепостническому строю.

«Путешествие из Петербурга в Москву» вызвало, по отзыву одного из допрошенных по делу Радищева — книгопродавца Зотова, «великое любопытство публики»². Перепуганная воз-

¹ Напечатано Радищевым в собственной его домашней типографии в 1790 г. в количестве 650 экземпляров. Уцелело около 20 экземпляров, остальные были сожжены. В 1858 г. «Путешествие» впервые после радищевского издания было перепечатано Герценом в Лондоне и нелегально распространялось в России; в 1876 г. Каспровичем в Лейпциге перепечатано герценовское издание. В России до революции 1905 г. царская цензура пропустила лишь изуродованное издание «Путешествия» Н. А. Шигина (1868 г.), 100 экземпляров «Путешествия» дорогого издания А. С. Суворина (1888 г.) и рассчитанную на bibliофилов перепечатку «Путешествия» А. Е. Бурцева в V томе «Дополнительного описания библиографически-редких художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей» (1899 г.). «Сочинения» Радищева в 2 томах, под ред. П. А. Ефремова (Спб. 1872 г.), напечатанные в количестве 1985 экземпляров, были уничтожены «посредством обращения в массу» в июне 1873 г. Уцелело не более 15 экземпляров. В 1902 г. П. А. Картавов отпечатал «Путешествие» в количестве 2 900 экземпляров. Издание уничтожено в июне 1903 г. Лишь в результате революции 1905 г. «Путешествие из Петербурга в Москву» стало достоянием широких читательских масс. О судьбе переизданий «Путешествия» см. «Литературное наследство» № 9—10, М. 1933, стр. 356—357; «Путешествие из Петербурга в Москву», т. II, Academia, М. — Л. 1935, Материалы к изучению «Путешествия», стр. 322—346. В настоящее время в основном завершена публикация литературного наследия А. Н. Радищева в академическом издании полного собрания его сочинений: т. 1 — 1938; т. 2 — 1941; т. 3 — 1952 и полная публикация всех документов процесса Радищева: Д. С. Бабкин, Процесс Радищева, АН СССР, М. — Л. 1952.

² Книгопродавцам читатели платили до 25 рублей, чтобы иметь на час эту книгу. См. «Литературное наследство» № 9—10, 1933, стр. 354.

возможностью революционизирующего воздействия на народ книги Радищева Екатерина II предписала петербургскому главнокомандующему Брюсу: «как известная зловредная книга «Путешествие из Петербурга в Москву» в благопристойном государстве терпима быть не может, то и прикажите наблюдать, дабы она нигде в продаже и напечатании здесь не была под наказанием, преступлению сему соразмерным». И книга находилась под запретом царской цензуры целых 115 лет¹, вплоть до революции 1905 г.

Книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» была справедливо оценена современниками и последующими писателями как призыв к революции. Например, Екатерина II писала, что книга эта «совершенно явно и ясно бунтовская»; княгиня Е. Дашкова считала, что «Путешествие» — это «набат к революции». Пушкин характеризовал книгу Радищева как «сатирическое воззвание к возмущению». Герцен, говоря о «Путешествии», писал: «Это наши мечты, мечты декабристов». Эти слова Герцена знаменательны. Герцен прошёл путь от дворянского революционера к революционной демократии. И когда он в 1858 г. оценивал идеи Радищева как «наши мечты», то это можно понять только так, что Радищев предвосхитил и мечты революционной демократии в её борьбе против самодержавия и крепостничества, а не только «мечты декабристов». Ведь Герцен не был декабристом.

Радищев написал кроме революционной оды «Вольность» много поэтических произведений, в том числе эпическую поэму «Бова», «Осмнадцатое столетие», «Песнь историческую» и ряд мелких стихотворений, а также «Памятник дактилохореическому витязю». Последнее произведение, высоко оценённое А. С. Пушкиным², представляет собой исследование о необходимости соответствия стихотворной формы благозвучию русского языка. Здесь Радищев является последователем Ломоносова и развивает его идеи.

Во время ссылки в Сибири Радищев написал один из первых в России научно-философских трактатов «О человеке, о его смертности и бессмертии». Радищев заслуженно считается родоначальником философского материализма в России, как Ломоносов — родоначальником естественно-научного материа-

¹ Царская цензура XIX—XX вв. твёрдо держалась на почве указа о запрещении «Путешествия из Петербурга в Москву» и даже превзошла его в строгости к столь «вредному, на ее взгляд, писателю, как А. Н. Радищев, и видела в нем потрясателя всех основ общества, разрушителя церкви и государства» («Литературное наследство» № 9—10, М. 1933, стр. 357).

² См. А. С. Пушкин, Александр Радищев, Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, М. — Л. 1951, стр. 358.

лизма. Радищев является выдающимся философом-материалистом, продолжателем традиций Ломоносова, которого он очень высоко ценил как первого великого русского учёного.

Радищев материалистически решал основной вопрос философии — об отношении бытия и мышления — и развивал материалистическую теорию познания.

В философии Радищева имеются отдельные замечательные попытки диалектического объяснения процесса развития природы.

Радищев писал о развитии и изменениях в природе и обществе, однако в целом его материализм оставался механическим, облечённым в форму деизма, ограниченным уровнем развития науки конца XVIII в. В объяснении же общественного развития Радищев в основном не вышел за пределы идеалистической концепции, разделяя учения об общественном договоре и естественном праве. Однако отличительной чертой понимания Радищевым учений об общественном договоре и естественном праве является отстаивание суверенного права народа определять формы государственного устройства.

Но и при анализе общественных явлений в ряде случаев, как показано будет ниже, Радищев отбрасывал идеалистические объяснения. Для своего времени он глубоко определял объективную материальную обусловленность тех или иных идей и деятельности человека: «Разум исполнительный, — писал он, — в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладью и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы и первый был воин; обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, удомовил миролюбивых зверей и стал скотоводитель... Скотоводитель подражать стал природе сеянием злаков для питания своего скота, и после, возревновав его обилию, насадил хлеб. Как бы то ни было, земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу, и, облекши его багряницею, поставил на олтаре превыше всех, воскурил ему фимиам; но наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, попрал обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого»¹.

¹ А. Н. Радищев, О человеке, о его смертности и бессмертии, Соч., т. 2, стр. 64.

Радищев показывает в своём философском трактате историческое развитие разделения общественного труда, рост общественного производства и возникновение частной собственности. Таким образом, у Радищева имеет место интересная попытка материалистически объяснить происхождение деления общества на классы, эксплуатации и самодержавия на основе присвоения отдельными лицами земли. Здесь же Радищев повторяет развитую им в «Путешествии» и в оде «Вольность» мысль об исторической неизбежности свержения самодержавия и даже казни царя.

Большой интерес имеет применявшийся Радищевым материалистический метод научного исследования. Свой метод научного обобщения Радищев характеризовал следующими словами: «... розыскатель причину вещи, деяния или действия не в воображении отыскивать долженствует, или как древний гадатель, обманывая сам себя и других, не на вымысле каком-либо основать ее имеет; но, розыскивая, как вещь, деяние или действие суть, он обнаружит тесные и неясственные сопряжения их с другими вещами, деяниями или действиями; сблизит факты однородные и сходственные, раздробит их, рассмотрит их сходственности, и раздробляя паки проистекающие из того следствия, он, поступая от одного следствия к другому, достигнет и вознесется до общего начала, которое, как средоточие истины, озарит все стези, к оной ведущие»¹.

Во время работы в Комиссии о составлении законов Радищев представил ряд юридических проектов и записок, например, «Проект для разделения Уложения Российского», «Проект Гражданского уложения»², записку «О законоположении»³, «О ценах за людей убиенных», «О праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитника», «Опыт о законодательстве»⁴. В этих работах Радищев высказал глубоко прогрессивные идеи в защиту гражданской свободы, против всяких феодально-сословных ограничений и изложил ряд важных теоретических и практических экономических положений.

Из небольших публицистических произведений Радищева обращают на себя внимание «Письмо к другу, жителюствующему

¹ А. Н. Радищев, О человеке, о его смертности и бессмертии, Соч., т. 2, стр. 40.

² Впервые опубликованы в книге «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», АН СССР, М. — Л. 1936.

³ Впервые опубликована в журнале «Голос минувшего», декабрь 1916 г., стр. 74—96.

⁴ Все юридические труды А. Н. Радищева напечатаны в полном собрании его сочинений, т. 3, АН СССР, М. — Л. 1952. В дальнейшем ссылки на том 3 будут даны по этому изданию (Соч., т. 3).

в Тобольске по долгу звания своего»¹, «Беседа о том, что есть сын отечества»².

С полным основанием приписывается Радищеву «Отрывок путешествия в ***И*** Т***»³.

Принадлежность этого произведения А. Н. Радищеву в последнее время оспаривают Г. Макогоненко и Л. Крестова⁴, но их доказательства нам представляются неубедительными.

Главный аргумент Г. Макогоненко сводится к тому, что в «Отрывке» нет революционных выводов, свойственных Радищеву, а, наоборот, якобы имеет место идея противопоставления деревне Разорённой деревни Благополучной. Натянутость этой аргументации очевидна. «Отрывок» опубликован в 1772 г., до крестьянской войны под предводительством Пугачёва, которая оказала решающее влияние на формирование революционных воззрений Радищева. До этой войны Радищев ещё не делал твёрдых революционных выводов, не призывал народ к вооружённому восстанию, а лишь показывал нетерпимую тяжесть крепостнической эксплуатации. В «Отрывке» нет противопоставления помещиков-разорителей помещикам-«отцам», противопоставления деревни Благополучной деревне Разорённой. Наоборот, на первой же странице «Отрывка» Радищев с предельной ясностью пишет, что он «останавливался во всяком почти селе и деревне... но в три дни сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. *Бедность и рабство* повсюду встречались со мною во образе крестьян... Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною»⁵. Весь «Отрывок» содержит яркое описание ужасного положения крестьян деревни Разорённой и лишь в последних четырёх строках путешественник сообщает, что он на другой день отправился в путь, горя нетерпением увидеть жителей Благополучной деревни,

¹ Напечатано Радищевым в его собственной типографии в 1790 г. См. А. Н. Радищев, Соч., т. 1.

² Напечатана в журнале «Беседующий гражданин», изд. Общества друзей словесных наук, декабрь 1789 г. См. А. Н. Радищев, Соч., т. 1.

³ Напечатан анонимно в журнале «Живописец», 1772, листы 5 и 14. См. А. Н. Радищев, Соч., т. 2; «Русская проза XVIII века», т. 1, Государственное издательство художественной литературы, М. — Л. 1950; «Сатирические журналы Н. И. Новикова», АН СССР, М. — Л. 1951.

⁴ См. Г. Макогоненко, Николай Новиков и русское Просвещение XVIII в., 1951, а также его статью «Н. И. Новиков» в книге «Русская проза XVIII века», т. 1, 1950; Л. В. Крестова, Из истории журнальной деятельности Н. И. Новикова (Кто был автором «Отрывка Путешествия в ***» И. Т. и «Писем к Фалалею?»), «Исторические записки» № 44, АН СССР, 1953, стр. 253—287.

⁵ «Сатирические журналы Н. И. Новикова», АН СССР, М. — Л. 1951, стр. 295.

потому что «хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни»¹. Эти заключительные строки «Отрывка» следует рассматривать как открытое опровержение Радищевым официальной крепостнической публицистики, настойчиво распространявшей версию о господстве в русской деревне добрых помещиков-«отцов», лживо утверждавшей, что крестьяне в России живут лучше, чем в других странах. Об этом, как известно, постоянно писала и говорила Екатерина II. В замечаниях на «Путешествие» Радищева она писала: «...едит оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния, хотя и то не оспоримо, что лутчее сюдбы наших крестьян у хорошова помещика нет по всей вселенной»². Это же неизменно твердили Щербатов, Болтин и другие крепостники.

Радищев демонстративно показал, что хотя ему «столько насказали» о благополучии помещичьих крестьян, но он *не нашёл* в крепостнической России *Благополучной* деревни, несмотря на попытку доехать до неё. Радищев подробно описал деревню Разорённую, быт и изнурительный труд её крестьян, но не описал и не мог описать деревню Благополучную — нет такой деревни в нарисованных им картинах. Поэтому не мог он и «противопоставить» эти деревни одну другой.

Вновь поднимая столетний спор о том, кому принадлежит «Отрывок путешествия», отрицая принадлежность его Радищеву и приписывая авторство Н. И. Новикову, Г. Макогоненко сбрасывает со счёта примечание самого Новикова в «Живописце»: издатель и редактор Новиков сообщает читателям, что из полученной им от г. И. Т. рукописи он удалил последний «разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор конечно бы заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренной деревни и подобных ему»³. Редакционные сокращения «Отрывка», как явствует из этого примечания Новикова, были вызваны цензурными соображениями и смягчали резкое обличение крепостничества Радищевым. Сам издатель «Отрывка» в этом примечании подтверждает, что его содержание направлено против крепостного строя. Зачем понадобилось Новикову посвящать читателя в подробности работы над своей собственной рукописью, если бы автором «Отрывка» был он сам?

¹ «Сатирические журналы Н. И. Новикова», АН СССР, М.—Л. 1951, стр. 332.

² Д. С. Бабкин, Процесс Радищева, АН СССР, М. — Л. 1952, стр. 160.

³ «Сатирические журналы Н. И. Новикова», стр. 332.

В. П. Семенников привёл обширные и убедительные доказательства принадлежности «Отрывка» А. П. Радищеву¹, обратив особое внимание на *идейное сходство* содержания «Отрывка» с содержанием главы «Пешки» из «Путешествия из Петербурга в Москву».

В дополнение к доводам В. П. Семенникова можно ещё указать на поразительное сходство по идее, содержанию и форме отдельных выражений разговора путешественника с крестьянином из «Отрывка»², с одной стороны, и разговора путешественника с крестьянином из главы «Любани» «Путешествия из Петербурга в Москву» — с другой³. И тут и там речь идёт о вынужденной работе крестьян на своих наделных участках поля по воскресеньям, так как остальные дни недели они работают на помещика; и тут и там описывается зверская система неограниченной барщины; и тут и там крестьянин надеется на «милость Божию», говорит, что у «доброего» господина легче живётся; и тут и там путешественник «углубляется в размышления» о тяжёлом положении помещичьих крестьян, о том, что помещики незаконно поступают с «подобным себе существом».

Упоминание в какой-то связи о «добром» барине и о «подобном себе существе» в «Отрывке» не даёт никакого основания для отрицания принадлежности «Отрывка» Радищеву. Радищев описывает типичных помещиков, зверски эксплуатирующих своих крепостных, а приведённые им кое-где высказывания отдельных крестьян об отдельных «добрых» помещиках не меняют общей направленности радищевского резко отрицательного, революционного отношения к крепостничеству, точно так же, как подчас очень острая сатира на «дурных» помещиков у Новикова не меняет новиковского либерального в целом отношения к крепостничеству, не снимает веры Новикова в «доброего» барина и просвещённого монарха.

Не убедительна и аргументация Л. Крестовой. Она игнорирует свидетельство П. А. Радищева об участии его отца А. Н. Радищева в «Живописце». Нельзя согласиться с соображением Л. Крестовой, что у А. Н. Радищева с момента приезда из-за границы осенью 1771 г. и до напечатания 1-й части «Отрывка»

¹ См. В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования, М. 1923, стр. 319—364.

² А. Н. Радищев, Соч., т. 2, стр. 350—351; «Русская проза XVIII века», 1950, т. 1, стр. 446—447; «Сатирические журналы Н. И. Новикова», стр. 331—332.

³ А. Н. Радищев, Соч., т. 1, стр. 232—234. П. Н. Берков в своей работе «История русской журналистики XVIII века», АН СССР, М. — Л. 1952, также обращает внимание на сходство содержания средней части второй половины «Отрывка» с главой «Любани», которую он справедливо считает переработкой первоначального варианта, данного в «Отрывке» (стр. 206).

в мае 1772 г. не было времени для основательного ознакомления с условиями труда и быта крестьян. Разве Радищев совершенно не знал жизни крепостных русских крестьян до своего отъезда за границу? Разве он не читал русских сатирических журналов 60—70-х годов? Разве через руки Радищева — протоколиста Сената — не проходили ежедневно документы о столкновениях помещиков и крестьян? Надумано и положение Л. Крестовой, что Радищев сразу по приезде в Россию не мог обратиться к критике недостатков, потому что ехал домой с энтузиазмом. Но ведь сам же Радищев писал, как этот энтузиазм был погашен вскоре после его возвращения в Россию.

Совершенно необоснованно отрицая правомерность сравнения содержания «Отрывка», напечатанного в «Живописце», с главами «Пешки» и «Любани» из «Путешествия из Петербурга в Москву», Л. Крестова отмечает только различия между главой «Пешки» и «Отрывком», а относительно главы «Любани» заявляет, что это произведение другой идеологической направленности.

Но в том-то и суть, что Радищев сделал огромный скачок в развитии русской общественной мысли — от критики отдельных сторон крепостничества к революционному его отрицанию. Восемнадцать лет отделяют напечатание «Отрывка путешествия в ***И*** Т***» от напечатания «Путешествия из Петербурга в Москву». За это время сложились и вызрели революционные убеждения Радищева, тогда как Н. И. Новиков был и остался на либеральных позициях критики отдельных сторон, а не системы самодержавно-крепостнического строя.

Главный аргумент Л. Крестовой в защиту принадлежности «Отрывка путешествия в ***И*** Т***» Н. И. Новикову сводится к тому, что при перепечатке текста «Отрывка» и статьи Новикова «Английская прогулка» в «Московском собеседнике» 1806 г. обе эти работы помещены вместе, одна за другой, а в текст «Отрывка» была внесена правка, которая, по мнению Л. Крестовой, могла быть сделана только автором. Подробное сличение текстов не убеждает нас в авторстве Новикова, так как подобную правку производили и производят не только авторы, но редакторы и издатели. Нельзя игнорировать практику обращения с чужими текстами в XVIII и начале XIX вв. В пример можно привести труд М. Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции». В этом произведении можно выделить целые страницы, абзацы и фразы, заимствованные из произведений других авторов без всяких ссылок и кавычек. Подобные примеры без труда можно умножить. При переизданиях произведений умерших авторов правку, уточнение текста, изменение композиции и т. д. производили и производят редакторы, переводчики, издатели. Н. И. Новиков не составлял

исключения из этого правила. Но он не вносил радикальных изменений в текст «Отрывка» в пяти изданиях «Живописца», пока был жив А. Н. Радищев.

Таким образом, утверждение, будто бы автором «Отрывка путешествия в ***И*** Т***» является Н. И. Новиков, а не А. Н. Радищев, неубедительно.

В названных публицистических произведениях Радищев выступил зрелым критиком самодержавно-крепостнической системы и пламенным защитником угнетённого народа.

Радищеву принадлежит ряд переводов на русский язык произведений иностранной литературы. Он перевёл с греческого языка брошюру А. Гики «Желания Греков, к Европе христианской»¹. В брошюре указывается на бывшее благополучие и славу греческого народа, «когда предки наши жили под державою вольности». Радищев предпослал переводу небольшое предисловие, в котором указывал на бедственное положение изнывавшего под турецким игом греческого народа.

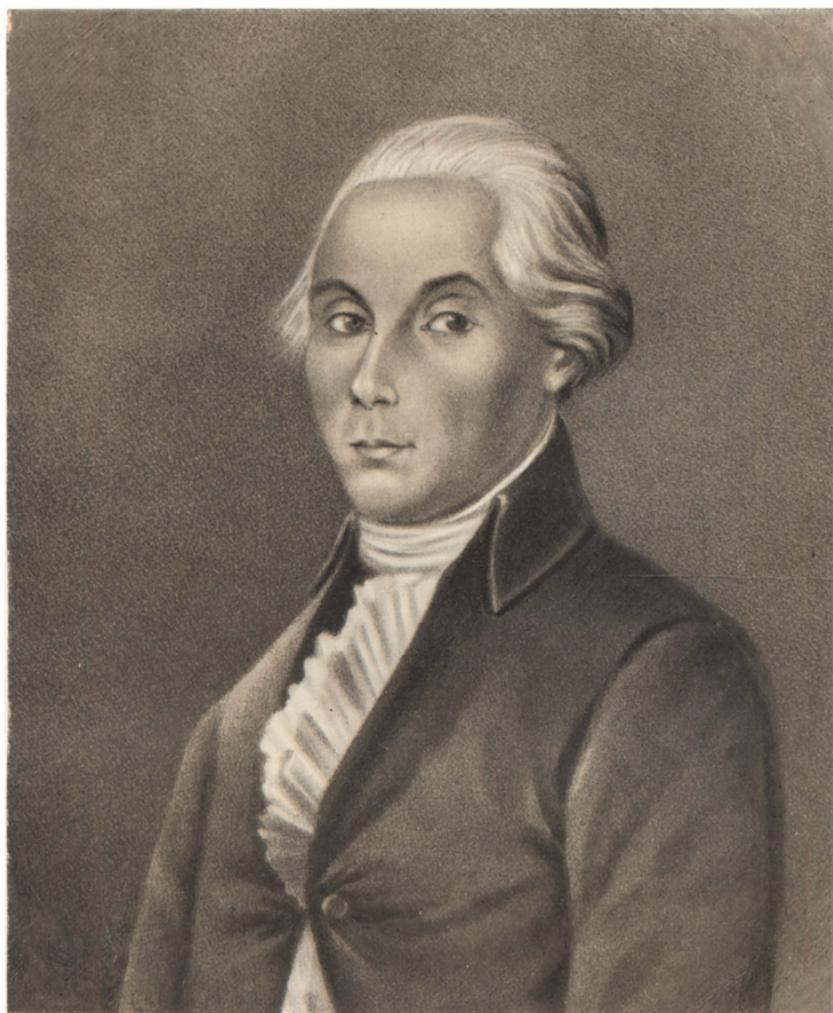
Радищев сделал перевод с немецкого языка книги «Офицерские упражнения». Это было специальное пособие для офицеров, вероятно, предназначавшееся для использования в русской армии. Возможно, что инициатива перевода исходила от штаба графа Брюса, где Радищев тогда служил.

Наиболее интересным является изданный Радищевым в 1773 г. перевод с французского книги Мабли «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков». Мабли считал источником всех бед в обществе частную собственность².

Перевод Радищева замечателен как трактовкой отдельных слов, например *despotisme* — самодержавство, *tyran* — мучитель и т. п., так и собственными примечаниями переводчика. В примечаниях к тексту Мабли Радищев выявляет свои демократические убеждения. К слову *despotisme* Радищев сделал следующее примечание: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другаго права наказывать преступников опричь права собственныя сохранности. Если мы живем под властью законов, то сие не для того, что мы оное делать должныствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном

¹ См. А. Н. Радищев, Соч., т. 2, стр. 225—228.

² Энгельс писал о Мабли: «...Революционные вооруженные восстания еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII веках, а в XVIII веке — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)» (Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, 1953, стр. 34—35).

А. Н. РАДИЩЕВ

выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и наша природная власть, то дабы она употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом *безмолвный* договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашей *обязанности*. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. *Государь есть первый гражданин народного общества*¹. Отсюда видно, что ещё в год начала крестьянской войны 1773—1774 годов Радищев ясно выразил идею о праве народа судить царя как преступника, нарушившего интересы народа, его суверенитет.

Из специально экономических работ Радищева обращают на себя внимание «Письмо о Китайском торговле» и «Описание моего владения»², а также «Записка о податях Петербургской губернии»³, неоконченная рукопись «Торговля»⁴.

«Письмо о Китайском торговле» представляет собой исследование внешней торговли и её влияния на отечественное производство. В этой работе Радищев дал анализ важнейших категорий политической экономии. Свои теоретические положения Радищев подкрепляет большим фактическим материалом таможенных ведомостей и непосредственными наблюдениями над развитием производства и торговли в Европейской России и в Сибири⁵.

Вторая экономическая работа Радищева — «Описание моего владения» не была им окончена. Полное название этой работы — «Вот описание моего владения, поместья, вотчины, деревни или назови как хочешь» — показывает, что здесь имеется в виду имение, типичное для средней полосы России. Из плана работы видно, что Радищев намеревался дать развёрнутую картину экономики крестьянского хозяйства оброчной помещичьей деревни. Эта работа представляет большую ценность как для выявления экономических взглядов Радищева, так и для характеристики уровня развития производительных сил и сущности производственных отношений русской деревни конца XVIII в.

В «Описании моего владения» Радищев дал характеристику земельного фонда и землепользования, описание средств производства (строений, скота, орудий) и их стоимости, составил

¹ А. Н. Радищев, Перевод с французского сочинения де Мабли «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков», Соч., т. 2, стр. 282. Примечание.

² См. А. Н. Радищев, Соч., т. 2.

³ См. А. Н. Радищев, Соч., т. 3.

⁴ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собрание Воронцова, № 398, л. 140—141.

⁵ Свои наблюдения Радищев записал в дневниках: «Записки путешествия в Сибирь» и «Записки путешествия из Сибири». См. А. Н. Радищев, Соч., т. 3.

баланс доходов и расходов деревни и чистого дохода на душу населения, описал все земледельческие работы и промыслы крестьян, рекомендовал меры к улучшению сельскохозяйственного производства и вскрыл социально-экономические причины его низкого уровня. Этот труд Радищева является одной из первых в России попыток дать сводную работу по экономике крестьянского крепостного хозяйства.

Ряд важных экономических высказываний, особенно о роли скупщиков и церковников в эксплуатации и разорении трудящихся, о торговле в Сибири, о положении крестьян и их эксплуатации, имеется в недавно опубликованных работах Радищева «Описание Тобольского наместничества»¹, «Записка о податях Петербургской губернии» и «Описание Петербургской губернии»².

Радищев очень интересовался экономикой Сибири, положением её коренного населения и «посельщиков» (переселенцев из России): «Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край! Нужны еще века; но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира!»³, — писал Радищев А. Р. Воронцову.

Радищев считал неправильным (особенно в отношении Сибири) деление России на губернии без учёта естественно-исторических и экономических условий развития её отдельных районов. Для правильного, по соображениям Радищева, деления Российской империи на губернии «не исправниково искусство нужно, но головы и глаза Паласа, Георги, Лепехина, да без очков, и внимания не на одни цветки и травы»⁴. Называя имена знаменитых академиков, исследователей естественных богатств России, Радищев тем самым подчёркивает необходимость научного подхода к разделению страны на административные районы.

Большой интерес представляют соображения Радищева по вопросам налоговой политики и влияния налогов на сельское хозяйство и крестьянские промыслы, имеющиеся в «Записке о податях Петербургской губернии», «О тарифе 1766 года и пошлинах по нему», «О подушном сборе» и др.⁵

¹ Впервые опубликовано в сборнике статей «Советская этнография», 1947, т. VI—VII, стр. 227—233; См. А. Н. Радищев, Соч., т. 3.

² Впервые опубликованы в «Историческом архиве», V, АН СССР, М. — Л. 1950 г., стр. 220—273; См. А. Н. Радищев, Соч., т. 3.

³ А. Н. Радищев, Письмо А. Р. Воронцову 24 июля 1791 г., Соч., т. 3, стр. 387.

⁴ А. Н. Радищев, Письмо А. Р. Воронцову 15 марта 1791 г., Соч., т. 3, стр. 357.

⁵ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Собрание Воронцова, № 398, 862, 863. В т. 3 Полного собрания сочинений

Эти черновые материалы имеют большое значение для характеристики экономических взглядов Радищева. Главное их назначение состояло, повидимому, в уяснении автором для самого себя ряда вопросов экономики, экономической политики и правового положения различных сословий крепостнической России XVIII в. И по времени написания, и по содержанию значительная часть этих рукописей может рассматриваться как подготовительные работы к «Путешествию», отчасти их материал использован в «Описании моего владения».

Радищев внимательно изучал состояние сельского хозяйства на примере Центральной России, Петербургской губернии и Сибири. Его интересовало всё — положение различных групп крестьянства и существовавшие в России того времени разнообразные налоги, формы их взимания, тяжесть обложения сельских жителей и горожан, способы «добывания денег» крестьянами и ремесленниками на уплату податей. Он подвергал резкой критике налоговую политику крепостнического государства.

Записки «О тарифе 1766 года и пошлинах по нему» и «О Го-стином дворе» непосредственно связаны с практической службой Радищева в Петербургской таможне. С работой Радищева в области внешней торговли в Коммерц-коллегии и в Петербургской портовой таможне связан ряд его произведений, таможенных проектов и отзывов¹. Основная идея этих произведений сводится к необходимости государственного регулирования ввоза и вывоза товаров, покровительственной таможенной политики и борьбы с злоупотреблениями в области внешней торговли.

О своих экономических занятиях после определения на службу в Коммерц-коллегию Радищев писал: «... за долг мой почел приобрести знания, до торговой части вообще касающиеся, и для того, сверх обыкновеннаго упражнения в делах, я читал книги, до коммерции касающиеся, возобновил паки чтение общей истории и путешествий, и старался приобрести [сведения. — *Е. П.*] в российском законоположении, до торгу вообще относящихся»².

«Записки путешествия в Сибирь» и «Записки путешествия из Сибири»³ Радищева являются замечательными документаль-

А. Н. Радищева работа «О подушном сборе» включена в «Записку о податях Петербургской губернии», а рукопись «О тарифе 1766 года...» неправильно озаглавлена «Проект нового генерального таможенного тарифа».

¹ Опубликованы в книге *А. Н. Радищев*, Соч., т. 3, стр. 51—93.

² *Д. С. Бабкин*, Процесс Радищева, АН СССР, М. — Л. 1952, стр. 188.

³ *А. Н. Радищев*, Соч., т. 3. В ранних публикациях второе произведение озаглавлено «Дневник путешествия из Сибири».

ными свидетельствами о жизни трудового народа. В них, как и в письмах Радищева, имеются важные высказывания по экономическим вопросам. Кроме того, у Радищева имеется ряд работ и заметок на исторические темы, в которых главное внимание обращено на условия жизни народа, на его историческую роль и на причины, обусловившие формирование национального характера русского народа. Таковы: «Сокращенное повествование о приобретении Сибири»¹, «К российской истории»² и др.

Борьба А. Н. Радищева за свержение самодержавия

Радищев не отделял борьбу против крепостного права от борьбы за народную власть, за революционное уничтожение самодержавия как политической формы господства крепостников-помещиков. И это понятно.

Революционные идеи Радищева появились в соответствии с назревшими потребностями материальной жизни общества, задолго до отмены крепостного права в России.

Радищев дал наиболее последовательную для своего времени, глубокую и всестороннюю критику крепостного строя и обосновал необходимость народной революции для его уничтожения. В «Беседе о том, что есть сын отечества» он критикует Аристотеля, считавшего установленным природой порядок одним господствовать, другим — быть рабами. Радищев писал, что природа тут не при чём: если «гораздо знатнейшая [большая. — Е. П.] часть рода смертных погружена во мрачность варварства, зверства и рабства», то «причиною тому или род провождаемой жизни, обстоятельства, или в коих быть принуждены... или насиле...». Радищев понимал, что общественные условия, а не природа, вызвали разделение людей на рабов и господ, на угнетателей и угнетённых. В этой статье писатель с возмущением показывал, что в крепостной России крестьяне не считаются людьми, они лишены даже права называться сынами отечества, что «они не суть члены государства, они не человеки, когда суть не что иное, как движимья мучителем машины... тяглый скот!».

Екатерина особенно была возмущена ярко выраженными в книге Радищева ненавистью к самодержавию и крепостничеству, идеей революционного свержения самодержавия и уничтожения крепостничества. Прочитав вслед за «Путешествием» и «Письмо к другу, жителствующему в Тобольске», она правильно связала эти произведения, говоря: «видно... что давно

¹ А. Н. Радищев, Соч., т. 2.

² А. Н. Радищев, Соч., т. 3.

мысль ево готовилась ко взятому пути»¹. Ещё в 1773 г. в примечании к слову «самодержавство» Радищев выявил свои демократические убеждения и отметил закономерность народного суда над царём. В «Житии Ф. В. Ушакова», опубликованном в 1789 г., Радищев проводил мысль, что человек много может вынести неприятностей и притеснений, но нельзя его доводить до крайности. «Высшая власть сокрушается от безрассудной строгости», — писал Радищев, развивая ту же мысль, что чрезмерное угнетение народа самодержавием неминуемо будет уничтожено самим народом. В «Путешествии» эта идея все-сторонне им развита.

Страх перед вновь усиливавшимся в 90-х годах крестьянским движением внутри страны и перед возможностью влияния французской революции вызывал особенную ненависть Екатерины к автору оды «Вольность», опубликованной Радищевым в «Путешествии». «Ода, совершенно явно и ясьно бунтовской, где царям грозитя плахою. Кромвелев пример приведен с похвалою. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские...»², — замечала Екатерина. Царица прочитала книгу Радищева почти через год после взятия Бастилии. Преследованием и расправой над революционером Радищевым, над просветителями Новиковым, Кречетовым и Поповым, запрещением распространять произведения западных просветителей Екатерина стремилась задуть всякое «вольномудство» и спасти самодержавно-крепостнический строй.

В оде «Вольность» Радищев наиболее ярко выразил призыв к революции, обосновал закономерность народного вооружённого восстания, справедливость суда над тираном-царём и прославил народную республику с добровольным союзом народов многонациональной Российской империи. В этой оде Радищев непосредственно даёт «прорицания о будущем жребии отечества», России, ярко показывая её тяжёлое настоящее состояние и прозорливо предвидя её блестящее будущее. В настоящем, писал Радищев, «царь... в народе зрит лишь подлую тварь», и народ должен из этого сделать соответствующие выводы, сбросить тирана и уничтожить политическое угнетение.

В оде «Вольность» Радищев изображает величественную картину вооружённого восстания народа и свержения самодержавия. Народ завоевал политическую власть — «воссел на престоле», — собрался на вече и учинил справедливый народный суд над «венчаным злодеем», приговорив его за безмерные злодеяния к смертной казни. Народ предъявил царю

¹ См. замечания Екатерины II на «Путешествие из Петербурга в Москву» в книге Д. С. Бабкина «Процесс Радищева», стр. 164.

² См. там же, стр. 163.

обвинение в том, что сей властитель гнушался трудов народных, гнушался труженников, обрабатывающих землю, добывающих металлы из недр земных, куяющих оружие для армии, покрывших море кораблями, одним словом, давших способ к приобретению богатств и благоденствия и, не щадя крови, защищающих отечество от «злodesв внешних». Народ обвиняет царя в том, что он отнимал у трудящихся кровавым потом добытые крохи пищи, срывал с бедняков последнее рубище и собирал сокровища, чтобы дарить их своим придворным любимцам. Народ заявил, что он не желает больше быть «пленником на ниве своей» и предпочитает свободный труд на своей земле.

Приведём наиболее яркие строфы из этой замечательной оды.

10.

Возрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут.

13.

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови пашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменна
Стоят коленопреклоненно;
Но мститель, трепещи, грядет;
Он молвит, вольность прорекая,
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

14.

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщениое природы
На плаху возвело царя.

«Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодействы все скопил в едином,
Да ни едином пройдет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало.
Единой смерти за то мало,
Умри! умри же ты сто крат!»¹

Радищев непоколебимо верил, что настанет время, когда русский народ свергнет не только гнёт царизма, но освободится и от «духовной власти» — церкви. Победивший народ установит новые законы на основе свободы и равенства всех людей и свободного добровольного союза народов.

Процесс распада Российской империи и образования союза народов на добровольных началах рисуется Радищевым в оде «Вольность» и в комментариях к ней в главе «Тверь» в виде «пророчества» о будущем жребии отечества, которое «разделится на части», а потом

Из недр развалины огромной...
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцем,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят...²

Предвидение Радищевым добровольного союза народов Российской империи на основе равенства и «пользы всех» является особенно замечательным для того времени, когда в стране безраздельно господствовал самодержавно-полицейский режим, бесчеловечно угнетавший так называемых «иногородцев».

Воспевая в оде «Вольность» пример Кромвеля, казнившего короля и научившего народы мстить за себя, а также войну за независимость в Северной Америке 1775—1783 гг., Радищев в то же время не упускал из виду, что освобождение американских колоний от владычества Англии ещё не означало освобождения всего американского народа. Осталось рабство негров. Радищев с глубоким возмущением осуждал жестокую расправу американских колонизаторов с индейцами, бесчеловечную эксплуатацию негров американскими рабовладельцами и колониальное варварство англичан в Индии.

¹ А. Н. Радищев, Ода «Вольность», Соч., т. 1, стр. 3—4, 5, 7.

² Там же, стр. 16.

Сочувственное отношение Радищева к освободительному движению колониальных народов вызвало резкое недовольство Екатерины II. А. С. Пушкин писал по поводу этого недовольства: «Монархиня, стремившаяся к соединению воедино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии»¹.

Радищев на опыте крестьянской войны в России, а также на историческом опыте английской революции и войны за независимость в Северной Америке убедился в том, что ещё не было такого примера, чтобы в интересах народа царь добровольно уступил что-нибудь из своей власти².

Радищев видел, что в России «все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники [т. е. собственники, люди, заботящиеся о своей вотчине, о стяжании имения. — *Е. П.*], и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения»³.

Екатерина II правильно разгадала мысль Радищева, указав, что он «надежду полагает на бунт от мужиков»; она оценивала книгу Радищева как произведение, «служащее к про[по]ведыванию вольности и к искоренению помещиков». По её мнению, Радищев «себя... определил быть начальником, книгою ли или инако изторгнуть скиптра из рук царей...».

Радищев дал развёрнутое обоснование необходимости насильственного уничтожения самодержавия и крепостного права. «Мы ополченные палицею мужества и природы на сокрушение стоглавного чудовища... поползнулися, может быть, на действия самовластия»⁴, — писал он. Екатерине было ясно, что «он бунтовщик хуже Пугачева». Пугачёв не отвергал самодержавия, и народные массы тогда ещё не поднимались против монархии, тогда как Радищев был непримиримым врагом самодержавия.

Радищев твёрдо верил, что русский народ сбросит ненавистное иго самодержавия и создаст народную республику. С этих позиций он критиковал Монтескьё за его теорию «разделения властей», представлявшую по сути дела обоснование сделки между господствовавшей дворянской аристократией и буржуазией за счёт народа. Критиковал Радищев и Руссо, считавшего, что республиканское правление возможно только в небольших государствах. Радищев писал: «Монтескию и Руссо с умство-

¹ А. С. Пушкин, Александр Радищев, Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, М.—Л. 1951, стр. 355.

² См. А. Н. Радищев, Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, Соч., т. 1, стр. 151.

³ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 352.

⁴ Там же, стр. 320.

ванием много вреда сделали. Один мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древняя республики, ассирийския правления и Францию. Забыл о соседях своих. Другой, не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие»¹.

Предвидел Радищев и возможность гражданской войны в результате вооружённого восстания и свержения самодержавия. Он писал: «...власть при издыхании приставит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность». Однако восставший народ непобедим и «тяжелая власть» будет разрушена. «Приидет вожделенно время... О день! избраннейший всех дней!» — с величайшей верой в будущее восклицал поэт-революционер.

Вместе с тем революционер-республиканец призывал победивший народ быть постоянно бдительным и неусыпно охранять свою свободу:

О! вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дар благой природы...
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лъзя претворить².

В то же время Радищев понимал, что революция произойдёт не скоро, что время ещё не настало.

Но не приспе еще година,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды!³

Он писал, что и внуки его могут не увидеть свободы, что до осуществления его мечты может пройти целое столетие.

Анализ и революционная критика крепостного строя. Решение вопроса о земле

Борьбу за свержение самодержавия и установление народной республики Радищев неразрывно связывал с борьбой против крепостного строя.

Основным вопросом всех работ Радищева был вопрос о необходимости ликвидации крепостного права. Отсутствие

¹ А. Н. Радищев, [Разрозненные заметки], Соч., т. 3, стр. 47.

² А. Н. Радищев, Ода «Вольность», Соч., т. 1, стр. 14. («Лъзя претворить» — можно превратить. — Е. П.)

³ Там же, стр. 16.

в России какой бы то ни было государственной регламентации крестьянских повинностей делало неограниченной власть помещиков над крепостными. В «Описании моего владения» Радищев так характеризовал права помещиков: он может продать крестьянина целой семьёй и поодиночке; может заставить работать столько времени, сколько захочет помещик; может наказывать крестьянина по своему произволу, так как он и судья и исполнитель своих приговоров; помещик — господин всего крестьянского имения и детей крестьян, распоряжается браками крестьян. «Итак, селянин, если имеет употребление чего-либо, то делается только из благосердия господина»¹. Ни работой, ни имуществом, ни даже детьми своими крепостной крестьянин не мог распоряжаться.

Свои революционные позиции в борьбе против феодального способа производства Радищев стремился обосновать теоретически.

Радищев считал своим гражданским долгом показать вред для общества порабощения человека человеком, противоречие этого порабощения как естественному праву, так и экономическим интересам страны.

Делая революционные выводы из учения просветителей об естественном праве, Радищев доказывал, что крестьяне такие же люди, как и дворяне: «...одинаковые с вами у них члены и чувства, и право в употреблении оных должно быть одинаково»². Порабощение человека человеком Радищев клеймил как зверский обычай, преступление, достойное отщипления и наказания. Нельзя назвать благополучным то государство, писал Радищев, где две трети населения «в законе мертвы», лишены гражданских прав. Радищев восставал против всякого порабощения человека человеком и резко изобличал зверский режим эксплуататоров-властителей в Америке, где, по его словам, сто гордых граждан утопают в роскоши, а работающие на них рабы лишены крова и других необходимых средств существования.

С большой убеждённостью приводит Радищев *экономические доводы* против крепостного строя. Он старался вскрыть внутреннее содержание крепостного хозяйства, сущность тех явлений, которые наблюдал в обществе, поскольку это позволял уровень науки того времени.

Анализируя крепостническое производство, Радищев видел экономический вред от порабощения человека человеком прежде всего в *низкой производительности труда крепостных*. Он исходил из положения, что стимулом человеческой деятель-

¹ А. Н. Радищев, Соч., т. 2, стр. 187.

² А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 313.

ности является заинтересованность человека в результатах своего труда: «Следуя сему естественному побуждению, все начинаемое для себя, все что делаем без принуждения, делаем с прилежанием, рачением, хорошо. Напротив того все то, на что несвободно подвигаемся, все то, что не для своей совершаем пользы, делаем оплошно, лениво, косо и криво»¹. Крепостные крестьяне в силу своего положения в производстве лишены были этой заинтересованности; они считали, что им «грешно было бы» с таким же усердием работать на барина, как на себя. «У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две, для семи ртов... Да хотя растянься на барской работе, то спасибо не скажут, — говорил крестьянин путешественнику. — Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит»².

Радищев показывает распределение средств производства и предметов потребления в крепостническом обществе. Вскрывая характер феодальной собственности, он пишет, что ни основное средство труда (земля), ни продукты труда крепостному крестьянину не принадлежат. «Нива у них чуждая, плод оная им не принадлежит. И для того обрабатывают ее лениво; и нерадеют о том, незапустеет ли среди делания»³.

Радищев сравнивал работу крестьянина на барской пашне с работою его же на земле, «данной надменным владельцем, на тощее прокормление делателю». На своём надельном участке земли крестьянин, не жалея сил, преодолевает все трудности, работает и дни, и ночи, и праздники, «зане рачит о себе, работает для себя, делает про себя». Этот принцип личной материальной заинтересованности как один из важнейших стимулов развития производительности общественного труда во всех отраслях народного хозяйства Радищев защищал со всей последовательностью.

Работа трудящегося на себя «даст ему плод сугубый», а принудительный труд приводит к тому, что «все плоды трудов земледельцев, мертвеют, или паче невозраждаются, они же родились бы, и были живы на насыщение граждан, если бы делание нив было рачительно, если бы было свободно»⁴.

В оде «Вольность» Радищев восторженно воспевал созидательную силу, величие и радость свободного труда. Помещичья земля была, по образному сравнению поэта, суровой мачехой для крестьянина и не давала должной награды его трудов.

¹ А. Н. Радищев, Путешствие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 318—319.

² Там же, стр. 233.

³ Там же, стр. 319.

⁴ Там же.

Иным станет труд крестьянина и результат его труда после уничтожения крепостничества, после ликвидации помещичьего землевладения и передачи земли крестьянам.

Покоя рабского под сенью
 Плодов златых не возрастет...
 Но дух свободы ниву греет,
 Бесслезно поле вмиг тучнеет;
 Себе всяк сест, себе жнет¹.

Радищев видел причины упадка земледелия в России в принудительном характере труда земледельцев, в крепостнической эксплуатации, в том, что «принужденная работа дает меньше плода». Крепостническая эксплуатация создаёт недостаток средств существования, задерживает рост народонаселения.

Помещик зачастую отбирал у крестьян не только прибавочный, но и часть необходимого продукта, что вело к понижению производительности крепостного труда. Характеризуя это явление, Радищев писал: «...избытка своего делатель обществу неотдаст, неимея нужного»². Величину «избытка», т. е. по существу прибавочного продукта, Радищев ставил в прямую зависимость от общественной формы производства, т. е. от того, работает ли производитель на себя или на эксплуататора — помещика.

В такой плоскости вопрос о производительности общественного труда в русской экономической литературе впервые так глубоко проанализирован А. Н. Радищевым. Посошков говорил о необходимости «прибытка», но он не мог ещё связать его производство с общественной формой труда и предлагал лишь отдельные рациональные приёмы в организации труда, как, например, урочные задания и пр. Радищев отстаивал свободный личный труд земледельца на собственной земле и не признавал за землевладельцами никакого права на присвоение прибавочного труда крестьянина.

В то же время Радищев не рассматривал крестьянство как однородную массу трудящихся. Он видел уже и начало разложения крестьянства. Богатые крестьяне, как показывал Радищев, имели денежные накопления, нанимали батраков на сельскохозяйственные работы, покупали землю. Они составляли незначительную верхушку деревни, в то время как основная масса крестьян бедствовала и едва сводила концы с концами. Выясняя вопрос «о причинах бедности крестьянской», Радищев, по его собственному выражению, «всегда находил, что помещики их сами тому были виною».

¹ А. Н. Радищев, Ода «Вольность», Соч., т. 1, стр. 4, 10.

² А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 315.

Проанализировав состояние и вскрыв эксплуататорский характер крепостнического способа производства, Радищев ярко показал разнообразные формы крепостнической эксплуатации в России. Он изучал экономическое и правовое положение различных групп крестьян, сравнивая тяжесть эксплуатации крестьян государственных, приписных к заводам, помещичьих, состоящих на оброке и на барщине. Положение государственных крестьян было менее тяжёлым, чем крестьян помещичьих, показывает Радищев. «Крестьяне С.-Петербургской губернии есть собственность, как во всем государстве, — писал Радищев. — Они суть двух родов: казенные и помещичьи; третьяго рода крестьяне суть колонисты.

Казенных крестьян можно почесть приписными к землям, на которых они жительствоуют. Переселять может их директор домоводства, в ведении котораго они состоят. Земля, на которой живут, почитается казенною, и они оную имеют только на употребление. Селениям казенным дано право покупать земли; но можно ли сие назвать собственностью?»¹

Радищев ясно представлял себе, что полностью право собственности мог реализовать лишь свободный человек, а казённый (государственный) крестьянин при крепостничестве таковым не являлся. Цари путём приписки государственных крестьян к заводам, раздачи их различным фаворитам и царедворцам постоянно превращали государственных крестьян в помещичьих крепостных. Екатерина II за время своего царствования раздала своим приближённым в собственность 800 тыс. государственных крестьян, Павел I — 600 тысяч.

Радищев сравнивает положение государственных крестьян с положением помещичьих оброчных крестьян, которые также имеют в своём пользовании землю, также делят её между собою по тяглам, так же, как и казённые крестьяне, «оброк разлагают по мере обрабатываемой ими земли», все свои внутренние дела решают «на сходах» и даже «иногда, с дозволением помещичью, покупают земли». Но между ними есть и существенная разница. «Одно токмо есть различие, да и весьма важное, есть то, что крестьяне казенные платят известную подать, которую никто переменить не может без повеления имп. величества, а помещичей должен то платить, что господин захочет»².

Из рассуждений Радищева видно, что оброчная форма эксплуатации крепостного труда была более лёгкой для крестьянина и более способствовала экономическому развитию

¹ А. Н. Радищев, [Описание Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 130.

² Там же, стр. 131.

страны, чем барщинная. Оброчная форма помогала распространению ремесла и обеспечению крупной мануфактурной промышленности рабочей силой из крестьян-отходников.

Радищев обличал тех крепостников, которые в оброчной форме взимания феодальной ренты видели главную причину упадка земледелия и превозносили барщинную систему как наилучшую форму организации помещичьего хозяйства. Он с возмущением писал, что «состояние крестьян, отправляющих земледелие на счет господской или, попросту сказать, состоящих на пашне, есть наитягчайшее... В самом деле, если господин властен дать крестьянину столько земли, сколько хочет, если властен заставить его работать сколько хочет, то с чем сравнить такого земледельца? Одно его спасение от конечного истощения и смерти есть корыстолюбие помещика. Вот его защита!»¹. Иными словами: если бы можно было выжимать прибавочный продукт из крестьянина, не давая ему даже минимума средств существования, то помещики ничего бы не оставляли крестьянину. Но тогда помещик лишился бы источника получения богатства, источника удовлетворения своего корыстолюбия.

Особенно тяжёлой формой крепостнической эксплуатации была так называемая месячина. Радищев показывает, как для увеличения своих доходов помещик «почел... уподобить крестьян своим орудиям, ни воли ни побуждения неимеющим». Помещик отнял у крестьян пашни и покосы и заставил их все дни трудиться на барских работах. Радищев указывал, что обезземеление крестьян в форме перевода их на месячину по существу означало превращение крепостного в раба.

Месячина и перевод в дворовые лишали крестьян какого бы то ни было своего хозяйства. Крестьяне при этом были лишены не только недвижимой собственности, но и движимой. «Следственно, у таковых узников небыло ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их, господин у них неотымал, но способы к тому»². Крестьянин на месячине не мог обзаводиться собственностью, потому что помещик забирал у него не только прибавочный продукт, но и все средства труда.

Радищев недаром сравнивал этих крестьян с лакедемонянами и называл их узниками: они были на положении таких же говорящих орудий, как рабы в рабовладельческой системе, так же лишены были всяких средств производства, так же сами превращались в полную собственность господина.

¹ А. Н. Радищев, [Описание Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 131.

² А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 325.

Не отличалась от месячины, а во многих случаях и превосходила её тяжестью эксплуатации отдача помещиком целых деревень или отдельных крестьян в *аренду* своим кредиторам на время, пока крестьяне не отработают долг своего помещика заимодавцу. Крестьяне аренду считали самой худшей формой работы на помещика: «Ныне еще поверье заводится отдавать, деревни как то называется, на аренду. А мы [крестьяне. — *Е. П.*] называем это отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам неоставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушныя платит за нас. Самая дьявольская выдумка, отдавать крестьян своих чужому в работу», — говорил крестьянин путешественнику в главе «Любани»¹.

Радищев показывает, что непосредственным производителем в крепостническом сельском хозяйстве является только крестьянин. «Употребление естественных сил своих крестьян», т. е. эксплуатация труда крепостных крестьян является источником богатства помещика. Крепостные крестьяне «работают необходимое для человека из страха». Между господствующим классом помещиков и крепостными крестьянами «никакой не-можно быть связи, разве насиле»², — писал Радищев, отмечая роль внеэкономического принуждения при феодализме.

Настойчиво и пламенно бичуя рабство, Радищев выступал не только против русских реакционных представителей дворянства, но и против консервативных высказываний французского просветителя Вольтера о том, что простому народу, как волам, всегда нужен погонщик.

Не разделяя взглядов школы физиократов, Радищев тем не менее считал сельское хозяйство основной отраслью народного хозяйства России. Он утверждал, что бедность страны происходит оттого, что земля захвачена помещиками и земледелие ведётся не в интересах народа. «Но государство, — писал он, — будет обогащаться, если будет расширяться земледельческая культура и если она будет направлена в пользу большинства. Но если небольшое число захватывает земли, тогда торговля будет блестящей, а государство бедным, как Россия и Польша»³.

Радищев подвергает острой критике феодальное право собственности, показывает его историческую ограниченность и доказывает, что не помещик, а только земледелец, трудающийся

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 233.

² Там же, стр. 319 (курсив мой. — *Е. П.*)

³ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, рукопись Радищева «Торговля», собрание Воронцова, № 398, л. 140 (курсив мой. — *Е. П.*)

крестьянин должен иметь право собственности на землю. Радищев упорно отстаивал идею: землёй должен владеть только тот, кто сам её обрабатывает. «Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец наша тощеты, насытителъ нашего глада; тот кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, неимея права распорядити ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. *Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде неделатель ея?*»¹.

Обращаясь к истории, Радищев видит, что было время, когда землёй владел только тот, кто сам её обрабатывал, «и обрабатывающий ее, пользуется ею исключительно», иными словами, земля и продукт труда принадлежали самому земледельцу. Современное же общество, писал Радищев, далеко ушло «от первоначального общественного положения, относительно владения» землёй; общественное развитие привело к тому, что «у нас, тот кто естественное имеет к оному [владению землёй. — *Е. П.*] право, нетокмо от того исключен совершенно, но работая ниву чуждую, зрит пропитание свое зависящее от власти другаго!»².

Радищев писал, что захват земли немногими людьми породил нищету большинства населения, что земельная собственность породила крепостнические отношения — «когда человек повелевает человеком». По мнению Радищева, земельная собственность должна принадлежать не единицам, помещикам, а массам народным, крестьянам.

Революционную мысль о неотъемлемом праве крестьян на землю Радищев настойчиво проводил как в бессмертном своём творении «Путешествие из Петербурга в Москву», так и в других работах, написанных им позднее.

В работе «Описание моего владения» Радищев продолжает отстаивать право собственности крестьян: «...поелику поселянин платит подать, то он, дая удовлетворения тому, должен иметь собственность, и проч.»³.

Радищев выступал сторонником законодательного обеспечения крестьянской собственности на землю в качестве обязательного условия освобождения крестьян от личной зависимости.

В конце своей жизни в специальном разделе «Проекта Гражданского уложения» Радищев рассматривает собственность как отношение между людьми, как исключительное право одних перед другими.

¹ *А. Н. Радищев*, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 314 (курсив мой. — *Е. П.*)

² Там же, стр. 315.

³ *А. Н. Радищев*, Описание моего владения, Соч., т. 2, стр. 187.

Радищев отмечал, что не только помещичьи крестьяне, но и казённые крестьяне России не были собственниками земли. Земля принадлежала или помещикам, или казне, а крестьяне получали наделы лишь в пользование. Помещик или «директор домоводства» могли по своему усмотрению переселять крестьян, лишать их земли, а цари могли в любой момент превратить казённых крестьян (и превращали сотнями тысяч) в помещичьих крепостных.

Радищев обосновывает буржуазное право собственности без всякого сословного деления: «Всякой принадлежащий к обществу может собственность приобретать сам или чрез другого по той единственной причине, что он к обществу принадлежит и есть его член». «Собственность — один из предметов, которой человек имел в виду, вступая в общество; собственность стала посредством онаго такая гражданина принадлежность, что умалить права его на оную было бы истинное нарушение начального общественного договора»¹.

Рассуждения Радищева о собственности направлены к уничтожению феодальных привилегий, стеснявших дальнейшее развитие производительных сил.

Радищев считал право собственности важнейшим правом гражданина — общественного человека, тогда как Дидро, Гельвеций и Кенэ признавали право собственности естественным, природным правом человека.

Феодальную форму собственности на землю и на крестьянина, основанную на сословной монополии, Радищев считал главной причиной социальных бедствий в России и главным тормозом развития экономической мощи страны. Он до конца своей жизни боролся против крепостного права и против дворянской собственности на землю как основы крепостничества, боролся за равенство всех граждан перед законом, за то, чтобы законы издавались «для пользы миллионов», а не для кучки господ, чтобы не было сословных привилегий и все граждане имели одинаковые права и обязанности в обществе.

В его «Проекте в будущем»² «равенство в имуществе» понимается не как уравнительный делёж имущества, а как равное для всех граждан право приобретать собственность. Радищев писал, что в будущем обществе установится «ясность в положениях о приобретении и сохранении имений... Межа, отделяющая гражданина в его владении от другого, глубока, и всеми зрима, и всеми свято почитаема»³.

¹ А. Н. Радищев, Проект Гражданского уложения, Соч., т. 3, стр. 204, 216.

² См. А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Хотиллов», Соч., т. 1.

³ Там же, стр. 312.

Радищев самостоятельно решал важнейшие теоретические и практические вопросы о формах собственности. Проведение в жизнь обоснованного им решения насущных экономических проблем способствовало бы прогрессивному развитию России.

Радищев пропагандировал демократическое равное право собственности, а не уравнительность владений. В различных своих произведениях он убедительно доказывал, что равенства в имуществах в смысле уравнительности владений у крестьян быть не может по той простой и ясной для всех причине, что доходы их не равны даже с одинаковых по величине участков земли.

Он на конкретных материалах показывал, что, кроме величины участков земли, на размер доходов крестьян решающее влияние оказывают плодородие почвы, количество труда, которое крестьянин может вложить в обработку почвы (что зависит от размера семьи и качества орудий труда), расположение земли относительно рынков сбыта продукции, наличие или отсутствие неземледельческих промыслов и т. п. Все эти условия были чрезвычайно разнообразны в огромной Российской империи и способствовали развитию имущественного неравенства среди крестьянства. Поэтому Радищев исключал возможность уравнивания имущественного положения крестьян и настаивал на свободе их хозяйственной деятельности, на ликвидации всевозможных сословных ограничений, что, по его мнению, будет содействовать общему подъёму материального благосостояния народа.

Понимание равенства Радищевым представляло собой по существу буржуазно-демократическое понимание равенства, глубоко революционное для эпохи борьбы против крепостничества.

Радищев уже в конце XVIII в. видел не только факты имущественного неравенства среди крестьянства, но и начало процесса его расслоения. Из крестьян выходили предприниматели — купцы, скупщики, закабаляющие непосредственных производителей — охотников, рыболовов, скотоводов, земледельцев и ремесленников; крестьяне имели неодинаковые доходы от земледелия и от промыслов; большая часть крестьян была бедна, но появлялись среди них и богатеи, имевшие деньги «в кладу», нанимавшие батраков, покупавшие землю хотя бы и на имя помещика.

Радищев нигде не говорил о крестьянстве как однородной, одинаково обездоленной массе. Он трезво оценивал реальные процессы экономического развития России путём внимательного изучения состояния сельского хозяйства, промышленности и торговли, изучения положения различных классов (сословий) тогдашнего общества и их непримиримых противоречий. И в

этом его огромная заслуга в деле развития экономической науки. Материалы, собранные и проанализированные Радищевым, представляют исключительную ценность для характеристики экономического строя России во второй половине XVIII в.

Ошибочным является имеющееся в нашей литературе утверждение, будто Радищев стоял за сохранение общинного землевладения и общих переделов земли. Вопросы об общинном землевладении Радищев специально не исследовал. Изучая в 80-х годах земледелие Петербургской губернии, Радищев за полвека до «открывателя» русской общины Гакстгаузена¹ дал описание всех существенных сторон общинного землепользования. Гакстгаузен смотрел на всё глазами реакционнейшего прусского помещика. Радищев же показывал полную зависимость крепостной общины от помещиков и от феодально-абсолютистского государства. И помещик и чиновник «домоводства» в любой момент могли оторвать общинника от земли, несмотря на существование ими же установленной круговой поруки, привязывавшей крестьянина к общине.

Радищев писал: «Казенные крестьяне внутренне управляются сами собою. Есть у них головы, старосты, десятские, которые отправляют род внутреннего благочиния; общественные же дела решат на сходах: что мир, то есть собрание крестьян, положило, то и правилом почитается. Разделение земель между собою, разделение податей, отдача рекрут, все делается по мирским приговорам». Точно так же и «крестьяне помещичьи, когда бывают обложены оброком от своего господина, обыкновенно пользуются всею землею, к селению принадлежащею. Землю между собою делят по тяглам... Владение их бывает череполосное, и нередко бывает, а особливо с умножением душ, что делают новой земель раздел. Луга делят, как пашню, лес имеют общий. Иногда, с дозволением помещичью, покупают земли. Внутренняя свои дела решат на сходах, управляются избранными между себя старостами или головами или определяемыми от господ управителями или прикащиками»².

Здесь Радищев констатирует факт распространённости общинного землепользования и переделов земли у казённых и помещичьих оброчных крестьян и описывает его.

Свое отношение к общинному землепользованию и переделам земли Радищев высказал в другом месте, в работе «О подушном сборе», в замечании на полях: «N3. Хотя крестьяне с владеемой

¹ См. А. Гакстгаузен, Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, пер. с немецкого, изд. 1, 1847.

² А. Н. Радищев, [Описание Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 130—131.

ими земли платят, но и земля у них неравная добротой. А дабы всем иметь равной участок в доброй земле, они ее переделают, что весьма худо для земледелия, но хорошо для равенства»¹. Здесь Радищев отметил положительную сторону общинного землепользования — использование членами общины переделов земли как средства для того, чтобы частично смягчить на некоторое время имущественное неравенство среди крестьян. Только в этом смысле переделы и были способом установления равенства.

В основном тексте, к которому относится указанное замечание, Радищев пишет о фактически крайне неравной тяжести личных податей, взимавшихся с крестьянской «души» без всякого учёта экономических возможностей плательщиков.

Замечание Радищева о переделах земли связано с общей резко отрицательной оценкой, которую он даёт налоговой политике самодержавия. Все личные феодальные подати, из которых главной была подушная подать, имели внешнюю «личину уравнительности», писал Радищев, по существу же своему они были крайне неуравнительны, потому что доходы отдельных крестьян не равны. Крестьяне вынуждены были своими средствами приспособляться к этому казённому «равенству» путём переделов земли, периодически на время смягчая имущественное неравенство. Только для этого «равенства» переделы и «хороши», по мнению Радищева. Но переделы «весьма худы для земледелия»; они отнимают у крестьянина какой бы то ни было стимул к улучшению качества земли, к внесению удобрений и пр.

Общеизвестно, что переделы вели к ухудшению почвы и упадку земледелия. Радищев и считал это решающим недостатком общинного землепользования. Общинного же *землевладения* он не мог рассматривать, так как земля в России XVIII в. принадлежала не крестьянским общинам, а помещикам либо казне, что и показал Радищев. Ту же мысль о переделах он проводит и в отрывочной заметке «Годовой раздел земель у крестьян»: «Кто мог бы помыслить в наше время, что в России совершается то, чего искали в древности наилучшие законодатели, о чем новейшие не помышляют, от чего зависит та отменная любовь к своему жилищу российского земледельца»².

Таким образом, к переделам земли — этому главному признаку общинного землепользования — Радищев относился по-

¹ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, рукопись Радищева «О подушном сборе», собрание Воронцова, № 398, л. 59.

² А. Н. Радищев, [Описание Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 132.

ложительно лишь как к средству крестьян избавиться от фактически неравного обложения их казною. Но программным требованием Радищева было уничтожение помещичьего землевладения и установление частной собственности крестьян на землю. Не случайно, что ни в «Путешествии» (1790 г.), ни в «Описании моего владения» (1800—1801 гг.), ни в «Проекте Гражданского уложения» (1801—1802 гг.) Радищев ни одним словом не обмолвился об общинном землевладении и о необходимости сохранения переделов земли.

Радищев подвергал уничтожающей критике феодальные земельные отношения и защищал право частной собственности крестьян на землю и свободу мелких самостоятельных производителей — крестьян от всяких форм феодальной зависимости. Такое решение вопроса о собственности на землю соответствовало назревшим потребностям материальной жизни страны, выражало наиболее прогрессивное направление взглядов на будущее экономического развития России. Осуществление на деле требований Радищева неминуемо ускорило бы развитие в России капиталистического производства во всех отраслях и способствовало бы подъёму сельского хозяйства.

По существу Радищев впервые выступил с идеей необходимости борьбы за такое экономическое положение крестьянства, при котором последнее было бы способно, говоря словами Ленина, «...не прозябать, не маяться на земле, а развивать производительные силы, двигать вперед сельскохозяйственную культуру»¹.

Здесь следует отметить, что, борясь против крепостнической эксплуатации мелких производителей и ратуя за свободу их хозяйственной деятельности, Радищев не понимал, да и не мог в то время понимать, что мелкая частная собственность на средства производства вообще и на землю в частности неминуемо порождает расслоение крестьянства на буржуазию и пролетариат, порождает новую, капиталистическую форму эксплуатации. Радищев защищал мелкого производителя от крепостнической эксплуатации, и в этом состояла прогрессивность его взглядов.

Выдвигая и обосновывая положение, что землёй должен владеть тот, кто её обрабатывает, Радищев вплотную подводит к идее полной ликвидации помещичьего землевладения, ликвидации основы феодального способа производства. Это была величайшая заслуга Радищева.

Ни один из просветителей XVIII в. не поставил вопроса о земле так, как это сделал Радищев.

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 211.

Показывая захват земли немногими, т. е. монополию помещичьей собственности на землю как основу эксплуатации крепостных крестьян, Радищев вскрывает основное производственное отношение феодализма: обогащение одного класса — помещиков за счёт присвоения труда другого класса — крепостных крестьян. Радищев показывает также, что помещики, реализуя часть продуктов своего хозяйства на рынке и получая денежный оброк, в виде денег имеют у себя «...в кармане труды и пот своих крестьян целого года...»¹. Отсюда Радищев делает вывод о происхождении богатства помещика. *«Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежем, и заслуживает строгого в законе наказания»*². Радищев призывает «человеколюбивое мщение» на помещиков, называя их общественными злодеями, зверями алчными, пиявицами ненасытными.

«Какая польза государству, — спрашивает Радищев, — что несколько тысяч четвертей в год, более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются на равне с волком, определенным тяжкую вздирати борозду?»³.

Рисуя крайнюю бедность крестьянской избы, чрезвычайно низкий, нищенский уровень жизни помещичьих крестьян, Радищев с горечью говорил: «Вот в чем почитается по справедливости, источник государственного избытка, силы, могущества»⁴.

Радищев впервые в нашей экономической литературе дал развёрнутый анализ крестьянского производства на помещичьей земле. Материалы Радищева ярко иллюстрируют слова Ленина о том, что крепостное право было связано с низким, рутинным состоянием техники и крайней отсталостью производства. Радищев исследовал экономику крестьянского хозяйства типичной для средней полосы России помещичьей оброчной деревни. Он отмечал, что рациональному земледелию мешает прежде всего дальноземелье и чересполосица — результат общинного землепользования крестьян и помещичьей собственности на землю. Радищев совершенно правильно указывал на относительность малоземелья, связывая малоземелье с низкой техникой сельскохозяйственного производства в целом, низкопородностью скота, примитивностью орудий и агротехники, крайней бедностью всего «крестьянского капитала»

¹ А. Н. Радищев, Отрывок путешествия в*** И*** Т***, Соч., т. 2, стр. 350.

² А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 326 (курсив мой. — Е. П.).

³ Там же, стр. 325—326.

⁴ Это намёк на теорию физиократов, считавших производительным только класс земледельцев.

в строениях, скоте, орудиях и исключительно низкой стоимостью крестьянской работы. «Способы возделывания у нас не весьма обильны, а потому и хлеба родится у нас мало. Если крестьянин не семьянист, то он близко того, чтобы быть нищим; если одинокой, да и почти всякой крестьянин, богат, то конечно не от земледелия»¹. Только более рациональное ведение сельского хозяйства решило бы проблему малоземелья, но оно было невозможно в условиях крепостного строя.

Заслуживает внимания применённый Радищевым метод изучения экономики деревни и конкретный анализ крепостного хозяйства. Прежде всего он изучает уровень развития производительных сил. Он сообщает данные о земельном фонде, его распределении по угодьям и между отдельными владельцами, о распределении земель с точки зрения близости или дальности от усадьбы и о качестве почвы. Система земледелия — трёхполье. Земля разделена во всех полях на полосы между отдельными крестьянскими хозяйствами по числу душ, считая две души на тягло (мужчину и женщину).

Затем он даёт описание всех сельскохозяйственных работ и календарных сроков их выполнения. В нечернозёмных губерниях землю пашут под разные хлеба два и три раза, а на юге, где чернозём, — один раз. Яровое сеют: ячмень, овёс, гречу, лён и коноплю; озимое — рожь. Описывает он и огородные работы. На огородах крестьяне выращивают капусту, редьку, огурцы, лук, морковь, репу, свёклу, «кортюфели или яблоки земляные». Все сельскохозяйственные работы Радищев называет «необильными», т. е. примитивными способами возделывания земли, дающими низкие урожаи.

Далее автор приводит расчёт рабочей силы и тягла на пахню. Приходится на тягло (два селянина с лошадей) $4\frac{2}{3}$ десятины земли. Очень интересен подробный расчёт работы крестьянской лошади за лето. «Вспахать, положим, каждую десятину два раза и два раза боронить. Из $4\frac{2}{3}$ две трети возделывают в лето, то-есть 47 сажень в ширину и 80 в длину. Полагая на аршин три борозды, выйдет 423 борозды по 80 сажень длиною; умножив двумя, итак лошадь пройдет $270\frac{2}{3}$ версты сохой и 30 верст бороною, полагая две бороны на сажень. Итак, лошадь в три раза летом, то-есть в 12 дней, совершит 300 верст, по 25 каждой день; приложи к сему 50 поездок за навозом, 4 за сеном, из коих две за 13 верст, и всю уборку хлеба, то удивиться можно, как крестьянские лошади могут сию работу исправлять, сообразя с тем зимний корм — солома с малою посыпкою, а летом трава; приложи к трудам ее все поездки в лес за дровами и другими нуждами,

¹ А. Н. Радищев, Описание моего владения, Соч., т. 2, стр. 179.

подводы казенные общественные и господские...»¹. Показывая, какому «худому жребию» подвержена крестьянская лошадь, Радищев заботится не столько о лошади, конечно, сколько о крестьянине, который выполняет всю эту работу.

Радищев описывает средства производства — рабочий скот, орудия, строения, семена. Он подчёркивает, что «скотина вся очень малоросла и нехорошей породы». Использование скота далеко не полное, уход за ним очень плохой.

Отметив, что «способ первый [средство. — *Е. П.*] к возделыванию земли есть рабочий скот», Радищев пишет, что «орудия земледельческие суть второй способ возделывания». «Оне самые простые, таковы, каковы были, может быть, за столет», — соха с двумя тупыми сошниками, деревянная борона в 36 зубьев, коса, грабли, серп и заступ для огорода. «Таковыми бесхитростными орудиями возделывается у нас земля. Всякому новому заведению противится и предрассуждение, и малые крестьянские капиталы и нерадивость земледельцов»².

В соответствии с общим низким технико-экономическим уровнем находятся и производственные постройки: «... двор покрытый, весною и осенью очень грязной. Хлев, сарай сенной, довольно непространной, и овин обыкновенной, весьма дурного и опасного сооружения...»³.

Наконец, последнее средство производства — «задатки, земле даваемые», т. е. семена и удобрения. Единственный вид удобрения — навоз, которого едва хватает на одну седьмую часть земли, а «другого рода удобрения у нас не знают».

Описав последовательность и характер сельскохозяйственных работ, состояние и уровень техники, орудий и средств производства, Радищев определяет экономические результаты труда крестьян, занятых в земледелии и в промыслах.

Он исчисляет валовой доход от зерна, льна, пеньки и продуктивного скота. Урожай в деревне очень низкий — «третьичной». Определив доходы и их источники, Радищев анализирует расходы деревни, в которые включает все казённые, общественные и господские подати, а также внутридеревенское потребление своих продуктов. Только на уплату денежных податей и оброков деревня затрачивала четверть своего валового дохода. Внутреннее потребление хлеба и прочих продуктов в деревне составляло около трёх пятых всего дохода.

Таким образом, хозяйство крепостной оброчной деревни конца XVIII в. всё ещё имело ярко выраженный натуральный характер. За вычетом прибавочного продукта, присваиваемого

¹ *А. Н. Радищев*, Описание моего владения, Соч., т. 2, стр. 179.

² Там же, стр. 181.

³ Там же.

помещиками и государством, остававшаяся у крестьян часть произведённого продукта почти не принимала формы товара. Она потреблялась самими производителями внутри хозяйства. Крестьяне всё необходимое для себя производили сами, продавали продукты своего производства не от избытка, а от нужды — на уплату казённых и помещичьих денежных поборов. Расходы на покупные товары составляли крайне мизерную сумму — всего 30 руб. из общей оценки расхода в 4 300 руб. на всю деревню. Чистого дохода от земледелия получалось, по подсчётам Радищева, всего 2 руб. на душу населения. Но это вовсе не означает, писал Радищев, что каждый крестьянин получал хотя бы ничтожное превышение доходов над расходами. «Сие исчисление, конечно, не увеличено, но если найдутся дворов десять, которые имеют капитала от 25 до 200 руб., то у других нет в кладу ни копейки»¹. Более того, многим крестьянам не хватает своего хлеба на пропитание в течение года.

Радищев внимательно изучал наряду с земледелием также крестьянские «рукоделия и способы приобретения, особнячащиеся от земледелия»², — различные крестьянские промыслы, которыми крестьяне добывали деньги на уплату податей и на пропитание. Некоторые крестьяне ездят «с решетами и кадушками в степные хлебные места, где товар меняют на хлеб»³, или уходят на всю зиму из деревни. Необеспеченность крестьянина гнала его из деревни, заставляла искать других способов добывания денег.

В своём замечательном анализе экономики крепостной деревни Радищев не ограничивался только описанием процессов производства. Как и во всех своих работах, он связывает этот анализ с выяснением положения общественных классов в производстве. На первой же странице «Описание моего владения» исследователь указывает на эксплуататорский характер описываемого хозяйства. «Блаженны, блаженны, если бы весь плод трудов ваших был ваш. Но, о горестное напоминание! ниву селянин возделывал чуждую и сам, сам чужд есть, увы!».

Радищев подробно разбирает обязанности крестьянина «против его господина» и обязанности в отношении государства. Власть помещика настолько всесильна, что только «...не может господин уволить селянина своего от государственных податей... заставить жениться на родне и в посты есть мясо»⁴.

Анализ экономики крепостной оброчной деревни, данный Радищевым, является значительным вкладом в развитие русской и мировой экономической науки. Радищев применил

¹ А. Н. Радищев, Описание моего владения, Соч., т. 2, стр. 183.

² Там же.

³ Там же, стр. 186.

⁴ Там же.

вполне научный метод исследования, всесторонне показал низкий уровень сельскохозяйственного производства и с необыкновенной для того времени чёткостью и ясностью вскрыл его социальные основы.

Радищев, как и его некоторые предшественники и современники, намечал ряд мероприятий к повышению интенсивности земледелия и его рационализации. Прежде всего он считал, что «...огородное земледелие заслуживает внимание не только сельского жителя, но и самого правительства»¹, так как при этом меньшее количество земли даёт больше продукции.

Он рекомендовал удобрение всей пахотной земли навозом и минеральными удобрениями, правильный плодосмен и травосеяние, улучшение сельскохозяйственных орудий, предварительную мочку и протравливание семян, рядовой сев и т. п. При этом Радищев учитывал и иностранный опыт. Но, писал он, все эти опыты и улучшения недоступны крепостному крестьянскому хозяйству.

Радищев старался вскрыть причины отсталости сельского хозяйства. Самодержавно-крепостнический строй «всякому новому заведению противится» и является главным тормозом экономического развития. Если бы даже нашёлся изобретатель, подчёркивал Радищев, который показал бы лёгкий и дешёвый способ «к претворению всякой земли в чернозем», то, несмотря на всю благодетельность его изобретения, такой новатор не получил бы признания в самодержавно-крепостнической России. «Правительства наши не уважат его трудов, и сей жизнеподательный новый Иракий поживет неуважасм, презрен, в изгнании...»².

* * *

Правильно указывая на реакционную роль самодержавно-крепостнического строя, Радищев требовал его уничтожения.

Радищев выступил с обоснованием необходимости революционного уничтожения крепостного права тогда, когда оно господствовало не только в России, но и в ряде стран Западной Европы. В Пруссии в то время более двух третей населения было в личной зависимости от господина или прикреплено к земле; в Дании дворяне считали свои богатства, так же как и русские помещики, по числу крепостных душ³; в Венгрии барщина была также ничем не ограничена; во Франции в личной зависимости от феодалов оставалось небольшое число крестьян, но

¹ А. Н. Радищев, Описание моего владения, Соч., т. 2, стр. 178.

² Там же, стр. 192.

³ См. В. И. Семевский, Крестьяне в России в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, изд. 2, Спб. 1903, стр. 19.

сохранялись огромные феодальные повинности и платежи помещикам и государственная барщина.

Поняв, что крепостное право стало величайшим тормозом дальнейшего экономического развития России, Радищев стремился ускорить вступление своей родины на новый путь экономического развития.

Радищев признавал закономерным не только восстание крестьян под руководством Пугачёва. Он считал закономерной и неизбежной народную революцию вообще как путь решительной и полной ликвидации крепостничества.

Он ясно видел, что все ранее предлагавшиеся передовыми людьми России, такими как Коробьин, Козельский и другие депутаты Комиссии об Уложении созыва 1767 г., меры ограничения власти помещиков над личностью и имуществом крестьянина встречали упорное сопротивление со стороны идеологов дворянства и дворянского правительства.

Указ Павла в 1797 г. о трехдневной барщине Радищев называл не законом, а лишь пожеланием, что вполне соответствовало действительности. Помещики никогда не привлекались к ответственности за нарушение этого указа.

Радищев показывает животный страх крепостников перед освобождением крестьян от крепостной зависимости. Он с иронией приводил доводы крепостников против освобождения крестьян: «Земледелие умрет, орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным поростет злаком; поселяне неимея над собою власти, скитаться будут в лёности, тунеядстве и разьидутся. Города почувствуют властнодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание и рачительность, торговля изсякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшия здания обветшают, законы затмятся и поростут недействительностью. Тогда огромное сложение общества, начнет валиться на части, и издыхати в отдаленности от целаго; тогда престол царский... сокрушится; тогда... общество узрит свою кончину»¹. Нужно сказать, что это были те самые доводы, которые действительно выставлял князь М. М. Щербатов в защиту крепостного права².

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 275—276.

² См. «Размышление о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений», написанное М. М. Щербатовым в 1785 г. («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1861, кн. 3).

В дворянско-буржуазной литературе мнение о неспособности крестьян развивать хозяйство без помещичьего господства и надзора было распространено и в XIX в., что неплохо высмеял Энгельс: «Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нём не позаботится,

Опровергая эти доводы крепостников в защиту крепостного права, Радищев прямо ставил задачу уничтожения класса эксплуататоров, который стоит на пути прогресса, подавляет народные таланты. Он высказывал непоколебимую уверенность, что народ, свергнувший и уничтоживший своих мучителей, возьмёт свою судьбу в собственные руки и выдвинет из своей среды более достойных руководителей государства и общественной жизни, чем паразитические представители эксплуататорского класса. Под народом Радищев понимал крестьянство, ремесленников, тесно связанных с крестьянством, а также рабочих, занятых на мануфактурах, в большинстве своём состоявших из оброчных крестьян.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Городня») Радищев написал вдохновенные и пророческие слова: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своим, разбили железом, вольности их препятствующим главы наши, главы безчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их, изторгнулися великие мужи, для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие»¹.

Дворянские, а впоследствии и буржуазные идеологи клеветали на народ, уверяя, что восставшая «чернь» разрушит все достижения культуры. Дворянские и буржуазные историки приписывали и Радищеву боязнь народного гнева, утверждая, что Радищев советовал помещикам освободить крестьян потому-де, что он опасался возмущения крестьян, якобы склонных полностью уничтожить все достижения культуры. Приведённое выше замечательное выступление Радищева полностью опровергает эту клевету. Радищев открыто призывал угнетённый народ к революции и в ней видел залог прогресса во всех областях жизни.

Опровергая доводы крепостников, что общество развалится без власти дворян над крестьянами, Радищев выдвинул одно из важнейших революционных положений, в котором видна его величайшая вера в силы и способности русского народа: освобождённый народ из своей среды выдвинет самых достойных и способных вождей и руководителей политической и хозяйствен-

он все леса сожжёт, всех птиц перебьёт, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрёт» (А. Н. Энгельгардт, Из деревни. 12 писем, Соцгиз, М. 1937, стр. 320).

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 368—369.

ной жизни. Отводя решающую роль в историческом процессе не царям и дворянам-крепостникам, а трудовому народу, Радищев обосновывает необходимость и закономерность народной революции в России.

Экономические противоречия, которые вскрывал Радищев, должны быть, по его мнению, уничтожены вместе с крепостническим строем. Чем больше накапливаются эти противоречия, тем сильнее может оказаться взрыв возмущения эксплуатируемых масс народа. «Поток загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ни что уже в разлитии его противиться ему невозможно. Таковы суть братья наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет... Смерть и пожигание, нам будет посул за нашу суровость и безчеловечие»¹.

Но Радищев не страшится взрыва и считает вполне закономерной расправу угнетённых со своими угнетателями. В нескольких местах своего «Путешествия» он обращается непосредственно к крестьянам с призывом к насильственному уничтожению господства крепостника-помещика. «Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы, и развеите пепл по нивам, на них же (на которых. — *Е. П.*) совершалось его мучительство...»².

Крестьяне, писал он, идут за «самозванцем» Пугачёвым, потому что «ничего толико нежелают, как освободиться от ига своих властителей»³. Революционное уничтожение крепостничества Радищев считал залогом и толчком мощного развития производительных сил страны, расцвета экономики, науки и культуры.

Дворянство Радищев рассматривал как «...губителей... сожимающих узы и отягчающих оковы наиболее полезных в обществе сочленов». Приводя в «Путешествии» примеры расправы крестьян над своими помещиками, их стихийное «сопротивление... адскому властвованию», Радищев оправдывает действия крестьян, считает, что они «в законе обвинения не имеют». Говоря о помещике-мучителе, он призывает: «Всяк, имея довольно сил, да отмстит на нём обиду, им соделанную»⁴.

Радищев прекрасно понимал, что его революционные идеи «оскорбительны для дворянского общества... оскорбительны для верховной власти». Он сознательно шёл на свой революционный подвиг.

¹ *А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 320.*

² Там же, стр. 326.

³ Там же, стр. 320.

⁴ Там же, стр. 279.

Произведения Радищева проникнуты активной пропагандой народной революции, которую, по его мнению, могло бы совершить угнетённое крестьянство, «склепанны народы», «рабы, тяжкими узами отягченные», возмущившиеся «от самой тяжести порабощения». Призывая крестьян к восстанию, Радищев не знал, что стихийное возмущение крестьянства против крепостнического гнёта не могло привести к победе, не будучи возглавлено пролетариатом.

Но величайшей исторической заслугой Радищева является то, что он первый в истории России обратился к трудовому народу с призывом самому свергнуть крепостнический строй и самодержавие. Говоря современным научным языком, объективно Радищев первый обосновал необходимость силами оставшего народа ликвидировать базис и надстройку феодального общества и тем самым проложить дорогу закону обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Однако справедливость требует отметить, что являясь первым борцом и глашатаем народной революции против самодержавия и крепостничества, Радищев в то же время не исключал возможности освобождения крестьян путём реформы сверху. Он приводит в пользу такой реформы доводы и экономические и политические. Он говорит о малой производительности подневольного труда и невыгодности для государства низкого жизненного уровня основной массы населения — крестьянства, об естественном праве крестьян на уравнивание в законе, о возможности покончить с крестьянскими волнениями и т. д.

Более того, учитывая соотношение сил в «верхах», «ведая, что вышшая власть недостаточна» на то, чтобы сразу освободить крестьян, Радищев «начертал путь... к постепенному освобождению земледельцев в России»¹. Проект этот состоял в следующем. Сначала освобождаются дворовые крестьяне, помещикам запрещается брать земледельцев в дом свой для услуг или работы, а «буде помещик возьмет... то земледелец становится свободен». Крестьянам дозволяется вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина.

Далее, в процессе подготовки освобождения крестьян Радищев предлагает изменить законы о «собственности и защите земледельцев». Изменение законов о собственности крестьян должно быть проведено в таком направлении: «Удел в земле ими обрабатываемой, должны они иметь собственностью; ибо платят сами подушную подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его онаго да

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 322.

не лишит самопроизвольно». Таким образом, ещё до освобождения от личной зависимости крестьян Радищев предлагал лишить помещиков собственности на надельные земли. Кроме того, должно быть разрешено крестьянину приобретать недвижимое имение, т. е. землю, не на имя помещика, а на своё имя. Следует восстановить крестьянина в правах гражданина и обеспечить право защиты его личности и имущества в суде; «надлежит ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян»; запретить наказывать крестьянина без суда; не лишать его имущества без суда. До общего освобождения отдельным крестьянам должно быть разрешено «невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную, известную сумму».

Осуществление всех перечисленных в проекте мероприятий Радищев рассматривал как предварительную подготовку освобождения всех крестьян. «За сим следует совершенное уничтожение рабства»¹. Таково содержание проекта постепенного освобождения крестьян, составленного Радищевым.

Что же представляет собой по существу этот проект Радищева и какое место он занимает в системе его взглядов?

Главным и решающим в борьбе крепостных крестьян против помещиков, как известно, было уничтожение крепостной зависимости, помещичьей собственности на землю и свержение власти помещиков. Радищевский «Проект в будущем» выражал эти демократические интересы крестьянства. По существу этот проект требовал: 1. Безвозмездной передачи всех земель, обрабатываемых крестьянами на себя (а в оброчных имениях обычно вся земля находилась в пользовании крестьян), *в полную собственность крестьян*, без тени намёка на выплату какой-либо компенсации помещикам. 2. *Полной ликвидации личной зависимости* всех крестьян от помещиков без какого-либо намёка на выкуп. 3. *Уничтожения власти помещиков* («Исчезни варварское обыкновение, разрушья власть тигров!»), восстановления крестьянина в правах гражданина и ликвидации всех сословных привилегий и преимуществ².

Все эти требования были революционны по самому существу своему, ибо были направлены на ликвидацию помещичьей собственности и помещичьей власти, на разрушение всего существовавшего тогда экономического и политического строя. Поэтому-то Радищев и не верил, что его проект может быть осуществлён в условиях XVIII в., и назвал его «*Проектом в*

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 322.

² «Эти разделения (на сословия — Е. П.) часто походят по своему действию на монополии» (А. Н. Радищев, Письмо А. Р. Воронцову 26 ноября 1791 г., Соч., т. 3, стр. 406).

будущем». В этом проекте автор «везде видел гражданина будущих времен»¹. Не случайно «Проект» постепенного освобождения земледельцев в России в «Путешествии» изложен Радищевым *после* революционных призывов к насильственному свержению власти помещиков и к ликвидации их собственности на землю.

Напоминая о восстании крестьян под руководством Пугачёва, Радищев писал, что и после подавления восстания крестьяне «ждут случая и часа», чтобы снова попытаться «освободиться от ига своих властителей», что «время вознесши косу, ждёт часа удобства, и первый льстец, или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитесь». Крестьянство, по убеждению Радищева, готово было и после подавления грандиозного восстания 1773—1774 гг. снова двинуться на помещиков, нужны были только вожди, «любители человечества», которые *пробудили бы*, подняли бы угнетённое крестьянство на революцию. Целью всей своей жизни Радищев считал способствовать пробуждению народа, поднять его на революцию.

Таким образом, по содержанию своему радищевский проект постепенного освобождения крестьян составлен в интересах крестьян и ни в чём не поступает этими интересами в пользу помещиков. Но по *методу* решения задачи проект постепенного освобождения не может быть расценён иначе, как колебание в сторону либерализма. Подобные колебания в большей или меньшей мере были свойственны и другим революционерам первого поколения.

Почему же революционер Радищев выдвинул путь реформы? Дело в том, что, будучи материалистом в объяснении развития природы и мышления, Радищев оставался идеалистом в понимании основ общественного развития и природы государственной власти. Происхождение государства он объяснял идеалистической теорией общественного договора. Ему была не чужда характерная для всех просветителей XVIII в. переоценка силы и роли человеческого разума в преодолении общественных противоречий, в исправлении общественной несправедливости. Он не верил в благодетельность «просвещённого абсолютизма» и вместе с тем в какой-то мере надеялся на то, что можно заставить, вынудить, уговорить представителей власти справедливо, с точки зрения крестьянства, решить крестьянский вопрос. Радищев в «Путешествии» неоднократно обращался к помещикам с призывом добровольно освободить крестьян, если не из человеколюбия, не из понимания экономической

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 322.

вредности порабощения производителей, то хотя бы из страха перед неизбежным возмущением крестьян. Радищев предупреждал, что чем дольше крепостники будут упорствовать, тем сильнее будет взрыв крестьянского гнева и мщения. Крестьяне «ждут случая и часа... Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание, нам будет посул за нашу суровость и безчеловечие... Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже возвращается над главами нашими... Блюдитесь»¹.

Следует подчеркнуть, что этот круг идей отнюдь не занимал важного, а тем более главного места в системе взглядов Радищева, как это раздували буржуазные историки, рисовавшие Радищева обычным дворянским либералом. В своём проекте Радищев аргументировал не столько доводами разума, сколько силою нажима «снизу», силою крестьянских восстаний. По сути дела его отношение к реформе было не соглашательское, а революционное. Он нигде не искал примирения интересов противоположных борющихся классов — помещиков и крепостного крестьянства — и не поступался интересами эксплуатируемых масс народа.

Вопрос о *земельных отношениях* занимает весьма важное место в системе экономических взглядов Радищева.

Не только по выдвинутому и всесторонне аргументированному методу ликвидации крепостничества — методу *народной революции*, но и по решению земельного вопроса — требованию *передачи земли крестьянам* — Радищев должен считаться инициатором революционных и демократических идей, получивших своё развёрнутое теоретическое обоснование позже — в трудах русских революционных демократов. На основе опыта массового антифеодального крестьянского движения, потрясшего крепостнический строй в последней трети XVIII в., Радищев поднялся на вершину революционной экономической науки того времени. Дворянской реакции удалось на время подавить крестьянские восстания, загнать «болезнь» внутрь, но не удалось ликвидировать её причины, как не удалось и пресечь развитие революционной теории, начало которой положил А. Н. Радищев.

В своих литературных произведениях А. Н. Радищев выразил общедемократические задачи антикрепостнической революции. Объективным результатом осуществления программы Радищева являлось бы капиталистическое развитие на основе освобождённого от крепостнического гнёта крестьянского хозяйства.

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 320—321.

Анализ Радищевым феодальной собственности на землю, взаимоотношений помещиков и крепостных крестьян, причин низкой производительности крепостного труда, источников обогащения помещиков-крепостников показывает, как глубоко проникал он в сущность производственных отношений феодально-крепостнического общества.

Радищев не ограничился критикой феодального способа производства. В своих трудах он не только разработал революционную программу решения аграрного вопроса, но и осветил ряд других теоретических проблем политической экономики, как-то: о происхождении богатства владельцев мануфактур и торговцев, об обмене и цене товара, о деньгах и кредите, о феодальных налогах. Большое внимание он уделял вопросу о развитии промышленности.

О развитии промышленности

Проблему промышленного развития России Радищев рассматривал с учётом общих условий состояния экономики и уровня производительных сил. Со времени Петра I промышленное развитие России быстро продвинулось вперёд. Радищев положительно оценивал экономическую политику Петра I и считал, что Пётр заслуживает название Великого именно за его преобразовательную деятельность, за то, что «дал первый стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия»¹.

Но Радищев доказывал, что производительные силы России, в частности её промышленность, получили бы несравненно более простора для своего развития и народное благосостояние значительно улучшилось бы, если бы производство осуществлялось не на крепостнической основе, а на основе труда лично свободных непосредственных производителей, собственников средств производства. Весьма положительно оценивая политику Петра I, направленную к промышленному подъёму и развитию торговли в России, Радищев в то же время отмечал и противоречивость этой политики. В одной из своих исторических заметок Радищев писал: «Петр Первый... обращал свои законы на торговлю, мануфактуры, морское и сухопутное войско. В судах учредил порядок течения дел, но ось так скавать, на коей всему вертеться должно, оставил прежнюю»².

¹ А. Н. Радищев, Письмо к другу, живущему в Тобольске, Соч., т. 1, стр. 150.

² А. Н. Радищев, Ранние труды по законодательству. [Разрозненные заметки], Соч., т. 3, стр. 42.

Этими словами Радищев замечательно чётко подметил то, что Пётр проводил свои прогрессивные преобразования на старой, феодально-крепостнической основе. Радищев указывал, что Пётр I был бы ещё славнее, если бы утвердил «вольность частную».

В соответствии с уровнем экономического развития России Радищев признавал земледелие основной отраслью её народного хозяйства, но не считал, что общественное богатство создаётся только в земледелии. «Ибо если первое начало всего благосостояния есть земледелие, что о России едва ли не повсеместно сказать можно...», то в Сибири целые округа занимаются исключительно «промыслом звериным», в других местах — «собственным рукоделием». Занятие жителей «собственным рукоделием» (промышленностью) он рассматривает как развитие «настоящего общественного упражнения»¹, т. е. производства, основанного на общественном разделении труда. Радищев противопоставлял занятия ремеслом и земледелием звероловству и охоте как показателям низкой ступени развития хозяйства. Он советовал «давать премии всем желающим оставлять жизнь лесную и звероловную и, селясь на местах плодородных, упражняться в земледелии»², переходить от кочевого к оседлому образу жизни.

Радищев выяснял специфический характер развития промышленности в России, состоящий в том, что широкое распространение промышленность получила в виде кустарных промыслов в деревне, а не в форме крупных мануфактур. Так как она ещё не была отделена от земледелия, то русские крестьяне занимались такими работами, которые в других странах уже стали исключительно городскими занятиями. Радищев показал, что «мужские рукоделия», с помощью которых оброчные крестьяне «приобретают деньги», были представлены серебряниками, канительщиками, кожевниками, пильщиками, кирпичниками, каменщиками, овчинниками, портными, плотниками, извозчиками, известниками, мостовщиками, торгошами, лапотниками. «Общее рукоделие женщин есть: прясть и ткать; прядут лен, шерсть, посконь, а конопли обращают в пеньку, которую продают купцам...», ткут сукна и холсты для себя и на продажу. «В других землях, — пишет Радищев, — таковое исчисление рукоделий имеет место между городскими жителями, но в России долгая зима, малое плодородие некоторых губерний и худое хлебопашество преобразуют множество деревень в города»³.

¹ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2. стр. 10.

² Там же, стр. 29.

³ А. Н. Радищев, Описание моего владения, Соч., т. 2, стр. 184.

Рассматривая связь каждого из этих промыслов с земледелием, Радищев наблюдал всё больший отрыв ремесла от земледелия, рост разделения труда между городом и деревней, вследствие чего многие из крестьян «начинают уже выходить из звания земледельцев». Более богатые из них считали выгодным нанять на лето батрака вместо себя, а сами уходили на заработки в одиночку, а кто не имел инструмента, тот шёл к имеющему таковой «в товарищи» или «в работники» из доли дохода. Так, пильщики всегда ходили по двое, овчинники брали работников и т. д. Пильщики ходили по всей стране (в Киев, Херсон, Саратов, Астрахань и Петербург). Они «...любят сию работу, по той более причине, что живут на воле», — указывал Радищев на важную положительную сторону отхожих промыслов оброчных крестьян — относительную независимость от постоянного надзора помещика, некоторую свободу хозяйственной деятельности, что способствовало повышению производительности труда.

Радищев показал, что развитие крестьянской промышленности и отхожих промыслов усиливало расслоение крестьянства.

Не ускользнула от внимания Радищева и артельная форма организации крестьянских отходов. При этом Радищев показывал, что в «товариществах» львиную долю общего заработка забирали себе «хозяева» — владельцы инструмента, лошадей и т. п.

Радищев установил, что бóльшую часть денежных доходов оброчные крестьяне получают не от земледелия, а от отхожих промыслов. Он приводил материалы, характеризующие специализацию отдельных деревень, мелких городов и целых районов на одном определённом промысле.

Это показывало сравнительно высокий уровень развития промыслов и было одним из необходимых условий возникновения и развития мануфактуры.

Конкретные материалы о состоянии крестьянских промыслов, собранные Радищевым, вполне подтверждаются высказываниями современника Радищева, вместе с ним учившегося в Пажеском корпусе и в Лейпцигском университете, — П. И. Челищева¹.

В мае 1791 г. Челищев предпринял путешествие по северу России, проехал «сухим путем» «да водяною коммуникацією» 4 069 вёрст и в декабре того же года вернулся в Петербург. Челищев собрал огромный материал о положении дворцовых и экономических крестьян Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Новгородской губерний, о заводах и фабриках, кре-

¹ Екатерина II одно время даже подозревала Челищева в соавторстве «Путешествия из Петербурга в Москву».

стьянских промыслах, торговле, судостроении, транспорте и природных богатствах севера Европейской России.

Челищев отмечал имевшие место в конце XVIII в. попытки преодолеть техническую отсталость промышленности, начало введения «огненных машин» в России (так называли тогда паровые машины). Он горько сетует на крайнюю недостаточность развития русской промышленности и на хищническую эксплуатацию природных богатств России иностранными капиталистами, обвиняет правительство и царских наместников в отсутствии патриотической заботы о развитии промышленности. «Почто не обрабатываете сокровищ, сокрытых в недрах земных; у нас их так много, а мы платим агличанам за их миллионы, нирыберцам [нюрнбергцам. — *Е. П.*] за иглы даже тысячи; что платим и голландцам за сельдей, а сами имевши стерлядей, белую рыбицу, осетров, белугу, семгу и прочия сокровища вод. Астрахань и Крым не могут ли нас снабдить вином, шелком и шерстью? Урал и обширныя губернии любезнаго нашего отечества могут ли когда изчерпнуться в рудных своих жилах? Твердый, пронизательный и созидательный разум россиян требует только ободрения, чтоб затьмить в науках, художествах и в рукоделиях все народы европейские»¹.

Челищев приводит яркие примеры расслоения крестьянства в связи с развитием промышленности и возникновением капиталистических отношений.

Во многих высказываниях Челищева заметно проявляется влияние идей Радищева.

Радищев рассматривал необходимость развития мануфактур и ремесла в России прежде всего в свете задачи ликвидации крепостничества, в интересах образования класса мелких производителей и улучшения положения крестьянства. Он придавал большое значение развитию крестьянского ремесла, связанного с сельским хозяйством. Радищев отмечал также и пользу мануфактур. Он писал:

«Обыкновенные манифактуры, не исключая Англинских и Французских, полезны тем, что дают пропитание многому числу бедных граждан и за каждыми 200, 300, 500 и 1 000 человек, получающих хлеб насущный, обогащают одного или двух граждан; но шелковое рукоделие, как то оно в Московской губернии существует, не обогащая ни одного, многим частным, и большею частию сельским жителям, доставляет довольственное житие»².

От Радищева, видевшего полезность мануфактур в том, что они обеспечивают заработок большому числу людей, не ускольз-

¹ П. И. Челищев, Путешествие по Северу России в 1791 году, Спб. 1886, стр. 274.

² А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 13.

нуло и то, что мануфактура представляет собой предприятие, которое обогащает лишь своего владельца. В этой связи он проводит резкое различие между материальным положением мануфактурных рабочих и самостоятельных товаропроизводителей.

Таким образом, Радищев подходит к мысли о том, что в мануфактуре обогащение одного — владельца — происходит за счёт многих, работающих на него.

Радищев оценивал роль промышленных предприятий в свете защиты интересов массы трудящихся, непосредственных производителей, повышения их благосостояния. «Если промысел, рукоделие, искусство или упражнение какого бы рода ни было, питает большее число людей, хотя бы оно и меньшее число капитала пускало в обращение, или меньшее бы число производило числительных богатств, то то искусство, рукоделие или упражнение, или что бы то ни было, предпочтительнее тому, которое, обращая великие капиталы или производя много богатств, меньшее число людей питает... Но если можно и давать пропитание большому числу людей и оставлять всевозможное обращение капиталов, то тем больше будет выгоды»¹. Это мнение разделяли многие деятели того времени, в том числе и покровитель Радищева граф А. Р. Воронцов, М. Д. Чулков и др.

Однако было бы ошибкой делать отсюда вывод об отрицательном отношении Радищева к крупному производству. Радищев отдавал предпочтение самостоятельному мелкому производству, но не отрицал пользы и крупного.

В противоположность утверждению крепостника Щербатова, что крестьяне вследствие распространения среди них «сластолюбия» устремляются на внеземледельческие заработки в поисках лёгкой жизни, Радищев указывал, что земледельца гонит из деревни «костистая лапа глада». Крестьяне, уходя зимой из дома на промыслы и работая в городах, «... не токмо собирают деньги, но сберегают в закроме своем то количество хлеба, которое бы употребили себе в пищу»², следовательно, уходят «с хлеба долой», как писалось позднее, в XIX в., в народнической литературе. Всё же эти непостоянные заработки не обеспечивали покрытия всех нужд работника и его семьи. Поэтому Радищев полагал, что для страны в целом и для крестьянства в частности «наивыгоднейшее употребление зимы есть то, где сие мертвое в земледелии время употребится может на рукоделии, фабрики или заводы»³. Он считал, что заводы или фабрики полезно бы было строить не только в крупных городах и столицах, но и там,

¹ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 20.

² А. Н. Радищев, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 104.

³ Там же, стр. 105.

где могли бы работать все те, «которые не нашли бы работы в отдалении или бы от дому удалиться не хотели».

Радищев показывал, что сочетание земледелия с ремеслом особенно необходимо в России, где было «худое хлебопашество», не обеспечивавшее крепостного крестьянина всем необходимым, отсутствовали «крестьянские капиталы» для ведения рационального и прибыльного сельского хозяйства, потому что помещик обирал крестьянина, оставляя ему «только воздух». Способствовала развитию крестьянских промыслов и долгая зима, наличие у крестьян свободного времени и свободных рабочих рук: «...Самые мануфактуры, фабрики, заводы, звериные промыслы, извозы, поелику совершаются в зимнее время, суть весьма полезны: ибо долговременная наша зима, оставляя много праздного времени, не может лучше употреблена быть, как на что либо полезное или нужное»¹.

Мысль о целесообразности использования зимнего времени русских крестьян для развития промышленности развивал Маркс в «Капитале» в связи с анализом проблемы рабочего периода. Маркс писал: «Легко представить себе, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда должны прекращаться всякие полевые работы»².

Настаивая на всемерном расширении промышленного производства, Радищев вместе с тем обращал серьезное внимание на крайне тяжёлое положение работников мануфактур, особенно вотчинных. Известно, что помещики, эксплуатируя принудительный труд крепостных на вотчинных фабриках, обычно не платили крестьянам никакой заработной платы. Дворяне-крепостники, «гордящиеся наукою... в способах обогатить земледелателя», разрабатывали и в «Трудах Вольного экономического общества», и в «Инструкциях управителям имений» различные рационализаторские мероприятия по использованию времени крестьянина на работе зимой и летом, но не помышляли об удовлетворении нужд работника и его семьи. Радищев же требует: «Дайте ему работу, но с работою и плато! Тогда он иметь будет пищу, тогда дом его согреется, тогда шенцы его не погибнут от наготы или худья пищи»³.

Радищев, высказываясь за необходимость всяческого поощрения «собственного рукоделия» крестьян, ставил вопрос

¹ А. Н. Радищев, Описание моего владения, Соч., т. 2, стр. 183. Об этом же писал П. И. Челищев: «Смотрите: повсюду бедность, праздность, скука; повсюду малая прибыль, а величайший труд» (П. И. Челищев, Путешествие по Северу России в 1791 году, Спб. 1886, стр. 273).

² К. Маркс, Капитал, т. II, 1953, стр. 237.

³ А. Н. Радищев, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 105.

об обеспечении их сырьём, даже путём импорта. В пример он приводил шёлковую промышленность Московской губернии. «Если полезно благоспешествовать рукоделиям без разбору, то шелковым тканям надлежит отлично. Шелковые рукоделия в России тем полезнее, что большею частию производятся сельскими жителями и на их счет»¹. В качестве сырья для этой отрасли производства он считал полезным ввозить шёлк из Китая.

Ввоз сырья для переработки в кустарных мастерских и особенно на московских мануфактурах, снабжающих своими изделиями «всю Россию», Радищев рассматривал как одно из важных средств развития отечественной промышленности.

Вопросу об обеспечении промышленности сырьём и о необходимости переработки отечественного сырья на русских фабриках Радищев придавал большое значение. Так, вместо вывоза мерлушек он рекомендовал выращивать овец для получения шерсти и заводить суконные фабрики; вместо вывоза юфти — строить свои кожевенные и обувные предприятия.

Обосновывая политику протекционизма, учитывал Радищев и то положение, что промышленность в России нашла широкое распространение в форме ремесла, крестьянских промыслов, которые ещё не вполне отделены от земледелия и ещё больше, чем крупные мануфактуры, нуждаются в защите от иностранной конкуренции. На примере прекращения Китайского торгового оборота Радищев показывает, как усиленно стали развиваться мануфактурное и крестьянское производство тканей в России, кожевенное производство, разведение льна и табака и пр. Он высказывает сожаление, что в случае открытия Китайского торгового оборота низкая цена китайских тканей «...изгонит из употребления в Сибири многие Российские рукодельные и мануфактурные товары»², которые усиленно производились в период прекращения Китайского торгового оборота. Говоря о некоторой пользе временного прекращения Китайского торгового оборота, Радищев высказывался не за прекращение внешней торговли с Китаем, а за проведение мероприятий, обеспечивающих рост российской промышленности.

Известно, что покровительство промышленности путём жёстких таможенных тарифов было элементом экономической политики меркантилизма. Но меркантилисты подчиняли проблемы промышленного производства задаче получения богатства в виде денег через внешнюю торговлю. Радищев же настаивал на всемерном развитии отечественной промышленности в первую очередь для увеличения внутреннего потребления промышлен-

¹ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торговле, Соч., т. 2, стр. 13.

² Там же, стр. 33.

ных товаров, для повышения народного благосостояния. Радищев признавал пользу крупного производства, но в условиях крепостнической России не мог понять его преимуществ перед мелким производством. Выражая интересы крестьянства, Радищев отдавал предпочтение мелким промыслам. Он не знал, что на базе этих промыслов зарождалась и развивалась новая форма эксплуатации трудящихся — капиталистическая мануфактура.

О торговле, цене товара и прибыли

Радищев уделял много внимания товарному производству в условиях феодально-крепостнического строя. Он полагал, что торговля может развиваться только при условии «изобилия своих произведений», при наличии «домашнего избытка», т. е. при условии широкого развития отечественного производства. «... Чем больше торговля будет расширяться, — писал Радищев, — тем больше людей она богатит»¹.

Радищев давал материалистическое объяснение происхождению торговли. Он считал, что торговля возникла тогда, когда объём производства стал превышать потребности непосредственных производителей. «Изобилие плодов и произведений понудило людей менять их на таковые, в коих был недостаток. Сие произвело торговлю»². Таким образом Радищев показывал, что в основе исторического развития торговли лежит разделение труда. Выводя торговлю из условий производства, он отводил ей подчинённое место по отношению к производству. Радищев подробно показывает на примере Китайского торгова, «чем он живится», как производство различных товаров «питает» торговлю и как торговля влияет в свою очередь на развитие производства.

Он не считал, как Адам Смит, стремление к обмену вечным природным свойством человека. Радищев показал, что торговля возникает на определённом уровне общественного производства и обуславливается им, а не природой человека.

На примере торговли с Китаем Радищев подробно разбирает, как она «может иметь благое действие на хлебопашество; ... может иметь действие на размножение скотоводства», как торговля нужна для поддержания производства «шелковых тканей и размножившегося рукоделия сего в Московской губернии»³.

¹ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Рукопись Радищева «Торговля», Собрание Воронцова, № 398, л. 140.

² А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 383.

³ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торговле, Соч., т. 2, стр. 22.

Необходимость свободы внутренней торговли, беспрепятственного обращения товаров внутри страны является, по мнению Радищева, истиной, не требующей доказательств. Он писал, что торговля не терпит никаких преград и стихийно, как водный поток, в обход всяким узаконениям и запрещениям пробьёт себе дорогу, раз уже производство стало товарным.

Радищев приближался к определению потребительной стоимости товаров, подчёркивал необходимое свойство товаров — способность удовлетворять человеческие потребности, причём безразлично, удовлетворяют ли эти продукты, «как хлеб и рубаха», потребности необходимые, или «хотя бы то была прихоть»¹.

Радищев указывает на зависимость производства от потребления. Не может «истребиться из употребления» даже «вещь, прихотью введенная в употребление, а не нуждою...». Тем более «невозможно отстать от того, что считаем между первейшими необходимостями, как-то одежда в Северном климате»².

Участниками товарного обращения в стране Радищев считал не только собственно купцов, но и самих производителей и потребителей товаров. Из этого не следует, конечно, говорит Радищев, чтобы всякий товар всегда проходил через «трои руки». «Иногда, — писал он, — сам производитель есть и продавец товара и доставляет его в место его употребления. Иногда товар пройдет чрез десять рук», но обращение в целом всегда сводится к указанному «действию трех родов людей». Производитель, купец и потребитель являются собственниками товара, «суть одного *стяжатели*»; они «суть деятели торга и одного побуждения». Люди же, которые в процессе торговли «временно обращаются» с товаром и не становятся в процессе обращения его собственниками, «суть одного только пособия»³. К людям, которые временно обращаются с товаром и не становятся его собственниками, Радищев относил торговых работников, извозчиков, владельцев помещений, сдающих кладовые под поклажу и принимающих товары на хранение, судовладельцев и прочих агентов обращения.

Это разделение всех агентов товарообращения на группы в отношении собственности на товар Радищев проводил для того, чтобы объяснить процесс ценообразования и распределения прибыли.

Радищев дал подробный анализ того, какое влияние на занятия и доходы различных участников торга оказывает *приостановка обращения* в условиях простого товарного производства.

¹ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 26.

² Там же, стр. 27—28.

³ Там же, стр. 7—8.

От такой приостановки обращения меньше теряют те, для которых товар «не есть их собственность». К этой группе, как сказано выше, Радищев относил пособников торгога — извозчиков, торговых работников, владельцев складов, барж, постоянных дворов. Они и капитала своего не лишаются и труд легко переносят в другие области, «прилагают к другой вещи». «Совсем другое действие, — указывал Радищев, — лишения того, от чего прибыль свой имели, бывает в тех, кому оно принадлежит; тогда тот у кого товар в руках останавливается, уподобляется потребителю: ибо он, хотя невольно, но обращение вещи останавливает, и нередко в руках его она, теряя свою доброту, теряет свою и цену»¹. При этом собственно торговцы «лишены могут быть своего только прибавка, а капитала только временно и случайно...». Итак, купцы теряют больше, чем их «пособники», от приостановки обращения, но тоже сравнительно легко переносят «искусство свое на другой предмет».

Более всех от приостановки обращения страдают производители товара. «Но действие лишения прибавка наиболее падает на производителя оной [вещи, обращение которой остановилось. — *Е. П.*] ...производитель лишается своего ремесла или искусства, когда в нем не состоит нужда и не так, как другие, искусство свое на другой предмет обратить не может, разве в долговременном последствии»².

Однако Радищев усматривал и пользу от такого потрясения в торговле, так как вследствие этого товарное производство развивается в новых отраслях, появляются новые товары и новые направления товаропотоков, устанавливаются связи с новыми районами, усиливается разделение труда. Тем самым общественное производство поднимается на новую, более высокую ступень.

В этих рассуждениях Радищев обращает внимание по сути дела на результаты приостановки акта Т—Д при простом товарном производстве как для производителя товара, «когда в нем [в товаре. — *Е. П.*] не состоит нужда», так и для торговца, который «уподобляется потребителю», потому что у него «товар в руках останавливается». Радищев писал в эпоху феодально-крепостнического производства, и потому это его рассуждение имеет большой теоретический интерес. Маркс, анализируя простое товарное производство, отмечал, что уже в нём заложена возможность кризисов, которая превращается в действительность лишь при господстве капиталистического способа производства.

¹ *А. Н. Радищев*, Письмо о Китайском торговле, Соч., т. 2, стр. 8—9.

² Там же, стр. 9.

Радищев тщательно собирал материал о состоянии внутренней торговли в России. В своих дневниках и письмах за 1790—1797 гг. он регистрирует цены, названия товаров, выясняет условия их производства и направления товаропотоков. Большое внимание он уделял крупным центрам внутренней торговли — Ирбитской и Макарьевской (позднее Нижегородской) ярмаркам.

Наблюдая скопление русских и иностранных товаров в Вышневолоцком канале, Радищев и здесь возвращался к главному вопросу всех его трудов — к вопросу об основном производственном отношении крепостнического общества. Он указывал, что изобилию товаров в лавках и на баржах не приходится радоваться, так как эти товары созданы не свободными производителями, а являются результатом присвоения помещиками и купцами труда крепостных крестьян или труда американских рабов — негров, что эти товары «неосушившиеся еще от пота, слез и крови их омывших при их возделании»¹.

И в вопросах развития торговли Радищев защищает интересы трудящихся и мелких самостоятельных товаропроизводителей, которые «торгуют только своими произведениями»².

Крупные купцы, «великие капиталисты», «именитые» откупщики, монополисты, ростовщики и спекулянты изображены у Радищева резко отрицательно.

Необходимо также подчеркнуть правильное понимание Радищевым значения широкого национального рынка как для установления экономических связей между отдельными областями страны, так и для распространения культуры и взаимного обогащения опытом. «В отношении торгового все равно, что справа едут налево, что слева направо, но не все равно в рассуждении образования и научения. Сибиряки, посещая Москву, приобретают многие понятия, каких не имели прежде, и все, что в путешествии есть полезного, бывает не потеряно»³. Подробнее ознакомившись с Сибирью во время ссылки, он обращал внимание на то, что во многих отношениях население Сибири того времени на целое столетие отстало от населения Великороссии. Тесная торговая связь с центральной Россией послужит средством ликвидации этой отсталости.

В различных работах Радищев отмечал, что распространению внутренней торговли и установлению таким образом экономических и культурных связей между отдельными областями в России того времени сильно мешало плохое состояние путей сообщения. «Дороги, каналы, реки, — писал Радищев, — должны

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 324.

² А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 21.

³ Там же, стр. 33.

быть свободны и содержаться на средства государства, которое извлекает свой доход из населения и богатств, умножаемых доступностью сообщений»¹.

Неразвитость средств сообщения способствовала сохранению местных замкнутых рынков, вследствие чего образовались большие разрывы в ценах на одни и те же товары. Радищев записывал такие разрывы цен и указывал на отрицательное их влияние. Жители, например, Барабинской степи, слабо связанные с рынками сбыта, недовольны бывают хорошими урожаями, так как тогда местные цены на хлеб резко падают и крестьянам трудно выручить необходимое количество денег на уплату податей.

Описывая длинный и трудный путь, по которому отправлялись из России товары для Китайского торгового дела и развозились китайские товары, Радищев высказывал уверенность, что в будущем население Сибири изменит естественные условия и создаст непрерывный водный путь для сообщения с Европейской Россией.

В письме А. Р. Воронцову из Сибири Радищев писал, вслед за Ломоносовым, о возможности найти прямой водный путь вдоль северного побережья Европейской России и Сибири через Карское море и высказывал горячее желание принять участие в экспедиции для его открытия.

Строительство судоходных каналов он считал важнейшим средством расширения связи между отдельными частями страны. По его мнению, человек, которому на ум пришло «сделать реку рукodelьную, дабы все концы единыя области, в вящше привести сообщение, достоин памятника для дальнейшего потомства»². Радищев намечал обширную программу обследования состояния путей сообщения в стране, чтобы определить «средства сделать их лучшими».

* * *

Внешнюю торговлю Радищев, как и многие современники его, не считал ни единственным, ни самым важным источником государственного богатства. «Внешняя торговля, хотя и может быть единым от источников его [государства. — *Е. П.*] богатств, но не может посему никогда почестся необходимою государственной силы и могущества опорю, а потому кажется в пользу общественной может заменена быть тем или другим...»³. Ещё

¹ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Рукопись Радищева «Торговля», Собрание Воронцова, № 398, л. 140 об.

² А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 323.

³ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торговле, Соч., т. 2, стр. 5—6.

менее внешняя торговля является главным источником благосостояния такого государства, как Россия. Даже для Сибири, основным занятием жителей которой была охота на пушного зверя и где благосостояние зверопромышленников зависело не только от добычи, но и от продажи продуктов охоты, Радищев не считал внешнюю торговлю основой хозяйственного процветания.

Внешняя торговля, по мнению Радищева, не может быть основным источником богатства потому, что внешний обмен является эквивалентным. «...Истина, хотя мало еще распространившаяся и немногим она очевидно является, что государство в торгу точно столько же даст, сколько возьмет... если я вещь получаю дороже, то больше за нее возвращаю...»¹. Не признавал Радищев и возможности разорения государства через внешнюю торговлю. В одной записке он спрашивает: «Для чего все торгующие державы богатеют? Если бы те, которые больше покупали, теряли бы, то бы оскудели. Но того не видно»². Радищев считал внешний обмен эквивалентным, «потому что между народами деньги являются товаром»³.

С позиций эквивалентного обмена во внешней торговле Радищев критикует меркантилистов.

Радищев видел богатство в форме массы товаров — потребительных стоимостей, а деньги считал общим представителем богатства. «Россия за вино, сахар и пр. дает железо, сало, пеньку и лен; Испания серебро и золото. И чем в торгу сии металлы могут быть преимущественнее? Единственно тем, что употребление их обширнее и что в общем соглашении они всякой товар представляют и на них всякой товар менять можно: ибо по конец всех изысканий всякой торг есть меновой... На что же их предпочитать в торгу другим произведениям, почто их почитать истинными богатствами и гоняться за ними, нарушая даже правила благоразумия? Или кусок золота или серебра драгоценнее сока винограда и тростника сладкого... О вы, проложившие путь умствованиям о благе народном, о благе общественном, о благе государственном, Платон, Монтескье, могли ли бы вы вообразить, что при вратах порубежных [т. е. в таможенных. — Е. П.] произведения бессмертные вашего разума могут на одни весы положены быть с произведением алчности, исторгаемым ударами у обагренного кровавым потом злосчастия! ... совет таковой не в моем водворится сердце»⁴.

Хотя меркантилизм и был к тому времени уже подвергнут критике физиократами и представителями английской клас-

¹ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 31.

² Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Рукопись Радищева «Торговля», Собрание Бронцова, № 398, л. 141 об.

³ Там же, л. 140.

⁴ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 32.

сической политической экономии, всё же Радищева нельзя просто объявить запоздалым критиком меркантилизма. В 80—90-х годах XVIII в. в России остро стояла проблема денежного обращения, вексельного курса. Различные государственные комиссии и отдельные деятели сводили все эти проблемы к недостаткам организации и помехам во внешней торговле, к утечке золота и серебра за границу вследствие «незаконных» торговых оборотов. Против такой трактовки причин падения вексельного курса и расстройтва денежного обращения и высказывается Радищев.

Ликвидацию натурального хозяйства и развитие товарного производства внутри страны Радищев рассматривал как важное средство и основной путь укрепления экономической мощи России. «Мне недостает многих данных для составления оценочного расчета пользы иноземной торговли, которая по-моему хороша лишь тогда, когда служит процветанию торговли внутренней»¹, — писал он А. Р. Воронцову. В России конца XVIII в. обороты внешней торговли, по подсчётам Радищева, вообще были очень невелики по сравнению с оборотами внутренней торговли.

Радищев хорошо знал экономические теории своего времени, знал меркантилистов, физиократов и работы А. Смита. Французский перевод книги Смита «Richesses des nations» в двух томах был в его библиотеке². В одном из писем А. Р. Воронцову он упоминает о книге «англичанина Смита»³.

В «Письме о Китайском торге» Радищев говорит о «новейших экономистах» и об английских в частности, требующих свободы внешней торговли. «Два мнения существуют между политическими писателями о внешнем торге; оба хотя клонящиеся к одобрению одного и расширению, но разных предположений суть они заключения и разные из оных истекают следствия.

...Новейшее мнение писателей о внешней торговле есть такое, чтобы свобода оной была ни чем неограниченна.

Мнение других есть стародадовское и во всеобщем почти употреблении... Изданы постановления, учреждения, тарифы и весь таможенный причет. Англия с 8 миллионами жителей с таковыми учреждениями поставила себя в число первостатейных государств в Европе; но англичане сами ныне говорят и пишут, что все преграды в торговле вредны: ибо она непременно сама себя содержит всегда в неизбежном равновесии»⁴.

¹ А. Н. Радищев, Письмо А. Р. Воронцову 8 мая 1791 г., Соч., т. 3, стр. 376—377.

² См. [Я. Л. Барсков], Книги из собрания А. Н. Радищева, журнал «Дела и дни», кн. 1, 1920, стр. 400.

³ См. А. Н. Радищев, Письмо А. Р. Воронцову 2 мая 1791 г., Соч., т. 3, стр. 370.

⁴ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 6—7,

Сравнивая и оценивая эти два мнения — фритредеров и протекционистов, — Радищев рассматривает их не отвлечённо, не с точки зрения теории вообще, а применительно к условиям России, к задачам развития её производительных сил. Учитывая её промышленную отсталость и настоятельную необходимость преодолеть эту отсталость, Радищев критически подошёл к принципам как физиократов, так и новейших английских экономистов относительно требования свободной торговли и твёрдо заявил, что этот принцип для России является неприемлемым.

Своё отрицание принципа свободы внешней торговли Радищев подкрепляет рядом доказательств и примеров.

Так, он утверждает, что и сами англичане стали говорить и писать о вредности всех преград во внешней торговле лишь после того, как Англия при помощи запретительной системы и жёстких таможенных тарифов превратилась в передовую промышленную державу¹. Следовательно, без этих ограничений английская промышленность не достигла бы такого высокого уровня, который в то время поставил её вне конкуренции среди других стран.

А так как Россия в промышленном отношении стояла значительно ниже Англии, то свободный ввоз иностранных промышленных изделий подрывал бы, тормозил бы развитие отечественной промышленности. «...Если дешёвая цена стоит того, чтобы способствовала привозу сего дешёвого товара, не должно ли подумать, что может от того или быть вред или подрыв, или же остановится наш товар даваемой в заплату»², — писал Радищев.

Радищев знал, какие трудности, разорения, банкротства и массовую безработицу пережила мануфактурная промышленность Франции 80-х годов XVIII в. вследствие заполнения её рынка дешёвыми английскими товарами. Ввоз дешёвой китайки в Россию вреден потому, доказывал Радищев, что подрывает развитие отечественного льноводства и текстильной

¹ Правильность оценки Радищевым английского протекционизма вполне подтверждается той оценкой роли и значения его, которую дал Ф. Энгельс: «Под покровительственным крылышком протекционизма была высижена и развилась в Англии в течение последней трети XVIII века эта система современной крупной промышленности — производство при помощи машин, приводимых в движение паром...

Тогда-то в стране Джона Булля приобрело популярность учение о свободе торговли классической политической экономии — французских физиократов и их английских преемников — Адама Смита и Рикардо» (Ф. Энгельс, Протекционизм и свобода торговли, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 311). Следует отметить, что, по мнению Радищева, внутри страны правительство не должно стеснять «природную свободу действия».

² А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 17.

промышленности. То же он говорил и о табаке, привоз которого по низким ценам мог бы подорвать «изрядные рассадки сего растения в Иркутской губернии».

К решению вопроса о внешней торговле Радищев подходил не с коммерческой точки зрения и не с фискальной — сбора таможенных пошлин в доход казны, а с точки зрения влияния её на промышленное производство внутри страны и на крестьянское хозяйство.

Говоря о выгодах и недостатках от перерыва или возобновления Китайского торга, он делает вывод, что от прекращения этого торга «зверинные промыслы» не пострадали, не пострадало и скотоводство, а земледелие выиграло, увеличились посевы льна и производство холстов; особенно же выиграла крупная текстильная промышленность — Ивановская, Ярославская и другие мануфактуры.

Радищев не решался сделать категорическое заключение о том, что же выгоднее — возобновить данный торг или нет. Всё же он находил больше пользы, чем вреда, от прекращения ввоза многих китайских товаров, ибо это стимулировало отечественную промышленность.

Убеждение Радищева в необходимости для России покровительственных тарифов и ограничения свободы внешней торговли сложилось у него ещё в конце 70-х — начале 80-х годов, что подтверждается не только его теоретическими положениями, но и его практической деятельностью.

Вскоре после поступления в Коммерц-коллегию Радищев принял участие в разработке инструкции российскому Генеральному консулу в городах Гамбурге, Любеке и Бремене. В этом одном из самых ранних служебных документов А. Н. Радищева предписывается консулу «наблюдать честь Российского флага», защищать интересы купеческих российских кораблей и оказывать им всяческую помощь. В интересах развития вывоза «невыработанных [т. е. сырья. — Е. П.] и мануфактурных товаров» рекомендуется устранять на месте за границей препятствия российскому торгу, «бдети дабы оной ежегодно увеличивался и товары по возможно высшей цене продаваемы были». С этой целью следует наблюдать, чтобы русские товары в германских городах облагались не более высокой пошлиной, чем товары других государств. Особо обращается внимание на вывоз холщёвых и пеньковых товаров, как важнейшего предмета экспорта, так как «Россия в состоянии оным превзойти все протчие нации»¹. Интересно, что эту инструкцию в числе пяти

¹ См. А. Шамаков, Неизвестные служебные бумаги А. Н. Радищева, «Южный Урал», Литературно-художественный альманах № 11, Челябинск 1954 г., стр. 140—144.

работников Коммерц-коллегии подписали Александр Радищев и Михайло Чулков в марте 1778 г.

Будучи в 80-х годах помощником управляющего, а потом и управляющим С.-Петербургской таможни, через которую совершалось тогда три четверти внешнеторгового оборота России, Радищев твёрдо и неуклонно проводил покровительственную тарифную политику. Это же направление экономической политики Радищев настойчиво пропагандировал в своих многочисленных записках и проектах по таможенным делам¹. Он был активным участником составления тарифа 1782 г., повысившего пошлины на многие товары. В записке «О тарифе 1766 г. и пошлинах по нему» Радищев дал общую характеристику этого тарифа и его недостатков, подробно рассмотрел, что нужно сохранить для нового тарифа, что нужно изменить и уточнить. Радищев считал полезным прибегать к поощрительной «уступке в пошлинах» российским купцам, отправляющим за границу отечественные товары на русских судах.

Радищев выступал сторонником свободы внутренней торговли, но не внешней, и доказывал необходимость покровительства промышленному развитию России, что было, несомненно, прогрессивным требованием для того времени, способствовало укреплению экономической независимости страны.

* *
*

Для истории экономической науки, для выяснения процесса развития политической экономии большой интерес представляют теоретические рассуждения Радищева о цене товара, о прибыли и её происхождении. И в этих вопросах он сумел сказать новое слово по сравнению со своими предшественниками, поднял на новую ступень развитие политической экономии в России.

Радищев различает «истинную цену» и «прибавочную цену» товара. «Истинная цена» товара в его определении включает затраты в производстве и обращении. «Истинная его цена, или то, во что оной стоит или производителю или продавателю и покупателю, или тому, кто его временно имеет в своих руках, никому в прибыль быть не может; потому что первый оного производитель, производя его, имел в произвождении ущерб своего имущества; равно и все другие, продавая его или покупая, или же с ним обращаясь, ущерб в имуществе своем имели. Сие относиться долженствует на всех, кои дают на произведение вещи задатки; напр.: земледелец держит скот, орудие, семена и пр.; — фабрикант строит строение, припасы; — купец

¹ См. А. Н. Радищев, Соч., т. 3.

берет деньги в рост и пр.; — извозчик держит лошадь, корм, промышленник тоже»¹.

Следовательно, первый элемент «истинной цены» в представлении Радищева — это главным образом затраты на средства производства, хранения, передвижения до места потребления товаров, т. е. затраты на постоянный капитал, говоря языком марксистской политической экономии.

Второй элемент «истинной цены» — издержки на живой труд человека. Радищев указывает, что в России вследствие крепостнического характера производства труд крепостного ничего не стоит помещику, не оплачивается им, и поэтому стоимость продукции обычно определяется неправильно. «...В России (редко где исключая) разве одни семена почитаются задатки [затраты на производство. — *Е. П.*], орудие и здания кое-когда, а работа — ни за что»².

Радищев в своих расчётах включает в стоимость продукции затраты не только на средства производства, но и на рабочую силу. К стоимости средств производства, которыми владели крестьяне в описываемой им деревне (скот, сельскохозяйственные орудия, строения, семена), он прибавлял и стоимость работы земледельческой.

«Истинная цена» товара в понимании Радищева означает, таким образом, издержки производства.

«Прибавочной» или «прирастающей ценой товара» Радищев называет весь излишек цены товара над издержками его производства. Разлагая цену товара на её составные элементы, Радищев указывает, что доходом, прибылью не может стать та часть цены товара, которая возмещает издержки. «Вся прибавочная цена товара есть прибыль всем тем, чрез чьи руки оной проходил... Следственно, *прирастающая цена* товара обращается в прибыль; следственно, чем больше её приращение, или чем товар дороже становится, тем больше от одного прибýtка»³.

Таким образом, «прибавочная цена» в объяснении Радищева означает по существу прибавочную стоимость, которая распадается на прибыль участников торгова, «стяжателей» товара — предпринимателя и купца. Радищев поясняет, в чём именно состоит, по его мнению, польза от увеличения «прирастающей цены» товара: «Не то, что от него более барыша, но что большему числу дает пропитание». Отсюда видно, что Радищев не был сторонником концентрации прибыли в руках немногих пред-

¹ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 8. Промышленник — здесь охотник, промышленяющий пушного зверя.

² А. Н. Радищев, Описание моего владения, Соч., т. 2, стр. 174.

³ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 8. Интересно отметить введение Радищевым в русскую экономическую науку термина «прибавочная цена».

принимателей и купцов. Он высказывался за то, чтобы возможно большее число людей приняло участие в распределении «прибавочной цены».

В процессе реализации на пути от производителя к потребителю товар становится дороже. Это понимал Радищев. Потребитель товара «его или истребляет или пресекает его дальнейшее обращение», — пишет он, следовательно, потребитель оплачивает всю стоимость товара. В процессе обращения товар не меняется в своём количестве или физическом качестве, как потребительная стоимость, но меняется в цене на всю сумму купеческой прибыли. «Обыкновенно, хотя и бывает изъятие, чрез сколько рук товар пройдет, толикократно он усугубится, не в количестве своем или доброте, но в цене, или сказать другими словами: чем товар более пройдет рук, тем он становится дороже»¹.

Величина массы прибыли, по мнению Радищева, зависит также от скорости обращения. «Чем скорее обращение товара, тем прибыль их [участников торгова. — *Е. П.*] чаще, тем она и больше». Радищев показывал влияние также спроса и предложения на величину цены товара, а значит, и реализуемой прибыли. «Если иногда малое количество товара делает его дороговизну, то нередко и больший онаго расход держит его в высокой цене»².

В зависимости от роли агентов обращения в самом производстве Радищев определял и их участие в распределении прибыли. Прибыль делится между ними «очень неравно», — говорит он. «Те, которым товар принадлежит», получают больше, «те, которые имеют его в руках своих временно», получают меньше³.

Итак, Радищев понимает прибыль как часть цены товара, превышающую издержки производства и реализуемую в обращении.

Таким образом, он показывает путь реализации «прибавочной цены». На вопрос же, где и кем создаётся прибыль, Радищев отвечает своими рассуждениями о происхождении богатства владельцев мануфактур и торговцев.

Радищев исходил из положения, что источником богатства является труд человека, что обогащение господствующих классов происходит за счёт присвоения труда крестьян и рабочих. Выше было уже показано, как Радищев выяснил происхождение богатства помещиков, которые использовали силы «своих кре-

¹ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 8.

² А. Н. Радищев, Письмо А. Р. Воронцову 15 марта 1791 г., Соч., т. 3, стр. 358.

³ См. А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 8.

стьян, прилагая оныя к обработыванию земли». Крепостные крестьяне «не для себя работают», — писал он. Вследствие эксплуатации крестьян помещик имеет в виде денег реализованные «труды и пот своих крестьян»¹. Из этого видно, что Радищев понимал доход помещика как результат безвозмездного присвоения труда крепостных².

Достаточно чётко Радищев вскрывал и источник обогащения владельцев промышленных предприятий — мануфактур. Он видел, что их обогащение происходит за счёт труда наёмных рабочих. Рабочие в мануфактурах русских, английских, французских — «бедные граждане», писал Радищев. Он впервые в русской литературе показал, что рабочие промышленных предприятий получают за свою работу от владельцев мануфактур только «хлеб насущный», т. е. что их заработная плата обеспечивает минимум средств существования, в то время как владельцы мануфактур, собственники средств производства, обогащаются трудом тысяч наёмных рабочих, не имеющих собственных средств производства.

Радищев показывал, что не в лучшем материальном положении находятся и мелкие самостоятельные товаропроизводители, которые хотя и производят товар личным трудом при помощи своих средств производства, однако, не имея достаточных денежных средств и возможности реализовать свой товар, значительную долю результатов своего труда вынуждены отдавать представителям торгового капитала.

Радищев впервые обратил особое внимание на экономическую зависимость мелких товаропроизводителей от *скупщика* и на выяснение источников купеческой прибыли. Он видел, что торговец получает прибыль непосредственно из обращения, но не ограничивался описанием этой внешней стороны явления. Он вскрывал сущность отношений и видел источники накопления купеческого капитала в зверской эксплуатации мелких производителей. Трудом крестьян, охотников, рыболовов обогащались купцы — таков вывод Радищева.

Изучая экономику Сибири, Радищев писал: «...Сибирские крестьяне, Барабинских посельщиков исключая, лучше и изобильнее живут помещичьих крестьян, едят мясо, а в пост рыбу,

¹ А. Н. Радищев, Отрывок путешествия в ***И*** Т***, Соч., т. 2, стр. 350.

² К. Маркс позднее теоретически формулировал, что при барщинном труде «...совпадение прибавочной стоимости с неоплаченным чужим трудом не нуждается здесь в анализе, потому что он существует здесь еще в своей очевидной, осязательной форме...». При оброчном труде «непосредственный производитель... должен отдавать господину... избыточный принудительный труд, т. е. неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги» (К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 804, 810).

но из того не следует, чтобы они жили в изобилии. Один из 100 или из 200 живет не в долг, другие все наемники и работают на давших им задатки. Всю свою добычу закупают заранее; а корыстолюбивые и немилосердые торговщики пользуются трудами и ими обогащаются»¹.

С возмущением показывает Радищев грабительские методы обогащения купцов за счёт рыболовов и охотников. «Сии зверския ростовщики выманивают у них [рыболовов. — *Е. П.*], летом запасенную ими пищу за дешевую цену, а при начале зимы продают им ее же чрезмерно дорого». «...Купцы, разъезжая по деревням, договариваются с крестьянами о поставке мягкой рухляди, давая деньги в задаток... сим способом принимают товары за столь низкую цену, что если из договоренного половину только получают, то с немалым остаются барышем»².

Таким образом, Радищев вскрыл эксплуататорское происхождение богатства как владельцев мануфактур, так и торговцев и показал, что источником прибыли, «прибавочной цены», является труд рабочих и крестьян. Понятно, что в условиях русской крепостнической экономики XVIII в. Радищев не мог вскрыть категории прибавочной стоимости. Но он прокладывал пути развития революционной экономической науки.

Высказывания Радищева о происхождении прибыли являлись новым словом в развитии русской экономической теории.

Буржуазная наука оправдывала присвоение продукта труда собственниками средств производства, их «прямой интерес уменьшать долю труда», т. е. рабочих, в общественном продукте. Радищев же рассматривал производство и обращение с противоположной позиции — с позиции защиты интересов трудящихся. Поэтому он критиковал эксплуататорский строй не только крепостнического, но и капиталистического мануфактурного производства. У Радищева имеются по существу некоторые зачатки той теории трудящихся, которая была разработана в середине XIX в. Чернышевским.

О деньгах и кредите

Радищев разработал оригинальные положения по вопросам теории денег и денежного обращения, которые в условиях XVIII в. явились большим вкладом в развитие политической экономии.

Деньги Радищев рассматривает в первую очередь как средство обращения, устраняющее неудобства меновой торговли, и

¹ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 29.

² А. Н. Радищев, [Описание Тобольского наместничества], Соч., т. 3, стр. 136, 137.

как носителя всякого богатства, всякого «стяжания». «Великия в меновом торгу затруднения, побудили мыслить о знаках всякое богатство и всякое имущество представляющих. Изобретены деньги. Злато и серебро яко драгоценнейшия по совершенству своему металы, и доселе украшением служившие, преобразены стали в знаки, всякое стяжание представляющие»¹. В другой работе Радищев писал: «Деньги надо рассматривать как знак, все представляющий»².

Радищев не мог дать правильного объяснения происхождения денег, но он приближался к пониманию сущности денег как всеобщего эквивалента. Выше было сказано, что Радищев считал золото и серебро товарами, как и всякий товар. Но эти товары, писал он, имеют преимущество перед другими, а именно: «...в общем соглашении они всякой товар представляют и на них всякой товар менять можно»³.

Драгоценность золота и серебра определяется их свойствами, редкостью и трудностью добывания. В «Слове о Ломоносове» Радищев с уважением писал о занятиях великого учёного естественными науками, особенно металлургией, и отмечал, что только с превращением золота в деньги изменились условия накопления, появилась неограниченная возможность накопления богатства и жажда богатства. «И тогда только по истинне, тогда возгорелась в сердце человеческого, ненасытная сия и мерзительная страсть к богатствам, которая яко пламень вся пожирающий, усиливается получая пищу»⁴.

Золото и серебро, «мертвые по себе сокровища в природном их виде»⁵, только как деньги становятся носителями богатства, т. е. с развитием товарного производства и выделением денег как всеобщего эквивалента.

Радищев дал довольно подробное объяснение функций денег. Он называет деньги «мерилом всех вещей, в торгу обращающихся», знаками, всякое богатство, «всякое имущество представляющими», определяет их как «посредство, приводящее все в обращение»⁶.

Деньги как средство платежа Радищев рассматривал при анализе вексельного обращения и кредита.

Радищев показывает, что для мировых денег существенен вес денежного металла, а не его национальный мундир. «Если

¹ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 383.

² Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Рукопись Радищева «Торговля», собрание Воронцова, № 398, л. 140.

³ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 32.

⁴ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Соч., т. 1, стр. 383.

⁵ Там же, стр. 385.

⁶ См. А. Н. Радищев, О законоположении, Соч., т. 3, стр. 158—159.

в одном месте кусок круглой серебра стоит то же, что и в другом, то курс, говорят, равен. Но если в одном месте он стоит больше, а в другом меньше, то курс неравен. Но кусок серебра существа своего для того не переменяет; например: 1 фунт серебра в России и Голландии имеет тот же вес, хотя под разными названиями». Национальные деньги надо сравнивать с другими только «по истинному... весу»¹.

Радищев впервые в истории мировой экономической науки дал чёткое определение сущности бумажных денег как представителей золота и показал их принципиальное отличие от металлических денег. Он писал: «Фундаментальная в свете ныне монета есть серебряная или золотая; бумаги есть монета сократительная, медная раздробительная, та и другая суть марки. Следовательно, что все торговые исчисления и обороты должны состоять располагаться по цене серебра и золота»². Иными словами, деньги как мера стоимости могут быть только полноценными металлическими деньгами, бумажные же деньги и разменная монета выполняют свои функции в обращении как знаки золота, его представители. Поэтому чрезмерный выпуск бумажных денег приводит к расстройству денежного обращения, к всеобщему повышению цен.

На примере деятельности Джона Ло во Франции Радищев показывает, что чрезмерная эмиссия бумажных денег, т. е. инфляция, — это «мнимое богатство, которое существовав одно мгновение повергло часть государства в нищету»³.

Адам Смит, как известно, не видел принципиального отличия бумажных денег от золотых, рассматривая бумажные деньги просто как более дешёвое орудие обращения. Радищев же рассматривал их, по существу, как знаки стоимости. «Бумажные деньги превосходят в массовом количестве медные, серебряные и золотые монеты; [бумажные деньги. — *Е. П.*] сделались настоящими знаками, представляющими ценность, а металлы сделались товаром, потому что они более редки»⁴.

Указывая на зависимость бумажных денег от «фундаментальной монеты», Радищев первым из экономистов попытался вскрыть специфические законы бумажно-денежного обращения, связав обращение ассигнаций с объёмом товарного обращения и указав на разрушительное влияние инфляции на народное

¹ А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 16—17.

² Там же, стр. 16.

³ Радищев впервые вводит термин «мнимое богатство» в русскую экономическую науку. В дальнейшем развитии политической экономии капитал, создаваемый посредством эмиссии ценных бумаг, получил определение «фиктивного капитала».

⁴ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Рукопись Радищева «Торговля», собрание Вороцова, № 398, л. 141.

хозяйство. «Прилив денег бумажных — зло; поток плотины разорвавшейся покроет все торговое обращение, земледелие и рукоделие будет томиться, и число монеты бумажной возрастет до того, что цена ея будет меньше, нежели лист бумаги, на нее употребляемой»¹.

Выпуск бумажных денег в количестве, превышающем потребности товарного обращения в России, действительно привёл к уменьшению золота и серебра в обращении. За 30 лет царствования Екатерины II актив торгового баланса составлял около 4 млн. руб. в год, всего получено, по исчислению Радищева, 120 млн. руб. серебром. «И все сие серебро в 2 или 3 года из обращения истребилось. Эпоха уменьшению серебряных денег есть начало войны со Шведами. Неужели каждой год война стоила 40 мил.? Может быть: ибо умножением денег цена на все умножалась»².

Радищев показывал, что усиленный выпуск бумажных денег на покрытие военных расходов в царствование Екатерины II привёл к повышению цен на товары и к сокращению количества серебра в обращении.

Военные расходы, содержание армии за границей, рост паразитического потребления императорского двора и его окружения изменяли платёжный баланс не в пользу России, а внутри страны приводили к усиленной эмиссии бумажных денег и падению курса ассигнационного рубля. Часть серебра ушла, конечно, в сокровище, в резервуары ростовщиков и менял. Увеличился и внешний государственный долг России.

Радищев отмечал, что неограниченный выпуск бумажных денег «не для истинного пособия земледелию и рукоделиям», а для увеличения доходов правительства приведёт к тому, что «скроются металлы драгоценные»³.

По мнению Радищева, «делание монеты» не должно иметь никаких других целей, кроме «приведения богатства государственного в обращение»⁴. Он резко осуждал Екатерину II за излишний выпуск бумажных денег для «казенной прибыли», для покрытия государственных расходов. «Первые ассигнации были представление ходячей монеты, а нынешния излишни»⁵, — указывал он. Излишние ассигнации «произвели дороговизну» и «потрясения» в народном хозяйстве, «особливо в годы неурожая хлебнаго». Вследствие грабительской финансовой политики

¹ А. Н. Радищев, О законоположении, Соч., т. 3, стр. 159.

² А. Н. Радищев, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 31—32.

³ А. Н. Радищев, О законоположении, Соч., т. 3, стр. 159.

⁴ А. Н. Радищев, [Записка о податях Петербургской губернии], Варианты, Соч., т. 3, стр. 548.

⁵ А. Н. Радищев, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 113.

Екатерины «рудокопные заводы, монетные дворы, бумажные деньги суть гидры народные», — с возмущением писал Радищев.

Вскрывая антинародную, грабительскую сущность финансовой политики самодержавия, Радищев даёт уничтожающую критику творцов этой политики: «государь, которой деньги делает, есть вор общественной, если не вор, то насильствователь»¹. Радищев полагал, что государственный доход должен иметь своим источником не «делание монеты» сверх необходимого количества для обращения, а рост производства промышленности и земледелия.

Представляет интерес метод, с помощью которого Радищев пытался вскрыть законы бумажно-денежного обращения. Для этого он исчисляет объём производства хлеба и «всех других произведений» — промышленных товаров — и определяет сумму стоимости продукции по существовавшим в то время ценам в денежном выражении, — получается объём годового обращения. Для проверки он делает другой подсчёт: берёт количество денег в обращении, умножает на количество оборотов монеты и получает то же «обращение годовое», т. е. сумму цен товаров. Результаты подсчёта он проверяет ещё третьим путём: государственный бюджетный доход принимает за пятую часть всех денежных доходов в стране и устанавливает, таким образом, объём денежных доходов населения за год. Если каждая монета делает три оборота («представит три вещи»), то получится та же сумма годового обращения. Радищев по сути дела пытался установить количество денег, необходимое для обращения. Конечно, это было только некоторое приближение к решению проблемы. Но для истории экономической науки важное значение имела уже сама постановка вопроса.

От своего понимания сущности денег и денежного обращения Радищев пришёл и к объяснению причин падения вексельного курса. Этот вопрос тогда стоял очень остро, и многие деятели причиной падения курса считали прекращение торговли с Китаем.

Радищев правильно указывает, что Китайский торг не мог оказывать никакого влияния на вексельный курс, во-первых, потому, что это был торг чисто меновой², а во-вторых, потому,

¹ А. Н. Радищев, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 113.

² О меновом характере торговли на Кяхте писали Паллас, Лепехин, Чулков. Радищев безусловно знал их работы.

В меновом торге на Кяхте и позднее, в XIX в., серебро служило лишь «мерой цен», пишет Маркс, называя товарный обмен между Сибирью и Китаем «простой меновой торговлей» (*К. Маркс, К критике политической экономии*, 1953, стр. 64).

что его удельный вес во внешнеторговом обороте России был тогда ничтожен. Падение вексельного курса Радищев объясняет падением курса русского ассигнационного рубля. «Если возьмем наш рубль и противопоставим его Голландским деньгам, по истинному его весу, то цена его будет в 35 стиверов или немного более. Для чего же ныне за рубль дают 27 и 28 стиверов? Для того, что торгуют не на серебряной рубль, но на бумажки. Приложи же к бумажному рублю промен на серебряной [т. е. лаж. — *Е. П.*], то выйдет прежний рубль; или торгуй на серебряные деньги, то курс будет равен (*al pari*)»¹.

В другой работе Радищев писал: «Курс относится у нас к серебряной монете. Уничтожь ее и оставь медную, то курс будет равняться ей. Уничтожь и ее, тогда рубль будет то стоить, что на него купить можно»², — показывая тем самым, что стоимость бумажного рубля может быть выражена в полноценных деньгах или в товарах.

Курс понизился, утверждал Радищев, по той же самой причине, по которой цены на все товары в стране повысились, а именно: от усиленного выпуска бумажных денег на покрытие возросших военных расходов, требовавших до 40 млн. руб. в год серебром, т. е. всей суммы государственных доходов. Радищев не рассматривал всего платёжного баланса России, и поэтому его решение вопроса не является исчерпывающим. Но в то же время его указания на связь падения вексельного курса с непомерными (по сравнению с доходами) военными расходами страны, особенно за границей, а не только с балансом внешней торговли, были совершенно правильны.

Отправляясь от понимания денег как товара, с одной стороны, и как капитала, подобного всякой другой собственности, приносящей доход, — с другой, Радищев даёт своё определение кредита и процента.

Кредитные отношения Радищев выводит из товарного производства на основе частной собственности. В «Проекте Гражданского уложения» он подробно рассматривает отношения собственности со всеми вытекающими из неё правами — владения, употребления и отчуждения. «Подобно всякой другой собственности их [деньги. — *Е. П.*] можно менять или продать, можно подарить, можно дать в заем»³. По его мнению, не следует стеснять свободу в употреблении собственности, в чём бы эта собственность ни выражалась. В связи с этим Радищев ставит «важной вопрос о лихве». В то время была распространена

¹ *А. Н. Радищев*, Письмо о Китайском торге, Соч., т. 2, стр. 17.

² *А. Н. Радищев*, [Записка о податях Петербургской губернии], Варианты, Соч., т. 3, стр. 547.

³ *А. Н. Радищев*, Проект Гражданского уложения, Соч., т. 3, стр. 230—231.

отдача денег в рост частными лицами — купцами, дворянами, чиновниками. Острая критика таких лихоимцев имелась в сатирических журналах Новикова, в произведениях Чулкова и др. Правительственными указами ещё при Елизавете был установлен «указный» максимальный процент — 6% годовых.

Радищев стремился дать экономическое объяснение самого существа процента и права взимания его, не защищая лихоимцев, но исходя из своего понимания права собственности, из соотношения наличия денежных капиталов и спроса на них. Занимать можно всякие вещи, но настоящим займом Радищев называл только денежный заём. Заём бывает благотворительный, т. е. безвозмездный, и с «лихвою». Лихва и есть плата за употребление занятого. «Лихва деньгами называется процент»¹.

Радищев определял процент как *«цену денег»*. Если по закону разрешено и обществом не осуждается по соглашению договаривающихся сторон «назначать цену переходящей из рук в руки собственности, то для чего же не оставить на произволение договаривающихся назначать цену деньгам?»² — спрашивал Радищев. Он считал, что получение процента «само в себе справедливо и не зазорно», как доход от всякой капитальной собственности.

В стране со слабо развитой кредитной системой и при недостаточном накоплении денежных капиталов, утверждал Радищев, закон об указном проценте будет всегда нарушаться, и частные лица, отдающие в заём деньги, за риск будут брать тем большие проценты, чем строже запрещение. «Конечно бы лучше было, если бы деньги были дешевы и проценты низки. Но не закон может назначить им цену, где чего много, там то и дешево»³. Уровень процента, писал он далее, определяется самим денежным рынком, соотношением спроса и предложения на денежный капитал, а не административным вмешательством правительства. Как было показано выше, представители дворянско-крепостнической идеологии резко возражали против мнения, выраженного Радищевым, Чулковым и другими прогрессивными экономистами, о том, чтобы предоставить кредиторам и заёмщикам самим «назначать цену деньгам», свободно устанавливая уровень процента. Борьба за ограничение кредитных отношений выражала стремление консервативного дворянства сохранить полунатуральный характер крепостного хозяйства, за ликвидацию которого боролись прогрессивные идеологи.

¹ А. Н. Радищев, Проект Гражданского уложения, Соч., т. 3, стр. 230.

² Там же, стр. 231.

³ Там же, стр. 232.

Общие теоретические суждения о сущности процента и экономических законах, определяющих его уровень, Радищев применял к России, где денежный рынок ещё не был развит и не создал себе разветвлённой, организованной кредитной системы, где ещё преобладало ростовщичество. В России, писал он, несмотря на правительственное запрещение, проценты будут высоки «от того, что мало накоплено капиталов наличными деньгами, от того, что накопленные капиталы гораздо прибыльнее и безопасно употреблять на приобретение недвижимых имений. Примеры тому явные видим в откупщиках и подрядчиках и в самых торгующих»¹. Действительно, в литературе того времени приводилось много примеров произвола дворянства и крупных чиновников в отношении их заимодавцев, которых разными притеснениями, преданием суду за бесчестие дворянина заставляли отказываться от векселя, давать ложную расписку в получении долга, да ещё и приплатить при этом за то, что, дескать, дёшево отделался купец от дворянских притязаний. Поэтому Радищев имел все основания утверждать, что в России того времени безопаснее было вкладывать деньги в имения или в торговлю, чем отдавать в заём.

Таким образом, в анализе денег и денежного обращения А. Н. Радищев не ограничивался постановкой задач экономической политики, что преобладало у его предшественников и современников — Ломоносова, Рычкова, Чулкова и др. Он исследовал теоретически проблемы денег, денежного обращения, кредита и дал оригинальное решение их.

В вопросах развития кредита, как и во всех своих экономических положениях, Радищев является прежде всего противником феодально-крепостнических ограничений, поборником свободы хозяйственной деятельности мелких производителей. «Торговый банк никогда не был неблагоприятным для государства, — писал Радищев, — если только в дело не вмешивалось правительство»². А это вмешательство в крепостнической России постоянно имело место в интересах дворянства, в ущерб купечеству и другим сословиям.

Теория денег Радищева представляет большой интерес как одна из ступеней развития экономической науки. По оригинальности и всесторонней разработке теория денег Радищева превосходит учение о деньгах всех русских экономистов до него и западных буржуазных экономистов XVIII в., в том числе и Адама Смита.

¹ А. Н. Радищев, Проект Гражданского уложения, Соч., т. 3, стр. 232.

² Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Рукопись Радищева «Торговля», собрание Воронцова, № 398, л. 141.

Критика налоговой политики государства

Большое внимание уделял Радищев проблеме налогов и налоговой политики, которая, по его мнению, является одной из центральных проблем экономической политики. Проблеме налоговой политики уделяли очень большое внимание Петти, Посошков, физиократы, Адам Смит. Налоговая политика оказывает стимулирующее или задерживающее влияние на развитие сельского хозяйства, промышленности, внешней и внутренней торговли, финансов. В крепостнической России конца XVIII в., как и во всех феодальных и буржуазных государствах, почти единственным источником государственных доходов были многочисленные прямые и косвенные налоги и сборы с податных сословий — крестьянства, купечества и ремесленников. Дворянство и духовенство были освобождены от личных податей. Косвенные налоги, пошлины на привозные из-за границы товары, налоги на водку, соль и прочие товары, уплачивавшиеся потребителями товаров, не играли тогда решающей роли в государственном бюджете.

Изучению и критике налоговой политики самодержавия второй половины XVIII в. Радищев посвятил специальные работы «О подушном сборе» и «О податях», недавно опубликованные под общим заглавием «Записка о податях Петербургской губернии»¹.

Приступая к изучению проблемы налогов, Радищев чётко определил свою задачу: изучить на примере Петербургской губернии «все налоги», показать «способы на удовлетворения» их, отличить прямые налоги, возложенные на члена общества «принуждением», от косвенных налогов, которые платятся «нечувствительным образом» потребителями товаров, отделить и сравнить «тягоги земледельца от градского жителя».

Такое подробное и всестороннее изучение налогов было предпринято Радищевым впервые в истории русской экономической мысли. Оно преследовало определённую цель, которую автор формулировал так: «...Если возможно, назначим средства пособить доброму и отвратить злое»². После Радищева проблеме налогов наибольшее внимание уделил декабрист Н. Тургенев.

Радищев с полным основанием мог ограничиться конкретным материалом Петербургской губернии потому, что «подати народные С.-Петербургской губернии суть единообразны с податями других губерний как в их существенном, так и в образе

¹ См. А. Н. Радищев, Соч., т. 3.

² А. Н. Радищев, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 97.

взимания»¹. Он подходил к изучению проблемы исторически, выясняя, когда какой сбор был установлен и на какие цели предназначен, чем вызывалось учреждение того или иного налога и какие оно имело последствия, какое влияние оказывало на экономику страны и на материальное положение плательщиков. Из подробного перечня сельских земских податей и городских податей, приведённого Радищевым, видно, какой разветвлённой сетью поборов было обложено городское и сельское податное население России, какие неисчислимые злоупотребления при обложении и взимании налогов допускались, говоря словами Радищева, «позволенным или непозволительным образом».

Для большей ясности Радищев приводит сословный состав населения и показывает, что всю тяжесть налогов несли крестьяне в деревнях и ремесленники в городах.

Говоря о сельских податях, Радищев указывает, что он при этом имеет в виду только казённых крестьян, «ибо тягость или льготу налогов поселян, живущих на нивах помещичьих или, как называют их, крепостных, изчислить невозможно. Оклад крестьянина есть прихоть помещика, а мера онаго его корыстолюбие и безкорыстность»². Наиболее определённой государственной податью крепостного крестьянина была подушная подать. Все остальные сборы зависели только от помещика и шли в его пользу.

Важнейшие «сельские земские подати», денежные и натуральные, на которых подробно останавливается Радищев, — это подушный и рекрутский сборы, сбор с печатных паспортов, содержание дорог, постоя солдат, почтовый сбор. Из городских же налогов важнейшими были: сбор с купеческих капиталов, подушный с посадских людей и цеховых ремесленников, содержание мостовых, сбор с клеймения хомутов, почтовый, с недвижимых имений и пр.

Из косвенных налогов подробно разбираются питейный и соляной таможенные сборы. К общей сумме казённых доходов от городских налогов Радищев прибавляет стоимость работы крепостных приписных *мастеровых*, работающих на казённых заводах, в домах и садах, в адмиралтействе, «...положа за каждую душу средняго возраста заработных денег 60 руб. в год». Таким образом, Радищев здесь делает попытку определить в денежном выражении величину дохода казны, который создаётся от присвоения труда крепостных «записных мастеровых» в различных отраслях.

¹ А. Н. Радищев, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 97.

² Там же, стр. 118.

В вопросах налоговой политики, как и в других вопросах экономической теории и экономической политики, Радищев строго выдерживает раз навсегда определённую линию уничтожающей критики крепостнических форм и защиты интересов народа. Объективным результатом осуществления его программы было бы буржуазно-демократическое развитие страны.

Принцип равенства всех граждан, как равного права приобретать и распоряжаться собственностью, установленный Радищевым в «Путешествии» и в «Проекте Гражданского уложения», нашёл своё яркое подтверждение и в его рассуждениях о налоговой политике.

Радищев резко отрицательно относился ко всем формам личных налогов и повинностей и настойчиво искал путей превращения личных податей в подоходно-поимущественное обложение, которое он считал справедливым, обеспечивающим равенство граждан.

Все личные подати кажутся на первый взгляд уравнительными, пишет Радищев; на самом же деле «всякая подать, по числу душ расположенная, по существу своему есть неуравнительна...»¹. Неуравнительность всех подушных сборов состоит в том, что они налагаются на человека, «не исключая от платежа ни младенца, ни престарелого, поставляя наравне богатого и скудного, не сообразуясь с мочью каждого...»².

Подушная подать налагается в одинаковой сумме на каждого плательщика, а между тем возможности платежа, доходы плательщиков весьма различны. Подушная подать, таким образом, была одним из факторов образования экономического неравенства.

Интересны рассуждения Радищева о неодинаковых доходах и различных возможностях крестьян выплачивать подати: «Ибо, если кто сравнить только захочет двух земледельцов, из которых один живет близ большого города, а другой за сто от онаго верст, тот скоро познает, сколь способы их для доставления денег не ровны.

Если же и нива их неровной дает плод; если один сеет на черноземе, а другой на глине, то жатва их будет весьма неровная. Но неравенство их может состоять и в другом: один продаст четверть ржи по 5 руб., другой 2 руб., но у одного родилось 20, а у другого 4»³.

Радищев здесь показывает, что в зависимости от плодородия различных участков земли, от положения их в отношении рын-

¹ А. Н. Радищев, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 108.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 121.

ков сбыта и от дифференциации цен на местных замкнутых рынках и на более широких рынках в крупных городах доходы земледельцев бывают весьма различны. Вследствие этого у одних земледельцев подушная подать забирает, по подсчётам Радищева, одну пятнадцатую часть их дохода, у других — одну десятую, а у некоторых и половину.

Какой же вывод делает Радищев? Он указывает на несправедливость равных податей и требует дифференциации податей на основе подоходного и поимущественного принципа. В этом он усматривал реализацию принципа материального равенства плательщиков.

Напомним, что идея равенства была важнейшей идеей во всех построениях Радищева: люди равны по природе своей в силу естественного права; все члены общества должны быть равны перед законом; закон должен быть «для всех един»; важнейшее право гражданина — приобретать собственность — должно быть одинаковым, равным для всех людей без каких-либо сословных ограничений. При этом приобретение собственности должно основываться на личном труде непосредственных производителей — крестьян и ремесленников.

Так понимает Радищев равенство. Это есть буржуазно-демократическое понимание равенства. Требование его осуществления было не только прогрессивным, но и революционным в борьбе угнетённых масс трудящихся, в первую очередь крестьянства, против феодально-крепостнического строя. Радищев отстаивал не реакционную «уравнительность» в имуществе, т. е. не уравнение доходов, а равенство, которое, как писал В. И. Ленин, имеет «...исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством». «...Эти теории выражают передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм... служат знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России. Идея равенства — самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности»¹. Именно крестьянские интересы и выражает понимание равенства Радищевым.

Радищев, конечно, не понимал, что его равенство не только не исключает, а неизбежно порождает эксплуатацию человека человеком и экономическое неравенство, так как отстаиваемое им мелкотоварное производство после ликвидации феодализма постоянно и в массовом масштабе рождает капитализм. Но в условиях России конца XVIII в. защита мелкособствен-

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, стр. 214.

нического крестьянского и ремесленного производства как широкой базы перехода от крепостничества к капиталистическому производству имела глубоко прогрессивный характер.

Исходя из своего понимания равенства, Радищев решает и конкретный вопрос о построении налоговой политики не на основе феодальных личных повинностей, а на основе подоходно-поимущественного обложения. Показывая экономическую неуравнительность подушных сборов, Радищев ставит задачу: «*№. О превращении подушного сбора во сбор вещественной и поземельной... Также постой, мостовые, дороги*»¹. Такое превращение феодально-крепостнических подушных налогов в буржуазные подоходно-поимущественные налоги, по мнению Радищева, будет действительным материальным «уравнием» плательщиков. «Уравнение в сем случае сделать, думаю, не столь трудно, как многие думают»², — писал он.

Некоторые зачатки подобного «уравниения» на практике он видит в фактически производимом самими крестьянами распределении «между собою подати по своему произволению», в развёрстке на мирских сходах общей суммы налога, причитающегося с селения, не по душам, а по тяглам или «по венцам», с учётом количества «владеемой земли», доходов и мощности хозяйства. Если подать берётся с количества земли, то Радищев считал, что «в сем виде подать сия довольно уравнительна»³.

В связи с этим крестьяне, по мнению Радищева, и переделают землю, «дабы всем иметь равной участок в доброй земле». Фактическое отступление от личного обложения к поземельному обложению по «произволению» крестьян Радищев рассматривал только как первый шаг к изменению налоговой системы. Нужно идти дальше и пересмотреть, перестроить всё законодательство о налоговой политике: «Если еще на один шаг подадимся вперед и то, что сделано в малом, распространим на общее»⁴.

Примером правильного, по мнению Радищева, распределения налога служит почтовый сбор в Петербургской губернии. Близлежащие к столице уезды платили больше, дальние — меньше, потому что жители дальних уездов меньше пользова-

¹ *А. Н. Радищев*, [Записка о податях Петербургской губернии], Варианты, Соч., т. 3, стр. 549.

² *А. Н. Радищев*, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 121.

³ Фактическое отступление от установленного законом подушного обложения при распределении податей рекомендовалось и в «Инструкциях» управителям имений Волынского, Чулково и др., так как самый сбор податей при этом ставился на более прочную основу.

⁴ *А. Н. Радищев*, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 122.

лись почтовыми дорогами, их экономика меньше была связана с столичным городом. Этот сбор распределялся не по душам, а по величине промыслов.

Показывая целесообразность и экономическую необходимость перехода к подоходно-поимущественной системе обложения, Радищев в то же время требует облегчения тяжести обложения земледельцев и большего обложения промышленников и торговцев. Это требование вполне гармонирует с общей позицией Радищева, направленной на всестороннюю защиту интересов крестьянства.

Показав сущность и невыносимую тяжесть для крестьянства феодальных личных податей, Радищев весьма существенно поправил взгляды Адама Смита по этому вопросу. Последний рассматривал подушную подать в Российской империи 70-х годов XVIII в. как налог такого же рода, какой уплачивали рабовладельцы в Южной Америке, Индии и в древних рабовладельческих государствах. По мнению Смита, этот налог «представляет собою, собственно, налог на прибыль с особого вида капитала, затрачиваемого в сельском хозяйстве»¹.

Как бы возражая А. Смигу, Радищев подчёркивал, что подушную подать уплачивают не помещики, а сами крепостные крестьяне, что подати и повинности забирают у крестьян львиную долю их дохода, а это ведёт к разорению и деградации крестьянского хозяйства. Чрезмерно высокие налоги приведут только к тому, что «страна станет беднее, потому что люди будут меньшим пользоваться. Таково единственно разумное определение бедности»².

Помещики-крепостники не платили ни подушных, ни земельных налогов, не облагались налогами и их доходы от эксплуатации принудительного труда крестьян. Точка зрения А. Смита, считавшего подушную подать в России налогом с капитала, якобы уплачивавшимся помещиками, не верна ни по формальным признакам, ни по существу. Такая точка зрения приводит к оправданию личных налогов в крепостническом государстве. Революционер же Радищев, отражая интересы угнетённого крестьянства, резко осуждает грабительскую налоговую политику крепостнического государства, вскрывает её классовый характер и не находит ей никакого экономического оправдания.

И по вопросу о косвенных налогах позиция Радищева резко отличалась от позиции буржуазных экономистов XVIII в. Например, Адам Смит считал полезным для народа, для

¹ Адам Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, Соцэкгиз, М. 1935, стр. 369.

² Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Рукопись Радищева «Торговля», собрание Воронцова, № 398, л. 141 об.

простых рабочих воздерживаться от потребления таких обложенных налогом продуктов, как чай, сахар, табак, мясо. Оправдывая высокие налоги на эти и им подобные товары, А. Смит исключал их из числа предметов необходимости для «низших слоёв населения»¹.

Совершенно по-иному относился Радищев к тому, что трудящиеся массы крепостнической России не могли потреблять мяса, сахара, чая. С негодованием писал он о том, что только в результате жесточайшей феодально-крепостнической эксплуатации крестьяне вынуждены были смотреть на сахар, как на «боярское кушание», а мясо потребляли лишь «в розговины». Не воздержание от потребления подобных продуктов, а возмущение против эксплуататоров-крепостников и самодержавия, осуществлявшего экономическую политику в интересах помещиков, проповедовал первый идеолог народной революции — Радищев.

Вся налоговая политика государства должна «основаться не на обещаниях каких-либо, но на народном капитале»², — писал Радищев. Для того чтобы иметь правильное представление о «народном капитале» в стране и в соответствии с этим «...постановить некоторое в законе правило о налогах, дабы народ ведал, что оно непременно и его никто не преступит...», Радищев рекомендует произвести статистико-экономическое обследование России по определённой программе.

Предложенный самим Радищевым проект программы обследования показывает, как широко и всесторонне Радищев охватывал народное хозяйство и как он глубоко понимал взаимозависимость экономических явлений.

Радищев говорил, что только на основании тщательного по отдельным районам страны изучения состояния производства и обращения можно установить твёрдое и ясное положение о налогах, которые не отягощали бы народ, а способствовали дальнейшему хозяйственному развитию страны. Вместе с тем надо добиваться того, чтобы народ хорошо знал, сколько кто «платить должен», чтобы иметь возможность лучше защищать свои интересы и противостоять незаконным поборам и притеснениям.

Такова стройная концепция Радищева в области налоговой политики, строго выдержанная в духе борьбы против феодально-крепостнической системы.

Каждый вид налога на сельских или городских жителей Радищев рассматривает под углом зрения «отяготительности» этого налога и влияния его на хозяйственную деятельность, «сколько каждая отрасль доходов государственных стесняет

¹ См. *Адам Смит*, Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, стр. 382—383, 386.

² *А. Н. Радищев*, О законоположении, Соч., т. 3, стр. 159.

природную свободу действия, и рука, движущая волно-стию, костенеет»¹. «Свобода действия» в понимании Радищева означает не отрицание вообще необходимости государственного вмешательства в экономическую жизнь страны, а отрицание феодально-крепостнических форм и методов этого вмешательства.

Всей своей системой экономических взглядов Радищев доказывает необходимость такого государственного вмешательства, такой экономической политики, которая на основе признания буржуазно-демократического принципа равенства граждан способствовала бы прогрессивному развитию промышленности, сельского хозяйства и торговли, оздоровлению финансов и денежного обращения в России.

Место А. Н. Радищева в истории экономической мысли

В лице А. Н. Радищева русский народ имеет крупнейшего учёного, первого идеолога революционной России, революционера из дворян, положившего начало разработке теории народной революции, самого смелого, решительного и непримиримого борца против самодержавия и крепостничества в XVIII в.

А. Н. Радищев первый в русской литературе дал систематическую, глубокую, всестороннюю и уничтожающую критику экономических основ крепостничества. Он показал, что крестьяне и помещики — два противоположных класса-сословия, интересы которых непримиримы. Вскрыв противоречия крепостнического способа производства, Радищев первый обосновал необходимость его насильственного уничтожения, необходимость и неизбежность народной революции в России.

Революционность Радищева, демократизм его взглядов выразились как в *методе* решения главной проблемы — ликвидации крепостничества и самодержавия путём народной революции, так и в предложенных им формах экономического преобразования общества в интересах трудового народа. Борясь по существу за буржуазный способ производства, Радищев исходил не из эксплуататорских интересов буржуазии, а из интересов трудящихся масс, расчищая своими теоретическими положениями путь для революционной ликвидации всех крепостнических форм угнетения народа.

В своих социально-политических требованиях Радищев стоял на голову выше французских просветителей XVIII в. Идеалом государственного устройства для Радищева была народная республика, которая должна возникнуть путём уничтожения

¹ А. Н. Радищев, [Записка о податях Петербургской губернии], Соч., т. 3, стр. 113.

самодержавия и крепостнического строя силами вооружённого народного восстания, путём ликвидации всех феодально-сословных ограничений в праве собственности и деятельности членов общества.

Будучи горячим сторонником народной республики, отстаивая суверенное право народа определять форму государственного устройства, Радищев призывал народ не ждать милостей от «просвещённых монархов», а революционным путём решить свою судьбу.

Во всех своих работах Радищев защищает интересы крестьянских масс, добиваясь полной их свободы и обеспечения крестьянина собственностью на землю. Радищев боролся за ликвидацию земельной собственности помещиков в пользу крестьян, за полную свободу экономической деятельности и уничтожение всех сословных привилегий и ограничений. В этом огромное прогрессивное значение экономических взглядов Радищева.

Он непоколебимо верил в силу, мощь и способности русского народа. Радищев так характеризовал русский народ: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ Российский... предприимчивость и ненарушимость в последовании предпринятого есть и была первою причиною к успехам Россиян: ибо при самой тяготе ига чужестранного [в период татаро-монгольского нашествия. — *Е. II.*], сии качества в них не воздремали. О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!»¹

Радищев вскрыл основу низкой производительности крепостного труда и показал значение личной материальной заинтересованности как основного стимула повышения производительности общественного труда. В решении аграрного вопроса как по содержанию, так и по методам Радищев был предшественником революционных демократов XIX в.

В области промышленной и внешнеторговой политики Радищев защищал необходимость протекционизма для России, а в области налоговой политики он требовал ликвидации всех феодальных налогов и установления налогов буржуазно-демократического характера.

Русские экономические условия, забота в первую очередь об улучшении положения крестьянства наложили свою печать на взгляды Радищева в отношении крупной промышленности. Защищая по сути дела переход к капиталистическому производству, Радищев не сумел понять революционизирующую роль крупной промышленности. Крупному эксплуататорскому про-

¹ А. Н. Радищев, Сокращенное повествование о приобретении Сибири, Соч., т. 2, стр. 146—147.

изводству он предпочитал производство мелких товаропроизводителей, основанное на их личном труде.

Радищев не ограничился критикой крепостнической системы и экономической политики. В своих работах он поставил и оригинально для своего времени осветил ряд крупных теоретических проблем политической экономии: о феодальной собственности на землю; о насилии как внеэкономической форме принуждения к труду; о производительности общественного труда и стимулах её повышения; об эксплуататорском происхождении богатства помещиков, владельцев мануфактур и торговцев; о цене товара и прибыли; о металлических и бумажных деньгах; о кредите и проценте и др.

Радищев является одним из первых русских экономистов, обратившихся к анализу производства. Он исходил из представления о труде как источнике общественного богатства и постоянно связывал проблему производительности труда с его общественной формой.

Радищев был крупным и оригинальным русским мыслителем и передовым экономистом XVIII в.

Революционные требования и нужды крестьянства, выраженные в работах Радищева, не могли быть в тех условиях подкреплены какой-либо организованной формой революционного движения. Радищев мечтал опереться на народ, но практически, как и все революционеры из дворян, он был оторван от народа, хотя и выражал его интересы.

Начиная с конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. помещики-крепостники старались предать забвению не только произведения, но и самое имя писателя-революционера. Дворянско-буржуазные историки, преклоняясь перед всем заграничным, упорно распространяли лживые измышления о том, что Радищев не имел якобы никакой реальной почвы в России, что он только ученик и последователь западных просветителей XVIII в.

К сожалению, влияние дворянско-буржуазной исторической науки имело место и в советской литературе; кое-где встречаются ещё яркие примеры совершенно неверной, в духе космополитизма, оценки Радищева. Вместо того, чтобы показать идеи Радищева как отражение стихийного возмущения крестьян против крепостничества, некоторые исследователи всё сводили к поискам всевозможных влияний с Запада. Так поступил Я. Л. Барсков в статье «А. Н. Радищев. Жизнь и личность»¹.

Неправильная оценка происхождения идей Радищева дана во втором издании учебника «История СССР» под редакцией академика Грекова. По мнению автора главы этого учебника, в которой говорится о Радищеве, он всё заимствовал у

¹ См. А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, т. II. Материалы к изучению «Путешествия», изд. «Academia», 1935, стр. 93.

иностранцев, ничего своего не создал и был как бы чужеродным телом в истории русской общественной мысли, идеи же Радищева не обуславливались экономическими процессами и классовой борьбой в России и не связаны с развитием русской общественной мысли. Подобная оценка Радищева, несомненно, ведёт своё начало от «казанской помещицы», как именovala себя Екатерина II, писавшая, что Радищев дал только якобы «...умствование, взятое однако из разных полумудрецов сего века, как-то Руссо, аббе Рейнала и тому гипохондрику подобные»¹.

Екатерина II старалась создать картину показного «благополучия» в своей империи, скрыть остроту классовых противоречий. Поэтому она всячески стремилась доказать беспочвенность идей Радищева в России, утверждая, что эти идеи заимствованы им с Запада. То, что сказала Екатерина о Радищеве, продолжали и продолжают перепевать все дворянские и буржуазные идеологи вплоть до наших дней².

Радищев боролся за демократическое развитие России, к которому могла бы, по его мнению, привести народная революция. Он являлся первым выразителем идеи народной революции и защитником интересов крестьянства против самодержавно-крепостнического строя.

Поэтому нельзя согласиться с мнением Плеханова, рассматривавшего Радищева как выразителя интересов третьего сословия, т. е. буржуазии, а не крестьянства³.

Глубоко порочной является точка зрения В. В. Святловского, который считал Радищева первым представителем надклассовой интеллигенции⁴. Неверно уже самое понятие «надклассовая интеллигенция», так как интеллигенция всегда выражает интересы какого-либо класса. Неприменимо оно и к Радищеву, ибо он стоял не над классами, нигде и ни в чём не стремился примирять интересы противоположных классов — помещиков и крестьян. В корне неправильную характеристику Радищева как представителя интеллигенции давал М. Н. Покровский. О литературных работах Радищева Покровский говорил: «Это — интеллигент писал для интеллигенции»; «Ради-

¹ См. Д. С. Бабкин, Процесс А. Н. Радищева, АН СССР, М.—Л. 1952, стр. 160.

² Следуя своему лживому утверждению о несамостоятельности развития русской экономической мысли, Нормано в книжке «Дух русской экономики» пишет, что «Путешествие» Радищева навеяно английскими либеральными идеями (Normano, The Spirit of Russian Economics, N-Y. 1945, p. 12). Американский историк Лассерсон объявляет идеи Радищева навеянными американской жизнью (Lasserson, The American Impact on Russia, N-Y. 1951).

³ См. Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XXII, стр. 74.

⁴ См. В. В. Святловский, История экономических идей в России, т. 1, гл. V, 1923, стр. 84—90.

щев и не думал обращаться к народу»¹. Покровский считал Радищева идеологом промышленной буржуазии на том основании, что Радищев был протекционистом. Эта оценка Радищева Покровским соответствовала его антинаучной схеме общественного развития России.

Не менее ложной является характеристика Радищева и оценка его книги «Путешествие из Петербурга в Москву», данная Б. Сыромятниковым в энциклопедическом словаре Граната. Называя Радищева «первым и наиболее типическим представителем кающегося дворянства», Сыромятников относил взгляды Радищева к буржуазно-либеральному направлению. Низводя Радищева в разряд либералов, он утверждал, что «по существу Радищев был далёк от каких-либо революционных тенденций», что Радищев — «враг гражданской войны». Отрицая не только наличие революционности, но даже «каких-либо революционных тенденций» у Радищева, Сыромятников оценивал самое революционное произведение мировой литературы XVIII в. — знаменитую книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» как апелляцию к Екатерине II.

В своей неправильной оценке классовых позиций Радищева В. Святловский, М. Покровский, Б. Сыромятников и другие следовали по сути дела за буржуазным историком В. О. Ключевским, назвавшим Радищева «ультралибералом с заграничным университетским образованием»².

В последние годы советские учёные многое сделали для того, чтобы преодолеть эти неправильные концепции, вскрыть действительное содержание взглядов Радищева и показать, что его взгляды имели глубокие корни в тех процессах русской экономики и классовой борьбы, в том числе и в области идеологии, которые совершались во второй половине XVIII в. Выяснено решающее влияние на Радищева крестьянской войны под руководством Пугачёва.

И сам Радищев отмечал самостоятельный творческий характер своих произведений. В «Житии Федора Васильевича Ушакова», насыщенном автобиографическими моментами, Радищев пишет, что его разум не мог оставаться «так сказать, страдательным, упражняясь только в исследовании мнений чуждых». Он не принадлежал к числу людей, которые, по его выражению, «приемлют все, что до них доходит, и трудятся над чуждым изданием». Радищев принадлежал к числу тех выдающихся русских писателей и учёных, которые, говоря его же словами, «укрепив природныя силы своя учением, устраняются

¹ М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, 4 изд., 1933, стр. 112, 113.

² В. Ключевский, Курс русской истории, ч. V, стр. 361.

от проложенных стезей и вдаются в неизвестныя и непроложенныя»¹.

Испытав влияние французских просветителей, Радищев критически, творчески перерабатывал их идеи. Он не только не преклонялся перед ними, но, уважая их, в то же время самым решительным образом критиковал их ошибочные позиции, их ограниченность в деле защиты интересов трудящихся масс. Это относится и к правому и к левому крылу французского просветительства, и к Вольтеру и к Руссо, так же как к Монтескье и другим тогдашним авторитетам.

Радищев не мог согласиться с Вольтером ни в оценке роли просвещённых монархов, ни тем более в признании Вольтером вечной необходимости кнута и погонщика для простого народа. Критиковал Радищев, как показано выше, «мудрствования» Монтескье и Руссо о государственном устройстве, не соглашался с индивидуалистической философией Руссо, утверждая, наоборот, что «человек есть существо общественное»². Об учении Руссо о «золотом веке» первобытного дикаря он отзывался в такой иронической форме: «Проживая в огромных сибирских лесах, среди диких зверей и племен, часто отличающихся от них лишь членораздельной речью, силу которой они даже не в состоянии оценить, я думаю, что и сам превращусь, в конце концов, в счастливого человека по Руссо и начну ходить на четвереньках»³.

Радищев называл Руссо весьма опасным автором для юношества, «искусным руководителем в науке чувствительности», но эта чувствительность «не стоит подчас и ломаного гроша». Главный недостаток учения Руссо Радищев видел в том, что он в конце концов «совсем не кусался»⁴, т. е. не был революционером, борцом за насильственное свержение феодально-крепостнического строя для завоевания условий прогрессивного развития.

Достоинством Радищева как мыслителя и учёного является глубокое знание всех достижений современной ему мировой общественно-экономической мысли и критическое к ней отношение с точки зрения применимости тех или иных идей для обоснования прогрессивных путей развития России. Радищев был враг всякого низкопоклонства, в том числе и перед всем иностранным. Незаслуженное и ничем не обоснованное принижение его до уровня простого подражателя западноевропейским мыслителям оскорбляет чувство патриотизма и национальной гордости русского народа.

¹ А. Н. Радищев, Житие Федора Васильевича Ушакова, Соч., т. 1, стр. 180—181.

² А. Н. Радищев, Письмо А. Р. Воронцову 3 июня 1795 г., Соч., т. 3, стр. 478.

³ А. Н. Радищев, Письмо А. Р. Воронцову 17 февраля 1792 г., Соч., т. 3, стр. 428.

⁴ Там же, стр. 429.

Незаслуженным является и игнорирование до недавнего времени в нашей литературе экономических взглядов первого русского революционера при изложении общей истории экономических учений. Так, в «Истории политической экономии» Д. И. Розенберга не только не излагалось богатство теоретических взглядов Радищева, но даже имя его упоминалось лишь один раз в разделе «Смитианство в России»¹. Политическая порочность подобного рода забвения истории русской науки блестяще вскрыта А. А. Ждановым в его выступлении на философской дискуссии 1947 г.

В. И. Ленин и И. В. Сталин поставили Радищева первым в ряду тех революционных борцов за свободу, которые являются национальной гордостью великого русского народа.

В условиях крепостничества и дворянской реакции Радищев не имел возможности довести до конца многие начатые им экономические исследования и привести в систему свои теоретические взгляды. Самодержавно-крепостническая Россия преждевременно оборвала жизнь Радищева, но господствовавшие эксплуататорские классы не смогли задушить революционные идеи Радищева, звучавшие призывным колоколом в вековой борьбе русского народа за своё освобождение.

Экономические взгляды Радищева представляют собой крупный вклад в развитие мировой экономической науки. Радищев не принадлежал ни к одной из существовавших в XVIII в. теоретических школ — ни к меркантилистам, ни к физиократам, ни к английской классической школе буржуазной политической экономии.

Радищев подытожил и поднял на принципиально новую ступень борьбу против крепостничества в XVIII в. Будучи непосредственным предшественником декабристов, он вместе с тем положил начало тем революционным идеям в русской экономической мысли, которые впоследствии, на новой, более высокой ступени всесторонне развили революционные демократы в XIX в. во главе с Чернышевским. Этим определяется огромное научное и политическое значение экономических взглядов Радищева, его почётное место и бессмертная заслуга в истории русской и мировой экономической мысли.

¹ См. Д. И. Розенберг, История политической экономии, т. 1, 1940, стр. 142.

БИБЛИОГРАФИЯ

К ВВЕДЕНИЮ

- Маркс К. и Энгельс Ф.*, Немецкая идеология, Партиздат, 1934.
- Маркс К. и Энгельс Ф.*, Манифест Коммунистической партии. Соч., т. V.
- Маркс К.*, Нищета философии. *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. V.
- Маркс К.*, К критике политической экономии, Госполитиздат, М. 1953.
- Маркс К.*, Капитал, т. I, II, III, 1953.
- Маркс К.*, Теории прибавочной стоимости, (IV том «Капитала»), ч. I, Госполитиздат, М. 1954.
- Маркс К.*, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1 и 2 и т. III, Партиздат, 1936.
- Энгельс Ф.*, Анти-Дюринг, Госполитиздат, М. 1953.
- Ленин В. И.*, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1.
- Ленин В. И.*, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Соч., т. 1.
- Ленин В. И.*, К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты). Соч., т. 2.
- Ленин В. И.*, От какого наследства мы отказываемся? Соч., т. 2.
- Ленин В. И.*, Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
- Ленин В. И.*, Рецензия. А. Богданов. Краткий курс экономической науки. Соч., т. 4.
- Ленин В. И.*, Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14.
- Ленин В. И.*, Марксизм и ревизионизм. Соч., т. 15.
- Ленин В. И.*, Лев Толстой, как зеркало русской революции. Соч., т. 15.
- Ленин В. И.*, О «Вехах». Соч., т. 16.
- Ленин В. И.*, Л. Н. Толстой. Соч., т. 16.
- Ленин В. И.*, По поводу юбилея. Соч., т. 17.
- Ленин В. И.*, Памяти Герцена. Соч., т. 18.
- Ленин В. И.*, Исторические судьбы учения Карла Маркса. Соч., т. 18.
- Ленин В. И.*, Три источника и три составных части марксизма. Соч., т. 19.
- Ленин В. И.*, Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20.

- Ленин В. И.*, Еще одно уничтожение социализма. Соч., т. 20.
Ленин В. И., Из прошлого рабочей печати в России. Соч., т. 20.
Ленин В. И., Рецензия на книгу. Н. А. Рубакин. «Среди книг». Соч., т. 20.
Ленин В. И., Карл Маркс. Соч., т. 21.
Ленин В. И., О национальной гордости великороссов. Соч., т. 21.
Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.
Ленин В. И., Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч., т. 25.
Ленин В. И., Государство и революция. Соч., т. 25.
Ленин В. И., Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч., т. 31.
Сталин И. В., Анархизм или социализм? Соч., т. 1.
Сталин И. В., Ленин, как организатор и вождь РКП. Соч., т. 4.
Сталин И. В., О Ленине. Соч., т. 6.
Сталин И. В., Об основах ленинизма. Соч., т. 6.
Сталин И. В., К вопросам ленинизма. Соч., т. 8.
Сталин И. В., Беседа с первой американской рабочей делегацией. Соч., т. 10.
Сталин И. В., Тов. Демьяну Бедному. (Выдержки из письма). Соч., т. 13.
Сталин И. В., О некоторых вопросах истории большевизма. Соч., т. 13.
Сталин И. В., Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М. 1952.
Сталин И. В., Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, М. 1952.
Сталин И. В., Жданов А., Киров С., Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Сборник «К изучению истории», 1938.
«История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс».

* * *

Базилевич К. В., История СССР от древнейших времён до конца XVII века. Курс лекций, Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), М. 1950.

Базилевич К. В., Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории» № 11, 1949 г., стр. 65—90.

Безобразов В. П., О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе. «Русский вестник», январь 1867 г., стр. 113—141.

Бланки А. Д., История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени, перевёл П. А. Бибииков, т. I и II, Спб. 1869.

Блюмин И. Г., Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века, М.—Л. 1940.

Бунге Н. Х., Очерки политико-экономической литературы, Спб. 1895.

Валк С. Н., Советская археография, АН СССР, М.—Л. 1948.

Вернадский И., Очерк истории политической экономии, Спб. 1858.

«Вопросы истории русской экономической мысли» (обсуждение вёрстки 1 тома «Истории русской экономической мысли» в Институте экономики Академии наук СССР). «Вопросы экономики» № 10, 1953 г., стр. 104—114.

Гольцев В. А., Движение русской экономической науки. «Русская жизнь» № 3, 1885 г.

Данилевский В. В., Русская техника, изд. 2, Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1948.

Дружинин Н., О периодизации истории капиталистических отношений в России. «Вопросы истории» № 11, 1949 г., стр. 90—106.

Иванюков И., Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений, изд. 3, М. 1891.

«История СССР», т. 1, изд. 2, под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, М. 1947; т. 2, под ред. М. Нечкиной, М. 1949.

«История русской литературы», АН СССР, М.—Л., т. I, 1941; т. II, ч. 1, 1945; т. II, ч. 2, 1948; т. III, ч. 1, 1941.

Лешков В., Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии. «В воспоминание 12 января 1855 г.». Учёно-литературные статьи профессоров и преподавателей Императорского московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея, М. 1855.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. I, II, изд. 3, Госполитиздат, 1952.

Мануилов А. А., Политическая экономия. Курс лекций, вып. 1, М. 1914.

Никитин С. А., Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов), Соцэкгиз, М. 1940.

«Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв.», ч. I, II, АН СССР, М. 1953.

«Очерки русской журналистики, преимущественно старой». «Современник» № 1, 2, 3, Спб. 1851 г.

Пашков А., К изучению истории русской экономической мысли. «Вопросы экономики» № 7, 1948 г., стр. 75—89.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Собр. соч., т. XXI—XXII или отдельное издание, кн. 1—3, Госиздат, М.—Л. 1925.

Покровский С., Фальсификация истории русской общественной мысли. Рецензия на книгу Нормано «Дух русской экономической науки». «Вопросы истории» № 3, 1948 г., стр. 100—106.

Розенберг Д. И., История политической экономии, т. 1, Соцэкгиз, М. 1940.

Святловский В. В., К истории политической экономии и статистики в России, Спб. 1906.

Святловский В. В., История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923.

Святловский В. В., Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России, ч. 1, Спб. 1913.

Степанов Т., Записки о политической экономии, ч. 1, Спб. 1844; ч. 2, Харьков 1848.

Тихомиров М. Н., Источниковедение истории СССР с древнейших времён до конца XVIII в., Соцэкгиз, М. 1940.

Туган-Барановский М., [Статья об экономической науке]. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 55, 1899, стр. 851—854.

Туган-Барановский М., Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. 1, Спб. 1898; изд. 7, М. 1938.

Филиппов М., Современные русские экономисты. «Научное обозрение» № 7—12, 1899 г.; № 3, 1900 г.

Хромов П., К истории русской экономической мысли. «Большевик» № 6, 1944 г., стр. 36—45.

Хромов П. А., Некоторые вопросы развития русской экономической мысли. «Юбилейная сессия Академии наук СССР», т. 2, М.—Л. 1947, стр. 659—669.

Хромов П. А., Экономическое развитие России в XIX—XX веках, Госполитиздат, 1950.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ

(К главе 1)

ИСТОЧНИКИ

- «Повесть временных лет», ч. I, II, АН СССР, М.—Л. 1950.
 «Полное собрание русских летописей», т. I—XXIV, 1841—1929.
 «Псковские летописи», подготовил к печати А. Насонов, вып. 1, АН СССР, М.—Л. 1941.
 «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», АН СССР, М.—Л. 1950.
Присёлков М. Д., Троицкая летопись. Реконструкция текста, АН СССР, М.—Л. 1950.
 «Правда Русская», т. I. Тексты, под ред. Б. Д. Грекова, АН СССР, М.—Л. 1940.
 «Правда Русская», т. II. Комментарии, под ред. Б. Д. Грекова, АН СССР, М.—Л. 1947.
 «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года», изд. 4, АН СССР, т. I, М.—Л. 1949; т. II, М.—Л. 1950; т. III, 1951.
 «Патерик Киевского Печерского монастыря», Спб. 1911.
 «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. I, Спб. 1894; вып. II, ч. 1, Спб. 1896; вып. III, Спб. 1897.
 «Памятники древнерусского канонического права», ч. 1. Памятники XI—XV вв., Русская историческая библиотека, т. VI, изд. 2, Спб. 1908.
 «Поучение Мономах». Текст, перевод, комментарии. См. *А. С. Орлов*, Владимир Мономах, АН СССР, М.—Л. 1946, стр. 128—151.
 «Житъе и хоженъе Данила Русьскыя земли игумена 1106—1108», Спб. 1896.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К. и Энгельс Ф.*, Немецкая идеология, Партиздат, 1934.
Маркс К., Коммунизм «Рейнского обозревателя». *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. V, стр. 173—174.
Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству, Госполитиздат, 1940.
Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М. 1953.
Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М. 1953, стр. 33—38.
Ленин В. И., Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
Ленин В. И., Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе. Соч., т. 12, стр. 237.
Ленин В. И., О государстве. Соч., т. 29.
Сталин И. В., О диалектическом и историческом материализме. «Вопросы ленинизма», 1952.
Сталин И. В., Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М. 1952.

* * *

- Аничков Е. В.*, Язычество и древняя Русь, Спб. 1914.
Аристов Н., Промышленность древней Руси, Спб. 1866.
Аристов Н. Я., Хрестоматия по русской истории для изучения древнерусской жизни, письменности и литературы от начала письменности до XVI в., Варшава 1870.

Афанасьев А., Поэтические воззрения славян на природу, т. II, М. 1868.

Базилевич К. В., История СССР от древнейших времён до конца XVII века. Курс лекций, Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), М. 1950.

Барац Г. М., Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Восстановление текста, перевод, комментарий и сравнение с другими правовыми памятниками, в частности с «Русскою Правдою», Киев 1910.

Будовиц И. У., «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. «Труды отдела древнерусской литературы» X, АН СССР, М.—Л. 1954, стр. 44—75.

Веселовский А. Н., Южно-русские былины, ч. I—II, III—XI. «Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» № 2, т. 22, Спб. 1881; № 3, т. 36, Спб. 1884.

Горький М., О литературе. Литературно-критические статьи, «Советский писатель», М. 1953.

Греков Б. Д., Киевская Русь, Учпедгиз, М. 1949.

Данилов В. В., К характеристике «Хождения» игумена Даниила. «Труды отдела древнерусской литературы» X, АН СССР, М.—Л. 1954, стр. 92—105.

Данциг Б. М., Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси. «Очерки по истории русского востоковедения», АН СССР, М. 1953.

Загоровский А., Исторический очерк займа по русскому праву до конца XIII столетия, Киев 1875.

«История Украинской ССР», т. 1, АН УССР, Киев 1953.

«История культуры древней Руси», т. 1, АН СССР, М.—Л. 1948.

«История русской литературы», т. I, АН СССР, М.—Л. 1941.

«История СССР», т. 1, изд. 2, под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, М. 1947.

Келтуяла В. А., Курс истории русской литературы, ч. 1. «История древней русской литературы», кн. 1, 2, Спб. 1906—1911.

Ключевский В. О., Курс русской истории, ч. I, Соцэкгиз, 1937.

Колчин Б. А., Чёрная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период). «Материалы и исследования по археологии» № 32, АН СССР, М. 1953.

Лихачёв Д. С., Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв., АН СССР, М.—Л. 1945.

Лихачёв Д. С., Русские летописи и их культурно-историческое значение, АН СССР, М.—Л. 1947.

Лихачёв Д. С., Возникновение русской литературы, АН СССР, М.—Л. 1952.

Лонгинов А. В., Мирные договоры русских с греками, заключённые в X веке. Историко-юридическое исследование, Одесса 1904.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. 1, Госполитиздат, изд. 3, 1952.

Майков Л., О былинах Владимирова цикла, Спб. 1863.

«Материалы по истории земледелия СССР», Сборник 1, АН СССР, М. 1952.

[*Макарий, архиепископ Харьковский*], История русской церкви Макария архиепископа Харьковского, 1816—1882, ч. I, II, Спб. 1868.

Мейчик Д., Русско-византийские договоры. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. LVII, июнь 1915 г., стр. 349—372; ч. LIX, октябрь 1915 г., стр. 292—317; ч. LX, ноябрь 1915 г., стр. 132—163.

Миллер О. С., Опыт исторического обозрения русской словесности хрестоматиею, расположенною по эпохам, ч. 1, изд. 2, Спб. 1865.

- Михалевский Ф. И.*, Очерки истории денег и денежного обращения, т. 1, Госфиниздат, М. 1948.
- Никольский Н. М.*, История русской церкви, изд. 2, «Московский рабочий», М.—Л. 1931.
- Орешников А. В.*, Денежные знаки домонгольской Руси. «Труды Государственного исторического музея», вып. 6, М. 1936.
- Орлов А. С.*, Владимир Мономах, АН СССР, М.—Л. 1946.
- «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, АН СССР, М. 1953.
- Пашков А.*, У истоков русской экономической мысли. «Вопросы экономики» № 1, 1952 г., стр. 46—62.
- Пресняков А.*, Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий, Спб. 1909.
- Пушкарёв Л. Н.*, Труд как основа социальных идеалов в традиционной волшебной сказке, Сборник «Русское народно-поэтическое творчество». «Труды института этнографии имени Миклухо-Маклая», т. XX, АН СССР, М. 1953, стр. 127—150.
- Ржига В.*, Микула Селянинович, 1929.
- Рыбаков Б. А.*, Ремесло древней Руси, АН СССР, М. 1948.
- «Русское народное поэтическое творчество», т. 1, АН СССР, М.—Л. 1953.
- Святловский В. В.*, История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923.
- Соловьёв С.*, История России с древнейших времён, т. 1, М. 1851. [Сперанский М.], Былины, под ред., с вводными статьями и примечаниями М. Сперанского, т. 1, М. 1916.
- Струмилин С. Г.*, Договор займа в древнерусском праве. Опыт историко-юридического исследования, М. 1929.
- Тихомиров М. Н.*, Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов, АН СССР, М.—Л. 1941.
- Тихомиров М. Н.*, Пособие для изучения Русской Правды, изд. Московского университета, 1953.
- Топилин П. К.*, Первые шаги русской экономической мысли. «Труды Саратовского экономического института», т. 1, Саратов 1948.
- Третьяков П. Н.*, Восточнославянские племена, изд. 2, АН СССР, М. 1953.
- Щапов А.*, Голос древней Русской церкви об улучшении быта несвободных людей, Казань 1859.
- Удинцев В.*, История займа, Киев 1908.
- Халанский М.*, К былине про Микулу Селяниновича. «Русский филологический вестник» № 6, 1881 г., стр. 270—273.
- Юшков С. В.*, История государства и права СССР. Учебник для юридических школ, Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, ч. 1, М. 1946.
- Юшков С. В.*, Русская Правда. Происхождение, источники и её значение, Государственное издательство юридической литературы, М. 1950.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
В ЭПОХУ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ
(К главе 2)**

ИСТОЧНИКИ

- «Полное собрание русских летописей», т. I—XXIV, 1841—1929.
- «Псковские летописи», приготовил к печати А. Насонов, вып. 1, АН СССР, М.—Л. 1941.

«Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», АН СССР, М.—Л. 1950.

«Грамоты Великого Новгорода и Пскова», АН СССР, М.—Л. 1949.
Д. М. Мейчик, Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции, М. 1883.

«Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных», под ред. С. В. Бахрушина, М. 1909.

«Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», АН СССР, М.—Л. 1950.

«Книги законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные», издал А. Павлов, Спб. 1885.

«Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I, АН СССР, М. 1951.

«Памятники древнерусского канонического права», ч. 1. Памятники XI—XV вв. Русская историческая библиотека, изд. 2, т. VI, Спб. 1908.

«Памятники старинной русской литературы». Сказания, легенды, повести, сказки и притчи, изд. графа Кошелева-Безбородко, под ред. Н. Костомарова, вып. I—II, 1860.

«Псковская судная грамота», новый перевод и комментарии Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева. «Исторические записки» № 6, М. 1940 г., стр. 235—299.

«Псковская судная грамота». «Учёные записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина», т. LXV, вып. 3, Учпедгиз, М. 1952.

«Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам», подготовил к печати Н. Н. Зарубин. «Памятники древнерусской литературы», вып. III, АН СССР, Л. 1932.

«Слово о полку Игореве», АН СССР, М.—Л. 1950.

«Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел», ч. 1, М. 1813.

«Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472», под ред. академика Б. Д. Грекова и члена-корреспондента Академии наук СССР В. П. Адриановой-Перетц, АН СССР, М.—Л. 1948.

«Христоматия по истории русского права», составил М. Владимирский-Буданов, вып. 1, изд. 4, Спб. — Киев 1889.

ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М. 1953, стр. 28—38.

Маркс К., Письмо Энгельсу 5 марта 1856 г. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XXII, стр. 122.

«Архив Маркса и Энгельса», т. V, 1938.

Маркс К., Хронологические выписки. IV. «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, 1946, стр. 149.

Ленин В. И., Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.

«Приветствие товарища И. В. Сталина Москве в день её 800-летия». «Правда», 7 сентября 1947 г.

* * *

Андреевский И., О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключённом в 1270 году, Спб. 1855.

Базилевич К. В., История СССР от древнейших времён до конца XVII века. Курс лекций, Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), М. 1950.

Баранов Л. С., Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию («Хождение за три моря»), Калинин 1939.

Васильевский В. Г., Законодательство иконоборцев. «Журнал Министерства народного просвещения», октябрь, ноябрь 1878 г.

Васильевский В. Г., Статья по поводу издания А. Павловым «Книг законных». «Журнал Министерства народного просвещения», февраль 1886 г., стр. 317—351.

Веселовский С. Б., К вопросу о происхождении вотчинного режима, М. 1926.

Виташевская М., Путешествие за три моря Афанасия Никитина, Государственное издательство географической литературы, М. 1949.

Владимирский-Буданов М. Ф., Обзор истории русского права, изд. 3, с дополнениями, Киев — Спб. 1900.

Горбунов А. Н., Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII, XIV и XV веках. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым, 1860, кн. 1; 1863, кн. 5; 1869, кн. 6.

Горчаков М., О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святого Синода (988—1738), Спб. 1871.

Греков Б. Д., Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII в., кн. I, изд. 2, М. 1952.

Гусов В. М., Историческая основа Моления Даниила Заточника. «Труды отдела древнерусской литературы» VII, АН СССР, М.—Л. 1949, стр. 410—418.

Дьяконов М., Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 2, Спб. 1908.

Загоскин Н., Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, вып. I, Казань 1875; вып. II, Казань 1876.

Ильин М., Афанасий Никитин. «Люди русской науки», т. 1, М.—Л. 1948, стр. 515—524.

«История русской литературы», т. II, ч. 1, М.—Л. 1945.

«История СССР», т. 1, изд. 2, под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, 1947.

«История Москвы», т. 1, АН СССР, М. 1952.

Ключевский В. О., Курс русской истории, ч. I, Соцэкгиз, М. 1937.

Копанев А. И., О «куплях» Ивана Калиты. «Исторические записки» № 20, АН СССР, 1946, стр. 24—37.

Кулишер И. М., История русского народного хозяйства, т. I, М. 1925.

Кунин К. И., Путешествие Афанасия Никитина, Государственное издательство географической литературы, М. 1947.

Липшиц Е. Э., Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого закона). «Византийский сборник», АН СССР, М.—Л. 1945, стр. 96—143.

Лихачёв Д. С., Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк, АН СССР, М.—Л. 1950.

Лихачёв Д. С., Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков. «Труды отдела древнерусской литературы» X, АН СССР, М.—Л. 1954, стр. 76—91.

Лихачёв Д. С., Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. «Труды отдела древнерусской литературы» X, АН СССР, М.—Л. 1954, стр. 106—119.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. 1, изд. 3, Госполитиздат, 1952.

Мартысевич И. Д., Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование, изд. Московского университета, 1951.

Милютин В., О недвижимых имуществах духовенства в России, М. 1862.

- Миндалёв П.*, Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Опыт историко-литературного исследования, Казань 1914.
- Неволин К. А.*, История российских гражданских законов. Полное собрание сочинений, т. IV, ч. 2, кн. 2, Спб. 1857.
- Никитский А. И.*, История экономического быта Великого Новгорода, М. 1893.
- «Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР». «Вопросы истории» № 3, 1951 г., стр. 53—60.
- Обнорский С. П.*, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, АН СССР, М. 1946.
- Орлов А. С.*, Древняя русская литература XI—XVI вв., АН СССР, М.—Л. 1937.
- «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I, АН СССР, М. 1953.
- Павлов А. С.*, По вопросу о времени, месте и характере первоначального перевода византийского Земледельческого устава на славянский язык. «Журнал Министерства народного просвещения», сентябрь 1886 г., стр. 98—125.
- Павлов-Сильванский Н. П.*, Имунитет в удельной Руси, Спб. 1900.
- Павлов-Сильванский Н. П.*, Феодализм в удельной Руси. Соч., т. 3, Спб. 1910.
- Панченко Б. А.*, Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. «Известия русского археологического института в Константинополе» IX, вып. 1—2, София 1904.
- Петухов Е.*, Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века, Спб. 1888.
- Покровский М. Н.*, Очерк истории русской культуры, ч. 1, изд. 4, М. 1921.
- Покровский М. Н.*, Русская история с древнейших времён, т. 1, Соцэкгиз, М. 1933.
- Рыбаков Б. А.*, Ремесло древней Руси, АН СССР, М. 1948.
- «Русское народное поэтическое творчество», т. 1, АН СССР, М.—Л. 1953.
- Самойлов В.*, «Хожение» Афанасия Никитина в Индию. «Исторический журнал» № 3, 1940 г., стр. 76—86.
- Святловский В.*, История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923.
- Смирнов И. И.*, Судебник 1550 года. «Исторические записки» № 24, АН СССР, 1947 г., стр. 267—352.
- Тихомиров М. Н.*, Древнерусские города. Учёные записки МГУ, вып. 99, М. 1946.
- Тихомиров М. Н.*, «Написание» Даниила Заточника. «Труды отдела древнерусской литературы» X, АН СССР, М.—Л. 1954, стр. 269—279.
- Тихомиров М. Н.*, Источниковедение истории СССР с древнейших времён до конца XVIII в., Соцэкгиз, М. 1940.
- «Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков», составил Н. Гудзий, Учпедгиз, М. 1947.
- Черепнин Л. В.*, Русские феодальные архивы XIV—XV веков, АН СССР, ч. 1, М.—Л. 1948; ч. 2, М. 1951.
- Черепнин Л. В.*, Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). «Вопросы истории» № 4, 1953 г., стр. 38—63.
- Энгельман И.*, О приобретении права собственности на землю по русскому праву, Спб. 1859.
- Энгельман И.*, Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте, Спб. 1855.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ
ЛИКВИДАЦИИ ФЕОДАЛЬНОЙ
РАЗДРОБЛЕННОСТИ**

(К главам 3—7)

ИСТОЧНИКИ

(общие для всей эпохи)

«Полное собрание русских летописей», т. I—XXIV, 1841—1929.

ЛИТЕРАТУРА

(общая для всей эпохи)

Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М. 1953, стр. 24—38.

Энгельс Ф., (О разложении феодализма и развитии буржуазии).
Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XVI, ч. I, стр. 450.

«Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, 1946, стр. 155—166.

Сталин И. В., Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2, стр. 303—304.

Сталин И. В., Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утверждённые ЦК партии. Соч., т. 5.

Сталин И. В., Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде. Соч., т. 5.

Сталин И. В., О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии. Соч., т. 8, стр. 120.

Сталин И. В., Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11.

«Приветствие товарища И. В. Сталина Москве в день её 800-летия». «Правда», 7 сентября 1947 г.

* * *

Адрианова-Перетц В. П., Крестьянская тема в литературе XVI века. «Труды отдела древнерусской литературы» X, АН СССР, М.—Л. 1954, стр. 200—211.

Базилевич К. В., История СССР от древнейших времён до конца XVII века. Курс лекций. Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), М. 1950.

Бахрушин С. В., Научные труды, т. I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI—начала XVII в., АН СССР, М. 1952.

Веселовский С. Б., К вопросу о происхождении вотчинного режима, М. 1926.

Веселовский С. Б., Сошное письмо, т. 1, М. 1915; т. 2, М. 1916.

Герберштейн Сигизмунд, Записки о московитских делах, Спб. 1908.

Голубинский Е., История русской церкви, т. 1, М. 1880—1881.

Данилова Л. В., Пашуто В. Т., Товарное производство на Руси (до XVII в.). «Вопросы истории» № 1, 1954 г., стр. 117—136.

Загоскин Н., Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси, Казань 1875.

«История СССР», т. 1, изд. 2, под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, М. 1947.

Ключевский В. О., Курс русской истории, ч. II, Соцэкгиз, 1937.

Костомаров Н. И., Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. Собр. соч., кн. 8, т. XIX, Спб. 1906.

Костомаров Н. И., Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. Собр. соч., книга 8, т. XX, Спб. 1905.

Кулишер И. М., Очерк истории русской торговли, Пгр. 1923.

- Кулишер И. М.*, История русского народного хозяйства, т. 1, М. 1925.
- Любименко И.*, История торговых сношений России с Англией, (XVI в.), вып. 1, Юрьев 1912.
- Ляцэнко П. И.*, История народного хозяйства СССР, т. 1, изд. 3, Госполитиздат, 1952.
- Осокин Е.*, Внутренние таможенные пошлины России, Казань 1850.
- «Черки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. II, АН СССР, М. 1953.
- Панкратова А. М.*, О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. «Вопросы истории» № 9, 1953 г., стр. 59—77.
- Пашуто В. и Черепнин Л.*, О периодизации истории России эпохи феодализма. «Вопросы истории» № 2, 1951 г., стр. 52—80.
- Плеханов Г. В.*, История русской общественной мысли, кн. 1, Собр. соч., т. XXI, М.—Л. 1925.
- Покровский С. А.*, Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, «Международная книга», М. 1947.
- Пресняков А. Е.*, Московское царство, Пгр. 1918.
- Рождественский С. В.*, Служилое землевладение в Московском государстве XVI в., Спб. 1897.
- Рожков Н. А.*, Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики), т. 1—2, Л.—М. 1928.
- Рожков Н. А.*, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, М. 1899.
- Самоковасов Д. Я.*, История русского права. Лекции, М. 1906.
- Соловьёв С. М.*, История России с древнейших времён, т. V, VI, VII, М. 1851—1858.
- «Торговая книга». Записки отделения русской и славянской археологии императорского Археологического общества, т. 1, Спб. 1851.
- «Христоматия по истории русского права», составил М. Ф. Владимирский-Буданов, изд. 3, вып. 1, Киев 1885; вып. 2, 1887.
- Черепнин Л. В.*, Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, АН СССР, М. 1951.
- Чечулин Н. Д.*, Города Московского государства в XVI веке, Спб. 1889.

**ИДЕЙНАЯ БОРЬБА
ПО ВОПРОСУ О МОНАСТЫРСКОМ
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
СОДЕРЖАНИЕ «ЕРЕСЕЙ» XVI в.**

(К главе 4)

ИСТОЧНИКИ

- «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев». «Летопись занятий Археологической комиссии за 1885—1887 гг.», вып. 10, отд. II, Спб. 1895, стр. 1—XXIV и 1—32.
- [*Вассиан Косой*], Слово ответно противу клеветующих истину евангельскую и о иночском житии и устроении церковном. «Православный собеседник», ч. 3, сентябрь 1863 г., стр. 104—112.
- «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого от правил святых Никанских от многих глав». «Православный собеседник», сентябрь, октябрь 1863 г.
- [*Волоцкий Иосиф*], Трактат Иосифа Волоцкого о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ. Приложение к книге В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания», Киев 1901, стр. 128—144.

Дружинин В., Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века. «Летопись занятий императорской Археографической комиссии за 1908 г.», вып. 21, Спб. 1909, стр. 1—117.

«Московские Соборы на еретиков XVI века, в царствование Ивана Васильевича Грозного». «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», кн. III, отд. II, М. 1847, стр. 1—30.

«Нила Сорского предание и устав». «Памятники древней письменности и искусства», вып. 179, Спб. 1912.

«Послание многословное. Сочинение инока Зиновия». «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», кн. II, М. 1880.

«Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Творение Иосифа Волоцкого», Казань 1855.

«Слово кратко противу тех, иже в вещи священные, подвижние и неподвижние сборные церкви вступаются...». «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», кн. II, отд. II, 1902.

«Сочинение инока Зиновия. Истины показание к вопросившим о новом учении», Казань 1863.

«Сочинения преподобного Максима Грека» в русском переводе, Троице-Сергиевская лавра, ч. 1 и 2, 1910.

ЛИТЕРАТУРА

Будовниц И. У., Русская публицистика XVI в., АН СССР, М. — Л. 1947.
Греков Б. Д., Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века, изд. 2, кн. II, АН СССР, М. 1954.

Зимин А. А., О политической доктрине Иосифа Волоцкого. «Труды отдела древнерусской литературы» IX, АН СССР, М. — Л. 1953, стр. 159—177.

Калугин Ф., Зиновий, инок Отенский и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения, Спб. 1894.

Кириллов, Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России и устав его о жительстве скитском, изд. 2, 1891.

Костомаров Н. И., Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI веке. Матвей Башкин и его соучастники. — Феодосий Косой. Собр. соч., кн. 1, т. 1, Спб. 1903, стр. 236—253.

Лапшина Р. Г., Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. «Труды отдела древнерусской литературы» IX, АН СССР, М.—Л. 1953, стр. 235—250.

Павлов А., Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса 1871.

Покровский С. А., [Рецензия на «Исторические записки» № 15, 16, 17]. «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. III, № 4, 1946 г.

Ржига В. Ф., Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. «Труды отдела древнерусской литературы» I, АН СССР, Л. 1934, стр. 5—120.

И. ПЕРЕСВЕТОВ. ЕРМОЛАЙ-ЕРАЗМ

(К главе 5)

ИСТОЧНИКИ

Сочинения И. С. Пересветова. Приложение к книге В. Ф. Ржиги «И. С. Пересветов — публицист XVI века», М. 1908, стр. 57—84.

Ермолай-Еразм, Благохотящим царем правителница и землемерие. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.», вып. 33, Л. 1926, стр. 193—199.

ЛИТЕРАТУРА

Богословский М. М., Несколько слов об одном проекте реформ XVI в. «Труды Археографической комиссии императорского Московского археологического общества», т. 1, вып. 1, М. 1898.

Греков Б. Д., Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века, изд. 2, кн. II, АН СССР, М. 1954.

Колесникова Т. А., Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма. «Труды отдела древнерусской литературы» IX, АН СССР, М.—Л. 1953, стр. 251—265.

Ржига В. Ф., Пересветов И. С. — публицист XVI века. (С приложением сборника его сочинений), изд. императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, М. 1908.

Ржига В. Ф., Литературная деятельность Ермолая-Еразма. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 годы», вып. 33, АН СССР, Л. 1926, стр. 103—199.

Саккетти А. Л., Политическая программа И. С. Пересветова. «Вестник Московского университета», вып. 1, 1951, стр. 107—117.

Шляпкин И. А., Ермолай Прегрешный. Новый писатель эпохи Грозного и его сочинения, Спб. 1911.

ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИВАНА ГРОЗНОГО

(К главе 6)

ИСТОЧНИКИ

«Послания Ивана Грозного», АН СССР, М.—Л. 1951.

«Приговор царской о кормлениях и о службе». «Полное собрание русских летописей», т. XIII, первая половина, Спб. 1904, стр. 267—269.

«Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею», т. III, Спб. 1876.

«Стоглав», Казань 1862, и др. изд.

«Судебники XV—XVI веков», АН СССР, М.—Л. 1952.

«Таможенная уставная грамота 1571 года». «Собрание государственных грамот и договоров», ч. II, М. 1819, стр. 53—62.

«Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века», АН СССР, М.—Л. 1950.

«Указная книга ведомства казначеев». См. «Хрестоматия по истории русского права», составил М. Ф. Владимирский-Буданов, вып. 3, изд. 3, Спб.—Киев 1889, стр. 1—38.

«Указатель российских законов временных учреждений, суда и расправы», изданный Л. Максимовичем, ч. 1, М. 1803.

ЛИТЕРАТУРА

Бахрушин С., Иван Грозный. «Большевик» № 13, 1943 г., стр. 48—61.

Виппер Р. Ю., Иван Грозный, АН СССР, М.—Л. 1944.

Греков Б. Д., Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века, изд. 2, кн. II, АН СССР, М. 1954.

Жданов И. Н., Материалы для истории Стоглавого собора. Соч., т. 1, Спб. 1904.

- [*Курбский А.*], Сочинения князя Курбского, т. 1, Спб. 1914.
- Милюков П.*, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, Спб. 1892.
- Платонов С. Ф.*, Иван Грозный (1530—1584), Пгр. 1923.
- Романов Б. А.*, К вопросу о земельной политике Избранной Рады. Ст. 85 Судебника 1550 г. «Исторические записки» № 38, 1951 г., стр. 252—269.
- Романов Б. А.*, Судебник Ивана Грозного. «Исторические записки» № 29, 1949 г., стр. 200—235.
- Садиков П. А.*, Очерки по истории опричнины, АН СССР, М.—Л. 1950.
- Смирнов И. И.*, Восстание Болотникова 1606—1607, Госполитиздат, 1951.
- Смирнов И. И.*, Судебник 1550 года. «Исторические записки» № 24, 1947 г.
- Смирнов П.*, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I, М.—Л. 1947.
- Устрялов Н.*, Сказания князя Курбского, изд. 3, Спб. 1868.
- Фёдоров Г. Б.*, Унификация русской монетной системы и указ 1535 г. «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии № 6, т. VII, 1950 г., стр. 547—558.

«ДОМОСТРОЙ»

(К главе 7)

ИСТОЧНИКИ

- «Домострой» по списку императорского общества истории и древностей российских», с предисловием И. С. Забелина. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. II, М. 1881, стр. 1—202.
- «Домострой» Сильвестровского извода. «Русская классная библиотека», под ред. А. Н. Чудинова, Спб. 1902.

ЛИТЕРАТУРА

- Кизеветтер А. А.*, Основная тенденция древнерусского Домостроя. «Русское богатство», Спб., январь 1896 г., стр. 39—59.
- Михайлов А. В.*, К вопросу о редакциях «Домостроя», его составе и происхождении. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. ССLXI, февраль 1889 г., стр. 294—324; ч. ССLXII, март 1889 г., стр. 125—176.
- Михайлов А.*, Ещё к вопросу о «Домострое». «Журнал Министерства народного просвещения» № 7—8, ч. ССLXX, 1890 г., стр. 332—369.
- Некрасов И. С.*, Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского «Домостроя», М. 1873.
- Некрасов И. С.*, К вопросу о «Домострое». «Журнал Министерства народного просвещения», ч. ССLXIII, июнь 1889 г., стр. 372—390.
- Святловский В. В.*, История экономических идей в России, т. I, Пгр. 1923.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XVII ВЕКЕ.
ТРЕБОВАНИЯ МАСС В ПЕРИОД ПЕРВЫХ
КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН**

(К главе 8)

ИСТОЧНИКИ

«Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича» (1649), Спб. 1913.

«Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.». «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. III, отд. 1, М. 1915, стр. 1—73.

«Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613», собрал и редактировал С. Б. Веселовский, М. 1911.

«Акты, относящиеся к истории Земских соборов», М. 1909.

«Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени». «Русская историческая библиотека», т. XIII, Спб. 1909.

«Дело о бунте Степана Разина и его сообщниках». «Акты исторические», т. IV, Спб. 1842, стр. 374—435.

«Исторические материалы о Стеньке Разине». Отрывок из хронографа, сообщённый К. А. Авериним. «Москвитянин» № 7, ч. IV, 1847 г.

«Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сборник документов, т. I, АН СССР, М. 1954.

«Новый летописец». «Полное собрание русских летописей», т. XIV, первая половина, Спб. 1910, стр. 129—154.

«Временник Ивана Тимофеева», АН СССР, М.—Л. 1951.

Базилевич К. В., Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов, Соцэкгиз, М.—Л. 1936.

Чаев Н. С., Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониева-Сийского монастыря в XVII веке (документы). «Исторический архив» I, АН СССР, М.—Л. 1936.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс, Стенька Разин [конспект книги Н. Костомарова «Бунт Стеньки Разина»]. Журнал «Молодая гвардия» № 1, 1926 г.

Ленин В. И., Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1.

Ленин В. И., Лев Толстой, как зеркало русской революции. Соч., т. 15.

Ленин В. И., К деревенской бедноте. Соч., т. 6.

Сталин И. В., Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Соч., т. 13.

Сталин И. В., Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952.

* * *

Базилевич К. В., Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича (XVII в.). «Учёные записки Московского государственного университета», вып. 41, 1940.

Базилевич К. В., Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века, АН СССР, Л. 1933.

Базилевич К. В., Денежная реформа Алексея Михайловича и восстановление в Москве в 1662 г., АН СССР, М.—Л. 1936.

Базилевич К. В., Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века. «Известия Академии наук СССР» № 2, VII серия, Отделение общественных наук, Л. 1932, стр. 91—123.

Базилевич К. В., История СССР от древнейших времён до конца XVII века. Курс лекций. Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), М. 1950.

Бакланова Н. А., Ян де-Грон, прожектор в Московском государстве XVII в. «Учёные записки Института истории РАН ИОН», т. IV, М. 1929, стр. 109—122.

Безсонов П., Русское государство в половине XVII века. Рукопись времён царя Алексея Михайловича, М. 1859—1860.

Веселаго Ф., Очерк русской морской истории, ч. 1, Спб. 1875.

Гневушев А. М., Акты времени правления царя Василия Шуйского, М. 1914.

Готье Ю. В., Очерк истории землевладения в России, Сергиев Посад 1915.

Заозерский А. И., Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича, изд. 2, Соцэкгиз, М. 1937.

«История СССР», т. 1, изд. 2, под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, 1947.

Костомаров Н. И., Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях, Спб. 1862.

Костомаров Н. И., Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей, т. 1—3, Спб. 1913.

[*Кошихин Г. К.*], О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григорья Кошихина, Спб. 1840.

Ключевский В. О., Курс русской истории, ч. III, Соцэкгиз, М. 1937. «Крепостная мануфактура в России». Труды историко-археографического института, ч. 1—3, АН СССР, Л. 1930—1932.

Кулишер И. М., Очерк истории русской промышленности, Пгр. 1922.

Кулишер И. М., Очерк истории русской торговли, Пгр. 1923.

Куриц Б. Г., Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, М. 1915.

Куриц Б. Г., Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев 1915.

Лаппо-Данилевский А. С., Новые переводы и комментарии донесений и записок Родеса и Кильбургера о России. «Русский исторический журнал» № 5, 1918 г., стр. 33—69.

Лаппо-Данилевский А., Организация прямого обложения в Московском государстве со времён смуты до эпохи преобразований, Спб. 1890.

Лебедев Д. М., География в России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний, АН СССР, М.—Л. 1949.

Листоватов А. М., Донские исторические песни, Ростов-на-Дону 1946.

Любомиров П. Г., Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX вв.). Географическое размещение металлопромышленности, Соцэкгиз, Л. 1937.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. 1, изд. 3, Госполитиздат, 1952.

Мулюкин А. С., Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве, Одесса 1912.

Миллер В. Ф., Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. 93, Пгр. 1915.

Олеарий Адам, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина, Спб. 1906.

Сербина К. Н., Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв., АН СССР, М.—Л. 1951.

Смирнов И. И., Восстание Болотникова 1606—1607, Госполитиздат, 1951.

Смирнов П., Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, АН СССР, М.—Л. 1948.

Соколова В. К., Песни и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачёва. Сборник «Русское народно-поэтическое творчество», АН СССР, М. 1953.

Стрейс Я. Я., Три путешествия, Соцэкгиз, М. 1935.

Устюгов Н. В., Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. «Исторические записки» № 34, АН СССР, М. 1950, стр. 166—197.

«Хозяинство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. 1, АН СССР, Л. 1933.

А. Л. ОРДЫН - НАЩОКИН

(К главе 9)

ИСТОЧНИКИ

«Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. 1—5, Спб. 1841—1842; Дополнения, т. 1—12, Спб. 1846—1875.

«Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел», ч. IV, М. 1828.

ЛИТЕРАТУРА

Базилевич К. В., Новоторговый устав 1667 г. К вопросу о его источниках. «Известия Академии наук СССР» № 7, VII серия, Отделение общественных наук, Л. 1932 г., стр. 589—622.

Иконников В. С., Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, один из предшественников петровской реформы. «Русская старина» № 10, Спб. 1883 г., стр. 17—66; № 11, стр. 273—308.

Ключевский В. О., Курс русской истории, ч. III, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 361—380.

Ключевский В. О., А. Л. Ордин-Нащокин, московский государственный человек XVII в. «Научное слово», кн. 3, М. 1904 г., стр. 121—138.

Козловский И. П., Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве, т. I, II, Варшава 1913.

Русский биографический словарь, том «Обезьянинов—Очкин», Спб. 1905.

Смирнов М. А., Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I—II. Учёные записки МГУ, вып. 94, М. 1946.

Соловьёв С. М., История России с древнейших времён, кн. 3, т. XI, XII, изд. «Общественная польза», Спб.

Чистякова Е. В., Социально-экономические взгляды А. Л. Ордин-Нащокина (XVII в.). Воронежский государственный университет. «Труды», т. XX. Сборник работ по истории, Воронеж 1950.

**ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.
ТРЕБОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС
В ВОССТАНИИ 1707—1708 гг.**

(К главе 10)

«Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи. Булавинское восстание (1707—1708 гг.)», Изд. всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1935.

Чаев Н. С., Булавинское восстание (1707—1708 гг.), Изд. всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1934.

Лебедев В., Булавинское восстание (1707—1708 гг.), «Историк-марксист» № 3 (31), 1933 г., стр. 45—64.

Павлов-Сильванский Н., Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты, Спб. 1897.

«Полное собрание законов Российской империи», собрание первое, с 1649 г. по 12 декабря 1825 г., т. III—VII, Спб. 1830.

«Тетради» старца Авраамия, «Исторический архив» VI, АН СССР, М.—Л. 1951, стр. 143—155.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I**

(К главе 11)

ИСТОЧНИКИ

«Полное собрание законов Российской империи», собрание первое, с 1649 г. по 12 декабря 1825 г., т. III—VII, Спб. 1830.

«Сборник Русского исторического общества», т. XI, Спб. 1873 (том содержит указы, письма, бумаги, заметки, записки Петра I за 1704—1725 гг.).

Пётр I, император. Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I—VII, Спб. 1887—1918; т. VIII, 1948; т. IX, вып. 1, 1950, вып. 2, 1952.

Воскресенский Н. А., Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Под ред. и с предисловием Б. И. Смиротникова, т. 1. «Акты о высших государственных установлениях», АН СССР, М.—Л. 1945.

«Реформы Петра I». Сборник документов, составил Лебедев В. И., Соцэргиз, М. 1937.

**ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПЕТРЕ I
И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

Маркс К. и Энгельс Ф., Дезорганизация военного управления в Англии. Соч., т. X, стр. 227.

Энгельс Ф., Россия в Средней Азии. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XI, ч. I, стр. 363.

Маркс К., Об освобождении крестьян в России. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XI, ч. I, стр. 536—537.

Маркс К., О Прудоне (письмо Швейцеры). Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XIII, ч. I, стр. 29.

Marx K., Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London 1899.

Энгельс Ф., Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XIV, стр. 370—371.

Энгельс Ф., Внешняя политика русского царизма. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XVI, ч. II, стр. 12.

Ленин В. И., О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Соч., т. 27, стр. 307.

Сталин И. В., Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом. Соч., т. 13, стр. 104—105.

Сталин И. В., О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии. Соч., т. 8, стр. 120.

Сталин И. В., Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б). Соч., т. 11, стр. 248—249.

* * *

Афанасьев А., Государственное хозяйство при Петре Великом. «Современник» № 6, отд. II, Спб. 1847 г., стр. 75—134; № 7, отд. II, Спб. 1847 г., стр. 1—79.

Базилевич К., Пётр Великий. «Большевик» № 17, 1943 г., стр. 49—64. [Бассевич], Записки о России при Петре Великом, извлечённые из бумаг графа Бассевича..., перевод с французского И. Аммона, М. 1866.

Богословский М., Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—27 гг., М. 1902.

[Герье В.], Лейбниц и его век, т. 2. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке, Спб. 1871.

Голиков И. И., Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Соч., т. 1—15, изд. 2, М. 1837—1843.

«История СССР», т. I. С древнейших времён до конца XVIII в., под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, изд. 2, М. 1947.

«История СССР», т. 1, под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова, М. 1941.

«История Москвы», т. II. «Период феодализма. XVIII в.», АН СССР, М. 1953.

Кафенгауз Б. В., Реформы Петра I в оценке М. Н. Покровского. Сборник статей «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II, АН СССР, М.—Л. 1940, стр. 140—176.

Кафенгауз Б., Вопросы историографии эпохи Петра Великого. «Исторический журнал» № 9, 1944 г., стр. 24—42.

Кирилов И., Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий..., кн. I—II, М. 1831.

Ключевский В. О., Курс русской истории, ч. IV, Соцэпгиз, М. 1937.

Лебедев Д. М., География в России петровского времени, АН СССР, М.—Л. 1950.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. 1, изд. 3, Госполитиздат, М. 1952.

Пекарский П., Наука и литература в России при Петре Великом, т. I—II, Спб. 1862.

[Перри Джон], Состояние России при нынешнем царе. Сочинение капитана Джона Перри, перевод с английского О. М. Дондуковой-Корсаковой, М. 1871.

«Пётр Великий». Сборник статей, АН СССР, Институт истории, М.—Л. 1947.

Платонов С. Ф., Лекции по русской истории, изд. 10. Пгр. 1917, стр. 439—542.

Покровский М. Н., Русская история с древнейших времён, т. II, Соцэкгиз, М. 1933.

Пчелин Н., Сила и право в деятельности Петра Великого, Ярославль 1919.

Соловьёв С., История России с древнейших времён, т. XIV, М. 1864; т. XVIII, М. 1868.

Соловьёв С. М., Публичные чтения о Петре Великом, М. 1872.

Спиридонова Е. В., Экономическая политика и экономические взгляды Петра I, Госполитиздат, 1952.

Судейкин В. Т., Экономическая политика Петра Великого. «Русский вестник», т. 285, Спб. 1903 г., стр. 56—84.

Сыромятников Б. И., «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология, ч. 1, АН СССР, М.—Л. 1943. Рецензии: Бахрушин С., «Большевик» № 22, 1944 г., стр. 54—59; Лебедев В. и Юшков С., «Исторический журнал» № 10—11, М. 1944 г., стр. 124—131.

Stieda W., Peter der Grosse als Merkantilist. Russische Revue, St. Petersburg 1874, Bd. IV, N. 3.

Сторожев В. Н., Петровская эпоха и литература проектов. «Три века», т. 3, М. 1912, стр. 111—131.

Устрялов Н., История царствования Петра Великого, т. I—IV, VI, Спб. 1858—1863.

Фирсов Н. Н., Правительство московской России и Пётр Великий в их отношениях к торгово-промышленному классу (Первая пробная лекция, читанная 12 сентября 1891 г. для получения звания приват-доцента), Казань 1891.

Фирсов Н. Н., Пётр Великий, как хозяин. «Исторические характеристики и эскизы», т. 1, Казань 1921, стр. 94—105.

Шмурло Е., Пётр Великий в оценке современников и потомства (XVIII век), вып. 1, Спб. 1912.

[Фоккеродт И. Г. и Плейер О.], Россия при Петре Великом, по рукописному известию И. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера, перевод с немецкого А. Н. Шемякина, М. 1874.

Шульце-Геверниц Г., Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, перевод с немецкого под ред. Б. Авилова и П. Румянцева, с предисловием Петра Струве, Спб. 1901.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

Бабурин Д., Очерки по истории Мануфактур-коллегии. «Труды историко-архивного института», т. I, М. 1939.

Белов В. Д., Пётр Великий как основатель русской промышленности. Доклад, читанный в собрании Общества для содействия русской промышленности и торговли, 13 марта 1891 г., Спб. 1891.

Богословский А., Управление промышленностью мануфактурною, горнозаводскою и торговою в России от Петра Великого до настоящего времени, М. 1872.

Гайсинович А. И., Цехи в России в XVIII веке, «Известия Академии наук СССР» № 5, VII серия, Отделение общественных наук, Л. 1931, стр. 523—568.

Геннин Вильгельм, Описание уральских и сибирских заводов, 1735, предисловие академика М. А. Павлова, Госиздат, М. 1937.

Заозерская Е. И., Поиски каменного угля при Петре I. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 2, М.—Л. 1943, стр. 49—56,

Заозерская Е. И., Мануфактура при Петре I, АН СССР, М.—Л. 1947.

Кафенгауз Б. В., История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., Опыт исследования по истории уральской металлургии, т. 1, АН СССР, М.—Л. 1949.

Корсак А., О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и России. Соч., М. 1861.

Кулишер И. М., Очерк истории русской промышленности, Пгр. 1922.

Лаппо-Данилевский А., Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в., Спб. 1899.

Любомиров П. Г., Очерки по истории русской промышленности в XVIII в. и начале XIX в., Л. 1930.

Любомиров П. Г., Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX в.). Географическое размещение металлопромышленности, Соцэкгиз, Л. 1937.

Любомиров П. Г., Роль казённого, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII—XVIII вв. «Исторические записки» № 16, АН СССР, 1945, стр. 65—99.

Нусселонович Л. Н., История заводско-фабричного законодательства Российской империи, ч. I, II, Спб. 1883—1884.

Ordega, Die Gewerbepolitik Russlands von Peter I — Katharina II (1682—1762). Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Gewerbewesens — Tübingen 1885.

Пажитнов К. А., Положение рабочего класса в России, т. 1, изд. 2, Л. 1925.

Пажитнов К. А., Ремесленное устройство в Московской Руси и реформа Петра. «Исторические записки» № 8, 1940, стр. 163—173.

Пробст А. Е., Из истории организации в России добычи и переработки нефти. «Известия Академии наук СССР» № 4, Отделение экономики и права, М. 1950, стр. 284—297.

Сидоров С., О заслугах Петра Великого относительно русской промышленности, М. 1852.

Семевский М. И., Очерк управления мануфактурной промышленности от Петра I до Екатерины II. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 103, отд. II, сентябрь 1859 г., стр. 193—232.

Семёнов А., Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. 1, Спб. 1859.

Струмилин С. Г., История чёрной металлургии в СССР, т. 1, АН СССР, М. 1954.

Сущинский Ю. Г., Деятельность Петра Великого в отношении ремесленной и фабричной промышленности и значение этой деятельности для нашего времени. «Народная ремесленная газета» № 17, 18, 1872 г.

Туган-Барановский М., Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. 1, изд. 7, Соцэкгиз, М. 1938.

Фирсов Н. Н., Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII столетия, изд. 2, Казань 1922.

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I

[*Бунге Н.*], Исследование начал торгового законодательства Петра Великого. Статья первая (без подписи). «Отечественные записки», т. 68, отд. II, Спб. 1850, стр. 1—30.

Витчевский В., Торговая, таможенная и промышленная политика России со времён Петра Великого до наших дней, перевод с немецкого А. В. Брауде, под ред. Ю. Д. Филиппова, Спб. 1909.

Кулишер И. М., Очерк истории русской торговли, Пгр. 1923.

Крылова Т. К., К истории торговой политики Петра I в Юго-Западной Европе. «Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена», кафедра истории СССР, т. 19, Л. 1939, стр. 135—144.

Лодыженский К., История русского таможенного тарифа, Спб. 1886.

[*Чулков М. Д.*], Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненные Михайлом Чулковым, т. I—VII, Спб.—М. 1781—1788.

УСТРОЙСТВО КАНАЛОВ

Миловидов А. И., Ивановский канал, начатый Петром Великим для соединения Волги с Доном. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 1, М. 1892, стр. 1—30.

«Описание всех каналов, прокопанных или только проектированных когда-либо в Российской империи в историческом, статистическом и техническом отношениях, составленное по самым полным и достоверным источникам И. Х. Штукенбергом», Спб. 1841. Рецензия. «Отечественные записки», т. 29, отд. V, Спб. 1843, стр. 1—40.

«Проект XVIII в. о соединении Москвы-реки с Волгой», «Красный архив» № 6 (85), М. 1937, стр. 138—147.

Пузыревский Н. П., Водное соединение рек Волги и Дона, вып. XXXV, Спб. 1912.

ПЁТР I И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Богословский М. М., Введение подушной подати и крепостное право. «Великая реформа», т. 1, М. 1911, стр. 52—65.

Васильчиков А., Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. 1, изд. 2, Спб. 1881.

Готье Ю. В., Очерк истории землевладения в России, Сергиев Посад 1915.

Ключевский В. О., Подушная подать и отмена холопства в России. В его книге «Опыты и исследования», сб. 1, Пгр. 1918, стр. 268—357.

Пономарёв Н. В., Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени, Спб. 1888.

Ромазович-Славянский А., Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права, изд. 2, Киев 1912.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, Спб. 1888.

Сивков К. В., К истории землевладения в России в начале XVIII в. «Известия Академии наук СССР» № 3, VII серия, Отделение общественных наук, Л. 1933, стр. 195—224.

Якушкин В., Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в., вып. 1. XVIII век, М. 1890.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

Кауфман И. И., Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. «Записки нумизматического отделения императорского русского археологического общества», т. II, вып. I—II, Спб. 1910, стр. 1—268.

Милюков П. Н., Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, изд. 2, Спб. 1905.

Патлаевский И., Денежный рынок в России от 1700 до 1762 г., Одесса 1868.

Пичета В. И., Финансовая и экономическая политика Петра и государственное хозяйство России конца XVII и начала XVIII века. «Три века», под ред. В. В. Каллаша, т. IV, М. 1913, стр. 43—61.

Толстой Д., История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины Екатерины II, Спб. 1848.

Яснопольский Л. Н., Очерки русского бюджетного права, М. 1912.

И. Т. ПОСОШКОВ

(К главе 12)

СОЧИНЕНИЯ И. Т. ПОСОШКОВА

Посошков И. Т., О ратном поведении. Доношение Головину 1701 г. (Впервые в печати опубликовано было в 1793 г.). «Книга о скудости и богатстве», изд. 1842, 1911, 1937 и 1951.

Посошков И. Т., Доношение о исправлении всех несправ. (По собственному неоконченному черновику И. Т. Посошкова.) См. *Павлов-Сильванский Н. П.*, Новые известия о Посошкове. «Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. IX, кн. 3, Спб. 1904, стр. 124—126; *Павлов-Сильванский Н. П.*, Очерки по русской истории XVII—XIX вв., Спб. 1910, стр. 77—79.

Посошков И. Т., Три «доношения» митрополиту Стефану Яворскому. Первое «доношение» написано в 1704 г., напечатано в 1815, 1842 и в 1911 гг. вместе с «Книгой о скудости и богатстве». Второе и третье «доношения» написаны около 1708—1710 гг., напечатаны в 1899 г. в «Известиях Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», в том же году вышли отдельным изданием.

Посошков И. Т., Зеркало, сиречь изъявление очевидное и известное на семуудрия раскольничьи, изд. А. Царевского, вып. I, 1898; вып. II, 1905.

[*Посошков И. Т.*], Завещание отеческое к сыну. Сочинение Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреем Поповым (с приложением подлинного снимка), М. 1873.

[*Посошков И. Т.*], Завещание отеческое. Сочинение И. Т. Посошкова. Новое издание, дополненное вновь открытою второю половиною «Завещания», изданное Комиссиею для описания архива святейшего правительствующего синода, под ред. члена её Е. М. Прилежаева, Спб. 1893.

Посошков И. Т., Книга о скудости и богатстве. Закончена в 1724 г. Издана впервые М. Погодиным, М. 1842. Издание второе по погодинскому изданию, 1911, серия «Памятники русской истории», под ред. преподавателей русской истории в Московском университете, с предисловием А. Кизеветтера. В 1937 г. вышла в издательстве Соцэкгиз, под ред., со вступительной статьёй и примечаниями Б. Б. Кафенгауза. В 1951 г. вышла в издательстве Академии наук СССР, серия «Литературные памятники», под ред. и с комментариями Б. Б. Кафенгауза.

Посошков И. Т., «Доношение» Петру I о «Книге о скудости и богатстве», 1724. Напечатано в 1861, 1863, 1876, 1904, 1910, 1937 и 1951 гг.

Посошков И. Т., Аще кто восхощет (отрывок). Напечатано в «Книге о скудости и богатстве», 1951.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков Н.*, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6, Спб. 1892, стр. 314—323.
- Безобразов В. П.*, Рецензия на книгу профессора А. Брикнера «Иван Посошков», ч. 1, «Посошков как экономист», Спб. 1876. «Записки императорской Академии Наук», т. 33, Спб. 1879, стр. 755—763.
- Белая И. С.*, Крестьянин-писатель начала XVIII в. И. Т. Посошков. Его жизнь и деятельность. Исторический очерк, М. 1902.
- Берлин П. А.*, Русская буржуазия в старое и новое время, М. 1922.
- Брикнер А.*, Иван Посошков, Соч., ч. 1, «Посошков как экономист», Спб. 1876.
- Brückner A.*, Ivan Possoschkow, Ideen und Zustände in Russland zur Zeit Peters des Grossen, Leipzig 1878.
- Булгаков С. Н.*, История экономических учений. Лекции, читанные автором в Московском коммерческом институте, ч. 2, изд. 7, М. 1918.
- Есипов Г. В.*, Иван Посошков. «Русское слово» VII, Спб. 1861, стр. 1—23.
- Карнович Е.*, Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII в. «Современник» № 10, отд. IV, 1858 г., стр. 33—80.
- Кафенгауз В. Б.*, И. Т. Посошков, его жизнь и социально-экономические воззрения. Вступит. статья к «Книге о скудости и богатстве», Соцэкиз, М. 1937, стр. 5—77.
- Кафенгауз В. Б.*, И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность, изд. 2, АН СССР, М. 1951.
- Клочков М. В.*, Посошков о крестьянах. «Великая реформа», т. 1, М. 1911, стр. 66—79.
- «Крестьянин-государственник Иван Тихонович Посошков». Краткая биография и его государственные мысли. Изд. редакции еженедельника «Дым отечества», Спб. 1914 (без автора).
- Лешков В.*, Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии. «В воспоминание 12 января 1855 г.», М. 1855, стр. 1—34.
- М-в Е.*, Несколько мыслей о Посошкове как экономисте XVIII столетия, «Записки императорского Казанского экономического общества», ч. II, отд. IV, Казань 1859, стр. 31—50.
- Миклашевский А.*, Посошков. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 48, стр. 690—691.
- Орлов П.*, Посошков как экономист XVIII столетия. Газета «Производитель и промышленник» № 69, Спб. 1859 г.
- Павлов-Сильванский Н.*, Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты, Спб. 1897.
- Павлов-Сильванский Н.*, Посошков Иван Тихонович. «Русский биографический словарь», т. 14, Спб. 1905, стр. 604—620.
- Павлов-Сильванский Н. П.*, Иван Тихонович Посошков. «Очерки по русской истории XVIII—XIX вв.», Спб. 1910, стр. 42—72.
- Павлов-Сильванский Н. П.*, Новые известия о Посошкове. «Очерки по русской истории XVIII—XIX вв.», Спб. 1910, стр. 73—99.
- Павлов-Сильванский Н. П.*, Новые известия о Посошкове. Оттиск из «Известий Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. IX, кн. 3, Спб. 1904, стр. 105—148.
- Пашков А.*, Экономические взгляды И. Т. Посошкова, «Известия Академии наук СССР» № 4, Отделение экономики и права, М. 1945.
- Плеханов Г. В.*, История русской общественной мысли. Соч., т. XXI, гл. III, М.—Л. 1925, стр. 103—137.

Погодин М., Биографические сведения о Посошкове. «Сочинения Посошкова И. Т.», М. 1863, стр. XI—XLV.

Погодин М., Крестьянин Иван Посошков — государственный муж времён Петра Великого, «Москвитянин» № 3, ч. II, М. 1842 г., стр. 68—104.

Погодин М., Посошков по вновь открытым документам. «Русский вестник», т. 45, М. 1863 г., стр. 763—790.

Прилежская Е. М., Предисловие к книге И. Посошкова «Завещание отеческое», новое издание, дополненное вновь открытой второй половиной «Завещания», Спб. 1893, стр. I—CIII.

Пылин А. Н., История русской литературы, т. III, изд. 3, Спб. 1907, стр. 211—215.

Ремезов И. С., Московский крестьянин-мыслитель Иван Тихонович Посошков. «Народная школа» № 8, 10, 11, 12, Спб. 1882.

[*Ремезов И. С.*], Самоучки, собрал И. С. Ремезов. Материалы для истории народного просвещения в России, вып. 1, Спб. 1886.

Ремезов И., Московский крестьянин Иван Тихонович Посошков, Соч., Спб. 1883.

Розенберг Д. И., История политической экономии, т. 1, М. 1940, стр. 59—61.

Святловский В. В., История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923.

Святловский В. В., К истории политической экономии и статистики в России. Сборник статей, Спб. 1906.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, Спб. 1888.

Тарасов И., Иван Посошков. «Юридический вестник» № 10, М. 1880 г., стр. 179—209.

Царевский А., Иван Тихонович Посошков в истории русского прогресса. Публичная речь, читанная на магистерском диспуте в Казанской духовной академии... Спб. 1883; см. также «Странник» № 8, Спб. 1883 г., стр. 583—608.

Царевский А., Посошков и его сочинения. Обзор сочинений Посошкова (изданных и неизданных) со стороны их религиозного характера и историко-литературного значения, М. 1883.

Шапов А., Русские самородки. «Век» № 9—10, Спб. 1862 г., стр. 65—69.

ДВОРЯНСКИЕ ИДЕОЛОГИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

(К главе 13)

Ф. С. САЛТЫКОВ, А. П. ВОЛЫНСКИЙ

[*Салтыков Ф.*], Пропозиции Фёдора Салтыкова. Рукопись из собрания П. Н. Тиханова. «Памятники древней письменности», Спб. 1892.

Павлов-Сильванский Н., Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты, Спб. 1897.

Миллюков П., Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого; гл. 8 («Литература проектов»), изд. 2, Спб. 1905, стр. 383—487.

[*Волынский А. П.*], Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень (1724 г.). «Москвитянин» № 1, отд. IV, 1854 г., стр. 11—32; № 2, стр. 33—44; см. также отдельное издание *Волынский А. П.*, Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях... «Памятники древней письменности», Спб. 1881.

«Записка об Артемии Волинском». «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. II, «Смесь», 1858, стр. 135—170.

Готье Ю. В., «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Петровича Волинского. «Дела и дни», кн. III, Пгр. 1922, стр. 1—31.

ДРУГИЕ ИНСТРУКЦИИ УПРАВЛЯЮЩИМ ИМЕНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Память из Приказа Большого двора назначенному приказчиком села Вошажникова (Ростовского уезда) стряпчему Дементью Боранцеву (14 мая 1703 г.). «Исторический архив» VIII, АН СССР, М. 1953 г., стр. 226—229.

Предписание княгини Аграфены Петровны Волконской, рожд. Бестужевой-Рюминой, приказчику Ивану Сидорову в с. Холоповицы (около 1728 г.). «Университетские известия» № 7, Киев 1909, стр. 210—212.

Наказ А. А. Виниуса приказчикам и старостам его подмосковных вотчин (31 марта 1709 г.). «Исторический архив» VIII, АН СССР, М. 1953 г., стр. 270—277.

Наказ графа Б. П. Шереметева надзирателям и старостам села Вошажникова, Ростовского уезда (январь 1712 г.). «Исторический архив» VIII, АН СССР, М. 1953 г., стр. 229—230.

Наказ Д. А. Шенелева приказчику сельца Глинки (Михайловского уезда) Ивану Балашеву (18 мая 1718 г.). «Исторический архив» VIII, АН СССР, М. 1953 г., стр. 231—241.

Наказ князя А. М. Черкасского приказчику села Маркова (Московского уезда) 1 января 1719 г. «Исторический архив» VIII, АН СССР, М. 1953 г., стр. 241—268.

Инструкция барона Николая Григорьевича Строганова вотчинным приказчикам села Рождественского Федору Клинову и Данилу Черникову (11 ноября 1725 г.). «Исторический архив» IV, АН СССР, М.—Л. 1949 г., стр. 157—183.

Инструкция управляющим дворцовых волостей (23 мая 1731 г.). «Исторический архив» VI, АН СССР, М.—Л. 1951 г., стр. 161—196.

Инструкция 1727 г. Григорию Вороблевскому, назначенному приказчиком в Юхотскую волость. См. К. Н. Щенцов, Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). Останкинский дворец-музей, М. 1947, стр. 265—269.

В. Н. ТАТИЩЕВ

СОЧИНЕНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА

Татищев В. Н., Например представление о купечестве и ремеслах. «Исторический архив» VII, АН СССР, М. 1951 г., стр. 410—426.

Татищев В. Н., На память о делах астраханских. «Исторический архив» VII, 1951 г., стр. 403—407.

Татищев В. Н., Предложение о размножении фабрик. «Исторический архив» VII, 1951 г., стр. 407—410.

Татищев В. Н., Заводской устав. «Горный журнал», кн. 1—3, 5—10, 1831.

Татищев В. Н., Наказ шихтмейстеру. «Исторический архив» VI, М.—Л. 1951 г., стр. 199—240.

Татищев В. Н., Краткие экономические до деревни следующие записки. «Временник императорского московского общества истории и древностей российских», кн. XII, отд. «Смесь», М. 1852, стр. 12—32.

Татищев В. Н., Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной. В книге *Попов Н.*, В. Н. Татищев и его время. Приложение XVI, М. 1861.

Татищев В. Н., Рассуждение о беглых мужчинах и женщинах и о пожилых за побег. В книге *Попов Н.*, В. Н. Татищев и его время. Приложение XVII, М. 1861.

Татищев В. Н., Напомнение на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств. В сборнике работ В. Н. Татищева «Избранные труды по географии России», М. 1950, стр. 198—209.

Татищев В. Н., Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, Спб. 1793.

Татищев В. Н., Продолжение Древней Российской ви́флюи́фики. Часть 1. Содержащая Правду русскую и судебник царя и великого князя Ивана Васильевича с примечаниями г. тайного советника Василия Никитича Татищева. Спб. 1786.

Татищев В. Н., О географии вообще и о русской. «Избранные труды по географии России», М. 1950.

ЛИТЕРАТУРА

Александров С. А., Экономические и политические взгляды В. Н. Татищева. «Известия Академии Наук СССР» № 4, Отделение экономики и права, М. 1951, стр. 186—207.

Алефиренко П., Экономические взгляды В. Н. Татищева. «Вопросы истории» № 12, 1948 г., стр. 89—96.

Алефиренко П., Социально-политические воззрения В. Н. Татищева. «Вопросы истории» № 10, 1951 г., стр. 103—114.

Андреев А. И., Труды В. Н. Татищева по географии России. См. *В. Н. Татищев*, Избранные труды по географии России, М. 1950, стр. 3—35.

Андреев А. И., Примечания В. Н. Татищева к «Древним русским законам». «Исторические записки» № 36, М. 1951 г., стр. 252—262.

Иофа Л. Е., Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, М. 1949, стр. 38—92.

Кафенгауз Б. Б., История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии, т. 1, М.—Л. 1949.

Никитин Н. П., Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов XVIII в. «Вопросы географии», Сборник 17, М. 1950, стр. 43—104 (О Татищеве — стр. 49—52).

Павленко Н. И., Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века, М. 1953.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Соч., т. XXI, М. 1925, стр. 56—78.

Попов Н., В. Н. Татищев и его время, М. 1861.

Птуха М., Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, Госполитиздат, М. 1945, стр. 278—280.

Рубинштейн Н. Л., Неизвестная записка В. Н. Татищева «Представление о купечестве и ремеслах в России». Московский государственный университет. Доклады и сообщения Исторического факультета, вып. 8, М. 1948, стр. 39—47.

Тихомиров М., Василий Никитич Татищев. «Историк-марксист» № 6, 1940 г., стр. 43—56.

М. В. ЛОМОНОСОВ

(К главе 14)

СОЧИНЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

Ломоносов М. В., Соч., т. I—VIII, Академия наук, т. I—V, под ред. М. И. Сухомлинова, 1891—1902; т. VI, под ред. Б. Н. Меншуткина и Г. М. Князева, 1934; т. VII, под ред. Б. Н. Меншуткина, 1934; т. VIII, под ред. С. И. Вавилова, 1948.

Ломоносов М. В., Полное собрание сочинений, АН СССР, т. 1, М.—Л. 1950; т. 2, 1951; т. 3, 1952; т. 5, 1954; т. 6, 1952; т. 7, 1952.

Ломоносов М. В., Полное собрание сочинений, т. 6, «Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747—1765 гг.», АН СССР, М.—Л. 1952.

В т. 6 включены труды по общественно-экономическим вопросам 1761—1763 гг.: «[Темы статей]», «[О сохранении и размножении российского народа]», «Примечания [об обязанностях духовенства]», «Мнение о учреждении государственной коллегии земского домостройства» (стр. 377—413). Из вошедших в том трудов по географии 1763—1765 гг. наибольшее значение имеют «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», «Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану», «Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по вопросу компанейщиков...» (стр. 417—514).

Ломоносов М. В., Избранные философские произведения, под общ. ред. и с предисловием Г. С. Васецкого, Госполитиздат, 1950.

«Ломоносов и Петербургская академия наук. Материалы к столетней памяти его 1765—1865 года», сообщил В. И. Ламанский, М. 1865.

«Ломоносов как писатель». Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. Составил Антон Будилевич, Спб. 1871.

Биллярский, Материалы для биографии Ломоносова, Спб. 1865.

«Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР». Научное описание. Составил Л. Б. Модзалевский. Л.—М. 1937.

«Ломоносов. Сборник статей и материалов». Труды Комиссии по истории Академии наук, АН СССР, I, М.—Л. 1940; II, 1946; III, 1951.

ЛИТЕРАТУРА

Бак И., Экономические воззрения М. В. Ломоносова. (К 175-летию со дня смерти.) «Проблемы экономики» № 4, 1940 г., стр. 131—143.

Бак И. С., Экономические воззрения М. В. Ломоносова, Госполитиздат, 1946.

Бак И. С., Ломоносов о сельском хозяйстве. «Советская агрономия» № 1, 1947 г., стр. 68—75.

Берков П. Н., Ломоносов и «Лифляндская экономия». «Ломоносов. Сборник статей и материалов», II, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, АН СССР, М.—Л. 1946, стр. 271—276.

Кафенгауз Б. Б., Незавершенный труд М. В. Ломоносова, «Доклады и сообщения Института истории Академии наук СССР», № 3, 1954.

Морозов А. А., Михаил Васильевич Ломоносов, 1711—1765, Л. 1952.

Никитин Н. П., Зарождение экономической географии в России. «Вопросы географии». Сборник 17, М. 1950 (О Ломоносове — стр. 52—71).

Первалов В. А., Ломоносов и Арктика. Из истории географической науки и географических открытий, изд. Главсевморпути, М.—Л. 1949.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Соч., т. XXI, М.—Л. 1925, стр. 137—160.

Покровский В. С., История русской политической мысли (конспект лекций), вып. 2, Государственное издательство юридической литературы, М. 1952, стр. 23—29.

Пууха М. В., М. В. Ломоносов, как экономист и статистик. «Ломоносов. Сборник статей и материалов», II, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, М.—Л. 1946, стр. 144—215.

Святловский В. В., История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923, стр. 68, 72—77.

Сухоплюев И. К., Взгляды Ломоносова на политику народонаселения. «Ломоносовский сборник», Спб. 1911, стр. 163—234.

Тихомиров И. А., О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии. «Журнал Министерства народного просвещения», февраль 1914 г., стр. 249—264.

ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕЧЕНИЯ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В 60—90 ГОДАХ XVIII в.

(К главе 15)

ЭКОНОМИКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

ИСТОЧНИКИ

«Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг.», Тверь 1873.

«Действия Нижегородской учёной архивной комиссии». Сборник, т. 10, Нижний-Новгород 1912.

Из переписки помещика с крестьянами второй половины XVIII столетия... «Труды Владимирской учёной архивной комиссии», кн. VI, Владимир 1904.

Зуев В., Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году, Спб. 1787.

«Историческое и топографическое описание городов Московской губернии...», М. 1787.

Крашенинников С. П., Описание земли Камчатки, с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов, М.—Л. 1949.

«Крепостная мануфактура в России», т. I—V. «Труды Археологической комиссии Академии наук СССР», АН СССР, Л. 1930—1934.

«Крестьянское движение XVII—XVIII вв.». Сборник документов и материалов с примечаниями, составил В. Викторов, М. 1926.

Лепехин И., Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. I—III, Спб. 1771—1780; ч. IV, 1805.

«Материалы для истории вотчинного управления в России». «Университетские известия», Киев. Прибавление к № 12, 1903 г.; № 6, 7, 1904 г.; № 8, 12, 1905 г.; № 4, 1906 г.; № 7, 1909 г.; № 11, 1910 г.

«Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII—XIX веках». Хронологические обзоры и описания архивных материалов, составила В. Ф. Гнучева, под общ. ред. В. Л. Комарова, АН СССР, М.—Л. 1940.

«Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке», АН СССР, М.—Л. 1937.

«Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.», т. 1, АН СССР, М.—Л. 1935; т. II, 1950.

Озерецковский Н., Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому и вокруг Ильмена, Спб. 1792.

[Паллас П. С.], Петра Симона Палласа... путешествие по разным местам Российского государства, 5 томов, Спб. 1773—1788.

[Рычков Н. П.], Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769—1770 г., Спб. 1770.

«Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. В. И. Покровского, Спб. 1902.

«Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи», т. 1, ч. 1—4, Спб. 1771—1774.

«Топографическое описание Калужского наместничества», Спб. 1786.

«Труды Вольного экономического общества», ч. 1—52, Спб. 1765—1798.

Чулков М., Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной..., т. I—VII, Спб.—М. 1781—1788.

«Экономической магазин или собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов... В пользу российских домостроителей и других любопытных людей образом журнала издаваемой», ч. 1—40, издатель Н. И. Новиков, М. 1780—1789.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Капитал, т. I, гл. XI, XII, стр. 328—376, гл. XXIV, стр. 718—767, Госполитиздат, 1953; т. III, гл. XX, стр. 335—349, Госполитиздат, 1953.

Маркс К., Об освобождении крестьян в России. *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XI, ч. I, стр. 536—537.

Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству, М. 1940.

Маркс К. и Энгельс Ф., Традиционная политика России. Соч., т. IX, стр. 438—439.

Магг К., Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, London 1899.

Энгельс Ф., Внешняя политика русского царизма. *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 5—17.

Энгельс Ф., Социальные отношения в России. *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч., т. XV, стр. 262—263.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1, стр. 137—138.

Ленин В. И., Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Соч., т. 1, стр. 437—438.

Ленин В. И., Кустарная перепись в Пермской губернии. Соч., т. 2, стр. 401—403.

Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся? Соч., т. 2, стр. 473.

Ленин В. И., Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 143—144, 157—159, 335—336, 424.

Ленин В. И., Аграрная программа русской социал-демократии. Соч., т. 6, стр. 96—97.

Ленин В. И., К деревенской бедноте. Соч., т. 6, стр. 384.

Ленин В. И., Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Соч., т. 15, стр. 65—66.

Ленин В. И., Сущность аграрного вопроса в России. Соч., т. 18, стр. 58.

Ленин В. И., О государстве. Соч., т. 29, стр. 433—451.

Сталин И. В., Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 5—11, 35—36.

Сталин И. В., О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик» № 9, 1941 г., стр. 1—5.

Сталин И. В., Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом. Соч., т. 13, стр. 112—113.

Сталин И. В., О диалектическом и историческом материализме. «Вопросы ленинизма», 1952, стр. 555—556.

Сталин И. В., Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 3—15, 41, 48—51, 61—64, 70—74.

Сталин И., Жданов А., Киров С., Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Сборник «К изучению истории», 1938, стр. 22—24.

* * *

Архангельский С., Крестьяне крепостной деревни Московского промышленного района во II половине XVIII века. «Архив истории труда в России», кн. 8, Пгр. 1923, стр. 135—147.

Архангельский С. И., Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв., Горький 1950.

Бак И., К вопросу о генезисе капиталистического уклада в крепостном хозяйстве России. «Вопросы истории» № 4, 1948 г., стр. 68—80.

Бак И., Вопросы истории народного хозяйства СССР в докапиталистический период. «Вопросы истории» № 6, 1948 г., стр. 82—89.

Бак И. С., Торговый капитал и генезис капитализма в России. «Сборник научных работ Высшей торговой школы», М. 1955, стр. 249—264.

Бибиков Г. Н., Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки» № 4, 1938, стр. 76—112.

Боровой С. Я., Кредитная политика царизма в условиях разложения крепостничества. «Вопросы истории» № 2, 1954 г., стр. 129—138.

[Бурнашев В.], Очерк истории мануфактур в России, Спб. 1833.

Виленская Э. С., О характере русской посессионной мануфактуры. «Вопросы истории» № 2, 1954 г., стр. 92—107.

Гарелин Я. П., Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии), ч. 1, «С XVII столетия до 19 февраля 1861 г.», Шуя 1884.

Герман К., Статистические исследования относительно Российской империи, ч. 1, «О народонаселении», Спб. 1819.

Данилевский В. В., Русская техника, изд. 2, Л. 1948.

Греков Б. Д., Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг.», вып. 35, Л. 1929, стр. 39—104.

Дружкохруст Е. И., Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в. «Исторические записки» № 4, 1938, стр. 113—140.

Дружинин Н. М., Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва, т. 1, М.—Л. 1946, стр. 70—78.

Дружинин Н., О периодизации истории капиталистических отношений в России. «Вопросы истории» № 1, 1949 г., стр. 90—106.

Дружинин Н., О периодизации истории капиталистических отношений в России. «Вопросы истории» № 1, 1951 г., стр. 56—85.

Заозерская Е., К вопросу о сущности и основных этапах «нового периода» в истории России. «Вопросы истории» № 12, 1951 г., стр. 88—117.

«История СССР», т. I, «С древнейших времён до конца XVIII в.», под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, гл. XXV—XXVIII, М. 1947.

Карнович Е. П., Замечательные богатства частных лиц в России. Экономическо-историческое исследование, Спб. 1874; изд. 2, 1885.

Кафенгауз Б. В., История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии, т. I, М.—Л. 1949.

Кашинцев Д., История металлургии Урала, т. I, М.—Л. 1939.

Ключевский В. О., Курс русской истории, ч. IV, V, М. 1937.

Корсак А., О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства, М. 1861.

Кулишер И. М., Очерк истории русской промышленности, Пгр. 1922.

Кулишер И. М., Очерк истории русской торговли, Пгр. 1923.

Куломзин А., Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II (1762—1769). «Русский вестник», т. 84, 1869 г., стр. 108—151.

Кушева Е. Н., Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII в. «Известия Академии Наук СССР» № 7, 1929 г., VII серия, Отделение гуманитарных наук.

Ламанский Е. И., Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 г. «Сборник статистических сведений о России», кн. 2, отд. I, Спб. 1854, стр. 61—157.

Лодыженский К., История русского таможенного тарифа, Спб. 1886.

Любомиров П. Г., Крепостная Россия XVII и XVIII вв. «Энциклопедический словарь Гранат», т. 36, ч. III, стр. 471—770.

Любомиров П. Г., Очерки по истории русской промышленности, XVII—XVIII и начало XIX в., М. 1947.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. I, гл. XVIII—XX, М. 1952.

Лященко П. И., Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в. «Исторические записки» № 15, 1945, стр. 97—127.

Лященко П. И., Очерки аграрной эволюции России, т. I, изд. 4, Л. 1925.

Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР. «Вопросы истории» № 3, 1951 г., стр. 53—60.

Мешалин И. В., Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века, М.—Л. 1950.

Пажитнов К. А., К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века. «Вопросы истории» № 3, 1948 г., стр. 60—64.

Пажитнов К. А., Промышленный труд в крепостную эпоху, Л. 1924.

Панкратова А. М., О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. «Вопросы истории» № 9, 1953 г., стр. 59—77.

Патлаевский И., Денежный рынок в России от 1700 до 1762 г., Одесса 1868.

Пашуто В., *Черепнин Л.*, О периодизации истории России эпохи феодализма. «Вопросы истории» № 2, 1951 г., стр. 52—80.

Пичета В. И., История крестьянских волнений в России, Минск 1923.

Покровский М. Н., Очерк истории русской культуры, ч. I, изд. 5, Пгр. 1923.

Покровский М. Н., Русская история с древнейших времён, т. III, М. 1934.

Полянский Ф. Я., Вопросы русской мануфактуры в работах В. И. Ленина. «Вопросы экономики» № 3, 1951 г., стр. 52—67.

Полянский Ф. Я., О товарном производстве в условиях феодализма. «Вопросы истории» № 1, 1953 г., стр. 40—60.

Пономарёв Н. В., Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени, Спб. 1888.

Разгон А. М., Промышленные и торговые слободы и сёла Владимирской губернии во второй половине XVIII в. «Исторические записки» № 32, М. 1950, стр. 133—172.

Рашин А. Г., Формирование промышленного пролетариата в России. Статистико-экономические очерки, Соцэкгиз, М. 1940.

Рожков Н. А., Город и деревня в русской истории. Краткий очерк экономической истории России, изд. 4, Пгр. 1918.

Романович-Славятинский А. В., Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права, изд. 2, Киев 1912.

Рубинштейн Н. Л., Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в. «Вопросы истории» № 2, 1952 г., стр. 74—101.

Рубинштейн Н. Л., О мануфактурном периоде русской промышленности и складывании капиталистического уклада в России XVIII в. «Вопросы истории» № 12, 1947 г., стр. 74—79.

Рубинштейн Н. Л., Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России. «Вопросы географии». Сборник 31, История географических знаний и историческая география СССР, М. 1953.

Сивков К. В., К вопросу об имущественном расслоении крестьянства в XVIII в. «Исторические записки» № 11, М. 1941, стр. 282—285.

Степанов А., Крестьяне-фабриканты Грачёвы. «Записки Историко-бытового отдела Государственного русского музея», Л. 1928, стр. 213—252.

Семевский В. И., Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, II, Спб. 1901—1903.

Семёнов А., Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год, ч. 1—3, Спб. 1859.

Соловьёв С. М., История России с древнейших времён, т. XXI—XXIX, М. 1871—1879.

Струмилин С. Г., Рабочие русской мануфактуры к концу XVIII в. «Вопросы экономики» № 9, 1953 г., стр. 66—77.

Струмилин С. Г., История чёрной металлургии в СССР, АН СССР, М. 1954.

Туган-Барановский М. И., Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. 1, изд. 7, Соцэкгиз, М. 1938.

Чечулин Н. Д., Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, Спб. 1906.

Шапиро А. Л., К истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII в. «Исторические записки» № 31, 1950, стр. 136—153.

Щепетов К. Н., Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885), М. 1947.

Яковцевский В. Н., Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М. 1953.

ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. БОРЬБА НАПРАВЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ИСТОЧНИКИ

«Акты царствования Екатерины II. Учреждения для управления губерний и жалованные грамоты дворянству и городам», М. 1907.

«Архив государственного совета», т. I. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768—1796 гг.), Спб. 1869.

Болтин И., Примечания на историю древняя и нынешняя России г-на Леклерка, т. II, 1788, стр. 173, 174, 176, 177, 235—238, 332—333.

Болотов А., Рассуждение о сравнительной выгодности крепостного и вольнонаемного труда (из неизданного литературного наследия Болотова). «Литературное наследство» № 9—10, М. 1933, стр. 189—190.

Болотов А. Т., Наказ управителю или прикащику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина. «Труды Вольного экономического общества», ч. XVI, Спб. 1770, стр. 69—230.

Волков Д. В., Письмо о русской торговле от 19 декабря 1760 г. «Архив князя Воронцова», кн. 24, М. 1880, стр. 125.

Доклад Козмина Екатерине II. «Русская старина», 1879 г.

Друковцов С. В., Экономической календарь, или наставление городским и деревенским жителям в разных частях экономии..., М. 1780.

Елагин И., Проект о преобразовании дворцовых крестьян 1766. «Журнал землевладельцев» № 21—22, т. VI, 1859 г., стр. 1—33, 135—184.

Исторические сведения о екатерининской Комиссии для сочинения проекта нового Уложения. «Сборник Русского исторического общества», тт. 4, 8, 14, 32, 36, 43, 68, 93, 107, 115, 123, 134, 144, 147. Дневники заседаний и депутатские наказы.

Новиков Н. И., Избранные сочинения, М.—Л. 1951.

«Оснадцатый век». Исторический сборник, кн. 1—4, М. 1868—1869. «Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX столетия», под ред. А. А. Кизеветтера, М. 1909.

«Отголоски XVIII века», вып. I—XI, М. 1896—1905.

«Полное собрание законов Российской империи», [Собрание первое], с 1649 г. по 12 декабря 1825 г., т. XIII—XXVI, Спб. 1830.

«Сатирические журналы Н. И. Новикова», редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова, АН СССР, М.—Л. 1951.

«Сборник материалов к изучению истории русской журналистики», вып. 1 (XVIII в. и первая половина XIX в.), под ред. Б. П. Козьмина, М. 1952.

«Сенатский архив», т. 1, 8—15, Спб. 1888—1913.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ СОЧИНЕНИЙ XVIII в.

Неустроев А. М., Исторические разыскания о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных, Спб. 1875.

Неустроев А. М., Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к историческому разысканию о них, Спб. 1898.

ЛИТЕРАТУРА

Бабурин Д., Очерки по истории Мануфактур-коллегии, М. 1939.

Бак И. С., Возникновение русской сельскохозяйственной экономики. «Социалистическое сельское хозяйство» № 9, 1945 г.

Берков П. Н., История русской журналистики XVIII века, АН СССР, М.—Л. 1952.

Благой Д. Д., История русской литературы XVIII в., изд. 2, Учпедгиз, М. 1951.

- Виленская Э. С.*, Об особенностях формирования русской освободительной мысли в XVIII в. «Вопросы философии» № 2, 1951 г., стр. 114—128.
- Готье Ю. В.*, История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, т. 1, 2, М. 1913, 1941.
- «История Москвы», т. II, «Период феодализма. XVIII в.», М. 1953, ч. 2, гл. III, «Классовая борьба, политическая жизнь и общественная мысль Москвы», стр. 360—427.
- «История Правительствующего сената за двести лет, 1711—1911», Спб. 1911.
- «Итоги XVIII в. в России», М. 1910.
- Макогоненко Г.*, Николай Новиков и русское Просвещение XVIII в., М.—Л. 1951.
- Миллюков П. Н.*, Очерки по истории русской культуры, М. 1901—1903.
- Пажитнов К. А.*, Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма, АН СССР, М. 1952.
- Панкратова А.*, Насущные вопросы советской исторической науки, «Коммунист» № 6, 1953 г., стр. 55—69.
- Плеханов Г. В.*, История русской общественной мысли. Соч., т. XX, XXI, XXII, М.—Л. 1925.
- Покровский В. С.*, История русской политической мысли (конспект лекций), вып. 2, М. 1951.
- Покровский С. А.*, Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М. 1947.
- Птуха М.*, Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, Госполитиздат, М. 1945.
- Святловский В. В.*, История экономических идей в России, т. I, Пгр. 1923, стр. 64—126.
- Святловский В. В.*, К истории политической экономии и статистики в России, Спб. 1906.
- Святловский В. В.*, Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России, ч. I, Спб. 1913, стр. 217—238.
- Семевский В. И.*, Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX века. «Историческое обозрение», т. 9, Спб. 1897, стр. 244—299.
- Семевский В. И.*, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, Спб. 1888.
- Сивков К. В.*, Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века. «Исторические записки» № 19, 1946 г., стр. 63—101.
- Сивков К. В.*, Общественная мысль и общественное движение в России в конце XVIII в. «Вопросы истории» № 5—6, 1946 г., стр. 90—95.
- Ходнев А. И.*, История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г., Спб. 1865.
- Цаголов Н. А.*, У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции в России, «Вопросы истории отечественной науки», АН СССР, М.—Л. 1949, стр. 613—638.
- Чернышев И. В.*, Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет, Пгр. 1918.
- Штранге М. М.*, Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. и разночинные слои русского общества. «Исторические записки» № 39, 1952 г., стр. 98—120.
- Шапанов И. Я.*, Общественно-политические и философские воззрения русских мыслителей второй половины XVIII в. Вступительная статья к двухтомнику «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. 1, Госполитиздат, 1952, стр. 5—84.
- Юшков С. В.*, История государства и права СССР, изд. 3, ч. 1, М. 1950, стр. 178—214.

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЯХ

Бочкарев В. Н., Вопросы политики в русском парламенте XVIII в. Опыт изучения политической идеологии XVIII в. по материалам законодательной комиссии 1767—1768 гг., Тверь 1923.

Бочкарев В. Н., Земельные нужды русской деревни по крестьянским наказам в екатерининскую законодательную комиссию 1767 г. «Сборник статей, посвящённых В. О. Ключевскому», ч. 2, М. 1909, стр. 516—536.

Веретенников В. И., К истории составления дворянских наказов в екатерининскую комиссию 1767 г., «Записки Харьковского университета», кн. 4, 1911, стр. 1—32.

Дятлин И., Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового Уложения», Ростов-на-Дону 1905.

Кизветтер А. А., Происхождение городских депутатских наказов в екатерининскую комиссию 1767 г. См. его «Исторические очерки», М. 1912, стр. 209—241.

Латкин В. Н., Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Историко-юридическое исследование, т. I, Спб. 1887, стр. 185—526.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Соч., т. XXII, М.—Л. 1925, стр. 94—139.

Пресняков А. Е., Дворянский и крестьянский вопрос в наказах. «Великая реформа», т. 1, М. 1911, стр. 191—203.

Пресняков А. Е., Дворянский и крестьянский вопрос в екатерининской комиссии. «Великая реформа», т. 1, М. 1911, стр. 204—217.

Рубинштейн Н. Л., Уложенная комиссия 1754—1766 гг. и её проект нового уложения «О состоянии поданных вообще». «Исторические записки» № 38, 1951 г., стр. 208—251.

Сергеевич В. И., Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии? «Вестник Европы», т. I, Спб. 1878 г., стр. 188—264.

Сивков К. В., Наказ жителей Москвы депутату Комиссии 1767 г. и законодательная деятельность императрицы Екатерины II в 60—80 годах XVIII в. «Учёные записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина», т. 60, М. 1949, стр. 193—222.

Фирсов Н. Н., Вопрос о беглых и разбойниках, поднятый в Комиссии для составления проекта Нового уложения (1767 г.). «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. IX, вып. I, 1891, стр. 1—18.

Флоровский А. В., Из истории екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве, Одесса 1910.

Шатилова Т., «Работные люди» в свете депутатских наказов 1767 г. «Архив истории труда в России», кн. 8, 1923, стр. 121—134.

**РЕАКЦИОННЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ
ИДЕОЛОГИ ДВОРЯНСТВА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XVIII в.**

(К главе 16)

«НАКАЗ» ЕКАТЕРИНЫ II

СОЧИНЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

[Екатерина II], Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II, или разбор книги аббата Шаппа Д'Отероша о России. См. «Оснадцатый век», кн. IV, М. 1869, стр. 225—463.

Екатерина II, Бумаги и переписка. «Сборник Русского исторического общества», т. 7, 10, 13, 17, 20, 23, 27, 42, 48, 51, 57, 87, 97, 135, 145.

[*Екатерина II*], Записки Екатерины II, Спб. 1907.

[*Екатерина II, императрица*], Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, под ред. Н. Д. Чечулина, Спб. 1907.

[*Екатерина II, императрица*], Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в императорской Публичной библиотеке, Спб. 1873.

ЛИТЕРАТУРА

Бильбасов В. А., Исторические монографии, т. IV, Спб. 1901, стр. 3—377.

Брикнер А., История Екатерины II, ч. IV. Внутренняя политика, Спб. 1885.

Ключевский В. О., Императрица Екатерина II. См. его «Очерки и речи». Второй сборник статей, Пгр. 1918, стр. 302—372.

Лаппо-Данилевский А. С., Екатерина II и крестьянский вопрос. «Великая реформа», т. 1, М. 1911, стр. 163—190.

Лаппо-Данилевский А. С., Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II, Спб. 1898.

Турне Морис, Дидро и Екатерина II. Их беседы, напечатанные по собственноручным запискам Дидро, Спб. 1902.

А. П. СУМАРОКОВ

СОЧИНЕНИЯ СУМАРОКОВА ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

Сумароков А. П., Мнение о Наказе, сочиненном Екатериною II... с собственноручными замечаниями государыни. «Сборник Русского исторического общества», т. X, Спб. 1872, стр. 82—87.

Сумароков А. П., О всегдашней равности в продаже товаров. Журнал «И то и сью», февраль 1769 г., шестая неделя.

Сумароков А. П., О домостроительстве. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, ч. X, М. 1787, стр. 158—162.

Сумароков А. П., Письмо Вольному экономическому обществу, 1766. См. *Ходнев А.*, История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г., Спб. 1865, стр. 24—25.

Сумароков А. П., Сон щастливое общество. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, ч. VI, М. 1781, стр. 384—390.

ЛИТЕРАТУРА

Берков П. Н., История русской журналистики XVIII в., АН СССР, М.—Л. 1952.

Берков П. Н., Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750—1765, АН СССР, М.—Л. 1936.

Влагод Д. Д., История русской литературы XVIII в., изд. 2, Учпедгиз, М. 1951.

Булич Н., Сумароков и современная ему критика, Спб. 1854.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли, Соч., т. XXI, М. 1925, стр. 222—244.

М. М. ЩЕРБАТОВ

СОЧИНЕНИЯ М. М. ЩЕРБАТОВА

Щербатов М. М., Неизданные сочинения, Соцэкгиз, М. 1935.

[*Щербатов М. М.*], Сочинения князя М. М. Щербатова под ред. И. П. Хрущева и А. Г. Воронова, т. I—II, Спб. 1896—1898.

[*Щербатов М. М.*], Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. III, 1861 г.

ЛИТЕРАТУРА

Брикнер А. Г., Князь М. М. Щербатов, как член Большой комиссии 1767 г. «Исторический вестник», октябрь 1881 г., стр. 217—249.

Брикнер А., История Екатерины II (1729—1796), Спб. 1885.

Вейдемейер А., Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия, ч. I, II, Спб. 1846.

Герцен А. И., Полное собрание сочинений и писем, т. VII, Пгр. 1919, стр. 263—289; т. IX, Пгр. 1919, стр. 270—275.

Гольцев В., Законодательство и права в России XVIII века, М. 1886.

[*Екатерина II*], Записки императрицы Екатерины II, перевод с подлинника, изд. императорской Академией наук, Спб. 1907.

[*Екатерина II*], Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. Соч. императрицы Екатерины II, т. I, изд. А. Смирдина, Спб. 1849, стр. 1—165.

Коялович М. О., История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, Спб. 1884.

Любомиров П., Князь Щербатов и его сочинения. См. *М. М. Щербатов*, Неизданные сочинения, М. 1935, стр. VI—XXXI.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 422.

Милюков П., Главные течения русской исторической мысли, т. I, М. 1898.

Мякотин В. А., Из истории русского общества, изд. 2, Спб. 1906.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Соч., т. XXII, М.—Л. 1925.

Покровский В. С., Политическая программа реакционного дворянства в произведениях М. М. Щербатова. В книге «История русской политической мысли» (конспект лекций), вып. 2, Государственное издательство юридической литературы, М. 1952, стр. 38—42.

Рубинштейн Н. Л., Русская историография, гл. 7, Госполитиздат, М. 1941, стр. 116—137.

[*Теплов Г. Н.*], Письма Г. Н. Теплова. К неизвестному лицу (М. М. Щербатову). К графу Никите Ивановичу Панину. Сообщено С. М. Соловьёвым. «Русский архив», год седьмой (1869), М. 1870, стр. 216—220.

Фурсенко В., Князь Щербатов Мих. Мих. «Русский биографический словарь», т. 24, Спб. 1912, стр. 104—124.

Щелкин М., Экономические понятия в России в конце XVIII в. «Московские ведомости» № 142, 143, 154, 172, 177, 1859 г.

П. И. РЫЧКОВ

(К главе 17)

СОЧИНЕНИЯ П. И. РЫЧКОВА

[Рычков П. И.], Записки Петра Ивановича Рычкова, сообщено Н. Д. Рычковым. «Русский архив» № 10, т. III, М. 1905, стр. 289—340.

Рычков П. И., Наказ для управителя или прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина. «Труды Вольного экономического общества», ч. XVI, Спб. 1770, стр. 13—68.

Рычков П. И., О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти. «Труды Вольного экономического общества», ч. II, Спб. 1766, стр. 89—101.

Рычков П. И., О сбережении и размножении лесов. «Труды Вольного экономического общества», ч. VI, Спб. 1767, стр. 84—112.

Рычков П. И., О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии. «Труды Вольного экономического общества», ч. VII, Спб. 1767, стр. 1—25.

[Рычков П. И.], Осада Оренбурга (летопись Рычкова). См. Пушкин А. С., История Пугачёвского бунта, ч. 2, Спб. 1834, стр. 72—336, перепечатано в книге: Пушкин, История Пугачёва. Полное собрание сочинений, АН СССР, 1938, т. IX, ч. 1, стр. 206—355.

Рычков П. И., Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций, кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии. «Труды Вольного экономического общества», ч. VII, Спб. 1767, стр. 111—212.

[Рычков П. И.], Переписка между двумя приятелями о коммерции. Подпись: NN. «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих», Спб. 1755, февраль, апрель, декабрь, стр. 105—122, 307—333, 493—515.

Рычков П. И., Письмо о упражнении в деревенском житии. «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих», Спб., ноябрь 1757, стр. 405—430.

[Рычков П. И.], Примечания о прежнем и нынешнем земледелии. Подпись: Р. «Труды Вольного экономического общества», ч. VI, Спб. 1767, стр. 56—68.

Рычков П. И., Топография Оренбургской губернии. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих», Спб., январь — июнь 1762; то же отдельным изданием под несколько изменённым названием: «Топография Оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии...», ч. 1—2, Спб. 1762. Переиздано Оренбургским отделом Географического общества в 1887 г.; в сокращённом виде напечатано в сборнике «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмманна, С. С. Неуструева», М. 1949, стр. 41—204.

ЛИТЕРАТУРА

Бак И. С., Экономические воззрения П. И. Рычкова. «Исторические записки» № 16, 1945, стр. 126—138.

Каратаев Н. К., П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в. «Вестник Академии наук СССР» № 3, 1950 г., стр. 84—93.

Каратаев Н., Экономический раздел первого журнала Академии наук России. «Известия Академии наук СССР» № 3, 1950 г., Отделение экономики и права, стр. 193—201.

[Милютин В. А.], Очерки русской журналистики, преимущественно старой. Статья III (напечатана без подписи автора). «Современник» № 3, отд. II, Спб. 1851 г., стр. 1—48.

Мильков Ф. Н., П. И. Рычков. Жизнь и географические труды, М. 1953.

Новиков Н., Опыт исторического словаря о российских писателях, Спб. 1772, стр. 197.

Пекарский П. П., Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова, Спб. 1867.

Пушкин, История Пугачёва. Замечания о бунте. Другие редакции и варианты. Рукописные редакции предисловия. Полное собрание сочинений, АН СССР, т. IX, ч. 1, 1938, ч. 2, 1940.

«Труды Оренбургской учёной архивной комиссии», вып. XXXIII, 1916. (Содержит наиболее полную библиографию сочинений Рычкова и дореволюционной литературы о нём.), стр. 77—116.

М. Д. ЧУЛКОВ

(К главе 18)

СОЧИНЕНИЯ М. Д. ЧУЛКОВА

[Чулков М.], Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым, т. I—VII, Спб. — М. 1781—1788.

Чулков М. Д., История краткая российской торговли, М. 1788.

[Чулков М. Д.], Наставление, необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей, содержащее правила бухгалтерии, М. 1788.

Чулков М. Д., Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле, М. 1788.

Чулков М. Д., Экономическая записка для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику и рачительному економу, М. 1788; изд. 2, М. 1790.

Чулков М. Д., Наставление сыну моему, отправляющемуся в службу. В его книге «Экономическая записка...», 1788.

Чулков М. Д., Пересмешиник или славенские сказки. «Русская проза XVIII века», Государственное издательство художественной литературы, М.—Л. 1950, т. I, стр. 89—156.

Чулков М. Д., Пригожая повариха... «Русская проза XVIII века», т. I, Государственное издательство художественной литературы, М.—Л. 1950, стр. 157—192.

ЛИТЕРАТУРА

Берков П. Н., История русской журналистики XVIII века, АН СССР, М. 1952, стр. 229—235, 265—268 и др.

[Бурнашев В.], Очерк истории мануфактур в России, Спб. 1833.

«История Москвы», т. II. Период феодализма. XVIII век, АН СССР, М. 1953, стр. 521 и сл.

Западов А. В., М. Д. Чулков. «Русская проза XVIII века», Государственное издательство художественной литературы, т. I, М.—Л. 1950, стр. 79—88.

Лященко П. И., История народного хозяйства СССР, г. 1, Госполитиздат, 1952, стр. 421.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Соч., т. XXII, М.—Л. 1925.

Птуха М., Очерки по истории статистики XVII—XVIII вв., Госполитиздат, 1945, стр. 338—341.

Туған-Барановский М. И., Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. 1, изд. 7, М. 1938.

Шкловский В., Чулков и Левшин, Л. 1933.

Ястребцев Е., Чулков Михаил Дмитриевич. «Русский биографический словарь», т. 22, Спб. 1905, стр. 452—454.

НАЧАЛО КРИТИКИ КРЕПОСТНОГО СТРОЯ

(К главе 19)

Д. А. ГОЛИЦЫН

СОЧИНЕНИЯ Д. А. ГОЛИЦЫНА

Голицын Д. А., Письма вице-канцлеру князю А. М. Голицыну. Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. 2, 1881, стр. 81—98; перепечатано в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. II, Госполитиздат, 1952, стр. 31—45.

[*Голицын Д. А.*], De l'esprit des économistes ou les économistes justifiés d'avoir posé par leurs principes les bases de la Révolution Française. Par le prince D... de G..., 2 vol., Brunswick 1796.

ЛИТЕРАТУРА

Бак И. С., Дмитрий Алексеевич Голицын. (Философские, общественно-политические и экономические воззрения). «Исторические записки» № 26, 1948, стр. 258—272.

Гиггс Г., Физиократы. Французские экономисты XVIII века, перевод с английского, Спб. 1899, стр. 72—73.

Онкен А., История политической экономии до Адама Смита, перевод с немецкого, Спб. 1908, стр. 428.

Святловский В. В., История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923, стр. 94—95.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, Спб. 1888, стр. 23—37, 160—169.

А. Я. ПОЛЕНОВ

СОЧИНЕНИЯ А. Я. ПОЛЕНОВА

Поленов А. Я., О крепостном состоянии крестьян в России. «Русский архив», М. 1865, стр. 287—316; перепечатано в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. II, Госполитиздат, 1952, стр. 5—29.

Поленов А., Предисловие к переводу [сочинения Монтескьё] «Размышления о причинах величества римского народа и его унадка», Спб. 1769.

Поленов А., Предуведомление к переводу [сочинения Фридриха II] «Рассуждение о причинах установления или уничтожения законов», Спб. 1769.

ЛИТЕРАТУРА

Бак И. С., А. Я. Поленов. (Философские, общественно-политические и экономические взгляды), «Исторические записки» № 28, 1949, стр. 182—202.

Борзов Я., Заметка к статье А. Я. Поленова об уничтожении крепостного состояния крестьян в России в 1767 г. «Русский архив», М. 1865, стр. 316—318.

Коркунов Н. М., История философии права, изд. 4, Спб. 1908, стр. 280—281.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Соч., т. XXI, М.—Л. 1925, стр. 262.

Поленов Д. В., А. Я. Поленов — русский законовед XVIII века. «Русский архив», М. 1865, стр. 704—736. (Наиболее полная биография А. Я. Поленова.)

Романович-Славятинский А., Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права, изд. 2, Киев 1912, стр. 384.

Святловский В. В., История экономических идей в России, т. I, Пгр. 1923, стр. 102.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, Спб. 1888, стр. 81—88.

Сухомлинов М. И., История Российской академии, вып. II, Спб. 1875, стр. 169—170.

ФИЛОСОФ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ Я. П. КОЗЕЛЬСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ Я. П. КОЗЕЛЬСКОГО

Козельский Я., Механические предложения..., Предисловие, Спб. 1764.

Козельский Я. П., Философические предложения. Спб. 1768; перепечатано в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 411—551.

Козельский Я., Разсуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании, т. I, Спб. 1788; ряд глав перепечатан в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 552—620.

Козельский Я., Послесловие к переводу книги Отвэя «Возмущение против Венеции», Спб. 1764.

Козельский Я., Предисловие к переводу книги Шофина «История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах», Спб. 1765.

Козельский Я., Предисловие и примечания к переводу книги «История датская, сочиненная господином Голбергом...», ч. I, Спб. 1765; ч. II, 1766; перепечатано частично в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 621—636.

Козельский Я., Предисловие к переводу книги Мозера «Государь и министр», Спб. 1766; перепечатано в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 637—644.

ДЕПУТАТ КОМИССИИ ОБ УЛОЖЕНИИ Я. П. КОЗЕЛЬСКИЙ

ВЫСТУПЛЕНИЯ Я. П. КОЗЕЛЬСКОГО

Козельский Я., На читанные... законы о преимуществах дворянства. Примечание (1767 г.). Сборник Русского исторического общества, т. IV, Спб. 1869, стр. 187—190; перепечатано в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 645—648.

Козельский Я., Примечание [о положении крепостных крестьян] (1768 г.). Сборник Русского исторического общества, т. XXII, Спб. 1881, стр. 494—502; перепечатано в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 649—659.

* * *

ЛИТЕРАТУРА

Бак И. С., Я. П. Козельский. Философские, общественно-политические и экономические воззрения. «Вопросы истории» № 1, 1947 г., стр. 83—100.

Благой Д. Д., История русской литературы XVIII века, изд. 2, Учпедгиз, М. 1951, стр. 261—273.

Коган Ю. Я., Свободомыслие Я. П. Козельского. Сборник статей «Вопросы истории религии и атеизма», АН СССР, М. 1950, стр. 155—187.

Макогоненко Г., Николай Новиков и русское Просвещение XVIII в., М.—Л. 1951, стр. 83—98, 118—121.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Соч., т. XXI, М.—Л. 1926, стр. 269.

Покровский В. С., История русской политической мысли, вып. 2, М. 1952, стр. 52—57.

Столлянский П., Один из незаметных деятелей екатерининской эпохи. Яков Павлович Козельский (историко-литературный материал). «Русская старина», т. 128, Спб., декабрь 1906 г., стр. 567—587.

Флоровский А. В., Из истории екатерининской законодательной комиссии, 1767. Вопрос о крепостном праве, Одесса 1910, стр. 126—129.

И. А. ТРЕТЬЯКОВ

СОЧИНЕНИЯ И. А. ТРЕТЬЯКОВА

Третьяков И., Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях..., М. 1768; перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оногo», ч. II, М. 1820, стр. 134—166, и в сокращённом виде в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 335—352.

Третьяков И., Слово о Римском правлении и о разных оногo перемен..., М. 1769.

Третьяков И., Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов..., М. 1772; перепечатано с некоторыми сокращениями в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 353—360.

ЛИТЕРАТУРА

Бак И. С., Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова. «Вопросы истории» № 9, 1954 г., стр. 104—113.

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения 12 января 1755 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку, ч. II, 1855, стр. 505—507.

Коркунов Н. М., История философии права, изд. 4, Спб. 1908, стр. 250.

Морошкин Ф. Л., Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции. «Ученые записки Московского университета» № 8, ч. III, 1834 г., стр. 232.

Пенчко Н. А., Основание Московского университета, М. 1953, стр. 135—140.

Святловский В. В., История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923, стр. 125—126.

Шевырев С., История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею... 1755—1855, М. 1855, стр. 134—141.

С. Е. ДЕСНИЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ С. Е. ДЕСНИЦКОГО

Десницкий С. Е., Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции..., М. 1768; перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного», ч. I, М. 1819, стр. 213—281, и с незначительными сокращениями в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 187—235.

Десницкий С. Е., Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются..., М. 1772; перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета...», ч. I, стр. 282—319, и в сокращённом виде в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 236—256.

Десницкий С. Е., Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими..., М. 1775; перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета...», ч. IV, М. 1823, стр. 292—324, и в сокращённом виде в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 257—267.

Десницкий С. Е., Посвящение и предисловие к переводу книги Боудена «Наставник земледельческий, или краткое Аглинского хлебопашества показание...», М. 1780.

Десницкий С. Е., Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития..., М. 1781; перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета...», ч. IV, стр. 367—398, и в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 268—286.

Десницкий С. Е., Примечания к переводу книги Блэкстона «Истолкования аглинских законов», т. I, 1780; т. II, 1781; т. III, 1782; перепечатано частично в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 287—291.

Десницкий С. Е., Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи (1768). «Записки императорской Академии наук по историко-филологическому отделению» № 4, т. VII, Спб. 1905, стр. 1—45; с незначительными сокращениями перепечатано в книге «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 292—332.

ЛИТЕРАТУРА

Бак И. С., С. Е. Десницкий — выдающийся русский социолог. «Вопросы философии» № 1, 1955 г., стр. 58—67.

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета..., ч. I, М. 1855, стр. 297—301.

Загряцков М., Общественно-политические взгляды С. Е. Десницкого. «Вопросы истории» № 7, 1949 г., стр. 101—112.

Коркунов Н. М., История философии права, изд. 4, Спб. 1908, стр. 245—251.

Морошкин Ф. Л., Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции, «Учёные записки Московского университета», № 8, ч. III, 1834, стр. 205—255.

Покровский В. С., История русской политической мысли, вып. 2, М. 1952, стр. 44—52.

Покровский С. А., Учение С. Е. Десницкого об обществе и государстве. «Труды Воронежского государственного университета», т. XIV, вып. 2, Воронеж 1947, стр. 78—101.

Русский биографический словарь, т. 6, Спб. 1905, стр. 331—335.

Святловский В. В., История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923, стр. 105—109, 125—126.

Сьромятников Б. И., С. Е. Десницкий — основатель науки русского правоведения. «Известия Академии наук СССР» № 3. Отделение экономики и права, 1945, стр. 33—40.

Шегырев С., История императорского Московского университета..., М. 1855, стр. 141—156, 181.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ НАРОДНЫХ МАСС В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ 1773—1774 гг.

(К главе 20)

ИСТОЧНИКИ

«Восстание Емельяна Пугачёва». Сборник документов, подготовлен к печати М. Мартыновым, Соцэкгиз, Л. 1935.

«Допрос Е. Пугачёва в Тайной экспедиции в Москве в 1774—1775 гг.». «Красный архив», т. 69—70, М. 1935, стр. 159—237.

«Допрос пугачёвского атамана А. Хлопуши». «Красный архив», т. 68, М. 1935, стр. 162—171.

«Допросы Пугачёву». «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. II, отд. 2, М. 1858, стр. 1—52.

- История Татарии в материалах и документах, Соцэкгиз, М. 1937, стр. 242—246.
- Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке, АН СССР, М.—Л. 1937.
- Новые материалы об участии крестьян Поволжья в восстании Е. И. Пугачёва. «Исторический архив» VIII, М. 1953, стр. 278—332.
- «Емельян Пугачёв в Нижнем Поволжье» (документы), Сталинград 1937.
- «Пугачёв в Среднем Поволжье и Заволжье», сост. А. Н. Лозанова. Под общ. редакцией М. Н. Мартынова, Куйбышев 1947.
- «Пугачёвщина», т. I. Из архива Пугачёва. Манифесты, указы и переписка. Центрархив, М.—Л. 1926.
- «Пугачёвщина», т. II. Из следственных материалов и официальной переписки. Центрархив, М.—Л., 1929.
- «Пугачёвщина», т. III. Из архива Пугачёва. Центрархив, М.—Л. 1931.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И., К деревенской бедноте. Соч., т. 6, стр. 384.
- Сталин И. В., Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом. Соч., т. 13, стр. 110—113.
- Вяткин М. П., Емельян Пугачёв. Стенограмма публичной лекции, Л. 1951.
- Дубровин Н. Ф., Пугачёв и его сообщники, т. I—III, Спб. 1884.
- Жижка М. В., Емельян Пугачёв. Под ред. В. И. Лебедева, изд. 2, М. 1950.
- Кашинцев Д., История металлургии Урала, т. 1, М.—Л. 1939.
- Левшин А., Историческое и статистическое обозрение уральских казаков, Спб. 1823, стр. 24—40.
- Лебедев В. И., К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII—XVIII вв. «Вопросы истории» № 6, 1954 г., стр. 90—98.
- Лебедев В. И., Крестьянская война под руководством Емельяна Пугачёва. Стенограмма публичной лекции, М. 1951.
- Мартынов М., Пугачёвский атаман Иван Белобородов на Урале. «Исторический журнал» № 5—6, 1943 г., стр. 33—40.
- Муратов Х. И., Крестьянская война 1773—1775 гг. в России, Воениздат, М. 1954.
- Нечкина М., Крестьянские восстания Разина и Пугачёва в концепции М. Н. Покровского. «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Сборник статей, ч. 1, АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 244—275.
- Николаенко А., Вождь башкирского народа, пугачёвский бригадир Салават Юлаев. «Исторический журнал» № 11, 1940 г., стр. 77—88.
- Петров С., Пугачёв в Пензенском крае. Под редакцией и со вступительной статьёй А. М. Панкратовой. Пенза 1950.
- Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Соч., т. XXI, стр. 282—289.
- Покровский М. Н., Русская история с древнейших времён, т. III, М. 1933, стр. 100—129.
- Покровский М., Предисловие к сборнику документов «Пугачёвщина», т. I, Центрархив, М.—Л. 1926, стр. 3—13.
- Прусак А. В., Заводы, работавшие на Пугачёва. «Исторические записки» № 8, 1940 г., стр. 174—207.
- Пушкин А. С., История Пугачёва. Полное собрание сочинений, АН СССР, т. VIII, М.—Л. 1951, стр. 143—578.
- «Салават Юлаев, к 200-летию со дня рождения», Уфа 1952.

А. Н. РАДИЩЕВ

(К главе 21)

СОЧИНЕНИЯ А. Н. РАДИЩЕВА

Радищев А. Н., Полное собрание сочинений, редакция, вступительная статья и примечания В. В. Каллаша, т. I—II, изд. В. М. Саблина, М. 1907.

Радищев А. Н., Полное собрание сочинений под редакцией проф. А. К. Бороздина и др., т. 1—2, изд. М. Акинфиева, Спб. 1907.

Радищев А. Н., Полное собрание сочинений, АН СССР, М.—Л., т. 1 (1938), т. 2 (1941), т. 3 (1952).

Радищев А. Н., Путешествие из Петербурга в Москву, т. I—II, Academia, 1935.

Радищев А. Н., Избранные сочинения, М.—Л. 1949.

Радищев А. Н., Избранные философские сочинения, Госполитиздат, 1949.

«Радищев А. Н. Материалы и исследования», АН СССР, М.—Л. 1936.

«Радищев А. Н. Статьи и материалы», изд. Ленинградского государственного университета, 1950.

«Материалы для истории дела Радищева». Полное собрание сочинений А. Н. Радищева, под ред. В. В. Каллаша, т. II, М. 1907; Избранные сочинения, М.—Л. 1949.

Радищев А. Н., Письма. См. «Архив князя Воронцова», кн. V, М. 1872, стр. 284—444; кн. XII, 1877, стр. 403—446.

«А. Н. Радищев» (к 200-летию со дня рождения), Музей А. Н. Радищева в селе Верхнем Аблязове, Пензенской области, Пенза 1949.

«Александр Николаевич Радищев, 1749—1802. 200 лет со дня рождения», Саратовский Государственный художественный музей имени А. Н. Радищева, Саратов 1949.

Радищев А. Н., Стихотворения, Л. 1953.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И., О национальной гордости великороссов. Соч., т. 21.

Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся? Соч., т. 2.

Сталин И. В., Тов. Демьяну Бедному. (Выдержки из письма.) Соч., т. 13, стр. 23—27.

Анучин Д. Н., Судьба первого издания «Путешествия» Радищева, М. 1918.

Антонович И., Предисловие к 8-му тому «Истории XVIII и XIX столетия» Шлоссера, Спб. 1871, стр. XXVII—XXXVIII.

Бабкин Д. С., Професс А. Н. Радищева, АН СССР, М.—Л. 1952.

Бабкин Д. С., Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву». В книге А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Л. 1949.

Бак И., Возникновение русской сельскохозяйственной экономики. «Социалистическое сельское хозяйство», № 9, 1945 г., стр. 53—62.

[*Барсков Я. Л.*], Книги из собрания А. Н. Радищева. «Дела и дни», кн. 1, Пгр. 1920, стр. 397—402.

Барсков Я., Литературное наследство А. Н. Радищева и Н. И. Новикова. «Литературное наследство» № 9—10, М. 1933 г., стр. 340—358.

Барсков Я. Л., Переписка московских масонов XVIII века, 1780—1792 гг., изд. Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, Пгр. 1915.

Барсков Я. Л., А. Н. Радищев. Жизнь и личность. В книге А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Academia, 1935, т. II, Материалы к изучению «Путешествия».

Барсков Я. Л., А. Н. Радищев, «Торжок», в сб. «XVIII век», сб. 2, М.—Л. 1940, стр. 54—76.

Бетяев Я., Политические и философские взгляды А. Н. Радищева. «Под знаменем марксизма» № 8, 1938 г., стр. 81—110.

Благой Д., Александр Радищев. 1749—1949, Государственное издательство художественной литературы, М. 1949.

Благой Д. Д., История русской литературы XVIII века, М. 1946.

Бланкфельд Ю., А. Н. Радищев о земледелии. «Советская агрономия» № 7, 1949 г., стр. 90—92.

Бобровникова В. К. и Юдина Н. В., Из истории борьбы за развитие отечественной науки и просвещения в XVIII—XIX вв. «Советская педагогика» № 7, 1949 г., стр. 29—42.

Вайншенкер П. Л., О недавно обнаруженном первопечатном экземпляре «Путешествия из Петербурга в Москву». «Известия Академии наук СССР», Отделение литературы и языка, т. II, вып. 5, АН СССР, М. 1952, стр. 421—427.

Васецкий Г. и Иовчук М., Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв., Госполитиздат, 1942.

Виленская Э. С., Радищев — первый идеолог крестьянской революции. «Исторические записки» № 34, 1950, стр. 288—320.

Герцен А. И., Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Полное собрание сочинений и писем, т. VIII, Пгр. 1919, стр. 429—484.

Герцен А. И., О статье Пушкина «А. Радищев». Полное собрание сочинений и писем, т. IX, Пгр. 1919, стр. 270—277.

Герцен А. И., Полное собрание сочинений и писем, т. XVII, Пгр. 1922, стр. 223 и сл.; т. XX, М. — Пгр. 1923, стр. 314 и сл.

Головина А., Александр Радищев. Красноярск 1936.

Горбунов М. А., Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева, Госполитиздат, 1949.

Горбунов М. А., Философские и социологические воззрения А. Н. Радищева. «Учёные записки Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)», 1949, вып. V, стр. 36—68.

Елеонский С. Ф., Книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». «Знание», М. 1952.

Замятин В. Н., Социально-экономические взгляды А. Н. Радищева (1749—1949), Воронеж 1949.

[Ильинский С. Н.], Из записок Николая Степановича Ильинского. «Русский архив» № 12, 1879 г., стр. 377—434.

Иовчук М. Т., А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву». «Советская наука» № 6, 1940 г., стр. 17—30.

Из истории сибирской ссылки А. Н. Радищева. «Литературное наследство» № 9—10, Л. 1933.

«История СССР», т. 1. С древнейших времён до конца XVIII в., под ред. академика Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, В. И. Лебедева, изд. 2, Госполитиздат, М. 1947.

«История Москвы», т. II, «Период феодализма», XVIII век, АН СССР, М. 1953, стр. 422—552.

Казакевич Т. А., Мирозозрение А. Н. Радищева. «Вестник Ленинградского университета» № 10, 1948 г.

Каширин П., Атеизм Радищева. «Антирелигиозник» № 6, 1938 г.

Ключевский В., Курс русской истории, ч. V, Соцэкгиз, М. 1937.

Кулакова Л., А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества, Л. 1949.

Лаппо-Данилевский А., Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II, Спб. 1898.

- Лихачёв Д.*, Академическое собрание сочинений А. Н. Радищева. «Книжные новости» № 24, 1938 г.
- Либрович С. Ф.*, История книги в России, ч. 2, изд. Вольф, М. 1914, гл. XXII.
- Лодыженский К.*, История русского таможенного тарифа, Спб. 1886.
- Лонгинов М. Н.*, Новиков и московские мартинисты, М. 1867.
- Лосский А.*, Радищев А. Н. «Русский биографический словарь», т. «Притвиц — Рейс», Спб. 1910, стр. 382—388.
- Луначарский А.*, Александр Николаевич Радищев — первый пророк и мученик революции, Пгр. 1918.
- Любомиров П. Г.*, «Описание моего владения». См. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», АН СССР, М.—Л. 1936, стр. 193—209.
- Любомиров П. Г.*, Род Радищева. См. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», АН СССР, М.—Л. 1936, стр. 291—351.
- Люсиновский Н.*, «Зловредная книга». «Книга и пролетарская революция» № 7—8, 1939 г.
- Лященко П. И.*, История народного хозяйства СССР, т. 1, Госполитиздат, 1952, стр. 423—424.
- «Листовки петербургских большевиков 1902—1917», т. 1, Госполитиздат, 1939, стр. 16—17.
- [*Masson*], Mémoires secrètes sur la Russie et particulièrement sur la fin de règne de Cathérine II, le commencement de celui de Paul I, Paris 1800, p. 188—189.
- Макогоненко Г. П.*, А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества, Государственное издательство художественной литературы, М. 1949.
- Макогоненко Г.*, Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века, Государственное издательство художественной литературы, М.—Л. 1951.
- Макогоненко Г.*, Александр Радищев. Вступительная статья к книге *Радищев А. Н.*, Избранные сочинения, Государственное издательство художественной литературы, М. 1952, стр. 111.
- Макогоненко Г. П.*, О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, в сборнике «XVIII век», М.—Л. 1940, стр. 25—53.
- Мялковский В.*, К истории цензурных гонений на сочинения А. Н. Радищева. «Русский библиофил» № 3, 1914 г., стр. 49—59.
- Москаленко Ф.*, Великий предшественник декабристов. «Литературный Воронеж» № 4, 1940 г., стр. 150—168.
- Муратов М.*, Жизнь Радищева, Детгиз, М.—Л. 1949.
- Наумова-Широких В.*, Радищев в Томске. Сборник «Томск», 1945. Новый список биографии А. Н. Радищева. «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. 2, 1912.
- «Оснадцатый век». Исторический сборник, изд. П. Бартевым, т. I—IV, М. 1868—1869.
- Орлов Вл.*, Радищев и русская литература, Государственное издательство художественной литературы, М. 1949.
- Орлов Вл.*, Русские просветители 1790—1800-х годов, Государственное издательство художественной литературы, изд. 2, 1953.
- Ошерович Б. С.*, Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (2 половина XVIII в. — 1 четверть XIX в.), М. 1946, стр. 149—233.
- Пашков А.*, К изучению истории русской экономической мысли. «Вопросы экономики» № 7, 1948 г., стр. 75—89.
- Покровский В.*, Александр Николаевич Радищев. Его жизнь и сочинения, М. 1907.
- Покровский В. С.*, Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева, изд. Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, 1952.

Покровский В. С., История русской политической мысли (конспект лекций), Государственное издательство юридической литературы, вып. 2, М. 1952, стр. 60—85.

«Поэты-радищевцы», «Советский писатель», 1935.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Соч., т. XXII, гл. XIII, М.—Л. 1925, стр. 333—364.

[*Плеханов Г. В.*], Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник VI. Литература, критика и русская философия, под ред. П. Ф. Юдина, М. Т. Иовчука, Р. М. Плехановой, Соцэкгиз, М. 1938, стр. 320—328.

Приказчикова Е. В., Экономические взгляды А. Н. Радищева (1749—1802). «Известия Академии наук СССР», Отделение экономики и права, № 3, 1946 г., стр. 248—260.

Приказчикова Е. В., Экономические взгляды А. Н. Радищева, М.—Л. 1947; изд. 2, АН СССР, М.—Л. 1949.

Приказчикова Е. В., А. Н. Радищев — зачинатель революционно-демократического направления русской экономической мысли. К 200-летию со дня рождения. «Вопросы экономики» № 9, 1949 г., стр. 34—53.

Пушкин А. С., Александр Радищев. Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, М.—Л. 1951.

Пушкин А. С., Путешествие из Москвы в Петербург. Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, М.—Л. 1951.

Пушкин, Заметка о Радищеве, в книге «Временник Пушкинского дома», 1914.

Пылин А. Н., Русская наука и национальный вопрос в XVIII веке, т. III. «Вестник Европы», кн. V, май 1884 г., стр. 212—256; июнь 1884, стр. 548—600.

Пылин А., Крылов и Радищев. «Вестник Европы», т. V, 1868 г., стр. 419—436.

[*Радищев П. А.*], А. Н. Радищев. [Новая редакция биографии его], в книге *В. П. Семенников*, Радищев. Очерки и исследования 1923, стр. 196—240.

Ракушева Л. Ф., Великие русские просветители о естественно-научной пропаганде, Л. 1947.

Светлов Л., А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века. «Из истории русской философии XVIII—XIX веков», изд. МГУ, 1952, стр. 38—84.

Святловский В. В., История экономических идей в России, т. 1, Пгр. 1923.

Святловский В. В., Очерки по истории экономических воззрений на Западе и в России, ч. 1, Спб. 1913.

Семевский В. И., Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, II, Спб. 1901—1903.

Семевский В. И., Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. 1, Спб. 1888.

Семенников В. П., Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании, Пгр. 1922.

Семенников В. П., Когда Радищев задумал «Путешествие»? М. 1916.

Семенников В. П., Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, М. 1921.

Семенников В. П., Литературно-общественный круг Радищева. См. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», АН СССР, М.—Л. 1936, стр. 211—289.

Семенников В. П., Радищев. Очерки и исследования, Госиздат. М.—Пгр. 1923.

Серафимович С., Очерки русских правов в старинной Сибири. «Отечественные записки», т. 175, 1867, стр. 232—272.

- Симзович М.*, Радищев А. Н. «Большая советская энциклопедия», т. 48, стр. 76—81.
- Сакулин П. Н.*, Пушкин и Радищев, М. 1920.
- Смирнов-Сокольский Ник.*, Заметки библиофила. «Новый мир» № 8, 1949 г., стр. 247—255.
- Смолянов И. Д.*, Библиография А. Н. Радищева. Сборник «Советская библиография» № 1, 1941 г., стр. 118—133.
- Смолянов И. Д.*, Великий писатель-революционер Александр Николаевич Радищев. К 200-летию со дня рождения, Псков 1949.
- Смолянов И.*, Из разысканий о Радищеве. Сборник «Радищев», 1950, стр. 246—257.
- Степанов Н. Л.*, Пушкин и Радищев, изд. «Правда», М. 1949.
- Спасский Ю.*, А. Н. Радищев и его время. «Октябрь» № 4, М. 1935 г.
- Сухомлинов М. И.*, А. Н. Радищев. См. его «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению», т. 1, Спб. 1889, стр. 539—671.
- Сырмаятшиков Б.*, Радищев Александр Николаевич. «Энциклопедический словарь Гранат», т. 35, стр. 437—444.
- Тихонравов Н. С.*, Русская литература XVIII и XIX вв. Соч., т. III, ч. 1, М. 1898.
- Торбин М.*, А. Н. Радищев о воспитании и образовании. «Советская педагогика» № 11—12, 1939 г.
- Троцкий И. М.*, Законодательные проекты А. Н. Радищева. См. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», АН СССР, М.—Л. 1936, стр. 7—140.
- [Трубецкой С. П.]*, Записки князя С. П. Трубецкого, Спб. 1907.
- [Тучков С. А.]*, Записки Сергея Алексеевича Тучкова, 1766—1808, под ред. и со вступительной статьёй К. А. Военского, Спб. 1908.
- Ульянский А. И.*, Радищев в Петербурге. Памятные места. К 190-летию со дня рождения, Л. 1939.
- Финкельштейн Н. А.*, «Письмо о Китайском торге» Радищева. «Учёные записки Свердловского государственного педагогического института», вып. 2, Свердловск 1939, стр. 261—276.
- Фирсов Н. Н.*, Вопрос о причинах падения вексельного курса России и о средствах к его возвышению в царствование Екатерины II. «Исторические характеристики и эскизы», т. I, Казань 1922, стр. 188—241.
- Форш О.*, Радищев. Роман, Л. 1939, 1954.
- Храповицкий А.*, Замечательные места Пензенской области. Пенза 1943.
- [Храповицкий А. В.]*, Дневник А. В. Храповицкого 1782—1793, Спб. 1874.
- Цаголов Н.*, У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции в России. «Вопросы экономики» № 3, 1949 г., стр. 45—61.
- [Челищев П. И.]*, Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева, Спб. 1886.
- Чернышевский Н. Г.* [Рецензия на «Записки Льва Николаевича Энгельгардта»]. Полное собрание сочинений, т. VI, Спб. 1906, стр. 353.
- Чечулин Н. Д.*, Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, Спб. 1906.
- Шапиро А. Л.*, Записки о Петербургской губернии А. Н. Радищева. «Исторический архив» V, М.—Л. 1950, стр. 190—287.
- Шмаков Ал.*, Александр Николаевич Радищев, Ташкент 1949.
- Шмаков Ал.*, Пушкин и Радищев. «Звезда Востока» № 6, 1949 г.
- Шмаков Александр*, Неизвестные служебные бумаги А. Н. Радищева, «Южный Урал», литературно-художественный альманах № 11, 1954; № 12, 1955, Челябинск.

Шмаков Ал., Петербургский изгнанник. Исторический роман, кн. 1, Новосибирск 1951; кн. 2, Новосибирск 1953.

Шмаков А., Радищев в Сибири, Иркутск 1952.

Щеголев П. Е., Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева (1789). «Минувшие годы» № 12, 1908 г., стр. 191—209.

Щепетов К. Н., Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885), изд. дворца-музея Останкино, М. 1947.

Щипанов И. Я., А. Н. Радищев. Предисловие к книге *Радищев А. Н.*, Избранные философские сочинения, Госполитиздат, 1949, стр. 5—36.

Щипанов И., О втором томе сочинений Радищева. «Большевик» № 1, 1945 г.

Шугуров М. Ф., О Радищеве. «Русский архив», М. 1872, стр. 927—953.

Шторм Г., Страницы морской славы, Воениздат, М. 1954.

Якушкин В. Е., Суд над русским писателем в XVIII веке. К биографии А. Н. Радищева. «Русская старина», т. XXXV, 1882 г.

Якушкин В. Е., Радищев и Пушкин, М. 1886.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
---------------------------	---

Раздел I

ПЕРИОД РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

<i>Глава первая. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ И ЕЁ КЛАССОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ</i>	30
✓ Экономика Киевской Руси. Классовая структура общества	—
Экономические представления восточных славян	34
Принципы экономической политики киевских князей	38
Экономические идеи в «Правде Русской»	43
Церковь на службе феодального строя	51
Экономические идеи в былинном творчестве народа	56

Раздел II

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ СТРАНЫ

<i>Глава вторая. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ЭПОХУ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ</i>	60
✓ Характеристика экономики. Классы и классовая борьба	—
Принципы экономической политики князей	64
Экономические вопросы в литературе церковников. Ересь «стригольников»	84
Экономические вопросы в светской литературе. Афанасий Никитин и его «Хождение за три моря»	92

Раздел III

ПЕРИОД ЛИКВИДАЦИИ РАЗДРОБЛЕННОСТИ СТРАНЫ

<i>Глава третья. ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИВАНА III</i>	100
✓ Изменения в экономике и образование Русского централизованного государства	—
Принципы экономической политики Ивана III	106

<i>Глава четвёртая.</i> ИДЕЙНАЯ БОРЬБА ПО ВОПРОСУ О МОНАСТЫРСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ЕРЕСЕЙ» XVI в.	114
Борьба вокруг вопроса о монастырском землевладении	—
Экономическое содержание «ересей» XVI в. Матвей Башкин, Феодосий Косой	129
<i>Глава пятая.</i> ИДЕОЛОГИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА	139
И. С. Пересветов	—
Ермолай-Еразм	146
<i>Глава шестая.</i> ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИВАНА ГРОЗНОГО	157
Политика в области землевладения. Усиление крепостного права	—
Принципы торговой и финансовой политики	179
<i>Глава седьмая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ В «ДОМОСТРОЕ»	190

Р а з д е л IV

ПЕРИОД ПОЛНОГО ЗАКРЕПОЩЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА, ОБРАЗОВАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА И ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАНУФАКТУРЫ

<i>Глава восьмая.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XVII в. ТРЕБОВАНИЯ МАСС В ПЕРИОД ПЕРВЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН	197
Экономика России. Экономическая политика	—
Экономические требования восставшего крестьянства	206
Экономические требования купечества	212
Экономические взгляды идеологов боярства первой половины XVII в.	215
Экономические взгляды идеологов дворянства	218
<i>Глава девятая.</i> ИДЕОЛОГ БОРЬБЫ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ РОССИИ А. Л. ОРДЫН-НАЩОКИН	225
Общая характеристика политико-экономических взглядов А. Л. Ордын-Нащокина	—
Принципы торговой политики	232
Принципы финансовой политики	240
Принципы политики в области промышленности, путей сообщения и связи	243
<i>Глава десятая.</i> ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. ТРЕБОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС В ВОССТАНИИ 1707—1708 гг.	247
Состояние России к началу XVIII в. и реформы Петра I. Экономическая политика во второй четверти XVIII в.	—
Требования восставшего крестьянства	257
<i>Глава одиннадцатая.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I	264
Взгляды Петра I на экономическую роль государства	—
Принципы промышленной и торговой политики	269
Принципы финансовой политики	285

Пётр I и крепостное право. Политика в области сельского хозяйства	293
Попытки распространения экономических знаний	300
Место Петра I в истории экономической мысли	303
<i>Глава двенадцатая. ИДЕОЛОГ КУПЕЧЕСТВА И. Т. ПОСОШКОВ И ЕГО «КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ»</i>	<i>318</i>
Общая характеристика экономической программы И. Т. Посошкова	—
О торговле и промышленности	332
Отношение Посошкова к крепостному праву	339
О финансах	349
Историческое место и роль И. Т. Посошкова в развитии экономической мысли	357
<i>Глава тринадцатая. ДВОРЯНСКИЕ ИДЕОЛОГИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. — Ф. С. САЛТЫКОВ, А. П. ВОЛЫНСКИЙ, В. Н. ТАТИЩЕВ</i>	<i>362</i>
Проекты экономических реформ в записках Ф. С. Салтыкова «Инструкция» А. П. Волынского как памятник идеологии эпохи	—
Экономические воззрения В. Н. Татищева	377
	385
<i>Глава четырнадцатая. М. В. ЛОМОНОСОВ В БОРЬБЕ ЗА РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РОССИИ</i>	<i>402</i>
О промышленном развитии России	406
О сельском хозяйстве	409
О торговле	411
Проект Северного морского пути	414
Экономико-географические и статистические труды	417
«О сохранении и размножении российского народа»	422

Раздел V

ПЕРИОД НАЧАЛА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА

<i>Глава пятнадцатая. ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕЧЕНИЯ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В 60—90-х ГОДАХ XVIII в.</i>	<i>432</i>
Экономика России во второй половине XVIII в.; классовая борьба	—
Принципы экономической политики. Борьба направлений экономической мысли	443
<i>Глава шестнадцатая. РЕАКЦИОННЫЕ И КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕОЛОГИ ДВОРЯНСТВА</i>	<i>458</i>
Апология крепостного строя в «Наказе» Екатерины II	—
Борьба против развития мануфактуры в России — А. П. Сумароков	461
Крайний крепостник М. М. Щербатов	465
<i>Глава семнадцатая. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХОЗЯЙСТВА РОССИИ П. И. РЫЧКОВ; ЕГО ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ</i>	<i>481</i>
<i>Глава восемнадцатая. ИДЕОЛОГ КУПЕЧЕСТВА М. Д. ЧУЛКОВ</i>	<i>490</i>
Краткий обзор произведений	—
О значении и необходимости развития промышленности в России	495

О значении торговли и роли купечества	503
О денежном обращении и кредите	508
О сельском хозяйстве. Проблема организации крепостного труда	512
Глава девятнадцатая. НАЧАЛО КРИТИКИ КРЕПОСТНОГО СТРОЯ	519
Книга Д. А. Голицына «О духе экономистов» и его письма	—
А. Я. Поленов о крепостном состоянии крестьян в России.	534
Экономические воззрения философа-просветителя Я. П. Козельского	544
Выступления депутата Комиссии об Уложении Я. П. Козельского	553
И. А. Третьяков о причинах обогащения государств	558
Социологические взгляды и экономические предложения С. Е. Десницкого	570
Глава двадцатая. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ НАРОДНЫХ МАСС В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ 1773—1774 гг.	588
Предпосылки крестьянской войны; её участники	—
Манифесты и указы Пугачёва	592
Экономические мероприятия Военной коллегии Пугачёва	598
Глава двадцать первая. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ ЛИКВИДАЦИИ КРЕПОСТНИЧЕСТВА — А. Н. РАДИЩЕВ	606
Общая характеристика произведений А. Н. Радищева	—
Борьба А. Н. Радищева за свержение самодержавия	628
Анализ и революционная критика крепостного строя. Решение вопроса о земле	633
О развитии промышленности	658
О торговле, цене товара и прибыли	665
О деньгах и кредите	678
Критика налоговой политики государства	686
Место А. Н. Радищева в истории экономической мысли	693
Библиография	700

СПИСОК

портретов, помещённых в т. I, ч. 1

1. Иван III	7. М. В. Ломоносов
2. Иван IV	8. П. И. Рычков
3. Степан Разин	9. М. Д. Чулков
4. А. Л. Ордын-Нащокин	10. Емельян Пугачёв
5. Пётр I	11. А. Н. Радищев
6. В. Н. Татищев	

*Отзывы и пожелания читателей просим
направлять по адресу: Москва, В-71, Б. Калужская, 15,
Госполитиздат, редакция литературы
по экономике капитализма.*

Редактор *И. Жук*

Оформление художника *С. Сергеева*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Ответственные корректоры *В. Генгут* и *О. Скрылева*

Слано в набор 7 июля 1954 г. Подписано в печать 5 апреля 1955 г. Формат 60 × 92¹/₁₆.
Физ. печ. л. 47¹/₄ + (11 вклеек) 1³/₈. Условн. печ. л. 48⁶/₈. Учётно-изд. л. 50,1.
Тираж 50 тыс. экз. А 01079.
Заказ № 1399. Цена 13 р. 45 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
318	11-я снизу	в Москве	под Москвою
634	4-я сверху	помещиков	помещика
687	9-10-я снизу	питейный и соляной таможенные сборы	питейный, соляной и таможенные сборы
748	27 снизу	стр. 111.	стр. III.

«История русской экономической мысли», т. I, ч. 1.

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

ТОМ I

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ